1909 г.

№ 4 – 6

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XL-й. АПРѢЛЬ. 1909 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М. 3—27

II. Изъ прошлаго. Русскія войска передъ Константинополемъ въ 1878 г. П. Паренсова. . . . . 31—36

III. Мои воспоминанія о Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Князя Д. А. Оболенскаго. 37—62

IV. И. С. Тургеневъ и его не литературные друзья. Сообщ. Н. Гутьяръ. . . 63—70

V. Изъ пастырскаго быта сельскаго священника. (Ad. futuram memoriam). Прот. В. Иващенко. . . 71—80

VI. Записка о допущеніи кандидата Грановскаго къ экзамену на высшую ученую степень. Сообщ. М. Гершензонъ. . . . 81—82

VII. М. И. Драгомировъ и время передъ войной 1877—78 гг. Изъ воспоминаній. А. Е. К. 83—96

VIII. Портретъ А. М. Жемчужникова, нарисованный имъ самимъ А. В. Жиркевичу. Сообщ. А. Жиркевичъ. . . . . 97—108

IX. Въ походѣ и бою на броненосцѣ «Адмиралъ Ушаковъ». И. А. Дитлова. 109—145

X. Записки сенатора Есиповича . . . . . 146—160

XI. Устроители Болгаріи: князь Черкасскій, князь Дондуковъ-Корсаковъ и Столыпинъ. Н. Овсянаго. . 161—180

XII. Изъ Владивостока въ С.-Франциско и на Сандвичевы острова (Изъ воспоминаній кругосвѣтнаго плаванія на крейсерѣ „Африка“). В. Руднева. . 181—188

XIII. † И. Е. Забѣлинъ. В. В. . 189—191

XIV. Замѣтки о Пушкинѣ. Н. Лернера. . . . . 192—210

XV. Записки графа Л. Л. Беннигсена. О кампаніи 1812 года. Сообщ. В. Т. 211—218

XVI. Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера. . . . . 219—227

XVII. Изъ записной книжки «Русской Старины»:
а) Какъ Тиммерманъ и кумпанства строили корабли въ Воронежѣ. (Письма 1698 года). Сообщ. Н. Суворовъ. . . . . 28—30

XVIII. Библіографическій листокъ. (на оберткѣ).

Приложеніе: портретъ **Ольги Алексѣевны Новиковой.**

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1909 года.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ, отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ на Фонтанкѣ д. № 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Надежда». Почтамтская, 13.
1909.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1909 года.

Библіографическій листокъ.

Записки Сергѣя Алексѣевича Тучкова. 1766—1808. Подъ редакціей и со вступительной статьею К. А. Военскаго. Спб. 1908.

Интереснѣйшія воспоминанія С. А. Тучкова, выдающагося дѣятеля трехъ царствованій, екатерининскаго, павловскаго и александровскаго, были напечатаны три года назадъ въ приложеніи къ „Русскому Вѣстнику“. Это было изданіе небрежное, не научное. Отъ второго изданія мы въ правѣ были ожидать исправленія недостатковъ перваго. Между тѣмъ, оказывается, второе изданіе, редактированное г. Военскимъ и неряшливо отпечатанное, гораздо хуже перваго. При самомъ бѣгломъ, отнюдь не строка за строкою, сличеніи обоихъ изданій убѣждаешься, что „редакція“ г. Военскаго свелась исключительно къ сокращенію текста перваго изданія. „Я уже сказалъ въ статьѣ о музыкѣ“, читаемъ съ недоумѣніемъ на 16-й страницѣ новаго изданія, рѣшительно ничего о музыкѣ не встрѣтивъ на предыдущихъ пятнадцати; недоумѣніе разъясняется первымъ изданіемъ, гдѣ находимъ нѣсколько посвященныхъ народной музыкѣ страницъ, неизвѣстно почему исключенныхъ изъ второго изданія. Всего пропущено нѣсколько десятковъ страницъ, и ни одинъ пропускъ не только не оправданъ (да чѣмъ и оправдать такое вандальское обращеніе съ драгоцѣннымъ историческимъ памятникомъ!), но даже не отмѣченъ хоть самой краткой оговоркой. При такомъ крупномъ, основномъ недостаткѣ, обличающемъ непониманіе значенія подобныхъ изданій, новое изданіе записокъ Тучкова вызываетъ недовѣріе къ себѣ и въ другихъ отношеніяхъ, и мало-мальски серьезный научный работникъ вынужденъ будетъ его игнорировать. Нечего говорить объ отсутствіи указателя именъ. Въ своемъ вступительномъ очеркѣ г. Военскій даже словомъ не обмолвился о рукописи, съ которой записки печатались. Интересно знать, что останется отъ злополучныхъ записокъ, если г. Военскій еще разъ возьмется „редактировать“ ихъ... А жаль: записки Тучкова стоятъ лучшаго отношенія; въ нашей исторической литературѣ мало мемуаровъ такого выдающагося значенія.

Архивъ Раевскихъ. Томъ I. Изданіе П. М. Раевскаго. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. СПБ. 1908.

„Счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посереди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу русскаго войска, я въ немъ видѣлъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасною душою, снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе нежели извѣстенъ. Всѣ его дочери прелесть, старшая — женщина необыкновенная“... Это говорилъ о семьѣ Раевскихъ Пушкинъ, такъ умѣвшій „въ душѣ своей благословлять своихъ друзей“. Въ русскомъ обществѣ первой половины XIX столѣтія эта семья занимала выдающееся почетное положеніе. Раевскіе были сродни Ломоносову, Потемкину, Ермолову, А. Н. Самойлову, Браницкимъ, Давыдовымъ; двѣ дочери Раевскаго были за членами тайнаго общества М. Ѳ. Орловымъ и кн. С. Г. Волконскимъ; судьба послѣдней увѣковѣчена знаменитыми „Русскими женщинами“ Некрасова.н Старшій сынъ его извѣстенъ въ качествѣ пушкинскаго Демона, младшій былъ славный командиръ нижегородскихъ драгунъ; оба они еще дѣтьми участвовали въ Отечественной войнѣ. Архивъ этой прекрасной семьи, изъ котораго много документовъ давно уже и не разъ появлялись въ печати,— драгоцѣнное достояніе исторіи, и издатель, котораго поблагодаритъ и ученый работникъ, и простой читатель, правъ, говоря, что сборникъ „представляетъ, кромѣ чисто-семейнаго, и общій историческій интересъ“. Въ немъ много интереснаго о войнѣ двѣнадцатаго года, о завоевательной кавказской войнѣ, о нѣкоторыхъ дѣятеляхъ тайнаго общества. Примѣчанія г. Модзалевскаго очень хороши, но, къ сожалѣнію, слишкомъ кратки. Письмо Пушкина, относящееся къ 1821 г. (стр. 221—224), не могло быть обращено къ А. Н. Раевскому; къ тому же его нѣтъ въ архивѣ Раевскихъ, и оно просто перепечатано изъ академическаго изданія переписки Пушкина. Гораздо вѣроятнѣе, что оно было писано В. Л. Давыдову, впослѣдствіи одной изъ жертвъ декабрьскаго дѣла.

Н. Л.

ЦЕНТРАЛЬН. ШКОЛЬН. БИБЛИОТ.
при Ряз. Губ. Отд. Народн. Просвещ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Ольга Алексѣевна
Новикова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1909 годъ.

Вступая въ 1909 году на сороковой годъ своего существованія, „**Русская Старина**", благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ **1909** году:

А. Ѳ. Кони—«Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля»,—«Житейскія встрѣчи». Изъ архива А. Ѳ. Кони.—«Письма А. И. Чупрова съ предисловіемъ и др.». **П. О. Пирлинга**—«Папскій представитель при русскомъ дворѣ Lorenzo Litta 1797—1799». **Г. П. Георгіевскаго**—«Гоголь въ его новыхъ письмахъ». **Князя Д. А. Оболенскаго** — «Мои воспоминанія о великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ». Воспоминанія **И. И. Янжула** «О пережитомъ и видѣнномъ» 1894—1909 гг. **П. М. Ковалевскаго**—«Встрѣча на жизненномъ пути», «Николай Алексѣевичъ Некрасовъ», «Власти предержащія», «У Черныша моста», «Въ Главномъ Адмиралтействѣ», «На Мойкѣ». **Г. К. Градовскаго**—«Изъ минувшаго». Записки сенатора Есиповича. Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова**—«Генералъ Моро въ русскихъ войскахъ». **М. В. Безобразовой** — «Дневникъ академика В. П. Безобразова». П. Д. Паренсова. Изъ прошлаго: «Русскія войска передъ Константинополемъ въ 1878 г.» **Н. Р. Овсянаго**—«Устроители Болгаріи: Кн. Черкасскій, Кн. Дондуковъ-Корсаковъ, ген. Столыпинъ».—Записки основателя «Русской Старины»—**М. И. Семевскаго. Д. А. Скалона** — «На службѣ при Е. И. В. Главнокомандующемъ В. К. Николаѣ Николаевичѣ 1864—1876 гг.». **В. А. Шомпулева**—«Изъ записокъ стараго помѣщика». Ѳ. Г. Тернера «Воспоминанія жизни». **П. Д. Зотова**—«Война за независимость славянъ 1877 — 1878 г.». **А. Ф. Петрушевскаго**—«Первые годы службы». **В. Ф. Руднева**—На крейсерѣ «Африка». **В. Д. Корсаковой**—«Дипломатическія депеши датскаго посланника Вестфалена о воцареніи Императрицы Анны Іоанновны». **Л. Л. Дракe**—«Въ Финляндіи». **Н—ъ**—«Изъ манджурской арміи въ нѣдра читинской революціи». **А. Воронова**—«Воспоминаніе о гр. Э. И. Тотлебенѣ».—Записки артиста Петербургской оперной группы, Солиста Е. В., И. А. Мельникова». **И. И. Оноре**—«11 лѣтъ въ театрѣ».—Письма П. И. Чайковскаго И. А. Мельникову. **Дитлова**—«Въ походѣ и въ бою на «Адмиралѣ Ушаковѣ». **Крылова**—«Какъ бѣднѣла деревня». **А. М. Лебедева**—«Митрополитъ Филаретъ».—Воспоминанія **Тургенева, Де-Санглена, Леваковскаго, Юдина, Семенова** и др.; **А. А. Чебышева**—Письма П. А. Катенина Н. Н. Батхину. Воспоминанія изъ русско-японской войны и изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 г.

1909.

АПРѢЛЬ,—МАЙ,—ІЮНЬ.

СОРОКОВОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

25304
19 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Надежда». Почтамтская, 13.
1909.

Депутатъ отъ Россіи [1]).

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

Глава II [2]).

Бытъ общественный и политическій.

Въ 1860 г. Ольга Алексѣевна Кирѣева вышла замужъ за Ивана Новикова, тогда полковника генеральнаго штаба, вскорѣ произведеннаго въ генералы и назначеннаго состоять при великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ, братѣ Императора Александра II. На второмъ году ихъ супружества родился у нихъ первый и единственный сынъ Александръ.

Семья Новиковыхъ, въ которую вступила Ольга Кирѣева, была одинаковаго положенія съ ея семьей. Кирѣевы и Новиковы были старые знакомые, но у нихъ было мало общаго какъ въ политикѣ, такъ и въ характерѣ. Кирѣевы—москвичи, славянофилы, гуманисты, энтузіасты, идеалисты и религіозные люди; Новиковы—свѣтскіе люди, далеко не славянофилы. Мать Ивана Новикова, мужа Ольги Алексѣевны, была княжна Долгорукова, дочь русскаго поэта Ивана Долгорукова. Пожилая женщина, стараго воспитанія, она придерживалась древнихъ московскихъ обычаевъ, по которымъ свекровь была больше хозяйкой дома, нежели жена. Ея два сына Иванъ и Евгеній были строго воспитаны въ

---

[1]) Переводъ Елизаветы Степановны Мосоловой.

[2]) См. „Русскую Старину“, мартъ 1909 г.

духѣ русскаго православія. Иванъ Новиковъ особенно изучалъ латинскій и греческій языки, былъ приверженецъ классицизма, благодаря чему и былъ назначенъ попечителемъ С.-Петербургскаго округа. На этомъ посту онъ умеръ. Онъ былъ на двадцать лѣтъ старше жены. Они оба сосредоточили свою любовь на своемъ единственномъ сынѣ. Евгеній Новиковъ, младшій братъ, былъ много лѣтъ русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ и въ Константинополѣ. Онъ былъ женатъ на Титовой, племянницѣ русскаго посла въ Константинополѣ.

Проведя нѣсколько мѣсяцевъ съ родителями мужа, въ деревнѣ, г-жа Ольга Новикова переѣхала въ Петербургъ въ 1861 г., гдѣ и родился ея сынъ 29-го апрѣля стараго стиля.

Г-жа Новикова мало писала о своей ранней жизни, но слѣдующее извлеченіе изъ статьи, написанной ею въ 1880 г., даетъ живое представленіе о положеніи Россіи послѣ Крымской войны.

Николай I, несмотря на благородныя усилія, на преданность своей странѣ, на заботы о соблюденіи только пользы и справедливости, оставилъ своему сыну горестное наслѣдство. Истощенное ужасной войной государство было нравственно и матеріально разбито. Россія въ то время была полна обветшалыхъ идей, нелѣпыхъ традицій, странныхъ и противорѣчивыхъ предразсудковъ, у нея были милліоны крѣпостныхъ, но не было ни школъ, ни дорогъ. Казна ея была пуста. Русскія моря наполняли непріятельскіе корабли, и Севастополь былъ еще залитъ потоками русской крови. Я была ребенкомъ, но я такъ живо помню ужасъ и мракъ этого страшнаго времени. Мракъ этотъ разсѣевался или облегчался примѣрами нравственнаго геройства, въ которомъ никогда не было недостатка въ Россіи, даже въ то тяжелое время ея судебъ. Пятнадцатилѣтніе мальчики готовились служить родинѣ на полѣ битвы, и материнская любовь къ сыну уступала голосу высокаго патріотизма. Страстно любя свою родину, русскіе охотно жертвовали для ея блага всѣмъ, что есть въ жизни дорогого, даже самой жизнью, но, несмотря на это, было повидимому мало надежды для насъ спасти отечество отъ новыхъ несчастій. Надежды насъ покинули, и только мужество отчаянія осталось намъ подъ конецъ. Куда бы мы ни обратили взглядъ внутри и внѣ Россіи,—все было въ развалинахъ. Наша военная система была разбита, административная машина государства почти разрушена. Императоръ Николай не могъ пережить катастрофы, опрокинувшей режимъ, которому онъ посвятилъ тридцать лѣтъ усерднаго труда.

Его надежды погублены, его идеалъ не осуществленъ. Умирая съ сокрушеннымъ сердцемъ при видѣ бѣдствій своего народа, Императоръ передалъ царство своему сыну и наслѣднику съ повелѣніемъ, достойнымъ русскаго, посвятить жизнь на служеніе родинѣ.

Пять лѣтъ спустя, въ 1861 г., Александръ II, по краснорѣчивому выраженію Виттіера, карандашемъ Сѣверной Звѣзды начерталъ свободу въ своей землѣ. Декретъ освобожденія былъ подписанъ, и крѣпостное право уничтожено. Россія, казалось, вступала въ новую эру свободы и прогресса. Г-жа Новикова, отецъ которой былъ самымъ ревностнымъ защитникомъ освобожденія, вполнѣ раздѣляла розовыя надежды юной Россіи. Когда крестьяне были освобождены, г-жѣ Новиковой было всего 21 годъ, она только что вышла замужъ, была полна жизни, надеждъ и энтузіазма. Ея сынъ Александръ родился въ слѣдующемъ году, и цѣлый годъ она была поглощена кормленіемъ своего ребенка, но такъ какъ у нея другихъ дѣтей не было, то впослѣдствіи у нея оказалось много свободнаго времени для науки и для общества. Въ эти годы она находила особое наслажденіе въ обществѣ образованныхъ людей столицы. Трудно даже сказать теперь, что больше всего ее интересовало, музыка, художественные, духовные, политическіе или литературные вопросы. Она страстно любила музыку, замѣчательно хорошо пѣла. Бетховена носила въ своей душѣ, и Антонъ Рубинштейнъ былъ однимъ изъ великихъ артистовъ—ея друзей.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Великая Княгиня Елена Павловна царила, по общему признанію, въ Петербургскомъ обществѣ.

Великая Княгиня была послѣдняя, оставшаяся въ живыхъ, преемница традицій царствованія Екатерины, сдѣлавшей свой дворъ центромъ наукъ и искусствъ. Императрица Екатерина своимъ восторженнымъ покровительствомъ литературѣ показала славный примѣръ двору и русскимъ женщинамъ. Не бывъ въ состояніи привлечь въ Петербургъ величайшихъ писателей запада, она вела самую оживленную переписку въ теченіе пятнадцати лѣтъ съ Вольтеромъ и другими главными философами Франціи. Она купила библіотеку Дидеро, давъ ему разрѣшеніе ею пользоваться, говоритъ Рамбо, и подписалась на энциклопедію, когда появленіе ея было запрещено въ Парижѣ. Дидеро былъ принятъ въ Петербургѣ какъ коронованная особа. Она напрасно стремилась убѣдить д'Аламбера руководить воспитаніемъ наслѣдника престола. Она не доволь-

ствовалась пріемомъ литераторовъ и перепиской съ ними, сама она искусно владѣла перомъ. Она издавала журналъ, писала предисловія къ законамъ, разсказы для своихъ внуковъ, лирическія драмы и сатирическія комедіи, политическіе памфлеты и автобіографическіе мемуары. Она основала русскую академію, помогала въ составленіи русскаго словаря, въ чемъ ей содѣйствовали дамы высшаго общества. Екатерину едва-ли можно назвать синимъ чулкомъ, но она ввела въ моду литературу при дворѣ. Княгини и графини находили время, среди разсѣяній свѣтской жизни, заниматься музами.

Екатерина умерла, не оставивъ наслѣдника, способнаго выполнить ея блестящія мечты, но плоды ея посѣва только спятъ, какъ сѣмена въ темной глубинѣ земли, жатва Екатерины еще соберется, въ тотъ отдаленный день, когда славянинъ войдетъ въ свое царство.

Стимулъ, который она дала русскому образованію, а въ особенности образованію русскихъ женщинъ, живъ до сихъ поръ хотя великое преданіе, кажется, почти забыто. Оно существовало сорокъ лѣтъ тому назадъ въ Михайловскомъ дворцѣ (обращенномъ теперь въ большой музей и картинную галлерею), гдѣ великая княгиня Елена Павловна имѣла свой дворъ, дворъ, съ которымъ ни одна великая княгиня не рѣшилась впослѣдствіи войти въ соревнованіе. Одна особенная прелесть ея салона были такъ называемые морганатическіе вечера, soirées morganatiques. Они бывали по четвергамъ. Ея гофмейстерина княжна Львова принимала гостей, которые избирались исключительно во вниманіе къ ихъ таланту, не обращая вниманія на ихъ чины. Встрѣчались на совершенно равной ногѣ: литераторы, ученые, путешественники и femmes du monde. Аккуратно въ десять часовъ великая княгиня появлялась какъ бы случайно и смѣшивалась съ обществомъ, которое, несмотря на то, что положеніе великой княгини какъ бы устранялось, никогда не забывало и не позволяло забыть, что великая княгиня среди нихъ.

Современный хроникеръ, авторъ знаменитыхъ людей русскаго [1]) общества, такъ описываетъ Михайловскій дворецъ цвѣтущіе дни великой княгини Елены:

„Ея домъ былъ дѣйствительно центромъ всѣхъ образован-

---

[1]) Distinguished men in Russian Society переводъ съ нѣмецкаго Бюемта Лондонъ 1873 г.

ныхъ и интересныхъ людей столицы: дамы и мужчины ея двора, остроумная Эдита Раденъ, музыкальная Fräulein Штуббе (теперешняя г-жа Абаза), рыцарскій баронъ Розенъ, графъ Віельгорскій, прекрасный віолончелистъ Нуммерсъ и другіе, были люди выше обыкновеннаго уровня по образованію, уму и нравственнымъ достоинствамъ, они умѣли заставить всякаго, чѣмъ-нибудь замѣчательнаго человѣка, чувствовать себя непринужденно въ Михайловскомъ дворцѣ. Здѣсь можно было видѣть корифеевъ національной и демократической партіи, такихъ людей, какъ Милютинъ, Кавелинъ, Аксаковъ, такъ же часто, какъ барона Бреверна, графа Кайзерлинга фонъ Еттингенъ, извѣстнаго натуралиста, отца доктрины эволюціи, тайнаго совѣтника фонъ Баръ и другихъ представителей курляндскаго дворянства, точно такъ же, какъ европейскихъ либераловъ: фонъ Рейтерна, Головина и Валуева, друзей Великаго Князя Константина. Каждаго и всѣхъ этихъ людей Великая Княгиня умѣла очаровать; ея живой, пріятный разговоръ, который самъ по себѣ былъ полонъ очарованія, основывался на хорошемъ воспитаніи и поддерживался ея любовью къ чтенію и знанію, которое распространялось на всѣ выдающіяся произведенія русской, французской и нѣмецкой литературы. Она имѣла достаточно энергіи, чтобы слѣдить за безчисленными докладами, которые представлялись на усмотрѣніе Высокому Политику. Никто не могъ превзойти Fräulein фонъ Раденъ, любимую фрейлину, въ умѣніи дѣлать компиляціи изъ огромнѣйшихъ сочиненій, и много лѣтъ нѣмецкіе ученые помогали труду этой весьма необыкновенной женщины, находя достаточно работы въ разборѣ матеріала для чтенія, неутомимой Высочайшей читательницы. Не обращая вниманія на капризныя перемѣны большого двора, Великая Княгиня Елена Павловна открыла двери своего радушнаго дома всѣмъ, кто выдѣлялся умомъ или образованіемъ, одинаково любезная въ сношеніяхъ со старыми и молодыми, съ признанной извѣстностью и съ восходящей.

Однако не только государственные люди и публицисты, но всѣ артисты и ученые предпочитали этотъ дворъ всѣмъ другимъ въ столицѣ Невы. Каждый годъ, когда приближался постъ, и начиналось время концертовъ, городу становилось извѣстно, что одинъ или другой изъ знаменитыхъ артистовъ, пріѣхавшій изъ-за границы, былъ приглашенъ жить во дворцѣ любительницы искусствъ Великой Княгини, вмѣсто дорогой гостиницы Демута.

При всѣхъ другихъ дворахъ артисты чувствовали себя выставленными на показъ публикѣ: у Великой Княгини они были [illegible] съ почетомъ не только благодаря ихъ именамъ, а

также и благодаря ихъ искусству. Въ широкихъ кругахъ высоко цѣнили и любили покровительницу авторовъ и артистовъ также за другое качество, а именно за благотворительность, составлявшую для нея наслажденіе, не для вида, а ради пользы другимъ. Въ этомъ руководила ею искусная рука той же превосходной фрейлины фонъ Раденъ.

Въ этомъ образованномъ кругу г-жа Новикова всегда была желанной гостьей; она часто вспоминаетъ съ благодарностью и любовью о Великой Княгинѣ, которая не оставила наслѣдника, могущаго продолжать ея дѣятельность. Нѣтъ сомнѣнія, что къ этимъ днямъ слѣдуетъ отнести причину той простоты, образованности и ловкости, которыми отличался салонъ г-жи Новиковой. Она была не недостойный отпрыскъ двора Великой Княгини Елены Павловны. Михайловскій дворецъ такое обширное зданіе, что во время воскресныхъ вечернихъ пріемовъ концерты, спектакли, игры, танцы и бесѣды происходили въ одно и то же время. Въ столицѣ, гдѣ не было парламента, Михайловскій дворецъ насколько возможно близко замѣнялъ его. Тамъ разговоръ былъ свободный, и люди всѣхъ партій, и непринадлежащіе ни къ какой партіи, обмѣнивались своими сужденіями на вопросы дня. Не были забыты и легкія забавы: игра въ Secretaire была очень въ модѣ; каждый играющій долженъ былъ написать отвѣтъ на заданный вопросъ, отвѣты читались Великой Княгинѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: „что такое женщина?“ былъ вопросъ. „Ядро кринолина“. „О чемъ вы думаете, когда смотрите въ зеркало?“ „Honni soit qui mal y pense“.

Ольга Алексѣевна Новикова видѣла въ салонѣ Великой Княгини не только лучшее русское общество, но также и тогдашнюю аристократію ума.

Г-жа Новикова въ то время больше всего вращалась въ обществѣ славянофиловъ Самарина, Аксакова и другихъ, которые со страхомъ смотрѣли на революціонную и, какъ они думали, антирусскую пропаганду, роспространяемую Александромъ Герценомъ черезъ свой органъ „Колоколъ“, тотъ колоколъ, котораго звонъ еще отзывается эхомъ въ русскихъ степяхъ.

Если смотрѣть на салоны Великой Княгини Елены Павловны какъ на вліяніе, подъ которымъ вылились стремленія г-жи Новиковой съ точки зрѣнія общественности, то происхожденіе ея политическихъ идей можетъ быть не менѣе ясно опредѣлено. Г-жа Новикова всегда была въ болѣе или менѣе остромъ антагонизмѣ съ революціонной партіей и съ революціонными изгнанниками въ

Лондонѣ. Это обстоятельство, хотя естественно и неизбѣжно, часто возбуждало негодованіе въ нѣкоторыхъ людяхъ, не могущихъ понять, какъ такой образованный и свободомыслящій умъ міровой гражданки, какъ г-жа Новикова, можетъ не сочувствовать революціонному движенію, послѣднее слово котораго бомба убійцъ.

Г-жа Новикова славянофилка, членъ панъ-славянской партіи съ колыбели, воспитанная въ этомъ духѣ съ ранняго дѣтства и утвердившаяся въ немъ политическими взглядами окружающихъ ее въ раннюю пору своей молодости. Славянофильскую точку зрѣнія нѣсколько трудно уяснить себѣ людямъ запада, политика которыхъ не основана ни на какихъ философскихъ понятіяхъ, и которые всѣ до одного оппортунисты. Славянофилъ рѣшаетъ міровыя задачи съ точки зрѣнія метафизики, религіи и философіи. Твердо установившись на этихъ основаніяхъ, онъ прилагаетъ свои правила для рѣшенія всѣхъ вопросовъ современной политики такимъ способомъ, который на западѣ считался бы доктринерствомъ или призрачностью, но который составляетъ существенную характеристику славянофила.

Въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ г-жа Новикова находилась постоянно въ обществѣ самыхъ лучшихъ умовъ славянофильской партіи.Они не сочувствовали деспотизму, но они вѣрили въ славянское племя и въ особенности въ Россію, этого старшаго брата славянъ. Святая Русь для нихъ была то, что идеальная Англія для насъ, и ихъ панъ-славянская вѣра во многихъ отношеніяхъ опережала самый высокій духъ британскаго имперіализма. Настоящій славянинъ смотрѣлъ на соотечественника революціонера, не только съ естественнымъ негодованіемъ, съ какимъ защитникъ установленнаго порядка смотритъ на того, кто хочетъ міръ перевернуть вверхъ дномъ, но съ глубокимъ презрѣніемъ одобно тому, какъ воюющая Англія смотритъ на миролюбивую Англію [1]). Революціонеръ не только врагъ общества, онъ богохульствуетъ противъ священнаго признанія націи. Ближайшее сравненіе съ славянофильскимъ ученіемъ, въ которомъ воспиталась г-жа Новикова, можно найти въ англійской политикѣ въ школѣ либеральныхъ имперіалистовъ, отличавшихся отъ Jack-booted имперіалистовъ съ джингоистскимъ оттѣнкомъ.

Въ этой главѣ о происхожденіи политическихъ убѣжденій г-жи

---

[1]) Воюющая и миролюбивая Англія—двѣ политическія партіи.

Новиковой могутъ быть кстати приведены выдержки изъ газеты, въ которой одинъ изъ вожаковъ славянофиловъ, ея знакомый, Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ отвѣчалъ Герцену въ то время, какъ онъ издавалъ въ Лондонѣ „Колоколъ“, органъ революціонной Россіи. Этотъ документъ, ярко изображающій школу, былъ написанъ Самаринымъ въ формѣ письма къ Герцену послѣ ихъ встрѣчи въ Лондонѣ, гдѣ они спорили о многихъ политическихъ вопросахъ дня, не приходя ни къ какому соглашенію. Письмо было написано 8-го августа 1864 года, изъ Рагаца въ то время, когда сердца русскихъ патріотовъ страдали отъ польскаго мятежа[1]).

Самаринъ началъ свое письмо въ отвѣтъ на появившуюся въ „Колоколѣ“ корреспонденцію, подписанную нѣкіймъ Мартьановымъ, статья котораго была пропитана той нравственной заразой, которую распространялъ Герценъ на сотни и тысячи русскихъ юношей. Затѣмъ Самаринъ продолжаетъ такъ:

„Я повторяю Вамъ то, что говорилъ въ Лондонѣ: Ваша пропаганда подѣйствовала на цѣлое поколѣніе, какъ гибельная, противуестественная привычка на молодой организмъ, не успѣвшій сложиться и окрѣпнуть. Вы изсушили въ немъ мозгъ, ослабили всю нервную систему и сдѣлали его совершенно не способнымъ къ сосредоточенію къ выдержкѣ и къ энергичной дѣятельности. Какъ же могло быть иначе? у Васъ нѣтъ почвы подъ ногами. Содержаніе Вашей проповѣди испарилось; отъ многихъ крушеній не уцѣлѣло ни одного твердаго убѣжденія. Остались одни революціонные пріемы, одинъ революціонный навыкъ, болѣзнь своего рода, которую я не могу назвать другимъ именемъ, какъ революціонный зудъ. Все прочее, чѣмъ Вы еще придаете себѣ видъ пропагандиста, и что въ Васъ, Александръ Герценъ, совершенно искренно, то все Вы сами давно засудили и оплевали въ виду всѣхъ Вашихъ учениковъ. Вы одинъ изъ первыхъ стали проповѣдовать матеріализмъ въ Россіи, и сами Вы матеріалистъ. Онъ Вамъ пришелся по рукѣ, какъ таранъ, которыми Вы разбивали семью, церковь и государство“.

Послѣ этого обвиненія Самаринъ продолжаетъ спорить о нелѣпости винить кого бы то ни было въ чемъ бы то ни было, если у

---

[1]) Это письмо, напечатанное въ №№ 1, 2 Аксаковской «Руси» 1883 года, воспроизведено Стедомъ, въ его изданіи, по-англійски и уже затѣмъ переведено снова на русскій языкъ. *Ред.*

человѣка нѣтъ свободной воли, нѣтъ души, и онъ безотвѣтственъ въ своихъ поступкахъ.

„Отрицая свободу воли, Вы даете волю эгоизму и, повидимому, даете ему полную свободу, но на самомъ дѣлѣ Вы дѣйствуете совершенно обратно. Я хочу сказать, что Вы его порабощаете внѣшнему закону необходимости, по которому безусловно все предопредѣлено: судьба человѣка, движеніе небесныхъ свѣтилъ, паденіе каждой капли дождя и всякое внезапное побужденіе, повидимому, безслѣдно затрогивающее нервы человѣка. Личность въ томъ смыслѣ, какъ ее люди понимали до сихъ поръ, т. е. какъ духъ свободный, изнутри созидающійся, теряетъ свой центръ и какъ частица матеріи исчезаетъ въ міровомъ пространствѣ. Вмѣсто личности остается безразличная среда, въ которой происходитъ игра стихійныхъ силъ, не подчиненныхъ ей. Здѣсь очевидно одинъ законъ: законъ силы и ея безпрерывное торжество надъ слабостью. Что повлекло Васъ злоумышлять противъ насилія и возмущаться надъ пролитіемъ крови?

Вы отвергаете идею вмѣняемости. Вы чувствуете себя спокойнымъ и свободнымъ въ полной безотвѣтственности: хорошо, и живите въ ней всю жизнь. Но какое Вы имѣете основаніе, какое право Вы имѣете раздражать нервы публики, разыгрывая передъ ней въ каждомъ номерѣ „Колокола“ мистерію страшнаго суда надъ живыми и мертвыми, проклиная первыхъ и благословляя вторыхъ?

„Вы не имѣете даже средняго положенія чистилища, какъ у римско-католиковъ, у Васъ только мученики, палачи и шпіоны. Послушайте, признайтесь откровенно. Все это Вамъ не къ лицу. Вы не имѣете никакого права такъ дѣйствовать. Нельзя издѣваться надъ вещами священными и въ то же время пѣть акаѳисты.

„Вы мнѣ какъ-то говорили, что въ ежедневномъ сужденіи о людяхъ, съ которыми Вы сталкиваетесь, Вы не имѣете намѣренія произносить надъ ними приговора, но поддаетесь Вашему личному вкусу, все равно, какъ сидя за столомъ и просматривая меню, Вы выбираете тарелку раковъ вмѣсто баранины.

„Александръ Ивановичъ, не клевещете ли Вы на себя. Если Вы дѣйствительно подразумѣваете то, что говорите, можете ли Вы, по совѣсти, возвышать голосъ противъ деспотизма? Что мы понимаемъ подъ словомъ деспотизмъ? Не есть ли это угожденіе собственному вкусу, обнимающее все, что касается человѣка?.. Вы, вѣроятно, слышали, что русскій крестьянинъ, если онъ переселяется съ мѣста своего рожденія въ отдаленныя страны, всегда беретъ съ собой въ мѣшечкѣ горсть родной земли. Для чего онъ это дѣлаетъ? Онъ самъ не знаетъ, но онъ этимъ дорожитъ, онъ смотритъ на

это, какъ на святыню. Мнѣ кажется, что чья-то рука, безъ Вашего вѣдома, прибавила въ Вашъ умственный запасъ щепотку земли съ покинутой Вами родины. Хорошо, что она осталась нетронутой, но помните: дерево безъ корня не принесетъ плода. То, что продолжаетъ, такъ сказать, жить въ природѣ человѣка невѣдомо для него самого, какъ отраженіе прошлаго, которому онъ измѣнилъ, не можетъ передаваться другому. Только то передается, что принято сознательно и установлено для назиданія другимъ. Но въ этомъ случаѣ съ Вашей стороны ничто не принято сознательно".

Послѣ этого вступленія Самаринъ говоритъ Герцену, что онъ знаетъ, что на его доводы не будетъ обращено вниманія, такъ какъ Герценъ сказалъ ему въ Лондонѣ, что онъ потерялъ охоту къ отвлеченнымъ вопросамъ такого сорта. Два человѣка, изъ которыхъ одинъ признаетъ свободу воли и отвѣтственность, а другой видитъ въ себѣ продуктъ извѣстныхъ химическихъ соединеній, никогда не могутъ походить другъ на друга ни въ семьѣ, ни въ обществѣ, ни въ государствѣ. Самаринъ могъ бы прибавить, что они никогда не согласятся другъ съ другомъ, и что дальнѣйшіе споры—потеря времени.

Оставляя въ сторонѣ отвлеченное, Самаринъ пытается заставить Герцена дать отчетъ въ его отношеніи къ польскому возстанію. Это старая исторія, но какъ образецъ той атмосферы, въ которой г-жа Новикова провела самое чуткое для впечатлѣній время своей жизни, интересно, быть можетъ, воспроизвести его здѣсь. Онъ также не лишенъ интереса, потому что даетъ возможность англійской публикѣ пріобрѣсти хотя бы отдаленный взглядъ на русскую точку зрѣнія въ польскомъ вопросѣ.

„Въ послѣдніе годы два явленія въ Россіи носили выдающійся характеръ. Одно изъ нихъ была попытка привести въ исполненіе безумную программу, кѣмъ то продиктованную нашей неучащейся молодежи, я ссылаюсь на подпольную печать („Земля и Воля", „Великороссъ" и проч.), въ которой проповѣдовались поджоги и измѣна—газеты, которыми грубый атеизмъ воровски прививался дѣтямъ обоего пола, ихъ ученіе довѣрялось преподавателямъ воскресныхъ школъ; подложные манифесты, имѣющіе цѣлью обманывать крестьянъ и т. п. Польское возстаніе было другое выдающееся явленіе, оно и его принадлежности: петля для подлаго народа, отравленный кинжалъ для польскихъ издателей и русскихъ офицеровъ, и авторитетная ложь, оплачиваемая по столько-то за строку, чтобы закрыть глаза Европѣ вообще и получить одобреніе.

„На чьей сторонѣ были Вы? Вы спасовали предъ обоими.

Юноши въ нашихъ школахъ и университетахъ бросили ученіе, ихъ время уходило на то, чтобы устраивать разныя тайныя общества, органы будущаго политическаго движенія и, мало по малу, набивая себѣ руку, они стали тревожить смущенное правительство различными требованіями, депутаціями и демонстраціями. Вамъ это было извѣстно. Вы, съ Вашей зрѣлой опытностью, съ тѣмъ большимъ вліяніемъ, которое Вы имѣете на юные умы, Вы первый должны были обратиться къ нимъ съ торжественнымъ предостереженіемъ, указать имъ на то, что они берутся за безнадежное и опасное предпріятіе, и доказать всю безнравственность въ тратѣ дорогого времени и силъ, которыя должны бы быть посвящены ими на благо родины. Вмѣсто этого Вы поступили въ данномъ случаѣ такъ же, какъ съ Мартьановымъ. Вы влили масла въ огонь и, наконецъ, вскружили имъ головы, становясь на ихъ сторону въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда ихъ профессора и попечители старались подтянуть распущенныя возжи. Польская хитрость нашла потачку въ русскомъ безуміи и въ Вашемъ потворствѣ. Шалости, о которыхъ я говорю, приняли большіе размѣры. Стали появляться образцы подпольной литературы, предшественники петербургскихъ пожаровъ и предвѣстники подложныхъ манифестовъ. Трепетъ негодованія пронесся по всей Россіи. Только тѣ втайнѣ потирали себѣ руки отъ радости, кто не терялъ надежды произвести реакцію въ правительствѣ. А Вы, что Вы дѣлали? Прочтите Ваши статьи въ революціонной газетѣ „Великороссъ“ о пожарахъ и проч. и посудите о нихъ сами. Наши лѣтописцы говорятъ, что, когда Іоаннъ Грозный, будучи ребенкомъ, забавлялся тѣмъ, что мучилъ разныхъ маленькихъ животныхъ, камердинеры, приставленные къ нему въ то время, вмѣсто гувернеровъ, хотя быть можетъ и не были сочувствовавшими свидѣтелями такого рода забавъ, вмѣсто того, чтобы его наказать, какъ онъ этого заслуживалъ, давали ему волю дѣлать, что хочетъ, говоря въ свое и его оправданіе: пусть Великій Князь забавляется. Вы поступали такъ съ русскимъ юношествомъ, какъ придворные Іоанна Грознаго.

„Что касается способа, по которому возникло польское возстаніе, Вы лучше всѣхъ были освѣдомлены на этотъ счетъ: Вы не могли не знать, что въ проектѣ эмиграціи въ его, такъ называемыхъ, дипломатическихъ актахъ, во всѣхъ листкахъ, памфлетахъ, пѣсняхъ и гимнахъ, которыми раздражались нервы и возбуждались умы польскаго народа, первое требованіе, предъявленное во имя вѣчныхъ правъ Польши, заключало въ себѣ поработить ей двѣ другія живыя народности — Бѣлорусскую и Малорусскую. Вы навѣрное получили свѣдѣнія о томъ фактѣ, что даны были

распоряженія всѣмъ предводителямъ и мировымъ посредникамъ изъ поляковъ такого содержанія: положеніе 19-го февраля привести въ исполненіе такимъ образомъ, чтобы конфисковать какъ можно больше мірскихъ земель жителей, обременить народъ налогами съ цѣлью, чтобъ этимъ путемъ возбудить крестьянъ и вызвать карательныя мѣры, которыя ожесточили бы народъ противъ правительства, что эта система проводилась всякій разъ, когда правительство пыталось улучшить положеніе крестьянъ, дворянство хитро преграждало ихъ исполненіе, распространяя въ народѣ и въ Европѣ слухъ, что москали противъ желанія дворянъ стояли за продолженіе крѣпостного права.

Вы, конечно, понимали, если даже не получали объ этомъ письменныхъ увѣдомленій, что обѣщанія жалованныхъ земель и уменьшенія налоговъ со стороны революціоннаго управленія были не что иное, какъ орудіе для подкупа народа, что ни одинъ вожакъ возстанія бѣлой или красной партіи ни на іоту не заботился объ улучшеніи ихъ быта, доказательствомъ чего служитъ фактъ, что въ то время когда тайное правительство болтало о готовности дворянъ на разныя уступки, оно упорно сохраняло нетронутымъ безотвѣтственное право дворянъ надъ крѣпостными. Наконецъ, настоящій характеръ польскаго возстанія, дѣло рукъ исключительно дворянъ и іезуитовъ, само себя изобличаетъ. Какое положеніе приняли Вы въ виду польскаго мятежа?

Вы не одобряли его—я повторяю собственныя Ваши слова. Вы этого не одобряли! Да, самый лютый врагъ Россіи не могъ бы этого одобрить, развѣ онъ былъ бы пьянъ до потери разсудка. Велика заслуга! Я помню извѣстный разсказъ о часовомъ, имѣвшемъ обязанность охранять золотую руду, которую шайка воровъ каждую ночь обкрадывала. Этотъ часовой, закутавшись въ тулупъ, идетъ въ свою будку, ворча подъ носъ: ей, ей, ребята, будетъ Вамъ худо, кончится это плохо, вѣрьте слову. Я думаю, что Вы рискнули сказать что-то въ защиту правъ Литвы и Россіи, когда нѣкіе господа, Ваши друзья, пріѣхали, чтобъ обрадовать Васъ извѣстіемъ, что они намѣрены поднять бурю противъ Россіи, но нужно ли говорить, никто не посмотрѣлъ на это съ Вашей точки зрѣнія, никто не принялъ Вашей поправки, Ваши друзья утверждали, что Польша имѣла права на границы 1772 года, т. е. на половину Россіи, и возстаніе разразилось безъ Вашего одобренія. Говоря Вамъ правду честно, мнѣ кажется, что господа, совѣтовавшіеся съ Вами, не особенно считались съ Вашими симпатіями въ этомъ дѣлѣ. Имъ нужно было не одобреніе, а содѣйствіе Ваше. Они знали, что Вы могли имъ помочь, взявъ подъ защиту Вашего

авторитета вымышленныя ими клеветы, бросая грязью въ людей, которыхъ они думали, что надо бояться, сокрушая нравственныя силы Россіи и внушая въ русскихъ кругахъ странное заблужденіе, что стремленія польскихъ дворянъ согласуются съ чувствомъ человѣколюбія и свободы. Вы не преминули оказать имъ эту услугу и продолжаете ее оказывать изо всѣхъ силъ... Тотчасъ послѣ этого свиданія нѣсколько русскихъ офицеровъ обратились къ ихъ directeur de conscience издателю „Колокола“ и сообщили ему о своемъ намѣреніи дезертировать къ полякамъ, какъ только возникнутъ враждебныя дѣйствія. Что Вы на это сказали? Вы завязали дружескую переписку съ этими людьми. Вы не посмѣли ихъ оттолкнуть, и по какимъ-то причинамъ Вамъ не пришло въ голову напомнить имъ, что человѣкъ, носящій русскій мундиръ, получающій жалованье отъ русскаго правительства, который при данныхъ обстоятельствахъ и во время войны говоритъ о дезертированіи къ полякамъ, есть шпіонъ и агентъ III-го Отдѣленія, который собрался въ Лондонѣ подъ управленіемъ Мирославскаго и Мадзини.

25304

Возстаніе разразилось. Начались убійства. Генералъ Корсаковъ былъ звѣрски изувѣченъ, и секретарь Віельпольскаго Мирославскій былъ убитъ за газетныя статьи; пробовали застрѣлить Лидерса, В. К. Константина Николаевича и графа Берга, намѣстника Польши, отравить Велёпольскаго, отрубить голову Трепову, не говоря о многихъ другихъ. Вы это знали. Вы читали въ донесеніяхъ русскихъ офицеровъ о томъ, что обыкновенными примѣтами при преслѣдованіи шаекъ, служили болтавшіяся на воздухѣ тѣла повѣшенныхъ хлоповъ и русскихъ солдатъ съ распоротыми грудями и вывороченной на подобіе лацкановъ кожей. Они собирали шайки наемныхъ убійцъ: католическіе священники кропили святой водой отравленные кинжалы, обѣщая царство небесное за выстрѣлъ въ упоръ изъ револьвера. Все это правда. Тошно объ этомъ подумать. Какова была Ваша дѣятельность, когда все это происходило. Вы, которые ненавидѣли терроръ. Вы, содрагающіеся при мысли о кровопролитіи, взяли сторону угнетенныхъ, однимъ словомъ, по какой-то необъяснимой слѣпотѣ, Вы взяли сторону отравителей и убійцъ, сторону землевладѣльца противъ мужика, сторону дворянства противъ низшихъ классовъ, названныхъ презрительнымъ именемъ быдло (скотъ). Что бы ни вздумалось польскому жонду и его шайкамъ говорить, Вы не обращали вниманія. Вы нарочно щурились и отворачивались, чтобы не видѣть правды. Вы повторяли мерзкія клеветы наемныхъ польскихъ издателей и не могли преодолѣть неудовольствія противъ Муравьева,

который въ короткій трехмѣсячный срокъ поставилъ на ноги и далъ новую жизнь цѣлой націи угнетенныхъ людей. За эту Вашу услугу Вы когда-нибудь получите благодарственный адресъ отъ іезуита Монталамбера, остзейскихъ бароновъ и другихъ.

Наконецъ, въ довершеніе всего, предсѣдатель всемірной агентуры политическихъ убійствъ рискнулъ въ Вашемъ домѣ провозгласить тостъ за успѣхъ польскаго благороднаго пугала, называемаго польскимъ возстаніемъ, и Вы его не спустили съ лѣстницы. Почему Вы поддались русскому юношѣ и польскому дворянину? Я вамъ скажу почему. Потому что Вы примирились съ идеей о революціи, какъ средствомъ для достиженія политическихъ цѣлей. Вы предполагали, что можно стерпѣть маленькую операцію, послѣ которой язва человѣчества заживаетъ навсегда, и люди должны бы ждать царства вѣчнаго мира, довольства и свободы. Вмѣсто этого Наполеонъ III вступилъ на престолъ. Положительныя намѣренія исчезли одно за другимъ, формулы стерты, убѣжденія разбиты и обратились въ ничто. Остались обычныя средства: революція, которой цѣль она сама, революція ради революціи. Ея пріемы Вы знали отъ польскихъ католическихъ ксендзовъ, изъ подпольныхъ статей „Великороссъ“, и Вы не посмѣли ослушаться ихъ зова. Какъ рабу революціи Вамъ было безразлично, откуда она возникаетъ, изъ университета, изъ села, отъ католической церкви, или изъ помѣщичьяго замка, Вы не спрашиваете, къ чему она стремится, какія вызоветъ побужденія ея дальнѣйшій ходъ. Вы дошли до того, что смотрите на средства съ полной снисходительностью наравнѣ съ іезуитами. Вы считали для себя необходимымъ благословить своимъ авторитетомъ къ поджогу, къ плутовству и отравленнымъ ножамъ, или, склонивъ голову, притворяться слѣпымъ и глухимъ.

Когда мы съ Вами встрѣтились въ первый разъ, Вы мнѣ сказали, что, если бы Вы прониклись убѣжденіемъ, что Ваша дѣятельность журналиста вредна Россіи, Вы бы отъ нея отказались. Я Вамъ вѣрю и, будь это сказано недавно, я бы не оставилъ ни одного возможнаго средства, чтобы Васъ убѣдить. Теперь поздно начинать. Весь вредъ, какой Вы только могли сдѣлать Россіи, Вы сдѣлали. Одно прекращеніе Вашей пропаганды мало поможетъ теперь. Сдѣланный вредъ нужно искоренить насколько возможно. Вамъ слѣдовало бы рѣшить какими средствами.

Пора кончить. Мнѣ, кажется, никогда не приходилось говорить такъ безжалостно. Вѣра моя въ Вашу искренность дала мнѣ право на полную и немилосердную откровенность. Вы знаете, что враждебнаго чувства лично къ Вамъ я не имѣю, напротивъ. Я

не воспользовался даннымъ мнѣ разрѣшеніемъ критиковать Васъ въ печати и сохраняю въ запасѣ до нашей встрѣчи все, что накипѣло въ моемъ сердцѣ. Я этого не сдѣлалъ не въ осужденіе Вашихъ противниковъ, которые напали на Васъ въ своихъ статьяхъ, а потому что я имѣлъ другую точку зрѣнія, чѣмъ они. Я не могу отрѣшиться отъ мысли (раздѣляемой Аксаковымъ), что рано или поздно Вы опомнитесь. Вашъ искренно.

Преданный Вамъ Юрій Самаринъ".

Это письмо можетъ показаться длиннымъ, хотя оно и сокращено, но тотъ, кто захочетъ вникнуть въ духъ русскихъ патріотовъ, найдетъ много поясненій въ письмѣ Самарина. Большая часть распрей, смущающихъ Россію, могутъ быть найдены въ зародышѣ въ этомъ увѣщаніи, обращенномъ къ Александру Герцену.

Глава III.

Первые порывы.—Побѣдоносцевъ и графъ Бейстъ.

25307

Между многочисленными знакомствами, перешедшими въ дружбу, пріобрѣтенными г-жей Новиковой въ салонѣ Великой Княгини Елены Павловны, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ было съ графомъ Кайзерлингомъ, ректоромъ Дерптскаго университета.

Графъ Кайзерлингъ былъ ученый, котораго имя соединяется съ именами сэра Родрига Мюрчисона и Гла Вернель, съ этимъ послѣднимъ онъ путешествовалъ по Россіи, какъ съ авторомъ извѣстной книги, изданной Королевскимъ Географическимъ Обществомъ въ Лондонѣ въ 1845 году о геологіи въ Россіи, въ Европѣ и на Уралѣ. Онъ былъ ученый, философъ и скептикъ, первый коснувшійся своимъ свободомыслящимъ безвѣріемъ пылкой восторженной вѣры своего молодого, православнаго друга.

Они встрѣтились въ Михайловскомъ дворцѣ, гдѣ тощій, въ очкахъ ученый мужъ очень заинтересовался молодой веселой женщиной, въ которой прелесть разговора, живой интересъ къ его философскому ученію понравились ректору, не привыкшему встрѣчать женщинъ съ такой любознательностью къ его любимымъ трудамъ. На другой день послѣ ихъ встрѣчи графъ заѣхалъ къ ней по пути на станцію. Онъ извинился за краткость визита, но просилъ ее прежде, чѣмъ онъ уѣдетъ, дать ему свою фотографію.

„Если въ самомъ дѣлѣ Вы желаете ее имѣть, сказала она, я Вамъ дамъ ее съ удовольствіемъ. Но я не повѣрю, что Вы дѣйствительно ею дорожите, если по возвращеніи въ Дерптъ Вы не напишете мнѣ объ этомъ черезъ двѣ недѣли".

Московской обл. библиотеки

Черезъ двѣ недѣли было получено письмо отъ графа Кайзерлинга, въ которомъ онъ ей напоминалъ ея обѣщаніе. Она послала фотографію, и такимъ образомъ завязалась переписка, длившаяся два года, до новой ихъ встрѣчи, и продолжалась много лѣтъ спустя, до 1884 года.

Графъ Кайзерлингъ имѣлъ значительное вліяніе на ея умственное развитіе. Тридцать лѣтъ тому назадъ она мнѣ говорила: девять десятыхъ во мнѣ православія, одна десятая скептицизма, чѣмъ я обязана Кайзерлингу. Но то, что она потеряла въ вѣрѣ, она пріобрѣла въ разумѣ, впослѣдствіи, когда въ ней вѣра ожила, она сохранила умственныя преимущества, пріобрѣтенныя ею благодаря дружескимъ отношеніямъ съ знаменитымъ ректоромъ Дерптскаго университета.

Когда г-жа Новикова встрѣтилась съ графомъ Кайзерлингомъ, это былъ pater familias, за пятьдесятъ лѣтъ, высокій и худой, съ очень тонкими чертами лица. По его письмамъ видно, что онъ съ знаніями ученаго соединялъ обаяніе свѣтскаго человѣка, одинаково способнаго какъ на любезный комплиментъ такъ и на продолжительный ученый споръ.

У Великой Княгини Елены Павловны она также встрѣтилась съ первымъ замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ изъ тѣхъ многихъ, письма которыхъ находятся въ ея перепискѣ. Это былъ К. П. Побѣдоносцевъ, въ то время наставникъ наслѣдника, а впослѣдствіи оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сунода, которому суждено было имѣть большое вліяніе на управленіе Россіей. Какъ и графъ Кайзерлингъ, Побѣдоносцевъ былъ высокого роста и худой: человѣкъ съ большими познаніями и ясной головой. Онъ былъ изъ православныхъ православный, русскій стараго типа, вѣрившій въ самодержавіе и смотрѣвшій на конституцію, какъ на западную чумную заразу, отъ которой первою обязанностью патріота было оберегать Россію. Суровый до строгости въ политическихъ и религіозныхъ убѣжденіяхъ, нѣсколько жестокій въ преслѣдованіи ересей какъ идей, идущихъ съ запада и угрожающихъ подорвать простую вѣру Святой Руси, онъ тѣмъ не менѣе былъ милый человѣкъ, хорошо знавшій иностранную литературу, въ особенности англійскую, хотя съ трудомъ говорилъ по-англійски. Онъ былъ пессимистъ, который не видалъ иной надежды для Россіи, какъ въ прекращеніи анархическихъ и революціонныхъ идей, которыя въ послѣдніе годы его жизни съ такимъ неистовствомъ врывались въ Россію. Онъ былъ ultimus Romanorum, грустное, но неустрашимое воплощеніе ancien régime (стараго порядка).

Однажды съ нимъ произошелъ необыкновенный случай, оста-

вившій глубокое впечатлѣніе на его душѣ. Я слышалъ разсказъ о немъ изъ его устъ, и такъ какъ это весьма замѣчательное явленіе, о немъ можно упомянуть.

„Много лѣтъ тому назадъ, говорилъ онъ, я нанялъ дачу близъ Петербурга. Въ первую же ночь въ этомъ домѣ ни жена моя, ни я не могли уснуть ни на минуту. Только-что мы легли, какъ насъ поразили звуки громкихъ и настойчивыхъ стуковъ. Думая, что кто-нибудь стучится въ дверь, я всталъ и пошелъ отворять. Тамъ не оказалось никого. Я позвалъ слугу и сталъ обыскивать домъ. Нигдѣ никого не было, кому можно бы было приписать этотъ стукъ. Я снова легъ въ постель. Громкіе, тяжелые, упорные стуки возобновились. Опять я поднялъ тревогу, опять мы стали искать, но все было напрасно. Никто не могъ понять, гдѣ, откуда или какъ происходили таинственные стуки. Мы были рады, когда наступило утро, и стуки прекратились.

„Въ слѣдующую ночь то же самое. Это было скучно и противно. Казалось невозможнымъ оставаться въ домѣ, гдѣ не давали спать эти стуки. Мы рѣшились покинуть дачу, когда одинъ пріятель, которому я разсказалъ о случаѣ, нашелъ, что звуки эти могутъ быть изъ міра привидѣній, и посовѣтовалъ пригласить медіума. Мнѣ мысль эта не нравилась, но, не находя объясненія для стуковъ и способа отъ нихъ отдѣлаться, я согласился. Медіумъ явился, устроили сеансъ. Онъ, въ трансѣ, сообщилъ намъ, что стуки производитъ духъ священника, который былъ позванъ внезапно, во время совершенія литургіи, въ самую минуту начала проскомидіи и умеръ прежде, чѣмъ могъ возвратиться для совершенія даровъ. На вопросъ „чѣмъ можно успокоить духъ“, медіумъ все еще въ трансѣ отвѣчалъ, что это можно сдѣлать только тѣмъ, чтобы найти другого священника, который окончилъ бы служеніе. „Тутъ послѣдовала самая изумительная часть разсказа“. Медіумъ сказалъ, что въ этомъ домѣ была домашняя церковь, о которой я ничего не зналъ. Онъ сказалъ, что дверь была замурована, но что церковь еще существовала, и что со времени, когда изъ нея вышелъ священникъ, алтарь и священные сосуды остались нетронутыми. „Но“, отвѣчалъ я, „мнѣ ни о какой домашней церкви ничего неизвѣстно. Я ни одному слову Вашей исторіи не вѣрю“. „Пойдите по корридору, былъ отвѣтъ, и въ столькихъ то аршинахъ отъ двери, направо, Вы найдете подъ штукатуркой замурованную дверь церкви. Сломайте кирпичи, и Вы найдете алтарь со всѣми признаками прерванной обѣдни“. Казалось все это невѣроятнымъ, но указанія были такъ положительны и такъ точны, а бѣда отъ ночныхъ стуковъ такъ невыносима, что я рѣшился искать. Къ величайшему нашему

удивленію, мы нашли все въ томъ видѣ, какъ было сказано медіумомъ. Мы сломали замурованную стѣну, и тамъ была церковь, въ церкви алтарь; а въ алтарѣ очевидныя доказательства прерванной службы. Я позвалъ священника, который довершилъ литургію, и съ того дня и до нашего отъѣзда насъ никогда больше не тревожили таинственные стуки. Объясненіе этому случаю я не могу найти, которое бы удовлетворяло мой умъ, но я Вамъ разсказалъ фактъ, какъ онъ въ дѣйствительности произошелъ".

Побѣдоносцевъ былъ другомъ г-жи Новиковой. Она воздала горячую дань его памяти въ своемъ предисловіи къ англійскому переводу „Размышленія русскаго государственнаго человѣка". Характеръ покойнаго оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода такъ мало понятъ и оцѣненъ на западѣ, что будетъ не лишнимъ помѣстить здѣсь слѣдующее извлеченіе изъ этого предисловія:

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г-нъ Кинглекъ, авторъ Крымской войны, котораго мы, его друзья, называли Еоценомъ, предлагалъ мнѣ написать объ упадкѣ парламентаризма. Вотъ отрывокъ изъ его письма:

„Я хочу задать Вамъ тему, какъ сказала бы Ваша гувернантка въ Вашей классной комнатѣ.

„Я думаю, что Вашему положенію соотвѣтствовало бы написать о паденіи парламентскаго правительства. Вы бы угодили Москвѣ Петербургу, Вашему императору и, хотя не особенное удовольствіе доставили бы Англіи, но заняли бы ея вниманіе и можетъ быть Вы ободрили бы ее и научили бы исправлять свои пути. Скажите мнѣ, что Вы объ этомъ думаете и, если я услышу, что Вы склоняетесь къ темѣ, я возвращусь къ ней".

Г-нъ Фрудъ уговаривалъ меня о томъ же, но задача, которую мнѣ предлагали, была выше моихъ силъ; при томъ мнѣ пришлось бы только повторить то, что было гораздо лучше сказано Карлейлемъ, сэромъ Генри Мень, г-мъ Леки и другими. Но эта трудная задача была взята на себя русскимъ, владѣющимъ всѣми научными свѣдѣніями для такого испытанія.

Обезпечивъ появленіе этого труда въ настоящей формѣ, я чувствую, какъ будто бы я въ извѣстной степени, хотя бы черезъ замѣстителя, привожу въ исполненіе желаніе моихъ двухъ умершихъ друзей Кинглека и Фруда.

О величайшихъ проблемахъ мнѣ нужно сказать только одно слово.

Это слово—его имя, имя знакомое всей Европѣ. Въ религіи оно означаетъ противоположность атеизму, въ православіи—противоположность католицизму съ одной стороны и протестантизму съ другой, а во власти—противоположность анархіи.

Всѣ нечестивыя силы новѣйшаго нигилизма, а также богословское шарлатанство съ его притворными средствами для спасенія души, давно его признали высшимъ воплощеніемъ принциповъ, противъ которыхъ они ведутъ непрекращаемую войну.

Онъ не привыкъ спускаться на арену. Большую часть своей долгой и замѣчательной карьеры онъ былъ нѣмымъ зрителемъ, работалъ, не разговаривая, служилъ своему государю и своей странѣ въ той сферѣ, къ которой онъ былъ призванъ.

Какъ воспитатель нашего покойнаго императора, онъ много содѣйствовалъ тому, чтобы вселить въ сердце и душу Александра III глубокія религіозныя убѣжденія, которыя впослѣдствіи прославили его, какъ человѣка, фанатически не терпящаго лжи ни въ частной своей жизни, ни въ политикѣ, и заслужившаго благородный титулъ „Миротворца Европы“, за его ненависть къ войнѣ.

Воспитать юношу, который бы на одномъ изъ величайшихъ императорскихъ троновъ ненавидѣлъ ложь и смотрѣлъ на сохраненіе мира, какъ на свое высшее честолюбіе, вотъ въ чемъ первая заслуга Побѣдоносцева.

По окончаніи своей педагогической дѣятельности при великомъ князѣ, который, по случаю смерти всѣми оплакиваемаго незабвеннаго брата своего, сдѣлался наслѣдникомъ престола, Побѣдоносцевъ призванъ былъ на постъ весьма важный и трудный—оберъ-прокурора Св. Сѵнода.

Злѣйшіе враги Побѣдоносцева не могутъ его упрекнуть въ томъ, что въ теченіе всей его жизни его поступки не исходили бы изъ самыхъ высокихъ политическихъ и религіозныхъ принциповъ. Онъ несомнѣнно придерживался своихъ убѣжденій съ честнымъ упорствомъ. Это не былъ человѣкъ компромисса, это человѣкъ принципа, которому онъ оставался вѣренъ до конца.

Побѣдоносцевъ своими глубокими познаніями и возвышенными свойствами достигъ выдающагося положенія въ имперіи, которая, какъ даже слѣпые начинаютъ видѣть, занимаетъ первенствующее мѣсто въ Европѣ и Азіи. Онъ не боится высказывать свои мысли открыто своему государю и точно также неуклонно относится къ своимъ почитателямъ.

Побѣдоносцевъ критикъ изъ театральнаго зала. Для него, какъ и для всѣхъ насъ, русскихъ, парламентарная сцена западнаго міра изображаетъ продолжительную трагикомедію, иногда восходящую до трагедіи, иногда спускающуюся до фарса. Мы можемъ наблюдать надъ нею безстрастно критически, а иногда даже съ сочувствіемъ.

Какъ бы Вы ни оплакивали этотъ фактъ, но мы внѣ его и никогда не изъявляли менѣе чѣмъ теперь расположенія стать въ ряды демократической труппы.

Я могу напомнить тѣмъ, кто не желаетъ слушать защитника самодержанія, что Ея Величество Всемилостивѣйшая Королева Викторія, на 61 году своего царствованія, не нашла полезнымъ или даже возможнымъ управлять болѣе какъ небольшой частью своихъ подданныхъ на демократическихъ началахъ, три четверти Британской имперіи управляется также самодержавно и также освобождено отъ Chinoiseries представительной власти, какъ и сама Россія.

Апрѣль 1898".

Другой русскій сановникъ высокаго положенія, но гораздо болѣе древняго рода, свѣтлѣйшій князь Горчаковъ, былъ много лѣтъ Канцлеромъ Имперіи и пользовался болѣе всѣхъ русскихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ извѣстностью. Онъ всегда былъ очень любезенъ съ г-жей Новиковой, но отношенія ихъ не были такъ дружественны, какъ съ Побѣдоносцевымъ. Старый князь былъ не достаточно славянофилъ въ ея глазахъ.

Отъ посланника до премьеръ-министровъ одинъ шагъ. Первый премьеръ между друзьями г-жи Новиковой былъ графъ Бейстъ, Саксонскій государственный человѣкъ, которому послѣ того, какъ австрійцы были выброшены изъ нѣмецкой конфедераціи, Францъ-Іосифъ поручилъ возстановить пошатнувшееся положеніе имперіи. Я привожу изъ письма г-жи Новиковой разсказъ о ихъ первой встрѣчѣ.

„Я проводила цѣлый годъ у моего зятя и его жены въ русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ. Жизнь, которую я тамъ вела, была очень свѣтская, два раза въ недѣлю въ Оперѣ и Бургъ-театрѣ. пріемъ у насъ въ ложѣ и безконечныя приглашенія на обѣды и другія увеселенія. За большимъ банкетомъ, даннымъ турецкимъ посланникомъ Халилъ-пашой, моимъ старымъ другомъ по Петербургу, моимъ кавалеромъ за обѣдомъ былъ графъ Бейстъ, бывшій въ то время канцлеромъ Австрійской имперіи.

Онъ былъ очень разговорчивъ, полонъ юмора и оживленія, а такъ какъ я болѣе любила слушать и составлять свое сужденіе, чѣмъ разговаривать и выражать свои взгляды, то компаньономъ своимъ я очень была довольна.

Онъ, повидимому, любилъ, чтобы его слушали, потому что заѣхалъ ко мнѣ на другой день, долго оставался и, уѣзжая, опустилъ мнѣ въ руку слѣдующіе стихи:

„L'Autriche, dit on, et la Russie
Se brouillent pour la Turquie
Dès aujourd'hui il n'en est plus question;
En invitant une femme charmante
Le Turc (que je l'en complimente!)
Est devenu pour nous un trait d'union“ [1]).

Я поблагодарила графа, положила бумажку въ карманъ и вскорѣ забыла, конечно, объ этомъ. Но мнѣ не суждено было забыть или потерять изъ виду это обстоятельство. Этотъ ничтожный случай имѣлъ нѣсколько неудобныя послѣдствія: почти ссору между моимъ зятемъ и мною. Черезъ нѣсколько дней послѣ визита графа Бейста, посланникъ вбѣгаетъ въ мою комнату, прежде чѣмъ я успѣла отвѣтить на его стукъ въ дверь. Ольга, Ольга, что ты дѣлаешь? Я кончаю письмо къ мужу, отвѣчаю я. Какъ ты можешь поступать такъ безтактно? Какъ ты можешь ставить меня, русскаго посла, въ неловкое положеніе, которое можетъ испортить мои отношенія съ канцлеромъ страны, въ которую я имѣлъ назначеніе. Наступила моя очередь восклицать. Да, въ чемъ дѣло? что случилось? Что я сдѣлала? Какъ что ты сдѣлала съ Бейстомъ, продолжалъ раздраженно мой зять, „обѣдала съ нимъ въ Турецкомъ посольствѣ“. Да, почему ты рѣшила не отвѣчать, какъ слѣдуетъ. Не былъ ли у тебя канцлеръ третьяго дня и не оставилъ ли тебѣ стихи? Да, теперь я понимаю, сказала я. Да, онъ былъ и оставилъ стихи, но я не знала, что онъ желалъ, чтобы я ими хвасталась.

Новиковъ казался оскорбленнымъ. „Кончено“, воскликнулъ онъ: „ты меня поставила въ ужасное положеніе. Ты не сказала мнѣ, что канцлеръ былъ здѣсь. Ты должна знать, что онъ никогда не дѣлаетъ визитовъ, это его особенность. Его пріѣздъ была исключительная демонстрація Русскому посольству. Недостаточно этого, ты ничего не сказала мнѣ про его стихи, никогда не показала ихъ мнѣ. Это просто непростительно! Я былъ у канцлера сегодня утромъ, а первое, что онъ у меня спросилъ, было: что я думаю о его экспромптѣ? О какомъ экспромптѣ, спрашиваю я съ удивленіемъ. Я написалъ его для Вашей belle-soeur, я думалъ, что она Вамъ

---

1) Австрія и Россія, говорятъ,
Спорятъ изъ-за Турціи
Съ сегодняшняго дня объ этомъ нѣтъ больше рѣчи.
Пригласивъ прелестную женщину
Турокъ (котораго я привѣтствую за это)
Сдѣлался для насъ связующимъ звеномъ

его покажетъ. Я былъ въ посольствѣ и оставилъ мои впечатлѣнія о турецкомъ банкетѣ. Я не зналъ, что сказать. Графъ Бейстъ видимо обидѣлся. Онъ само тщеславіе. Ты могла объ этомъ догадаться послѣ разговоровъ съ нимъ во время цѣлаго обѣда". Я признала себя виноватой, но единственная моя ошибка была въ томъ, что я не говорила объ комплиментахъ. Я созналась въ этой ошибкѣ. Графъ Бейстъ не хотѣлъ, чтобы его стихи остались неизвѣстными, онъ не только ихъ повторялъ, но роздалъ ихъ нѣсколькимъ лицамъ [1]).

Иногда возможно быть слишкомъ скромнымъ. Г-жа Новикова, по природной ненависти къ хвастовству, обратила то, что было политической демонстраціей въ этомъ случаѣ, въ личную любезность къ себѣ, не заслуживающую упоминанія. Трудно сказать, когда скромность превращается въ нескромность.

Я помню случай, въ которомъ братъ г-жи Новиковой сдѣлалъ мнѣ нечаянно репутацію скромности, которую я не заслужилъ. Въ 1888 году, когда я былъ принятъ г. Гирсомъ, бывшимъ тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, г-нъ Кирѣевъ былъ такъ добръ, что взялъ на себя трудъ быть моимъ переводчикомъ. Генералъ переводилъ, какъ патентованный драгоманъ, и переводилъ замѣчанія Гирса сжато и быстро, пропуская любезности и внушая мнѣ особенную важность въ томъ, чтобы хранить молчаніе о всемъ происходившемъ во время свиданія.

Оставивъ министерство иностранныхъ дѣлъ, я счелъ своею обязанностью доложить сэру Роберту Моріеру объ интервью, прибавивъ, что генералъ Кирѣевъ поручилъ мнѣ не передавать слова министра. Спустя нѣсколько часовъ г-нъ Гирсъ пріѣзжаетъ въ посольство и, услыхавъ, что я тамъ былъ, говоритъ: я надѣюсь, что Стедъ повторилъ Вамъ все, что я сказалъ о Вашемъ Превосходительствѣ?

— Нисколько, отвѣчалъ—сэръ Робертъ Моріеръ. Онъ сказалъ, что отъ него требовали молчанія.

---

[1]) Quarterley Review January 1880 p. 21.

Въ 1871 г. г-жа Новикова гостила продолжительное время въ домѣ зятя своего, въ русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ и, такъ какъ она имѣла склонность принимать участіе въ политическихъ разговорахъ, то незамѣтно ознакомилась съ текущими дѣлами дипломатіи, но она сдѣлала то, что въ тысячу разъ болѣе важно, она завязала дружбу, которая ни на минуту не ослабѣвала, съ графомъ Бейстомъ, тогдашнимъ премьеромъ Двойной Имперіи; и хотя это могла быть случайность, но фактъ тотъ, что въ продолженіе всего ея пребыванія въ столицѣ Австріи существовало необыкновенное добросердечіе между Петербургскимъ и Вѣнскимъ кабинетами.

О, сказалъ Гирсъ, нѣсколько огорченный, такъ онъ Вамъ не передалъ мои слова, что пока Ваше Превосходительство въ Петербургѣ, нѣтъ опасности какихъ бы то ни было непріятностей между Англіей и Россіей.

Благодарю Ваше Превосходительство, отвѣчалъ сэръ Моріеръ но Стедъ мнѣ не сказалъ даже о томъ, что Вы упоминали мое имя, Stead est capable de tout, même d'être discret!

Острота посланника сослужила мнѣ службу въ Петербургѣ, но я не имѣлъ права на лестный аттестатъ скромности. Генералъ Кирѣевъ, ненавидѣвшій громкія фразы, не перевелъ мнѣ любезностей Гирса къ посланнику, которыя министръ произносилъ съ очевиднымъ намѣреніемъ, чтобъ онѣ были переданы сэру Роберту Моріеру.

Графъ Бейстъ остался другомъ г-жи Новиковой. Онъ былъ австро-венгерскимъ посланникомъ въ Лондонѣ въ критическіе годы, когда Восточный вопросъ волновалъ Европу, и г-жа Новикова, какъ членъ парламента отъ Россіи, трудилась день и ночь надъ тѣмъ, чтобъ обезпечить поддержку Англіи и Австріи ея возлюбленнымъ славянамъ.

Есть много писемъ отъ графа Бейста къ Chère et excellente Madame de Novikoff съ подписью mille hommages, Votre toujours dévoué Beust, но это были большею частью записки съ приглашеніемъ на обѣдъ, извиненія и сожалѣнія о томъ, что не имѣлъ возможности съ нею встрѣтиться, сожалѣнія объ ея отсутствіи и т. п. Длинныя письма страшно неразборчиво написаны, каллиграфія графа такая же нечеткая, какъ Динь Станлея. Вотъ краткая выдержка изъ его письма, суммирующая парламентскія пренія по вопросу о Хивѣ:

„L' Angleterre emploiera son ancendant moral pour contenir l'Afghanistan, mais n' en repond pas. La Russie a déclaré ne pas vouloir annexer Khiva, mais ne renonce pas de le faire. Les voilà d'accord.

„Au fait cela revient à ce que dit l'Evangile, l'intention est bonne, mais la chair est faible. Seulement chez les Russes elle ne les empêche pas eux de faire ce qui leur plait, tandis que chez les Anglais elle n'empêche pas les autres de faire ce qui plait à ceux là.

Вотъ другое письмо отъ 31-го декабря 1875 г. Оно разборчивѣе другихъ:

---

[1]) Англія употребитъ свое нравственное вліяніе, чтобъ сдерживать Афганистанъ, но не отвѣчаетъ за него. Россія объявила о нежеланіи своемъ присоединить Хиву, но не отрекается отъ нея, и такъ онѣ согласны.

Въ сущности это походитъ на слова Евангелія: намѣреніе благое, но плоть немощна. Только у русскихъ это не мѣшаетъ дѣлать то, что они хотятъ. Тогда какъ у англичанъ это не мѣшаетъ другимъ дѣлать то, что хотятъ эти послѣдніе.

„Дорогая и очаровательная Madame Novikoff.

Изъ того, что Вы мнѣ говорили относительно быстроты Вашихъ передвиженій, я заключаю, что я не могу надѣяться, чтобъ эти строки Васъ опередили, во всякомъ случаѣ онѣ будутъ слѣдовать за Вами, чтобъ передать Вамъ, какъ глубоко меня тронули нѣсколько прощальныхъ словъ, оставленныхъ Вами мнѣ. Въ моемъ сердцѣ, такъ искренно преданномъ моимъ немногимъ искреннимъ друзьямъ, они возбудили самый горячій отзвукъ.

Со времени Вашего отъѣзда я веду жизнь анахорета, другими словами, я перенесъ бронхитъ. Кашель былъ такъ силенъ одно время, что я начиналъ серьезно опасаться. Сидѣніе дома и приказанія доктора, чтобъ я никого не принималъ, произвели благотворное дѣйствіе, которое возродило во мнѣ надежду жить для удовольствія моихъ друзей и для разочарованія другихъ. Знаменитая „нота“ (знаменитая нота Андраши о Боснійскомъ возстаніи) все путешествуетъ, но не приходитъ. Она вѣроятно веселится по пути и не мудрено, ей столько нужно обнять. Одно несомнѣнно, что она дробитъ свои чувства (она очень безпорядочна въ своихъ чувствахъ) молодая негодяйка, потому что безпрестанно переходитъ отъ одного къ другому.

Прощайте, не могу Васъ поздравить съ новымъ годомъ, такъ какъ для Васъ онъ еще не насталъ. Въ вознагражденіе за это Вы можете меня поздравить въ Вашъ новый годъ, такъ какъ это день моего рожденія. Дѣлайте, что хотите, но я не въ силахъ этого превозмочь: я всегда былъ русскій въ душѣ, даже въ колыбели, не говоря о еще болѣе раннемъ времени.

Вашъ искренно

Бейстъ“.

Я встрѣтилъ графа Бейста въ салонѣ г-жи Новиковой въ Brook Street въ 1877 г. Онъ былъ старъ и дряблъ, но полонъ интереса и оживленія. Хотя онъ, казалось, былъ очень преданъ г-жѣ Новиковой и очень дружески расположенъ къ дѣлу славянъ, но никому кромѣ ей онъ вѣроятно не объявилъ бы j'étais russe dans l' âme même au berceau“ [1]). Но въ этомъ заключалось преимущество быть г-жей Новиковой. Она каждаго дѣлала russe dans l'âme, старающагося вообразить, что онъ былъ русскимъ въ предыдущемъ воплощеніи.

Еще письмо графа Бейста, написанное еще раньше.

---

[1]) Я былъ русскій съ колыбели.

Altenberg 15 Août 1875.

Bien chère Madame,—que puis-je Vous dire d'Arnim et de Bismark? je vis à la campagne dans la plus profonde retraite ne voyant personne fuyant l'ingrate Vienne. Tout ce que je puis Vous dire c'est que je suis au gré infini à ces deux messieurs de s'être brouillés mortellement au moins voilà les journaux moins ennuyeux que d'ordinaire.

Vous chère Madame Hovikoff Vous pouvez me dire plus de choses interessantes de Londres que je ne puis le faire d'ici. J'espère qu'on ne Vous a pas dit trop de mal de moi et que Vous me gardez Votre bonne amitié.—Mille et mille hommages.

Beust"[1]).

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Альтенбергъ 15 августа 1875.

Дорогая Madame Novikoff.

Что могу Вамъ сказать объ Арнимѣ и Бисмаркѣ? Я живу въ деревнѣ въ полномъ уединеніи, не вижу никого, бѣгу отъ неблагодарной Вѣны. Все, что могу сказать: я очень благодаренъ этимъ двумъ господамъ за то, что они смертельно поссорились, по крайней мѣрѣ газеты стали интереснѣе обыкновеннаго.

Вы, дорогая Madame Novikoff, Вы мнѣ можете сообщить изъ Лондона гораздо больше интереснаго, нежели я отсюда. Надѣюсь, что Вамъ не слишкомъ много наговорили дурного обо мнѣ и что Вы сохраните дружбу Вашу ко мнѣ.

Тысячи и тысячи привѣтовъ.

Бейстъ.

Какъ Тиммерманъ и кумпанства строили корабли въ Воронежѣ?

(Письма 1698 года).

Государю Преосвященному Гавріилу, архіепископу Вологодскому и Бѣлозерскому, холопъ твой Ивашко Сечихинъ, святого твоего архіерейскаго благословенія прося, челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, въ 207-мъ году Декабря въ 29 день изъ Володимерскаго суднаго приказу присланы въ твое архіерейское кумпанство Великаго Государя указы, а каковы, государь, указы, и съ тѣхъ указовъ послалъ къ тебѣ, государю, я, холопъ твой, съ сею отпискою списки, да я-жь, холопъ твой, подрежаю иноземца Өранца Тимермана подъ припасы карабельные противъ росписи, какова прислана въ твое архіерейское кумпанство, а дать, государь, денегъ ему Өранцу, мнѣ нечего, потому которые, государь, деньги казенные у меня были, и тѣ издержаны. Изволь, государь, приказать прислать денегъ рублевъ съ тысячю тотчасъ не отложно, а есть-ли, государь, денегъ вскорѣ не изволишь приказать прислать, и мнѣ подрежать и покупать припасовъ нечѣмъ. А Вологжаня посацкіе люди денегъ нихто не дали, а занять, государь, нынѣ на Москвѣ денегъ ніукого не мочно. А сѣру, государь, еловую и колюмѳанію и іное что купить противъ росписи мочно на Вологдѣ. То, государь, купя прикажи прислать вскорѣ неотложно.

Наобор. писанъ адресъ: „Государю преосвященному Гавріилу архіепископу Вологодскому и Бѣлозерскому“. Подъ письмомъ Ивана Сечихина подклеены списки упоминаемыхъ въ письмѣ указовъ изъ Володимерскаго приказа: 1. „Списокъ 207-го декабря въ 28 день. По указу велікаго государя повестить во всѣхъ кумпанствахъ, чтобъ оні посылали на Воронежъ въ кумпанства свои для строенія шлюпокъ столяровъ и къ пушкамъ ядра и порохъ тотчасъ безо всякаго мотчаніи и велѣть тѣхъ кумпанствъ стряпчимъ подписывать имянно, что имъ сей велікого Государя указъ вѣдомъ“.

2. „Списокъ. 207-го декабря въ 29 день. По указу Великаго Государя Царя і великаго князя Петра Алексѣевича всея великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержца посланъ изъ Володимерскаго судного пріказу въ кумпанство преосвященного Гавріила, архіепископа Вологодскаго и Бѣлозерскаго *иноземецъ грекъ* Иванъ Николаевъ, а быть ему по ево велікого Государя указу на корабляхъ въ морскомъ коровапе, а ево велікого Государя мѣсечного жалованья дать ему декабря зъ 28-го числа нынѣшняго 207 году впредь на полгода по шти еѳимковъ на мѣсяцъ да кормовыхъ денегъ дать и впредь давать на два мѣсяца по два алтыни на день, и того иноземца въ то кумпанство принять и давать ему ево велікого Государя годовое мѣсячное жалованье и кормовые денги по вышеписаннымъ указнымъ статьямъ и послать ево на Воронежъ въ то время какъ указано будетъ, и впредь о дачѣ ево жь велікого Государя жалованья чініть по сему велікого Государя указу. У подлінпаго указу пріпись дьяка Нікиты Полуніна. Справа подъячаго Тімоѳея Долгово". 3. „Списокъ. 207-го декабря въ 29 день. По указу велікого Государя Царя и велікого князя Петра Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Россиі самодержца посланъ изъ Володимерского судного пріказу въ кумпанство преосвященнаго Гивріила, архіепископа Вологодскаго и Бѣлозерскаго, *иноземецъ свѣянінъ* Констапель Карпъ Андрѣевъ сынъ *Кенъ*, а быть ему по ево велікого Государя указу на карабляхъ въ морскомъ коровапе, а ево велікого Государя мѣсечного жалованья дать ему декабря съ 17-го числа нынѣшняго 207 году впредь на полгода по двадцати еѳимковъ на мѣсяцъ да кормовыхъ денегъ дать и впредь давать на два мѣсяца по два алтына по четыре денги на день, и того иноземца въ то кумпанство принять и давать ему ево велікого Государя годовое мѣсячное жалованье и кормовые денги на вышеписаннымъ указнымъ статьямъ, и послать его на Воронежъ въ то время, какъ указано будетъ, и впредь о дачѣ ево великого Государя жалованья чинить по сему жь велікого Государя указу. У подлинного указу припись дьяка Нікиты Полуніна. Справа подъячаго Тимоѳѣя Долгова". 4. „Съ Воронежа, государь, дому твоего архіерейского дьяка Петръ Ташлыковъ пріслалъ съ росписи подрятчіковой Зиновья Суровцова списокъ, да писалъ, что онъ, Зиновей, никакихъ припасовъ кромѣ тѣхъ, что въ первой росписи написаны, готовить не станетъ и съ той, государь, росписи послалъ къ тебѣ, Государю, я холопъ твой для вѣдома списокъ". *Далѣе подклеенъ*: „Списокъ. 207-го декабря въ 21 день Преосвященнаго Гавріила, архіепископа Вологодскаго и Бѣлозерскаго дьяку Петру Ташлыкову кумпанства ево архіерейского карабельный подрятчикъ

гостиной сотни Зиновей Суровцевъ далъ сію роспись, что карабля въ постройкѣ и всякихъ на тотъ карабль припасовъ въ готовности по вышеявленное декабря по 21-е число нынѣшняго 207-го году: Карабль весь построенъ, толко левъ не пришитъ да воротъ не вставленъ, на каютѣ, гдѣ быть было резбѣ, вмѣсто того по указу велікого Государя велено прідѣлать бочки, что имянуются галереі, и тѣ галереи не прідѣланы, да не оснащенъ, потому что безъ указу великого Государя оснащивать не велено. А къ тому оснащиванью снасти всѣ готовы лежатъ въ караблѣ. А припасы на тотъ карабль противъ карабельной росписи, какова дана изъ судного Володимерскаго приказу всѣ въ готовности-жь и положены по указу великого Государя на адмиралтейцкомъ дворѣ въ анбарѣ, толко изъ тѣхъ припасовъ въ Переславѣ Резанскомъ да на Лебедини положены и на Воронежъ за распутіемъ еще не привезены да 24 пушки, и привезены оні будутъ на Воронежъ послѣ сего числа вскорѣ потому что посланы по ніхъ извозчики. Да у Ѳранца Тимермана противъ подрядной ево росписи толко не принято 400 гранатъ ручныхъ, а протчіе всѣ припасы противъ росписи всѣ въ готовности. А вышеписанные снасти, которые лежатъ въ караблѣ къ оснащиванью *веревки подряду Ѳранца Тимермана*, и тѣ веревки такожь и во всѣхъ кумпанствахъ ево Ѳранцова подряду осмотря, *вицъ-адмиралъ сказалъ, что-де они будутъ негодны*, и о томъ, что впредь великіі Государь укажетъ. А въ которые припасы подрежался Ѳранцъ Тимерманъ на двѣ тысячи на восмьсотъ рублевъ поставить, и тое заручную роспись прислать ко мнѣ на Воронежъ. Позади подлинной росписи пишетъ: Зіновей Суровцевъ руку пріложилъ. *На оборотѣ написанъ адресъ*: „Государю преосвященному Гавріилу, архіепископу Вологодскому и Бѣлозерскому.

Н. Суворовъ.

Изъ прошлаго.

Русскія войска передъ Константинополемъ въ 1878 г.

I.

Дѣйствующая армія за Дунаемъ расформировалась и главная ея квартира переѣзжала въ Россію. Къ сѣверу отъ Балканъ оставленъ былъ „Сѣверный“ отрядъ генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго [1]), поступившій въ составъ оккупаціонныхъ войскъ, подъ главнымъ начальствомъ Императорскаго комиссара въ Болгаріи князя А. М. Дондукова-Корсакова. Бывшій главнокомандующій гр. Э. Ив. Тотлебенъ, какъ инженеръ, пожелалъ осмотрѣть прежнія турецкія крѣпости Шумлу и Варну, а потому направился сухимъ путемъ, изъ Адріанополя черезъ Балканы, сначала въ Шумлу, куда, на встрѣчу ему, выѣхалъ изъ Варны П. С. Ванновскій, а штабъ съ кн. А. К. Имеретинскимъ во главѣ, поѣхалъ, черезъ Константинополь, моремъ, въ Варну.

Въ этотъ пріѣздъ князя Имеретинскаго пришлось мнѣ часто бесѣдовать съ нимъ въ ожиданіи пріѣзда ген. Ванновскаго и гр. Тотлебена изъ Шумлы. Разговоры наши, по большей части, затрогивали событія послѣдней войны, особенно же подробности С.-Стефанскаго періода, который, вслѣдствіе моего лѣченія въ Пе-

[1]) Называвшійся во время войны «Рущукскимъ», а потомъ «Восточнымъ».

тербургѣ отъ полученныхъ контузій, былъ мнѣ недостаточно извѣстенъ.

Князь Имеретинскій разсказалъ мнѣ многое, весьма интересное и дополнилъ мои свѣдѣнія о послѣднемъ времени командованія арміей Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ.

Разскажу одинъ изъ эпизодовъ, который собственно до арміи мало касается, но можетъ служить характеристикой положенія.

Войска наши, добравшись до С.-Стефано и ближайшихъ окрестностей Константинополя, были вполнѣ готовы сдѣлать еще одинъ шагъ—занять Константинополь. Всѣ, отъ мала до велика, были убѣждены не только въ неминуемости этого событія, но и въ томъ, что этотъ шагъ вполнѣ возможенъ и будетъ сдѣланъ если не сегодня, то завтра. По свѣдѣніямъ, не оставляющимъ никакой тѣни сомнѣнія, насъ въ Константинополь ждали съ часу на часъ; христіанское населеніе древней Византіи приготовляло вѣнки и букеты, шли разговоры о размѣщеніи нашихъ войскъ въ турецкихъ казармахъ.

Насколько все это въ то время назрѣло, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, слѣдующее: товарищъ мой, полковникъ генеральнаго штаба, Николай Васильевичъ баронъ Каульбарсъ, поѣхавъ въ Константинополь, заѣхалъ съ визитомъ къ германскому послу при Портѣ принцу Генриху Рейсъ, съ которымъ былъ знакомъ раньше. Принцъ Рейсъ, послѣ первыхъ привѣтствій, спросилъ:

„Когда вступаете вы въ Константинополь?“

Каульбарсъ отвѣчалъ, что этого не предполагается.

Принцъ горячо возразилъ: „не можетъ быть; вы скрываете“. Баронъ отвѣчалъ, что онъ только-что пріѣхалъ изъ С.-Стефано, и что въ главной квартирѣ и рѣчи нѣтъ о вступленіи въ Константинополь. Тогда принцъ Рейсъ пожалъ плечами, отошелъ къ окну и, повернувшись къ Каульбарсу спиной, забарабанилъ по стеклу.

Тѣмъ не менѣе въ главной квартирѣ были убѣждены, что приказаніе о движеніи впередъ будетъ въ скоромъ времени получено изъ Петербурга. Къ сожалѣнію, Великій Князь главнокомандующій не рѣшился подражать принцу Евгенію Савойскому, который, осаждая Мантую и получивъ, уже во время осады, приказъ отнюдь не брать крѣпости, спряталъ приказъ, взялъ городъ и донесъ, что слишкомъ поздно получилъ приказаніе.

Я говорю „къ сожалѣнію“ потому, что движеніе впередъ было вполнѣ возможно.

Но вотъ распространяется слухъ, что Петербургъ запрещаетъ движеніе впередъ. Слухъ этотъ все болѣе и болѣе подтверждается, при чемъ упоминаютъ объ англійскихъ угрозахъ. Люди, хорошо

освѣдомленные, говорятъ, что была получена изъ Петербурга телеграмма отъ Государя на имя Великаго Князя приблизительно слѣдующаго содержанія: „Графъ Шуваловъ [1]) сообщаетъ, что Англія угрожаетъ войной въ случаѣ занятія нами Константинополя. Не желая втягивать Россію въ новую войну, воспрещаю всякое движеніе впередъ". Объ этой, или подобной, телеграммѣ всѣ говорили открыто. Нельзя обвинять главную квартиру въ недержаніи секрета; надо вспомнить, что въ то время мы сообщались съ Петербургомъ по телеграфу и кабелю черезъ Одессу, при чемъ наши телеграммы, проходя черезъ Константинополь, тамъ задерживались иногда по нѣсколько дней и конечно дешифрировались. Другое сообщеніе съ Россіей было сухимъ путемъ, черезъ Румынію, но и тамъ вѣрность и своевременность передачи телеграммъ не была обезпечена. Насколько мнѣ извѣстно, главная квартира пользовалась преимущественно первымъ путемъ, черезъ Константинополь и получала свѣдѣнія позже Порты и иностранныхъ пословъ, находившихся въ Константинополѣ.

Тѣмъ временемъ турки, руководимые англичанами, не дремали, сосредоточивали войска въ районѣ между Константинополемъ и С.-Стефано и опоясывали столицу рядами укрѣпленій, созидая новую Плевну. Передовыми турецкими войсками назначенъ былъ командовать элегантный, молодой Фуадъ-Паша, который подражалъ Скобелеву и даже назывался турецкимъ Скобелевымъ. (Я когда-нибудь опишу такъ называемое сраженіе „подъ вышкой", въ которомъ обнаружилась малая подготовленность гр. Тотлебена руководить дѣйствіями арміи въ полѣ, внѣ крѣпостей или ихъ обложенія).

Вдругъ, весной, получается изъ Петербурга приказаніе наступать и взять Константинополь. Время было уже упущено, и Великій Князь главнокомандующій, бывшій вначалѣ ревностнымъ сторонникомъ движенія впередъ, отвѣтилъ, что это невозможно.

Тѣмъ не менѣе изъ Петербурга настойчиво требовали занятія Константинополя и Галиполи. Видя невозможность выполнить приказаніе, Великій Князь рѣшилъ послать въ Петербургъ довѣренное лицо для личнаго доклада Государю о положеніи дѣлъ, и выборъ палъ на князя Имеретинскаго, состоявшаго въ распоряженіи главнокомандующаго, безъ опредѣленнаго дѣла.

Дальнѣйшее буду разсказывать со словъ самого князя, лично мнѣ сказанныхъ.

---

[1]) Петръ Андреевичъ, нашъ посолъ въ Лондонѣ.

„Получивъ всѣ надлежащія инструкціи, я представился Великому Князю передъ отъѣздомъ. Прощаясь со мной, Его Высочество, повторивъ данныя уже мнѣ общія указанія, прибавилъ: „да кстати доложи Государю, что графа Игнатьева [1]) надо убрать; онъ потерялъ довѣріе не только турокъ, но и русскихъ“ [2]).

Услышавъ такія рѣзкія слова, я вынулъ мою записную книжку, вписалъ туда сказанную мнѣ фразу и обратившись къ Великому Князю просилъ его выслушать, такъ ли я понялъ его слова и такъ ли записалъ, на что Великій Князь, прослушавъ меня, раздраженно отвѣтилъ: „да, да, именно такъ“.

Пріѣхавъ въ Петербургъ я былъ принятъ Государемъ, доложилъ Ему все, что мнѣ поручено было относительно невозможности взять Константинополь, а затѣмъ, кончивъ докладъ, вынулъ записную книжку и сказалъ: Ваше Величество, Великій Князь главнокомандующій приказалъ мнѣ еще доложить Вашему Величеству, что—и затѣмъ прочиталъ по книжкѣ упомянутую выше фразу о гр. Игнатьевѣ.

Государь ничего не сказалъ и я вышелъ“.

Слушая этотъ разсказъ, меня отъ волненія и страха даже въ потъ бросило; Имеретинскій же, совершенно спокойно, съ свойственной ему манерой отчеканивать слова, продолжалъ:

„Въ Петербургѣ рѣшено было смѣнить главнокомандующаго, Великаго Князя и назначить вмѣсто него Тотлебена, который былъ въ то время боленъ, въ Петербургѣ. Государь ѣздилъ къ нему на домъ совѣтоваться, и Тотлебенъ держался мнѣнія, что взять Константинополь можно.

Наконецъ Тотлебенъ выздоровѣлъ, и въ Зимнемъ дворцѣ было созвано большое засѣданіе для рѣшенія вопроса о Константинополѣ. На засѣданіи присутствовали: Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Александръ Александровичъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, государственный канцлеръ князь А. М. Горчаковъ, военный министръ гр. Д. А. Милютинъ, гр. Тотлебенъ, еще кто-то и я. Когда засѣданіе кончилось и рѣшено было замѣнить Великаго Князя Тотлебеномъ, Государь обратился къ кн. Горчакову и сказалъ по-французски: „Кстати, князь; извѣстно ли вамъ то лестное мнѣніе, которое имѣетъ Великій Князь главнокомандующій о вашемъ послѣ въ Константинополѣ?“ и когда кн. Горчаковъ отвѣтилъ, что ему ничего неизвѣстно, то Государь, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: „Имеретинскій, повтори“.

---

[1]) Нашъ посолъ въ Константинополѣ графъ Н. П. Игнатьевъ, находившійся въ то время въ Петербургѣ.

[2]) Дѣйствительная редакція фразы была несравненно рѣзче.

При этихъ словахъ я, уже наэлектризованный всѣмъ предъидущимъ, не выдержалъ и вскрикнулъ, обращась къ Имеретинскому: ну и что же? Имеретинскій, совершенно спокойнымъ голосомъ, отвѣчалъ: „Я?—я вынулъ мою записную книжку и прочиталъ: гр. Игнатьевъ и т. д. Затѣмъ сложилъ книжку и положилъ ее въ карманъ. Всѣ молчали и разошлись".

Я сидѣлъ, подавленный всѣмъ слышаннымъ. Кн. Имеретинскій ходилъ по комнатѣ и затѣмъ, какъ будто вспомнивъ что-то веселое, продолжалъ: „но что курьезнѣе всего, такъ какъ это то, что, спускаясь по лѣстницѣ Салтыковскаго подъѣзда Зимняго дворца, я зашелъ къ графинѣ Барановой [1]) и тамъ засталъ Игнатьева съ женой, которая сказала мнѣ, что они собираются на-дняхъ ѣхать въ Константинополь и уже почти уложились. Самъ Игнатьевъ, взявъ меня подъ руку, весело разспрашивалъ, прохаживаясь по комнатѣ, о томъ, что дѣлается въ С.-Стефано, какъ тамъ поживаютъ, и правда ли, что Великій Князь главнокомандующій имъ, Игнатьевымъ, недоволенъ. Я совершенно откровенно отвѣтилъ, что да, недоволенъ и даже поручилъ доложить объ этомъ Государю, что мною сейчасъ и исполнено".

Весь разсказанный мною эпизодъ имѣлъ слѣдующую развязку. Великій Князь замѣненъ гр. Тотлебеномъ и уѣхалъ въ Россію.

Тотлебенъ еще дорогой, въ Одессѣ, говорившій о возможности взять Константинополь, пріѣхавъ въ С.-Стефано, донесъ въ Петербургъ, что, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ, онъ признаетъ взятіе Константинополя невозможнымъ.

Князь Имеретинскій вернулся въ С.-Стефано начальникомъ штаба дѣйствующей арміи, смѣнивъ Непокойчицкаго, а гр. Игнатьевъ въ Константинополь не поѣхалъ.

Говорили одно время, что посломъ будетъ назначенъ самъ кн. Имеретинскій, но въ дѣйствительности, вмѣсто гр. Игнатьева, посломъ въ Константинополь былъ назначенъ князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій, впослѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ.

Описанный мною выше эпизодъ, разсказанный мнѣ лично княземъ Имеретинскимъ, произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что врѣзался мнѣ въ память до мелочей. Кн. Имеретинскій про-

---

[1]) Кажется, я не ошибаюсь, что тамъ жила гр. Баранова или можетъ быть гр. Антонина Дмитріевна Блудова.

силъ меня не болтать о разсказанномъ имъ; каково же было мое удивленіе, когда, черезъ нѣсколько дней послѣ этого, вечеромъ, на квартирѣ Ванновскаго, кн. Имеретинскій, при мнѣ, повторилъ разсказъ, слово въ слово. (Это было еще до ссоры Имеретинскаго съ Ванновскимъ). Послѣ того я слышалъ этотъ разсказъ уже отъ многихъ другихъ лицъ, въ совершенно тождественномъ изложеніи, что̀, очевидно, снимаетъ съ меня обѣтъ молчанія.

П. Паренсовъ.

Мои воспоминанія о Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ[1].

(Князя Дм. Алекс. Оболенскаго).

III.

Обычное торжество и празднество коронаціи не носили на себѣ никакого особаго отпечатка, по которому бы можно было судить о близости новыхъ явленій въ высшихъ сферахъ государственной дѣятельности. Награды, милости, льготы, прощенія, забвенія, наполняли собою всю программу оффиціальныхъ распоряженій правительства. А между тѣмъ и собравшіеся представители всѣхъ сословій и передовые люди разныхъ возрастовъ и состояній начинали уже громко выражать свои надежды, желанія и убѣжденія. Только изрѣдка выходилъ изъ высшихъ оффиціальныхъ сферъ неясный звукъ, отзывающійся въ томъ или въ другомъ смыслѣ на общій говоръ. Подобно телефону отражались внутри правительственнаго организма приносимые изъ внѣ звуки, они передавались, можно сказать механически, силою отраженія или колебанія, а не сознательно.

Московское Общество Сельскаго Хозяйства пробовало обратиться къ Великому Князю Константину Николаевичу съ просьбою принять на себя званіе Почетнаго Президента Общества, съ цѣлью чрезъ посредство его получить разрѣшеніе заниматься разработкою крестьянскаго вопроса. Но Великій Князь отклонилъ это предложеніе, ибо мало интересовался этимъ вопросомъ и при томъ собирался ѣхать, сейчасъ послѣ коронаціи, за границу.

[1] См. «Русская Старина» мартъ 1909 г.

Не менѣе того, я тогда же узналъ отъ Великаго Князя, что Государь имѣлъ намѣреніе, по возвращеніи въ Петербургъ, собрать у себя совѣтъ изъ нѣсколькихъ (какъ выразился Великій Князь) магнатовъ и предложить имъ вопросъ о крестьянской реформѣ. Но, по всему видно было, что весь этотъ вопросъ весьма смутно представлялся въ понятіяхъ царственныхъ особъ. Скоро, даже и гораздо ранѣе перваго совѣщанія у Государя, вопросъ этотъ сталъ называться Великимъ Княземъ современнымъ вопросомъ, но почему онъ былъ въ глазахъ его современнымъ, я не могъ себѣ объяснить, скорѣе представлялся онъ въ высшихъ сферахъ вопросомъ моднымъ.

Хотя въ то время уже ходило по рукамъ много рукописныхъ записокъ о крестьянахъ, изъ нихъ самая замѣчательная была записка Юрія Самарина, но во всѣхъ этихъ запискахъ излагалась болѣе или менѣе одна только историческая и теоретическая сторона дѣла.

Прежде всѣхъ выступила на почву чисто практическую Великая Княгиня съ составленною по ея порученію Милютинымъ и Кавелинымъ запискою, съ проектомъ о крестьянской реформѣ въ собственномъ имѣніи Великой Княгини, селѣ Карловкѣ.

О намѣреніи своемъ подать эту записку Государю, передъ своимъ отъѣздомъ за границу, Великая Княгиня говорила мнѣ нѣсколько разъ, и, я признаюсь, нѣсколько разъ ее отъ этого отговаривалъ. Мнѣ казалось, что поднимать такой важный вопросъ второпяхъ, наканунѣ отъѣзда по малой мѣрѣ неблагоразумно. Я не останавливался передъ какимъ-либо опасеніемъ встрѣтить сильную оппозицію. Напротивъ, я боялся слишкомъ легкаго и скораго разрѣшенія приступить къ отдѣльному, отрывочному разрѣшенію въ одномъ имѣніи вопроса, имѣющаго всеобщее значеніе. Я зналъ, что Государь, отзываясь о предположеніяхъ Великой Княгини, о которыхъ она предварательно сообщала ему словесно, сказалъ, что Великая Княгиня хочетъ что-то у себя попробовать въ Карловкѣ.

Это слово попробовать звучало странно въ ушахъ моихъ, при мысли, что оно относится къ пробѣ эмансипаціи, и мнѣ казалось, что при отсутствіи положительныхъ убѣжденій и знаній дѣла всякая попытка неминуемо будетъ остановлена первымъ препятствіемъ. Я боялся, чтобы вопросъ, безтолково поднятый, не остановилъ бы дѣла, не произвелъ бы напрасной тревоги и въ концѣ концовъ не компрометтировалъ бы Великую Княгиню. Я уговаривалъ ее отложить до своего возвращенія представленіе записки. Своимъ присутствіемъ она могла бы, по крайней мѣрѣ, устранять тѣ недоразумѣнія и препятствія, которыя неминуемо явились бы, при

первомъ приступѣ къ исполненію ея предположеній. Великая Княгиня, выслушавъ, со вниманіемъ, всѣ мои доводы, сказала мнѣ, что графъ Киселевъ также ее очень отговариваетъ, но, не менѣе того, она рѣшилась и подастъ свою записку. Что она и сдѣлала почти наканунѣ своего отъѣзда [1]).

Дальнѣйшая судьба этой записки мнѣ въ точности неизвѣстна; кажется, она передана была Государемъ министру внутреннихъ дѣлъ, а впослѣдствіи, когда въ самомъ началѣ 1857 года учрежденъ былъ первый секретный комитетъ по крестьянскому вопросу, записка эта вмѣстѣ со всѣми другими матеріалами передана была въ этотъ комитетъ.

Всю зиму 1856 и весь 1857 годъ Великая Княгиня пробыла за границей. Здѣсь она не переставала пристально слѣдить за всѣмъ, что дѣлается въ Россіи. Черезъ посредство фрейлины Раденъ вела она дѣятельную переписку со всѣми лицами, удостоенными ея вниманія. Въ числѣ ихъ былъ и я. Я сообщилъ ей ходившую тогда по рукамъ пространную записку Самарина о крестьянскомъ вопросѣ. Эдита Ѳедоровна Раденъ по порученію Великой Княгини перевела эту записку на нѣмецкій языкъ и сообщила ее г. Гакстгаузену, извѣстному въ то время ученому, публицисту, написавшему дѣльное сочиненіе о славянской общинѣ. Когда же въ началѣ 1857 года крестьянскій вопросъ въ Петербургѣ поставленъ былъ уже оффиціально на очередь, учрежденіемъ секретнаго комитета для разработки его, то Великая Княгиня могла уже, не стѣсняясь тайной, приглашать къ участію съ нею въ разработкѣ этого вопроса посторонникъ людей, встрѣченныхъ ею за границей. Такъ лѣтомъ 1857 года прибыли въ Вильхбадъ по ея приглашенію графъ Киселевъ изъ Парижа, г.г. Гакстгаузенъ, крупные землевладѣльцы Кіевской и Полтавской губерніи А. А. Абаза, Капнистъ, Тарновскій и профессоръ Кавелинъ.

Всѣ эти лица по порученію Великой Княгини занимались разработкою проекта освобожденія крестьянъ въ собственномъ имѣніи Великой Княгини с. Карловкѣ.

Этотъ проектъ долженъ былъ служить образцомъ для добровольныхъ сдѣлокъ въ малороссійскомъ краѣ.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ, секретный комитетъ по крестьянскому вопросу, составленный изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, совершенно неспособныхъ и не приготовленныхъ къ начертанію какого-либо проекта освобожденія крестьянъ, подъ предсѣдательствомъ князя Орлова и подъ ловкимъ ру-

[1]) Великая Княгиня выѣхала за границу 8-го октября 1865 года.

ководствомъ совершенно незнакомаго съ дѣломъ статсъ-секретаря Буткова занимался переливаніемъ изъ пустого въ порожнее. Никто не рѣшался выступить впередъ съ какою-нибудь ясно опредѣленною мыслью. Генералъ Ростовцевъ, впослѣдствіи, игравшій столь видную роль въ качествѣ перваго предсѣдателя редакціонной комиссіи, не рѣшался еще взять дѣло въ свои руки, а, напротивъ того, отказался отъ возложеннаго на него секретнымъ комитетомъ порученія вмѣстѣ съ кн. Гагаринымъ и барономъ Корфомъ составить какой-нибудь планъ дѣйствія комитета и начертать какой-либо предварительный проектъ главныхъ основаній эманципаціи.

Отказъ его былъ мотивированъ тѣмъ, что, не владѣя населеннымъ имѣніемъ, онъ не имѣетъ надлежащихъ свѣдѣній, нужныхъ для разрѣшенія сего вопроса. Положеніе было въ высшей степени натянутое. Вопросъ былъ поднятъ, вся Россія объ этомъ узнала и хотя комитетъ былъ секретный, но тѣмъ не менѣе несостоятельность его ни для кого не была тайною.

Въ газетахъ и журналахъ начали появляться статьи о современномъ вопросѣ, такъ назывался тогда крестьянскій вопросъ. Цензура, совершенно сбитая съ толку, не имѣя никакого руководства о томъ, какъ относиться къ этому вопросу, постояно попадала въ просакъ. Ей одинаково доставалось какъ за пропускъ либеральныхъ статей, такъ и за пропускъ статей въ противуположномъ направленіи. Наконецъ, запрещено было вовсе печатать что-либо, прямо или косвенно до крестьянскаго вопроса относящееся. Ces Messieurs, сказалъ тогда Ѳ. И. Тютчевъ, croyent vraiment, que le jugement dernier pourra se faire à huit-clos. Это запрещеніе вызвало цѣлую рукописную литературу по крестьянскому вопросу. Самыя ярыя памфлетическія статьи нашли себѣ пріютъ въ Лондонскомъ изданіи Герцена „Колоколъ“, который тогда былъ въ апогеѣ своего могущественнаго вліянія.

Всѣ недоумѣвали, что изъ всего этого выйдетъ. Всѣ чувствовали, что поднятый вопросъ на полъ-пути остановиться не можетъ, что нужно или рѣшительно идти назадъ, закрыть секретный комитетъ и остановить энергическими дѣйствіями начавшееся въ обществѣ броженіе—или идти впередъ. Но для сего послѣдняго исхода необходимы были новыя силы, это ясно было для всѣхъ. Подъ рукой не было видно человѣка, который бы могъ дать какой-либо толчекъ дѣлу въ ту или другую сторону. Великій Князь Константинъ Николаевичъ былъ въ то время за границей, и на скорое его возвращеніе къ дѣламъ стали возлагать большія надежды. Онъ пользовался въ то время большимъ довѣріемъ и расположе-

ніемъ Государя; между министрами онъ занималъ исключительное положеніе, и къ его вмѣшательству въ дѣла общаго управленія подъ видомъ разныхъ реформъ, предпринятыхъ въ морскомъ министерствѣ, стали уже привыкать. Въ публикѣ онъ пріобрѣлъ значительную популярность, такъ что особымъ распоряженіемъ по цензурному вѣдомству вмѣнено было въ обязанность цензорамъ: „положительно не допускать похвалы и одобренія дѣйствіямъ и намѣреніямъ Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала, (28 апрѣля 1854 года дѣло № 72). Все это утверждало многихъ въ надеждѣ, что съ возвращеніемъ Великаго Князя въ Петербургъ, крестьянское дѣло приметъ какое-нибудь рѣшительное направленіе. Объ этомъ общемъ мнѣніи я и другіе доводили до свѣдѣнія Великаго Князя черезъ посредство А. В. Головнина.

Въ первыхъ числахъ іюня, Великій Князь вернулся въ Петербургъ, я по приказанію его выѣхалъ къ нему навстрѣчу на пароходѣ съ адмираломъ Краббе на высоту Ревеля. Здѣсь мы перешли на его пароходъ и, дорогой до Петербурга, я успѣлъ передать Великому Князю всѣ подробности настоящаго положенія дѣлъ въ Россіи. Я не скрылъ отъ него, что на него возлагаютъ великія надежды по крестьянскому дѣлу. Но, къ величайшему моему удивленію, я нашелъ Великаго Князя въ настроеніи, вовсе не соотвѣтствующемъ этимъ ожиданіямъ. Онъ рѣшительно объявилъ мнѣ, что будетъ всѣми мѣрами стараться устранить себя отъ всякаго непосредственнаго участія въ этомъ дѣлѣ. Въ этомъ намѣреніи, онъ дѣйствительно и оставался до тѣхъ поръ, пока послѣ настоятельно выраженнаго Государемъ желанія, чтобы онъ принялъ на себя званіе члена секретнаго комитета, онъ не увидѣлъ возможности найти способныхъ сотрудниковъ, въ людяхъ уже совершенно готовыхъ къ серьезнымъ занятіямъ по крестьянскому дѣлу. Таковыми представились ему, кромѣ уже обычныхъ его сотрудниковъ, еще Юрій Самаринъ и Николай Милютинъ. Ознакомясь со всѣми предварительными, безсвязными и безсмысленными занятіями секретнаго комитета, Великій Князь въ первомъ же засѣданіи сдѣлалъ предложеніе, которое составляетъ сущность извѣстнаго журнала секретнаго комитета 11-го августа.

Этимъ журналомъ предполагалось опредѣлить въ общихъ чертахъ ходъ крестьянскаго вопроса, раздѣливъ его на три періода. Первый періодъ приготовительный; въ теченіе его предполагалось дозволить всѣмъ помѣщикамъ совершать сдѣлки съ крестьянами, не стѣсняясь двумя существовавшими тогда только видами; вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось создать рядъ охранительныхъ мѣръ для обузданія своеволія помѣщиковъ. Во второмъ періодѣ предполага-

лось сдѣлать условія крестьянъ съ помѣщиками обязательными. Въ третьемъ періодѣ должно было послѣдовать уже окончательное освобожденіе посредствомъ выкупа обязательствъ, лежащихъ на крестьянахъ. Срока этимъ періодамъ не опредѣлялось.

Журналъ этотъ, утвержденный Государемъ съ выраженіемъ чувствъ благодарности комитету и воззваніемъ къ помощи Божіей, былъ первый журналъ комитета, въ которомъ выражалась какая-нибудь мысль и твердое желаніе идти впередъ.

Извѣстно, что немедленно послѣ подписанія этого журнала и во время составленія проектовъ, указовъ съ ограничительными мѣрами, реакція въ самомъ комитетѣ взяла опять верхъ, и занятія комитета на нѣкоторое время были пріостановлены.

Отправляясь съ семействомъ въ отпускъ за границу по случаю болѣзни жены, я захватилъ съ собою копію съ упомянутаго журнала секретнаго комитета 11-го августа и, посѣтивъ Великую Княгиню въ Баденѣ, лично передалъ ей содержаніе этого журнала и поставилъ ее въ извѣстность относительно всего происходящаго въ Россіи.

Въ Баденѣ засталъ я еще барона Гакстгаузена, съ которымъ Великая Княгиня занималась подробнымъ изученіемъ вообще крестьянскаго вопроса, и въ особенности общиннаго устройства въ Россіи и другихъ славянскихъ племенъ.

По приглашенію Великой Княгини баронъ Гакстгаузенъ самъ и по указанію его другіе нѣмецкіе ученые занимались разработкою разныхъ отдѣльныхъ вопросовъ, имѣющихъ связь съ крестьянскимъ дѣломъ.

Въ концѣ ноября мѣсяца, я прибылъ съ семействомъ въ Римъ, гдѣ засталъ Великую Княгиню и тутъ же узналъ отъ нея, что крестьянское дѣло въ Россіи внезапно приняло весьма либеральный оборотъ. Извѣстнымъ рескриптомъ Государя на имя виленскаго генералъ-губернатора Назимова и циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ 24 ноября къ губернаторамъ и предводителямъ дворянства, крестьянское дѣло вдругъ выдвинуто было изъ канцелярской тайны и передано было на гласное обсужденіе всей Россіи черезъ посредство мѣстныхъ комитетовъ.

Этотъ новый, рѣшительный шагъ вызвалъ въ лицахъ преданныхъ дѣлу увѣренность, что правительство, лишивъ себя пути къ отступленію, уже не въ силахъ будетъ идти назадъ, но что всѣ усилія реакціи направлены будутъ къ возможному уменьшенію значенія реформъ. Весь успѣхъ дѣла поэтому зависѣлъ отъ способностей и направленія лицъ, которымъ ввѣрена будетъ окончательная разработка проекта реформы. Въ Римѣ проживалъ въ то

время князь Черкасскій. Познакомясь съ нимъ, Великая Княгиня скоро оцѣнила его блестящія способности и получила убѣжденіе, что участіе кн. Черкасскаго въ трудахъ комиссіи будетъ весьма полезно. Но въ то время еще не было извѣстно, въ какомъ учрежденіи будетъ сосредоточена окончательная разработка проекта. Мѣстные губернскіе комитеты только возникали одинъ за другимъ; а секретный комитетъ, переименованный въ главный комитетъ, оставался почти въ прежнемъ составѣ высокихъ государственныхъ сановниковъ, подъ предсѣдательствомъ Государя.

Такъ прошла вся зима 1857 года. Чрезъ посредство С. С. Ланского, Милютина, Головкина, Хрущева и другихъ, Великая Княгиня, оставаясь въ Римѣ, постоянно слѣдила за всѣмъ, что дѣлается.

Въ салонѣ Великой Княгини въ Римѣ соединялось только избранное общество ученыхъ, художниковъ и артистовъ. Частыми посѣтителями вечеровъ были: кардиналъ Антонели и монсеньоры Меросъ Гогенлое и Амперъ. Здѣсь, какъ въ Петербургѣ, Великая Княгиня умѣла разнообразить удовольствія этихъ почти ежевечернихъ собраній. Сама господствуя надъ всѣми привѣтливымъ вниманіемъ, она предоставляла Эдитѣ Ѳедоровнѣ Раденъ ближайшее сношеніе съ гостями изъ міра ученаго. Поклонники женской красоты и игривой любезности окружали фрейлину Сталь, а музыкальный и артистическій элементы наслаждались пѣніемъ Юліи Ѳедоровны Штубе, не задолго предъ тѣмъ принятой ко двору Великой Княгини.

Художникъ Ивановъ, окончившій уже тогда свою знаменитую картину „Явленіе Христа народу“, былъ особенно отличенъ вниманіемъ Великой Княгини. Будучи въ какомъ-то болѣзненно-нервномъ настроеніи, Ивановъ боялся и чуждался всякаго общества, не рѣшался открыть свою картину для публики, былъ въ крайней нуждѣ и недоумѣвалъ, какъ выйдти ему изъ этого положенія. Великая Княгиня обласкала и успокоила его; сама пріѣхала въ его мастерскую, почти насильно заставила его показать свою картину. Тутъ же заказала снять съ нея фотографію. Приняла на себя всѣ издержки на отправку картины и на путешествіе Иванова въ Петербургъ. Однимъ словомъ, разомъ воскресила упавшій духъ Иванова. Къ сожалѣнію не надолго, ибо Ивановъ, по прибытіи въ Петербургъ съ своей картиной, скоро умеръ отъ холеры. Лично я недолго оставался въ Римѣ. Въ январѣ 1858 года я отправился съ генераломъ Исаковымъ въ Іерусалимъ. Передъ отъѣздомъ своимъ, я обрадованъ былъ неожиданнымъ для меня извѣстіемъ о пожалованіи мнѣ званія статсъ-секретаря. Великая Княгиня выразила искреннее удовольствіе при полученіи этого извѣстія.

По возвращеніи моемъ изъ Іерусалима, я засталъ Великую Княгиню еще въ Римѣ. Въ началѣ мая, я съ семьей отправился въ Ниццу, гдѣ ее оставилъ, и потомъ вернулся одинъ въ Петербургъ.

Къ этому времени относится приведенное мною выше письмо Эдиты Ѳедоровны Раденъ, свидѣтельствующее о томъ, съ какою заботливостью Великая Княгиня относилась къ упроченію Общины Сестеръ Милосердія на началахъ религіозныхъ. Переписка моя съ Эдитой Ѳедоровной не остановилась на одномъ этомъ письмѣ. Я отвѣчалъ ей изъ Ниццы 17 апрѣля 1-го мая слѣдующее.

Le général Issakof m'a remis ce matin Votre lettre et je m'empresse de répondre au désir de Son Altesse Imperiale en Lui exposant franchement mon opinion sur la grande et belle idée, qui La préoccupe. Mais avant d'aborder ce sujet qui demandera peut-être qulques developpements, je voudrais répondre à Votre question concernant le père Кавелинъ. Il serait certainement difficile de trouver un homme plus digne, que lui, pour une aussi haute mission. Son ésprit éclairé, sa charité chrétienne et sa grande douceur le rendraient propre à exercer justement cette influence salutaire sur la Communauté, qui serait indispensable pour la réalisation de la belle idée de Madame La Grande Duchesse et si j'avais à nommer quelqu'un à ce poste ce serait à lui, que j'aurais pensé. Mais connaissant Кавелинъ l'individu assez intimement, j'ai malheureusement la certitude qu'il ne voudra et ne pourra pas accepter une mission semblable et cela pour des raisons assez valables à son point de vue. Il me serait très difficile de Vous les expliquer dans cette lettre, mais pour Vous donner une petite idée de la disposition morale de Кавелинъ, je prendrai la liberté de Vous citer quelques passages dune lettre que j'ai reçu de lui. Il faut dire (et cela, entre nous) qu'il m'a supplie d'interceder en sa faveur à Pétersbourg pour qu'on lui permette de revenir dans son couvent. Voici ses paroles [1]):

---

[1]) Генералъ Исаковъ передалъ мнѣ сегодня утромъ ваше письмо, и я спѣшу, исполняя желаніе Ея Императорскаго Высочества, высказать откровенно мое мнѣніе касательно великой и прекрасной идеи, которая ее занимаетъ. Но прежде чѣмъ коснуться этого предмета, требующаго быть можетъ болѣе обстоятельнаго сбсужденія, я хотѣлъ бы отвѣтить на вашъ вопросъ относительно отца Кавелина. Безъ сомнѣнія, трудно найти человѣка, болѣе достойнаго занять столь важный постъ. Его просвѣщенный умъ, его истинно христіанская любовь къ ближнимъ и удивительное смиреніе дали бы ему возможность оказать на Общину то благотворное вліяніе, которое необходимо для осуществленія прекрасной мысли Ея Высочества; если бы мнѣ пришлось выбирать кого-либо на этотъ постъ, я вспомнилъ бы именно о немъ. Но зная Кавелина довольно близко, я увѣренъ къ сожалѣнію, что онъ не захочетъ и не будетъ въ состояніи занять этого мѣста, по

„Глубокое убѣжденіе въ томъ, что для преуспѣнія жизни иноческой необходимы способствующіе сему мѣсто и опытный наставникъ, было причиной, что я избралъ Оптину пустынь, предпочтительно предъ другими иноческими обителями. Проведя тамъ 6 лѣтъ и сдѣлавшись сыномъ обители по изреченнымъ въ ней сердечнымъ обѣтамъ, я благодарилъ Бога, даровавшаго мнѣ въ особѣ старца Макарія любвеобильнаго отца и надежнаго руководителя въ духовной жизни; въ простой же и смиренной братіи обители я постоянно видѣлъ лишь добрые примѣры, усердіе и ревность къ спасительной жизни и встрѣтилъ людей съ рѣдкими, душевными качествами. Одно сопребываніе и обращеніе съ которыми уже само по себѣ—польза и назиданіе". Онъ заканчиваетъ письмо слѣдующими словами: „Я же, имѣя твердое намѣреніе не искать въ семъ мірѣ ничего, кромѣ Бога и своего спасенія, прошу одной милости,—дозволить мнѣ возвратиться въ отечество и оканчивать въ мирѣ и покаяніи дни мои въ той обители, ради спасительнаго пребыванія въ коей, я сперва оставилъ міръ и всѣ его блага, а потомъ рѣшился произнести обѣты монашескіе, имѣя въ виду главнымъ образомъ, что точное исполненіе ихъ облегчается лишь сопребываніемъ въ доброй дружинѣ и подъ руководствомъ опытнаго духовнаго наставника".

Ces quelques lignes n'expriment pas encore le fond de l'idée de Кавелинъ. Voilà pourquoi il serait injuste de le juger trop sevèremnet et d'incriminer les voies qu'il parait avoir choisies pour son salut. Il y a quelquefois dans les conséquences logiques de tout un ordre d'idées bien des choses inexplicables pour les personnes étrangères à ces idées et qui par cette raison même ne voyant que les resultats et ne comprenant pas les causes, se trompent involontairement dans l'appréciation des motifs. C'est pour excuser à Vos yeux, mon ami, que je me suis permis cette petite dissertation. Vous me la pardonerez, j'éspère, en faveur du sentiment qui l'a dicté. Du reste il est encore possible, que je me trompe et que Кавелинъ acceptera la proposition. Voici pourquoi j'aurais bien voulu avoir l'autorisation de lui écrire la dessus. Pour revenir à l'idée de Madame La Grande Duchesse sur l'avenir de la Communauté, je voudrais d'abord bien preciser les

---

причинамъ, съ его точки зрѣнія, довольно вѣскимъ. Мнѣ было бы трудно выяснить ихъ вамъ въ настоящемъ письмѣ, но чтобы дать вамъ маленькое понятіе о нравственномъ обликѣ Кавелина, я позволю себѣ привести выдержки изъ письма, полученнаго мною отъ него. Дѣло въ томъ (между нами будь сказано), что онъ умолялъ меня ходатайствовать за него въ Петербургѣ о томъ, чтобы ему было дозволено вернуться въ монастырь, гдѣ онъ находился ранѣе. Вотъ его подлинныя слова:

limites dans lequelles cette idée pourait se réaliser dans un temps peu éloigné. Si j'ai bien saisi l'idee de Son Altesse Imperiale, il s'agirait de donner à l'Община le caractère d'une institution franchement réligieuse et la subordonner au St. Synode. Cette Communauté de soeurs devrait être sous la direction spirituelle d'une Communauté d'hommes du sein de laquelle on choisirait les confesseurs de l'Община et qui devrait avoir le même but qu'elle—celui de la charité active sous toutes ses formes chrétiennes. Cette idée est tout-à fait digne du coeur qui l'a conçu—elle est parfaitement consequente. L'institution des soeurs de charité ne peut pas être durable sans une base solide et une forte organisation religieuse. La charité sous plusieurs de ces formes n'est pas toujours du domaine de la femme, les forces réunies assurent les bons resultats des efforts et ce n'est qu'à cette condition que dans tous les autres pays les succés des institutions charitables ont été éclatants. On ne pourrait donc rien objecter contre l'idée même, mais c'est en pensant à l'exécution qu'involontairement on devient indecis pour prononcer un jugement définitif. Je croirais manquer de franchise, si je ne Vous enumerais pas toutes les difficultés, que je prevois peut être à tort dans l'exécution du projet de Madame La Grande Duchesse. C'est surtout pour m'éclairer, que je crois nécéssaire de Vous entretenir de ces détails. Avant de parler au C-te Tolstoy, je voudrais être féré à glace et me pénètrer completement de l'idée de Madame La Grande Duchesse pour pouvoir la servir en bon avocat, defendant une cause bien étudiée et bien comprise.

En sa qualité de Communauté réligieuse l'Община sera subordonnée au St. Synode. Le St. Synode n'exerçant ni pouvoir, ni surveillance immediate sur les couvents, cela sera probablement à l'Епархіальный архіерей, que l'Община sera subordonnée. Il y a bien quelques couvents d'hommes en Russie qu'on appelle Ставропигіальные монастыри au nombre de 4 si je ne me trompe, qui dependent directement des St. Synode; mais ces couvents ont une organisation tout à fait exceptionelle. Il ne serait même pas à désirer que le Synode se mêlât directement des affaires de l'Община cela produirait des difficultés et des entraves dans l'exercice même de la charité. La communauté d'hommes, qui sera appelée à agir d'accord avec les soeurs, devra necessairement être sous la dependance du même Епархіальный архіерей—de là—necessité absolu que ces deux Communautés résident dans le même lieu.

Il ne peut donc pas être question de l'Оптина пустынь. Touts nos couvents ont leurs statuts qu'il est extrèmement difficile de changer et il serait encore plus difficile de faire adopter par ces couvents d'autres prescriptions, ou d'autres exercices spirituels que ceux qu'ils

gardent par tradition, par coutume, ou par habitude. Il ne faut donc pas compter sur les couvents au communauté éxistantes, il faudra nécessairement instituer un nouvel ordre réligiéux avec un statut parfaitement défini et adapté au but qu'on véut atteindre.

C'est ici que commencent les difficultés de trouver les hommes et de recommencer le métier ingrat de Diogène. Qui est-ce qui s'en chargera? Toutes ces difficultés vaincus on se trouvera en fâce de la question d'argent—oû le prendre? et il en faudra beaucoup.

Voici, Mademoiselle, les difficultés, qui me troublent aujourd'hui, il s'en presentera demain à mon esprit minutieux, encore d'autres peut être и проч" [1]).

На это получилъ я отъ фрейлины Раденъ изъ Рима отъ 3/15 мая слѣдующій отвѣтъ:

„Mon cher Prince. Votre lettre a fait une impression très agréable à Madame la Grande Duchesse, qui y retrouve comme toujours le désir d'avancer dans la voie du bien et de la prudence. Son Altesse Vous engage à Vous occuper un peu, si vous en trouverez le temps, de la question qu'Elle vient de soulever. La règle de St. Basile n'ordonne-t-elle pas les predications, les oeuvres pieuses à coté de la contemplation pure? Il faudrait savoir si en revenant à l'exercice exacte de la règle primitive, on ne pourrait pas donner une direction de charité active au moins à quelques couvents, d'où l'on tirerait les religieux necessaires à la direction spirituelle des soeurs de la Croix. Qu'est ce que cela fait que l'Оптина пустынь ne soit pas dans une ville; est-ce qu'on ne peut pas pour une époque déterminée прикомандировать des moines à l'Община. Au bout de deux ans pas exemple ils rentreraient dans le couvent, ou bien ils seraiend employés ailleurs et autrement. Mais si ces plans là ne se réalisent point Madame La Grande Duchesse me charge d'attirer Votre attention sur les Отдѣленіе de Missionnaires qui se sont formés dans les seminaires ces temps derniers, en particulier à Kazan, sous la direction du Métropolitain actuel de Pétersbourg. Ne serait-ce pas] là peut être des pépinières de bons confesseurs pour la Communauté? Leur tendance morale serait de prime abord à peu près la même et la mission interieur vaut bien celle qu'on prêche au Païens. Considerez tout cela, mon cher Prince, et dites en Votre avis. J'oubliais presque de Vous dire que Vous devez dans tous les cas écrire au moine Кавелинъ pour lui parler de la proposition de Son Altesse.

[1]) Конечно, въ этихъ строкахъ не вылилась вся сущность его взглядовъ. Поэтому было бы несправедливо судить его слишкомъ строго и вмѣнить ему въ преступленіе тѣ пути, которые онъ, повидимому, избралъ для своего спасенія. Въ логическихъ выводахъ изъ цѣлаго порядка идей бываютъ

Въ то время, когда Великая Княгиня занималась обдумываніемъ плана учрежденія въ Россіи Общества Сестеръ Милосердія на широкихъ высоко-религіозныхъ основаніяхъ, на Востокѣ и въ особенности въ Іерусалимѣ затѣвалось дѣло, къ которому съ особеннымъ сочувствіемъ отнеслась молодая Императрица. Извѣстно, что ближайшимъ поводомъ къ началу Крымской войны были недоразумѣнія, возникшія въ Іерусалимѣ между духовенствомъ различныхъ вѣроисповѣданій и національностей объ исключительномъ обладаніи ключами для входа въ пещеру Гроба Господня и другими святынями. Съ тѣхъ поръ Іерусалимъ съ его святынями и отношенія православной церкви къ другимъ вѣроисповѣданіямъ обратили на себя вниманіе и Святѣйшаго Сунода и министерства иностранныхъ Дѣлъ. По окончаніи войны рѣшено было послать въ Іерусалимъ духовную миссію, во главѣ которой былъ епископъ Кириллъ. Эту миссію я засталъ въ Іерусалимѣ прибывшею только за нѣсколько дней до моего пріѣзда туда. До этого времени всѣ интересы русской православной церкви и русскаго паломничества находились

вещи совершенно непонятныя для тѣхъ, кто не знакомъ съ этими идеями и кто, судя лишь по однимъ результатамъ и не понимая истинныхъ причинъ поступковъ, невольно можетъ невѣрно оцѣнить побужденія. Я позволилъ себѣ это маленькое отступленіе, чтобы оправдать въ вашихъ глазахъ моего друга. Надѣюсь, вы извините меня за это, во вниманіе къ тѣмъ чувствамъ, коими внушены эти слова. Впрочемъ, быть можетъ я и ошибаюсь, и быть можетъ Кавелинъ приметъ это предложеніе. Поэтому я хотѣлъ бы, чтобы мнѣ было разрѣшено написать ему о томъ. Возвращаюсь къ мысли Великой Княгини относительно будущности Общины: я хотѣлъ бы, во-первыхъ, намѣтить совершенно точно границы, въ которыхъ эта мысль могла бы осуществиться въ недалекомъ будущемъ. Если я вѣрно понялъ намѣренія Ея Императорскаго Высочества, она хочетъ придать Общинѣ характеръ чисто духовнаго учрежденія и подчинить ее Св. Синоду. Община сестеръ милосердія будетъ находиться подъ духовнымъ руководствомъ мужского братства, изъ среды котораго будутъ избираться духовные пастыри Общины; члены этого братства должны преслѣдовать тѣ же цѣли, какъ и сестры, т. е. заниматься дѣлами христіанскаго милосердія во всѣхъ его видахъ. Это мысль вполнѣ достойная той благородной женщины, въ умѣ которой она зародилась; къ тому же она вполнѣ послѣдовательна. Община сестеръ милосердія не можетъ упрочиться, если въ основу ея не будетъ положена серьезная духовная организація. Милосердіе, во всѣхъ его видахъ, не всегда можетъ быть доступно женщинѣ; тогда какъ, дѣйствуя совмѣстно, они могутъ достигнуть прекрасныхъ результатовъ; въ другихъ странахъ богоугодныя заведенія достигали блестящихъ результатовъ, только при этихъ условіяхъ. Слѣдовательно, противъ самой идеи нельзя ничего возразить. но обсуждая способы ея выполненія невольно колеблешься прежде, нежели произнести окончательное сужденіе. Желаніе быть вполнѣ чистосердечнымъ побуждаетъ меня указать на всѣ трудности, какія, по моему, быть можетъ, и ошибочному мнѣнію, будутъ связаны съ осуществленіемъ проекта Ея

подъ охраной греческаго духовенства. Мысль объ учрежденіи самостоятельнаго представительства русской церкви въ Іерусалимѣ нашла особую поддержку въ Императрицѣ Маріи Александровнѣ. Преосвященный Кириллъ снабженъ былъ ею средствами и инструкціей для вспомоществованія русскимъ поломникамъ на мѣстное арабское населеніе. Съ другой стороны Великій Князь Константинъ Николаевичъ, озабоченный устройствомъ русскаго пароходнаго Общества, принялъ на себя покровительство учреждаемыхъ Обществомъ богоугодныхъ заведеній и пристанищъ для русскихъ паломниковъ въ Іерусалимѣ и постройки Собора и помѣщенія для нашей духовной миссіи. Устройство всего этого поручено было Борису Павловичу Мансурову, служившему въ то время въ морскомъ министерствѣ и командированному на средства пароходнаго Общества на Востокъ для устройства паломничества къ оному. Для этой цѣли онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Іерусалимъ и на возвратномъ пути, послѣ перваго своего путешествія, онъ былъ въ Ниццѣ, представился Великой Княгинѣ и сообщилъ ей свои предположенія о

Высочества, я считаю необходимымъ войти въ эти подробности главнымъ образомъ для того, чтобы уяснить самому себѣ этотъ вопросъ. Прежде чѣмъ говорить объ этомъ съ гр. Толстымъ, я хотѣлъ бы обсудить его всесторонне и проникнуться мыслію Ея Высочества, чтобы защищать ее вполнѣ сознательно.

Община, какъ духовное учрежденіе, будетъ подчинена Св. Синоду. Такъ какъ монастыри не подчиняются непосредственно Св. Синоду, то Община, вѣроятно, будетъ подчинена епархіальному архіерею. Хотя въ Россіи есть нѣсколько мужскихъ, такъ называемыхъ ставропигіальныхъ монастырей, изъ коихъ четыре, если не ошибаюсь, подчинены непосредственно Св. Синоду, но эти монастыри имѣютъ совершенно особенную организацію. Было бы даже не желательно, чтобы Синодъ вмѣшивался непосредственно въ дѣла Общины; это могло бы затруднить дѣятельность сестеръ милосердія. Братство, которому приходится дѣйствовать совмѣстно съ сестрами, должно само собою разумѣется, быть подчинено тому же епархіальному архіерею; слѣдовательно, Община и Братство должны непремѣнно находиться въ одномъ и томъ же городѣ. Поэтому объ Оптинной пустыни не можетъ быть и рѣчи. Всѣ наши монастыри управляются своими уставами, которые трудно измѣнить; еще труднѣе было бы заставить эти монастыри руководствоваться иными предписаніями или иной духовной дѣятельностью помимо тѣхъ, коими они руководствуются въ силу преданія, въ силу обычая или обыкновенія. Поэтому нельзя разсчитывать на существующіе монастыри или братства, а придется основать новое духовное братство съ опредѣленнымъ уставомъ, приспособленнымъ къ той цѣли, которой желательно достигнуть.

Вотъ тутъ-то и начнутся затрудненія: придется искать людей, продѣлать неблагодарный трудъ Діогена. Кто возьмется за это? Когда, наконецъ, удастся преодолѣть всѣ эти трудности, возникнетъ денежный вопросъ,—гдѣ взять денегъ? А ихъ понадобится много.

*

будущемъ устройствѣ православныхъ богоугодныхъ заведеній на Востокѣ. По этому поводу я получилъ отъ фрейлины Раденъ слѣдующее письмо изъ Ниццы отъ 2/14 іюня 1858 г.

Mon cher Prince. Le séjour de M. Mansouroff à Nice a imprimé un nouvel élan à l'oeuvre des soeurs de Jerusalem. Je viens par ordre suprême Vous rendre compte des arretés déjà formulés et des plans conçus pour l'avenir. Il faut des soeurs en Orient et il en faut d'excellentes, trois stations les réclament: Constantinopole, Ierusalem, Nazerette. Dans chacun de ces endroits, on a besoin de 5 soeurs et d'une superieure pour commencer—en tout, 18. Au mois de Decembre de l'année courante, les premières 6 soeurs partiront par Odessa, afin que M-r Mansouroff puisse les installer le jour de Noël à Ierusalem. Elles seront choisies parmis les plus méritantes et deux au moins d'entre elles auront assez d'instruction pour enseigner les enfants orthodoxes ce qui peu-à peu amenera la fondation d'une école dirigée par les soeurs. La première condition de leur envoi representé à la communauté comme la plus haute recompence, sera une obéissance absolu à la

---

Вотъ тѣ трудные вопросы, которыя смущаютъ меня теперь; завтра быть можетъ, возникнутъ новые и проч.

На это получилъ я отъ фрейлины Раденъ изъ Рима отъ 3/15 мая слѣдующій отвѣтъ:

Любезный князь. Письмо ваше произвело на Ея Высочество самое благопріятное впечатлѣніе, она видитъ изъ него ваше желаніе идти по прежнему по пути добра и дѣйствовать осмотрительно. Ея Высочество проситъ васъ, если вы найдете время, заняться интересующимъ ее вопросомъ. Развѣ уставъ св. Василія Великаго не предписываетъ не только молиться, но и произносить проповѣди и заниматься благочестивыми дѣлами? Надобно узнать, нельзя ли, возстановивъ монастырскій уставъ во всей его первоначальной чистотѣ, поставить хотя нѣкоторые монастыри на путь болѣе активной благотворительной дѣятельности съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи брать оттуда монаховъ, которые могли бы быть духовными наставниками сестеръ Крестовоздвиженской Общины. Что же такое, что Оптиная пустынь находится за городомъ; развѣ нельзя прикомандировать монаховъ на нѣкоторое время къ Общинѣ? Года черезъ два, напримѣръ, они могли бы вернуться въ монастырь или имъ можно было бы дать иное назначеніе. Въ томъ случаѣ, если эти планы не осуществятся, то Великая Княгиня поручила мнѣ обратить ваше вниманіе на миссіонерскія отдѣленія, возникшія за послѣднее время по иниціативѣ нынѣшняго петербургскаго митрополита при семинаріяхъ, въ особенности въ Казани. Не могутъ ли они сдѣлаться разсадниками хорошихъ духовныхъ пастырей для Общины? Ихъ нравственныя задачи, на первый взглядъ, одинаковы; развѣ миссія среди мѣстнаго населенія ниже миссіонерской дѣятельности среди язычниковъ? Обсудите все это, любезный князь, и скажите мнѣ свое мнѣніе. Чуть не забыла сказать, что вы должны, во всякомъ случаѣ, написать монаху Кавелину и сообщить ему о предложеніи Ея Высочества.

superieure d'abord, au Chef de la mission ecclisiastique en dernière instance. Leur tendance devra être éminement pratique, charitable et pacifique.

L'autorité des chefs sera entière; ils pourront renvoyer une soeur en Europe, sans en prévenir d'avance l'administration générale à Pétersbourg. Il est indispensable d'avoir auprès de chaque division de soeurs un prêtre specialemeut chagré de leur direction spirituelle et des affaires exterieures de la maison—l'interieur appartient exclusivement à la Superieure. Ce prêtre sera un moine ou un prêtre veuf, sans liens de famille, il devra être pénétré profondément de la sainteté de l'oeuvre et versé dans la connaissance des attributions et devoirs de la Communauté. Vous pourriez rendre de grandes services par rapport au choix des confesseurs et Madame La Grande Duchesse désire que Vous Vous entendiez avec le prêtre de l'Ecole de Droit à ce sujet. Il connait assez notre clergé et il est un juge assez eclairé pour comprendre ce qu'il faut et recommander les hommes aptes à l'oeuvre. Que pensez Vous du père Богословскій [1]) lui-même—pour être aumonier de la Крестовоздвиженская Община à Pétersbourg? N'est il pas fatigué de son existance pédagogique et ne se déciderait-il pas à se vouer complétement à la tâche ardue de développer l'esprit actif de charité dans la Communauté des soeurs de la Croix? Il n'est pas un homme à rien faire à demi; en gouvernant la maison, mère de l'Община à Pétersbourg, il deviendrait l'âme de toutes les divisions de soeurs qui s'établirait peu à peu en Russie et en Orient, car elles devraient toutes passer sous ses yeux durant le noviciat à Pétérsbourg et puis il les inspecterait sur les lieux mêmes. A coté des soeurs, il se formerait aisément, sous l'impulsion de la charité pratique une congrégation de prêtres veufs, qui se voueraient à la Mission, seraient d'office les confesseurs des soeurs de Charité, iraient partout, ou on les enverait à la suite des soeurs, aideraient, soigneraient, prêcheraient et instruiraient de leur côté. Il y a chez nous une foule de diacres et de prêtres veufs—si on ouvrait au zéle des bien intentionnés cette

---

[1]) Протоіерей Михаилъ Измайловичъ Богословскій, законоучитель съ основанія въ Императорскомъ училищѣ Правовѣденія, заслужившій любовь и уваженіе своихъ учениковъ, имѣлъ сильное нравственное вліяніе на нихъ. Съ измѣненіемъ направленія въ училищѣ, онъ его оставилъ,—былъ назначенъ Оберъ-Священникомъ арміи и флота. Но въ этой должности оставался не долго. Своимъ независимымъ характеромъ и правдивымъ направленіемъ вызвалъ къ себѣ вражду со стороны вліятельныхъ членовъ Сунода и въ особенности оберъ-прокурора гр. Толстого и переведенъ былъ въ Москву протоіереемъ Архангельскаго собора. *Прим. автора.*

admirable carrière d'abnégation et d'activité en même temps, ne pensez Vous pas, que ce serait leur imprimer un grand élan moral? Obligés au célibat, reunissant les avantiges immences d'un détachement complet du monde avec les attributions du clergé séculier, il me semble qu'ils pourraient présenter à l'Eglise en général et à la Communauté en particulier des élements utiles et sûrs de développent plus imployables en tous cas, que les moines dont je vous parlais dans une de mes dernières lettres et pour l'organisation modifié des quels on aurait eu mille embarras, peut-être impossible à surmonter. Il faut que les soeurs de Charité non seulement se soutiennent chez nous, mais deviennent le premier pas d'un progrès serieux dans la voie de la Charité, qui n'est autre chose, que la vie de l'Eglise. Dès son retour, Madame La Grande Duchesse s'occupera de la constitution définitive de l'Община; les bases réligieuses devront être plus fortement accentuées, l'autorité établie d'une manière plus stricte.

J'ai la ferme conviction, que la sévérité ne nuit jamais à l'attrait qu'inspire une communanté réligieuse, l'amour du sacrifice est heureusement encore si vivant dans l'âme humaine qu'elle trouve sa plus belle satisfaction à l'excercer. Et quant aux coeurs, qui ne se donnent pas tout au bieu, qui marchandent avec leur égoisme avant de s'offrire à Dieu, il est bon qu'ils n'aient pas même la tentation de prendre part à une oeuvre, qui demande tout, ou qui ne veut rien. Pour que les tendances élèvées, que je viens de signaler puissent se développer dans les esprits et dans les coeurs, l'éducation devrait avoir une nuance plus idéale en général... ce pourrait être le sujet de longues discutions oiseuses, mais il s'agit pour le moment d'une idée de Madamd La Grande Duchesse dont je vais vous faire part. Les soeurs en Orient ont besoin d'une langue étrangère pour se faire comprendre, pour instruire les enfants, pour consoler les malades. Les langues particulièrement usitées en Orient sont le Grec moderne, l'Italien et l'Arabe. Il sera très difficile, même impossible de faire apprendre théoretiquement l'une de ces langues aux soeurs qui vont partir, leur âge, leur éducation première, le peu de temps qui reste jusqu'au mois de Decembre sont des obstacles invincibles; c'est tout—au plus si elles pourront reçevoir quelques notions élémentaires qu'elles fairont fructifier sur les lieux. Il importerait néanmoins surtout pour l'avenir des écoles de préparer des soeurs capables de s'expliquer facilement avec les gens du pays... Or voici le projet de Madame La Grande Duchesse.

Il se trouve sous sa protection une école—appelée l'Ecole de St. Hélene, où des orphelines pauvres reçoivent une éducation gratuite ou bien très faiblement rétribuée, ce sont des filles d'artisans, de mar-

chands, parfois même d'officiers, ou d'employés; on leur donne des notions élémentaires des sciences, elles apprennent à travailler, à s'occuper du ménage etc. Il serait facile d'ajouter à la première classe une division speciale, où seraient reçues uniquement sur leur desir, les orphelines, distinguées par leur piété, leur intélligence et leur bonne conduite, et qui manifesteraient de la vocation pour être soeurs de Charité. Dans cette éspece de pépinière, elles apprendraient les langues indispensables au service en Orient, on les instruirait avec soin de tout ce qui constitus la vraie soeur de Charité, on les exerçerait au soin de l'Hopital à l'enseignement des enfants—ce serait une préparation au noviciat serieux de la Communauté. Les jeunes esprits ainsi conduits fourniraient des élements toujours frais, toujours ardents à la Communauté mère et je Vous le demande, ne serait-ce pas là une plus belle vocation pour des malheureuses orphelines que de devenir femmes de chambre, peut-être gouvernantes auprès de petits enfants, peut-être encore de misérables femmes de чиновникъ. D'ailleurs, comme elles renouvellent leurs voeux chaque année, — elles sont libres de quitter la Communauté quand elles veulent et on néxercera ainsi aucune pression illégale sur elles.

Il me semble, que j'en ai dit assez pour aujourd'hui, ma lettre est riche en plans nouveaux, en grands désirs de bien faire... Dieu veuille diriger et faire prosperer les uns et les autres [1])...

---

[1]) Любезный князь, во время пребыванія г. Мансурова въ Ниццѣ, дѣло Іерусалимскихъ сестеръ значительно подвинулось впередъ, и я сообщаю вамъ, по высочайшему повелѣнію, о состоявшихся уже постановленіяхъ и о дальнѣйшихъ планахъ на будущее. На Востокѣ нужны сестры и нужны отличныя: ихъ требуютъ въ три мѣста, въ Константинополь, Іерусалимъ и Назаретъ. Въ каждое изъ этихъ мѣстъ требуется 5 сестеръ и настоятельница; для начала нужно всего 18 сестеръ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ текущаго года, первая партія сестеръ отправится изъ Одессы, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы г. Мансуровъ могъ устроить ихъ въ первый день Рождества въ Іерусалимѣ. Онѣ будутъ избраны изъ числа наиболѣе достойныхъ, и по крайней мѣрѣ двѣ изъ нихъ должны быть достаточно образованы, чтобы преподавать православнымъ дѣтямъ; такимъ образомъ, мало по малу, будетъ положено основаніе школы, которой будутъ руководить сестры. Непремѣннымъ условіемъ ихъ командировки, которая въ глазахъ Общины должна считаться величайшей наградой, ставится безусловное повиновеніе начальницѣ и настоятелю духовной миссіи. Ихъ дѣятельность должна быть въ высшей степени практична и направлена на дѣла милосердія и миролюбія. Настоятели будутъ пользоваться безусловной властью: они будутъ имѣть право отправить сестру обратно въ Европу, не предупреждая о томъ главную Общину въ Петербургѣ. При каждомъ отдѣлѣ долженъ состоять священникъ, который будетъ духовнымъ отцомъ сестеръ и будетъ вѣдать внѣшними дѣлами; завѣдываніе же внутреннимъ распорядкомъ возлагается исключительно на настоятельницу. Священникъ этотъ долженъ быть монахъ

На это письмо я отвѣчалъ 24 іюля слѣдующее: Мысль о будущемъ устройствѣ Общины сестеръ милосердія задумана такъ широко, что трудно безъ объясненія представить себѣ, какимъ практическимъ способомъ она можетъ быть приведена въ исполненіе. Въ доказательство однако того, что она сбыточна, посылаю Вамъ весьма замѣчательную книжку „О православныхъ церковныхъ

или вдовый, безъ всякихъ родственныхъ связей; онъ долженъ быть глубоко проникнутъ сознаніемъ святости своего дѣла и долженъ быть хорошо знакомъ съ правами и обязанностями Общины. Вы бы могли оказать огромную услугу при выборѣ священниковъ, и Великая Княгиня выразила желаніе чтобы вы переговорили объ этомъ со священникомъ училища правовѣдѣнія. Онъ имѣетъ довольно много знакомыхъ среди духовенства, можетъ быть просвѣщеннымъ судьею въ этомъ дѣлѣ и можетъ понять, что намъ нужно и рекомендовать людей, пригодныхъ къ дѣлу. Что вы думаете о самомъ отцѣ Богословскомъ, могъ ли бы онъ быть священникомъ при Крестовоздвиженской Общинѣ въ Петербургѣ? Не утомился ли онъ своей педагогической дѣятельностью и не согласится ли онъ посвятить себя всецѣло трудному дѣлу насажденія духа дѣятельнаго благочестія среди сестеръ Крестовоздвиженской Общины? Это человѣкъ, который ничего не дѣлаетъ на половину; ставъ во главѣ главной Общины въ Петербургѣ, онъ сдѣлался бы душою всѣхъ отдѣловъ, которые будутъ возникать мало по малу въ Россіи и на Востокѣ, такъ какъ сестры прошли бы всѣ на его глазахъ во время искуса въ Петербургѣ, а затѣмъ онъ же инспектировалъ бы ихъ на мѣстахъ. При Общинахъ, подъ вліяніемъ практической благотворительной дѣятельности, легко могло бы возникнуть братство вдовыхъ пастырей, которые посвятили бы себя миссіонерской дѣятельности, были бы духовными пастырями Общинъ сестеръ милосердія, готовы были бы ѣхать всюду, куда бы ихъ ихъ ни послали вслѣдъ за сестрами, и съ своей стороны помогали бы имъ въ ихъ дѣятельности; они могли бы лѣчить и обучать народъ и говорить проповѣди. У насъ есть много вдовыхъ діаконовъ и священниковъ, если бы наиболѣе благонамѣреннымъ изъ нихъ была открыта эта видная карьера, полная самоотверженной дѣятельности, какъ вы думаете, не послужило ли бы это къ ихъ нравственному совершенству? Принужденные вести безбрачную жизнь, сочетая въ себѣ огромныя преимущества полнаго отреченія отъ міра съ правами свѣтскаго духовенства, они были бы, по моему мнѣнію, для церкви вообще и для Общины въ частности, полезнымъ и надежнымъ элементомъ, во всякомъ случаѣ болѣе пригоднымъ, нежели монахи, о которыхъ я писала вамъ въ одномъ изъ моихъ послѣднихъ писемъ и реорганизація которыхъ создала бы тысячу, быть можетъ, непреодолимыхъ затрудненій. Общины сестеръ милосердія не только должны упрочиться у насъ, учрежденіе ихъ должно быть первымъ шагомъ къ серьезному успѣху на пути христіанскаго милосердія, которое тѣсно связано съ жизнію церкви. Великая Княгиня по возвращеніи своемъ тотчасъ займется окончательнымъ устройствомъ Общины. Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на ея религіозную основу и на строгое подчиненіе сестеръ начальствующей власти. Я твердо увѣрена въ томъ, что строгость никогда не помѣшаетъ доброй славѣ духовной Общины; къ счастью, самопожертвованіе еще настолько живо въ душѣ людей, что они находятъ въ

братствахъ". Предупреждаю Васъ, что книга эта написана не очень занимательно; но совѣтую Вамъ поскучать надъ нею, чтобы подивиться тѣмъ, что у насъ въ нашей церкви существовало. Не есть ли это прямое и почти дословное осуществленіе мысли Ея Величества? Достаточно прочесть одно оглавленіе, чтобы видѣть, до какой степени мысль эта вѣрна. Можно ли, послѣ прочтенія этой

немъ величайшее удовлетвореніе. Что касается тѣхъ лицъ, которыя не захотятъ посвятить себя всецѣло добрымъ дѣламъ, которыя не захотятъ поступиться своимъ эгоизмомъ для служенія Богу, то лучше всего, чтобы они и не пытались принять участіе въ дѣлѣ, которое требуетъ всего или ничего. Для того, чтобы вышеуказанныя возвышенныя стремленія укоренились въ умѣ и въ сердцѣ людей, ихъ воспитаніе должно носить болѣе идеальный характеръ... но это можетъ быть предметомъ нескончаемыхъ праздныхъ споровъ, а въ настоящій моментъ я хочу подѣлиться съ вами новой идеей, пришедшей въ голову Великой Княгинѣ. На Востокѣ сестрамъ необходимо знать какой-нибудь иностранный языкъ, для того чтобы объясняться на немъ, обучать дѣтей, утѣшать больныхъ. На Востокѣ говорятъ по преимуществу на ново-греческомъ, италіанскомъ и арабскомъ языкахъ. Сестрамъ, которыя туда отправятся, будетъ очень трудно, даже почти невозможно, изучить одинъ изъ этихъ языковъ теоретически; ихъ возрастъ, первоначальное образованіе, короткій срокъ, остающійся до декабря мѣсяца,—все это представляетъ непреодолимыя препятствія; самое большее, если онѣ успѣютъ пріобрѣсти кое-какія элементарныя свѣдѣнія, которыми онѣ воспользуются на мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе было бы весьма важно, въ особенности для будущности школъ, подготовить сестеръ, которыя могли бы свободно объясняться съ мѣстнымъ населеніемъ... такъ вотъ въ чемъ заключается планъ, составленный Великой Княгиней: подъ ея покровительствомъ находится такъ называемое Еленинское училище, въ которомъ бѣдныя дѣвочки обучаются безплатно, или за самое ничтожное вознагражденіе — это дочери ремесленниковъ, купцовъ, изрѣдка дѣти офицеровъ или чиновниковъ; онѣ получаютъ въ училищѣ элементарныя свѣдѣнія въ наукахъ, обучаются рукодѣлію, домоводству и т. п. При первомъ классѣ легко было бы открыть особое отдѣленіе, куда поступали бы, по собственному ихъ желанію, сироты, которыя отличились набожностью, умомъ и хорошимъ поведеніемъ и выказали призваніе быть сестрами милосердія. Въ этомъ, такъ сказать, пепиньерскомъ классѣ, онѣ могли бы изучать языки, необходимые для службы на Востокѣ; ихъ обучали бы всему, что составляетъ истинное отличіе сестры милосердія, онѣ пріучались бы ухаживать за больными, обучать дѣтей—это было бы для нихъ подготовкой къ серьезному искусу въ Общинѣ. Воспитанныя въ такомъ духѣ дѣвушки доставляли бы постоянный матеріалъ для пополненія Общины юнымъ, ревностнымъ элементомъ. Скажите, не было бы это лучше для несчастныхъ сиротъ, нежели быть со временемъ горничными, или боннами, или быть можетъ женами бѣдныхъ чиновниковъ. Къ тому же, такъ какъ сестры произносятъ обѣтъ ежегодно, то онѣ могутъ оставить Общину, когда пожелаютъ, и такимъ образомъ на нихъ не будетъ оказано никакого незаконнаго давленія. Кажется, на сегодня довольно; мое письмо богато новыми планами, искреннимъ желаніемъ сдѣлать хорошее дѣло... Дай Богъ, чтобы то и другое увѣнчалось успѣхомъ...

книги сомнѣваться въ томъ, что братства, благотворительныя заведенія, пропаганда, школы и проч. не только не противны духу нашей церкви, но напротивъ составляютъ существенную ея принадлежность? Конечно, ни въ одной церкви братства не имѣли такихъ правъ и такой силы, какъ у насъ. И что же? До чего мы дошли? До того, что отрицается даже возможность подобныхъ учрежденій? И дѣйствительно мудрено себѣ представить при настоящей организаціи нашей церкви что-нибудь подобное! Дайте эту книжку прочесть Дмитріеву [1]), пусть онъ по совѣсти скажетъ—не правы ли славянофилы, указывая на старину, какъ на богатый родникъ, внѣшнею силою засоренный? Въ государствѣ произошло то же, что въ церкви, и тутъ пришли мы къ невозможности созданія такихъ учрежденій, которыя у насъ были. Изъ письма Вашего я вижу, что вслѣдствіе свиданія Ея Высочества съ Мансуровымъ, Великая Княгиня рѣшилась отправить въ нынѣшнимъ году шесть сестеръ въ Іерусалимъ. На это я могу только замѣтить, что отъ перваго выбора сестеръ будетъ зависѣть весь успѣхъ дѣла и, въ этомъ случаѣ, только личный выборъ Великой Княгини можетъ быть и обезпечить успѣхъ... Я знаю, что вообще безплодно возражать противъ мыслей, когда въ замѣнѣ ихъ не можешь представить никакихъ другихъ предположеній. Но, тѣмъ не менѣе, не могу скрыть отъ Васъ, что я сильно сомнѣваюсь въ возможности устройства въ Петербургѣ школы для дѣвочекъ, съ цѣлью образованія Сестеръ на Востокѣ. Прекрасныя мысли Ваши о цѣли, направленіи и духѣ будущей Общины, могутъ быть облечены, безъ малѣйшаго препятствія въ форму устава—это вопросъ редакціи. Но кто примѣнитъ къ дѣлу тѣ благія намѣренія и высокія побужденія христіанской души, въ которой зародились и созрѣли подобныя мысли? Разсматривая уставы нашихъ лучшихъ монастырей, я вездѣ видѣлъ одно: основателемъ является человѣкъ съ благодатью, жизнью своею и примѣрами направлялъ братьевъ къ цѣли,—не по уставу онъ дѣйствовалъ, а уставъ съ него списывался и хранился въ преданіи болѣе, чѣмъ въ буквѣ. Точно то же вѣроятно происходило и со всѣми женскими Общинами сестеръ въ Западной церкви. Основательница сама, бросивъ міръ, посвящала себя на служеніе одной цѣли и жизнью своею писала уставъ, вѣря въ силу поученій и слова. Вы болѣе меня занимались этимъ предметомъ, и Вамъ конечно болѣе извѣстны всѣ подробности устройствъ Общинъ на Западѣ. Обратите Ваше особенное вниманіе на изученіе

---

[1]) Бывшій профессоръ Москов. университета, въ то время проживавшій въ Ниццѣ, принадлежащій къ кружку западниковъ. *Прим. автора.*

начала или основаній этихъ Общинъ, это во всякомъ случаѣ будетъ очень полезно."

Приведенная переписка свидѣтельствуетъ о неуклонномъ намѣреніи Великой Княгини дать учреждаемой ею Общинѣ широкое и религіозно-практическое значеніе. Отсутствіе въ нашей церкви видимой нравственно-назидательной и благотворительной дѣятельности постоянно ее смущало. До замужества своего, принадлежавъ къ протестантскому вѣроисповѣданію, она, съ принятіемъ Православія, искренно признала превосходство тѣхъ сторонъ нашего вѣроученія и обрядовъ, которые удовлетворяли потребности ея воспріимчивой и впечатлительной натуры. Въ церкви нашей она нашла примиреніе двухъ крайностей, представляемыхъ съ одной стороны католицизмомъ и съ другой протестантизмомъ; а въ обрядахъ и богослуженіи нашемъ нашла она удовлетвореніе присущей ей потребности внѣшняго выраженія глубокихъ искреннихъ ощущеній. Подробно изучивъ и понявъ весь внутренній смыслъ обрядныхъ учрежденій церкви, она относилась къ нимъ не только съ уваженіемъ, но и съ полнымъ убѣжденіемъ въ плодотворной силѣ ихъ на общество. И, такъ какъ одно изъ выдающихся свойствъ ея была потребность дѣлиться съ другими своими впечатлѣніями и такъ сказать пропагандировать ихъ, то она постоянно, въ предѣлахъ доступныхъ ея дѣятельности, старалась выражать и проводить свои искренныя убѣжденія. По порученію ея, переведена и издана была на французскій языкъ литургія Іоанна Златоуста, краткій молитвословъ и Канонъ Андрея Критскаго. Поручая мнѣ написать рескриптъ митрополиту Филарету съ препровожденіемъ Молитвослова и Канона, Великая Княгиня писала мнѣ слѣдующее:

„Veuillez, cher Prince, me faire une lettre (en mon nom) au Metropolitain de Moscou en y mettant les titres et l'adresse, dans la quelle Vous lui direz, que je lui envoie les livres des prières et le Canon de St. André touts deux traduits d'après mon désir afin de faire connaître aux étrangers la beauté et la profondeur de notre rite et de faciliter à ceux, qui se sont convertis à notre foi l'intelligence de nos prières. Que dans cette oeuvre, qui interesse la réligion orthodoxe mes pensées se sont naturellement reportées vers lui et que je serai charmée, si elles méritaient son approbation. Il me faudrait tout cela pour 6 heures tout copié. Mille amitiés... Helène [1]).

---

[1]) Будьте столь добры, любезный князь, набросайте (отъ моего имени) письмо къ московскому митрополиту, съ обращеніемъ и адресомъ, въ которомъ вы напишете, что я посылаю ему краткіе молитвословы и канонъ Андрея Критскаго, переведенные по моему желанію, чтобы познакомить

Я могъ бы привести много примѣровъ, подобныхъ настоящему. Не только въ области религіозной или церковной, но тоже и ко всѣмъ другимъ проявленіямъ нашей литературной, ученой и художественной жизни относилась Великая Княгиня всегда съ желаніемъ знакомить европейскую публику съ образцовыми произведеніями русскаго духа. Она иностранка по происхожденію, привязана была къ новой своей религіи и новому отечеству сознательною любовію. Что не дано ей было природнымъ чувствомъ племеннаго родства, то усвоила она сознательной оцѣнкой пытливаго и воспріимчиваго ума.

IV.

Возвратясь осенью 1858 года въ Петербургъ, Великая Княгиня застала уже крестьянскій вопросъ въ первомъ періодѣ его разработки. Мѣстные комитеты всѣ уже были въ сборѣ; во всей Россіи шла сильная борьба двухъ противоположныхъ направленій. Въ Петербургѣ, можетъ быть, болѣе чѣмъ гдѣ либо, борьба эта принимала острый характеръ. Генералъ Ростовцевъ мастерски воспользовался своимъ вліяніемъ на Государя и умѣньемъ входить въ ладъ его настроенія; видя непреклонную волю Государя идти впередъ и невозможность отступленія, рѣшился взять крестьянское дѣло въ свои руки, несмотря на прежде заявленный имъ въ Главномъ Комитетѣ отказъ отъ сего. Необходимость учрежденія въ Петербургѣ комиссіи для разсмотрѣнія всѣхъ проектовъ мѣстныхъ комитетовъ и окончательной редакціи проекта сдѣлалась очевидною. Въ началѣ 1859 года образована была извѣстная редакціонная комиссія и генералъ Ростовцевъ назначенъ былъ ея предсѣдателемъ.

Первой заботой Великой Княгини, по возвращеніи ея въ Петербургъ—было сблизиться съ генераломъ Ростовцевымъ, къ которому издавна она была нерасположена. Причины этого нерасположенія были такого свойства, что не легко изглаживаются изъ памяти женщины,—не пользовавшейся, при жизни мужа, особымъ семейнымъ счастьемъ.

иностранцевъ съ красотою и глубиною нашего богослуженія и облегчить принявшимъ православіе пониманіе нашихъ молитвъ и что, взявшись за это дѣло, касающееся православной вѣры, я, вполнѣ естественно, подумала объ немъ и буду въ восторгѣ, если переводъ заслужитъ его одобренія. Все это нужно было бы прислать мнѣ переписаннымъ къ 6 часамъ.

Мой искренній привѣтъ
Елена.

Будучи любимымъ адъютантомъ Великаго Князя Михаила Павловича и потомъ главнымъ помощникомъ его по управленію военно-учебными заведеніями, генералъ Ростовцевъ дѣйствовалъ въ направленіи, которое не могло быть сочувственно образу мыслей и взглядамъ Великой Княгини; а потому естественно долженъ былъ стараться устранять всякое вліяніе ея на мужа. Понятно, что въ женской, до тонкости чувствительной душѣ, могло въ теченіе времени накопиться много горечи и вызвать непріязненныя чувства. Побороть эти чувства могла только воля, проникнутая сознаніемъ цѣли, внѣ личныхъ интересовъ лежащей.

Великая Княгиня ясно видѣла, что ни генералъ Ростовцевъ, ни оффиціальные дѣятели главнаго комитета не въ состояніи будутъ начертать окончательный проектъ освобожденія крестьянъ и еще менѣе будутъ въ силахъ выдержать борьбу со всѣми скопляющимися оппозиціонными элементами. Она понимала, что для сближенія людей способныхъ, но чуждыхъ другъ другу по разнымъ причинамъ, нуженъ посредникъ. Роль этого посредника никто не могъ выполнить лучше ея. Она взялась за это. Всю силу своего обаятельнаго ума она положила въ дѣло.

Скоро генералъ Ростовцевъ сдѣлался близкимъ ей человѣкомъ. Въ составъ редакціонныхъ комиссій вступили люди, съ которыми ни генералъ Ростовцевъ, ни другіе оффиціальные представители правительства, казалось, не могли бы имѣть ничего общаго.

Въ средѣ самой редакціонной комиссіи были элементы весьма разнородные, нѣкоторые изъ нихъ, враждебные общему характеру и направленію реформы, имѣли связи и поддержку при Дворѣ. Всегда можно было опасаться ихъ случайнаго преобладающаго вліянія. Необходимо было быть постоянно на стражѣ, предупреждать во-время всякую реакціонную попытку, примирять личныя недоразумѣнія, поддерживать силы утомленныхъ борьбою дѣятелей. Все это, въ теченіе всего времени работъ редакціонныхъ комиссій, исполнялось Великой Княгиней съ изумительнымъ терпѣніемъ, настойчивостью и умѣньемъ.

Такъ называемые морганатическіе вечера, даваемые ею въ это время почти ежедневно, приняли уже явно политическій характеръ. Государь и Императрица и многіе изъ приближенныхъ къ большому двору постоянно ихъ посѣщали. Все на этихъ вечерахъ устраивалось предусмотрительной хозяйкой съ заранѣе обдуманной цѣлью. Въ разныхъ залахъ одновременно предлагались различныя удовольствія, сообразно вкусу и возрасту приглашенныхъ. Тутъ были танцы, музыка, театральныя представленія, игры въ карты и шахматы и салонъ для разговоровъ. Главнѣйшіе дѣятели редак-

ціонныхъ комиссій всегда были въ числѣ приглашенныхъ. Съ изумительнымъ искусствомъ хозяйка умѣла группировать своихъ гостей такъ, чтобы вызвать Государя и Царицу на вниманіе и на разговоръ съ личностями для нихъ нерѣдко чуждыми и противъ которыхъ они могли быть предупреждены. При этомъ все это дѣлалось незамѣтно для непосвященныхъ въ тайны глазъ и безъ утомленія Государя, находившаго большое удовольствіе въ разнообразіи этихъ вечеровъ.

Иногда вечернія собранія эти принимали болѣе общій характеръ. Давались балы, маскарады, живыя картины, шарады и проч. Всѣ эти физическіе подвиги, при слабомъ здоровьи, Вѣликая Княгиня несла бодро, воодушевленная обаяніемъ политической дѣятельности, къ которой она имѣла положительную склонность.

Можно даже сказать, что возбужденное состояніе и заботливое настроеніе ея нравственныхъ силъ въ постоянной борьбѣ для достиженія извѣстной ей сочувственной цѣли, укрѣпляли ея физическія силы, и я никогда не видалъ ее столь бодрою и здоровою, какъ въ этотъ періодъ времени.

Трудно указать теперь, противъ какихъ оппозиціонныхъ элементовъ приходилось бороться тогда дѣятелямъ крестьянской реформы. Эта оппозиція не гласная, не имѣвшая никакого видимаго центра, тѣмъ не менѣе была опасна, вслѣдствіе отсутствія увѣренности въ твердости руководящей воли. Можно было постоянно опасаться за окончательный исходъ реформъ въ томъ направленіи, какой дано было ей главными дѣятелями редакціонной комиссіи. Все, что ненависть, злоба и клевета могла придумать для опозоренія этихъ дѣятелей и взведенія на нихъ обвиненій въ политической неблагонадежности,—все было пущено въ ходъ, и нервы самыхъ, крѣпкихъ организмовъ, уже раздраженные усиленнымъ умственнымъ и физическимъ трудомъ, едва выдерживали борьбу съ напоромъ тайныхъ враждебныхъ силъ [1]).

Великая Княгиня тщательно старалась поддерживать физическія и нравственныя силы трудящихся. Все, что только могла придумать въ этомъ отношеніи женская, заботливая предусмотрительность, было ею сдѣлано.

---

[1]) У Самарина во время работъ редакціонной комиссіи сдѣлался сильный приливъ крови къ головѣ и нервное разстройство. Въ теченіе болѣе мѣсяца, онъ долженъ былъ прекратить всякое занятіе. Н. Н. Милютинъ былъ до того нервно раздраженъ, что одно время не могъ спокойно разсуждать и съ нимъ дѣлались даже истерическіе припадки. На болѣзнь и смерть генерала Ростовцева тоже повліяли усиленныя занятія въ редакціонной комиссіи. *Прим. автора.*

На лѣтнее время въ распоряженіе редакціонной комиссіи она дала помѣщеніе на Каменномъ островѣ въ своемъ дворцѣ. Князю Черкасскому съ семействомъ дала квартиру въ Михайловскомъ дворцѣ. Устраивала прогулки и собранія для отдохновенія и предупреждала всѣ матеріальныя нужды трудящихся, не скрывала готовность свою на всякія жертвы.

Такъ дѣйствовала Великая Княгиня до самаго конца крестьянской реформы. Послѣ обнародованія манифеста, учреждена была медаль для ношенія въ петлицѣ всѣмъ принимавшимъ участіе въ реформѣ. Государь почтилъ заслуги Великой Княгини, поднесъ ей золотую медаль. Этимъ вниманіемъ Великая Княгиня была очень тронута.

Наступила свѣтлая минута царствованія. Всѣ опасенія и зловѣщія предсказанія при объявленіи свободы народу—не оправдались.

Скрытая оппозиція рушилась передъ неожиданной твердою волею Царя, въ послѣднее время, вполнѣ сознательно и открыто ставшаго на сторону защитниковъ реформы въ полномъ и радикальномъ ея объемѣ. Въ произнесенной имъ въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта рѣчи высказалась ясно его твердая воля идти впередъ въ мирномъ преобразованіи учрежденій края. Лучшіе и свѣжіе умы въ государствѣ повѣрили этому настроенію, и со всѣхъ сторонъ явились способные и исполненные ревностію люди, подняли духъ въ унывшихъ, воодушевились желаніемъ общаго блага. Сословіе помѣщиковъ съ примѣрнымъ самоотверженіемъ признало необходимость имущественныхъ жертвъ и великая соціальная реформа освобожденія крестьянъ съ землею совершилась на удивленіе всего свѣта безъ всякихъ существенныхъ смутъ и потрясеній.

Разомъ поднялись всѣ существенные вопросы о преобразованіи земскихъ учрежденій, о преобразованіи суда, о предоставленіи большой свободы печати и пр. пр. Всѣ эти вопросы поставлены были на очередь и, несмотря на начавшееся уже серьезное волненіе въ Польшѣ, надъ всѣми этими реформами трудились въ разныхъ министерствахъ способные дѣятели съ необычайною поспѣшностію.

Это было какое-то лихорадочное время дѣятельности и въ ней принимало участіе все мыслящее общество. Великая Княгиня съ своей стороны, пристально и внимательно слѣдила за всѣмъ и продолжала сочувственно покровительствовать всѣмъ добрымъ начинаніямъ.

Въ то время, какъ и теперь, многіе осуждали эту лихорадоч-

ную торопливость главныхъ дѣятелей въ проведеніи важныхъ и существенныхъ реформъ. Но эта торопливость вполнѣ объясняется тѣмъ, что уже въ то время люди дальновидные сознавали ясно, что нельзя при условіяхъ, при которыхъ дѣйствуетъ у насъ власть разсчитывать на долгое и неизмѣнное ея удержаніе въ извѣстномъ направленіи. Случайное, или, по крайней мѣрѣ, необъяснимое ничѣмъ прошедшимъ ея либеральное настроеніе также случайно могло измѣниться. Уже тогда замѣтно было, что въ сознаніи Государя и большинства его приближенныхъ всѣ либеральныя реформы не имѣли далеко того значенія, которое они въ дѣйствительности и на дѣлѣ получатъ, когда будутъ приведены въ исполненіе.

Не видно было ни въ комъ ни малѣйшаго намѣренія реформировать свои воззрѣнія, свои привычки, свои пріемы, сообразно условіямъ новыхъ реформъ. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что возникшія недоразумѣнія скоро вызовутъ реакцію. Поэтому нѣкоторая торопливость въ реформахъ была отчасти вынужденная и вполнѣ сознательная.

Въ слѣдъ за судебной реформой и реформой печати, стали уже обнаруживаться явные признаки реакціи. Прежде всего, она обнаружилась въ нерасположеніи и даже преслѣдованіи лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ реформахъ и въ назначеніи на высшія мѣста лицъ враждебныхъ реформамъ. Этимъ надѣялись ограничить размѣръ примѣненія ихъ. Началась борьба двухъ противуположныхъ направленій. Защитники реформъ, уже обнародованныхъ и вошедшихъ въ законъ, заклейменные названіемъ красныхъ, подвергнуты были или явному гоненію или опалѣ. Великая Княгиня раздѣлила участь послѣднихъ. Расположеніе къ ней Государя видимо ослабло, и политическое значеніе ея замѣтно уменьшилось.

Все предвѣщало близость поворота въ общемъ направленіи правительства. Всякое случайное событіе благопріятное видамъ реакціи могло вызвать ее наружу.

4-го апрѣля 1866 года совершилось это несчастное для Россіи событіе.

(Окончаніе слѣдуетъ).

И. С. Тургеневъ и его не-литературные друзья.

(П. Т. Кудряшовъ, И. И. Масловъ, гр. Н. Н. Толстой, И. П. Борисовъ и А. В. Топоровъ [1]).

(Окончаніе).

Придерживаясь хронологическаго порядка въ нашей статьѣ мы должны остановиться теперь на Иванѣ Петровичѣ Борисовѣ. Мценскій землевладѣлецъ Борисовъ былъ идеальнымъ типомъ кавказца Николаевскихъ временъ. Некрасивый, очень небольшого роста, онъ плѣнялъ многихъ недюжиннымъ умомъ, простотою и остроуміемъ. Безукоризненно честный и прямой, часто суровый съ виду, онъ былъ отзывчивъ на чужое горе и имѣлъ несомнѣнно доброе сердце. Неутомимый на службѣ, отважный и выносливый въ походахъ, Борисовъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ предавался лѣни у себя въ деревнѣ, гдѣ онъ въ старомъ военномъ пальто и турецкихъ туфляхъ цѣлыми часами просиживалъ передъ горящимъ каминомъ за чтеніемъ историческихъ книгъ, которое очень любилъ. Будучи крайне неприхотливымъ въ образѣ жизни, онъ любилъ, однако, хорошо покушать и угостить пріятеля, не разъ шутливо повторяя слова одного кавказскаго солдатика-пьяницы и балагура: „хорошему человѣку нечего хлопотать о пустомъ, а слѣдуетъ проснуться, пропустить рюмочку, а затѣмъ позавтракать, а тутъ, глядя по дѣлу, пофриштикать, закусить и отдохнуть, а тутъ ужъ и пообѣдать и т. д.“. Впрочемъ, хозяйства своего Борисовъ не запускалъ и нерѣдко поражалъ своихъ сосѣдей умѣньемъ извлекать большія удобства изъ незначительныхъ вещей.

Но невесело сложилась и протекла жизнь Ивана Петровича. Тяжелый крестъ послала ему судьба въ лицѣ дочери его сосѣда

[1]) «Русская Старина», 1909 года, мартъ.

А. Н. Шеншина, къ семьѣ котораго онъ былъ близокъ съ малолѣтства. Надежда Аѳанасьевна Шеншина, интересная темнорусая дѣвушка, но слишкомъ экзальтированная, навѣки покорила сердце Борисова, когда ей было еще 17 лѣтъ, и она только-что окончила Смольный институтъ. Увлеченіе Ивана Петровича не встрѣтило, однако, сочувствія и, получивъ рѣшительный отказъ, онъ съ горя перевелся изъ кирасирскаго полка на Кавказъ, гдѣ прослужилъ болѣе трехъ лѣтъ, тоскуя по любимой дѣвушкѣ. Выйдя въ отставку, онъ снова посватался за Шеншину и снова потерпѣлъ неудачу. Вторично отправившись на Кавказъ, Борисовъ поступилъ въ знаменитый Куринскій полкъ и все время малоазіатской войны 1854—1855 гг. провелъ въ походахъ и экспедиціяхъ, командуя ротой. Бѣдному Ивану Петровичу было тѣмъ болѣе горько, что предметъ его страсти былъ весьма влюбчивымъ человѣкомъ. Одно время Надежда Аѳанасьевна плѣнилась и Тургеневымъ, съ которымъ познакомилась во время его ссылки въ Спасское (1852—1853 г.). Долго ходилъ слухъ, что причиной ея перваго умопомѣшательства было именно равнодушіе Ивана Сергѣевича къ ея увлеченію [1]). Когда въ 1856 году братъ Шеншиной А. А. Фетъ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Борисовымъ, оставилъ военную службу и сталъ почти неразлученъ съ сестрою, Иванъ Петровичъ тоже вышелъ въ отставку, чтобы имѣть возможность чаще встрѣчаться съ любимой дѣвушкой. Долго томился Борисовъ, долго мучился сомнѣніями, надеждой и страхомъ, дѣлая все новыя и новыя попытки вызвать сочувствіе въ предметѣ своей любви. Только когда доктора высказали убѣжденіе, что возстановить нервную систему Шеншиной можетъ одно лишь замужество, и когда, съ другой стороны, сама Надежда Аѳанасьевна почувствовала, что молодость ея прошла безвозвратно, и ей нечего разсчитывать на лучшую партію, она, скрѣпя сердце, дала свое согласіе Борисову.

Нечего говорить, какой заботой окружилъ Иванъ Петровичъ свою жену, какъ бывалъ счастливъ, когда видѣлъ ея хотя-бы относительное спокойствіе. Конечно, онъ не обманывалъ себя и зналъ, что кромѣ привязанности и довѣрія ничего не можетъ возбудить въ ней. Черезъ годъ послѣ свадьбы Борисовъ былъ обрадованъ рожденіемъ сына. Еще годъ спустя у Надежды Аѳанасьевны вновь стали появляться признаки психическаго разстройства, что и привело ее въ московскую лѣчебницу „Всѣхъ скорбящихъ“, гдѣ несчастная женщина умерла послѣ нѣсколькихъ лѣтъ заключенія (въ началѣ 1869 г.). Борисовъ мужественно и твердо переносилъ всѣ

[1]) Рында. «Черты изъ жизни И. С. Тургенева», 31.

эти испытанія, сосредоточивъ, въ концѣ концовъ, всѣ свои помыслы, всю свою любовь на единственномъ сынѣ. Но и съ нимъ онъ долженъ былъ разстаться, когда его Петрушѣ пришла пора поступить въ учебное заведеніе. Какъ была велика любовь отца, видно, напримѣръ, изъ того, что, когда въ 1869 году Петруша, уже будучи воспитанникомъ Катковскаго лицея, заболѣлъ тифомъ, Иванъ Петровичъ бросилъ деревню, прискакалъ въ Москву и двѣ недѣли на колѣняхъ простоялъ передъ кроватью сына, не спуская глазъ съ его изнеможеннаго лица. Послѣднія шесть лѣтъ своей жизни, со времени разлуки съ безнадежно больною женой и послѣ разлуки съ сыномъ, Борисовъ провелъ замѣчательно уединенно. Заперевъ свой домъ въ своихъ Новоселкахъ, онъ поселился во флигелѣ, состоящемъ изъ двухъ большихъ и двухъ маленькихъ комнатъ, въ порядочномъ разстояніи отъ отдѣльно стоящей кухни, гдѣ жили поваръ и единственный слуга Борисова. Зимою нельзя было себѣ представить ничего пустыннѣе этого флигеля, стоящаго неподалеку отъ опушки лѣса. Прислуга нерѣдко видала, когда у Ивана Петровича еще свѣтились окна, волковъ, флегматически возсѣдавшихъ на дорожкѣ передъ его сѣнями. Ихъ никто не тревожилъ, потому что прислуга являлась къ барину въ строго опредѣленные часы; лишь въ экстренныхъ случаяхъ Борисовъ выходилъ на свое крылечко и выстрѣломъ изъ ружья вызывалъ слугу.

Печальная жизнь Ивана Петровича оживлялась только рѣдкими свиданіями съ сыномъ да не менѣе рѣдкими встрѣчами съ немногими друзьями, среди которыхъ первое мѣсто занималъ Тургеневъ. Иванъ Сергѣевичъ познакомился съ нимъ въ первый же годъ его женитьбы, въ 1858 году, и горячо полюбилъ его. Въ каждый пріѣздъ свой на родину Тургеневъ старался видѣться съ нимъ возможно чаще, заманивая Ивана Петровича къ себѣ и наѣзжая къ нему самъ. Хотя усадьбы пріятелей и отстояли одна отъ другой верстъ на пятнадцать или шестнадцать, Тургеневъ проводилъ въ Новоселкахъ иной разъ сутокъ двое подрядъ. Тогда свирѣпыя шахматныя партіи смѣнялись задушевными разговорами, а иногда Иванъ Сергѣевичъ, желая разсѣять грустныя думы своего друга, пускался на добродушныя продѣлки и школьничества. Во время разлуки они аккуратно переписывались. И Борисовъ, со своей стороны, платилъ Тургеневу такой искренней любовью, довѣріемъ, преданностью, что возбуждалъ этимъ даже негодованіе своего родственника Фета.

Несчастія, обрушившіяся на Борисова въ послѣдніе годы его жизни и вызвавшія быстрое развитіе чахотки, къ которой онъ былъ наслѣдственно предрасположенъ, сильно волновали Ивана Сергѣевича. „Прошу тебя“, писалъ онъ брату 24 ноября 1870 года изъ

Лондона: „передать вложенное письмо И. П. Борисову, отъ котораго я не получилъ ни строчки, что меня безпокоитъ, ибо онъ обыкновенно очень аккуратенъ, и я знаю, что онъ нездоровъ". Одиннадцатаго мая 1871 года Тургеневъ писалъ Фету: „Любезный Аѳ. Аѳ., получилъ письмо отъ Борисова, которое меня положительно напугало. Онъ его даже не самъ писалъ, а продиктовалъ кому-то дотого безграмотному, что я едва могъ понять, что онъ желаетъ имѣть свѣдѣнья объ Эмсѣ, а самъ подписался дрожащей рукой. Приказчикъ мой Зайчинскій былъ у него и говоритъ, что онъ не встаетъ съ постели и имѣетъ видъ умирающаго. Я убѣжденъ, что вы теперь уже давно въ Новоселкахъ, но я не могъ утерпѣть, чтобы не написать вамъ: мысль, что бѣдный Борисъ гаснетъ одинъ, не имѣя возлѣ себя грамотнаго человѣка, слишкомъ для меня тяжела. Пожалуйста напишите мнѣ какъ можно скорѣе. Я здѣсь еще остаюсь два мѣсяца. Бѣдный Иванъ Петровичъ и бѣдный Петя!" Черезъ нѣсколько дней послѣ отправки своего послѣдняго письма Борисовъ тихо скончался вдали отъ сына, вдали отъ друзей и близкихъ. Прахъ его похоронили въ близъ лежащемъ приходѣ Верхнее Ядрино около могилъ его дѣда, бабки, отца, матери, братьевъ и сестеръ. Тургеневъ писалъ изъ Лондона отъ 4 іюня 1871 года Фету: „Не могу сказать, что извѣстіе, сообщенное вами, было мною не ожиданно; но тѣмъ не менѣе оно и огорчило, и поразило меня. Побѣжалъ нашъ бѣдный Иванъ Петровичъ по слѣду Николая Толстого, какъ онъ мнѣ писалъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ! Вспоминаю я, какъ часто мы, стоя съ нимъ въ Новосельскомъ саду и глядя на березовую аллею, по которой Николай Толстой пріѣзжалъ изъ-за Зуши въ своихъ развалистыхъ дрожкахъ— бесѣдовали о немъ; а теперь вотъ и самъ хозяинъ ушелъ туда же, въ ту же темную бездну, откуда нѣтъ возврата. Придется развѣ съ Петей когда нибудь, стоя на томъ же мѣстѣ, вспоминать объ его отцѣ; а тамъ онъ современемъ будетъ, быть можетъ, разсказывать, что, вотъ, молъ, тутъ Тургеневъ—покойный—говорилъ мнѣ о своихъ друзьяхъ. Всѣ тамъ будемъ".

Словамъ Тургенева не суждено было сбыться. Хотя Петя Борисовъ и пережилъ Ивана Сергѣевича (умеръ въ 1888 г.), но онъ уже съ 1884 г. былъ неживымъ человѣкомъ. Умный, талантливый и чрезвычайно развитой юноша помѣшался и умеръ въ лѣчебницѣ Св. Николая въ Петербургѣ [1]).

---

[1]) Характеристику Борисова и отношеній къ нему Тургенева мы даемъ на основаніи фактовъ, во множествѣ разсѣянныхъ на страницахъ воспоминаній Фета.

Объ Александрѣ Васильевичѣ Топоровѣ, знакомство съ которымъ началось у Тургенева въ 1874 г. [1]), сказать можно немного, но сказать необходимо, хотя онъ и являлся человѣкомъ мало интереснымъ и вполнѣ дюжиннымъ. Дѣло въ томъ, что мы не найдемъ воспоминаній, касающихся послѣднихъ пріѣздовъ Тургенева въ Петербургъ, гдѣ бы не упоминалось такъ или иначе имя Топорова. Подробнѣе всего описалъ его Н. Я. Стечькинъ: „Покойный Топоровъ былъ сверхштатнымъ придворнымъ дантистомъ и ютился въ маленькой квартирѣ казеннаго дома на углу Сергіевской и Фонтанки. Что было общаго, что могло быть общаго между этимъ добродушнымъ, не выдумавшимъ пороху человѣкомъ и И. С. Тургеневымъ, трудно понять. Но Тургеневъ въ Петербургѣ не могъ обойтись безъ Топорова. Утромъ, бывало, Иванъ Сергѣевичъ, въ вязаной коричневой курткѣ—варезѣ, въ широкихъ „спальныхъ“ штанахъ, въ туфляхъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, а если въ его помѣщеніи была печка,—къ натопленной печкѣ, стоитъ, заложивъ руки за спину, а А. В. Топоровъ, въ черномъ сюртукѣ, съ выхоленной, расчесанной на двое черной бородой сидитъ въ креслѣ и повѣствуетъ. Онъ разсказывалъ напечатанное въ утреннихъ газетахъ, новости городскія, придворныя, были и небылицы, которыхъ въ Петербургѣ больше, чѣмъ гдѣ нибудь. Онъ говорилъ, а Тургеневъ слушалъ. Онъ могъ его слушать часами, прекрасно понимая, что добрая половина повѣствованій А. В. Топорова не имѣетъ подъ собой никакой почвы правдоподобія. Тургеневъ цѣнилъ Топорова чрезвычайно. Когда фотографъ Шапиро затѣялъ издавать портреты выдающихся русскихъ писателей и въ этомъ самомъ 1879 году уговорилъ Тургенева сняться у него, то первый оттискъ большого портрета былъ подаренъ Тургеневымъ Топорову, при чемъ въ подписи подъ портретомъ Иванъ Сергѣевичъ называлъ себя другомъ А. В. Топорова. Портретъ этотъ красовался затѣмъ въ скромномъ кабинетѣ Топорова на первомъ мѣстѣ, окруженный однимъ изъ безчисленныхъ лавровыхъ вѣнковъ, поднесенныхъ тогда Тургеневу. Топорову же умирающій Тургеневъ поручилъ продажу Глазунову посмертнаго изданія своихъ сочиненій“ [2]).

Добросовѣстное исполненіе этого послѣдняго порученія было дѣйствительно важной услугой Топорова и стоило ему большихъ хлопотъ, какъ видно изъ писемъ къ нему Ивана Сергѣевича [3]). Но онъ старался быть полезнымъ Тургеневу вездѣ, гдѣ только

[1]) Неизд. письма Тургенева къ Кишинскому отъ 19 (31) іюля 1874 г.

[2]) „Изъ воспомин. о Тургеневѣ“, стр. 20.

[3]) Напечатаны были сначала въ „Русск. Стар.“ 1883 г., а потомъ въ „Перв. Собр. пис.“ Тургенева.

могъ, не брезгуя никакими мелочами: сопровождалъ его въ концерты, театры, провожалъ его на станціи желѣзныхъ дорогъ, заботился о его багажѣ, доставалъ ему билеты и т. п. Упрекая разъ Полонскаго, что тотъ не воспользовался во время заграничной поѣздки услугами одного берлинскаго пріятеля (Питча), Иванъ Сергѣевичъ писалъ шутливо: „я зналъ, кого я тебѣ рекомендовалъ: представь себѣ Топорова не въ квадратѣ, а въ кубѣ, который бы... отъ блаженства тебѣ прислуживать, и въ то же время точилъ бы слезы умиленія, и все, все бы тебѣ показалъ, жевать бы сталъ за тебя... и все благодарилъ, благодарилъ бы [1])“! Но въ отношеніяхъ Тургенева къ Топорову не было и тѣни снисходительнаго благоволенія избалованнаго поклоненіемъ барича, какъ не было съ другой стороны чего-либо похожаго на подобострастье или заискиванье. Поэтому нельзя согласиться съ Стечькинымъ, который писалъ въ «своихъ воспоминаніяхъ: „Много стародавнихъ русскихъ чертъ было въ Тургеневѣ. Развѣ въ своихъ отношеніяхъ къ милѣйшему А. В. Топорову Тургеневъ, слушая его разсказы, не напоминалъ отчасти фонъ визинскаго Тараса Скотинина, который непремѣнно долженъ былъ выслушать отъ „выборнаго“ исторію, которыя тотъ мастеръ былъ разсказывать, не напоминалъ старыхъ баръ, при которыхъ непремѣнно состояли для услугъ мелкопомѣстные сосѣди“ [2])? Иванъ Сергѣевичъ и отплачивалъ Топорову за его услуги не такъ, какъ это дѣлали въ старозавѣтныя времена крупные помѣщики бѣднымъ дворянамъ дешевыми подарками, мелкими подачками и т. п. Тургеневъ, правда, въ каждый пріѣздъ свой въ Петербургъ не упускалъ случая что-нибудь подарить Топорову, угостить его хорошимъ обѣдомъ въ хорошемъ ресторанѣ, но онъ этимъ не ограничивался. Въ доказательство приводимъ слѣдующія два письма Ивана Сергѣевича къ одному изъ лейбъ-медиковъ, подъ начальствомъ котораго служилъ Топоровъ (письма эти печатаемъ впервые): „Многоуважаемый Ѳедоръ Степановичъ, мой пріятель А. В. Топоровъ сейчасъ зашелъ ко мнѣ весьма огорченный тѣмъ, что онъ, повидимому, обезпокоилъ васъ своей, хотя неумѣстной, но въ его положеніи, быть можетъ, извинительной настойчивостью. Я бы самъ заѣхалъ къ вамъ, но боясь самъ васъ обезпокоить, рѣшаюсь написать вамъ нѣсколько словъ, чтобы попросить васъ извинить его, и какъ говорится въ пословицѣ — переложить гнѣвъ на милость. Человѣкъ онъ очень хорошій, иначе я бы не просилъ за него, но, конечно, безъ свѣтскаго лоска, да и небольшая сумма, о которой

[1]) «Перв. Собр. пис.», 361.
[2]) Стр. 26.

рѣчь идетъ, для него первостепенной важности. Прошу васъ не прогнѣваться также на него за мою настойчивость и принять увѣреніе, что какое ни было (бы) ваше рѣшеніе—а я надѣюсь, что оно будетъ благопріятное,—я сохраню къ вамъ чувство искренняго уваженія, съ которымъ остаюсь навсегда преданный вамъ Иванъ Тургеневъ. С.-Пб. 27 февралъ 1880". Другое письмо, написанное позднѣе, но помѣченное лишь „пятницей утромъ", было такого содержанія: Многоуважаемый Ѳедоръ Степановичъ. Считаю долгомъ довести до свѣдѣнія вашего превосходительства, что мое здоровье поправилось, и я рѣшаюсь сегодня выѣхать. Эту записочку вамъ передастъ мой вѣрный Топоровъ, которому вы оказали столько благодѣяній. Для довершенія ихъ, и злоупотребляя почти вашей благосклонностью, рѣшаюсь обратить ваше вниманіе на 2 пункта: 1) что ему съ 1-го декабря перестали отдавать столовыя деньги, опираясь будто бы на ваши слова, что онъ долженъ находиться при должности ежедневно, но не безсмѣнно; вѣроятно, вы этимъ хотѣли сказать не безотлучно—и пока онъ ежедневно служитъ то долженъ и ежедневно питаться. 2) Топоровъ очень стѣсненъ своей малой и неудобной квартирой и очень былъ бы радъ получить что-нибудь получше. Видите ли, что значитъ связаться съ нашимъ братомъ литераторомъ: сейчасъ пойдетъ письменность! Еще разъ благодарю васъ за ваше участіе, прошу принять увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и въ дружескихъ чувствахъ преданнаго вамъ Ив. Тургенева".

М. Г. Савина и имѣла въ виду Топорова, когда писала въ своихъ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ: „Къ постановкѣ „Мѣсяца въ деревнѣ" (1879 г.) относится еще интересный эпизодъ. Иванъ Сергѣевичъ подарилъ супругѣ одного своего пріятеля право на авторскій гонораръ за свои драматическія произведенія. Пріятель, дорожа расположеніемъ Ивана Сергѣевича, не могъ отказаться, но и не хотѣлъ воспользоваться этими деньгами. Дѣтей у нихъ не было, и онъ рѣшилъ взять ребенка на воспитаніе. Нашли дѣвочку и выростили ее на деньги, полученныя за драматическія произведенія Ивана Сергѣевича. „Мѣсяцъ въ деревнѣ" не сходилъ съ репертуара, и я каждый годъ, возвращаясь изъ отпуска, начинала сезонъ моею любимой ролью (Вѣрочки). По поводу этого названные родители дѣвочки шутя говорили: „Вѣрочка помогаетъ Любочкѣ", это было имя дѣвочки, за которою упрочилось названіе „Тургеневской Любы". Теперь это уже взрослая дѣвушка; она служитъ учительницей въ провинціи" [1]).

[1]) «Театръ и искусство», 1900 г., № 2.

„Тургеневская Люба“ явилась у Топорова въ концѣ 1882 года и какъ бы съ благословенія самого Ивана Сергѣевича, который писалъ своему другу 19 (31) декабря: „Вполнѣ одобряю употребленіе, сдѣланное вами поспектакльными деньгами, которыми вы, впрочемъ, могли распорядиться по благоусмотрѣнію, такъ какъ онѣ—ваша собственность, съ своей стороны я радуюсь, что хотя косвенно могъ способствовать тому, что вы сдѣлались полнымъ семьяниномъ“. Въ слѣдующемъ письмѣ Топорову онъ уже передаетъ маленькой Любѣ свой поцѣлуй [1]).

Это доброе дѣло было лучшимъ вѣнкомъ А. В. Топорова на могилу его великаго друга.

Сообщ. Н. Гутьяръ.

[1]) „Перв. Соб. пис.“ 533., 538.

Изъ пастырскаго быта сельскаго священника.

(Ad futuram memoriam).

IV [1]).

Между прочимъ я познакомился съ исторіею моего прихода. Исторія эта нѣсколько оригинальна, поэтому я позволяю себѣ здѣсь хотя вкратцѣ изложить ее. Приходъ мой состоялъ изъ нѣсколькихъ слободокъ, расположенныхъ въ довольно степной мѣстности. Слободки эти отстояли одна отъ другой въ 3-хъ, 4-хъ, 5-ти 6-ти верстахъ и принадлежали различнымъ некрупнымъ помѣщикамъ. До образованія своего прихода всѣ эти слободки составляли части сосѣдняго большого военно-поселенскаго прихода Б. В.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ одну изъ этихъ слободокъ пріобрѣлъ въ собственность полякъ К. Поляки вообще хорошіе хозяева. К. тоже хорошо хозяйничалъ. Вокругъ его имѣнія было много пустопорожней казенной земли, она отдавалась въ аренду, К. заарендовалъ всю окружную казенную землю, накупилъ скота: скотъ тамъ выпасался, и К. отправлялъ его гономъ на продажу въ Варшаву, Либаву, даже Ригу. Хлѣбъ своего урожая отправлялъ на своихъ подводахъ въ Одессу, а изъ Одессы привозилъ домой все нужное въ своемъ домашнемъ обиходѣ. Въ экономіи его были заводы лошадей, рогатаго скота, овецъ. Какъ домъ, такъ и вся экономія были наполнены изобиліемъ, какъ полная чаша. К. былъ и щедръ и благотворителенъ. Случился въ окружности неурожай и голодъ, К. отправилъ свои и крестьянскія подводы въ Подольскую губернію, привезъ оттуда хлѣба и цѣлый годъ на свой счетъ кормилъ не только своихъ крестьянъ, а и сосѣднихъ. Разсказали крестьяне мнѣ такой эпизодъ:—„во время голода мы всѣ въ воскресенье вечеромъ получали паекъ изъ панскаго амбара, получали

[1]) См. «Русскую Старину», январь 1909 г.

муку, пшено, сало, олею. Приходитъ въ амбаръ какъ-то самъ панъ и спрашиваетъ: довольно ли пайка? Мы говоримъ, что для насъ довольно, а вотъ къ намъ изъ сосѣдняго села Ив. ходятъ голодные и просятъ хлѣба; жаль ихъ, даемъ. Панъ и говоритъ: пусть эти крестьяне соберутся и ѣдутъ въ Подольскую губернію за хлѣбомъ, а я имъ дамъ денегъ, и сейчасъ же послалъ своего приказчика-атамана объявить имъ это. Но помѣщикъ Ив. не позволилъ своимъ крестьянамъ ѣхать. Тогда нашъ панъ позволилъ крестьянамъ Ив. приходить въ его амбаръ и получать на себя паекъ, а своихъ крестьянъ вторично нарядилъ въ Подолію, и мы привезли хлѣба и для себя и для крестьянъ с. Ив. – Строгій былъ, продолжалъ разсказчикъ, но хорошій панъ. Бывало, захочется кому изъ крестьянъ поѣхать на ярмарку въ городъ или село.

— Позвольте, пане, поѣхать на ярмарку.

— А зачѣмъ?

— Да вотъ хочу воловъ своихъ перемѣнить, уже стары стали.

— Ну, поѣзжай, если тебѣ хочется побывать на ярмаркѣ, а воловъ своихъ не продавай; отгони ихъ въ мой гуртъ [1]), а себѣ выбери любые, а продавать не смѣй.

Никогда нашъ покойный панъ ни одного изъ своихъ крестьянъ не отдавалъ въ солдаты, а или нанималъ наемниковъ или же деньги взносилъ за слѣдуемыхъ отъ насъ рекрутъ, т. е. покупалъ зачетныя квитанціи. Жилъ нашъ панъ богато, открыто“...

Поляки вообще религіозны. К. былъ религіозенъ и безъ фанатизма.

Сосѣдняя церковь, куда числилась приходомъ деревня К., была въ десяти верстахъ. Каждое воскресенье и праздникъ К. бывалъ въ церкви и того же требовалъ отъ своихъ крестьянъ. Въ субботы работы производились только до обѣда; послѣ обѣда хозяева должны были чистить и прибирать свои дворы и хаты къ воскресному дню, а въ самое воскресеніе быть всѣ въ церкви.— „Замѣтитъ, бывало, что кого-нибудь нѣтъ въ церкви, призываетъ къ себѣ и спрашиваетъ: почему не былъ въ церкви? а до церкви далеко, многіе отлынивали. Однажды на вопросъ пана: почему не были въ церкви, мы и говоримъ: намъ, пане, стыдно туда ходить въ церковь; тамъ поселяне въ мундирахъ да въ кофтахъ, а мы въ свиткахъ, смѣются надъ нами. Повезли мы пшеницу въ Одессу, и тамъ панъ накупилъ сукна, а дома для всѣхъ мужиковъ велѣлъ сшить суконныя чамарки и плисовые штаны; въ субботу вечеромъ мы шли въ панскій магазинъ, брали свои наряды и чтобы всѣ ужъ непремѣнно въ воскресенье были въ церкви, а бабамъ всѣмъ ку-

[1]) Стадо.

пилъ черевики, чтобы онѣ въ церковь босыми не ходили. На слѣдующій годъ панъ началъ строить свою церковь. Построилъ кирпичный заводъ, пригласилъ сосѣднихъ крестьянъ на помощь въ подвозкѣ матеріаловъ; года черезъ два или три церковь была построена". Церковь вышла очень красивая, массивная и прочная. Въ составъ прихода вновь выстроенной церкви вошли и сосѣднія деревни.

Года черезъ два по окончаніи церкви К. поѣхалъ по дѣламъ въ Варшаву и на дорогѣ скоропостижно умеръ. Что было при немъ, то погибло; прямыхъ наслѣдниковъ у К. не было (К. былъ холостъ); имѣніе было взято въ опеку и находилось въ опекѣ болѣе пятнадцати лѣтъ, такъ какъ оказавшіеся наслѣдники вели процессъ, который по тогдашнему времени тянулся очень долго. Опекуны повели хозяйство такъ, что оно начало таять, какъ снѣгъ весною; осиротѣвшіе крестьяне, привыкшіе жить подъ руководствомъ и даже нѣсколько балованною заботливостью покойнаго своего пана, совершенно опустились и стали расхищать послѣдки экономическаго добра вслѣдъ за опекунами, да, кажется, и въ союзѣ съ ними. Прошло такъ лѣтъ 15—16, пока наслѣдники, въ лицѣ двухъ дальныхъ родственниковъ покойника К., вступили во владѣніе оставшимся имуществомъ. Наслѣдники эти были люди бѣдные, за пятнадцать лѣтъ процесса задолжали и, получивъ имѣніе, кое-какими объѣдками оставшейся движимости расплатились съ долгами. Наступили шестидесятые годы и освобожденіе крестьянъ. Помѣщики, получивъ выкупныя суммы, кое-какъ перебивались; а крестьяне, распущенные нравственно еще во время опеки, теперь очутились на волѣ, оказались совершенно безпомощными, развращенными, разоренными и отягощенными разными непривычными и необычными для нихъ платежами и въ казну, и бывшимъ своимъ помѣщикамъ. Одинъ изъ наслѣдниковъ сейчасъ же по освобожденіи крестьянъ успѣлъ закрѣпостить ихъ опять. Давая на семью по 15 р. въ годъ, онъ обязывалъ ихъ, чтобы два работника изъ семьи — мужчина и женщина отработывали ему по два дня въ недѣлю; деньги давались впередъ. Крестьяне, какъ дѣти за огонь, хватались за деньги, охотно соглашались на предлагаемую имъ политико-экономическую сдѣлку, практиковавшуюся, впрочемъ, и сосѣдними помѣщиками, и вскорѣ очутились въ кабалѣ худшей прежней крѣпостной. Прежде, работая на помѣщика по три дня въ недѣлю, крестьяне получали отъ него землю и были свободны отъ податныхъ платежей, которые уплачивались за нихъ помѣщикомъ, а теперь за 15 руб. они должны были работать на того же помѣщика, нести всѣ денежныя повинности и содержать на свой счетъ свое самоуправленіе. Въ скоромъ времени очутились въ самомъ бѣдственномъ и безпомощ-

номъ состояніи да еще, развращаемые пятнадцатирублевою подачкою впередъ, совсѣмъ опустили руки и распьянствовались. Въ мою уже бытность на приходѣ наблюдалось слѣдующее: идетъ крестьянинъ къ пану брать деньги на отработокъ; сосѣди ждутъ его возвращенія съ деньгами отъ пана; составляется компанія и вмѣстѣ идутъ въ помѣщичій шинокъ, гдѣ пьютъ до тѣхъ поръ, пока взятые 15 руб. до конца пропиваются. Тогда идетъ къ пану другой крестьянинъ за деньгами и повторяется та же исторія, и такъ за зиму очередь обходитъ почти всѣхъ домохозяевъ. Наступило лѣто—рабочая пора. Раннее утро. Крестьяне кучами стоятъ около своихъ домовъ на улицѣ. (Село расположено въ двѣ прямыя линіи на возвышенности; на противоположной возвышенности жилъ я, и мнѣ все было слышно и видно, какъ на ладони). Проѣзжаетъ по селу верховой „загадувать на работу“ отъ пана К—а.—„А куда?“ слышатся голоса крестьянъ.—„На пшеницу тамъ-то“...—„Хорошо, идемъ сейчасъ“. Верховой уѣхалъ, является другой верховой отъ другой экономіи:—„А куда?“ слышатся вопросы;—„на пшеницу за яръ“.—„Хорошо, сейчасъ идемъ“. Тотъ уѣхалъ, а иногда еще и не уѣхалъ, какъ является третій „загадувальщикъ“, и повторяются тѣ же вопросы „куда“, тѣ же обѣщанія, и та же готовность крестьянъ идти на работу.

. Солнце поднялось, крестьяне все еще стоятъ въ раздумьѣ, куда имъ идти; слышны говоръ, иногда смѣхъ, часто ругань. Часть крестьянъ идетъ куда-то съ косами, скорѣй всего на свою собственную ниву, а остальные, поставивъ косы свои у хатъ, направляются прямо въ шинокъ, гдѣ и остаются до обѣденной поры, а послѣ обѣда надо проспаться. На другой день та же исторія съ варіаціями, конечно, на третій день то же, и такъ тянется эта канитель все лѣто и осень. Въ началѣ зимы всѣ неисправные должники требуются въ волость, гдѣ на нихъ налагаются штрафы, переписываются условія для отработки неотработаннаго на слѣдующій годъ, и крестьяне съ облегченнымъ сердцемъ и съ очищенною совѣстью опять идутъ къ пану за пятнадцатью рублями. Иные забирали на два-три-четыре года впередъ.

Таково было соціальное состояніе моихъ прихожанъ. Что касается духовно-нравственнаго состояніе, то я, кажется, не погрѣшу, если скажу, что состоянія это ничѣмъ не отличалось отъ общаго тогда моральнаго уровня всѣхъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, конечно, съ нѣкоторыми мѣстными оттѣнками. Крѣпостное состояніе наложило на всѣхъ крестьянъ свой отпечатокъ слабодушія, тупоумія, взаимнаго разъединенія и недовѣрія, пассивно обнаруживаемыхъ различными отрицательными качествами, какъ на-

слѣдіемъ и плодами крѣпостничества, каковы: двоедушіе, скрытность, лукавство и т. под. Въ религіозномъ состояніи сказывалась поразительная двойственность: религія чтилась не только крестьянами, а и такъ называемою интеллигенціею: воскресные дни и праздники праздновались, богослуженія по возможности посѣщались, правила и обряды церковные исполнялись; но все это дѣлалось какъ-то формально, не какъ выраженіе внутренняго самосознанія, а какъ заведенный порядокъ, какъ культъ, надобный какому-то невѣдомому Богу, живущему гдѣ-то далеко и высоко. Въ сущности жизнь деревни сказывалась и являлась только простымъ матеріальнымъ актомъ. А Богъ былъ не вѣдомъ не только рабамъ-крестьянамъ, а и ихъ владыкамъ-помѣщикамъ. На почвѣ этого религіознаго недовѣрія и невѣжества сказывалось полное равество рабовъ и ихъ влэдыкъ, а отсюда вытекало и равенство культурное, но только это послѣднее въ тѣхъ и другихъ проявлялось въ различной формѣ: въ одной сторонѣ, крестьянствѣ, вынужденный стоицизмъ, доходящій до цинизма, въ другой—ede, bibe, lude... сладкій до приторности эпикуреиизмъ, растворяемый не малою долею цинизма. Отсюда обоюдная моральная несостоятельность и отсутствіе какой-либо положительности даже въ соціально-моральномъ отношеніи. Такова была деревня въ то время, когда тамъ далеко, за горами, за долами, столичные демократы-пролетаріи шипѣли, а иногда гремѣли о революціи, о конституціи, и когда загорались наши мѣстные парламенты, съ различными аттрибутами „блага народнаго“.

Проповѣдь церковная, гдѣ она была, производила только скользящіе слѣды; проповѣдь домашняя и въ интеллигенціи и въ крестьянствѣ обнаруживала только грубо-чувственный, чисто матеріальный укладъ жизни. И владыки, и рабы—нашъ русскій израиль—были дѣти многолѣтняго крѣпостного Египта. Древнему израилю понадобилось сорокъ лѣтъ для того, чтобы переродиться и сдѣлаться не только свободнымъ, а и способнымъ, а слѣдовательно, и достойнымъ свободы. И нашему русскому израилю — крестьянству и панству, только въ лицѣ новыхъ поколѣній предстояло достигнуть и войти въ землю обѣтованную. Все вниманіе свое сельскому священнику надлежало обратить на молодое, новое крестьянское поколѣніе. Наличныя средства церкви для воздѣйстія на это поколѣніе оказывались недостаточными. Явилась потребность въ школѣ. Эта потребность чувствовалась сельскимъ духовенствомъ частію сознательно, частію инстинктивно, сейчасъ же по освобожденіи крестьянъ, и при многихъ приходахъ школы церковныя тогда же возникали. Въ моемъ приходѣ школы не было,

надо было ее создать. Между тѣмъ наступили семидесятые годы. Шумъ о земскихъ школахъ дошелъ и до моего захолустья. Надо было хоть нѣсколько разобраться въ этомъ шумѣ. Поѣхалъ я къ знакомому сосѣднему священнику, у котораго въ приходѣ была церковная школа; завелся разговоръ о школѣ. „У меня въ школѣ, говоритъ священникъ, учатся дѣти читать по-русски, по-славянски, учатъ молитвы, свящ. исторію, учатся писать; учитъ ихъ мой псаломщикъ, и я учу. Псаломщикъ учитъ читать, писать и молитвамъ, а я учу свящ. исторіи и ариѳметикѣ; да вотъ какъ-то пріѣхалъ въ школу мировой посредникъ, и школа моя ему непонравилась: учитель, говоритъ, у васъ дуракъ, учитъ по складамъ, по-старому, а теперь, вотъ, учатъ не такъ. Созвалъ крестьянъ и настанвалъ, чтобы они завели у себя земскую школу, а эту упразднили. Крестьяне земской школы заводить не хотятъ, да теперь и на церковную не даютъ того, что давали, т. е. на сторожа и на отопленіе; мировой, говорятъ, не велѣлъ".

Мнѣ поручено было наблюдать сосѣдній приходъ, гдѣ временно не было священника; тамъ была земская школа. Принявши церковь, я пошелъ въ школу; дѣло было въ февралѣ мѣсяцѣ. Школа оказалась запертою. Спрашиваю мужиковъ: оказалось, что попечителемъ школы состоитъ мѣстный помѣщикъ, школа выстроена крестьянами, былъ и учитель, да вотъ теперь помѣщикъ разсчиталъ своего приказчика, а учитель теперь въ конторѣ помѣщика занимается по экономіи, и потому школа стоитъ запертою уже около мѣсяца.

Настала слѣдующая осень; съ грѣхомъ пополамъ я открылъ у себя школу. Главное затрудненіе состояло въ томъ, что не было въ селѣ сколько-нибудь подходящей хаты для школы, а сторожки при церкви тоже не было. Нашелся одинъ хозяинъ, который согласился помѣстить школу у себя въ другой половинѣ своей хаты. Въ селѣ былъ кое-какъ грамотный писарь; я упросилъ его помогать мнѣ въ школѣ, главное быть въ школѣ во-время моего отсутствія. Прошла недѣля, другая; мальчики учатся, мы учимъ. Хозяинъ частенько въ игривомъ настроеніи навѣщалъ насъ, ведетъ свои бесѣды, мѣшаетъ намъ. Какъ-то я отлучился на требу; пріѣзжаю и узнаю, что пьяный хозяинъ разогналъ школу, побилъ писаря. Другой хаты въ двѣ половины на селѣ не оказалось, пришлось пріютить школу въ одномъ малосемейномъ домѣ. Хозяинъ хотя и выпивалъ, но не буянилъ; хозяйка хоть и ворчала, но не выгоняла насъ. Въ Великомъ посту школа разошлась по своимъ домамъ для хозяйственныхъ работъ. На слѣдующую осень мнѣ удалось убѣдить крестьянъ отпустить подъ школу ихъ сбор-

ную избу, а сами они собирались для разсужденія о своихъ общественныхъ дѣлахъ у писаря. Противъ этой сборной хаты въ десяти саженяхъ стоялъ экономическій шинокъ, гдѣ еврей торговалъ водкой, и гдѣ съ утра до ночи толпились потребители. Съ помѣщеніемъ школы въ виду шинка потребители стали замѣтно стѣсняться и, избѣгая встрѣчи со мной, стали отвиливать отъ шинка по крайней мѣрѣ на время моего пребыванія въ школѣ. Еврею и пану не понравилось близкое и такое опасное сосѣдство школы съ шинкомъ.

Панъ черезъ сельскаго старосту приказалъ мужикамъ убрать свою школу, но я заупрямился, родители дѣтей, посѣщавшихъ школу, тоже. У мѣстнаго мирового посредника былъ письмоводитель интеллигентъ-народникъ, т. е. изъ „пошедшихъ въ народъ“ онъ же состоялъ корреспондентомъ одной демократической Петербургской газеты, гдѣ и помѣщалъ свои „сочиненія“, громящія преимущественно сельское духовенство за его „спячку“, равнодушіе къ народному образованію“, „отсталость“ и т. подобное.

Вотъ этотъ-то интеллигентъ въ качествѣ чиновника мирового посредника пріѣзжаетъ однажды въ село, созываетъ сходку и „именемъ закона“ велитъ убрать школу, которая „по закону не можетъ находиться въ близкомъ разстояніи отъ питейнаго заведенія. Школу мою выгнали изъ хаты, и оно, оставшись безъ пріюта, разбрелась по домамъ. Больно и обидно было все это. Что мнѣ было дѣлать? Жаловаться? Но куда? Мнѣ, мизерному, захолустному сельскому попику идти противъ сильныхъ и власть имѣющихъ! Inter arma, silent leges, такъ говоритъ Заратустра. Я ограничился тѣмъ, что написалъ обо всемъ этомъ въ ту же радикальную газету, гдѣ печатался и нашъ мѣстный демократъ-интеллигентъ. Конечно, не напечатали и не отвѣтили; я послалъ письмо съ почтовою маркою, прося отвѣта; были такъ любезны, что не зажилили марки и отвѣтили, что статья моя, молъ, какъ не подходящая къ направленію газеты, не можетъ быть напечатана.

Но я не терялъ надежды имѣть школу въ своемъ приходѣ и задумалъ построить ее лѣтомъ возлѣ церкви. Всю зиму толковалъ я объ этомъ съ мужиками, и они обѣщали помочь въ постройкѣ школы трудомъ своимъ. За зиму же я пріобрѣлъ и матеріалы для школы, купивъ въ сосѣдней деревнѣ новый, недостроенный деревянный домъ. Пришла весна. Я пригласилъ мужиковъ перевезти купленный домъ къ церкви и начать постройку. Провѣдалъ объ этомъ панъ. Приходятъ ко мнѣ мужики и говорятъ: батюшка, мы

всею душею рады построить школу, спасибо и вамъ, что вы хлопочете, такъ вотъ панъ не велитъ; говоритъ, что онъ не позволитъ строить школу около церкви, потому, что и церковь и ограда церковная стоятъ на его землѣ, и что если мы будемъ строить и заведемъ у себя школу, то „вінъ и скоту нашего не прыйме на выпасъ, и грошей намъ не буде давать на отробитокъ, и земли не дастъ, та казавъ, извинить, що и вашої коровы не прыйме на выпасъ“... Корова,—это единственное тогда, но очень могучее средство для помѣщика, держать попа на уздѣ. Такъ я школу и не построилъ, а на зиму пришлось мнѣ перейти на другой приходъ. Ad impossibilia nemo obligatur.

Пишу настоящее, быть можетъ, не интересное и скучное, повѣствованіе свое, я хотѣлъ бы отмѣтить нѣкоторыя характерныя особенности быта сельскаго духовенства нашего края.

1. У насъ въ Новороссіи тамъ, гдѣ сельскіе приходы состоятъ изъ нѣсколькихъ селъ, попадается много помѣщиковъ-землевладѣльцевъ разныхъ вѣроисповѣданій и національностей; есть русскіе, есть поляки-католики, нѣмцы-католики, нѣмцы-протестанты, греки, есть даже землевладѣльцы евреи. Какъ по моимъ личнымъ наблюденіямъ, такъ и по наблюденіямъ и сообщеніямъ другихъ священниковъ, изъ всѣхъ этихъ національностей хуже всѣхъ относятся къ священнику русскіе помѣщики. И евреи, и нѣмцы, а въ особенности поляки всегда держатъ себя въ отношеніи мѣстнаго священника корректно, доброжелательно, вѣжливо и почтительно. Русскій же эксъ-баринъ всегда норовитъ поставить себя къ священнику если не во враждебныя, то всегда въ недоброжелательныя, грубыя и претензіонныя отношенія. Не знаю, прирожденное ли у нихъ это или же они гдѣ-нибудь позаимствовались имъ для всякаго шика, подобно тому, какъ деревенскій парень, побывавъ въ городѣ и купивъ тамъ пару глубокихъ резиновыхъ блестящихъ галошъ, въ іюнѣ или іюлѣ мѣсяцѣ приходитъ въ нихъ въ церковь и полагаетъ, что производитъ своими галошами самый блестящій шикъ. Въ моемъ приходѣ, гдѣ я прожилъ семь лѣтъ, были три помѣщичьи семейства поляки, одно семейство нѣмцы-лютеране, два семейства мѣшанныя: мужъ нѣмецъ, жена русская, мужъ русскій, жена нѣмка; всѣ они и дѣти были ласковы, любезны, доброжелательны, внимательны, почтительны и ко мнѣ и къ церкви. Года за два до моего выхода изъ прихода купилъ имѣніе К.—русскій. Онъ-то и выгналъ при посредствѣ русскаго интеллигента церковную школу изъ крестьянской избы, онъ-то и помѣшалъ мнѣ устроить школу въ церковной оградѣ.

2. Пошелъ я изъ К. на другой приходъ по обстоятельствамъ

не служебнымъ, а чисто семейственнымъ. Старикъ отецъ мой заболѣлъ и требовалъ, чтобы я замѣстилъ его. Отпуская и благословляя меня на новый приходъ, владыка-архіерей между прочимъ говорилъ мнѣ: благочинный Васъ не лестно аттестуетъ, въ формулярѣ Вы значитесь „неусерднымъ и неблагопопечительнымъ по приходу". Я на это говорю владыкѣ: о. благочинный мой никогда не интересовался ни мною, ни моею дѣятельностью, ни состояніемъ моего прихода; когда пріѣзжалъ ко мнѣ во время объѣзда своего благочинія, то не оставался у меня болѣе получаса, потому что я живу въ лачугѣ и не могъ ни принять его на долго, ни разговориться съ нимъ; а почему его формулярная обо мнѣ отмѣтка неблагосклонна, я не знаю.—Ну, поѣзжайте съ Богомъ на новый свой приходъ; тамъ, надѣюсь, Вы постараетесь заслужить благосклонность Вашего благочиннаго.—Я, Ваше Высокопреосвященство, до сихъ поръ служилъ Богу и церкви, и на новомъ приходѣ тоже думаю служить Богу и приходу, а не благочинному.—Ну, ну, не горячитесь такъ, молодой отецъ; воздадите Божія Богови, кесарево кесарю.

Не скоро потомъ пришлось какъ-то мнѣ познакомиться съ однимъ священникомъ П—ой губерніи. Разговорились. Я припомнилъ свой послѣдній разговоръ съ моимъ владыкой, и на мой разсказъ объ этомъ разговорѣ мой знакомый сказалъ мнѣ: а со мной вотъ какая исторія была: получивъ священство, пріѣхалъ я на свой приходъ; приходъ оказался хорошимъ, покойнымъ и благоустроеннымъ; и помѣщики и крестьяне относились ко мнѣ благопріятно; верстахъ въ 10-ти отъ меня жилъ благочинный; сначала все было хорошо. Но вотъ я сталъ подмѣчать, что благочинный почему-то мною недоволенъ. Начались недоразумѣнія и разныя придирки. Чѣмъ дальше, тѣмъ все это становилось хуже и назойливѣе. Пріѣдетъ, было, благочинный въ церковь во время служенія: то я не такъ служу, то не умѣю держаться, то проповѣди мои никуда не годятся, то хозяйство не въ порядкѣ, то документы церковные не въ исправности, то другія разные разности. Сталъ я стараться быть рачительнымъ и во всемъ исправнымъ, безмолвствовалъ и исполнялъ даже капризы благочиннаго: ничто не помогало, придирки не прекращались. Такъ прошло года полтора; я сталъ нервничать и думать о переходѣ на другой приходъ; но жаль было оставлять и хорошее мѣсто, и хорошихъ людей—прихожанъ. Былъ большой праздникъ Св. Троицы 1-го іюня. На второй день праздника въ концѣ обѣдни я вижу благочиннаго за старостинской стойкой. Сердце такъ и екнуло: вотъ тебѣ праздникъ, подумалъ я. Послѣ литургіи благочинный потребовалъ приходорасходныя книги,

книги были у меня на дому, Благочинный раскричался, зачѣмъ я не исполняю правилъ, держу церковныя книги у себя; принесли книги, въ которыя еще не былъ записанъ приходъ и расходъ денегъ за послѣдній истекшій мѣсяцъ май.—Почему такая неисправность, грубо говоритъ благочинный.—Извините, говорю; въ субботу только окончился мѣсяцъ, 1-е число было вчера—великій праздникъ, а сегодня вечеромъ я запишу все, что слѣдуетъ. Благочинный во весь листъ росписался, что доходы и расходы за послѣдній мѣсяцъ не записаны, сдѣлалъ мнѣ при причтѣ, старостѣ и прихожанахъ выговоръ и обѣщавъ, донести о моемъ нерадѣніи консисторіи, уѣхалъ. Я поѣхалъ къ архіерею, разсказалъ ему всѣ свои обстоятельства и просилъ его дать мнѣ другой приходъ. Благостнѣйшій владыка Л–ій терпѣливо выслушалъ меня и говоритъ: приходъ мѣнять Вамъ рано еще, Вы и двухъ лѣтъ не прослужили тамъ, да и незачѣмъ; сами же говорите, что приходъ хорошъ, что Васъ тамъ любятъ и проч. Поѣзжайте домой, потерпите, а между тѣмъ будьте исправны и предупредительны къ своему благочинному; онъ мужикъ, кажется, ничего себѣ, только, видно, не терпѣливъ; а Вы будьте благоразумны, и онъ къ Вамъ перемѣнится. Нечего было дѣлать, я поклонился владыкѣ и поѣхалъ домой. Прошло еще болѣе полугода, благочинный не унимался, а еще какъ будто болѣе свирѣпѣлъ. Я опять къ владыкѣ и опять сталъ жаловаться и просить для себя другого прихода. Владыка говоритъ: ну, а исполнили ли Вы все, что я Вамъ рекомендовалъ, не раздразнили ли его чѣмъ, какою-либо неисправностію, невнимательностію? – Все, говорю, исполнилъ, что Ваше В—во мнѣ приказали, но ничего не помогаетъ.—Все ли, говоритъ, а можетъ не все? –Все, говорю, Ваше В—во, даже болѣе того, что нужно.—Что же это болѣе? А хабара Вы ему дали?—Нѣтъ, говорю, этого не было.—То-то и есть; а Вы послушайте меня, старика, дайтека ему хабара, и повѣрьте, что это поможетъ; а если и это не поможетъ, то напишете мнѣ, и я тогда дамъ Вамъ другой приходъ; но я увѣренъ, что поможетъ. Я уѣхалъ домой и... мнѣ ужъ не представлялось надобности перемѣнить свой приходъ. Владыку Л—я вскорости перемѣстили въ другую епархію, а я съ благочиннымъ теперь большіе пріятели.

В. Иващенко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Записка о допущеніи кандидата Грановскаго къ экзамену на высшую ученую степень [1]).

(Къ біографіи Т. Н. Грановскаго).

Удостоенный въ іюнѣ мѣсяцѣ 1835 г. С.-Петербургскимъ университетомъ степени кандидата Грановскій опредѣленъ по прошенію его 3-го октября того-же года на вакансію секретаря въ Гидрографическое Депо Главнаго Морского Штаба, потомъ вслѣдствіе отношенія Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, Графа Строганова отъ 3-го февраля 1836 года, уволенъ отъ занимаемой имъ должности, и 16 мая отправленъ въ Берлинъ для усовершенствованія себя по части Всеобщей Исторіи на основаніи общихъ правилъ, составленныхъ для бывшихъ за границею воспитанниковъ Профессорскаго Института. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ чужихъ краяхъ, кандидатъ Грановскій опредѣленъ нынѣ въ должность преподавателя Всеобщей Исторіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. При чемъ Г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ, что Грановскій долженъ подвергнуться, на основаніи общихъ правилъ объ ученыхъ степеняхъ, испытанію для пріобрѣтенія степени Магистра, а потомъ Доктора.

По Высочайше утвержденному 26 іюля 1835 года Общему Уставу Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, кандидатъ допускается черезъ годъ по полученіи сей степени къ экзамену въ Магистры и черезъ годъ въ Доктора.

Кандидатъ Грановскій, находясь три года за границею для усовершенствованія себя въ наукахъ, и имѣя теперь важныя и трудныя занятія по занимаемой имъ каѳедрѣ, долженъ будетъ отвлечься на долгое время экзаменами на степени Магистра и

[1]) Вся записка писана рукою Грановскаго.

Доктора и сочиненіемъ двухъ диссертацій. Чувствуя себя въ состояніи подвергнуться испытанію прямо на Докторскую степень и желая затѣмъ посвятить все время на успѣшное исполненіе обязанностей по званію преподавателя Исторіи, онъ беретъ смѣлость утруждать начальство покорнѣйшей просьбой о дозволеніи ему держать испытаніе на степень Доктора наравнѣ съ воспитанниками Профессорскаго Института, бывшими въ чужихъ краяхъ, и студентами Главнаго Педагогическаго Института, которые пользуются этимъ правомъ, не имѣя никакой ученой степени.

Господину Помощнику Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

Вслѣдствіе представленія Вашего Превосходительства отъ 15 минувшаго декабря, имѣю честь Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить, что я не могу согласиться на допущеніе къ испытанію прямо на степень Доктора состоящаго при Московскомъ университетѣ, въ качествѣ преподавателя Исторіи, Кандидата Грановскаго, ибо по силѣ § 5 Высочайше утвержденнаго 28 апрѣля 1837 года Положенія объ испытаніяхъ на ученыя степени, которое относится и до Грановскаго, ищущіе таковыхъ степеней подвергаются испытанію по порядку, въ какомъ слѣдуетъ одна степень за другою, отступать же отъ сего правила я не считаю себя въ правѣ.

Министръ Народнаго Просвѣщенія *Уваровъ*.

Управляющій Департаментомъ *Кн. Ширинскій-Шихматовъ*.

Сообщ. М. Гершензонъ.

М. И. Драгомировъ и время передъ войной 1877—78 гг. [1]).

(Изъ воспоминаній).

Послѣ каждаго сообщенія около М. И. собирался кружокъ; многое лекторъ выяснялъ, развивалъ и о многомъ давалъ дополнительныя свѣдѣнія.

Высказывая свои мысли о крайней необходимости развитія въ каждой части тѣснаго товарищества, а также широкаго добраго знакомства офицеровъ разныхъ частей и различныхъ родовъ оружія между собой,—Мих. Ив. налегалъ на то, что сближеніе офицеровъ и хорошія между ними отношенія должны съ одной стороны облегчать веденіе домашнихъ мирныхъ маневрированій, а съ другой служить ручательствомъ за то, что и въ военное время,—въ бояхъ эти отношенія всегда, быть можетъ незамѣтно, но неминуемо, усилятъ потребность взаимной поддержки.

Нѣтъ сомнѣнія, говаривалъ Мих. Ив.,—и на сообщеніяхъ и въ частной бесѣдѣ,—что одна часть русской арміи всегда окажетъ въ бою поддержку другой,—на томъ стоимъ, ибо помнимъ священный долгъ свой; но также внѣ сомнѣнія и то, что взаимное личное доброе знакомство, дружба и тѣсная связь, всегда явятся толчкомъ въ дѣлѣ боевой выручки. Такъ устроенъ человѣкъ: всякій пойдетъ спасать другого, если видитъ его въ опасности, но развѣ не съ бо́льшимъ рвеніемъ, не съ бо́льшимъ азартомъ каждый ринется спасать своего закадычнаго друга или родного брата?

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1909 г.

Въ Пруссіи сознаніе необходимости дружескихъ добрыхъ взаимныхъ отношеній въ широкихъ кругахъ офицерской среды,—породило со стороны правительства стараніе содѣйствовать всѣми возможными способами установленію этихъ отношеній, а главное, устраненію всякаго рода взаимныхъ недоброжелательствъ въ этой средѣ.

Не говоря о томъ, что прежде всего крупные результаты достигаются тамъ неизмѣннымъ требованіемъ самаго высшаго образованія офицеровъ; неуклонныя требованія властей привели къ тому, что потребность образованія и самообразованія уже не вызываетъ понуканій; каждый прусскій офицеръ глубоко сознаетъ крайнюю для себя необходимость высшаго образованія; собственная настойчивость въ полученіи его давно вошла въ плоть и кровь каждаго изъ членовъ корпуса офицеровъ. Это фундаментъ всего. Серьезность взглядовъ на жизнь, на службу, на единство духа — вотъ, между прочимъ, неизбѣжные спутники высшаго среди офицеровъ образованія—общаго и спеціально-военнаго.

Несмотря на обезпеченіе себя этимъ могучимъ рычагомъ, прусское правительство или прусская высшая военная власть не оставила безъ вниманія и различныя другія,—частныя мѣры, которыя, улучшая добрыя отношенія офицеровъ между собой, устраняютъ всякую возможность малѣйшаго проявленія отношеній враждебныхъ. Такихъ мѣръ много; всѣхъ не перечесть. Достаточно указать на болѣе значительное изъ мелкаго въ родѣ того, на что уже было указано десять лѣтъ назадъ въ отчетѣ объ австро-прусской войнѣ 66-го года: полное отсутствіе, какъ производства въ чины за отличіе, такъ и повышенія въ должности внѣ очереди или внѣ рамокъ, установленныхъ закономъ;—каждый идетъ своей ровной дорогой, зная, что, если онъ никого не обгонитъ, то и его никто не опередитъ;—въ этомъ ручательство за полное устраненіе зависти,—которая обычно является родной сестрой вражды; – далѣе принято за правило переводить офицеровъ изъ одной части въ другую для уравненія чиновъ, въ случаяхъ слишкомъ быстраго гдѣ-либо очищенія вакансій по какимъ бы то ни было ненормальнымъ причинамъ; твердо установлено считать принадлежащею полку вакансію, очищающуюся естественнымъ путемъ — напримѣръ, смертью, болѣзнью;—вакансіи же, освобождающіяся какою бы то ни было „исторіею“, вызываютъ немедленный переводъ на нее соотвѣтствующихъ чиновъ изъ другой части по распоряженію главнаго штаба. Эта мѣра обязываетъ общество офицеровъ авторитетно держаться насторожѣ относительно исторій, главнымъ же образомъ, не даетъ мѣста стремленію очищать вакансіи искусственно,—въ чемъ мы однако все еще,—нѣтъ-нѣтъ,—да согрѣшимъ.

Въ отзывахъ о прочитанныхъ Михаиломъ Ивановичемъ сообщеніяхъ не было однако полнаго единодушія; да и не могло его быть: никогда ни о чемъ не могутъ всѣ судить одинаково и имѣть одно мнѣніе, а потому въ этомъ простомъ дѣлѣ сложились разные оттѣнки отзывовъ; на главную суть всѣ имѣли одинъ взглядъ и видно было полное удовлетвореніе, вызванное главнымъ предметомъ сообщенія. Разногласія же относительно подробностей, хотя и раздавались почти единичными отзывами, но слышны были повсюду, т. е. въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ.

Носились слухи, будто бы генералъ Драгомировъ былъ вызванъ въ Петербургъ по поводу того, что въ раіонѣ расположенія его дивизіи случилась на новой – Одесско-Кишиневской жел. дорогѣ отчаянная катастрофа, при которой, во время крушенія поѣзда (на Тилигульской насыпи) погибли сотни новобранцевъ; Государь, принявшій, по обыкновенію, такое дѣло очень близко къ сердцу, хотѣлъ о немъ разузнать изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Драгомировъ въ этой исторіи былъ ровно ни при чемъ, но могъ, конечно, дать кое-какія полученныя имъ на мѣстѣ свѣдѣнія для освѣщенія печальнаго событія, стоившаго жизни массѣ людей, вступившихъ въ военную службу и на первыхъ же шагахъ погибшихъ изъ-за какого-нибудь недосмотра строителей пути или распорядителей движенія.

* * *

Однажды въ серединѣ марта случилось мнѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами—штабъ- и оберъ-офицерами бригады, быть на большомъ обѣдѣ у своего бригаднаго командира. Генералъ Бреверн и его жена Аделаида Романовна,—рожденная Штральборнъ,—были чрезвычайно гостепріимны; ихъ гостепріимство носило характеръ чисто русскаго хлѣбосольства.—Со стороны Бреверна въ этомъ впрочемъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ онъ представлялъ собою совершенно безслѣдно обрусѣвшаго нѣмца; мать его, рожденная графиня Делагарди, хотя не была представительницей чисто русскаго рода, но принадлежала къ той семьѣ, которая, послѣ перехода изъ Швеціи въ Россію, скорѣе, по родственнымъ связямъ своимъ, могла обрусѣть, чѣмъ онѣмечиться, несмотря на то, что центръ ея жизни находился около Гапсаля.—Графъ Делагарди, выдавая эту свою дочь красавицу за остзейскаго нѣмца—дворянина Іоганна фонъ-Бреверна, поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы дѣти, если таковыя отъ этого брака появятся на свѣтъ, получили русское воспитаніе и образованіе свое окончили бы въ Петербургѣ, при чемъ сыновья, по возможности, должны были получить образованіе военное. Поэтому два сына—Александръ и Магнусъ (Максимъ) были

отданы въ Михайловское артиллерійское училище, а, окончивъ въ немъ курсъ, поступили на службу въ гвард. конную артиллерію; младшій же (или быть можетъ средній) Егоръ,—за слабостью здоровья, былъ пущенъ по гражданской службѣ [1]).

Мать ихъ, овдовѣвъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, ходатайствовала о передачѣ ея дѣвичьей фамиліи съ титуломъ сыновьямъ,—въ виду полнаго пресѣченія графскаго рода Делагарди.—Императоръ Николай I, снизойдя къ ея просьбѣ, дозволилъ однако лишь старшему изъ ея сыновей—Александру принять фамилію дѣда его и именоваться графомъ Бреверномъ-Делагарди; онъ въ то время камандовалъ батарейною (впослѣдствіи 4-ая) батареею гв. конной артиллеріи, а вскорѣ послѣ того, по особому выбору Государя, былъ назначенъ командиромъ кавалергардскаго Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны полка.

Въ 1863-мъ году, согласно желанія вел. кн. Николая Николаевича Старшаго, онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба войскъ гвардіи и Петерб. округа;—это былъ, со дня введенія окружной системы, первый начальникъ штаба Петерб. военнаго округа; послѣ того онъ командовалъ войсками Харьковскаго военнаго округа, но, вслѣдствіе крупнаго въ чемъ-то несогласія съ военнымъ министромъ Дм. Алексѣев. Милютинымъ, принужденъ былъ въ 1869 году оставить свой постъ и, сохранивъ лишь полученное еще въ 1856-мъ году, при коронаціи Императора Александра II-го, званіе генералъ-адъютанта, проживалъ „не у дѣлъ“ въ своемъ Гапсальскомъ замкѣ, ведя исключительно семейный образъ жизни.

Послѣ долгаго промежутка времени, прибывъ въ Петербургъ въ концѣ 1876 года, онъ остановился въ квартирѣ брата своего Магнуса Ивановича у Литейнаго моста. По обычаю, онъ вскорѣ былъ назначенъ дежурнымъ при Государѣ; войдя въ тотъ день въ сопровожденіи дежурныхъ въ Николаевскій залъ для распредѣленія новобранцевъ по частямъ войскъ округа [2]), Государь, не преры-

---

[1]) Въ описываемое время—Высочайшимъ указомъ 1-го января 1876 года сенаторъ фонъ-Бревернъбылъ назначенъ членомъ Государственаго Совѣта; въ этомъ высокомъ званіи онъ скончался въ восьмидесятыхъ годахъ.

[2]) Распредѣленіе рекрутовъ по полкамъ самимъ Государемъ въ Россіи ввелъ, кажется, Императоръ Петръ Великій; этого держались почти всѣ его преемники; въ царствованіе Императора Александра II, когда введенъ былъ въ 1874 году уставъ о воинской повинности, исполненіе этого патріархальнаго обычая сдѣлалась затруднительнымъ въ виду того, что новобранцы стали поступать обязательно ежегодно; но Императоръ Александръ II до послѣдняго года придерживался его почти непрерывно.—Переѣздъ двора въ Гатчину при Императорѣ Александрѣ III, кажется, явился причиной того, что распредѣленіе было поручено главнокомандующему войсками округа.

вая своего занятія, вдругъ обратился къ графу Бреверну: „ты, видимо, слава Богу сохраняешь свое цвѣтущее здоровье, но начинаешь понемногу опускаться; я найду тебѣ лѣкарство; самъ я, — когда приходится, по временамъ, въ Эмсѣ или въ Крыму, сидѣть безъ дѣла, чувствую, какъ года силятся меня пригнуть; трудно этому препятствовать, но надо бороться; вотъ я подбодрю тебя"...

То было время добавленія къ введенной въ 1863 году окружной системѣ системы корпусовъ; за полгода передъ тѣмъ въ видѣ опыта, былъ сформированъ гв. корпусъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого милостиваго Государева разговора, былъ сообщенъ во всеобщее свѣдѣніе составъ южныхъ армейскихъ корпусовъ—VIII, IX, X, XI, XII и XIII, а затѣмъ Дм. Алексѣев. Милютинъ объявилъ графу-Бреверну Делагарди, что Государь, желая съ особой тщательностью подобрать составъ корпусныхъ командировъ, предлагаетъ ему,—графу Бреверну,—принять въ командованіе VIII корпусъ.

Я смутился, разсказывалъ впослѣдствіи графъ; но, оправившись, спросилъ военнаго министра: „это окончательное предложеніе или мнѣ будетъ дозволено сдѣлать съ своей стороны разъяснительный докладъ?"

— Разъясненіе, конечно, вы можете дать, я его доложу Государю; въ чемъ же оно состоитъ?

— Я просилъ бы разрѣшить сдѣлать докладъ лично Его Величеству...

— Но вы отказываетесь или принимаете?

— Если я могу представить докладъ Государю, то прошу дозволить пока не давать ни того, ни другого отвѣта.

Принятый вслѣдъ затѣмъ Государемъ, гр. Бревернъ-Делагарди доложилъ, что всякое назначеніе Его Величества, безъ сомнѣнія, онъ принимаетъ, какъ приказъ, но Государю памятно, что онъ лишь восемь лѣтъ тому назадъ покинулъ войска Харьковскаго военнаго округа, которымъ командовалъ нѣсколько лѣтъ; девятая дивизія, попавшая въ предназначаемый его командованію VIII-й корпусъ, состояла уже подъ его начальствомъ въ числѣ прочихъ войскъ того округа...

— Извини, Бревернъ,—перебилъ быстро Государь, взявъ его за обѣ руки,—все это я совершенно упустилъ изъ виду; въ такомъ случаѣ сдѣлаемъ иначе; успокойся, я все это измѣню, передѣлаю и устрою...

Послѣ того, хотя не такъ скоро, графъ былъ таки извлеченъ изъ своего Гапсальскаго замка и назначенъ на должность командующаго

войсками Московскаго военнаго округа, которымъ пришлось ему прокомандовалъ около десяти лѣтъ.

Нѣсколько разъ М. И. Драгомировъ вспоминалъ впослѣдствіи объ этомъ эпизодѣ, при чемъ говорилъ: но что было бы съ восьмымъ корпусомъ и при переправѣ, и при оборонѣ Шипки, еслибы, вмѣсто скромнаго, тихаго, смирнаго Ѳ. Ѳ. Радецкаго, командиромъ его былъ назначенъ величавый графъ Александръ Ивановичъ; это безпорно умный, твердый, настоящій военный человѣкъ, но какъ онъ справился бы съ боевой ролью—да еще при такой исключительной почти сверхъестественной обстановкѣ—трудно себѣ представить. Вотъ ужъ доподлинно Господь оберегъ и его и корпусъ отъ такого опаснаго эксперимента. Да я думаю, и ему самому это не разъ приходило на умъ.

* * *

На обѣдъ къ Магнусу Ивановичу Бреверну собралось большое мужское, по преимуществу, военное общество; кругъ знакомыхъ у него былъ обширный еще съ тѣхъ поръ, когда онъ лѣтъ пятнадцать прослужилъ оберъ-офицеромъ въ гв. конной артиллеріи и въ 1862-мъ году, въ чинѣ штабсъ-капитана, былъ назначенъ командиромъ казачьяго конно-артил. дивизіона съ переименованіемъ въ войсковые старшины. Подобныя собранія у него бывали по нѣсколько разъ въ зиму.

Въ тотъ разъ почти весь разговоръ вертѣлся на сообщеніяхъ М. И. Драгомирова, хотя со дня послѣдняго изъ нихъ прошло болѣе трехъ недѣль; все, что было высказано на этомъ обѣдѣ, было отголоскомъ толковъ, занимавшихъ военную среду и бродившихъ въ ней.

Командиры: Кавалергардскаго полка флигель-адътанты полк. Алексѣй Павловичъ Игнатьевъ [1]), л. гв. 2-го стрѣлковаго батальона флиг.-ад. полк. кн. Николай Николаевичъ Оболенскій, л. гв. 1-го Его

---

[1]) Тогда еще не графъ; онъ женился, кажется, въ 1875 или въ 1876 году, не будучи графомъ.—Въ 1877 году, Высочайшимъ указомъ Прав. Сенату, предсѣдатель комитета министровъ, кавказскаго комитета и комиссіи прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ, генер.-адъют. ген.-отъ-инф. П. Н. Игнатьевъ, въ ознаменованіе признательности и особаго благоволенія къ нему за его долговременное, полезное и усердное служеніе Престолу и Отечеству, возведенъ Императоромъ Александромъ II-мъ въ графское Россійской Имперіи достоинство со снисходящимъ его потомствомъ. Указъ этотъ данъ былъ 12 дек.—въ день чествованія столѣтія со дня рожденія Императора Александра I. П. Н. Игнатьевъ началъ службу въ Преображен. полку, въ царствованіе Имп. Александра I состоялъ въ должности полков. адъютанта, а при вступленіи на престолъ Импер. Николая I командовалъ ротою Его Величества.

Велич. стр. батальона фл.-ад. полковникъ фонъ Эбелингъ, адъютанъ вел. кн. Николая Николаевича Старшаго графъ Влад. Петр. Клейнмихель [1]), а также нѣкоторые офицеры гвардейскихъ частей и ген.-шт. Разбирая на разные лады сообщенія, много говорили о краснорѣчіи Мих. Ив., о мѣткости его выраженій, образности рѣчи, полной ясности изложенія.—Полковникъ А. П. Игнатьевъ особенно подчеркивалъ убѣдительность слова Мих. И-ча, а также крайнюю серьезность и поучительность всего имъ высказаннаго въ сообщеніяхъ; большой руки умница, добавилъ онъ.

— И при этомъ какая простота изложенія,—отозвался графъ В. П. Клейнмихель.

По словамъ кн. Оболенскаго все велось безъ всякаго подлаживанія, вполнѣ натурально, просто...

Среди такихъ и подобныхъ единодушныхъ похвалъ,—въ другомъ углу обширнаго стола раздался голосъ молодого, весьма бойкаго гв. штабсъ-капитана Мартова, который, отдавая справедливость искусству М. И. Драгомирова и убѣдительности его рѣчей, подчеркнулъ то обстоятельство, будто бы лекторъ въ примѣрахъ, приведенныхъ имъ, дѣлалъ ясные, прозрачные намеки на лицъ, находившихся въ числѣ посѣтившихъ его сообщенія, касался личностей и осуждалъ лицъ, которые вовсе не заслужили ни насмѣшекъ, ни колкостей; тутъ же Мартовъ приводилъ, какое осужденіе кого касалось и, нисколько не стѣсняясь, называлъ фамиліи генераловъ и командировъ, якобы поднятыхъ Драгомировымъ на смѣхъ. Далѣе онъ высказался и противъ той части бесѣды, которую М. И. велъ относительно товарищества въ частяхъ и будто бы практикующагося у насъ искусственнаго открытія вакансій; „откуда это онъ взялъ и къ чему привелъ; онъ уже достаточно говорилъ объ этомъ въ своемъ отчетѣ объ австро-прусской войнѣ, зачѣмъ же еще здѣсь повторять; пусть внушаетъ это своей дивизіи“, горячился Мартовъ.

Почти всѣ дававшіе передъ тѣмъ свой отзывъ высказали изумленіе по поводу словъ Мартова и рѣшительно опровергали его мнѣніе, но находились лица, которыя какъ бы соглашались съ нимъ; подполк. А—чъ, шт.-кап. кн. Г—нъ, поручикъ С—нъ и др. увѣряли, что они это самое слышали на-дняхъ въ квартирѣ начальника штаба и въ штабѣ, и что будто бы Цесаревичу весь тонъ

---

[1]) Во время войны получилъ въ командованіе л.-г. 4-й Императ. Фамиліи батальонъ, а затѣмъ л.-г. Семеновскій полкъ. Въ должности командира полка скончался въ 1883-мъ году; согласно особаго Высочайшаго Императора Александра III повелѣнія погребенъ въ полковой церкви—(храмъ Введенія во Храмъ Пресвят. Богородицы, на Загородномъ просп.).

сообщеній Драгомирова не понравился, поэтому будто бы его высочество не пожелалъ удостоить своимъ посѣщеніемъ второе сообщеніе. Мало по малу была высказана масса порицаній лектору, будто бы воспользовавшемуся сообщеніемъ для сведенія личныхъ счетовъ. Кто-то добавилъ, будто бы генералъ, прибывъ по дѣлу о катастрофѣ на Тилигульской насыпи, самъ предложилъ великому князю главнокомандующему свои лекціи...

— Все это прекрасно,—сказалъ хозяинъ—М. И. Бревернъ, но вникните вотъ во что:—высказанное вами здѣсь у меня, несомнѣнно въ этихъ стѣнахъ и замретъ; но если вы, въ увлеченіи тѣмъ, что возмущаетъ васъ, выскажетесь съ такимъ же пристрастіемъ объ этомъ самомъ въ одномъ-другомъ кружкѣ или обществѣ, — пойдетъ молва съ такимъ же прямымъ поименованіемъ лицъ, которыхъ вы считаете осмѣянными Драгомировымъ; неужели вы думаете, что окажете этимъ пріятную услугу имъ? Драгомировъ, вѣрнѣе всего, приводя свои примѣры и не думалъ ни объ одномъ, ни о другомъ, ни о третьемъ изъ названныхъ вами лицъ, а вы уже пустили такимъ образомъ про одного изъ почтенныхъ генераловъ, что онъ ничего не знаетъ и боевое обученіе войскъ сводитъ къ параднымъ эффектамъ, про другого, что плохо соображаетъ, и весь держится на кантикахъ да на ремешкахъ, третій по-просту тупъ или глупъ; безъ сомнѣнія, и Драгомировъ спасибо вамъ не скажетъ за произвольныя толкованія его словъ и за навязываніе ему того, чего навѣрное у него вовсе и въ мысляхъ не было; вѣдь это выходитъ какъ бы наускиванье названныхъ вами лицъ на пріѣзжаго лектора, вы создаете ему не только дурныя отношенія здѣсь въ округѣ, но и прямо личныхъ враговъ...

— Все это,—отозвался сидѣвшій рядомъ съ хозяиномъ молодой свитскій генералъ, свѣтлѣйшій кн. А. К. Имеретинскій [1]),—ничто иное, какъ чудовищное изобрѣтеніе и праздное измышленіе здѣшней службы; я не говорю, что въ этомъ есть что-либо общее, но въ семьѣ не безъ урода; — многіе изъ служащихъ здѣсь очень боятся каждаго, кто явится въ видѣ восходящаго свѣтила; — того гляди, перебьетъ дорогу, отобьетъ мѣсто или завоюетъ дорожку, по которой путь уже заранѣе какимъ-то невидимымъ, но предопредѣленнымъ шаблономъ распредѣленъ здѣсь, такъ сказать, между

---

[1]) Мѣсяцевъ за восемь передъ тѣмъ онъ былъ, по совершенно особымъ обстоятельствамъ, отчисленъ отъ должности нач-ка шт. Варш. воен. округа; находился въ одиннадцатимѣсячномъ заграничномъ отпуску и, пріѣхавъ на нѣсколько дней въ Пбургъ, бывалъ часто у Бреверна, къ которому, съ малыхъ чиновъ и молодыхъ годовъ, сохранялъ дружескія отношенія.

своими.—Какъ можно допустить, чтобы пріѣзжій—умный, дѣльный, образованный человѣкъ вдругъ былъ бы отличенъ; пожалуй позарятся на него, возьмутъ его сюда на какой-нибудь постъ; тогда всѣ разсчеты карьеристскаго шествія доморощенныхъ свѣтилъ нарушатся.—Драгомировъ несомнѣнно способнѣе многихъ подвизающихся здѣсь на службѣ; но онъ и не думаетъ вторгаться въ Петерб. округъ; тѣ, которые его боятся, спѣшатъ мелочными наговорами, если и не очернить его, то оттѣснить.—Никто не знаетъ, почему Цесаревичъ не пріѣхалъ на второе сообщеніе; и врядъ ли онъ кому-нибудь объ этомъ говорилъ; я слышалъ, что въ самую минуту, назначенную для выѣзда его во дворецъ главнокомандующаго, у него сильно заболѣлъ одиннадцатимѣсячный ребенокъ [1]); Цесаревичъ и остался дома въ ожиданіи врача. Кому-то понадобилась наличность того факта, будто бы Наслѣдникъ не поѣхалъ изъ-за несочувствія рѣчамъ Драгомирова—и пустили слухъ. Долго ли? Кому неизвѣстна вообще самая высокая деликатность и корректность его высочества, во-первыхъ, а во-вторыхъ, кто не знаетъ, какое сердечное расположеніе въ Наслѣдникѣ Александрѣ Александровичѣ осталось къ Драгомирову изъ-за той любви, которую питалъ къ этому учителю своему покойный Цесаревичъ Николай Александровичъ [2]) Братъ, котораго память его высочество чтитъ такъ свято. И этому-то учителю своего святопочитаемаго Брата вдругъ Наслѣдникъ,—изъ-за какихъ-то мелочей, окажетъ невниманіе или, еще того хуже, сдѣлаетъ афронтъ! Далѣе: генералъ Драгомировъ въ роли профессора, навязывающаго свои лекціи главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу Старшему! Что могло бы быть сочинено болѣе неудачно, чѣмъ это? Великій князь всегда дорожилъ и дорожитъ знаніями такихъ людей, какъ Драгомировъ; онъ всегда, всю жизнь искалъ случая доставлять возможность строевымъ офицерамъ пополнять свои знанія на сообщеніяхъ такихъ ученыхъ и ужъ, безъ сомнѣнія, самъ просилъ Мих. Ив. взять на себя трудъ сдѣлать одно-другое сообщеніе—„намъ на поученіе“... Нѣтъ, Магнусъ Ивановичъ, закончилъ свою защиту драгомировскихъ сообщеній князь, обращаясь къ хозяину, у насъ въ Варшавѣ служилось лучше, не было ничего подобнаго такой китайской стѣнѣ;

---

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ, очевидно, о великой княжнѣ Ксеніи Александровнѣ.

[2]) Въ кабинетѣ Мих. Ивановича, до конца его дней, передъ письменнымъ столомъ находился прекрасный портретъ-подарокъ незабвеннаго Августѣйшаго ученика его — Цесаревича Николая Александровича съ трогательною надписью, свидѣтельствующею о чувствахъ, кои питалъ къ нему безвременно почившій великій князь.

да и каждый прежде всего служилъ правдой. — И вѣдь вотъ ничего не возражаютъ Драгомирову по существу серьезнаго содержанія его лекцій, сыпятъ лишь нападками какого-то личнаго характера.—Просто поражаешься, въ особенности, когда чувствуешь и понимаешь подкладку всего этого.—Думается, однако, что все-таки не безъ пользы прошли эти сообщенія человѣка, нашедшаго своевременнымъ, необходимымъ вдуматься въ предстоящія событія и въ нужду минуты; что-нибудь да позаимствуютъ изъ его простыхъ, но глубокихъ рѣчей, образно представившихъ многое заброшенное и забытое нами.

„Ново то, что хорошо забыто“, — недаромъ Драгомировъ объ этомъ напоминаетъ, не спроста подчеркиваетъ, что все это необходимо вновь изучать.

* * *

Событія, однако, шли съ особенной быстротой; тучи на востокѣ Европы не разсѣивались; блеснула было надежда на то, что Россіи удастся своимъ вмѣшательствомъ положить конецъ боснегерцоговинскимъ смутамъ и установить начало умиротворенія славянскихъ земель; надежды на это всѣ видѣли въ томъ престижѣ, который былъ созданъ для Россіи въ Константинополѣ преимущественно стараніями Николая Павловича Игнатьева; казалось, Турція одно время готова была сдѣлать рѣшительно все, что ей ни продиктовала бы ея могущественная сосѣдка.

Но интриги Австріи и Англіи, отчасти Франціи, насмѣшливое эгоистичное отношеніе къ этому дѣлу Пруссіи въ лицѣ Бисмарка, усиленно съ двоедушіемъ ораторствовавшаго въ Рейхстагѣ, а также полное равнодушіе прочихъ державъ, входившихъ и не входившихъ въ европейскій концертъ,—все это было причиною того, что весь вопросъ запутался конференціями, съѣздами, завлеченіями, обѣщаніями, протоколами и меморандумами, сыпавшимися въ изобиліи; тѣмъ временемъ рѣзня въ Турціи разгоралась болѣе и болѣе. Препровожденіе времени въ пустой болтовнѣ дипломатовъ разразилось появленіемъ англійскаго флота въ турецкихъ водахъ, низверженіемъ и убійствомъ султана Абдула-Азиса [1])—и наконецъ вступленіемъ

[1]) По англійскимъ источникамъ, распространившимся тогда въ Европѣ султанъ Абдулъ-Азисъ будто бы лишилъ себя жизни, перерѣзавъ себѣ на рукѣ жилу въ ваннѣ; въ сущности онъ былъ убитъ тремя атлетами; безоружный султанъ отбивался, какъ сообщали «Српске Новине», «комнатнымъ горшкомъ» (pot de chambre).

пигмеевъ въ борьбу съ гигантомъ,—Сербія и Черногорія, съ безумной отвагой, ринулись въ непосильную войну съ полчищами Оттоманской имперіи, поддержанной нравственно и матеріально Англіей и подзадоренной австрійскими дипломатами.

Не успѣли оглянуться, какъ во главѣ сербской арміи сталъ генералъ Черняевъ, а подъ начальствомъ его, въ рядахъ сербской рати, очутилась масса русскихъ добровольцевъ; поля сраженій обильно оросились кровью братьевъ славянъ—вѣрныхъ подданныхъ бѣлаго Царя.

Турки, хотя и не шли побѣдоносно, но подвигались впередъ, оттѣсняя слабую, молодую сербскую армію; Алексинацъ, Дели-градъ и наконецъ катастрофа подъ Дюнишемъ создали такое положеніе, что луна уже готова была диктовать условія мира. Въ это время въ Константинополѣ быстро опять вмѣшался въ дѣла нашъ посолъ при турецкомъ дворѣ; генералъ-адъютантъ Ник. Павл. Игнатьевъ потребовалъ прекращенія военныхъ дѣйствій на два мѣсяца и сохраненія полнаго status quo; этотъ ультиматумъ съ требованіемъ присылки „положительнаго отвѣта“ въ теченіе 21-хъ часовъ турецкое правительство получило въ такую минуту, когда полное разграбленіе Сербскаго княжества, казалось, для него могло явиться дѣломъ двухъ-трехъ часовъ; оно приготовилось размышлять, какимъ путемъ удариться въ обычныя восточнаго характера проволочки, но всему положило конецъ грозное, мощное слово, раздавшееся въ стѣнахъ древняго Кремля: Императоръ Александръ II сказалъ твердо это слово; Турція, увидѣвъ себя въ необходимости покориться, уже не готовила возраженій, Россія обрадовалась, славяне ободрились, а изумленная Европа онѣмѣла...

* * *

Это случилось 20-го октября 1876 года; 1-го ноября въ Царскомъ Селѣ былъ подписанъ указъ о мобилизаціи части арміи; а черезъ три недѣли послѣ того,—т. е. не далѣе, какъ черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ драгомировскихъ сообщеній, скрывавшихъ, по мнѣнію многихъ, истину намѣченныхъ событій,—19-го ноября изъ Петербурга выѣхалъ со штабомъ въ Кишиневъ великій князь Николай Николаевичъ Старшій, облеченный широкими полномочіями и могущественною властью главнокомандующаго дѣйствующей противъ Турціи арміи.

Такимъ образомъ ясно было видно, что событія той поры не могли уже разрѣшиться ничѣмъ инымъ, кромѣ войны; въ нѣкоторыхъ слояхъ и кругахъ какъ будто бы надѣялись, что еще не все опредѣлилось; хотѣли вѣрить, что или Турція образумится или наша

дипломатія, въ лицѣ князя Горчакова, совершивъ чудеса, возьметъ верхъ надъ событіями. Но Турцію очевидно неустанно начиняли; она уперлась, вѣруя въ добрыя пожеланія корыстныхъ англо-австрійскихъ совѣтчиковъ; наша же дипломатія уже не думала объ иномъ поворотѣ дѣла; она считала себя исполнившею свой долгъ, завершившею свою миссію, и все дѣло передала изъ рукъ въ руки Августѣйшему Представителю славной арміи Царя.

М. И. Драгомировъ, со дня возвращенія изъ Петербурга въ Кишиневъ, безъ шуму, совершенно незамѣтно, усилилъ подготовку своей дивизіи ко встрѣчѣ съ врагомъ, тѣмъ болѣе, что ей, а никакой другой части, надлежало ожидать передового выступленія во владѣнія заупрямившейся фески.

Великій Князь Николай Николаевичъ, встрѣтивъ въ столицѣ Бессарабіи Михаила Ивановича, обошелся, какъ всегда, съ нимъ очень ласково и разспросилъ въ подробностяхъ обо всемъ, что онъ за послѣдніе мѣсяцы ожиданія разрыва съ Турціей, „преподавалъ“ своей дивизіи.

Разспросы главнокомандующаго не имѣли вида, смысла и тона инспектированія или провѣрки; они носили характеръ совѣщанія.

— Браво, Михаилъ Ивановичъ, — сказалъ Великій Князь, — спасибо тебѣ; надо обстоятельно готовиться... не на маневры пойдемъ...

— И не подъ Краснымъ Селомъ, — отвѣтилъ Михаилъ Ивановичъ съ улыбкой.

— Изъ всего того, что мы слышали, не мѣшало бы наскоро позаимствовать родъ наставленія для другихъ частей войскъ, — сказалъ маститый, почтенный начальникъ штаба арміи генералъ-адъютантъ Артуръ Адамовичъ Непокойчицкій [1]).

— Нѣтъ, нѣтъ, Боже сохрани,—возразилъ ген. Драгомировъ,— что для одного монастыря годится, то для другого можетъ оказаться ядомъ; каждому монастырю только свои правила должны приходиться ко двору... Всѣ вѣдь здѣсь одинаково усиленно готовятся сами по себѣ...

— Не хочешь дать свое; ну, братъ, что понадобится, возьмемъ,— засмѣялся великій князь;—самъ знаешь и самъ же съ удовольствіемъ отдашь все...

---

[1]) Это былъ начальникъ штаба знаменитаго V-го арм. корпуса ген.-адъют. гр. Лидерса въ венгерской войнѣ 1849 года.

Войска наши со всѣхъ ближайшихъ и дальнихъ округовъ спѣшно стягивались въ небольшой уголокъ обширной имперіи,—въ Бессарабію; столица этой окраины съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе наполнялась всевозможными штабными учрежденіями и лицами; вся область наводнялась войсками, тѣсно примкнувшими къ бессарабскимъ городамъ, дотолѣ не видавшимъ стеченія такихъ массъ; со всей имперіи все поспѣшно тянулось къ окраинѣ, ставшей центромъ Россіи [1]).

Тѣмъ временемъ, друзья султана открыто свозили въ его землю и ружья, и патроны, и орудія, и снаряды, и галеты, и обувь, и одежду, и все, что должно было поддержать полчища падишаха противъ „дружественной“ имъ Россіи.

Вскорѣ въ Кишиневѣ великій князь опасно заболѣлъ: страданія желудка и кишечника закончились заворотомъ кишекъ (miserere); нѣсколько дней въ тревогѣ ожидали кончины молодого [2]) главнокомандующаго; опасенія отражались рѣшительно на всѣхъ, не только окружавшихъ великаго князя: въ печали пребывала вся Россія.

Съ большой смѣлостью великій князь сознательно согласился на послѣднее, самое отчаянное средство, употреблявшееся въ тѣ времена медициной для излѣченія этой ужасной болѣзни, и только это спасло его. Армія и Россія обязаны излѣченіемъ Царева брата тремъ докторамъ: состоявшему при Его Высочествѣ лейбъ-медику двора Его Величества Александру Леонтіевичу Обермиллеру, главному медиц. инспектору дѣйств. арміи Вас. Ив. Приселкову и старшему врачу кишиневскаго военно-временнаго госпиталя д-ру Выводцеву; они да помогавшій имъ лекарь его высочества Козьма Ив. Березкинъ вынесли тяжкую болѣзнь великаго князя на своихъ плечахъ; неустаннымъ трудомъ ухода за больнымъ, они вырвали его изъ рукъ смерти. Прибывшій въ Кишиневъ въ концѣ болѣзни великаго князя знаменитый Ник. Ив. Пироговъ вполнѣ одобрилъ принятый докторами методъ лѣченія. Когда главная опасность миновала, великій князь долго не могъ поправиться лишь потому, что, вопреки всѣмъ предостереженіямъ сонма врачей, не отрывался отъ своихъ занятій по дѣлу подго-

---

[1]) Въ 1853 году передъ занятіемъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, а въ 1854-мъ на обратномъ пути при переходѣ изъ княжествъ на Крымскій полуостровъ,—армія наша тянулась черезъ Бессарабію, но тогда войска только проходили черезъ область и черезъ Прутъ, а въ этотъ разъ—въ 1877 году, они тамъ сосредоточивались и имѣли стоянку.

[2]) Вел. Кн. родился въ 1831 году 27 іюня, значитъ, ему тогда шелъ лишь сорокъ шестой годъ.

товки арміи и по части распоряженій къ приведенію ее въ полную готовность; не было мелочи, которую онъ не принималъ бы близко къ сердцу и о которой не выражалъ бы свою настоятельную заботу.

М. И. Драгомирова главнокомандующій постоянно приглашалъ къ себѣ и, можно сказать, въ лицѣ его нашелъ одного изъ лучшихъ, надежнѣйшихъ и полезнѣйшихъ совѣтчиковъ въ ту годину спорой работы на пользу арміи, царя и отечества. Еще лучше пошло совѣщательное дѣло, когда прибылъ назначенный въ ту пору командиромъ VIII корпуса ген.-лейтенантъ Ѳед. Ѳед. Радецкій. Великій князь сердечно привѣтствовалъ стараго, опытнаго, боевого кавказскаго служаку; въ него онъ вѣрилъ и многое ему довѣрилъ...

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Портретъ А. М. Жемчужникова, нарисованный имъ самимъ Александру Владиміровичу Жиркевичу.

Мнѣ ничего не хочется прибавлять изъ личныхъ воспоминаній къ письмамъ недавно скончавшагося поэта Алексѣя Михайловича Жемчужникова, мнѣ присланнымъ въ разное время и ниже приводимымъ въ точныхъ копіяхъ. Но, по мнѣнію моему, ни одна изъ біографическихъ замѣтокъ, появившихся въ печати послѣ его смерти, не обрисовала усопшаго, какъ писателя и человѣка, въ болѣе симпатичномъ, правдивомъ свѣтѣ, чѣмъ эти, не предназначавшіяся къ огласкѣ, уже пожелтѣвшія страницы, незабвенныя для меня по минутамъ мира душевнаго и счастья, надъ ними пережитымъ... Умышленно не сокращаю я писемъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Алексѣй Михайловичъ такъ подробно говоритъ о достоинствахъ и недостаткахъ собственныхъ моихъ произведеній—не изъ тщеславнаго желанія—подчеркнуть отношенія его ко мнѣ, какъ къ писателю, а потому, что тутъ-то именно обрисовались съ особенной яркостью взгляды, вкусы, требованія крупнаго литератора старой школы. Переписка наша оборвалась сама собой,—не безъ вздоха съ обѣихъ сторонъ—съ того момента, когда я узналъ, что всякое утомленіе вредно дорогому мнѣ корреспонденту. Со временемъ я, быть можетъ, вернусь еще разъ къ оригинальной личности усопшаго, къ его интереснымъ разсказамъ о прошломъ, о Л. Толстомъ, о Гончаровѣ и другихъ корифеяхъ русской литературы, вернусь,—когда рана, причиненная этой смертью, хоть не-

много затянется. Кстати, приняты ли мѣры къ тому, чтобы собрать въ одно, привести въ систему, издать переписку покойнаго, разбросанную въ разныхъ мѣстахъ, о которой часто говорилъ онъ мнѣ въ бесѣдахъ, фамильные его документы, въ числѣ которыхъ были замѣчательные по ихъ историческому значенію? Что сдѣлало русское общество для того, чтобы увѣковѣчить мѣсто родины поэта, отмѣтить усадьбу, домъ, гдѣ написаны лучшія его произведенія?

А. Жиркевичъ.

1.

7 декабря 91. Рязань. Почт. ст. Стенькино.

Многоуважаемый Алекс. Владимировичъ,

Очень благодарю Васъ за Вашу карточку и письмо отъ 25 ноября.

Мнѣ очень пріятно, что мои стихотворенія Вамъ нравятся; но Ваше симпатичное къ нимъ отношеніе Васъ увлекаетъ и заставляетъ преувеличивать ихъ достоинства. Я не ожидалъ, чтобы появленіе сборника моихъ стихотвореній могло быть „событіемъ“, какъ Вы любезно выражаетесь. Я думаю, что оно вызоветъ два проявленія нашей критики: одни меня умѣренно одобрятъ, а другіе, которымъ я не любъ, меня „продернутъ“. Сборникъ, какъ меня недавно увѣдомили, выйдетъ не прежде начала февраля или конца января. Онъ появится, кажется, въ двухъ томикахъ. Я написалъ вообще мало и непопуляренъ, но знаю, что есть люди, относящіеся ко мнѣ сочувственно, и это доставляетъ мнѣ большое утѣшеніе. Мнѣ было бы очень пріятно повидаться съ Вами лѣтомъ. Теперь я живу у моей племянницы замужней, а весною надѣюсь переѣхать къ себѣ въ Елецкій уѣздъ, въ 40 верстахъ на лошадяхъ отъ Ельца. Тамъ я обыкновенно провожу лѣто и всю осень. Дружески жму Вашу руку, преданный Вамъ

2.

7 февраля 92. Рязань. Почт. ст. Стенькино.

Очень благодарю Васъ, многоуважаемый Александръ Владимировичъ, за Ваше письмо отъ 20 января. Могу сообщить Вамъ, что мои стихотворенія появятся, какъ мнѣ пишутъ изъ Петербурга, около середины марта. По совѣту Михаила Матвѣевича Стасюле-

вича, издателя и редактора „Вѣстника Европы“, я написалъ къ этому изданію автобіографическій очеркъ, который только вчера сдалъ на почту.

Теперь, съ моей стороны, все готово. Держать послѣднюю корректуру я самъ, по отдаленности отъ Петербурга, не могу. 2-е изданіе Козьмы Пруткова дѣйствительно вышло все недавно. У меня есть еще нѣсколько экземпляровъ, но они не здѣсь, а у меня въ деревнѣ и спрятаны. Весною надѣюсь перебраться къ себѣ, и тогда съ удовольствіемъ одинъ экземпляръ Вамъ перешлю. Надѣюсь, что смѣяться будете, если Вы еще Пруткова не знаете. Жму Вашу руку и остаюсь преданный Вамъ.

3.

8 февраля 92. Рязань. Почт. ст. Стенькино.

Многоуважаемый Алекс. Владимировичъ,

Вы мнѣ писали, что въ бытность Вашу въ Петербургѣ, Вы видѣли много писателей и старыхъ и молодыхъ. Не знакомы ли Вы съ В. Л. Величко?—Онъ уже давно прислалъ мнѣ книжку своихъ стихотвореній съ любезною надписью, и я до сихъ поръ не могъ его поблагодарить, не зная ни его адреса, ни имени и отчества. Если Вы можете дать мнѣ эти свѣдѣнія, то очень меня обяжете. Я, конечно, пошлю ему экземпляръ моихъ стихотвореній. Вашъ—

4.

25 марта 92. Рязань. Почт. ст. Стенькино.

Очень благодарю Васъ, любезный Александръ Владимировичъ, за присылку мнѣ Вашего стихотворенія. Вашъ разсказъ, напечатанный въ „Вѣстникѣ Европы“ [1]), я прочелъ. И мнѣ, и всѣмъ, прочитавшимъ его въ Стенькинѣ, онъ очень понравился. Появленіе въ свѣтъ моихъ стихотвореній запоздало и по какой причинѣ,—мнѣ еще неизвѣстно. Вы меня поздравляете съ весною. Напрасно. У насъ нѣтъ ни малѣйшей весны. Всѣ поля—подъ снѣгомъ. Морозъ—не только по ночамъ, но и днемъ. Сегодня рано утромъ было 11° морозу.

---

[1]) «Противъ убѣжденія».

5.

29 марта 92. Рязань. Почт. ст. Стенькино.

Многоуважаемый Александръ Владимировичъ,

Сегодня я напомнилъ М. М. Стасюлевичу мою просьбу—о разсылкѣ моихъ стихотвореній по списку, который я ему послалъ давно. Онъ мнѣ тогда же обѣщалъ, что это исполнитъ. Надѣюсь, что Вы скоро получите обѣщанный экземпляръ, но, къ сожалѣнію, безъ моей надписи, такъ какъ экземпляръ будетъ Вамъ высланъ изъ Петербурга. Я снова сообщилъ Стасюлевичу Вашъ адресъ.

6.

23 іюня 92. Рязань. Почт. ст. Стенькино.

Дорогой Александръ Владимировичъ, я давно получилъ Ваше любезное письмо отъ 2 мая. Вскорѣ послѣ того я уѣхалъ въ Москву и въ Петербургъ по дѣламъ (не литературнымъ) и былъ въ отсутствіи цѣлый мѣсяцъ. Теперь я опять въ деревнѣ и начинаю отдыхать отъ городской суеты и разныхъ скучныхъ дѣлъ и разговоровъ. Отчего Вы мнѣ ничего не пишете о второмъ томѣ моихъ стихотвореній? Здоровы ли Вы? Или Вы можетъ быть недовольны тѣмъ, что я не отозвался на Ваше послѣднее письмо? Если это такъ, то я надѣюсь, что Вы меня извините, узнавъ теперь, что я долго былъ въ разъѣздахъ и въ хлопотахъ. Я очень утомлялся, что, впрочемъ естественно въ мои годы. Прошу Васъ возобновить прерванную переписку. Желаю знать Ваше мнѣніе о второй части. Понравилась-ли Вамъ сказка о бѣсѣ и о патріотѣ? Пожалуйста пишите мнѣ откровенно. Не все же, наконецъ, у меня безупречно. Укажите и на то, что, по Вашему мнѣнію, слабо. Во всякомъ случаѣ буду ожидать отъ Васъ письма. Въ Петербургѣ я познакомился съ В. Л. Величко.

7.

15 августа 92. Рязань. Почт. ст. Стенькино.

Ради Бога не думайте, дорогой Александръ Владимировичъ, что я не намѣренъ Вамъ отвѣчать. Я непремѣнно напишу Вамъ обстоятельное письмо. Только подождите. Мнѣ теперь некогда.

8.

9 ноября 92. Рязань. Почт. ст. Стенькино.

Дорогой Александръ Владимировичъ, вторая поѣздка въ Москву, тамъ свадьба моей старшей дочери; волненія, усталость; возвращеніе въ Стенькино; постоянное пребываніе на воздухѣ, — когда погода хороша; дурное расположеніе духа, когда погода дурна; пріѣздъ сюда моей дочери съ мужемъ осенью и проч., и проч. Вотъ причины, по которымъ я запустилъ свою корреспонденцію и до сихъ поръ не отвѣчалъ Вамъ. Будьте къ старику снисходительны. Хотя въ послѣднемъ письмѣ Вы просите не отвѣчать на Ваши письма отъ 3-го и 26-го іюля, но я, однако, на нихъ отзовусь. Мой отвѣтъ будетъ теперь только короче—относительно посвященія моей поэмы „Загробная тоска“ Льву Толстому. Вы съ нимъ недавно видѣлись, и я полагаю, что Вы въ разговорѣ съ нимъ упомянули обо мнѣ и о выходѣ въ свѣтъ сборника моихъ стихотвореній. Если это такъ дѣйствительно и было, то Вы могли убѣдиться, что съ моей стороны не могло быть желанія—придать моему посвященію значенія ни насмѣшки, ни упрека, ни нравоученія. Я Л. Толстого знаю давно; очень его люблю и, кажется, не ошибусь, если скажу, что и онъ меня любитъ. Наши отношенія прервались во время моего долгаго пребыванія за границей. По возвращеніи моемъ, мы встрѣтились въ Москвѣ стариками, и встрѣча наша была дружеская. Мы, конечно, о многомъ бесѣдовали — и тогда обозначилась разница нашихъ воззрѣній на блага и радости земной жизни. Послѣ, когда у меня писалась поэма „Загробная тоска“, мнѣ захотѣлось посвятить ее Толстому, какъ выраженіе тѣхъ чувствъ и мыслей, которыя я ему уже передавалъ. Я ему послалъ рукопись поэмы и посвященіе и спрашивалъ его: разрѣшаетъ ли онъ мнѣ напечатать поэму съ посвященіемъ? — Онъ разрѣшилъ. Въ отвѣтѣ своемъ онъ хвалилъ стихи, а о мысли поэмы говоритъ слѣдующее: (дѣлаю выписку изъ его письма) „Какъ мысль о смерти, стоящей уже близко отъ насъ съ тобою по нашимъ годамъ, не вызываетъ въ тебѣ мыслей другого порядка? Впрочемъ то и хорошо, что всѣ люди разны по своему взгляду на міръ. Каждый смотритъ съ своей особенной точки зрѣнія. Я, разумѣется, совершенно согласенъ на посвященіе поэмы мнѣ“. — Въ этомъ письмѣ Толстой звалъ меня къ себѣ въ деревню; но тогда наступила уже зима. Я расположенъ къ бронхитамъ и заѣхать къ нему побоялся. Посвящая Л. Толстому поэму, я опасался другого толкованія со стороны читателей. Мнѣ приходило въ голову, что посвященіе могутъ принять за рекламу для поэмы. Однако, я рѣ-

шился черезъ это неудобство перешагнуть. Кажется, впрочемъ, что никто такъ и не толковалъ. Кстати: ни въ одной изъ статей, такъ ко мнѣ благосклонныхъ, не упоминается о „Загробной тоскѣ“. Никто ее не похвалилъ; а я ее считаю въ числѣ лучшихъ моихъ вещей. Я въ ней выразилъ самую задушевную, самую интимную сторону своей личности. Вотъ мое объясненіе о посвященіи Льву Толстому.

Я только прибавлю, что не претендую на Васъ за Ваши замѣчанія. Напротивъ. Ваши замѣчанія меня привлекли къ Вамъ еще ближе. Мнѣ Вы стали еще симпатичнѣе за Вашу горячность по такому хорошему поводу. Перейду къ поэмѣ: „Сны“.—Эпилогъ: на яву служитъ объясненіемъ всѣхъ трехъ сновъ, ему предшествовавшихъ. Я выразилъ въ снахъ (картинно) наше современное положеніе и мое къ нему отношеніе. Эта поэма—не изъ моихъ любимыхъ дѣтищъ, но она многимъ очень нравится и нравилась прежде.

Покойный гр. А. К. Толстой называлъ ее кульминаціоннымъ пунктомъ моего творчества. Впрочемъ, онъ былъ знакомъ только съ тѣмъ, что было напечатано мною до 72-го года включительно. Все остальное, напечатанное въ теченіе 20-ти лѣтъ, написано послѣ его смерти.

Въ настоящее время на этой поэмѣ остановился особенно г. Волынскій въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. Она ему понравилась.— Теперь, кажется, все. Мнѣ очень пріятны Ваши отзывы. Я радуюсь, что Вы обратили вниманіе и на мои лирическія стихотворенія. Я сдѣлалъ справедливое признаніе въ моемъ предисловіи, что моя муза не обладаетъ красотою и лиризмомъ; но мнѣ неловко было подсказывать критику и читателю поправку къ этому признанію, а именно: то обстоятельство, что преимущественно во второй половинѣ моей литературной дѣятельности во мнѣ начала звучать и чаще, и красивѣе—лирическая струна. Я очень радъ, что Вы ее замѣтили. Особенно пріятно мнѣ то, что я Вамъ симпатиченъ.— Въ одномъ изъ Вашихъ писемъ Вы мнѣ сообщили отзывы одного журнала, что мое обезпеченное положеніе помогло мнѣ остаться вѣрнымъ моимъ идеаламъ. Я нахожу, что это замѣчаніе — вѣрно. Обезпеченность дозволила мнѣ выйти въ отставку, что̀ пришлось особенно по сердцу моей музѣ, склонной затрогивать гражданскіе мотивы. Обязательная служба непремѣнно наложила бы на меня свой гнетъ. Такъ какъ Вы слѣдите за отзывами обо мнѣ въ печати, то позвольте просить Васъ сообщить мнѣ названіе этого журнала и время появленія въ немъ статьи или рецензіи о моемъ сборникѣ. Я собираю всѣ отзывы, на которые мнѣ укажутъ, и ихъ

накопилось у меня довольно много. Но, живя въ деревнѣ и не видя здѣсь никого изъ людей, близкихъ къ литературѣ, я, конечно, многое упускаю. Вы оказали бы мнѣ очень большую любезность, если бы потрудились указывать мнѣ на статьи и рецензіи, до меня относящіяся. Чтобы избавить Васъ отъ лишнихъ хлопотъ и ненужнаго труда, я здѣсь сообщу Вамъ всѣ отзывы, которые у меня уже имѣются:

I) Газеты: 1) „Новое Время“, № 124, апр. 92; 2) „Русскія Вѣдомости“, № 114, апр. 3) Русская Жизнь“, май или іюнь. 4) „Новости“, № 216, августъ; 5) Journal de St. Petersbourg, № 113. avril. II) Журналы: 1) „Сѣверный Вѣстникъ“, августъ; 2) „Русская Мысль“ а) рецензія въ библіографическомъ отдѣлѣ; май; б) статья: „Поэтъ забытыхъ словъ“, іюль. 3) „Недѣля“, а) рецензія краткая. Книжка іюль; б) статья „На склонѣ лѣтъ“. Книжка августъ; 4) „Русское Богатство“, іюль. 5) „Вѣстникъ Европы“: а) въ библіографическомъ листкѣ отзывы; б) статья „Цвѣтущая старость“, октябрь.—Если, кромѣ этихъ, Вы прочли другіе отзывы и статьи обо мнѣ, пожалуйста, укажите мнѣ на нихъ обстоятельнѣе, т. е. обозначивъ названіе и № газеты или журнала. Мнѣ говорили, что была статья въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и будто бы тамъ меня похвалили; но я не видалъ ее. Не знаю: были ли отзывы въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, „Русскомъ Обозрѣніи“, „Наблюдателѣ“, „Сынѣ Отечества“, „Гражданинѣ“ и проч., и проч.? — Извините, если я Васъ безпокою моею просьбою. Я рѣшился обратиться съ нею къ Вамъ потому, что знаю, что Вы слѣдите за отзывами печати обо мнѣ, и что вы относитесь ко мнѣ дружелюбно. Увѣдомьте меня, какъ теперь Ваше здоровье? Совершено ли Вы поправились? Пишете ли что-нибудь? Стихами или прозою? Какой видъ имѣлъ братъ мой Александръ [1]), когда Вы его видѣли? Я знаю, что онъ боленъ, и давно съ нимъ не видался. Я чувствую себя хорошо, но не выхожу изъ дому въ ѣвѣтреную погоду и не могу долго заниматься при свѣчахъ; а вечера наступили длинные. Дружески жму Вашу руку. Изъ Елецкаго уѣзда перебрался я прямо сюда и съ тѣхъ поръ засѣлъ здѣсь у моихъ родныхъ. Вотъ почему я не могъ послать Вамъ „Козьму Пруткова“. Если буду живъ и здоровъ, надѣюсь провести часть будущаго лѣта у себя, въ деревнѣ, и тогда пришлю Вамъ оттуда Пруткова. У меня, кажется, есть 2—3 экземпляра.

---

[1]) Александръ Михайловичъ Жемчужниковъ—бывшій виленскій губернаторъ, умершій много раньше Алексѣя Михайловича.

9.

14 февраля 93 г. Стенькино.

Многоуважаемый Александръ Владимировичъ,

Я былъ боленъ довольно серьезно и теперь только начинаю поправляться. Благодарю Васъ за Ваши добрыхъ два письма. Отвѣчать подробно еще не въ силахъ. Жму Вашу руку.

10.

14 апрѣля 93 г. Рязань. Почт. ст. Стенькино.

Дорогой и многоуважаемый Александръ Владимировичъ! Пожалуйста не сердитесь на меня за мое продолжительное молчаніе. Со мною и прежде бывало нерѣдко, что я не могъ справляться съ собою и съ временемъ. А теперь чувствую, что становлюсь старъ.

Кромѣ того смерть моего лучшаго друга Виктора Антоновича Арцимовича меня погрузила въ какое-то угнетенное состояніе. Съ нимъ я начинаю теперь справляться; но дурная погода не дозволяетъ мнѣ встрепенуться. Я не выхожу изъ дому. А такъ бы хотѣлось прекратить мою затворническую жизнь! Весна — отвратительная, невѣроятная. Итакъ, примите все это въ соображеніе— и извините, что я такъ долго не отзывался на Ваше сердечное письмо. Вы меня трогаете Вашимъ добрымъ ко мнѣ расположеніемъ. Мнѣ очень хотѣлось бы съ Вами повидаться; но теперь ещѐ не могу сказать, какъ и гдѣ это можно было бы устроить. По разнымъ домашнимъ обстоятельствамъ эта неизвѣстность продлится до іюня.

Хотѣлось бы мнѣ провести бо́льшую часть лѣта у себя, въ Елецкомъ уѣздѣ. Я въ эту зиму печатался въ „Вѣстникѣ Европы“ и въ „Недѣлѣ“. Если Вы за мною слѣдите, то мнѣ хотѣлось бы знать Ваше мнѣніе о моихъ стихотвореніяхъ „Голоса“, напечатанныхъ въ мартовской книгѣ „Вѣстника Европы“. Въ какомъ положеніи находится Вашъ литературный трудъ (въ прозѣ), о которомъ Вы мнѣ писали въ тотъ моментъ, когда—я это чувствовалъ— Васъ знобила сочинительская лихорадка? Если Вы на меня не сердитесь, то напишите нѣсколько словъ. Дружески жму Вашу руку. Вашъ—

11.

26 іюня 93. Рязань. Почт. ст. Стенькино.

Дорогой А. В.! Я былъ въ Москвѣ, когда здѣсь получилъ Ваше письмо отъ 7-го. Я тамъ остался долѣе, чѣмъ предполагалъ. Ѣздилъ туда по семейнымъ обстоятельствамъ и никого кромѣ родныхъ не видѣлъ. Другое Ваше письмо, которое предшествовало послѣднему, также получилъ. Извините, что не отвѣчалъ. Разныя обстоятельства отвлекали меня отъ переписки, и я съ ними не сладилъ. Успокойтесь на счетъ отзыва о моемъ „Пустомъ мѣстѣ“. Я, напротивъ, очень радъ, что Вы со мною откровенны. Это дѣлаетъ честь намъ обоимъ. Я, впрочемъ, не чувствовалъ усталости, когда писалъ „Пустое мѣсто“. Оно только написано не въ минуту раздражительности и озлобленія. Я согласенъ, что болѣе страстное отношеніе къ такому предмету было бы умѣстнѣе. Русскій человѣкъ—очень милый человѣкъ во многихъ отношеніяхъ, но онъ, къ несчастію, лишенъ политическаго смысла и гражданскаго чувства. Въ наше же время онъ въ этомъ смыслѣ—страшная дрянь. Страшная потому, что онъ своей гнусной дрянности не сознаетъ. Надо это ему высказать въ глаза или гнѣвно или презрительно; въ обоихъ случаяхъ—сильно. Я, по своей вѣроятности, сдѣлать это не въ состояніи. Если его расцарапать въ кровь, то ему будетъ только щекотно. Вотъ, по моему мнѣнію, каковъ современный русскій гражданинъ. Мнѣ страстно хочется, чтобъ русскій человѣкъ былъ не только милъ, но и достоинъ уваженія. Но оставимъ эту печальную и неисчерпаемую тему. О томъ, что Левъ Толстой собирается въ Чикаго, я не слыхалъ. Правда ли это?— Я очень радъ, что взяли отпускъ и можете отдохнуть. Надѣюсь, что вы отдыхомъ воспользуетесь и будете писать. Мнѣ послѣднее время пишется. А хорошо ли то, что я написалъ—не знаю. Когда пишу—люблю свое дѣло; когда написалъ, оно мнѣ дѣлается противно; а послѣ опять съ написаннымъ примиряюсь. Такъ это почти всегда со мною бываетъ. На-дняхъ ѣду къ моей замужней дочери— Ольгѣ Алексѣевнѣ Баратынской и туда мой адресъ будетъ такой: Козлово Саратовская жел. дор. Станція Уметъ. Ильиновка М. А. Баратынскаго.—Оттуда поѣду къ себѣ въ Елецкій уѣздъ, вѣроятно въ концѣ іюля. Дружески жму Вашу руку. Пишите и повѣсти, и стихи. Будьте здоровы и благополучны. Вашъ—

12.

9 марта 1894 г. Москва. Мясницкая, Георгіевскій переулокъ, д. № 7, кв. 4.

Дорогой Александръ Владимировичъ, отвѣчаю на Ваше письмо отъ 23 ноября прошлаго года. Начинаю съ того, о чемъ пишу всѣмъ, не получившимъ моего отвѣта на ихъ письма. Я переѣхалъ изъ Стенькина въ Москву въ половинѣ ноября. 26-го того же мѣсяца занемогъ сильною инфлуэнцой. Былъ два дня въ опасности. Выздоровливаю очень медленно. 25 декабря въ первый разъ смѣнилъ халатъ на привычную одежду. Почти все, что происходило незадолго передъ болѣзнью и во время болѣзни — мною забыто. Когда я рѣшился привести въ порядокъ мои бумаги и бумажки, которыя были, во время моей болѣзни, сложены въ разныхъ мѣстамъ, то нашелъ и немало писемъ. Нашелъ и Ваше письмо ко мнѣ. Я вспомнилъ, что больной, въ постелѣ, я его прочелъ; но послѣ я о немъ совсѣмъ забылъ. Все, что печаталось въ „Вѣстникѣ Европы“ и въ „Недѣлѣ“, было мною написано до переѣзда въ Москву, въ Стенькинѣ.—Здѣсь я написалъ только одно стихотвореніе „Глухая ночь“, напечатанное въ мартовской книгѣ „Вѣстника Европы“. Въ немъ есть отголосокъ моихъ болѣзненныхъ ощущеній. Я до сихъ поръ крѣпко берегусь. Выхожу изрѣдка погулять пѣшкомъ, а ѣзжу только къ роднымъ, когда они присылаютъ за мною карету. Всѣ находятъ, что теперь я имѣю видъ здоровый; но я самъ чувствую себя слабѣе. Скоро устаю. Два раза обѣщалъ здѣсь участвовать въ публичныхъ литературныхъ вечерахъ, и оба раза этого обѣщанія не исполнилъ, т. е. не исполнилъ перваго и не исполню второго.—Я охрипъ и отказался принять участіе въ вечерѣ, посвященномъ памяти Некрасова и Баратынскаго. (Первый былъ посвященъ памяти Алексѣя Толстого). Прочитавъ все это, Вы, конечно, меня простите, что я такъ долго Вамъ не отвѣчалъ. Весною поѣду въ деревню къ моей замужней дочери, а лѣто и первоначальную осень проведу у себя въ Елецкомъ уѣздѣ. О томъ, что̀ будетъ будущею зимою—еще не загадываю. Здѣсь много, много времени проходитъ безплодно, совершенно даромъ. Вздыхаю о деревенскомъ уединеніи. Никакими городскими удовольствіями не пользуюсь. Не бываю ни въ театрѣ, ни въ концертахъ; а я такъ люблю хорошую музыку. Авось удастся быть на передвижной выставкѣ картинъ. Она откроется, когда будетъ уже тепло. Я живу здѣсь не одинъ, а съ меньшою дочерью.

Это еще хорошо и утѣшительно. Меня навѣстилъ послѣ болѣзни Левъ Толстой, но я быть у него еще не могъ. Впрочемъ, онъ уѣзжалъ на нѣкоторое время въ деревню, чтобы отдохнуть отъ Московской сутолоки. Полагаю, что онъ меня навѣститъ опять. Въ слѣдующую субботу моя дочь поѣдетъ къ Толстымъ въ первый разъ, но безъ меня. Очень буду радъ, если Вы мнѣ напишете хоть нѣсколько строкъ. Будьте здоровы и благополучны. Вашъ—

13.

2 іюня 1904 г. Тамбовъ. Араповская улица, домъ Евсюковой.

Дорогой Александръ Владимировичъ,

Спасибо Вамъ за письмо отъ 12 апрѣля. Извините, что отвѣчаю такъ поздно. Главная причина этому—моя старость. Послѣ полученія Вашего письма хворалъ, проживъ въ Москвѣ цѣлый мѣсяцъ, и позабылъ о письмѣ. Будьте ко мнѣ снисходительны. Въ февралѣ мнѣ пошелъ 84-й годокъ. Принимаю сердечное участіе въ Вашемъ семейномъ горѣ, о которомъ Вы упоминаете въ Вашемъ письмѣ. На этихъ дняхъ собираюсь переѣхать въ деревню, если погода поправится. Крѣпко жму Вашу руку. Будьте здоровы и благополучны. Вашъ—

14.

1 декабря 1894 г.

Дорогой Алекс. Владимировичъ,

Какъ Ваше здоровье? Поправились ли? Когда думаете зайти ко мнѣ? Я, разумѣется, продолжаю сидѣть дома. Жму Вашу руку. Вашъ—

15.

8 декабря 1904. Петербургъ. Басковъ переулокъ, домъ 33, кв. 27.

Дорогой Александръ Владимировичъ, я получилъ Ваше письмо отъ 2-го. Пожалуйста увѣдомьте меня поскорѣе въ нѣсколькихъ словахъ о здоровьѣ Вашей жены. 1-го декабря я писалъ Вамъ по

городской почтѣ. Не получивъ отвѣта, я, кажется, 3-го послалъ къ Вамъ съ запискою человѣка, которому было сказано въ меблированныхъ комнатахъ Сазоновича, что Вы уѣхали въ Вильну. Признаюсь, что тогда же Вашъ внезапный отъѣздъ родилъ во мнѣ какое-то безпокойство. Дружески жму Вашу руку и буду ожидать отъ Васъ отвѣтъ. Дай Богъ хорошаго Вамъ.

Сообщ. А. Жиркевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ походѣ и бою на броненосцѣ „Адмиралъ Ушаковъ“.

(Окончаніе).

Часть III.

Въ плѣну.

16 іюня о-въ Ниносима.

Шлюпка пристала къ трапу, ее сильно бросало волной. По трапу сбѣжали два матроса и помогли выйти на верхъ; тамъ стояли трое часовыхъ съ ружьями, а четвертый ходилъ съ обнаженнымъ штыкомъ, похожимъ на ножъ, и имѣлъ такой видъ, точно собирался немедленно сдѣлать мнѣ харакири, однако, когда я приблизился, онъ дружественно оскалилъ зубы.

Въ нѣсколько секундъ я былъ раздѣтъ, закутанъ въ два одѣяла и посаженъ съ другими спасенными около башни; явился какой-то напитокъ: выпивъ залпомъ чашку, я чуть не задохся отъ его крѣпости, но за то быстро сталъ согрѣваться.

Когда меня раздѣвали, я крѣпко зажалъ въ рукѣ карточку жены, которая со вчерашняго дня лежала въ карманѣ тужурки и, будучи въ хорошей рамкѣ, со стекломъ не испортилась отъ воды. Японскій офицеръ это замѣтилъ, попросилъ посмотрѣть и затѣмъ вернулъ обратно.

Затѣмъ насъ всѣхъ повели внизъ, вскорѣ привезли еще спасенныхъ, среди нихъ были лейтенанты Т—овъ и Г—усъ.

Принесли костюмы, офицеровъ одѣли въ синее суконное платье метровъ и увели отъ команды, помѣстивъ въ большую каюту въ

---

[1]) См. „Русскую Старину“, мартъ 1909 г.

офицерскомъ отдѣленіи, куда подали чаю и папиросъ; немного погодя привели туда же мичмана Т. и механика Д—ва; послѣдній спасся какимъ-то чудомъ: совершенно не умѣя плавать, онъ носился по волѣ волнъ, наконецъ, его прибило къ борту крейсера, гдѣ онъ потерялъ сознаніе и какъ попалъ на верхъ, онъ не помнилъ.

Насъ собралось 6 офицеровъ и священникъ. Несмотря на то, что уже наступила ночь, японцы продолжали спасать плавающихъ при помощи свѣта прожекторовъ.

Въ этотъ вечеръ мы успѣли узнать, что разстрѣливавшіе насъ крейсера были „Иватэ“ и „Якумо“ (оба типа „Идзуми“). Первый подъ флагомъ адмирала Симамуры; мы попали на „Якумо“ и завтра будемъ въ Сасебо.

Вскорѣ принесли одѣяла, и мы легли спать; передъ этимъ приходилъ японскій офицеръ и предложилъ любезно священнику, не желаетъ ли онъ совершить съ нашими матросами вечернюю молитву. Тотъ, конечно, принялъ любезное предложеніе.

Острое чувство радости и сознанія безопасности быстро перешло въ тоску о погибшемъ броненосцѣ и проигранномъ сраженіи. Заснули мы въ тотъ день не скоро.

На слѣдующее утро явился одинъ изъ офицеровъ, какъ потомъ мы узнали, ревизоръ M-r Higgay и пригласилъ насъ въ каютъ-компанію завтракать. Послѣ завтрака пришли японскіе офицеры, мы познакомились, и начались разговоры при помощи словарей, жестовъ и частью англійскаго языка. Появилась таблица съ рисунками нашихъ судовъ, японцы разсказывали о судьбѣ ихъ и вдругъ, показывая на „Николай“, „Апраксинъ“, „Сенявинъ“ и „Орелъ“, сказали, что они сдались и теперь въ плѣну. Мы вначалѣ подумали, что это ложь, а потомъ рѣшили, что англійское слово captured вѣроятно имѣетъ нѣсколько значеній. Японцы быстро перемѣнили тему разговора.

Между прочимъ въ каютъ-компаніи висѣла карта театра военно-морскихъ дѣйствій, и на ней красными чернилами былъ нарисованъ многоугольникъ, эта карта показала, какъ наивна была наша надежда прорваться во Владивостокъ, но къ этому я еще вернусь.

Одинъ изъ офицеровъ, присутствовавшихъ наканунѣ при нашемъ переодѣваньѣ, подошелъ ко мнѣ съ карманнымъ переводчикомъ въ рукахъ и, показывая на фразу „Кого вы любите“, указалъ другой рукой на мой карманъ.

Я отыскалъ слово „жена“. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ я сообщилъ имъ, что моя жена на „Костромѣ“.

Японцы поговорили между собою, и потомъ одинъ изъ нихъ сказалъ, что оба наши госпиталя въ Сасебо и что, если ихъ командиръ позволитъ, я могу написать письмо, которое они передадутъ черезъ Адмиралтейство на „Кострому“.

Послѣ этого намъ предложили, не желаемъ ли и мы повидать нашу команду и представиться ихъ командиру. Мы изъявили полное согласіе, и тогда всѣ пошли на ютъ, гдѣ стояла во фронтѣ наша команда. Пришелъ командиръ „Якумо“, капитанъ Мацумото и при помощи ревизора, который переводилъ съ японскаго на англійскій, сказалъ приблизительно такую рѣчь:

— „Поздравляю васъ со спасеніемъ, желаю, по возвращеніи въ Россію, найти въ добромъ здоровьѣ вашихъ родныхъ“.

Мы поняли это и перевели командѣ.

Капитанъ Мацумото долго стоялъ съ нахмуренными бровями, какъ бы обдумывая что-то, наконецъ всталъ на коммингсъ люка и, обведя всѣхъ глазами, громко произнесъ:

— „Здравствуй!“

Пауза, во время которой онъ что-то обдумывалъ.

— „Какъ поживаете?“

Опять пауза и наконецъ:

— „За ваше здоровье!“

Произнеся это, онъ просіялъ и удалился.

Мы вступили въ разговоры съ нашей командой и путемъ разспросовъ пытались установить, кто погибъ, кто спасся на „Иватэ“, но трудно было что-нибудь опредѣлить. Ясно было только, что погибъ старшій офицеръ и лейтенантъ Б. К. Ждановъ, они утонули съ броненосцемъ, командира видѣли плававшимъ въ водѣ и хрипѣвшимъ.

Среди спасенныхъ на „Якумо“ былъ и комендоръ Алексѣевъ: это меня обрадовало, такъ какъ ночью меня мучила совѣсть, что я не помогъ ему, когда онъ плылъ безъ всякой поддержки.

Въ шестомъ часу вечера мы подходили къ Сасебо; въ иллюминаторы были видны близко живописные берега съ картонными домиками. Вдругъ остановились, раздался характерный трескъ безпроволочнаго телеграфа, послѣ чего крейсеръ повернулъ и вновь вышелъ въ открытое море.

Мы догадались, что корабли получили приказаніе идти ловить русскія суда.

Непріятно бы было наше положеніе, если бы „Якумо“ вступилъ въ бой, но этого къ счастью не случилось, тѣмъ не менѣе мы пропутались на японскомъ крейсерѣ въ морѣ еще три дня.

4/17 іюня. О-въ Ниносима.

Эти четыре дня, проведенные на японскомъ крейсерѣ (кстати, за четырехлѣтнюю службу во флотѣ, я впервые совершалъ переходъ на современномъ кораблѣ), довольно хорошо ознакомили насъ съ японскими моряками, ихъ службой и нравами. Вспомнилъ я издаваемыя въ Россіи „знатоками Японіи“ книги, трактующія о дикости японцевъ и ихъ напускной цивилизованности. Благодаря этимъ книгамъ, идя на войну, я дѣйствительно представлялъ себѣ враговъ какими-то азіатами, пьющими кровь побѣжденныхъ, и какъ же пришлось разочароваться послѣ всего видѣннаго лично и слышаннаго отъ другихъ.

День на японскомъ кораблѣ начинается въ 5 часовъ, офицеры встаютъ вмѣстѣ съ командой; въ 8 часовъ вечера командѣ даютъ койки, офицеры тоже расходятся по каютамъ, весь же день происходятъ занятія и ученья, къ сожалѣнію, намъ не удалось посмотрѣть на занятія и можно было судить только по доносившимся звукамъ.

Все время раздаются сигналы, играемые на трубѣ, и по нимъ всѣ стремглавъ бѣгутъ по своимъ мѣстамъ. Послѣ спуска флага не только офицеры, но и команда переодѣвается изъ европейскаго платья въ кимоно и большинство матросовъ, лежа на койкахъ, читаютъ журналы.

Кормили насъ такъ, какъ мы отнюдь не ѣли на своемъ кораблѣ, все время, европейскій прекрасно приготовленный столъ, ухаживаніе за нами было поручено ревизору. Выводили насъ на верхнюю палубу, но это дѣлалось такъ ловко, что мы не могли разсмотрѣть ни пушекъ, ни прицѣловъ, а это было чрезвычайно интересно, успѣли только разсмотрѣть поврежденія: слегка была пробита труба, и на ютѣ лежалъ кусокъ сбитаго бимса.

У меня остался въ памяти такой случай: въ каюту пришли два молодыхъ японскихъ офицера, сначала одинъ изъ нихъ попросилъ меня показать ему что-то въ принесенномъ учебникѣ французскаго языка, потомъ мы стали бесѣдовать, и одинъ изъ нихъ сообщилъ, что четыре нашихъ корабля взяты въ плѣнъ, я съ недовольной гримасой отрицательно покачалъ головой, японецъ хотѣлъ было доказывать, тогда его товарищъ дернулъ его за рукавъ, сердито проговорилъ что-то по-японски и перемѣнилъ разговоръ.

Намъ приносили папиросъ, картъ и старались всячески развлекать.

Мы были такъ подавлены любезностью „азіатовъ“, что не-

смотря на то, что на берегу насъ ожидали вѣроятно лишенія, стремились скорѣе оставить гостепріимный крейсеръ: какъ-то совѣстно было.

Наконецъ, 20 мая мы стали опять приближаться къ Сасебо, это былъ тяжелый день по своимъ впечатлѣніямъ.

Крейсеръ шелъ между берегами, мы сидѣли въ каютъ-компаніи и смотрѣли въ иллюминаторы, вдругъ кто-то произнесъ: „Господа— „Сенявинъ“.

На рейдѣ одинъ за другимъ стояли „Николай I“, „Апраксинъ“ и „Сенявинъ“.

Видъ запущенный, грязныя палубы, ржавыя пушки, но броненосцы совершенно цѣлы, только на „Николаѣ“, пониже мостика, видна небольшая надводная пробоина и на немъ развѣвается флагъ съ Восходящимъ Солнцемъ.

Я много перечувствовалъ, когда гибли наши броненосцы, но это немного въ сравненіи съ тѣмъ, что поднялось въ душѣ при видѣ этого неизгладимаго позора.

Что мы разбиты—это большое горе, но что же дѣлать: одна сторона должна побѣдить, а мы отстали въ техническомъ отношеніи, японцы же были вознаграждены за энергію и усилія, которыя они проявляли въ теченіе многихъ лѣтъ, намъ оставалось только съ честью погибнуть, защищая свои корабли, но оказалось, что и честь потеряна: люди безъ выстрѣла предпочитаютъ спустить флагъ, чтобы не рисковать жизнью.

Сдать крѣпость, разъ истощились силы, допустимо, ее никуда не дѣнешь, но сдать корабль, какъ бы ни былъ силенъ непріятель, непозволительно, такъ какъ легко можно затопиться, конечно, съ небольшимъ рискомъ для жизни, да и то впрочемъ не всегда.

Отдали якорь. Насъ пригласили въ каютъ-компанію на прощальный завтракъ, предсѣдательствовалъ старшій офицеръ, который сказалъ, что офицеры уѣхали на берегъ и очень жалѣютъ, что не могли насъ проводить.

Подали шампанское, положеніе было щекотливо, но предсѣдательствующій разрѣшилъ его очень корректно: чокнувшись съ каждымъ, онъ пожелалъ скорѣйшаго и благополучнаго возвращенія на родину; старшій изъ насъ поблагодарилъ отъ лица всѣхъ за то отношеніе, которое мы встрѣтили, и просилъ передать нашъ привѣтъ командиру и отсутствующимъ офицерамъ.

Затѣмъ любезные хозяева одарили насъ папиросами, говоря, что первое время намъ трудно будетъ доставать; пріѣхалъ съ берега японскій лейтенантъ, съ которымъ мы сѣли на катеръ, и оставили крейсеръ, пребываніе на которомъ оставило лучшія воспоминанія о джентльменахъ японскихъ морякахъ.

Послѣ получасового перехода катеръ присталъ къ трапу парохода „Tataiama-maru“, въ 5 кабельтовыхъ отъ котораго стояли наши пловучіе госпитали „Орелъ“ и „Кострома“.

На пароходѣ уже была наша команда и офицеры, спасенные крейсеромъ „Иватэ“; послѣдовалъ обмѣнъ свѣдѣній и впечатлѣній: выяснилось, что нашъ командиръ послѣ гибели броненосца плавалъ на поясахъ и пропалъ безъ вѣсти; старшій офицеръ А. А. Мусатовъ и минный офицеръ Б. К. Ждановъ оставались на своихъ мѣстахъ и погибли съ броненосцемъ; старшій механикъ капитанъ Яковлевъ потерялъ сознаніе въ водѣ и, самоотверженно доставленный на „Иватэ“ прапорщикомъ Красковымъ, умеръ сразу, какъ только его вытащили изъ воды; еще погибли прапорщикъ Зоричъ, младшій механикъ Трубицинъ и комиссаръ Михѣевъ. Команды погибло 83 человѣка.

На пароходѣ приняли насъ прекрасно и размѣстили въ каютахъ.

Наступалъ вечеръ, мое положеніе было не изъ пріятныхъ: быть въ полуверстѣ отъ „Костромы“, представлять себѣ всѣ муки неизвѣстности, которыя теперь испытываетъ жена и не имѣть возможности дать знать о себѣ—очень грустно.

Я хотѣлъ было съ наступленіемъ ночи потихоньку спуститься въ воду, проплыть на „Кострому“ и къ утру вернуться обратно, но ночь была такъ темна, что трудно было опредѣлить направленіе, да кромѣ того на госпиталяхъ, вѣроятно, стояли японскіе часовые, которые могли пристрѣлить при приближеніи.

До поздней ночи я ходилъ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, но на утро докторъ и помощникъ капитана съ „Tataiama-maru“ дали мнѣ написать письмо и отправились съ нимъ на „Кострому“.

Черезъ часъ они вернулись и привезли большой свертокъ съ бѣльемъ для всѣхъ офицеровъ, а я получилъ отдѣльно шкатулку и въ ней запасъ бѣлья отъ командира „Костромы“, бутылку вина, книги, деньги и полное восторга письмо жены, мысленно меня похоронившей.

Присланная марсала была сейчасъ же выпита при участіи японцевъ.

5/16 іюня о-въ Ниносима.

Капитанъ „Tataiama-maru“ сказалъ, что онъ долженъ принять еще 500 человѣкъ плѣнныхъ со сдавшихся судовъ. Наша команда просила администрацію парохода отвести ей отдѣльный отъ вновь прибывающихъ трюмъ.

Пріѣхали матросы съ „Николая“ и „Апраксина“ и стали вы-

ходить на палубу, навьюченные своими чемоданами; наши встрѣтили ихъ угрюмо.

Немного погодя пришелъ катеръ и, взявъ нашихъ офицеровъ, перевезъ на другой транспортъ „Tenio-maru“, тамъ мы встрѣтили офицеровъ съ „Свѣтланы“, „Мономаха“ и „Нахимова“ и узнали отъ нихъ, что „Мономахъ“ и „Нахимовъ“ получили минныя пробоины и утромъ 15 мая затонули, свезя команду на шлюпкахъ на подошедшіе японскіе транспорты, а „Свѣтлана“ 15-го же мая подъ командой кап. I ранга Шеина, вся избитая, геройски сражалась съ сильнѣйшимъ непріятемъ и была потоплена. Экипажъ пять часовъ плавалъ въ водѣ, пока не пришли и не подобрали ихъ японскіе транспорты.

Тѣснота на „Tenio-maru“ ужасная, офицеры были размѣщены въ трюмахъ на грязныхъ циновкахъ; въ 7 часовъ вечера дали такой обѣдъ: одинъ матросъ раздавалъ по куску хлѣба, а другой по куску какой-то отвратительной ветчины, и это дѣлалось такъ грубо, что я съ непривычки обидѣлся и отказался отъ кормленія.

Вечеромъ на душѣ было прескверно: съ одной стороны „Кострома“, на которую не попасть и которая по слухамъ съ разсвѣтомъ уходитъ въ Россію, а съ другой „Tatsiama-maru“, гдѣ мы такъ хорошо помѣщались, имѣли японскій чисто и вкусно приготовленный столъ и пользовались прекраснымъ отношеніемъ японцевъ.

Часовъ въ 11 я уже собрался было лечь спать, постлавъ въ углу грязнаго трюма циновку, какъ вдругъ по пароходу раздались крики: „Ушаковскіе офицеры на свой прежній транспортъ“, и черезъ полчаса мы были на „Tatsiama-maru“, гдѣ насъ привѣтливо встрѣтилъ судовой персоналъ.

На другой день (это было 22 мая) мы вышли въ море, всего было 7 транспортовъ подъ конвоемъ небольшого миноносца, шли медленно и съ остановками. Въ Симоносэки ссадили съ парохода команду и пошли Японскимъ Средиземнымъ моремъ. Отношеніе къ намъ японцевъ было выше всякой похвалы.

Черезъ пять дней плаванія мы пришли къ о-ву Ниносима и съѣхали на берегъ въ карантинъ. Послѣ бани, заключавшейся въ купаніи по нѣскольку человѣкъ въ одной деревянной ваннѣ и, дезинфекціи вещей, намъ привили оспу и временно поселили въ баракахъ, откуда постепенно отправляютъ дальше.

Теперешнее помѣщеніе заставляетъ желать много лучшаго. Мы живемъ въ наскоро сколоченныхъ баракахъ съ самой примитивной мебелью, спимъ не раздѣваясь на нарахъ, прикрываясь одѣялами, подъ которыми переспали всѣ шестьдесятъ тысячъ плѣнныхъ, прошедшихъ черезъ карантинъ. Обѣдъ состоитъ изъ горячей соленой

воды, въ которой плаваетъ нѣсколько лепестковъ зеленаго лука (эта жидкость изображаетъ изъ себя супъ) и миніатюрнаго кусочка насквозь вываренаго мяса.

Небольшая площадка, на которой стоятъ бараки, со всѣхъ сторонъ охраняется часовыми, такъ что и пройтись негдѣ. Цѣлыми часами, сидя на пляжѣ, я наблюдаю, какъ послѣ отлива копошатся въ тинѣ маленькіе крабы, и это единственное развлеченіе.

Вначалѣ офицеровъ собралось человѣкъ 150. Обмѣнъ впечатлѣній огромный: злоба дня—позорная сдача нашихъ судовъ. Какъ произошло это событіе, точно никто не знаетъ. Изъ разспросовъ нижнихъ чиновъ и кондукторовъ трудно составить мнѣніе: они обвиняютъ во всемъ Небогатова и офицеровъ и утверждаютъ, что команда была противъ сдачи и хотѣла сражаться.

Узнали судьбу Рождественскаго: когда „Суворовъ“ потерялъ возможность управляться, Рождественскій безъ чувствъ отъ полученныхъ ранъ былъ перенесенъ штабомъ на миноносецъ „Буйный“ и пошелъ во Владивостокъ; у „Буйнаго“ вышелъ весь уголь, тогда бѣглецы перешли на миноносецъ „Бѣдовый“ и пошли дальше, за ними погнались два японскихъ миноносца, тогда по настоянію штаба миноносецъ былъ сданъ безъ боя и уведенъ въ Сасебо; Рождественскій лежитъ въ госпиталѣ тамъ же и подаетъ надежды на выздоровленіе.

Нельзя не упомянуть о доблестномъ поступкѣ двухъ офицеровъ съ „Суворова“. Я слышалъ этотъ разсказъ отъ очевидца-кондуктора съ миноносца „Буйный“. Когда Рождественскій со штабомъ перешелъ на „Буйный“ на срѣзѣ палубы горящаго „Суворова“ стояли 2 офицера: лейтенантъ Богдановъ и прапорщикъ Курсель. Офицеры штаба, бывшіе уже на миноносцѣ, звали ихъ съ собой, но тѣ отвѣтили: „Мы предпочитаемъ остаться со своей командой“.

Герои погибли съ броненосцемъ, но память объ нихъ должна сохраниться во флотѣ.

Адмиралъ Фалькерзамъ умеръ за два дня до боя, объ этомъ Рождественскій былъ извѣщенъ секретно отъ другихъ судовъ. Тѣло умершаго адмирала лежало въ гробу на палубѣ „Ослябя“ и утонуло вмѣстѣ съ этимъ броненосцемъ.

Резюмируя разсказы всѣхъ собравшихся здѣсь офицеровъ, краткій обзоръ Цусимскаго боя таковъ:

Прекрасно освѣдомленный о расположеніи нашей эскадры, адмиралъ Того, выйдя навстрѣчу со своими главными силами и приведя на параллельный съ нами курсъ, сосредоточилъ огонь всѣхъ

своихъ судовъ на шедшемъ головнымъ „Ослябя“, результатомъ чего было быстрое потопленіе этого броненосца, послѣ этого также сосредоточеннымъ огнемъ былъ выведенъ изъ строя „Суворовъ“ и потоплены постепенно шедшіе за нимъ „Александръ III“ и „Бородино“ и искалѣченъ „Орелъ“.

Уничтоживъ такимъ образомъ днемъ ядро нашей эскадры, японцы съ наступленіемъ сумерокъ выпустили на остающихся чуть не всѣ свои миноносцы, а эскадра большимъ ходомъ пошла на сѣверъ, чтобы на другой день добить тѣ наши суда, которыя избѣгнутъ минъ.

Миноносцы послѣ атаки, пользуясь темнотой, продолжали преслѣдовать наши суда, и отъ минныхъ пробоинъ погибли „Нахимовъ“, „Мономахъ“, „Сисой Великій“, „Наваринъ“ и „Дмитрій Донской“.

На другой день ушедшая впередъ японская эскадра атаковала „Орелъ“, „Николай“, „Сенявинъ“, „Апраксинъ“ и „Изумрудъ“, результатомъ чего была ихъ сдача, кромѣ „Изумруда“, который, благодаря большому ходу, ушелъ, но не доходя до Владивостока вылетѣлъ на камни.

Кромѣ того японцы, во избѣжаніе прорыва отдѣльныхъ судовъ во Владивостокъ, учредили крейсерство, планъ котораго мы видѣли на картѣ, висѣвшей въ каютъ-компаніи „Якумо“: тамъ красными чернилами были обозначены мѣста крейсерованія, линія шла отъ Цусимы до Владивостока, отъ Владивостока до Сахалина, отъ Сахалина къ сѣверному берегу Ниппона и оттуда къ Цусимѣ. Такимъ образомъ получался многоугольникъ, изъ котораго выскочить было мудрено, и это удалось одному только „Алмазу“, который единственный изъ всей эскадры добрался до Владивостока. Крейсера отряда адмирала Энквиста ускользнули на югъ вечеромъ 14-го и разоружились въ Манилѣ.

Транспортъ-мастерская „Камчатка“ со всѣмъ экипажемъ, среди котораго было много вольнонаемныхъ рабочихъ, былъ утопленъ во время дневного боя японскими снарядами, транспортъ „Иртышъ“ послѣ боя затопленъ своей командой вблизи берега, пароходъ „Свирь“ успѣлъ уйти въ Шанхай.

Изъ бывшихъ при эскадрѣ миноносцевъ одинъ прорвался во Владивостокъ, одинъ въ Шанхай, одинъ былъ утопленъ своими за недостаткомъ угля, одинъ сданъ японцамъ и одинъ пропалъ безъ вѣсти; вѣроятно, былъ утопленъ своими же ночью во время минной атаки.

Транспортъ „Анадырь“ ушелъ на югъ и теперь внѣ опасности.

Госпитальные пароходы „Орелъ“ и „Кострома“ черезъ два часа послѣ начала боя были взяты японцами и отправлены въ Сасебо, при чемъ „Орелъ“ конфискованъ, а „Кострома“ отправлена въ Россію, такимъ образомъ наши дорого стоившіе госпитали не видали ни одного раненаго.

22 іюня/5 іюля. Городъ Кіото.

Мнѣ пришлось отдѣлиться отъ своихъ офицеровъ, такъ какъ я поджидалъ въ Нинасимѣ писемъ отъ жены. Ушаковскіе офицеры уѣхали въ г. Сендай (на сѣверѣ Ниппона), а я, просидѣвъ почти мѣсяцъ въ Нинасимѣ, узналъ наконецъ, что жена не имѣла возможности остаться въ Японіи и вернулась на „Костромѣ“ въ Россію.

Наконецъ 20 іюня ст. стиля меня въ числѣ другихъ повезли въ г. Кіото, при чемъ мы попали въ партію съ офицерами сдавшихся судовъ, насъ же было семь съ различныхъ утопленныхъ судовъ.

Переѣхавъ на пароходѣ на станцію Узино, мы сѣли въ поѣздъ: Небогатовъ со своимъ штабомъ ѣхали въ вагонѣ I-го класса, въ двухъ вагонахъ II-го класса помѣщались офицеры и въ двухъ III-го матросы, состоявшіе при насъ вѣстовыми.

Японскіе вагоны отличаются тѣмъ, что диваны въ нихъ идутъ не поперекъ, а вдоль; въ каждомъ вагонѣ помѣстилось человѣкъ по 30 офицеровъ и по 2 японскихъ солдата часовыхъ.

Дорога на всемъ своемъ протяженіи заселена очень густо, ряды маленькихъ домиковъ съ садами прерываются рисовыми полями съ искусственнымъ орошеніемъ, по горизонту тянутся высокія, подернутыя сверху синевой горы, по пути часто встрѣчаются тунели.

На всѣхъ станціяхъ собиралось много народа, отношеніе публики къ плѣннымъ прекрасное: японки разносятъ по вагонамъ чай и радушно имъ угощаютъ; когда поѣздъ трогается, женщины отвѣшиваютъ намъ низкіе поклоны.

Незамѣтно прошелъ день, а когда наступилъ вечеръ, надо было думать о ночлегѣ. Въ маленькомъ вагонѣ такъ много людей, что и сидѣть-то тѣсно, но не даромъ еще Карамзинъ говорилъ, что ничто такъ не развиваетъ человѣка, какъ путешествіе, — мы съумѣли устроиться: спали на полу, засунувъ для экономіи мѣста ноги подъ диваны, какъ ни скверно было спать въ такомъ положеніи, тѣмъ не менѣе это помогло сократить ночь.

На другой день въ 8 часовъ утра поѣздъ подошелъ къ вокзалу Кіото. На платформѣ насъ встрѣтили власти и японскій православный священникъ, прекрасно говорящій по-русски; какъ на многихъ другихъ станціяхъ, репортеры слетѣлись на Небогатова, какъ мухи.

Выйдя съ вокзала, мы разсѣлись въ колясочки джене-рикшъ и огромной вереницей поѣхали по улицамъ; на всемъ протяженіи пути толпы народа, разсматривающаго насъ съ большимъ любопытствомъ, рикши бѣгутъ бойкой рысью; первое время какъ-то неловко было сидѣть и смотрѣть, какъ человѣкъ уподобляется лошади.

Минутъ черезъ двадцать рикши остановились у воротъ большого буддійскаго храма—это было наше окончательное помѣщеніе. Здѣсь поселили 40 человѣкъ.

На стѣнѣ вывѣшено сообщеніе, что этотъ домъ прежде былъ дворцомъ жены одного изъ прежнихъ микадо и затѣмъ ею былъ подаренъ для храма, который называется „Тижакуинъ“.

Храмъ состоитъ изъ нѣсколькихъ большихъ домовъ, расположенныхъ вокругъ пруда и соединенныхъ между собой крытыми мостиками и галлереями. Каждый домъ легкими, раздвижными стѣнами раздѣленъ на комнаты и въ каждой комнатѣ помѣщаются по два офицера.

Всѣ полы устланы чистыми, мягкими циновками, такъ что ходить надо или въ носкахъ или въ чистыхъ туфляхъ.

Мебель состоитъ изъ кроватей съ хорошими одѣялами, столовъ и мягкихъ стульевъ.

Столовая общая, и день распредѣляется такимъ образомъ: утромъ по мѣрѣ вставанія дается кипятокъ для чая и по маленькой бутылкѣ молока, въ полдень обѣдъ изъ двухъ блюдъ, довольно хорошо приготовленный, въ 3 часа печенье къ чаю, въ 6 часовъ ужинъ изъ двухъ блюдъ и вечеромъ можно опять имѣть чай.

Въ пруду много большихъ золотыхъ рыбъ, которыя при хлопаніи съ мостика въ ладоши собираются въ толпу и хватаютъ бросаемые куски хлѣба, двѣ черепахи и большое количество лягушекъ, дающихъ съ наступленіемъ сумерокъ до разсвѣта свои концерты. При храмѣ порядочный садъ.

Прибавивъ ко всему, что мы совсѣмъ не видимъ часовыхъ, можно сказать, что наше положеніе вполнѣ удовлетворительно и кромѣ того на-дняхъ мы будемъ давать обѣщаніе не дѣлать попытокъ къ побѣгу и тогда получимъ право ходить на прогулку въ городъ, гдѣ есть много интереснаго.

Раньше мнѣ казалось странной мысль „жить въ храмѣ“, но буддійскіе храмы, кромѣ своего прямого назначенія, имѣютъ цѣлью

давать временный пріютъ потерпѣвшимъ бѣдствія и лишившимся крова. Собственно храмъ занимаетъ двѣ комнаты, и оттуда нѣсколько разъ въ день раздается заунывный звонъ колокола и завываніе жрецовъ, посторонней публики въ обитаемые нами храмы не пускаютъ.

Всѣ помѣщенія блестятъ безукоризненной чистотой. Бо́нзы [1]) и японскіе офицеры, живущіе съ нами, относятся прекрасно и при встрѣчахъ привѣтствуютъ глубокимъ поклономъ.

25 іюня—8 іюля. Г. Кіото.

Сегодня представлялись начальнику гарнизона въ Кіото генералу Оками.

Въ 9 часовъ утра пришли въ сосѣдній храмъ „Міохоинъ“, гдѣ живетъ Небогатовъ со своимъ штабомъ. Когда мы установились явился японскій генералъ и, сдѣлавъ общій поклонъ, произнесъ по-японски длинную рѣчь, во время которой мы, ничего не понимая, наблюдали только его интонацію. Когда генералъ кончилъ, переводчикъ прочелъ эту рѣчь по-русски.

Вотъ, когда Небогатовъ и его командиры чувствовали себя, вѣроятно, не въ своей тарелкѣ.

Я не буду дословно приводить эту рѣчь, тѣмъ болѣе переводъ ея былъ сдѣланъ не достаточно хорошо, но приблизительно смыслъ ея таковъ:

„Вступая въ исполненіе своихъ обязанностей, я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ: Вы, уйдя изъ Россіи еще въ прошломъ году, перенесли тяжелый походъ, сопряженный съ бурями и разными невзгодами, пока достигли боя. Затѣмъ вы храбро воевали, грудью защищая отечество (при этихъ словахъ читавшій, какъ мнѣ показалось, особенно выразительно взглянулъ на Небогатова), но роковая судьба закинула васъ сюда и вы не виноваты въ томъ, что вы теперь военноплѣнные...“ Далѣе слѣдовало приглашеніе соблюдать правила и прочее.

Кстати вспомнилъ еще случай, рисующій Небогатова, какъ начальника эскадры:

Среди его командировъ былъ капитанъ N, человѣкъ отнюдь не воинственный, но вмѣстѣ съ тѣмъ стремившійся къ адмиральскому чину. Будучи назначенъ командиромъ одного изъ судовъ, онъ колебался между желаніемъ остаться въ Россіи и на-

[1]) Жрецы

мѣреніемъ кончить цензъ и, наконецъ, рѣшилъ идти, твердо вѣря, что отрядъ дальше Крита не пойдетъ. Когда же мы миновали Суэцкій каналъ, опасеніе потерять жизнь въ предстоящемъ бою заглушило въ немъ всѣ остальныя чувства, и онъ сталъ усиленно проситься о списаніи въ Россію, прикидываясь больнымъ. Небогатовъ отказалъ. Тогда достойный командиръ дошелъ до того, что, окружая себя командой, онъ, обливаясь слезами, говорилъ на тему „куда мы идемъ? что съ нами дѣлаютъ? насъ гонятъ на убой! и проч.

Въ заключеніе (я самъ долго не вѣрилъ, считая это анекдотомъ, но это фактъ, подтвержденный нѣсколькими очевидцами), незадолго до боя при стрижкѣ головы, онъ приказалъ оставить себѣ хохолъ „чтобы было за что вытащить, если буду тонуть“.

Всѣ эти фокусы были сказкой всего отряда, деморализировали команду и не могли быть неизвѣстны Небогатову, но онъ на всѣ приставанія N. о списаніи упорно ему отказывалъ.

Разумѣется, такой господинъ съ удовольствіемъ ухватился за сигналъ о сдачѣ и охотно слѣдовалъ движенію своего достойнаго начальника.

Издаваемыя здѣсь англійскія газеты сообщаютъ разговоръ адмирала Того съ Небогатовымъ, когда послѣдній пріѣхалъ сдавать свой отрядъ.

Этотъ разговоръ вертѣлся на томъ, что Небогатовъ все время восхищался техникой японской артиллеріи, а Того вѣжливо возражалъ:—„Не можетъ быть!“

Удивительно подходящая тема для русскаго адмирала, сдающаго свои суда врагу.

27 іюня—8 августа. г. Кіото.

27 іюня (ст. ст.) мы подписали обязательство не пользоваться правомъ свободной прогулки (какъ японцы ее называютъ „дзюсампо“) для побѣга изъ плѣна и получили возможность ходить въ городъ ежедневно съ 6 часовъ утра до $7^1/_2$ вечера, при чемъ на первое время намъ былъ предоставленъ раіонъ приблизительно половина города. Первые дни интересно было гулять, но затѣмъ надоѣло.

Кіото раздѣляется на двѣ части горной рѣкой Камагавой, которая обыкновенно мелка и ничтожна, но во время дождей превращается въ быстрый, бурный потокъ.

Параллельно рѣкѣ идетъ длинный каналъ со шлюзами: кромѣ сплава по каналу большихъ плоскодонныхъ лодокъ съ различнымъ

грузомъ, вода изъ него утилизируется японцами въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: приводитъ въ движеніе мельницы, фабрики, но вѣнецъ всего огромная электрическая станція, содержащая болѣе двадцати динамо-машинъ, приводимыхъ въ движеніе той же водой, что сильно понижаетъ стоимость электрической энергіи.

Большое количество буддійскихъ храмовъ я не въ состояніи описать, т. к. для этого надо быть любителемъ ихъ, а я только поверхностно осмотрѣлъ нѣкоторые; отмѣчу только большой красивый храмъ Кіо-мидзу (по-русски—священныя воды), онъ находится подъ горой, съ верху которой падаютъ три струи холодной ключевой воды; по народному повѣрью эта вода обладаетъ чуднымъ свойствомъ противъ безплодія, и часто можно видѣть японокъ, которыя, раздѣвшись догола, стоятъ подъ нестерпимо-холоднымъ душемъ священныхъ водъ.

Есть православная церковь, небольшая, но уютная съ хорошо написанными образами; богослуженіе при насъ совершается на смѣшанномъ языкѣ: священникъ о. Симеонъ Мій говоритъ по-русски, а хоръ японокъ поетъ по-японски.

Т. к. эта церковь находится въ неразрѣшенномъ намъ раіонѣ, то въ нашемъ помѣщеніи установлена своя домовая церковь (бывшая судовая съ „Николая“), куда два раза въ недѣлю пріѣзжаетъ служить священникъ; кстати вотъ фактъ, говорящій о вѣротерпимости японцевъ: наша церковь находится въ столовой, и стоитъ вплотную съ главнымъ алтаремъ храма Тижакуинъ, и это нисколько не шокируетъ буддійскихъ жрецовъ.

Есть въ Кіото зоологическій садъ, но онъ ничего изъ себя не представляетъ по своей мизерности: штукъ десять обезьянъ, ободранный верблюдъ и много самыхъ обыкновенныхъ собакъ.

Мѣстомъ сосредоточенія военно-плѣнныхъ служитъ ресторанъ „Asachi Bierhalle“ и открытый спеціально для насъ „Русскій клубъ“; и то и другое учрежденіе не изъ важныхъ.

Кромѣ того публика ищетъ развлеченія въ многихъ чайныхъ домахъ. Нѣкоторые пожелали вступить въ бывшіе раньше въ большой модѣ въ Японіи временные браки, но потерпѣли фіаско. Японцы, которые теперь особенно дорожатъ своей національной честью, смотрятъ на это строго и, давъ время русскому офицеру найти временную жену (на что тратится солидная сумма денегъ), при первомъ же свиданіи накрываютъ и разлучаютъ новобрачныхъ, при чемъ фамилія супруга пропечатывается въ газетѣ, а японка зарегистровывается въ полиціи, какъ проститутка. Появленіе европейской женщины на улицѣ служитъ предметомъ общаго вниманія, и нѣкоторые ищутъ даже случая лишній разъ увидѣть

на улицѣ путешествующихъ и временно живущихъ въ Кіото двухъ англичанокъ, весьма некрасивыхъ собой.

Японскія гейши имѣютъ очень мало общаго съ тѣми гейшами, которыхъ мы видимъ въ извѣстной опереттѣ Джонса, а ихъ музыка на самсинахъ и пѣніе-завываніе производитъ непріятное впечатлѣніе.

Относительно корреспонденціи дѣло поставлено такъ: каждый офицеръ можетъ отправить за границу по три письма въ мѣсяцъ. Корреспонденція, какъ отправляемая, такъ и получаемая, проходитъ черезъ особую цензуру.

Разрѣшается выписывать англійскія, издаваемыя въ Японіи газеты и кромѣ того какой-то аферистъ издаетъ въ Кобэ приблизительно еженедѣльный журналъ на русскомъ языкѣ „Японія и Россія“.

Плѣнный генералъ Сологубъ получаетъ иногда изъ Россіи партіи русскихъ газетъ и прочтя передаетъ ихъ намъ, мы такимъ образомъ читали газеты до 29 мая (ст. ст.), какъ разъ періодъ для насъ наиболѣе интересный.

Прежде всего бросается въ глаза, удивляетъ и даже оскорбляетъ масса объявленій увеселительныхъ садовъ, которой пестрятъ первыя страницы газетъ въ ужасные дни 14 и 15 мая. Какъ-то невозможнымъ кажется веселье въ то время, когда Россія должна была переживать трагическую гибель столькихъ людей и вѣнецъ своего пораженія. Офицеры со сдавшихся судовъ разсказывали, что когда они проходили на японскихъ судахъ въ Сасебо мѣсто Цусимскаго боя, то все пространство, охватываемое глазомъ, было заполнено плавающими трупами, которые, раздвигаемые носомъ крейсера, проходили вдоль бортовъ въ разныхъ положеніяхъ, картина была такова, что со многими дѣлалась истерика, и вотъ въ это-то время Петербургъ продолжалъ безмятежно веселиться и этимъ увеличивалъ гнетущій душу позоръ.

Съ большимъ интересомъ читали кабинетный разборъ Цусимскаго боя въ „Новомъ Времени“ Кладо, который со свойственнымъ ему апломбомъ „вралъ, какъ очевидецъ“.

Въ храмѣ Ханкокуджи, гдѣ живетъ остальная часть офицеровъ, устроено чтеніе лекцій по различнымъ предметамъ, которыя посѣщаются пока охотно, кромѣ того ведутся занятія съ матросами, живущими у насъ вѣстовыми, и эти послѣдніе за время плѣна расширятъ свой умственный кругозоръ. Вообще во всей Японіи ведутся занятія съ плѣнными нижними чинами: это иниціатива Начальника Русской Духовной Миссіи въ Токіо епископа Николая, который щедро снабжаетъ учащихся пособіями и книгами.

15/28 августа. Кіото.

Мирные переговоры въ Вашингтонѣ продолжаются уже около мѣсяца, и каждый день приноситъ съ собою телеграммы, то дающія, то отнимающія надежду на возвращеніе въ Россію. Новости въ Кіото распространяются такимъ образомъ: по улицамъ крупной рысью въ откровенныхъ костюмахъ, съ колокольчиками на поясѣ бѣгаютъ японцы и раздаютъ всѣмъ, протягивающимъ руки листки безъ всякой платы; здѣсь нѣтъ торговли новостями, какъ у насъ въ Россіи, и японцы видимо тщательно берегутся паразитовъ войны во всѣхъ ихъ видахъ.

Населеніе города относится къ намъ хорошо, а дѣти при встрѣчахъ на улицѣ привѣтствуютъ словомъ „сайнара“ (здравствуй).

Наша администрація обращается съ нами безукоризненно вѣжливо, такъ что, когда я прочелъ въ „Новомъ Времени“, отъ 6-го іюня этого года, корреспонденцію изъ Мацуямы съ описаніемъ турецкихъ звѣрствъ, чинимыхъ японцами надъ плѣнными, то положительно сталъ въ тупикъ. Сколько людей въ Россіи повергнула въ ужасъ эта корреспонденція, а между тѣмъ трудно допустить, чтобы тѣ же японцы, обращаясь хорошо съ плѣнными въ Кіото и другихъ городахъ, откуда я имѣю извѣстія, были звѣрями въ Мацуямѣ. Правда, не бываетъ дыма безъ огня, но думается мнѣ, что если скандалъ и былъ, то кто его началъ—большой вопросъ.

Японцы, видимо, не желаютъ, чтобы мы слѣдили за ходомъ мирныхъ переговоровъ: намъ не даютъ телеграммъ, и газеты послѣ цензуры приходятъ часто замазанныя.

Вообще японцы тщательно оберегаютъ плѣнныхъ отъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ: разрѣшивъ посѣщать здѣшніе европейскіе отели, они обязали насъ не разговаривать съ живущими тамъ иностранцами, даже православный священникъ допускается исключительно подъ контролемъ переводчика, а французскій консулъ изъ Кобэ только разъ лично выдалъ намъ жалованіе, теперь его японцы, видимо, не пускаютъ въ помѣщенія, будучи лишены возможности контроля, ибо французскій языкъ въ Японіи очень мало извѣстенъ.

Переводчики, на которыхъ жалуется авторъ той же корреспонденціи, дѣйствительно премерзкій народъ, вышедшій изъ артурскихъ и владивостокскихъ приказчиковъ, но всѣ недоразумѣнія съ нами хорошо разрѣшаются состоящимъ при насъ офицерскимъ персоналомъ.

Вчера осматривалъ главную достопримѣчательность Кіото, гробницу Хидеіоси.

Это популярный японскій герой, нѣчто въ родѣ Наполеона во Франціи. Онъ жилъ въ XVI вѣкѣ и велъ большія войны въ Кореѣ. Въ то время у японцевъ былъ обычай, вмѣсто того, чтобы брать враговъ въ плѣнъ, отрѣзывать имъ уши и носы и въ такомъ видѣ отпускать ихъ на свободу. Такъ вотъ этотъ герой Хидеіоси однажды привезъ въ Кіото болѣе 5.000 корейскихъ носовъ и ушей, которые теперь покоятся въ городѣ подъ монументомъ, а самъ Хидеіоси похороненъ на большой горѣ, на которую ведетъ лѣстница въ 562 приблизительно футовыхъ ступени: сооруженіе почтенное. Сама гробница гранитная особеннаго изъ себя ничего не представляетъ, но за то видъ съ горы восхитителенъ: городъ съ множествомъ домиковъ разстилается, какъ на планѣ въ долинѣ, окруженной высокими горами, люди кажутся лилипутами, видны убѣгающіе вдаль поѣзда. Очень хорошо и красиво, но видъ поѣзда нагоняетъ тоску, сѣсть бы въ него и уѣхать въ Россію. Счастливая Японія восхитительна, конечно, но дома все-таки лучше.

5/18 сентября, г. Кіото.

1 сентября (н. ст.) пришла телеграмма о заключеніи мира: всѣ стали собираться въ дорогу, но, увы, рано: оказывается надо ждать ратификаціи, а пока остается мечтать. Положеніе наше нисколько не измѣнилось въ смыслѣ свободы.

Нѣсколько дней назадъ пріѣхалъ изъ госпиталя адмиралъ Рожественскій и поселился въ нашемъ храмѣ. На другой день у него былъ Небогатовъ и просидѣлъ весь день; о чемъ они говорили, никто не слышалъ, но стали ходить слухи, будто Рожественскій принялъ Небогатова сочувственно и даже, якобы, сказалъ, что онъ всячески будетъ поддерживать его въ Россіи и въ случаѣ неудачи раздѣлитъ съ нимъ его участь.

Черезъ два дня послѣ этого Рожественскій объявилъ черезъ флагъ-капитана, что онъ будетъ очень радъ видѣть тѣхъ офицеровъ, которые придутъ къ нему запросто. Я попалъ въ первую очередь и былъ принятъ, какъ и всѣ остальные очень любезно. Визитъ продолжался полтора часа: послѣ разспросовъ о гибели „Ушакова“, адмиралъ перешелъ на тактическій обзоръ боя 14 мая; когда этотъ вопросъ былъ исчерпанъ, я спросилъ его:

— „Ваше Превосходительство, я бы хотѣлъ знать ваше мнѣніе по поводу сдачи судовъ Небогатовымъ“.

— „Незаконно“.

— „Вы находите какія-нибудь оправданія“.

— „Никакихъ, имъ остается только надѣяться на милость Государя. Ихъ оправданія основаны на незнаніи устава, и Небога-

товъ не зналъ, что думать о спасеніи команды можно только тогда, когда корабль гарантированъ отъ взятія непріятелемъ. Сдача миноносца „Бѣдовый“ (прибавилъ онъ послѣ продолжительной паузы) совершенно одинакова; къ сожалѣнію, я узналъ объ этомъ слишкомъ поздно: я очнулся отъ безсознательнаго состоянія и слышалъ отдаленные выстрѣлы, вскорѣ послѣ этого была застопорена машина, я сталъ звонить—никто не являлся, и только черезъ часъ пришли мои офицеры, но уже вмѣстѣ съ японцами. Оказалось, что штабъ еще наканунѣ рѣшилъ въ случаѣ встрѣчи съ японцами сдать миноносецъ“.

Вскорѣ послѣ этого я откланялся и удалился.

19 октября/1 ноября, г. Кіото.

Миръ ратификованъ уже давно, но о возвращеніи въ Россію ничего опредѣленнаго не слышно.

Отношенія между нами и японцами испортились, благодаря слѣдующему обстоятельству: послѣ подписанія мирнаго договора мы сочли себя свободными, но японцы заявили, что до передачи насъ русской комиссіи, завѣдывающей эвакуаціей плѣнныхъ, они отвѣтственны за нашу безопасность и потому, оставляя у воротъ караулъ, они просятъ насъ подчиняться правиламъ общежитія. Даны нѣкоторыя льготы въ видѣ возможности оставаться въ городѣ до позднихъ часовъ, поѣздокъ по окрестностямъ, но обо всемъ этомъ надо писать заявленія, и получается длинная канитель, которая дѣйствуетъ на безъ того уже натянутые нервы.

Газета „Японія и Россія“ оказалась органомъ самой лживой революціонной пропаганды: настолько были возмутительны статьи съ наборомъ красивыхъ фразъ и самой беззастѣнчивой подтасовкой фактовъ и вымысломъ, что я послалъ въ редакцію письмо съ должнымъ отзывомъ и отказомъ отъ полученія журнала и просилъ напечатать это письмо, хотя бы съ комментаріями редакціи.

Отвѣта не получилъ, письмо, конечно, напечатано не было, но въ ближайшемъ номерѣ появилась статья съ шаблонной фразой о томъ, что „нельзя думать и имѣть убѣжденія, какъ приказываютъ“.

Оказывается, эту газету издаетъ нѣкій отбросъ Россіи, именующій себя докторомъ Русселемъ и, чуть-ли, не президентомъ республики Гавайскихъ острововъ. Этотъ господинъ, по слухамъ, имѣя за собой весьма темное прошлое, до воровства серебряныхъ ложекъ включительно, теперь нанятъ американскимъ обществомъ „Друзей русской свободы“ и изо всѣхъ силъ работаетъ на поприщѣ

развращенія плѣнныхъ нижнихъ чиновъ; онъ ѣздитъ по общежитіямъ военно-плѣнныхъ и устраиваетъ бесѣды: изъ офицерскихъ помѣщеній онъ былъ съ позоромъ выгоняемъ, не знаю посчастливилось ли ему среди нижнихъ чиновъ. Обидно знать, что завелся такой чирій, и не имѣть возможности противодѣйствія: я былъ въ Отду и Фушими, но меня не пропустили въ помѣщенія солдатъ и матросовъ. Японцы въ этомъ случаѣ держатъ себя некорректно, чтобы не сказать болѣе: пропуская къ солдатамъ Русселя и ему подобныхъ, они изолируютъ плѣнныхъ настолько, что даже священнику здѣшней церкви, чтобы отдать визитъ плѣнному генералу Соллогубу, пришлось просить разрѣшенія чуть ли не у самого Микадо.

24 октября/6 ноября, г. Кіото.

Злобу дня составляетъ теперь вопросъ объ эвакуаціи плѣнныхъ. Помню я, какъ радовались мы при заключеніи мира, высчитывали дни возвращенія и составляли проекты наиболѣе скорой и выгодной перевозки, но оказалось, надо ждать 50 дней, пока договоръ не будетъ ратификованъ.

Наконецъ ратификація состоялась, проходитъ недѣля, другая—извѣстій никакихъ нѣтъ, наконецъ, на запросъ адмирала Рожественскаго французскій посланникъ сообщаетъ, что, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, дѣло эвакуаціи поручено комиссіи, которая должна прибыть въ Японію, и что всѣ семьдесятъ тысячъ плѣнныхъ поѣдутъ черезъ Сибирь, а переправа во Владивостокъ состоится на шести пароходахъ Добровольнаго флота. По приблизительному подсчету перевозка людей во Владивостокъ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, должна продолжиться при наличіи только шести пароходовъ, не менѣе четырехъ мѣсяцевъ.

День идетъ за днемъ, наконецъ, недѣли черезъ три приходитъ отъ французскаго посланника извѣстіе, что главный комиссаръ генералъ Даниловъ прибываетъ въ Токіо, и что ему предоставлено разрѣшить возвратиться на свой счетъ желающимъ офицерамъ.

Собравшись компаніей въ восемь человѣкъ, мы написали прошенія и съ этими бумагами одинъ изъ насъ отправился въ Токіо; черезъ два дня онъ вернулся, и мы узнали подробности его бесѣды съ генераломъ, который сообщилъ, что онъ пріѣхалъ прямо изъ Манчжуріи и не знаетъ ни числа плѣнныхъ, ни мѣстъ ихъ жительства и что сидитъ теперь и ждетъ прибытія изъ Шанхая пароходовъ, которые, онъ не знаетъ почему, не приходятъ. Пока онъ получилъ инструкцію отпустить генераловъ, адмираловъ, командировъ отдѣльныхъ частей и офицеровъ, въ случаѣ исключи-

тельной необходимости, если они пожелаютъ отправиться въ Россію на свой счетъ и при этомъ имѣетъ телеграмму отъ морского министра не отпускать офицеровъ отряда Небогатова; на этомъ основаніи онъ отказываетъ въ разрѣшеніи мнѣ и еще одному офицеру съ „Мономаха“. Нашъ депутатъ возражаетъ, что мы ничего общаго съ Небогатовымъ не имѣемъ, такъ какъ наши суда погибли въ бою.

— „Я справлялся, и мнѣ дали списокъ судовъ этого отряда: „Николай“, „Апраксинъ“, „Сенявинъ“, „Ушаковъ“ и „Мономахъ“. Я не знаю, какія причины вызвали приказаніе министра, и долженъ исполнить только приказаніе“.

Въ заключеніе генералъ обѣщалъ сдѣлать все, что отъ него зависитъ, для ускоренія отправки, а французскій посланникъ отъ себя телеграфировалъ въ Петербургъ о необходимости нанять пароходы, ибо съ шестью добровольцами эвакуація продлится 4—5 мѣсяцевъ.

Прошло еще два дня, адмиралъ Рожественскій спрашиваетъ по телеграфу въ Шанхай, почему не приходятъ транспорты; капитанъ 1 ранга Радловъ, завѣдующій транспортами, отвѣчаетъ:

— „Пароходы давно готовы, жду приказаній генерала Данилова“.

Рожественскій телеграфируетъ объ этомъ въ Токіо, и оттуда получается полная благодарностей телеграмма.

Въ довершеніе всего ни генералъ Даниловъ, ни его штабъ, ни звука не понимаютъ по-англійски, а болѣе никакого иностраннаго языка въ Японіи не существуетъ.

25 октября/7 ноября, г. Кіото.

Отношенія съ японской администраціей все ухудшаются, и виноваты въ этомъ японцы: происходитъ ли это отъ ихъ недомыслія, или же это умышленное издѣвательство въ отместку за маловыгодное для нихъ заключеніе мира—судить трудно, но вотъ факты:

Когда пріѣхалъ адмиралъ Рожественскій въ Кіото, всѣ думали, что ему будетъ отведено соотвѣтствующее званію помѣщеніе, на самомъ же дѣлѣ его помѣстили въ томъ же храмѣ „Тижакуинъ“, гдѣ живемъ мы всѣ, и его единственная комната расположена такъ, что онъ все время находится на виду, даже столъ ему въ началѣ давали общій и только, когда онъ сталъ посылать за обѣдами въ отель, японцы устыдились и наняли отдѣльнаго повара.

Затѣмъ, къ нему явился генералъ Оками и прочелъ по бу-

мажкѣ ту же рѣчь, которой въ свое время привѣтствовалъ насъ, т. е. говорилъ генералъ-адъютанту русскаго Императора о необходимости соблюдать дисциплину и чистоту.

Послѣ заключенія мира наше положеніе не улучшилось; для того, чтобы остаться въ городѣ дольше 6 часовъ вечера, надо заводить огромную переписку; видя, что легальнымъ способомъ ничего не сдѣлать, мы перестали обращать вниманіе на правила, и многіе стали оставаться ночевать въ городѣ.

Кромѣ того изъ нѣсколькихъ фактовъ замѣтно, что японцы не прочь деморализировать нашихъ матросовъ-вѣстовыхъ, къ чему, къ сожалѣнію, часто подаютъ поводъ нѣкоторые „офицеры“ (съ позволенія сказать) изъ числа прапорщиковъ, которые до войны часто были простыми машинистами на коммерческихъ пароходахъ, а теперь стали господами.

Всѣ столкновенія привели наконецъ къ скандалу: японское правительство, чтобы окончательно блеснуть передъ Европой прекрасными отношеніями съ плѣнными, поручило начальникамъ гарнизоновъ во всѣхъ городахъ устроить alliance съ русскими, и вотъ мы всѣ получаемъ по такому приглашенію:

„Его Благородію Мичману N. Имѣю честь просить Ваше Благородіе оказать мнѣ честь отобѣдать съ нами 6-го ноября. Въ виду скораго Вашего возвращенія на родину, желая съ вами проститься по случаю заключенія мира для возобновленія дружескихъ отношеній между Россіей и Японіей. Обѣдъ будетъ происходить въ ресторанѣ Іосимидзу-энъ, на улицѣ Санджіо-дори-ксаге въ 11 часовъ утра. Въ случаѣ невозможности быть на обѣдѣ, просятъ заблаговременно сообщить о томъ Маіору Юаса въ Міохоинѣ“.

„Въ совершенномъ почт. Ген.,-Маіоръ Оками“.

Можно себѣ представить удивленіе бѣднаго генерала, когда всѣ плѣнные Кіото, слѣдуя адмиралу Рожественскому, вѣжливо отказались отъ приглашенія, мотивируя это тѣмъ, что къ участію въ обѣдѣ для возобновленія дружественныхъ отношеній у нихъ нѣтъ инструкцій отъ своего начальства, а нѣкоторые прямо написали, что они не желаютъ быть на обѣдѣ въ качествѣ плѣнныхъ, а считать себя офицерами дружественной націи не даетъ отношеніе къ нимъ японской администраціи.

Всѣ эти непріятности, вмѣстѣ съ туманными и скверными извѣстіями изъ Россіи, убиваютъ настроеніе духа, а тутъ еще муки отъ холода, да и голода подчасъ.

Наши комнаты, какъ и въ большинствѣ японскихъ домовъ отдѣляются отъ наружнаго воздуха рамами, въ которыхъ вмѣсто

стеколъ вклеена тонкая бумага, такъ что комнатная температура почти одинакова съ наружной, а послѣдняя по ночамъ теперь бываетъ 0°R, а днемъ градусовъ пять. Отопленія японцы не даютъ никакого, а заведенные на свой счетъ, опять таки противъ запрещенія администраціи, „хибачи“ (угольныя жаровни) даютъ не столько тепла, сколько угара.

Столъ, на который японцы ассигновали 60 коп. въ день на человѣка, далеко не удовлетворителенъ: при пресловутой дешевизнѣ жизни въ Японіи, мясо стоитъ почти втрое дороже, чѣмъ въ Россіи, такъ что трудно за 60 коп. въ день сдѣлать что-нибудь, а тутъ это дѣло сдано частному лицу, видимо мошеннику, который кормитъ отвратительно. Прежде можно было пользоваться прекрасной кухней европейскихъ отелей, но теперь деньги частью прожиты, частью истрачены на покупки, и иногда приходится очень тяжко.

Не дурно бы посадить на наше мѣсто того генія, который придумалъ общую перевозку по желѣзной дорогѣ.

8/21 ноября, г. Кіото

Три дня тому назадъ я вернулся изъ Мацуямы, куда ѣздилъ повидать товарищей и посмотрѣть, какъ они тамъ живутъ. Прожилъ тамъ пять дней и прекрасно провелъ время.

Въ помѣщеніи „Идебучи-матчи“, гдѣ я останавливался, живутъ офицеры съ „Рюрика“ и нѣкоторые изъ Артура, всего человѣкъ пятнадцать; благодаря долгому сидѣнью они прекрасно сумѣли обставить жизнь: у нихъ общая каютъ-компанія, гдѣ въ опредѣленные часы сервируется столъ, хозяйство ведется своими средствами, при чемъ японцы выдаютъ полагающуюся провизію въ сыромъ видѣ, и офицеры, доплачивая немного, имѣютъ хорошій русскій столъ. Почти каждый вечеръ устраиваются прекрасные концерты, при помощи выписанныхъ инструментовъ и, подареннаго Государыней Императрицей Александрой Ѳеодоровной, піанино.

Въ Мацуямѣ всего около 300 плѣнныхъ офицеровъ разныхъ родовъ оружія, морскіе офицеры живутъ обособленно и чрезвычайно дружно. На сколько развито тамъ чувство товарищества, показываетъ слѣдующій случай, разсказанный мнѣ однимъ изъ офицеровъ, и этотъ случай вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно обрисовываетъ тамошнюю японскую администрацію.

Два офицера купили себѣ въ городѣ электрическую лампочку на бо́льшее количество свѣчей, нежели даютъ японцы и, когда эта лампочка окончила свою службу, они принесли ее въ канцелярію, чтобы перемѣнить на новую. Японцы, увидя, что эта не на 16 свѣ-

чей (допустимъ), а на 24, арестовали этихъ офицеровъ, обвиняя ихъ въ „кражѣ электрической энергіи“.

Это оскорбительное обвиненіе такъ возмутило всѣхъ, что былъ составленъ на имя французскаго посланника протестъ, который подписали 70 офицеровъ.

Въ этомъ протестѣ были приведены и другіе факты, какъ-то: безвинное избіеніе до безчувствія японскимъ офицеромъ рюриковскаго матроса, а также нѣкоторые весьма неблаговидные поступки завѣдывающаго военноплѣнными полковника Коно.

Полковникъ Коно, получивъ этотъ протестъ для направленія по адресу, предложилъ взять его обратно—плѣнные отказались. Послѣ совѣщанія съ начальникомъ гарнизона генераломъ Окабе, всѣ подподписавшіе протестъ были уведены на „строгую жизнь“, какъ выражался Коно. Эта „строгая жизнь“ заключалась въ томъ, что офицеры были посажены въ самое скверное мѣсто, чуть ли не развалины стараго буддійскаго храма и ихъ кормили такъ скудно, чтобы только не уморить съ голоду, а двое виновныхъ „въ кражѣ энергіи“ сидѣли въ тюрьмѣ

Черезъ нѣсколько дней всѣ 70 человѣкъ были приведены въ управленіе, гдѣ имъ былъ предложенъ такой компромиссъ:

— „Если вы возьмете протестъ обратно, то на виновныхъ будетъ наложено легкое дисциплинарное взысканіе за „самоуправство“, а не за „кражу“, а вы получите прежнюю свободу; если же вы настаиваете на протестѣ, то виновные будутъ преданы военно-полевому суду, а вы на все время плѣна останетесь на „строгой жизни“.

Единогласный отвѣтъ былъ таковъ: дѣлайте, молъ, какъ хотите, а мы отъ протеста не откажемся.

Послѣ нѣсколькихъ другихъ предложенныхъ сдѣлокъ, на которыя офицеры, несмотря на всѣ лишенія, отвѣчали отказомъ, пріѣхалъ, наконецъ, отъ военнаго министра слѣдователь, затѣмъ послѣдовалъ судъ, который приговорилъ виновныхъ въ замѣнѣ лампочки къ аресту на довольно продолжительный срокъ, но тутъ подоспѣла ратификація мира, и дѣло кончилось; въ общемъ все-таки 70 человѣкъ просидѣли „на строгой жизни“ въ ужасныхъ условіяхъ болѣе мѣсяца.

Случай избіенія русскаго офицера японцами, указанный въ „Новомъ Времени“, о которомъ я упомянулъ раньше, произошелъ въ дѣйствительности, но былъ вызванъ крайне неприличнымъ поведеніемъ русскаго офицера относительно солдатъ японскаго караула.

Отношенія съ гражданскимъ населеніемъ Мацуямы не заста-

вляютъ желать ничего лучшаго: городъ, очень бѣдный до войны, теперь сильно поднялся благодаря присутствію большого количества русскихъ и измѣнилъ свой видъ: на всѣхъ почти магазинахъ русскія вывѣски, завелись рестораны съ хорошо изготовленными русскими блюдами; почти всюду русская рѣчь, и продавщицы у дверей лавокъ болтаютъ, какъ попугаи:

— „Здравствуйте, какъ поживаете, заходите пожаруста, покупать не надо, посидѣть надо“ (японцы съ трудомъ выговариваютъ букву л).

Въ чайномъ домѣ японка поетъ: „Я на горку шла, умирася“...

Недавно въ городѣ состоялся ежегодный базаръ въ пользу дѣтей убитыхъ солдатъ, и сборъ былъ болѣе 1000 іенъ, тогда какъ въ прежніе годы онъ едва достигалъ ста; это какъ разъ совпало съ почти общимъ отказомъ отъ предложеннаго начальникомъ гарнизона пикника „для возобновленія дружественныхъ отношеній“.

Изъ достопримѣчательностей Мацуямы можно отмѣтить ванны съ горячими сѣрными ключами въ мѣстечкѣ „Дого“, въ двухъ верстахъ отъ города.

Въ общемъ я прекрасно провелъ время и въ хорошемъ настроеніи возвращался въ Кіото, но это настроеніе изчезло послѣ Кобэ: тамъ я встрѣтился съ полковникомъ русской службы, который сообщилъ мнѣ, что пароходъ „Воронежъ“, вышедшій въ день моего отъѣзда въ Мацуяму съ адмираломъ Рожественскимъ въ числѣ другихъ плѣнныхъ во Владивостокъ, вернулся вновь въ Японію, такъ какъ на пароходѣ открылся бунтъ матросовъ, и что безпорядки во Владивостокѣ носятъ угрожающій характеръ.

Въ Кіото просмотрѣлъ послѣдній номеръ „Японія и Россія“, гдѣ съ нескрываемымъ злорадствомъ сообщались послѣднія извѣстія, очевидно безъ Русселя дѣло не обошлось. Вскорѣ въ Кіото пріѣхалъ одинъ изъ нашихъ офицеровъ, бывшій на „Воронежѣ“, и разсказывалъ, что перевозимые на „Воронежѣ“ нижніе чины при проводахъ были щедро снабжены Русселемъ и его „апостолами“ прокламаціями и главное алкоголемъ, и безпорядки носили пьяный характеръ, а тутъ еще навстрѣчу вышелъ бывшій нашъ, а нынѣ японскій броненосецъ „Апраксинъ“ и любезно сигналомъ сообщилъ, что во Владивостокѣ безпорядки. Все это побудило „Воронежъ“ зайти въ Нагасаки, гдѣ зачинщики безпорядковъ ссажены на берегъ, а пароходъ охраняется японской полиціей.

9/22 ноября, г. Кіото.

Мнѣ давно хотѣлось войти въ письменныя сношенія съ Ушаковской командой, но на всѣ запросы Центральнаго бюро военноплѣнныхъ о мѣстѣ ихъ жительства, оно хранило упорное молчаніе и только на-дняхъ, послѣ ратификаціи мира, я получилъ адресъ и написалъ матросамъ большое письмо, въ которомъ разъяснялъ, насколько зналъ самъ, послѣднія новости изъ Россіи, предостерегалъ отъ вредныхъ вліяній и уговаривалъ вести себя спокойно и воздерживать отъ безпорядковъ другихъ; писалъ, что, за дальностью разстоянія и за неимѣніемъ денегъ на дорогу, я не могу пріѣхать къ нимъ лично.

Отправивъ письмо, я съ тревогой ждалъ отвѣта; мысль, что Руссель успѣлъ испортить нашу команду, очень безпокоила; но прошло нѣсколько дней, и результаты получились выше всякаго ожиданія; жаль, что Руссель, который имѣлъ наглость утверждать, что изъ числа плѣнныхъ сорокъ тысячъ—его апостолы, не захочетъ помѣстить въ своей газетѣ всѣ тѣ письма, которыя я теперь получаю отъ матросовъ.

Какъ самое характерное, я помѣщу здѣсь только одно общее письмо, а кромѣ него у меня есть много частныхъ, въ которыхъ между самымъ сердечнымъ отношеніемъ сквозитъ радость возможности снестись съ своими офицерами.

Вотъ это коллективное письмо:

„Отъ души благодаримъ Ваше Высокоблагородіе за Ваше письмо, которое получили 11 ноября по русскому времени; во время чтенія письма мы были всѣ въ собраніи и слушали со вниманіемъ, а кромѣ того перечитывали каждый про себя. Всѣ мы слава Богу здоровы и живы, кромѣ матроса 6-й роты Якова Тихонова, который съ самаго нашего прибытія въ Кумамото заболѣлъ головокруженіемъ, отъ чего получилъ умопомѣшательство, въ настоящее время онъ находится въ лазаретѣ и начинаетъ поправляться. Всѣ мы молимся Богу и ждемъ съ нетерпѣніемъ освобожденія и отправки въ свое дорогое отечество.

У насъ въ настоящее время много появилось политическихъ книжекъ и газетъ, выпущенныхъ японцами, но наша команда ни на что на это не обращаетъ вниманія, изъ прочихъ же командъ нашлись такіе люди, которые стали усиливать этотъ элементъ, но имъ не пришлось этого сдѣлать. По вечерамъ стали въ уголкахъ бараковъ появляться кружки политикантовъ, читающихъ политическія книжки и газеты, разсуждая объ ихъ содержаніи, они стали объяснять прочимъ, что все это правда, да такъ и быть должно.

Прочіе же люди, понимая, что все это нарушаетъ достоинство Государя и Правительства, стали просить этихъ людей не распространять этого, но они продолжали настраивать команду этому темному дѣлу. Тогда команда, выведенная изъ терпѣнія, сговорилась во что бы то ни стало уничтожить это распутство. 9-го ноября окружили этихъ политикантовъ, отобрали у нихъ всѣ книги и газеты, содержащія въ себѣ политику, и сожгли, а самихъ политикантовъ одного убили, а остальные подъ защитой японскаго караула отведены неизвѣстно куда. Послѣ этой расправы теперь все тихо и смирно.

Жизнь наша въ Кумамото нельзя сказать чтобы хороша: хотя держатъ насъ не очень строго, но очень пища плохая. Мы разбиты на три барака, такъ что въ одномъ и томъ же баракѣ люди помѣщаются разныхъ командъ, но мы живемъ между собою дружно. Кромѣ того въ Кумамото не мало находится сухопутныхъ военноплѣнныхъ, забранныхъ подъ Портъ-Артуромъ и Мукденомъ.

Въ одномъ изъ свободныхъ бараковъ устроили церковь; такъ что нашлись изъ военноплѣнныхъ порядочные художники, устроили хорошій иконостасъ, надѣлали деревянныхъ паникадилъ; однимъ словомъ, устроили все, что имѣется въ православной церкви, и еженедѣльно по вторникамъ пріѣзжаютъ японскій православный священникъ и дьяконъ, съ 8 часовъ начинается богослуженіе: только одно это намъ и остается въ наслажденіе—помолиться Господу Богу, который укрѣпляетъ наши силы терпѣть плѣнъ.

Еще осмѣливаемся обратиться къ Вашему Высокоблагородію съ просьбой: всѣ мы сомнѣваемся относительно книжекъ судовой сберегательной кассы, которыя утонули, можемъ ли безъ нихъ получить что-нибудь въ Россіи. Обо всемъ этомъ всепокорнѣйше просимъ Вашего объясненія, потому что всѣмъ намъ желательно узнать въ виду того, что нѣкоторые изъ насъ по возвращеніи изъ плѣна будутъ увольняться на родину, а вещей у насъ никакихъ нѣтъ, и денегъ не будетъ; отъ этого придется испытать затруднительное положеніе.

Еще главное всѣ мы просимъ Ваше Высокоблагородіе похлопотать по силѣ возможности о томъ, чтобы Васъ назначили для препровожденія насъ въ Россію, а кромѣ того, не найдете ли Вы возможнымъ побывать у насъ, а денегъ на путь мы найдемъ. За тѣмъ счастливо оставаться, Ваше Высокоблагородіе, остаемся живы и здоровы, всѣ глубоко тронуты Вашимъ дорогимъ привѣтомъ.

Ваши подчиненные моряки
броненосца „Адмиралъ Ушаковъ“.

Письмо писано писаремъ Раскумандринымъ по общему согласію команды. Всепокорнѣйше просимъ впередъ не оставить насъ Вашимъ привѣтомъ“.

Нѣкоторые офицеры на-дняхъ ѣздили въ Кумамото (на о-вѣ Кіу-Сіу). По ихъ разсказамъ, плѣнные нижніе чины сильно бѣдствуютъ: одѣваются въ тѣ отрепья, въ которыхъ попали въ плѣнъ, японцы кормятъ ихъ впроголодь, но за то щедро снабжаютъ вмѣстѣ съ Русселемъ революціонной литературой; нѣкоторые поддались пропагандѣ, но послѣдствія получаются грустныя: кромѣ случая, о которомъ сообщили матросы въ помѣщенномъ здѣсь письмѣ, былъ еще такой фактъ: пріѣхавшій въ помѣщеніе офицеръ-казакъ, окруженный командой, бесѣдовалъ о текущихъ русскихъ дѣлахъ; въ это время изъ толпы выскочилъ „сознательный“ матросъ и, съ бранью бросившись на офицера, хотѣлъ сорвать съ него погонъ, но былъ схваченъ остальными и, несмотря на защиту офицера, избитъ до безчувствія.

Было нѣсколько случаевъ поджоговъ бараковъ и разгрома лавокъ маркитантовъ, но, надо полагать, люди были вынуждены на это холодомъ и голодомъ.

Я самъ ѣздилъ на велосипедѣ въ г. Отцу и былъ около храма, гдѣ помѣщаются плѣнные, но во внутрь меня не впустилъ часовой, спросивъ особый билетъ, котораго достать было негдѣ.

9/19 декабря. Г. Кіото.

Судьба призового парохода „Ольдгамія“.

Въ предисловіи къ разсказу о Цусимскомъ боѣ я упоминалъ о конфискованіи англійскаго парохода съ керосиномъ и о томъ, что онъ былъ отправленъ кругомъ Японіи во Владивостокъ; долго не было извѣстно о его дальнѣйшей судьбѣ и только послѣ взятія Сахалина въ японскихъ газетахъ промелькнуло извѣстіе о томъ, что на Сахалинѣ взяты въ плѣнъ офицеры съ этого парохода, и что онъ самъ разбился.

Вчера я возвращался изъ Іокогаммы, въ поѣздѣ встрѣтился съ этими офицерами и отъ нихъ узналъ перенесенную ими тяжелую и грустную эпопею, которую хочу занести въ свои записки, т. к. врядъ ли эта исторія выйдетъ когда-нибудь на свѣтъ..

8 мая ночью къ эскадрѣ на огни подошелъ англійскій пароходъ „Ольдгамія“ и былъ арестованъ нашимъ развѣдчикомъ; оказалось, что англичане, увидя огни, приняли нашу эскадру за японскую, и послѣдствіемъ этой ошибки было конфискованіе парохода, который

былъ нагруженъ керосиномъ, а подъ нимъ, какъ тогда говорили, были орудія, направляемыя въ Японію.

Днемъ 8 мая на пароходъ погрузили количество угля, достаточное для перехода кругомъ Японіи во Владивостокъ; экипажъ съ него былъ частью отправленъ въ Шанхай на транспортахъ, частью пересаженъ на госпитальный пароходъ „Орелъ“, а вмѣсто него было назначено 50 человѣкъ команды и 4 прапорщика.

Капитаномъ былъ прапорщикъ Т—въ съ „Суворова“, уже солидный и опытный морякъ, плававшій до призыва на военную службу въ Добровольномъ флотѣ и Русскомъ Обществѣ пароходства и торговли; помощниками его были прапорщики Л—нъ съ „Александра III“ и П—въ съ „Ослябя“ и вмѣсто механика прапорщикъ З—ій съ „Урала“. При назначеніи Т—ва адмиралъ Рожественскій спросилъ его, плавалъ ли онъ раньше между Курильскими островами и, получивъ отрицательный отвѣтъ, приказалъ ему взять инструкцію у флагманскаго штурмана Филиповскаго, т. к. наши лоціи и карты не даютъ достаточныхъ свѣдѣній объ этомъ мѣстѣ Тихаго океана. Въ письменной инструкціи (которая Т—ымъ сохранена, какъ оправдательный документъ) говорилось, что вблизи Курильскихъ острововъ существуетъ теченіе SSW со скоростью 1 мили въ часъ, и что это теченіе можно въ случаѣ тумана узнать по замѣтному измѣненію температуры и цвѣта воды.

И вотъ снабженный инструкціями и пожеланіями счастья, призъ къ вечеру 8-го мая отдѣлился отъ эскадры и скрылся за горизонтомъ.

Идя 8-ми узловымъ ходомъ, „Ольдгамія“ обошла благополучно съ восточной стороны Японію и около 20 мая взяла курсъ въ проливъ между островомъ Урупъ и другимъ, лежащимъ южнѣе. 20 мая было послѣднее опредѣленіе мѣста, а затѣмъ нашелъ обыкновенный въ этихъ мѣстахъ туманъ такой густоты, что съ мостика нельзя было увидѣть носа парохода.

Идя тѣмъ же курсомъ, Т—въ согласно инструкціи все время наблюдалъ температуру и цвѣтъ воды; когда замѣтилъ рѣзкое измѣненіе первой, измѣнилъ курсъ, взявъ поправку на указанное въ инструкціи теченіе и... черезъ короткое время крѣпко сѣлъ на камни.

Когда разсѣялся туманъ, и представилась возможность опредѣлиться, оказалось, что пароходъ находится въ нѣсколькихъ миляхъ отъ острова Урупа въ юго-восточной его части; послѣ долгихъ усилій всякая надежда сняться съ камней была потеряна и команда, забравъ консервы и оружіе, на шлюпкахъ достигла берега. Въ лоціи было указано, что на островѣ есть большое селеніе, почему Т—въ,

устроивъ лагерь на берегу, сталъ посылать людей внутрь острова въ горы на развѣдки, но кромѣ одного медвѣдя и лисицы ничье присутствіе не было обнаружено. Когда прошло такимъ образомъ около мѣсяца, выяснилась необходимость дать знать о себѣ, ибо когда кончатся консервы, предстояла голодная смерть, и вотъ Т—въ послалъ старшаго своего помощника Л—на шлюпкѣ въ море: онъ долженъ былъ достигнуть Сахалина и оттуда прислать помощь.

Прошло еще три недѣли; не получая никакихъ извѣстій, злополучная команда рѣшила что Л—нъ погибъ въ морѣ, и тогда Т—въ долженъ былъ отправиться на другой шлюпкѣ самъ, т. к. на второго своего помощника онъ надѣяться не могъ.

Теперь необходима маленькая характеристика этого помощника, т. к. онъ игралъ порядочную роль въ дальнѣйшемъ.

Еще давно находясь въ плѣну, мы разбирали вопросъ о пригодности прапорщиковъ въ военно-морской службѣ; приводились примѣры, и вотъ присутствовавшій при этомъ одинъ изъ бывшихъ офицеровъ „Ослябя“ разсказывалъ.

— У насъ было два прапорщика: одинъ очень дѣльный и симпатичный господинъ, другой же нѣкій П—въ—шалопай, имѣющій почему-то знаніе капитана I-го разряда, но безъ всякихъ знаній, вѣчно лѣнивый; онъ только иногда обнаруживалъ морскую лихость, которая по его мнѣнію заключалась въ совершенно неумѣстной площадной ругани. Въ каютъ-компаніи онъ былъ невыносимъ, и всѣ страшно были рады, когда его взяли отъ насъ и назначили на призовой пароходъ.

Итакъ Т—въ рѣшилъ отправиться самъ. Взявъ необходимое количество людей на шлюпку съ собой, онъ назначилъ начальникомъ остающагося отряда прапорщика по механической части З—го, человѣка пожилого, солиднаго и опытнаго.

Это такъ не понравилось П—ву (почему дескать старшій не я), что онъ въ тотъ моментъ, когда команда, благословляя Т—ва въ далекій и опасный путь (въ океанъ на шлюпкѣ), стаскивала вельботъ съ отмели, сунулъ Т—ву въ руки бумажку, на которой былъ написанъ рапортъ. Мнѣ Т—въ показывалъ въ вагонѣ эту рукопись: въ ней П—въ, высказывая свое неудовольствіе на то, что онъ обойденъ, называетъ и Т—ва и З—го подлецами, за то, что они якобы для спасенія своей шкуры бросаютъ пароходъ, и это онъ пишетъ въ то время, когда общее положеніе дѣлается все болѣе и болѣе критическимъ, ибо приближается сезонъ вѣтровъ, когда плаваніе на шлюпкѣ въ океанѣ дѣлается уже совершенно невозможнымъ.

Передъ своимъ отъѣздомъ Т—въ зажегъ пароходъ, чтобы онъ не попалъ въ руки непріятеля. Горѣніе сопровождалось взрывами, что указываетъ на присутствіе подъ керосиномъ снарядовъ.

Проводивъ Т—ва, маленькая колонія стала ждать рѣшенія своей участи, и вотъ однажды подошла и стала лавировать въ 5 миляхъ отъ берега японская рыболовная шкуна. Наши стали дѣлать сигналы, показывая свое присутствіе; со шкуны спустили шлюпку, и на берегъ съѣхалъ японецъ штурманъ съ вооруженной командой, но приблизился только тогда, когда русскіе бросили оружіе.

Вступили въ переговоры на ломанномъ англійскомъ языкѣ: японецъ соглашался снять съ острова команду, пойти на рыбную ловлю, и затѣмъ сдать русскихъ въ ближайшее мѣсто, гдѣ есть японское управленіе; З—ій соглашался на это, но просилъ подождать два дня, когда должны вернуться изъ горъ люди, посланные на развѣдки. Такъ какъ штурманъ взять на себя рѣшеніе этого вопроса не могъ, то З—ій поѣхалъ съ нимъ на шкуну для переговоровъ съ капитаномъ; съ нимъ увязался и П—въ.

Дѣло было къ вечеру, капитанъ началъ сдаваться на просьбу З—го, и окончательное рѣшеніе вопроса были отложено на утро; въ виду же опаснаго возвращенія ночью на берегъ (тамъ свирѣпствуютъ буруны), капитанъ оставилъ прапорщиковъ у себя ночевать.

Утомленный за день З—ій крѣпко заснулъ, но каково же было его удивленіе, когда, проснувшись утромъ, онъ увидѣлъ шкуну въ морѣ, а островъ скрывался на горизонтѣ. Оказалось, что за ночь поднялся попутный штормъ, и капитанъ, не теряя времени, воспользовался имъ и отправился къ мѣсту своего промысла; дальнѣйшее рѣшеніе вопроса было отложено на послѣ.

Японцамъ не повезло: вѣтеръ быстро перемѣнился, лавировать было почти невозможно и шкуну несло по направленію къ Камчаткѣ. Тогда у З—го блеснула идея, и онъ предложилъ капитану такой компромиссъ:

„Вы пойдете къ берегамъ Камчатки и будете ловить рыбу на русскихъ промыслахъ, послѣ чего отправитесь на островъ Урупъ и снимите оттуда мою команду, а въ случаѣ встрѣчи съ русскими крейсерами (а на это З-ій сильно надѣялся, т. к. ничего не зналъ о Цусимскомъ погромѣ), вы сдадите меня на нихъ, а васъ отпустятъ, для безопасности же отъ мѣстныхъ жителей, я временно приму командованіе шкуной на себя и подыму на ней русскій флагъ“.

Японецъ послѣ колебаній согласился на этотъ компромиссъ, причемъ заставилъ обоихъ прапорщиковъ гарантировать безопасность своей шкуны честнымъ словомъ русскаго офицера; невольные со-

юзники поплыли къ берегамъ Камчатки и, наконецъ, стали на якорь въ устьѣ впадающей въ море рѣки, поднявъ на шкунѣ рус. скій флагъ. Тогда П—въ сталъ уговаривать З—го при помощи русскихъ жителей, живущихъ невдалекѣ отъ берега, захватить шкуну и привести ее во Владивостокъ, „героями, молъ, будемъ“, тотъ наотрѣзъ отказался, напомнивъ вѣроломному прапорщику о данномъ честномъ словѣ.

Потерпѣвшій фіаско П—въ ушелъ гулять на берегъ, а З—ій остался съ японцами, приступившими къ рыбной ловлѣ.

Прошло нѣкоторое время, и вдругъ появляется на берегу вооруженная дружина изъ камчадаловъ подъ начальствомъ какого-то древняго допотопнаго унтеръ-офицера, который предлагаетъ З—му сдать шкуну и оружіе; въ случаѣ же отказа и попытки сняться съ якоря онъ разстрѣляетъ шкуну изъ ружей и все это на основаніи „приказанія вашего начальника прапорщика П—ва, противъ котораго вы взбунтовались и измѣной прикрываете японскую шкуну русскимъ флагомъ“.

Японецъ, узнавъ объ этомъ, заявилъ, что онъ скорѣе сожжетъ шкуну, чѣмъ сдастъ ее, и хотѣлъ убить З—го, который, пользуясь святостью честнаго слова, завелъ его въ западню.

Положеніе было критическое: успокоивъ, какъ могъ, японцевъ, злополучный прапорщикъ сталъ уговаривать унтеръ-офицера, разъясняя ему настоящее положеніе дѣла и добился того, что дружина была уведена, а шкуна стала выходить въ море.

Было время отлива, почему выходить надо было съ большой осторожностью, лавируя между отмелями; въ это время вдругъ съ берега изъ кустовъ началась стрѣльба, стрѣляющихъ не было видно; на шкунѣ убило японца матроса и нѣсколькихъ ранило, сейчасъ же японцы открыли изъ своихъ винтовокъ огонь, и неизвѣстный врагъ ретировался. Возмущеніе противъ З—го было велико, тѣмъ не менѣе капитанъ шкуны его уберегъ отъ мести подчиненныхъ.

Шкуна, выйдя въ море, пошла прямо къ берегамъ Японіи, и тамъ З—ій былъ переданъ японскимъ властямъ; онъ просилъ послать судно къ Урупу снять людей, но оказалось, что они уже сняты проходившимъ мимо японскимъ пароходомъ и находятся въ плѣну.

Прапорщикъ Л—нъ, ушедшій на шлюпкѣ первымъ благополучно достигъ Сахалина въ то время, когда тотъ уже осаждался японцами. Высадившись на берегъ, онъ съ горсточкой своихъ людей принималъ участіе въ защитѣ Сахалина и, когда послѣдній былъ сданъ, онъ попалъ въ плѣнъ.

Т—въ, выйдя въ море, сталъ обходить островъ Урупъ съ сѣвера, но встрѣченный противнымъ штормомъ повернулъ и обошелъ его съ юга. Въ концѣ концовъ, сдѣлавъ 570 миль (около 1.000 верстъ), онъ достигъ Сахалина, когда онъ былъ уже въ рукахъ японцевъ, которые взяли Трегубова въ плѣнъ и отправили въ Японію. Тамъ къ нему пріѣхалъ японскій морской штабъ-офицеръ съ полными картами Курильскихъ острововъ и по порученію своего начальства сталъ разспрашивать Трегубова объ его плаваніи на „Ольдгаміи“. Трегубовъ подробно указалъ свои курсы и, когда на вопросъ японца о причинѣ послѣдней перемѣны курса, отвѣтилъ, что онъ принялъ во вниманіе теченіе SSW 1 узелъ, японецъ „долго и много смѣялся“ и сообщилъ, что никогда никакого теченія тамъ не было и въ общемъ, если бы онъ шелъ, не мѣняя курса, то, не, смотря на туманъ, прекрасно бы прошелъ проливъ.

16/29 декабря.
Пароходъ «Траве» въ Японскомъ Средиземномъ морѣ на переходѣ изъ Такагаммы въ Нагасаки.

Мои поѣздки въ Іокогамму не пропали даромъ, и 10 декабря (ст. ст.), послѣ моихъ усиленныхъ хлопотъ, пришла телеграмма изъ Центральнаго Бюро въ Токіо отправить въ числѣ другихъ офицеровъ изъ Кіото и меня.

12 декабря утромъ мы отправились изъ Кіото въ Іокайши, гдѣ происходитъ посадка на пароходы. Передъ отъѣздомъ въ 8-мъ часу утра администрація устроила въ небольшомъ ресторанѣ около вокзала прощальный завтракъ съ шампанскимъ, за которымъ подъ вліяніемъ радости по поводу возвращенія въ Россію были забыты всѣ бывшія недоразумѣнія. Затѣмъ свистокъ паровоза, и мы уѣхали, провожаемые печально-завистливыми взглядами остававшихся товарищей.

Пока мы были еще въ рукахъ японцевъ, все шло хорошо, объ насъ заботились, и все до послѣднихъ мелочей было предусмотрѣно, но вотъ черезъ 6 часовъ пути прибыли въ Іокайши, гдѣ находилась комиссія генерала Данилова, и начались недоразумѣнія. Болѣе часу мы стояли подъ дождемъ на пристани въ ожиданіи, такъ какъ никто не являлся насъ принимать; на рейдѣ стояли добровольцъ „Воронежъ“ и германскій пароходъ „Траве“ подъ флагомъ Краснаго Креста. Послѣ долгаго ожиданія явился русскій полковникъ и началъ принимать прибывшихъ съ нами солдатъ, а къ намъ подошелъ японскій чиновникъ Центральнаго Бюро военноплѣнныхъ и по-русски спросилъ:

— „Вы больны“?

На отрицательный отвѣтъ онъ конфиденціально просилъ насъ „назваться больными“, такъ какъ иначе на „Траве“ насъ не возьмутъ, на „Воронежѣ“ мѣста нѣтъ, и насъ отправятъ обратно въ Кіото.

Мы исполнили его просьбу и такимъ образомъ попали на госпитальный пароходъ, гдѣ было уже человѣкъ шестьдесятъ сухопутныхъ офицеровъ и среди нихъ больныхъ только человѣкъ пять-шесть.

Жизнь на пароходѣ послѣ плѣна показалась прямо раемъ: хорошій салонъ, превосходный столъ, настоящее нѣмецкое пиво, мягкія койки, піанино и, наконецъ, дамское общество въ лицѣ 8-ми сестеръ милосердія—все это пока еще кажется сномъ.

Изъ Іокайши мы пошли въ Такагамму, гдѣ приняли больныхъ изъ Мацуямы, теперь идемъ въ Нагасаки, а оттуда во Владивостокъ.

20 декабря 1905 г.—2 января 1906 г.
Пароходъ «Траве» въ Японскомъ морѣ
на пути изъ Нагасаки во Владивостокъ.

29-го днемъ мы пришли въ Нагасаки, 30-го декабря (нов. ст.) къ полудню больные нижніе чины были уже приняты, и можно было идти дальше, тѣмъ не менѣе ушли только вчера вечеромъ, простоявъ три дня лишнихъ. Произошло это потому, что генералу Данилову вздумалось послать на „Траве“ курьера во Владивостокъ, и онъ телеграммой задержалъ пароходъ до тѣхъ поръ, пока этотъ курьеръ не доѣхалъ по желѣзной дорогѣ отъ Іокогаммы до Нагасаки. Воображаю, какое впечатлѣніе произвело это остроумное распоряженіе на нѣмецкую администрацію парохода; мы, офицеры, не терпимъ ничего, такъ какъ обставлены съ достаточно-большимъ комфортомъ, но нижніе чины набиты въ трюмахъ гуще, нежели это бываетъ на эмигрантскихъ пароходахъ, и среди нихъ громадное большинство калѣкъ, чахоточныхъ и слабыхъ; каждый лишній часъ, проведенный въ душномъ трюмѣ, ощутителенъ, а тутъ цѣлыхъ три дня. За стоянку умерли 4 чахоточныхъ солдата. Кромѣ того за каждый лишній день простóя „Траве“ русское правительство платитъ болѣе 1000 рублей; такъ что если бы въ случаѣ дѣйствительной необходимости генералъ Даниловъ нанялъ для своего курьера отдѣльный небольшой пароходъ, то это стоило бы менѣе половины той суммы, которую надо будетъ уплатить за три дня стоянки „Траве“.

Ну, да казна матушка все стерпитъ!

За время стоянки я успѣлъ подробно осмотрѣть Нагасаки. Городъ очень живописенъ, но красивѣе всего русское кладбище, рас-

положенное на противоположномъ берегу въ деревнѣ Иносѣ. Оно находится на вершинѣ высокой горы, все усажено деревьями и оттуда открывается чудный видъ на море. Я разсмотрѣлъ всѣ памятники, очень много похоронено русскихъ моряковъ; изъ жертвъ же Цусимы капитанъ 1 ранга Лебедевъ (командиръ „Дмитрія Донского“ лейтенантъ Дьяконовъ (со „Свѣтланы“), капитанъ Яковлевъ (старшій механикъ съ „Ушакова“) и двое матросовъ съ того же броненосца.

Сегодня опять проходили мѣсто Цусимскаго боя — настроеніе грустное.

25 декабря—6 января. Владивостокъ.
Пароходъ «Траве».

Повидимому, я родился подъ счастливой звѣздой; моя судьба устроилась какъ нельзя быть лучше: предстоялъ отвратительный переѣздъ черезъ Сибирь по желѣзной дорогѣ, сопровождаемый забастовками и прочими мерзостями нашихъ милыхъ „освободителей“, а вмѣсто того удалось получить мѣсто на „Траве“, который зафрахтованъ для перевозки запасныхъ нижнихъ чиновъ въ Одессу, а I классъ продается по 165 руб. за мѣсто (плата берется только за столъ), при чемъ билеты доставать было чрезвычайно затруднительно и только съ большой протекціей.

Во Владивостокѣ все спокойно, съѣхать первый разъ на берегъ было очень пріятно: кругомъ русскіе солдаты, городовые, извозчики, и совсѣмъ не слышно надоѣвшаго слова „аната“ [1]), но чѣмъ больше знакомишься съ городомъ и его нравами, тѣмъ больше чувствуешь себя занесеннымъ куда-то на другую планету. Въ первой купленной мѣстной газетѣ постановленія „исполнительнаго комитета собранія нижнихъ чиновъ“ съ выговорами нѣкоторымъ офицерамъ, на заборахъ расклеены разныя воззванія забастовщиковъ, солдаты и матросы не отдаютъ чести и въ разговорахъ съ офицерами, которые разсчитываютъ ихъ для увольненія въ запасъ, необычайно грубы.

Въ настоящее время Владивостокъ отрѣзанъ отъ Россіи, такъ какъ почта и телеграфъ забастовали, поѣзда уходятъ, но доходятъ ли до Европейской Россіи, не извѣстно; ходятъ слухи, что на пути „сознательные россіяне“ грабятъ пассажировъ. Во городѣ есть сожженные дома, но въ общемъ нѣтъ слѣдовъ такого грандіознаго разгрома, о которомъ писали англійскія газеты.

Настроеніе въ городѣ подавленное, но все-таки чувствуется

---

[1]) Японское обращеніе.

сильная рука новаго коменданта генерала Селиванова, принявшаго распущенныя бразды правленія отъ своего предшественника. Порядокъ охраняется казаками, которые, какъ это ни грустно, за свою трудную службу не имѣютъ даже помѣщенія и со своими маленькими лошадками живутъ подъ открытымъ небомъ на одномъ изъ дворовъ Свѣтланской улицы.

Безнравственность во Владивостокѣ достигла геркулесовыхъ столбовъ: прямо собственнымъ глазамъ и ушамъ не вѣрится. Вотъ, напримѣръ, картинка мѣстной жизни.

23-го числа я былъ въ театрѣ (не кафешантанѣ, а драматическомъ театрѣ) и послѣ спектакля ужиналъ въ театральномъ буфетѣ съ товарищемъ, давно уже живущимъ во Владивостокѣ, справа отъ насъ сидѣла компанія артиллеристовъ-офицеровъ съ двумя женщинами въ голубыхъ кофточкахъ, слѣва какой-то офицеръ съ сестрой милосердія. Мужчины чувствовали себя вполнѣ непринужденно и такъ откровенно „ухаживали“ за своими дамами; что получалось впечатлѣніе очень и очень неприличное.

Я обратилъ вниманіе моего собесѣдника на эту картину и получилъ отвѣтъ:

— „Тебя это удивляетъ—ты не привыкъ, а кстати ты навѣрно думаешь, что это дѣвица легкаго поведенія? Разочаруйся, братъ, это здѣшнія сестры милосердія“.

— „Не можетъ быть!“

— „Честное слово, да вотъ лучше смотри самъ“.

Въ это время сидѣвшая слѣва дѣвица съ краснымъ крестомъ на груди и траурной косынкой на головѣ встала со своего мѣста и подошла къ компаніи; ближайшій офицеръ весьма недвусмысленно обнялъ ее, посадилъ къ себѣ на колѣни и поцѣловалъ, другой потянулся за нимъ. . . . .

Я никогда не былъ высокаго мнѣнія о „жрицахъ милосердія“, но тутъ прямо остолбенѣлъ, а собесѣдникъ добавилъ:

— „Ничего, привыкнешь скоро. Одинъ чиновникъ Русско-Китайскаго Банка мнѣ клялся и божился, что самыя крупныя суммы денегъ во время войны переводились въ Россію интендантами и сестрами милосердія, но комичнѣе всего это то, что здѣсь въ веселыхъ домахъ женщины держатъ себя съ необычайной корректностью, свойственной развѣ лишь англійской lady“.

Странный городъ, гдѣ все наоборотъ.

1/14 1906 года. Пароходѣ «Траве» въ Китайскомъ морѣ на переходъ изъ Нагасаки въ Гонконгъ.

Кончился наконецъ проклятый, принесшій столько несчастья 1905 годъ; вчера мы встрѣчали 1906-ой. Не переставшая весь день качка загнала половину пассажировъ въ каюты, такъ что встрѣча Новаго Года не была многолюдна: въ 11½ часовъ священникъ отслужилъ короткій молебенъ, послѣ чего были поданы фрукты и шампанское, морскіе офицеры поднесли ѣдущимъ съ нами сестрамъ бутоньерки съ брошками-кортиками, запасенными въ Нагасаки. Составъ пассажировъ такой: около 2.000 запасныхъ солдатъ, 20 сестеръ милосердія, 25 морскихъ офицеровъ и масса врачей всѣхъ вѣдомствъ, есть и участвовавшіе въ агитаціи во время безпорядковъ во Владивостокѣ и развращавшіе армію. Общество самое разнообразное, жить тѣсно, но все-таки это лучше путешествія черезъ Сибирь. Главное есть увѣренность, что мы черезъ мѣсяцъ будемъ въ Одессѣ, и никакія забастовки насъ не могутъ задержать, да и комфорта на „Траве“ больше, чѣмъ въ вагонѣ.

9/22 января. Пароходъ «Траве» въ Индѣйскомъ океанѣ на переходѣ изъ Сингапура въ Коломбо.

Спѣшу занести происшедшій сегодня комичный инцидентъ.

Въ концѣ обѣда, бывшій среди пассажировъ, нѣкій армейскій врачъ Ш., по слухамъ состоявшій ранѣе въ числѣ членовъ „Союза Союзовъ“ во Владивостокѣ, поднялся на нѣсколько ступеней трапа, ведущаго изъ салона на верхъ, и скрестивъ по-Наполеоновски руки обратился съ сидящему обществу нервнымъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Господа! Сегодня великій день 9 января, день начала русскаго освободительнаго движенія...

При этихъ словахъ большая часть публики поднялась и демонстративно двинулась къ выходамъ, а бывшій при этомъ главный докторъ ѣхавшей съ нами Эстляндской Общины подошелъ къ оратору, съ самымъ серьезнымъ видомъ пощупалъ у него пульсъ и взявъ его подъ руку, увелъ на верхъ.

Такъ кончился импровизированный митингъ.

24 января/6 февраля. Пароходъ «Траве» Красное Море на переходѣ изъ Перима къ Суэцъ.

Еще довольно забавный номеръ. Недалеко отъ нашего стола въ салонѣ одинъ изъ столовъ за обѣдомъ занятъ компаніею изъ 10 человѣкъ врачей-евреевъ. Держатся они довольно дружно и живутъ очень скромно, на ихъ столѣ во время обѣда даже пива не бываетъ видно, и вдругъ сегодня появилось шампанское. Общее изумленіе сосѣдей по столу было непродолжительно; кто-то взглянулъ въ иллюминаторъ: на горизонтѣ былъ виденъ силуэтъ Синайской горы. Оказывается праздновали шампанскимъ прохожденіе столь историческаго для евреевъ мѣста.

30 января. Пароходъ «Траве» въ гавани Одессы.

Благополучно кончилось плаванье, длившееся 33 дня. Наконецъ мы въ настоящей Россіи, надо ѣхать запасаться билетомъ на завтрашній Петербургскій поѣздъ. . . . . .

20 марта 1907 года. Петербургъ.

Вчера состоялся приказъ, коимъ я уволенъ въ запасъ флота. Послѣ тщетныхъ усилій и несбыточной мечты о возрожденіи флота, послѣ столкновенія съ произволомъ, который царитъ въ морскомъ вѣдомствѣ, служить стало тяжело, и я предпочелъ покинуть флотъ.

Теперь, покидая службу, на которой столько пришлось пережить, столько выстрадать я, невольно оглядываюсь назадъ и думаю:— Что намъ далъ Цусимскій бой! Что намъ дала смерть столькихъ доблестныхъ людей? Какія мы вывели полезныя заключенія изъ своихъ ошибокъ и несчастій? Какъ ихъ примѣнили?

И грустно, грустно становится на душѣ: кончилось дѣло о сдачѣ „Бѣдоваго“, прошелъ, какъ комическій фарсъ, процессъ Небогатова, тѣмъ не менѣе самъ „герой“, спасшій три тысячи жизней и его сподвижники получили должное возмездіе; газеты достаточно клеймили суда, ушедшія въ Маниллу; не скомпрометтированные участники Цусимы щедро одарены отличіями.

Въ общемъ порокъ наказанъ, но добродѣтель... все-таки не торжествуетъ!

И. А. Дитловъ.

*

Записки сенатора Есиповича [1]).

Очень сожалѣю, что не велъ записокъ о многихъ изъ тѣхъ дѣлъ, которыя проходили черезъ мои руки во время продолжительнаго завѣдыванія моего дѣлами Департамента Государственнаго Совѣта, называющагося Департаментомъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, но не имѣвшаго никогда ни одного духовнаго дѣла, а сосредоточивавшаго въ себѣ, въ нѣкоторые годы, очень много дѣлъ политическихъ. Записки о нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣлъ могли бы быть не безполезны для характеристики нашего времени и тѣхъ государственныхъ людей, которымъ предоставлено было въ немъ дѣйствовать.

Однимъ изъ такихъ дѣлъ было дѣло о запрещеніи газеты „Москва“, которую издавалъ Аксаковъ. Газета эта была почти что правительственная: съ такимъ восторгомъ и одушевленіемъ отзывалась она почти о всѣхъ значительныхъ реформахъ Алекс. II царствованія. Но она была положительно враждебна остзейскимъ нѣмцамъ. Министромъ внутреннихъ дѣлъ было сдѣлано ей три предостереженія, затѣмъ она была пріостановлена, не помню, на сколько мѣсяцевъ, и наконецъ министръ (Тимашевъ) вошелъ въ Сенатъ съ представленіемъ о совершенномъ запрещеніи ея. Въ Сенатѣ произошло разногласіе, и дѣло дошло до Государственнаго Совѣта. Передано было это дѣло въ Гражданскій Департаментъ съ тѣмъ, чтобы онъ разсматривалъ его вмѣстѣ съ Департаментомъ Законовъ. Предсѣдательствовать въ соединенномъ засѣданіи департаментовъ долженъ былъ предсѣдатель Гражданскаго Департамента. Предсѣдателемъ этого департамента былъ тогда, какъ и теперь (1874 г.), Принцъ Ольденбургскій; но особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ Его Высочеству предоставлено было предсѣдательствовать только при особо важныхъ дѣлахъ, при разсмотрѣніи же другихъ дѣлъ

[1]) См. «Русская Старина» мартъ 1909 г.

мѣсто Его Высочества заступалъ старшій членъ департамента. Старшимъ членомъ былъ тогда П. Н. Игнатьевъ, предсѣдатель Комиссіи прошеній, бывшій прежде с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ (нынѣ 1874 г., предсѣдатель Комитета Министровъ). Принцъ Петръ Георгіевичъ предсѣдательствовалъ обыкновенно только при разсмотрѣніи дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, какъ бы ничтожно ни было такое преступленіе. Въ дѣлѣ газеты „Москва“ никакого государственнаго преступленія не было, тѣмъ не менѣе однако же Его Высочество изволилъ объявить мнѣ, что будетъ самъ предсѣдательствовать.

Такъ какъ заведено было, что за день или за два до засѣданія я объяснялся съ предсѣдателемъ или съ предсѣдательствовавшимъ о всѣхъ дѣлахъ, которыя предполагалось разсмотрѣть въ засѣданіи, то при одномъ изъ такихъ объясненій съ П. Н. Игнатьевымъ, за нѣсколько дней до доклада дѣла о „Москвѣ“, сей достойный ветеранъ съ прискорбіемъ сказалъ мнѣ: „А вѣдь задушатъ они ее?“

„Кого“.

„А газету-то, „Москву“-то“.

„Помилуйте, Ваше Высокопревосходительство, къ чему же вамъ унывать?—замѣтилъ я, вѣдь вы сами будете разсматривать и рѣшать дѣло, слѣдовательно, отъ васъ будетъ зависѣть отстоять ее“.

„Нѣтъ, нѣтъ! задушатъ они ее!“—твердилъ онъ своимъ самымъ сладкимъ тоненькимъ голосомъ.

„Да, помилуйте, какъ же могутъ задушить ее, когда вы будете за нее?“

„Ну что я могу сдѣлать, гдѣ мнѣ отстоять“, продолжалъ онъ плакать на рѣкахъ Вавилонскихъ.

„Отстоите или нѣтъ, это, конечно, неизвѣстно; но все же ваше мнѣніе тутъ будетъ очень важно“.

„Я своего мнѣнія не скажу“.

„Какъ не скажете?“—спросилъ я съ изумленіемъ.

„Какъ же можно противъ всѣхъ идти?“—хныкалъ этотъ твердый государственный мужъ.

„Во-первыхъ, почему вы изволите полагать, что противъ всѣхъ? во-вторыхъ, кому же и идти противъ всѣхъ, какъ не вамъ? Вы генералъ-адъютантъ, полный генералъ, Андреевскій кавалеръ, совершенно независимый по своему богатству государственный сановникъ, вы человѣкъ необходимый уже тѣмъ, что вашъ сынъ чрезвычайнымъ посломъ въ Турціи“...

„Нѣтъ, нѣтъ, старъ уже я, не могу защитить никого“...

И дѣйствительно, при разсмотрѣніи дѣла, онъ не сказалъ въ

защиту газеты, которую считалъ вполнѣ полезною для Россіи, не сказалъ ни слова!..

Въ засѣданіи, которое было назначено для этого злополучнаго дѣла, первый произнесъ обширную обвинительную рѣчь противъ газеты, враждебный нѣмцамъ, предсѣдатель Департамента Законовъ баронъ (потомъ графъ) М. А. Корфъ. Всѣ члены департаментовъ законовъ и гражданскаго и присутствовавшіе въ засѣданіи министры тотчасъ согласились со всѣми обвиненіями, и только одинъ членъ Гражданскаго Департамента, В. П. Титовъ осмѣлился возразить противъ этихъ обвиненій, но онъ остался одинъ. Даже въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта съ Титовымъ согласился одинъ только А. М. Княжевичъ; всѣ же прочіе русскіе государственные люди и министры рѣшили запретить газету, виновную лишь въ слишкомъ горячей защитѣ русскихъ національныхъ интересовъ!...

Такъ совершилось это дѣло, къ сожалѣнію, небезпримѣрное въ лѣтописяхъ государства, въ которомъ нѣкоторые государственные сановники часто могутъ привести къ убѣжденію, что они не русскіе государственные люди, а представители иностранныхъ государствъ, аккредитованные при русскомъ правительствѣ, которымъ нѣтъ никакого дѣла до интересовъ Россіи, а единственная забота—быть пріятными правительству, при которомъ они аккредитованы, и чрезъ это достигать своихъ эгоистичныхъ, всегда чуждыхъ, а иногда вредныхъ для Россіи цѣлей.

Бѣдная Россія!...

Чтобы быть однако же справедливымъ, я долженъ указать на нѣкоторыя исключенія: первымъ блестящимъ исключеніемъ былъ, безъ сомнѣнія, князь П. П. Гагаринъ, о которомъ я такъ много говорилъ въ этихъ запискахъ; но онъ уже умеръ: скончался князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ въ 7 часовъ утра 21 февраля 1872 г. 23 февраля въ 54 № „С.-Петерб. вѣдомостей“ напечатанъ коротенькій некрологъ, въ нѣсколько строкъ. Вотъ отрывокъ изъ этого некролога: „Политическія заслуги покойнаго передъ страной и высокое благородство характера, не только снискавшее ему преданность друзей, но и постоянно вынуждавшее къ уваженію и признанію даже лицъ, мало склонныхъ покорять свои желанія чужой разумной волѣ, извѣстны каждому, кто знакомъ съ внутренней нашей исторіей за послѣднее время“.

Замѣтка эта хотя выражена не совсѣмъ по-русски, но очень знаменательна.

Миръ праху твоему, благородный сановникъ. Завтра онъ навсегда упокоится на кладбищѣ Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря, но имя не умретъ въ русской исторіи.

Безспорно, князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ людей царствованія Императора Николая I и Александра II; но судьба русскихъ государственныхъ людей къ сожалѣнію такова, что они могли бы позавидовать судьбѣ даже русскихъ ученыхъ и писателей, изъ которыхъ нѣкоторые, оставаясь почти неизвѣстными для русскаго общества при жизни, получаютъ по крайней мѣрѣ послѣ смерти, хотя иногда спустя много лѣтъ (какъ напримѣръ Лобачевскій), достойную ихъ оцѣнку и становятся знаменитостями.

Когда же русское общество убѣдится, что оно не въ правѣ забывать и своихъ государственныхъ людей?

На мѣстѣ князя Гагарина теперь (1874 г.) предсѣдателемъ комитета министровъ П. Н. Игнатьевъ, примѣръ доблести котораго я имѣлъ случай привести сейчасъ.

Второе исключеніе составлялъ безъ сомнѣнія В. П. Титовъ, человѣкъ безспорно честный, но—увы,—совсѣмъ какъ-то не подходящій къ общему строю нашей русской жизни.—Я его очень цѣню и уважаю.

Затѣмъ... но затѣмъ мнѣ надобно взять списокъ высшимъ чинамъ русской имперіи и поискать.

Графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ, шефъ жандармовъ. Я о немъ вовсе не такого мнѣнія, какое распространено въ большинствѣ публики. Въ моемъ Д-тѣ было очень много дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Предсѣдатель, Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, относился самымъ суровымъ образомъ ко всѣмъ этимъ дѣламъ. Противорѣчить ему никто изъ членовъ не смѣлъ... Случайно былъ приглашенъ по одному дѣлу шефъ жандармовъ графъ П. А. Шуваловъ. Ему противорѣчить не смѣлъ уже предсѣдатель, но шефъ жандармовъ оказался самымъ мягкимъ, самымъ либеральнымъ судьею. Онъ съ перваго же раза высказалъ о значеніи государственныхъ преступленій такое сужденіе, какое было бы прилично въ устахъ государственнаго человѣка самаго цивилизованнаго государства.

1875 г. декабря 23-го.

Въ 1874 году поступило доходовъ 557.733.591 р., изъ нихъ питейный доходъ составляетъ: 200.792.573 руб. Слѣдовательно, питейный доходъ составляетъ болѣе трети всѣхъ государственныхъ доходовъ. Слѣдовательно, на немъ главнымъ образомъ держится все государственное хозяйство русской Имперіи!..

Страшная цифра, ужасный результатъ!..

Вчера было засѣданіе Общаго Собранія Государ. Совѣта для разсмотрѣнія бюджета на 1876 г... А. В. Головнинъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ, упомянувъ объ этомъ ужасающемъ развитіи питейнаго дохода, упомянулъ и о томъ, что въ 1873 г. скоропостижно умерло отъ пьянства 4.200 человѣкъ. Но—увы!—никакихъ мѣръ противъ этихъ печальныхъ явленій не было ни предложено, ни обсуждено, ни принято!.. И такъ: спивайся, бѣдная Россія!.. Горько, горько, тяжело жить на свѣтѣ!

А между тѣмъ какое блестящее царствованіе—царствованіе императора Александра II. Сколько реформъ, сколько славы! И такая зіяющая язва!

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ не изволилъ присутствовать вчера въ Общемъ Собраніи Госуд. Совѣта при разсмотрѣніи бюджета.

Очень жаль!

А жаль этого особенно потому, что вчера въ первый разъ Общее Собраніе Госуд. Совѣта посвятило болѣе пяти часовъ на обсужденіе этого важнѣйшаго государственнаго дѣла—разсмотрѣнія смѣты. Вчера же въ первый разъ было заявлено опасеніе передъ этимъ страшнымъ фантомомъ, поднимающимся надъ Россіею—передъ ужасающимъ возрастаніемъ питейнаго дохода.

Прежде, просто утверждали заключенія Д-та. Госуд. Экономіи и говорили ему комплименты, которыхъ онъ безъ сомнѣнія заслуживалъ своими трудами (иногда, впрочемъ, довольно мелочными). Но вчера, хотя и не о важнѣйшемъ предметѣ, не о питейномъ доходѣ, о которомъ лишь упомянули, все же говорили о смѣтахъ болѣе пяти часовъ. Хорошее начало: можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ, вмѣсто пяти часовъ поговорятъ пять дней!..

1876 г. марта 6-го. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ въ Госуд. Совѣтъ не ѣздитъ. Говорятъ, Его Высочество въ дурныхъ отношеніяхъ съ Предсѣдателемъ Госуд. Совѣта, В. К. Константиномъ Николаевичемъ. Говорятъ, Его Высочеству не нравится направленіе, которое Великій Князь даетъ нѣкоторымъ финансовымъ вопросамъ.

Я этому не вѣрю, я думаю, что это просто городскія сплетни, потому, что если бы Государю Наслѣднику не нравилось направленіе, которое В. К. даетъ нѣкоторымъ дѣламъ, то онъ имѣлъ бы еще болѣе побужденій посѣщать Совѣтъ, чтобъ противодѣйствовать тому направленію, которое ему не нравится. Слѣдовательно, это неправда; должна быть другая причина,—какая, не знаю.

1877 г. октября 28-го.

Послѣ 20 слишкомъ лѣтъ мира, Россія начала войну съ Турціею. Въ этой войнѣ было уже много неожиданностей, много не-

предвидѣнныхъ случайностей: сначала блестящіе, изумительные успѣхи, потомъ кровавыя неудачи. Случайности возможны и неизбѣжны во всякой войнѣ; но такія, которыя совершились на нашихъ глазахъ въ эту войну, не доказываютъ ли того, что мы не совсѣмъ успѣшно воспользовались нашимъ продолжительнымъ двадцатилѣтнимъ миромъ.—Во всякомъ случаѣ эти случайности да послужатъ намъ урокомъ на будущее время.

Слѣдовало ли начинать войну,—объ этомъ теперь распространяться не время: она начата, а потому русскій человѣкъ не можетъ желать окончанія ея прежде, нежели будутъ достигнуты предположенныя цѣли. Теперь не критиковать, а слѣдуетъ только желать рѣшительныхъ успѣховъ нашему оружію и нашему правительству. Да поможетъ намъ Богъ!..

Мартъ 1878 г. Богъ помогъ намъ сломить одного врага—Турцію; но теперь поднимаются на насъ болѣе грозные враги—Англія и значительная часть западной Европы. Послѣдняя вообще не имѣетъ къ намъ никакого сочувствія. Вотъ между прочимъ что говорится въ одномъ журналѣ, который, казалось бы, долженъ бы быть совершенно безпристрастнымъ зрителемъ совершающихся событій: Въ Bibliothèque universelle et revue Suisse, издающемся въ Лозаннѣ, мая 1878 г. въ статьѣ: la guerre d'Orient: La Russie a une oeuvre à accomplir en Asie, auprès des populations qui lui sont inferieures et aux quelles le despotisme lui-même peut apporter quelque bien; elle n'en a pas en Europe, ou toutes les civilisations, jusquaux moins avanccées, sont superieures à la sienne... La conquete de Constantinople et de la Turquie d'Europe par la Russie ne signifie pas un gain pour le civilisation, mais la fermeture d'immenses territoirs aux produits et aux idées de l'Europe comme la Russie elle même leur est encore fermée aujourd'hui. Voilà ce que les pays civilisés ne sauraient tolérer (p. 481).

Вотъ какъ разсуждаютъ о насъ западные европейцы; да едвали не такъ же разсуждаютъ и наши братья-славяне, за которыхъ и въ пользу которыхъ мы проливали свою кровь и грабили свое состояніе. И будутъ они такъ разсуждать довольно долго.

Съ 18 декабря 1877 г. я назначенъ сенаторомъ Гражд. Кассаціон. Д-та Правит. Сената.

Очень тяжелое положеніе сенатора Гражд. Кассаціон. Департамента: съ одной стороны онъ заваленъ массою самыхъ ничтожныхъ дѣлъ по жалобамъ на мировые съѣзды, съ другой стороны онъ долженъ рѣшать самые серьезные вопросы изъ самыхъ различныхъ

сферъ жизни, вопросы, которые могутъ имѣть огромное вліяніе на все государство.

Большинство сенаторовъ, подавленное массою физической, почти канцелярской работы, махнуло рукою на всѣ серьезные вопросы и готово согласиться со всѣмъ, что предложитъ въ своемъ заключеніи какой нибудь г. Г. по должности товарища оберъ-прокурора, а г. Г. весьма исправно говорящая машина, съ самыми узенькими дѣтскими понятьицами о всѣхъ предметахъ, имѣющихъ государственную важность. Вышло бы красиво и кругло на словахъ—вотъ что нужно такому типу чиновника, какъ невинный г. Г., а что будетъ дальше, какъ это отзовется на дѣйствительной жизни—ему что за дѣло!.. А г. г. сенаторамъ тоже некогда времени терять на обсужденіе того, что выйдетъ изъ всей этой кругленькой болтовни. „Согласны, согласны"...—И вотъ состоялось рѣшеніе. А на это рѣшеніе станутъ ссылаться разные мошенники, которые всегда готовы обирать честныхъ людей.

Представимъ напримѣръ себѣ, что имѣніе заложено въ земельномъ банкѣ, что владѣлецъ его не хочетъ платить въ этотъ банкъ, да не хочетъ и разстаться съ этимъ имѣніемъ, а потому, не платя банку, онъ совершаетъ съ зятемъ своимъ, или братомъ, или другимъ пріятелемъ фиктивный договоръ объ отдачѣ ему на 12 лѣтъ въ аренду имѣнія, приносящаго положимъ 1000 руб. чистаго годового дохода, за 100 руб.—Если объ этомъ договорѣ будетъ извѣстно до публичной продажи имѣнія, то оно не будетъ продано, а останется на рукахъ банка; если же о немъ не будетъ извѣстно при публичной продажѣ, то оно будетъ продано за такую цѣну, которой, при существованіи означенной фиктивной аренды, вынести не можетъ; а потому или банкъ или новый покупщикъ должны будутъ начать процессъ съ фиктивнымъ арендаторомъ. Вотъ тутъ-то и отличится кассаціонный департаментъ: чего—чего онъ не измыслитъ, чтобы оставить въ силѣ фиктивный договоръ объ арендѣ!.. А разъ такой договоръ оставленъ въ силѣ,—за нимъ потянутся сотни подражателей. А при сотняхъ подражателей такому ловкому мошенничеству, нашедшему покровительство въ рѣшеніяхъ Сената, теряется довѣріе къ публичнымъ торгамъ, производимымъ земельными банками—и въ концѣ концовъ земельные банки должны лопнуть и поземельный кредитъ прекратиться!..

А вѣдь, кажется, какъ хорошо было написано рѣшеніе Сената!..

31-го марта 1878 г. въ СПБ. Окружномъ судѣ, съ присяжными, разбиралось дѣло Вѣры Засуличъ, выстрѣлившей въ петерб. градона-

чальника генералъ-адъютанта Трепова. Она объяснила, что выстрѣлила въ Трепова для того, чтобы обратить вниманіе на его беззаконную расправу съ политическимъ преступникомъ Боголюбовымъ. Присяжными были 4 надворныхъ совѣтника Лоховъ, Алексѣевъ, Сергѣевъ и Купинскій, купецъ Петровъ, помощникъ смотрителя духовнаго училища Мысловскій, титулярный совѣтникъ Додоновъ, свободный художникъ Верховцевъ, дворянинъ Шульцъ, кол. регистраторъ Джамусовъ, дѣйствительный студентъ Холизевъ и купецъ Якимовъ. Присяжные объявили: „нѣтъ, не виновна".

Публика въ залѣ была только по билетамъ, слѣдовательно надо думать—изъ образованнаго общества. Она приняла этотъ приговоръ съ восторгомъ. А на улицѣ восторгъ былъ еще сильнѣе.

Такимъ образомъ: это дѣло, а главное исходъ его получилъ, совершенно неожиданно, значеніе самаго поразительнаго политическаго протеста.

Это очень важное событіе!..

Такимъ образомъ частное лицо принимаетъ на себя наказаніе высшаго административнаго лица за его беззаконныя дѣйствія, стрѣляетъ въ него, наноситъ ему опасную рану и признается судомъ — не виновнымъ, а общество аплодируетъ этому приговору суда.

Что слѣдовало бы сдѣлать правительству, какъ поступить?

Мнѣ казалось бы, что слѣдовало бы оставить приговоръ суда неприкосновеннымъ, если онъ не будетъ отмѣненъ Сенатомъ, а администрацію поставить въ такія условія, чтобы не повторялись такія возмутительныя дѣйствія съ ея стороны, которыя вооружаютъ противъ нея общество.

Но такъ ли будетъ поступлено?

11-го августа 1878 г.

Приговоръ С.ПБ. Окружного суда по дѣлу Засуличъ былъ отмѣненъ уголов. кассаціон. департ. Сената. Въ этомъ нѣтъ ничего чрезвычайнаго. Сенатъ имѣлъ полное право отмѣнить этотъ приговоръ и передать дѣло въ Новгородскій окружной судъ. Но прискорбно то, что были приняты чрезвычайныя мѣры вслѣдствіе приговора С.ПБ. Окружнаго суда. Мнѣніемъ Госуд. Совѣта, удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія въ 9 день мая 1876 г., велѣно производить порядкомъ, установленнымъ для дѣлъ о государственныхъ предступленіяхъ, и дѣла объ оскорбленіи чиновниковъ при отправленіи должности, и дѣла объ оскорбленіи начальниковъ подчиненными, и нѣкоторыя другія дѣла, въ которыхъ нѣтъ ничего политическаго.

При этомъ надо замѣтить, что другимъ мнѣніемъ Госуд. Совѣта, отъ того же числа, возстановленъ для производства дѣлъ о

государственныхъ преступленіяхъ тотъ порядокъ, который узаконенъ судебными уставами 20 ноября 1864 г.; но третьяго дня, 9 го августа, послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе о производствѣ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ противъ должностныхъ лицъ въ военныхъ судахъ по законамъ новаго времени.

Что же это такое?.. Развѣ Россія въ такой опасности отъ внутреннихъ злоумышленниковъ, что должна быть объявлена на военномъ, или почти на военномъ положеніи?

Правда, въ послѣднее время совершилось нѣсколько омерзительныхъ преступленій очевидно съ политическими цѣлями (особенно возмутительно убійство изъ-за угла—шефа жандармовъ Н. В. Мезенцева, пораженнаго 4-го августа кинжаломъ неизвѣстными преступниками, среди бѣла дня, въ лучшей части столицы); но развѣ возможно правительству принимать мѣры сгоряча, въ минуту естественнаго, конечно, но едва-ли удобнаго для правительства великаго народа ожесточенія противъ презрѣнныхъ негодяевъ.

Къ тому же какая быстрая измѣнчивость въ такихъ важныхъ законахъ: 9-го мая устанавливается одинъ порядокъ производства и рѣшенія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ,—черезъ три мѣсяца 9-го августа—уже другой порядокъ!..

Просто въ ужасъ приходишь отъ одной мысли о томъ: не на Везувіѣ-ли русское государство?

Я съ своей стороны однако-же увѣренъ, что никакого Везувія подъ нами нѣтъ, а стоитъ онъ на своемъ мѣстѣ у Неаполитанскаго залива, у насъ же есть шайка ничтожныхъ, развращенныхъ или тупоумныхъ негодяевъ, которые ничего сдѣлать не могутъ, кромѣ нѣсколькихъ, отвратительныхъ, правда, но единичныхъ преступленій. Но слѣдуетъ ли, ради этихъ выкидышей изъ народа, принимать такія мѣры, которыя клеймятъ чуть не весь народъ?

18 Октября 1878 г.

Я долженъ покаяться: я былъ неправъ въ отношеніи гражд. Кассац. Департамента или, вѣрнѣе сказать, въ отношеніи состава кассац. департаментовъ. Десять мѣсяцевъ тому назадъ, когда меня назначили сенаторомъ Гражд. Кассац. Департамента, я вступилъ въ него съ предубѣжденіемъ, почти съ враждебнымъ чувствомъ. Теперь, когда я ближе познакомился съ дѣятельностію сенаторовъ кассац. департамента, я не могу не выразить самаго глубокаго, самаго искренняго уваженія ихъ добросовѣстному, неутомимому трудолюбію. Лица, большинство которыхъ достигло преклонныхъ лѣтъ, выслужило пенсію и имѣло бы право на покой и отдыхъ, работаютъ такъ же усердно и горячо, какъ лучшіе молодые люди, во цвѣтѣ лѣтъ начинающіе свою служебную карьеру. Настоящій

мой отзывъ я могу подтвердить отзывомъ, высказаннымъ публично независимымъ ученымъ юристомъ, далеко не преклоняющимся предъ всѣми рѣшеніями кассац. департаментовъ. Г. Володиміровъ въ статьѣ „Объ отмѣнѣ приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу, по русскому праву“ напечатанной въ 3 книжкѣ (май—іюнь) за 1875 г. журнала Гражд. и уголов. права, на страницахъ 18 и 19 говоритъ: „своими сужденіями я не имѣю въ виду намѣренія подрывать уваженіе къ Сенату и умалять его авторитетъ. Самъ я, лично, отношусь съ величайшимъ уваженіемъ къ дѣятельности этого лучшаго изъ нашихъ учрежденій; высоко цѣню услуги, оказанныя имъ дѣлу правосудія и законности; преклоняюсь предъ тѣмъ доблестнымъ мужествомъ и твердостью, съ которыми онъ не разъ охранялъ драгоцѣннѣйшія начала новаго суда; удивляюсь великой жизненной силѣ, обнаруженной имъ при самыхъ невозможныхъ условіяхъ практической дѣятельности; словомъ, въ своемъ совершенно свободномъ и искреннемъ уваженіи я никому не желалъ бы уступать перваго мѣста и хотѣлъ бы видѣть эти чувства общими. Съ своей стороны я пытался сообщать ихъ другимъ въ своихъ, безъ сомнѣнія, мало извѣстныхъ статьяхъ: „О преобразованіи Сената“, помѣщенныхъ въ 85 и 86 №№ газеты „Нашъ Вѣкъ“ за 1877 г.“

Желалъ бы я очень, чтобы въ близкомъ будущемъ сдѣлалось непонятнымъ, почему г. Володиміровъ удивляется великой жизненной силѣ, обнаруженной Кассаціоннымъ Сенатомъ при самыхъ невозможныхъ условіяхъ практической дѣятельности; въ настоящее время, къ несчастію, это удивленіе совершенно понятно и законно: въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о другихъ неблагопріятныхъ условіяхъ для практической дѣятельности, гдѣ можно найти наплывъ такой массы разнородныхъ, и самыхъ ничтожныхъ, и самыхъ важныхъ дѣлъ, какой мы видимъ теперь въ кассаціонныхъ департаментахъ? Гдѣ, въ какомъ государствѣ, возлагаютъ на людей, достигшихъ высшихъ степеней въ служебной іерархіи, обязанность разрѣшать, на-ряду съ важнѣйшими вопросами государственными, самыя ничтожныя дѣла, цѣнность которыхъ не превышаетъ нѣсколькихъ рублей, чуть не копѣекъ? Но если государство признаетъ возможнымъ расточать на мелочи свои лучшія, надежнѣйшія юридическія силы, то это не можетъ и не должно уменьшить заслуги тѣхъ лицъ, которыя, по требованію государства, употребляютъ эти силы серьезно, неутомимо, добросовѣстно...

Впрочемъ, можетъ быть, и такое анормальное положеніе, въ которомъ находятся кассаціонные департаменты Сената, послужитъ на пользу русскаго народа. Строго и неуклонно, какъ въ самыхъ

важныхъ, такъ и въ самыхъ ничтожныхъ дѣлахъ, слѣдуя закону и растолковывая его всѣмъ, обращающимся къ кассаціоннымъ департаментамъ, эти департаменты достигнутъ, можетъ быть, того, что утвердятъ чувство законности во всѣхъ слояхъ русскаго общества, столь слабо въ немъ развитое. Если это будетъ достигнуто, то труды и почти сверхъестественныя усилія кассаціонныхъ сенаторовъ даромъ не пропадутъ.

30 октября 1878 г.

Одна изъ любимыхъ темъ соціалъ-демократовъ заключается въ томъ, что капиталъ угнетаетъ трудъ, что капиталистъ, собственникъ забираетъ себѣ всѣ плоды производства и удѣляетъ рабочему труженику только крохи, не всегда спасающія его отъ полуголоднаго состоянія. Безспорно, конечно, что часто встрѣчается совершенно ненормальное распредѣленіе выгодъ производства между предпринимателемъ и рабочими, но это бываетъ обыкновенно тогда, когда предприниматель не вноситъ въ производство съ своей стороны почти ничего, кромѣ ловкости или даже грубаго мошенничества, незамѣчаемаго лицами, имъ эксплоатируемыми, только по ихъ неразвитости. Но въ правильно устроенныхъ производствахъ, такая эксплоатація невозможна, а потому и не существуетъ. Возьмемъ напр. земледѣльческое производство: для того, чтобъ оно пошло въ ходъ, нужна почва-земля. Земля эта кому-нибудь принадлежитъ, слѣдовательно, есть собственникъ земли, землевладѣлецъ, но ему мало имѣть землю, надо имѣть еще оборотный капиталъ, чтобъ купить скотъ, сѣмена, хозяйственныя орудія и т. д. Если у него все это есть, онъ нанимаетъ работниковъ. Каждый работникъ будетъ стоить ему въ годъ не менѣе 50 рублей. Эти 50 рублей составляютъ плату за трудъ работника, а какъ трудъ работника есть его капиталъ, то значитъ, что эти 50 рублей составляютъ для него доходъ съ его капитала. Но капиталъ, заключающійся въ человѣческомъ трудѣ, не вѣченъ, а потому въ этихъ 50 рубляхъ заключаются и %, и погашеніе капитала. Доцустимъ, что все это вмѣстѣ составляетъ 10% съ капитала, мы должны признать, что капиталъ работника, вносимый въ производство, равняется 500 руб. Г. Рошаръ цѣнность каждаго человѣка (во Франціи) въ смыслѣ капитала, затраченнаго на его существованіе, воспитаніе и обученіе (помимо нравственной стороны) опредѣляетъ въ 1.097 франковъ (Revue Scientifique), т. е. отъ 274 до 400 рублей, смотря по курсу. Слѣдовательно, на свои 500 рублей работникъ получаетъ 50 рублей.

Но что же такое капиталъ, заключающійся въ землѣ и въ деньгахъ, какъ не положенный трудъ? Употребляя для земледѣльческаго производства свою землю и свои деньги, землевладѣлецъ

имѣетъ право получать не менѣе каждаго простого работника въ той пропорціи, въ какой капиталъ этого работника находится къ капиталу его, землевладѣльца. Если капиталъ землевладѣльца, употребляемый имъ для производства въ видѣ имѣнія, земли и оборотнаго капитала, равняется 10.000 рублямъ, то онъ въ 20 разъ превышаетъ капиталъ простого работника, слѣдовательно, землевладѣлецъ долженъ и получить въ 20 разъ болѣе противъ простого работника, то есть долженъ получить 1000 рублей дохода. Но мыслимое ли это дѣло, чтобъ землевладѣлецъ получилъ съ 10.000 руб. 1000 руб. дохода, т. е. 10% дохода съ своего имѣнія? Не всѣмъ ли извѣстно, что имѣніе можетъ принести 2, или, много,—пять %. Слѣдовательно, когда простой работникъ получаетъ дохода съ своего капитала 10%, хозяинъ-землевладѣлецъ, его нанимающій, едва можетъ мечтать о томъ, чтобъ получить 5%. Спрашивается: кто здѣсь кого угнетаетъ? Капиталистъ ли работника, или наоборотъ?

И такъ общее правило для земледѣльческой промышленности заключается въ томъ, что хозяинъ, собственникъ земли, капиталистъ получаетъ менѣе своихъ работниковъ. Слѣдовательно, не онъ ихъ угнетаетъ, а они—его.

Но можетъ быть мнѣ возразятъ, что мы не вѣрно капитализировали трудъ работника, что его нужно капитализировать не изъ 10%, а изъ 5%. Пожалуй станемъ капитализировать изъ 5%, но при этомъ все-таки необходимо будетъ прибавить 1% для погашенія, слѣдовательно, надо капитализировать изъ 6%. Капитализируя наименьшій доходъ земледѣльческаго работника (50 руб.) изъ 6%, получимъ 833 руб. 33 коп. (Хотя это уже вдвое болѣе, даже при самомъ плохомъ курсѣ, противъ оцѣнки г. Рошаръ). И противъ этого капитала—капиталъ землевладѣльца, исчисленный нами въ 10.000 руб., болѣе въ 12 разъ. Слѣдовательно, разсчитывая землевладѣльца наравнѣ съ работникомъ, мы должны дать ему 600 руб. чистаго дохода. Но такого дохода онъ все-таки получить не можетъ, и все-таки перевѣсъ будетъ въ пользу рабочаго.

Гдѣ же тутъ угнетеніе труда капиталомъ. О чемъ же кричатъ соціалъ-демократы?

Вотъ какъ просто самымъ не хитрымъ ариѳметическимъ расчетомъ самые ярые крики соціалистовъ и коммунистовъ сводятся къ нулю.

Но можетъ быть кто-нибудь изъ этихъ мудрыхъ господъ возразитъ, что не слѣдуетъ допускать образованіе капиталовъ, то есть накопленіе или реализацію труда. Очевидна однакожъ для самаго первоначальнаго разумѣнія нелѣпость такого возраженія и даже противуестественная его несправедливость: для примѣра возь-

мемъ двухъ работниковъ; одинъ бережливъ, умѣренъ, не проѣдаетъ, не пропиваетъ и не проживаетъ всего, что получаетъ; другой наоборотъ все проживаетъ; у перваго непремѣнно образуется нѣкоторый остатокъ отъ того, что онъ зарабатываетъ, т. е. образуется капиталъ въ видѣ накопленной платы за трудъ; у другого, разумѣется, ничего не образуется, кромѣ долговъ — ну что же, развѣ справедливо отобрать отъ перваго его капиталъ и отдать другому за то только, что онъ мастеръ все пропивать и проѣдать. Такое предположеніе, очевидно, нелѣпо до возмутительности, но кажется, коммунисты и соціалисты не отступаютъ и отъ него. Къ счастью, оно не опасно потому, что невозможно по явному противорѣчію человѣческой природѣ,—до тѣхъ поръ, разумѣется, пока она не низведена до степени звѣриной наглости и безстыдства. А надо надѣяться, что она до этого не дойдетъ.

13 февраля 1879.

На-дняхъ опять было подлое покушеніе на убійство изъ-за угла. Ночью былъ сдѣланъ выстрѣлъ въ харьковскаго губернатора, князя Крапоткина, возвращавшагося съ бала. Несчастный опасно раненъ и вѣроятно умретъ. Причина этого гнуснаго преступленія опять, повидимому, заключается въ соціально-политическихъ бредняхъ. Очевидно, что въ Европѣ свирѣпствуетъ какая-то нравственно-уродливая зараза гнусныхъ преступленій, безчестящихъ нашъ вѣкъ. Въ одинъ годъ столько проявленій этой омерзительной заразы: въ германскаго императора два раза стрѣляли, въ Неаполѣ злодѣй покушался на жизнь молодого итальянскаго короля, въ Мадридѣ на жизнь испанскаго короля, у насъ въ Россіи и стрѣляли въ административныхъ лицъ и кинжаломъ закололи одного изъ нихъ. Всѣ эти отвратительныя преступленія только тормозятъ ходъ развитія человѣчества, послѣ каждаго изъ нихъ принимаются репрессивныя мѣры, движеніе впередъ, движеніе разумное, естественное, останавливается; изъ-за нѣсколькихъ мерзавцевъ цѣлые народы лишаются надежды на лучшее будущее. И горько, и досадно думать, что какой-нибудь презрѣнный, кабачный висѣльникъ можетъ своимъ безумнымъ и гнуснымъ преступленіемъ надѣлать столько вреда. Вотъ ужъ правду говоритъ русская пословица: дуракъ броситъ камень въ колодезь, десять умныхъ не достанутъ. Желательно было бы знать: сознаютъ ли эти подлые негодяи непроходимую глупость своихъ мерзкихъ дѣлъ?

14 февраля 1879 г.

Кромѣ всѣхъ другихъ бѣдъ надъ Россіею тяготѣетъ подозрѣніе, что въ ней чума. Чума до сихъ поръ признавалась только въ Астраханской губерніи. Провозгласилъ существованіе чумы Бот-

кинъ, непогрѣшимый профессоръ, діагностъ и лейбъ-медикъ Императрицы. Онъ объявилъ на весь міръ, что это настоящая индѣйская чума, или черная смерть. И вотъ всѣ наши друзья заграничные—Германія, Австрія, даже Румынія и Турція ограждаются отъ насъ карантинами. Торговля наша гибнетъ, деньги падаютъ. Все это было при одномъ заявленіи, что чума въ самомъ далекомъ уголкѣ Россіи, гдѣ-то въ Вѣтлянкѣ, на низовьяхъ Волги. И вдругъ—о ужасъ,—сегодня „Правительственный Вѣстникъ“, оффиціальная газета министерства внутр. дѣлъ, объявляетъ, что Боткинъ открылъ одного чумнаго больного въ Петербургѣ, какого-то дворника Наума Прокофьева. Можно себѣ представить, какъ взволнуется не только вся Россія, но вся Европа и весь цивилизованный міръ, какъ усилятся противъ насъ карантинныя мѣры, какъ упадетъ еще наша денежная валюта! И что же? Оказывается, Боткинъ ошибся: онъ принялъ за чуму—сифилисъ! Это констатировано протоколомъ врачей-экспертовъ...

Это просто трагикомедія; но вотъ вопросъ: не такъ же ли онъ ошибся и относительно болѣзни въ Астраханской губерніи?

Une faute politique c'est un crime. Дѣйствительно, подобная ошибка преступленіе, даже хуже...

А бѣдная Россія терпи!..

9 апрѣля.

На страстную и святую недѣли я уѣзжалъ изъ Петербурга въ Псковскую губернію къ дочери своей Львовой въ деревню. Вчера, 8 апрѣля, возвратившись въ Петербургъ, я нашелъ его на военномъ положеніи. 2-го апрѣля совершилось опять страшное и ничѣмъ необъяснимое злодѣяніе; сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ въ Государя. Слава Богу, Государь остался невредимъ; но безуміе злодѣя (какого-то Соловьева), стрѣлявшаго въ Государя, отзовется, безъ сомнѣнія, важными послѣдствіями для всей Россіи. Какой-то мракъ какъ будто охватываетъ насъ со всѣхъ сторонъ. Просто не знаешь, куда мы идемъ, что будетъ послѣ. Положеніе грустное и въ высшей степени тяжелое.

Не успѣваешь записывать всѣхъ гнусныхъ дѣлъ: около половины марта (кажется, 13-го) стрѣляли въ шефа жандармовъ Дрентельна, 2-го апрѣля рука преступника поднимается даже на Императора.

Сколько мрачныхъ картинъ для историка послѣднихъ двухъ лѣтъ: сначала разорительная бѣдственная война, потомъ страшный призракъ чумы, наконецъ, еще болѣе страшное проявленіе нравственной заразы, выражающейся въ отвратительныхъ злодѣя-

ніяхъ, которыя вызываютъ принятіе различныхъ тягостныхъ и часто непонятныхъ намъ, мирнымъ гражданамъ, правительственныхъ мѣръ.

4 мая.

Сгорѣли Оренбургъ, Ирбитъ, Уральскъ. Городской голова Ирбита телеграфируетъ, что поджоги несомнѣнны. Неужели же ихъ производитъ та же презрѣнная шайка, которая вмѣстѣ съ тѣмъ занимается еще гнуснымъ ремесломъ убійства изъ-за угла? Убійство—преступленіе ужасное; но поджогъ еще ужаснѣе; какъ же назвать тѣхъ негодяевъ, которые занимаются вмѣстѣ и убійствами и поджогами? Неужели человѣчество, проживъ 75 столѣтій, можетъ еще производить такихъ дикихъ варваровъ, какими являются такъ называемые русскіе нигилисты?

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Устроители Болгаріи: князь Черкасскій, князь Дондуковъ-Корсаковъ и Столыпинъ [1]).

При вступленіи въ должность временнаго управителя Болгаріи кн. Дондукову-Корсакову было уже извѣстно, что русское правительство изъявило готовность „раздѣлить отвѣтственность“ по устройству судьбы вновь возникающаго Болгарскаго княжества съ представителями другихъ великихъ европейскихъ державъ, другими словами—согласилось на пересмотръ прелиминарнаго договора европейскимъ конгрессомъ, который долженъ былъ собраться въ Берлинѣ. Поэтому императорскому комиссару, по пріѣздѣ въ Филиппополь, пришлось первое время оставаться въ выжидательномъ и неопредѣленномъ положеніи.

Въ это время высшее управленіе при немъ сформировалось слѣдующимъ образомъ. Членами совѣта и управляющими отдѣлами были назначены: генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Домантовичъ—начальникомъ канцеляріи, ген. шт. генералъ-маіоръ Золотаревъ—управляющимъ военнымъ отдѣломъ, состоящій по армейской пѣхотѣ генералъ-маіоръ Грессеръ—управляющимъ отдѣломъ внутреннихъ дѣлъ, д. с. с. Лукьяновъ—управ. судебнымъ отдѣломъ, профессоръ Харьковскаго университета М. С. Дриновъ (болгаринъ)—управл. отдѣломъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Губернаторами были: генералъ-маіоръ Акимовъ — рущукскимъ, генералъ-маіоръ Липинскій—адріанопольскимъ, ген.-м. Гибшъ фонъ-Гросталь—филиппопольскимъ, ст. сов. Баумгартенъ—варненскимъ, д. с. с. Алабинъ—

[1]) См. «Русскую Старину», мартъ 1909 г.

софійскимъ, с. сов. Тухолка—виддинскимъ, камеръ-юнкеръ Щербинскій—тырновскимъ, с. сов. Ивановъ (болгаринъ)—сливенскимъ и н. с. Бѣлоцерковецъ — тульчинскимъ. Изъ болгаръ были назначены вице-губернаторами: Даскаловъ—тульчинскимъ, Балабановъ—рущукскимъ, Цанковъ—тырновскимъ и Бурмовъ — филиппопольскимъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ кн. Дондукова-Корсакова въ Филиппополь ему пришлось войти въ столкновеніе съ иностранными консулами. Такъ какъ они не были аккредитованы при немъ оффиціально, то онъ и объявилъ имъ, что можетъ принимать ихъ только какъ частныхъ лицъ. Консулы, конечно, обратились съ жалобами къ своимъ посламъ, завязалась дипломатическая переписка, и въ концѣ-концовъ князю Дондукову предписано было изъ Петербурга признавать иностранныхъ консуловъ „на прежнихъ основаніяхъ". Дѣло въ томъ, что консулы въ Турціи пользуются особыми правами, дающими имъ возможность нерѣдко злоупотреблять своею властью. Положеніе иностранцевъ въ Турціи обезпечивается особыми договорами (капитуляціями), заключенными христіанскими державами съ цѣлью огражденія своихъ подданныхъ отъ самоуправства мусульманскихъ властей. Благодаря этимъ капитуляціямъ, власть иностранныхъ консуловъ распространилась на всѣ дѣла гражданскія и уголовныя, въ которыхъ участниками были иностранные подданные: такія дѣла они разбирали сами. Дѣла же смѣшаннаго характера, т. е. такія, гдѣ кромѣ иностранцевъ были замѣшаны и мѣстные жители, хотя и разсматривались мѣстными судами, но все же вызовъ на судъ иностранца, наложеніе ареста на его имущество, самое его арестованіе, исполненіе рѣшеній суда,—все это принадлежало исключительно консульской власти; самый разборъ такихъ дѣлъ въ судѣ долженъ былъ совершаться въ присутствіи консульскаго чиновника. Естественно, что такое положеніе вещей нерѣдко вело къ злоупотребленіямъ со стороны консуловъ, которые желали распространить свою юрисдикцію и на мѣстныхъ жителей, искавшихъ ихъ покровительства. Вотъ противъ этихъ „капитуляцій" и ополчился кн. Дондуковъ-Корсаковъ, справедливо находя, что Болгарія болѣе не мусульманская страна и потому особыя права въ ней иностранныхъ консуловъ являются пережиткомъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду категорическаго приказа изъ Петербурга, пришлось подчиниться. И все же совѣтъ при императорскомъ комиссарѣ принялъ нѣкоторыя мѣры противъ злоупотребленій консуловъ въ Болгаріи. Этихъ консуловъ пригласили прислать губернаторамъ списки иностранцевъ, проживающихъ въ странѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было сообщено, что право покровительства

иностранныхъ консуловъ будетъ признано лишь по отношенію къ иностранцамъ, имѣющимъ паспорты отъ своихъ правительствъ.

Хотя миръ съ турками и былъ заключенъ, но въ нѣкоторыхъ пограничныхъ мѣстностяхъ возникли сильныя волненія, и императорскому комиссару, которому главнокомандующій дѣйствующей арміи подчинилъ всѣ войска какъ сѣверной Болгаріи, такъ филиппопольскаго и софійскаго отдѣловъ и адріанопольскаго генералъ-губернаторства, — приходилось, по объѣздѣ войсковыхъ частей и управленій, принять рѣшительныя мѣры къ водворенію порядка въ странѣ. Особенно сильно развилось такъ-называемое родопское возстаніе, начавшееся въ мусульманскихъ селахъ, расположенныхъ по теченію рѣки Арды и въ предгоріяхъ Родопы, и вскорѣ быстро распространившееся къ западу до Кюстендильскаго округа. Здѣсь въ сильно гористой и пересѣченной мѣстности, занятой по преимуществу селеніями помаковъ (болгаръ-магометанъ) и отчасти болгаръ-христіанъ, застряли шайки баши-бузуковъ и черкесовъ изъ разбитой подъ Филиппополемъ арміи Сулеймана-паши, къ которымъ присоединились отсталые нижніе чины и даже офицеры, а также бѣжавшіе изъ занятыхъ нами мѣстностей жители-мусульмане. Изъ нихъ составились отдѣльныя шайки и даже цѣлыя скопища, нападавшія на болгарскія селенія и грабившія ихъ. Они заставляли присоединиться къ себѣ и мѣстныхъ мусульманъ, которые до этого заявляли покорность русскимъ властямъ и просили даже о присылкѣ нашихъ войскъ для водворенія порядка въ ихъ мѣстностяхъ. Возстаніе быстро охватило всѣ родопскія селенія, такъ какъ поддерживалось и сосѣдними турецкими властями, и даже особыми проповѣдниками изъ Константинополя; у возставшихъ появились даже инструкторы—англичане. Численность этого ополченія доходила до 10.000 чел. при нѣсколькихъ орудіяхъ. Противъ нихъ дѣйствовали части нашего 9-го, а затѣмъ 13-го корпуса, но возстановить спокойствіе не могли. Князь Дондуковъ-Корсаковъ распорядился сдѣлать болѣе соотвѣтственное расположеніе нашихъ войскъ вдоль демаркаціонной линіи и выслалъ въ самыя горы подвижныя колонны, начальникамъ которыхъ было поручено объявить перебѣжчикамъ-мусульманамъ, что, они, за небольшими исключеніями, могутъ возвратиться на прежнія мѣста жительства. Благодаря этимъ мѣрамъ, порядокъ мало-по-малу возстановился въ предгоріяхъ Родопы, но возстаніе все-таки нельзя было считать окончательно потушеннымъ. Для разбора жалобъ родопскихъ мусульманъ была впослѣдствіи, на основаніи постановленія Берлинскаго конгресса, образована особая международная комиссія.

Въ пограничныхъ съ Сербіею округахъ Виддинской и Софійской губерніи, вслѣдствіе нѣкоторой неопредѣленности границъ, съ марта мѣсяца начались недоразумѣнія съ сербскими властями, принявшія ко времени пріѣзда императорскаго комиссара въ Филиппополь довольно рѣзкій характеръ. Князю Дондукову-Корсакову, для разбора этого дѣла, пришлось командировать въ Софію командира 9-го корпуса генералъ-лейтенанта Столыпина и просить главнокомандующаго послать особое лицо въ Бѣлградъ для установленія болѣе дружественныхъ отношеній съ сербами, которые вообще были очень недовольны Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Благоразумныя и соотвѣтственныя мѣры, принятыя генераломъ Столыпинымъ, привели мало-по-малу къ устраненію всякихъ пограничныхъ столкновеній съ сербскими властями.

Когда въ іюнѣ начались засѣданія конгресса представителей великихъ державъ въ Берлинѣ,—газетныя извѣстія о дѣятельности конгресса вызвали большую тревогу въ жителяхъ южной Болгаріи и Македоніи. Слухи о томъ, что эти области снова останутся подъ властью турокъ, вызвали многочисленныя петиціи къ императорскому комиссару, покрытыя подписями цѣлыхъ обществъ, съ выраженіемъ скорби и отчаянія и съ мольбою о заступничествѣ. Князю Дондукову-Корсакову приходилось нерѣдко лично успокаивать взволнованное населеніе, объясняя при этомъ, что положеніе вновь созидаемой автономной области „Восточная Румелія“ будетъ во всякомъ случаѣ несравненно лучше, чѣмъ въ турецкое время, и что болгарамъ слѣдуетъ покориться; въ противномъ случаѣ они вызовутъ только репрессіи и создадутъ новыя затрудненія ихъ доброжелательницѣ и освободительницѣ—Россіи. Тѣмъ не менѣе возбужденіе населенія жителей южной Болгаріи не проходило, и они прямо высказывали, что если и сохранится относительное спокойствіе въ области, то только на время русской оккупаціи. Но въ особенности тяжелымъ оказывалось положеніе Македоніи, гдѣ царила полная безурядица, и христіанское населеніе много страдало отъ насилій баши-бузуковъ и черкесовъ. Къ князю Дондукову-Корсакову безпрестанно приходили оттуда депутаціи изъ духовенства и именитыхъ людей съ просьбами о заступничествѣ, и ему оставалось только уговаривать ихъ—дожидаться терпѣливо рѣшенія ихъ судьбы Берлинскимъ конгрессомъ.

Административная дѣятельность управленія императорскаго комиссара выразилась въ это время въ введеніи гражданскаго управленія въ тѣхъ мѣстностяхъ Болгаріи, гдѣ оно еще не было организовано. Въ находившихся въ русскомъ управленіи 8-ми губерніяхъ оно не было введено лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ,

пограничныхъ съ Сербіей и съ крѣпостями Шумлой и Варной, а также въ Македоніи, которая не занималась нашими войсками. Было обращено особое вниманіе на организацію полицейской стражи и жандармовъ, для чего, по сношенію съ Петербургомъ, былъ командированъ изъ Россіи жандармскій полковникъ Янковскій. При его непосредственномъ содѣйствіи, совѣтомъ при имп. комиссарѣ былъ выработанъ и введенъ въ дѣйствіе проектъ правилъ по устройству полиціи въ княжествѣ Болгарскомъ и Восточной Румеліи.

Но главную заботу управленія императорскаго комиссара составляло созданіе болгарскаго земскаго войска, на которое, съ отходомъ русскихъ войскъ, можно было бы возложить охрану молодого княжества отъ враждебныхъ нападеній. Изъ мѣстнаго войска, составленнаго изъ волонтеровъ, существовало всего 12 пѣшихъ дружинъ Болгарскаго ополченія, принявшихъ доблестное участіе въ турецкой войнѣ и находившихся теперь въ слабомъ составѣ. Предположенія императорскаго комиссара по этому вопросу были представлены главнокомандующему 19-го іюня и были утверждены имъ. Они заключались въ призывѣ на службу по общей воинской повинности 20.400 болгаръ и образованіи изъ нихъ, вмѣстѣ съ существующими дружинами Болгарскаго ополченія, 27-ми пѣшихъ дружинъ, 6-ти конныхъ сотенъ и 7-ми батарей. Для исполненія этого плана были призваны только молодые люди 3-хъ возрастовъ: 20, 21 и 22 лѣтъ. Хотя „временными правилами“, составленными въ нашемъ главномъ штабѣ, было предвидѣно привлеченіе къ отбыванію воинской повинности всѣхъ молодыхъ людей въ Болгаріи въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ и составленіе этимъ путемъ земскаго войска втрое большей силы, но таковой призывъ оказался невозможнымъ, какъ слишкомъ тяжелый для страны въ финансовомъ и экономическомъ отношеніяхъ; при томъ же онъ потребовалъ бы отъ нашей арміи одновременно огромнаго кадра офицеровъ и нижнихъ чиновъ — инструкторовъ, а для вооруженія новобранцевъ – большого запаса оружія, огнестрѣльныхъ припасовъ и боевого снаряженія. Для сформированнаго такимъ образомъ Болгарскаго земскаго войска ружья, орудія, все боевое снаряженіе, предметы обмундированія и лошади для артиллеріи были выданы изъ запасовъ нашей дѣйствующей арміи, а лошади для конницы были пріобрѣтены впослѣдствіи покупкою отъ казаковъ, уходившихъ въ Россію. Кромѣ состоявшихъ въ Болгарскомъ ополченіи и по гражданскому управленію офицеровъ, пришлось взять для болгарскаго войска изъ дѣйствующей арміи 160 офицеровъ; особое вниманіе было обращено на выборъ кадровыхъ унтеръ-офицеровъ.

Совѣтъ при императорскомъ комиссарѣ озаботился также постройкою казармъ и приспособленіемъ турецкихъ правительственныхъ зданій къ помѣщенію дружинъ, съ устройствомъ при нихъ медицинской части. Въ Филиппополѣ былъ образованъ лагерный сборъ для Болгарскаго земскаго войска, гдѣ молодые болгары выказали большое рвеніе къ усвоенію себѣ военныхъ знаній. Этотъ сборъ закончился въ концѣ августа трехдневнымъ смотромъ князя Дондукова-Корсакова, производившимся при огромномъ стеченіи народа. Князь послѣ смотра подъѣхалъ къ дружинникамъ и отъ имени Государя Императора благодарилъ ихъ за быстрые успѣхи, достигнутые ими въ военномъ образованіи.

Избравъ мѣстомъ своего пребыванія городъ Софію, императорскій комиссаръ рѣшилъ изъ военныхъ учрежденій имѣть тамъ лишь военное училище, штабъ же Болгарскаго земскаго войска, а также вновь сформированныя учебную дружину и двѣ саперныя роты перевести въ Тырново.

Имѣя въ виду скорый переѣздъ въ новую резиденцію, князь Дондуковъ-Корсаковъ позаботился о скорѣйшемъ введеніи въ Восточной Румеліи всѣхъ предположенныхъ для Болгаріи преобразованій. Такъ, имъ были сдѣланы распоряженія о формированіи дружинъ мѣстнаго земскаго войска и объ установленіи въ Филиппопольскомъ и Сливенскомъ санджакахъ, долженствующихъ составить область „Восточную Румелію“, всѣхъ тѣхъ порядковъ и учрежденій, которые предположено было ввести въ княжествѣ Болгарскомъ, кромѣ, впрочемъ, относящихся къ финансовой части, такъ какъ, по постановленію Берлинскаго конгресса, устройство этой части поручалось международной комиссіи. Чтобы хотя отчасти возмѣстить расходы нашего правительства на содержаніе румелійскаго земскаго войска, русское управленіе прибѣгло къ спѣшной распродажѣ части собранной въ Филиппопольскомъ и Сливенскомъ санджакахъ десятины съ полей, для чего были вызваны чрезъ мѣстныя и константинопольскія газеты хлѣбные торговцы. Наиболѣе выгодными оказались условія, предложенныя французомъ Марешалемъ, которому и была запродана „десятина“, а въ видѣ задатка отъ него получено 3 мил. франковъ. Вопросъ объ этихъ деньгахъ, переведенныхъ потомъ въ софійское казначейство, доставилъ много хлопотъ и переписки императорскому комиссару.

По соглашенію съ главнокомандующимъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ назначилъ генералъ-губернаторомъ Восточной Румеліи командира 9-го корпуса, генералъ-лейтенанта Столыпина, которому предоставилъ всю инспекторскую и полицейскую часть по гражданскому управленію, а также подчинилъ ему мѣстныя болгарскія

дружины, но высшее наблюденіе и руководство въ дѣлахъ управленія областью онъ сохранилъ за собою. Выѣхалъ кн. Дондуковъ-Корсаковъ изъ Филиппополя 10-го октября и прибылъ въ Софію 12-го. Прощаясь съ прибывшими проводить его именитыми румеліотами, онъ обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой совѣтовалъ ждать выясненія событій, не компрометтировать дѣла безполезными манифестаціями и не дѣлать напрасныхъ затрудненій ихъ освободительницѣ—Россіи.

Заключенный 1-го іюля 1878 г. Берлинскій мирный договоръ существенно видоизмѣнилъ постановленія Санъ-Стефанскаго договора. Предложенныя для Болгаріи границы значительно сократились, и при томъ даже изъ областей, занятыхъ русскими войсками, были образованы двѣ провинціи: Болгарское княжество, обнимающею собою Придунайскую Болгарію и небольшую часть южной съ городомъ Софіей, и автономная область Восточная Румелія, въ которую должна была войти вся остальная южная Болгарія; Македонія и Адріанопольскій вилайетъ оставались подъ властью Турціи. Княжество Болгарія должно было управляться избраннымъ нотаблями страны княземъ, остававшимся все-таки данникомъ султана; Восточная же Румелія—генералъ-губернаторомъ, назначеннымъ султаномъ съ согласія великихъ державъ. Срокъ пребыванія нашихъ войскъ (численностью до 50 тысячъ) какъ въ княжествѣ, такъ и въ области, былъ опредѣленъ трактатомъ въ 9 мѣсяцевъ со времени обмѣна ратификацій. Такимъ образомъ для русскаго управленія являлась необходимость закончить свои организаціонныя работы въ продолженіе 9-ти мѣсяцевъ, вмѣсто предполагавшихся по Санъ-Стефанскому договору двухъ лѣтъ.

Берлинскимъ договоромъ было опредѣлено и мѣсто созыва именитыхъ болгарскихъ людей для выработки органическаго статута и выбора князя—городъ Тырново, древняя столица Болгаріи. Сюда же имѣлось въ виду перенести и резиденцію императорскаго комиссара, а потомъ образовать тамъ же и столицу княжества. Но противъ этого сильно возсталъ (въ значительной степени подъ вліяніемъ М. С. Дринова) кн. Дондуковъ-Корсаковъ, который настаивалъ на переносѣ своей резиденціи въ г. Софію. Въ своихъ письмахъ къ военному министру онъ мотивировалъ это мнѣніе тѣмъ, что въ Софіи ему будетъ удобнѣе слѣдить за политическимъ настроеніемъ населенія В. Румеліи и Македоніи и своевременно принимать мѣры къ его возможному успокоенію; при томъ же облегчалась для него возможность сношеній съ Константинополемъ и Россіей и управленіе войсками. Всѣ эти соображенія возымѣли свое дѣйствіе, и князю Дондукову-Корсакову было сообщено, что

Государь Императоръ одобрилъ его предположенія и разрѣшаетъ ему перенести свою резиденцію въ Софію, но съ тѣмъ, чтобы этому перемѣщенію былъ данъ сколько возможно очевиднѣе характеръ распоряженія временнаго, нисколько не предрѣшающаго вопроса о выборѣ на будущее время пункта для центральнаго управленія княжества Болгарскаго.

Изъ постановленій Берлинскаго трактата особенное сомнѣніе возбуждала въ императорскомъ комиссарѣ ст. 41, по которой контроль подъ его дѣйствіями предоставлялся иностраннымъ консуламъ. Но министерство иностранныхъ дѣлъ разъяснило князю, что такъ какъ тою же статьею договора временное управленіе княжествомъ до выработки органическаго статута поручено россійскому императорскому комиссару, то ему надлежитъ не допускать иностранцевъ вмѣшиваться въ дѣла управленія. Въ этомъ случаѣ наше министерство иностранныхъ дѣлъ, которое такъ часто упрекали въ излишней уступчивости иностраннымъ кабинетамъ, выказало большую твердость. Въ дополнительной инструкціи, данной имъ князю Дондукову-Корсакову послѣ Берлинскаго конгресса, ему рекомендовалось обратить особое вниманіе: 1) на сформированіе болгарскаго земскаго войска, 2) на изготовленіе до истеченія срока оккупаціи органическаго статута съ такимъ разсчетомъ, чтобы и выборы болгарскаго князя состоялись еще во время нашего управленія краемъ, 3) на своевременный выводъ изъ Болгаріи всѣхъ турецкихъ войскъ и на обезоруженіе всѣхъ прежнихъ крѣпостей, 4) на организацію полиціи—земской и городской и на устройство жандармской части и 5) на соблюденіе мѣстными властями правилъ о преимуществахъ иностранныхъ подданныхъ.

Дѣятельность императорскаго комиссара въ Болгаріи подвергалась тщательному наблюденію военнаго министра Д. А. Милютина, который требовалъ обстоятельныхъ донесеній по всѣмъ существеннымъ вопросамъ, касающимся болгарскихъ дѣлъ, и докладывалъ о нихъ Государю. Кромѣ того кн. Дондуковъ-Корсаковъ доносилъ о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ главнокомандующему дѣйствующей арміи (до его отъѣзда изъ Болгаріи) и велъ постоянную переписку съ нашимъ посломъ въ Константинополѣ, кн. Лобановымъ-Ростовскимъ, а впослѣдствіи и съ управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ статсъ-секретаремъ Гирсомъ. Такимъ образомъ недостатка въ указаніяхъ относительно направленія дѣятельности русскаго управленія въ Болгаріи у императорскаго комиссара не было. Насколько самъ онъ былъ воодушевленъ порученнымъ ему дѣломъ, видно изъ письма его къ военному министру отъ 25 сентября, въ которомъ онъ заявлялъ между прочимъ:

...„я давно уже пожертвовалъ и самолюбіемъ своимъ и во многихъ случаяхъ даже достоинствомъ, посвятивъ себя всецѣло задачѣ, возложенной на меня дорогимъ довѣріемъ Государя. Ничто не остановитъ меня въ исполненіи трудной и неблагодарной роли моей. Надѣюсь, что физическія силы мои и крѣпкое здоровье не подломятся подъ гнетомъ нравственныхъ испытаній моихъ, и что Богъ поможетъ мнѣ довести до конца порученное мнѣ святое дѣло. Въ самыхъ затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ мною, почерпаю нравственный стимулъ и энергію для осуществленія указанныхъ мнѣ державною волею высокихъ цѣлей". Нужно замѣтить, что мало освѣдомленный въ славянскихъ дѣлахъ, кн. Дондуковъ-Корсаковъ въ вопросахъ, касающихся Болгаріи, охотно выслушивалъ мнѣнія компетентныхъ лицъ, въ особенности болгарина профессора Дринова, завѣдывавшаго отдѣломъ народнаго просвѣщенія. Указаніямъ же получаемымъ изъ Петербурга, князь не всегда подчинялся слѣпо, въ нѣкоторыхъ случаяхъ (какъ, напр., въ вопросѣ о резиденціи) онъ упорно отстаивалъ свою точку зрѣнія и добивался ея утвержденія.

Одинъ только разъ высказалъ Александръ II неодобреніе дѣятельности кн. Дондукова-Корсакова — это по поводу его отношенія къ броженію въ Македоніи. Волненія въ этой несчастной области начались тотчасъ послѣ окончанія турецкой войны. Послѣ подписанія Санъ-Стефанскаго договора, русскимъ гражданскимъ управленіемъ было предположено ввести не медля въ Македоніи тѣ же порядки, которые были заведены въ Сѣверной Болгаріи. Съ этою цѣлью былъ назначенъ въ концѣ февраля губернаторъ для Македоніи и 70 офицеровъ для занятія второстепенныхъ административныхъ мѣстъ въ этой области; а по военному вѣдомству дѣлались приготовленія къ занятію Македоніи отдѣльнымъ кавалерійскимъ отрядомъ, а также предполагалось осуществить мысль о формированіи мѣстныхъ четъ. Вѣсти объ этомъ не могли, конечно, не дойти до македонцевъ и не возбудить въ нихъ радостной надежды на скорое окончаніе мусульманскаго ига. Тѣмъ сильнѣе было ихъ разочарованіе, когда сдѣлалось извѣстнымъ постановленіе Берлинскаго конгресса — оставить все по-прежнему въ Македоніи, обязавъ лишь Порту ввести мѣстныя реформы. Къ князю Дондукову-Корсакову являлись депутаціи и въ Филиппополь и потомъ въ Софію—просить совѣта и заступничества. Но что онъ могъ сдѣлать для нихъ, кромѣ поданія совѣта—избѣгать всякихъ насилій и возстаній?

Тѣмъ не менѣе христіанское населеніе Македоніи не могло оставаться спокойнымъ, когда его грабили баши-бузуки, поднима-

лось возстаніе и въ сосѣдней Албаніи, и начиналось движеніе къ его границамъ австрійскихъ войскъ. Въ самомъ Болгарскомъ княжествѣ было немало македонцевъ, преимущественно изъ бывшихъ ратниковъ Болгарскаго ополченія, которые стали основывать „комитеты единства“ съ цѣлью помочь, при содѣйствіи общественной благотворительности, страждущимъ землякамъ. Эти комитеты, образованные вначалѣ въ городахъ Тырново и Виддинѣ братьями Діамандіевыми, имѣли видъ благотворительныхъ учрежденій, хотя тайною ихъ цѣлью было добыть средства на формированіе возстаническихъ четъ. И дѣйствительно, съ октября мѣсяца стали переходить изъ Болгаріи черезъ македонскую границу отряды усташей преимущественно изъ пограничныхъ Джумайскаго и Кюстендильскаго округовъ. Главными вожаками ихъ были: отставной сотникъ войска Донского Калмыковъ и полякъ, эмигрировавшій въ 1863 г. изъ Россіи, Войткевичъ, называвшій себя капитаномъ французскаго генеральнаго штаба. Число этихъ усташей не превосходило 1.500 чел. Поддержанные въ предѣлахъ Македоніи мѣстными жителями, они дѣйствовали вначалѣ съ нѣкоторымъ успѣхомъ противъ турокъ, но впослѣдствіи были разсѣяны, и самъ Калмыковъ попалъ въ заточеніе, а Войткевичъ перебѣжалъ въ Румынію.

Управленіе императорскаго комиссара смотрѣло вначалѣ сквозь пальцы на формированіе македонскихъ четъ въ предѣлахъ княжества, что̀ и вызвало письмо русскаго консула въ Восточной Румеліи князя Церетелева къ нашему послу въ Константинополѣ, а послѣдній донесъ объ этомъ министерству иностранныхъ дѣлъ. Послѣдствіемъ этого было письмо (отъ 19-го октября) императора Александра II главнокомандующему дѣйствующей арміи, съ слѣдующими словами:

„Свѣдѣнія, сообщаемыя кн. Лобановымъ, о которыхъ ты узналъ только изъ моей шифрованной телеграммы отъ 17-го, не могли не произвести на тебя такого же впечатлѣнія, какъ и на меня, тѣмъ болѣе, что они совершенно противны моимъ видамъ и повелѣніямъ. Не понимаю въ этомъ случаѣ дѣйствій князя Дондукова; непростительно было бы, если формированіе болгарскихъ шаекъ въ занятыхъ нами частяхъ края и подписка, будто бы собираемая для сего между русскими, были не извѣстны князю Дондукову, и подавно, если она дѣлалась съ его вѣдома, о чемъ онъ доселѣ умалчивалъ. Съ нетерпѣніемъ буду ждать теперь его разъясненій. Передай князю Дондукову, чтобы онъ былъ болѣе осмотрителенъ въ разговорахъ своихъ вообще, а въ особенности съ иностранцами, ибо мнѣ извѣстно, что всѣ слова его комментируются самымъ зло-

стнымъ образомъ нашими недоброжелателями, при чемъ въ чистотѣ его намѣреній я не сомнѣваюсь, но скромность и осмотрительность въ его высокомъ положеніи необходимы".

Послѣ этого македонскіе комитеты въ Болгаріи были закрыты, и формированіе четъ въ княжествѣ больше не допускалось.

Попутно съ устройствомъ учебной, судебной и финансовой части въ княжествѣ, въ центральномъ управленіи императорскаго комиссара посвящалось много вниманія выполненію одной изъ главныхъ задачъ русскаго управленія—выработкѣ органическаго статута для княжества.

По достаточномъ ознакомленіи съ политическими, экономическими и общественными условіями Болгаріи, князь Дондуковъ-Корсаковъ пришелъ къ убѣжденію, что было бы ошибкою предоставить болгарамъ послѣ почти пятивѣкового рабства самимъ вырабатывать основы ихъ новой государственной жизни. Онъ полагалъ за лучшее дать имъ на первыхъ порахъ такое государственное устройство, которое исподоволь пріучало бы ихъ разумно и спокойно пользоваться правами представительства и могло бы воспитать въ нихъ истинное пониманіе политической свободы и гражданскаго долга. Въ видахъ этого въ совѣтѣ императорскаго комиссара и было приступлено къ предварительнымъ работамъ по составленію устава, при чемъ были сдѣланы извлеченія изъ конституцій Сербіи, Румыніи и Греціи, какъ наиболѣе подходящихъ къ условіямъ и положенію будущаго княжества Болгарскаго. Въ то же время былъ разосланъ выдающимся болгарамъ духовнаго и свѣтскаго званія (числомъ до 20) рядъ вопросовъ, имѣвшихъ цѣлью выясненіе вопросовъ объ учредительномъ собраніи и выборѣ болгарскаго князя. Почти всѣ лица, которымъ посылались эти вопросы, высказались за конституціонную форму правленія, въ виду главнымъ образомъ того, что въ князья, какъ слѣдовало ожидать, будетъ выбранъ иностранецъ, которому опасно было предоставить неограниченную власть. Составленный при управленіи императорскаго комиссара и соображенный съ мнѣніями выдающихся болгаръ, проектъ органическаго статута былъ препровожденъ въ началѣ ноября въ министерство иностранныхъ дѣлъ, откуда по разсмотрѣніи его, перешелъ въ военное министерство и затѣмъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ подвергнутъ подробному пересмотру особой комиссіи при II отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеляріи съ участіемъ профессора государственнаго права въ С.-Петербургскомъ университетѣ Градовскаго (предсѣдателемъ комиссіи былъ князь С. Н. Урусовъ, а членами: статсъ-секретарь Брунъ и вице-директоръ азіатскаго департамента м. и. д. Мельниковъ). Проектъ

устава съ приложеніемъ свода всѣхъ сдѣланныхъ замѣчаній былъ возвращенъ въ декабрѣ императорскому комиссару, при чемъ рекомендовалось предоставить болгарскому народному собранію полную свободу высказывать мнѣнія по существу дѣла и постановлять рѣшенія.

Исправленный проектъ, по приказанію кн. Дондукова-Корсакова, былъ переведенъ на болгарскій языкъ и затѣмъ отпечатанъ на русскомъ и болгарскомъ языкахъ, а открытіе народнаго собранія въ Тырново было назначено на 10 февраля 1879 г. Въ члены тырновскаго учредительнаго народнаго собранія было избрано народонаселеніемъ Болгарскаго княжества 89 чел., по званію своему вступило въ собраніе 117 чел. (10 лицъ высшаго православнаго духовенства, 2 иновѣрческаго, 2 члена суда высшей инстанціи, 103 предсѣдателей судовъ и управительныхъ совѣтовъ), 3 депутата отъ учрежденій и обществъ и 21 по назначенію, императорскаго комиссара (въ томъ числѣ 11 мусульманъ). Благодаря этой системѣ въ число депутатовъ попалъ, можно сказать, весь цвѣтъ болгарской интеллигенціи. Представители В. Румеліи и Македоніи не были допущены къ присутствованію въ тырновскомъ народномъ собраніи, такъ какъ наше правительство желало строго соблюсти постановленія Берлинскаго трактата.

Тѣмъ не менѣе въ Тырново собралось въ началѣ февраля до 15-ти депутатовъ Ѳракіи, В. Румеліи и Македоніи. Частныя собранія съѣхавшихся депутатовъ сдѣлались очень бурны. Болѣе всего ихъ волновало отдѣленіе отъ княжества В. Румеліи. Большинство депутатовъ держалось того мнѣнія, что необходимо было послать адресъ императору Александру II и представить великимъ европейскимъ державамъ меморандумъ о присоединеніи къ княжеству В. Румеліи и объ упроченіи судьбы Македоніи; до полученія же отвѣта не приступать къ пересмотру устава и даже собранія не открывать.

Извѣстіе о такомъ настроеніи депутатовъ произвело очень тяжелое впечатлѣніе въ Петербургѣ, и князю Дондукову было предписано принять самыя энергическія мѣры для предупрежденія всякихъ попытокъ къ нарушенію трактата. Съ прибытіемъ князя Дондукова въ Тырново 8-го февраля настроеніе депутатовъ значительно измѣнилось. Благодаря обходительности и привѣтливости князя, ему вполнѣ удалось овладѣть довѣріемъ большинства собранія и склонить депутатовъ къ исполненію воли Царя-Освободителя. 10-го февраля было торжественно открыто имп. комиссаромъ народное собраніе, а на слѣдующій день произведенъ смотръ болгарскимъ дружинамъ.

Для предварительнаго ознакомленія съ уставомъ, собраніемъ была избрана особая комиссія, но не оправдала возлагаемыхъ на нее надеждъ, и собраніе перешло къ разсмотрѣнію устава по главамъ. Чтеніе устава вызвало въ народномъ собраніи продолжительныя и горячія пренія. Кромѣ того внѣ залы засѣданій, въ помѣщеніи училища при церкви св. Николая, стали собирать особыя неоффиціальныя собранія, въ которыхъ принимали также участіе румелійскіе и македонскіе депутаты. Резолюціи этого собранія имѣли большое вліяніе на рѣшенія депутатовъ народнаго собранія. Въ этихъ засѣданіяхъ стали складываться народныя болгарскія партіи. Произносившіе задорныя патріотическія рѣчи Д. Цанковъ, Петко Каравеловъ и Славейковъ сдѣлались главарями „либеральной“ партіи, а ихъ болѣе умѣренные противники, Грековъ, Стоиловъ, Икономовъ, оказались „консерваторами“. Расколъ между ними все болѣе и болѣе увеличивался по мѣрѣ обсужденія проекта устава, при чемъ большинство собранія шло за либералами.

Выработанный тырновскимъ народнымъ собраніемъ уставъ получилъ названіе „Тырновской конституціи“. Онъ, по сравненію съ русскимъ проектомъ, ограничилъ власть князя и расширилъ права народнаго собранія. Вообще русскій проектъ держался болѣе сербскаго устава, тогда какъ новый уставъ приблизился къ бельгійской конституціи. Главнѣйшія особенности новаго устава, по сравненію съ русскимъ проектомъ, заключались въ слѣдующемъ. Онъ установилъ полную свободу печати, собраній и составленія обществъ, „если цѣль и средства этихъ обществъ не наносили вреда государственному и общественному порядку, религіи и добрымъ нравамъ“; титулы благородства и другія отличія, а равно и ордена не допускаются; статьи русскаго проекта о государственномъ совѣтѣ отвергнуты; содержаніе князя уменьшено съ 1 мил. на 600 тыс. франковъ; депутатами народнаго собранія могутъ быть только лица, избранныя народомъ, а не по назначенію отъ власти; законодательный починъ принадлежитъ князю и народному собранію; министры признаны отвѣтственными предъ княземъ и народнымъ собраніемъ. Тырновская конституція была подписана уполномоченнымъ импер. комиссара Лукьяновымъ, утверждена самимъ комиссаромъ и, по его ходатайству, одобрена императоромъ Александромъ II. Закрытіе тырновскаго учредительнаго собранія сопровождалось овраціями князю Дондукову-Корсакову. Популярность его среди депутатовъ была такъ велика, что, по словамъ болгарскаго историка Драндара, если бы русское правительство согласилось, то онъ непремѣнно былъ бы избранъ въ князья Болгаріи.

Для избранія перваго болгарскаго князя было собрано 15 ап-

рѣля великое народное собраніе въ Тырново. Относительно кандидата на болгарскій престолъ происки и интриги начались еще съ начала войны. Вначалѣ выступили румынскіе князья Бибеско и Эмануилъ Богориди. Затѣмъ стали хлопотать сербскій князь Миланъ и румынскій князь Карлъ. Но среди болгаръ эти кандидаты не пользовались популярностью, да и европейскіе кабинеты несочувственно относились къ мысли о соединеніи двухъ балканскихъ княжествъ подъ однимъ скипетромъ. Болѣе шансовъ на избраніе имѣлъ родственникъ князя Черногорскаго воевода Божидаръ Петровичъ, но его кандидатура не могла быть принята сочувственно европейскими дворами. Менѣе всего препятствій встрѣчала кандидатура принца Александра Баттенберга, племянника русской Царицы Маріи Александровны; при томъ же было извѣстно, что избранія его желаетъ и Царь-Освободитель. По словамъ автора нѣсколькихъ книгъ о Болгаріи чеха К. Иречка, выборы происходили слѣдующимъ образомъ. Послѣ обычныхъ формальностей митрополитъ тырновскій Климентъ провозгласилъ имена трехъ кандидатовъ: принца Рейса, принца Вальдемара Датскаго и принца Александра Баттенбергскаго, при чемъ назвалъ послѣдняго русскимъ кандидатомъ и упомянулъ о его участіи съ русскими войсками въ освободительной войнѣ. Тогда въ собраніи поднялась цѣлая буря восторженныхъ криковъ, и Александръ Баттенбергскій былъ единогласно провозглашенъ болгарскимъ княземъ, подъ именемъ Александра I.

Дождавшись пріѣзда юнаго князя (ему было тогда всего 22 года), кн. Дондуковъ-Корсаковъ въ концѣ іюня отбылъ черезъ Варну въ Россію. Къ 20 іюля Болгарское княжество и В. Румелія были очищены русскими войсками. Въ управленіе болгарскимъ военнымъ министерствомъ вступилъ русскій генералъ Паренсовъ. Всѣ чиновники русской администраціи въ Болгаріи были замѣнены болгарами. Въ болгарской казнѣ оставалось болѣе 15 милліоновъ франковъ.

Назначеніе князя Дондукова-Корсакова русскимъ императорскимъ комиссаромъ въ Болгаріи было вообще дѣломъ весьма удачнымъ. Получивъ юридическое образованіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ, сдѣлавшись потомъ заслуженнымъ боевымъ генераломъ и пріобрѣвъ административный опытъ въ управленіи обширнымъ юго-западнымъ краемъ Россіи, князь Александръ Михайловичъ какъ нельзя болѣе подходилъ для роли устроителя Болгаріи. Къ этому нужно прибавить, что, будучи горячимъ русскимъ патріотомъ, онъ былъ чуждъ всякой рутины и обладалъ энергическимъ, открытымъ и общительнымъ характеромъ. Недостаткомъ

князя была его способность легко воспламеняться и говорить и дѣйствовать иногда недостаточно обдуманно; но за нимъ внимательно слѣдило столько враждебныхъ глазъ, всякая его неосторожность, чрезмѣрно раздутая, такъ быстро дѣлалась достояніемъ иностранной печати, что онъ очень скоро послѣ своего назначенія въ Болгарію сдѣлался сдержаннымъ и осмотрительнымъ,—въ особенности же послѣ выговора, полученнаго имъ отъ Государя за македонскія дѣла и неосторожныя бесѣды съ иностранцами. Не хватало у князя Дондукова-Корсакова и знаній по части славянскихъ дѣлъ и восточнаго вопроса, но у него было достаточно благоразумія, чтобы въ своихъ рѣшеніяхъ опираться на совѣты свѣдущихъ людей. Этому помогалъ какъ нельзя болѣе и прекрасный составъ членовъ его совѣта: Домантовичъ, Золотаревъ, Грессеръ, Лукьяновъ и Дриновъ были люди, вполнѣ стоящіе на высотѣ своего положенія и способные вести дѣло организаціи молодого славянскаго княжества. Лица высшаго административнаго персонала (губернаторы, вице-губернаторы, окружные начальники и полиціймейстеры), если и не были безукоризненны, какъ администраторы, то все же были удовлетворительными проводниками въ жизнь предначертаній совѣта при императорскомъ комиссарѣ. Нужно замѣтить при этомъ, что князь Дондуковъ-Корсаковъ отнюдь не покрывалъ соотечественниковъ, у которыхъ оказались злоупотребленія по должности: два губернатора и три окружныхъ начальника и полиціймейстера были отчислены имъ изъ состава гражданскаго управленія, а одинъ окружный начальникъ былъ даже преданъ военному суду. Къ дѣлу организаціи Болгарскаго княжества князь Дондуковъ относился не только съ интересомъ и усердіемъ, но даже сердечно. Пережитыя имъ тревоги и волненія на высокомъ посту императорскаго комиссара не могли не оставить на немъ замѣтныхъ слѣдовъ. Несмотря на цвѣтущее здоровье, князь чувствовалъ къ концу оккупаціи свои силы надломленными и свои нервы утомленными отъ долгаго напряженія,—какъ онъ сообщалъ въ одномъ письмѣ своему другу, князю Лобанову-Ростовскому (тогдашнему русскому послу въ Константинополѣ). „Съ большимъ удовольствіемъ и нетерпѣніемъ,—продолжалъ онъ,—думаю я о времени моего освобожденія, чтобы въ частной жизни забыть вынесенныя мною разочарованія, униженія и интриги въ той средѣ и при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ мнѣ приходилось дѣйствовать, хотя мое поведеніе всегда было прямое и лойяльное и сообразовалось съ интересами моей родины“.

Въ русской печати не обошлось безъ нападокъ на князя Дондукова-Корсакова за его дѣятельность въ Болгаріи—и, по моему мнѣ-

нію, совершенно несправедливо. Главнымъ обвинителемъ является профессоръ Милюковъ, который въ своей статьѣ о болгарской конституціи [1]) говоритъ слѣдующее: „Князь Дондуковъ, какъ извѣстно (?), самъ имѣлъ весьма опредѣленные виды на болгарскій престолъ и дѣлалъ все, чтобы заслужить себѣ широкую популярность и подготовить, такимъ образомъ, свое избраніе. Онъ держался очень опредѣленной линіи по главному вопросу, волновавшему тогда болгарскихъ патріотовъ: по вопросу о возстановленіи „цѣлокупной Болгаріи", разрушенной Берлинскимъ конгрессомъ. Вмѣстѣ съ многими офицерами оккупаціоннаго корпуса онъ непрочь былъ затянуть оккупацію дальше срока, опредѣленнаго конгресомъ, и, повидимому, однимъ изъ средствъ для этой цѣли считалъ распущеніе Тырновскаго собранія,—на что одно время соглашались и радикалы изъ „нотаблей" (Каравеловъ и Славейковъ). Какъ увидимъ, болгарская осторожность и здравый смыслъ въ данномъ случаѣ побѣдили, давъ перевѣсъ умѣренному, среднему мнѣнію въ собраніи. Положительныя приказанія изъ Петербурга также скоро положили конецъ агитаціи Дондукова. Тырновскій конгрессъ принужденъ былъ примириться съ фактомъ раздробленія Болгаріи и мирно приступить къ выработкѣ Устава. Но въ этой стадіи, уже установившіяся добрыя отношенія русскаго комиссара къ либеральной партіи собранія, повидимому, продолжались, что̀ и отразилось на допущеніи полной свободы рѣшеній".

Не знаю откуда заимствовалъ эти свѣдѣнія г. Милюковъ,—могу сказать, что они не только не подтверждаются, а, напротивъ, опровергаются находившимися въ моемъ распоряженіи документами. Предоставляемъ судить объ этомъ читателямъ.

Изъ переписки князя Дондукова съ военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ видно, что вопросъ о кандидатѣ на болгарскій престолъ поднимался имъ еще въ началѣ сентября 1878 г., слѣдовательно, задолго до созыва Тырновскаго собранія. Князь Дондуковъ предполагалъ тогда, что никакой кандидатуры не слѣдуетъ выдвигать до созыва учредительнаго собранія. По его словамъ, „на этомъ собраніи опредѣлятся стремленія разныхъ партій и выяснятся въ извѣстной степени шансы того или другого кандидата, за чѣмъ я не примину зорко слѣдить, а по распущеніи собранія и до вторичнаго созыва его будущей весной для избранія князя, можно будетъ подготовить умы къ выбору того лица, которое окажется болѣе подходящимъ для нашихъ цѣлей и представитъ менѣе того за-

[1]) См. «Русское Богатство» 1904 г., № 8.

трудненій къ признанію его европейскими кабинетами“ [1]). Вслѣдъ за тѣмъ въ дипломатическихъ кружкахъ и въ печати шло обсужденіе возможныхъ кандидатуръ на болгарскій престолъ, при чемъ, между прочимъ, выяснилось, что кандидатура близкаго родственника князя Черногорскаго, воеводы Божидара Петровича, не могла быть одобрена европейскими кабинетами. Объ этомъ сообщалъ также князю Дондукову-Корсакову и статсъ-секретарь Гирсъ. Какимъ же образомъ при такихъ условіяхъ императорскій комиссаръ могъ имѣть „весьма опредѣленные виды на болгарскій престолъ?“ Если даже кандидатура черногорскаго воеводы представлялась непріемлемой, то какъ могъ русскій князь питать надежду на то, что на его избраніе согласятся европейскіе кабинеты? Очевидно, это совершенно неправдоподобное обвиненіе. Очень можетъ быть, что самолюбію князя Дондукова льстила мысль сдѣлаться владѣтельнымъ княземъ славянскаго государства, но онъ былъ человѣкъ достаточно здравомыслящій, чтобы понимать невозможность осуществленія подобной идеи. Объ этомъ говоритъ и все поведеніе его во время засѣданій Тырновскаго народнаго собранія.

Совершенно невѣрно также утвержденіе г. Милюкова, будто князь Дондуковъ-Корсаковъ „непрочь былъ затянуть оккупацію дальше срока, опредѣленнаго конгресомъ, и, повидимому, однимъ изъ средствъ для этой цѣли считалъ распущеніе Тырновскаго собранія,—на что одно время соглашались и радикалы нотаблей (Каравеловъ и Славейковъ)“. Еще 23 января 1879 г., слѣдовательно, до открытія народнаго собранія (послѣдовавшаго 10 февраля) Александръ II телеграфировалъ главнокомандующему дѣйствующей арміи, генералу Тотлебену: „Ни въ какомъ случаѣ не допускаю возможности не только дальнѣйшаго оставленія арміи за границею, но и продленія оккупаціи далѣе срока, назначеннаго Берлинскимъ трактатомъ. Сообщи это категорически князю Дондукову“.—Могъ ли послѣдній ослушаться столь ясно выраженной Монаршей воли?

Какъ только были созваны депутаты для народнаго собранія въ Тырново, среди нихъ открылась сильная агитація со стороны румелійцевъ и македонцевъ, направленная къ тому, чтобы собранія не открывать и подать протестъ кабинетамъ великихъ державъ противъ расчлененія Болгаріи. Князь Дондуковъ, пріѣхавъ въ Тырново, вступилъ въ переговоры съ выдающимися депутатами и склонилъ ихъ къ открытію народнаго собранія. Вотъ что говоритъ онъ объ этомъ въ письмѣ (отъ 15 февраля) къ князю Лобанову-Ростов-

[1]) «Сборникъ матеріаловъ по исторіи гражданскаго управленія и оккупаціи въ Болгаріи въ 1877—78—79 г.г.», вып. 5-й, стр. 45.

скому: „Огромныхъ усилій стоило мнѣ осуществить открытіе собранія, въ которомъ депутаты, до пріѣзда моего, рѣшились не присутствовать, подавъ заявленіе о невозможности обсужденія устава до присоединенія Румеліи. Собраніе тѣмъ не менѣе было открыто при восторженномъ настроеніи всѣхъ; въ теченіе двухъ первыхъ дней я положительно владѣлъ дѣломъ, но нисколько не увлекался успѣхомъ, зная настойчивость характера болгаръ и сознавая, что временное увлеченіе ихъ должно было скоро замѣниться новымъ стремленіемъ къ осуществленію ихъ надеждъ. Дѣйствительно, съ 13 числа частныя ихъ совѣщанія получили опять прежнее возбужденное настроеніе, съ которымъ и до настоящаго времени борюсь. Съ утѣшеніемъ вижу однако же, что партія крайняя замѣтно ослабѣваетъ, и ежели нѣтъ еще полной увѣренности въ удержаніи депутатовъ на почвѣ спокойнаго исполненія ихъ мандата—исключительной разработки представленнаго собранію органическаго устава, то съ сегодняшняго для по крайней мѣрѣ опасеніе мое безпорядка значительно уменьшилось“ [1]).

Когда работа собранія наладилась, князь Дондуковъ предпринялъ поѣздку въ Рущукъ, Шумлу и Варну, гдѣ имѣлъ свиданіе съ генералъ-адъютантомъ Тотлебеномъ. Поѣздка эта была предпринята главнымъ образомъ для того, чтобы не дать повода къ обвиненію со стороны недоброжелателей въ происках и стремленіи производить давленіе на депутатовъ собранія. Нужно прибавить, что въ своей рѣчи при открытіи Тырновскаго собранія императорскій комиссаръ, на основаніи инструкцій, полученныхъ изъ Петербурга, сообщилъ собранію, что депутатамъ предоставляется полная свобода въ высказываніи мнѣній и принятіи рѣшеній по поводу проекта органическаго устава. Такимъ образомъ увѣреніе г. Милюкова, будто допущеніе полной свободы рѣшеній собранія было результатомъ установившихся добрыхъ отношеній либеральной партіи съ княземъ Дондуковымъ,—совершенно неосновательно.

Во время отсутствія императорскаго комиссара изъ Тырново крайнія партіи собранія опять взяли верхъ—и дѣло разсмотрѣнія устава пріостановилось. Тогда князь Дондуковъ поспѣшилъ возвратиться въ Тырново и черезъ своего уполномоченнаго, управляющаго судебнымъ отдѣломъ Лукьянова, сдѣлалъ напоминаніе собранію, что если порядокъ въ княжествѣ не будетъ установленъ на основаніи постановленій Берлинскаго конгресса, то русское управленіе не будетъ имѣть возможности сдѣлать что-либо для Болгаріи. Это заявленіе, сдѣланное отъ имени императорскаго комиссара, повліяло

[1]) Тамъ же, стр. 258.

охлаждающимъ образомъ на собраніе; съ тѣхъ поръ депутаты занялись своимъ дѣломъ, и порядокъ въ собраніи болѣе не нарушался. По этому поводу статсъ-секретарь Гирсъ писалъ князю Дондукову-Корсакову: „Я вполнѣ понимаю трудность настоящаго положенія Вашего въ виду партій, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ различныхъ побужденій, и не могу не отдать Вамъ полной справедливости въ томъ, что благоразумнымъ образомъ дѣйствій и сближеніемъ съ благонамѣренными депутатами Вы успѣли дать дѣламъ оборотъ, согласный съ взглядами и намѣреніями Императорскаго правительства. Министерство увѣрено, что Вы, принявъ во вниманіе послѣднія его сообщенія и постоянное желаніе наше дѣйствовать на почвѣ Берлинскаго трактата, съумѣете удержать Тырновское собраніе въ предѣлахъ законности и порядка“.

Относительно кандидатовъ на болгарскій престолъ князь Дондуковъ высказывалъ слѣдующія мысли въ письмѣ къ кн. Лобанову-Ростовскому отъ 19-го марта: „По Вашему мнѣнію, румынскія интриги въ пользу князя Карла или его брата не будутъ имѣть никакого успѣха. Это было бы очень желательно, такъ какъ съ политической и нравственной точки зрѣнія расширеніе румынскаго вліянія не можетъ быть благодѣтельнымъ для Болгаріи. Я всегда думалъ, что единственнымъ серьезнымъ кандидатомъ былъ Баттенбергъ; это я думаю и теперь и вижу, что его желаютъ и желали всегда въ Петербургѣ, хотя почему-то стѣснялись сознаться въ этомъ“.

И дѣйствительно: если сообразить, что принцъ Баттенбергскій былъ племянникомъ русской царицы, что онъ принималъ участіе въ турецкой войнѣ и даже подробно осматривалъ Болгарское ополченіе [1]), то не трудно было прійти къ тому убѣжденію, къ которому пришелъ князь Дондуковъ-Корсаковъ. Въ чемъ же и когда проявилась „агитація императорскаго комиссара въ пользу своей кандидатуры“, о которой говоритъ г. Милюковъ?

Когда было созвано въ Тырново великое народное собраніе для выбора болгарскаго князя, то этому собранію было сообщено отъ имени императорскаго комиссара, что русскіе подданные не могутъ считаться кандидатами на это званіе. Къ князю Дондукову въ это время, какъ заявляетъ болгарскій писатель Драндаръ [2]), обращались многіе депутаты съ настойчивой просьбою принять престолъ Болгаріи, но онъ отвѣчалъ имъ, что признано невозможнымъ,

[1]) См. книгу Н. Овсянаго „Болгарское ополченіе и земское войско“, стр. 19.

[2]) Издавшій на французскомъ языкѣ книгу: „Cinq ans de regne. Le Prince Alexandre de Battenberg en Bulgarie“. Paris, 1884.

чтобы княземъ Болгаріи былъ русскій, и къ тому же извѣстно, что Государь Императоръ желаетъ избранія принца Баттенберга. Такъ и состоялось единогласное избраніе въ князья Болгаріи принца Александра Баттенберга.

Наканунѣ пріѣзда вновь избраннаго князя въ Болгарію князь Дондуковъ тщательно обсудилъ все, что имѣло отношеніе къ встрѣчамъ Болгарскаго князя, даже заготовилъ всѣ рѣчи для него. Вниманіе его простиралось даже до такихъ мелочей, какъ,—гдѣ и въ какомъ костюмѣ долженъ былъ показаться новоизбранный князь Болгарскій. Когда болгарская депутація отправлялась въ Ливадію для привѣтствованія прибывшаго туда принца Александра, кн. Дондуковъ, напоминая въ письмѣ къ Н. К. Гирсу въ какой формѣ долженъ былъ принцъ принять депутацію (въ прусской) и въ какой быть затѣмъ на завтракѣ у Государя (въ болгарской), прибавляетъ: „Не пеняйте на меня за то, что я Вамъ докучаю иногда мелочами: покончивъ съ главными вопросами, теперь нужно перенести все вниманіе на детали, для того, чтобы первое впечатлѣніе, произведенное принцемъ Баттенбергомъ, было благопріятное и вызвало къ нему симпатію въ населеніи. Я не принадлежу къ тѣмъ которые говорятъ: послѣ меня будь хоть потопъ, и ставлю себѣ долгомъ совѣсти все устроить и все предвидѣть, что можетъ облегчить принцу его тяжелую обязанность, въ особенности вначалѣ“,

Какъ все это мало похоже на ту роль, которую приписываетъ князю Дондукову-Корсакову г. Милюковъ!

Н. Овсяный.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ Владивостока въ С.-Франциско и на Сандвичевы острова.

(Изъ воспоминаній кругосвѣтнаго плаванія на крейсерѣ „Африка“).

Глава V [1]).

Съ 10 іюля 1881 года, т. е. со времени перенесенія флага к.-а. А. Б. Асланбекова на крейсеръ „Африка“, для насъ настала новая эпоха плаванія—предстояло продолжительное путешествіе вокругъ Тихаго океана, но уходъ задерживался разными обстоятельствами. Похоронили штурманскаго кондуктора Ильина, умершаго во время перехода изъ Нагасаки во Владивостокъ. Кромѣ того въ составѣ офицеровъ произошло нѣкоторое измѣненіе: нашъ старшій штурманъ капитанъ Н. П. Дуркинъ перемѣнился мѣстомъ со старшимъ штурманомъ крейсера „Азія“ штабсъ-капитаномъ Эдуардомъ Генриховичемъ Егерманомъ. Наконецъ желанный день насталъ—12 іюля при громѣ салютовъ и криковъ „ура!“ крейсеръ „Африка“ плавно тронулся въ далекій путь.

Начало программы заключалось въ послѣдовательномъ ознакомленіи съ нашими портами по побережью Приамурскаго края. Обойдя бухту Св. Владиміра и осмотрѣвъ ее кругомъ, пошли въ Императорскую гавань, но туманъ заставилъ измѣнить направленіе и зайти въ Де-Кастри, гдѣ отдали якорь около Устричнаго острова. Рейдъ Де-Кастри довольно обширный, съ хорошей глубиной и берегами, покрытыми лѣсомъ, который отчасти защищаетъ рейдъ отъ господствующихъ здѣсь вѣтровъ въ сѣверо-западномъ направленіи. На рейдѣ застали четыре иностранныхъ парусныхъ барка.

Тотчасъ по приходѣ крейсера явился смотритель маяковъ, доло-

[1]) См. «Русская Старина», мартъ, 1909 года.

жившій адмиралу, что команда седьмой годъ безсмѣнно несетъ службу въ этой пустынной мѣстности, питаясь постоянно солониной. Смотритель съ трудомъ пошелъ представиться адмиралу, но когда вернулся въ каютъ-компанію, то болѣзненное лицо его выражало торжество и даже застѣнчивость настолько уменьшилась, что онъ рѣшился разговаривать съ офицерами. Его, конечно, оставили обѣдать въ каютъ-компаніи.

— „А въ которомъ часу вы изволили придти?“— спросилъ смотритель своего сосѣда.

— „Да около полдня“.

— „А не въ три часа?—переспросилъ смотритель,—какъ же я ошибся“.

— „Вѣроятно, часы у васъ съ погрѣшностью“.

— „Нѣтъ, не то, чтобы съ погрѣшностью, а по правдѣ сказать у меня ихъ совсѣмъ нѣтъ, все больше по солнышку, только туманъ часто мѣшаетъ“.

Послѣ обѣда офицеры подарили смотрителю, къ его большой радости, часы на столъ.

На берегу адмиралъ былъ встрѣченъ начальникомъ Александровскаго поста, который проводилъ адмирала въ казарму и лавку.

Александровскій постъ имѣлъ тогда 120 человѣкъ нижнихъ чиновъ подъ командой капитана Мейера, на лѣто половина команды посылается въ Императорскую гавань и еще куда-то. Климатъ здѣсь не суровый, морозы рѣдко доходятъ до 20°, въ августѣ бываетъ жарко, но, къ сожалѣнію, туманы не даютъ развиваться земледѣлію. Особо важное значеніе Александровскаго поста заключается въ телеграфѣ—онъ представляетъ узелъ, соединяющій Николаевскъ, Владивостокъ и Сахалинъ.

17 іюля ушли на Сахалинъ въ Дуэ, рейдъ котораго самый безпокойный и не представляетъ никакихъ удобствъ для стоянки судовъ.

Дуйскій постъ расположенъ между скалами, высотой около 100 футъ, въ ущельѣ, которое вдается въ материкъ на версту, довольно острымъ треугольникомъ. Отъ самой пристани тянется прямая улица съ домами администраціи, казармами и больницей, здѣсь также помѣщенія каторжниковъ, тюрьма и небольшая деревянная церковь.

На половинѣ главной улицы влѣво виднѣется другая улица съ домами солдатъ, исправляющихся каторжниковъ и ихъ семействъ.

На берегу адмирала ожидало мѣстное начальство (въ парадной

формѣ) въ лицѣ коменданта, исполнявшаго должность начальника сѣвернаго Сахалина статскаго совѣтника Митцухъ (за отсутствіемъ князя Шаховского), смотрителя маяковъ и еще какихъ-то лицъ.

Осмотръ начался съ рудниковъ. Добываніе угля произвело тяжелое впечатлѣніе: представьте себѣ узкую галлерею въ три фута высотой, сырую, мрачную и холодную, въ ней возятъ тачки съ грузомъ угля въ четыре пуда, ползая на четверинкахъ въ постоянной, непросыхающей грязи при отсутствіи достаточнаго количества воздуха. Сопоставленіе этого непосильнаго труда съ работой пользующихся протекціей невольно заставляетъ задуматься: преступленіе одинаково, а наказаніе разное.

Мы видѣли Лансберга, Маевскаго и Смирнова, занимавшихся въ канцеляріи и проведеніемъ дорогъ: у нихъ видъ здоровый и веселый, они пользовались свободой и ходили въ пиджакахъ—чего имъ еще лучше?!

Каторжники раздѣляются на нѣсколько разрядовъ, смотря по поведенію и числу лѣтъ нахожденія на Сахалинѣ.

Казармы чисты, вообще на видъ все хорошо, а частные разспросы дали другую картину. Осмотрѣли церковь и школы: русскую и еврейскую для дѣтей каторжниковъ.

Для развитія частнаго хозяйства между поселенцами изъ Петербурга пріѣхалъ стат. совѣт. агрономъ Матцкулъ, который по видимому серьезно относился къ своему дѣлу. Климатическія условія позволяютъ имѣть здѣсь:

1) картофель, идущій отлично;

2) капусту, рѣдьку, морковь, огурцы и другія овощи;

3) рожь, пшеницу, овесъ;

4) сѣно—собирается по два покоса.

Изслѣдованіемъ фауны занималась тогда присланная экспедиція, на ея обязанности лежало также обслѣдованіе фарватера рѣки Тыми и Ныйской губы и воспрепятствованіе японцамъ дѣлать сплошныя загражденія черезъ рѣку Тымь у устья, которыя лишали жителей обильнаго рыболовства. Въ составъ экспедиціи входили: магистръ зоологіи Поляковъ, его помощникъ и охрана изъ шести нижнихъ чиновъ съ подпоручикомъ Шишмаревымъ.

Для наблюденія за правильной обработки угля здѣсь находился горный инженеръ Курбановскій. Мы спрашивали про дѣла Сахалинской угольной компаніи, служащіе сознавались, что дѣла идутъ плохо вслѣдствіе нераспорядительности администраціи.

Заканчивая про Сахалинъ, надо еще сказать, что военная охрана состояла изъ постовыхъ командъ:

Въ Дуэ — 300 человѣкъ подъ начальствомъ маіора Лохвицкаго.

Въ Александровскомъ—150 чел. подъ начальствомъ капитана Матусенъ.

Въ Тыми—150 челов. подъ начальствомъ маіора Дурова.

Въ Корсаковскомъ – 200 человѣкъ подъ начальствомъ маіора Мячина.

Общее завѣдываніе каторжниками было въ рукахъ подполковника князя Шаховского.

Послѣ осмотра Дуэ, адмиралъ предполагалъ отправиться въ Александровку въ бухтѣ Жонкіеръ, но вѣтеръ заставилъ не только отказаться отъ этого намѣренія, но и сняться съ якоря сейчасъ же по окончаніи погрузки угля. Изъ Дуэ мы захватили съ собой пассажировъ—семейство доктора и акушерку, которые въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не могли попасть къ мѣсту своего служенія въ постъ Корсаковскій на томъ же островѣ. Прислуга у доктора была каторжники — мужъ и жена, осужденные за убійство. Видъ у нихъ былъ довольно дикій.

Изъ Дуэ пришли въ Императорскую гавань, которая представляетъ три прекрасныя бухты: сѣверная небольшая, западная, гдѣ затопленъ фрегатъ „Паллада“, и юго-западная, самая обширная, могущая вмѣстить какой угодно флотъ. Глубина отъ 6 до 14 саженъ, берега покрыты хвойными лѣсами, въ окрестностяхъ живетъ нѣсколько семействъ тунгузовъ, занимающихся охотой на соболей и рыбной ловлей.

Адмиралъ посѣтилъ Константиновскій постъ, здѣсь команда смѣняется и питаніе лучше. Домовъ два—въ одномъ казарма, въ другомъ помѣщался торговецъ морской капустой.

По возвращеніи адмирала мы ушли въ Корсаковскій постъ на югъ Сахалина, туманъ значительно затруднялъ наше плаваніе, только у мыса Крильонъ стало ясно, и мы могли 18 іюля отдать якорь въ бухтѣ Анива у Корсаковскаго поста.

Бухта Анива всегда свободна отъ льда, она тянется на 48 миль въ сѣверномъ направленіи и на 55 миль отъ востока къ западу. На берегу мы осмотрѣли казармы, церковь, складъ, тюрьму и другія учрежденія. Каторжники заняты хозяйственными работами, рудниковъ нѣтъ, слѣдовательно, люди, совершившіе одинаковыя преступленія несутъ, разныя наказанія въ Дуэ и въ Корсаковскомъ.

Здѣсь мы простились съ нашими пассажирами и ушли въ Камчатку.

По пути адмиралъ производилъ инспекторскій смотръ команды,

найдя все въ образцовомъ порядкѣ, благодарилъ особо командира роты.

22 іюля туманъ заставилъ бросить лотъ, достали глубину 15 саженъ, разсчитывая вмѣстѣ съ тѣмъ на близость берега, отдали якорь. Къ вечеру туманъ разсѣялся, и мы дѣйствительно увидѣли входный маякъ въ разстояніи $1^1/_2$ миль, конечно сейчасъ же перешли на рейдъ Петропавловска къ Сигнальной горѣ.

Главную красу величественной Авачинской губы составляютъ четыре снѣжные пика, изъ которыхъ Коряцкій пикъ или, какъ здѣсь называютъ, сопка, достигаетъ $11^1/_2$ тысячъ футъ. Въ хорошую погоду глазъ не оторвать отъ чуднаго вида на сопки и окружающую кругомъ зелень.

Брошенный Петропавловскій портъ представлялъ изъ себя жалкую деревушку, вся администрація которой состояла изъ исправника, старосты и казачьяго офицера съ десятью казаками, жителей тогда было 430 человѣкъ, школа на 40 дѣтей.

Изъ такъ называемой интеллигенціи жили: агентъ Русско-Американской компаніи Люгебиль съ семействомъ, купецъ Маломанскій, мѣстный кулакъ, обиравшій бѣдныхъ алеутовъ, капитанъ Хунтеръ, обрусѣвшій англичанинъ, агентъ пароходства Филипеуса, проживавшій 24 года въ Петропавловскѣ безвыѣздно.

Обыкновенно алеутъ привозитъ тысячную шкуру бобра Маломанскому, тотъ покупаетъ ее за 100 рублей и платитъ не деньгами, а товарами, при чемъ, сколько бы алеутъ ни взялъ провизіи, все равно останется въ долгу и долженъ платить изъ будущей шкуры. Если алеутъ продастъ шкуру кому-нибудь другому, то ему провизіи не дадутъ и купить на деньги онъ не можетъ. Мы давали высокую цѣну за шкуру, но алеутъ намъ не отдалъ изъ боязни Маломанскаго, который получаетъ за шкуры тысячи въ Санъ-Франциско.

Въ городѣ три церкви, въ одной изъ нихъ, старой, выстроенной на мѣстѣ еще болѣе древнѣйшей, имѣются два историческихъ образа: св. Апостола Петра, образъ, бывшій въ плаваніи съ капитаномъ Берингомъ; офицеры Беринга обдѣлали этотъ образъ въ серебряную ризу; другой образъ св. Апостоловъ Петра и Павла, сооруженъ на пожертвованія участниковъ Петропавловскаго боя въ память этого славнаго дня.

Вторая церковь построена Русско-Американской компаніей, въ ней находится образъ Св. Николая Чудотворца въ память защиты города въ 1854 году, и Св. Анны отъ экспедиціи Беринга съ съ надписью: „Дмитрія Овцина и всѣхъ служителей, спасшихся съ

пустыннаго острова Клота“. Около новой церкви стоитъ чугунный крестъ въ память Беринга, похороненнаго на островѣ его имени.

У подножья горы, на которой происходилъ бой, расположены братское кладбище, окруженное деревянной оградой, здѣсь стоятъ три креста:

1) гранитный крестъ—на русской могилѣ.

2) деревянный и бѣлая мраморная плита съ именами французскаго лейтенанта и мичмана, павшихъ въ бою [1]).

3) деревянный на англійской могилѣ съ обозначеніемъ дней сраженія (In memory...)

Окончивъ перечисленіе достопримѣчательностей Петропавловска, нельзя пропустить его особенность—почта получается два раза въ годъ, первая въ мартѣ черезъ Охотскъ, когда отправляютъ ясакъ (подать), и вторая въ зависимости отъ прихода парохода „Филипеуса“. Въ эту кратковременную стоянку мы не теряли времени, дѣлали много прогулокъ по окрестностямъ, а свободное время проводили въ милѣйшемъ семействѣ Люгебиль, въ которомъ три дочери служили предметомъ ухаживанія офицеровъ Впослѣдствіи старшая дочь вышла замужъ за нашего старшаго штурмана, а младшая за лейтенанта Г—за (съ другого корабля).

Въ воскресенье команду свезли въ церковь, послѣ обѣдни адмиралъ принялъ церковный парадъ. Не забыли мы также и жителей—въ домѣ исправника устроили вечеръ, посуду и ужинъ перевезли съ крейсера, комнаты убрали флагами, лампы и добавочную мебель взяли въ другихъ домахъ. Съ 8 часовъ вечера до двухъ часовъ танцовали безъ устали всѣ танцы и особенно любимую здѣсь „восьмерку“, что-то въ родѣ кадрили, ее можно танцовать подъ любую музыку, только бы мотивъ былъ повеселѣе. Изъ дамъ были: жена исправника, жена командира парохода „Александръ“ (Р. Ам. К°) Зандмана, три дочери Люгебиль и другія мѣстныя жительницы. Угостили на славу, ужинъ былъ изъ шести блюдъ съ соотвѣтствующимъ выборомъ и количествомъ вина, которое способствовало развитію веселья, особенно послѣ отъѣзда адмирала. Наши старшіе чины подсмѣивались, когда барышни говорили „цево это?“ или „ась“, а молодежь на это не обращала вниманія и цѣнила отсутствіе жеманства и фокусовъ. Мичману Р. досталось больше всѣхъ, какъ распорядителю вечера, надо было все приготовить, руково-

[1]) На крестѣ имѣется надпись:

Unis pour la victoire
Reunis par la mort
Du soldat c'est la gloire
Des braves c'est le sort.

дить вечеромъ и по отъѣздѣ публики пересчитать посуду, серебро и вино, чтобы свезти обратно на крейсеръ. Этотъ вечеръ петропавловцы надолго сохранили у себя въ памяти.

Пока команда, пользуясь удобнымъ случаемъ, производила стрѣльбу изъ ружей и револьверовъ на берегу, адмиралъ съ частью свободныхъ офицеровъ поѣхалъ на Паратунскіе ключи. Сначала шли девять миль на паровомъ катерѣ, далѣе верхомъ черезъ перешеекъ три версты до ближняго Паратунскаго озера, черезъ которое перебрались (4½ версты) на ботахъ особаго устройства.

Названіемъ ботовъ окрестили своеобразное средство переправы, а именно взяли три долбленныя душегубки (челноки), поперекъ положили доску, все снайтовили (связали) и сѣли на доску, хотя съ нѣкоторымъ предупрежденіемъ противъ безопасности, особенно адмиралъ, обладавшій большимъ вѣсомъ.

Озеро имѣетъ прелестный видъ, на немъ маленькіе острова, обильно покрытые деревьями и травой, берега озера состоятъ изъ горъ въ два уступа, ближній увѣнчанъ густымъ лѣсомъ, а дальній—гранитныя скалы.

Напившись чая въ селеніи, мы сѣли на нарты (сани), запряженныя 10—12 собаками, и покатили по травѣ.

У рѣчки ожидалъ перевозъ, а на другой сторонѣ такое же количество саней съ собаками, доставившими уже до самыхъ ключей.

Вся поѣздка совершена въ пять часовъ, въ хатѣ Гавріила Подпругина, организовавшаго поѣздку, насъ ожидалъ завтракъ. Подпругинъ мѣстный охотникъ, онъ убиваетъ ежегодно до 40 медвѣдей и большое количество другихъ звѣрей, не исключая соболей.

Часть озера, гдѣ бьютъ ключи, не замерзаетъ и вода остается, горячей, она считается цѣлебной противъ золотухи.

29 іюля покинули радушный Петропавловскъ и, несмотря на туманъ, добрались на другой день до острова Беринга—группа Командорскихъ острововъ, отдали якорь за островомъ Топорковъ. Къ адмиралу сейчасъ же прибылъ Гребницкій, исправлявшій должность исправника и зоолога, также командиръ парохода „Александръ“, шкиперъ Зандманъ.

Осмотрѣвъ селеніе алеутовъ и ложбища котиковъ (мѣсто, гдѣ вылѣзаютъ изъ воды котики и проводятъ извѣстное время года), зашли въ церковь—при ней священника не полагается (пріѣзжаетъ разъ въ годъ изъ Петропавловска). Въ 8 часовъ вечера ушли дальше, утромъ стали на якорь у острова Мѣднаго (той же группы), здѣсь явился агентъ Р. Ам. К° Костромитиновъ, который передалъ просьбу населенія острова разрѣшить посѣтить русскій военный корабль, такъ какъ раньше никогда не видали военныхъ кораблей,

Жители на берегу помѣщаются въ хорошихъ, деревянныхъ домахъ, порядочно зарабатываютъ и не терпятъ недостатка.

До 1868 года котиковый промыселъ на обоихъ островахъ принадлежалъ русско-американской компаніи, она добывала 16.000 шкуръ котиковъ.

Съ 1868—1871 года промысломъ завѣдовалъ петропавловскій исправникъ—добыча понизилась.

Съ 1871 г. острова отдали американской кампаніи Гучкинсонъ, которая стала получать 42.000 шкуръ.

На сколько выгодно это предпріятіе, можно видѣть изъ слѣдующаго разсчета:

Доходъ.

42.000 шкуръ по 4 фунта стерлинговъ=168.000 фунтовъ стерлинговъ или 1.680.000 рублей.

Расходъ.

Аренда уплачиваемая правительству . . .	5.000 руб.
Плата жителямъ за шкуры по 1 р. . . .	42.000 „
Стоимость промысла	36.000 „
Содержаніе парохода	47.000 „
Агенты	50.000 „
Итого . . .	180.000 руб.

Слѣдовательно, чистой прибыли 1.500.000 рублей, которую кладутъ въ карманъ иностранцы, пользуясь русской непредпріимчивостью.

Несмотря на крупную зыбь, заставлявшую крейсеръ чуть не черпать бортами, стоя на якорѣ, пріѣхало много жителей на своихъ утлыхъ шлюпкахъ, ихъ хорошо встрѣтили, угощали, показали все судно и забавляли музыкой. При уходѣ „Африки“ они провожали ее на шлюпкахъ съ криками „ура!“.

В. Рудневъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

† И. Е. Забѣлинъ.

Русская историческая наука потеряла въ истекшемъ году И. Е. Забѣлина. Русское общество потеряла въ немъ не только ученаго, но и художника—бытописателя древней Москвы. Когда читаешь его лучшія произведенія, то, кажется, что писатель своими глазами видѣлъ стародавнюю жизнь и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ разсказываетъ собравшимся его послушать. И все повѣдаетъ мудрый старикъ: чему вѣрили наши предки, какъ радовались и печалились, какъ пировали, какъ свадьбу справляли, какъ смерть провожали,—какое было у нихъ хозяйство, какая торговля—весь укладъ переберетъ. Для ученаго у Забѣлина кое-что устарѣло, онъ иногда придерживался отвергнутыхъ наукою теорій, но какъ яркій описатель „домашней“ московской жизни, И. Е. единственъ. Самый языкъ его книгъ своеобразно-выразителенъ, съ народными оттѣнками. И главная струя, освѣжающая подчасъ темное, мрачное прошлое—это любовь—вѣра въ творческую жизнь простыхъ людей, любовь къ „крѣпкому и здоровому нравственно, народу-сиротѣ, народу-кормильцу“.

И. Е. Забѣлинъ родился въ 1820 г. въ Твери. Отецъ его служилъ чиновникомъ въ казенной палатѣ. Затѣмъ, семья его переѣхала въ Москву—съ тѣхъ поръ до конца жизни прожилъ И. Е. въ этомъ городѣ, исторіи котораго удѣлялъ въ своихъ работахъ наибольшее вниманіе. Отецъ умеръ, когда мальчику было около семи лѣтъ, оставивъ семью безъ средствъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ лишь удалось матери помѣстить сына въ Преображенскомъ училищѣ. Кое-какія знанія удалось здѣсь пріобрѣсти, но небольшія.

Мечтамъ о гимназіи и университетѣ не суждено было сбыться, и остался И. Е. безъ внѣшнихъ знаковъ научнаго образованія.

Въ 1837 г. поступаетъ онъ въ оружейную палату канцелярскимъ служителямъ второго разряда, съ ничтожнымъ содержаніемъ въ 119 р. годовыхъ. Но то, что Забѣлинъ попалъ именно въ оружейную палату, оказалось большимъ счастьемъ. Его духъ пытливаго изслѣдователя старины взросъ и укрѣпился среди древнѣйшихъ и дорогихъ его сердцу памятниковъ искусства и обихода московскаго двора.

Знакомство со Строевымъ и Снегиревымъ еще болѣе возбудило въ И. Е. интересъ къ изученію исторіи. Съ той поры начинаютъ появляться его статьи и книги. Появилась, составленная по архивнымъ документамъ, статья о путешествіяхъ русскихъ царей на богомолье въ Троице-Сергіевскую лавру, напечатанная въ извлеченіи въ „Моск. Губ. Вѣдом.“ 1842 г. № 17. Дополненною и передѣланною она появилась въ „Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн.“, и въ то же время Забѣлинъ былъ избранъ въ члены-соревнователи общества, а черезъ три года и въ дѣйствительные члены общества. Его дѣятельность настолько уже заинтересовала московскихъ ученыхъ, что Т. Н. Грановскій для него (и для нѣкот. еще др. лицъ) прочелъ на дому курсъ исторіи. Кромѣ сего недостатки первоначальнаго образованія И. Е. неустанно пополнялъ чтеніемъ исторической литературы.—Въ 1848 г. онъ получилъ мѣсто помощника архиваріуса въ дворцовой конторѣ, а съ 1856 г. занялъ здѣсь мѣсто архиваріуса. Эти годы онъ работаетъ надъ изученіемъ домашняго быта русскаго народа въ XVI—XVII в. в., помѣщая статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ“; позднѣе, въ обработанномъ видѣ эти статьи составили книгу „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII столѣтіяхъ“. М. 1868 г. Въ тѣ же годы написалъ „Историческое обозрѣніе финифтянаго и ценинnаго дѣла въ Россіи“. Въ 1859 г. по предложенію графа С. Г. Строгонова перешелъ въ Имп. археологическую комиссію младшимъ членомъ, и ему были поручены раскопки скиѳскихъ кургановъ въ Екатеринославской губерніи и на Таманскомъ полуостровѣ, близъ Керчи. Раскопки эти принесли цѣнные результаты, и среди множества издѣліи III—II в. в. до Р. Х. была найдена на берегу Днѣпра знаменитая „Чертомлыцкая ваза“, произведшая огромное впечатлѣніе среди всего ученаго міра, не только русскаго. Раскопки описаны были Забѣлинымъ въ „Древностяхъ Геродотовой Скиѳіи“ (1866 и 1873 г.г.) и въ отчетахъ археологической комиссіи. Въ 1876 г. онъ оставилъ службу въ комиссіи. Въ семидесятые годы имя И. Е. Забѣлина пріобрѣло уже прочную извѣстность въ наукѣ. Въ 1871 г. Кіевскій университетъ удостоилъ его высшей ученой степени доктора русской исторіи honoris causa, въ 1879 г. по смерти С. М. Соловьева онъ былъ избранъ предсѣдателемъ общества исторіи и древностей россійскихъ. Усиленно хлопоча надъ созданіемъ въ Москвѣ историческаго музея и способствуя осуществленію этой мысли, Забѣлинъ по открытіи его былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя музея (въ 1883 г.), оставаясь на этомъ мѣстѣ до смерти. Въ 1884 г. былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ по разряду историко-политическихъ наукъ императорской академіи наукъ, а въ 1907 г. почетнымъ ея членомъ.

Другіе университеты и ученыя общества также избирали его въ свои дѣйствительные и почетные члены. Въ 1892 г. на торжественномъ празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея онъ былъ необычайно тепло привѣтствовалъ всѣмъ русскимъ ученымъ міромъ.

Труды Забѣлина: „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI—XVII в. в.“ (1862) и „Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI—XVII в. в.“ (1869 и 1872), замѣчательная статья „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ“ („Вѣстн. Евр.“ 1871 г. №№ 1 и 2), „Исторія русской жизни съ древн. временъ“, 2 т. 1876 и 1879 г. (вышло новое изданіе), „Мининъ и Пожарскій, прямые и кривые въ смутное время“ (М. 1883 г.) „Опыты изуч. русскихъ древностей“ 1872—1873) 2 т., гдѣ выдаются статьи „Исторія и древности Москвы“, „Царь Алексѣй Михайловичъ“, „О Московскихъ садахъ въ XVII ст.“ „Русская личность и русское общество наканунѣ Петровской реформы“, „О современныхъ задачахъ русск. исторіи и древностей“. Долгіе годы посвятилъ И. Е. изученію родной Москвы, появлялись отдѣльныя работы по ея исторіи и наконецъ въ 1902 г.—замѣчательный сборникъ—„Исторія города Москвы“. Изъ статей выдѣляются „Взглядъ на развитіе моск. единодержавія“ („Истор. В.“, 1881 г. № 5) и „Черты самобытности въ древн.-русскомъ зодчествѣ“ („Др. и Нов. Росс.“ 1878 г. № 3 и 4, отд. изданіе), „Посольскія путешествія въ XVII ст.“ („Рус. Ст.“, 1877 г. XX). Сверхъ того Забѣлинымъ изданы: „Историческіе описаніе моск. Донского монаст.“ (1865 г.), „Кунцово и древній Сѣтунскій станъ“ (М. 1873 г.), „Преображенское или Преображенскъ“ (М. 1883 г.).

Глубокимъ, всѣми чтимымъ, старцемъ скончался Иванъ Егоровичъ 31 декабря 1908 года.

В. В.

Замѣтки о Пушкинѣ

I.

О „Молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“.

Въ примѣчаніи къ „Молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“, помѣщенномъ во II томѣ издаваемаго С. А. Венгеровымъ собранія сочиненій Пушкина, стр. 531—532, пишущій эти строки выразилъ сомнѣніе въ принадлежности этихъ стиховъ перу Пушкина. Мое примѣчаніе вызвало любезное сообщеніе Ю. Н. Щербачева, владѣющаго нѣкоторыми бумагами П. П. Каверина, что въ сохранившейся до нашихъ дней тетради Каверина, относящейся къ двадцатымъ годамъ, извѣстнымъ стихамъ Пушкина: „Забудь, любезный мой Каверинъ“... предпослана замѣтка Каверина, что стихи эти были ему присланы Пушкинымъ черезъ нѣсколько дней послѣ написанія „Молитвы“. Изъ указанной замѣтки Каверина, какъ сообщаетъ г. Щербачевъ, можно заключить, что „Молитва“ была написана къ Рождеству, какъ святочная шутка.

Принадлежность „Молитвы“ Пушкину была подвергнута сомнѣнію въ виду слѣдующихъ соображеній, которыя считаю нелишнимъ привести здѣсь снова. Впервые объ этой пьесѣ упомянулъ А. Н. Аѳанасьевъ (псевдонимъ: „И. М—къ“) въ своей статьѣ „По поводу послѣдняго изданія сочиненій Пушкина“ („Библіографическія Записки“ 1858 г., ст. 337), отнесшій ее къ 1817 г. и сообщившій, что она „надѣлала было большихъ хлопотъ поэту“. Напечатана она была въ первый разъ въ изданномъ Русскимъ (Н. В. Гербелемъ) сборникѣ „Стихотвореній А. С. Пушкина, не вошедшихъ въ полное собраніе его сочиненій“, Берлинъ, 1861 г., стр. 7—8, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ (стр. 227—228): „Помянутая молитва,

написанная на дежурствѣ Завадовскаго, была поднята Пашковымъ. Оскорбленный въ лицѣ своего носа Пашковъ вскипѣлъ благороднымъ негодованіемъ и грозилъ побить Пушкина. Завадовскій, чтобы избавить Пушкина отъ непріятности, принялъ эти стихи на себя,—и дѣло грозило окончиться дуэлью. Это дошло до свѣдѣнія командира гвардейскаго корпуса Васильчикова, который созвалъ офицеровъ для объясненья съ цѣлью помирить ихъ. Все дѣло кончилось тѣмъ, что на сходкѣ благоразумная партія объявила это дѣло дружескимъ, пустяшнымъ, а противная, боясь высказаться, промолчала и тѣмъ согласилась съ первой". Послѣ этихъ словъ отмѣтка въ скобкахъ: „Сообщено Сабуровымъ". Этого скандала касается напечатанное въ „Русскомъ Архивѣ" 1875 г., III, 406—407, письмо И. В. Васильчикова къ князю П. М. Волконскому. „У гвардейскихъ гусаръ случилась маленькая исторія, и такъ какъ она можетъ дойти до васъ въ превратномъ видѣ, то я вамъ ее разскажу самъ. Графъ Завадовскій, офицеръ этого полка, позволилъ себѣ написать эпиграммы на своихъ товарищей въ одной изъ книгъ гауптвахты. Я узналъ это, не подозрѣвая еще, кто авторъ, и принялъ мѣры, чтобы разыскать виновнаго. Возвратившись изъ Ладоги, я услышалъ, что офицеры узнали про это обстоятельство и, обиженные, какъ и должно быть, послали сказать полковнику Крекшину, что желаютъ, дабы было доведено до моего свѣдѣнія это дѣло. Теперь уже все это кончено, и гусарскіе офицеры очень хорошо поступили въ этомъ случаѣ. Графъ Завадовскій почувствовалъ неприличіе своего поведенія и извинился передъ своими товарищами. Офицеры его простили, и всѣ меня умоляли не наказывать его, а главное—никакъ не доводить до свѣдѣнія Е. И. В. Государя шалость, которая можетъ повредить ему во мнѣніи его монарха". Письмо не датировано и снабжено примѣчаніемъ, что въ немъ говорится о графѣ Александрѣ Петровичѣ Завадовскомъ. Гаевскій, а за нимъ другіе комментаторы говорятъ, что эта пьеса вызвала извиненіе Пушкина передъ задѣтымъ въ ней П. П. Каверинымъ, къ которому поэтъ обратился съ просьбой: „Забудь, любезный мой Каверинъ, минутной рѣзвости нескромные стихи"... (въ „Молитвѣ" говорилось о пьянствѣ Каверина). Она была перепечатана В. П. Гаевскимъ („Современникъ" 1863 г., № 8, стр. 392—393), какъ несомнѣнно пушкинское стихотвореніе, и внесена въ изданія П. О. Морозова (Литерат. фонда, т. VII, стр. LIV, и „Просвѣщенія", т. I, стр. 500) и П. А. Ефремова (А. С. Суворина, т. VIII, стр. 76—77). Л. Н. Майковъ (I т. академ. изд., 2-ое изд., прим., стр. 376) не отвергъ этихъ стиховъ, хотя, надо замѣтить, въ текстъ (его трудъ завершенъ 1817 годомъ) не внесъ ихъ. Въ библіотекѣ Имп. Ака-

деміи Наукъ находится копія этой пьесы, сдѣланная П. В. Анненковымъ; по словамъ составителя „Описанія“ принадлежащей академіи пушкинской коллекціи („Пушкинъ и его современники“, т. I, вып. IV, стр. 36), „подъ заглавіемъ отмѣчено, что стихотвореніе это получено отъ Сабурова, въ концѣ объяснительная къ стихотворенію Пушкина приписка Анненкова“.

Въ книгѣ К. Манзея „Исторія лейбъ-гвардіи гусарскаго полка“ ч. III, Спб., 1859, гдѣ перечислены всѣ офицеры полка, мы не находимъ имени графа Александра Петровича Завадовскаго (несомнѣнно „Русс. Архивъ“ ошибся), а находимъ имя его брата, графа Василія Петровича (стр. 95), который изъ камеръ-юнкеровъ Е. И. В. перешелъ въ л.-гусарскій полкъ корнетомъ 18 февраля 1818 г. А. В. Пашковъ, будто бы хотѣвшій поколотить Пушкина, 4 іюня 1817 г. (стр. 58—59), перешелъ въ Тверской драгунскій полкъ. Князей Любомірскихъ въ гусарскомъ полку было двое: одинъ перевелся въ Преображенскій полкъ 27 октября 1817 г. (стр. 45), а другой 26 іюня 1817 г. вышелъ въ отставку (стр. 73). Баронъ И. Ѳ. Кнабенау перешелъ на службу въ Стародубовскій кирасирскій полкъ 17 октября 1817 года (стр. 76). Рахмановыхъ было въ полку двое—юнкерами, а потомъ офицерами, одинъ съ 1819 г., другой съ 1820 г. (стр. 102—103). С. Ѳ. Гернгросъ былъ въ полку съ 11-го марта 1818 г. (стр. 95). Въ „Молитвѣ“ поименованы, повидимому, не только наличные офицеры полка, но даже нѣкоторые ушедшіе изъ него и младшіе товарищи-юнкера. Изъ того, что Завадовскій сталъ корнетомъ л.-гв. гусарскаго полка лишь въ 1818 г., видно, что письмо князя Волконскаго, гдѣ онъ названъ офицеромъ, могло быть написано, конечно, не ранѣе этого года. Такимъ образомъ „Молитва“ позднѣе 1817 г., и, значитъ, въ посланіи „Къ П. П. Каверину“, которое самъ Пушкинъ отнесъ къ 1817 г., подъ „нескромными стихами“, которыми авторъ проситъ прощенія, разумѣется никакъ не „Молитва“. А. Н. Аѳанасьевъ не говоритъ, откуда почерпнуто имъ извѣстіе объ этой пьесѣ, а лишь о непріятностяхъ, которыя навлекла она на Пушкина. Гербель, ссылаясь на Сабурова, не указываетъ его имени и отчества; между тѣмъ въ гусарскомъ полку было, судя по сообщенному К. Манзеемъ списку, одновременно четверо Сабуровыхъ (стр. 82, 83—84, 95—96): Яковъ Васильевичъ, Андрей Ивановичъ, Александръ Ивановичъ и Яковъ Ивановичъ. На кого изъ нихъ ссылается Гербель, неизвѣстно. Съ какимъ-то Сабуровымъ Пушкинъ былъ, по словамъ С. Д. Комовскаго, близокъ въ Царскомъ Селѣ (Я. К. Гротъ, „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, Спб., 1899 г., стр. 220). Объ одномъ Яковѣ Сабуровѣ Пушкинъ писалъ брату въ 1825 г.: „Есть

у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухановъ, Давыдовъ и проч. Эти друзья не въ примѣръ хуже Булгарина...“; „если Сабуровъ не уѣхалъ еще въ Одессу, то попроси его обо мнѣ тамъ ничего не врать“... Есть у Пушкина относящійся къ 1824 г. черновой набросокъ:

Сабуровъ, ты оклеветалъ
Мои пріятныя затѣи,
Какъ я съ Каверинымъ гулялъ и т. д.

Какой-то Сабуровъ упоминается въ „Онѣгинѣ“ (глава 8, стр. XXVI):

Тутъ былъ Сабуровъ, заслужившій
Извѣстность низостью души...

Возникаетъ вопросъ: Пушкинъ ли написалъ „Молитву лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“? Нѣтъ основаній рѣшительно отвергнуть его авторство, но нельзя положительно признать пьесу принадлежащею ему, тѣмъ болѣе, что ничего специфически-пушкинскаго нѣтъ въ этой слабой вещицѣ.

Изложенныя соображенія, какъ упомянуто выше, навели меня на мысль, что въ посланіи „Забудь, любезный мой Каверинъ“... подъ „минутной рѣзвости нескромными стихами“ разумѣется не „Молитва“, а какая-нибудь другая пьеса, не дошедшая до насъ (венгеровс. изданіе, II, стр. 531). Изъ трехъ дошедшихъ до насъ собственноручныхъ пушкинскихъ полныхъ списковъ посланія въ двухъ оно помѣчено 1817 годомъ—въ извѣстной тетради графа П. И. Капниста („Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. И. Капнисту“, сообщеніе Л. Н. Майкова, Спб., 1896, стр. 5) и въ майковской коллекціи рукописей Пушкина, принадлежащей Академіи Наукъ („Пушкинъ и его современники“, IV, стр. 3). Но оба эти автографа представляютъ собою позднѣйшіе списки: капнистовская тетрадь относится къ 1825 г., когда Пушкинъ готовилъ въ свѣтъ свой первый сборникъ стиховъ; академическій автографъ, по словамъ „описанія“ майковской коллекціи, писанъ на бумагѣ съ знакомъ 1823 г.; подъ нимъ Пушкинъ приписалъ: „къ Щерб. 1819), къ Дав.“ (здѣсь разумѣются посланія къ М. А. Щербинину: „Житье тому, любезный другъ“... и къ Д. В. Давыдову, 1821 г.: „Недавно я въ часы свободы“...) Въ печати посланіе къ Каверину появилось тоже датированное 1817 годомъ. Дата эта была указана самимъ авторомъ,—но все-же мы можемъ усомниться въ ней.

Мы знаемъ изъ изученія рукописей Пушкина, что ему не разъ случалось не только дѣлать простыя описки [1]), но даже колебаться

[1]) См. объ опискахъ Пушкина замѣтки Валерія Брюсова и мою въ «Русс. Архивѣ» 1906 г., I, 328; II, 636—638.

въ датировкѣ своихъ произведеній тѣмъ или инымъ годомъ. Въ той же кишиневской тетради имъ были исправлены написанныя раньше невѣрно даты стиховъ къ Катенину („Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ“..., элегій „Я пережилъ свои желанья“... и „Умолкну скоро я“... Примѣры такихъ же перемѣнъ, сдѣланныхъ Пушкинымъ, можно видѣть въ плетневскомъ спискѣ стиховъ Пушкина, предназначенныхъ для изданія 1826 г. (Переписка Пушкина, изд. Академіи Наукъ, I, 293, 294), въ автографѣ „Аквилона“ (см. Пушкинъ и его современники“, вып. IV, стр. 12), въ 2365-ой тетради Румянцовскаго музея, л. 59 („Русс. Стар.“ 1884 г., апр., 105); можно указать еще не мало подобныхъ поправокъ. Такъ какъ оба указанные списка посланія къ Каверину относятся къ двадцатымъ годамъ, то весьма возможно, что Пушкинъ датировалъ ихъ невѣрно, не припомнивъ точно года, когда эти стихи были написаны. Нѣкоторую силу этому предположенію даетъ слѣдующее соображеніе.

Есть еще одинъ автографъ посланія къ Каверину. Онъ представляетъ собою часть первоначальной редакціи пьесы, писанную карандашемъ, съ чернильными поправками, и находится въ черновой тетради Пушкина, хранящейся въ Румянцовскомъ музеѣ и извѣстной подъ № 2364 (л. 58). На нѣсколькихъ предшествующихъ наброску и на послѣдующихъ страницахъ рукописи находятся черновики третьей и начала шестой пѣсни „Руслана и Людмилы“ прозаическаго наброска: „У гусара *** было дружеское собраніе“..., эпиграммы „Добрый человѣкъ“ и другихъ произведеній, которыя всѣ написаны въ 1818—1819 годахъ. Это позволяетъ намъ уже съ большей вѣроятностью утверждать, что посланіе къ Каверину тоже написано позднѣе 1817 г.

Показаніе Каверина, подкрѣпляемое сообщеніемъ Сабурова и письмомъ Васильчикова, устраняетъ какъ всякія сомнѣнія въ принадлежности „Молитвы лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“ перу Пушкина, такъ и предположеніе, что „минутной рѣзвости нескромными стихами“ Пушкинъ въ посланіи къ Каверину называлъ не „Молитву“, а какіе-нибудь другіе стихи. Ясно, что Пушкинъ невѣрно датировалъ посланіе въ позднѣйшихъ спискахъ 1817 годомъ, и что оно написано въ самомъ концѣ 1818 или въ первыхъ числахъ января 1819 г., черезъ нѣсколько дней послѣ „Молитвы лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“, которую Пушкинъ сложилъ къ Рождеству 1818 г. какъ chanson de Noël, въ модномъ шуточномъ жанрѣ тѣхъ дней.

Что въ данное время не всѣ упомянутыя въ „Молитвѣ“ лица состояли офицерами лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, никакого значенія не имѣетъ. Пушкинъ не перечислялъ въ своей „Молитвѣ“ наличный составъ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ, а просто назвалъ

цѣлый рядъ хорошо знакомыхъ другъ другу въ царскосельскомъ военномъ кругу лицъ, указавъ ихъ смѣшные характерные признаки.

II.

Кольцо Зеленой Лампы.

Послѣ посвященныхъ знаменитой „Зеленой Лампѣ“ статей А. Н. Веселовскаго [1]) и въ особенности П. Е. Щеголева [2]), вполнѣ разрушившихъ легенду объ „оргіаческомъ“ характерѣ этого общества, не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ серьезности интересовъ, занимавшихъ ламписговъ, которые молодую шумную веселость съ ея обычными спутниками — „Киѳерой и бокаломъ“, умѣли такъ просто и гармонично сочетать „съ Портикомъ и съ книгой“. Какъ нельзя краснорѣчивѣе говоритъ объ этомъ сочетаніи извѣстное письмо Пушкина, 27 октября 1819 г., къ товарищу по „Зеленой Лампѣ“ П. Б. Мансурову; веселость бьетъ въ немъ ключемъ и даже выливается нѣсколько разъ въ такихъ словахъ, какихъ положительно не терпитъ бумага, но въ концѣ его звучитъ серьезная гражданская нотка: „поговори мнѣ о себѣ—о военныхъ поселеньяхъ—это все мнѣ нужно—потому что я люблю тебя—и ненавижу деспотизмъ“...

При знакомствѣ съ подлинникомъ этого письма, хранящимся въ принадлежащемъ Императорской Публичной Библіотекѣ собраніи автографовъ, обращаетъ на себя вниманіе печать, которою оно было скрѣплено. По обычаю тогдашняго безконвертнаго времени оно было аккуратно сложено, что видно по сгибамъ бумаги; на оборотѣ надписано имя адресата, а на противоположныхъ краяхъ, которые были скрѣплены сургучной печатью, почти цѣликомъ сохранились обѣ половинки оттиска. Красивый и довольно ясный оттискъ маленькой печатки изображаетъ сосудъ, вродѣ античнаго свѣтильника, незажженнаго, съ высокой ручкой, изображающей не то змѣю, не то длинную птичью шею съ головой. Это единственный извѣстный оттискъ этой печати въ пушкинской перепискѣ; на другихъ письмахъ Пушкина его нѣтъ. Судя по величинѣ печатки, она должна была украшать собою перстень. Неизвѣстно, было ли когда-нибудь у Пушкина кольцо съ такой печатью,—но то же письмо даетъ нѣкоторыя основанія думать, что не было, и что Пушкинъ запечаталъ письмо чужимъ кольцомъ. Письмо начинается словами:

---

[1]) Сочин. Пушкина, изд. С. А. Венгерова, т. I.

[2]) «Пушкинъ и его современники», вып. VII.

„Насилу упросилъ я Всеволожскаго, чтобъ онъ позволилъ мнѣ написать тебѣ нѣсколько строкъ, любезный Мансуровъ...“ „Позволеніе“ Всеволожскаго, вѣроятно, надо понимать, какъ согласіе переслать Мансурову вмѣстѣ со своимъ письмомъ и письмо Пушкина, который воспользовался представившейся ему возможностью подать пріятелю, находившемуся тогда въ Новгородской губерніи, въ центрѣ аракчеевщины, вѣсть съ оказіей. Содержаніе письма таково, что ввѣрить его почтѣ было небезопасно; вообще Пушкинъ, конечно, не безъ вѣскихъ основаній, не особенно вѣрилъ въ склонность россійской почты уважать тайну ввѣряемей ей корреспонденціи; „сходнѣе намъ въ Азіи писать по оказіи“, сказалъ онъ однажды [1]). Весьма возможно, что случай писать Мансурову представился Пушкину неожиданно, и что письмо было написано поэтомъ не у себя дома, а у Всеволожскаго, кольцомъ котораго Пушкинъ и запечаталъ свое письмо.

Едва-ли печать была употреблена случайно, какая попалась. То было время таинственныхъ колецъ, масонскихъ знаковъ. Герой „Барышни-крестьянки“, плѣнявшій уѣздныхъ дѣвицъ разсказами „объ утраченныхъ радостяхъ и объ увядшей своей юности, сверхъ того носилъ черное кольцо съ изображеніемъ мертвой головы. Все это было чрезвычайно ново въ той губерніи. Барышни сходили по немъ съ ума“. Особыя кольца были у членовъ масонскихъ ложъ. Подобное кольцо было и у лампистовъ.

„Откровенный“ Я. Н. Толстой, докладную записку котораго напечаталъ недавно П. Е. Щеголевъ, разсказывая о „Зеленой Лампѣ“, повѣдалъ: „составлены также кольца, на коихъ вырѣзаны были лампы; члены были обязаны имѣть у себя по кольцу“ [2]). Такая же точно античная лампа, какая вырѣзана на печати, скрѣпившей письмо Пушкина къ Мансурову, изображена на заглавномъ листѣ книги Я. Н. Толстого „Мое праздное время, или собраніе нѣкоторыхъ стихотвореній Якова Толстаго“, СПБ., 1821. Она входитъ въ составъ гравированной виньетки, гдѣ нарисованы въ облакахъ лира, якорь, а между ними—лампа. Яковъ Толстой былъ однимъ изъ членовъ общества Зеленой Лампы. Трудно предположить, что изображеніе лампы на первой страницѣ его книги было случайно и не имѣло опредѣленнаго смысла. Г. Щеголевъ говоритъ объ обмѣнѣ кольцами, которымъ члены „Зеленой Лампы“ скрѣпляли „взаимную клятву“ [3]). Быть можетъ, то кольцо, которымъ Пуш-

---

[1]) Переписка П., академич. изд., I, 93.
[2]) «П. и его соврем.», вып. VII, стр. 30, 42.
[3]) Ibid., 33, 34.

кинъ запечаталъ свое письмо къ Мансурову, и носило одну изъ принятыхъ въ обществѣ и хорошо понятныхъ его членамъ эмблемъ. Во всякомъ случаѣ, едва-ли случайно скрѣплено ею письмо одного лициста къ другому, отправленное, вѣроятно, при посредствѣ третьяго члена содружества „Зеленой Лампы".

III.

Письмо Пушкина о началѣ греческаго возстанія.

Это извѣстное письмо впервые напечаталъ П. В. Анненковъ [1]) далеко не точно, съ черновика, сохранившагося въ бумагахъ Пушкина [2]). Бѣловикъ письма неизвѣстенъ. „5-го марта 1821 г."— говоритъ Анненковъ—„начались рѣзня и убійства въ Яссахъ и Галацѣ. Пушкинъ едва успѣлъ собрать первыя подробности о дѣлѣ, какъ, съ дозволенія Инзова, уѣхалъ въ Одессу и уже оттуда извѣщалъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, кого-либо изъ каменскихъ жителей слѣдующимъ письмомъ о началѣ греческой революціи"... Въ подлинникѣ нѣтъ имени адресата письма, и Анненковъ высказалъ осторожное и довольно правдоподобное предположеніе, что Пушкинъ писалъ въ Каменку, гдѣ жили люди, не только раздѣлявшіе его тогдашній интересъ къ разгоравшемуся на Балканахъ и на Дунаѣ движенію, но даже сами поддерживавшіе въ поэтѣ этотъ политическій жаръ. Изъ монографіи Анненкова П. А. Ефремовъ перенесъ письмо въ VII томъ редактированнаго имъ изданія сочиненій Пушкина (Ф. Анскаго, 1882 г.) съ заголовкомъ: „Къ А. Н. Раевскому", а затѣмъ и другіе издатели стали вносить его въ свои сборники писемъ Пушкина. Въ послѣднемъ изданіи П. А. Ефремова (Суворина, т. VIII) повторено, что оно адресовано А. Н. Раевскому и послано изъ Кишинева, хотя никакими доводами это утвержденіе не подкрѣплено. Такъ же опредѣлилъ его и П. О. Морозовъ въ обоихъ своихъ изданіяхъ (литературнаго фонда и „Просвѣщенія"), тоже безъ всякихъ доказательствъ. Тѣ же обозначенія адресата и мѣста написанія письма находимъ и въ академическомъ изданіи переписки Пушкина, откуда оно было перепечатано въ вышедшемъ недавно I томѣ „Архива Раевскихъ".

Не понятно, почемувсѣ издатели, начиная съ Ефремова, считаютъ это письмо адресованнымъ А. Н. Раевскому. Вопросъ этотъ не лишенъ значенія для біографіи Пушкина, именно для исторіи

---

[1]) «Пушкинъ въ Александровскую эпоху», 185—188,

[2]) Румянцовс. музей, тетр. № 2386—В, л.л. 8, 72 (см. «Русск. Стар.» 1884 г., декабрь, 541).

его отношеній къ знаменитому „Демону“, и изученіе этихъ отношеній приводитъ насъ къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ. Именно А. Н. Раевскому изъ всего кіевско-ка́менскаго кружка знакомыхъ и друзей Пушкина это письмо менѣе всего могло быть адресовано.

1821 годъ былъ временемъ расцвѣта „вольнолюбивыхъ надеждъ“ Пушкина, которымъ дало сильный толчокъ греческое движеніе, разыгравшееся на самой границѣ Бессарабіи и отчасти даже въ русскихъ предѣлахъ. Тогда поэтъ горячо взывалъ: „Возстань, о Грецiя, возстань“... [1]) и въ извѣстныхъ стихахъ къ В. Л. Давыдову выразилъ надежду „кровавой чаши причаститься“. Въ одномъ греческомъ обществѣ, гдѣ нѣкоторые сомнѣвались въ успѣхѣ возстанія, Пушкинъ „между пятью греками одинъ говорилъ какъ грекъ; всѣ сомнѣвались въ успѣхѣ предпріятія этеріи“—разсказываетъ онъ въ своемъ дневникѣ.—„Я твердо увѣренъ, что Грецiя восторжествуетъ, и 2.500.000 турковъ оставятъ цвѣтущую страну Эллады наслѣдникамъ Гомера и Ѳемистокла“. Событія, которыя переживалъ онъ тогда, захватили его всего; въ этой эпохѣ онъ видѣлъ прежде всего славную эпоху греческаго возстанія и писалъ („Къ Овидію“) о своей жизни въ Бессарабіи:

Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
Великодушный грекъ свободу вызывалъ...

Анненковъ не могъ не обратить вниманіе на „восторженный тонъ по поводу возстанія, которымъ отличается письмо“, сообщенное имъ. Дѣйствительно онъ дышитъ горячимъ энтузіазмомъ юнаго „либералиста“. „Прекрасныя минуты надежды и свободы... Восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени; всѣ мысли устремлены къ одному предмету—на независимость древняго отечества. Въ Одессахъ [2]) я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища: въ лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ—вездѣ собирались толпы грековъ; всѣ продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили объ Леонидѣ, объ Ѳемистоклѣ, всѣ шли въ войско счастливца Ипсиланти. Жизнь, имѣнія грековъ въ его распоряженіи... Кинемъ пророческій взоръ на будущее и постараемся разгадать судьбу Греціи. Странная картина! Два великихъ народа, давно падшихъ въ презрительное ничтожество, въ одно время возстаютъ изъ праха и возобновленные являются на

[1]) См. наши замѣтки въ „Русс. Стар.» 1908 г., мартъ, 661—662, и въ венгеровскомъ изданіи сочиненій Пушкина, II, 615—616.

[2]) Такъ называлъ Одессу не одинъ Пушкинъ (см., напр., „Архивъ Раевскихъ“, I, 276).

политическомъ поприщѣ міра. Первый шагъ Ипсиланти прекрасенъ и блистателенъ! Онъ счастливо началъ—28 лѣтъ, оторванная рука, цѣль великодушная! отнынѣ и мертвый иль побѣдитель онъ принадлежитъ исторіи—завидная участь!"... Лицо, которому писалъ Пушкинъ, очевидно, раздѣляло взгляды поэта, дѣлившагося съ нимъ не только свѣдѣніями, но и чувствами, и, вѣроятно, даже само просило друга сообщать о ходѣ греческихъ дѣлъ. И поэтъ пишетъ: „вотъ тебѣ подробный отчетъ послѣднихъ происшествій нашего края... Во всякомъ случаѣ буду увѣдомлять"... У Пушкина есть еще два черновыя письма, относящіяся уже къ одесскому періоду жизни поэта и обращенныя, по словамъ Анненкова, одно — „къ какому-то дальному пріятелю" [1]) а другое — „къ кому-то въ Петербургѣ" [2]). Прежній пылъ поэта остылъ, онъ разочаровался во многомъ и, между прочимъ, въ грекахъ, въ которыхъ прежде видѣлъ сплошь Леонидовъ и Мильтіадовъ, а теперь сталъ замѣчать „карманныхъ воришекъ, трусовъ и бродягъ". Оба эти письма издатели [3]) считаютъ, хотя не безъ колебанія (съ знакомъ вопроса), адресованными тоже А. Н. Раевскому. Б. Л. Модзалевскій [4]) отказался признать ихъ обращенными къ Раевскому на томъ основаніи, что онъ „въ то время (іюнь 1824 г.) жилъ также въ Одессѣ". Письма, конечно, писаны въ Одессѣ, въ нихъ отразились одесскія настроенія Пушкина и пріобрѣтенный имъ въ Одессѣ жизненный опытъ, но датированіе ихъ именно іюнемъ 1824 г. [5]) не имѣетъ основаній, и датировать ихъ опредѣленнѣе, чѣмъ концомъ 1823 г. или первой половиной 1824 г., невозможно. Письма эти, такъ же, какъ и письмо 1821 г., не могли быть адресованы А. Н. Раевскому. Быть можетъ, всѣ они были посланы не разнымъ лицамъ, а одному, но этимъ лицомъ не былъ А. Н. Раевскій.

Прототипъ, почти оригиналъ пушкинскаго „Демона" въ наши дни выясненъ достаточно хорошо. Среди всѣхъ окружавшихъ Пушкина и близкихъ ему людей А. Н. Раевскій — одна изъ самыхъ оригинальныхъ и яркихъ фигуръ. Это былъ прежде всего скептикъ, отъ котораго вѣяло холодомъ, и его дружба вливала въ душу поэта сладкій, но „хладный ядъ", и печальны были ихъ встрѣчи. Едва появился въ печати „Демонъ", всѣ узнали Раевскаго. Скептицизмъ

---

[1]) П. въ Александр. эпоху, 203.

[2]) Тамъ же, 206.

[3]) П. О. Морозовъ въ обоихъ своихъ изданіяхъ, П. А. Ефремовъ, В. И. Саитовъ.

[4]) «Архивъ Раевскихъ», I, 233.

[5]) Эта дата дана академическимъ изданіемъ переписки Пушкина, которымъ пользовался редакторъ „Архива Раевскихъ".

его не щадилъ ничего и, конечно, распространялся и на политическія увлеченія его друзей и современниковъ. Это помогло ему уцѣлѣть въ бурю 1825—1826 г.г. Когда онъ и его братъ были арестованы и увезены въ Петербургъ, ихъ отецъ писалъ: „Я безъ основанія утверждать не стану, но отвѣчаю за ихъ невинность, за ихъ образъ мыслей и за ихъ поступки“ [1]). а нетрудно понять, какой смыслъ вкладывалъ въ эти слова старый служака, „свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный“, какъ охарактеризовалъ его Пушкинъ, но, конечно, далекій отъ чувствъ и стремленій молодежи двадцатыхъ годовъ и едва-ли хоть краемъ уха прислушивавшійся къ шумѣвшимъ вокругъ него въ Каменкѣ и Кіевѣ „демогагическимъ спорамъ“. Когда Воронцовъ, желая найти поводъ къ высылкѣ изъ Одессы А. Н. Раевскаго, оклеветалъ своего личнаго врага въ политической неблагонадежности, старикъ отецъ съ рѣзкой прямотой и горячностью писалъ Государю: „сынъ мой не въ состояніи говорить, ни мыслить противъ правительства“ [2])... Того же мнѣнія былъ о немъ и Пушкинъ, который, узнавъ объ его арестѣ, писалъ Дельвигу: „мнѣ сказывали, что А. Раевскій подъ арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности“... Скептическій и осторожно-холодный „Демонъ“, въ концѣ 1820 г., въ Каменкѣ, разсказываетъ И. Д. Якушкинъ [3]), „не принадлежа самъ къ Тайному Обществу, но подозрѣвая его существованіе, смотрѣлъ съ напряженнымъ любопытствомъ на все происходящее вокругъ него... Въ послѣдній вечеръ Орловъ, В. Л. Давыдовъ, Охотниковъ и я сговорились такъ дѣйствовать, чтобы сбить съ толку Раевскаго насчетъ того, принадлежимъ ли мы къ Тайному Обществу, или нѣтъ. Для большаго порядка при нашихъ преніяхъ былъ выбранъ президентомъ Раевскій. Съ полушутливымъ и полуважнымъ видомъ онъ управлялъ общимъ разговоромъ. Когда начинали очень шумѣть, онъ звонилъ въ колокольчикъ; никто не имѣлъ права говорить, не спросивъ у него на то дозволенія, и т. д. Въ послѣдній этотъ вечеръ пребыванія нашего въ Каменкѣ, послѣ многихъ разсужденій о разныхъ предметахъ, Орловъ предложилъ вопросъ: насколько было бы полезно учрежденіе Тайнаго Общества въ Россіи? Самъ онъ высказалъ все, что можно было сказать за и противъ Тайнаго Общества. В. Л. Давыдовъ и Охотниковъ были согласны съ мнѣніемъ Орлова; Пушкинъ съ жаромъ доказывалъ всю пользу, какую бы могло принести Тайное Общество Россіи.

[1]) „Архивъ Раевскихъ“, I, 264.

[2]) Ibid., 396.

[3]) Записки, изд. 2-ое, М., 1905, стр. 50—52.

Тутъ, испросивъ слово у президента, я старался доказать, что въ Россіи совершенно невозможно существованіе Тайнаго Общества, которое могло бы быть хоть на сколько-нибудь полезно; Раевскій сталъ мнѣ доказывать противное и исчислилъ всѣ случаи, въ которыхъ Тайное Общество могло бы дѣйствовать съ успѣхомъ и пользой; въ отвѣтъ на его выходку я ему сказалъ: мнѣ не трудно доказать вамъ, что вы шутите; я предложу вамъ вопросъ: если бы теперь уже существовало Тайное Общество, вы навѣрно къ нему не присоединились бы?—„Напротивъ, навѣрное бы присоединился", отвѣчалъ онъ.—Въ такомъ случаѣ давайте руку, сказалъ я ему. И онъ протянулъ мнѣ руку, послѣ чего я расхохотался, сказавъ Раевскому: разумѣется, все это только одна шутка. Другіе также смѣялись"... Завѣдомаго скептика, домашняго Мефистофеля, искренности словъ котораго никто не довѣрялъ, хотѣли вышутить и проучить, справедливо увидѣвъ въ его поведеніи—„выходку". Женатый на его сестрѣ князь С. Г. Волконскій [1]) аттестуетъ его „человѣкомъ хитрымъ и осторожнымъ". Двухъ мнѣній о Раевскомъ не было [2]). Всегда вѣрный себѣ, онъ былъ для всѣхъ одинъ и тотъ же. Столкновеніе съ этой натурой заставляло душу Пушкина не расширяться, а сжиматься, и едва-ли такой умный человѣкъ какъ Пушкинъ, бывшій къ тому же свидѣтелемъ описанной Якушкинымъ „выходки" Раевскаго, сталъ бы писать „Демону" свое восторженное письмо о греческомъ возстаніи. Въ 1823 г. поэтъ писалъ, что въ тѣ дни, когда ему „были новы всѣ впечатлѣнья бытія", т. е. гораздо раньше 1823 г., еще при первыхъ встрѣчахъ съ Раевскимъ, „Демонъ" звалъ прекрасное мечтою и смѣялся надъ любовью и надъ свободой.

Наконецъ, у насъ есть свидѣтельство самого Раевскаго, который говорилъ Пушкину (въ единственномъ дошедшемъ до насъ письмѣ къ нему: „Je ne vous ai jamais parlé politique; vous savez que je n'ai pas grand respect pour celle des poëtes"... Пушкинъ обладалъ удивительно-вѣрнымъ житейскимъ тактомъ; его переписка показываетъ, какъ легко, совершенно инстинктивно онъ умѣлъ приспособляться къ характерамъ и интересамъ своихъ корреспондентовъ; онъ далекъ былъ отъ всякихъ изліяній, когда чувствовалъ, что они могутъ пасть на скудную, негостепріимную почву. Познакомившись съ „Горемъ отъ ума", онъ сталъ на сторону героя, но пожалѣлъ о его безтактности: „все что говоритъ онъ очень умно.

---

[1]) Записки, изд. 1902 г., стр. 410.

[2]) О Раевскомъ см. очеркъ М. О. Гершензона «Орловъ» (въ «Исторіи Молодой Россіи») и мою ст. въ венгеровс. изд. сочин. Пушкина, II, 619—623.

Но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно. Первый признакъ умнаго человѣка—съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло"... Сталъ ли бы Пушкинъ искать сочувствія своимъ „вольнолюбивымъ надеждамъ" у того, кто „не вѣрилъ свободѣ"!..

Указаніе Анненкова на ка́менскаго корреспондента Пушкина лишь догадка, но весьма правдоподобная. Въ Кіевѣ и Каменкѣ, бывшей однимъ изъ центровъ броженія на югѣ, Пушкинъ зналъ человѣка совсѣмъ другого склада, чѣмъ Александръ Раевскій. Это былъ одинъ изъ хозяевъ Каменки, Василій Львовичъ Давыдовъ [1]), впослѣдствіи декабристъ. На его половинѣ, по разсказу Якушкина, происходили „демагогическіе споры"; онъ состоялъ предсѣдателемъ ка́менской управы тульчинской думы. Въ томъ же 1821 г., и почти въ одно время съ письмомъ о греческомъ возстаніи (когда „на брегахъ Дуная бунтуетъ нашъ безрукой князь"), Пушкинъ написалъ Давыдову извѣстное посланіе, по духу и отчасти по содержанію весьма схожее съ интересующимъ насъ письмомъ.

...Все невольно вспоминаю,
Давыдовъ, о твоемъ винѣ...
Вотъ эвхаристія другая
Когда и ты и милый братъ
Передъ каминомъ надѣвая
Демократическій халатъ—
Спасенья чашу наполняли
Безпѣнной, мерзлою струей
И за здоровье тѣхъ и той
До дна, до капли выпивали!..
Но *тѣ* въ Неаполѣ шалятъ,
А *та* едва-ли тамъ воскреснетъ:
Народы тишины хотятъ,
И долго ихъ яремъ не треснетъ.
Ужель надежды лучъ исчезъ?
Но—нѣтъ—мы счастьемъ насладимся,
Кровавой чаши причастимся
И я скажу: Христосъ воскресъ...

„Тѣ" и „та" по вѣрному объясненію Анненкова [2]),—итальянскіе карбонаріи и Франція, въ которой снова утвердились Бурбоны. Въ письмѣ Пушкинъ говоритъ о возрожденіи „двухъ великихъ на-

[1]) О немъ см. „Архивъ Раевскихъ", I, 205; венгеровск. изд. сочиненій Пушкина, II, 564.

[2]) П. въ Алекс. эпоху, 184.

родовъ, давно падшихъ въ презрительное ничтожество". Одинъ народъ — греки, возстанію которыхъ посвящено письмо, другой — итальянцы, начавшіе „шалить" въ Неаполѣ. Въ стихахъ поэтъ надѣялся причаститься кровавой чаши; въ прозѣ же онъ предвидѣлъ „послѣдствія, важныя не только для нашего края [1]), но и для всей Европы [—особенно для Россіи]". Энтузіазмъ письма не такъ горячъ, какъ бурный пылъ, проникающій посланіе, но въ тонѣ много общаго, и впечатлѣніе говоритъ, что и письмо, и посланіе обращены къ одному лицу.

Предположеніе, что о греческомъ возстаніи Пушкинъ писалъ именно В. Л. Давыдову, конечно, гораздо вѣроятнѣе прежняго предположенія. Во всякомъ случаѣ этимъ корреспондентомъ поэта не былъ Александръ Раевскій.

Датируется письмо разно. П. А. Ефремовъ отнесъ его къ марту или апрѣлю, П. О. Морозовъ—также; В. И. Саитовъ—къ марту. Пушкинъ говоритъ: „въ Одессахъ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища"... и т. д.: значитъ, письмо писано или въ Одессѣ, или по возвращеніи изъ Одессы. Пушкинъ, по словамъ П. И. Бартенева [2]), былъ въ Одессѣ въ половинѣ мая. 15 мая и Одессой помѣченъ эпилогъ „Кавказскаго плѣнника". Еще 2 мая Пушкинъ выдалъ кишиневской полиціи росписку въ полученіи повѣстки объ уплатѣ денежнаго долга, а 5 мая далъ письменный отзывъ на это требованіе [3]). Значитъ, еще въ началѣ мая онъ былъ въ Кишиневѣ и лишь потомъ очутился въ Одессѣ. Одно изъ двухъ: или письмо было писано въ маѣ, если поѣздка въ Одессу была весною 1821 г. одна, или въ апрѣлѣ, если Пушкинъ совершилъ поѣздку туда еще раньше. При близости Кишинева и Одессы ему это было нетрудно, тѣмъ болѣе, что Инзовъ, разрѣшавшій ему отлучки, былъ очень снисходителенъ къ нему. Весьма возможно, что весною 1821 г. Пушкинъ былъ въ Одессѣ два раза, въ апрѣлѣ и въ маѣ. 23 марта онъ писалъ Дельвигу: „Недавно пріѣхалъ въ Кишиневъ и скоро оставляю благословенную Бессарабію, есть страны благословеннѣе"... Это былъ намекъ на Одессу; въ „Онѣгинѣ" Пушкинъ назвалъ ее: „благословенные края". Пушкинъ возвратился изъ Кишинева въ

---

[1]) Т. е. Бессарабіи.

[2]) «Русс. Арх.» 1866 г. ст. 1139, 1151, 1152.

[3]) «Дѣло по 2-му столу кишиневской градской полиціи о взысканіи съ коллежскаго секретаря Александра Пушкина 2000 руб., должныхъ дворовому человѣку капитана фонъ-Лоде Федору Роспну», лл. 9 и 10 (см. Отчетъ И. Публ. Библіотеки за 1900 и 1901 гг., стр. 231).

первыхъ числахъ марта [1]). Значитъ, въ мартѣ онъ въ Одессѣ не былъ, и письмо во всякомъ случаѣ не могло быть написано въ мартѣ.

Всѣ издатели писемъ Пушкина согласно помѣчаютъ письмо о греческомъ возстаніи Кишиневомъ. Анненковъ говоритъ, что оно было писано изъ Одессы. Разрѣшить это колебаніе не представляется возможнымъ. Слова: „въ Одессахъ я уже не засталъ“... одинаково могли быть написаны какъ въ Кишиневѣ, такъ и въ Одессѣ.

IV.

Два объясненія.

Въ помѣщенныхъ во II томѣ издаваемаго С. А. Венгеровымъ собранія сочиненій Пушкина примѣчаніяхъ къ одѣ „Кинжалъ“ приведены два стиха изъ недошедшей до насъ сатиры А. Г. Родзянко на Пушкина:

И всѣ его права иль два иль три Ноэля,
Гимнъ Занду на устахъ, въ рукѣ портретъ Лувеля...

Словамъ „всѣ его права“ дано такое толкованіе: „можетъ быть, намекъ на оду „Вольность“, гдѣ Пушкинъ провозглашаетъ ненарушимость правъ гражданина и превозноситъ твердость законовъ“. А. Грузинскій, разбирая II томъ венгеровскаго изданія [2]), предложилъ другое объясненіе: „изъ сатиры Родзянки извѣстны только приведенные два стиха; но общій пренебрежительный ея тонъ ясенъ и изъ нихъ. Напрашивается всего скорѣе предположеніе, что Родзянко считалъ сочиненіе „Ноэля“, „Кинжала“ и браваду съ портретомъ убійцы герцога Беррійскаго ничтожными или предосудительными правами Пушкина на политическую роль и значеніе; видѣть здѣсь сопоставленіе съ одой „Вольность“ нѣтъ основаній“.

Все дѣло въ томъ, какъ читать эти два стиха. Г. Грузинскій видитъ въ нихъ законченное предложеніе: „всѣ его права (суть) иль два, иль три Ноэля“... и т. д. Если такъ, то предлагаемое имъ толкованіе должно быть принято безъ отговорокъ. Но можно считать эти вырванные изъ сатиры стихи лишь частью предложенія, гдѣ слова—права, Ноэли, гимнъ, портретъ служатъ лишь равносильными подлежащими въ предложеніи, сказуемое котораго намъ неизвѣстно. Тогда придется принять вышеприведенное объясненіе,

---

[1]) «Русс. Арх.» 1866 г., ст. 139; «Москвитянинъ» 1850 г., апрѣль, кн 1, стр. 195—196.

[2]) „Русская Мысль“ 1908 г., ноябрь, библіографія, стр. 23—235.

предложенное нами. Думается, что если бы въ этихъ двухъ стихахъ заключалось полное предложеніе, то едва-ли Родзянко сказалъ бы: „*иль* два, иль три Ноэля“, а не просто: „два - или три Ноэля“, что было бы гораздо складнѣе. Сказать: „Пушкинъ написалъ или два или три Ноэля“ будетъ не такъ правильно, какъ:— „Пушкинъ написалъ два или три Ноэля“. Если же считать стихи не цѣльнымъ предложеніемъ, а лишь частью предложенія, то въ связи съ пренебрежительнымъ тономъ сатиры ясно, что Родзянко могъ презрительно сказать: „всѣ его права, иль два, иль три Ноэля“ (смыслъ такой: не помню, право, сколько ихъ было)... Стихи Родзянки извѣстны изъ письма В. И. Туманскаго, который, приводя ихъ въ своей перепискѣ съ двоюродной сестрою, съ негодованіемъ отнесся къ поступку Родзянки; трудно поручиться, что Туманскій цитировалъ законченное предложеніе, а не лишь начало его. Нелишнее замѣтить, что Туманскому и не было, можетъ быть, надобности приводить все предложеніе, такъ какъ сатира была извѣстна его корреспонденткѣ: „я вспомнилъ“—писалъ Туманскій,— „что обѣщалъ тебѣ сказать свое мнѣніе о сатирѣ Родзянки, и такъ исполню обѣщаніе“... и проч.[1]). Во всякомъ случаѣ этотъ маленькій вопросъ можетъ быть разрѣшенъ лишь тогда, когда будетъ найдена вся пьеса Родзянки.

Продолжая свои „замѣчанія, цѣлью которыхъ“—говоритъ критикъ—„было показать, что мы просмотрѣли книгу съ полнымъ вниманіемъ“, г. Грузинскій говоритъ: „не можемъ никакъ согласиться и съ толкованіемъ (стр. 617), будто въ словахъ Пушкина, что онъ уничтожастъ (въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“) *хладнаго скопца* „изъ уваженія къ давней дѣвственности А. Л.“, иниціалы должны означать тетушку Анну Львовну. Они, конечно, означаютъ мужчину: вслѣдъ за ними Пушкинъ выписываетъ четыре строки изъ поэмы въ новой редакціи, очевидно тутъ же съимпровизированной въ примѣненіи къ этому А. Л.: „Не зритъ лица его гаремъ“... Тетушка здѣсь и неожиданна, и комична. Добавимъ, что такое чтеніе иниціаловъ впервые дано было Саитовымъ; до сихъ поръ ихъ читали *А. И.*, и это давало вполнѣ подходящій смыслъ. Мы убѣждены, что если вторая буква не *И*, то она и не *Л*; но какова бы она ни была, все мѣсто можетъ относиться только къ одному лицу, которое обыкновенно тутъ и принято подразумѣвать“.

---

[1]) Письма В. И. Туманскаго и неизданныя его стихотворенія, Черниговъ 1891, стр. 11, 147.

Въ разбираемомъ г. Грузинскимъ мѣстѣ нашихъ примѣчаній къ „Бахчисарайскому Фонтану“ рѣчь шла вотъ о чемъ. Печатаніе „Бахчисарайскаго Фонтана“ Пушкинъ (онъ жилъ тогда въ Одессѣ) поручилъ своему другу кн. П. А. Вяземскому, мнѣнія котораго очень уважалъ. Вяземскій въ письмѣ, которое до насъ не дошло, посовѣтовалъ ему кое-что измѣнить въ текстѣ поэмы. Пушкинъ отвѣчалъ (приведемъ его письмо почти цѣликомъ, по академическому изданію его переписки, съ полной точностью).

„Конечно ты правъ и вотъ тебѣ перемѣны—

Язвительныя лобзанія напоминаютъ тебѣ твои... Поставь *прозительныхъ*. Это будетъ ново. Дѣло въ томъ что. моя Грузинка кусается, и это непремѣнно должно быть извѣстно публикѣ. *Хладнаю скопца* уничтожаю изъ уваженія къ давней дѣвственности А. Л.

Не зритъ лица его гаремъ.
Тамъ...
И не утѣшены никѣмъ,
Старѣютъ жены.

Меня ввелъ во искушеніе Бобровъ; онъ говоритъ въ своей Тавридѣ: *Подъ стражею скопцовъ Гарема*. Мнѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть, а къ тому-же я желалъ бы оставить рускому языку нѣкоторую библейскую похабность. Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды Европейскаго жеманства и Фр. утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе.

Но вѣрой матери моей
Была твоя——

Если найдешь удачную перемѣну то подари меня ею; если же нѣтъ, оставь такъ, оно довольно понятно. Нѣтъ ничего легче поставить *Равна, Грузинка, красотою* но *инка кр...* а слово Грузинка тутъ необходимо—впроччемъ дѣлай что хочешь“...

Письмо извѣстно какъ въ бѣловикѣ, хранящемся въ извѣстномъ Остафьевскомъ архивѣ, такъ и въ черновикѣ, записанномъ Пушкинымъ въ одной изъ своихъ черновыхъ тетрадей (Румянцевск. муз., № 2369, л. 41₁—см. „Русск. Стар.“ 1884 г., іюнь, 567). Редакторъ академическаго изданія переписки Пушкина, пользовавшійся обоими экземплярами, удостовѣряетъ (т. I, стр. 85), что и въ бѣловой, и въ черновой редакціи инціалы, показавшіеся г. Грузинскому сомнительными, ясно читаются: „А. *Л.*“ П. Морозовъ въ изданіи литературнаго фонда (VII, 57) печаталъ ихъ „А. П.“, а во второмъ своемъ изданіи („Просвѣщенія“, VIII, 48, а также III,

625) далъ несуществующій текстъ: „Александра Павловича“. Это лицо будто бы здѣсь и „принято подразумѣвать“, по мнѣнію г. Грузинскаго.

Пушкинъ указываетъ Вяземскому нѣсколько перемѣнъ въ текстѣ „Бахчисарайскаго Фонтана“. Въ текстѣ поэмы было первоначально сказано (о Заремѣ) такъ:

Чей страстный поцѣлуй живѣй
Твоихъ *язвительныхъ* лобзаній?

Но первомъ изданіи (1824 г.) это мѣсто дѣйствительно измѣнено:—*пронзительныхъ*. Въ рукописи говорилось (о Гиреѣ):

Забытый, преданный презрѣнью
Гаремъ не зритъ его лица;
Тамъ, обреченныя мученью,
Подъ стражей хладнаго скопца
Старѣютъ жены...

Второй и четвертый изъ приведенныхъ стиховъ Вяземскій и исправилъ по указанію Пушкина, такъ что въ печатномъ текстѣ выпущеннаго Вяземскимъ перваго изданія поэмы это мѣсто читается.

Забытый, преданный презрѣнью,
Не зритъ лица его гаремъ;
Тамъ, обреченныя мученью
И не утѣшены никѣмъ,
Старѣютъ жены...

Были внесены въ поэму и другія указанныя Пушкинымъ поправки.

Ясно, что стихи: „Не зритъ лица его гаремъ“... и т. д. въ письмѣ къ Вяземскому вовсе не были „съимпровизированы въ примѣненіи къ А. Л.“, какъ рѣшаетъ г. Грузинскій, а просто представляютъ собою одну изъ нѣсколькихъ перемѣнъ въ текстѣ „Бахчисарайскаго Фонтана“, и что фантастическій „Александръ Павловичъ“ тутъ ни при чемъ. Пушкинъ побаивался не въ мѣру стыдливой цензуры; объ этой боязни онъ говорилъ въ письмѣ къ Вяземскому (4 ноября 1823 г.), прося его принять на себя заботу объ „этихъ безсвязныхъ отрывкахъ“. Вяземскій, вѣроятно, обратилъ его вниманіе на то, что сквозь игольное ушко цензуры едвали пройдетъ „хладный скопецъ“, и Пушкину пришлось его устранить, какъ онъ шутилъ, „изъ уваженія къ давней дѣвственности А. Л.“ (въ черновикѣ послѣ „хладнаго скопца уничтожаю“ даже сказано: „не столько для А. Л., какъ для“, но эти слова зачеркнуты). Въ нашихъ примѣчаніяхъ къ „Бахчисарайскому Фонтану“

было выражено мнѣніе, что А. Л.—„смѣшная тетушка поэта, старая дѣва Анна Львовна Пушкина". Надъ этой тетушкой поэтъ всегда потѣшался. Когда она умерла, онъ почтилъ ея прахъ комической элегіей: „Охъ, тетенька! Охъ, Анна Львовна"... „Тетка умерла"—писалъ онъ брату въ ноябрѣ 1824 г.:—„ѣду завтра въ Святыя горы и велю отпѣть молебенъ или панихиду, смотря по тому, что дешевле". Отъ дядюшки Василія Львовича, „нѣжнаго, тонкаго, остраго, надъ которымъ онъ тоже смѣялся, онъ ждалъ по этому поводу „какого-нибудь перевода" или „хоть эпитафіи" (письмо къ Вяземскому 29 ноября 1824 г.). Въ одномъ изъ варіантовъ къ „Графу Нулину" Пушкинъ, вспоминая о бѣдной Аннѣ Львовнѣ, далъ въ руки своей героинѣ книгу—

Любовь Элизы и Армана
Или Нещастья двухъ семей,
Романъ классическій, старинный,
Отмѣнно длинный, длинный, длинный,
Отрада дѣвушки невинной,
Покойной тетушки моей...

Накакихъ иниціаловъ „А. П." въ подлинныхъ пушкинскихъ письмахъ нѣтъ, а есть „А. Л.", истолковать которые иначе какъ „Анна Львовна" невозможно. Находить же здѣсь, совершенно не у мѣста, „Александра Павловича" было бы, по выраженію критика, въ поискахъ „подходящаго смысла" не разобравшаго, что Пушкинъ не сочинялъ нарочито никакихъ стиховъ „въ примѣненіи" къ неизвѣстно для чего выдуманному „мужчинѣ", а просто указывалъ поправки въ текстѣ своей поэмы и вскользь пошутилъ надъ смѣшной старой дѣвой,—дѣйствительно „неожиданно и комично".

Н. Лернеръ.

Записки графа Л. Л. Беннигсена.
О кампаніи 1812 года.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на страницахъ „Русской Старины“ [1]) были помѣщены, въ переводѣ съ французскаго, записки графа Л. Л. Беннигсена о войнѣ 1806—07 г.г., которыя вслѣдъ за тѣмъ появились отдѣльнымъ изданіемъ. Въ настоящее время эти записки издаются въ Парижѣ [2]), на французскомъ языкѣ, съ копій, снятыхъ съ подлинника П. М. Майковымъ и любезно предоставленныхъ имъ въ распоряженіе издателя. Тщательно изданныя, онѣ сопровождаются многочисленными примѣчаніями и приложеніями, а также біографическими свѣдѣніями о гр. Беннигсенѣ и его семействѣ. Первые два тома обнимаютъ уже извѣстные читателямъ нашего журнала записки о войнѣ 1806—07 г.г., съ дополненіемъ двухъ, не попавшихъ въ русское изданіе, писемъ (II и XX), которыя были найдены П. М. Майковымъ уже послѣ изданія записокъ. Въ третій томъ вошли помѣщаемыя ниже воспоминанія генерала о кампаніи 1812 года, которыя появляются въ печати впервые. Они состоятъ изъ 12 писемъ, адресованныхъ Беннигсеномъ своему другу, генералу Фоку; письма эти не представляютъ цѣльнаго, связаннаго разсказа, и событія изложены въ нихъ не такъ обстоятельно, какъ событія кампаніи 1806 - 07 г.г., въ которой Беннигсенъ принималъ непосредственное участіе,—тѣмъ не менѣе они не лишены крупнаго историческаго интереса. Авторъ говоритъ въ нихъ о событіяхъ исключительно съ точки зрѣнія той важности, какую онѣ имѣли для него, и той роли, какую онъ въ нихъ игралъ.

---

[1]) «Рус. Старина» 1896 г., декабрь, 1897 г., янв., февр., апр., май 1899 г., іюль, сентябрь, октябрь, декабрь и 1900 г., янв., февр., мартъ.

[2]) Mémoires du général Bennigsen, avec une introduction, des annexes et des notes du capitaine du génie breveté E. Cazalas de l'état major de l'armée. (Publié sous la direction de la section historique de l'état major de l'armée). Paris, 1906—1908 г.г.

„Съ этой точки зрѣнія кампанію 1812 г. можно раздѣлить на три періода:

„1) *Отъ начала непріятельскихъ дѣйствій до исхода августа* (6 писемъ). Въ это время Беннигсенъ не занималъ въ арміи никакого оффиціальнаго положенія и слѣдилъ за военными событіями какъ простой зритель. Однако, находясь въ свитѣ императора Александра, онъ воспользовался этимъ, чтобы представить ему выработанный имъ планъ военныхъ дѣйствій, о которомъ онъ говоритъ въ своихъ запискахъ въ общихъ чертахъ, присовокупляя съ горечью, что его мысль не встрѣтила одобренія генерала Пфуля, пользовавшагося въ арміи большимъ вліяніемъ. Нѣсколько времени спустя, когда 1-я армія готовилась занять Дрисскій укрѣпленный лагерь, государь, по увѣренію Беннигсена, поручилъ ему разобрать планъ Пфуля, который онъ раскритиковалъ, и донесеніе, представленное имъ императору, произвело на послѣдняго столь сильное впечатлѣніе, что Александръ I приказалъ снять Дрисскій лагерь и отказался отъ выполненія плана, предложеннаго Пфулемъ.

„Богдановичъ, въ своей исторіи, ничего не говоритъ о роли, которую приписываетъ себѣ въ этомъ случаѣ Беннигсенъ. Конечно, въ настоящее время трудно сказать, кто правъ, но нельзя не отмѣтить, что Беннигсенъ съ особеннымъ удовольствіемъ распространяется о томъ огромномъ вліяніи, какое имѣлъ его отзывъ на рѣшеніе императора. Почти цѣлое письмо посвящено разбору плана Пфуля, который Беннигсенъ жестоко критикуетъ.

„2) *Отъ конца августа по 27 ноября* (4 письма). Въ это время Беннигсенъ исполнялъ обязанности начальника главнаго штаба. Этотъ періодъ ознаменовался битвами подъ Бородинымъ и Тарутинымъ, о которыхъ онъ сообщаетъ интересныя и довольно обстоятельныя подробности. Описывая Бородинскую битву, генералъ критикуетъ попутно Толя и говоритъ съ сожалѣніемъ о вліяніи, которое онъ пріобрѣлъ на главнокомандующаго. Во время Тарутинскаго сраженія, приблизительно около 18 октября, произошелъ разрывъ между Беннигсеномъ и Кутузовымъ, хотя Беннигсенъ и продолжалъ нести свои обязанности до 27 ноября.

„Въ послѣдній мѣсяцъ пребыванія Беннигсена въ арміи, который ознаменовался битвами при Малоярославцѣ, Вязьмѣ и Красной, онъ игралъ второстепенную роль. Это чувствуется въ его разсказѣ, несмотря на всѣ его недомолвки и на все его стараніе убѣдить читателя въ томъ, что онъ еще сохранилъ нѣкоторое вліяніе на дѣла. Въ этихъ письмахъ Беннигсенъ ограничивается критикой описываемыхъ имъ событій, которыя, по его словамъ, могли бы принять совсѣмъ иной оборотъ, если бы послушали его совѣтовъ. Но въ то

время, главнокомандующій, менѣе чѣмъ когда-либо, считался съ его мнѣніемъ.

„Въ послѣднемъ письмѣ, относящемся къ этому періоду, Беннигсенъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о дѣйствіяхъ Витгенштейна и оканчиваетъ письмо сообщеніемъ, что Кутузовъ предложилъ ему оставить армію.

„3) *Съ 27 ноября до окончанія военныхъ дѣйствій* (2 письма). Одно изъ этихъ писемъ, посвященное обзору дѣйствій Дунайской арміи, представляетъ какъ бы извлеченіе изъ записокъ адмирала Чичагова, заслужившаго справедливыя нареканія за свои не особенно удачныя дѣйствія подъ Березиной, и котораго Беннигсенъ защищаетъ; но его доводы поверхностны и мало убѣдительны.

„Чичаговъ былъ въ очень дурныхъ отношеніяхъ съ Кутузовымъ, котораго считалъ главной причиной сдѣланныхъ имъ ошибокъ; а этого было достаточно, чтобы заслужить симпатіи Беннигсена.

„Записки заканчиваются размышленіями объ ошибкахъ, сдѣланныхъ во время кампаніи обѣими сторонами.

„Какъ видно изъ вышесказаннаго, отличительною чертою записокъ о походѣ 1812 г. является критика Беннигсеномъ дѣйствій Пфуля, Толя и Кутузова и явная тенденція унизить „cet individu“, какъ непочтительно называетъ Кутузова Беннигсенъ. Однако онъ ничего не говоритъ о мотивахъ своего разрыва съ Кутузовымъ, хотя ему и представлялся тутъ прекрасный случай передать факты такъ, какъ они происходили между нимъ и фельдмаршаломъ. Онъ не говоритъ объ этомъ ни слова, оставляя полный просторъ предположеніямъ и догадкамъ. Не дѣлая попытки защититься, Беннигсенъ самъ постоянно нападаетъ на своего противника—доказательство, что его совѣсть была далеко не такъ спокойна, какъ онъ хотѣлъ это показать“.

Что касается воспоминаній о кампаніи 1813 г., также вошедшихъ въ 3-й томъ записокъ Беннигсена, то онѣ не закончены и состоятъ всего изъ четырехъ писемъ, которыя были напечатаны, въ свое время, въ „Военномъ Сборникѣ“, поэтому повторять ихъ здѣсь было бы конечно неумѣстно.

Александръ I въ Вильно.

Въ маѣ мѣсяцѣ (1812 г.) войско получило приказаніе двинуться къ границѣ. Не знаю, какими политическими соображеніями была вызвана эта мѣра, такъ какъ мы не разсчитывали перейти границу и идти навстрѣчу непріятелю, который былъ еще довольно далеко отъ нашихъ предѣловъ; этотъ шагъ не оправдывается никакими военными соображеніями, тѣмъ болѣе, что мы не только не пред-

полагали не допустить перехода непріятели черезъ границу, но напротивъ того, рѣшили начать отступленіе, когда онъ приблизится. Не подлежитъ сомнѣнію, что приближеніе нашихъ войскъ къ границѣ побудило непріятеля ускорить свой маршъ и поспѣшно сосредоточить свои войска.

Фельдмаршалъ Даву съ 80.000 приблизительно корпусомъ перешелъ Одеръ и расположился со своей главной квартирой въ Штеттинѣ. Остальные корпуса, составлявшіе эту многочисленную армію, двинулись къ Вислѣ.

7/19 апрѣля [1]), императоръ Александръ прибылъ въ Вильно, гдѣ онъ былъ встрѣченъ жителями съ изъявленіями восторга; встрѣча сопровождалась всѣмъ великолѣпіемъ и церемоніаломъ, какіе подобали монарху, прибывшему съ тѣмъ, чтобы стать во главѣ войска, которое готово было идти на врага, угрожавшаго завоевать его имперію. Всѣ военные, находившіеся въ Вильно и его окрестностяхъ, съѣхались въ городъ; войска были разставлены шпалерами вдоль улицъ, по которымъ императоръ долженъ былъ ѣхать изъ предмѣстья во дворецъ.

Генералитетъ и прочее офицерство, находившееся въ Вильно, образовали довольно значительный кортежъ, выѣхавшій за городъ навстрѣчу императору. При приближеніи къ городу, его величество сѣлъ на лошадь и въѣхалъ въ Вильно при звукахъ колоколовъ, звонившихъ во всѣхъ церквахъ, въ то время какъ изъ орудій былъ произведенъ 101 выстрѣлъ. Представители города и еврейскій кагалъ ожидали государя у заставы, гдѣ они привѣтствовали его подходящими къ случаю рѣчами. Приблизившись къ собору, гдѣ уже находился епископъ съ капитуломъ и знатнѣйшія духовныя лица въ парадныхъ одѣяніяхъ, е. и. в. сошелъ съ лошади и выслушалъ изъ устъ епископа, отъ имени всего духовенства, привѣтствіе по случаю своего пріѣзда и ихъ пожеланія о спасеніи его особы и имперіи. Послѣ чего императоръ снова сѣлъ на лошадь, чтобы продолжать путь По пути слѣдованія е. в. всѣ улицы и окна въ домахъ были переполнены народомъ. Словомъ, въѣздъ императора Александра въ Вильно былъ по истинѣ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, достойнымъ императора всея Россіи.

Въ числѣ высокопоставленныхъ особъ, сопровождавшихъ императора въ армію, прибыли, между прочимъ, е. и. в. принцъ Георгій Ольденбургскій, зять императора и его братъ, е. и. в. наслѣдный принцъ Августъ. Е. в. великій князь Константинъ Павловичъ, находившійся уже съ гвардіей въ Видзѣ, также пріѣхалъ на нѣ-

[1]) Но Богдановичу и Шильдеру 14/26 апрѣля.

сколько дней въ Вильно. Въ государевой свитѣ находились генералы баронъ Армфельдтъ и графъ Аракчеевъ, канцлеръ графъ Румянцевъ, министръ полиціи Балашевъ, д. тн. сов. графъ Кочубей, статсъ-секретарь Шишковъ, бывшій прусскій министръ баронъ Штейнъ, шведскій герералъ баронъ Левенгельмъ и т. д.

Тутъ мнѣ невольно приходится говорить о себѣ, такъ какъ дѣятельность, которая была снова возложена на меня, волею монарха, связана съ первыми военными дѣйствіями этой кампаніи, хотя въ дальнѣйшемъ ея ходѣ я принималъ весьма мало участія.

Со времени послѣдней войны, когда я былъ главнокомандующимъ русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ императора Наполеона, я жилъ уединенно со своей семьею на дачѣ близъ Вильно, не думая, что мнѣ придется когда-либо покинуть ее и начать снова дѣятельную жизнь, тѣмъ болѣе, что сформированіе войскъ, назначеніе командующихъ генераловъ, распредѣленіе войскъ, операціонный планъ,—словомъ, все уже было выработано въ Петербургѣ, до пріѣзда императора въ Вильно, при чемъ моего совѣта не спрашивали, мое мнѣніе не было принято въ соображеніе.

Выше я сказалъ, что всѣ генералы, находившіеся въ Вильно, т. е. всѣ тѣ, кои находились на дѣйствительной службѣ, выѣхали верхами навстрѣчу государю. Такъ какъ я не былъ въ числѣ этихъ лицъ, то я отправился во дворецъ, гдѣ и ожидалъ его пріѣзда съ представителями правительства и дворянства, собравшимися внизу у лѣстницы. Въѣхавъ во дворъ, императоръ замѣтилъ меня и, сойдя съ лошади, онъ обошелся со мною самымъ милостивымъ образомъ; войдя во внутренніе покои, е. в. подозвалъ меня и, отойдя къ окну, соблаговолилъ освѣдомиться о состояніи моего здоровья, спросилъ, не ощущаю ли я послѣдствій болѣзни, отъ которой я страдалъ въ исходѣ минувшей войны и по окончаніи ея. Выслушавъ мой отвѣтъ, что я совершенно оправился, е. в. присовокупилъ, что онъ весьма радъ видѣть меня въ томъ состояніи, въ какомъ я нахожусь.

Трудно передать впечатлѣніе, произведенное на генералитетъ прочее офицерство благосклоннымъ пріемомъ, оказаннымъ мнѣ императоромъ. Когда государь удалился, всѣ поспѣшили выказать мнѣ свою радость и желаніе видѣть меня снова на дѣйствительной службѣ,—желаніе, которое, скажу безъ излишняго самолюбія, раздѣлялось всей арміей.

Для начальника не можетъ быть бо́льшаго счастья, нежели когда онъ пользуется, какъ я, безграничнымъ довѣріемъ войска, коего я удостоился; къ этому я могу добавить, что я пользуюсь вмѣстѣ съ тѣмъ расположеніемъ большинства генералитета и офицерства. Такое отношеніе войска къ главнокомандующему имѣетъ несомнѣн-

ное преимущество, которое и сказывается во всѣхъ трудныхъ и критическихъ моментахъ войны; это даетъ ему увѣренность при встрѣчѣ съ непріятелемъ. Я говорю это не изъ преувеличеннаго самолюбія, а единственно потому, что меня всегда трогало довѣріе, съ какимъ наши храбрые солдаты относились ко мнѣ, чему я могъ бы привести не мало примѣровъ и воспоминаніе о чемъ сойдетъ со мной въ могилу.

На другой день по пріѣздѣ государя въ Вильно, 8/20 числа, во дворцѣ былъ данъ большой обѣдъ; я былъ въ числѣ приглашенныхъ генераловъ. Пріѣхавъ во дворецъ, я засталъ въ дежурной комнатѣ, въ числѣ прочихъ генерала Барклая, военнаго министра; отведя меня въ сторону, онъ сказалъ мнѣ, что императоръ поручилъ ему передать мнѣ желаніе е. в., чтобы я вступилъ снова на дѣйствительную службу, присовокупивъ, что государь, зная мою готовность служить ему, увѣренъ, что я не отвѣчу отказомъ; при этомъ Барклай передалъ мнѣ лестныя выраженія, въ какихъ е. в. отозвался обо мнѣ, давая ему это порученіе. Я отвѣчалъ, что готовъ посвятить остатокъ моей жизни на службу государю, и при этомъ выразилъ надежду, что е. в. дозволитъ мнѣ объясниться съ нимъ по этому поводу лично.

На слѣдующій день, 9/21 числа, около полудня, императоръ пріѣхалъ въ нашъ загородный домъ, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ мою жену и бесѣдовалъ съ нею и съ бывшими въ то время у насъ нѣсколькими дамами, болѣе часа; послѣ чего е. в. возвратился въ городъ, оставивъ все общество подъ обаяніемъ, какое его чарующая любезность производитъ на всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ счастье видѣть его въ интимной жизни.

Во время своего пребыванія въ Вильнѣ императоръ неоднократно удостоивалъ насъ своимъ посѣщеніемъ.

10/22 императоръ удостоилъ принять меня въ своемъ кабинетѣ. Не буду повторять здѣсь всего, что этотъ добрый монархъ сказалъ мнѣ любезнаго о прошломъ; человѣкъ менѣе чувствительный, нежели я, былъ бы тронутъ до глубины души; мнѣ ничего не оставалось, какъ отвѣтить, что я готовъ пролить послѣднюю каплю крови ради спасенія его имперіи. Но я присовокупилъ, что я прошу его, какъ милости, избавить меня отъ командованія арміей и дозволить мнѣ состоять при его особѣ. Еще въ послѣднюю войну я неоднократно просилъ уволить меня отъ командованія; я былъ всегда того убѣжденія, что въ критическихъ обстоятельствахъ, какъ напр. прошлая война, а равно и та, къ которой мы готовились, во главѣ арміи долженъ стоять человѣкъ съ русскимъ именемъ.

Моя просьба видимо понравилась монарху. Онъ изъявилъ на

это согласіе, ласково пожавъ мнѣ руку выше локтя, и приказалъ мнѣ носить его вензеля на эполетахъ, что составляетъ отличіе лицъ, причисленныхъ къ его военной квартирѣ.

Затѣмъ императоръ перевелъ разговоръ на современныя событія, въ краткихъ словахъ обрисовалъ свое поведеніе относительно Франціи, упомянулъ о томъ, какъ строго соблюдались имъ договоры, заключенные съ Наполеономъ, и какъ поступилъ относительно его этотъ послѣдній, вынудивъ его готовиться къ войнѣ, которой онъ не въ силахъ былъ избѣжать.

Этотъ сложный вопросъ былъ разобранъ императоромъ Александромъ такъ умѣло, что самый преданный Наполеону человѣкъ почувствовалъ бы всю вину его по отношенію къ Россіи.

Затѣмъ императоръ подошелъ къ картѣ, на которой было отмѣчено положеніе, занятое разными корпусами непріятельской арміи, судя по полученнымъ за послѣднее время извѣстіямъ объ ихъ маршѣ; всѣ предположенія, высказанныя императоромъ, на основаніи этихъ свѣдѣній, относительно дальнѣйшихъ намѣреній Наполеона и его первыхъ военныхъ дѣйствій, были вѣрны и основаны на глубокомъ знаніи военнаго дѣла.

Затѣмъ е. в. перешелъ къ обсужденію позицій, занятыхъ нашей арміей. Я замѣтилъ, что нахожу позицію, занятую нами, въ настоящую минуту опасной, такъ какъ войска слишкомъ удалены одно отъ другого, и Наполеонъ, сосредоточивъ главную массу своихъ силъ, могъ двинуться съ ними къ границѣ Литвы и пройти между 1 и 2 арміей, чтобы пресѣчь имъ сообщеніе и не дать имъ поддержать другъ друга (первое и величайшее зло, которое могло бы произойти изъ этого, заключалось бы въ томъ, что мы не оказались бы ни въ одномъ пунктѣ достаточно сильны, чтобы противостоять непріятелю гораздо болѣе сильному, нежели мы), поэтому я находилъ, что слѣдовало не теряя времени сблизить 2-ю армію съ 1-ой. Его величество одобрилъ мою мысль и приказалъ въ тотъ же день двинуть Волынскую армію въ Гродненкую губернію. Мы говорили еще о разныхъ предметахъ, относившихся къ текущимъ событіямъ, послѣ чего я разстался съ императоромъ въ восхищеніи, какъ это бывало всегда, отъ той легкости, съ какой онъ обсуждалъ самыя важныя дѣла, о вѣрности и проницательности его сужденія, о его вѣрныхъ и здравыхъ рѣшеніяхъ,—качества, съ которыми соединяется большая твердость духа.

Одно изъ самыхъ интересныхъ событій, случившихся во время пребыванія императора въ Вильно, былъ пріѣздъ шведскаго генерала Таваста, который, получивъ нѣсколько аудіенцій у императора, принявшаго его въ своемъ кабинетѣ и оказавшаго ему са-

мый милостивый пріемъ, продолжалъ свой путь въ Константинополь.

Нѣсколько времени спустя прибылъ генералъ-адъютантъ императора Наполеона Нарбоннъ, съ письмомъ своего монарха къ императору Александру, содержаніе коего по сейчасъ неизвѣстно. Онъ совѣщался нѣсколько разъ съ нашимъ императоромъ и, пробывъ въ Вильно два дня, возвратился къ своему монарху съ отвѣтомъ государя. Въ императорской квартирѣ г. Нарбонну былъ оказанъ большой почетъ. Это, какъ извѣстно, человѣкъ стараго режима; его манеры и его пріятная бесѣда свидѣтельствуютъ о знатности его происхожденія; поэтому императоръ Александръ находилъ, повидимому, удовольствіе бесѣдовать съ нимъ.

Самымъ важнымъ событіемъ, случившимся въ это время въ Вильно, былъ пріѣздъ посланнаго адмираломъ Чичаговымъ, командующаго молдавской арміей, дѣйствующей противъ турокъ, который привезъ донесеніе о заключеніи имъ мира, который долженъ быть ратификованъ обоими дворами; въ ратификаціи его со стороны Турціи не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ какъ къ этому договору приложена печать султана, поэтому не было примѣра, чтобы договоръ, подписанный визиремъ, не былъ утвержденъ въ Константинополѣ, хотя бы визирь и злоупотребилъ данными ему полномочіями.

Ни одно событіе не могло бы быть столь благопріятно и столь своевременно для Россіи, какъ миръ, заключенный съ Турціей. Онъ избавляетъ насъ отъ дальнѣйшей войны въ странѣ, гдѣ климатъ всегда былъ неблагопріятенъ для русскихъ; война это стоила намъ ежегодно массы людей, которые заболѣвали и наполняли госпиталя; каждая наша побѣда увеличивала зависть Австріи и Франціи, и могла заставить эти два двора сблизиться, чтобы дѣйствовать противъ насъ. Наконецъ, благодаря заключенію мира, мы получаемъ въ свое распоряженіе великолѣпную 40.000 армію, привыкшую къ боевой жизни, всѣмъ снабженную, которая черезъ сорокъ или сорокъ пять дней можетъ прибыть изъ Брестъ-Литовска, чтобы дѣйствовать непріятелю въ тылъ, если онъ проникнетъ слишкомъ далеко въ глубь страны; таковы крупныя преимущества, какія обѣщаетъ намъ это событіе.

Мнѣ еще придется вернуться къ этому предмету, когда нами будетъ получено изъ Константинополя извѣстіе о ратификаціи этого мира.

Сообщ. В. Т.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Воспоминанія жизни Э. Т. Теркера [1].

Года два спустя матушка поѣхала со своимъ отцомъ за границу, на воды, лѣчиться; на это время насъ, дѣтей помѣстили къ родственному семейству Шмидтъ. Госпожа Шмидтъ была сестрою моего отца. Въ средѣ этого семейства я провелъ все время на дачѣ, въ Парголовѣ; до сихъ поръ у меня остались въ памяти прогулки по красивому Парголовскому парку, на гору Парнасъ, особенно по воскресеньямъ вечеромъ, когда тамъ нерѣдко зажигались фейерверки, до которыхъ я былъ большой любитель и которые доставляли мнѣ всегда не малое удовольствіе. Въ теченіе этого лѣта у насъ случилась чувствительная имущественная потеря.

Такъ какъ мой отецъ былъ принужденъ значительную часть дня проводить внѣ дома, то въ видахъ большей безопасности, онъ передалъ всѣ свои цѣнныя бумаги на храненіе одной старушки родственницы, которая жила на скромной дачѣ въ Новой деревнѣ, полагая, что никто не будетъ подозрѣвать, что у нея находятся на храненіи цѣнныя бумаги. Но вѣроятно прислуга это все разузнала,—на дачѣ сдѣлался пожаръ и какъ былъ поводъ предполагать отъ поджога. Въ испугѣ, причиненномъ пожаромъ, старушка схватила прежде всего шкатулку съ бумагами и, чтобы ее спасти, имѣла неосторожность передать ее въ руки лакею, которому она

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1909 г.

довѣряла (какъ оказалось, безъ основанія, потому что онъ остался въ сильномъ подозрѣніи поджога дачи), поручивъ ему спасать прежде всего эту шкатулку. Когда пожаръ потушили, шкатулка оказалась пропавшею, а нѣсколько дней спустя ее нашли взломанною и пустою въ полѣ. Отецъ лишился такимъ образомъ почти всего своего небольшого состоянія, такъ такъ оно заключалось въ облигаціяхъ на предъявителя. Объ этомъ много говорили и тужили въ присутствіи насъ, дѣтей, и у меня потому явилась мысль, что такъ какъ отецъ все потерялъ, то онъ долженъ быть нищимъ и не мало удивлялся, когда онъ пріѣхалъ къ намъ на дачу, что вижу его въ томъ же хорошемъ пальтѣ, въ которомъ онъ всегда ходилъ, а не въ костюмѣ нищаго.

Впослѣдствіи благодаря совѣту и указаніямъ расположенныхъ къ отцу людей, удалось возстановить потерянное. Такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ни одинъ изъ украденныхъ билетовъ не былъ представленъ къ оплатѣ, при постепенномъ выходѣ ихъ въ тиражъ, то это обстоятельство позволяло предположить, что воры, найдя вмѣсто денегъ въ шкатулкѣ бумаги и не зная имъ цѣны, просто уничтожили ихъ для устраненія всякой противъ нихъ улики. При такихъ обстоятельствахъ, по ходатайству отца, ему было разрѣшено, по мѣрѣ выхода бумагъ въ тиражъ и накопленія по нимъ процентовъ, получать и капиталъ и проценты, взамѣнъ представленія залога, на случай, если бы все же явился предъявитель пропавшихъ облигацій. Такъ какъ на проценты, слѣдовавшіе по облигаціямъ и на вышедшія въ тиражъ суммы, правительство, въ случаѣ несвоевременнаго востребованія ихъ, не обязано было платить за срокъ невостребованія процентовъ—то такое разрѣшеніе могло быть дано, не нарушая ничьихъ интересовъ. Ни одинъ изъ пропавшихъ билетовъ никогда не былъ предъявленъ и потому, по ликвидаціи всего займа, наслѣдники получили обратно всѣ залоги. Впослѣдствіи, находясь въ положеніи директора Департамента Государственнаго Казначейства, вспоминая оказанное намъ благодѣяніе,—мнѣ удалось вывести изъ бѣды, при помощи такой же операціи, нѣсколькихъ лицъ, потерявшихъ свое состояніе при аналогическихъ же условіяхъ.

Осенью, по возвращеніи въ городъ, меня помѣстили временно въ школу Анненской церкви (лютеранской), находившійся въ близкомъ сосѣдствѣ съ квартирою г. Шмидтъ, гдѣ я жилъ. Тутъ разъ со мною случилось такое происшествіе. Въ классѣ находилась деревянная лѣстница, которая вела въ верхній этажъ; во время рекреаціи я, шаля, сталъ лазить вверхъ, вдоль перилъ этой лѣстницы. Въ это время вошелъ въ классъ инспекторъ училища,

Вейертъ, увидѣлъ меня въ лазающемъ положеніи, снялъ меня съ лѣстницы и поставилъ въ уголъ. Такъ какъ меня до тѣхъ поръ никогда въ школѣ не наказывали, то мнѣ это было очень совѣстно. Когда по возвращеніи домой тетушка спросила меня ну: какъ было въ школѣ, я сказалъ, что все было хорошо, смолчавъ о полученномъ наказаніи. Это единственный случай въ жизни, сколько могу припомнить, когда я сознательно солгалъ, и это не изъ страха дополнительнаго домашняго наказанія, а просто потому, что совѣстно было сознаться—никакъ не могъ превозмочь себя.

По возвращеніи матушки изъ-за границы, родители взяли насъ, дѣтей, опять домой. Свиданіе съ матушкой, послѣ продолжительнаго ея отсутствія, а также разныя игрушки, которыя она мнѣ привезена въ подарокъ изъ-за границы, доставили мнѣ большую радость. Въ ту же зиму меня помѣстили въ Петропавловскую школу (при Петропавловской лютеранской церкви). Въ этой школѣ я пробылъ около двухъ лѣтъ. Когда поступилъ туда, въ классахъ были простые крашенные черною краскою столы или пюпитры, всѣ изрѣзанные школьниками, которые надъ ними упражняли свои перочинные ножи. Затѣмъ во время рекреаціи школьники бѣгали и скакали по столамъ и скамейкамъ. Но на второй годъ, когда я возвратился послѣ вакансій, всѣ классы оказались отдѣланными заново, при чемъ старые, обезображенные черные пюпитры и столы были замѣнены новою ясневою полированной мебелью, все блестѣло, было чисто и красиво. Чтобы сохранить новую мебель въ порядкѣ и не допускать ея порчи—было объявлено строжайшее наказаніе за порчу скамеекъ и столовъ, надрѣзываніе ихъ и т. п. Не знаю, что болѣе подѣйствовало на молодежь—уваженіе къ хорошей мебели, или страхъ наказанія, но въ теченіе всего моего пребыванія въ школѣ не было ни одного подобнаго случая.

Изъ учителей въ школѣ помню учителя нѣмецкаго языка Геккера, котораго всѣ очень боялись. Хотя у Геккера былъ довольно непріятный характеръ, но у моего отца была такая способность пріобрѣтать любовь всѣхъ своихъ паціентовъ, что и Геккеръ, котораго онъ лѣчилъ, былъ ему душевно благодаренъ и предложилъ ему взять меня на лѣтнее время до вакансій, когда родители уѣзжали на дачу, къ себѣ, такъ какъ онъ содержалъ пансіонъ. При всей своей строгости онъ хорошо заботился о своихъ пансіонерахъ, доставлялъ имъ время отъ времени разныя развлеченія,—возилъ ихъ къ себѣ на дачу въ Лѣсной корпусъ, гдѣ мы очень весело проводили время въ разныхъ играхъ.

Около этого времени со мною случилось одно происшествіе, которое причинило мнѣ много страха. Изъ шалости я взялъ въ ротъ

небольшую мѣдную пряжку съ двумя зубцами и какъ-то нечаянно проглотилъ ее. Это меня ужасно испугало, я ожидалъ близкой отъ того смерти и страшно боялся. Меня сейчасъ заставили ѣсть кашу, чтобы наполнить желудокъ веществомъ, которое могло бы окружить проглоченную пряжку такъ, чтобы она не зацѣпилась зубцами въ кишкахъ, и все обошлось благополучно; хотя эту пряжку никогда не нашли и я долгое врема послѣ того еще опасался могущихъ произойти отъ того худыхъ послѣдствій.

Хорошо помню инспектора школы Ремгольда, котораго всѣ любили. У него не было дѣтей; но въ семействѣ его воспитывался молодой человѣкъ Гельцке, котораго онъ усыновилъ. Гельцке поступилъ потомъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ и несмотря на то, что онъ не имѣлъ протекціи и не происходилъ изъ аристократическаго семейства, на что тогда особенно смотрѣли въ министерствѣ, онъ сдѣлалъ блестящую карьеру, дослужившись до мѣста посланника (въ Гамбургѣ)—благодаря дружбѣ съ Гамбургеромъ, который пользовался большимъ вліяніемъ у князя Горчакова.

Особенною популярностью въ классѣ пользовался учитель русскаго языка Ульяновъ. Превосходный учитель, онъ умѣлъ всѣхъ заинтересовать своимъ преподаваніемъ, а его благородный характеръ заставлялъ учениковъ любить и уважать его.

Во время моего пребыванія въ пансіонѣ Геккера, послѣдовало открытіе первой желѣзной дороги въ Россіи—изъ С.-Петербурга въ Царское Село и Павловскъ. Объ этомъ много говорили, и это всѣхъ крайне интересовало. Однажды отецъ объявилъ мнѣ, что мы поѣдемъ по желѣзной дорогѣ въ Павловскъ въ гости къ дядѣ. Понятно, что все время до наступленія этого дня мое воображеніе было занято мыслію объ этой поѣздѣ и о томъ, что такое можетъ быть пресловутая желѣзная дорога. Я воображалъ, что это какой-то уложенный сплошнымъ желѣзомъ путь и потому былъ нѣсколько разочарованъ, когда, пріѣхавши на станцію, я ничего особеннаго не увидѣлъ, кромѣ двухъ узкихъ желѣзныхъ полосокъ, лежащихъ на землѣ, а впрочемъ дорога, какъ и всякая другая, вагоны тоже, кромѣ величины, мало отличались отъ обыкновенныхъ каретъ, локомотива же, который стоялъ впереди поѣзда, далеко отъ платформы станціи, я совсѣмъ не видѣлъ. Я не знаю самъ чего, я ожидалъ, но мое воображеніе забѣжало впередъ и рисовало мнѣ что-то необыкновенное, о чемъ я себѣ даже не могъ дать отчета,—очевидно, дѣйствительность не могла соотвѣтствовать чему-то неопредѣленно воображаемому.

Желѣзныя дороги составляли починъ тѣхъ удивительныхъ изобрѣтеній, которыми наполнено наше столѣтіе. Тогда не было еще ни телеграфа, ни телефона, ни электрическаго освѣщенія и т. д. Хотя такимъ образомъ можно сказать, что въ теченіе какихъ-нибудь 66-ти лѣтъ весь внѣшній строй жизни измѣнился, но удивительно, какъ это мало имѣло вліянія на внутреннюю жизнь. Какъ жилось тогда, что чувствовалось тогда, какіе тогда были интересы—въ сущности также живется и теперь, то же чувствуется, и такіе же проявляются интересы въ жизни — до такой степени внѣшняя обстановка имѣетъ мало вліянія на внутренній бытъ жизни людей.

Такъ какъ пришлось къ слову, то могу упомянуть еще о другомъ изобрѣтеніи, послѣдовавшемъ въ моей юности, это изобрѣтеніе фосфорныхъ спичекъ. Теперь это сдѣлалось достояніемъ всѣхъ и каждаго, а я еще помню время, когда спичекъ не существовало. Для добыванія огня въ то время въ жилыхъ комнатахъ употреблялись обыкновенно особенные приборы, въ которыхъ измельченная платина нагрѣвалась до кипѣнія струею водорода. Въ кухнѣ же и людскихъ огонь добывался просто кремнемъ. Въ каждой кухнѣ имѣлся обыкновенно желѣзный небольшой ящикъ, я еще помню его форму, въ которомъ лежали огниво, кремень и трутъ, т. е. жженыя тряпки. Огонь высѣкался изъ кремня и, падая на трутъ, производилъ его тлѣніе, затѣмъ имѣлись остроконечныя лучины, на концѣ смазанныя сѣрой, которыя уже тогда назывались спичками. Сѣрнистый конецъ такой лучины прикасался къ тлѣющему труту, и лучина загоралась. Первое изобрѣтеніе предметовъ, воспламеняющихся треніемъ, произошло въ Парижѣ,—въ формѣ продолговатыхъ небольшихъ кусочковъ бумаги, на концѣ смазанныхъ какою-то черною массою. Я еще помню, какъ отецъ однажды привезъ домой такую бумажку и къ немалому моему удивленію произвелъ ея воспламенѣніе треніемъ о небольшую коробочку.

Когда мнѣ минуло двѣнадцать лѣтъ, я былъ помѣщенъ во вторую гимназію, куда я поступилъ во второй классъ—и гдѣ я окончилъ весь курсъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ этому періоду моей жизни, считаю нужнымъ привести еще нѣсколько чертъ моего характера, рисующихъ мою индивидуальность.

Съ самой ранней юности у меня было сильно развито воображеніе. Я очень любилъ читать волшебныя сказки и затѣмъ въ своемъ воображеніи представлялъ себѣ разныя происшествія, при чемъ я самъ являлся дѣйствующимъ лицомъ, одареннымъ волшебной силой. Точно также въ слѣдующій періодъ юности трагедіи

Шиллера производили на меня глубокое впечатлѣніе. Прочитавъ одну изъ Шиллеровскихъ трагедій, я обыкновенно долго разгуливалъ по комнатѣ, придумывая различныя эпическія происшествія. Благодаря воображенію, мнѣ многое совершенно обыденное представлялось въ формѣ какой-то театральности; вмѣсто того, что происходило, я часто представлялъ себѣ нѣчто совершенно другое, крайне неопредѣленное, но говорившее моему воображенію. Такъ я еще помню, что когда я поступилъ въ Анненскую школу, то по утрамъ, приходя въ классъ, я садился на свое мѣсто и смотрѣлъ, какъ другіе мальчики входили, раскладывали свои книги, разговаривали между собою и т. п., все это движеніе мнѣ представлялось какъ бы происходящимъ передо мною на сценѣ, какъ бы приготовленіе къ какому-то походу или предпріятію, дѣйствуя возбудительно на мое воображеніе—между тѣмъ, какъ повидимому другіе ученики смотрѣли на дѣло совершенно реально и не предавались такимъ мечтаніямъ. На дачѣ кучеръ мнѣ сдѣлалъ самострѣлъ и вырѣзалъ родъ копья или булавы. Я обернулъ конецъ копья серебряной фольгой и постоянно гулялъ съ этимъ самодѣльнымъ оружіемъ, воображая себя какимъ-то странствующимъ рыцаремъ. Однажды мнѣ изъ самострѣла удалось попасть въ воробья, ударъ стрѣлы его ошеломилъ, и я поймалъ его, но потомъ мнѣ его стало жаль и когда онъ немного оправился, я отпустилъ его на свободу. Эта безобидная охота (ибо кромѣ этого одного раза мнѣ никогда не случилось на этой дѣтской охотѣ подстрѣлить какую-либо птицу) меня крайне занимала. Тотъ же кучеръ вытесалъ мнѣ изъ полѣна корабликъ; я къ нему придѣлалъ мачту и паруса и прикрѣпилъ на палубѣ дѣтскую пушку, которую можно было заряжать порохомъ, соединилъ зарядъ съ тлѣющею ниткой — мнѣ доставляло большое удовольствіе, что мой фрегатъ подъ парусами переплывалъ съ одного берега прудка на другой, при чемъ посединѣ плаванья пушка выстрѣливала сама собою.

При такомъ настроеніи я очень интересовался театральными представленіями. У меня была дѣтская сцена съ бумажными куклами, я самъ рисовалъ для моего театра кулисы; впослѣдствіи я устраивалъ настоящія театральныя представленія при участіи сестеръ; мы заучивали разныя пьесы въ сюрпризъ родителямъ, къ празднику, при чемъ я же опять самъ рисовалъ декораціи, которыя разставлялись въ комнатѣ,—тамъ между прочимъ мы выучили и представляли пьесу Шиллера „Semele“, совершенно не понимая впрочемъ сущности ея содержанія. Память въ это время у меня была превосходная. Ко дню рожденія отца и матушки, я обыкновенно выучивалъ разные стихи и помню, что разъ, въ очень корот-

кое время выучилъ до восьмидесяти четверостишій, но впослѣдствіи, при отсутствіи упражненія, моя память значительно ослабѣла. Покойный отецъ очень заботился о доставленіи мнѣ хорошихъ дѣтскихъ книгъ, такъ какъ я любилъ читать. До сихъ поръ помню, что меня очень интересовали прежде русскія книги съ волшебными сказками, а потомъ извлеченіе изъ Гомера, описаніе эпизодовъ покоренія Трои, съ картинками, на нѣмецкомъ языкѣ. Затѣмъ любимымъ чтеніемъ были книги „Nieritz'a", между прочимъ одна изъ нихъ подъ названіемъ „Die Erfindung D-r Iennerr", — въ которой чрезвычайно интересно описывалось, какъ докторъ Іеннеръ пришелъ къ открытію оспопрививанія. Помню также описаніе эпизодовъ изъ тридцатилѣтней войны, штурма города Магдебурга и происходившихъ при томъ ужасовъ; съ особеннымъ интересомъ я читалъ также похожденія Робинзона Крузое, сочиненіе Campe (Кампе).

Отецъ вообще очень заботился о моемъ образованіи, пользуясь всѣми обстоятельствами для моего развитія. Нѣсколько лѣтъ сряду мы жили на дачѣ въ заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ (находившемся въ Новой Деревнѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи подвизался знаменитый въ свое время Излеръ). Мой отецъ былъ главнымъ докторомъ въ этомъ заведеніи и одно лѣто взялъ себѣ въ помощники доктора Шульца. Этотъ докторъ Шульцъ былъ талантъ на всѣ руки, онъ былъ хорошимъ музыкантомъ и другомъ знаменитаго въ то время піаниста Гензельта, живописцемъ акварелистомъ и даже сочинителемъ; его талантливыя статьи появлялись впослѣдствіи въ нѣмецкой Петербургской газетѣ, гдѣ онъ писалъ подъ псевдонимомъ Bertram. Отецъ пригласилъ его заниматься со мною за извѣстную плату, и вотъ какимъ образомъ я въ теченіе этого лѣта ежедневно проводилъ утра въ его обществѣ. Почти каждый день мы отправлялись вмѣстѣ гулять, обыкновенно въ Строгановъ садъ, при чемъ онъ рисовалъ разные виды. Въ этомъ саду находился древній саркофагъ, который былъ извѣстенъ подъ именемъ le tombeau de Homère. Разъ мы сидѣли передъ этимъ саркофагомъ, и Шульцъ срисовывалъ его. Проходитъ какая-то женщина и онъ шутя спросилъ ее—чья это гробница? Не знаю чья - отвѣтила она. Когда рисунокъ былъ оконченъ Шульцъ, подписалъ подъ нимъ le tombeau de Neznaiou Tchia—что меня очень веселило. Постоянное общеніе, въ теченіе всего лѣта съ личностью, столь разнообразно развитою, какимъ былъ докторъ Шульцъ, не могло не отразиться съ пользою и на моемъ развитіи.

Въ числѣ паціентовъ моего отца была одна старушка англичанка Miss Moor. При скромности ея положенія она вѣроятно не

имѣла возможности вознаграждать моего отца за лѣченіе въ достаточной мѣрѣ. Желая однако чѣмъ-либо существеннымъ выразить ему свою глубокую благодарность за пользу, которую приносило ей лѣченіе и вообще за всегда внимательное обращеніе къ ней моего отца, она предложила ему давать мнѣ уроки англійскаго языка. Мои занятія съ нею продолжались нѣсколько лѣтъ и состояли въ чтеніи англійскихъ учебниковъ, изученіи грамматики и, главное, въ разговорахъ съ нею по-англійски. Вспоминаю при этомъ одну курьезную сцену. Я читалъ при ней какой-то англійскій разсказъ, въ которомъ рѣчь шла о волѣ (bulle) и быкѣ (ox); при этомъ я пренаивно спросилъ ее: какая же разница между bulle и ox; старушка немного покраснѣла, улыбнулась и сказала мнѣ—это я вамъ объяснить не могу, это спросите у мужчины.

Послѣ урока добрая старушка часто кормила меня завтракомъ. Я ходилъ къ ней два раза въ недѣлю, и такъ какъ она жила довольно далеко отъ насъ, въ противоположной части города, то приходилось два раза въ недѣлю предпринимать довольно далекія шествія пѣшкомъ, что особенно зимою мнѣ не очень нравилось. Не смотря на то, я скоро научился цѣнить доброе ко мнѣ расположеніе Miss Moor и потому продолжалъ посѣщать ее нѣкоторое время и послѣ того, какъ наши занятія съ поступленіемъ моимъ въ университетъ, послѣ смерти моего отца, прекратились.

Около того же время, знаменитый нынѣ во Франціи живописецъ Ziem проживалъ въ Петербургѣ, въ качествѣ гувернера въ семействѣ князя Гагарина. Мой отецъ, бывши докторомъ въ семействѣ князя Гагарина, познакомился съ Зимомъ и пригласилъ его давать мнѣ уроки акварельной живописи. У меня до сихъ поръ виситъ на стѣнѣ превосходный акварельный эскизъ, нарисованный Зимомъ во время урока, который я долженъ былъ копировать.

Не только на умственное, но и на физическое мое развитіе было обращено вниманіе, я учился плавать и ѣздить верхомъ.

Плавать я научился у одного родственника, брата моей тетки, жены Фольборта, Романа Христіановича Таля. Это былъ веселый молодой человѣкъ, довольно богатый, любившій всякаго рода спортъ и всегда благосклонно обращавшійся съ дѣтьми, такъ что мы его всѣ любили—всегда называли Дядя Роба. Онъ впослѣдствіи былъ долгое время агентомъ нашего министра финансовъ въ Парижѣ, гдѣ и умеръ въ глубокой старости. Онъ жилъ вблизи насъ въ Новой деревнѣ, и мы дѣти ежедневно ходили съ нимъ купаться. Училъ онъ меня плавать по довольно оригинальной системѣ. Онъ мнѣ перевязывалъ тѣло полотенцемъ, привязывалъ за этотъ поясъ веревку и другой конецъ веревки прикрѣплялъ къ шесту, которымъ

онъ меня такимъ образомъ поддерживалъ на водѣ,—я былъ какъ рыба на удочкѣ; по временамъ онъ понижалъ шестъ, и тогда, не имѣя поддержки сверху, я принужденъ былъ карабкаться, чтобы собственными силами поддержаться на поверхности воды. Этимъ путемъ я довольно скоро научился плавать. Р. Х. Таль любилъ иногда дѣлать разныя эксентричности. Разъ поздно осенью, въ сентябрѣ, въ черную, холодную ночь, все наше семейство сидѣло за чаемъ и говорили о томъ, какъ холодно и темно на дворѣ. Вдругъ Таль предложилъ намъ дѣтямъ пойти купаться съ нимъ въ Невѣ, вызывая желающихъ рѣшиться на этотъ подвигъ. Я выразилъ согласіе, моему примѣру послѣдовалъ мой двоюродный братъ, и мы трое дѣйствительно, въ темную ночь, отправились въ купальню на Невѣ и выкупались. Этотъ эпизодъ, требовавшій нѣкоторой рѣшимости, мнѣ очень понравился.

Такъ какъ моему отцу оказалось нужнымъ ѣздить верхомъ для здоровья, то онъ при случаѣ купилъ верховую лошадь. Этимъ обстоятельствомъ онъ воспользовался, чтобы обучить и меня верховой ѣздѣ, нанявъ для этого учителя-берейтора. Первые уроки я сталъ брать въ Строгановскомъ манежѣ, который находился на Черной Рѣчкѣ близъ Новой деревни. Въ этомъ манежѣ была между прочимъ одна высокая лошадь, на которой я иногда ѣздилъ и которая ходила очень пріятно подъ сѣдломъ. Когда я уже нѣсколько выучился сидѣть на лошади,—однажды, послѣ хорошо выдержаннаго экзамена въ гимназіи, отецъ, желая въ награду сдѣлать мнѣ удовольствіе, предложилъ ѣхать съ нимъ верхомъ въ Парголово въ гости къ родственникамъ, при чемъ для меня была взята, по моему желанію изъ манежа, именно эта лошадь. Когда мы пріѣхали въ Парголово, тамъ кто-то изъ родственниковъ замѣтилъ моему отцу—не опасно ли малому мальчику ѣхать на такой большой лошади, и я разслышалъ, какъ отецъ въ полголоса отвѣтилъ,—тутъ нѣтъ никакой опасности, это совсѣмъ старая лошадь. Эти разслышанныя мною слова меня сильно разочаровали, ибо мнѣ представлялась моя лошадь чудомъ красоты, и я самъ считалъ себя уже ловкимъ наѣздникомъ, проѣхавъ на манежной лошади такой далекій путь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Поправка: Въ статьѣ Н. В. Шаломытова—Неизданное предисловіе Д. А. Смирнова къ «Горе отъ ума» («Русская Старина» 1909 г., томъ CXXXVII, февраль):

		Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
стран.	строка (снизу)		
330	18	свѣдѣній [1])	свѣдѣній [2])
331	22	[1])	[2]) и относить къ стр. 330.
»	17	[2])	[1])
332	11	[1])	[2]) и относить къ стр. 331.
»	10	перешла въ его канцелярію	переписана въ его канцеляріи
»	8	[2])	[1])
»	4	[3])	[2])
»	1	[4])	[3])
333	9	[1])	[4]) и относить къ стр. 332.
»	7	[2])	[1])
»	4	Любопытно	[2]) Любопытно
336	22	свидѣтельста	свидѣтельства
»	10	т. е. уже исправлен-ном.	(т. е. уже исправленномъ,
»	8	двенадцать	двѣнадцать,
»	7	Столыпина	Сталыпина
»	5	побѣжденнымъ.	побѣжденнымъ (
337	Подзаглавіе	I. Объ отношеніи автографа...	II. Объ отношеніи автографа...

13-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1909 г.

13-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

на единственное въ Россіи литературное ежемѣсячное художественное изящно-иллюстрированное изданіе

Новый журналъ Литературы, Искусства и Науки

(Ѳ. И. Булгакова).

Программа: 1) Произведенія знаменитыхъ писателей съ древнихъ и новыхъ языковъ и иллюстраціи.—2) Новѣйшія произведенія лучшихъ иностр. писателей, съ рисунками.—3) Статьи по иностраннымъ источникамъ, историческія, популярно научныя.—4) Статьи по вопросамъ: литературнымъ, общественнымъ, нравственнымъ и художественнымъ.—5) Историческіе мемуары.—6) Характеристика писателей, художниковъ и мыслителей.—7) Критика, хроника и обзоръ.—8) Иностранное обозрѣніе.—9) Новости.—10) Приложенія.

Новый журналъ печатаетъ все выдающееся, оригинальное и характерное, почерпая свое содержаніе изъ того фонда міровой культуры, ея идей и стремленія, который долженъ быть предметомъ любознательности для всѣхъ мыслящихъ и интеллигентныхъ людей.

Подписчики новаго журнала получатъ въ 1909 г. съ отдѣльной нумераціей страницъ, кромѣ нѣсколькихъ выдающихся, еще слѣдующія произведенія, а именно:

Изъ произведеній классической литературы впервые на русскомъ языкѣ

Сатириконъ Петронія.

Патриція при Неронѣ.

Изъ произведен. историческ. литературы

Мемуары Императрицы **Екатерины II.**

Изъ произведеній новѣйшей литературы повѣсть

„Эленины младенцы“.

Знаменитаго американскаго беллетриста

Джона Габертона.

Впервые въ литературѣ: Полное собраніе афоризмовъ Антона Павловича **Чехова.**

Подписавшіеся и уплатившіе сполна годовую цѣну журнала до 30 Января 1909 г. получаютъ съ первымъ же номеромъ журнала совершенно безплатно одинъ томъ новаго роскошнаго художественнаго изданія:

Премія

Наши Художники

(живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры).

Біографіи, портреты художниковъ и снимки съ ихъ произведеній.

Премія

№ 1-й журнала и премію „Наши Художники“ гг. подписчики получатъ 1-го Января.

Подписная цѣна безъ доставки 5 руб., съ доставкой и пересылкой 6 руб. За границу 9 руб. Разсрочка допускается въ 2 и 3 срока.

Для гг. служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка за поручительствомъ ихъ казначеевъ и управляющихъ.

Подписка принимается въ редакціи «Новаго Журнала Литературы, Искусства и Науки»—С.-Петербургъ, Гороховая, 27, кв. 20, и въ всѣхъ книжныхъ магазинахъ, а также въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (Невскій, 40); въ Москвѣ, Харьковѣ, Ростовѣ-на-Дону, Саратовѣ и Одессѣ.—Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», безъ доставки 5 р. 50 к. Иногородные подписчики въ разсрочку благоволятъ адресовать въ редакцію «Новаго Журнала Литературы, Искусства и Науки» Гороховая ул., д. 27.

Цѣна каждой книги въ отдѣльной продажѣ 1 р. безъ премій.

Редакція. Спб., Гороховая 27. 3—3 Редакторъ В. Н. Дмитріевъ.

Годъ изданія сорокъ четвертый.

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ"

будетъ выходить въ 1909 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Газета прогрессивнаго направленія, но независимая отъ какихъ либо партій и кружковъ,

Дѣятельное представительство краевыхъ интересовъ.

Широкая освѣдомленность о мѣстныхъ дѣлахъ.

Объявленія изъ губерній: нижегор., казанс., симбирс., самарс. и сарат. и изъ каспійс. края и Кавказа, а также объявленія казенныя, банкирс. конторъ, жел. дорогъ и газетныя принимаются непосредственно конторою редакціи (Мало-Демид. соб. д.), всѣ же прочія исключительно Центральною конторою Л. и Э. Метцль и К⁰ (Москва Мясницк. д. Сытова). Плата за объявленія со строки петита: передъ текстомъ 20 коп., послѣ текста 10 коп.

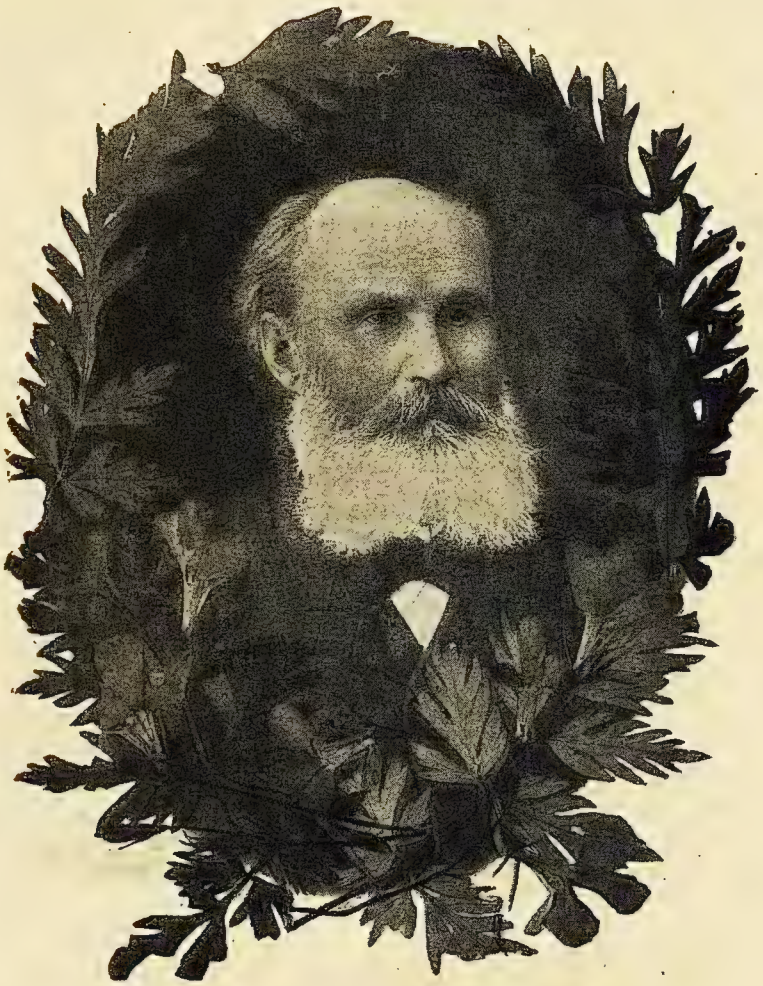
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ:

1 годъ—7 руб. 50 коп., 1/2 года—3 руб. 75 коп., 3 мѣс.—2 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб.

Редакторъ-издатель
В. И. СКЛАБИНСКІЙ.

2—3

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки



Павелъ Михайловичъ
Ковалевскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1909 годъ.

Вступая въ 1909 году на сороковой годъ своего существованія, „**Русская Старина**“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ **1909** году:

А. Ѳ. Кони—«Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля»,—«Житейскія встрѣчи». Изъ архива А. Ѳ. Кони.—«Письма А. И. Чупрова съ предисловіемъ и др.». **П. О. Пирлинга**—«Папскій представитель при русскомъ дворѣ Lorenzo Litta 1797—1799». **Г. П. Георгіевскаго**—«Гоголь въ его новыхъ письмахъ». **Князя А. Д. Оболенскаго** — «Мои воспоминанія о великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ». Воспоминанія **И. И. Янжула** «О пережитомъ и видѣнномъ» 1864—1909 гг. **П. М. Ковалевскаго**—«Встрѣча на жизненномъ пути», «Николай Алексѣевичъ Некрасовъ», «Власти предержащія», «У Чернышова моста», «Въ Главномъ Адмиралтействѣ», «На Мойкѣ». **Г. К. Градовскаго**—«Изъ минувшаго». Записки сенатора Есиповича. **М. В. Безобразовой**—«Дневникъ академика В. П. Безобразова». П. Д. Паренсова. Изъ прошлаго: «Русскія войска передъ Константинополемъ въ 1878 г.» **Н. Р. Овсянаго**—«Устроители Болгаріи: Кн. Черкасскій, Кн. Дондуковъ-Корсаковъ, ген. Столыпинъ».—Записки основателя «Русской Старины»—**М. И. Семевскаго. Д. А. Скалона** — «На службѣ при Е. И. В. Главнокомандующемъ В. К. Николаѣ Николаевичѣ 1864—1876 гг.». **А. В. Шомпулева**—«Изъ записокъ стараго помѣщика». Ѳ. Г. Тернера «Воспоминанія жизни». **П. Д. Зотова**—«Война за независимость славянъ 1877 — 1878 г.» **А. Ф. Петрушевскаго**—«Первые годы службы». **В. Ф. Руднева**—На крейсерѣ «Африка». **В. Д. Корсаковой**—«Дипломатическія депеши датскаго посланника Вестфалена о воцареніи Императрицы Анны Іоанновны». **Л. Л. Дракe**—«Въ Финляндіи». **Н—ъ**—«Изъ манджурской арміи въ нѣдра читинской революціи». **А. Воронова**—«Воспоминаніе о гр. Э. И. Тотлебенѣ».—Записки артиста Петербургской оперной группы, Солиста Е. В., И. А. Мельникова». **И. И. Оноре**—«11 лѣтъ въ театрѣ».—Письма П. И. Чайковскаго, И. А. Мельникову. **Дитлова**—«Въ походѣ и въ бою на «Адмиралѣ Ушаковѣ». **Крылова**—«Какъ бѣднѣла деревня». **А. М. Лебедева**—«Митрополитъ Филаретъ».—Воспоминанія **Тургенева, Де-Санглена, Леваковскаго, Юдина, Семенова** и др.; **А. А. Чебышева**—Письма П. А. Катенина Н. Н. Батхину. Воспоминанія изъ русско-японской войны и изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Власти предержащія [1]).

(Изъ посмертныхъ бумагъ П. М. Ковалевскаго).

На Мойкѣ.

Этой убогой рѣчкѣ выпало на долю омывать стѣны казеннаго обиталища министра финансовъ въ Петербургѣ. Прежде ихъ омывала Нева, а Мойкѣ предоставлялось только омывать въ Волковскихъ баняхъ тѣла обывателей столицы, тогда еще не доживших до конституціи ваннъ при квартирахъ. Въ тѣ дореформенныя времена, казенный домъ министра финансовъ, очень старый, но очень почтенный, стоялъ на Дворцовой набережной и, загибаясь по Аптекарскому переулку, выходилъ вторымъ фасадомъ на Большую Милліонную.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, въ немъ жилъ сухой и длинный, съ зеленымъ зонтикомъ надъ глазами, строгій и безсонный Канкринъ. Тутъ же помѣщалась и его канцелярія. Отсюда же скакалъ на курьерской телѣжкѣ съ пакетомъ и великій впослѣдствіи магъ русской литературы Ольхинъ. Безсонницы свои министръ наполнялъ ночными докладами директоровъ департаментовъ. Мой дядя, позже самъ министръ,—хотя только народнаго просвѣщенія, а тогда директоръ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, ѣздилъ тоже разъ въ недѣлю съ портфелемъ къ Канкрину, когда весь домъ ложился спать. Доклады его были совмѣстны съ докла-

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль 1909 г.

дами начальника штаба корпуса горныхъ инженеровъ, горбатаго Чевкина, съ которымъ онъ не ладилъ. Злой, унылый и неумѣренно честолюбивый,—Чевкинъ былъ не горный инженеръ, а свитскій генералъ, но изъ числа тѣхъ, которымъ довольно куда-нибудь сѣсть, чтобъ ужъ это знать. Начальнику штаба по-настоящему только и надо было знать, что представлять къ чинамъ и крестамъ горныхъ офицеровъ, да вызывать трепетъ у кадетъ горнаго института, который, Чевкинъ, изъ жадности къ власти, оттягалъ себѣ; а ему казалось, что онъ еще знаетъ и горное искусство и металлургію. Отсюда постоянные турниры при докладахъ между директоромъ департамента,—горнымъ инженеромъ и начальникомъ штаба,—военнымъ.

— Фаши превосходительства! Являлся примирителемъ Канкринъ:—успокойтесь! Фи у меня и совсѣмъ сонъ прогоните, я не усну и утромъ. Фаши превосходительства, я фасъ прошу для меня, успокойтесь!

Соперничество это дошло до того, что начальникъ штаба не могъ перенести, чтобы директору департамента, хоть и гораздо старшему, данъ былъ чинъ—генералъ-лейтенанта, а ему не данъ. Не взирая на подписанный указъ, набранный уже въ типографіи, и на эполеты съ тремя звѣздочками, посланныя директоромъ канцеляріи Княжевичемъ, вмѣсто краснаго яичка его другу, а моему дядѣ,—послѣдній чина все-таки не получилъ. Чевкинъ заставилъ стараго Канкрина поѣхать передоложить Государю. Дядя обидѣлся и ушелъ тайнымъ совѣтникомъ въ Сенатъ. Какъ міряне съ горя идутъ въ монастырь, такъ чиновники тогда шли въ Сенатъ. Директоръ департамента внѣшней торговли, генералъ-маіоръ Языковъ, чѣмъ-то не угодилъ и былъ оштрафованъ переименованіемъ въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ сенаторомъ.

Вслѣдъ за аскетическою фигурою Канкрина, въ комнаты министерскаго дома ввалилась огромная косолапая, какъ Собакевичъ, топоромъ вырубленная, безобразная фигура Вронченки. Ввалилась она сюда совершенно неожиданно.

Канкринъ, не желавшій брать себѣ товарища (онъ признавалъ эту должность лишней), работавшій всегда охотно и много, даже при больныхъ глазахъ,—остановилъ наконецъ свой выборъ на самомъ негодномъ изъ всѣхъ директоровъ своего обширнаго министерства—на неотесанномъ поповичѣ Ѳедорѣ Павловичѣ Вронченкѣ (а по малороссійскому произношенію—Ворончѐнкѣ).

Сказывали, что бѣдный Ѳедоръ Павловичъ самъ чуть не умеръ отъ испуга; упалъ на колѣни, какъ Норовъ, и принялся молить, но

не о томъ, какъ Норовъ, чтобы его оставили министромъ, а о томъ, чтобы его оставили въ покоѣ.

— Я, Ваше Величество, не готовился никогда быть министромъ, да я и не смѣю быть министромъ! Увольте, Государь!

— Знаю, знаю! Встань. Не бойся. И я вотъ тоже не готовился быть Императоромъ, а видишь,—царствую. Такъ и ты дѣлай: будь министромъ, привыкай... Выучишься, будешь умѣть.

Остроумная шутка въ тотъ же день обѣжала городъ. Сперва ей не повѣрили. Фигура Вронченки была слишкомъ извѣстна, и никто не могъ себѣ представить, чтобъ этотъ громадный шимпанзе, необходимый (буквально) въ извѣстные часы на Невскомъ и во всѣхъ трехъ Мѣщанскихъ, въ очкахъ, съ крашенными въ какой-то малиновый цвѣтъ бровями и бакенбардами, съ любострастно расширеннымъ до самыхъ ушей ртомъ,—могъ быть министромъ.

Меншиковъ окрестилъ его „министръ большой Мѣщанской“. Это не мѣшало средней и малой считать его тоже своимъ министромъ... Такая слава, за неимѣніемъ другой, даже сослужила ему службу и повыше: ею забавлялись, съ министромъ благосклонно шутили и благосклонно смѣялись его искреннему, или по-хохлатски—игранному перепугу отъ того, что эта слава поднялась такъ высоко...

Трусливость министра вообще нравилась. Она поставлялась въ примѣръ сановникамъ менѣе трусливымъ.

Государь терпѣть не могъ табаку, — самъ онъ не курилъ и не нюхалъ. А Вронченко нюхалъ съ такимъ остервенѣніемъ, что самый трепетъ передъ Зимнимъ дворцомъ не въ силахъ былъ преодолѣть этой страсти. И вотъ, ожидая съ другимъ министромъ выхода Государя, онъ не выдержалъ и набралъ изъ табакерки потихоньку понюшку, со страхомъ подносилъ ее къ носу,—какъ вдругъ отворилась дверь, и показался Государь: Вронченко затрясся всѣмъ тѣломъ, вытянулся въ струнку и высыпалъ табакъ на полъ. Военный министръ Чернышевъ улыбнулся.

— Ничего нѣтъ смѣшного, князь, въ томъ, что подданный боится своего Государя,—замѣтилъ строго Государь: слѣдуетъ брать примѣръ, а не смѣяться..

Но трясясь гдѣ слѣдовало, Вронченко требовалъ, чтобы и передъ нимъ тряслись кому слѣдовало. Грубѣе и подозрительнѣе его не могло быть начальника. Бѣдный секретарь его Моллеріусъ, исправный нѣмецъ, претерпѣвалъ мученія одному нѣмцу выносимыя. Звалъ онъ его не иначе, какъ по звонку, и то и дѣло звонилъ.

— Уберите бумаги со стола, закричитъ. Читайте и пишите отвѣты.

Моллеріусъ поспѣшно ихъ убираетъ.

— Зачѣмъ вы бумаги убираете. Вы, думаете, я не знаю, что вы хотите что-нибудь скрыть! Я ихъ самъ читать буду...

— Подождите!—Моллеріусъ кладетъ бумаги на столъ и ждетъ.

— Что вы, подсматриваете за мной? Чего стали? Убирайтесь! Я позвоню, когда понадобитесь! Добиться его подписи была цѣлая исторія.

— Что вы мнѣ суете!.. думаете, заставите подписать. А вотъ же возьму и не подпишу.

И пойдетъ придираться: то не такъ, другое не годится.

— Переписать и подать сію минуту!—кричитъ.

Черезъ пять минутъ Моллеріусъ подноситъ.

— Уже?—удивляется Вронченко:—куда же это годится.

Переписать, какъ слѣдуетъ!

Моллеріусъ уходитъ. Звонокъ.

— Что же бумага?! когда я дождусь бумаги?

И такъ до безконечности. Моллеріусъ,—будь у нѣмцевъ великомученики,—непремѣнно стоялъ бы въ святцахъ...

Что претерпѣвали собственно финансы, и было ли имъ лучше или хуже, чѣмъ злополучному Моллеріусу, неизвѣстно. Они вѣдь тоже мученики. Стойкостью Канкрина, отказавшаго даже Государю въ деньгахъ, не могли, конечно, отличаться дѣйствія человѣка, который превращается въ осиновый листъ изъ-за понюшки табаку.

Вотъ одна изъ нравственныххъ чертъ его.

Девяностолѣтній его отецъ, сельскій священникъ, до котораго какимъ-то необычайнымъ случаемъ донесло вѣсть, что его Ѳедя—сіятельный графъ, не безъ труда и не сразу уразумѣвъ такое чудо, рѣшился въ немъ убѣдиться, посмотрѣть собственными своими старыми глазами, пока они еще что-нибудь видѣли, на своего сынишку—графа, и пустился въ Петербургъ. Добрался онъ до самаго графа, т. е. до его швейцарской. Спрашиваетъ повидать его сіятельнаго. Разумѣется, ему отказываютъ. „Графъ сію минуту съ докладомъ во дворецъ ѣдетъ“.

„Въ самый царскій дворецъ! маботь и до самаго царя!“ приходитъ въ священный ужасъ деревенскій попикъ и оправляетъ на себѣ плохонькую рясу. Ждетъ. Вдругъ съ лѣстницы спустился курьеръ (чего добраго самъ Ольхинъ!) съ портфелемъ въ рукахъ, за нимъ Моллеріусъ—съ пустыми руками, но съ полнымъ благоговѣніемъ, и наконецъ, тяжело шагая большими ступнями старой обезьяны, сошелъ въ звѣздахъ и лентѣ, самъ графъ.

— Здравствуй, твое сіятельство, сынокъ мой любезный: выступилъ нерѣшительно старикъ:—дай поглядѣть на тебя, голубчика, въ твоей лѣпотѣ превыспренней...

— Что это за человѣкъ?—сердито опрашиваетъ Вронченко:—что ему отъ меня надо?

— Ѳеденька, родной! Ѳедюшенька! не узналъ ты меня, отца-то своего? съ коихъ поръ не видались, и то правда!

— Не узналъ. Да и не знаю вовсе!—отрѣзалъ графъ, и прослѣдовалъ къ каретѣ, которая стояла у подъѣзда. Бѣдняга на минуту оторопѣлъ; потомъ ринулся съ отчаяніемъ на сына.

— Ѳедька, подлецъ!—завопилъ онъ:—отца родного не признаешь. Будь же ты анаѳема проклятъ!..

И рухнулъ на полъ, разбитый параличемъ.

Къ пріѣзду графа изъ дворца тѣло бѣднаго деревенскаго священника убрали, и графъ не спрашивалъ, конечно, куда оно дѣлось...

Мудрено ли, что послѣ колоссально невозможнаго Вронченки прошелъ уже почти возможнымъ какой-то совершенно невѣдомый Брокъ. Этотъ и группѣ Мѣщанскихъ улицъ не былъ извѣстенъ, онъ въ галлереѣ портретовъ министровъ финансовъ въ пріемной, гдѣ ждутъ выхода министра, остался какимъ-то пятномъ на холстѣ, точно въ раму вставили невычищенную палитру.

Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье,—

но отъ Брока потомству остается совершенно гладкое мѣсто, какъ у маіора Ковалева отъ сбѣжавшаго носа...

„О, Брокъ несчастливый! суровъ былъ жребій твой!“.. Жребій его пріемника Княжевича былъ гораздо ласковѣе. Во-первыхъ, въ портретной галлереѣ отъ него осталось явственно написанное лицо, большое и широкое, на взглядъ, совсѣмъ министерское, иво-вторыхъ,—сохранилось нѣчто въ родѣ подозрѣнія въ его геніальныхъ финансовыхъ способностяхъ, которыми, жаль, не воспользовались вовремя.

Покуда собирались, не назначали министромъ, букетъ ихъ и выдохся. Но Княжевичъ все же былъ хоть Александромъ Максимовичемъ, и Александромъ Максимовичемъ перейдетъ въ потомство. Объ этомъ позаботился поэтъ Бенедиктовъ, когда еще служилъ директоромъ Государственнаго Банка [1]).

---

[1]) На памятникѣ Княжевича на Смоленскомъ кладбищѣ высѣчены стихи Бенедиктова, вдохновленные этимъ именемъ Александра Максимовича.

А. М. былъ своего рода патріархъ. Къ наружности А. М. одинаково пошли бы: митра, тіара, министерскій мундиръ и фракъ Фамусова... Рѣчь его была тихая, ровная, успокоительная. Онъ, говорятъ, всегда успѣвалъ успокаивать, если не положеніемъ финансовъ, которое не было таки очень успокоительно, то своими докладами Александру II, который его полюбилъ, какъ всѣ любили, какъ и самъ онъ любилъ всѣхъ... Онъ даже палъ жертвою такой неумѣренной любви къ одному изъ своихъ племянниковъ.

Необыкновенно пріятный человѣкъ былъ этотъ Александръ Максимовичъ.

Отнюдь не пріятностью отличался сосѣдъ его по галлереѣ Рейтернъ. Да къ такому лицу, какое было у него, пріятность и не шла бы... Тамъ, гдѣ слѣдуетъ быть губамъ,—какіе-то грибы, гдѣ надо быть носу,—пуговка, а гдѣ глазамъ, — почти и совсѣмъ ничего, такъ, какія-то дырочки...

Рѣчь, подъ стать съ наружностью, — не притязала на пріятность, она была суха и коротка, елико возможно. Если кто хотѣлъ ему понравиться, долженъ былъ быть также кратокъ. Человѣкъ, занявшій Рейтерна нѣсколько минутъ дольше,—попадалъ у него на дурной счетъ: пустой человѣкъ, значитъ, — и Рейтернъ весьма нелюбезно вставалъ, не давая кончить. Оставалось убираться. Онъ-то, продавши откупщику изъ евреевъ, за безцѣнокъ, старое орлиное гнѣздо министровъ на Невѣ, изъ опасенія, чтобы оно не было отдано и совсѣмъ даромъ кому-нибудь изъ проигравшихся придворныхъ, промѣнялъ его на кукушечье на Мойкѣ.

Это была прежняя квартира директора канцеляріи, суровая и непривѣтливая, какъ самъ министръ, ограничивалась она пріемною съ развѣшанными по стѣнамъ министерскими портретами, да кабинетомъ,—на бурую Мойку; внутренніе покои имѣли передъ окнами дворъ въ видѣ каменнаго футляра. Откупщикъ же увидѣлъ изъ оконъ синѣющую кругомъ Неву, а главное — возможность въ тридорога продать домъ, что, разумѣется, и сдѣлалъ.

Спартанскіе вкусы и строгая дѣловитость холоднаго Рейтерна. при небывалой до тѣхъ поръ краткости, почти грубости объясненій съ приходящими, репутація, сдѣланная ему еще въ молодости какою-то ссорою съ графомъ Панинымъ, все это заставляло ждать отъ него и дѣйствій небывалыхъ. Произвелъ онъ не мало всякихъ дѣйствій, въ томъ числѣ и небывалыя:—напримѣръ, продажа Государственнымъ Банкомъ золота по сходной цѣнѣ и покупка потомъ по высокой... однако ждать продолжали... Только по долгомъ и тщетномъ ожиданіи устали. Усталъ, наконецъ, и самъ министръ... Собственно устали финансы, но когда приходится плохо, — ми-

нистръ непремѣнно начинаетъ ощущать усталость,—ужъ такъ оно заведено... Рейтернъ пересталъ выносить климатъ береговъ имъ же избранной Мойки и началъ нуждаться въ климатѣ береговъ Средиземнаго моря. Ему назначили въ преемники Грейга. Противоядіе суровости и нелюбезности, такъ долго свирѣпствовавшихъ надъ Мойкою, было найдено; любезнѣе и привѣтливѣе новаго избранника не было еще ни на одномъ изъ министерскихъ мѣстъ,—не даромъ его прочили на всѣ. Правда, на это только и не прочили. Самъ Грейгъ, говоря о чемъ-нибудь неподходящемъ, любилъ выражаться: „Это было бы также странно, какъ если бы меня, напримѣръ, выбрали для Министра Финансовъ“. И такая странность случилась...

Мнѣ довелось застать Грейга еще подъ вліяніемъ только что случившейся странности, и я долженъ сознаться къ его чести, — застать до такой степени перепуганнымъ, что хоть бы Вронченкѣ такъ въ пору. Тутъ же, по горячимъ слѣдамъ (дѣло рѣшилось только что и не было еще оффиціально извѣстно), я узналъ отъ него, какъ это случилось.

„Усталый“ Рейтернъ просится у Государя на покой.

Государь сначала не соглашается, удерживаетъ, говоритъ, что его некѣмъ замѣнить... Рейтернъ называетъ Абазу.

— Онъ проиграетъ русскіе финансы; какъ я довѣрю ихъ игроку!...

Рейтернъ называетъ Е. И. Ламанскаго, еще кого-то. Государь не соглашается.

— Тогда,—разсказывалъ Грейгу самъ Рейтернъ, пріѣхавшій къ нему прямо изъ дворца;—тогда, не зная, что мнѣ дѣлать, я указалъ на всякій случай на тебя. (Рейтернъ и Грейгъ были на „ты“, по прежней сослуживости въ морскомъ министерствѣ и общей близости къ Мраморному дворцу).

— Вотъ это другое дѣло. На Грейга я согласенъ.

— Ступай и привези его ко мнѣ, — говоритъ Государь. Тотъ за Грейгомъ, и прежде чѣмъ послѣдній успѣлъ прійти въ себя,— они поѣхали. Когда я совершенно случайно навѣстилъ Грейга, онъ только-что вернулся. Неожиданное счастье, если и не убило счастливца, (кто-то сказалъ, что счастье не убиваетъ), то во всякомъ случаѣ ударило обухомъ по лбу: Грейгъ, если и не отпрашивался на колѣняхъ отъ министерства, то все же однако выпросилъ у Государя снисхожденія: не прямо назначить его министромъ, а сначала товарищемъ. Государь согласился;—Рейтерна отпустилъ съ Мойки на всѣ четыре стороны, а Грейгу велѣлъ взять въ руки бразды подъ псевдонимомъ товарища, съ тѣмъ, что къ концу ав-

густа (а было, чуть-ли не начало іюня) онъ явится уже со своимъ настоящимъ званіемъ министра, въ день Александра Невскаго. На выучку давались ваканціонные мѣсяцы. Для такой мудреной науки, какъ финансовая, человѣку, прошедшему однѣ премудрости пажескаго корпуса, оно было маловато; но торговаться не приходилось.

— Если бъ вы испытали на себѣ (объяснилъ мнѣ Грейгъ) обаяніе Государя, когда онъ возьметъ ваши руки въ свои и смотритъ вамъ въ глаза своими упрашивающими, добрыми глазами, и говоритъ: „ну, сдѣлай это для меня, я тебя прошу, не отказывайся,“— вы согласились бы, что отказъ, по крайней мѣрѣ въ ту минуту,— невозможенъ. Послѣ, какъ опомнишься и самъ видишь, что сдѣлалъ не то, ѣхалъ непремѣнно отказаться, не принимать, что бы тамъ не было,—а смотришь,—принялъ!

Подобно многимъ событіямъ въ исторіи Карамзина, нарожденіе новаго министра сопровождалось знаменіями небесными: въ этотъ самый день мы смотрѣли въ закопченное стекло на солнечное затменіе.

А къ Александрову дню уже и безъ стекла можно было видѣть чуть не полное затменіе Грейга. Его успѣли подвести на докладахъ Государю старые директора департаментовъ, оскорбленные, каждый въ отдѣльности, что не его самого назначили министромъ, а всѣ въ совокупности, что назначили министра изъ кавалеристовъ; (въ швейцарскую предательски сыпались поздравительныя карточки его бывшихъ однополчанъ, съ припиской: „отличается наша конногвардія, или:—какова наша гвардія“, даже „ура, конногвардія!“

Рейтернъ успѣлъ, какъ разъ къ этому времени, „отдохнуть“, и Государь привѣтствовалъ его словами: „Вотъ это очень-очень кстати, а Грейгу милостиво сказалъ: „ты, какъ видишь, еще не готовъ. Поучись при Рейтернѣ“. Полный дискъ министра затмился, и остался Грейгъ—товарищъ-министра, уже не изъ скромности, и не на лѣтніе только мѣсяцы, какъ прежде...

Положеніе этого человѣка, въ полномъ расцвѣтѣ здоровья, силъ и самоувѣренности, выброшеннаго изъ колеи, похоже было на положеніе сошедшаго съ рельсовъ на полномъ ходу паровоза. Вы знаете, что поваленный на бокъ паровозъ поднимутъ, что онъ такъ не пролежитъ вѣчно, а понесется опять на всѣхъ парахъ; и все-таки его безпомощное лежаніе на боку возбуждаетъ къ нему жалость...

Въ эту пору безпомощнаго лежанья Грейга, я посѣщалъ его чаще. На всѣхъ парахъ летящій паровозъ невольно заставляетъ

сторониться. А тутъ до паровъ было далеко. Покуда у него на столѣ лежали сочиненія Гладстона. Грейгъ былъ англоманъ. При томъ ему положительно было извѣстно, что съ Рейтерномъ ли, или съ Гладстономъ въ головѣ, а онъ долженъ быть готовъ, рано или поздно, принять въ завѣдываніе Министерство Финансовъ. Объ этомъ заявилъ ему Государь, какъ о своей неизмѣнной волѣ. Это былъ порѣшенный изъ высшихъ соображеній бракъ съ нелюбимой женщиной.

Другія министерства, особенно Путей Сообщенія, отвѣчали гораздо больше его вкусамъ. Тамъ и домъ съ садомъ (а Грейгъ былъ не только англоманомъ, но и садоводомъ), и дѣятельность подвижная, распорядительная. Спеціалистовъ онъ наберетъ самыхъ лучшихъ и окружитъ себя ими. Онъ ихъ познанія съумѣетъ примѣнить, благодаря своимъ вліяніямъ и связямъ, а ихъ самихъ одѣть въ отличія съ ногъ до головы, какъ одѣвалъ спеціалистовъ морского вѣдомства. Они будутъ довольны, онъ будетъ доволенъ, и имъ будутъ довольны... Такъ было въ морскомъ вѣдомствѣ. Краббе въ своемъ халатѣ выслушивалъ совсѣмъ готовые проекты, подписывалъ доклады, а его директоръ канцеляріи, съ утра безукоризненно одѣтый и вымытый холодною водою съ ногъ до головы, спорилъ съ техниками, сбивалъ ихъ со свойственной ему смѣлостью и бойкостью, съ ихъ позицій и часто достигалъ сокращенія и удешевленія ихъ техническихъ инстинктовъ. Но этому не суждено было сбыться: хоть и безъ сада, однако, „симпатичный“ по признанію Грейга, домъ Государственнаго Контролера заставилъ переѣхать съ Васильевскаго Острова, на эту счастливую Мойку, въ помойныя воды которой глядятъ кромѣ жилища Министра Финансовъ, стѣны жилищъ Государственнаго Контролера, Министровъ государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ... Оставалось, такимъ образомъ, только перешагнуть на другой берегъ рѣчки.

— Пока, это тебѣ поможетъ ближе ознакомиться съ нашими расходами, — сказалъ Государь Грейгу: — для Министра Финансовъ оно небезполезно. Локомотивъ былъ поставленъ на запасный путь и ждалъ подъ парами, когда его переведутъ на главный...

Новое назначеніе помогло поколебленной вѣрѣ въ Грейга. Его бойкость, смѣлость въ нападкахъ и находчивость въ отпорѣ (la repartie) были какъ нельзя болѣе у мѣста въ теперешнемъ его званіи. Онъ сдѣлался грозенъ для министровъ, особенно для тѣхъ, которые не обладали тѣми же способностями. Критика смѣтъ и отчетовъ, заготовленная людьми, умудренными серьезною школою

Татаринова, легко усвояемая новымъ Государственнымъ Контролеромъ (у него была блистательная память и необыкновенно быстрое пониманіе), выдержанная, настойчиво, остроумно, до дерзости, всегда утонченной,—производила въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта небывалое впечатлѣніе.

— Этотъ Грейгъ, — жалуется бывало бѣдный Лесовскій: — поднялъ наши распоряженія на смѣхъ при всѣхъ. Разсказываетъ, какъ мы мѣняемъ планы построекъ, какъ передѣлываемъ корабли, — сегодня такъ, завтра этакъ... просто балясничаетъ. А остальные только за животики держатся, покатываются.... Помнитъ вѣдь, — ничего не позабылъ, что у насъ видѣлъ.

— Что-то еще скажетъ Грейгъ?—стало повторяться чаще и чаще...

Такъ бы ему и остаться государственнымъ мужемъ въ памяти признательнаго потомства, если бы память у Государя была похуже. Но она была, на бѣду Грейга, хороша; — онъ помнилъ что тотъ долженъ быть министромъ финансовъ, — и Грейга перевели-таки на противоположный берегъ Мойки,—для него это было изъ Сциллы въ Харибду.

Поздравленія Грейгъ принималъ, какъ старики принимаютъ поздравленіе со днемъ рожденія: велика радость, что смерть подошла ближе! Потомъ онъ этой смерти уже не видѣлъ. Жизнь опять подняла его и несла на своихъ широкихъ крыльяхъ. Встрѣчи съ минутными свидѣтелями его паденія становились не особенно пріятны. Дѣловые пріемы превращались въ рауты. Я его избѣгалъ. Но довелось и мнѣ какъ-то побывать въ его министерской пріемной. Въ этой самой пріемной я бывалъ не разъ у Рейтерна. Какже она теперь перемѣнилась! Тогда изо дня въ день, каждое утро, въ девятомъ часу, сюда приходилъ всякій, у кого до министра было дѣло. Швейцаръ снималъ шубу или пальто, говорилъ: „пожалуйте“. Чиновникъ съ совершенно бѣлыми рѣсницами вписывалъ имя на бумажку; бумажка относилась въ кабинетъ министра,—всего пять-шесть именъ; люди по очереди входили, какъ на исповѣдь, и въ урочный часъ, съ отпущеніемъ грѣховъ, расходились. Теперь тутъ собирались, въ недѣлю разъ, между министерской сигарой, послѣ завтрака и выѣздомъ съ визитами передъ обѣдомъ. Швейцаръ снималъ шубу молча, обдавалъ ее презрѣніемъ, если, на его глаза, она не заслуживала чести висѣть на министерской вѣшалкѣ, и исповѣдники безъ исповѣди на половину, расходились по домамъ съ грѣхами, съ которыми пришли, до слѣдующей недѣли...

Когда я вошелъ, пріемная была биткомъ набита.

И кого только не было въ этой пріемной. Евреи, старушки-дамы съ молодыми дочками, купцы, чиновники изъ провинціи въ смѣшныхъ, расшитыхъ золотомъ, высокихъ воротникахъ на мундирахъ, военные съ эксельбантами и шифрами, штатскіе и опять военные съ лентами; даже влетѣлъ австрійскій гусаръ и раскланялся на всѣ четыре стороны, звякнувъ четыре раза шпорами. Свои не кланялись, входили робко или враждебно, дичились другъ друга и лѣпились вдоль стѣнъ, или сидѣли очень неудобно на стульяхъ, избѣгая креселъ и диванова. Прежній чиновникъ, уже украшенный крестомъ на шеѣ (щедрость новаго министра по части наградъ коснулась и его), вносилъ имена входящихъ въ цѣлую тетрадь. Записываемый съ грустью называлъ себя:—„и къ чему это?“ казалось, думалъ онъ, — очередь до меня все равно не дойдетъ!“...

— По какому дѣлу?—допрашивалъ чиновникъ.

Допрашиваемый отвѣчалъ еще грустнѣе и тонулъ въ морѣ записанныхъ. Общее уныніе сейчасъ же сообщалось вошедшему. Только австріецъ не унывалъ: звонилъ и шпорами и палашемъ, а усы до того крутилъ, что образовалъ изъ нихъ двѣ иголки.

Министръ (я это видѣлъ сквозь стѣну, какъ видишь хорошо извѣстную картину: вотъ она виситъ тамъ, — и всѣ подробности знакомаго холста глядятъ изъ рамы, точно сидишь передъ нею)... Министръ сидѣлъ передъ подносомъ, на которомъ стояли яйца въ смятку, поджаренные на рѣшеткѣ ломтики хлѣба, масло и кофе. Министръ завтракалъ и читалъ „Times“...

А въ пріемной затекшіе отъ ожиданія люди уже начинали заявлять неодолимую потребность двигаться; то тотъ, то другой привставалъ съ мѣста, вынималъ часы изъ кармана и тяжело вздыхалъ; окончательно затекшіе отваживались даже дѣлать нѣсколько шаговъ по комнатѣ, приближались къ двери кабинета, къ которой отъ времени до времени крался на цыпочкахъ курьеръ и прикладывался ухомъ. Пріемный часъ скоро долженъ былъ кончиться, а пріемъ еще и не начинался. Истома дошла до того, что наконецъ кресла и диванъ осквернились,—ужъ и на нихъ сидѣли...

Но вотъ, послѣ цѣлаго часа ожиданія, изъ кабинета трелью залился звонокъ. Бѣлобрысый чиновникъ бросился съ тетрадью къ двери. Курьера точно бурею примчало, да такъ и воткнуло у порога. Тѣ изъ посѣтителей, которые сидѣли, встали; ходившіе остановились; нѣкоторые съ рѣшительностью понюхали изъ табакерокъ; всѣ вообще повыровнялись и притихли.

Вошелъ министръ; раскланялся и съ неодобреніемъ окинулъ глазами залу.

— Я сожалѣю, господа; васъ такъ много, а времени для пріема остается очень мало... — сказалъ онъ и пошелъ по фронту.

Провинившіеся тѣмъ, что ихъ было много, поочереди кланялись, вытягивали шеи и подавали, кто записку, кто прошеніе, кто проектъ. Онъ взглядывалъ мелькомъ на подающаго, почти не взглядывалъ на подаваемое, процѣживалъ: „я разсмотрю“, или „васъ я всегда радъ видѣть“, — (это людей въ эксельбантахъ и шифрахъ), „mais vous voyez vous même!“ (онъ указывалъ кругомъ, — онъ принадлежитъ не себѣ!), иногда иронизировалъ: „мы вѣдь по нѣсколько сотъ верстъ желѣзныхъ дорогъ строимъ въ сутки“. И проходилъ. Австріецъ не имѣлъ представить ничего кромѣ бряцанья,—его назначили въ кабинетъ...

Одна изъ дамъ расплакалась,—ее тоже. Чиновникъ, слѣдовавшій по пятамъ министра, отмѣчалъ такихъ счастливцевъ въ спискѣ; прочихъ вымарывалъ карандашемъ съ ожесточеніемъ, точно стиралъ съ лица земли...

Всѣ европейскіе языки были испытаны съ одинаковымъ успѣхомъ: министръ на всѣхъ говорилъ отлично.

Очередь дошла до меня. Онъ изумленъ, протягиваетъ обѣ руки.— Кого я вижу? И съ запиской? Вотъ-то не ожидалъ!

Я подаю записку. Взглядъ, какъ бы невзначай брошенный на записку, но и на мой сюртукъ (я одинъ очутился тутъ въ сюртукѣ, по его же наукѣ, которая не допускала, чтобъ „человѣкъ порядочный могъ одѣться во фракъ ранѣе обѣда“).

— Вы знаете, какъ я всегда радъ Васъ видѣть. Но Вы видите, (онъ и мнѣ показалъ на толпу, которая отнимала его).

А у меня всего остается какихъ-нибудь десять минутъ. Однако, если Вы имѣете минуту свободную, я тотчасъ буду Вашъ...

И скрылся за дверью.

Изъ кабинета полились трели. Первою была вызвана плакавшая дама. Шелковая юбка просвистѣла въ дверь, но очень скоро и изъ двери. Вторая трель была для австрійца.

Этотъ поднялъ такой громъ, какъ будто шелъ въ кавалерійскую атаку, а не въ мирный кабинетъ. Мнѣ,—трель третья и послѣдняя. Грейгъ былъ въ восхищеніи; онъ вѣкъ меня не видѣлъ! Какъ это, право, грустно, что занятія разлучаютъ самыхъ близкихъ людей и проч. и проч.

— Повѣрите ли, я такъ занятъ, что до сихъ поръ не успѣлъ

повидать перваго акта новаго балета (онъ назвалъ какую-то „Дочь Фараона“, или „Сестру бохдыхана“).

Обмолвившись такъ неудачно, онъ спохватился, что доказательство было не по адресу,— что адресатъ, конечно, ни перваго, ни послѣдняго, и ни котораго дѣйствія, не только этого, но и никакого балета не видѣлъ.

— Впрочемъ Вамъ, какъ человѣку, не меньше меня занятому, никакихъ доказательствъ не надо. Вы, меня, конечно, понимаете И потому, какъ люди одинаково занятые, поспѣшимъ воспользоваться минутами, которыя наши...

Я былъ человѣкъ совершенно свободный, но минутами воспользоваться поспѣшилъ; я развернулъ записку...

— Хотѣлось бы, по-старому поспорить о томъ, о семъ, потолковать, какъ прежде, о литературѣ... но, Вы видите...

На этотъ разъ нужно было видѣть вороха того, что подавалось въ залѣ.

Это я видѣлъ. Но я видѣлъ и то, чего видѣть было не надо: я видѣлъ, какъ курьеръ безъ всякаго зазрѣнія все это стребъ въ охапку и унесъ. Плоды столькихъ надеждъ, стараній — конечно пройдошествъ тоже, — но и честныхъ убѣжденій проекты, поглотившіе жизнь, записки, стоившія ночей, — смѣшались, въ кучу и разойдутся по „столамъ“, чтобы быть забытыми, какъ колодники подъ номерами...

— Я Васъ не задержу,—перебилъ я Грейга:—Вы только взгляните на записку, пока ее не унесли.

— Ахъ, что Вы? Да уйди ты, братецъ, кто тебя зоветъ? — обратился онъ съ досадой къ курьеру, который очевидно привыкъ это дѣлать и безъ зова.

— У этихъ людей страсть прислуживаться, гдѣ ихъ не просятъ, — обратился ко мнѣ министръ: — но ваша записка совсѣмъ другое дѣло. А въ тѣхъ, вѣдь, я все уже знаю напередъ, что въ запискахъ!.. Общественная польза, процвѣтаніе государства, и у правительства ничего не просятъ,—кромѣ гарантій. А польза только тѣмъ, кто это пишетъ...

— Ужъ будто бы только тѣмъ?—удивился я.

— Повѣрьте мнѣ, что только! Мы, люди дѣла, знаемъ это. Несчастье государства не въ томъ, что о немъ будто бы мало заботятся, а именно въ томъ, что о немъ заботятся слишкомъ много... Всѣ теперь о немъ заботятся. У него по семи нянекъ. А существуетъ для этого одна нянька,—правительство. Не думайте, Бога

ради, что я пересталъ быть либераломъ. Я либераленъ, какъ и вы; но я вижу ближе вещи; я говорю: il faut mettre un frein.

— По-русски это значитъ—взнуздать.

— Фи, какъ это можно! Просто—mettre un frein.

— А взнуздать—какъ это можно!.. mettre un frein на увлеченія, которыхъ слишкомъ много... Дайте сперва со старыми покончить. И я это сдѣлаю, что до меня. Пока я здѣсь... Вы знаете, я не искалъ быть здѣсь, — я новыхъ не допущу... какія бы они ни были.

— Даже, если бы отъ нихъ государству была польза?

— Даже! Я задался задачей. Что бы разрѣшить ее, я положилъ себѣ десять лѣтъ.

Робкій недавно министръ, какъ видите, успѣлъ осмѣлиться. Смѣлость его дошла до того, что стала дѣлать вторженіе въ чужія вѣдомства. Онъ юрисконсульту министерства финансовъ поручилъ составить новые законы.

— Эти всѣ теперешніе никуда не годятся. Я не знаю, чего смотритъ министръ юстиціи, говорилъ онъ. Все это заимствовано. Я васъ прошу, займитесь составленіемъ новыхъ на чисто русскихъ началахъ, законовъ нашихъ собственныхъ. Юристомъ овладѣлъ страхъ передъ величіемъ возлагаемой на него задачи.

— Но вѣдь это значитъ создавать еще небывалое. Этого сдѣлать такъ легко нельзя.

— Я знаю. Однако сдѣлать все же можно. Вотъ и до Глинки русской музыки вѣдь не было. Но явился Глинка—и создалъ русскую музыку. Попробуемъ!..

— Ахъ, чортъ возьми!—вдругъ испугался онъ:—вотъ мы заспорили чуть не о мировыхъ вопросахъ, а у меня этого служебнаго дѣла вѣдь вотъ покуда!

Онъ показалъ, что дѣла у него было отъ одного уха до другого, и я поспѣшилъ встать, ни слова не успѣвши сказать о своемъ вопросѣ.

— Записку вашу я, разумѣется, прочту,—сказалъ онъ, взявши у меня на прощанье опять обѣ руки въ свои руки:—и, разумѣется, останусь побѣжденнымъ!—любезно прибавилъ онъ.

Затѣмъ онъ пустилъ изъ подъ пуговки въ столѣ безконечную трель, на которую курьеръ, бѣлобрысый чиновникъ и два лакея въ бѣлыхъ галстухахъ вбѣжали разомъ.

— Карету!—повторяли голоса одинъ за другимъ.

— Готова!—отвѣтилъ швейцаръ.

Хотя моя записка дѣйствительно одержала побѣду, т. е. дѣло, въ которомъ не могло быть отказа, сдѣлалось, потому что мино-

вало столы, но повторить посѣщеніе это мнѣ не придало охоты. Того Грейга, который отказывалъ въ казенной квартирѣ управляющему морскимъ министерствомъ, считая это роскошью, а теперь взялъ восемьдесятъ тысячъ на отдѣлку и расширеніе своей квартиры, признавъ Рейтерновскую—годною только для холостого гвардейскаго офицера; Грейга, который осыпалъ арендами и землями своихъ сотрудниковъ по службѣ, но упорно отказывался отъ того и другого лично для себя, а теперь, какъ гласила молва, принялъ, въ качествѣ скромной ренты имѣніе съ заповѣдными лѣсами въ Польшѣ,—словомъ, прежняго Грейга я уже видѣть не могъ, теперешняго же не хотѣлъ [1]). Суждено мнѣ было его увидѣть гораздо позже, когда онъ ужъ не былъ министромъ.

Это было на дачѣ за Ораніенбаумомъ. Въ мѣстности удаленной отъ всякаго движенія и шума, на горѣ противъ самыхъ кронштадтскихъ укрѣпленій, кромѣ гула господней непогоды, да выстрѣловъ изъ этихъ угрюмыхъ укрѣпленій, ничего не доносилось до слуха; кромѣ телѣги чухонца или колониста нѣмца съ припасами,—ничего не встрѣчали глаза.

Какъ вдругъ въ коляскѣ заблестѣлъ золотой аксельбантъ, генералъ-адъютантъ и пара сѣрыхъ подлетѣла къ моему подъѣзду.

— Дома П. М.?—услышалъ я голосъ Грейга.

Онъ узналъ о томъ, что я здѣсь живу, и по-сосѣдски поспѣшилъ навѣстить меня. (Его собственная дача, дворецъ, подаренный Екатериною II его дѣду, находилась въ двухъ верстахъ). Теперь-то наконецъ, мы будемъ видѣться по-старому! И отчего это мы такъ долго не видались? и какъ мы могли такъ долго не видѣться? Онъ даже объяснить себѣ этого не былъ въ состояніи. Словомъ,—совсѣмъ прежній Грейгъ: любезенъ, веселъ, здоровъ и обворожителенъ. Просидѣлъ онъ болѣе часу. О мировыхъ вопросахъ не было помину,—одни вопросы личные и вседневные; разговоръ добрыхъ сосѣдей...

И я посѣтилъ его скоро. Засталъ его въ саду,—чудномъ, по нашему климату чуть не волшебномъ разсадникѣ самыхъ роскошныхъ цвѣтовъ, рѣдкихъ растеній, кустарниковъ и деревьевъ. Я понимаю, что видѣнный съ дѣтства такой садъ могъ воспитать въ немъ садовода. Онъ обрѣзалъ сучья, скоблилъ плѣсень на вѣтвяхъ, въ большой соломенной шляпѣ, при генералъ-адъютантскихъ шифрахъ, въ здоровомъ загарѣ помѣщика, былъ очень симпатиченъ.

---

[1]) Представленіе о лѣсахъ было сдѣлано отъ Рейтерна, въ его прощальномъ докладѣ по министерству финансовъ.

На меня, какъ на свѣжаго человѣка, онъ кинулся съ жадностью страстно занятаго однимъ предметомъ человѣка и не подарилъ мнѣ ни одного листика своихъ садовыхъ чудесъ, не расписавши его родословной и необыкновенныхъ, ему одному свойственныхъ, качествъ. Были, въ самомъ дѣлѣ, цѣлые питомники совсѣмъ южныхъ растеній, закрытыя стѣнами старыхъ сосенъ и вязовъ отъ вѣтра въ глубинѣ обширнаго парка—лѣса и на солнечномъ пригрѣвѣ произроставшіе весь годъ, конечно, въ соломѣ зимою...

Водилъ меня мой сосѣдъ до устали. Отдохнули мы только передъ домомъ, посреди великолѣпнаго цвѣтника (партера) исполинскихъ лилій,—славы и гордости сада. Кругомъ бросали тѣни вѣковые дубы и липы... Въ обратный путь онъ вызвался меня проводить до дому; съ какою-то родительскою любовью хвалился разными приспособленіями своего сельскаго хозяйства, которыя были въ самомъ дѣлѣ на славу.

— А слышите вы этотъ звукъ? знакомъ онъ вамъ?—остановилъ онъ меня: это молотилка работаетъ. Мнѣ казалось, однако, что не молотилка его исключительно занимала въ эту минуту и о чемъ-то другомъ ему хотѣлось, да все не приходилось, заговорить. Какъ будто бремя лежало на немъ какое-то, а сбросить не удается...

— Я только теперь вполнѣ отдыхаю отъ всего переиспытаннаго, отъ всего вынесеннаго... И, знаете ли, понялъ, какъ все это не стоило, чтобъ столько выносить, сколько я вынесъ!—не выдержалъ онъ, наконецъ.

— Ваше поприще было не легкое,—сказалъ я, чтобъ что-нибудь сказать.

— Тернистое, П. М., повѣрьте мнѣ. Вотъ мы сколько лѣтъ съ вами не видались. А развѣ это легко. Развѣ я не понимаю, отчего мы не видѣлись. Вы повѣрили слухамъ. Да и какъ вамъ было не повѣрить. Даже въ газетахъ, этихъ подлыхъ нашихъ газетахъ,—печаталось en toutes lettres, что Грейгъ отнялъ у государства цѣлое лѣсное царство, что я будто-бы только одну часть его уже успѣлъ продать на срубъ за сколько-то тамъ,—милліоновъ что-ли,—а осталось втрое, впятеро. И все это ложь,—самая низкая клевета. Я не только ничего не продавалъ, я еще прикупилъ, чтобъ округлить пожалованное Государемъ. Я не знаю, отчего я не въ правѣ былъ принять, когда Государь жалуетъ? И никогда я ни вершка не продалъ изъ этихъ заповѣдныхъ лѣсовъ... Потому что это одни лѣса. Дохода они не приносятъ; для меня такіе лѣса священны,—я ихъ не рублю, а на срубъ не продамъ и подавно... Потомъ эти восемьдесятъ тысячъ на квартиру... Но развѣ вы не знаете архитекторовъ? Они вамъ дѣлаютъ смѣту въ восемь; когда начались

работы,—ужъ они боятся, какъ бы не обошлось въ восемнадцать, а отчетъ очень смѣло представляютъ въ восемьдесятъ...

Бремя свое Грейгъ сбрасывалъ среди темнаго лѣса; никто его, кромѣ меня, не слышалъ, и я видѣлъ, что ему становилось легче. Мнѣ тоже становилось легче: я будто получалъ часть прежняго права быть снисходительнымъ къ человѣку, которому былъ лично обязанъ и за которымъ зналъ очень хорошія черты. Я зналъ, напримѣръ, что этотъ баловень судьбы, брошенный съ дѣтства въ среду, изъ которой выходятъ въ люди по одному уже праву товарищей дѣтскихъ игръ, въ которой дѣлаютъ связи женитьбою,—этотъ Грейгъ, который колачивалъ и очень больно, по собственнымъ словамъ, великаго князя Константина, пока они оба были мальчиками, а потомъ вліялъ,—и очень сильно, на генералъ-адмирала, когда оба возмужали, Грейгъ, красивый, обаятельный и свѣтски-блестящій, женился на простой танцовщицѣ (даже не солисткѣ), потому что имѣлъ отъ нея дѣтей. Пустое увлеченіе корнета покрыто было серьезнымъ, на всю жизнь, союзомъ сановника съ женщиною, совершенно иного съ нимъ міра и не красавицею, а только доброю, которая даже не требовала этого союза.

Отъисповѣдовавшись, онъ началъ говорить свободнѣе, и мы разстались со взаимными обѣщаніями видѣться. Но онъ скоро уѣхалъ въ свое лѣсное имѣніе, оттуда еще куда-то, а зимою и умеръ. Такъ мы больше и не видались.

Маленькій, на тонкихъ ножкахъ худой нѣмчикъ, которому вы, навѣрно, открыли бы вашъ рояль для настройки, если-бъ не знали, что онъ министръ финансовъ, а не настройщикъ,—Бунге; опять тѣсная квартира холостого гвардейскаго офицера, да и въ той старый кіевскій профессоръ томился и не раскладывалъ чемодана, чтобы во всякое время быть готовымъ перебраться въ какой-нибудь уголъ еще тѣснѣе,—вотъ что явилось на смѣну Грейгу. Тихіе, малолюдные ежедневные пріемы опять заняли мѣсто раутовъ. Каждое утро, минута въ минуту въ назначенный часъ неслышно выходила изъ кабинета едва замѣтная фигура настройщика, въ полголоса спрашивала каждаго: желаете со мною говорить,—по-русски нерѣшительно, а по-французски: „Vous désirez parler avec moi“? И безъ шума исчезала. Зато желавшіе говорить могли дѣйствительно говорить. Полчаса такихъ разговоровъ въ кабинетѣ выясняли вопросъ вполнѣ и давали ему должное разрѣшеніе.

Бунге былъ первый изъ видѣнныхъ мною министровъ финансовъ, въ которомъ чувствовался знатокъ дѣла. Онъ же и первый интересовался по существу, а не по наружности только, вопросомъ, о которомъ съ нимъ говорили; въ самыхъ противорѣчіяхъ отно-

сился къ нему съ пріемами добросовѣстнаго ученаго-изслѣдователя, а не чиновника—тормоза или молодца—краснобая, задавшагося сбивать во что бы ни стало.

Но уложенный чемоданъ не заставилъ долго томиться подневольнаго министра и скоро послѣдовалъ за нимъ подъ зеленыя сѣни Царскаго Села, гдѣ поселился на постоянное жительство этотъ честный и скромный до излишества ученый, такой же страдалецъ дерзкихъ выходокъ бойкихъ господъ Государственнаго Совѣта, какимъ былъ и Лесовскій... А на Мойку, изъ пучинъ акціонерныхъ правленій выплылъ, дѣйствуя трезубцемъ Каткова, не скромный и прославленный Вышнеградскій.

И этотъ былъ изъ ученыхъ; но зато изъ семинаристовъ. Явился онъ во всеоружіи витіеватой смѣлости дѣльца, обогатившаго насчетъ казны нѣсколько частныхъ предпріятій. Бывшій преподаватель механики въ Технологическомъ институтѣ, былъ въ то же время языкомъ Бліоха въ общихъ собраніяхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, и въ нихъ-то я видѣлъ впервые Вышнеградскаго, подбиравшаго съ пола карандаши, когда ихъ ронялъ Бліохъ и умолкавшаго на полусловѣ, когда тотъ дергалъ его за полу.

Говорилъ онъ бойко, витіевато, безъ запинки и безъ выбора доводовъ,—со ссылками на параграфы иногда вовсе не существовавшихъ статей уставовъ и положеній („я беру летучія цифры“ оправдывался онъ, когда его ловили); но все это производило оглушительный трескъ и спорить подъ этотъ трескъ—охотниковъ не находилось.

Перемѣнится ли Вышнеградскій, излѣчится ли климатомъ Мойки отъ прежняго себя и отмоется ли въ тусклыхъ водахъ ея? спрашивали себя люди, знавшіе его раньше.

Въ мое единственное посѣщеніе пріема министра Вышнеградскаго евреевъ было въ ней довольно; но былъ и романистъ Всеволодъ Крестовскій, бряцавшій шпорами полковника таможенной стражи.

Съ бѣлыми рѣсницами чиновникъ, уже при сіяніи звѣзды на вицмундирѣ, записалъ мое имя, меня впустили въ кабинетъ (дѣло мое ближе касалось министерства финансовъ, нежели меня), и передо мной предсталъ, хоть и въ образѣ министра, но Вышнеградскій общихъ собраній акціонерныхъ обществъ. Та же не сходящая съ губъ елейная улыбка (именно елейная), бритыя, плотоядныя губы сатира, вѣчно увлажены, точно вымазаны елеемъ; кончикъ носа и виски въ капляхъ того же елея, какъ въ росѣ; также плутовато косился взглядъ изъ-подъ очковъ; прежняя медоточивость рѣчи, совсѣмъ семинарской и прежній видъ дореформеннаго подъячаго, если не учителя ариѳметики...

Встрѣча старыхъ знакомыхъ, радушная на минуту, но затѣмъ сейчасъ же игривая сдержанность (спохватившагося) министра, который принимаетъ просителя.

Дѣло было очень простое и ему очень знакомое: желѣзнодорожному обществу, съ абсолютно, т. е. во что бы то ни стало гарантированнымъ доходомъ отъ правительства (валяй, значитъ, во всю ивановскую, купонъ оплатится копейка въ копейку) Министерство Путей сообщенія навязывало завѣдомо негодные рельсы казеннаго заказа. Надлежало избавить казну отъ такого завѣдомаго убытка.

— Это вопросъ техническій,—пресерьезно отвѣчаетъ Вышнеградскій: вѣдайтесь съ Посьетомъ.

— Посьетъ говоритъ, что это вопросъ финансовый, и посылаетъ вѣдаться съ Вами...

Пошла, разумѣется, діалектика, безшабашная и трескучая.

— Я рѣшился покончить съ этими казенными заказами, которыхъ въ складахъ на милліоны. Я ихъ разсую вездѣ,—и по столамъ будетъ чисто: казна вернетъ свои деньги.

— Но вѣдь только по столамъ?—улыбаюсь я.

Онъ улыбается тоже.

— Эхъ, П. М., будемте говорить откровенно, чтобъ намъ съ вашимъ вопросомъ покончить,—вѣдь ваши акціи гарантированы аб-со-лют-но. Кой чортъ вамъ до всего остального? не все ли вамъ равно?!

— Мнѣ-то, собственно, оно почти что и такъ (смѣюсь уже я), но я полагалъ,—Вамъ не все равно... какъ министру финансовъ.

Онъ только рукой махнулъ.

И совершенно ржавые рельсы пошли на дорогу, да еще стратегическую.

Положительно воды Мойки не оказываютъ дѣйствія на слишкомъ застарѣлые недуги.

Пока „рука Всевышняго“, не въ первый разъ „спасающая отечество“, спасала его финансы обильными урожаями, Вышнеградскій было прямо попалъ въ число „обширныхъ государственныхъ умовъ“ и даже почти „свѣтлыхъ личностей“, рядомъ со своимъ теской Шестаковымъ (оба они Иваны Алексѣевичи)—ужъ и въ рай задумывалъ съ нимъ вмѣстѣ пробраться, да не разсчиталъ...

П. М. Ковалевскій.

Письмо М. Д. Скобелева А. П. Струкову.

Письмо М. Д. Скобелева А. П. Струкову [1]) написано подъ впечатлѣніемъ блестящихъ дѣйствій 1-ой кавалерійской дивизіи въ во время войны 1877—78 г.г.. Дивизія эта почти въ полномъ числѣ рядовъ перешла въ суровую зиму черезъ Балканы и приняла доблестное участіе въ плѣненіи подъ Шибкой арміи Весселя Паши. 2-го января 1878 г. изъ Эски Загры выступилъ отрядъ, состоявшій изъ Московскихъ драгунъ, Петербургскихъ уланъ и перваго Донскаго Казачьяго полка подъ начальствомъ Свиты Его Величества генералъ-маіора Струкова. 3-го января этимъ отрядомъ былъ взятъ съ бою желѣзнодорожный мостъ Тырново-Семенли, обороняемый турецкой пѣхотой и артиллеріей. Этотъ мостъ имѣлъ большое стратегическое значеніе, какъ единственный переходъ черезъ р. Марицу и былъ узломъ желѣзнодорожныхъ путей на Филлипополь, Адріанополь и на сѣверъ. 5-го января былъ занятъ съ бою Хермангли, а 8-го января былъ захваченъ г. Адріанополь, при чемъ ген. Струковъ съ своимъ отрядомъ предупредилъ турецкую армію, спѣшившую изъ Шумлы къ Адріанополю, и захватилъ всѣ склады и 85 орудій на укрѣпленіяхъ. 9-го января отрядъ генерала Струкова былъ направленъ къ Константинополю и занялъ съ бою Чорлу, гдѣ, въ 3-хъ переходахъ отъ Стамбула, извѣстіе о заключенномъ перемиріи остановило побѣдоносное наступленіе отряда.

Вскорѣ, послѣ этихъ удачныхъ дѣйствій генералъ Струковъ получилъ въ командованіе Л.-гв. Уланскій полкъ, а затѣмъ былъ начальникомъ 4-й кавалерійской и 1-й гв. кавалерійской дивизіи и наконецъ, въ 1903 году былъ назначенъ инспекторомъ ремонтовъ и запасныхъ кавалерійскихъ полковъ и находился въ этой должности до 1907 г.

Въ 1890 году на большихъ маневрахъ генералъ Струковъ особенно выдвинулся, блестящимъ образомъ командуя коннымъ корпусомъ Волынской арміи.

---

[1]) Нынѣ генералъ-адъютанту и генералу отъ кавалеріи.

Дорогой Александръ Петровичъ!

Спасибо Тебѣ, тысячу разъ спасибо за Твое доброе сердечное письмо. Оно меня не удивило, но глубоко обрадовало какъ отъ человѣка, котораго я за минувшую войну привыкъ сердцемъ считать своимъ отъ Парапана до Чаталджи и въ военную будущность котораго я лично, для пользы нашей бѣдной кавалеріи, глубоко вѣрю [1]). Я сказалъ бѣдной съ чувствомъ глубокаго уваженія и любви къ нашему регулярному кавалерійскому матеріалу. Это чувство возбудилъ во мнѣ Ты, доказавъ наглядно съ незабвенными полками 1-й кавалерійской дивизіи, чего можно достигнуть съ Русскою регулярною кавалеріею. Но дѣло мастера боится, а таковыхъ я не видѣлъ въ настоящую войну. Вѣрь мнѣ, дорогой Александръ Петровичъ, что вопросъ о созданіи, безотлагательномъ созданіи хорошихъ боевыхъ кавалерійскихъ начальниковъ для Русской Арміи болѣе настоятеленъ, чѣмъ всякій другой. Что было бы съ нами въ Турціи, если бы въ прошлое лѣто воскресла бы хотя кавалерія Султана Магмуда?.. Въ войнѣ съ Австріей и даже съ Англіей неумѣлость употреблять кавалерію можетъ просто повести къ проигрышу кампаніи. Въ наши дни роль кавалеріи болѣе чѣмъ при Зейдлицѣ и Мюратѣ пылко наступательная. Ружье имъ дано именно потому, а не для скромнаго спѣшиванія въ виду своей пѣхоты, какъ то слишкомъ часто бывало.

Постоянно находясь въ соприкосновеніи по возможности съ массами непріятеля, хорошая кавалерія неустанно ищетъ случая охватить одинъ изъ операціонныхъ фланговъ непріятельской арміи или даже тылъ и нанести, при случаѣ, рѣшительный вредъ, en y laissant le moins possible de ses propres plumes parceque nul part l'experience n'est aussi precieuse que dans la cavalerie [2]). Еще въ началѣ этого столѣтія назвали кавалерію „l'Arme des surprises et des mouvements debordants“? [3]) Что же сказать про нее теперь? Дѣйствительно наша кавалерія должна подготовить себя къ громадной роли на случай Европейской кампаніи. Она по необходимости должна вліять своимъ качествомъ и на стратегическія и на тактическія рѣшенія главнокомандующаго, скажу на логику всей кампаніи.

Генералы, которые будутъ призваны управлять кавалерійскими

---

[1]) Предсказаніе М. Д. Скобелева въ военную будущность генерала Струкова не оправдались: въ послѣднюю русскояпонскую войну этому блестящему кавалерійскому генералу не нашлось мѣста ни въ одной изъ трехъ Манчжурскихъ армій.

[2]) Съ возможно меньшими для себя потерями, ибо нигдѣ опытъ не является болѣе цѣннымъ какъ въ кавалеріи.

[3]) Оружіемъ внезапностей и маневровъ охвата.

массами, должны, кромѣ опытнаго взгляда на военное дѣло во всемъ его объемѣ, обладать и военнымъ глазомѣромъ, и способностью умозаключать при всякой обстановкѣ и безпредѣльною дѣятельностью, и наконецъ главное — характеромъ — способностью самостоятельно рѣшаться—нести отвѣтственность!!! Все это - качества недюжинныя, скажу, не манежныя и не плацпарадныя; вотъ почему Арміи должны быть дороги тѣ, которые удовлетворили вышесказанному да еще и въ суровую зимнюю пору, за 100 верстъ отъ своей пѣхоты, въ тѣ дни, когда для нихъ дѣло шло о чести ввѣренныхъ имъ штандартовъ, о жизни сотней молодцевъ и наконецъ о безвозвратномъ быть или не быть ихъ собственной репутаціи. Такихъ людей можетъ забыть развѣ только зависть.

Поздравляю Тебя съ алмазною [1]) саблею. Это будетъ для Тебя пріятнымъ воспоминаніемъ и служитъ для меня доказательствомъ, что Государь Императоръ Тебя понялъ и оцѣнилъ. Напиши мнѣ пожалуйста поподробнѣе о себѣ и вообще о многомъ. Генералу Веревкину я сдалъ корпусъ въ исправности, Ты знаешь, я люблю службу и никакихъ претензій себѣ не позволяю имѣть. Исполняю приказанія, вотъ и все.

Крѣпко жму руку
Твой любящій
(Подписано) Михаилъ Скобелевъ.

Бивуакъ у Караманли.

$18\frac{20}{V}78$.

Въ этомъ интересномъ письмѣ М. Д. Скобелевъ говоритъ, что „наша кавалерія должна себя подготовлять на случай Европейской кампаніи“.

Что же мы видимъ въ недавней русско-японской войнѣ: въ то самое время, когда наша пѣхота и артиллерія прекрасно ведутъ бои и отступаютъ только по приказанію свыше, наша конница и ея начальники, за весьма незначительными исключеніями, дѣйствуютъ почти всегда неудачно и это происходитъ при полномъ ничтожествѣ японской кавалеріи?

Гдѣ же надо искать причину неудачныхъ дѣйствій нашей конницы?

Сообщ. П—въ.

[1]) «Съ надписью за военные подвиги за Балканами».

Устроители Болгаріи: князь Черкасскій, князь Дондуковъ-Корсаковъ и Столыпинъ [1]).

III.

Какъ было уже упомянуто выше, рѣшеніемъ Берлинскаго конгресса Санъ-Стефанскій прелиминарный договоръ былъ значительно видоизмѣненъ, при чемъ изъ Филиппопольскаго и Сливенскаго санджаковъ должна была образоваться автономная область „Восточная Румелія", управляемая назначеннымъ Портою генералъ-губернаторомъ.

Вслѣдствіе этого императорскому россійскому комиссару въ Болгаріи, князю Дондукову-Корсакову, пришлось переселиться изъ Филиппополя въ новую резиденцію—г. Софію, а генералъ-губернаторомъ Восточной Румеліи онъ, по соглашенію съ главнокомандующимъ дѣйствующею арміею, назначилъ командира 9-го армейскаго корпуса, генералъ-лейтенанта Столыпина, оставивъ за собою лишь высшій надзоръ. До этого русская администрація ввела въ Восточной Румеліи всѣ тѣ новыя положенія и порядки, которые были введены въ Сѣверной Болгаріи, и сформировала для области особое земское войско.

Родившійся въ 1822 г., Аркадій Дмитріевичъ Столыпинъ служилъ въ молодые годы въ артиллеріи. Во время крымской кампаніи онъ былъ награжденъ золотою саблею „за храбрость" и получилъ званіе флигель-адъютанта. Въ 1859 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту и съ утвержденіемъ въ должности наказнаго атамана Уральскаго казачьяго войска. Въ августѣ 1878 г., въ чинѣ уже генералъ-лейтенанта, Столыпинъ былъ назначенъ командиромъ 9-го армейскаго

[1]) См. „Русскую Старину" апрѣль 1909 г.

корпуса, принимавшаго участіе въ русско-турецкой войнѣ, а 9-го октября того же года—генералъ-губернаторомъ Восточной Румеліи и Адріанопольскаго санджака, который долженъ былъ отойти къ Турціи.

Рѣшенія Берлинскаго конгресса произвели огромное впечатлѣніе на южныхъ болгаръ. Нѣкоторые изъ нихъ впали въ отчаяніе, другіе же преисполнились воинственнымъ духомъ и рѣшились ни за что не пускать въ свою область турецкія войска, которыя, согласно Берлинскому трактату, могли занимать гарнизоны въ В. Румеліи. Турки и отчасти греки, живущіе въ этой области, напротивъ, возрадовались новому порядку вещей, видя въ немъ начало униженія болгаръ, и надѣялись на возстановленіе стараго, выгоднаго для нихъ режима.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, высшему русскому управленію въ области съ первыхъ же шаговъ пришлось направить свою дѣятельность преимущественно къ осуществленію слѣдующихъ основныхъ задачъ:

1) Къ успокоенію края путемъ умиротворенія народностей, стараясь по возможности исполнять законныя желанія каждой изъ нихъ и не дѣлая никакого различія между болгариномъ, грекомъ и туркомъ.

2) Къ разъясненію болгарамъ сущности того образа правленія, которое было дано В. Румеліи Берлинскимъ трактатомъ и которое клонилось не къ обращенію края вновь въ турецкій вилайетъ, а, наоборотъ, къ созданію изъ него особой автономной области съ серьезнымъ обезпеченіемъ правъ и преимуществъ каждаго изъ ея гражданъ, и

3) Къ направленію работъ европейской комиссіи (которая должна была вѣдать финансовыми дѣлами области и составить органическій статутъ для нея) такимъ образомъ, чтобы привести ее къ сознанію необходимости охраненія болгарскихъ интересовъ, при нарушеніи коихъ въ пользу Турціи, слѣдовало ожидать, съ уходомъ русскихъ войскъ, большихъ кровавыхъ безпорядковъ.

Одною изъ лучшихъ мѣръ, предпринятыхъ русскимъ управленіемъ въ В. Румеліи, было вооруженіе народа путемъ устройства сельскихъ карауловъ и гимнастическмхъ обществъ, обученныхъ русскими инструкторами. Послѣдствія этой мѣры оказались въ высшей степени благопріятными для успѣшнаго и мирнаго разрѣшенія румелійскаго вопроса.

А. Д. Столыпинъ выполнялъ возложенныя на него обязанности съ большою твердостью и тактомъ. Объ этомъ свидѣтельствовалъ

и бывшій главнокомандующій дѣйствующей арміи, генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, посѣтившій Филиппополь въ началѣ ноября 1878 г. Въ всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 10 марта 1879 г. онъ говоритъ о Столыпинѣ слѣдующее: „Всѣ его распоряженія практичны и соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ. Болгары повинуются ему безусловно. Онъ успѣлъ внушить къ себѣ не только полное довѣріе и уваженіе болгаръ и всего населенія, но и комиссіи европейскихъ державъ".

Эта комиссія, собравшаяся сначала въ Константинополѣ (въ сентябрѣ 1878 г.), а затѣмъ перебравшаяся въ Филиппополь, имѣла своею задачею, какъ было уже упомянуто, выработать органическій статутъ для управленія В. Румеліею и упорядочить финансы области. Она состояла изъ людей выдающихся по своимъ знаніямъ и опытности, но большинство ихъ было враждебно настроено по отношенію къ славянамъ. Наиболѣе яркимъ представителемъ ея былъ австрійскій делегатъ, баронъ Каллай, венгерецъ по отцу и сербъ по матери, хорошо знакомый съ балканскими дѣлами и злѣйшій врагъ славянъ [1]). Англійскій представитель сэръ Друммондъ-Вольфъ сразу выказалъ себя ярымъ туркофиломъ и поднималъ шумъ и протесты по всякому, самому ничтожному поводу. Остальные делегаты были склонны поддерживать своихъ коллегъ въ духѣ урѣзки правъ болгарскаго населенія области. Представителями же Россіи въ международной комиссіи были: нашъ генеральный консулъ въ В. Румеліи князь Церетелевъ и полковникъ генеральнаго штаба Шепелевъ, люди европейски образованные, хорошо знакомые съ балканскими дѣлами и обладавшіе искреннимъ патріотическимъ чувствомъ [2]). Въ началѣ ихъ положеніе въ комиссіи было очень трудное, и, по выраженію одного болгарскаго журналиста, они выглядѣли среди международныхъ делегатовъ, какъ два бѣлыхъ голубя среди стаи черныхъ вороновъ. Европейскіе делегаты видѣли тогда главнаго врага въ русской администраціи области и потому направили свою оппозицію противъ нея. Самый упрямый и настойчивый изъ членовъ комиссіи, сэръ Друммондъ-Вольфъ обращался къ генералу Тотлебену съ формальными жалобами на

---

[1]) Впослѣдствіи онъ былъ имперскимъ министромъ финансовъ и управителемъ Босніи-Герцеговины. Имъ же была написана «Исторія сербовъ», которую, однако, боснійская администрація запретила къ допуску въ школахъ области.

[2]) Въ числѣ младшихъ дипломатовъ, на которыхъ было возложено веденія протоколовъ комиссіи, былъ А. П. Извольскій, нынѣшній нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ.

князя Дондукова-Корсакова и Столыпина и даже вмѣшалъ въ свою полемику съ императорскимъ комиссаромъ англійскаго премьера, лорда Салисбери. Въ засѣданіяхъ комиссіи Друммондъ-Вольфъ съ пѣною у рта доказывалъ, что русское управленіе въ области противно духу Берлинскаго трактата, которымъ предоставлена-де русскимъ только военная оккупація; на этомъ основаніи онъ домогался для комиссіи права контролировать всѣ дѣйствія нашей администраціи въ области. Конечно, такимъ требованіямъ данъ былъ надлежащій отпоръ и русскими членами комиссіи, и генераломъ Столыпинымъ. Но финансы области пришлось все же передать въ вѣдѣніе комиссіи, которая поставила директоромъ финансоваго управленія чиновника Оттоманскаго банка Шмидта, яраго туркофила. Объѣздъ имъ области и повѣрка кассъ вызвали во многихъ мѣстахъ волненія среди болгарскаго населенія, доходившія до того, что Шмидта хотѣли побить камнями. Тѣмъ не менѣе, благодаря русской охранѣ, онъ уцѣлѣлъ и продолжалъ управлять финансами области даже послѣ окончанія русской оккупаціи.

Мало-по-малу однако настроеніе делегатовъ международной комиссіи измѣнилось въ пользу болгарскаго населенія, которое составляло огромное большинство въ области (около $^2/_3$ ея жителей). Европейскіе делегаты согласились даже признать болгарскій языкъ, наравнѣ съ турецкимъ и греческимъ, оффиціальнымъ языкомъ Восточной Румеліи, несмотря на протестъ оттоманскихъ комиссаровъ. Въ выработанномъ комиссіей статутѣ даны были широкія права мѣстному самоуправленію, а зависимость отъ Турціи сдѣлана была почти номинальной. Произошло это главнымъ образомъ вслѣдствіе вліянія барона Каллая, который находилъ, что неблагоразумно раздражать болгарское, преобладающее населеніе области, идя наперекоръ его законнымъ стремленіямъ; тогда какъ дарованіе широкой административной автономіи области должно способствовать большему обособленію ея отъ Болгарскаго княжества; привлекши же къ себѣ болгаръ области, можно будетъ потомъ посѣять между ними раздоры и отклонить ихъ симпатіи отъ Россіи. Такую точку зрѣнія Каллай внушилъ и другимъ европейскимъ делегатамъ. Труднѣе всего было склонить въ пользу этой политики британскихъ уполномоченныхъ, съ которыми у Каллая, какъ видно изъ англійской Синей книги за 1879 г., были частыя пререканія.

Измѣнилось также мало-по-малу и недружелюбное отношеніе европейской комиссіи къ русской администраціи въ области, такъ какъ члены комиссіи убѣдились въ ея стараніяхъ соблюсти спокойствіе въ краѣ и выполнить требованія Берлинскаго трактата.

Непреклоннѣе всѣхъ въ своемъ недовѣрчивомъ и враждебномъ отношеніи къ нашей администраціи оставался Каллай, но и онъ смягчился подъ конецъ русской оккупаціи,—быть можетъ вслѣдствіе тревожныхъ событій въ Македоніи, Албаніи и Босніи-Герцеговицѣ, гдѣ австрійскимъ оккупаціоннымъ войскамъ пришлось наткнуться на довольно упорное сопротивленіе.

Въ особенности, тревожное время пережила В. Румелія по отходѣ русской дѣйствующей арміи изъ Адріанопольскаго санджака. Ратификація мирнаго договора нашего съ турками произошла 3 февраля 1879 г., а съ 6-го числа началось очищеніе нашими войсками передовыхъ позицій. Адріанополь же былъ переданъ туркамъ 26-го февраля. Въ этотъ день генералъ-лейтенантъ Скобелевъ произвелъ парадъ войскамъ, послѣ чего въ городъ вступили для смѣны карауловъ турецкіе таборы. Турецкое населеніе высыпало имъ навстрѣчу и радостно привѣтствовало ихъ, христіане же заперли свои лавки. Благодаря однако мѣрамъ, принятымъ командовавшимъ турецкими войскими Реуфъ-пашою, порядокъ нигдѣ нарушенъ не былъ. Послѣднія части русской арміи выступили изъ города 3-го марта, при чемъ выстроенныя шпалерами турецкія войска отдавали имъ воинскія почести, а турецкая депутація отъ города выразила генералу Скобелеву благодарность горожанъ Государю Императору, русской арміи и русскому управленію за доброе отношоніе къ жителямъ во время пребыванія русскихъ войскъ въ Адріанополѣ.

Генералъ Тотлебенъ, пробывъ 10 дней въ Варнѣ, 10-го марта выѣхалъ въ Одессу. Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Адріанополя онъ сообщилъ князю Дондукову-Корсакову высочайшее повелѣніе, которымъ генералу Столыпину предоставлялся совершенно самостоятельный кругъ дѣйствій въ В. Румеліи и лишь по вопросамъ политическимъ и административнымъ, требующимъ особыхъ указаній, ему предписывалось обращаться къ послу нашему въ Константинополѣ.

Вслѣдъ за нашими отходившими войсками двинулись въ предѣлы Восточной Румеліи тысячи христіанскаго населенія, болгаръ и грековъ,—въ особенности же послѣ насилій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ со стороны турокъ и даже ихъ регулярныхъ войскъ. Этого переселенія (всѣхъ выходцевъ набралось до 30 тысячъ) не желали ни русская администрація, ни мѣстные болгары. И со стороны генерала Столыпина, и со стороны экзарха Іосифа были приняты мѣры къ увѣщанію христіанъ санджака оставаться на своихъ мѣстахъ; дѣлались даже затрудненія къ перевозкѣ выселенцевъ

по желѣзной дорогѣ. Тѣмъ не менѣе они двигались обозами по грунтовымъ дорогамъ. Пришлось болгаръ направить въ тѣ округа области, гдѣ еще были свободныя для поселенія мѣста, а грекамъ предоставить для той же цѣли пустынныя мѣстности придунайской Болгаріи (откуда они впослѣдствіи возвратились на свои прежнія мѣста жительства).

Это выселеніе христіанъ изъ Адріанопольскаго санджака по удаленіи русскихъ войскъ вызывало, конечно, большую тревогу и въ христіанскомъ населеніи В. Румеліи. Вѣдь Берлинскимъ трактатомъ туркамъ было предоставлено право—по окончаніи русской оккупаціи имѣть свои гарнизоны въ области; могли вторгнуться и баши-бузуки изъ Родопскихъ горъ. Другимъ событіемъ, возбуждающимъ волненіе умовъ, было тырновское учредительное собраніе, куда румелійскіе депутаты не были допущены. По всей Болгаріи шли совѣщанія о необходимости при концѣ оккупаціи всеобщаго возстанія, съ цѣлью не допустить присутствія турецкихъ гарнизоновъ на Балканахъ, къ чему стремилась Порта. Въ этомъ дѣлѣ болгары возлагали большія надежды на сельскіе караулы и гимнастическія дружества, организація которыхъ снова вернула престижъ русскому имени, нѣсколько было пошатнувшійся послѣ Берлинскаго конгресса. Благодаря сформированію, вооруженію и обученію этой силы, область могла выставить для своей охраны, при отходѣ русскихъ войскъ, до 60 тысячъ штыковъ.

Безпокойное состояніе умовъ въ области выразилось волненіями въ нѣсколькихъ городахъ, въ особенности же въ г. Сливнѣ, по поводу объѣзда для повѣрки кассъ директора финансовъ Шмидта, о чемъ уже было упомянуто выше. Тѣмъ не менѣе довѣріе къ русской власти было такъ велико, что никакихъ крупныхъ безпорядковъ въ области не произошло, несмотря на то, что русское управленіе, стараясь поддержать спокойствіе и порядокъ въ области, должно было по необходимости противодѣйствовать соединительнымъ стремленіямъ болгарскихъ патріотовъ. Въ этомъ отношеніи генералъ Столыпинъ выказалъ много благоразумной твердости, въ особенности въ виду того, что поддержку этимъ патріотамъ склонны были оказывать и нѣкоторые увлекающіеся русскіе люди.

Русское управленіе въ области распространялось въ это время на двѣ губерніи: Филиппопольскую и Сливенскую. Администрація наша состояла здѣсь частью изъ русскихъ, а частью изъ болгаръ. Такъ какъ гражданское управленіе въ этихъ губерніяхъ было вве-

дено значительно позже, чѣмъ въ сѣверной Болгаріи, то и назначеніе сюда русскихъ администраторовъ производилось не по тому строгому выбору, который примѣнялся княземъ Черкасскимъ, а имѣло случайный характеръ. Неудовлетворительность такой системы назначеній сказалась очень скоро: именно въ этой области оказались разныя злоупотребленія со стороны административныхъ лицъ, вслѣдствіе чего нѣсколько человѣкъ изъ нихъ были отставлены отъ должностей, а одинъ окружный начальникъ былъ даже за лихоимство преданъ военному суду и понесъ тяжелое наказаніе. Генералъ Столыпинъ находилъ невозможнымъ смотрѣть сквозь пальцы на подобныя дѣла, въ чемъ находилъ поддержку и со стороны императорскаго комиссара, который просилъ его поступать съ виновными „съ неумолимой строгостью, дабы тѣмъ показать болгарамъ, что мы не щадимъ тѣхъ, кто злоупотребляетъ данной ему властью и пользуется государственной службой для достиженія своихъ личныхъ своекорыстныхъ цѣлей“.

Къ концу же апрѣля всѣ состоявшіе по гражданскому управленію русскіе были замѣнены мѣстными уроженцами, рекомендованными экзархомъ или выдающимися представителями умѣренной партіи въ области.

Безпорядки въ Сливенской губерніи вызвали, однако, безпокойство въ Петербургѣ. Императоръ Александръ II, лично внимательно слѣдившій за дѣлами въ Болгаріи, опасался, чтобы съ уходомъ нашихъ войскъ не началось возстаніе въ В. Румеліи. Стараніями нашей дипломатіи были предотвращены двѣ грозящія области опасности: смѣшанная оккупація, которую предлагали западно-европейскіе дипломаты, и занятіе Балканъ турецкими гарнизонами, о чемъ хлопотала Порта. Сверхъ того удалось достигнуть устраненія кандидатуры на должность генералъ-губернатора В. Румеліи Рустема-паши, левантинца по происхожденію и католика по вѣрѣ, о назначеніи котораго ходатайствовали Франція и Англія. Порта склонилась назначить на этотъ постъ нашего кандидата, Алеко-пашу князя Богориди (или Вогоридеса)—православнаго и полуболгарина по происхожденію. Не довольствуясь всѣмъ этимъ, Александръ II, передъ очищеніемъ нашими войсками В. Румеліи, командировалъ въ эту область съ особымъ порученіемъ генералъ-адъютанта Обручева.

Генералъ Обручевъ прослѣдовалъ черезъ Константинополь, гдѣ вручилъ султану письмо Александра II, въ которомъ нашъ Государь старался убѣдить Абдулъ-Гамида, что лучшимъ средствомъ для успокоенія болгаръ и предотвращенія безпорядковъ былъ бы

отказъ Порты отъ предоставленнаго ей конгрессомъ права держать гарнизоны на Балканахъ [1]).

Въ Филиппополь генералъ Обручевъ прибылъ 24 апрѣля, и на слѣдующій день болгарскій экзархъ, послѣ торжественнаго богослуженія въ соборномъ храмѣ въ присутствіи царскаго посланца, при многочисленномъ собраніи народа и именитыхъ людей области, прочелъ съ амвона переведенное на болгарскій языкъ посланіе къ болгарамъ В. Румеліи русскаго Императора. Въ немъ выражалась надежда, что болгары области по уходѣ русскихъ войскъ подчинятся рѣшеніямъ Берлинскаго конгресса и не дадутъ повода къ обвиненію ихъ въ стремленіяхъ нарушить миръ и спокойствіе, столь необходимые для блага всѣхъ болгаръ, какъ въ области, такъ и въ княжествѣ.

Послѣ богослуженія генералъ Обручевъ произвелъ на плацу смотръ двумъ дружинамъ мѣстной милиціи, а затѣмъ принималъ многочисленныя депутаціи отъ болгарскаго общества, желавшія лично слышать посланца русскаго Царя. Генералъ словесными убѣжденіями старался успокоить болгаръ, обѣщая имъ, что Россія приметъ мѣры и употребитъ все свое вліяніе, чтобы постановленіе Берлинскаго конгресса о турецкихъ гарнизонахъ на Балканахъ не приводилось въ исполненіе. Затѣмъ генералъ Обручевъ объѣхалъ и другіе города В. Румеліи и вездѣ своими убѣжденіями и обѣщаніями поднялъ духъ болгарскаго населенія, которое съ восторгомъ и довѣріемъ встрѣчало царскаго посланца. Объ этомъ свидѣтельствовали и иностранные представители въ своихъ донесеніяхъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ произведенный генераломъ Обручевымъ смотръ гимнастическимъ обществамъ на жѣзнодорожной станціи Тырнъ-Семенли.

Послѣ этого населеніе области настолько успокоилось, что отходъ нашихъ войскъ совершился своевременно и безпрепятственно. Только въ началѣ іюля, когда генералъ Столыпинъ сажалъ на суда въ Бургасѣ послѣднія части своего корпуса, ложная тревога — слухъ о вступленіи турокъ въ область — на нѣсколько дней задержала отъѣздъ бывшаго генералъ-губернатора Восточной Румеліи.

Наглядными памятниками дѣятельности русской администраціи въ области остались: водопроводъ и мостъ въ Филиппополѣ и реальное училище въ Сливнѣ.

---

[1]) С. С. Татищевъ, „Императоръ Александръ II“, Спб., 1903 года, II. стр. 327.

Объ успѣшныхъ результатахъ дѣятельности русскаго управленія въ Болгаріи заявляли даже иностранцы. Авторъ одной изъ лучшихъ книгъ о Болгаріи въ европейской литературѣ Леонъ Ламушъ (Léon Lamouche, „La Bulgarie dans le passé et le présent“. Paris, 1892) говоритъ: „Справедливость требуетъ признать, что время русской оккупаціи и управленія было плодотворно для Болгаріи. Давъ ей, благодаря успѣхамъ своего оружія, независимость, русскіе продолжали начатое ими дѣло, сдѣлавшись изъ освободителей организаторами, и заложили основы болгарскаго управленія; вмѣстѣ съ тѣмъ они сформировали и обучили болгарскую армію, и покончивъ съ государственнымъ устройствомъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ снабжали еще Болгарію чиновниками, офицерами и инструкторами“. Лучшій историкъ и бывшій министръ Болгаріи К. Иречекъ (чехъ) говоритъ слѣдующее о времени русскаго управленія: „Русскіе и болгары проводили время дружно, съ многочисленными балами, празднествами и банкетами. Русское военное управленіе разсчитывалось за все наличными деньгами, и болгарское городское и сельское населеніе наполняло свои кошельки легко добытыми русскими полуимперіалами, которые составляли обиходную монету. Ожила вновь и болгарская печать [1])“. Очень сочувственный отзывъ о русскомъ управленіи въ Болгаріи даетъ и извѣстный бельгійскій экономистъ Эмиль де-Лавеле, путешествовавшій по Болгаріи вскорѣ по вступленіи на болгарскій престолъ принца Александра Баттенберга [2]).

Такимъ образомъ, на основаніи всего изложеннаго, мнѣ кажется можно заключить, что русское управленіе въ Болгаріи вполнѣ успѣшно выполнило трудную задачу устройства вновь призваннаго къ политической жизни молодого славянскаго княжества.

Еще одно послѣднее замѣчаніе. Мнѣ неоднократно приходилось встрѣчать въ печати (преимущественно въ иностранной) заявленія что Россія вела освободительную войну 1877—78 гг. изъ-за своекорыстныхъ цѣлей, имѣя въ виду обратить впослѣдствіи Болгарію въ Задунайскую губернію; въ Болгаріи на это упирали въ особенности стамбуловцы. Пересмотрѣвъ большое количество и оффиціальныхъ дѣлъ и разнаго рода корреспонденціи, относящейся къ помянутой войнѣ, я по совѣсти могу сказать, что нигдѣ не встрѣчалъ и тѣни подобныхъ предположеній.

Н. Овсяный.

[1]) К. Иречекъ, „Княжество България“, стр. 382.

[2]) Emile de Laveleye «La péninsule de Balkans», II, 1886.

Мои воспоминанія о Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ[1].

(Князя Дмитрія Александровича Оболенскаго).

(Окончаніе).

V.

Злодѣйскій выстрѣлъ Каракозова былъ сигналомъ для реакціи,—она выступила во всеоружіи.

Несмотря на выраженіе всѣми слоями общества въ Россіи искреннихъ вѣрноподданническихъ чувствъ негодованія противъ злодѣйскаго покушенія на жизнь самаго любимаго народомъ Царя, несмотря на всю случайность этого несчастнаго событія, не связаннаго ни съ какимъ результатомъ реформъ—довѣріе Царя, къ пользѣ совершенныхъ Имъ великихъ дѣлъ, поколебалось, духъ Его смутился, и этимъ не замедлили ловко воспользоваться люди съ честолюбивыми видами, давно ожидавшіе случая овладѣть довѣріемъ Государя.

Реакція обнаружилась не столько въ послѣдовательномъ принятіи какихъ-либо реакціонныхъ мѣръ, или въ отмѣнѣ обнародованныхъ реформъ, сколько въ измѣненіи духа и направленія въ высшихъ государственныхъ сферахъ. Для принятія какихъ-либо серьезныхъ мѣръ и даже для простой отмѣны дарованныхъ льготъ требовалось знаніе, умѣнье, твердость воли и увѣренность въ своей силѣ. Къ счастью для Россіи новые государственные дѣятели не обладали этими качествами. При ограниченныхъ способностяхъ, они въ силахъ были только сосредоточить дѣятельность свою на преслѣдованіи личностей, на принятіи нѣкоторыхъ полицейскихъ

---

[1] См. «Русская Старина». Апрѣль 1909 г.

мѣръ и на искуственномъ возбужденіи въ Государѣ страха и недовѣрія къ прогрессивному ходу реформъ. Въ сущности ни одна реформа не была отмѣнена, но задача правительства существенно измѣнилась. Никто не могъ сомнѣваться въ стремленіи правительства затормозить и до нѣкоторой степени совершенно остановить нормальный ходъ реформъ. Для достиженія этой цѣли необходимо было въ выборѣ дѣятелей преимущественно обращать вниманіе на степень сочувствія ихъ къ совершеннымъ реформамъ и въ враждебномъ расположеніи къ нимъ искать залога успѣшнаго достиженія цѣли.

Такое отрицательное отношеніе къ дѣлу въ самыхъ первыхъ порахъ, когда каждая изъ реформъ требовала дѣятельнаго и разумнаго руководства, когда еще ни жизнь, ни опытность, ни практика не могли сгладить въ примѣненіи тѣ угловатости, которыя естественно выступаютъ въ приложеніи къ дѣлу всякихъ нововведеній, когда старыя понятія, привычки, пріемы еще только начали уступать мѣсто новымъ взглядамъ, новымъ формамъ, новымъ потребностямъ; въ такое время отрицательное отношеніе высшихъ властей къ дѣлу отразилось прежде всего на общемъ духѣ тѣхъ силъ, которыя, какъ въ центрѣ правительства, такъ и на мѣстахъ, стремились осуществить дарованныя реформы. Силы эти разсѣялись. Много способныхъ и дѣльныхъ людей оставили служебное поприще и обратились или къ частнымъ занятіямъ или къ земской дѣятельности. Уровень правительственныхъ дѣятелей замѣтно понизился. Интересъ въ обществѣ къ общественному дѣлу сталъ мало по малу изчезать.

Новыя учрежденія, заподозрѣнныя въ основѣ своей, начали расшатываться, а довѣріе къ нимъ стало уменьшаться. Прежнее одушевленіе уступило мѣсто разочарованію, и скоро наступила эпоха мертвящаго бездѣйствія въ области внутренней политики. Польское возстаніе, принявшее серьезные размѣры и получившее важное значеніе, вслѣдствіе вмѣшательства европейскихъ державъ, еще на нѣкоторое время, поддерживало въ обществѣ интересъ къ общественному дѣлу. Но, съ прекращеніемъ мятежа и съ окончаніемъ реформъ, введенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, трудами тѣхъ же способныхъ дѣятелей, которые стояли во главѣ важнѣйшихъ реформъ въ Россіи, все стихло, и духъ той же негативной реакціи овладѣлъ правительствомъ и въ этой сферѣ его дѣятельности. Къ польскому вопросу Великая Княгиня относилась довольно безучастно и не всегда послѣдовательно. Подъ вліяніемъ маркиза Вельепольскаго и либеральнаго свойственнаго ей направленія, она долго была на сторонѣ лицъ, мечтавшихъ о возможности примирительной политики.

Впослѣдствіи, сочувствуя и уважая способности Милютина, Самарина и Черкасскаго, принявшихъ въ основу своихъ дѣйствій программу противоположную программѣ Вельепольскаго, она, хотя подчинялась ихъ вліянію и продолжала оказывать имъ свое покровительство, но не замѣтно было, съ ея стороны, особаго рвенія къ дѣлу полнаго объединенія Царства съ Россіей.

Негативная реакція, о которой упомянуто выше, не допускала возможности какой-либо борьбы, она не сосредоточивалась ни на какомъ-либо лицѣ или крупномъ фактѣ. Она была, можно сказать, неуловима и заключалась единственно въ парализированіи послѣдствій принятыхъ реформъ.

Понятно, что всѣ лица, принявшія непосредственное участіе въ этихъ реформахъ, должны были, волею или неволею, отказаться отъ всякой живой дѣятельности въ этомъ новомъ направленіи. Всю ревность свою къ общему благу Великая Княгиня обратила на дѣло благотворительности и покровительство искусствамъ и наукамъ.

Еще въ 1859 году по иниціативѣ Антона Рубинштейна, гр. Вельегорскаго и В. А. Кологриваго образовался въ Петербургѣ кружокъ любителей музыки, который принятъ былъ подъ покровительство Великой Княгини. Цѣль этого кружка была образовать Общество для развитія музыкальнаго вкуса и музыкальнаго образованія въ Россіи. Начертанъ и Высочайше утвержденъ былъ краткій Уставъ Общества. Симфоническіе концерты, даваемые симъ Обществомъ, начали привлекать публику, и возрастающее число посѣтителей свидѣтельствовало, что вкусъ къ изящной музыкѣ въ нашемъ Обществѣ уже значительно распространенъ. Вскорѣ, въ Москвѣ, открылось по иниціативѣ Николая Рубинштейна отдѣленіе Петербургскаго музыкальнаго Общества. Не желая долго оставаться въ зависимости отъ Петербургскаго Музыкальнаго Общества и быть его только отдѣленіемъ, Московское Общество стало домогаться самостоятельности. Это домогательство, вызвавшее нѣкоторое противодѣйствіе, было уважено Великой Княгиней, и она подъ своимъ покровительствомъ уравняла права обоихъ обществъ. Впослѣдствіи въ другихъ городахъ Россіи стали образовываться подобныя же общества и такимъ образомъ составлялось русское музыкальное Общество изъ отдѣленій въ разныхъ городахъ Имперіи, получившее, вслѣдствіе развитія своего, титулъ Императорскаго, русскаго, музыкальнаго Общества.

При самомъ началѣ дѣятельности Петербургскаго и Московскаго Общества явилась мысль учрежденія, при Обществахъ, музыкальныхъ училищъ. Антонъ Рубинштейнъ обратился къ Великой Княгинѣ съ полною надеждою встрѣтить съ ея стороны сочувствіе

и матеріальную поддержку этому предпріятію. И дѣйствительно, съ полною готовностію, Великая Княгиня предоставила для музыкальныхъ классовъ помѣщеніе въ собственномъ своемъ дворцѣ. Всѣ или большую часть расходовъ для первоначальнаго обзаведенія и плату профессорамъ Великая Княгиня приняла на себя. По примѣру Петербургскаго Общества, и Московское учредило Училище; на помощь ему также явилась Великая Княгиня.

Скоро Петербургское музыкальное Училище начало принимать такіе размѣры, что невозможно было его долѣе оставлять во временномъ помѣщеніи залъ—Михайловскаго дворца. Мало по малу участіемъ благотворителей, Членовъ Общества и субсидіями въ разныхъ видахъ, Великой Княгини, открылась возможность нанять для Училища скромное помѣщеніе въ Демидовскомъ переулкѣ. Тутъ уже Училище это приняло совершенно правильную организацію. Неусыпное стараніе Антона Рубинштейна, всѣ силы и все время свое посвятившаго на устройство музыкальной части образованія, увѣнчалось, на первыхъ порахъ, блистательнымъ успѣхомъ. Неожиданно, въ числѣ учениковъ обоего пола, явилось много замѣчательныхъ талантовъ. Успѣхъ этотъ усилилъ ревность Великой Княгини; Она не останавливалась ни передъ какими матеріальными пожертвованіями, чтобы поддержать дѣло и дать ему полное развитіе. Министерство финансовъ по ходатайству Великой Княгини уступило Музыкальному Училищу въ собственность домъ на Загородномъ проспектѣ.

Число учениковъ и ученицъ возрастало, несмотря на довольно значительную плату, и скоро достигло до 200. Программа музыкальнаго образованія подъ руководствомъ А. Рубинштейна расширилась, число профессоровъ увеличилось, и заведеніе, начавшееся въ скромныхъ размѣрахъ Училища, получило уже въ сущности значеніе высшей Музыкальной Школы т. е. Консерваторіи. Управленіе подобнымъ заведеніемъ не могло уже оставаться безъ опредѣленнаго регламента или устава. При составленіи проекта такого Устава обнаружились различные взгляды относительно предѣловъ власти директора. Антонъ Рубинштейнъ, первый учредитель заведенія, состоя во главѣ его, талантомъ и ревностью своею, пріобрѣвшій неограниченную власть и полный авторитетъ, безспорно былъ, можно сказать, душою своего созданія. Его артистическія и художественно-идеальныя представленія никакъ не могли мириться съ практическими условіями всякаго регламента, опредѣляющаго въ стройной послѣдовательности параграфовъ отношенія, права и обязанности всего личнаго состава заведенія. Между тѣмъ, окончившимъ курсъ въ музыкальномъ Училищѣ предоставлены были

нѣкоторыя права, которыя, съ возвышеніемъ сего заведенія до степени консерваторіи, должны были еще расшириться. Это обстоятельство вызвало необходимость контроля правительства за экзаменами и оцѣнкою достоинствъ учениковъ на право полученія дипломовъ. Артистическая натура талантливаго директора никакъ не рѣшалась подчиниться мнѣнію большинства совѣта профессоровъ и делегатовъ правительства при оцѣнкѣ артистическихъ достоинствъ окончившихъ курсъ учениковъ. Послѣ перваго блестящаго выпуска изъ училища, на которомъ удостоены были дипломами Чайковскій, Ларошъ, Кросъ и др. сдѣлалось очевиднымъ, что музыкальному образованію въ Россіи предстоитъ замѣчательная будущность. При второмъ выпускѣ между директоромъ и экзаменующею комиссіею возникли пререканія въ оцѣнкѣ достоинствъ учениковъ на полученіе дипломовъ, дающихъ право свободныхъ художниковъ. Ни авторитетъ Великой Княгини, ни увѣщанія всѣхъ преданныхъ дѣлу лицъ не могли покорить упорное сопротивленіе директора подчиниться какимъ-либо опредѣленнымъ правиламъ, хотя бы имъ самимъ установленнымъ. Разрывъ сдѣлался неизбѣжнымъ. При этомъ печальномъ конфликтѣ обнаружилась вся сила привязанности Великой Княгини къ начатому подъ ея покровительствомъ дѣлу; она принесла ему въ жертву всѣ личные свои интересы, оставивъ въ сторонѣ всякое самолюбіе, она изыскивала всѣ способы, чтобы согласовать разнородные взгляды, входила сама въ личныя сношенія и переговоры, спускаясь съ высоты своего великокняжескаго величія на степень добросовѣстнаго примирителя между враждующими элементами.

Слѣды этой дѣятельности ея сохранились въ обширной перепискѣ ея со мною по поводу дѣлъ музыкальнаго Общества, въ которомъ я по приглашенію ея принялъ званіе вице-президента. Приведу здѣсь нѣкоторые отрывки изъ этой переписки:

„Je viens de recevoir Votre lettre, mon cher Prince, avec l'incluse de Rubenstein. Ma surprise et mon indignation égalent la Votre [1]).

Un pareil procedé après toutes les concessions qui ont été faites à Rubenstein et la patience que Vous et moi, nous avons apporté à ses incartades ferait peu regretter sa retraite. Son talent ne saurait l'absoudre; cependant ce talent même aveugle sur sa valeur morale une

[1]) Передъ отъѣздомъ своимъ за границу Великая Княгиня, казалось, уговорила Рубинштейна не оставлять консерваторіи. Онъ обѣщалъ остаться, и самъ поѣхалъ за границу. Въ слѣдъ за симъ, я внезапно получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ просто увѣдомлялъ меня, что рѣшительно оставляетъ консерваторію. Это письмо я послалъ Великой Княгинѣ.

grande partie de notre public; la lumière ne se fera que peu à peu. Je crois donc opportun de ne pas lui donner immédiatement le congé définitif qu'il reclame dans des termes peu convenables et de ne lui accorder pour le moment qu'un semestre d'an un à la fin dnquel il pourra m'écrire dans la forme voulu pour se retirer. C'est ce qu'une lettre, que je vais lui adresser, va lui apprendre; je Vous l'enverai dans quelques jours et Vous prie de la lui remettre, si Vous n'y voyez point d'objections.

D'ici à une solution définitive il faudra établir un interim avec Заремба comme directeur du conservatoir avec appointement et logement, c'est ainsi que Vous l'entendez je peuse, il est à Bade et sera de retour à Petersbourg le 10 Septembre.

Je vais le faire venir pour le prévenir de cette résolution. Faites le accepter de Votre côté au comité de Petersbourg. Quant aux concerts de la Societé musicale, qui depuis 2 ans, deviennent de plus en plus médiocres ne serait il pas à sa place d'appeler quelques artistes en renom pour les diriger cet hiver. On satisferait de cette manière le public avide de nouveauté et l'on ferait plus aisement oublier l'absence de Roubenstein. Je proposerais Littolff, excellent musicien et déjà connu à Petersbourg, homme d'esprit d'ailleur. Ioachime ou Gounod, élève du Conservatoir de Paris et parfaitement instruit de l'organisation de cet établissement et quant au frais, comme toujours je suis là pour m'en chargér. Ce serait, je crois une dépense de deux ou de trois mille roubles, je pourrai même donner le logement. Informez en Кологривовъ et faites moi dresser un projet sur les obligations que nous imposons à la direction des concerts et sur les offres pécuniaires que nous lui ferons.

Je pourrai, quant je serai à Paris faire les démarches nécéssaires. Votre réponse me trouvera ici jusqu'au 14—16 Août et à Paris depuis le 1 Septembre notre style.

De plus, il me tient à coeur de connaitre les actes de notre Comité de Petersbourg par rapport à la nouvelle maison concedée par Valoueff [1]), je désire que l'on soumette à mon approbation les plans de la reconstruction projetée et de l'evaluation des dépenses. Le comité ne m'a fait aucune communication, même pas sur le don de 5000 roubles, accordé par le ministère de l'interieur. Je n'entends pas intérceder de tous côtés et auprès de tous les ministres, sans connaitre même l'emploi, que le comité veut faire de la maison et des sommes données par le gouvernement à ma prière. En général comme je l'ai dit dans mes remarques sur le nouvel Уставъ il est temps que

[1]) Нынѣшнее помѣщеніе Консерваторіи.

toutes ces affaires prennent une marche régulière et légale — donc protocules et signatures, afin de constater et de controler les faits.

J'espère que comme moi Vous ne perdrez pas courage malgré les expériences facheuses que nous avons faites et que Vous continuerez à donner Vos soins à une institution que nous léguerons, j'aime à le croire à la Russie dans toutes les conditions d'une longéveté qu'on lui conteste et d'un developpement artistique digne de l'art et de notre patrie. Ces lignes ne sauraient se terminer sans l'expression d'une bonne et sincère amitié sur laquelle Vous savez pouvoir compter. Continuez à m'écrire de temps en temps — mon retour n'aura pas lieu avant la fin d'Octobre d'ici là la loterie de la societé musicale devra être assurée, si le sort nous est favorable et avant la fin de l'année un revenu fixe aura été obtenu. Le ministre de la maison m'a donné l'espoir qu'en automne il nous donnerait un secour. Si l'on peut compter sur 5000 r. de sa part et 5000 roubles de revenu comme resultat de la loterie, voilà un fond, qui n'est pas à mépriser et appellera peut-être encore d'autres 5000 roubles si la societé prend une marche régulière.

Adieu et tenons haut notre drapeau! (comme dit le Prince Chancelier)".

На это письмо я отвѣчалъ слѣдующее:

„Madame. A peine ai-je le tems de répondre à la lettre dont Votre Altesse Impériale a voulu m'honnorer. Kologrivoff est pressé de partir. Les explications verbales qu'il aura le bonheur de soumettre à Votre Altesse Imperiale serviront j'espère de developpement à ma réponse pressée.

Les grâcieuses paroles que Vous avez bien voulu m'adresser me touchent profondement.

Votre bienveillance, Madame, est si encourageante, que je me sens vraiment tout honteux d'avoir eu des moments d'impatience et de doute quand la démission de Roubenstein est venu de nouveau compliquer la situation de l'oeuvre auquel Votre Altesse Impériale travaille, je puis dire avec autant d'acharnement pour le bien.

Et cette fois encore? Votre Altesse voudrait prévenir éclat d'une démission subite par une proposition à Roubenstein de prendre un semestre d'un an. Si je pouvais éspérer que cette nouvelle preuve de Votre inapréciable bonté serait comprise—se serais tout prêt à m'incliner devant cette décision. Mais malheureusement, Madame, je n'ai plus cet espoir. Combien de fois lui ai-je fait cette proposition au nom de Votre Altesse Imperiale et sa réponse était toujours negative. Plus que cela, il m'a déclaré, que personne n'avait le droit le lui don-

ner une démission ou un congé. Qu'il était le maître et le Créateur de tout, qu'il restait tant qu'il voudrait rester et qu'il s'en irait, quand il voudra s'en aller sans attendre une autorisation quelconque. Je suis très heureux d'apprendre que l'idée de nommer provisoirement Заремба à la place du directeur est approuvée par Votre Altesse Impériale. Quant au choix du régisseur pour les concerts et la musique d'ensemble au Conservatoir—Votre Altesse sait déjà, que la direction propose Балакиревъ. La direction n'a pas pensé dans l'état précaire de ses finances pouvoir chercher en dehors du pays une somité artistique à laquelle elle pourrait s'adresser. Cette difficulté, étant levée de nouveau, par l'intarissable générosité de Votre Altesse Impériale laquestion change. Cependant je prendrai la liberté d'observer à Votre Altesse, que les conserts de la societé musicale surtout la partie choral se compose presque exclusivement d'élèves du Conservatoir et de membres de la societé. Un étranger ne connaissant pas la lanque, ni le personnel pourrait difficilement répondre à la tâche d'un chef d'orchestre. Les susceptibilités artistiques viendraient d'un autre côté compliquer les choses. Je ne connais pas personnelement M. Балакиревъ, mais ici on apprécie beaucoup son talent comme chef d'orchestre et tout récemment il a fait ses preuves à Prague en montant deux opéras russes. Son concours à l'oeuvre du Conservatoir nous attirerait les sympathies du public et de la presse. Je sais, que Votre Altesse Impériale se méfie, avec raison, du parti, qui éxagère le sentiment de nationalité dans le domaine de l'art; mais j'ai la conviction, que sous ce rapport, l'influence de Uotre Altesse Impériale préviendra tout éspèce d'exagération. I'oserai donc conseiller à Votre Altesse de faire cette année l'essaie de Балакиревъ pour ne pas compliquer les choses. Nous aurons sans cela tant de choses à régler et à organiser cette année qu'il serait il me semble plus prudent de prévenir toute nouvelle occassion de conflit.

Vous avez bien raison, Madame, de vouloir qu'il y ait plus d'ordre dans la marche des affaires de la direction général. J'avoue très sincèrement que c'est un peu ma faute que les choses ne vont pas encore comme elles devraient aller. Je ne puis, pour mon excuse, que rappeller à Votre Altesse Impérial combien nous avons eu d'embarras tout cet hiver avec Roubenstein et l'Уставъ. L'absence du secretaire Есаковъ a fait qu'il m'était impossible de tenir toujours les écritures en règle. Je Vous promet, Madame, que dans le courant de l'hiver nous arrangerons cette partie de l'administration selon Votre dèsire. Les paroles du Prince Chancelier, que Vous citez, Madame, à la fin de Votre grâcieuse lettre me rendent fier et heureux. Oui, Madame, être appelé par Vous à tenir haut le drapeau qui est le Votre—c'est

croire qu'on en est digne et capable. Permettez moi, Madame, de mettre aux pieds de Votre Altesse Imperiale l'éxpression de mes sentiments les plus dévoués".

На это письмо Великая Княгиня отвѣчала мнѣ изъ Карлсбада отъ 14—28 августа 1867 года слѣдующее:

„Mon cher Prince. Je résume en peu de mots ma réponse à Votre lettre par Кологривовъ. Voici d'abord la réponse que j'ai fait faire à Rubenstein—elle est conforme à la situation actuelle et contient les nuances, que vous avez indiquées.

Je ne puis consentir que Балакиревъ soit l'unique direction des concerts qui ont besoin d'être relevés aux yeux du public. Avant de mettre Балакиревъ à l'oeuvre il faut savoir ce qu'il vaut, or je l'ai entendu très mal diriger, les concerts de Ламакинъ en Votre présence si je ne me trompe.

Etre l'ami intime de Кологривовъ comme il est ne saurait me suffire; mais je puis encore pour être impartiale lui accorder la direction de quelques uns de nos concerts de 4 par exemple, en confiant les 6 autres à l'artiste connu que j'appellerai de l'etranger. Балакиревъ aura de plus la direction des quatuors de la societé et les choeurs au conservatoir. J'avais pensé pour cet emploi à Ламакинъ, mais je cède à la remarque, que son talent ne va pas au delà du chant d'Eglise, il intreprete mal toutes oeuvres en dehors de ce genre de musique. Confier la direction de la musique d'ensemble à Балакиревъ est en opposition complête avec ma volontè de maintenir la musique classique comme base de notre enseignement musical c'est Заремба, qui charge. Introduire Балакиревъ dans ce sanctuaire de l'art pour l'en faire sortir peut-être bientôt après, ce serait appeller les attaques de la presse au lieu de l'eviter, certes je n'ai pas à me louer de Roubenstein, mais je suis loin cependant de vouloir le remplacer par son antipode et son ennemi personnel. Le desir personnel de Кологривовъ qu'il ne m'a pas caché c'est de lui donner avec le temps la direction du Conservatoir – en etiez Vous instruit? Un nouvel Уставъ a été écrit au comité—faites Vous le montrer et envoyez le moi avec vos remarques. Je ne veux rien terminer avant mon retour, mais je ne demande pas mieux d'en p rendre connaissance sans délai. Envoyez moi aussi l'Уставъ du Grand Comité avec ma lettre d'introduction au ministre,—il a force de la loi pour un an seulement, c'est encore aussi un objet auquel il faudra penser.

Donnez le dernier projet de Roubenstein auquel Vous avez pris part et mes remarques à Кологривовъ, afin que le Comité s'en tient pour la rédaction de Son Уставъ.

En ce moment Kologrivoff me fait remettre un papier ou la direction me laisse le choix entre Доргомыжскій et Заремба. Cela n'est pas conforme ni à Votre lettre ni à Votre dépeche, ni à l'usage à moi connu qu'un Comité puisse proposer son propre président.

Je pars demain pour Francfort et Paris et Brevern [1]) quoique mieux garde encore le lit et sera transporté plus tard à Francfort accompagné d'un médecin, que j'ai fait venir de Leipzig et que je mets à sa disposition tant qu'il en aura besoin. Une rechute est toujours à craindre et il n'y a pas à compter sur son service près de moi. J'ai obtenu de l'Empereur de me faire accompagner plus tard d'Ozeroff.

Adieu, mille amitiés.

Hélène [2]).

---

[1]) Егоръ Ивановичъ Бреверн, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта служилъ тогда въ II отдѣленіи Собственной Канцеляріи. Онъ издавна пользовался расположеніемъ Великой Княгини и вполнѣ былъ сего достоинъ По приглашенію Великой Княгини, онъ сопутствовалъ ей въ настоящемъ путешествіи и заболѣлъ. Изъ приведеннаго письма видно, съ какимъ попеченіемъ Великая Княгиня заботилась о лицахъ, къ которымъ была расположена.

[2]) «Сейчасъ получила ваше письмо, любезный князь, со вложеніемъ письма Рубинштейна. Я въ такомъ же полнѣйшемъ изумленіи и негодованіи, какъ и вы.

Подобный поступокъ съ его стороны послѣ всѣхъ сдѣланныхъ ему уступокъ и долготерпѣнія, съ какимъ мы съ вами переносили всѣ его выходки, заставитъ меня не жалѣть объ его отставкѣ. Талантъ не можетъ служить ему оправданіемъ; между тѣмъ именно этотъ талантъ ослѣпляетъ большую часть публики на счетъ его нравственной цѣнности; но все это выяснится конечно только мало по малу. Поэтому я не считаю удобнымъ уволить его немедленно въ отставку, о чемъ онъ проситъ въ довольно неприличныхъ выраженіяхъ, я думаю пока дать ему годовой отпускъ, по окончаніи котораго онъ можетъ подать мнѣ, въ надлежащей формѣ, прошеніе объ отставкѣ. Я буду писать ему объ этомъ и пришлю вамъ это письмо черезъ нѣсколько дней съ просьбою передать его Рубинштейну, ежели вы ничего не имѣете противъ этого. А пока, до окончательнаго рѣшенія вопроса, нужно будетъ назначить временно директоромъ консерваторіи Зарембу, давъ ему жалованіе и квартиру; я полагаю, что вы съ этимъ согласитесь. Онъ находится въ настоящее время въ Баденѣ и вернется въ Петербургъ 10 сентября. Я вызову его, чтобы предупредить его объ этомъ. Постарайтесь со своей стороны, чтобы петербургскій комитетъ одобрилъ его назначеніе. Что касается концертовъ музыкальнаго общества, которые за послѣдніе два года становятся все менѣе и менѣе содержательны, не слѣдуетъ ли привлечь кого-нибудь изъ извѣстныхъ артистовъ дирижировать ими эту зиму. Мы удовлетворили бы такимъ образомъ публику, жаждущую новинокъ, и скорѣе заставили бы позабыть объ отсутствіи Рубинштейна. Я обращусь съ этимъ предложеніемъ къ Литольфу, прекрасному

Приведенныя письма свидѣтельствуютъ о томъ личномъ непосредственномъ участіи, которое Великая Княгиня принимала во всѣхъ подробностяхъ управленія музыкальнымъ обществомъ и Консерваторіею. Щедрость ея въ матеріальныхъ пожертвованіяхъ для устройства и поддержанія дѣла почти не знала предѣловъ, и мнѣ не разъ случалось удерживать ея щедрые порывы. Нельзя было хотя бы мимоходомъ указать ей на какую-нибудь нужду, и она сейчасъ являлась съ готовностію помочь ей.

музыканту, извѣстному въ Петербургѣ, къ тому же умному человѣку и къ Іохиму или Гуно, ученику парижской консерваторіи, прекрасно знакомому съ организаціей этого учрежденія; что касается расходовъ, то я беру ихъ на себя. Я думаю, это составитъ тысячи двѣ, три; я бы могла даже дать помѣщеніе. Сообщите объ этомъ Кологривову и составьте для меня проектъ тѣхъ обязательствъ, какія мы возложимъ на устроителей этихъ концертовъ, и тѣхъ денежныхъ предложеній, какія мы сдѣлаемъ имъ со своей стороны. Я могу устроитъ это дѣло, когда я буду въ Парижѣ. Вашъ отвѣтъ застанетъ меня здѣсь до 14/26 августа, а съ 1 сентября ст. ст. я буду въ Парижѣ. Кромѣ того, мнѣ хотѣлось бы знать, какъ отнесся нашъ петербургскій комитетъ къ уступкѣ дома [1]) Валуевымъ; я желаю, чтобы планъ предполагаемой перестройки и смѣта расходовъ были представлены на мое утвержденіе. Комитетъ ничего не сообщилъ мнѣ даже по поводу 5.000 рублей, отпущенныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Я не намѣрена входить ни въ какія ходатайства и сношенія съ министрами, коль скоро я даже не знаю, какое употребленіе комитетъ желаетъ сдѣлать изъ дома и изъ суммъ, ассигнованныхъ правительствомъ по моей просьбѣ. Вообще, какъ я высказала въ примѣчаніяхъ къ новому уставу, пора дать дѣлу правильный и законный ходъ—слѣдовательно, мнѣ нужны протоколы и подписи, чтобы ознакомиться съ фактами и провѣрить ихъ.

Надѣюсь, что Вы, такъ же какъ и я, не утратите бодрость духа, несмотря на всѣ испытанныя нами невзгоды, и по-прежнему будете заботиться объ учрежденіи, которое мы оставимъ, я надѣюсь, въ наслѣдіе Россіи, съ задатками долголѣтія и съ задатками художественнаго развитія достойнаго искусства и нашей родины. Не хочу окончить эти строки, не выразивъ Вамъ чувства моей искренней дружбы, на которыя вы знаете, что можете вполнѣ разсчитывать. Пишите мнѣ по-прежнему время отъ времени; я вернусь не ранѣе конца октября; къ тому времени лотерея музыкальнаго общества должна быть обезпечена и если судьба будетъ благопріятствовать намъ, то къ концу года мы реализируемъ довольно солидную сумму денегъ. Министръ двора обнадежилъ меня, что онъ дастъ намъ осенью субсидію. Если бы можно разсчитывать получить отъ него 5.000 р. и 5.000 р. съ лотереи, то это будетъ фондъ, которымъ нельзя пренебрегать; быть можетъ, онъ вызоветъ за собою еще другіе 5.000, если общество будетъ развиваться правильно.

Прощайте; будемъ держать наше знамя высоко (какъ говоритъ князь-канцлеръ).

---

[1]) Нынѣшнее помѣщеніе консерваторіи.

Одна Петербургская консерваторія пользовалась отъ щедротъ ея пособіемъ въ разныхъ видахъ ежегодно до 13.500 р.

Это пособіе распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

1) Постоянное пособіе на содержаніе Консерваторіи . . . . . 1.000 р.
2) Временныя пособія
а) Плата за обученіе 40 стипендіатовъ . . . . . 4.000 „

На это письмо я отвѣчалъ слѣдующее:

„Ваше Высочество. У меня едва остается время отвѣтить на письмо, коимъ Ваше Императорское Высочество удостоили меня. Кологривовъ спѣшитъ уѣхать. Устныя объясненія, которыя онъ будетъ имѣть счастье повергнуть на благовоззрѣніе Вашего Императорскаго Высочества, дополнятъ, я надѣюсь, мой отвѣтъ, написанный столь поспѣшно.

Милостивыя слова, коими вы удостоили меня, глубоко тронули меня. Ваше благосклонное вниманіе придаетъ мнѣ такую бодрость, что мнѣ совѣстно за тѣ минуты нетерпѣнія и сомнѣнія, которыя я пережилъ, когда отставка Рубинштейна снова осложнила положеніе дѣла, надъ которымъ Ваше Императорское Высочество трудитесь, могу сказать, съ какимъ рвеніемъ, на пользу общую. Ваше Высочество желали бы и на этотъ разъ предотвратить скандалъ, который будетъ вызванъ внезапной отставкой Рубинштейна, предложивъ ему взять годовой отпускъ. Если бы я могъ надѣяться, что это новое доказательство вашей несравненной доброты будетъ понято какъ слѣдуетъ, я готовъ былъ бы преклониться передъ этимъ рѣшеніемъ. Къ несчастью, Ваше Высочество, я не имѣю болѣе на это надежды. Сколько разъ я обращался къ нему съ этимъ предложеніемъ отъ имени Вашего Императорскаго Высочества, и его отвѣтъ былъ всегда отрицательный. Болѣе того, онъ заявилъ мнѣ, что никто не имѣетъ права давать ему отставку или отпускъ, что онъ самъ хозяинъ, что все создано имъ, что онъ останется до тѣхъ поръ, пока захочетъ, и уйдетъ, когда захочетъ, не ожидая ничьего позволенія. Я радъ слышать, что мысль назначить временно директоромъ консерваторіи Заремба одобрена Вашимъ Высочествомъ. Что касается выбора дирижера для концертовъ и квартетныхъ собраній, устраиваемыхъ въ консерваторіи,—то Вашему Высочеству уже извѣстно, что дирекція предлагаетъ Балакирева. Не имѣя достаточно средствъ, дирекція не сочла возможнымъ пригласить изъ-за границы какую-нибудь знаменитость артистическаго міра. Такъ какъ это затрудненіе опять таки устранено благодаря щедрости Вашего Императорскаго Высочества, то вопросъ мѣняется. Однако, осмѣлюсь замѣтить Вашему Высочеству, что въ концертахъ музыкальнаго общества, въ особенности въ оркестрѣ, участвуютъ почти исключительно ученики консерваторіи и члены музыкальнаго общества. Иностранецъ, не говорящій по-русски и не знакомый съ исполнителями, едва-ли могъ бы справиться съ задачей капельмейстера. Съ другой стороны дѣло могло бы осложниться въ томъ случаѣ, если было бы задѣто самолюбіе артиста. Я не знакомъ лично съ М. Балакиревымъ, но здѣсь очень цѣнятъ его какъ дирижера, и онъ недавно обратилъ на себя вниманіе въ Прагѣ,

б) На содержаніе столовой для 20 учениковъ по 70 р. въ мѣсяцъ за 9 мѣсяцевъ	630 р.
в) На ежемѣсячныя пособія нѣкоторымъ ученикамъ и ученицамъ .	2.280 „
з) Добавочное жалованіе профессорамъ	5.600 „
Всего ежегодно	13.510 р.

поставивъ двѣ русскія оперы. Его участіе въ дѣлахъ консерваторіи снискало бы намъ сочувствіе публики и прессы. Я знаю, что Ваше Императорское Высочество относитесь съ вполнѣ понятнымъ недовѣріемъ къ партіи, преувеличивающей чувство національности въ области искусства; но я увѣренъ, что въ этомъ случаѣ вліяніе Вашего Императорскаго Высочества не допуститъ преувеличенія. Поэтому осмѣлюсь совѣтовать Вашему Высочеству во избѣжаніе осложненій, попробовать пригласить на этотъ годъ Балакирева. Намъ придется въ этомъ году еще такъ много устраивать и организовать, что по-моему было бы болѣе осмотрительно предупредить возможность новыхъ осложненій. Вы совершенно правы, Ваше Высочество, желая чтобы дѣла главной дирекціи были упорядочены. Признаюсь чистосердечно, если дѣла идутъ до сихъ поръ не такъ, какъ бы слѣдовало, въ этомъ есть моя вина. Въ свое оправданіе, я могу только напомнить Вашему Императорскому Высочеству, сколько хлопотъ было у насъ эту зиму съ Рубинштейномъ и съ Уставомъ. Отсутствіе секретаря Есакова было причиною что я не имѣлъ возможности держать всегда бумаги въ порядкѣ. Обѣщаю Вашему Высочеству въ теченіе зимы упорядочить административную часть согласно вашему желанію. Слова князя-канцлера, приведенныя вами въ концѣ письма, заставляютъ меня гордиться и радоваться. Коль скоро вы призываете меня высоко держать знамя, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ваше знамя, значитъ, вы считаете меня къ тому способнымъ и достойнымъ. Позвольте мнѣ повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Высочества выраженіе моей искренней преданности»...

На это письмо Великая Княгиня отвѣчала мнѣ изъ Карлсбада отъ 16 (28) августа 1867 года слѣдующее:

„Любезный князь. Вотъ въ краткихъ словахъ мой отвѣтъ на ваше письмо, посланное съ Кологривовымъ. Во-первыхъ, вотъ отвѣтъ Рубинштейну, онъ написанъ сообразно съ теперешнимъ положеніемъ дѣлъ и съ указанными вами оттѣнками.

Я не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы Балакиревъ былъ единственнымъ дирижеромъ для концертовъ, значеніе которыхъ должно быть поднято въ глазахъ общества. Прежде чѣмъ привлечь Балакирева къ дѣлу, надобно знать, чего онъ стоитъ, а я слышала, какъ онъ скверно дирижировалъ концертами Ламакина, если не ошибаюсь, въ вашемъ присутствіи. Быть закадычнымъ другомъ Кологривова въ моихъ глазахъ еще не достаточная рекомендація; но, чтобы быть безпристрастной, я могу предложить ему дирижировать нѣсколькими концертами—четырьмя, напримѣръ, поручивъ

Кромѣ того при выпискѣ изъ-за границы нѣкоторыхъ артистовъ для участія въ симфоническихъ концертахъ музыкальнаго Общества, какъ напр.: Берліоза, Іоахима, Гиллера и др. Великая Княгиня не только принимала на себя всѣ издержки ихъ путешествія и плату за участіе въ концертахъ, но отводила имъ помѣщеніе въ зданіи Михайловскаго дворца, гдѣ они пользовались полнымъ содержаніемъ на счетъ Великой Княгини. Въ Московской Консерваторіи Великая Княгиня имѣла также своихъ стипендіатовъ и ежели ко всѣмъ симъ видимымъ расходамъ прибавить все то, что Великая Княгиня тратила ежегодно на подарки и тайныя пособія про-

---

дирижированіе шестью остальными извѣстному артисту, котораго я приглашу изъ-за границы.

Кромѣ того Балакиревъ будетъ дирижировать квартетными собраніями общества и хорами консерваторіи. Я подумывала о Ламакинѣ, но я согласна съ тѣмъ, что его талантъ не идетъ далѣе церковнаго пѣнія; помимо этого рода музыки онъ плохо передаетъ всѣ произведенія. Поручить завѣдываніе оркестромъ и хорами Балакиреву было бы совершенно несогласно съ моимъ желаніемъ поставить классическую музыку въ основу нашего музыкальнаго образованія; это беретъ на себя Заремба. Введя Балакирова въ этотъ храмъ искусства, откуда его пришлось бы, быть можетъ, скоро удалять, мы могли бы навлечь на себя нападки прессы, которыхъ весьма желательно избѣжать. Конечно, я не довольна Рубинштейномъ, тѣмъ не менѣе я далека отъ мысли замѣнить его его антиподомъ и личнымъ врагомъ. Личное желаніе Кологривова, въ которомъ онъ сознался мнѣ—это стать со временемъ во главѣ консерваторіи—извѣстно ли вамъ это?

Комитетъ выработалъ новый уставъ, просмотрите его и пришлите мнѣ со своими замѣчаніями. Я ничего не хочу рѣшать до моего возвращенія, но я не прочь познакомиться со всѣмъ этимъ теперь же. Пришлите мнѣ также Уставъ главнаго комитета съ моимъ рекомендательнымъ письмомъ къ министру; онъ имѣетъ силу закона на годъ; объ этомъ также придется еще подумать. Дайте Кологривову послѣдній проектъ Рубинштейна, въ выработкѣ котораго вы принимали участіе, и мои замѣчанія на него, чтобы комитетъ руководствовался ими при редактированіи своего Устава. Сейчасъ Кологривовъ прислалъ мнѣ бумагу, коей дирекція предоставляетъ мнѣ сдѣлать выборъ между Даргомыжскимъ и Зарембой. Чтобы комитетъ предлагалъ своего собственнаго предсѣдателя, это не согласуется, насколько мнѣ извѣстно, ни съ установившимся обычаемъ, ни съ вашимъ письмомъ, ни съ вашей телеграммой.

Я уѣзжаю завтра въ Франкфуртъ и Парижъ, а Бревернъ не встаетъ еще съ постели, хотя ему лучше; его перевезутъ впослѣдствіи во Франкфуртъ, въ сопровожденіи врача, вызваннаго мною изъ Лейпцига, котораго я предоставляю въ его распоряженіе, пока онъ будетъ ему нуженъ. Можно опасаться, что онъ заболѣетъ вновь, слѣдовательно, я не могу долѣе разсчитывать на его службу. Я просила Императора, чтобы меня сопровождалъ Озеровъ.

Прощайте, всего наилучшаго. Елена.

фессорамъ, артистамъ и ученикамъ Консерваторіи, то сумма этихъ тратъ представится неимовѣрною.

Нельзя при этомъ терять изъ виду, что Консерваторія и музыкальное общество были далеко не единственными учрежденіями, на которыя Великая Княгиня изливала свои щедроты. Женскія учебныя заведенія, состоящія въ ея вѣдѣніи, Крестовоздвиженская Община, Родовспомогательная больница, Максимиліановская Лѣчебница, дешевыя столовыя, Антропологическое Общество и много другихъ даже частныхъ заведеній, какъ напр. пансіонъ Г. Труба, всѣ эти учрежденія пользовались постоянными пособіями Великой Княгини.

Можно утвердительно сказать, что большую часть своихъ доходовъ Великая Княгиня употребляла на общественное дѣло, и даже быть можетъ расходы ея на этотъ предметъ были не соразмѣрны съ доходами. Нерѣдко случалось мнѣ быть свидѣтелемъ происходившей въ ней борьбы двухъ нравственныхъ движеній—благоразумія и сердечнаго порыва. Не находя въ приходномъ бюджетѣ своемъ средствъ на предстоящую издержку, она видимо сдерживалась, крѣпилась, но обыкновенно не долго, сердечный порывъ бралъ вверхъ надъ благоразумной разсчетливостію. Помню однажды въ разговорѣ на Каменномъ островѣ, послѣ обѣда, разсказалъ я ей о нуждѣ Сѣрова, еще мало тогда извѣстнаго. Первая опера его „Юдифь“ была только-что поставлена на сцену. Великая Княгиня ее не слыхала и Сѣрова тогда еще въ глаза не видала: „Comme je suis fachée, que je n'ai pas pour le moment un sou“, сказала мнѣ Великая Княгиня, но я ее тутъ же успокоилъ, объявивъ, что говорилъ ей о нуждѣ Сѣрова вовсе не съ цѣлью просить у нея для него пособія, тѣмъ болѣе что опера его будетъ имѣть продолжительный успѣхъ, и что онъ получитъ за нее вознагражденіе. Я думалъ, что разговоръ нашъ этимъ и кончится; но не успѣлъ я вернуться домой, какъ ѣздовой привезъ мнѣ отъ Великой Княгини конвертъ со вложеніемъ 1000 р. и съ надписью „pour remettre à M-r Seroff“.

Понятно, что, расточая такъ обильно благодѣянія свои на учрежденія, ею созданныя, Великая Княгиня не могла не заботиться объ изысканіи средствъ обезпечить и на будущее время матерьяльныя ихъ средства.

Она не могла надѣяться на продолжительную силу своего примѣра. Мысль о томъ, что будетъ послѣ нея, часто ее смущала и она не рѣдко дѣлилась съ близкими ей людьми своими тревожными опасеніями и при этомъ сообщала имъ и въ томъ числѣ и мнѣ разные свои болѣе или менѣе осуществимые планы. Созрѣли ли эти планы впослѣдствіи, и выражены ли были они въ опредѣленной формѣ,—остается тайною.

Судя по обстоятельствамъ послѣднихъ лѣтъ жизни Великой Княгини, можно съ достовѣрностію предполагать, что она не оставила послѣ себя никакого завѣщательнаго распоряженія обязательнаго для ея наслѣдниковъ. Обстоятельства послѣднихъ лѣтъ жизни Великой Княгини были такого свойства, что во многомъ измѣнили ея прежнія отношенія и къ лицамъ ей близкимъ и къ интересамъ возбуждавшимъ ея благотворную дѣятельность.

Негативная реакція въ внутренней политикѣ Россіи, о которой упомянуто было выше, отозвалась прежде всего гнетомъ на мысляхъ и убѣжденіяхъ, руководившихъ приверженцами произведенныхъ реформъ. Всѣ они, заподозрѣнные въ неблагонамѣренности, были, такъ сказать, взяты подъ особый надзоръ. Это тѣмъ болѣе было для нихъ чувствительно, что, въ періодъ лихорадочной политической дѣятельности, они успѣли уже пріобрѣсти наклонность къ живымъ и возбуждающимъ ощущеніямъ труда и борьбы на поприщѣ политической дѣятельности. Частныя лица примирялись со своимъ положеніемъ, найдя занятія на другихъ поприщахъ, какъ-то: въ земствахъ, въ судѣ, въ промышленныхъ предпріятіяхъ, но Великая Княгиня, оставаясь въ прежнемъ высокомъ общественномъ положеніи своемъ, живѣе другихъ могла почувствовать нѣкотораго рода пустоту отъ отсутствія волновавшихъ ее прежде интересовъ. Усиленная дѣятельность ея на поприщѣ благотворительности и покровительства искуствамъ не могла замѣнить вполнѣ ей утраченное. Къ тому же на своихъ поприщахъ высокое положеніе покровительницы опредѣляетъ извѣстнаго рода предѣлы вмѣшательства въ подробности управленія, переступать которые не рѣдко бываетъ сопряжено съ вредомъ самому дѣлу.

Эту истину Великая Княгиня часто къ сожалѣнію испытывала въ дѣятельности своей, какъ покровительница Музыкальнаго Общества и Консерваторіи. Изъ приведенныхъ выше писемъ ея уже видно какъ ревниво охраняло она власть свою, и до какихъ подробностей простиралась ея заботливая предусмотрительность въ дѣлахъ Общества, по формѣ и составу, принадлежащаго къ разряду частныхъ учрежденій, не подчиненныхъ безусловно власти одного лица. Находя опору и основаніе своихъ правъ на широкую власть въ своемъ безпредѣльномъ желаніи процвѣтанія Обществу и въ значительныхъ пожертвованіяхъ, ею дѣлаемыхъ, Великая Княгиня всегда съ трудомъ уживалась съ тѣми ограниченіями ея власти въ подробностяхъ управленія, которыя были необходимы какъ для успѣха дѣла, такъ и для того, чтобы личная воля ея не приходила въ непосредственное соприкосновеніе съ публикой, всегда свободной выражать свои чувства въ публичныхъ собраніяхъ. Все это раздражительно дѣй-

ствовало на разстроенный уже усилившимися болѣзнями организмъ Великой Княгини. Тщетно искала она живыхъ развлекающихъ впечатлѣній въ сферѣ дѣятельности не политической. Слабѣющія физическія силы лишали ее возможности принимать участіе въ прежнихъ многолюдныхъ и оживленныхъ собраніяхъ. Замѣтно было даже въ ней желаніе искать новыхъ впечатлѣній между людьми другой общественной среды, занятыми другими интересами; забыть современность въ искусственномъ созданіи себѣ новыхъ идеаловъ, подчиниться посторонному вліянію. Всѣ подобные признаки явившейся старости измѣнили всѣ нормальныя условія прежней полной энергіи и изящной обстановки жизни Великой Княгини. Казалось, что предпринятое ею путешествіе за границу въ 1872 году принесло ей пользу. Я видѣлъ ее во Флоренціи въ началѣ осени, можно было надѣяться, что прежнія силы ея возстановятся. Но по возвращеніи въ Петербургъ опять здоровье ея стало замѣтно ослабѣвать. Никто однако не ожидалъ близкаго конца.

Внезапно 8-го января 1873 года силы ея стали ослабѣвать, болѣзненные припадки быстро развивались, и 9-го января въ 12 часовъ по полудни ее не стало. На другой день напечатана была въ газетѣ „Голосъ“ маленькая статья, вылившаяся у меня изъ сердца. Вотъ она [1]).

„Угасла жизнь, полвѣка посвященная добру, милосердію, любви и заботамъ о благѣ Россіи. Угасла жизнь, полвѣка озарявшая въ Россіи путь наукамъ, искусствамъ и всему прекрасному. Вмѣстѣ съ царственной семьей глубоко скорбитъ Россія о понесенной утратѣ. Высокое имя въ Богѣ почившей Великой Княгини такъ тѣсно связано со всѣми благотворительными и общеполезными учрежденіями, что едва-ли найдется отдаленный край Россіи, гдѣ бы имя это не вызвало благодарныхъ воспоминаній и благословеній молитвенныхъ“.

„Благотворная дѣятельность покойной Великой Княгини видоизмѣнялась такими полными оттѣнками ея пылкаго, любящаго и, ежели можно такъ выразиться, *умнаго* сердца, что съ кончиной ея осиротѣли не только созданныя ею учрежденія, но и множество облагодѣтельствованныхъ ею отдѣльныхъ лицъ. Щедрая рука усопшей никогда не оскудѣвала; но сверхъ того въ высокихъ порывахъ ея любящаго сердца хранилась еще тайна той живительной силы, которая дѣйствуетъ на человѣка нравственнаго, одобряя и одушевляя его на пути правды.

---

[1]) Статья эта явилась безъ моей подписи. Принцесса Елена Мекленбургская, внучка Елены Павловны перевела ее на нѣмецкій языкъ, и она была напечатана въ нѣмецкихъ газетахъ.

„Жизнь и дѣянія оплакиваемой нами Великой Княгини принадлежатъ исторіи. Правдивая и нелицепріятная исторія укажетъ на тѣ стороны дѣятельности и на тѣ черты характера ея, о которыхъ мы нынѣ, предъ отверстымъ еще гробомъ, говорить не дерзаемъ".

„Какъ вся жизнь усопшей была свѣтла, честна и правдива такъ да будетъ свѣтла наша молитва и честна наша о ней память!"

На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ.

Глава I.

Великій Князь беретъ меня въ адъютанты. — Товарищи по назначенію. — Пріемъ Великаго Князя и Великой Княгини. — Дежурство. — Пріемы. — Доклады. — Завтраки. — Разводы. — Разбивка новобранцевъ. — Поѣздки по городу. — Сезонъ баловъ при Дворѣ. — Инспекторскіе смотры. — Занятія съ войсками въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ. — Жизнь въ Красномъ. — Театръ. — Товарищи. — Ужины. — Похороны принцессы Терезы Ольденбургской. — Монахъ отецъ Пименъ. — Новые адъютанты. — Гимнастика у Цесаревича. — Нѣмецкій театръ. — Пикники въ Красномъ.

Лѣтомъ 1864 г. я въ полномъ смыслѣ слова наслаждался свободой и проводилъ время, гуляя цѣлыми днями по нашимъ деревенскимъ угодьямъ.

Все меня занимало: возка навоза на поля; сѣнокосъ, на который по обычаю крестьяне въ первый день выходятъ въ нарядахъ, такъ что косьба напоминаетъ скорѣе праздникъ, чѣмъ тяжелую утомительную работу; потомъ наступало жнитво, молотьба сѣмянъ на озимый посѣвъ, выборка конопли, льна и пр. и пр.

Купанье въ озерѣ по утрамъ, прямо изъ постели, доставляло огромное удовольствіе.

Затѣмъ прогулки на мельницу, куда пріѣзжаютъ молоть хлѣбъ крестьяне изъ окрестныхъ деревень; разговоръ съ ними. Поѣздки въ сосѣднее татарское село Камкино съ его своеобразнымъ населеніемъ, болѣе всего любящимъ торговлю и нерасположеннымъ къ земледѣльческому труду. Вообще было на что посмотрѣть и чему поучиться.

Такъ незамѣтно подошло время къ концу августа и пришлось ѣхать въ Петербургъ на службу.

Возвратясь 23 числа, въ день рожденія батюшки, и разбираясь въ

вещахъ, вдругъ слышу голосъ двоюроднаго брата Василія Даниловича Скалонъ, который вошелъ въ комнату, размахивая приказомъ.

— „Поздравляю тебя, Митя, ты назначенъ адъютантомъ къ Его Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу, генералъ-инспектору кавалеріи, командующему Петербургскимъ военнымъ округомъ".

— „Къ кому адъютантомъ? Я не хочу выходить изъ строя", отвѣтилъ я, не разобравши въ чемъ дѣло.

— „Какъ ты не понимаешь—къ Великому Князю Николаю Николаевичу!" повторилъ Василій Даниловичъ.

Въ то время Великій Князь Николай Николаевичъ казался намъ, строевымъ офицерамъ—на такой недосягаемой высотѣ, что быть его адъютантомъ не могло сразу войти въ мое сознаніе;— но, разобравши въ чемъ дѣло, я побѣжалъ къ батюшкѣ. Отецъ обнялъ меня, благословилъ и очень обрадовался открывшейся передо мною военной карьерѣ.

Вслѣдъ за симъ я поспѣшилъ къ нашему портному, почтеннѣйшему Андрею Ивановичу Норденштремъ; разговоръ нашъ всегда происходилъ на нѣмецкомъ языкѣ.

— „Здравствуйте, Андрей Ивановичъ!"

— „Здравствуйте и поздравляю васъ!—привѣтливо, какъ всегда съ добродушной улыбкой отвѣтилъ Норденштремъ. Пріѣхали заказывать мундиръ?"

— „Да, Андрей Ивановичъ, завтра непремѣнно надо явиться Его Высочеству".

— „Что же отлично, въ добрый часъ. Чакчиры уже скроены и шьются, мундиръ я уже началъ кроить; пріѣзжайте вечеромъ примѣрить, а завтра утромъ все будетъ готово, пришлю къ 8-ми часамъ. Я какъ прочиталъ ваше назначеніе въ адъютанты, порадовался за васъ и за вашего батюшку и тотчасъ же началъ кроить".

— „Спасибо вамъ, добрѣйшій другъ, не знаю, какъ и благодарить васъ".

На слѣдующее утро, въ 10 ч. я уже былъ во дворцѣ Его Высочества и представлялся вмѣстѣ съ другими, вновь назначенными товарищами: конногвардейцемъ Александромъ Петровичемъ Струковымъ, лейбъ-гусаромъ Николаемъ Михайловичемъ Якимовичемъ и лейбъ-казакомъ Давыдомъ Ивановичемъ Орловымъ.

Великій Князь каждаго изъ насъ принималъ отдѣльно у себя въ кабинетѣ.

— „Ну! Здравствуй! привѣтливо встрѣтилъ меня Его Высочество.—Я взялъ тебя изъ моего полка, потому что увѣренъ, что ты будешь служить молодцомъ. Знай одно: все, что ты здѣсь услышишь—чтобы въ одно ухо входило, въ другое выходило. Понялъ?“

— „Понялъ, Ваше Высочество, и даю Вамъ слово, что буду служить Вашему Высочеству со всѣмъ усердіемъ и всѣми своими способностями. Надѣюсь, Господь мнѣ въ этомъ поможетъ!“

— „Очень радъ и увѣренъ, что ты исполнишь свое обѣщаніе“.

Великій Князь далъ мнѣ руку, а я поцѣловалъ его въ плечо.

На слѣдующее утро мы поѣхали съ вновь назначенными товарищами на Знаменку, чтобы представиться Ея Высочеству Великой Княгинѣ Александрѣ Петровнѣ.

Великій Князь съ Великой Княгиней вышли въ билліардную. Его Высочество представилъ насъ своей августѣйшей супругѣ, которая, улыбаясь, милостиво намъ поклонилась и дала поцѣловать руку.

Среди общаго разговора, разспрашивая о родныхъ и о занятіяхъ своихъ новыхъ адъютантовъ, Его Высочество вдругъ обратился ко мнѣ:

— „А ну-ка, Скалонъ, разскажи, какъ ты переплывалъ съ уланами черезъ Нѣманъ“.

Я разсказалъ съ возможною скромностью, но понялъ, что эти Нѣманскія купанья помогли мнѣ въ переправѣ не только черезъ широкую историческую рѣку, но и понесли по волнамъ благопріятнаго служебнаго теченія.

Его Высочество былъ необыкновенный начальникъ: всегда привѣтливый, ровный, ласковый, внимательный не только къ тебѣ, какъ къ служащему при немъ лицу, но и какъ къ человѣку. Онъ интересовался и выказывалъ участіе ко всему, что составляло твою жизненную обстановку.

Дежурство наше начиналось съ 9 часовъ утра; въ Петербургѣ во дворцѣ Его Высочество выходилъ къ утреннему чаю въ кабинетъ; столъ накрывался передъ диваномъ, на правую сторону котораго садился Великій Князь, на лѣвую—Великая Княгиня.

Иногда приходилъ Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій, которому въ то время было 8 лѣтъ; иногда приносили годовалаго Петра Николаевича. Противъ Его Высочества садился обыкновенно докторъ Обермюллеръ, а по правую руку отъ Великаго Князя—дежурный адъютантъ.

Передъ окончаніемъ чая приходилъ управляющій дворомъ Его Высочества, добрѣйшій генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ.

Великій Князь любилъ зеленый чай и пилъ его съ густыми

сливками, съ калачемъ или съ поджареннымъ въ маслѣ бѣлымъ хлѣбомъ.

Разговоръ шелъ о мелкихъ семейныхъ интересахъ, сообщались городскія новости, обсуждались новыя назначенія. Его Высочество любилъ шутить и дразнилъ доктора Обермюллера. Однажды Великій Князь въ Новый годъ послалъ Обермюллеру въ подарокъ пакетъ, въ которомъ были собраны всѣ лекарства, прописанныя Его Высочеству въ теченіе всего года, ни одно не было распечатано. Докторъ ужасно обидѣлся, а Великій Князь смѣялся и потомъ любилъ разсказывать эту шутку.

Въ 9½ ч. адъютантъ выходилъ въ пріемную, переписывалъ представляющихся. Великій Князь назначалъ, кого приметъ въ кабинетѣ, кого въ пріемной; затѣмъ два раза въ недѣлю назначался докладъ начальника штаба округа, интенданта, начальниковъ инженеровъ округа и артиллеріи.

Послѣ доклада начальника штаба Великій Князь принималъ начальниковъ дивизій, окружнаго военно-медицинскаго инспектора, затѣмъ представляющихся изъ высшихъ чиновъ и потомъ выходилъ въ пріемную.

Въ остальные дни недѣли бывали доклады начальника канцеляріи генералъ-инспектора кавалеріи почтеннаго Ѳедора Степановича Джунковскаго и товарища Великаго Князя по инспекціи инженеровъ генералъ-адъютанта Эдуарда Ивановича графа Тотлебенъ.

Великій Князь не любилъ докладовъ Тотлебена и всегда откладывалъ ихъ на конецъ, или послѣ завтрака.

Эдуардъ Ивановичъ былъ словоохотливъ, любилъ говорить и разсказывать. На своемъ дежурствѣ я пользовался этимъ и слушалъ его съ удовольствіемъ, а онъ, говоря, не замѣчалъ, какъ проходило время.

Столъ Великаго Князя въ кабинетѣ расположенъ былъ покоемъ. Его Высочество садился на серединѣ, лицомъ къ одной сторонѣ фланга, а докладчикъ противъ него снаружи. Тотлебенъ передъ докладомъ, раскладывая дѣла изъ портфеля, какъ бы священнодѣйствовалъ, а между тѣмъ часто забывалъ, по разсѣянности, у себя на столѣ справки и сердился. Его Высочество терпѣливо выжидалъ эти поиски въ глубинѣ портфеля, а Тотлебенъ горячился въ особенности, когда Великій Князь его успокаивалъ.

— „Не ищите, Эдуардъ Ивановичъ, вы забыли справку у себя на столѣ. Вы всегда страдали разсѣянностью“, утѣшалъ Великій Князь.

— „Какъ это, Ваше Высочество, какъ! я разсѣянъ? что это Вы говорите!“ обижался Тотлебенъ.

Однажды, когда сѣли за столъ для доклада, Тотлебенъ по обыкновенію сталъ выбирать бумаги, чего-то не находилъ въ портфелѣ и началъ безпокоиться.

— „Не трудитесь искать, Эдуардъ Ивановичъ, обращается къ нему Его Высочество, навѣрно, въ разсѣянности вы забыли папку съ докладами у себя дома".

— „Что Вы говорите, Ваше Высочество! Это невозможно! Это была бы непростительная разсѣянность", обижался Тотлебенъ, но папка съ докладами отсутствовала. Эдуардъ Ивановичъ ужасно сконфузился, а Его Высочество разсмѣялся; Тотлебенъ также и на этотъ разъ сознался, что забылъ докладъ у себя на столѣ.

Великій Князь былъ очень наблюдателенъ и въ совершенствѣ представлялъ процессъ Тотлебенскихъ докладовъ.

Въ 12 часовъ Его Высочество шелъ завтракать, и если доклады не были окончены, то продолжались и послѣ завтрака.

За завтракомъ Великій Князь вначалѣ пилъ рюмку водки, приговаривая „ein, zwei, drei, Peter komm herein! Gott erhalte mich".

Столъ Его Высочества былъ скорѣе простой, но чрезвычайно сытный и вкусный. Главный метръ д'отель — толстый Мангольдъ, отставной фельдфебель прусской службы, былъ раненъ на штурмѣ Дюппельскихъ укрѣпленій штыкомъ въ грудь. Это былъ замѣчательно искусный поваръ и подвижностью и приговорками немного смахивалъ на Фигаро.

Прислуживая за завтракомъ, онъ остроумно отвѣчалъ на вопросы Великаго Князя, сообщалъ разныя городскія сплетни; подавая блюдо, онъ каждому давалъ совѣтъ: какой кусочекъ взять и какъ съ нимъ обращаться.

По воскресеньямъ и праздникамъ, послѣ обѣдни къ завтраку приглашался отецъ Василій и лица, пріѣзжавшія къ обѣднѣ, изъ числа болѣе близкихъ къ Ея Высочеству, какъ напримѣръ старушка Потемкина, Потапова, графиня Гейденъ.

За парадным завтракомъ въ торжественные дни всегда подавались великолѣпная кулебяка и къ ней икра паюсная и зернистая.

Завтракъ состоялъ, кромѣ закусокъ, изъ 4-хъ блюдъ, не считая десерта, и начинался супомъ.

Вина Его Высочество не пилъ, но любилъ наливку домашняго приготовленія Великой Княгини.

Вмѣсто кофе Его Высочество пилъ стаканъ зеленаго чая со сливками.

Послѣ завтрака дежурный адъютантъ отпускался, если Великій Князь не бралъ его съ собой кататься, или въ объѣздъ по казар-

мамъ, карауламъ, манежамъ. По воскресеньямъ Его Высочество ѣздилъ на разводъ.

Разводы, наслѣдіе Императора Павла, въ томъ видѣ, какъ исполнялись въ наши дни, имѣли большой смыслъ: Государь видѣлъ свою гвардію, гвардія видѣла Государя.

Офицеры, послѣ команды „господамъ офицерамъ являться“— подходили шеренгою другъ за другомъ, салютовали и сказывали свое въ какой караулъ назначеніе, а Его Высочество называлъ фамилію каждаго офицера, при чемъ Государь, слыша извѣстную ему фамилію, всегда милостиво припоминалъ родителя офицера, или разспрашивалъ его происхожденіе, гдѣ воспитывался, семейное положеніе и т. п.

Такимъ образомъ не только Великій Князь, но и Государь лично знали большинство офицеровъ.

Къ разводу собирались всѣ начальствующія лица, и до пріѣзда Государя многое договаривалось и рѣшалось между ними на словахъ.

Государь бывалъ въ различномъ расположеніи духа; у насъ была примѣта, по которой безошибочно можно было судить, въ какомъ Его Величество находился настроеніи.

Если онъ вынималъ правой рукой изъ задняго лѣваго кармана носовой платокъ и сморкался, то вслѣдъ затѣмъ передавалъ Его Высочеству приказаніе: „Господамъ офицерамъ являться!“—у всѣхъ начальствующихъ лицъ спадала тяжесть съ сердца, а въ особенности у конныхъ ординарцевъ.

Государь привѣтливо улыбался, милостиво благодарилъ за разводъ и не обращалъ вниманія на мелкія прорухи, которыя всегда возможны и большей частью зависятъ отъ случайности.

Если платокъ не вынимался и офицеры не являлись,—то у многихъ сердце замирало, и всякое лыко попадало въ строку.

Разводъ заканчивался конными ординарцами, которымъ продѣлывалась ѣзда, барьеры и джигитовка конвойнымъ и казачьимъ парамъ со стрѣльбою въ бумагу.

При джигитовкѣ отличался служившій въ конвоѣ курдъ, котораго всѣ называли Александръ Ивановичъ Турка. Онъ умудрялся стрѣлять изъ пяти-шести пистолетовъ, заткнутыхъ у него за широкимъ поясомъ.

Мы иногда держали пари на тотъ случай: разобьетъ ли скачущій выстрѣломъ бумагу или нѣтъ.

Послѣ отъѣзда Государя изъ манежа, Великій Князь сзывалъ начальниковъ, дѣлалъ замѣчанія и отдавалъ приказанія.

Осенью Его Высочество разбивалъ новобранцевъ по частямъ

гвардіи и Петербургскаго округа. Разбивка продолжалась иногда необыкновенно долго.

Его Высочество отмѣчалъ мѣломъ на груди новобранца часть, въ которую онъ его назначалъ.

Постоянно одинъ и тотъ же унтеръ-офицеръ Преображенскаго полка бралъ новобранца за плечи и выкрикивалъ назначенную часть, его перехватывалъ унтеръ-офицеръ отъ названной части, и такимъ образомъ составлялись отдѣльныя команды разныхъ гвардейскихъ частей.

Ходить весь день и наблюдать эту разбивку было достаточно скучно.

Для развлеченія мы — адъютанты, приглядѣвшись къ назначеніямъ Великаго Князя, забавлялись держать пари на то, куда очередной новобранецъ будетъ назначенъ.

Однажды мы пробыли въ манежѣ цѣлый день. Около часа состоявшій при Его Высочествѣ генералъ Михаилъ Николаевичъ Дохтуровъ предложилъ завтракъ изъ англійскаго клуба, въ которомъ онъ былъ старшиной. Великій Князь принялъ, и мы съ удовольствіемъ покушали. Я былъ дежурный. Великій Князь, начавши разбивку въ десять утра, окончилъ только къ семи вечера.

Возвратясь во дворецъ, на площадкѣ лѣстницы собственнаго подъѣзда, мы были встрѣчены Великой Княгинею:

— „Отчего такъ долго? Вѣдь вы ничего не ѣли! Это невозможно такъ морить людей“.

— „Нѣтъ, Саша, мы не очень голодны, насъ накормилъ Дохтуровъ изъ Англійскаго клуба“.

Съ этими словами Его Высочество прошелъ къ себѣ наверхъ переодѣться, а Великая Княгиня обратилась ко мнѣ:

— „Съ какой стати Великій Князь принимаетъ завтраки отъ лицъ своей свиты! Это совершенно лишнее“.

— „Отчего, Ваше Высочество, Великому Князю не принять предложенные отъ сердца хлѣбъ-соль?“ отвѣтилъ я.

— „Это слишкомъ интимно, и Его Высочеству до этого не слѣдуетъ спускаться“.

Въ это время мы подошли къ накрытому, установленному закусками столу.

— „Извините, Ваше Высочество,—продолжалъ я,—ничего интимнаго въ поступкѣ Великаго Князя нѣтъ. Вашъ взглядъ есть—гордость, а гордость нехристіанская добродѣтель“.

Великая Княгиня посмотрѣла на меня, широко раскрывъ глаза.

— „Это ваше мнѣніе?“ спросила она.

— „Да, это мое убѣжденіе“.

Ея Высочество улыбнулась, взяла графинъ съ водкой, наполнила рюмку и уже ласковымъ тономъ обратилась ко мнѣ.

— „Хотите водки?“

Я поблагодарилъ и выпилъ, хотя это и не входило въ мой обычай.

Во время пребыванія въ Петербургѣ Великій Князь часто бралъ съ собой дежурнаго адъютанта, катаясь въ разныхъ частяхъ города, иногда нежиданно заѣзжалъ въ казармы или на гауптвахты По ночамъ ѣздилъ въ Зимній дворецъ и обходилъ посты и всѣ закоулки, которыхъ тамъ множество. У Его Высочества былъ большой шагъ, такъ что, слѣдуя за нимъ, приходилось четвертый и пятый шагъ дѣлать въ припрыжку.

Зимой, въ сезонъ баловъ, Великій Князь дирижировалъ танцами на придворныхъ балахъ, а мы—адъютанты слѣдили за тѣмъ, чтобы у всѣхъ дамъ были кавалеры, и помогали исполненію фигурь, которыя Его Высочество очень часто разнообразилъ.

Передъ сезономъ Великому Князю представлялись списки всѣхъ танцующихъ офицеровъ и, кого онъ замѣчалъ мало танцующимъ—вычеркивалъ.

Въ особенности оживленны были балы, происходившіе въ концертномъ залѣ и Эрмитажѣ. Кромѣ того танцовали иногда съ очень ограниченнымъ числомъ приглашенныхъ въ золотой гостиной на половинѣ Императрицы Маріи Александровны.

Великая Княжна Марія Александровна участвовала на этихъ балахъ со своими подругами, и на эти балы приглашались барышни-подростки.

На балахъ во время танцевъ Государь самъ дѣлалъ иногда нѣсколько туровъ вальса, въ остальное же время обходилъ группы гостей и съ своей привѣтливой улыбкой разговаривалъ съ дамами и старшими изъ приглашенныхъ.

За ужиномъ Его Величество въ сопровожденіи министра двора обходилъ столы, и самъ выбиралъ себѣ мѣсто.

Государыня Императрица ужинала за парадным столомъ, къ которому приглашались почетные гости.

Его Высочество вносилъ необыкновенное оживленіе въ танцы и любилъ танцовать.

Балы всегда заканчивались ужиномъ, при чемъ на концертныхъ балахъ ужинъ накрывался въ большомъ Николаевскомъ и въ аванъ-залѣ, среди волшебнаго тропическаго сада, къ очаровательному виду котораго нельзя было приглядѣться. Танцуя на всѣхъ балахъ, я отлично зналъ всѣ ходы и выходы, куда заблаговременно встать, чтобы занять лучшее мѣсто.

На одномъ изъ эрмитажныхъ баловъ, передъ мазуркой я забрелъ въ Петровскую галлерею и увлекся разсматриваніемъ шкафовъ съ драгоцѣнностями, располагая не танцовать мазурку. Вдругъ слышу голосъ:

— „Скалонъ, что ты тутъ дѣлаешь? Отчего не идешь къ своей дамѣ? Уже дали вторую ритурнель. Ты съ кѣмъ танцуешь?

— „Ни съ кѣмъ, Ваше Высочество, я увлекся осмотромъ рѣдкостей и хотѣлъ не танцовать мазурки“.

— „Вотъ какъ! Иди сейчасъ танцовать. Я тебѣ дамъ даму. Будешь доволенъ“.

Черезъ минуту я уже былъ связанъ на мазурку и ужинъ съ очень некрасивой барышней, у которой, какъ водится, не было кавалера. На другой день Его Высочество спрашиваетъ меня:

— „Ну, что! Какъ изволилъ веселиться за мазуркой? Или еще разъ пожелаешь разсматривать драгоцѣнности, вмѣсто того, чтобы танцовать“.

— „Покорно благодарю, Ваше Высочество, за даму, отвѣтилъ я, хотя она была не въ моемъ вкусѣ, но умная и очень интересно разговаривала, а свое эстетическое чувство я удовлетворялъ, сидя за ужиномъ противъ картины Франсуа Детроа „Сусанна въ ваннѣ“.

Великимъ постомъ Его Высочество производилъ инспекторскіе смотры всей пѣхотѣ въ большомъ Михайловскомъ манежѣ; занятія въ кавалеріи Великій Князь провѣрялъ неожиданными пріѣздами и кромѣ того зимою дѣлалъ инспекторскіе смотры по полкамъ. Пѣхотные смотры продолжались необыкновенно долго, но Его Высочество разнообразилъ ихъ и, шутя съ офицерами и солдатами, умѣлъ вносить веселое настроеніе.

У Великаго Князя было принципомъ, что всякое занятіе съ войсками можетъ принести пользу, если оно ведется оживленно и не утомляетъ людей, поэтому онъ избѣгалъ слишкомъ продолжительныхъ ученій и никогда не дѣлалъ смотровъ при дурной погодѣ, кромѣ, какъ въ манежѣ; что же касается до маневровъ, то— погода не принималась въ разсчетъ, и мы часто на коняхъ мокли до костей и затѣмъ на солнцѣ и вѣтру просыхали.

Въ апрѣлѣ Великій Князь со своимъ дворомъ переѣзжалъ на Знаменку, а въ половинѣ мая—въ лагерь подъ Краснымъ Селомъ.

Мы очень любили лагерное время, въ особенности первую половину, до пріѣзда Государя и императорской главной квартиры.

Первая половина лагеря совпадала съ концомъ весны, съ ея свѣтлыми ночами и расцвѣтомъ природы.

Мы вставали въ 6 час., въ 6½ час. собирались къ Его Высочеству.

Великій Князь собственноручно разливалъ чай, въ 7 ч. ѣхали на поле, гдѣ Его Высочество присутствовалъ, или самъ производилъ ученіе.

Въ 1865 и 1866 годахъ Его Высочество выработывалъ и обучалъ части новому пѣхотному уставу; труда было много, и намъ приходилось много скакать.

Въ 11 часовъ возвращались домой, Великій Князь принималъ представляющихся и доклады; въ 12-ть завтракали, пять блюдъ; до 2½ Великій Князь и вся свита отдыхали, затѣмъ ѣхали купаться.

Въ театральные дни мы отправлялись на репетиціи; я бралъ віолончель и садился играть въ оркестръ. Репетиціи весело проходили въ разговорахъ и ухаживаніи за артистками драматической и балетной труппы.

Возвращались домой къ 4 часамъ, обѣдали (6 блюдъ). Само собою разумѣется, аппетита не могло быть.

Съ 5 до 7 скакали по полю, на ученьяхъ.

Затѣмъ быстро переодѣвались и ѣхали въ театръ.

Обыкновенно сначала шла комедія, водевиль или оперетка, а въ заключеніе—дивертиссементъ изъ танцевъ.

Изъ оперетокъ большимъ успѣхомъ пользовалась „Прекрасная Елена“ въ исполненіи Лядовой и Сазонова, а затѣмъ „Перикола“ съ Чернявскою. Изъ комедій: „Семейныя тайны“ съ Сосницкимъ; изъ водевилей—„Всѣ мы жаждемъ любви“. Изъ балетныхъ солистокъ любимицами были: Вергина, Соколова, Радина, Ваземъ, Канцырева, Мадаева, Гранкенъ, Лангъ. На балетныхъ репетиціяхъ, играя въ оркестрѣ на первомъ пультѣ вмѣсто Христофорова, я исполнялъ балетныя solo, въ особенности мнѣ удавалась „Chanson à boire“ изъ балета „Фіаметта“, сопровождая танцы такихъ балеринъ, какъ Вергина, Соколова, Ваземъ, я вызывалъ дружные аплодисменты присутствующихъ.

Послѣ спектакля Его Высочество уѣзжалъ домой съ кѣмъ-либо изъ адъютантовъ, а остальные оставались ужинать съ артистами и возвращались домой часамъ къ тремъ.

Такихъ балетныхъ дней бывало до четырехъ въ недѣлю, остальные дни въ свободное время, по вечерамъ, мы занимались разными играми; въ непогоду—скачка жокеевъ или въ tric-trac; въ ясные вечера—стрѣльбою въ цѣль изъ лука, метаньемъ дротиковъ, рубкою лозы, футъ-болъ и т. п., а за ночь высыпались.

Въ 1865 г. къ намъ въ лагерь пріѣзжала иногда Великая Кня-

гиня, мы сопровождали ее въ Дудергофъ, Ропшу и дѣлали вмѣстѣ небольшія partie de plaisir.

Полковникъ Всеволодъ Николаевичъ Сипягинъ, старый лейбъ-гусаръ, состоявшій при Его Высочествѣ для порученій,—отличался необыкновенно веселымъ нравомъ; онъ былъ большой затѣйникъ и придумывалъ всякія шалости. Товарищъ Лермонтова по гусарскому полку, Сипягинъ вспоминалъ его продѣлки. Такъ, напримѣръ, среди насъ—адъютантомъ Его Высочества былъ казакъ Давыдъ Орловъ—необыкновенно добрый, ласковый, ловкій, сильный, но шалый и легко поддававшійся изводамъ.

Орловъ не былъ ревностнымъ служакою, часто ѣздилъ въ отпускъ за границу и часто опаздывалъ къ началу лагернаго сбора,—Сипягинъ приготовилъ ему слѣдующую Лермонтовскую встрѣчу, въ которой принялъ участіе и Его Высочество.

Когда Орловъ вышелъ къ утреннему чаю, мы хоромъ, въ одинъ голосъ, произнесли:—„вотъ человѣкъ, котораго истинно мы любимъ! Да! Да! Да! Давайте его сюда“. При этомъ вскочили съ мѣстъ и стали его обнимать. Орловъ совсѣмъ ошалѣлъ.

Въ другой разъ Орловъ опять запоздалъ къ началу лагеря; когда онъ пріѣхалъ, мы выстроились въ линію и повернулись попарно другъ къ другу лицомъ, затѣмъ, прискакивая на мѣстѣ, поворачивались кругомъ, спина къ спинѣ съ товарищемъ и лицомъ къ лицу съ сосѣдомъ, при этомъ въ тактъ пѣли слѣдующія вирши домашняго издѣлія.

„Mettons nous dos à dos
Pour chanter dodo
Ce brave cosaque
Qui sert кое-какъ“.

Со словомъ „кое-какъ“ совершался поворотъ, и стихи повторялись. Давидъ Ивановичъ слегка сердился, но смѣялся вмѣстѣ съ нами.

Однажды на ученіи Орловъ выѣхалъ на вновь пріобрѣтенной лошади. При первой же посылкѣ лошадь его не пошла и стала крутиться на мѣстѣ. Великій Князь послалъ другого адъютанта; Орловъ такъ озлился на лошадь, что сталъ божиться, что онъ ее застрѣлитъ.

— „Какой вздоръ, Давыдушка, сказалъ я ему, лошадь можно отъѣздить“.

— „Застрѣлю!“ повторялъ Орловъ.

— „Зачѣмъ стрѣлять, перебилъ я его, дай ее лучше мнѣ, я ее отъѣзжу“.

— „Хорошо, такъ смотри же, возьми ее“.

Когда мы вернулись домой, Орловъ пришелъ ко мнѣ въ комнату и говоритъ:

— „Прикажи взять лошадь твоему рейткнехту, а не то я ее честное слово пристрѣлю".

— „Что ты, Давыдушка, отвѣтилъ я, куда мнѣ ее, вѣдь я шутя сказалъ про лошадь, чтобы у тебя сердце отлегло".

Кончилось тѣмъ, что я долженъ былъ взять лошадь, но она дѣйствительно никуда не годилась, и я спустилъ ее за гроши.

Въ числѣ товарищей я очень дружилъ съ Владиміромъ Петровичемъ графомъ Клейнмихель, который отличался необыкновенною симпатіею. Умный, спокойный, съ большимъ тактомъ и полный достоинства въ обращеніи, онъ пользовался особымъ расположеніемъ Цесаревича Александра Александровича и Великаго Князя Владиміра Александровича.

Его Высочество, Великій Князь Николай Николаевичъ любилъ, уважалъ и довѣрялъ Клейнмихелю разборы и умиротворенія всякихъ трудныхъ положеній, которыя случались по службѣ.

Яфимовичъ изъ лейбъ-гусаръ былъ тихій, скромный и хорошій товарищъ. Въ театръ онъ ѣздилъ, но въ репетиціяхъ и ужинахъ никогда не принималъ участія и съ актрисами не только не былъ знакомъ, но даже никогда не разговаривалъ.

Александръ Петровичъ Струковъ, отличный ѣздокъ и любитель лошадей. У него всегда была превосходная конюшня. Онъ отлично зналъ лошадь и отличался своимъ пристрастіемъ къ кровнымъ англійскимъ лошадямъ, на которыхъ ѣздилъ щегольски.

Вообще мы жили дружной семьей.

Изъ старшихъ адъютантовъ — Николай Антоновичъ Скалонъ часто хворалъ, постоянно лѣчился и замѣнялъ барона Корфа по гофмейстерской части, если старикъ уѣзжалъ.

Полковникъ Чемерзинъ исполнялъ порученія Его Высочества по инженерной части и рѣдко былъ съ нами въ лагерѣ. Почтеннѣйшій Александръ Александровичъ Галлъ—элегантный, красивый, въ высшей степени обязательный, въ то время не былъ еще глухъ, исполнялъ должность старшаго адъютанта, вѣдалъ нашими назначеніями на дежурства и распоряжался хозяйственною частью въ путешествіяхъ Его Высочества.

Съ нами жилъ еще начальникъ канцеляріи Великаго Князя по инспекціи кавалеріи, почтеннѣйшій Ѳедоръ Степановичъ Джунковскій—добрѣйшій труженикъ; онъ пользовался расположеніемъ Его Высочества.

Самъ же Великій Князь былъ всѣми любимъ, уважаемъ и имѣлъ большое вліяніе на все, что касалось войскъ.

Это было чудное время: Цесаревичъ Александръ Александровичъ, Великіе Князья Владиміръ и Алексѣй Александровичи проходили службу въ частяхъ; въ свободное время посѣщали дядю, ѣздили вмѣстѣ съ нами купаться, играли въ кегли и иногда присутствовали на репетиціяхъ въ театрѣ.

Мы очень веселились и продѣлывали разныя шалости, въ особенности во время купанья.

Однажды мы притащили въ купальню насосы и обливали другъ друга. Кто-то опоздалъ, когда остальные уже раздѣлись (чуть ли ни Давыдко Орловъ).

Цесаревичъ взялъ въ руки брантспойтъ и нацѣлился на дверь. Вмѣсто Орлова случайно отворилъ двери генералъ Тимоѳеевъ и былъ облитъ съ головы до ногъ.

По вечерамъ, когда Его Высочество уже спалъ—молодые Великіе Князья любили приходить съ нами ужинать. Ужины эти накрывались на чердакѣ и проходили съ большимъ оживленіемъ. Любимымъ блюдомъ были раки à la Bordelaise и куриныя котлеты съ фасолью. Иногда появлялся самъ Великій Князь, что̀ способствовало еще большему оживленію, или приказывалъ накрыть ужинъ въ домикѣ Императора Николая.

Въ праздники со Знаменки Его Высочество обыкновенно выѣзжалъ вечеромъ въ Красное Село, такъ какъ нашъ день начинался въ 6 утра. Дежурный адъютантъ всегда сопровождалъ Великаго Князя. Переѣздъ совершался въ коляскѣ, запряженной четверкой, на полъ-дорогѣ стояла подстава. Ѣхали вскачь, всегда менѣе часа, а если на тревогу,—то и въ 45 минутъ.

Великая Княгиня рѣдко навѣщала Красное, кромѣ какъ на парадъ, зарю съ церемоніею или скачки. Разъ какъ-то Ея Высочество поѣхала съ нами пикникомъ на Дудергофъ. Мы такъ расшалились, что графъ Клейнмихель чуть было не сломалъ себѣ ногу. Великая Княгиня испугалась, но все обошлось благополучно. Сипягинъ записалъ въ книгу посѣтителей:

„Мы штурмомъ взяли Дудергофъ“,

„Прости намъ это, Саваоѳъ!“

Черезъ нѣсколько дней Великій Князь собрался въ воскресенье выѣхать ранѣе обыкновеннаго. Ея Высочество была этимъ недовольна.

Передъ отъѣздомъ, въ гостиную подали чай, сѣли за столъ. Великая Княгиня, передавая мнѣ чашку, насупила брови и говоритъ:

— „Что у васъ дѣлается въ Красномъ? Куда вы спѣшите. Будь я вашимъ начальникомъ—взяла бы васъ въ руки“.

Услыша такія слова, я поставилъ чашку и перекрестился обѣими руками. Ея Высочество сдѣлала удивленное лицо, потомъ засмѣялась и сказала:

— „Вы открещиваетесь отъ меня—это грубо, но откровенно, и это мнѣ нравится. Хотите хлѣба?“ Я поблагодарилъ, сказавши:

— „Ваше Высочество, вы меня не такъ поняли, я открещиваюсь не отъ васъ, а отъ мысли имѣть другого начальника“.

— „Ловко вывернулся!“ замѣтилъ Великій Князь.

Лѣтомъ 1886 года скончалась отъ чахотки младшая сестра Великой Княгини—принцесса Тереза Ольденбургская. Зимой больная одно время пребывала въ Венеціи.

Постомъ Его Высочество съ семействомъ отправился тоже туда.

Тѣло почившей принцессы перевезли для погребенія въ Сергіевскую пустынь.

Когда поднимали послѣ отпѣванія гробъ, кто-то толкнулъ большой подсвѣчникъ и облилъ Клейнмихелю растопленнымъ воскомъ волоса на головѣ.

Онъ очень разсердился и ворчалъ, что не сразу могъ избавиться отъ остывшаго въ волосахъ воска.

Видя его въ такомъ положеніи,—отецъ Пименъ подошелъ съ такими словами:

— Пойдемте ко мнѣ, ваше сіятельство, въ келью, у меня есть такая водка, какъ рюмку выпьете, такъ весь воскъ испарится и сойдетъ съ головы.

Мы всѣ знали монаха Пимена; онъ былъ очень обязателенъ и во многомъ напоминалъ веселаго монаха Тука изъ Айвенго Вальтеръ-Скотта.

Зимою вмѣсто ушедшихъ старшихъ адъютантовъ Галла и Чемерзина Великій Князь взялъ новыхъ: гвардейскаго сапера Ѳедора Павловича Ласковскаго—во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣйшаго товарища и человѣка, также какъ и Владиміра Васильевича Попова—бѣднаго страдальца.

Будучи юнкеромъ инженернаго училища, Поповъ жестоко былъ раненъ разрывомъ бомбы, которую въ числѣ нѣсколькихъ товарищей они разряжали. Поповъ цѣлый годъ пролежалъ съ раздробленною ногой; поправившись, вышелъ въ гвардейскіе саперы и благодаря своей желѣзной энергіи несъ службу.

Вернувшись изъ кэмпаніи, Поповъ исполнялъ должность помощника инженеровъ округа, заболѣлъ и умеръ отъ тяжкой болѣзни.

Всѣ мы очень любили Владиміра Васильевича за его чудный характеръ и благородство.

Замѣчателенъ его разсказъ, какъ началось его выздоровленіе, когда онъ, раненый разрывомъ бомбы, лежалъ въ лазаретѣ инженернаго училища.

„Я лежалъ уже десять мѣсяцевъ въ отдѣльной комнатѣ, разсказывалъ мнѣ Поповъ, а улучшенія въ состояніи моего пораненія все еще не наступало.

По ночамъ при мнѣ постоянно дежурилъ фельдшеръ, который обыкновенно ложился на диванъ, стоявшій у противоположной къ моей постели стѣны.

Фельдшеръ давалъ мнѣ въ назначенное время лѣкарство, поправлялъ подушки и помогалъ измѣнять положеніе, хотя я могъ лежать исключительно на спинѣ. Въ комнатѣ горѣла лампа, свѣтъ отъ которой отбрасывался рефлекторомъ на потолокъ. Проснувшись, я посмотрѣлъ на часы и хотѣлъ принять лѣкарство. Фельдшеръ спалъ такъ крѣпко, что не отозвался на мой повторенный зовъ.

Въ это время вижу, что дверь отворяется и ко мнѣ идетъ женщина вся въ бѣломъ. Я оцѣпенѣлъ и замеръ. Женщина подошла, взяла лѣкарство, налила, подала мнѣ ложку и дала запить изъ стакана, затѣмъ благословила и удалилась.

Я съ усиліемъ швырнулъ въ фельдшера лежавшей подъ рукою книгой, булкой и кружкой. Фельдшеръ проснулся, вскочилъ, чтобы подать мнѣ лѣкарство, но въ склянкѣ его не было, такъ какъ я только что принялъ послѣднюю ложку, а кружка безъ питья валялась у дивана.

Съ этой ночи я сталъ быстро поправляться и скоро началъ ходить на костыляхъ, а затѣмъ и вовсе выздоровѣлъ“.

Поповъ, когда говорилъ или разсказывалъ—всегда сохранялъ необыкновенно серіозное выраженіе лица, такъ что мы прозвали его „мрачнымъ бѣсомъ“ или „Ваша мрачность“.

Въ числѣ адъютантовъ появился Петръ Петровичъ Андреевъ, а со временемъ Аѳиногенъ Алексѣевичъ Орловъ, который сначала былъ ординарцемъ гр. Шувалова, а потомъ графъ устроилъ ему назначеніе адъютантомъ къ Его Высочеству.

Зимою, разъ въ недѣлю, два года подъ рядъ, мы собирались въ манежѣ Цесаревича и упражнялись гимнастикой подъ руководствомъ гимнастовъ и клоуновъ изъ цирка Ренца. Упражненія заключались

въ прыганіи черезъ лошадь, что называлось „voltiges académiques“, въ вольтижированіи на неосѣдланной лошади и ѣздѣ стоя на сѣдлѣ. Въ этихъ упражненіяхъ мы достигали большого искусства, такъ напримѣръ, ударившись о трамплинъ, перескакивали не только черезъ лошадь, но и черезъ сидящаго съ наклономъ корпуса впередъ всадника, или ударившись о трамплинъ, переворачивались и дѣлали salto mortale.

Конечно, къ этимъ упражненіямъ мы подошли исподволь. При этомъ я замѣтилъ одну отличительную черту Цесаревича: онъ сразу никогда не рѣшался на какое-нибудь новое, болѣе трудное упражненіе, но разъ рѣшившись—исполнялъ его отлично.

При большой силѣ въ рукахъ, Цесаревичъ очень хорошо вольтижировалъ, но долго не рѣшался встать и ѣхать, стоя на лошади. Дѣйствительно въ первый разъ очень трудно рѣшиться встать на лошадь, но затѣмъ привыкаешь очень скоро, и движенія, стоя на лошади, доставляютъ большое удовольствіе.

Я въ это время уже твердо ѣздилъ, стоя на двухъ лошадяхъ, что сравнительно гораздо легче, а потому предложилъ Цесаревичу попробовать встать, опираясь на меня. Его Высочество рѣшился, всталъ и затѣмъ былъ очень доволенъ.

Когда циркъ Ренца уѣхалъ—гимнастика была замѣнена фехтованіемъ на сабляхъ и пикахъ, а подъ конецъ также верхомъ.

На одномъ балѣ у Цесаревича въ котильонѣ были внесены цирковые обручи съ бумагой, гирлянды, ленты и т. п. цирковыя принадлежности, черезъ которыя съ неподдѣльнымъ весельемъ прыгали и скакали во время туровъ.

Въ это же время процвѣталъ нѣмецкій театръ съ такими актерами, какъ Раабе, Гааз, Лобе, Брюнингъ; и по субботамъ Цесаревичъ съ Великой Княгиней Маріею Ѳеодоровной, а также Великій Князь Николай Николаевичъ, Владиміръ и Алексѣй Александровичи и большинство изъ насъ проводили вечеръ въ Александровскомъ театрѣ.

Въ Красномъ Селѣ Его Высочество любилъ въ свободное время дѣлать пикники, въ особенности весело проводили время на рыбной ловлѣ въ Ропшѣ, или Таицахъ.

Великій Князь любилъ поварское искусство и очень вкусно собственноручно готовилъ „шмургель“—блюдо въ родѣ „boeuf à la Stroganoff“—уху изъ ершей и въ особенности жаренаго на вертелѣ барана.

Въ программу нашихъ пикниковъ обязательно входили два блюда: шмургель и баранина.

Великій Князь жарилъ барана $1^1/_2$ часа, поливая его крѣпкимъ разсоломъ; когда кожа начинала румяниться, лопаться и выпускать струйки пара — жаркое было готово и ни съ чѣмъ несравнимо по своему вкусу.

Д. А. Скалонъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Темное Царство.

(Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка).

I.

Ряды теперь и прежде.

Торговые ряды въ Китаѣ-городѣ считаются одною изъ главныхъ достопримѣчательностей современной Москвы. Дѣйствительно, на первый взглядъ это сооруженіе академика Померанцева поражаетъ зрителя своею грандіозностью: между магазинами широкіе проходы, которымъ могутъ позавидовать иныя улицы Москвы, настоящее стекляное небо вмѣсто потолка, масса свѣта и простора. Но осмотрѣвшись, замѣчаешь, что это монументальное сооруженіе не свободно отъ недостатковъ: много свѣта и простора въ проходахъ, но лавки темны и тѣсны, между лавками то и дѣло попадаются темные, непріятные и неопрятные лазы въ подвальный этажъ, полъ некрасиво пестритъ круглыми покрытыми корабельными стеклами отверстіями, освѣщающими подвалъ, въ широчайшихъ проходахъ публика теряется, и они кажутся пустынными; на центральномъ перекресткѣ мизерный сухой фонтанъ, увѣнчанный неизящнымъ выкрашеннымъ подъ серебро кувшиномъ и лѣтомъ осѣненный чахлыми кустами табака, фонтанъ въ родѣ тѣхъ, какіе устраиваютъ на собственныхъ дачахъ купцы съ большими претензіями и съ малымъ вкусомъ. Кажется, что суть здѣсь не въ торговлѣ, не въ лавкахъ, а именно въ этой показной монументальности, въ этой „высотѣ поднебесной“, что это какой-то устроенный въ Хрустальномъ Дворцѣ, не совсѣмъ удавшійся базаръ со скучающими безъ дѣла продавцами и немногочисленной фланирующей публикой. Общее впечатлѣніе пустоты, неуютности и нехозяйственности.

Иное впечатлѣніе производили старые уничтоженные въ 1886 г. ряды, хорошо еще памятные москвичамъ, родившимся въ 60-хъ или даже 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Эти разваливавшіеся холодные зимой, продуваемые сквозняками и тѣсные ряды, напоминавшіе базары Марокко и Самарканда, благодаря самой тѣснотѣ своей, казались оживленнѣйшимъ торговымъ центромъ, переполненнымъ товарами и покупателями; товары не умѣщались въ тѣсныхъ лавкахъ, ихъ выпирало наружу, и всѣ проходы были загромождены ящиками, тюками и цыбиками. Ряды были наполнены шумной толпой, покупавшей и торговавшейся до упаду; особые зазывалы трещали, какъ сороки, заманивая въ лавки покупателей.

Тогда не было многочисленныхъ пассажей, и всякій отъ великосвѣтской модницы до сѣраго мужика шелъ за покупками въ „городъ“, какъ тогда всѣ называли ряды. Въ толпѣ бродили торговцы со всякою снѣдью, сборщики на церковное строенье, нищіе, бѣгали и летали жившіе тутъ же голуби, и часто черезъ толпу безцеремонно протискивалась телѣга съ кладью.

Вообще старые ряды, заваленные товарами, съ оживленной толпой покупателей, оправдывали справедливость пословицы: не красна изба углами, а красна пирогами.

На этой азіатской ярмаркѣ были сильны православныя преданія. Въ рядахъ на каждомъ шагу встрѣчались иконы огромныхъ размѣровъ, украшенныя, если и не дорогими, то казистыми ризами съ неугасимыми лампадами, настоящее „божіе милосердіе“. Новые ряды не похожи на старые и въ этомъ отношеніи. Приличія ради въ концѣ каждой линіи и теперь помѣщена икона, но она поднята подъ самое стеклянное небо, не разберешь, какое это „явленіе“; передъ иконой виситъ фонарь, но что-то не видно въ немъ мерцающаго огонька лампады. Кромѣ того въ Среднемъ и во Владимірскомъ рядахъ арки, въ которыхъ помѣщены иконы, закрыты рамами и служатъ окнами для находящихся въ верхнемъ этажѣ складовъ и магазиновъ. Икона оказывается въ центрѣ окна и окружена выставленными въ окнѣ товарами: въ Среднемъ ряду икону окружаютъ еще терпимые паникадила, подсвѣчники и другія церковныя принадлежности магазина Захряпина; но во Владимірскомъ ряду Казанская икона Богородицы оказывается въ центрѣ окна магазина мебели и хозяйственныхъ принадлежностей; у всѣхъ четырехъ угловъ иконы на стеклѣ красуются подписи „умывальники“, „ванны“, „кровати“, „матрацы“, а сама икона выдѣляется на фонѣ этихъ и другихъ неизвѣстнаго назначенія хозяйственныхъ принадлежностей усовершенствованнаго типа, имѣя подъ собою бѣлый

ярлыкъ съ подписью „купальный душъ“ [1]). Что сказали бы торговавшіе въ старыхъ рядахъ многогрѣшные, но вѣровавшіе въ простотѣ душевной Титы Титычи и Самсоны Силычи о такомъ пренебреженіи къ святынѣ, на которое теперь равнодушно смотрятъ снизу занятые высокими предметами рядскіе конституціоналисты и соціалъ-демократы? Самыя названія рядовъ немногочисленны и почти всѣ безсодержательны: Казанскій, Ильинскій, Средній, Владимірскій, Ивановскій, Центральный, Мининскій, Пожарскій—вотъ и все! Какъ разнообразны и типичны были названія рядовъ и разныхъ мѣстъ стараго „города“, извѣстныя каждому москвичу! Кто не зналъ, напримѣръ, „Ножевой линіи“ съ ея галантерейными лавками и „шкафчиками“, шедшей по фасаду рядовъ противъ „Монумента“, какъ тогда называли памятникъ Минину и Пожарскому? Кто не зналъ Сундучнаго ряда съ его необыкновенно вкусными пирогами и квасами, „Глаголя“ (уголъ рядовъ на Ильинкѣ) съ его свободными отъ сахарина и другой химіи сластями, которыхъ съ нетерпѣніемъ ждали дѣти отъ своихъ уѣзжавшихъ въ „городъ“ матерей?

Насколько нынѣшніе ряды не похожи на упраздненные въ 1886 году ряды Екатерининской постройки, настолько эти послѣдніе сохраняли преданія и даже названія старыхъ рядовъ допетровской Москвы.

Въ XVII вѣкѣ въ рядахъ была самая тонкая спеціализація торговли по родамъ товаровъ, и въ силу этого названій рядовъ было великое множество. Однихъ рядовъ, торговавшихъ тканями и различными матеріалами для шитья одежды, было до двухъ десятковъ: Суровскіе ряды, Старый и Новый, получившіе названіе отъ города Сурожа въ Крыму, торговали заграничными „сурожскими (Матер. II, 1107) [2]) шелковыми матеріями и назывались иногда Суровскими-Шелковыми; дорогія отдѣлки къ одеждѣ продавались въ Кружевномъ-Золотномъ ряду, получившемъ названіе отъ „кружева“, обозначавшаго ажурные золотые и серебряные аграманты и тому подобныя богатыя нашивки. Сукнами торговали въ Суконныхъ рядахъ, изъ которыхъ одинъ назывался Московскимъ, а другой Смоленскимъ. Болѣе дешевыми тканями и прикладомъ торговали въ рядахъ Холщевомъ, Кумащетомъ, Крашенниномъ, Покромномъ и Завязочномъ; въ рядахъ былъ особый Нитный перекрестокъ; иглы и другой мелочной галантерейный то-

[1]) Такъ было лѣтомъ 1908 года.

[2]) Тамъ цитируются Забѣлина «Матеріалы для Исторіи, Археологіи и Статистики города Москвы».

варъ можно было покупать въ Игольномъ и Щепетильномъ рядахъ. Къ суконнымъ рядамъ приближался Стригольный Овчинный рядъ, въ которомъ „били шерсть“ (Пр. 1512, 43) [1]). Мѣха и пухъ, въ томъ числѣ и бобровый, продавались въ рядахъ Соболиномъ, Скорняжномъ и Пушномъ или Пушномъ Бобровомъ. Кожаное производство находило сбытъ въ рядахъ Мѣшинномъ (мѣшинъ-кожа), Юхотномъ, Сафьянномъ и Ирошномъ или Иршаномъ, въ которомъ торговали не только замшею и лайкою [2]), но и ремнями изъ оленьей и телятинной кожи; по роду товаровъ къ нимъ приближались ряды Плетной и отчасти Сырейный съ продуктами сырейнаго (живодернаго) производства. Мыло продавалось въ Мыльномъ ряду, необходимыя для старинныхъ красавицъ румяна и бѣлила—въ Бѣлильномъ ряду. Одежда продавалась въ рядахъ Кафтанномъ, гдѣ продавались и женскія тѣлогрѣи, Шубномъ, Епанечномъ; поношеннымъ платьемъ торговали въ Ветошномъ ряду, куда и царицы посылали купить опашень суконный для какой-нибудь „бабки Анны“; особый Манатейный рядъ продавалъ одежду для многочисленнаго иноческаго чина; тамъ же продавалась и хлопчатая бумага (вата), отъ чего рядъ назывался и Манатейнымъ Бумажнымъ. Головные уборы продавались въ Шапочныхъ рядахъ, одномъ Мужскомъ, другомъ Женскомъ, гдѣ можно было купить и „болванъ шапочный“, т. е. манекенъ для шитья шапокъ; были кромѣ того особые ряды Кишной, т е. Кичный и Треушный. Обувью торговали въ рядахъ Чулочномъ, Сапожномъ, Сапожномъ Красномъ, Башмачномъ; былъ особый Сапожный Ветчаный рядъ для торговли старой обувью; ряды Голенищный и Подошевный торговали сапожнымъ товаромъ; не имѣвшіе денегъ на сапоги могли купить обувь въ ряду Лапотномъ. Чтобы одѣться съ ногъ до головы, надо было зайти въ рядъ Кушачный и Рукавичный [3]).

Люди военные обращались въ ряды Саадачный и Самопальный, изъ которыхъ первый торговалъ принадлежностями стараго лучнаго боя, а послѣдній огнестрѣльнымъ оружіемъ. При извѣстномъ благочестіи нашихъ предковъ хорошо торговали ряды Колокольный и Иконный, въ которомъ кромѣ иконъ можно было купить и „два зубка серебряныхъ“ для привѣса къ иконѣ зубного

---

[1]) Ссылки на хранящіеся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи столбцы Разряда дѣлаются такъ: Пр.—Приказный столъ, М.—Московскій столъ, Б.—Бѣлгородскій столъ.

[2]) Иршить—выдѣлывать замшу, рукавици иршаныя—лайковыя (Дом. Бытъ Царицъ, 635).

[3]) М. 1000, ст. 2, 10, 17; Пр. 1250, 37; 1512, 77, 252; Бытъ Царицъ. 120, 126, 129.

цѣлителя Св. Антины. Церковныя книги продавались въ Книжномъ ряду, а церковная утварь съ прочими издѣліями изъ драгоцѣнныхъ металловъ въ ряду Серебряномъ; въ рядахъ былъ и особый Жемчужный перекрестокъ.

Металлическими издѣліями торговали ряды Желѣзный, Котельный, гдѣ можно было купить и „сосуды церковные“, которые тогда часто бывали оловянные, Ножевый, Скобяной и Замочный. Стекло продавалось въ рядахъ Зеркальномъ, Оконичномъ, гдѣ торговали и фонарями, и Фонарномъ, посуда — въ Судовомъ и Горшечномъ, разныя вещи для домашняго обихода — въ рядахъ Коробейномъ, Лубяномъ, Веревочномъ (пр. 1061, 174), Свѣчномъ и Восковомъ (или Вощинномъ) [1]); были не только ряды Сѣдельный и Тѣлежный [2]), но и Деготный и даже Золяной. Красками и москотильнымъ товаромъ торговали въ рядахъ Москотильныхъ и Красильномъ; въ ряду Зелейномъ или Мазномъ Зелейномъ можно было купить не только лѣкарственныя травы—зелья или „струю боброву и сало барсучье“, но и „снасть лѣкарскую съ бентюхомъ (несессеромъ?) съ мазьми и пластырьми“. Весьма многочисленны были ряды, кормившіе москвичей; были ряды Ветчинный и Маслянный, въ которомъ торговали „масломъ и сыромъ и яицами и ветчиною“, Молочный, Крупяной, Медовый или Медвянный, Соляной и Уксусный. Рыбные ряды раздѣлялись на Рыбный Свѣжій и Рыбный Просольный, Селедочный. Вандышный (Сняточный) и особые ряды, гдѣ торговали бѣлой рыбицей и паровыми сельдями. Бакалеей и фруктами торговали въ рядахъ Овощныхъ, Орѣшномъ, Яблочномъ, Дынномъ, Ягодномъ, Огуречномъ, Капустномъ, Луковомъ и Чесноковомъ, сѣменами—въ Сѣменномъ, грибами—въ Грибномъ. Ряды Харчевой Хлѣбный и Калачный [3]), Пирожный, Пряничный торговали не только на выносъ, но и удовлетворяли аппетитъ толпившихся въ Китаѣ-городѣ торговцевъ и покупателей. Ряды иногда соединялись другъ съ другомъ въ одинъ, уничтожались, переводились съ мѣсто на мѣсто; одни товары замѣнялись другими, совершенно не похожими на прежніе; такъ что въ концѣ XVII вѣка Судовой рядъ занялъ мѣсто Собольного, Ново-Сурожскій—Книжнаго, Масляный—Самопальнаго. Кромѣ лавокъ въ собственномъ смыслѣ въ рядахъ торговали на ларяхъ, рундукахъ (ларяхъ-прилавкахъ), скамьяхъ; въ Щепетильномъ Игольномъ ряду были „придѣлки

---

[1]) Упоминается ряды Меловой и Сальный (Матер. II, 1177).

[2]) Телѣжный рядъ былъ и на Болотѣ (Пр. 1867. 1—4).

[3]) Калачники раздѣлялись на торгующихъ сдобными и торгующихъ столовыми калачами.

каменные", въ Кичномъ Холщевомъ—„коробки, въ которыхъ торговали кичнымъ товаромъ", въ Сурожскомъ Шелковомъ ряду „ящики шелковые"; мелочными товарами торговали или „походячимъ" торгомъ или на опредѣленныхъ мѣстахъ въ коробьяхъ, лукошкахъ, векахъ и ночвахъ (лоткахъ). Для продажи напитковъ въ рядахъ были „погребы, въ которыхъ торговали красными заморскими питьи" и „въ розныхъ мѣстѣхъ" стояли „кади квасныя" съ „ячнымъ квасомъ", „бочки" со „становымъ квасомъ", „сусленные кувшины"; въ Коробейный рядъ, какъ позже въ Сундучный, ходили „пить квасу". Въ Сѣменномъ ряду стояла „бочка уксусника", а въ Вындышномъ „чаша перечная". Въ нѣкоторыхъ рядахъ, именно помѣщавшихся на Красной Площади отдѣльно отъ главнаго зданія рядовъ, „для уличнаго простору" было запрещено ставить лавки. Это собственно были не ряды, а просто на какомъ-нибудь участкѣ площади отводились мѣста, на которыхъ торговцы торговали извѣстными товарами подъ тѣми или другими прикрытіями, въ родѣ того, какъ теперь торгуютъ на Сухаревкѣ или на Толкучкѣ. Въ Щепетильномъ и Игольномъ ряду было велѣно „лавокъ не ставить, а поставить скамьи и покрыть тесомъ на столбахъ"; въ Бѣлильномъ—„торговали въ коробьяхъ, накрывся въ шалашахъ", т. е., по современному, въ кіоскахъ; въ ряду со столовыми калачами торговцы должны были торговать на „скамьяхъ покрывся на лучкахъ (дугахъ) рогожами (въ родѣ кибитокъ) въ ненастный день, а въ ведряный день на векахъ, не покрывся"; въ Золяномъ ряду въ виду неприхотливости товара торговали „золою въ лукошкахъ безъ шалашей, не накрывся" [1]).

Сообщ. В. Шереметевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Пр. 1061, 22, 52, 124, 174; 1512, 292; Б. 1360, 320; Матер. II, 1122, 1136, 1163—1168, 1182—1188, 1303.

Записки сенатора Есиповича [1].

19 мая.

Быть можетъ, кто-нибудь изъ моихъ далекихъ потомковъ, въ мирныя, тихія и спокойныя времена, читая эти рѣзкіе отзывы о нашихъ настоящихъ злодѣяхъ, тайныхъ убійцахъ и поджигателяхъ, осудятъ меня за суровость моихъ осужденій объ этихъ преступникахъ; но я смѣю думать, что критикъ мой будетъ, въ такомъ случаѣ, неправъ.

Если теперь на разстояніи многихъ вѣковъ мы не можемъ безъ негодованія вспомнить о томъ, что Неронъ, для своей потѣхи, сжегъ Римъ, то можемъ ли мы хладнокровно и кротко разсуждать о современныхъ намъ злодѣяхъ, преступленія которыхъ столь же, если не болѣе отвратительны? Впрочемъ негодованіе мое не единичное и не исключительное: всѣ имъ проникнуты одинаково и въ равной степени. Историкъ нашего времени прочтетъ это негодованіе во всѣхъ газетахъ, и русскихъ и иностранныхъ; но такъ какъ ему конечно будутъ попадаться газеты наиболѣе извѣстныя и распространенныя, то я укажу здѣсь на статью газеты мало извѣстной и мало распространенной. Въ „Кіевлянинѣ“ по поводу политическихъ процессовъ напечатана статья, перепечатанная въ № 35—Голоса, которая такъ же сильно характеризуетъ этихъ преступниковъ, какъ любая большая газета и какъ каждый честный человѣкъ.

Затѣмъ, можетъ быть, кому-нибудь придетъ въ голову мысль, что вотъ 13 лѣтъ тому назадъ былъ Верховный уголовный судъ 1866 года, который судилъ такихъ же преступниковъ, осудилъ ихъ, но не устрашилъ ихъ послѣдователей. Такое разсужденіе будетъ

---

[1]) См. „Русская Старина“ Апрѣль 1909 г.

тоже ошибочно: судъ не сосредоточиваетъ въ себѣ всей жизни народной и государственной, какъ совѣсть не совмѣщаетъ въ себѣ одной всего человѣка. Напримѣръ, развѣ Вер. судъ 1866 г. могъ устранить войну 1877 и 1878 годовъ. А эта война развѣ не произвела бѣдности и нищеты, не взбаломутила подонки общества, не перепутала понятія о правѣ и законѣ, не возбудила страстей, не вызвала на свѣтъ Божій такія дѣла и такихъ людей, какихъ всякая война непремѣнно выводитъ и выказываетъ на зло и горе человѣчеству? Война разрываетъ и разрушаетъ всѣ тѣ связи и основы, о созданіи которыхъ заботилось человѣчество; война, вмѣсто разумныхъ и нравственныхъ основъ, вноситъ въ жизнь народовъ стихійное начало, а такое начало, когда оно разъигралось, трудно покорить опять разуму, совѣсти и закону. Вотъ почему, послѣ каждой большой войны совершаются частныя кровавыя преступныя катастрофы, пока наконецъ не успокоится и не придетъ въ нормальный порядокъ взволнованный міръ. Вотъ почему всѣ завзятые революціонеры и бунтовщики всегда радуются каждой начинающейся войнѣ, какъ своей вѣрной пособницѣ и покровительницѣ. Война это такое зло, которое ни съ чѣмъ сравнимо быть не можетъ; а держится это зло въ мірѣ только потому, что безумію человѣческому или просто сказать глупости человѣческой предѣловъ нѣтъ и вѣроятно никогда не будетъ.

Бѣдное, жалкое, глупое человѣчество!...

Но не надо увлекаться миражами: войны словами и литературными замѣтками не устранишь, тѣмъ болѣе, что война оборонительная должна быть признана вполнѣ законною. Вотъ почему нельзя ничего сказать и противъ войска. Оно существенно необходимо и желательно главнымъ, и можетъ быть единственнымъ, образомъ, для того, чтобъ предохранить себя отъ войны. Войско необходимо для того, чтобъ не было войны. Безъ него иноземные сосѣди разграбятъ государство, какъ безъ существованія власти въ государствѣ, внутренніе сосѣди ограбили бы каждаго мирнаго гражданина. И такъ я стою за войско и за оборонительную войну, но всегда былъ и буду противъ войны наступательной. Во всякомъ случаѣ однако же хотя нельзя не признать, что война оборонительная несчастье, а война наступательная преступленіе народное, но послѣдствія и той и другой всегда бываютъ гибельны; послѣ нихъ непремѣнно наступаютъ болѣе или менѣе тревожныя времена. Прежде, въ старину, послѣ каждой большой войны начинались грабежи и разбои, теперь къ этому злу присоединилось еще большее: теперь противники общественнаго порядка и мирнаго развитія народовъ пользуются временемъ утомленія послѣ тяжкихъ

войнъ для того, чтобъ производить свои преступныя смуты и свои безнравственныя дикія оргіи, въ родѣ поджоговъ и убійствъ въ Парижѣ коммунарами послѣ войны франко-германской, въ родѣ такихъ же поджоговъ и убійствъ нигилистами у насъ, послѣ послѣдней восточной войны. Само собою разумѣется, если истерзанная и измученная проигранною войною Франція легко и скоро справилась тогда съ своими коммунарами, имѣвшими не только вооруженную силу, но и сочувствіе въ значительной части населенія Парижа и другихъ большихъ городовъ, то еще легче справится Россія съ своими ничтожными нигилистами, не имѣющими никакой силы и никакого сочувствія ни въ одномъ изъ сословій русскаго народа. Да и какого сочувствія могла бы ожидать эта бѣшеная шайка, въ которой нѣтъ никакихъ руководящихъ началъ и идей? Стоитъ только вспомнить исторію соціально-коммунистическихъ бредней и смутъ въ Россіи, чтобъ убѣдиться въ полномъ ихъ безсиліи и ничтожествѣ.

Если не ошибаюсь, первый большой процессъ коммунистовъ былъ въ 1848 г. Это было дѣло Петрашевскаго съ товарищами. Петрашевскій считалъ себя проповѣдникомъ коммунистическихъ идей; въ этомъ званіи собиралъ дворниковъ, водовозовъ и извозчиковъ, произносилъ имъ коммунистическія поученія и за прилежное выслушиваніе платилъ по гривеннику и пятіалтынному; ничему, разумѣется, ихъ не научилъ, но самъ угодилъ къ позорному столбу и на каторгу.

Потомъ слѣдуетъ въ 1866 г. дѣло Ишутина, Страндена и компаніи. Эти болтуны болтали, болтали и убѣдились сами, что ничего не понимаютъ въ томъ, о чемъ болтаютъ, а потому рѣшились освободить изъ каторги Чернышевскаго, чтобъ онъ ихъ поучилъ, какъ и что болтать; но Чернышевскаго не освободили, а наболтали Каракозова и сами ушли на каторгу, отправивъ продуктъ своей болтовни—Каракозова—на висѣлицу.

Нынѣшніе тайные убійцы и поджигатели, кажется, уже отчаялись разрѣшить какую-либо соціальную задачу разумнымъ человѣческимъ способомъ, да повидимому и не понимаютъ, какая задача могла бы и должна бы подлежать разрѣшенію; имъ попалась какъ-то на глаза безумно преступная чья-то фраза: „анархія, разрушеніе, истребленіе—вотъ вашъ идеалъ“! И пошли и пошли они неистовствовать! Но пошелъ кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить.

20 мая.

Анархія, разрушеніе, истребленіе!.. вотъ ихъ программа. „Упразднить религію, государство, общество, семью, собственность,

самого человѣка"! вотъ ихъ цѣли... А потомъ что? Ничего! Nihile! отъ того они и нигилисты... Уничтожить, разорить, разрушить, истребить все и оставить современнаго человѣка (сколько его останется) скитаться среди развалинъ, труповъ, пепелищъ. Да объ этомъ стоитъ подумать хоть минуту, чтобъ сдѣлаться самымъ горячимъ приверженцемъ какого бы то ни было правительства, хотя бы это было правительство Наполеона III. Что тутъ разсуждать о недостаткахъ и даже злоупотребленіяхъ какого бы ни было правительства, когда на мѣсто его вамъ предлагаютъ анархію, истребленіе и разрушеніе всего, что вамъ дорого и мило, безъ чего вамъ жить нельзя, безъ чего никто жить не согласится.

Наполеонъ III очень хорошо это понималъ и въ трудныя для него минуты, когда усиливалась оппозиція, показывалъ Франціи призракъ кровавой коммуны, и Франція становилась за него. Его называли плутомъ и мошенникомъ, но въ этомъ онъ былъ правъ: какое же могло быть сравненіе между нимъ и краснымъ коммунаромъ. При немъ можно было жить и дышать, чувствуя себя человѣкомъ, надѣясь на лучшее будущее; а при коммунѣ лучшее, чего можно было желать, это смерть по возможности безъ страданій мученичества, ибо предлагала она, коммуна, ни болѣе ни менѣе какъ позорную, скотскую жизнь грубаго одичалаго стада, съ уничтоженіемъ всякаго проявленія человѣческой личности и всякаго проблеска свободы. Вотъ какими благодѣяніями хотятъ и насъ надѣлить современные нигилисты, тайные убійцы изъ-за угла и поджигатели!..

Вотъ почему мы не находимъ достаточно сильныхъ словъ, чтобъ выразить наше негодованіе, презрѣніе и ненависть къ этой гнусной и безумно-бѣшеной шайкѣ преступниковъ и злодѣевъ. Поймутъ ли это наши потомки?

Я съ своей стороны, изъ любви къ нимъ, къ своимъ дѣтямъ и внукамъ, желаю, съ пожертвованіемъ своей умственной репутаціи, чтобъ они жили при такой обстановкѣ и при такихъ обстоятельствахъ, которыя сдѣлали бы для нихъ невозможнымъ представленіе о существованіи такой варварской шайки, какая смущаетъ нашу современную жизнь: пусть лучше упрекнутъ они меня въ преувеличеніи этого позорнаго и безпутнаго зла, нежели будутъ поставлены въ необходимость бороться съ нимъ, какъ мы должны бороться, вмѣсто того, чтобы употреблять свои силы на развитіе и усовершенствованіе своей частной, общественной и государственной жизни...

Но можетъ быть они, наши потомки, упрекнутъ насъ въ томъ, что мы не умѣли усовершенствовать своей жизни до такой степени,

чтобъ сдѣлать невозможнымъ появленіе такихъ невообразимыхъ негодяевъ? Тогда мнѣ останется отвѣтить имъ только одно: la critique est aisée, mais l'art est difficile.

Не все то легко, что легкимъ кажется, не все такъ дѣлается, какъ хочется. Поживите—увидите...

29 мая.

Вчера на Смоленскомъ полѣ (здѣсь въ Петербургѣ) казненъ преступникъ, стрѣлявшій въ Государя 2 апрѣля, Соловьевъ.

Я всегда былъ противъ смертной казни, какъ всегда былъ и буду противъ войны. Какъ судья, я никогда не былъ въ необходимости постановлять приговоры о смертной казни; какъ секретарь Верховнаго уголовнаго суда 1866 г. я скрѣпилъ два такихъ приговора: одинъ о Каракозовѣ, исполненный, другой о Ишутинѣ, не приведенный въ исполненіе вслѣдствіе помилованія. Но секретарь въ судахъ, образованныхъ по уставамъ 1864 г., какимъ былъ и Верховный уголовный судъ 1866 г., не участвуетъ въ постановленіи приговоровъ и рѣшеній, онъ только констатируетъ то, что въ нихъ постановлено, какъ вообще констатируетъ все, происходящее на судѣ. Я обязанъ былъ по закону объявить оба означенные смертные приговоры, но объявленіемъ ихъ моя роль кончалась;—наблюдать за приведеніемъ ихъ въ исполненіе обязанъ былъ министръ юстиціи, а потому я, объявивъ приговоръ суда о Каракозовѣ, не считалъ себя обязаннымъ смотрѣть, какъ его будутъ вѣшать, и былъ можетъ быть одинъ изъ сотни тысячъ сбѣжавшихся въ тотъ день на Смоленское поле зрителей, который по закону былъ обязанъ быть тутъ, но не считалъ себя обязаннымъ видѣть самую казнь и не видалъ ея. Само собою разумѣется, что я не видалъ и казни Соловьева, при которой, конечно, не присутствовалъ (да и вообще въ этомъ дѣлѣ я не принималъ никакого участія).

Изъ газетъ я знаю, что смертная казнь совершена. Преступленіе его впрочемъ таково, что въ исходѣ суда не могло быть конечно сомнѣнія. Да никто и не сомнѣвался. Но всякое преступленіе принадлежитъ не одному только тому, кто его совершилъ; оно непремѣнно имѣетъ предшествовавшую исторію, близкія и отдаленныя причины, поводы, подъ вліяніемъ которыхъ зародилось, созрѣвало, совершилось. Одинъ французскій юристъ причину всякаго тяжкаго преступленія приписывалъ женщинѣ: „Ou on est la femme?“ спрашивалъ онъ обыкновенно, когда оглашалось одно изъ такихъ преступленій. Искать причину всякаго важнаго преступленія въ женщинѣ конечно односторонне; но кажется, не будетъ ни малѣйшей неосторожности искать причины и поводы каждаго такого преступ-

ленія въ средѣ, въ которой жилъ, выросъ, созрѣлъ преступникъ; а образованіе той или другой среды возможно, безъ сомнѣнія, только при извѣстныхъ условіяхъ; извѣстныя условія создаются даннымъ временемъ, даннымъ обществомъ. Слѣдовательно, отвѣтственность за преступленіе придется непремѣнно раздѣлить между преступникомъ и всѣми условіями, всѣми, образовавшими его; но если вы казните преступника смертію, то вы всецѣло и безраздѣльно казните его одного и отъ наказанія, назначеннаго за преступленіе, ничего не останется для тѣхъ, кто можетъ быть столько же, если не болѣе, виновенъ, какъ и онъ, ибо вы израсходовали все наказаніе (всю смертную казнь, которая недѣлима, и ни уменьшена, ни увеличена быть не можетъ) на одного только его, а другимъ ничего не осталось. Справедливо ли это?

Но о смертной казни такъ много говорено и писано pro и contra, что трудно сказать что-нибудь новое, и желательно было бы не имѣть уже болѣе надобности говорить о ней иначе, какъ объ отжившемъ, упраздненномъ, варварскомъ институтѣ грубыхъ и безпощадныхъ временъ человѣческой дикости.

30 мая 1879 г.

Тринадцать лѣтъ тому назадъ Верховный уголовный судъ заявилъ на всю Россію о броженіи соціалистическихъ идей въ нѣкоторыхъ кружкахъ молодежи, о нелѣпыхъ и преступныхъ замыслахъ ихъ подѣлить собственность, произвесть насильственными мѣрами экономическій, соціальный и государственный переворотъ, не отступая даже отъ истребленія правительства и отъ цареубійства. Замѣчательно, что всѣ молодые люди, которые судились В. у. судомъ 1866 г. за эти преступныя идеи и которые хотѣли передѣлать Россію, не только не знали, но даже не имѣли понятія о томъ, что въ ней дѣлается, такъ что всѣ они лишь на судѣ узнали о судебной реформѣ 1864 г...

Спрашивается, какія же мѣры приняты для противодѣйствія этимъ разрушительнымъ идеямъ? Усилили кое-гдѣ составъ жандармской стражи, завели урядниковъ, да министръ народнаго просвѣщенія, приналегъ подъ указкою Каткова, надъ пріумноженіемъ классическаго образованія до такой степени, что большая часть начинавшихъ учиться не могли кончить своего образованія и были высылаемы изъ гимназій съ волчьимъ паспортомъ, съ которымъ многіе и поступали прямо въ революціонныя шайки. Такъ было до послѣдняго времени, когда завели генералъ-губернаторства, которыя приналегли на дворниковъ, на паспорты, на обезоруженіе мирнаго и спокойнаго населенія потому что враждебное своего оружія не покажетъ) и на лите-

ратуру, т. е. журналистику, чтобъ та притихла. Господи! Да она ужъ давно притихла, ее даже и совсѣмъ-то не было никогда. А не ея ли дѣло было бороться съ тѣми разрушительными идеями, существованіе которыхъ раскрыто было приговоромъ Верховнаго уголовнаго суда 1866 г. о Ишутинѣ и прочихъ 39 государственныхъ подсудимыхъ.

Съ прискорбіемъ я долженъ замѣтить, что литература и журналистика въ этомъ случаѣ не исполнили своей обязанности передъ обществомъ и государствомъ. Ихъ была обязанность оберегать русскую молодежь и русское общество отъ распространенія и принятія тѣхъ разрушительныхъ идей, противъ которыхъ ратовалъ Верховный уголовный судъ, ихъ была обязанность бороться съ этими идеями, опровергать ихъ, не давать имъ хода, бить ихъ тѣмъ, чѣмъ только и возможно убить идею—силою слова и убѣжденія. Онѣ этого ничего не исполнили, онѣ старались обходить эту сторону жизни, ничего не говорить о ней или говорить только на ходуляхъ, какъ будто извиняясь передъ тѣми болтунами, которыхъ должны были напротивъ того тѣснить и преслѣдовать до принужденія замолчать и прекратить свою преступную болтовню. Но нѣтъ, онѣ боялись скомпрометтироваться, показаться отсталыми, не довольно либеральными.

Жалкая, недостойная роль.

Быть можетъ, читатель спроситъ: да что же вы сами-то ничего по этому предмету не писали? Вѣдь перо у васъ въ рукахъ тоже было? Въ оправданіе свое я вынужденъ сказать, что еще въ 1862 г. была напечатана мною въ наиболѣе распространенной тогда газетѣ „Сынъ Отечества“ № 182 статья „Безъ чего жить нельзя“. Какъ она ни ничтожна, но смѣю думать, если бы побольше и почаще было писано въ этомъ духѣ, меньше было бы у насъ безумныхъ нигилистовъ...

---

963 ст. п. 3 Уст. уголов. судопр.: „По доставленіи осужденнаго на мѣсто казни, прокуроръ, распоряжающійся исполненіемъ приговора, поручаетъ сопровождающему его секретарю суда прочесть приговоръ во всеуслышаніе“.

964 ст. „Объ исполненіи обряда публичной казни составляется протоколъ за скрѣпою секретаря и за подписью прокурора“.

Прокуроромъ въ Верховномъ У. судѣ по дѣлу Соловьева былъ министръ юстиціи Набоковъ, секретаремъ суда былъ статсъ-секретарь Госуд. Совѣта Шамшинъ. Распоряжался исполненіемъ приговора В. У. суда о Соловьевѣ министръ юстиціи, а объявлялъ приговоръ не секретарь этого суда Шамшинъ, а оберъ-прокуроръ Се-

ната Бѣлостоцкій. Такъ, по крайней мѣрѣ, передаютъ это петербургскія газеты. Слѣдовательно, порядокъ, установленный судебными уставами, не соблюденъ, а смыслъ этого порядка ясенъ: надо, чтобъ были два независимыхъ другъ отъ друга лица—бывшій обвинитель—прокуроръ и секретарь суда, разсматривавшаго обвиненіе и постановившаго приговоръ; надо, чтобъ приговоръ былъ объявленъ не обвинителемъ и не подчиненными ему органами, а независимымъ отъ него секретаремъ суда; надо, чтобъ о обрядѣ казни былъ составленъ протоколъ опять таки двумя независимыми другъ отъ друга лицами—прокуроромъ и секретаремъ суда. Такъ надо, но отчего же не такъ сдѣлано.

Надо, чтобъ законъ исполнялся, какъ бы ни казались безразличными послѣдствія отъ того или другого видоизмѣненія порядка исполненія, когда предписано исполнять такъ, а не иначе. Какъ можно предвидѣть, что можетъ случиться при уклоненіи отъ того, что предписано исполнять въ такомъ важномъ, такомъ безповоротномъ дѣлѣ, какъ смертная казнь.

Слухи ходятъ, что собравшійся на Смоленскомъ полѣ народъ, при видѣ осужденнаго Соловьева, не только не выказалъ ему никакого сожалѣнія, но даже отнесся къ нему враждебно. „Собакѣ собачья смерть“, слышалось между зрителями.

Вотъ еще новое доказательство безсилія всей этой безумной и неистовой шайки, которая называетъ себя русскою соціально-революціонною партіею. Народъ презираетъ ее и ненавидитъ. Этого ли ей еще хотѣлось?

17 октября 1879 г.

Изъ политическихъ процессовъ, производившихся въ послѣднее время, выяснилось, что многіе изъ подсудимыхъ, называющихъ себя членами русской соціально-демократической партіи, просто воры и мошенники, которыхъ даже собственные ихъ товарищи называютъ жуликами, промышляющими по карманамъ публики. Но повидимому имъ казалось благовиднѣе, вмѣсто простого тасканья изъ кармановъ часовъ, платковъ, денегъ и т. п., прикрывать эти всѣми презираемые поступки краснымъ рубищемъ соціализма и коммунизма. Правда, что эти жулики, воришки и мошенники не останавливались иногда и передъ совершеніемъ тяжкихъ преступленій, напр. убійствъ; но развѣ обыкновенные воры и грабители, вовсе не думающіе драпироваться въ отрепья коммунизма, не доходятъ очень часто также до убійствъ и поджоговъ.

Тутъ нѣтъ ничего ни новаго, ни необыкновеннаго въ лѣтопи-

сяхъ человѣческихъ преступленій; но надобно только, чтобъ здоровая, честная публика поняла совершенно ясно, что независимо отъ негодованія, которымъ она проникнута къ тайнымъ убійцамъ изъ за угла и поджигателямъ, называющимъ себя соціалъ-демократами, она имѣетъ несомнѣнное право презирать ихъ наравнѣ со всѣми тѣми мелкими воришками и плутишками, которыхъ она заклеймила названіемъ жуликовъ. Существенно необходимо, чтобъ сорвана была съ нихъ и эта маска политическихъ и соціальныхъ убѣжденій и увлеченій, и чтобъ предстали они въ естественномъ своемъ видѣ людей противозаконной наживы, наживы какъ бы то ни было и во что бы то ни было, людей, не желающихъ жить трудомъ, а промышляющихъ мошенничествомъ и обираніемъ ближняго, людей, прототипъ которыхъ теряется въ первыхъ вѣкахъ исторіи человѣчества. Слѣдовательно, типъ этотъ знакомъ человѣчеству болѣе 70 столѣтій, былъ всегда имъ осмѣиваемъ, презираемъ; никогда не былъ ему симпатиченъ, и надобно надѣяться, что никогда симпатиченъ не будетъ.

А что онъ никогда симпатиченъ сдѣлаться не можетъ, въ этомъ ручается принятая нашими нигилистами программа отрицанія собственности, семьи и личной свободы, безъ которыхъ человѣчество жить не можетъ, какъ не можетъ оно жить безъ воздуха, пищи и воды. Убѣжденіе въ неосуществимости и безплодности усилій такъ называемыхъ нигилистовъ возбуждаетъ еще большую досаду на то, что надо тратить дорогое время на борьбу съ этими пустыми, вѣтренными мельницами. Ужъ лучше бы просто брали они и грабили, не подкрашивая своихъ гаденькихъ дѣлъ пустыми и звонкими фразами соціализма и коммунизма: по крайней мѣрѣ это не смущало бы иныхъ слабоумныхъ и тупоумныхъ людей, въ простотѣ ихъ сердечной...

Я вообще, долженъ признаться, очень мало вѣрю добросовѣстности даже главныхъ вожаковъ соціализма и коммунизма, проповѣдывающихъ разрушительныя и насильственныя мѣры для приведенія въ дѣйствіе ихъ ученій. Не вѣрю я ихъ добросовѣстности уже потому, что, допустивъ ее, слѣдовало бы придти къ убѣжденію въ ихъ глупости, при которой они не могли бы сдѣлаться вожаками своихъ шаекъ. А глупость ихъ была бы ясна изъ того, что они считали бы возможнымъ всѣ убѣжденія, весь строй человѣчества измѣнить насиліемъ и разрушеніемъ, тогда какъ невозможность этого положительно доказана всею исторіею человѣчества, которая ясно свидѣтельствуетъ, что чѣмъ болѣе убѣжденія были преслѣдуемы, тѣмъ болѣе они укрѣплялись и распространялись. Противъ убѣжденій надо вести борьбу не огнемъ и мечемъ, а убѣжденіями же. Не

знать этого вожаки соціалистовъ и коммунистовъ не могутъ, а если зная это, они все-таки проповѣдуютъ насиліе и разрушеніе, то они поступаютъ недобросовѣстно, фальшиво и лицемѣрно, изъ однѣхъ личныхъ выгодъ, то есть они рекомендуютъ такія мѣры, безплодность которыхъ имъ вполнѣ извѣстна, но которыя выгодны почему-либо имъ самимъ лично. Въ этомъ очевиденъ съ ихъ стороны самый возмутительный эгоизмъ, тѣмъ болѣе, что не могутъ же они не знать, что надѣлять человѣчество какими.бы то ни было благами посредствомъ преступленія, истязаній и мученій—безумно и преступно.

Величайшее благо, какое можно было бы передать какому-нибудь дикому, языческому народцу, заключается безъ сомнѣнія въ передачѣ ему христіанства и христіанской нравственности, но кто же сомнѣвается теперь въ преступности и безсиліи тѣхъ, кто пытался сдѣлать это посредствомъ насилія, огня и меча. Приговоръ надъ инквизиціею уже произнесенъ исторіею безповоротно. Приговоръ надъ кровавою коммуною, проводящею свои идеи огнемъ и мечемъ, будетъ еще строже и безпощаднѣй.

Для меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что чѣмъ болѣе живетъ человѣчество, тѣмъ болѣе развивается оно умственно и нравственно, тѣмъ болѣе будетъ оно цѣнить, уважать и почитать тѣхъ великихъ людей, которые передавали ему свои глубокія, благія и мудрыя идеи путемъ наставленія и убѣжденія, и наоборотъ тѣмъ болѣе оно будетъ презирать и осмѣивать тѣхъ нахальныхъ наглецовъ, которые навязывали ему свои мысли и заблужденія силою и проводили ихъ въ жизнь огнемъ и желѣзомъ. Живучи только тѣ идеи, которыя привились человѣчеству сознаніемъ и убѣжденіемъ; всѣ тѣ же, которыя навязываются ему силою, безплодны, безсильны и обречены на погибель. Іисусъ Христосъ сказалъ: „вси пріемшіи ножъ, ножемъ погибнутъ“. Великая истина...

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. П. Ермоловъ въ Персіи.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, пользующійся среди своихъ соотечественниковъ столь блестящей извѣстностью какъ одинъ изъ славныхъ участниковъ отечественной войны и какъ знаменитый кавказскій дѣятель, до сихъ поръ не имѣетъ біографіи. Между тѣмъ обиліе матеріаловъ о жизни и дѣятельности А. П. Ермолова, сдѣлавшихся доступными для широкой публики по опубликованіи ихъ во многихъ историческихъ изданіяхъ и другихъ сочиненіяхъ, а также хранящихся въ разныхъ правительственныхъ и нѣкоторыхъ частныхъ архивахъ и собраніяхъ, даетъ, казалось бы, полную возможность современнымъ исторіографамъ посвятить А. П. Ермолову особое жизнеописаніе; предстоящіе же въ близкомъ будущемъ дни столѣтняго чествованія памяти великой войны 1812 г. представляютъ достаточныя основанія къ исполненію такого историческаго труда.

Въ надеждѣ на появленіе этого изслѣдованія, несомнѣнно достойнаго пера талантливаго историка, мы считаемъ не безполезнымъ въ настоящемъ краткомъ очеркѣ познакомить читателей „Русской Старины“ съ нѣкоторыми любопытными и отчасти новыми историческими данными, касающимися того періода дѣятельности А. П. Ермолова, который извѣстенъ въ исторической литературѣ подъ наименованіемъ путешествія Россійскаго Императорскаго Посольства въ Персію въ 1817 г. При этомъ мы имѣли въ виду, не касаясь сущности происходившихъ во время этого посольства дипломатическихъ переговоровъ и значенія достигнутыхъ ими результатовъ, очертить, на основаніи сдѣланныхъ нѣкоторыми участни-

ками посольства описаній, главнымъ образомъ внѣшнюю, такъ сказать, бытовую обстановку пребыванія нашего посольства въ предѣлахъ Персіи и взаимныхъ сношеній россійскаго посла съ повелителемъ Персіи и его ближайшими совѣтниками. Описанія эти открываютъ многія интересныя черты и свойства характера А. П. Ермолова, которому предстояло, во время этой миссіи, проявить свои способности, свой талантъ и энергію уже не въ качествѣ военноначальника или администратора, а въ новой для него роли дипломата [1]).

Обширный архивъ бумагъ и документовъ Алексѣя Петровича Ермолова, послѣ его смерти, по желанію А. П., перешелъ во владѣніе его племянника Николая Петровича Ермолова, какъ одного изъ ближайшихъ законныхъ его наслѣдниковъ и старшаго по немъ въ родѣ Ермоловыхъ. Передъ смертью (послѣдовавшей 29 января 1879 года) Николай Петровичъ передалъ всѣ эти бумаги брату своему Григорію Петровичу и сестрѣ Екатеринѣ Петровнѣ. Въ концѣ 1907 года камеръ-фрейлина Ихъ Императорскихъ Величествъ Ек. П. Ермолова, съ согласія своего брата, генералъ-лейтенанта Григорія Петровича Ермолова, передала большую часть этого архи-

---

[1]) Приступая къ настоящему очерку, не можемъ не вспомнить о другомъ посольствѣ, отправленномъ по волѣ Императора Александра I всего за 12 лѣтъ передъ тѣмъ, но окончившемся, какъ извѣстно, полной неудачей, а именно о посольствѣ графа Головкина въ Китай. Во главѣ этого посольства, обставленнаго русскимъ правительствомъ особою торжественностью, назначенъ былъ сенаторъ, оберъ-церемоніймейстеръ д. т. сов. графъ Юлій Александровичъ Головкинъ. Съ китайскимъ правительствомъ посолъ долженъ былъ установить прямыя и дружественныя сношенія, добиться нѣкоторыхъ льготъ для русской торговли и открыть русскому судоходству Амуръ и русскому вліянію область этой рѣки. Выѣхавъ изъ Петербурга въ срединѣ іюля 1805 г., гр. Головкинъ въ октябрѣ прибылъ во Троицкосавскъ (Кяхту); сюда явилось китайское посольство и началось прежде всего опредѣленіе условій церемоніала; графу Головкину не удалось въ этихъ переговорахъ одержать верхъ надъ китайскими дипломатами; онъ началъ уступать, и достигнувъ соглашенія лишь по нѣкоторымъ пунктамъ, рѣшился ѣхать въ предѣлы Китая. 21 декабря 1805 года онъ переступилъ русскую границу, двигаясь вмѣстѣ съ китайскимъ посольствомъ. Но въ Ургѣ ему представлены были требованія церемоніала, совершенно не пріемлемыя, очевидно на то и разсчитанныя, что посолъ ихъ отвергнетъ, а когда онъ такъ и поступилъ, поведеніе китайцевъ стало до такой степени неучтивымъ, что графу Головкину ничего не оставалось, какъ вернуться въ русскіе предѣлы, куда онъ и прибылъ въ началѣ февраля 1806 г. Въ концѣ этого года гр. Головкинъ возвратился въ Петербургъ. (Изъ бумагъ графа Ю. А. Головкина).

(Документы о посольствѣ гр. Головкина въ Китай. Печат. по распоряженію Совѣта Общества Ревнителей Русск. Ист. Просв. въ память Импер. Александра III СПБ. 1904 г.).

ва, т. е. всѣ бумаги и документы, не имѣющіе частнаго, семейнаго характера въ собственность Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Кромѣ этого архива въ Москвѣ, въ собраніи Екатерины Петровны Ермоловой, имѣется нѣсколько оригинальныхъ портретовъ А. П. Ермолова, большая часть коихъ извѣстны по многочисленнымъ воспроизведеніямъ въ копіяхъ, гравюрахъ, литографіяхъ и даже народныхъ лубочныхъ картинахъ [1]).

---

[1]) Первое мѣсто въ ряду этихъ портретовъ занимаетъ знаменитый портретъ (поколѣнный) масляными красками, писанный въ 1825 году художникомъ Доу; А. П. изображенъ на немъ въ профиль (влѣво) въ черной буркѣ, опираясь на саблю. Вдали, въ видѣ фона, снѣжныя вершины Кавказскихъ горъ. Портретъ этотъ Доу писалъ для галлереи генераловъ 1812 года въ Зимнемъ Дворцѣ, но онъ оказался великъ; тогда Доу написалъ другой портретъ, меньшихъ размѣровъ (поясной), который и помѣщенъ въ Зимнемъ Дворцѣ, а первый купленъ былъ у художника графиней Анной Алексѣевной Орловой-Чесменской и подаренъ ею Аннѣ Петровнѣ Павловой, сестрѣ Алексѣя Петровича Ермолова; впослѣдствіи Петръ Николаевичъ (двоюродный братъ А. П. Ермолова) пріобрѣлъ его у Павлова. Хотя этотъ портретъ, какъ типъ, и сдѣлался извѣстнымъ публикѣ по прекрасной гравюрѣ Рейта, но между этимъ гравированнымъ изображеніемъ и вышепоименованнымъ оригинальнымъ портретомъ Доу имѣются нѣкоторыя существенныя различія (въ положеніи руки, опирающейся на саблю и въ деталяхъ фона).

По поводу этого портрета нельзя не вспомнить отзывы о наружности А. П. Ермолова, сдѣланные Пушкинымъ, который, отправившись изъ Москвы на Кавказъ на Калугу, Бѣлевъ и Орелъ, проѣхалъ «двѣсти верстъ лишнихъ, за то увидѣлъ Ермолова»: «лицо круглое, огненные сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ. Голова тигра на геркулесовомъ торсѣ. Улыбка непріятная, потому что неестественна. Когда же онъ задумывается и хмурится, то становится прекраснъ и разительно напоминаетъ поэтическій портретъ, писанный Доомъ» (1829 г.).

Егоръ Петровичъ Ковалевскій, также современникъ А. П. Ермолова, описываетъ его наружность въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Изъ ряда людей, прославленныхъ отечественною войною, изъ тѣснаго круга дѣятелей государственныхъ возвышается величавая фигура, выдающаяся изъ-за другихъ. Мужественная голова, со смѣлою и гордою посадкой на мощныхъ плечахъ, привлекательное очертаніе лица, соразмѣрность членовъ и самыя движенія свидѣтельствуютъ о великой нравственной и физической силѣ Ермолова,— этого необыкновеннаго человѣка. (*Вѣстникъ Евр.* 1868 г. т. II Мартъ, стр. 158 ст. *Ковалевскій.* Восточныя дѣла двадцатыхъ годовъ).

Другой оригинальный портретъ А. П., принадлежащій Ек. П. Ермоловой, писанъ художникомъ Эмануиломъ Алекс. Дмитріевымъ-Мамоновымъ въ 1857 г. Портретъ этотъ круглый. А. П. изображенъ en face, въ статскомъ, въ глубокой старости (81 года); литографированные снимки съ него сдѣланы L. Pietsch'омъ и отпечатаны въ литографіи В. Бахмана въ Москвѣ. Нельзя также не упомянуть о находящемся въ томъ же собраніи портретѣ А. П. (неизвѣстнаго художника) въ молодыхъ годахъ (23 лѣтъ) съ

На-ряду съ этими портретами генерала Ермолова у Ек. Петровны имѣется еще акварельный рисунокъ академика батальной живописи Мошкова [1]), изображающій торжественный пріемъ чрезвычайнаго и полномочнаго Россійско-Императорскаго посла генералъ-лейтенанта А. П. Ермолова, со всею свитою его, Шахомъ Персидскимъ Фетъ-Али, 31 іюля 1817 года.

Помѣщаемъ, въ видѣ иллюстраціи къ настоящей статьѣ, снимокъ съ этого рисунка, представляющаго интересъ не только въ художественномъ отношеніи, но также и по значенію его, какъ подлинный историческій документъ, принадлежащій кисти современника—очевидца воспроизведеннаго имъ событія.

Посольство А. П. Ермолова въ Персію описано во всей подробности какъ самимъ генераломъ Ермоловымъ, въ собственноручно составленныхъ имъ запискахъ [2]), такъ и другими участниками посольства, а именно совѣтникомъ посольства д. ст. сов. А. Е. Соколовымъ [3]), чиновникомъ посольской канцеляріи Василіемъ Бороздг-

---

георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ, пожалованномъ ему по представленію великаго Суворова въ 1794 г.; А. П. такъ цѣнилъ этотъ крестъ, что приказалъ положить его въ свой гробъ. Снимокъ съ этого портрета помѣщенъ въ т. III изданія Вел. Кн. Николая Михайловича Русскіе Портреты XVIII и XIX столѣтій (№ 176).

[1]) Академикъ Владиміръ Ивановичъ Мошковъ, авторъ воспроизводимаго здѣсь рисунка, родился въ 1742 г., умеръ въ 1839 г.; званіе академика получилъ за картину «Лейпцигское сраженіе». Ему принадлежатъ литографированные рисунки сраженій изъ персидской войны 1827 и 1828 гг., мѣсто дѣйствія которыхъ онъ срисовывалъ съ натуры. (*Новицкій А.* «Исторія Русскаго Искусства съ древнѣйшихъ временъ». Т. III, стр. 155 и 156).

[2]) *Записки А. П. Ермолова* съ приложеніями, изд. Н. П. Ермолова, Ч. II: 1816—1827 г. Москва 1868 г. I—II и 1—74 («Изъ Чтеній въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.» при Моск. Унив.).

[3]) Въ бытность свою при посольствѣ Соколовъ велъ подробный журналъ, въ которомъ описалъ путешествіе миссіи къ мѣсту ея назначенія, пребываніе и дѣйствія ея въ Персіи. Журналъ этотъ представленъ былъ А. П. Ермоловымъ графу Нессельроду при письмѣ отъ 2 ноября 1817 г. и нынѣ хранится въ Госуд. и Спб. Главныхъ Архивахъ Мин. Ин. Дѣлъ.

Александръ Егоровичъ Соколовъ, сынъ статскаго совѣтника, родился въ 1780 году и 13 января 1793 года зачисленъ былъ каптенармусомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Въ этомъ полку онъ прослужилъ до 1 января 1796 г. и съ чиномъ капитана армій уволенъ былъ изъ военной службы. 31 мая того же года онъ опредѣлился въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ до восшествія на престолъ Императора Павла I состоялъ при членѣ этой Коллегіи графѣ Безбородко. Въ маѣ 1802 г. А. Е. Соколовъ былъ отправленъ по Высочайшему повелѣнію въ Грузію и Имеретію для освобо-

Торжественная аудіенція Россійскаго посла А. П. Ермолова у Персидскаго шаха Фетъ-Али, въ 1817 году.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ною [1]) и офицеромъ по квартирмейстерской части штабсъ-капитаномъ Морицомъ Коцебу [2]).

Высочайшимъ указомъ отъ 29 іюня 1816 года генералъ-лейтенантъ Ермоловъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ Россійско-Императорскимъ посломъ ко двору персидскому и вскорѣ послѣ того командиромъ отдѣльнаго грузинскаго корпуса и главноуправляющимъ гражданскою частью въ Грузіи и губерніяхъ Астраханской и Кавказской.

Алексѣю Петровичу Ермолову поручено было привести къ скорѣйшему окончанію разграниченіе по Гюлистанскому трактату и на мѣстѣ убѣдиться, не представится ли возможнымъ уступить нѣкоторыя земли Персіи, безъ нарушенія конечно нашихъ интересовъ. Миролюбивые виды Императора Александра I должны были лечь въ основаніе поступковъ посла, и его поведеніе должно было клониться только къ тому, чтобы укрѣпить дружбу и ни въ какомъ случаѣ не нарушать ея. Зная пылкій, впечатлительный и упорный характеръ Ермолова, замѣчаетъ Дубровинъ, Императоръ совѣтовалъ ему строго слѣдовать персидскому этикету. Въ „Азіатскомъ церемоніалѣ“, писалъ Государь Ермолову (въ инструкціи отъ 29 іюня

жденія царевича Константина, сына царицы Анны Имеретинской, проживавшей въ Петербургѣ, изъ заточенія у Имеретинскаго царя Соломона и его дяди. Порученіе это однако не увѣнчалось успѣхомъ, и Соколовъ отозванъ былъ обратно въ Петербургъ. Съ 1804 г. Соколовъ находился при Товарищѣ Министра Ин. Дѣлъ князѣ Чарторійскомъ. Въ 1806 г. онъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и прикомандированъ къ Главнокомандующему арміи нашей въ Молдавіи и Валахіи генералу-отъ-кавалеріи Михельсону для занятій по дипломатической части, гдѣ оставался до 1808 г. и послѣ того состоялъ въ должности оберъ-секретаря Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Въ іюнѣ 1816 года Соколовъ, уже въ чинѣ дѣйств. стат. совѣтника, назначенъ совѣтникомъ миссіи въ Персію. (См. предисловіе *Бодянскаго* къ изд. Имп. Общ. Ист. и Др. при Моск. Унив. въ 1874 г. сочиненію д. с. с. Соколова «Путешествіе мое въ Имеретію съ линіи кавказской, мое тамъ у царя пребываніе, съ нимъ сношеніе и обратное оттуда путешествіе въ Грузію»).

[1]) *Василій Бороздна.* «Краткое описаніе путешествія Россійско-Императорскаго посольства въ Персію въ 1817 году». Спб. 1821 года.

[2]) *Moritz v. Kotzebue's* «Reise nach Persien mit der Russisch-Kaiserlich Gesandschaft im Jahre 1817» mit neun ausgemahlten und schwarzen Kupfern. Weimar 1819. Это же сочиненіе въ томъ же году издано на французскомъ языкѣ въ Парижѣ подъ заглавіемъ «Voyage en Perse à la suite de l'ambassade Russe en 1817», par Maurice de Kotzebue, trad. de l'allemand par Mr. Breton. Orné de gravures coloriées. Кромѣ этихъ описаній, составленныхъ непосредственными участниками посольства, укажемъ также на статью А. П. Берже, посвященную тому же вопросу, напечатанную въ «Русской Старинѣ» 1877 г. въ кн. 6 и 7.

1816 г.) „заключается много такихъ вещей, которыя по своей необыкновенности часто кажутся для европейцевъ неприличными; въ таковыхъ случаяхъ будьте вообще сговорчивы, ибо не трудно различить то, что относится просто къ обычаямъ, отъ такихъ вещей, кои можно почесть за униженіе". Алексѣй Петровичъ однако, какъ справедливо замѣчаетъ Дубровинъ, не вполнѣ послѣдовалъ этому совѣту и почти совершенно отказался исполнить требованіе персидскаго правительства относительно этикета [1]); но онъ конечно оберегалъ при этомъ не свое личное достоинство, а достоинство чрезвычайнаго посла Россійскаго Императора и всего государства Россійскаго и, хорошо изучивъ свойства и черты характера представителей того народа, съ которыми онъ велъ дипломатическіе переговоры, зналъ, что онъ не особенно рискуетъ, не соглашаясь ни на какія уступки даже въ вопросахъ о внѣшнемъ этикетѣ. При этомъ А. П. съ полнымъ успѣхомъ перехитрилъ несомнѣнно хитрыхъ и тонкихъ, но трусливыхъ персидскихъ чиновниковъ. Не даромъ онъ, говорятъ, получилъ въ Персіи прозвище: „змѣя, таящаяся въ розовыхъ кустахъ".

Въ введеніи къ вышеуказаннымъ запискамъ о посольствѣ въ Персію Алексѣй Петровичъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ обстоятельства, вызвавшія отправленіе этого посольства:

„Заключенный съ Персіею миръ, въ концѣ 1813 г., положилъ конецъ продолжительной войнѣ, которая, хотя и не была для Россіи важною, могла, однако же, многія имѣть неудобства въ то время, какъ непріятель былъ въ отечествѣ нашемъ и Москва въ рукахъ его.

Счастливый оборотъ дѣлъ нашихъ, изгнаніе непріятеля изъ предѣловъ Россіи, ужасное понесенное имъ пораженіе и войска наши, прошедшія путемъ побѣдъ въ сердце Германіи, вразумили персіянъ, что для спокойствія ихъ надобно искать мира съ Россіею, а не льстить себя пустою надеждою пріобрѣсти его оружіемъ. Персія

---

[1]) *Н. Дубровинъ* «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ» Т. VI, стр. 213—214. Спб.

По поводу того же характера Ермолова Великій Князь Константинъ Павловичъ писалъ Алексѣю Петровичу изъ Варшавы 25 іюля 1816 года «о посольствѣ вашемъ совсѣмъ не удивляюсь. Я вамъ сказывалъ всегда и повторяю вамъ снова, что единственный Ермоловъ гораздъ на все. Но избави Боже отрыжки et comme les extremités se touchent, чтобы по поводу путешествія вашего не сдѣлалось съ нашей стороны всеобщей прогулки по землямъ чужимъ. Шпанская муха много перевела народа во Франціи. Избави Богъ, чтобы Персія тоже не перевела много православныхъ. Впрочемъ, все зависитъ отъ миссіонерства наслѣдника общества Грубера». (Тамъ же).

трактатомъ признала власть Россіи надъ покоренными ею провинціями и отправила въ С.-Петербургъ чрезвычайнаго посла, поручивъ ему убѣжденіями и просьбами склонить великодушіе Государя Императора на возвращеніе нѣкоторыхъ провинцій.

Посолъ прибылъ во время отсутствія Государя, который, начальствуя арміями внѣ предѣловъ Россіи, озабоченъ былъ успокоеніемъ Европы, освобождая ее отъ ига Наполеона.

По возвращеніи Государя посолъ персидскій представилъ просьбу Шаха и получилъ въ отвѣтъ, что въ доказательство искренней пріязни назначаюсь я посломъ къ Его Величеству Шаху и мнѣ дано наставленіе, изъявляющее волю Императора во всемъ сколько возможно соотвѣтствовать желаніямъ Шаха и сохранить дружелюбное его расположеніе".

А. Е.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О днѣ рожденья Гоголя.

Какъ извѣстно, въ опредѣленіи дня рожденія Н. В. Гоголя существуетъ разнорѣчіе. Оно обсуждалось, но не было разрѣшено и въ юбилейной гоголевской литературѣ послѣднихъ мѣсяцевъ. Оффиціальное празднованіе столѣтія со дня рожденія Гоголя было назначено на 20-ое марта, и въ этотъ день многія изданія выпустили спеціальные гоголевскіе номера и приложенія, за исключеніемъ, впрочемъ, одной только, кажется, петербургской „Нашей Газеты“, выпустившей наканунѣ, 19 марта, свой очередной номеръ съ заголовкомъ: „Сегодня столѣтіе со дня рожденія Н. В. Гоголя“. 20-ое число было избрано потому, что этимъ днемъ датировано рожденіе Гоголя въ метрической книгѣ церкви, гдѣ онъ былъ крещенъ. Въ январьской книгѣ „Историч. Вѣстника“ (стр. 197—198) М. Григоревскій („Къ вопросу о днѣ рожденія Н. В. Гоголя“) доказывалъ, что В. И. Шенрокъ и слѣдующіе ему Н. А. Котляревскій и Д. Н. Овсянико-Куликовскій неправы, относя къ *19* марта 1809 г. рожденіе Гоголя, и указывалъ на метрическую книгу, гдѣ подъ *20* марта записано, что „у помѣщика Василія Яновскаго родился сынъ Николай“... Московскій городской голова Н. И. Гучковъ въ „Новомъ Времени“ (16 января, № 11799) также сослался на выпись изъ этой метрической книги, выданную причтомъ Преображенской церкви мѣстечка Сорочинецъ, Миргородскаго уѣзда, и сообщенную ему В. А. Гиляровскимъ. Г. Ал. Ксензенко еще раньше г. Григоревскаго писалъ въ „Кіевлянинѣ“ прошлаго года (цитируемъ по перепечаткѣ въ газетѣ „Вечеръ“ 25 ноября 1908 г., № 173): „Точный день рожденія Н. В. Гоголя установленъ, и объ этомъ было печатное сообщеніе еще въ 1888 году, и установленъ на основаніи записи въ метрической книгѣ Преображенской церкви мѣстечка Сорочинецъ, Миргородскаго уѣзда. Въ архивѣ этой церкви бывшимъ въ восьмидесятыхъ

годахъ прошлаго столѣтія настоятелемъ ея о. Ѳеодоромъ Акимовичемъ по моей просьбѣ была розыскана въ метрической книгѣ о родившихся за 1809 годъ запись о рожденіи и крещеніи Н. В. Гоголя подъ № 25. Объ этомъ мной была помѣщена въ „Русской Старинѣ“ за 1888 годъ, ноябрь, стр. 392, небольшая замѣтка, въ которой приведена и копія метрической записи. Эта же копія мной сообщена В. А. Гиляровскому во время его пребыванія въ Миргородскомъ уѣздѣ въ 1900 году, о чемъ онъ упоминаетъ въ своей „Гоголевщинѣ“ („Русская Мысль“ 1900 г., февраль), къ сожалѣнію не приводя дословно самой копіи. Затѣмъ въ юбилейномъ номерѣ „Новаго Врем.“ (9327), вышедшемъ въ день пятидесятилѣтней годовщины смерти Н. В. Гоголя, 20 февраля 1902 года, на стр. 10, въ числѣ другихъ иллюстрацій, помѣщенъ фотографическій снимокъ той же метрической записи [1]), сдѣланный полтавскимъ фотографомъ І. П. Хмѣлевскимъ съ подлинной метрической книги Сорочинской Преображенской церкви. Такимъ образомъ, точная дата времени рожденія великаго художника русскаго слова установлена и стала извѣстной довольно давно, и только удивительно, что она до сей поры не принята даже въ самыхъ новѣйшихъ монографіяхъ и работахъ о Н. В. Гоголѣ“.

Такъ же удивляется и г. Григоревскій, что „въ самыхъ послѣднихъ трудахъ о Гоголѣ дата его рожденія—19 марта—осталась неисправленною“.

Тѣмъ не менѣе, есть вѣскія основанія сомнѣваться въ вѣрности показанія самой метрической записи. Одинъ изъ самыхъ компетентныхъ изслѣдователей Гоголя, много изучавшій хронологическую сторону его біографіи, А. И. Кирпичниковъ въ своемъ „Опытѣ хронологической канвы къ біографіи Н. В. Гоголя“ (М., 1902 г., стр. III), признавая днемъ рожденія писателя не 20-ое, а 19-ое марта, говоритъ: „по метрической книгѣ... днемъ рожденія Гоголя показано 20-ое марта, но онъ праздновалъ его марта 19-го“. Если Гоголь самъ считалъ днемъ своего рожденія именно 19-ое, а не 20-ое марта, то, конечно, онъ руководствовался семейными воспоминаніями, которымъ никакъ нельзя отказать въ довѣріи, и точность показанія метрической книги не можетъ не быть подвергнута сомнѣнію. Николай М* (П. Кулишъ) въ „Опытѣ біографіи Н. В. Гоголя“ (Спб., 1854 г., стр. 4) говоритъ: „по показанію матери поэта, онъ родился 19-го марта“; при этомъ Кулишъ ссы-

---

1) Снова помѣщенъ въ «Новомъ Времени» 21 марта 1909 г. № 11862, стр. 6.

лается на сообщенія М. А. Максимовича, который былъ близко знакомъ съ семействомъ Гоголя.

Показаніямъ самого Гоголя и его матери, на которыя указываютъ Кулишъ и Кирпичниковъ, разумѣется, приходится вѣрить больше, чѣмъ церковной книгѣ. Вообще метрическія записи, давая вѣрную дату крещенія, сплошь да рядомъ ошибаются въ датѣ рожденія; день крещенія записывается очевидцемъ и участникомъ самаго обряда, а рожденіе датируется на основаніи чужихъ словъ, Гоголь былъ крещенъ 22-го марта, и весьма возможно, что данное въ тотъ день церковному причту родными новорожденнаго показаніе, что ребенокъ родился три дня назадъ, т. е. 19 марта, было понято какъ—третьяго дня, т. е. 20 марта.

Примѣръ точно такой же ошибки въ датѣ рожденія даетъ метрическая книга, въ которой записаны рожденіе и крещеніе Пушкина. Эта запись воспроизведена фотографически въ I томѣ сочиненій Пушкина, издаваемыхъ С. А. Венгеровымъ (стр. 34). Извѣстно, что день рожденія Пушкина — 26 мая. Поэтъ самъ зналъ это; напримѣръ, его знаменитые стихи: „Даръ напрасный, даръ случайный“... такъ и озаглавлены: „26 мая 1828“ (см., между прочимъ, „Альбомъ Пушкинской юбилейной выставки въ Имп. Академіи Наукъ“, М., 1899, л. 72). Знали этотъ день и друзья и знакомые Пушкина; такъ, баронъ Е. Ѳ. Розенъ въ 1831 г. прислалъ Пушкину привѣтственные стихи, озаглавленные „26-е Мая“, гдѣ говорилъ: „Какъ торжество, какъ лучшій день весны, мы празднуемъ рожденіе поэта... Сей день богамъ въ хвалу и въ честь мы ставимъ“... (см. „Переписку“ П., изд. Академіи Наукъ, II, 261). Между тѣмъ въ церковной книгѣ рожденіе Пушкина датировано 27-мъ числомъ... Вѣрьте послѣ этого метрическимъ книгамъ!

Приведенныя соображенія заставляютъ признать, что и Шенрокъ, и Кирпичниковъ, отвергая датировку рожденія Гоголя 20-мъ марта, были вполнѣ правы, и что великій писатель родился 19 марта.

Н. Лернеръ.

М. И. Драгомировъ и время передъ войной 1877—78 гг. [1]).

(Изъ воспоминаній).

Генералъ Радецкій появился въ Кишиневскомъ раіонѣ дѣйствующей арміи почти одновременно съ 9-й пѣхотной дивизіей, которую онъ незадолго передъ тѣмъ въ Полтавѣ сдалъ ген.-ад. кн. Святополкъ-Мирскому, бывшему командиру Л.-гв. Семеновскаго полка и бригады въ 1 гв. пѣх. див. Подъ начальствомъ любимца войскъ—стараго кавказца Ѳ. Ѳ. Радецкаго, VIII корпусъ быстро сплотился и на это дѣло много времени тратить не пришлось; немало содѣйствовали этому опытные начальники дивизій, кн. Мирскій, извѣдавшій съ малыхъ чиновъ службу кавказскую и М. И. Драгомировъ,—обхватывавшій все чрезвычайно разумно въ теоріи, не упускавшій мелочей практики, которой онъ могъ набраться не только дома—въ гвардіи и въ арміи, но, главнымъ образомъ, въ боевой обстановкѣ прусской арміи 1866 г., гдѣ ему довелось, изощряя свою рѣдкую наблюдательность, сопоставлять на живомъ дѣлѣ свои глубокія теоретическія познанія съ практикой.

* * *

Въ то время, когда Великій Князь подвигался почти къ полному выздоровленію, Кишиневъ, по желанію Государя, посѣтилъ лѣйбъ-медикъ Сергѣй Петровичъ Боткинъ; онъ тамъ встрѣтился съ Пироговымъ и пробылъ дней десять, наблюдая за здоровьемъ главнокомандующаго и присматриваясь, на сколько было возможно, къ санитарному состоянію его дѣтища—арміи. Объ результатахъ своихъ наблюденій С. П. подробно доложилъ Державному Шефу; по слухамъ, Государь вслѣдъ затѣмъ выразилъ Августѣйшему брату своему большую

[1]) См. «Русская Старина» апрѣль 1909 г.

благодарность за войска и отечески посѣтовалъ за то, что, входя слишкомъ рачительно во все касающееся арміи, онъ забываетъ о необходимости беречь и себя послѣ такой опасной болѣзни.

Врачи, общимъ совѣтомъ, признали климатическія условія собственно города Кишинева неподходящими для здоровья великаго князя и посовѣтовали ему немедленно выѣхать изъ него на нѣкоторое время, а весной покинуть его до осени. Главнокомандующій въ концѣ января выѣхалъ въ Одессу; съ тѣмъ вмѣстѣ намѣченъ былъ переѣздъ его на Ѳоминой недѣлѣ [1]) въ деревню, для чего въ 20 верстахъ отъ Кишинева, въ селѣ Ганскомъ, былъ нанятъ прекрасный домъ, отдѣланный заново владѣльцемъ—шт.-ротмистромъ Катакази.

Впослѣдствіи великій князь не разъ говорилъ: „слава Богу, весной, вмѣсто Ганскаго, пришлось двинуться на Дунай". Великій князь являлся горячимъ сторонникомъ того, чтобы Турція была хорошо наказана; также точно онъ жаждалъ видѣть поставленными на мѣсто тѣ державы, которыя, какъ пьявки, прицѣпились къ Портѣ, имѣя на умѣ вѣчно одну и ту же мечту—оказывать ей содѣйствіе ради извлеченія выгодъ себѣ изъ ея жестокихъ отношеній къ христіанамъ. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца переговоровъ, тревожился, слыша о дипломатической вознѣ, въ которую христіанскія державы съ безконечными ухищреніями силились втянуть Россію, болѣлъ нервно, когда возня эта грозила, затянувъ дѣло, оттянуть развязку; но надо было видѣть, какъ онъ возликовалъ, когда обозначилось, что султану,—послѣ долгаго упорнаго пребыванія въ той мысли, что Россія не отважится двинуть свою армію навстрѣчу его таборамъ,—пришлось вдругъ встревожиться и оцѣнить опасность, которая грозила его войску и его державѣ отъ стремительнаго движенія арміи Царя къ Дунаю. Радость великаго князя видѣли не только окружавшіе его лица; онъ не могъ ее скрыть и отъ случайно-представлявшихся ему генераловъ, офицеровъ, корреспондентовъ, делегатовъ, депутатовъ — русскихъ и иностранныхъ. Одинъ почтенный корреспондентъ „Моск. вѣд.". послѣ краткаго, въ первые дни апрѣля, пребыванія, въ Кишиневѣ, между прочимъ, написалъ въ газету: „Великій Князь главнокомандующій бодръ; его, видимо, радуетъ наступающая развязка". И многіе съ удовольствіемъ подчеркивали это.

* * *

По приказанію главнокомандующаго, два эскадрона собственнаго Его Величества конвоя и два полка 11 кавалер. дивизіи съ

[1]) Въ тотъ годъ день Пасхи пришелся на 27 марта..

казачьей батареей, вышли 30-го января изъ Кишинева и изъ Григоріополя въ строевую проѣздку. Въ первый день части прошли 80, а нѣкоторыя 90 в.;—31-го же января погода оказалась настолько неблагопріятною, что пришлось второй переходъ разбить на два—порывистый вѣтеръ съ градомъ, снѣгомъ, сильнѣйшая гололедица дѣлали движеніе немыслимымъ.

„1-го февраля отрядъ прямо съ похода представился мнѣ въ отличномъ порядкѣ, вполнѣ бодрымъ и свѣжимъ“—пишетъ великій князь въ своемъ приказѣ по арміи 5 февраля, „все движеніе исполнено вполнѣ молодецки“.

Поименовавъ всѣхъ начальниковъ частей, начиная съ начальника 11 кав. дивизіи г.-л. Татищева, вел. кн. выразилъ имъ свою душевную благодарность, объявилъ спасибо нижнимъ чинамъ,—а затѣмъ предписалъ во всѣхъ кавал. частяхъ дѣйств. арміи возможно часто производить подобныя проѣздки, а также ученья и малые маневры.

Лихая проѣздка та была произведена подъ начальствомъ маститаго начальника штаба арміи ген.-адъют. Непокойчицкаго, которому въ ту пору шелъ восьмой десятокъ лѣтъ.

По пути онъ успѣлъ осмотрѣть пѣхотные полки, выстроившіеся для встрѣчи; великій князь выразилъ благодарность Радецкому, кн. Мирскому и Драгомирову, а также командирамъ пѣх. полковъ: 35 Брянскаго Липинскому и 55 Подольскаго Духонину,—„за отличное состояніе полковъ и за заботливость о подчиненныхъ имъ нижнихъ чинахъ“.

Пѣхотные полки, стоявшіе по пути слѣдованія отряда, встрѣтивъ кавалерійскія части въ своихъ деревняхъ, съ полною предупредительностью приготовили для нихъ пищу и уступили имъ лучшія квартиры.—Въ виду этого великій князь особо поблагодарилъ командировъ полковъ за то, „что они воспользовались случаемъ завязать между людьми своихъ полковъ и проходившими кавалерійскими частями ту братскую связь, которая служитъ лучшимъ залогомъ столь важной въ бою взаимной поддержки“.

* * *

Въ ожиданіи наступленія на врага, Драгомировъ не дѣлалъ смотровъ; „свои“ всѣ твердо знали, что онъ всегда держался этого и старался ввѣреннымъ ему частямъ оставлять больше времени для ученій подъ ближайшимъ руководствомъ ихъ ближайшихъ начальниковъ.—Случилось, что и Ѳ. Ѳ. Радецкій держался этого же правила.—Офицеры частей 9 дивизіи, слышавши, что онъ на первыхъ же порахъ въ деликатной формѣ порекомендовалъ своему преемнику кн. Мирскому ту же систему, т. е. отстать отъ нажитой

послѣ Кавказа въ гвардіи привычки къ смотрамъ, вообразили, что и Драгомирова „корпусный также осадилъ“; объ этомъ въ офицерской средѣ шло немало толковъ; „свои“ отвергали это, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ горячились, хотя вообще, конечно, Мих. Ив-ча это нисколько не задѣвало.—Причисленный къ Подольскому полку подполковникъ ген. штаба Алексѣй Андреевичъ Боголюбовъ не разъ опровергалъ пустую болтовню эту, напоминая, что еще съ каѳедры въ академіи Драгомировъ прямо всегда проповѣдывалъ о вредѣ, происходящемъ отъ „затуркиванья смотрами“.—Нельзя было при этомъ не припомнить ту формулу, которую М. И. приводилъ нерѣдко и привелъ на сообщеніи во дворцѣ вел. князя въ ту пору, когда еще не познакомился съ Ѳ. Ѳ. Радецкимъ на столько, чтобы онъ могъ ему преподать такое или подобное указаніе; Драгомировъ говорилъ $\frac{о}{с} = у$ (обученіе дѣленное на смотры равно успѣху, т. е. чѣмъ больше с (смотровъ), тѣмъ меньше у (успѣхъ).

По обыкновенію М. И., въ періодъ этой выжидательной передъ выступленіемъ въ военный походъ стоянки, посѣщалъ ввѣренныя ему части во время строевыхъ занятій; никто его присутствіемъ не стѣснялся, занятія при немъ шли своимъ чередомъ, онъ ближе видѣлъ при такихъ условіяхъ недостатки, давалъ указанія и многое исправлялъ совершенно просто,—по-домашнему.

* * *

Пробираясь однажды въ началѣ января по Кишиневу, генералъ Драгомировъ встрѣтилъ двухъ солдатъ своей дивизіи; при каждомъ изъ нихъ шла женщина съ ребенкомъ на рукахъ; компанія озабоченно вела оживленную бесѣду.

— Что это вы, братцы, куда идете, откуда и зачѣмъ? спросилъ онъ, отвѣчая на отданную солдатами честь.

— Вотъ, ваше превосходительство, идемъ со своими хозяйками...

— А, это ваши хозяйки, куда же вы съ ними идете? Кавалеры смущенно переглянулись; то были солдаты, незадолго передъ тѣмъ, въ предвидѣніи войны, призванные изъ запаса; отъ начальства они въ запасѣ успѣли поотвыкнуть.

— Въ правленіе значитъ шли, ваше благородіе, отвѣтила одна изъ хозяекъ, набравшись смѣлости.—Въ какое правленіе, матушка?—Кто его знаетъ, за способіемъ; одно слово способіе на мужьевъ сказывали будутъ отпущать деньгами, опять же крупой, мукой...

— Точно такъ, ваше пр-во, оправился заробѣвшій кавалеръ, объявляли намъ о деньгахъ аммуничныхъ и квартерныхъ, да о пайкѣ; а вотъ съ самаго призыву никакого довольства и по сейчасъ нѣтути...

Шедшаго очень кстати по улицѣ офицера въ адъютантской формѣ

Мих. Ив. остановилъ: возьмите ихъ, пожалуйста, въ штабъ, разспросите въ чемъ дѣло, какое правленіе сулило имъ пособіе? разузнайте обстоятельно и доложите.—Въ тотъ же день адъютантъ доложилъ, что за этими двумя парами въ штабъ набралось ихъ много; какъ оказалось, во время призыва имъ было объявлено на мѣстѣ,—кому отъ волости, кому отъ земской, а кому отъ городской управы, что семьи будутъ получать приварочныя, квартирныя деньги и приварокъ во все время нахожденія мужей на службѣ по призыву; но до сихъ поръ всѣ просьбы объ отпускѣ встрѣчали отказъ; поэтому изъ ближнихъ мѣстностей жены рѣшились пуститься въ путь къ мужьямъ...

— Да, а дальніе продолжаютъ тамъ на мѣстахъ безпомощно голодать, сердито перебилъ М. И.; вишь вѣдь какая гадость... Соберите подробныя свѣдѣнія о числѣ такихъ обойденныхъ, напишите въ расположенныя по деревнямъ части, запросите кстати и въ артиллеріи; составьте списки, я у васъ эти свѣдѣнія спрошу, держите ихъ наготовѣ.

Вмѣстѣ съ Радецкимъ Драгомировъ горячо взялся за это нетерпѣвшее отлагательства дѣло и поторопился наладить его до ухода войскъ за Прутъ.—Вел. кн. приказалъ написать объ этомъ въ главн. штабъ и министру внутр. дѣлъ; такъ какъ дѣло скоро не пришло въ полный порядокъ, то, дабы манкированье имъ не повторялось впредь,—Мих. Ив., въ бытность военнаго министра въ Кишиневѣ въ свитѣ Государя, напомнилъ о немъ вел. князю.—„Я увѣренъ, что лишь простая случайность задержала точное выполненіе законовъ, установленныхъ на сей предметъ“, сказалъ Государь въ общемъ объ этомъ разговорѣ, Дмитрію Алексѣевичу Милютину.

— Вообще, далеко не мелочной по натурѣ, М. И. Драгомировъ всегда оказывалъ большое вниманіе подобнымъ, касавшимся нуждъ „сѣренькаго человѣка“ мелочамъ.

* * *

М. И. Драгомировъ вообще всегда очень интересовался санитарно-медицинской частью въ войскахъ; а потому принялъ очень живое участіе въ совѣщаніяхъ, на которыхъ по этой части великій князь пригласилъ его къ себѣ участвовать вмѣстѣ съ врачами. При давнемъ своемъ знакомомъ Н. И. Пироговѣ онъ въ подробностяхъ разсказалъ все, что ему было извѣстно о состояніи этой части въ Пруссіи во время ея войны съ Австріей въ 1866 г.; Пироговъ подѣлился свѣдѣніями о томъ же за время войны Пруссіи съ Франціей (1870 г.).

Не разъ потомъ М. И. разсказывалъ съ особымъ удовольствіемъ, какъ все это принялъ къ свѣдѣнію и руководству тогдашній ме-

*

дицинскій инспекторъ дѣйствующей арміи Вас. Ив. Приселковъ.— „Изъ первыхъ же бесѣдъ съ нимъ, говорилъ М. И. впослѣдствіи, пришлось убѣдиться, въ какихъ вѣрныхъ рукахъ находилась въ дѣйствующей арміи эта важная отрасль — медицинская часть; приходилось поражаться, до чего этотъ труженикъ энергично и успѣшно проводилъ все, что ему казалось необходимымъ для наилучшей постановки этого дѣла, до какой степени онъ во все входилъ, все предугадывалъ; вообще В. И. Приселковъ въ самое короткое время тихо и скромно провелъ массу нововведеній, требовавшихъ глубокаго вниманія и большихъ практическихъ знаній; проводя все добытое собственнымъ опытомъ, онъ,—что иногда является еще болѣе важнымъ,—выказывалъ способность и умѣнье отличать людей и между ними мѣтко выбирать сотрудниковъ; эта сторона его работы навсегда останется образцомъ для другихъ, тѣмъ болѣе, что она была приправлена навыкомъ, — „пользуясь совѣтами разумныхъ и знающихъ людей, давать полнѣйшій просторъ ихъ иниціативѣ, искусно развертывать ихъ знанія и опытъ на пользу арміи, а самому оставаться въ тѣни—себя нигдѣ не выставлять“.

В. И. Приселковъ былъ человѣкъ необыкновенно общительный; оцѣнивъ по достоинству громадную помощь, которую дѣлу довершенія устройства медицинской части арміи въ Пруссіи оказывала прочно организованная еще въ 1864 году [1]) и широко развившаяся въ 1866 году частная благотворительность,—онъ задался задачей воспользоваться обширнымъ кругомъ своего знакомства и продѣлать то же самое у насъ; правда, приступилъ онъ къ этому съ полнымъ убѣжденіемъ, что на Руси въ этомъ отношеніи могла выйдти сравнительно лишь капля въ морѣ; тѣмъ не менѣе онъ много по этой части хлопоталъ; сносясь неустанно съ людьми состоятельными и лично и черезъ лицъ, которыя могли на нихъ вліять, онъ до-

[1]) По свидѣтельству Драгомирова во время войны съ Даніей (за Шлезвигъ-Голштинскія провинціи) Пруссія нашла громадную помощь дѣлу лѣченія и призрѣнія раненыхъ со стороны благотворительной дѣятельности ордена Св. Іоанна;—орденъ этотъ представлялъ собой возобновленный Мальтійскій орденъ и обладалъ тремя милліонами талеровъ. Много помощи принесли также частные благотворительные комитеты, возникшіе во время этой же войны и быстро разросшіеся во время войны 66-го года; число провинціальныхъ комитетовъ въ короткое время дошло до 200; берлинскій центральный комитетъ въ самомъ началѣ войны собралъ громадные запасы вещей и 500 тыс. талеровъ; комитеты устроили много частныхъ лазаретовъ; въ то же время нѣсколько тысячъ раненыхъ были взяты на попеченіе частныхъ лицъ.

стигъ въ этомъ отношеніи многаго. Надо замѣтить, что вообще устроенные на частныя пожертвованія, вполнѣ оборудованные лазареты принесли осязательную пользу учрежденіямъ, вѣдавшимъ уходъ за ранеными и больными воинами; многіе изъ этихъ лазаретовъ возникли при содѣйствіи медиц. инспектора арміи Приселкова, въ особенности въ началѣ, когда именно представлялось чрезвычайно важнымъ дать энергичный толчокъ дѣлу и показать тотъ примѣръ, который могъ дать и далъ своевременно самые благіе результаты.

Ведя безъ задержки лежавшія на немъ по прямой его обязанности сложныя, административныя дѣла, медицинскій инспекторъ входилъ постоянно во всѣ подробности усовершенствованія разныхъ отраслей ввѣреннаго ему дѣла; не разъ случалось слышать толки между военными врачами: когда Приселковъ отдыхаетъ и отдыхаетъ ли когда-нибудь?

Изъ докладовъ сдѣланныхъ главнокомандующему въ разное время, а особенно въ періодъ подготовленія арміи къ выступленію за Прутъ,—весьма полезно перечислить нѣкоторые:

1) Систематическое проведеніе обязательности быстраго удаленія раненыхъ съ театра войны для разсѣянія ихъ по тыловымъ военновременнымъ госпиталямъ и частнымъ лазаретамъ, которые должны быть разбросаны нескученно, на широкихъ пространствахъ мало-населенныхъ, ближайшихъ къ театру войны губерній. Въ этомъ дѣлѣ В. И. Приселковъ взялъ въ основу принципъ, приведенный М. И. Драгомировымъ въ описаніи австро-прусской войны: „огромное скопленіе раненыхъ въ одномъ пунктѣ не только вредно, „но для многихъ изъ нихъ, въ большинствѣ случаевъ, прямо смертоносно“. Поэтому, согласно указаній своего начальника, медицинская инспекція арміи всегда хлопотала о томъ, чтобы была оказываема совершенно такая же забота объ организаціи скорѣйшей перевозки раненыхъ въ затыловую часть арміи для распредѣленія въ богатыхъ просторомъ мѣстностяхъ, какую вообще оказывали во всѣ времена собственно переноскѣ раненыхъ изъ раіона сраженій. Какую массу раненыхъ эта мѣра должна была спасать отъ гибели.

2) О порядкѣ комплектованія арміи врачами, объ улучшеніи состава медицинскаго персонала въ арміи и объ увеличеніи числа врачей въ ней;—въ этомъ отношеніи было совершенно своевременно представлено инспекціей то, о чемъ, если и вспомнили бы на верху впослѣдствіи, то могли бы спохватиться съ большимъ опозданіемъ; по нашей всегдашней склонности къ рутинѣ, уже готовы были выработать вообще систему схожую съ той, которая явилась въ концѣ

крымской кампаніи, когда, правда, медицинская часть арміи сдѣлала значительные успѣхи; этимъ готовились удовольствоваться; забыли только про то, что тогда не было у насъ земствъ, и неоткуда было набрать необходимую массу служащихъ врачей; инспекція предложила ихъ немедленно набрать изъ числа земскихъ врачей съ тѣмъ, чтобы имъ былъ совершенно обезпеченъ возвратъ на насиженное мѣсто въ земство; этой мѣрой ихъ была привлечена масса; многіе изъ земскихъ врачей отдались всецѣло дѣлу службы и, жертвуя собой отъ полноты сердца, принесли огромную пользу арміи.

3) Исходя изъ того же стремленія не допустить рутины, медицинскій инспекторъ доложилъ великому князю отвѣтъ, выработанный на запросъ высшихъ властей о томъ, на какихъ основаніяхъ можно пополнить армію врачами-студентами? Послѣ обстоятельныхъ переговоровъ объ этомъ съ Драгомировымъ, Приселковъ представилъ мнѣніе, что отъ производства усиленныхъ выпусковъ студентовъ-медиковъ надлежитъ рѣшительно отказаться, такъ какъ способъ этотъ являлся равносильнымъ наполненію арміи и вообще Россіи докторами-недоучками; именно въ медицинскомъ обиходѣ это, ни подъ какимъ предлогомъ, не должно быть допускаемо; врачъ, вступающій на путь примѣненія своихъ научныхъ знаній, долженъ выйдти во всеоружіи полной научной подготовки, т. е. не иначе, какъ по окончаніи полнаго систематическаго курса; на театръ же военныхъ дѣйствій можно временно командировать студентовъ старшихъ курсовъ съ тѣмъ, чтобы они, проработавъ подъ руководствомъ медиковъ въ госпиталяхъ или на поляхъ битвъ, непремѣнно, по исполненіи взятыхъ на себя обязательствъ, возвратились на свои курсы для продолженія и полнаго окончанія ихъ.

4) Его же предложеніе, вполнѣ одобренное Великимъ Княземъ, много помогло тому, что Святѣйшій Сунодъ рекомендовалъ монастырямъ пригласить монаховъ и монахинь взять на себя трудъ по уходу за ранеными и больными воинами [1]).

5) Нельзя, наконецъ, не отмѣтить еще одно дѣло громадной важности; съ перваго взгляда оно можетъ показаться не имѣющимъ выдающагося значенія, но какую службу оно въ сущности сослужило, объ этомъ могъ бы съ большой благодарностью сказать всякій, кому довелось въ ту годину имъ воспользоваться. Вслѣдствіе личнаго, обстоятельно составленнаго Приселковымъ доклада, Великій

---

[1]) Вообще В. И. Приселковъ и инспекторъ госпиталей арміи В. Д. Коспнскій старались идти рука объ руку съ кн. В. А. Черкасскимъ, завѣдывавшимъ, между прочимъ, учрежденіями Краснаго Креста въ арміи.

Князь приказалъ выписать изъ Оренбурга 150 войлочныхъ кибитокъ; такимъ образомъ каждый изъ военно-временныхъ госпиталей получилъ по 5-ти такихъ войлочныхъ домиковъ; домикъ вмѣщалъ въ себѣ среднимъ числомъ до 16 раненыхъ и больныхъ, давая имъ прекрасный пріютъ и въ лютый морозъ, и въ тропическую жару. Сколько человѣкъ благословляли судьбу и благодарственно молились за тѣхъ, кому обязаны они были большимъ облегченіемъ въ тѣ минуты, когда пришлось выносить въ этихъ домикахъ-шатрахъ и тяжкія раны, и смертельныя болѣзни. Я могу объ этомъ засвидѣтельствовать;—мнѣ самому, послѣ раненія, довелось спасаться въ такомъ домикѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней пути отъ Шипки до Систова, — вспоминалъ не разъ М. И. Драгомировъ.—Къ этому онъ добавилъ, что о трудахъ медиц. инспекціи, дѣятельность которой направлялъ В. И. Приселковъ, несомнѣнно будетъ когда-нибудь собранъ въ одно цѣлое большой томъ крайне поучительныхъ для нашей арміи свѣдѣній, пока еще разбросанныхъ въ видѣ сырого матеріала.

* * *

Открытая по общему, какъ будто искреннему соглашенію державъ въ Константинополѣ конференція скоро оказалась неспособною выработать основанія понужденія султана къ заключенію мира съ Сербіей, къ улаженію пограничныхъ дѣлъ съ Черногоріей и къ исполненію обѣщанныхъ реформъ, которыя могли бы облегчить участь забитой части населенія Отоманской имперіи.

Державы отозвали своихъ пословъ изъ Константинополя; Англія затѣяла перенести въ Лондонъ работы по составленію протокола, который долженъ былъ содержать обязательныя для Турціи постановленія.

Слухи о прекрасномъ состояніи нашей арміи угнетали султана.

Генералъ Игнатьевъ отправился черезъ Вѣну, Берлинъ, Парижъ въ Лондонъ. Полный надеждъ на то, что предпринятая въ столицѣ Англіи работа добросовѣстно приведетъ къ полезному для угнетенныхъ христіанъ концу, онъ скоро однако убѣдился, что задачей поѣздки его должно быть лишь стремленіе опредѣлить,—какую роль возьмутъ на себя разныя державы, когда подойдетъ развязка, которую надо было обязательно считать неминуемой—т. е. когда Россія грянетъ войной на Турцію?

Англійскіе и австрійскіе агенты открыто проповѣдывали, будто Россія сама вноситъ въ протоколъ пунктъ о томъ, что она разоружится, отступится отъ славянъ, бросивъ ихъ на произволъ судьбы, но еще не знаетъ, какъ сдѣлать это для себя обязательнымъ безъ особаго урона своей чести. Такія свѣдѣнія распространялись и англійской печатью.

А между тѣмъ Императоръ Александръ II твердо держался

своего—добиться улучшенія участи забитыхъ славянъ и прекращенія навсегда возможности притѣсненій со стороны Турціи; Россія терпѣливо выжидала и надѣялась, несмотря на всю очевидность глумленія со стороны Англіи въ лицѣ Биконсфильда. Газеты, разбирая подробности содержанія протокола, подчеркивали платоничность, а вѣрнѣе циничность его: „Турція должна исполнить все требуемое отъ нея державами и направленное къ улучшенію участи христіанъ, а если она не исполнитъ постановленія протокола, то... далѣе, вмѣсто чего-либо такого, что могло бы серьезно понудить Турцію, дипломаты поставили: „то державы предоставляютъ себѣ“ обсудить сообща или порознь тѣ способы, которые онѣ признаютъ соотвѣтствующими для воздѣйствія...

На запросъ оппозиціи относительно звѣрствъ, совершаемыхъ турками въ Болгаріи, лордъ Дарби въ парламентѣ отъ имени главы правительства, отвѣчалъ, что свѣдѣній подробныхъ онъ объ этомъ не получалъ, а вообще, слава Богу, Англія не обязана улучшать или передѣлывать несовершенство механизма турецкой администраціи; заступничество за славянъ можетъ вовлечь Европу въ войну и тогда погибнетъ на поляхъ сраженій гораздо больше сыновъ разныхъ націй, чѣмъ теперь отъ турецкихъ ятагановъ погибаетъ славянъ!

Ободряемые такими выходками, турки становились болѣе и болѣе наглыми; въ ихъ шутовскомъ парламентѣ объявлялось, что Порта не потерпитъ вмѣшательства иностранцевъ въ ея внутреннія дѣла, а сербы должны благодарить за милость, оказанную имъ дарованіемъ мира; объявлялось, что Абдулъ Керимъ-паша получилъ приказъ считать сербскую территоріею турецкою и прямо двигаться черезъ нее съ войсками противъ Россіи.

Князь Горчаковъ, издалъ по повелѣнію Импер. Александра II въ серединѣ января циркулярное подтвержденіе о томъ, что Россія твердо стоитъ на своемъ; 5-го апрѣля, согласно волѣ Царя, онъ объявилъ, что если Турція не разоружится немедленно, а въ теченіе недѣли не дастъ отвѣта съ объясненіями по содержанію протокола или отвѣтъ будетъ данъ уклончивый, то послѣдуетъ объявленіе войны.

12-го апрѣля Государь издалъ въ Кишиневѣ манифестъ, и Царскія войска, вслѣдъ за кавалерійскимъ отрядомъ, полетѣвшимъ занять Барбошскій мостъ на р. Серетѣ,—перешли, съ дивизіей Драгомирова во главѣ, Прутъ и двинулись по Румыніи къ Дунаю.

Говорятъ, что Бисмаркъ въ карты не игралъ, но любилъ иногда наблюдать за преферансомъ и разобраться въ немъ; когда великій

канцлеръ находилъ нужнымъ, въ бесѣдѣ, указать кому-либо, насколько онъ просмотрѣлъ игру, то при этомъ онъ говорилъ: „ну васъ подсидѣли, какъ Россію".

Въ 1877 году прошло въ нашей печати одно извѣстіе, которое тотчасъ же было забыто—заглохло въ водоворотѣ извѣстій, приковавшихъ общее вниманіе къ движенію, и къ дѣйствіямъ нашей арміи'

Вотъ что было сообщено въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". 7 апрѣля того же 1877 года: въ провинціальной англійской газетѣ „Manschester Guardian" напечатана телеграмма изъ Лондона: „хотя отверженіе протокола было дѣломъ перваго движенія „турокъ и произошло бы во всякомъ случаѣ, но рѣшеніе Порты было „подкрѣплено сообщеніемъ, полученнымъ ею отъ германскаго повѣ„реннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ; увѣряютъ, что германскій „канцлеръ совѣтовалъ Портѣ отказать Россіи въ ея требованіяхъ".— Англійская провинціальная газета добавляетъ, что свѣдѣніе это идетъ изъ надежнаго источника.

Кто же насъ тогда „подсидѣлъ"?

Разбираться въ этомъ событіи теперь,— черезъ 30 лѣтъ, не приходится,—оно покрыто густою порослью, обильно удобренною на Берлинскомъ конгрессѣ, и стало дѣломъ печальнаго прошлаго.

— А научимся ли мы когда-нибудь достаточно и хорошо думать на каждомъ шагу о томъ, „чтобы насъ не подсиживали впредь?"

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Депутатъ отъ Россіи [1]).

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

Глава IV [2]).

Польша. Лордъ Непиръ-Этрикъ.

Едва г-жа Новикова отняла отъ груди своего маленькаго Сашу, какъ салонъ ея сталъ зародышемъ того салона, который впослѣдствіи пріобрѣлъ такую славу въ Клариджъ-Отелѣ. И тогда, и позднѣе онъ разростался естественно благодаря привлекательному впечатлѣнію, производимому на ученыхъ и дѣловыхъ людей молодостью и блестящимъ, острымъ, но симпатичнымъ умомъ своей хозяйки.

Какъ въ Лондонѣ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, Кинглекъ, графъ Бейстъ, Фрудъ и Вилліерсъ имѣли привычку заѣзжать почти ежедневно, чтобы насладиться пріятнымъ и оживляющимъ вліяніемъ ея общества, такъ въ Петербургѣ лордъ Непиръ-Этрикъ, англійскій посолъ, Халиль-паша, турецкій посланникъ, графъ Кайзерлингъ, пріѣзжавшій изъ Дерпта, любили провести у нея часъ, два въ обществѣ знаменитыхъ музыкантовъ, писателей и другихъ habitués ея салона.

Замѣчательно, что первые постоянные ея посѣтители были великобританскій и турецкій посланники. Халиль-паша былъ очень блестящій веселый человѣкъ, въ которомъ первобытный оттоманъ былъ плохо скрытъ подъ парижской полировкой. Это былъ почти единственный турокъ, съ которымъ г-жа Новикова была знакома до войны 1877 года, когда, по прошествіи столькихъ лѣтъ, она вдругъ вступила въ любопытный, полуполитическій alliance съ

[1]) См. «Русская Старина», апрѣль, 1909 года.

[2]) Переводъ Елизаветы Степановны Мосоловой.

Измаилъ-пашей, бывшимъ одно время хедивомъ въ Египтѣ. Даже въ это раннее время она обладала удивительнымъ чутьемъ или инстинктомъ, по которому угадывала въ человѣкѣ существованіе таланта, не подозрѣваемаго до тѣхъ поръ никѣмъ, даже самимъ обладателемъ его.

Г-жа Новикова не помнитъ, какой случай, эпизодъ или разговоръ обратилъ впервые ея мысли на отношенія между Россіей и Англіей. Ея исходной точкой всегда была смерть ея брата Николая въ 1876 году. Какъ часто при изслѣдованіи подобныхъ какъ бы внезапныхъ явленій открывается долгая невидимая подготовка совершенно безсознательно для человѣка ее переживающаго. Когда ледникъ ниспровергается, всякій замѣчаетъ явленіе, но никто не обращаетъ вниманія на медленное непрерывное вліяніе теплой морской воды, которая заставляетъ таять подводный ледъ и уничтожаетъ равновѣсіе ледника.

Какъ было сказано, атмосфера ея дома была англо-русская, но не ранѣе, какъ послѣ своего замужества, она пришла въ близкое соприкосновеніе съ вліяніями, могущими ее предрасположить къ своей будущей миссіи. До 20 лѣтъ Ольга Кирѣева была болѣе русской, чѣмъ англо-русской. Она питала къ Англіи отвращеніе, общее многимъ иностранцамъ, которые смотрятъ на изгнаніе Наполеона и на жестокость Гудсона-Ло къ своему узнику, какъ на типичное англійское вѣроломство, и которые составили себѣ понятіе объ англійскихъ нравахъ по остракизму лорда Байрона. Первый живой интересъ, который она почувствовала къ международной политикѣ, былъ возбужденъ вопросомъ, грозившимъ войной между Россіей и Англіей, при чемъ весьма характерно и неожиданно то, что г-жа Новикова выступила рьяной защитницей политики, которая, по мнѣнію ея мужа, равно какъ и многихъ другихъ, неминуемо должна была привести къ войнѣ. Въ дѣйствительности же эта политика не привела къ войнѣ, потому что Англія пошла на уступки. Воспоминаніе о кризисѣ, въ которомъ война была устранена отказомъ болѣе, чѣмъ согласіемъ на нѣкоторыя уступки, вѣроятно, повліяло на всю ея неоффиціальную дипломатію. Первой причиной изъ четырехъ, служившихъ поводомъ къ войнѣ между Англіей и Россіей въ послѣднее полстолѣтіе, была та, что лордъ Пальмерстонъ и лордъ Руссель съ помощью императора Наполеона старались вмѣшаться въ Польскій вопросъ. Съ 1863 г. британская публика проявила свое разуміе въ томъ, что въ настоящее время самый сумасшедшій политикъ ни минуты не обратилъ бы вниманія на разсужденія, которыя тогда заставляли англійскихъ государственныхъ людей считать себя обязанными вступиться за поль-

скихъ инсургентовъ. Но въ 1863 году лордъ Пальмерстонъ былъ премьеромъ. Крымская война была еще свѣжа въ памяти народной. Людовикъ Наполеонъ волновался, и королева Викторія, почти единственное вліятельное лицо въ трехъ государствахъ, проникалась значеніемъ Бисмарка, котораго грозная фигура начинала только подыматься, какъ огненная планета на восточномъ горизонтѣ.

Чтобъ понять чувства русскихъ при угрозахъ вмѣшательства, слѣдуетъ сдѣлать вопросъ, что бы почувствовали англичане, если бъ Германія грозила имъ вмѣшательствомъ въ ихъ дѣла съ Ирландіей? Поляки, какъ принцъ Альбертъ однажды замѣтилъ, это ирландцы континента, съ той разницей, что они раздѣлены между тремя имперіями, тогда какъ надъ ирландцами одинъ покоритель. Изъ трехъ владѣльцевъ Польши одна Россія пожелала оставить память о ея прошломъ королевствѣ. Отчасти благодаря оппозиціи англійской политики не осуществились на Вѣнскомъ конгрессѣ стремленія поляковъ къ самоуправленію. Александръ I, который занимаетъ послѣ Наполеона самое высокое положеніе между коронованными лицами XIX столѣтія, предлагалъ возстановленіе Польскаго королевства, но получилъ отпоръ отъ Англіи, дѣйствовавшей за Австрію и Пруссію [1]).

Желаніе русскихъ царей примирить поляковъ снова обнаружилось въ царствованіе Александра II, когда Великій Князь Констан-

---

[1]) Герцогъ Веллингтонъ въ отвѣтъ маркизу Лондондерри 31-го августа 1831 года о преніяхъ между державами въ 1814—15 г. писалъ слѣдующее:

«Я думаю, что главный предметъ разногласія между лордомъ Кастельре и Императоромъ Александромъ, бывшимъ въ то время въ либеральномъ настроеніи, было желаніе послѣдняго возстановить Польское королевство, присоединивъ къ провинціямъ, составлявшимъ Варшавское царство, польскія губерніи, пріобрѣтенныя Россіей, по разнымъ договорамъ раздѣла. Надъ этимъ королевствомъ королемъ долженъ былъ быть императоръ россійскій. Проектъ этотъ произвелъ переполохъ при дворахъ Австріи и Пруссіи, которыя чувствовали, что ихъ польскія провинціи стали бы ненадежными владѣніями, если бы онъ былъ принятъ, и Вашъ братъ сталъ бы на защиту ихъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что проектъ былъ принятъ частично, т. е. Императоръ сдѣлался королемъ Польши, состоящей изъ губерній царства Варшавскаго, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, уступленныхъ Пруссіи и Австріи. Императоръ сохранилъ за собою право увеличить королевство Польское прибавленіемъ къ нему такихъ русско-польскихъ провинцій, какія онъ признаетъ нужнымъ, и онъ ставилъ условіемъ національное управленіе для поляковъ не только съ королемъ польскимъ, которымъ былъ онъ самъ, но и съ императоромъ австрійскимъ и съ королемъ прусскимъ. Россія одна изъ трехъ правительствъ исполнила вышесказанную статью Вѣнскаго трактата съ большей точностью".

Веллингтона донесеніе, т. 7, ст. 509.

тинъ Николаевичъ, братъ императора, былъ посланъ въ Варшаву, чтобъ приготовить все къ объявленію конституціи. Г-жа Новикова была лично заинтересована успѣхомъ этой миссіи, потому что братъ ея Александръ Кирѣевъ былъ въ штабѣ Великаго Князя. Это былъ моментъ, когда либеральное направленіе достигло въ Россіи самаго высокаго подъема. Къ освобожденію крѣпостныхъ должны были прибавить полное примиреніе съ поляками. Но подобно тому, какъ лордъ Фредериксъ Кавендишъ былъ убитъ въ Дублинѣ 20 лѣтъ спустя, такъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ и маркизъ Віелепольскій, польскій патріотъ, который бросился на защиту Великаго Князя, едва избѣжали смерти [1]).

Непримиримые, вмѣсто привѣта вѣстнику мира, разразились вооруженнымъ возстаніемъ. Теченіе въ сторону либерализма и уступокъ стало убывать, и русское правительство съ тяжелымъ сердцемъ принялось за ненавистную обязанность укрощать возстаніе въ странѣ, которую оно было намѣрено надѣлить свободой.

Легко можно себѣ представить, съ какою горечью и негодованіемъ г-жа Новикова получила отъ брата извѣстіе о неудачѣ миссіи польскаго примиренія. Но весь гнѣвъ ея на поляковъ остылъ, когда открылось, что французскій императоръ, тщеславію котораго Россія преимущественно обязана несчастіемъ Крымской войны, бросался во всѣ стороны, чтобы найти въ Польшѣ удобный случай стать во главѣ новой коалиціи противъ Россіи, и что англійское правительство выражало значительную симпатію къ его намѣреніямъ.

Первое кровопролитіе въ Польшѣ произошло въ январѣ 1863 г. Послѣднія шайки инсургентовъ сокрушены въ ноябрѣ. Въ этотъ промежутокъ времени Россія прошла черезъ памятный кризисъ, который долгое время вліялъ на ея будущее развитіе. Одно время казалось, что опасность войны неминуема. Въ этотъ-то бурный періодъ г-жа Новикова начала интересоваться международной политикой, въ которую она была посвящена лордомъ Непиромъ-Этрикъ, бывшимъ тогда британскимъ посломъ въ Петербургѣ. Въ то время, когда возникло польское возстаніе, лордъ Непиръ былъ уже три года въ Петербургѣ. Онъ былъ человѣкъ съ шотландскимъ здравымъ смысломъ и космополитической опыт-

---

[1]) Великій Князь Константинъ былъ назначенъ намѣстникомъ Царства Польскаго 8-го іюня 1862 г. 3-го іюня было произведено покушеніе на его жизнь.

ностью. Онъ не имѣлъ блестящаго ума, но былъ разсудителенъ и съ уравновѣшенной головой. Поступивъ въ 21 годъ на дипломатическую службу, онъ занималъ мѣста въ Вѣнѣ, Тегеранѣ, Константинополѣ, Вашингтонѣ и Гаагѣ, прежде чѣмъ былъ назначенъ посломъ въ Петербургъ, въ раннемъ возрастѣ, сорока одного года.

Г-жа Новикова была съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ до польскаго волненія, и когда въ 1863 году положеніе стало натянутымъ, ихъ отношенія естественно получили еще большее значеніе, такъ какъ предметъ разсужденій сдѣлался болѣе животрепещущимъ. Они безпрестанно встрѣчались въ Петербургѣ и Петергофѣ. Г-жа Новикова въ то время и не мечтала играть какую-нибудь роль въ международной политикѣ. Но она была молода, восторжена, страстная патріотка и, какъ извѣстно, братъ ея состоялъ въ штабѣ Великаго Князя Константина Николаевича. Лордъ Непиръ, проницательный и симпатичный, былъ первымъ извѣстнымъ англійскимъ дипломатомъ, оцѣнившимъ прелесть и умъ молодой русской женщины, разговоры съ которой о разнообразныхъ фазисахъ политическаго положенія доставляли ему наслажденіе. Такъ какъ они часто видѣлись, то его обширная переписка по большей части состоитъ изъ приглашеній принятія ихъ или извиненій за отсутствіе. Но по временамъ мы находимъ письма, характеризующія дипломатическое положеніе.

Здѣсь полезно сдѣлать отступленіе и вспомнить состояніе общественнаго мнѣнія въ то время въ Лондонѣ. Двѣнадцать лѣтъ спустя 10 ноября 1876 г. г-нъ Фришонъ написалъ г-жѣ Новиковой, по поводу точки зрѣнія англичанъ на Польскій вопросъ, слѣдующее предостереженіе:

„Въ письмахъ къ англичанамъ, даже къ друзьямъ англичанамъ, Вы должны быть осторожны, говоря о Польшѣ. Это Ваша слабая сторона, какъ Ирландія и Ямайка — Ирландія съ давнихъ поръ, Ямайка—на-дняхъ, наши. Народное повѣрье все смѣшиваетъ отъ 1772 до 1863 года и не знаетъ, что поляки когда-то занимали Москву. Я, который думаю, что знаю хотя отчасти исторію, говорю, что Россія была не то, что невиновна, но менѣе виновна, чѣмъ Пруссія и Австрія, въ раздѣлѣ цѣлаго на три части. Россіи принесло вредъ основаніе Польскаго королевства 1815 г. Это была фантазія, мечта, не способная долго продолжаться, она, конечно, рушилась. Какъ въ 1831 г., такъ и въ 1863 г., я не виню поляковъ въ томъ, что они бунтовали, и не виню Россію въ подавленіи бунта. Каждая сторона дѣйствовала, какъ я, или всякій другой, дѣйствовалъ бы въ такомъ случаѣ. Вопросъ только въ томъ, не

поступала ли каждая изъ сторонъ такъ, какъ она не должна была бы поступать? Обѣ онѣ дѣлали поступки, которые не необходимы ни для того, чтобы бунтовать, ни для того, чтобы подавить бунтъ? И, оцѣнивая такіе поступки въ каждой изъ сторонъ, я говорю, что бунтъ и его укрощеніе совершенно другая вещь, чѣмъ обыкновенная война между двумя державами. Я бы не поощрялъ, но прощалъ многое обѣимъ сторонамъ, чего бы я не простилъ, напримѣръ, въ войнѣ между Францей и Германіей. Не безпристрастенъ ли я"?

Черезъ два года 6-го декабря 1878 г. г-нъ Фришонъ возвращается къ той же темѣ.

„Вы можете сдѣлать что-нибудь изъ Польши, потому что она можетъ сплотиться съ Вами. Мы никогда ничего не сдѣлаемъ съ Ирландіей по невозможности этого достигнуть. Помните, что люди, кричащіе о Польшѣ, понятія не имѣютъ о разницѣ между Польшей 1772 г. и Польшей 1815 г. Они не знаютъ, что Австрія и Пруссія имѣли какое-либо отношеніе къ ней.

Имѣете ли Вы, какъ русская, смѣлость сказать: Тори, джингоисты, общество и всѣ Вы прочіе, когда мы были не правы, Вы насъ поддерживали: когда мы дѣйствуемъ правильно, Вы насъ уничижаете. Когда Вы думали, что мы ни на что не годны, Вы были за насъ, но когда Вы узнали, что есть хуже, чѣмъ мы, Вы стали намъ противиться и пошли за этими худшими. Это буквально такъ. Вы нація и можете преобразоваться. Вы уже начали это дѣлать. Но австрійское лицемѣріе неисправимо, оно только можетъ расколоться на части".

Въ 1864 году по случаю перевода лорда Непира изъ Петербурга въ Берлинъ, Таймсъ (Times) выступаетъ съ слѣдующей статьей, служившей по понятіямъ того времени соотвѣтственнымъ оправданіемъ для угрозъ вмѣшательства въ Польскій вопросъ:

„Мрачная исторія польскаго мятежа отнимаетъ охоту къ ея обозрѣнію. Давно создалось общественное мнѣніе относительно ряда дѣйствій, въ силу которыхъ независимая страна была порабощена и раздѣлена между тремя чужеземными побѣдителями. Три поколѣнія государственныхъ людей обличали это насиліе, и на нашей памяти мудрые и осторожные люди никогда не переставали сожалѣть о нихъ, какъ о дѣлахъ постыдныхъ и создающихъ опасеніе за будущность Европы. Съ такими мыслями мы смотрѣли на недавнее возстаніе въ русской Польшѣ. Каковы бы ни были ея причины, какія бы ни были частныя и мѣстныя ея дѣйствія, какъ бы

ни были безнадежны ея стремленія, мы не могли не видѣть въ немъ усилій угнетенныхъ пріобрѣсти свободу. Долгъ сочувствовать національной борьбѣ за независимость не соображается съ возможностью успѣха. Когда мы узнали, что жестокій наборъ рекрутовъ былъ сдѣланъ еще болѣе жестокимъ съ тою цѣлью, чтобъ избавить Варшавское правительство отъ политическихъ противниковъ, и что часть народа съ отчаянія вооружилась, всѣ бѣдствія и тираннія прошлаго вѣка ожили въ нашей памяти и наше правительство, являясь выразителемъ народа, не могло упустить случая побудить русскаго императора соблюдать договоры, которые обезпечивали Польшѣ настолько, насколько международный законъ можетъ обезпечить, честное и конституціонное правленіе. То, что эти чувства раздѣлялъ французскій императоръ, а также, что этому сочувствовалъ австрійскій дворъ, служитъ доказательствомъ ихъ правоты. Со стороны нравственной не можетъ быть сомнѣній. Приговоръ каждой свободной страны и соединенныя возраженія большинства европейскихъ государствъ провозгласили политику Россіи по отношенію къ завоеванной странѣ обидой для человѣчества.

Times 19-е ноября 1864 г.

Надо сознаться, что когда такія чувства господствовали въ Сенъ-Джемскомъ кабинетѣ, обязаность британскаго посла въ Россіи была не легка. Положеніе британскаго посла въ Россіи рѣдко покоится на розахъ... Это не происходитъ отъ противодѣйствій со стороны русскихъ, но отъ того, что посолъ, который видитъ и знаетъ факты на мѣстѣ, долженъ почти всегда быть болѣе или менѣе въ антагонизмѣ съ неосвѣдомленными предубѣжденіями, тяготѣющими надъ кабинетомъ, который даетъ ему инструкціи. На лорда Непира сыпались нападки за то, что потворствовалъ правительству, при которомъ онъ былъ акредитованъ. Наши джингоисты жаловались такимъ образомъ на каждаго англійскаго посла, представительствовавшаго въ Петербургѣ со времени Крымской войны. Но когда распри прекратились, лордъ Непиръ былъ награжденъ выраженіемъ довѣрія къ нему англичанъ, живущихъ въ Россіи, которые поднесли ему адресъ съ заявленіями, что „въ періодъ, полный опасностей для дипломатическихъ отношеній между двумя державами, Вы успѣли отличить правду отъ вымысла и, вѣрно донося о печальныхъ событіяхъ послѣднихъ двухъ лѣтъ, Вы способствовали сохраненію мира, столь необходимаго для пользы обѣихъ націй и для нашего частнаго благосостоянія“.

Адресъ заключался словами: „сознавая непоколебимую безпри-

страстность въ исполненіи этого и цѣня качества, которыя дали Вамъ возможность сохранить уваженіе и добрыя чувства къ Вамъ всѣхъ классовъ въ Россіи, а также одобреніе нашей Государыни".

Г-жѣ Новиковой полезно было увидѣть, какъ воинственныя наклонности англійской толпы и англійскихъ политиковъ были разбиты хладнокровнымъ здравымъ смысломъ и упорной независимостью британскаго посла. Это былъ первый, но далеко не послѣдній случай для г-жи Новиковой узнать, что и умнѣйшіе патріоты Англіи считаютъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ лучшей услугой, которую они могутъ оказать своему правительству, представить самую сильную оппозицію его политикѣ, если эта политика несправедлива.

Лордъ Непиръ имѣлъ дурную привычку помѣчать на своихъ письмахъ только дни недѣли и посылать ихъ съ нарочными. Такимъ образомъ, не имѣя даже почтовыхъ марокъ, какъ указаній, трудно опредѣлить съ точностью, когда были писаны слѣдующія письма.

Первое донесеніе лорда Русселя было отъ 2-го марта 1863 г. вслѣдъ за французскимъ донесеніемъ предыдущаго мѣсяца. „Почему Его Императорское Величество, спрашивалъ англійскій секретарь иностранныхъ дѣлъ, не прекратилъ сразу эту кровавую распрю, провозгласивъ немедленную, безусловную амнистію и въ то же время учредивъ національное управленіе? Этимъ, по всей вѣроятности, довольствовались бы поляки, и европейское мнѣніе было бы удовлетворено". Князь Горчаковъ получилъ представленія объ этомъ отъ всѣхъ великихъ державъ. Но, когда и маленькія государства желали тоже вмѣшиваться въ польскія дѣла, князь ихъ обрывалъ. Такъ, напримѣръ, португальскій министръ нѣсколько сконфуженно представляетъ ему ноту. Князь отвѣчалъ ему съ улыбкой: „Объ этомъ я поговорю съ Вашей женой сегодня вечеромъ".

Раздраженные равнодушіемъ, съ которымъ Россія отнеслась къ ихъ представленіямъ, лордъ Джонъ Руссель и Наполеонъ рѣшились на другой шагъ: 17 іюня лордъ Руссель отправилъ лорду Непиру ноту о польскомъ вопросѣ, въ которомъ Англія, Франція и Австрія дѣйствуютъ совмѣстно. Лордъ Непиръ пишетъ г-жѣ Новиковой объ этой нотѣ:

„Вы слышали о представленіяхъ трехъ правительствъ, 6 пунктовъ: 1) амнистія, 2) парламентъ, 3) національное правленіе, 4) польскій языкъ, 5) свобода религіи, 6) правильная система призыва рекрутовъ. Эти шесть пунктовъ не представляютъ большого затрудненія. Они не особенно расходятся съ тѣмъ, что обѣщалъ полякамъ не разъ Государь. Въ дѣйствительности многіе изъ нихъ уже дарованы

въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ объ этомъ извѣстно на западѣ Европы. Кромѣ шести пунктовъ есть еще предложеніе о прекращеніи враждебныхъ дѣйствій и о конференціи, но ультиматума нѣтъ. Все еще открыто для переговоровъ и компромисовъ, и мнѣ кажется, что общественное мнѣніе въ Англіи очень склонно въ пользу мира... Вотъ Вамъ отвѣты на Ваши вопросы о политикѣ".

Другое письмо неизвѣстнаго числа, извѣщеніе о прибытіи нотъ отъ Франціи, Австріи и Великобританіи:

„Моя послѣдняя нота пришла вчера вечеромъ, и я былъ намѣренъ написать Вамъ сегодня о положеніи, въ которомъ мы въ настоящую минуту находимся. Французская нота получена недѣлю тому назадъ, австрійская пришла третьяго дня, наша замедлилась. Ни одна еще не представлена. Князь Горчаковъ, вѣроятно, насъ приметъ въ среду. Изъ этихъ нотъ длиннѣе всѣхъ французская, короче всѣхъ австрійская и спокойнѣе всѣхъ англійская. Всѣ онѣ строги, можетъ быть, больше, чѣмъ этого заслуживаетъ русское правительство; но русское правительство заслуживаетъ нѣкоторую строгость и заслужитъ ее гораздо больше, если оно не воспользуется послѣднимъ случаемъ сохранить миръ и умиротворить Польшу.

Изъ содержанія этихъ нотъ я понимаю, что союзныя державы не имѣютъ намѣренія далѣе продолжать переписку въ настоящее время, и что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ русское правительство успѣетъ преобразовать и умиротворить королевство. По моему мнѣнію нѣтъ ни малѣйшей опасности вражды или разрыва въ нынѣшнемъ году. Если же въ теченіе осени и зимы возстаніе не будетъ усмирено и побѣждено, вмѣшательство начнется снова весной и, вѣроятно, приметъ болѣе угрожающій характеръ".

Положеніе было очень натянуто. Русскіе патріоты приходили въ ярость отъ дерзости Англіи и Франціи. Г-жа Новикова была увѣрена, насколько можно судить изъ другого письма безъ числа, что война будетъ, и предпочитала войну стыду позволить иностраннымъ государствамъ мѣшаться въ „наши дѣла". Хладнокровный шотландецъ въ посольствѣ на Невѣ не такъ былъ въ этомъ увѣренъ, какъ его возбужденная корреспондентка. Онъ писалъ:

„Войны еще нѣтъ, я удивляюсь, что Вы такъ увѣрены въ ней. Вашъ мужъ былъ у меня на-дняхъ и къ большому моему сожалѣнію не засталъ меня дома. Онъ тоже имѣетъ видъ воинственный. Вы слушали пророковъ зла, или Вы жили въ атмосферѣ придворныхъ и адъютантовъ. Отвѣты на три ноты еще не посланы. Они пойдутъ въ среду утромъ, я думаю, и я имѣю основаніе думать, хотя я ихъ не видѣлъ, что они въ миролюбивомъ тонѣ. Конечно, даже съ матеріальной точки зрѣнія Вы не пожелаете ради своихъ

приготовленій ускорять событія. Я думаю, что Ваше правительство пойдетъ на всевозможныя уступки, которыя допустимы достоинствомъ и честью. Я все же еще надѣюсь, что когда наступитъ кризисъ, въ англійскомъ парламентѣ окажется сильная демонстрація въ пользу мира, которая дастъ правительству возможность остановить свое стремленіе къ разрыву и, когда Англія остановится, Франція остановится тоже".

Очевидно лордъ Непиръ находилъ утѣшеніе повѣрять свои заботы, обманутыя ожиданія, свои надежды симпатизирующей ему г-жѣ Новиковой. Въ письмѣ, написанномъ, повидимому, въ концѣ іюля, посолъ пишетъ:

Вторникъ.

„Какъ странны люди. Я работалъ искренно и разсудительно съ приложеніемъ и доводами, чтобы показать фальшивость и пустоту польскихъ претензій и защитить русское правительство тамъ, гдѣ я нахожу справедливымъ его защищать, и обвинять его умѣренно, когда я признавалъ его неправымъ, что же я получилъ? одно недовѣріе. Получивъ извѣстіе отъ Русселя, я послалъ въ Англію выдержку изъ „Journal de St. Pètersbourg", и теперь они привѣтствуютъ меня какъ друга. Я радъ былъ быть другомъ ихъ, я бы желалъ льстить себя надеждой имъ остаться, но теперь князь Горчаковъ сдѣлалъ задачу дипломатіи вдвое труднѣе. Онъ намъ далъ самый странный отвѣтъ. Онъ принимаетъ шесть пунктовъ и принципъ конференціи, но онъ ограничиваетъ конференцію тремя державами: Австріей, Россіей и Пруссіей и исключаетъ Англію и Францію. Болѣе оскорбительнаго для тщеславія французовъ и болѣе заставляющаго падать духомъ друзей мира въ Англіи отвѣта трудно измыслить. Тѣмъ не менѣе я стараюсь смягчить его впечатлѣніе, говоря, что не видно, чтобы совѣщались съ Австріей или Пруссіей до этого предложенія. Я все же не теряю надежды и буду продолжать такъ поступать."

Отвѣтъ князя Горчакова помѣченъ 1-мъ іюля. Онъ отклонялъ разборъ шести пунктовъ въ подробности. „Если бы лордъ Руссель", писалъ онъ съ нѣкоторымъ вѣжливымъ сарказмомъ, „былъ освѣдомленъ о томъ, что происходитъ въ Польскомъ королевствѣ, онъ бы узналъ многое, что мы знаемъ, и чего нѣтъ надобности касаться здѣсь. Ничто, кромѣ безусловной сдачи, не можетъ быть совмѣстимо съ достоинствомъ нашего августѣйшаго монарха и съ чувствами русскаго народа.

Самый ярый москвичъ не могъ бы желать болѣе непримиримаго вызова. Наступила мертвая тишина. Объявитъ ли Англія войну?

*

Лордъ Непиръ надѣялся, что нѣтъ. Россія надѣялась тоже, что нѣтъ, но дѣлала приготовленія на всякій случай. Г-нъ Горсманъ увѣдомилъ о рѣшеніи нижней палаты, ведущемъ къ войнѣ. Къ счастью вліяніе королевы, представленія лорда Непира, собирающаяся гроза въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ и несомнѣнная оппозиція Кобдена, Брайта и ихъ друзей противъ всякой войны съ Россіей заставили лорда Пальмерстона увидать, что дѣлать было нечего. Онъ такъ и поступилъ къ величайшему удовольствію всѣхъ благоразумныхъ людей. Даже Times, двѣнадцать мѣсяцевъ спустя послѣ минувшей опасности, увидѣлъ идіотизмъ предложеннаго вмѣшательства. Описывая дѣятельность лорда Непира въ польскомъ кризисѣ, Times говоритъ:

„Рѣчь шла ни больше ни меньше, какъ о мирѣ или войнѣ, войнѣ вторичной съ той же державой въ теченіе семи лѣтъ изъ-за распри, которая насъ касалась настолько, насколько каждой націи касается принципъ права. Если бъ возбужденіе, охватившее Англію, отняло у націи обычный здравый смыслъ, мы бы теперь воевали съ Россіей и играли бы заискивающую роль передъ французами для изгнанія царскихъ войскъ съ территоріи въ самомъ сердцѣ Европы. При этихъ обстоятельствахъ удача или неудача не зависѣла бы отъ насъ. Мы могли не имѣть голоса въ опредѣленіи времени и способа дѣйствій, и миръ былъ бы заключенъ на условіяхъ, какія были бы угодны континентальнымъ державамъ безъ власти нашей его предотвратить. Однимъ словомъ, всѣ возраженія, которыя можно сдѣлать на вмѣшательство Англіи въ европейскіе споры были какъ нельзя болѣе примѣнимы къ Англіи въ войнѣ за освобожденіе Польши. Таковы были обстоятельства, въ которыхъ лордъ Непиръ долженъ былъ дать совѣты королевскому правительству и, если его пребываніе при русскомъ дворѣ дало ему въ какой бы то ни было мѣрѣ власть предотвратить это бѣдствіе, мы должны радоваться. Каковы бы ни были ошибки русскаго правительства, мы не сомнѣвались въ томъ, что въ Петербургѣ есть кругъ людей, который смотритъ съ болѣе либеральной точки зрѣнія на отношенія Россіи къ покореннымъ полякамъ и, если лордъ Непиръ былъ убѣжденъ, что послѣднее возстаніе должно кончиться пораженіемъ несчастнаго народа, онъ мудро поступилъ, не возстанавливая русскихъ противъ своихъ жертвъ.

Несмотря на дебаты по поводу рѣшенія г. Горсмана, войну считали возможной, хотя, какъ видно изъ письма лорда Непира г-жѣ Новиковой, онъ не терялъ надежды на миръ. Письмо безъ числа, но такъ какъ парламентъ былъ отсроченъ 28-го іюля, оно должно было быть написано послѣ этого времими, но ранѣе 7-го

сентября, когда французское предложеніе конгресса по дѣламъ Польши было отвергнуто, и инцидентъ исчерпанъ:

„Дорогая г-жа Новикова. Я Вамъ очень благодаренъ за добрую память, мало заслуженную. Я продолжаю быть очень занятъ и озабоченъ, но вовсе не теряю надежды на мирное соглашеніе. Результатъ преній въ парламентѣ въ общемъ былъ миролюбивъ, но не настолько, насколько я ожидалъ. Шесть мѣсяцевъ вопросъ мира или войны находился въ рукахъ лорда Пальмерстона и лорда Русселя, которые предпримутъ рѣшеніе, соображаясь со всѣми интересами, обязательствами и союзами нашего правительства и съ чувствами нашего народа.

„Нація приметъ и одобритъ резолюцію министровъ. Я думаю, что она будетъ въ пользу мира. Но русское правительство должно намъ помочь. Князь Горчаковъ популяренъ, правительство сильно. Имъ легче быть осторожными и дѣлать уступки; тѣ, кто сознаетъ свое безсиліе, упрямы и опрометчивы. Увѣренные въ своей силѣ могутъ быть спокойны и справедливы. Есть еще способы, неиспробованные и нѣкоторые пути къ миру, которые не были открыты. Но у насъ рука на двери, и щеколда поднимется въ надлежащій моментъ.

„Что касается Петергофа, я жажду попасть въ него на одинокую прогулку, въ хорошій день, съ надеждой Васъ встрѣтить и поговорить обо всѣхъ этихъ дѣлахъ. Но я не могу еще назначить день.

„Вѣрьте, что я Вашъ искренній другъ, и что я буду счастливъ Васъ видѣть.

Непиръ“.

Лордъ Непиръ оставался въ Петербургѣ еще годъ. Въ сентябрѣ 1864 года лордъ Букананъ былъ назначенъ на его мѣсто.

Въ моихъ стараніяхъ прослѣдить начало того ревностнаго усердія, съ которымъ г-жа Новикова въ позднѣйшее время старалась знакомить англійское общество съ своей родиной, я нашелъ письмо лорда Непира-Этрикъ, въ которомъ есть первое внушеніе о необходимости въ такой миссіи, толкованія и соглашенія. Въ бытность свою посланникомъ въ Россіи лордъ Непиръ возымѣлъ глубокую привязанность и уваженіе къ г-жѣ Новиковой. Безпрестанно въ своихъ письмахъ онъ вспоминаетъ съ самымъ искреннимъ чувствомъ о пріятномъ времени препровожденія съ нею въ Петербургѣ и Петергофѣ и до конца своей жизни онъ продолжалъ питать дружбу, заключенную въ раннюю пору ея замужества.

Когда лордъ Непиръ покидалъ Россію, въ концѣ 1864 г. онъ произнесъ рѣчь объ англо-русскихъ отношеніяхъ, которая при-

влекла къ себѣ вниманіе обѣихъ странъ. Такъ какъ эта рѣчь и письмо, въ которомъ лордъ Непиръ объясняетъ свою цѣль и свои намеки, произвели, повидимому, сильное впечатлѣніе и вліяніе на г-жу Новикову, они требуютъ больше, чѣмъ мимолетнаго вниманія

Англійскіе послы не имѣютъ обыкновенія говорить публично, но лордъ Непиръ передъ своимъ отъѣздомъ два раза говорилъ рѣчи: одинъ разъ за обѣдомъ въ англійскомъ клубѣ, второй разъ въ отвѣтъ на адресъ англичанъ, живущихъ въ Россіи. Въ первой рѣчи онъ говорилъ объ Александрѣ II, какъ о монархѣ, въ которомъ весь міръ признаетъ твердость, благосклонность, искренность, а также его просвѣщенныя и человѣколюбивыя намѣренія. „Тѣмъ болѣе, говоритъ онъ, что мы были сочувствующими зрителями великой преобразованной и возрожденной національности“.

Многое однако оставалось сдѣлать, для того чтобы англійская публика повѣрила въ преобразованную и возрожденную національность.

Вторая рѣчь лорда Непира была посвящена представленію необходимости лучшаго пониманія между двумя націями. Стоитъ воспроизвести часть ея, хотя бы для того, чтобы показать, какъ давно британская дипломатія старалась положить основаніе тому соглашенію, о которомъ было суждено сэру Эд. Грей и г-ну Извольскому, наконецъ, объявить миру. Между 1864 и 1908 г. прошло сорокъ четыре года, часто въ ссорахъ, иногда въ приготовленіяхъ къ войнѣ, тогда какъ всего этого можно было бы избѣжать, если бы духъ этой удивительной рѣчи проникъ тогда же въ англійское министерство иностранныхъ дѣлъ и въ печать. Лордъ Непиръ сказалъ:

„Правда, что мы пережили опасное время для дружескихъ отношеній Англіи и Россіи и для мира Европы. Несомнѣнно также, что, если этотъ кризисъ прошелъ безъ печальныхъ послѣдствій, о которыхъ Вы упоминаете, то этимъ мы обязаны исключительно благоразумію министровъ Ея Величества, которые не допустили, чтобы ихъ рѣшеніе въ дѣлѣ всеобщихъ прочныхъ интересовъ подверглось вліянію частнаго и проходящаго зла. Въ второстепенной роли, которую я былъ призванъ играть въ этихъ переговорахъ, я старался представить правительству Ея Величества правильные взгляды императорскаго правительства и національныя чувства Россіи. Я старался говорить какъ безпристрастный, но неизмѣнно благонамѣренный судья, не позволяя себѣ ослѣпленія страстями

данной минуты. Въ этомъ направленіи я имѣлъ поддержку въ милостиво оказанной мнѣ благосклонности Его Императорскаго Величества и въ довѣріи къ моимъ намѣреніямъ Его Свѣтлости князя Горчакова. Господа, мы можемъ откровенно выразить наше сочувствіе великой націи, управляемой добрымъ монархомъ и работающей съ твердостью и спокойствіемъ надъ замѣчательной реформой, которая готовитъ ей счастливую будущность. Выражая эти чувства, я знаю, что передаю искреннія чувства моихъ соотечественниковъ, живущихъ въ Россіи. Если политическія отношенія между Россіей и Англіей не даютъ основаній къ исключительной и постоянной дружбѣ, они тѣмъ не менѣе даютъ много поводовъ къ обоюднымъ добрымъ услугамъ. Мы не можемъ льстить себя надеждой, чтобы интересы двухъ совершенно разнаго устройства государствъ, которыхъ широкія силы вліянія на торговлю и проч. почти равны во многихъ отношеніяхъ, никогда не пришли въ столкновеніе. Долгъ дипломатіи предупреждать или во всякомъ случаѣ ослаблять причины могущихъ возникнуть несогласій и пользоваться всякимъ законнымъ случаемъ для дружескаго содѣйствія. Крайнія обстоятельства налагаютъ на оба государства обязательную необходимость вести мирную политику. Мнѣ кажется, что мнѣніе большинства мыслящихъ людей въ Россіи, служащихъ ли государству или частныхъ лицъ, въ пользу Англіи. Безполезно отрицать, что есть такіе предметы, относительно которыхъ честныя и смѣлыя чувства большинства англичанъ противъ Россіи. Я ожидаю большую перемѣну въ этомъ отношеніи. Распространеніе образованія, увеличеніе промышленности, развитіе общественной свободы въ имперіи и спокойное отношеніе императорскаго кабинета къ Восточному вопросу возбудятъ дружескія чувства въ Англіи и возвысятъ оцѣнку Россіи на политическихъ и религіозныхъ вѣсахъ Европы. Такимъ путемъ подозрительность и вражда прежнихъ лѣтъ прекратятся. Я думаю, что отношенія между двумя правительствами въ настоящее время могутъ внушать намъ довѣріе, и что въ скоромъ времени они представятся еще болѣе удовлетворительными. Жаль, что годы, протекшіе послѣ мира 1856 г., не подвинули впередъ принципъ торговой свободы и не развили болѣе близкія промышленныя и торговыя отношенія между двумя государствами.

Московская газета, издаваемая въ то время Катковымъ, величайшимъ русскимъ журналистомъ, горячо хвалила рѣчь лорда Непира.

Г-жа Новикова, отнесшаяся къ рѣчи тоже съ похвалой, получила отъ лорда Непира слѣдующее письмо:

Посольство Е. В. Берлинъ
Ноября 23. 1864 г.

„Дорогой мой другъ, г-нъ Мичель писалъ мнѣ, что Катковъ напечаталъ очень лестную статью по моему адресу, и что Вы рады этому. Благодарю Васъ за это новое доказательство Вашей дружбы и очень сожалѣю о томъ, что послѣднее свиданіе наше было такъ кратко и прерываемо, что я не могъ объяснить Вамъ значеніе и причины моего отвѣта, которыя Катковъ, однако, прекрасно понялъ и охарактеризовалъ. Я не говорю о части, касающейся меня лично слишкомъ дружеской и лестной; въ общественномъ смыслѣ она имѣетъ мало значенія. Я говорю о моихъ намекахъ на коллизію, которая могла случиться между двумя странами, о моей ссылкѣ на фритредерство и объ упорной злобѣ англичанъ къ Россіи.

„Уѣзжая изъ Россіи, мнѣ хотѣлось что-нибудь сказать англичанамъ и русскимъ. Купцы мнѣ дали предлогъ. Я бы могъ говорить вѣжливо, любезно и безцвѣтно. Это не произвело бы впечатлѣнія ни въ ту, ни въ другую сторону. Я бы могъ говорить весьма цвѣтисто, восхваляя Россію. Это бы вызвало въ Англіи ругательства на Россію и на меня, а многіе русскіе сказали бы, что это дипломатія и лицемѣріе. Мнѣ казалось, что лучшій комплиментъ, который я могу сдѣлать русскимъ, это сказать имъ правду, представить имъ вѣрную картину отношеній между Англіей и Россіей, сказать всѣмъ публично то, что я не разъ говорилъ многимъ въ частности. Вы свидѣтельница того, что я это дѣлалъ. Если все еще есть русскіе, не терпящіе правды, думающіе, что правда есть непріязнь, и которые считаютъ, что я, который одинъ всѣ эти годы старался исполнить свой долгъ передъ Россіей, противъ чувствъ моей родины и моего правительства, теперь могъ бы имѣть желаніе оскорбить чувства русскихъ, которые были такъ добры ко мнѣ, то противъ этого я сдѣлать ничего не могу. Я не могу оспаривать такіе упрямые призраки. Англичане все еще въ общемъ противъ Россіи. Сочувствіе ихъ къ Польшѣ, Турціи, Кавказу все еще на лицо. Чтобъ внушить Англіи лучшія и болѣе справедливыя отношенія къ Россіи, нужна большая осторожность и умѣренность. Англичане должны быть пріучены слышать хорошее о Россіи постепенно. Вы можете сказать, что мы очень упрямы и несправедливы. Я допускаю, по крайней мѣрѣ, что англичане упорны въ своемъ гнѣвѣ. Такова природа нашей націи. Это надо сознать и дѣйствовать сообразно съ этимъ. Мнѣ кажется, я знаю, какъ надо поступать. Единственная замѣтка о моей рѣчи въ англійской печати доказываетъ, мнѣ думается, что я правъ. Вы увидите, какъ сильна еще

злоба. Вы увидите, что они думаютъ, что я слишкомъ благопріятно сужу о Россіи, однако, тонъ сталъ дружелюбивѣе, чѣмъ былъ.

„Все это обо мнѣ, что очень неправильно, но вѣрьте, что въ то время, какъ я пишу это, я больше думаю о Васъ, чѣмъ о себѣ, и что я навсегда сохраню благодарное воспоминаніе о добротѣ Вашей, а также Вашего мужа, котораго привѣтствую.

„Если Вы не видѣли статьи Таймсъ, Мичель Вамъ можетъ ее показать, или я Вамъ ее пришлю. Вѣрьте, что я навсегда Вашъ вѣрный другъ. Непиръ“.

Легко понять впечатлѣніе, которое это письмо произвело на его получательницу. Старикъ посолъ выставилъ откровенно и ясно факты положенія. „Англичане вообще противники Россіи. Англичане должны привыкнуть слышать хорошіе отзывы о Россіи постепенно. Англичане очень упорны въ злобѣ. Это свойство нашей націи и его надо признать и съ нимъ сообразоваться. Лучшій комплиментъ, который я могъ сдѣлать русскимъ, это сказать имъ правду“. Эти слова сознательно или безсознательно, но внушили г-жѣ Новиковой всю ея послѣдующую дѣятельность. Она никогда не забывала, что лучшая любезность, какую можно сдѣлать націи, это сказать ей правду о томъ, какъ относятся къ ней сосѣди. Она всегда была глубоко потрясена упорнымъ озлобленіемъ Англіи къ Россіи и поставила себѣ главной задачей пріучать англичанъ постепенно слышать хорошіе отзывы о Россіи.

Лордъ Непиръ уѣхалъ изъ Петербурга осенью 1864 года, передъ отъѣздомъ онъ былъ въ Финляндіи на ловлѣ семги, какъ это дѣлали потомъ и многіе его замѣстители.

По возвращеніи своемъ онъ пишетъ, 2-го іюля, г-жѣ Новиковой слѣдующее письмо, замѣчательное своимъ чисто шотландскимъ предостереженіемъ въ послѣдней фразѣ:

„Я ѣздилъ въ Финляндію къ берегамъ рѣки Муксенъ, къ водопаду Иматра. Что за благородная рѣка! настоящая живописная щедрость природы, не то что полезныя, разсудительныя рѣки для постройки мельницъ или плаванія кораблей, какъ Нева или Рейнъ: это дикій бурный потокъ, бѣгущій взадъ и впередъ для удовольствія поэтовъ, живописцевъ и рыбаковъ. Дунай съ видомъ горнаго ручья. Водопады мало значительны, все вмѣстѣ взятое прекрасно. Мнѣ также очень нравится страна. Камни и булыжникъ, вода и небо—вотъ все, что она представляетъ. Народъ очень бѣденъ и простъ, но не въ обиду Вашему московскому чувству будь сказано, есть что-то въ наружности и трудолюбіи народа, что про-

исходитъ отъ протестантства и свободы, — сравнительной свободы".

Мѣсяцъ спустя онъ началъ письмо въ Петербургѣ и кончилъ въ Берлинѣ. Письмо, написанное больше въ духѣ Дюфферина, чѣмъ лорда Непира. Здѣсь тоже замѣтенъ уколъ въ заключительной фразѣ:

„Дорогая г-жа Новикова,—оказывается, что нѣкая прелестная, путешествующая дипломатическая дама вздыхаетъ о нѣкоемъ неподвижномъ парламентскомъ лордѣ. Она надѣется, я предполагаю, что лицо столь удостоенное, столь счастливое можетъ направить стопы свои въ какое-нибудь нейтральное мѣсто Германіи, куда случай или счастье приведетъ ея божественныя ножки и гдѣ обмѣнъ симпатій, начавшійся подъ кедрами Ливанскими, можетъ возобновиться подъ липами Рейна [1]). Я желалъ бы содѣйствовать осуществленію этой мечты, о которой я ничего не знаю, но которую я открываю собственной проницательностью. Я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ. Я приставлю шпіона за всѣми движеніями лорда, о которомъ послѣднее извѣстіе было, что онъ присутствовалъ на большомъ состязаніи въ стрѣльбѣ между палатой лордовъ и нижней палатой. Я встрѣтилъ французскаго консула изъ Варшавы, спросилъ у него, не происходитъ ли что нибудь въ этомъ городѣ. Онъ сказалъ: Non, il n'y a rien, Les affaires sont tout à fait suspendues". На что я отвѣтилъ съ сарказмомъ: „Et les hommes aussi". Въ сегодняшней утренней газетѣ пять смертныхъ казней".

Лордъ Непиръ-Этрикъ оставилъ постъ посла въ Берлинѣ въ 1865 году и въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ губернаторомъ Мадраса.

Онъ пишетъ г-жѣ Новиковой:

„Въ началѣ марта я приму бразды моего новаго правленія, о которомъ я не имѣю понятія. Я не намѣренъ быть дѣятельнымъ губернаторомъ или дѣлать вредныя улучшенія. Я постараюсь какъ можно меньше вредить моими нововведеніями таинственнымъ милліонамъ людей, и, если они взбунтуются, я не буду такъ много вѣшать, какъ Муравьевъ или Эйръ въ Ямайкѣ.

Всегда Вашъ искренно".

---

[1]) Невѣстка г-жи Новиковой, жившая въ Вѣнѣ, спрашивала, не можетъ ли случиться, чтобы лордъ Дюфферинъ, котораго она встрѣтила въ Ливанѣ, посѣтилъ Германію въ то лѣто.

Когда лордъ Непиръ отправился въ свое губернаторство, онъ удалился отъ взоровъ, но не отъ доброй памяти г-жи Новиковой, которая писала ему по временамъ, и письма ея доставляли всегда удовольствіе посланнику въ его индійскомъ изгнаніи. Вотъ нѣсколько его писемъ изъ Индіи, которыя я привожу не только ради нѣжнаго дружескаго ихъ тона, но и потому, что они рисуютъ жизнь губернатора въ Мадрасѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Мадрасъ. Марта 29. 1866.

„Дорогая г-жа Новикова. Ваше письмо отъ 15/30 января долго лежало нетронутымъ на моемъ столѣ. Оно было получено въ Мадрасѣ въ то время, когда я былъ въ Калькутѣ. Это Вамъ объяснитъ и извинитъ меня передъ Вами за долгое молчаніе и кажущуюся неблагодарность. Я не неблагодаренъ. Ваша память обо мнѣ глубоко трогаетъ меня, и я чувствую, какъ мало заслуживаю такую вѣрность. Fait accompli не существуетъ, если Вы этимъ хотите сказать, что я забылъ Вашу доброту и удовольствіе, которымъ я наслаждался въ Вашемъ обществѣ. Я всю жизнь буду это помнить съ благодарностью. Маленькая комната въ Петергофѣ на улицѣ, имя которой забылъ, я вижу, какъ сейчасъ, всю ея обстановку, тѣхъ людей, которые часто тамъ бывали и такъ неохотно уходили оттуда, и даму съ крѣпко сложенными руками.

Вы спрашиваете о моихъ планахъ на лѣто, какъ будто бы я могъ ѣхать, куда хочу, и какъ будто бы я могъ колебаться между островами и Петергофомъ или между Баденомъ и Киссингеномъ. Знайте же, что, когда губернаторъ назначенъ въ Мадрасъ, онъ обязанъ пробыть въ немъ пять лѣтъ и долженъ повернуть спину Европѣ и ея пріятнымъ мѣстопребываніямъ. Вотъ мои планы на лѣто. Я прежде всего ѣду отсюда, Гинда, въ Мадрасъ, это всего шесть миль. Остаюсь въ Мадрасѣ до перваго іюля, собираю своихъ людей и отправлюсь на военную стоянку Бангалоръ на Plateau of Mysore. Найдите Мизоръ на картѣ. По крайней мѣрѣ та выгода имѣть друга въ Индіи, что можно изучить немножко географію. Въ Бангалорѣ я встрѣчаю палатки и слоновъ и оттуда пускаюсь путешевствовать по пустынѣ, какъ дѣти Израиля. Я посѣщу три провинціи Беллари, Карнулъ и Кудаппа, самую сухую, самую опустѣлую, самую нездоровую въ этой странѣ, недавно испытавшую засуху и голодъ. Странствіе вверхъ и внизъ по пустынѣ займетъ шесть недѣль. Послѣ этого я на двѣ недѣли буду имѣть убѣжище въ горной крѣпости, называемой Бундидрогъ, бойницы которой воздвигнуты на высотѣ 4000 футовъ надъ уровнемъ моря. Освѣжась горнымъ воздухомъ, я буду опять готовъ продолжать путь

по долинамъ, направляясь вѣроятно на Тричинополи и на болѣе плодородныя южныя провинціи.

Вся поѣздка продлится три мѣсяца, то самое время, которое Вы проведете вблизи тѣнистыхъ садовъ и красивыхъ рѣкъ. Жена въ это время будетъ отсутствовать. Она имѣетъ право уѣхать домой. Мѣсто ей взято на іюньскомъ пароходѣ, и она пробудетъ въ Шотландіи до ноября. Дальше я заглядывать не хочу. Какъ Вамъ нравится мое лѣтнее странствованіе по пустынѣ съ палатками и слонами? У меня будетъ одиннадцать слоновъ, около дюжины верховыхъ лошадей и около сотни поселянъ, носящихъ тяжести на головахъ. Каждый изъ насъ будетъ имѣть свою палатку и будетъ общая палатка для обѣдовъ и для общества. Не хотите ли Вы поѣхать съ нами? Скажите мнѣ, кто посѣщаетъ Васъ ежедневно? имѣете ли Вы новыя картины или красивыя новыя вещи? что подѣлываетъ Вашъ мужъ, и какое мѣсто онъ теперь занимаетъ и какъ поживаетъ Ваша невѣстка, г-жа Новикова, съ большими синими глазами? Навсегда, мой дорогой другъ, Вамъ вѣрно преданный Непиръ.“

Іюня 16-го 1866.

„Нѣтъ, Вы бы не пріѣхали сюда, нѣтъ, даже и ради друга, если бы Вы могли видѣть, что это за мѣсто. Три дня дулъ страшный вѣтеръ, дулъ безъ перерыва, изнутри страны принося тучи пыли съ горячимъ воздухомъ, такъ что небо ими омрачено, и все въ домѣ пропитано пескомъ. Термометръ 92—98 по Фаренгейту.

Намъ еще остается почти мѣсяцъ этого мученія, прежде чѣмъ мы можемъ уѣхать. Когда мы уѣдемъ, жена поѣдетъ на Нейльгери, холмы 7000 футовъ надъ уровнемъ моря съ озерами и лѣсами и температурой Итальянскихъ Альпъ. Я, наоборотъ, долженъ ѣхать въ отдаленную знойную провинцію Ганжанъ, гдѣ населеніе умираетъ отъ голода, какъ у васъ иногда умираютъ финны. Я не могу отдать себя на съѣденіе, но могу дать мое посѣщеніе и симпатіи, а также выслать денегъ и рису. Это будетъ очень тяжело. Индійскій голодъ должно быть ужасное зрѣлище. Что еще сказать вамъ? у меня здѣсь два прекрасныхъ дома, одинъ въ городѣ, а другой въ окрестностяхъ. Это обширные дворцы съ отличнымъ воздухомъ, нѣсколько пустые, потому что климатъ не допускаетъ драпировокъ и мебели. Мы не умираемъ отъ голода или жажды. Я не имѣю затрудненій въ управленіи, должностныя лица очень расположены ко мнѣ и почтительны, нѣтъ злобы или противодѣйствія. Окружающіе меня люди частью родственники, частью друзья. Механическая работа не обременительна. Много нужно сдѣлать для блага

таинственныхъ милліоновъ, живущихъ вокругъ насъ, и которыхъ мы очень мало знаемъ, и нѣтъ денегъ, чтобы привести это въ исполненіе. Я здѣсь потому, что хочу уплатить свои долги и сдѣлать нѣкоторое сбереженіе. Не вижу, какъ это сдѣлать пока, и только имѣю заботы и расходы по обзаведенію.

Мадрасъ іюля 4 дня 1867.

„Какъ я желалъ бы чтобы Вы были здѣсь! Жена уѣхала домой по семейнымъ дѣламъ на три или четыре мѣсяца. Я сижу здѣсь. Вотъ Вашъ портретъ съ ниткой бисера на колѣняхъ. Столъ мой покрытъ всѣми воспоминаніями прекраснаго прошлаго, три окна открыты передо мной на глубокую веранду, три соотвѣтствующія двери въ ставняхъ веранды открыты въ паркъ. Большія банановыя деревья колышутся въ монотонномъ морскомъ вѣтеркѣ, антилопы скачутъ по травѣ, несмолкаемый ревъ морского прибоя несется по вѣтру. Солнце только-что закатилось. Міръ начинаетъ дышать. Мнѣ слышны звуки настраивающихся инструментовъ оркестра. Вокругъ мѣста, гдѣ стоитъ оркестръ, есть витая дорожка, называемая „Лукъ купидона“, но увы этотъ богъ изъ него никогда не пустилъ стрѣлы.

Меня ждетъ лошадь у двери. А Вы наслаждаетесь въ какомънибудь нѣмецкомъ курортѣ, такъ свѣжо, хорошо. Вспомните обо мнѣ въ пріятныхъ шипящихъ водахъ“.

Шермадеви Тинневали Южная Индія.
Сентября 26 дня 1768.
Въ бутало, на берегу большаго пруда,
между тополями и пальмами.

„Мой дорогой и добрый другъ. Я здѣсь, близъ мыса Каморина для того, чтобы посѣтить христіанскія миссіонерства, ихъ черныхъ овецъ, но онѣ всѣ бѣлыя. Это пастырское посѣщеніе, и я учу маленькихъ дѣтей, читая утромъ, по секрету, библію, чтобъ знать, что спрашивать. Иногда у меня проскользнетъ то тамъ, то сямъ еретическое словцо, или неразрѣшимый вопросъ. Вы православная?“

Мадрасъ. Марта 21 дня 1871.

„Правда, меня просили остаться еще годъ въ Индіи. Туземцы имѣютъ слабость любить Вашего покорнаго слугу и желаютъ продлить его управленіе, недоумѣвая, какой анстъ можетъ послѣдовать за этимъ чурбаномъ. Я не много дѣлаю, но я ихъ убѣждаю въ моемъ желаніи имъ добра. Я принимаю въ нихъ участіе, а они во мнѣ и въ моей женѣ“.

Судьба лорда Непира вела его къ еще болѣе высокому назначенію. Когда лордъ Майо былъ убитъ на Андаманскихъ островахъ, лордъ Непиръ былъ внезапно призванъ на исправленіе должности вице-короля до прибытія лица, замѣнившаго лорда Майо. Я буду имѣть случай ссылаться впослѣдствіи на переписку лорда Непира, потому что до конца своей жизни онъ оставался другомъ г-жи Новиковой.

Сообщено Е. С. М.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Портретъ А. М. Жемчужникова, нарисованный имъ самимъ Александру Владиміровичу Жиркевичу [1].

(Окончаніе).

16.

29 января 95. Петербургъ.

Дорогой Александръ Владиміровичъ!

Сердечно радуюсь улучшенію здоровья Вашей супруги. Объ этомъ улучшеніи я имѣлъ свѣдѣнія отъ Я. П. Полонскаго [2]) прежде полученія Вашего послѣдняго письма отъ 22-го. Ваше письмо отъ 10-го я также получилъ. Извините, что не отвѣчалъ на него. Никакъ не могу сладить съ временемъ въ Петербургѣ. Постоянно времени нѣтъ и постоянно ничего не дѣлаю. Едва успѣваю просмотрѣть газеты. При томъ же дни коротки; берегу зрѣніе; особенно безпокоитъ меня лѣвый глазъ. Всѣ эти дни очень холодно. Вотъ ужъ подлинно: собачій климатъ. Я безвыходно сижу дома. Почти никого не вижу, кромѣ сестры, двоюродныхъ сестеръ и племянницъ. Все дамы и дѣвицы. Очень, впрочемъ, пріятныя. Былъ два раза у Полонскаго. Онъ былъ разъ у меня. Встрѣтилъ у Полонскаго Мережковскаго, а въ другомъ домѣ, куда была приглашена сказательница Ирина Федосова, поговорилъ съ Величко. Вотъ и всѣ мои литературныя сношенія. Стасюлевичъ очень занятъ. Мы только переписываемся изрѣдка. Я у него не былъ еще ни разу. (Онъ, дай Богъ ему здоровья, былъ у меня два раза). Впрочемъ и здоровые люди предпочитаютъ въ такую погоду сидѣть дома. Говоря въ послѣднемъ письмѣ о моемъ житьѣ въ деревнѣ, Вы

---

[1]) См. „Русскую Старину“, апрѣль 1909 г.

[2]) Поэта.

„вспомнили“ мое „чудное стихотвореніе“. Какое именно? Меня это, конечно, интересуетъ. Видѣли ли Вы въ январской книгѣ „Вѣстникъ Европы“ мое стихотвореніе „Святая пора“? Понравилось ли оно Вамъ? На этихъ дняхъ высылаю Вамъ наконецъ Козьму Пруткова. Вс. Крестовскаго я, кажется, никогда не видалъ. Во всякомъ случаѣ не былъ съ нимъ знакомъ ни въ какую пору его дѣятельности. Читалъ только его романъ „Трущобы“. Дружески жму Вашу руку. Прошу не сѣтовать на меня за неаккуратность въ перепискѣ и вѣрить какъ моему сердечному къ Вамъ участію, такъ и моей искренней благодарности за Вашу симпатію ко мнѣ. Вашъ.

17.

1 ноября 96. Стенькино, Рязанскаго уѣзда.

Дорогой, многоуважаемый Александръ Владиміровичъ!

Я получилъ здѣсь вчера Ваше письмо отъ 25 октября и спѣшу Вамъ отвѣчать. Вашего письма, на которое Вы ждете отвѣта, я не получилъ. Не знаю, куда Вы его адресовали. Я провелъ все лѣто до сентября въ Тамбовской губерніи, въ имѣніи мужа моей старшей дочери. Сентябрь и октябрь провелъ я въ Стенькинѣ. На этихъ дняхъ надѣюсь выѣхать въ Тамбовъ, выбравъ для этого путешествія день съ возможно-приличной погодой. Въ Тамбовѣ буду зимовать. Письмо, о которомъ Вы говорите, хранится у меня въ деревнѣ Павловскѣ, Ялецкаго уѣзда, Орловской губерніи [1]). Никто, кромѣ меня, его найти не можетъ.

Будущее лѣто, если буду живъ и здоровъ, надѣюсь навѣстить Павловку и тогда добуду это письмо. Мнѣ желательно оригиналъ сохранить въ моей семьѣ; но съ удовольствіемъ сообщу его Вамъ для снятія съ него копіи. Прошу Васъ весною мнѣ объ этомъ напомнить. Адресъ моей квартиры въ Тамбовѣ я еще не знаю. Если Вы пожелаете мнѣ туда писать, то прошу Васъ адресовать мнѣ Ваше письмо такъ: „Тамбовъ. Большая улица, домъ Адамъ. Его В-ію Михаилу Андреевичу Баратынскому, для передачи мнѣ“.

М. А. Баратынскій женатъ на моей дочери. Они живутъ зимою въ Тамбовѣ. По этой причинѣ и мнѣ захотѣлось тамъ зимовать. Здоровье мое, слава Богу, покуда весьма изрядно. Но морозы—мои злѣйшіе враги. Они еще впереди—и будутъ продолжаться почти полгода. Это ужасно!! Но съ ними ничего не подѣлаешь,

[1]) Собственноручное письмо Святителя Тихона Задонскаго, съ поученіемъ къ одному изъ предковъ поэта боярину Жемчужникову; о письмѣ мнѣ разсказывалъ Алексѣй Михайловичъ лично, но письма такъ и не прислалъ.

какъ и со множествомъ другихъ враждебныхъ условій! Дружески жму Вашу руку. Будьте съ Вашею семьей здоровы и благополучны, Вашъ.

18.

15 марта 97. Тамбовъ. Киркина улица, д. Мачильской.

Дорогой и многоуважаемый Александръ Владиміровичъ! Извините меня, пожалуйста, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ на Ваше доброе письмо отъ 30 декабря. Одинъ изъ главныхъ моихъ недостатковъ—неумѣнье совладать со временемъ и имъ пользоваться—усиливается по мѣрѣ того, какъ я старѣю. Это для меня очень печально. Не только не пишу писемъ, но и моихъ записокъ. А мнѣ уже стукнуло 76 лѣтъ. Когда же я ихъ начну? Чего я жду?—Задаю себѣ эти вопросы и все-таки не начинаю. Хоть бы начать; можетъ быть пошло бы. Скучно собирать матеріалы. Ихъ не мало въ моемъ письменномъ столѣ въ деревнѣ; но я у себя въ деревнѣ не былъ уже въ теченіе почти трехъ лѣтъ. Мнѣ кажется, что я одинъ могу ихъ разобрать и воспользоваться ими такъ, чтобы изъ нихъ что-нибудь вышло. Впрочемъ, и помимо этихъ матеріаловъ, у меня есть въ головѣ, что сказать, съ чего бы начать; но не могу. Очень скучно объяснять и себѣ и другимъ, почему, по всей вѣроятности, я не оставлю послѣ себя никакихъ записокъ и воспоминаній [1]).

Ваше письмо было, какъ я сказалъ, доброе по отношенію ко мнѣ. Но оно было и очень грустно, когда Вы говорили о себѣ и о Вашей семьѣ. Поправились ли Вы въ своемъ здоровьѣ? Все ли у Васъ благополучно? Напишите хоть нѣсколько строкъ и не сердитесь, если я опять на нихъ вскорѣ не отвѣчу. Изъ некролога А. Н. Майкова я вижу, что онъ былъ моложе меня на 3 мѣсяца и 13 дней. Я. П. Полонскій, слава Богу, еще живъ; но изъ газетъ видно, что онъ боленъ. Онъ мнѣ симпатиченъ, и я послѣдніе годы съ нимъ сблизился; а покойнаго Майкова, можно сказать, совсѣмъ не зналъ. Старики уходятъ, что, впрочемъ, совершенно въ порядкѣ вещей. Мнѣ хотѣлось бы еще пожить. На здоровье жаловаться не смѣю. Хриплю, конечно, харкаю,—но безъ этого нельзя. Много сижу дома. Зимою выѣзжалъ только въ возкѣ, которымъ четыре добрыхъ дамы—сестры предоставили мнѣ пользоваться. Этотъ во-

[1]) Я неоднократно, во время переписки, старался засадить Ал. Мих-ча за воспоминаніе о быломъ.

зокъ меня и спасъ отъ простуды. Что будетъ весною—Богъ знаетъ. Крѣпко жму Вашу руку. Будьте здоровы и благополучны, Вашъ.

19.

19 іюля 1897 г. Тамбовъ.

Дорогой Александръ Владиміровичъ!

Очень благодарю Васъ за Вашу прочувственную статью и за любезную на ней надпись. Я все еще въ Тамбовѣ. Моя вторая дочь была больна острымъ желудочнымъ катарромъ и слегла болѣе мѣсяца тому назадъ. Теперь она, слава Богу, поправляется, встаетъ и есть надежда, что мы въ концѣ мѣсяца выберемся изъ города. Мы переѣдемъ въ имѣнье старшей моей дочери Баратынкой, въ четырехъ часахъ ѣзды отсюда по желѣзной дорогѣ. Хорошо что при нашей городской квартирѣ есть хорошій, тѣнистый садъ. А то тяжело было бы и больной, и мнѣ самому, проживать жаркіе дни въ пыльномъ Тамбовѣ. Я кое-что здѣсь написалъ. Вы, вѣроятно, прочли мое „Завѣщаніе“ въ „Недѣлѣ“, а въ „Вѣстникѣ Европы“ „Прежде и теперь“. Спѣшу Васъ увѣдомить, что знакъ восклицанія въ концѣ заглавія послѣдняго стихотворенія поставленъ не мною. Кто потрудился его поставить и зачѣмъ—мнѣ неизвѣстно. Я пустилъ это стихотвореніе въ лѣтній мѣсяцъ именно потому, что оно слишкомъ интимно и мало. Казалось, что напечатать его теперь будетъ скромнѣе, чѣмъ зимою. А знакъ! какъ будто къ чему-то подготовляетъ читателя заранѣе, будто говоритъ ему: замѣтьте! Обратите, пожалуйста, вниманіе! Вы мнѣ писали, кажется по случаю юбилея Полонскаго, что вѣроятно и мой 50-ти-лѣтній литературный юбилей недалекъ или уже миновалъ. Первое мое литературное произведеніе напечатано въ 1850 г., а именно комедія „Странная ночь“. Слѣдовательно, до моего юбилея остается три года. Можетъ быть въ то время, если я буду еще живъ, обо мнѣ и вспомнятъ. Вы, дорогой Александръ Владиміровичъ, вспомните навѣрно: за что я Вамъ заранѣе сердечно благодаренъ. Мнѣ только хотѣлось бы праздновать мой юбилей въ уединеніи и лучше всего въ деревнѣ. Я кончаю листъ и потому крѣпко жму Вашу руку. Будьте здоровы и благополучны. Если будете мнѣ писать, адресуйте пока Ваши письма такъ: Тамбовъ. Большая улица, домъ Адамъ. Михаилу Андреевичу Баратынскому, для передачи мнѣ“. Вашъ.

20.

21 марта 98. Тамбовъ. Киркина ул., д. Мачильской.

Дорогой и многоуважаемый Александръ Владиміровичъ! Отвѣчаю Вамъ на Ваше письмо отъ 15-го, которое получилъ вчера и которому очень обрадовался. Такъ давно мы между собою не переписывались! Вашего письма ко мнѣ черезъ М. А. Баратынскаго я не получилъ, и къ нему самому оно не дошло. Я Вамъ написалъ письмо съ годъ тому назадъ, благодарю Васъ за присылку мнѣ Вашей брошюрки. У меня осталось впечатлѣніе, что я ждалъ Вашего отзыва на какое-то мѣсто моего письма, но не дождался и потому ждать пересталъ. Не разъ приходила мнѣ мысль писать Вамъ, или у кого-нибудь справиться о томъ, гдѣ Вы, мнѣ иногда приходило въ голову, что Вы перемѣнили службу и покинули Вильну... Теперь очень радъ, что Вы для меня нашлись. Буду ждать отъ Васъ обѣщаннаго письма. Я, какъ видите, еще, слава Богу, живъ и почти здоровъ. Провелъ эту зиму опять въ Тамбовѣ и живу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей дочери Баратынской; а вторая моя дочь теперь въ Римѣ съ своей родственницей. Она себя чувствуетъ лучше, чѣмъ прошлою зимою; но я ея здоровьемъ еще не совсѣмъ доволенъ. Дружески жму Вашу руку. Вашъ.

21.

24 декабря 98 г. Тамбовъ. Киркина ул. д. Мачильской.

Дорогой, многоуважаемый Александръ Владиміровичъ!

Сердечно благодарю Васъ за письмо и сборникъ Вашихъ стихотвореній [1]). Сердечно благодарю за то, что Вы меня считаете въ числѣ Вашихъ „друзей“, что и подтверждается стихотвореніемъ, мнѣ посвященнымъ. Всѣ ваши стихотворенія очень симпатичны; но не всѣ совершенно безупречны по формѣ. Напримѣръ, въ стихотвореніи „Монахиня“ описаніе сада прелестно; а въ сценѣ, которой садъ служитъ декораціей, есть небрежные стихи. Впрочемъ, можетъ быть средина стихотворенія кажется слабою потому, что описаніе сада ужъ „больно“ хорошо.— Особенно хорошо оно въ концѣ, въ видѣ повторенія прежде сказан-

[1]) „Друзьямъ“, I томъ.

наго. Очень симпатично и трогательно стихотвореніе „Уносимая ранней весной“... Еще замѣчу одну, по моему мнѣнію, неправильность въ удареніи: „когда дерзко прикосновенье“. Люди моего поколѣнія никогда-бы этого не сказали. И я ручаюсь, что Вы въ старыхъ поэтахъ не найдете слово „дерзко“ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. Я давно замѣтилъ, что люди молодые часто дѣлаютъ ударе-ніе на послѣднемъ слогѣ въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ мы, старики, не дѣлаемъ этого. Я помню, какъ одна дѣвица восхищалась стихомъ „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы“ не замѣчая что съ такимъ удареніемъ нравящійся ей стихъ оказывается безъ размѣра.—Я передъ Вами виноватъ, дорогой Александръ Владиміровичъ, что не отвѣтилъ на Ваше послѣднее письмо. Въ немъ Вы просили меня написать что-нибудь для Вашего альбома. Я это дѣло отложилъ на время, а потомъ о немъ совсѣмъ забылъ. Вообще память у меня слабѣетъ. Однако, слава Богу, покуда серьезно не хвораю. Глухота усиливается, а бронхитъ хроническій не въ худшемъ состояніи. Поздровляю Васъ съ праздникомъ Рождества и съ Новымъ Годомъ. Для меня самые великіе праздники: Рождество и Страстная Пятница. Первый торжественно-радостный, второй — торжественно-печальный.

Сердечно желаю Вамъ здоровья и всею душою Вашъ.

22.

13 іюня 99. Ильиновка.

Дорогой Александръ Владиміровичъ!

Ваше письмо отъ 1-го іюня я получилъ здѣсь вчера. Я перебрался сюда изъ Тамбова въ концѣ мая. М. А. Баратынскій, на имя котораго Вы адресовали Ваше письмо, живетъ то въ Тамбовѣ, то здѣсь. Онъ доставилъ мнѣ Ваше письмо; а книжку Вашихъ стихотвореній [1]) я еще не получилъ. Онъ наведетъ о ней справки, когда будетъ въ Тамбовѣ. Его городская прислуга лѣтомъ (дворникъ) относительно полученія писемъ, газетъ и книгъ весьма неосновательны. Потрудитесь меня увѣдомить, послали ли Вы мнѣ Вашу книжку подъ бандеролью простою или заказною?—Мнѣ очень досадно, что я ея еще не имѣю. Сердечно благодарю Васъ за память обо мнѣ. Изъ Вашего письма, очень милаго и добраго, какъ всегда, я не могу заключить: получили ли Вы мое письмо, въ которомъ

[1]) II-й томъ сборника „Друзьямъ“.

я Васъ благодарилъ за присылку мнѣ первой части Вашихъ стихотвореній? Мнѣ было бы очень грустно, если бы оно до Васъ не дошло Во время пребыванія моего въ Тамбовѣ много писемъ моихъ и ко мнѣ не дошло по своему назначенію. Въ Пушкинскихъ торжествахъ многое было хорошо, а кое-что мнѣ не понравилось. Меня звали въ Москву; но я чувствовалъ себя нехорошо и ограничился присылкою привѣтственной телеграммы въ общество любителей рос. словесности. Проведу лѣто здѣсь, въ имѣньи мужа моей старшей дочери М. А. Баратынскаго. Теперь, слава Богу, чувствую себя недурно. Будущую зиму, если буду живъ и здоровъ, намѣреваюсь провести въ С.-Петербургѣ—съ моею младшею дочерью, которая теперь за границей. Не увижусь ли я тамъ съ Вами? Надѣюсь. Дружески жму Вашу руку и еще разъ сердечно Васъ благодарю. Вашъ.

23.

11 іюля (началъ) 1899. Ильиновка. 13 іюля кончилъ.

Дорогой Александръ Владиміровичъ, сердечно благодарю Васъ за присылку второй части Вашихъ стихотвореній. А между тѣмъ недавно дошелъ до меня и первый экземпляръ этихъ стихотвореній, отправленный Вами 1-го іюня.

О подробностяхъ этого непріятнаго казуса писать Вамъ не буду Ограничусь сообщеніемъ, что поздняя доставка мнѣ этой книжки произошла отъ безпорядочности лѣтней прислуги г. Баратынскаго въ Тамбовѣ. Во второй книжкѣ стихотвореній Вы, какъ поэтъ, мнѣ такъ же любезны и симпатичны, какъ и въ первой. Отмѣчу здѣсь тѣ изъ стихотвореній, которыя мнѣ понравились наиболѣе: 1) Въ рощѣ березовой. 2) Въ эту чудную ночь... 3) Оба стихотворенія „У Георгіевскаго монастыря“ очень хороши. Мнѣ особенно нравится второе. Въ первомъ развлекаетъ отъ впечатлѣнія мысъ „Фіолентъ“. Я думаю, что это названіе не мнѣ одному незнакомо. Риѳма къ нему—„моментъ“—слово иностранное. Мнѣ кажется, что въ стихахъ надо избѣгать, по возможности, употребленія иностранныхъ словъ. 4) Въ деревнѣ: съ утра ползутъ... 5) Промчались... очень симпатично. 6) стр. 66. Прекрасные два стиха:

„На свѣтѣ нѣту злыхъ людей—
Есть лишь озлобленные люди“.

Мнѣ кажется, что именно о такихъ стихахъ Victor Hugo сказалъ: „Le vers est la cristallisation de l'idée“. Вспоминаю при этомъ случаѣ объ одномъ стихѣ Тютчева: „Мысль изреченная есть ложь“.

Въ памяти запечатлѣваются подобные поэтическо-философскіе афоризмы. 7) Эпитафія мнѣ нравится своею сдержанною и вдумчивою простотою. Слабѣе всѣхъ стихотвореній, по мнѣ, тѣ, которыя подъ №№ III, IV (почему нѣтъ II и V?), VI до стиха „но на праздныхъ негодуя“ въ отдѣлѣ „Ялта“, и повѣсть (стр. 128). Я нахожу, что Вашъ литературный талантъ—тонкій, и Ваша натура—нѣжная, и при томъ скорѣе меланхолическая, чѣмъ веселая и игривая; а потому юморъ этихъ стихотвореній—нѣсколько грубоватъ и, такъ сказать, оголенъ. Позвольніе упомянуть и о нѣкоторыхъ частныхъ недостаткахъ. Есть неловкости въ сопоставленіи словъ въ такомъ падежѣ, который не требуется предшествующимъ предлогомъ. Мнѣ помнится что я уже отмѣтилъ эту, почти обычную, у Васъ неловкость, въ моемъ разборѣ Вашей поэмы „Картинки дѣтства“. Въ послѣднихъ Вашихъ стихотвореніяхъ укажу на стр. 132: вливалъ въ колосья шумъ, или стр. 99: въ трубы печной водоворотъ. Въ этомъ стихѣ нельзя даже опредѣлить къ какому существительному относится слово: печной; печной трубы, или печной водоворотъ?

Въ стихотвореніи „Фея осени“, написанномъ сплошь съ риѳмами, непріятной неожиданностью поражаетъ послѣдній стихъ „дождями напоенной вѣтки“, которому риѳмы нѣтъ; и потому иной читатель можетъ подумать, что Вы считаете риѳмами: „бѣглянки“ и „вѣтки“. (К. Прутковъ предсмертное стихотвореніе оканчиваетъ риѳмами: лампадка и лодка). Стр. 76. Есть стихъ: „хотѣлъ бы я пожить немного для друзей“. Въ немъ—7 стопъ. Всѣ прочіе шестистопные. 7-и стопный ямбъ къ тому жъ неупотребителенъ. Еще, съ моей точки зрѣнія, есть большой недостатокъ въ обоихъ Вашихъ сборникахъ,—недостатокъ, до выраженія Вашей поэзіи, впрочемъ, не касающійся; это—обильный излишекъ сугубыхъ восклицательныхъ знаковъ, нерѣдко рядомъ съ вопросительными. (!!!...?!). Я нахожу, что они не только ненужны, т. е., что безъ нихъ можно было обойтись, но что они часто даже неумѣстны и портятъ впечатлѣніе, производимое Вашими стихами. Такъ, напримѣръ: скромность, такъ сказать, цѣломудренность стихотворенія „Эпитафія“ — искажается въ концѣ самодовольствомъ этихъ!! Два цитированные мною выше стиха также испорчены двумя восклицательными знаками. Эти стихи выражаютъ глубокую мысль; глубина мысли предполагаетъ спокойное, вдумчивое состояніе духа... Зачѣмъ же эти !!.. Точно авторъ желаетъ будто внушить читателю: пойми, какъ это вѣрно и счастливо выражено! Въ обоихъ случаяхъ необходимы однѣ простыя точки. Впрочемъ, я долженъ сказать, что какъ старый писатель я—врагъ невоздержности въ употребленіи этихъ знаковъ. Въ наше время они и не были въ ходу. Ни у Пушкина, ни

у Лермонтова они не встрѣчаются. Жуковскій даже послѣ „чу“ ставитъ только одинъ восклицательный знакъ. Если въ изданіи моихъ стихотвореній попадаются сугубые восклицательные знаки, то это—грѣхи типографіи, а не мои. Я до сихъ поръ сердитъ на восклицательный знакъ, поставленный въ „Вѣстникѣ Европы“ при заглавіи моего стихотворенія „Прежде и теперь“. Что касается до Вашихъ сборниковъ, то вина за знаки падаетъ не на типографію, а на Васъ самихъ. Ваши письма испещрены этими знаками. Но письма, писанныя на-скоро, и печатная книга—не одно и то же. Книга подвергается нѣсколькимъ корректурамъ и то, что въ ней осталось послѣ разныхъ исправленій, почитается нужнымъ, обдуманнымъ, осмысленнымъ. На дѣлѣ же выходитъ такъ, что всѣ эти знаки — результатъ не мысли, а привычки.

Я слишкомъ долго останавливаюсь на этомъ маловажномъ предметѣ. Извините. Но дѣло въ томъ, что эти знаки, помимо Вашей воли и намѣренія, или какъ будто рекламируютъ то, что въ рекламѣ не нуждается, или назойливо вмѣшиваются въ настроеніе читателя. Повидимому, они такіе внѣшніе недостатки, что на сущность Вашихъ стихотвореній никакого вліянія имѣть не могутъ; а между тѣмъ ихъ присутствіе портитъ самые лучшіе стихи, и мнѣ это досадно, какъ досадно было бы видѣть фарфоровую съ пріятнымъ рисункомъ чашку, засиженную мухами. Не сердитесь на меня за мои капризныя откровенности и старческое брюжжаніе.

Я скоро отсюда уѣзжаю. Буду, надѣюсь, зимовать въ Петербургѣ. Моя младшая дочь ищетъ теперь тамъ квартиру. До октября проведу время частію близъ Рязани, частію въ Москвѣ. Когда переѣду въ Петербургъ—сообщу Вамъ мой адресъ. Тамъ сниму съ себя фотографію и Вамъ ее поднесу. Тамъ же надѣюсь получить Вашу прозу. Мнѣ хочется еще Вамъ сказать, что тѣ Ваши стихотворенія, которыя мнѣ понравились при первомъ чтеніи, при второмъ понравились еще больше. Дружески жму Вашу руку. Будьте здоровы. Я, слава Богу, здоровъ. Вашъ.

24.

23 іюля 99. Рязанско-Уральской ж. д. станція Уметъ. Ильиновка Баратынскаго.

Дорогой Алекс. Владиміровичъ!

Поиски въ Тамбовѣ адресованной Вами мнѣ книги оказались тщетными. Она пропала. М. А. Баратынскій справлялся на почтѣ. Нѣтъ ни книги, ни повѣстки. Не возвращена ли она Вамъ, по при-

чинѣ отъѣзда моего изъ Тамбова? Очень сожалѣю, тѣмъ болѣе, что вѣроятно на ней была Ваша надпись. Не будете ли Вы такъ добры, что пошлете мнѣ сюда Вашу книжку? Если Вы не пошлете простою бандеролью, то вышеозначенный адресъ пригоденъ, и я получу ее скоро; если же Вы найдете нужнымъ послать ее бандеролью заказною, то адресъ долженъ быть такой: г. Кирсановъ, Тамбовской губ., Господину Михаилу Андреевичу Завѣрячеву, для передачи мнѣ. Дружески жму Вашу руку и ожидаю Вашу книжку, а можетъ быть и нѣсколько строкъ письма отъ Васъ. Вашъ.

25.

9 января 1900 г. Петербургъ. Троицкая, 8, кв. 16.

Дорогой Александръ Владиміровичъ!

Поздравляю Васъ съ новымъ годомъ и шлю Вамъ сердечныя пожеланія всего лучшаго. Я здѣсь съ конца октября. Большею частью хворалъ. Сижу почти безвыѣздно дома. Часто думалъ о Васъ и часто собирался Вамъ писать, но, какъ видите, собрался только сегодня. Простите великодушно. Если вздумаете побывать въ Петербургѣ, вспомните обо мнѣ. Я здѣсь кромѣ родныхъ и кружка М. М. Стасюлевича никого не вижу. Да и ихъ вижу рѣдко. Много больныхъ. А Вы здоровы ли? Очень хотѣлъ бы съ Вами повидаться. Надѣюсь, до свиданья. Дружески жму Вашу руку. Вашъ.

26.

28 января 1900 г. Петербургъ. Троицкая, 8, кв. 16.

Дорогой Александръ Владиміровичъ!

Сердечно благодарю Васъ за оба Вашихъ письма и за книгу Вашихъ разсказовъ. Я немного опять хворалъ послѣднее время. По случаю пріятнаго для меня сюрприза очутиться почетнымъ академикомъ, а также предстоящаго юбилея, меня навѣщаютъ такъ называемые репортеры, и это меня утомляетъ. А одинъ изъ нихъ даже раздражилъ меня глупымъ любопытствомъ. Встаю съ постели поздно и до вечера едва успѣваю просмотрѣть газеты. Для чтенія времени теперь не нахожу и Вашихъ разсказовъ еще не читалъ. По этой же причинѣ запоздалъ благодарить Васъ за присылку ихъ. Очень жалѣю, что съ Вами не увижусь. Крѣпко жму Вашу руку. Вашъ—

27.

14 марта 1900 г. Петербургъ. Троицкая, 8, кв. 16.

Сердечно благодарю Васъ, Александръ Владиміровичъ, за Ваше доброе, дружеское письмо. Не ропщите на меня за медленность отвѣта на него. Я такъ началъ уставать иногда безъ причины, что не умѣю ладить съ временемъ и запустилъ страшно корреспонденцію. Я почти никому еще не отвѣчалъ и у многихъ еще не былъ.

Описывать Вамъ мой юбилей я, конечно, не въ силахъ. Извините. Посылаю Вамъ мои „Пѣсни старости“. Вы меня огорчили вопросомъ: „гдѣ онѣ продаются“? Но я — незлопамятенъ. Портретъ мой надѣюсь прислать Вамъ весною, когда погода не будетъ мнѣ препятствовать выходить изъ дому. Дружески жму Вашу руку. Вашъ.

28.

20 марта 1900 г. Петербургъ. Троицкая, 8, кв. 16.

Спасибо Вамъ за Ваше доброе письмо, дорогой Александръ Владиміровичъ. Вы, кажется, не получили вмѣстѣ съ книжкою моего къ Вамъ письма? Я въ немъ описывалъ мою усталость, мою неспособность совладать съ временемъ и т. д. Оно бы объяснило вамъ, почему мой юбилейный сборникъ помѣченъ 10 февраля. Я Вамъ хотѣлъ поднести его въ самый день моего юбилея, но опоздалъ почти на мѣсяцъ его отсылкой. Жму Вашу руку.

29.

16 марта 1901 г. Петербургъ. Троицкая, 8, кв. 16.

Благодарю Васъ, дорогой Александръ Владиміровичъ, за Ваше любезное письмо отъ 9-го. Извините меня за неаккуратную переписку. Съ этимъ извиненіемъ я обращаюсь ко многимъ моимъ корреспондентамъ. Надѣюсь, что Вы будете ко мнѣ снисходительны, принявъ въ благосклонное вниманіе, что мнѣ въ этомъ году уже минуло 80 лѣтъ. Я устаю и забываю. Зиму провелъ почти всю безвыходно дома. Серьезно не хворалъ, но боролся съ насморкомъ, хрипотой, кашлемъ—предвѣстниками инфлуэнцы. Не знаю—кому изъ академиковъ досталось писать рецензію на Вашу поэму

„Картинки дѣтства“. Я ее лѣтомъ перечелъ. Есть мѣста, которыя слѣдовало бы выпустить, какъ напр. продѣлки Фильки. Мнѣ кажется, что то, что необходимо—излишне. Вообще есть длинноты и ихъ немало. Отъ болѣе сжатаго изложенія, по моему мнѣнію, Ваша поэма выиграла бы. Простите меня за откровенность. На выставкѣ я еще не былъ и слѣдовательно картину Рѣпина еще не видалъ. Дружески жму Вашу руку. Вашъ Алексѣй Жемчужниковъ.

Сообщ. А. Жиркевичъ.

Изъ Владивостока въ С.-Франциско и на Сандвичевы острова.

(Изъ воспоминаній кругосвѣтнаго плаванія на крейсерѣ „Африка“).

---

1 августа попали въ Беринговомъ морѣ въ крыло урагана, вѣтеръ и качка были убійственны (розмахи судна доходили до 40° на сторону), только 4-го числа при разсѣявшемся туманѣ въ 9 часовъ утра увидѣли островъ Уналашка; естественно, съ какимъ удовольствіемъ стали на якорь въ портѣ Иллюлюкъ Капитанской бухты. Къ адмиралу прибылъ священникъ Иннокентій, американскій агентъ и докторъ; мы конечно сейчасъ же отправились на берегъ посмотрѣть русскую церковь и школу для обученія русскому языку, встрѣтили двухъ священниковъ изъ алеутовъ. Отецъ Иннокентій пользуется популярностью, прихожане въ признательность выстроили ему домъ; жалованья получаетъ 1.800 р. въ годъ.

На сосѣднихъ островахъ также имѣются русскія церкви, такъ какъ алеуты православные и говорятъ по-русски.

До прихода на Уналашку мы пересѣкли первый меридіанъ и потому прибавился одинъ день—четвертое августа повторилось еще одинъ разъ.

Мы пригласили обѣдать американцевъ и священника съ семействами, обѣдъ прошелъ очень оживленно, играла музыка. Жена американскаго агента оказалась довольно красивой дамой, и одинъ изъ нашихъ лейтенантовъ В. Ш. подарилъ ей массу японскихъ вещей, хотя въ накладѣ не остался, ея мужъ въ свою очередь отвѣтилъ шкурами въ подарокъ и помогъ пріобрѣсти на берегу еще нѣсколько цѣнныхъ мѣховъ.

6 августа праздникъ, команду свезли въ церковь, послѣ обѣда

адмиралъ дѣлалъ опросъ претензій, которыхъ не оказалось. Адмиралъ сказалъ командѣ, что они должны благодарить за заботы о нихъ командира крейсера и ротнаго командира.

Въ четыре часа дня мы съѣхали на берегъ, всѣ кто могъ, захвативъ съ собой музыку. Большой домъ агента имѣлъ чердакъ съ гладкимъ поломъ, вотъ тутъ и состоялся балъ съ легкимъ ужиномъ, а въ 10 часовъ вечера всѣ были уже дома. Въ числѣ танцующихъ присутствовали семейства, бывшія у насъ на обѣдѣ, и мѣстныя обывательницы алеутки, про костюмы, фигуры и манеры не будемъ говорить, но танцуютъ удивительно легко и хорошо.

На другой день мы ушли черезъ Уналгинскій проливъ, очень узкій, но свободный отъ камней. Когда подошли къ острову Уналга, то во всю ширину его играла бѣлая пѣна, отъ теченія и водоворотовъ, въ родѣ того же явленія, встрѣчаемаго въ проходѣ Наруто, въ японскомъ Средиземномъ морѣ.

11-го августа адмиралъ закончилъ инспекторскій смотръ, благодарилъ въ приказѣ командира крейсера и командира роты.

13-го августа стали на якорь въ совершенно закрытой бухтѣ Esquimalt (Constance Cove) острова Ванкувера, въ трехъ миляхъ отъ города Викторія. На рейдѣ застали англійскій корветъ „Thetis“ и лодку „Rocket“, принадлежащіе къ эскадрѣ контръ-адмирала Стирлинга.

На другой день начали погрузку угля, которая здѣсь производится своими средствами при очень неудобныхъ условіяхъ и занимаетъ много времени; пользуясь случаемъ, офицеры ѣздили по очереди осматривать адмиралтейство, расположенное на мысу, противъ входного маяка. Въ адмиралтействѣ находятся небольшія мастерскія и хорошая шлюпочная, которая изготовляетъ шлюпки даже для эскадры Тихаго Океана; имѣются запасы для эскадры и морской госпиталь на сорокъ человѣкъ съ четырьмя офицерскими кроватями.

До сихъ поръ мы посѣщали все поселенія, и потому городъ Викторія заставилъ обратить на себя вниманіе, у насъ образовалось съ нимъ большое общеніе: сначала пришелъ пароходъ съ публикой (400—500 чел.), подъ звуки музыки онъ нѣсколько разъ обошелъ крейсеръ и при громкихъ привѣтствіяхъ ушелъ обратно. Затѣмъ по просьбѣ губернатора Корнваля послали музыку въ городской садъ—вышло гулянье, такъ какъ публика, заранѣе оповѣщенная объ этомъ, высыпала въ большомъ количествѣ слушать музыку и посмотрѣть гостей. Вечера проводили въ театрѣ, тамъ давали оперетку, играла почти дѣтская труппа, примадоннѣ не было, кажется, и 15 лѣтъ. Сообщеніе между нашей стоянкой и

Викторіей производилось въ колясках по живописной дорогѣ, пролегавшей по лѣсу. Случилось одному офицеру ѣхать изъ города на крейсеръ, онъ захватилъ съ собой, по просьбѣ другого, оставившаго въ городѣ, вещи и документы, нанялъ коляску и покатилъ. Все было хорошо, прекрасная дорога, погода тоже, недурный экипажъ, но пришла фантазія кучеру попросить разрѣшенія у сѣдока остановиться у трактира выпить стаканчикъ коньяку, разговорчивый возница уговорилъ, обыкновенно не пьющаго, офицера также выпить. У слѣдующаго трактира остановка была легче, выпили по стаканчику и далѣе, въ концѣ концовъ не обидивъ ни одного трактира по пути, съ грѣхомъ пополамъ доѣхали до бухты. Здѣсь кучеръ хотѣлъ усадить дремавшаго пассажира въ стоявшую у берега шлюпку, чтобы доставить на судно. Долго они толковали о способахъ какъ войти въ шлюпку, наконецъ рѣшились и выбрали наилучшій, но, потерявъ равновѣсіе, упали въ воду; это обстоятельство замѣтили съ крейсера, и гребцы судовой шлюпки подобрали мокраго пассажира съ его мокрымъ багажемъ, а услужливаго кучера водворили на козлахъ. Хохоту у насъ было безъ конца, такъ комично все это вышло и долго дразнили офицера дружбой съ извозчикомъ.

18 августа мы ушли въ С.-Франциско, который послѣ обойденныхъ портовъ сочли за столицу. Еще съ вечера у мыса Ачепа уменьшили ходъ, чтобы, открывъ маякъ Reyes и Tarallones, подойти не ранѣе разсвѣта на видъ входныхъ маяковъ Bonito и Fort-point. 20-го числа утромъ стали на якорь въ бухтѣ С.-Франциско. На рейдѣ застали французскій фрегатъ Triomphante подъ флагомъ контръ-адмирала Brossard de Corbigny и итальянскій корветъ Garibaldy.

Огромный заливъ, въ глубинѣ котораго раскинутъ городъ С.-Франциско, отдѣляется отъ океана двумя полуостровами, оканчивающимися высокими мысами, между которыми остается свободный проливъ, называемый „Золотыми воротами“ (Golden Gate).

Сѣверный полуостровъ скалистъ, покрытъ лѣсомъ, а на южномъ помѣщается городъ, обращенный къ заливу. Общій видъ залива съ городомъ очень живописны.

Съѣхавъ при первой возможности на берегъ, мы занялись осмотромъ самого города, масса публики на улицахъ и непрерывное движеніе вагоновъ конно-желѣзныхъ и электрическихъ отвлекли на первое время наше вниманіе, особенно интересны кабельные трамваи, легко поднимающіе въ гору вагоны съ публикой и обратно по улицамъ, идущимъ по склонамъ горъ.

Съ площади отъ набережной мы прошли на главную улицу

(Marquet Street), на ней сосредоточены гостиницы и лучшіе дома. Изъ отелей самый замѣчательный—Palace Hôtel, огромное зданіе съ внутреннимъ дворомъ, на который выходятъ балконы всѣхъ этажей, дворъ покрытъ стекляннымъ куполомъ. Внутренняя отдѣлка отеля великолѣпна и вездѣ царитъ полный комфортъ до самыхъ мелочей.

Одна изъ достопримѣчательностей С.-Франциско, которой нельзя не любоваться—это паркъ Golden Gate, начинающійся въ городѣ и идущій черезъ полуостровъ къ океану. Паркъ оканчивается утесами, о которые бьются волны океана, здѣсь построенъ ресторанъ Cliff House, съ его террассы открывается восхитительный видъ на необозримый просторъ Великаго Океана, а у подножья скалы на камняхъ лежатъ морскіе львы, оглашающіе воздухъ своимъ ревомъ подъ аккомпаниментъ шума прибоя.

На другой день нашего прихода подошли клипера „Вѣстникъ“ и „Пластунъ“, будущіе наши компаніоны по путешествію вокругъ Тихаго Океана. Клиперъ „Вѣстникъ“ (кап. 2 р. Ф. К. Авеланъ) получилъ приказаніе идти въ С.-Франциско въ бытность свою на островѣ Беринга и въ исполненіе приказанія немедленно ушелъ туда безъ всякой свѣжей провизіи. Весь переходъ они питались солониной, рисомъ и сухарями. Меню разнообразилось разными способами, напр. одинъ день „вареная солонина“, другой „солонина вареная“. Зато по приходѣ въ С.-Франциско офицеры пріѣхали прямо къ намъ, и мы ихъ накормили тѣмъ, что можно было скоро изготовить—пріятно было смотрѣть, съ какимъ аппетитомъ они закусили и какъ имъ все казалось вкуснымъ. Вскорѣ по сборѣ нашего отряда, адмиралъ закончилъ инспекторскій смотръ общимъ паруснымъ ученьемъ; оставшись довольнымъ всѣми ученьями освободилъ отъ занятій на мѣсяцъ, предоставивъ командирамъ это время на приведеніе судовъ въ порядокъ послѣ совершенныхъ переходовъ и для выполненія необходимыхъ судовыхъ работъ.

Офицерамъ, кромѣ судовой службы, предстояла другая часть—представительная, которую нашъ уважаемый генеральный консулъ Александръ Эпиктетовичъ Оларовскій заставлялъ тщательно выполнять.

Мы съ нимъ сдѣлали много визитовъ, между прочимъ въ институтъ госпожи Зейцка, гдѣ впослѣдствіи съ удовольствіемъ проводили вечера, танцуя со старшимъ классомъ въ квартирѣ начальницы. Чтобы прослѣдить, какъ было у насъ разнообразно время, лучше отмѣчать каждый день.

Начнемъ съ 24 августа, дня смотра адмирала; вечеромъ въ

этотъ день обѣдали у славянина Франета, къ прекрасному обѣду присоединилось большое облегченіе—всѣ говорили по-русски.

25-го цѣлый день визиты.

26-го панихида по умершемъ, бывшемъ флагъ-капитанѣ адмирала Лесовскаго, капитанѣ 1 ранга Новосильскомъ, служилъ архіепископъ Несторъ.

Послѣ панихиды одинъ изъ офицеровъ пошелъ къ зубному врачу, который безъ всякаго стѣсненія выдернулъ зубъ и должно быть что-нибудь повредилъ, такъ какъ кровь шла до утра слѣдующаго дня, сворачиваясь во рту въ куски. Къ утру нашему доктору удалось остановить кровь, но слабость была удивительная отъ большой потери крови — операція прекрасная, а цѣна еще лучше; вотъ вамъ хваленые американскіе дантисты.

27-го августа танцовали въ институтѣ въ многочисленномъ обществѣ съ большимъ оживленіемъ.

28-го хоронили капитана 1 ранга Новосильскаго, отъ насъ было двѣ роты съ музыкой, командованіе было поручено командиру крейсера „Африка“.

29-го къ намъ пріѣхали 32 барышни изъ института съ соотвѣтствующимъ количествомъ церберовъ и сама начальница, при входѣ каждая барышня получила букетикъ живыхъ цвѣтовъ, класснымъ дамамъ поднесли по букету, а начальницѣ букетище съ бѣлыми и голубыми лентами.

Показали имъ крейсеръ и подали въ каютъ-компаніи соотвѣтствующее угощеніе.

Каютъ-компанію всю убрали живыми цвѣтами. Мы сами не садились за столъ, услуживая барышнямъ, а главное чтобы не портить чудную картину—пріятно было смотрѣть на хорошенькія, веселыя личики среди массы цвѣтовъ и зелени (начальство предусмотрительно мы посадили за другой столъ). Послѣ чая танцовали на верхней палубѣ. Въ 4 часа мадамъ Зейцка подала сигналъ къ отъѣзду, но долго не могли собрать барышень на шлюпки—только начнутъ подходить къ трапу, вдругъ заиграютъ вальсъ, и всѣ разбѣгаются. На берегу офицеры хотѣли сопровождать въ конкахъ до института, но начальница не позволила, такъ какъ всѣ ужасно шумѣли, смѣялись, а главное офицеры были въ формѣ, а это слишкомъ привлекало вниманіе праздной толпы.

Вечеромъ адмиралъ съ офицерами въ эполетахъ ѣздилъ на открытіе выставки, намъ оставили проходъ среди громадной толпы, встрѣтили гимномъ, показали выставку, угощали шампанскимъ и въ изобиліи рѣчами. Практичные янки соединили пріятное съ полезнымъ, оказавъ вниманіе эскадрѣ, нажили порядочно денегъ,—

они опубликовали, что въ день открытія выставки будетъ русскій адмиралъ съ офицерами въ формѣ и назначили за входъ два доллора (4 рубля), сборъ превзошелъ ожиданія, такая масса публики собралась на выставку.

30 августа по случаю праздника отправили команду въ церковь подъ начальствомъ командира роты. Назадъ возвращались съ музыкой окруженные массой народа. Когда команда сѣла въ шлюпки, къ командиру роты подошелъ мужчина и потомъ женщина, каждый изъ нихъ подалъ по чудному букету цвѣтовъ. Консулъ объяснилъ, что здѣсь скоро и просто выражаютъ свои чувства: имъ понравились прохожденіе команды и потому монентально набросали въ шапку иниціатора денегъ, купили букеты и поднесли какъ выраженіе своего удовольствія.

Съ 2 до 6 часовъ вечера принимали посѣтителей для осмотра крейсера.

31 августа каютъ-компанія дѣлала завтракъ консулу А. Э. Оларовскому, послѣ котораго съ нами ѣздили дѣлать визиты, вечеромъ танцовали въ институтѣ.

1 сентября танцовали на французскомъ суднѣ со знакомыми барышнями.

2-го числа танцовали въ институтѣ разныя новыя для насъ танцы: Virginia Real и еще какіе-то намъ неизвѣстные, но мы этимъ не смущались, да съ насъ и не спрашивали подробностей. Во время вальса одинъ гардемаринъ ловкимъ движеніемъ локтя сшибъ фарфоровую вазу въ открытое окно.

Въ тотъ моментъ никто не замѣтилъ, но послѣ отъѣзда и на другой день долго искали вазу, удивляло, куда она могла пропасть, пока не замѣтили внизу на дворѣ черепки. Начальница сообщила консулу; пришлось послать новую вазу изъ бывшихъ въ запасѣ японскихъ, и конечно послали лучше разбитой.

3 сентября обѣдали у господина Радовичъ, все было прекрасно, но оживленія не хватало.

4-го пришлось ѣхать къ консулу помочь въ украшеніи и приготовленіи къ вечеру. Хлопотъ было масса, но зато поѣхали съ консуломъ къ одному очень богатому американцу, который повезъ насъ кататься въ прекрасномъ экипажѣ, покрытомъ шкурами дорогихъ лисицъ и запряженномъ восьмеркой чудныхъ гнѣдыхъ лошадей, отлично подобранныхъ одна къ другой.

Вечеромъ танцовали въ институтѣ.

5-го сентября опять съ утра у консула, чтобы окончить украшенія, къ обѣду собралось много приглашенныхъ и еще больше пріѣхало послѣ обѣда на танцы. Мы танцовали до упада и могли

бы очень долго продолжать въ томъ же духѣ, но адмиралъ, не предупредивъ никого, увезъ съ собой музыку на крейсеръ.

6-го обѣдали и танцовали у славянина Франета.

7-го получили приглашеніе въ оперу, намъ предоставили большую директорскую ложу, давали „Карменъ“. При выходѣ изъ театра получили извѣщеніе объ убійствѣ президента А.-Соединенныхъ Штатовъ Гарфильда.

8-го адмиралъ по приглашенію дѣлалъ смотръ пожарной городской командѣ; онъ самъ смотрѣлъ по часамъ и не повѣрилъ быстротѣ изготовленія, а потому велѣлъ повторить тревогу, консулъ удивился, какъ самостоятельные янки безропотно ему подчинились.

У нихъ все доведено до возможнаго совершенства, лошади сами выбѣгаютъ на свое мѣсто (понуждаемыя автоматически дѣйствующимъ бичемъ), люди скатываются сверху на свои мѣста и пары въ локомобилѣ разводятся въ нѣсколько минутъ. Не помню точно время, но быстрота во всемъ поразительная.

8-го сентября состоялось большое катанье въ Cliff House, всѣ ѣхали туда показать туалеты и выѣзды, мы же могли показать только себя, тѣмъ не менѣе поѣхали, при чемъ наняли небольшіе экипажи (сидѣли по два), заплативъ за удовольствіе по 17 долларовъ (34 руб.).

9-го слушали концертъ въ институтѣ, затѣмъ конечно танцы.

10-е. Удивительно, какъ намъ приходится часто мѣнять выраженіе своей физіономіи, то танцуемъ съ веселымъ лицомъ, то присутствуемъ на панихидѣ съ грустнымъ.

Сегодня хоронили пустой гробъ въ память президента Гарфильда. Офицеры всѣхъ націй съ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ, прибыли въ мундирахъ въ Palace Hotel, оттуда въ коляскахъ по четыре человѣка поѣхали принять участіе въ погребальной процессіи. Пустой гробъ на дрогахъ везли по всѣмъ правиламъ похороннаго искусства, сзади шли отцы города и знатные граждане за ними коляски съ иностранцами, войска съ музыкой и народъ; часть войскъ стояла шпалерами по главной улицѣ.

Процессія обошла нѣсколько улицъ, дойдя до какого-то манежа, убраннаго внутри зеленью и черными драпировками, остановилась, провожавшіе вошли и размѣстились на приготовленныхъ мѣстахъ. Посреди манежа стоялъ въ зелени катафалкъ, но безъ гроба. Когда всѣ усѣлись, началась заупокойная служба, пѣли оперные пѣвцы и пѣвицы очень хорошо, затѣмъ говорили рѣчи и отпустили по домамъ.

17 сентября. Нашъ вице-консулъ Нейбаумъ, обладавшій большимъ состояніемъ, далъ у себя во дворцѣ чудный балъ въ честь

русской эскадры. Хозяинъ встрѣчалъ гостей на верхней площадкѣ лѣстницы, а хозяйка въ одной изъ малыхъ залъ, изъ которой приглашенные приходили въ большой двухсвѣтный залъ, весь убранный гирляндами чудныхъ розъ. Струнный оркестръ скрывался на хорахъ въ зелени и цвѣтахъ. Хозяинъ, взявъ подъ руку мичмана Р., вошелъ въ залъ и громко сказалъ: „вотъ мичманъ Р.“ и этимъ представилъ сразу всѣмъ дамамъ, чтобы тотъ могъ своихъ офицеровъ представлять дамамъ для танцевъ. Знакомыхъ было много, хорошенькихъ еще больше, обстановка роскошная, свобода полная, никто надъ душой не стоялъ и веселились отъ души. Ужинъ подали въ обширной столовой, гдѣ столъ стоялъ „покоемъ“, въ серединѣ котораго красовалась модель Африки, сдѣланная изъ цвѣтовъ.

Во время бала одна барышня въ разговорѣ, между прочимъ, пригласила офицера къ себѣ въ гости.

— Когда можно къ вамъ придти?

— Завтра въ часъ дня, запишите адресъ.

Офицеръ приходитъ въ назначенное время, входитъ въ квартиру, въ гостиной его встрѣчаетъ барышня, и начинается бесѣда. Черезъ нѣсколько времени является горничная и говоритъ что-то барышнѣ, которая обращается къ офицеру:

— „Моя мама желаетъ съ вами познакомиться, вы ничего не имѣете противъ? если не хотите, скажите прямо, не стѣсняйтесь, это не обязательно и вы можете поступать какъ угодно“.

Понятно, офицеръ выразилъ самое искреннее желаніе имѣть удовольствіе познакомиться, маменька посидѣла приличное время и уплыла обратно, не мѣшая дальнѣйшей бесѣдѣ. Офицеръ продолжалъ бывать тамъ, но отца ни разу не видѣлъ.

Здѣсь полная свобода обращенія, но и такое же уваженіе къ женщинѣ, если кто позволитъ себѣ неприличную выходку на улицѣ относительно женщины—ей стоитъ только указать полисмэну, и тотъ положитъ руку на плечо, жестъ равносильный аресту. Въ конкѣ если дама входитъ, то ближайшій мужчина долженъ очистить мѣсто, иначе остальные его выгонятъ изъ вагона.

Трудно перечислить всѣ полученныя приглашенія, было много кромѣ выше упомянутыхъ, къ нимъ надо присоединить еще посѣщенія театровъ, обѣды, ужины и пр. при дороговизнѣ всего въ С.-Франциско, а главное при счетѣ на золотые доллары, офицерамъ пришлось порядочно тяжело. Начальство заставляло вездѣ бывать, а добавочныхъ денегъ не давало, какъ знаешь такъ и обходись. Конечно у насъ не хватило денегъ, истратили запасы, резервы и набрали порядочно впередъ.

Помощникъ нашего повара соблазнился большимъ окладомъ жа-

лованья и поступилъ въ колбасную вертѣть машину за 50 долларовъ въ мѣсяцъ (100 р.), но черезъ мѣсяцъ вернулся, увѣряя, что не хватаетъ этихъ денегъ на прожитье. По уходѣ изъ С.-Франциско мы сравнительно долго продолжали переписки съ барышнями, вотъ тутъ особенно пригодился нашъ вольный механикъ-англичанинъ, которому офицеры давали читать всѣ получаемыя письма и свои отвѣты, написанные по-англійски, онъ долженъ былъ исправлять и давать фразамъ должный оборотъ. Jeffrey всегда ужасно хохоталъ надъ письмами, но тайны соблюдалъ строго и никого не выдавалъ, къ сожалѣнію, онъ сталъ учиться русскому языку, и наша практика ослабѣла.

Пустивъ клипера по волѣ волнъ, мы 28 сентября покинули на долго континентъ для выполненія островной программы.

Первая остановка состоялась 10 октября на Сандвичевыхъ островахъ на рейдѣ города Гонолулу, лежащемъ на островѣ Оагу. Декорація перемѣнилась: послѣ непривѣтливаго сѣвера мы попали въ теплую, роскошную природу. Входъ на рейдъ идетъ между коралловыми рифами, они не возвышаются надъ уровнемъ океана и не покрыты растительностью, замѣтно только лишь гладкое, какъ зеркало, озеро, рѣзко ограниченное кольцомъ изъ бушующихъ буруновъ — этотъ видъ производитъ совершенно особое впечатлѣніе.

Бухта довольно широкая, горы отстоятъ отъ берега въ нѣкоторомъ разстояніи, оставляя просторную долину справа. Береговая полоса заканчивается высокимъ конусомъ потухшаго кратера Daimond head, у подножья кратера зеленѣетъ большая кокосовая роща съ домиками между деревьями—это Вайкики, дачное мѣсто и купанье городскихъ жителей. Города не видно, онъ весь утонулъ въ роскошной зелени, мѣстами виднѣется только церковный шпицъ или крыша дома.

Сандвичевы острова составляютъ центральный пунктъ сѣверной половины Тихаго Океана и единственную промежуточную гавань между Америкой и Азіей, гдѣ суда могутъ пополнить свои запасы, поэтому гавань Гонолулу всегда наполнена судами разныхъ націй, тогда какъ материкъ усиленно заселяется японцами, видимо имѣющими большіе виды на занятіе острововъ.

По приходѣ на якорь мы съ докторомъ П. М. Губаревымъ въ видѣ первыхъ голубей изъ Ноева ковчега полетѣли на берегъ, но не за вѣткой, а посмотрѣть городъ и его окрестности. Сѣли на коней, чтобы мчаться черезъ гору къ крутому обрыву въ долину Пали, это мѣсто историческое: здѣсь, по преданію, былъ сброшенъ въ долину одинъ изъ королей, вмѣстѣ со своимъ войскомъ.

*

Живописная дорога идетъ по ущелью, которое, начинаясь сейчасъ же за городомъ, исподволь суживается, а долина постепенно поднимается, оканчиваясь сразу вертикальнымъ обрывомъ около 800 футъ глубины. Добравшись, послѣ 2 часовой ѣзды, до тропинки къ краю обрыва, мы слѣзли съ лошадей и осторожно подошли къ краю пропасти. Страшно было смотрѣть внизъ, но за то мы были поражены внезапно открывшейся картиной: справа и слѣва, отвѣсно поднимались скалы двухъ кряжей горъ, идущихъ вначалѣ параллельно, образуя ущелье, затѣмъ вдругъ они развернулись широкимъ кругомъ, охватя лежащую внизу долину двумя концами, далеко отстоящими другъ отъ друга, и сошли неправильными массами скалъ, камней и уступовъ къ морю, блиставшему издали прихотливыми цвѣтами. Растущая внизу зелень сплотилась въ непроницаемый бархатный коверъ: слѣва, уходящія вдоль отвѣсныя скалы спускались къ долинѣ зелеными покатостями, какъ будто природа, желая прикрыть обнаженные обрывы скалъ, обращенные къ долинѣ, набросала щедрою рукою деревья и кусты на кручахъ, чѣмъ сгладила переходъ отъ дикихъ утесовъ къ миловиднымъ холмамъ разнообразно украшеннымъ дивной растительностью.

На обратномъ пути мы встрѣтили канаковъ темнаго цвѣта кожи, солидныхъ размѣровъ, особенно полны женщины, нѣкоторыя изъ нихъ ѣхали на лошадяхъ, сидя по-мужски.

12 октября адмиралъ перешелъ на клиперъ „Вѣстникъ“, пригласивъ съ собой командира „Африки“, штабъ и желавшихъ офицеровъ со всѣхъ трехъ судовъ, посмотрѣть вулканъ на островѣ Хило. Отъ насъ поѣхало мало офицеровъ, съ „Пластуна“ не нашлось желающихъ, это случилось отъ безденежья, послѣ С.-Франциско и предстоявшихъ значительныхъ расходовъ (болѣе 100 долларовъ на человѣка).

У мичмана Р. были работы по артиллеріи, денегъ много, какъ у всѣхъ... забрано впередъ, и онъ рѣшилъ предоставить судьбѣ рѣшить—ѣхать ему или нѣтъ, кстати самому не хотѣлось проситься изъ-за работъ, хотя и незначительныхъ.

Наканунѣ отъѣзда онъ по обыкновенію наблюдалъ за работой у пушекъ, выходитъ командиръ.

— В. Ф., надѣюсь вы идете на „Вѣстникъ“.

— Не собирался, Е. Ив., по случаю работъ у пушекъ.

— Вѣдь серьезнаго ничего нѣтъ, поручите другому, а сами извольте ѣхать.

— „Есть“, сказано спокойно, а въ душѣ радость, вѣдь ѣхать очень хотѣлось.

По пріѣздѣ адмирала, клиперъ снялся съ якоря и, обогнувъ

коралловый рифъ, сталъ плавно скользить, распустивъ свои бѣлыя крылья. Въ маленькой каютъ-кампаніи клипера гостямъ пришлось приспосабливаться, гдѣ кто могъ, любезные хозяева старались всѣми силами насъ устроить получше, уступали свои койки и простирали заботы до мелочей. Изъ-за противнаго вѣтра наши разсчеты сбились, пришли въ бухту Хило только къ вечеру, тѣмъ не менѣе сейчасъ же адмиралъ, оба командира, флагъ-офицеры, пять офицеровъ съ „Вѣстника“ и наши офицеры съѣхали на берегъ.

Насъ размѣстили въ мѣстномъ отелѣ, гдѣ разсчитывали пообѣдать, не успѣвъ этого сдѣлать на суднѣ, къ тому же всегда пріятнѣе обѣдать на берегу для перемѣны стола. Ждемъ обѣда, все нѣтъ и нѣтъ, накрыли на столъ, а ѣсть не даютъ, адмиралъ приходилъ нѣсколько разъ въ столовую, не велѣлъ класть въ супъ макаронъ (онъ не любилъ макаронъ въ супѣ) и волновался не менѣе насъ, такъ какъ всѣмъ хотѣлось ѣсть. Наконецъ насталъ желанный моментъ—насъ пригласили, сидимъ, а супа не даютъ, спрашиваемъ, отчего не даютъ, говорятъ: супа нѣтъ, тогда адмиралъ спрашиваетъ:

— Ну по крайней мѣрѣ мясо будетъ?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, мяса не достали.

— Ну такъ что же у васъ есть?

— Вотъ сардинки, хлѣбъ, сыръ, масло и консервы.

Консулъ былъ крайне сконфуженъ, это онъ уговорилъ не обѣдать на суднѣ, суля обѣдъ на берегу. Адмиралъ разсердился и не говорилъ съ консуломъ; намъ было и смѣшно смотрѣть на эту картину, и досадно, что остались голодны; спали все-таки хорошо до четырехъ часовъ утра. Послѣ легкой закуски сѣли на коней въ мексиканскія сѣдла, каждому дали по одной средневѣковой, а можетъ еще болѣе древнихъ временъ, шпорѣ съ большимъ колесомъ, которое со звономъ катилось при ходьбѣ. Во всемъ бѣломъ, имѣя съ собой суконное платье, пальто и дождевики на сѣдлахъ, мы построились во фронтъ въ ожиданіи адмирала, который не замедлилъ величественно подъѣхать съ В. Н. Фридериксъ, раздалось „смирно“ и почтенный Абрамъ Богдановичъ раскланялся съ нами. Онъ любилъ помпу, и мы ему всегда доставляли это удовольствіе.

Отъ Хило до вершины вулкана считалось болѣе 50 верстъ въ гору, рѣшено было отдохнуть на половинѣ дороги. Адмиралъ съ командирами ѣхалъ тихо, а мы уносились впередъ, время отъ времени ихъ поджидая. Ѣхали шесть часовъ по дорогѣ, идущей между древовидными папоротниками, лѣсомъ изъ панданусовъ и др. деревьевъ. Иногда попадались канакскія хижины, въ которыхъ живутъ обладатели небольшихъ кофейныхъ плантацій. Наконецъ, въѣхали въ дѣвственный, тропическій лѣсъ, въ немъ много породъ деревьевъ

намъ неизвѣстныхъ, могли только различить древовидный папоротникъ, съ котораго туземцы получаютъ бурую вату, затѣмъ бананы, мирты и особенно были поражены большимъ количествомъ вьющихся растеній. Въ этомъ лѣсу нельзя сходить съ дороги, всякое уклоненіе можетъ погубить путешественника.

Случалось ѣхать по узкимъ, каменистымъ тропинкамъ, спускающимся и поднимающимся по уступамъ, доступнымъ только привычнымъ лошадямъ. Помню, какъ по одной изъ такихъ лѣсницъ мы слѣзли, чтобы вести лошадей въ поводу, но сейчасъ же раскаялись—самъ едва спускаешься, а тутъ еще веди лошадь, которая можетъ ушибить, впослѣдствіи оставались на лошадяхъ при всѣхъ случаяхъ.

На половинѣ дорогѣ пріятно было расправить усталыя ноги и успокоить разгулявшійся аппетитъ, посланные съ вечера туземцы успѣли приготовить ѣду какъ слѣдуетъ.

На завтракъ по маршруту давалось около двухъ часовъ, отдохнувъ немного, послѣ завтрака, мы сѣли опять на коней, тутъ ужъ не поджидали тяжелую кавалерію, а унеслись быстро впередъ желая засвѣтло пріѣхать на вершину горы. Во второй половинѣ пути панорама замѣтно стала мѣняться, растительность все бѣднѣе и бѣднѣе, да и воздухъ свѣжѣе. Переодѣлись въ сукно (не слѣзая съ лошади), черезъ нѣсколько времени пригодилось пальто, а при прохожденіи пояса постоянныхъ облаковъ и дождевикъ сослужилъ службу.

У подошвы горы облака были ясно видны, когда же въѣхали въ нихъ, то очутились въ туманѣ, который каплями осаживался на дождевикахъ, дышать трудно и непріятно, такъ рады были подняться выше облаковъ.

Мы постепенно прошли всѣ пояса растительности отъ тропической до кустарниковъ.

Въ совершенной темнотѣ поздно вечеромъ подъ руководствомъ проводниковъ, прибыли въ отель, гдѣ насъ ожидалъ вкусный обѣдъ и чистая постель.

Благодѣтели-англичане устроили прекрасный, двухъ-этажный отель, съ угловой башней и широкой верандой, на высотѣ болѣе 5000 футъ. Отель носитъ названіе Volkano house, вокругъ него изъ земли клубится паръ.

Обѣдъ состоялъ частью изъ консервовъ, напримѣръ, супъ былъ приготовленъ изъ устрицъ—этотъ супъ въ видѣ молока не понравился, но за то остальное все было одобрено.

Полюбовавшись изъ Оконъ отеля заревомъ вулкана, мы улеглись спать, но не сразу заснули, вѣдь не легко провести 15 часовъ въ дорогѣ, при чемъ 13 часовъ не слѣзая съ лошади.

На другой день 15 октября насъ подняли ужасно рано, несмотря на легкій протестъ (больше протестовали ноги); послѣ кофе тронулись въ путь съ проводниками.

Новый кратеръ (Хилоуеа) на горѣ Мауна-Лоа или малое озеро, помѣщается въ старомъ большомъ кратерѣ или озерѣ (девять миль въ окружности) застывшей лавы, тропинка вьется сначала среди трещинъ горы, заросшихъ кустарниками, а затѣмъ среди трещинъ лавы уже на самомъ озерѣ. Въ большое озеро надо спуститься съ края или берега озера, на 400 футъ внизъ, края озера покрыты обломками лавы, какъ берега рѣки нагромождаются льдинами. Новые слои лавы трещатъ падъ ногами, и трудность путешествія увеличивается отъ необходимости перепрыгивать мѣстами черезъ широкія трещины, изъ которыхъ вырываются паръ и удушливые газы. Черезъ $1^1/_2$ часа тяжелой дороги дошли до малаго озера, пріютившагося у противоположнаго берега большого озера.

Здѣсь, повидимому, все спокойно, однакожъ не безъ особаго чувства приближались къ краю кипящаго котла, теплота становилась все болѣе ощутительной, наконецъ у края стало совсѣмъ жарко. Поверхность лавы отъ соприкосновенія съ атмосферой покрыта тонкой, темной пленкой, не позволяющей лавѣ волноваться, и только мѣстами она трескается, образуются куски, какъ льдины, и эти куски отъ тренія другъ отъ друга издаютъ особый звукъ. По краямъ котла высоко поднимаются фонтаны кипящей ярко-красной массы, вѣтеръ подхватываетъ и уноситъ отдѣльныя капли, вытягиваетъ ихъ въ бурыя нити, которыя застывая остаются на окрестныхъ утесахъ, кромѣ того брызги лавы разлетаются кругомъ, оставляя ненадолго красныя пятна на стѣнкахъ озера. Тонкія нити лавы мѣстами собираются пучками, онѣ называются здѣсь волосами богини Пеле, покровительницы вулкана. Иногда кипѣніе увеличивается, жидкая масса прорывается черезъ трещины остывшей лавы и покрываетъ все озеро, и кипитъ, какъ вода въ котлѣ. Это явленіе мы вызывали сами, бросая камни въ озеро, чтобы разбить лаву. Но вскорѣ кипѣніе утихаетъ, и котелъ по-прежнему остается покрытымъ тонкой коркойи съ своимъ глухимъ рокотомъ.

Близость къ таинственнымъ силамъ природы, какъ уже было сказано, вызываетъ особое чувство—мы не могли оторваться отъ зрѣлища, не обращая вниманія на жаръ, удушливый газъ и опасность положенія, при этомъ являлось даже нѣкоторое чувство страха, производившее особое ощущеніе. Бывшій съ нами вѣстовой адмирала долго чесалъ затылокъ и сказалъ:

— „Коли ежели все это разсказать въ деревнѣ, ни въ жисть не повѣрятъ, еще обругаютъ, зачѣмъ, молъ, такъ врешь“.

Адмиралъ и командиры вернулись въ отель, а мы, неутомимые путешественники, съ консуломъ пошли по другую сторону котла, здѣсь идти опаснѣе, мы безпрестанно проваливались въ рыхлыхъ слояхъ лавы, а главное пришлось увеличить шагъ чуть не до бѣга, такъ какъ горячая лава жгла подошвы и ноги не выдерживали подобной грѣлки. Минутъ черезъ двадцать добрались до разрыва одной изъ стѣнъ котла; черезъ этотъ проходъ вытекаетъ рѣка лавы, здѣсь сорвало вѣтромъ шляпу у одного изъ офицеровъ, къ счастью, она зацѣпилась за уступъ, проводникъ досталъ шляпу съ большимъ трудомъ и прямо опасностью жизни.

Русскій человѣкъ не вѣритъ, пока не ткнетъ пальцемъ, такъ и мы уговорили консула спуститься въ рѣку, чтобы достать горячей лавы, пришлось опять подпрыгивать болѣе получаса по убійственной дорогѣ, задыхаясь отъ сѣрныхъ паровъ и жара. Наконецъ, достигли русла, идущаго по большому озеру у дальняго его края отъ выхода (гдѣ мы въ него спустились) и далѣе внизъ. Рѣка довольно широкая, по краямъ лава достаточно твердая, по срединѣ же извивается змѣйкой тонкая струйка раскаленной лавы. Проводникъ сначала пошелъ одинъ, дойдя благополучно до змѣйки, поманилъ насъ и мы запрыгали къ нему, по раскаленной плитѣ, ногамъ стало невыносимо жарко, удушливые газы и пары туманили голову, но все-таки, дойдя до средины рѣки, мы зацѣпили палками лаву, запекли въ ней монеты и остудивъ взяли съ собой. Одинъ изъ насъ догадался взять кусокъ лавы съ монетой въ платокъ и очень удивился, когда все провалилось черезъ прожженный платокъ. У потока лавы даже лицо приходилось закрывать шляпой, отъ жары.

Продѣлавъ всѣ опыты съ лавой, мы пошли обратно чуть не въ безсознательномъ состояніи, выбравшись въ большое озеро, сѣли отдохнуть и выпили по глотку краснаго вина, хотя и плохого, но дѣйствующаго освѣжительно.

Намъ показывали могилу англичанина, умершаго отъ разрыва сердца, онъ прошелъ тамъ, гдѣ мы шли, и не выдержалъ этой марки.

По приходѣ въ отель до и послѣ завтрака отдыхали, у нѣкоторыхъ явилась нервная дрожь.

Адмиралъ и командиры уѣхали обратно, чтобы почевать на половинѣ пути, а мы остались посмотрѣть ночью видѣнное днемъ; въ разсчетѣ догнать начальство ѣхали быстрымъ аллюромъ.

Послѣ отдыха пошли смотрѣть сѣрныя ванны, глубокія расщелины и вообще любоваться окрестными видами. Когда стемнѣло,

мы вооружились палками, фонарями и, надѣвъ дождевики (моросило), отправились опять къ кипящему котлу. Идти было легче вслѣдствіе прохлады, но опаснѣе—надо очень внимательно идти другъ за другомъ, чтобы не попасть въ глубокія щели, оступившись въ которую не вернешься на Божій свѣтъ.

По мѣрѣ приближенія къ кратеру, зарево становилось ярче и, наконецъ, когда подошли къ котлу, то увидѣли чудную картину. Всѣ боковые фонтаны, мало видимые днемъ, били яркой струей, клокочущая масса на огромномъ пространствѣ заставляла думать объ адѣ.

Кромѣ того зарево освѣщало облака клубившагося пара. Больше часа любовались и разгладывали величественную картину природы, остались бы еще дольше, но проводники напомнили объ уходѣ (назадъ дорога продолжительнѣе, такъ какъ идетъ вверхъ на берегъ озера).

Въ отелѣ напились кофе, легли спать, но передъ глазами долго еще мелькали красные фонтаны и клокочущее огненное море.

16 октября. Еще задолго до разсвѣта намъ подали кофе и завтракъ, осѣдланныя лошади (отдохнувшія больше насъ) стояли у крыльца, нетерпѣливо стуча копытами.

Наконецъ небо стало зажигаться лучами утренняго солнца, двѣ горы Мауна Лоа и Мауна Кеа начали обрисовываться въ воздухѣ, первая около насъ какъ бы поднималась, а вторая вдали стала показывать свои семь зубцовъ, покрытыхъ мѣстами снѣгомъ. Въ то же время внизу кратера еще утро не наступило и пламя еще продолжало освѣщать черныя стѣнки котла. Такимъ образомъ здѣсь одновременно встрѣчается соединеніе неба и ада, радость свѣта дня и таинственное пламя вулкана, нигдѣ не приходилось больше видѣть подобнаго сочетанія.

Возвращеніе было легче, мы въ трехъ эшелонахъ съ различной быстротой совершили путь, послѣдній эшелонъ былъ съ запасными лошадьми и багажемъ. Первый эшелонъ (два флагъ-офицера и трое офицеровъ) быстро доскакали до мѣста остановки, отдохнувъ немного, помчались догонять адмирала. Влетѣли въ густой лѣсъ, мичману Р. пришлось остановить лошадь, чтобы поправить стремя, въ это время остальные ускакали впередъ и въ извилинахъ густого лѣса пропали изъ виду. Исправивъ стремя, мичманъ Р. помчался за ними, выѣхалъ изъ лѣсу—никого нѣтъ, смотритъ: дорога раздѣляется на двѣ, куда ѣхать? пустилъ лошадь, она пошла направо. Сначала скакала хорошо, но затѣмъ перешла на очень вялый шагъ, ему самому казалось какъ будто дорога не та, тогда онъ рѣшилъ повернуть обратно къ мѣсту отдыха, чтобы

взять проводника. Къ счастью черезъ нѣсколько времени увидѣлъ группу всадниковъ (послѣдній эшелонъ), началъ имъ кричать и махать платкомъ, они остановились, одинъ изъ туземцевъ подскакалъ къ нему, вывелъ черезъ болото на дорогу и по его просьбѣ поскакалъ впередъ догонять другихъ. Скоро они догнали второй эшелонъ съ консуломъ, который былъ очень обезпокоенъ этимъ происшествіемъ, онъ сказалъ, что мичманъ не вернулся бы въ Хило, если бы проѣхалъ дальше къ дикимъ племенамъ, которыя его бы не выпустили и вѣроятно бы съѣли подъ соусомъ, а можетъ быть и просто такъ.

Простившись съ ними, неутомимый мичманъ поскакалъ дальше съ той же головокружительною быстротой и пріѣхалъ на часъ позже перваго эшелона; привыкшія лошади, не признающія преградъ, мчались, не разбирая препятствій, имъ канавы, пни, густая трава, въ гору или подъ гору все равно, летитъ себѣ только держись.

Пока остальные собирались, намъ удалось побывать на рѣкѣ Вайлуки, берущей начало на южномъ склонѣ Мауна Лоа и несущей воды между ней и Мауна Кеа, вливаясь въ бухту Хило; она замѣчательна своимъ великолѣпнымъ водопадомъ недалеко отъ устья.

Съ высоты, почти 120 футъ, вода рукавами падаетъ въ круглый бассейнъ. Пѣнящіяся волны рѣзко отличаются отъ печальнаго фона горной стѣны и алмазами сверкаютъ на солнцѣ. Впечатлѣніе этой картины еще болѣе возвышается колоннообразнымъ строеніемъ базальтовыхъ стѣнъ, черный цвѣтъ которыхъ мѣстами скрывается подъ ковромъ ползучихъ растеній и мховъ. Съ удивленіемъ останавливались смотрѣть на купанье канакскихъ дѣвушекъ: падать вмѣстѣ съ водою каскада составляетъ ихъ главное удовольствіе, онѣ складываютъ руки надъ головой и съ крикомъ уносятся быстротой воды, появляются на минуту на гребнѣ волнъ и сейчасъ же исчезаютъ въ водоворотѣ бассейна, чтобы появиться вновь уже на спокойной водѣ. Подобныя развлеченія не всегда проходятъ безнаказанно.

При съемкѣ съ якоря клипера „Вѣстникъ“ и проходѣ его по бухтѣ мы имѣли случай съ палубы любоваться панорамой Хило. Бухта представляетъ резервуаръ голубой воды, окруженный невысокими, но живописными берегами. Городъ утопаетъ въ зелени, его совсѣмъ незамѣтно, если бы не улица, параллельная съ гаванью, выставляющая рядъ домиковъ. Собственно здѣсь улицъ нѣтъ, ихъ замѣняютъ тѣнистыя аллеи роскошной растительности, самыхъ разнообразныхъ сортовъ. Издали видна, окруженная пальмами церковь миссіонеровъ, видны горы, покрытыя лѣсомъ и травой, со множествомъ ручейковъ.

Островъ имѣетъ видъ трехъ муравьиныхъ кучъ, составленныхъ вмѣстѣ, это три главные вулкана: къ востоку Мауна Кеа, къ юго-востоку Мауна Лоа, а посрединѣ Гуалалаи.

17 октября перебрались къ себѣ на крейсеръ и вечеромъ уже веселились у консула. На другой день, по просьбѣ консула, привезли англійское семейство Perry на крейсеръ, показать, какъ мы живемъ, и напиться чая, наша молодежь растаяла и вечеромъ у Perry собралось большое общество продолжать бесѣду съ хорошенькими дочками.

19 октября представлялись Его Величеству Гавайскому королю, у него большой, блестящій дворъ, самъ въ золотѣ, придворные выглядываютъ немного смѣшно, но церемоній меньше, и само представленіе прошло очень просто. Послѣ представленія мы смотрѣли всѣ вмѣстѣ съ террасы дворца на процессію въ честь короля, по случаю возвращенія Его Величества изъ путешествія. Всѣ школы, общества и цехи, въ своихъ костюмахъ, проходили мимо короля, шумно и сердечно его привѣтствуя, болѣе почетныя лица останавливались и цѣловали у него руку. Король былъ тронутъ любовью своего народа и нѣсколько разъ выражалъ свое удовольствіе.

19 октября король со свитой посѣтилъ крейсеръ, отдать визитъ адмиралу, и передъ отъѣздомъ лично пригласилъ насъ къ себѣ провести вечеръ.

Одинъ мичманъ пріѣхалъ во дворецъ по смѣнѣ съ вахты; войдя на веранду, гдѣ расположились королевская фамилія, посланники и высшіе чины, онъ увидѣлъ, что на стульяхъ, стоявшихъ полукругомъ, сидитъ король и черномазенькія дамы, а за ихъ стульями стоятъ какіе-то должно быть очень важныя лица. Не считая себя ниже, мичманъ всталъ за стулъ на вакантное мѣсто (отсюда было виднѣе смотрѣть на танцы). Сидѣвшая на стулѣ дама (оказавшаяся принцессой), увидѣвъ офицера, сняла съ себя вѣнокъ изъ душистыхъ желтыхъ цвѣтовъ и надѣла ему собственноручно на шею. Консулъ сказалъ, что должно цѣнить эту высокую честь, конечно, нашъ мичманъ старался изо всѣхъ силъ цѣнить и страшно радовался оказанному вниманію, но ходить, будучи въ черномъ сюртукѣ, съ желтымъ вѣнкомъ на шеѣ было странно, если не смѣшно. Бѣдный мичманъ порывался снять вѣнокъ и положить его вмѣстѣ съ шляпой, но консулъ пришелъ въ такой ужасъ, что пришлось покориться судьбѣ, зато придворные старались оказывать съ своей стороны полное вниманіе. Однако исторія съ вѣнкомъ не помѣшала смотрѣть на танцы — подъ аккомпаниментъ музыкантовъ, игравшихъ на пустыхъ тыквахъ, танцовщицы продѣлывали животомъ разныя движенія, сидя на мѣстѣ. Для разнообразія танцовали

и по-другому, но также не прилично, по крайней мѣрѣ по нашимъ понятіямъ.

На слѣдующій день пришлось занимать гостей адмирала, пріѣхавшихъ на крейсеръ. Вечеромъ король давалъ балъ для адмирала и офицеровъ, въ гостиницѣ, такъ какъ настоящій дворецъ еще не былъ готовъ, а лѣтній малъ для этой цѣли. Знакомыхъ оказалось много и танцовали по обыкновенію съ оживленіемъ, послѣ ужина мы пошли маленькой компаніей провожать семейство Perry до дому. Дорога шла частью лѣсомъ, освѣщеннымъ яркою луной, частью среди загородныхъ дачъ; сильный ароматъ цвѣтовъ разливался среди этой чудной, тихой, тропической ночи, туманя головы, ужъ и безъ того достаточно вскруженныя милыми спутницами. Сколько поэзіи было въ этой прогулкѣ! Къ сожалѣнію, дача была не особенно далеко. Мы долго сидѣли съ ними на верандѣ ихъ дома, не входя во внутрь за позднимъ временемъ, казалось, не будетъ конца нашимъ разговорамъ, но неоднократные, демонстративные приходы мадамъ Перри заставили удалиться и проститься съ ними на вѣки.

22 октября покинули гостепріимнаго хозяина Гонолулу, съ сожалѣніемъ поглядывая на удалявшіеся берега.

При выходѣ съ рейда въ узкомъ мѣстѣ клиперъ „Пластунъ“ задѣлъ фока реей за рею паруснаго купеческаго корабля и рея сломалась, почему клиперъ остался исправить поврежденіе. Работа была выполнена своими средствами быстро, и клиперъ не особенно опоздалъ къ мѣсту слѣдующаго сборнаго пункта. Клиперъ „Вѣстникъ“ ушелъ отдѣльно на острова Таити, а мы завинтили прямой дорогой на Маркизскіе острова. Въ штилевой полосѣ обыкновенно внѣшнихъ развлеченій мало, море въ штиль однообразно — только иногда изъ гладкой его поверхности вырвется летучая рыбка и, блестя на солнцѣ своими лазоревыми крылышками, быстро пролетитъ въ сторону и снова спрячется въ бездонную пропасть. Когда вѣтеръ стихнетъ, паруса начинаютъ хлопать, каждый изъ нихъ какъ будто издаетъ свой звукъ, эти звуки особенно тоскливо настраиваютъ душу. Случаются развлеченія и въ другомъ родѣ: на безоблачномъ небѣ вдругъ появляется маленькое облачко, которое быстро растетъ, на кораблѣ принимаютъ соотвѣтствующія мѣры, и черезъ нѣсколько времени налетаетъ шквалъ, сразу зальетъ массой дождя, прогремитъ, проблеститъ и уйдетъ дальше. Въ такой моментъ всѣ бросаются на верхъ взять душъ, а команда, заткнувъ шпигаты (отверстія въ бортахъ для стока воды), моется во всю, благо прѣсной воды много.

30-го октября пересѣкли экваторъ съ обычной церемоніей. На

мостикъ вышелъ адмиралъ, командиръ и всѣ офицеры, въ это время боцманъ пришелъ доложить командиру.

— „Ваше Высокоблагородіе, такъ что „Нептунъ“ окликаетъ“ [1]).

Командиръ доложилъ адмиралу, который приказалъ отвѣчать и допустить „Нептуна“ на судно.

Боцманъ передалъ „Нептуну“ разрѣшеніе придти на корабль, и процессія съ бока тронулась по палубѣ.

1) Впереди шелъ великанъ, управлявшій хоромъ музыкантовъ въ фантастическихъ костюмахъ.

2) Два индѣйца вели барана съ золочеными рогами, копытами и хвостомъ, на немъ сидѣлъ голый японскій мальчикъ [2]) съ копытами на ногахъ, тигровой шкурой черезъ плечо, съ вѣнкомъ изъ листьевъ на головѣ; на поясѣ была небольшая прикрышка, а за спиной боченокъ.

3) Старшій адъютантъ „Нептуна“ въ пиджакѣ съ орденами и аксельбантами, на головѣ треугольная шляпа, надѣтая поперекъ.

4) Два негра.

5) Русскій мужикъ съ живымъ медвѣдемъ, котораго мы купили на Ванкуверѣ. Медвѣдь былъ въ красныхъ брюкахъ, бѣлой рубахѣ и тропическомъ шлемѣ на головѣ—эта фигура была полна комизма, особенно сзади, когда медвѣдь становился на четверинки, при видѣ его всѣ хохотали безъ удержа.

6) Нептунъ на колесницѣ, запряженной четверкой лошадей, которыхъ подъ узцы вели конюхи.

Лошадь составлялась изъ двухъ матросовъ, передній съ лошадиной головой, задній—согнутый держался за передняго одной рукой за плечо, а другой рукой махалъ сзади себя хвостомъ; оба покрыты попоной, на ногахъ копыта. Самъ Нептунъ съ трезубцемъ, въ коронѣ и большой бородой.

7) Амфитрита въ воздушномъ платьѣ съ ожерельемъ изъ раковинъ и короной на головѣ.

8) Двѣ придворныя дамы, ихъ шлейфъ несли двѣ негритянки.

9) Младшій адъютантъ Нептуна съ двумя городовыми.

10) Нянька съ ребенкомъ.

11) Поваръ.

---

[1]) Обыкновенно въ ночное время, если часовой видитъ или слышитъ о приближеніи шлюпки къ кораблю, окликаетъ «кто гребетъ», чтобы знать, кто находится въ шлюпкѣ.

[2]) Японецъ былъ взятъ флагъ-офицеромъ въ услуженіе.

12) Стража.

13) Брадобрей съ громадной деревянной бритвой, его помощникъ несъ тазъ съ мыломъ и огромной мочальной кистью.

14) Вокругъ процессіи и сзади двигались стихіи: вѣтры, молнія (голый матросъ, вымазанный сухой краской красной) и др.

Иниціатива изобразить молнію была собственная матроса, онъ явился уже „одѣтый“ въ костюмъ.

— „Ты кто такой?“

— „Такъ что молонья, Ваше Благородіе“.

— „Ну ладно, становись, молодецъ, что придумалъ“.

Процессія обошла кругомъ верхнюю палубу при дружномъ смѣхѣ команды и остановилась передъ мостикомъ, расположившись въ живописной группѣ, сообразно своимъ рангамъ и положенію.

Нептунъ обратился къ адмиралу:

— „Кто ты есть такой“?

Адмиралъ назвалъ себя и командира.

— „Куда ты идешь и зачѣмъ безпокоишь меня въ моемъ царствѣ“?

— „Мы идемъ въ Австралію, а за безпокойство готовы дать выкупъ“.

Послѣ краткаго разговора Нептунъ согласился на пропускъ и выкупъ, который адмиралъ и командиръ сейчасъ же внесли. Затѣмъ старшій адъютантъ вызывалъ по списку офицеровъ, они спускались съ мостика къ Нептуну вносить плату, чтобы освободиться отъ купанья. Существуетъ обычай купать всѣхъ, кто первый разъ переходитъ экваторъ, и такъ какъ это дѣлаютъ, не взирая на костюмъ, то выгоднѣе внести выкупъ. Когда офицеры откупились, началось купанье команды въ приготовленной парусинной ваннѣ, при этомъ брадобрей безжалостно брилъ, предварительно намазавъ лицо намѣченной жертвы своею ужасною кистью, конечно, доставалось больше нестроевымъ и нелюбимымъ. Все это продѣлывалось при общемъ дружномъ смѣхѣ команды.

Въ каютъ-компаніи состоялся обѣдъ съ музыкой въ присутствіи адмирала и командира.

Въ одну изъ ночей привелось видѣть чудное явленіе, когда изъподъ крейсера съ двухъ сторонъ, густымъ потокомъ стало вырываться блестящее голубое пламя, какъ будто мы плыли по огненному морю. Море сіяло не блестками (какъ обыкновенно въ теплыхъ странахъ), но цѣлой сплошной массой, которая распространялась обширными полукружіями по мѣрѣ удаленія широкой, густой

волны, то извиваясь зелеными огненными змѣями, мелькая вдали и превращаясь дальше въ пятна, въ точки. Хотя свѣченіе моря вещь обыкновенная, но когда оно представляется въ большихъ размѣрахъ, то получается грандіозная картина.

Въ теченіе почти всего перехода мы имѣли противный вѣтеръ и потому на Маркизскіе острова пришли только 2-го ноября.

В. Рудневъ.

Новый матеріалъ о масонствѣ.

Матеріалы для исторіи русскаго масонства изъ собранія А. Е. Бурцева.

Недавно вышло изданіе „Полное собраніе библіографическихъ трудовъ Александра Евгеніевича Бурцева“. Въ сочиненіи имѣется масонскій отдѣлъ, который къ сожалѣнію полонъ ошибокъ. Это обстоятельство заставляетъ меня предостеречь читателя отъ библіографическихъ фантазій г. Бурцева и указать хотя бы для примѣра на рядъ крупныхъ неправильностей, допущенныхъ имъ въ описаніи его масонскаго отдѣла.

На одной заглавной страницѣ, къ сожалѣнію ненумерованной, г. Бурцевъ изображаетъ небольшой своеобразный масонскій ключъ. Надпись на ключѣ вышла неразборчивой, но за то подъ ключемъ имѣется очень разборчивая подпись: знакъ ложи Ключа къ Добродѣтели. На самомъ дѣлѣ, этотъ знакъ не былъ знакомъ поименованной ложи, а былъ знакомъ 6-й степени шведской системы, такъ называемыхъ Рыцарей Востока и Іерусалима, и могъ быть носимъ всѣми братьями, имѣвшими эту степень. По шведской системѣ въ Россіи работало много ложъ, и этотъ ключъ во множествѣ экземпляровъ сохранился до нашего времени; имѣется онъ и въ Румянцевскомъ музеѣ, и въ Ревельскомъ музеѣ, и въ Государственномъ архивѣ, и въ Обществѣ любителей древней письменности, и въ моемъ собраніи. Надписи на немъ слѣдующія: на одной сторонѣ треугольника — quis claudit aperientem, а на другой — quis aperit claudentem. Это былъ ключъ къ небеснымъ тайнамъ, мистическій

ключъ [1]). Обладатель подобнаго ключа могъ учреждать ложи въ пяти степеняхъ. Знакъ же ложи ключа къ Добродѣтели, хранящійся въ Государственномъ архивѣ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, имѣлъ видъ золотого креста съ перекрестіемъ на серебряной звѣздѣ о девяти углахъ; на крестѣ—надпись съ наименованіемъ ложи и датою ея возникновенія.

На другой заглавной страницѣ г. Бурцевъ изображаетъ пятиконечную звѣзду съ латинскою буквою G въ центрѣ и пламенемъ на пересѣченіи; подпись изъясняетъ, что это будто бы знакъ ложи Пылающей Звѣзды. Ложи съ такимъ наименованіемъ въ Россіи не существовало вовсе; были же ложи, имѣвшія наименованія, схожія съ приведеннымъ: въ 1750 г. въ Ригѣ была учреждена ложа Сѣверной Звѣзды, въ 1779 г.—ложа Пламенѣющей Звѣзды въ Петербургѣ, въ 1788 г. въ Москвѣ работала ложа Пламенѣющей Звѣзды, въ 1815 г. была возобновлена петербургская ложа Пламенѣющей Звѣзды, въ 1817 г. началось дѣло объ учрежденіи ложи Сѣверной Звѣзды въ Вологдѣ. Но знаки всѣхъ этихъ ложъ отличны отъ знака, приведеннаго А. Бурцевымъ; послѣдній есть знакъ 5-ой степени шведской системы, т. е. шотландскихъ мастеровъ, которые носили его на чрезплечной лентѣ. Пять концовъ этой звѣзды знаменовали пять кровоточныхъ ранъ Спасителя, пламя на пересѣченіи—рвеніе, съ коимъ долженъ распространять масонство шотландскій мастеръ, литера G означала въ данномъ случаѣ Голгофу; иначе говоря, даже смерть не должна была останавливать масоновъ, какъ борцовъ за свои завѣты.

Далѣе, рисунокъ на 15 и 25 стр. также неправильно названъ г. Бурцевымъ знакомъ ложи Пылающей Звѣзды. Эта шестиугольная звѣзда съ пламенемъ на пересѣченіи и буквою G въ серединѣ образована изъ двухъ пересѣкающихся треугольниковъ. Она имѣетъ мистико-кабалистическое значеніе и не является знакомъ какой-либо ложи, а есть очень распространенный масонскій символъ. Онъ во множествѣ встрѣчается, нерѣдко при томъ въ соединеніи съ другими знаками, на масонскихъ рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ, масонскихъ коврахъ и пр. Такая же звѣзда изъ золоченой бронзы, иногда очень большого размѣра, подвѣшивалась къ потолку ложи, между тропомъ мастера и ковромъ, и знаменовала путеводную звѣзду, разумъ и проч. Знакъ же ложи Пламенѣющей Звѣзды хотя и былъ

---

[1]) Въ ритуалѣ на русскомъ языкѣ этотъ ключъ такъ и называется: «Божественный отъ небесныхъ таинствъ ключъ Давида, иже отверзаетъ и никто же затворитъ, затворяй и никто же отверзетъ».

звѣздою, но послѣдняя въ срединѣ имѣла треугольникъ съ всевидящимъ окомъ.

Подобныя ошибочныя догадки г. Бурцева, конечно, не извинительны для него, какъ библіографа, но онѣ житейски понятны: была вотъ ложа Ключа къ добродѣтели, ну и знакомъ ея, значитъ, былъ по всей вѣроятности ключъ; такъ подъ ключемъ и напишемъ: знакъ такой-то ложи; то же и по отношенію къ звѣздамъ; подъ одной изъ нихъ, благо тамъ и звѣзда, и пламя, напишемъ, что это знакъ ложи Пылающей Звѣзды, а подъ другой, для разнообразія, поставимъ, что это знакъ просто Звѣзды; можетъ быть, мы и будемъ правы. Но совершенно непонятнымъ является знакъ съ подписью г. Бурцева „Знакъ масонской ложи Андрея Первозваннаго“. Не говоря уже о томъ, что такой ложи въ Россіи не было совершенно, на рисункѣ г. Бурцева нѣтъ никакого Апостола. Мы видимъ здѣсь въ поперечномъ овалѣ какія-то черточки непонятной азбуки, да концы какихъ-то перекладинъ. Что же это? А это — маленькій курьезъ, который, какъ пресловутый масонскій ключикъ, даетъ способность открывать тайны. Это значитъ, что у г. Бурцева вѣроятно не имѣется приведеннаго знака, а видѣлъ онъ только снимокъ съ него; иначе невозможно допустить грубѣйшей ошибки: у г. Бурцева изображенъ оборотъ (задняя, тыльная сторона) масонскаго Андреевскаго знака, который къ тому же приведенъ вершиною внизъ, т. е. кверхъ ногами! На лицевой сторонѣ знака представленъ распятый апостолъ; непонятные на рисункѣ г. Бурцева четыре конца являются вершинами креста, который виденъ на лицевой сторонѣ. Надпись еврейская—Іегова. Андреевскій крестъ былъ знакомъ 5-й степени шведской системы и носился на шейной зеленой лентѣ. Апостолъ Андрей былъ патрономъ такъ называемыхъ шотландскихъ степеней и почитался за идеалъ неустрашимаго распространителя истины. Знакъ сохраняется во многихъ архивахъ: Государственномъ, Главнаго военно-суднаго управленія, въ Румянцевскомъ музеѣ, въ Обществѣ древней письменности и пр. Какъ же могло случиться подобное столь непріятное для г. Бурцева недоразумѣніе? Какъ онъ не замѣтилъ даже на собственномъ рисункѣ, что внизу знака видно отверстіе для продѣванія ленты и что онъ изображаетъ знакъ кверхъ ногами? Передо мною лежитъ страничка, вырѣзанная изъ „Нивы“ за 1883 годъ, № 46, стр. 1101. На страничкѣ приведено 20 масонскихъ знаковъ изъ собранія Общества любителей древней письменности. Среди нихъ есть два изображенія знака Андрея, лицевое и оборотное. Г. Бурцевъ и переснялъ одно изъ этихъ изображеній, да только помѣстилъ его вершиною внизъ. Позаимствованіе г. библіографомъ рисунковъ изъ „Нивы“ подтверждается

тѣмъ, что въ „Нивѣ“ также имѣются и ключъ 6-й степени, и обѣ пламенѣющія звѣзды, да и къ тому же, разсматривая изъ „Нивы“ рисунки, мы увидимъ, что у пятиконечной звѣзды недостаетъ лѣваго уголка, который отсутствуетъ и у г. Бурцева. У г. Бурцева это отсутствіе необъяснимо, а въ „Нивѣ“ ясно видно, что этотъ злополучный кончикъ затѣняется прикрывающимъ его сосѣднимъ знакомъ. Звѣзды и бородка ключа въ натуральномъ видѣ сдѣланы въ серединѣ, внутри полыми и рѣзко очерчены, а при копированіи ихъ на бѣлую бумагу отъ руки или помощью фотографіи не могли дать такихъ тѣней, какія находимъ у г. Бурцева, у котораго звѣзды внутри сплошь заштрихованы; заштрихованы онѣ и въ „Нивѣ“, но тамъ весь фонъ заштрихованъ.

Наконецъ, у г. Бурцева имѣется рисунокъ знака „неизвѣстной“, какъ онъ выражается, ложи, съ буквою Е, циркулемъ и наугольникомъ. Г. Бурцевъ ошибается, что это знакъ неизвѣстной ложи. Это—знакъ очень извѣстной ложи Елизаветы къ Добродѣтели, основанной въ 1805 г. въ Петербургѣ и наименованной въ честь Императрицы Елизаветы Алексѣевны, супруги Императора Александра I. Ложа была очень многолюдной, насчитывая нерѣдко одновременно болѣе сотни членовъ. Члены ея принадлежали къ высшему кругу, и по своему личному составу эту ложу можно бы назвать придворною, аристократически военною. На оборотной сторонѣ знака имѣется надпись: „размѣряй свои дѣйствія циркулемъ разума, располагай поступки по углу совѣсти“. Знаки этой ложи встрѣчаются во многихъ собраніяхъ: въ Румянцевскомъ музеѣ, въ обществѣ древней письменности и пр.; есть такой знакъ и въ моей коллекціи. Полагаю, что вслѣдствіе своей надписи на оборотѣ, надписи съ специфически масонскимъ девизомъ, знакъ этой ложи могъ бы скорѣе быть изображеннымъ оборотною стороною, чѣмъ воспроизводимый г. Бурцевымъ оборотъ Андреевскаго знака. Любопытно, что на лѣвой сторонѣ банта, къ коему привѣшенъ знакъ ложи Елизаветы, въ изображеніи г. Бурцева отчетливо замѣчается кончикъ посторонней звѣзды. Если сравнить этотъ рисунокъ съ рисункомъ изъ „Нивы“, то увидимъ, что такой же именно кончикъ звѣзды знака ложи Георгія Побѣдоносца приходится на томъ же мѣстѣ банта къ знаку ложи Елизаветы.

Боюсь своею замѣткою утомить читателя. Но не могу не сказать два слова о другихъ ошибкахъ г. Бурцева, непростительныхъ въ библіографическомъ трудѣ. Масонская ложа изображалась продолговатымъ прямоугольникомъ, |_____|. Г. Бурцевъ не знаетъ даже этого элементарнаго масонскаго сокращенія и пишетъ въ простотѣ своего библіографическаго рвенія: рѣчь.., говоренная въ „квад-

*

ратѣ“ (?!) поученія (№ 571); нужно же было, очевидно, написать: рѣчь.., говоренная въ „ложѣ“ поученія.

Наконецъ, не вѣрно передается транскрипція масонскихъ текстовъ. Подъ № 572 г. Бурцевъ описываетъ рѣчь, говоренную 24 іюня 1814 г. Г. Бурцевъ не знаетъ, въ какой ложѣ была произнесена эта рѣчь. По имѣющемуся у меня списку съ этой же рѣчи, почерпнутой мною изъ масонскихъ рукописей Тверской ученой архивной комиссіи, видно, что рѣчь была произнесена въ тайной московской ложѣ Нептуна мастеромъ ложи Павломъ Ивановичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ. Г. Бурцевъ цитируетъ ея начало съ такими ошибками: „сей торжественный... день паки для насъ *вызвалъ* изъ вѣчности и изшелъ *во время юность* для нашего бытія;.. каждый изъ насъ... проницаетъ тайну въ узлѣ, связующемъ насъ съ симъ *послушнымъ* міромъ“. Смыслъ теменъ. Но онъ теменъ вслѣдствіе невѣрнаго чтенія г. Бурцевымъ масонской рукописи, которую нужно читать: „сей торжественный день паки для насъ *вызванъ* изъ вѣчности и изшелъ *во временность* для нашего бытія;.. каждый изъ насъ... проницаетъ тайну въ узлѣ, связующемъ насъ съ симъ *подлуннымъ міромъ*“.

Ограничиваю свои указанія. Но полагаю, что ихъ вполнѣ достаточно, чтобы оцѣнить всю библіографическую легковѣсность трудовъ г. Бурцева по исторіи русскаго масонства.

Сообщ. Тира Соколовская.

Воспоминанія жизни Э. Т. Теркера [1].

Перехожу теперь ко времени моего пребыванія во 2-ой гимназіи—1840—1846 г.г. Поступилъ я двѣнадцати лѣтъ во второй классъ; всѣхъ классовъ было семь, и я ихъ прошелъ всѣ до послѣдняго. Директоръ гимназіи былъ Александръ Филипповичъ Постельсъ, другъ моего отца и потому очень ко мнѣ расположенный. Онъ первоначально не былъ педагогомъ; въ качествѣ талантливаго рисовальщика, онъ сопровождалъ адмирала Литке въ его кругосвѣтномъ плаваніи. Литке оцѣнилъ его характеръ и умственныя достоинства; по возвращеніи изъ путешествія, по рекомендаціи Литке, Постельсъ былъ назначенъ директоромъ 2-ой гимназіи. Александръ Филипповичъ отличался необыкновенно совѣстливымъ, строгимъ и даже педантическимъ отношеніемъ къ исполненію своихъ обязанностей и былъ безусловно преданъ порученному ему дѣлу. Хотя и не записной педагогъ, онъ поставилъ гимназію на очень хорошую ногу, заботясь неустанно о всѣхъ подробностяхъ дѣла. Къ ученикамъ онъ относился строго, но справедливо, и потому его уважали и любили, и онъ пользовался большимъ авторитетомъ. Такъ какъ это было въ Николаевское время, то на опрятность формы обращалось большое, хоть и не чрезмѣрное вниманіе.

Инспекторомъ гимназіи былъ Христоформъ Ивановичъ Пернеръ, необыкновенно добрый человѣкъ, не имѣвшій впрочемъ большого вліянія на ходъ дѣла. У него были двѣ дочери, отличавшіяся необыкновенной красотой. Одна изъ нихъ вышла замужъ за Спиглазова. Спиглазовъ былъ человѣкъ безъ состоянія, но очень предпрі-

[1] См. «Русская Старина». Апрѣль 1909 г.

имчивый. Въ это время впервые начали курить папиросы. Спиглазовъ воспользовался и устроилъ въ Петербургѣ первую папиросную мастерскую. Такъ какъ это было единственное заведеніе въ этомъ родѣ, то дѣла его пошли блестящимъ образомъ. Спиглазовъ выручалъ до ста тысячъ рублей дохода. Получая такой колоссальный для того времени доходъ, Спиглазовъ сталъ жить очень широко, держалъ красивый экипажъ, кровныхъ лошадей, жена его одѣвалась очень богато и изящно. Этотъ эпизодъ очень интересовалъ насъ, гимназистовъ, говорили о томъ, какое счастіе у М-lle Пернеръ, какъ повезло ея мужу и т. д. Увлеченный хорошими доходами, Спиглазовъ сталъ однако повидимому жить слишкомъ широко,—послѣ немногихъ лѣтъ, вслѣдствіе конкурренціи другихъ образовавшихся по его примѣру заведеній, его дѣла стали идти хуже и окончательно онъ, кажется, совершенно разорился.

О первыхъ впечатлѣніяхъ при моемъ поступленіи въ гимназію у меня не осталось особенныхъ воспоминаній.

Въ то время меня занимала, между прочимъ, мысль о продолжительности предстоящихъ мнѣ учебныхъ занятій; вспоминаю поэтому одинъ мой разговоръ. Въ то время зимою часто предпринимали поѣздки на тройкахъ, но это обходилось тогда гораздо проще и дешевле, чѣмъ теперь. Обыкновенно отправлялись въ сосѣднія нѣмецкія колоніи, верстъ за 10 или 15, и брали съ собою необходимое угощеніе, лимонадъ, вино, ужинъ—en pique-nique, танцовали подъ звуки рояля, часовъ до двухъ, и потомъ уѣзжали домой въ самомъ веселомъ настроеніи духа. Въ первый же годъ поступленія въ гимназію, родители взяли меня съ собою въ такую поѣздку. Танцуя съ маленькой кузиной (впослѣдствіи вышедшей замужъ за пастора Газенвегера)—я ей сталъ разсказывать о моемъ поступленіи въ гимназію и помню, какъ я объяснилъ ей, что мнѣ предстоитъ пробыть по крайней мѣрѣ шесть лѣтъ въ гимназіи и затѣмъ еще четыре года въ университетѣ, всего десять лѣтъ. Столь продолжительный періодъ представлялся намъ тогда безконечнымъ, а какъ скоро пролетѣли эти годы. Прошли не только эти десять лѣтъ, прошло затѣмъ еще полстолѣтіе,—а между тѣмъ я все еще такъ ясно вспоминаю нашу тогдашнюю поѣздку на тройкахъ, зало, въ которомъ мы танцовали и въ которомъ происходилъ нашъ дѣтскій разговоръ, самый разговоръ—какъ будто бы это происходило всего нѣсколько дней тому назадъ.

Въ гимназіи я занимался довольно порядочно. Большую радость мнѣ доставило, когда я получилъ первый похвальный листъ, розовый второго разряда—потомъ я сталъ получать и похвальные ли-

сты перваго разряда—желтые. Приносить домой эти листы всегда было для меня большою радостью, во-первыхъ, по самому существу дѣла, а затѣмъ еще и потому, что въ награду за полученное похвальное свидѣтельство отецъ доставлялъ мнѣ какое-либо удовольствіе, бралъ меня въ театръ и т. п.

Большое впечатлѣніе производило на меня посѣщеніе гимназіи Императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Это происходило обыкновенно разъ въ годъ. О томъ, что Императоръ скоро будетъ къ намъ, слухъ распространялся за нѣсколько дней, мы, гимназисты, находились въ теченіе всего этого времени въ какомъ-то торжественномъ, возбужденномъ настроеніи; съ одной стороны ожиданіе какъ обойдется посѣщеніе Государя, съ другой—пріятная надежда, что если Государь останется всѣмъ доволенъ, насъ распустятъ на день или два въ видѣ праздника—все это насъ волновало. Вдругъ раздается знакомый звонокъ швейцара. Государь пріѣхалъ. Насъ выстраивали въ шеренгу въ рекреаціонной комнатѣ. Государь прежде отправлялся къ пансіонерамъ и оттуда приходилъ къ намъ, его встрѣчало громкое „ура!“—онъ обходилъ шеренги, смотря на насъ, и иногда говорилъ съ однимъ изъ учениковъ, дѣлая какое-либо замѣчаніе. Его красивая, стройная и величественная фигура и его удивительно проницательный взглядъ рѣзко отчеканился съ тѣхъ поръ въ моей памяти.

Изъ выдающихся учителей гимназіи вспоминаю особенно Шакѣева и Ѳедора Ѳедоровича Эвальда, обоихъ очень уважали и любили. Шакѣевъ преподавалъ исторію и удивительно умѣлъ заинтересовать насъ предметомъ, благодаря своему живому изложенію. Кромѣ того онъ умѣлъ возбудить въ насъ еще и интересъ къ литературнымъ занятіямъ. Такъ, разъ онъ предложилъ намъ перевесть на русскій языкъ томъ нѣмецкаго историческаго сочиненія, прибавивъ, что нашъ переводъ предполагается напечатать впослѣдствіи; мысль, что мы будемъ работать для печати, насъ не мало польстила и весь классъ изъявилъ готовность заняться предложеннымъ трудомъ. Шакѣевъ разрѣзалъ книгу на части, по числу учениковъ въ классѣ и роздалъ каждому по одной части. Мы съ увлеченіемъ принялись за переводъ и довольно быстро окончили порученную намъ довольно объемистую работу. Что впослѣдствіи изъ нея вышло, была ли она напечатана или нѣтъ, я уже не помню, но во всякомъ случаѣ эта переводная работа возбудила у меня и многихъ моихъ товарищей расположеніе къ литературнымъ занятіямъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Эвальдъ преподавалъ намъ физику, чтенія

его были также интересны, но онъ особенно вліялъ на насъ своимъ характеромъ, прямымъ, благороднымъ и энергическимъ.

Съ учителемъ латинскаго языка Михельсономъ я нѣсколько времени спеціально занимался по вечерамъ. Такъ какъ мой отецъ лѣчилъ его, то, желая выразить ему свою благодарность, онъ давалъ мнѣ по вечерамъ приватные уроки; по окончаніи занятія онъ угощалъ меня обыкновенно чаемъ и яблоками. Классическихъ гимназій въ то время не существовало; въ гимназіи преподавали одинъ латинскій языкъ и кажется не болѣе двухъ разъ въ недѣлю. Я дошелъ до того, что могъ довольно свободно читать Cornelius'a Nepos'a и Цезаря—далѣе мои познанія не шли.

Русскій языкъ преподавалъ Алимпіевъ, говорившій намъ довольно интересно о литературѣ, но учившій довольно безпорядочно и несистематически.

Математику преподавалъ Иващенко; онъ считался очень строгимъ и суровымъ, но въ сущности былъ добрый и благорасположенный человѣкъ. Меня онъ почему-то называлъ „зайчикомъ", онъ всегда хорошо ко мнѣ относился, и я любилъ его, несмотря на его требовательность.

Закону Божію въ высшихъ классахъ насъ училъ священникъ Раевскій. Пространный Катехизисъ, съ массою текстовъ, кои приходилось учить наизусть, меня совсѣмъ не интересовалъ; приходилось долбить его къ экзамену—и такъ какъ, предметъ меня оставлялъ совершенно безучастнымъ, то экзаменъ [1]) изъ богословія мнѣ казался особенно тяжелымъ; внутреннее значеніе религіозной идеи, при столь формальномъ отношеніи къ дѣлу, оставалось для меня совершенно сокрытымъ, но когда Раевскій сталъ объяснять намъ значеніе литургіи во всѣхъ ея частяхъ, его объясненія меня крайне заинтересовали, возбуждая сознательное религіозное чувство; приходя домой, я разсказывалъ матушкѣ все то, что я слышалъ отъ Раевскаго, объясняя ей значеніе литургіи и символизмъ отдѣльныхъ ея частей.

Въ седьмой классъ къ намъ поступилъ прямо изъ университета младшій братъ Эвальда, Владиміръ Ѳедоровичъ, учителемъ русской словесности. Какъ молодой человѣкъ, онъ держался съ нами, учениками седьмого класса, какъ старшій съ равными, при чемъ однако его авторитетъ у насъ отъ того нисколько не страдалъ, напротивъ того, мы его обожали и относились къ нему всегда съ глубочайшимъ уваженіемъ. Для него мы были готовы все сдѣлать, и онъ имѣлъ на насъ большое и весьма полезное вліяніе.

[1]) Много лѣтъ спустя мнѣ еще иногда снилось, что приходится держать экзаменъ изъ богословія.

Въ гимназіи мои сношенія съ нимъ продолжались только годъ, потому что я былъ уже въ послѣднемъ классѣ и скоро, послѣ его поступленія къ намъ, вышелъ изъ гимназіи. Впослѣдствіи, въ жизни, пришлось еще два раза съ нимъ встрѣтиться. Во первыхъ въ 1871 году, когда я гостилъ, передъ моей свадьбой, у графа Татищева. Владиміръ Ѳедоровичъ жилъ у него на дачѣ, и мы нѣсколько разъ видѣлись, участвуя въ общихъ дачныхъ экскурсіяхъ. Затѣмъ въ восьмидесятыхъ годахъ, когда Владиміръ Ѳедоровичъ былъ уже опасно боленъ и кажется даже разбитъ параличемъ, едва двигался и очень страдалъ,—я узналъ, что онъ интересуется моими религіозными сочиненіями и желаетъ имѣть одно изъ нихъ, переводъ Ecce Homo. Я этимъ воспользовался, чтобы навѣстить его, и самъ повезъ ему мою книгу. Наша встрѣча, послѣдняя, была самая задушевная. Несмотря на постоянныя сильныя страданія, въ чертахъ его лица какъ бы проявлялось отраженіе его чистой, чудесной души,—все его лицо дышало сердечной добротой и какимъ-то мирнымъ покоемъ. Я просидѣлъ у него около получаса въ самой задушевной бесѣдѣ. Послѣ я его болѣе уже не видалъ, ибо онъ годъ или два спустя скончался.

Возвращаюсь къ гимназической жизни. Въ седьмомъ классѣ мы считали себя уже какъ бы не учениками, а молодыми людьми, почти студентами и потому держали себя довольно независимо относительно тѣхъ учителей, которые не пріобрѣли особаго авторитета въ нашей средѣ, иногда даже жаловались на нихъ инспектору. Однимъ словомъ, несмотря на Николаевское время, на насъ повѣяло какимъ-то особеннымъ духомъ. Слѣдуетъ однако сознаться, что это чувство большей свободы и независимости не всегда было соединено съ чувствомъ благородной справедливости, а имѣло нерѣдко вполнѣ эгоистическій характеръ. Одинъ изъ нашихъ гувернеровъ Кемерлингъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ учителемъ нѣмецкаго языка. Въ старшемъ классѣ онъ задавалъ намъ писать сочиненія на различныя темы. Хотя я хорошо зналъ нѣмецкій языкъ и даже говорилъ дома по-нѣмецки, но такъ какъ я работалъ въ это время довольно поверхностно, то мои сочиненія оставляли много желать, и Комерлингъ ставилъ мнѣ обыкновенно за нихъ тройки. Это задѣло мое самолюбіе, и я пошелъ жаловаться на него инспектору—что онъ со мною слишкомъ строгъ и меня притѣсняетъ. Нѣсколько дней спустя К., подозвавъ меня, обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: „Вы знаете, что вашъ отецъ лѣчитъ меня и что я ему многимъ обязанъ, такъ что я кромѣ благодарности ничего другого не могу имѣть къ нему,—какой же послѣ того я могу имѣть поводъ преслѣдовать васъ? Но вотъ, чтобы вы сами могли судить,

заслуживаете ли вы больше тройки, взгляните сами на ваше сочиненіе". Затѣмъ онъ показалъ мнѣ мою работу, всю испещренную поправками, которыя ему пришлось сдѣлать. Казалось, что такое благородное обращеніе должно бы идти мнѣ прямо къ сердцу, но затронутое самолюбіе не позволило мнѣ отвѣтить сердечно на этотъ теплый съ его стороны пріемъ. Его доброе отношеніе на меня не подѣйствовало, и я ушелъ отъ него совершенно не тронутый и не сказавъ ему въ отвѣтъ ни одного добраго слова. Я до сихъ поръ сожалѣю объ этой своей черствости и мысленно прошу прощенія у памяти покойнаго Кемерлинга.

Около этого времени вошло въ обычай устраивать въ гимназіи театральныя представленія. Мы рѣшились играть Ревизора. И мужскія и женскія роли игрались, разумѣется, гимназистами, послѣднія въ женскихъ костюмахъ. Мнѣ дали роль Лизы, и говорятъ, что я ее хорошо съигралъ. Представленіе шло въ большой актовой залѣ, на возвышенной сценѣ, съ декораціями, предъ многочисленной публикой, состоявшей изъ родныхъ и знакомыхъ играющихъ. Я сначала очень боялся, но переломилъ себя, и дѣло, пошло хорошо. Послѣ представленія еще нѣкоторое время мои товарищи называли меня Лизой и ухаживали за мною, какъ за дѣвушкой.

Около этого времени у меня явилась мысль устроить представленіе дома и написать для этого пьесу, въ которой должны были фигурировать французскіе маркизы. Желая заготовить для нихъ историческіе костюмы, я началъ закупать для этого разные припасы. Такъ какъ сукно было слишкомъ дорого, то я началъ съ того, что купилъ черный коленкоръ и золотую бахрому. Мои проекты рушились по случаю внезапной смертельной болѣзни моего отца. Въ самое это время, моя матушка увидѣла у меня какъ-то купленный мною черный коленкоръ и получила отъ того самое удручающее впечатлѣніе усматривая въ этомъ какъ бы нѣкоторый предвѣстникъ траура, который насъ ожидалъ въ непродолжительномъ времени. Коленкоръ черный постарались поскорѣе кому-то сбыть, продавъ его за безцѣнокъ.

Серіозная болѣзнь моего отца, который впрочемъ уже нѣкоторое время недомогалъ, началась съ сильнаго припадка недуга сердца. Я еще помню эту страшную ночь; я проснулся отъ происходившаго переполоха и потому присутствовалъ при страданіяхъ отца, которыя тщетно старались устранить примѣненіемъ разныхъ лѣчебныхъ пріемовъ. Впечатлѣнія этой ночи, видъ страданій, близкая опасность смерти, все это произвело на меня самое глубокое и тягостное впечатлѣніе. Объ этомъ времени у меня остались еще нѣкоторыя печальныя воспоминанія. Уже до этого припадка отецъ

въ теченіе зимы началъ ощущать симптомы болѣзни, которую, какъ превосходный врачъ, онъ не могъ не оцѣнить въ полномъ ея значеніи. Къ рожденію отца, я, при участіи матушки, приготовлялъ обыкновенно какой-либо сюрпризъ. Такъ и въ этомъ послѣднемъ въ его жизни году, я выучилъ играть на фортепіанахъ пьесу съ акомпаниментомъ скрипки, на которой мой отецъ хорошо игралъ. Подобные сюрпризы доставляли ему обыкновенно большое удовольствіе, а мнѣ большую радость. Насталъ день рожденія, 12 декабря, но когда матушка сообщила отцу, что я выучилъ ему въ сюрпризъ пьесу, чтобы съиграть ее вмѣстѣ съ нимъ, то онъ въ печальномъ настроеніи духа, сознавая свою болѣзнь, — старался отклонить игру подъ разными предлогами, замѣчая, что онъ давно уже не игралъ на скрипкѣ, что на ней даже не всѣ струны натянуты,—но матушка подумала объ этомъ уже заблаговременно, поручивъ привести скрипку въ порядокъ, и потому вынула ее изъ чехла, поднесла ее отцу. Тогда отецъ уже не рѣшился отказать и пригласилъ меня играть, акомпанируя мнѣ,—но все это вызвало столь грустное впечатлѣніе, что оно оставило во мнѣ глубокіе слѣды, особенно при сравненіи съ тѣмъ радостнымъ настроеніемъ, которое обыкновенно празднованіе дня рожденія родителей, вызывало во всей нашей семьѣ.

Даже разъ во время болѣзни, отецъ подозвалъ меня и сталъ говорить со мною о будущемъ, поручая мнѣ постоянную заботу о моихъ сестрахъ и защиту ихъ отъ всякой невзгоды, заповѣдавъ мнѣ, чтобы я никогда не оставлялъ ихъ. Этотъ необычный разговоръ, потому что прежде между нами никогда ни приходилось касаться столь грустныхъ и тягостныхъ предметовъ, произвелъ также на меня необыкновенно тяжелое впечатлѣніе: я какъ-то внутренно боролся противъ мысли, что скоро наступитъ такое положеніе, когда я изъ прежняго беззаботнаго мальчика, котораго другіе охраняли, долженъ буду превратиться въ молодого человѣка, который самъ уже долженъ будетъ охранять другихъ.

Первый сильный припадокъ болѣзни прошелъ, но болѣзнь осталась въ полной силѣ, и нѣсколько мѣсяцевъ спустя отецъ мой скончался за границей.

Передъ отъѣздомъ за границу, куда посылали моего больного отца на лѣченіе, мнѣ оставалось сдать въ гимназіи выпускной экзаменъ. Въ гимназіи, какъ уже сказано, я учился хорошо и удовлетворительно держалъ переходные экзамены изъ класса въ классъ, но въ этомъ отношеніи послѣдній выпускной экзаменъ составилъ исключеніе. Болѣзнь отца, приготовленіе къ заграничному путешествію, все это отвлекало меня отъ занятій, къ тому же въ виду

отъѣзда за границу, мнѣ пришлось держать экзаменъ ранѣе и въ болѣе короткое время, такъ что на приготовленіе къ отдѣльнымъ предметамъ приходилось мало времени, и вотъ почему я оказался довольно плохо подготовленнымъ къ экзамену. Но такъ какъ всѣ учителя были ко мнѣ расположены и къ тому же директоръ А. Ф. Постельсъ сообщилъ имъ о моемъ печальномъ положеніи, т. е. о безнадежной болѣзни отца, то всѣ отнеслись ко мнѣ на экзаменахъ крайне благосклонно, и я выдержалъ экзаменъ съ правомъ поступленія въ университетъ.

Въ началѣ мая мы отправились за границу на большомъ казенномъ пароходѣ „Смѣлый“. На этомъ пароходѣ ѣхало за границу семейство бывшаго тогда морского министра князя Меншикова. Мой отецъ былъ у нихъ докторомъ, и потому ему предложили воспользоваться этимъ случаемъ для удобнаго переѣзда за границу. Пароходъ долженъ былъ насъ высадить въ датскомъ городѣ Килѣ. Первый день погода стояла благопріятная, и мой отецъ чувствовалъ себя гораздо лучше, такъ что мы всѣ были въ самомъ радостномъ настроеніи. Но на второй день погода перемѣнилась, небо заволоклось тучами, подулъ сильный вѣтеръ, и началась значительная качка; отъ этого ночью съ отцомъ сдѣлался новый припадокъ,—радостное настроеніе продолжалось не долго. На третій или четвертый день мы прибыли въ Киль, гдѣ мы пробыли одинъ день. Красивый городокъ съ веселыми окрестностями, при стоявшей тамъ уже теплой, совершенно лѣтней погодѣ, мнѣ очень понравился, при томъ же это былъ первый заграничный городъ, который мнѣ пришлось видѣть, и потому меня все въ немъ интересовало. Изъ Киля мы отравились въ Гамбургъ и помѣстились въ одной изъ лучшихъ гостиницъ Hotel St-Petersburg.

Изъ Петербурга вмѣстѣ съ нами на одномъ пароходѣ ѣхалъ старый знакомый и другъ моего отца докторъ Кребель. Пробывъ съ нами два дня въ Гамбургѣ, онъ отправился далѣе. Когда мы остались одни, у меня было ощущеніе, какъ будто мы осиротѣли, одни въ чужомъ городѣ съ больнымъ отцомъ, при малой надеждѣ на выздоровленіе. Нѣсколько дней спустя мой отецъ внезапно скончался. За два дня передъ смертію съ нимъ ночью сдѣлался опять сильный припадокъ; я находился съ нимъ въ одной комнатѣ и потому видѣлъ, какъ онъ страдалъ всю ночь, ходя по комнатѣ, поддерживаемый матушкой,—потому что сидя или лежа онъ не могъ дышать. Къ утру припадокъ прошелъ, отецъ нѣсколько успокоился, но улучшеніе продолжалось не долго.

Смерть члена семейства, очень грустное для всего семейства происшествіе, но тяжелое печальное настроеніе еще значительно

усиливается, когда такое несчастье случается въ дали отъ родины, среди чужихъ людей, у которыхъ нельзя искать сочувствія своему горю и къ тому же еще въ гостиницѣ. При этомъ обыкновенно къ внутреннему горю присоединяются еще разныя внѣшнія непріятности. Содержатели гостиницъ обыкновенно этимъ пользуются для представленія чрезмѣрныхъ счетовъ, требуютъ быстраго и даже тайнаго удаленія изъ гостиницы умершаго и т. п. Это впрочемъ отчасти объясняется тѣмъ, что происшедшій въ гостиницѣ смертный случай наноситъ часто нѣкоторый вредъ интересамъ содержателя гостиницы, такъ какъ пріѣзжіе избѣгаютъ нерѣдко жить въ гостиницѣ, въ которой произошелъ смертный случай, и во всякомъ случаѣ пребываніе въ ней умершаго дѣйствуетъ на нихъ непріятно.

Къ счастію намъ не пришлось испытать ничего подобнаго, и хозяинъ гостиницы, и лѣчившій послѣдніе дни отца докторъ Оппенгеймъ отнеслись къ намъ самымъ милымъ, сочувственнымъ образомъ, почти какъ родственники, стараясь помочь намъ въ чемъ могли и облегчить наше горе. Когда въ 1865-мъ году я былъ въ Гамбургѣ, то я остановился въ той же гостиницѣ, видѣлся съ хозяиномъ, хорошо помнившимъ наше печальное происшествіе и осматривалъ комнаты, въ которыхъ мы тогда жили и въ которыхъ скончался мой отецъ.

Точно также любезно и сочувственно отнесся къ намъ докторъ Оппенгеймъ и все его семейство, съ которымъ онъ насъ сейчасъ познакомилъ. Докторъ Оппенгеймъ былъ еврей, — человѣкъ крайне образованный, милый и благородный,—съ нимъ и съ его семействомъ, подъ впечатлѣніемъ нашего горя и оказаннаго намъ сочувствія, мы въ нѣсколько дней сошлись такъ близко, какъ бы мы были давнишніе знакомые и друзья. Я часто бывалъ у нихъ въ домѣ и очень подружился съ молодымъ сыномъ доктора Оппенгейма. Мы съ нимъ вмѣстѣ гуляли, и онъ мнѣ показывалъ городъ. Впослѣдствіи времени я еще долго состоялъ съ нимъ въ перепискѣ, но потомъ, къ сожалѣнію, потерялъ его изъ вида. Докторъ Оппенгеймъ и все его семейство не имѣли въ себѣ ничего типически еврейскаго; это были пріятные, высокообразованные, сердечные и добрые люди, исполненные глубоко-нравственныхъ началъ. До сихъ поръ вспоминаю умныя и симпатичныя черты лица доктора Оппенгейма.

Такимъ образомъ и для насъ въ нашемъ тяжеломъ положеніи,— какъ говорится,—свѣтъ оказался не безъ добрыхъ людей.

На первыхъ же порахъ мы встрѣтились въ Гамбургѣ кромѣ го съ семействомъ богатаго негоціанта Витте, жена котораго,

петербургская уроженка, еще ребенкомъ была знакома съ матушкой. Во время дѣтства моей матушки постоянною посѣтительницею дома ея отца, а моего дѣда Фольборта, была одна бѣдная вдова жившая въ Петербургѣ съ двумя маленькими дочерьми, госпожа Аккерманъ. Обѣ эти дѣвочки, которыя были весьма миловидны, сдѣлали впослѣдствіи хорошія партіи. Одна изъ нихъ, оставшись вдовою послѣ кратковременнаго брака съ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ она отправилась въ Бразилію и который тамъ вскорѣ умеръ отъ мѣстной болѣзни, оставивъ ее молодою вдовою, вышла потомъ вторично замужъ за богатаго гамбургскаго негоціанта Витте; а другая вышла замужъ въ Петербургѣ за доктора Крылова; дочь ихъ была женою пользовавшагося нѣкоторое время такою знаменитостію, доктора и профессора Боткина; сынъ Крыловыхъ стяжалъ нѣкоторую извѣстность на русской сценѣ, какъ драматическій писатель.

Семейство Витте, которое приняло насъ самымъ радушнымъ, родственнымъ образомъ, жило лѣто не въ самомъ городѣ, а въ окрестностяхъ его, въ красивомъ дачномъ мѣстечкѣ, называвшемся Fontenay. Я бывалъ у нихъ очень часто на дачѣ и между прочимъ въ самый день смерти отца я обѣдалъ у нихъ. Во время обѣда хозяйкѣ дома принесли какую-то записочку, и я замѣтилъ, что всѣ стали перешептываться и смотрѣть на меня. Это меня нѣсколько встревожило,—но прежде чѣмъ я успѣлъ одуматься, m-me Витте уже подозвала меня, чтобы сообщить мнѣ, на основаніи полученнаго извѣстія, что моему отцу сдѣлалось внезапно очень дурно и что меня зовутъ домой. Я немедленно отправился домой въ величайшемъ безпокойствѣ. Придя домой, я засталъ матушку въ слезахъ, моего отца уже не было въ живыхъ. Записка, посланная госпожѣ Витте, уже заключала въ себѣ извѣстіе о внезапной кончинѣ моего отца,—но мнѣ не захотѣли вдругъ сообщить, безъ всякаго подготовленія это печальное извѣстіе. Отца похоронили въ Гамбургѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Семь лѣтъ неурожайныхъ.

(Изъ исторіи Самарскихъ голодовокъ).

I.

Годины бѣдствій, сопряженныя съ недородами хлѣбовъ и кормовъ, составляютъ самое тяжелое въ экономической и бытовой жизни человѣчества испытаніе, и въ странахъ мало населенныхъ, плохо развитыхъ и въ государствахъ культурныхъ и просвѣщенныхъ. Хотя во всѣхъ частяхъ свѣта и правительствами, и людьми науки принимаются мѣры къ выясненію причинъ столь печальныхъ явленій, уменьшенію размѣровъ бѣдствій, облегченію участи населенія, и добиваются, чтобы земля, отъ которой человѣкъ получаетъ себѣ пропитаніе, возможно больше вознаграждала его трудъ,—однако, несмотря на изысканные человѣческимъ умомъ, казалось бы, самые радикальные способы для поднятія земельной производительности и усиленія урожайности путемъ удобренія почвы, иррагаціи, поливки полей разряженіемъ тучъ, наконецъ, истребленіемъ вредныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ звѣрей и насѣкомыхъ и проч.,— голодовки не прекращаются даже и въ болѣе культурныхъ странахъ съ трудолюбивымъ и энергичнымъ населеніемъ.

Въ старину такія несчастія народъ приписывалъ гнѣву Божію; современные же ученые, на рядѣ многолѣтнихъ опытовъ, путемъ статистическихъ выводовъ и астрономическихъ наблюденій, стараются найти въ повтореніи неурожайныхъ лѣтъ систему періодичности. Англійскій правительственный агрономъ Руссель, на основаніи записей съ 1788 года, даже утверждаетъ, что „во всѣхъ странахъ свѣта засухи и другія сельско-хозяйственныя бѣдствія“ повторяются черезъ каждыя 19 лѣтъ.

Не сомнѣваемся, что выводы эти вѣрны для промышленныхъ государствъ Европы и Америки, гдѣ недороды хлѣбовъ не играютъ существенной роли въ экономической жизни населенія. Но къ Россіи такія данныя едва-ли примѣнимы, ибо отечество наше, несмотря на обширныя богатства, разсыпанныя щедрой рукой въ горахъ, моряхъ и по „лицу земли родной", является страной преимущественно земледѣльческой, основывающей все свое благосостояніе на хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ. Не менѣе двухъ третей ея областей живетъ исключительно продуктами земледѣлія. Во многихъ изъ нихъ нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ, ни какихъ-либо промысловъ и производствъ, которые могли бы обезпечить положеніе жителей и въ трудныя годины бѣдствій дать имъ подспорье къ существованію. Въ такихъ областяхъ достаточно малѣйшаго недочета въ хлѣбныхъ продуктахъ, чтобы населеніе испытывало крайнюю нужду въ пропитаніи себя и скота, а съ этимъ вмѣстѣ падало крестьянское благосостояніе и на долгіе годы приходило въ упадокъ сельское хозяйство.

Менѣе въ этомъ отношеніи страдаютъ губерніи черноземной полосы, гдѣ крестьянину достаточно одной лошаденки и сохи, чтобы взбороздить свой надѣлъ. Не то въ губерніяхъ степныхъ, гдѣ въ плугъ впрягается 4—6 головъ скота и требуются значительные расходы для обработки земли. И если неурожайный годъ вырветъ у степняка двѣ-три скотинки, то онъ ужъ не земледѣлецъ, ибо лишается возможности самостоятельно запахивать свои поля. Для прокорма же такого количества скота, конечно, и требуется больше средствъ, и труда и земельныхъ (подъ посѣвъ хлѣбовъ) и луговыхъ (для сѣнокоса) мѣстъ, чтобы сдѣлать достаточный запасъ на поддерживаніе своего немудраго сельскаго хозяйства.

Въ такія тяжелыя экономическія условія поставлена губернія Самарская, обнимающая собою 132.308 квад. верстъ степного пространства. Характеръ мѣстностей ея издавна выработалъ у жителей единственныя отрасли заработка: земледѣліе и скотоводство. Мѣстъ добывающей и обработывающей промышленности—въ ней нѣтъ; населеніе поэтому находится въ полной зависимости отъ земельной производительности. По качеству почвы губернія признается одной изъ плодороднѣйшихъ среди другихъ степныхъ областей Россіи; однако нигдѣ не замѣчается столь частыхъ недородовъ хлѣбовъ, какъ тамъ, вслѣдствіе періодически повторяющихся засухъ, недостатка земельныхъ угодій, не дающихъ возможности крестьянамъ завести правильнаго трехпольнаго хозяйства, а также отсутствія какихъ-либо удобреній почвы, не практикующихся здѣсь, благодаря общинному владѣнію землей.

Начавши заселяться лѣтъ 150 назадъ [1]), Самарская губернія уже въ половинѣ XIX столѣтія стала испытывать нужду въ земельныхъ угодьяхъ, такъ что многіе крестьяне уходили искать лучшихъ мѣстъ въ сосѣднія губерніи Оренбургскую и Уфимскую. Въ 1834 году нѣсколько семей государственныхъ крестьянъ и даже обладавшіе значительными земельными участками тептяри изъ Бугурусланскаго уѣзда намѣревались переселиться съ той же цѣлью на китайскую границу, не страшась опасности при переходѣ черезъ дикія киргизскія степи. Съ открытіемъ же въ 1851 г. губерніи Самарской (образованной изъ уѣздовъ Бугульминскаго, Бугурусланскаго и Бузулукскаго—Оренбургской губерніи, Самарскаго и Ставропольскаго—Симбирской и Николаевскаго и Новоузенскаго—Саратовской), туда потянулась масса переселенцевъ изъ центральныхъ областей Россіи, занявшихъ всѣ имѣвшіеся тамъ пустопорожнія мѣста.

Условія, при которыхъ заселялся Самарскій край, еще живы въ преданіяхъ и въ памяти стариковъ, пришедшихъ сюда „со стороны“. Вступая въ привольный край, на дѣвственныя земли, переселенцы долгое время находили въ предѣлахъ своего надѣла еще нетронутыя мѣста для посѣва пшеницы, которая кормила ихъ и обогащала. Позднѣе, когда надѣльныя земли отъ постояннаго пользованія стали замѣтно истощаться, населеніе обратилось на окрестные казенные, удѣльные и частные участки и за дешевую плату арендовало земли, не бывшія никогда подъ посѣвомъ. Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, крестьяне не встрѣчали надобности въ какихъ-либо промыслахъ, кромѣ земледѣлія, такъ какъ, благодаря отличному качеству почвы, неурожаи въ былое время были рѣдки, и крестьянинъ не бѣдствовалъ. Но это выгодное занятіе земледѣліемъ позднѣе вызвало особый родъ промышленниковъ, которые, арендуя частные и казенные свободные участки и производя на нихъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ собственные посѣвы, раздавали ихъ крестьянамъ по мелочамъ, становясь посредниками между землевладѣльцами и земледѣльцами. Конечно, вліяніе этихъ промышленниковъ не замедлило нанести громадный вредъ населенію. Искуственно и неумѣренно поднятыя цѣны на землю всею тяжестью ложились на непосредственныхъ потребителей и были одной изъ причинъ, почему крестьянинъ постепенно втягивался въ долги, уплата коихъ производилась или трудомъ или сельскими произведеніями, принимаемыми промышленниками за пол-

[1]) За исключеніемъ г. Самары, основаннаго въ 1584 г., и с. Алексѣевскаго (въ 25 вер. отъ Самары)—съ 1700 г.

цѣны. Крестьянину поэтому по необходимости приходилось бѣднѣть и голодовать [1]). Какъ докладывала экстренному губернскому земскому собранію 11 іюня 1871 г. самарская уѣздная управа, расходъ крестьянской семьи въ 5 душъ при одномъ тягловомъ работникѣ, имѣющемъ возможность обработать даже 12 десятинъ,—и то почти вдвое превышалъ доходъ.

При среднемъ урожаѣ въ 35 пуд. съ десятины, исключая изъ этого количества 7 пуд. на посѣвъ, крестьянинъ могъ продать лишь 28 п. А какъ базарная цѣна хлѣба не восходила въ ту пору далѣе 35—40 коп. пудъ, то онъ могъ выручить съ 12 десят. около 120 руб. Между тѣмъ ему приходилось уплатить въ годъ поземельный сборъ съ $7^1/_2$ дес. надѣла свыше 8 руб., за наемъ недостающихъ $4^1/_2$ десят. около 16 р., губернскій земскій сборъ 1 р. 42 к., на содержаніе волостного правленія и сельскихъ училищъ 2 руб., содержаніе семьи 37 р., одежда, сбруя, прокормъ скота и проч. 66 р., а всего 130 р. Кромѣ того подушной подати съ государственнымъ земскимъ сборомъ 6 р. 72 к., рекрутская повинность, содержаніе причта, сельскаго начальства, въѣзжихъ квартиръ и проч. Такимъ образомъ и въ лучшіе годы крестьяне Самарской губерніи не могли сводить концы съ концами.

Особенно въ критическомъ положеніи находились бывшіе помѣщичьи крестьяне, вышедшіе на такъ называемый четвертной надѣлъ [2]), который не могъ обезпечить не только многосемейныхъ, но одинокихъ изъ нихъ, когда приходилось сѣять на одномъ полѣ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, почему истощенная почва плохо производила. „Урожаи съ каждымъ годомъ ухудшались, хлѣбопашество не возвращало расходовъ по обработкѣ и посѣву полей, не говоря уже о ремонтѣ сбруи, земледѣльческихъ орудій, личномъ трудѣ и трудѣ рабочаго скота. Другіе, хотя не терпѣли убытковъ, но и не пользовались барышами. И если бы не табачное производство, довольно сильно развитое въ южной части губерніи, говоритъ одинъ изъ знатоковъ мѣстнаго земледѣлія М. Шандеръ [3]), то голодъ былъ бы въ нашемъ краѣ повсемѣстнымъ и неизбѣжнымъ явленіемъ среди большинства поселянъ“.

Неурожайныя бѣдствія начались въ этой губерніи тотчасъ же послѣ выдѣла крестьянъ на „волю“. Первый сильно отозвавшійся на благосостояніи земледѣльцевъ недородъ открылся въ 1864 году въ уѣздахъ Бугульминскомъ и Бузулукскомъ, вызвавшій довольно

---

[1]) Журналъ Саратов. губерн. земск. управы 1873 г., стр. 186—188.
[2]) См. Журн. Самар. губ. зем. собранія 1873 г., стр. 220.
[3]) «Самарск. Губерн. Вѣдомости» 1874 г., № 81.

крупную—въ 439 тыс. руб.—правительственную ссуду [1]) на продовольствіе жителей и обсѣмененіе полей. Имѣвшіеся въ общественныхъ магазинахъ хлѣбные запасы крестьяне успѣли захватить еще осенью, а дальше до выдачи пособія (въ половины зимы) приходилось положительно голодать и людямъ, и скоту. Ни куска хлѣба, ни клочка сѣна. Возъ послѣдняго дошелъ въ деревняхъ до 5—6 руб., въ Бузулукѣ продавался 7 руб. [2]); — цѣны въ Самарской губерніи небывалыя. Прокормъ скотины обходился дороже, чѣмъ купить ее въ хорошій годъ. Съ Рождества до „зеленой травы“ брали за прокормъ по 18 руб. съ головы крупнаго скота. Поэтому нѣкоторые крестьяне находили выгоднѣе продавать вмѣстѣ съ скотомъ и запасы сѣна и соломы, чтобы весною купить рабочихъ лошадей. Иные нанимались за самую ничтожную плату въ извозъ лишь бы сберечь „худобу“. Другіе отправляли коней въ Уральскую область, гдѣ въ тотъ годъ оказался обильный урожай травъ. Оставшіеся въ деревняхъ довольствовали лошадей катуномъ (перекати поле).

Какъ нарочно, его родилось въ это лѣто особенно много. Стояли громадныя поля. И вмѣсто заготовки на топку печей, крестьяне въ половинѣ августа стали косить его на кормъ скоту.

— „Для зимы онъ больно ладенъ, — говорили они — и лѣтомъ ничего, коли спѣлъ, но отъ зеленаго больно скотину „прошибаетъ“ (поносъ).

Ни въ одной деревнѣ, ни въ одномъ селѣ по бузулукскому тракту нельзя было въ ту зиму найти горшка молока.

— „До молока ли тутъ, абы себя спасти“.

— „Вотъ семью я по міру пустилъ,—разсказывалъ одинъ старикъ. Была лошадка — за безцѣнокъ отдалъ, а коровушку самъ своей рукой зарѣзалъ. Что станешь дѣлать, коли ее даромъ никто не беретъ. Пускай!.. лучше ужъ ей не мучиться [3]).

Весной 1865 г. губернская управа стала получать извѣстія, что по случаю бывшей безкормицы [4]), въ губерніи появились падежи скота, такъ какъ крестьяне нѣкоторыхъ селеній, не имѣя на чемъ свозить въ поле павшій скотъ, зарывали его на своихъ дворахъ,

---

[1]) Земство въ то время еще не функціонировало. Уѣздныя земскія собранія открылись въ Самарской губерніи 7 февраля 1865 г., а 28 февраля состоялось въ Самарѣ (первое въ Россіи) губернское земское собраніе.

[2]) Обыкновенно въ урожайные годы возъ сѣна въ деревняхъ стоитъ не дороже 1 р., въ городахъ 2—3 р.

[3]) «Самарскія Губернск. Вѣдомости» 1865 г., № 17.

[4]) «Самар. Губер. Вѣд.» 1865 г., № 4.

*

а въ иныхъ селахъ, за большимъ количествомъ павшей скотины, она и вовсе оставалась незарытой, отчего, по причинѣ весенней теплоты, трупы животныхъ, разлагаясь, производили зловоніе, угрожая развитіемъ болѣзней и на людей“ [1]).

Хотя и отъ губернской управы и отъ губернатора были разосланы циркуляры волостнымъ правленіямъ съ непремѣннымъ требованіемъ зарывать павшій скотъ внѣ селеній, и ежели хозяинъ скотины самъ не будетъ въ состояніи этого исполнить, то свежевать скотину и зарывать ее на общественный счетъ“,—но все это мало помогло дѣлу. Уменьшить заразу не представлялось никакой возможности, вслѣдствіе отчасти отсутствія въ селеніяхъ ветеринарнаго надзора, въ то время еще не устроеннаго земствомъ, а главнымъ образомъ по причинѣ той, что скотскій падежъ охватилъ почти всю губернію. Въ нѣкоторыхъ селахъ Самарскаго уѣзда пало болѣе двухъ третей разнаго скота: лошадей, коровъ, овецъ; въ Новоузенскомъ—до 20 апрѣля—половина. Командированные въ маѣ этого года для опредѣленія размѣровъ бѣдствія члены уѣздныхъ управъ Бузулукской, Бугульминской и Новоузенской видѣли по всѣмъ дорогамъ массу незарытыхъ животныхъ. Въ данномъ случаѣ наука была безсильна и принятыя земствомъ мѣры предосторожности, а также устройство особой школы коновaловъ далеко не могло возстановить утраченнаго благосостоянія сельскаго населенія.

Вслѣдствіе такихъ причинъ крестьяне уже не въ состояніи были засѣять и половины своихъ полей. А потому, несмотря на сравнительно хорошій урожай въ большей части губерніи, многимъ сельчанамъ пришлось опять прибѣгать къ займамъ. Въ 1865 году сильный недородъ оказался въ Новоузенскомъ уѣздѣ, гдѣ жители собрали только 243 т. п. зерна, когда его требовалось имъ на нужду 500 т. п. Земство поэтому принуждено было ассигновать имъ на прокормъ и обсѣмененіе свыше 100 т. руб.

П. Юдинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Журнал. Самар. Губ. зем. Собранія 1867 г., стр. 45—50.

Изъ пастырскаго быта сельскаго священника [1].

(Ad futuram memoriam).

V.

Въ новомъ моемъ приходѣ была уже церковная школа; заведена она была моимъ предшественникомъ тотчасъ по освобожденіи крестьянъ. Школа эта помѣщена въ церковной сторожкѣ; дѣтей училъ священникъ при помощи наемнаго учителя изъ крестьянскихъ поселенскихъ грамотеевъ. Дѣти учились, читали и пѣли на клиросѣ. Почти половина дѣтей были дѣвочки. Еще въ бытность свою на прежнемъ приходѣ я опытомъ и наблюденіемъ убѣдился, что матеріальная моя скудость служила немаловажною помѣхою моему пастырскому вліянію на прихожанъ и вообще моимъ пастырскимъ дѣйствіямъ. Крестьяне столѣтіями воспитаны почитать силу и достатокъ и презирать слабость и скудость матеріальныя. Въ крестьянской средѣ (да въ крестьянской ли только?) тотъ изъ нихъ имѣетъ почетъ и знаніе, кто зажиточнѣе, а бѣдность, хоть бы она была и честною, по меньшей мѣрѣ, не почитается. То же и по отношенію къ священнику. Спрашиваешь, напримѣръ, крестьянина: „ну, какъ вашъ батюшка?“— „О, нашъ батюшка хорошій, живутъ, слава Богу, хорошо“. Или же получается такой отвѣтъ: —„ничего собі нашъ батюшка, тілько якіись воны чудны: бидні дуже; ажъ чудно, шо батюшка, а такі бидні...“ А случается слышать и такъ:—Бидный дуже нашъ батюшка, якыйся чудный; Богъ ихъ знае, чы воны святі... чы воны

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1909 г.

дурні...“ При томъ же священнику очень часто приходится приглашать своихъ прихожанъ къ пожертвованіямъ, а въ этомъ разѣ надо дѣйствовать не только словами, а и собственнымъ и при томъ ощутительнымъ примѣромъ. Что тутъ сдѣлаешь при собственной скудости и бѣдности?

При переходѣ на новый свой приходъ я задался мыслію, между прочимъ, хоть сколько-нибудь ограничить свою матеріальную скудость. Приходъ мой былъ небольшой, но при церкви была земля въ достаточномъ количествѣ, и посредствомъ хозяйничанья я коекакъ нѣсколько оправился и пріободрился. Тѣмъ временемъ число школьниковъ въ школѣ возрастало, церковная сторожка не вмѣщала въ себя всѣхъ учениковъ, а въ приходѣ чувствовалась настоятельная потребность въ грамотности дѣтей; надо было строить зданіе для школы. Заговорилъ я объ этомъ съ прихожанами. Между тѣмъ въ моемъ приходѣ, какъ и въ другихъ приходахъ, начали сказываться многія отрицательныя стороны неупорядоченнаго вообще строя сельской жизни: кулачество, злоупотребленіе, заносчивость, бахвальство, разнузданность сельскихъ заправилъ, сирѣчь сельской интеллигенціи, а отсюда личныя неудовольствія, а потому и противодѣйствіе священнику. Заявились и тутъ мѣстные дафаны и авироны, съ которыми такъ или иначе надо было считаться. Долго тянулись мои переговоры съ прихожанами, пока не добился я обѣщанія ихъ пожертвовать на школу общественный амбаръ, предназначенный ими къ сломкѣ и продажѣ; денежными расходами я обѣщалъ ихъ не безпокоить. Какъ-то вечеромъ пріѣзжаетъ ко мнѣ сосѣдъ священникъ; разговорились о школахъ. Я дѣлюсь съ гостемъ своимъ удовольствіемъ и радостію, что достигъ согласія и помощи своихъ прихожанъ на постройку у себя школы. Во время этого разговора вбѣгаетъ въ комнату женщина избитая, окровавленная, растрепанная и со слезами жалуется, что ее избилъ крестьянинъ Щ. Я, на сколько могъ, успокоилъ женщину, обѣщавъ ей уговорить обидчика удовлетворить ее. Обидчикомъ этимъ оказался одинъ изъ приходскихъ авироновъ. Старанія мои помирить поссорившихся не имѣли успѣха. Избитая женщина подала жалобу въ свой судъ, гдѣ и присудили ее же къ штрафу. По просьбѣ потерпѣвшей меня пригласили въ судъ въ качествѣ свидѣтеля и вслѣдствіе моихъ показаній приговорили ужъ къ штрафу Щ., который тутъ же, отдавая штрафъ (2 р.), громогласно сказалъ: „а попові я цего не забуду“. Щ. былъ видный хозяинъ, близкій родной старшины, имѣлъ въ селѣ большое родство и пріятельство, словомъ, былъ однимъ изъ сельскихъ заправилъ. Дѣйствительно, онъ меня не забылъ. Дня черезъ три церковный староста извѣщаетъ меня, что амбаръ, обѣ-

щанный было обществомъ на школу, сегодня будетъ продаваться и его желаетъ купить старшина. Я раздобылъ, вручилъ старостѣ 200 р. и просилъ его купить на торгахъ амбаръ для школы. Послѣ торговъ староста разсказываетъ мнѣ, что амбаръ оцѣненъ былъ обществомъ въ 70 р., и за эти деньги общество хотѣло отдать его старшинѣ, а когда онъ, церковный староста т. е., заявилъ, что имѣетъ купить амбаръ для школы, то по настоянію нѣкоторыхъ крестьянъ устроены были торги и староста набилъ цѣну до 200 р., но общество, настроенное Щ. и его приспѣшниками, не согласилось продать амбаръ для школы и отложили продажу. Черезъ три дня амбаръ былъ проданъ старшинѣ за 110 р. Не разсчитывая уже на поддержку крестьянъ, я сталъ строить школу самъ на свои и частію на церковныя средства, и къ осени зданіе школы было готово Строя зданіе школы, я поставилъ себѣ задачею пополнить и внутреннее содержаніе этой школы, т. е. не ограничиться тѣмъ, чтобы школа давала только голую грамотность дѣтямъ, а стала бы учрежденіемъ воспитательнымъ, проводникомъ духовно-нравственныхъ началъ чрезъ школьниковъ и въ жизнь всего прихода. Между тѣмъ по отношенію къ школѣ вообще я чувствовалъ себя въ своемъ приходѣ совершенно одинокимъ, а главное безсильнымъ и безпомощнымъ матеріально. Инстиктивно ища себѣ какой-либо опоры хоть въ области матеріальной, я остановился на земствѣ; не надо забывать здѣсь, что это происходило въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Правда, присматриваясь тогда же къ земскимъ школамъ, я видѣлъ, что въ школахъ этихъ внутренняго порядка мало, а безпорядка очень много, а въ особенности много суеты и какого-то безпардоннаго бахвальства, но мнѣ пришлось подмѣтить и то, что въ тѣхъ земскихъ школахъ, гдѣ мѣстные священники играли сколько нибудь активную роль, дѣло было содержательнѣе и нѣсколько ровнѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ священникъ былъ по тѣмъ или инымъ причинамъ и обстоятельствамъ чуждъ школѣ. Въ тогдашней прессѣ, какъ журнальной, такъ и газетной, не только свѣтской, но и духовной, то и дѣло натыкаешься, было, на разные упреки сельскому духовенству въ его „инертности и неотзывчивости къ запросамъ жизни“ вообще и къ народному образованію въ частности. Мы, сельскіе священники, хотя и знали дѣло въ самой, такъ сказать, натурѣ его, все-таки не мало смущались журнальными и газетными толками и стали усердствовать, часто не по разуму, въ заведеніи у себя земскихъ школъ. Не чуждъ былъ этого Исавова грѣха и я. Когда постройка моей школы близилась къ концу, я обратился въ уѣздный училищный совѣтъ съ просьбой сообщить мнѣ, что требуется для того, чтобы открыть въ селѣ земскую

школу. Совѣтъ отвѣтилъ, что надо, чтобы было подходячее для школы зданіе, чтобы общество взяло на себя отопленіе школы, ремонтировку ея, а также наемъ сторожа для школы. Я написалъ въ Совѣтъ, что и зданіе для школы есть, и отопленіе и сторожъ есть, и ремонтировка, если понадобится, будетъ, и просилъ Совѣтъ ходатайствовать у управы объ открытіи въ моемъ приходѣ земской школы. Черезъ нѣкоторое время я получилъ отъ Совѣта извѣщеніе, что просимая мною школа не можетъ быть открыта, такъ какъ въ сосѣднемъ близкомъ селѣ есть уже земская школа, куда могутъ поступать и дѣти сосѣднихъ селъ. Я поѣхалъ въ управу и всей корпораціи управской доложилъ, что въ сосѣдней со мной школѣ и своимъ ученикамъ тѣсно, и что у меня уже все готово для открытія земской школы. Но предсѣдатель управы мнѣ наотрѣзъ отказалъ. Въ канцеляріи управы мнѣ конфиденціально сообщили, что съ своею просьбою о школѣ я не тою дверью вошелъ, что управа обидѣлась тѣмъ, что я обратился не прямо къ ней, а въ училищный совѣтъ, что управа, молъ, съ училищнымъ совѣтомъ въ контрѣ. Я опять въ управу съ просьбой оказать моей школѣ денежное пособіе. Должно быть, я былъ очень краснорѣчивъ и убѣдителенъ въ своей просьбѣ: мнѣ обѣщали дать пособіе въ 150 р. въ годъ на жалованье учителю, что дѣйствительно и было исполнено. Восхищенный и умиленный, я возвратился домой и занялся хлопотами по школѣ. Зданіе было готово; оставалось устроить мебель, пріобрѣсти книжныя и другія учебныя пособія. Средства у меня совершенно истощились. Я обратился къ частнымъ пожертвователямъ: спасибо, помогли добрые люди. Подыскалъ я учительницу, собралъ дѣтей, освятилъ и открылъ школу въ первыхъ числахъ ноября. При освященіи и открытіи школы было много крестьянъ. Я обратился къ нимъ съ приглашеніемъ пожертвовать и отъ себя что-либо на школу. И что же? Многіе изъ тѣхъ, кои были упорными противниками школы, теперь охотно жертвовали по рублю, два и даже по три рубля. Меня это не мало удивило. Изъ разспросовъ выяснилось, что въ средѣ крестьянъ общественныя дѣла заурядъ рѣшаются подъ непосредственнымъ вліяніемъ заправилъ,— крикуновъ, которые при томъ всегда блюдутъ свои личные интересы. Заправилы эти народъ вообще энергичный, безцеремонный и претендующій всегда на особое вниманіе къ нимъ какъ односельчанъ, такъ и священника. При своей нравственной и вообще бытовой разнузданности заправилы эти почти всегда бываютъ въ оппозиціи къ священнику, и при своей неразвитости, не умѣя различать частныхъ своихъ отношеній къ священнику отъ церковно-общественныхъ, стараются всегда вредить не только священнику,

но и церковнымъ дѣламъ, возникающимъ въ приходѣ по иниціативѣ священника; а не всегда имѣя возможность вредить лично священнику, всегда имѣютъ возможность вредить дѣламъ церковно-приходскимъ, т. е. бьютъ не по коню, а по оглоблямъ. Болѣе же скромные домохозяева на сходкахъ держатъ себя пассивно, не желая ввязываться въ непріятныя отношенія къ всесильнымъ заправиламъ изъ-за дѣлъ, не затрогивающихъ, по ихъ мнѣнію, ихъ личныхъ, непосредственныхъ интересовъ. Съ другой стороны большое значеніе имѣетъ здѣсь наша національная рознь и какая-то боязнь всякой общественности: крестьяне наши (говорю о малороссахъ) предпочитаютъ дѣлать дѣло въ одиночку, на свой личный страхъ, а не на страхъ общественный; они какъ-то не вѣрятъ въ общество. Поэтому-то возможны бываютъ слѣдующія явленія: въ одномъ приходѣ понадобилось ремонтировать церковь; священникъ приглашаетъ прихожанъ и предлагаетъ имъ дать своей, т. е. церковной земли десять десятинъ съ тѣмъ, чтобы прихожане вспахали и засѣяли сообща эту землю и выручку употребили на ремонтировку церкви. Прихожане согласились. Дня черезъ два приходятъ къ священнику нѣсколько крестьянъ и говоритъ: „общество не согласно; Иванъ да Петро взбунтовали все общество—не хотятъ. А мы вотъ пришли къ Вамъ, батюшка: позвольте намъ каждому отдѣльно выбрать и засѣять по полдесятины; я собі самъ выорю и засію, а другі якъ хотять“. Священникъ, конечно, согласился. Къ приходившимъ къ священнику присоединилось еще нѣсколько крестьянъ, и они каждый отдѣльно за себя вспахали десять десятинъ, засѣяли своими сѣменами и потомъ каждый же отдѣльно снялъ свой урожай—только молотить какъ-то согласились вмѣстѣ; наняли машину-молотилку и обмолотили. Что обременительнымъ считалось для всего общества, то безъ всякаго обремененія для себя сдѣлали двадцать хозяевъ. Такія явленія совсѣмъ не единичныя. Но я отвлекся.

Пошли въ школѣ занятія, образовалось два отдѣленія: грамотное и неграмотное. Я взялъ въ свое непосредственное вѣдѣніе грамотныхъ, а учительница занялась съ неграмотными. Дѣло пошло очень успѣшно, такъ что членъ училищнаго совѣта, въ декабрѣ посѣтившій школу, выразилъ намъ полнѣйшее свое удовлетвореніе школой. Не обошлось, конечно, безъ досадныхъ и скучныхъ инцидентовъ съ родителями учениковъ, заявлявшими претензіи на исключительное отношеніе къ ихъ дѣтямъ въ силу преобладающаго значенія ихъ въ обществѣ. Это вынудило меня поступить рѣшительно: я двухъ учениковъ удалилъ изъ школы, а родителямъ заявилъ, что школа для всѣхъ одинакова, а всѣ дѣти одинаково должны подчиняться ея правиламъ, а кому это не нравится, тотъ

пусть не посылаетъ своихъ дѣтей въ школу. Претензіи прекратились. Невольно порадовался теперь я тому, что общество не принимало матеріальнаго участія въ устройствѣ школы; иначе трудно было бы мнѣ справиться съ ихъ своеобразными претенціями. Въ концѣ марта школу опять посѣтилъ членъ уѣзднаго училищнаго совѣта, а въ маѣ мѣсяцѣ я получилъ изъ управы увѣдомленіе, что управа принимаетъ мою школу въ свое вѣдѣніе и на свое содержаніе, если общество дастъ приговоръ и обяжется ремонтировать школу, давать отопленіе и сторожа. Задумался я: жаль мнѣ было отдать въ чужія невѣдомыя руки дѣло, ставшее для меня дорогимъ и въ матеріальномъ и въ моральномъ смыслѣ. Предъявилъ я управскую бумагу обществу безъ всякихъ настояній съ своей стороны; общество рѣшительно отказалось дать какія-либо обязательства школѣ: „ніпъ затіявъ цюю школу, нехай якъ знае, амы не можемо“... Поѣхалъ я въ управу, выяснилъ дѣло и просилъ оставить его такъ, какъ оно есть теперь, т. е. пусть школа будетъ церковная съ пособіемъ отъ земства въ 150 р. Управа сказала мнѣ рѣшительно, что они дали 150 р. единовременно, и если школа не перейдетъ въ вѣдѣніе земства, то 150 р. не будутъ выдаваться дальше. Мнѣ предстояла дилемма: или оставить свою школу безъ средствъ и тѣмъ подвергнуть ея будущность всякимъ случайностямъ, или же навсегда обезпечить ея матеріальную сторону. Я предпочелъ послѣднее. Я взялъ передъ управой на себя обязательство озаботиться пріисканіемъ средствъ на отопленіе и ремонтъ школы, а также на сторожа, и школа моя перешла въ вѣдѣніе земства.

Наступилa осень. Я озаботился тѣмъ, чтобы ученики-звуковики поступали въ школу одновременно съ 1-го октября. Прошло двѣ зимы. Школа была полна учениками, какъ мальчиками, такъ и дѣвочками; занятія шли нормально, преподаваніе ученія и воспитаніе дѣтей велось въ духѣ церковно-христіанскомъ; дѣти очень полюбили школу, церковь, церковное пѣніе, всѣ дефектные инциденты школьные улаживались пастырскимъ настоятельнымъ авторитетомъ священника при искреннемъ и отзывчивомъ участіи учительницы. Успѣхи школы радовали всѣхъ насъ. Въ концѣ 3-й зимы учительница тяжко заболѣла, и мнѣ пришлось самому заканчивать курсовыя занятія въ школѣ. Экзаменаторъ — членъ уѣзднаго училищнаго совѣта, тщательно провѣрялъ успѣхи школьниковъ и школьные порядки, выразилъ мнѣ полнѣйшее свое удовлетвореніе, благодарилъ, наговорилъ много комплиментовъ и проч. Послѣ экзамена я и учительница получили отъ училищнаго совѣта самое лестное письменное одобреніе нашихъ трудовъ и заботъ по школѣ, а отъ управы довольно щедрую денежную благодарность.

Лѣтомъ учительница моей школы умерла. Осенью пріѣхала другая учительница; пріѣхала она уже послѣ 10-го октября, повертѣлась въ школѣ до 1-го ноября и уѣхала, перешедши подъ какимъ-то предлогомъ въ другую школу. Причина ея перехода была та, какъ я послѣ узналъ, что „попъ постоянно торчитъ въ школѣ и „властвуетъ“ тамъ“.

Прошло еще недѣли три, пріѣхалъ учитель, молодой человѣкъ, въ томъ же году окончившій учительскую семинарію. Жду его къ себѣ, — не идетъ; я нарочно два дня не пошелъ въ школу, — не идетъ. Пошелъ я въ школу, на перемѣнѣ вхожу въ классъ, рекомендуюсь учителю; пошли въ учительскую комнату, разговорились.

— Вотъ, батюшка,—говоритъ учитель,—я составилъ росписаніе уроковъ въ школѣ; вамъ я оставилъ время во вторникъ и въ четвергъ; какіе Вы часы займете?

— Я каждый день бываю въ школѣ и занимаюсь тоже каждый день.

— То есть, какъ каждый день? Значитъ, вы занимаете шесть уроковъ въ недѣлю? но это лишнее.

— Почему же лишнее,—говорю я: — для школы, мнѣ кажется, это совсѣмъ не лишнее.

— Но, вѣдь, положено только два урока въ недѣлю по закону Божію.

— Положено, какъ вы говорите, два урока, какъ самое меньшее, а больше давать уроковъ кому же придетъ въ голову считать излишнимъ?

— Да, но это отниметъ у меня много времени, и я не смогу успѣть въ программѣ. Вѣдь отъ 9 до 10-ти часовъ вы займете время, а мнѣ до 2-хъ часовъ, за вычетомъ перемѣнъ, остается только три часа, этакъ и по одному уроку некогда дать въ четырехъ группахъ.

— Я начинаю свои уроки не съ девяти, а съ восьми часовъ утра, съ малой передышкой продолжаю ихъ до десяти часовъ, а вы можете свои уроки продолжать до трехъ-четырехъ часовъ.

— Но вѣдь надо оканчивать уроки въ два часа, — такъ вездѣ дѣлается.

— Въ такомъ случаѣ занимайтесь вы съ утра до двухъ часовъ, а я стану заниматься послѣ двухъ, только ученики въ 8 часовъ должны исполнять подъ моимъ смотрѣніемъ общую молитву.

— Нѣтъ, батюшка, вы ужъ слишкомъ много времени берете для своего предмета, этакъ ученики истомятся и имъ некогда будетъ готовить уроки,—такъ нигдѣ не дѣлается.

— Не знаю,—говорю я,—гдѣ, что и какъ дѣлается; а въ этой школѣ вотъ уже три года такъ дѣлается, и надо, чтобы такъ дѣлалось и впредь.

— Во всякомъ случаѣ согласитесь, батюшка, что здѣсь въ школѣ хозяинъ я,—и показываетъ мнѣ бумагу, въ которой значится, что онъ назначается завѣдующимъ школой.

— Счастливый Вы, молодой человѣкъ, — говорю я на это; — прямо съ ученической скамьи да и генералъ, руководитель и законораспорядитель, а я вотъ второй десятокъ лѣтъ священствую, да все состою только въ рядовыхъ и потому позвольте мнѣ занять сейчасъ урокъ. Я ушелъ въ классъ, а генералъ мой остался раздумывать и о своемъ генеральствѣ.

Прошло недѣли три съ лишнимъ. Какъ-то я сижу въ учительской (я все-таки продолжалъ „торчать“ въ школѣ). Послѣ урока входитъ учитель: сѣлъ, задумался и вздыхаетъ.

— О чемъ,—говорю,—задумались?

— Да вотъ горе,—говоритъ:—я кажетея, не научу звуковиковъ читать; прошелъ уже весь алфавитъ, а читать они не могутъ. Во время урока какъ будто и понимаютъ, а самостоятельно читать не могутъ.

— Я видѣлъ, что Вы не научите ихъ читать.

— Въ чемъ же тутъ дѣло?

— Дѣло все въ томъ, говорю, что слишкомъ поспѣшили и закидали малютокъ звуками и буквами, а въ этой массѣ звуковъ и буквъ они не могутъ разобраться и постигнуть секретъ чтенія.

— Зачѣмъ же, батюшка, этого вы мнѣ не сказали и не остановили меня?

— Я не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ ваше дѣло, и вы, какъ хозяинъ школы, не уполномочили меня на это.

— Ахъ, простите, батюшка, мои давешнія слова, сказанныя мною по неразумію, да и слова эти, правду сказать, были не мои собственныя, а подсказанныя мнѣ свыше. Я прошу васъ теперь, помогите мнѣ выйти изъ моего затруднительнаго и глупаго положенія.

— Вотъ это резонъ, говорю; охотно берусь помочь, чѣмъ смогу.

Сталъ я заниматься съ звуковыми въ присутствіи учителя; за недѣлю времени прошли четыре звука, за другую недѣлю 3 — 4; ученики поняли секретъ чтенія, и дѣло наладилось. Въ послѣдующее время недоразумѣній между мною и учителемъ не случалось. Хозяинъ не брезговалъ неоднократными услугами работника, а я свои услуги прилагалъ въ возможному благоустроенію и благосо-

стоянію школы, не нарушая и не задѣвая прегоративъ „хозяина“ школы. Черезъ двѣ зимы хозяинъ мой перешелъ въ другую школу. Характеристическою чертою школьныхъ занятій сказаннаго учителя было то, что онъ занимался только съ такъ называемымъ четвертымъ отдѣленіемъ, т. е. съ учениками выпускными, игнорируя совершенно 2-е и 3-е отдѣленія, что, впрочемъ, водится въ большинствѣ земскихъ школъ. Самый характеръ занятій былъ какой-то странный, скачковатый и торопливый; ученики подготовляемы были къ экзамену, точно въ желѣзно-дорожномъ буфетѣ блюдо жаркого поджаривалось къ прибытію приближающагося поѣзда. Слѣдствіемъ было то, что въ два года въ моей школѣ сдѣланы были усиленные выпуски учениковъ такихъ, которые съ охотою и съ большою пользою для себя учились бы, да учились; а послѣ этихъ выпусковъ школа осталась какъ бы пустою.

Стремленіе учителей дѣлать какъ можно большіе выпуски учениковъ объясняется тѣмъ, что земство выдаетъ наградныя деньги и оцѣниваетъ достоинство учителей по числу выпускныхъ учениковъ; а потому учителя всѣхъ, сколько-нибудь способныхъ учениковъ, не приготовивъ, а поджаривъ къ экзамену, выпускаютъ изъ школы. Отсюда стремленіе и побужденіе учителей бросать опустошенныя ими же школы и переходить въ другія; отсюда малограмотность оканчивающихъ сельскую школу и вообще малопродуктивность школъ, да кстати и поводъ къ обвиненію законоучителей въ плохихъ успѣхахъ по закону Божію. Ad vocem,—для нѣкоторой иллюстраціи послѣднихъ моихъ словъ о законоучителяхъ считаю удобнымъ разсказать здѣсь слѣдующее: какъ-то пріѣзжаетъ ко мнѣ знакомый священникъ и проситъ меня принять участіе въ качествѣ депутата съ его стороны въ имѣющемъ производиться слѣдствіи по доносу на него земской управы о „возмутительномъ его отношеніи къ школѣ и къ учительницѣ школы“.—У меня въ селѣ, разсказываетъ священникъ, есть земская школа и при ней учительница, которая почти ничего не дѣлаетъ въ школѣ. Въ началѣ учебнаго года я сталъ было ходить въ школу; но придешь утромъ въ часовъ въ девять, ученики еще не собрались, учительница спитъ; придешь иногда послѣ двѣнадцати часовъ, учениковъ уже нѣтъ въ школѣ, учительница уѣхала въ гости; придешь иногда часовъ въ одиннадцать, школа пуста, ни учительницы, ни учениковъ нѣтъ; повозился я такъ съ мѣсяцъ или съ полтора да и бросилъ ходить въ школу. Учительница занималась урывками, а то въ гостяхъ, то въ городѣ на спектаклѣ и т. под. Въ Великомъ посту учительница нѣсколько осѣлась и стала готовить школьниковъ къ экзамену. Мнѣ ужъ въ Великомъ посту было не до школы, да и

пользы-то мало было бы, если бы я и сталъ теперь ходить въ школу: время занятій было уже утеряно. Въ апрѣлѣ пріѣзжаетъ экзаменаторъ и приглашаетъ меня на экзаменъ. Я и говорю экзаменатору: какой же можетъ быть здѣсь экзаменъ и какой можетъ быть выпускъ учениковъ, если въ году занятій въ школѣ почти не было?

— Какъ не было?

— Да такъ, говорю, и объясняю ему ходъ занятій къ школѣ.

— Но вотъ журналъ, говоритъ экзаменаторъ, и въ журналѣ отмѣчены всѣ уроки, кромѣ вашихъ, батюшка.

— Я не записывалъ своихъ уроковъ, потому что я не занимался по своему предмету, а г. учительница тоже не занималась, но уроки записывала.

Такъ экзаменъ и не состоялся.

Въ началѣ мая пріѣзжаетъ благочинный и требуетъ отъ меня объясненія. Я ему объяснилъ то же, что и экзаменатору, и обѣщалъ доставить ему школьный журналъ, гдѣ я укажу всѣ фиктивныя записи учительницы. Благочинный уѣхалъ, а я вечеромъ пошелъ въ школу, чтобы взять школьный журналъ. Подхожу къ дверямъ квартиры учительницы, двери извнутри заперты; я постучалъ,—молчаніе. Отворите, говорю, у меня есть дѣло. Извнутри голосъ:

— Что вамъ, батюшка, нужно, учительницы здѣсь нѣтъ.

— А вы же кто, что отзываетесь?

— Я старшина.

— Такъ отворите, говорю; не можетъ быть, чтобы учительницы не было, если Вы тамъ. Не отворяютъ. Я толкнулъ дверь, правда сильно, дверь отворилась. Въ комнатѣ былъ старшина, стоялъ самоваръ, закуска и недопитый чай. Я спросилъ, гдѣ же учительница; старшина отвѣтилъ, что она ушла въ окно, испугавшись меня. Я плюнулъ и ушелъ. Дней черезъ 7 — 8 пріѣхалъ въ село членъ управы, дѣлалъ какое-то дознаніе, написалъ какой-то актъ, и вотъ теперь наряжено консисторіей слѣдствіе".

Такимъ образомъ пришлось мнѣ принять участіе въ производствѣ этого слѣдствія. На слѣдствіи прочитанъ былъ актъ, подписанный членомъ управы, старшиною и учительницею, приблизительно слѣдующаго содержанія:

„Мая такого-то, вечеромъ въ сумерки священникъ NN, выломавъ дверь, вломился въ квартиру учительницы, когда она уже готовилась лечь въ постель; учительница, испуганная священникомъ, совершенно раздѣтая бросилась въ окно и тѣмъ только спаслась отъ насилія священника".

На вопросъ слѣдователя: подтверждаетъ ли г. старшина написанное въ актѣ, тотъ отвѣчалъ, что вполнѣ подтверждаетъ. Тогда я предложилъ ему вопросъ: въ какомъ костюмѣ учительница выскочила въ окно? Старшина сказалъ, что въ одномъ бѣльѣ.

— А Вы, г. старшина, гдѣ тогда были, что видѣли все это?

— Въ ея комнатѣ.

— Значитъ, она при васъ была въ своей комнатѣ въ одномъ бѣльѣ? Старшина спохватился и говоритъ: нѣтъ, она выскочила въ окно только безъ платка.

— А кто же писалъ этотъ актъ?

— Я, говоритъ старшина.

— Въ актѣ вы подписались и тѣмъ свидѣтельствуете, что учительница выскочила въ окно въ одномъ бѣльѣ.

— Я написалъ и подписалъ актъ, какъ приказалъ мнѣ г. членъ управы.

— Зачѣмъ же вы подписались подъ завѣдомою ложью?

— Ахъ, батюшка, вѣдь г. членъ нашъ такой боевой; онъ мнѣ приказалъ, и я не смѣлъ его ослушаться,—вѣдь иначе онъ бы меня прибилъ. (Членъ этотъ носилъ названіе „боевой“ потому, что куда бы онъ по дѣламъ ни поѣхалъ, то или его кто-нибудь побьетъ или же онъ кого-нибудь непремѣнно побьетъ). Впослѣдствіи обвиняемый батюшка пенялъ меня за то, что я не настоялъ во время слѣдствія на выясненіи того, какъ учительница занималась въ школѣ; я сказалъ ему на это:—да вѣдь весь гвоздь обвиненія Васъ заключается въ томъ, что вы добивались къ учительницѣ, когда та была въ постелѣ; въ этомъ вамъ и надлежало оправдаться; а какъ занималась учительница въ школѣ, это совсѣмъ другое дѣло. Вѣдь земцы прекрасно знаютъ, какъ въ большинствѣ ихъ школъ занимаются учители и учительницы... Что имъ Гекуба, и что Гекубѣ до нихъ?

Въ послѣдующее время и въ моей школѣ пошли занятія почти по описанному мною рецепту, съ нѣкоторыми, конечно, варіаціями. Учители и учительницы мѣнялись въ школѣ каждый годъ, а то и по два раза въ годъ, топтались съ учениками въ продолженіе зимы, производя съ ними и надъ ними разные педагогическіе эксперименты дѣлали выпуски почти неграмотныхъ учениковъ; одинъ изъ учителей ухитрился даже прибывъ въ школу во второй половинѣ декабря, въ половинѣ марта поставить на экзаменъ шестнадцать учениковъ, которые, еле бродя по книгѣ, и получили льготныя свидѣтельства объ окончаніи школьнаго курса. Школа моя быстро пошла по наклонной плоскости къ своему внутреннему упадку и стано-

вилась почти безплодною какъ въ образовательномъ смыслѣ, такъ и вообще въ моральномъ своемъ значеніи, какъ для дѣтей—школьниковъ, такъ и для прихода. Учителя школы, совсѣмъ не ревнивые къ своему прямому дѣлу учительства, ограничиваясь въ этой области своими излюбленными педагогическими пріемами, въ изобиліи оснащаемыми такъ называемыми „самостоятельными работами“ учениковъ, очень систематично были ревнивы къ тому, чтобы разными способами устранить непріятное имъ участіе священника въ дѣлахъ школы и парализовать его значеніе и авторитетъ, иногда косвенно, иногда и прямо со свойственною имъ грубостію заявляя, что роль священника въ школѣ должна ограничиваться только его законоучительствомъ, а излишнее присутствіе священника только стѣсняетъ ихъ, и что сверхдолжное участіе священника въ школѣ не нравится, молъ, и земству. Теперь для меня ясна стала вся внутренняя несостоятельность земскихъ школъ, отданныхъ въ полное безруководственное и безконтрольное хозяйничанье учителямъ—не зрѣлымъ юношамъ съ сомнительнымъ образованіемъ, съ сомнительными нравственными качествами, съ сомнительнымъ направленіемъ и съ бахвальнымъ самомнѣніемъ. Бываютъ, разумѣется, между этими учителями и учительницами и хорошія исключенія, даже счастливыя исключенія, но все-таки это только исключенія.

Конечно, строго винить тутъ земство не въ чемъ: оно распорядилось такъ своими школами не намѣренно, а по недоразумѣнію, наивно полагая, что задача народной школы состоитъ только въ томъ, чтобы крестьянскихъ дѣтей скорѣй понадѣлать грамотными, а религіозность и нравственность только лишній балластъ, безъ котораго можно легко обойтись; вѣдь обходятся же безъ этого балласта паны, почему же не обойтись безъ него и мужикамъ? Нашъ народъ въ общемъ и не красивъ, и не чистоплотенъ, и золъ потому что бѣденъ; а бѣденъ онъ матеріально потому что бѣденъ морально. Нашему народу потребны такія школы, гдѣ бы онъ пріобрѣталъ для себя нужныя ему познанія и понятія, т. е. не реальныя только, а и религіозно-нравственныя.

Сорокалѣтній періодъ странствованій освобожденнаго народа по пустынямъ русскаго вѣтромыслія и вѣтродумія приходитъ къ концу [1]). Назрѣвшая задача нашей русской св. церкви состоитъ въ томъ, чтобы изъ сохранившихся подъ пепломъ минувшаго крѣпостничества и подъ накипью пореформенной беззалаберщины искръ вѣры и благочестія въ народѣ возжечь пламя добра, правды и любви въ Богѣ, возродить его въ духѣ и освѣтить въ народѣ по-

[1]) Писано въ 1898 году.

знаніе истинъ св. вѣры, догматовъ и правилъ св. церкви православной. Могучее средство ко всему этому наша церковь имѣетъ теперь въ своихъ рукахъ,—это церковная школа, жизнь которой дана державною волею царя Александра III-го

VI.

Но стану продолжать исторію моей школы.

Ознакомившись съ положеніями и правилами о церковно-приходскихъ школахъ, я надумалъ рядомъ съ земскою школою завести и церковно-приходскую. Но такъ какъ зданіе, построенное мною для школы, было занято теперь земскою школою, и такъ какъ земская школа все таки давала дѣтямъ первоначальную грамотность, да при томъ же была обезпечена матеріально, то я почелъ полезнымъ открыть рядомъ съ земскимъ первымъ классомъ второй церковно-приходскій, гдѣ бы дѣти, покончивъ свое ученіе въ первомъ классѣ, доканчивали свою грамотность во второмъ церковномъ и гдѣ бы они направлялись и утверждались въ правилахъ вѣры, церкви и христіанской жизни, а также по возможности подготовлялись къ должности учителей имѣвшихъ образоваться школъ грамоты. Заручившись согласіемъ, одобреніемъ и обѣщаніемъ матеріальной подержки со стороны епархіальнаго училищнаго совѣта и пристроивъ къ прежнему школьному зданію еще двѣ комнаты, я съ слѣдующаго же учебнаго года открылъ второй церковно-приходскій классъ, куда очень охотно поступили почти всѣ, за нѣсколько лѣтъ окончившіе земскую школу. Учительницей во второй классъ была назначена окончившая курсъ епархіальнаго женскаго училища Ив—а. Вновь прибывшая учительница въ земскую школу оказалась очень хорошимъ человѣкомъ. Дѣло на первыхъ порахъ пошло ладно, мирно и довольно успѣшно. Прошелъ годъ; въ земскомъ классѣ опять новый учитель-хозяинъ. Возникли нѣкоторыя недоразумѣнія и неудовольствія между обоими классами, то изъ-за распорядковъ школьныхъ, то изъ-за отношеній къ дѣтямъ и ихъ родителямъ. Совершенно не мѣшаясь въ распорядки земскаго класса, я завелъ точные и опредѣленные порядки въ классѣ церковно-приходскомъ въ отношеніи общей молитвы, хожденія въ церковь, пѣнія, времени начала и конца дневныхъ и вечернихъ занятій, благоповеденія

учениковъ и т. д. Волею или неволею приходилось и земскому классу подражать этимъ порядкамъ, такъ какъ и въ глазахъ учениковъ и въ глазахъ ихъ родителей эти порядки служили живымъ и нагляднымъ укоромъ распорядкамъ земскаго класса. Все это очень не нравилось гг. учителямъ и учительницамъ этого класса. Прошло еще года два, неудовольствія сдѣлались ощутительнѣе, перемѣнилось въ земскомъ классѣ нѣсколько учительницъ. Учителя и учительницы эти пустили слухъ, что въ этой школѣ нельзя служить и учить, потому что тамъ рядомъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ есть церковная школа, гдѣ попъ „постоянно торчитъ и парализуетъ этимъ дѣйствія учителя“. Это мнѣніе стало раздѣлять и земство, и оно приняло свои мѣры.

На слѣдующій учебный годъ въ земскій классъ была назначена, конечно, съ извѣстными инструкціями учительница боевая. Собственно учительница эта, какъ впослѣдствіи оказалось, была не боевая, а буйная. Многое здѣсь можно было бы разсказать объ этой учительницѣ, какъ представительницѣ извѣстнаго типа свободно-прогрессивныхъ учительницъ земскихъ школъ вообще, но я ограничусь только общимъ очеркомъ моральнаго облика этой типичной фигуры. Обладая очень смѣлымъ нравомъ и согласуя съ этимъ качествомъ своего нрава свободу своихъ поступковъ, учительница, назовемъ ее М., извѣстна была въ округѣ, какъ состоящая подъ непосредственнымъ и преимущественнымъ покровительствомъ мѣстныхъ дѣльцовъ и дѣлицъ земскихъ школъ, а потому всѣ ея не только эксцентричныя, но и прямо скандальныя школьныя похожденія принимались какъ въ управѣ, такъ и въ училищномъ совѣтѣ съ улыбкою и безграничною терпимостью. И вотъ совмѣстно съ этой особой мнѣ, священнику, пришлось вести школьное дѣло въ земской школѣ, а рядомъ съ земскою и въ церковной. Дѣло это началось прямо съ столкновеній. Передъ началомъ занятій надо помолиться Богу. Я хотѣлъ отслужить молебенъ въ церкви, а учительница не пустила земскихъ учениковъ въ церковь: пришли ученики второго класса, отошла обѣдня, а земскихъ учениковъ нѣтъ. Нечего дѣлать, пришлось служить молебенъ въ школѣ (школа рядомъ съ церковью). Надо здѣсь замѣтить: учительница М., приготовляясь къ открытію занятій, распорядилась въ своемъ классѣ вынести всѣ „лишнія“ иконы и лампаду и оставила только одну икону. Эти „лишнія“ иконы я размѣстилъ во второмъ классѣ, привѣсилъ 2-ю лампадку и „лишнія“ картины тоже размѣстилъ по стѣнамъ своего класса; тамъ-то, въ комнатѣ 2-го класса я велѣлъ приготовить все для общаго молебна; но г. М. рѣшительно мнѣ заявила, что она требуетъ, чтобы для земскихъ учениковъ моле-

бенъ непремѣнно былъ въ земскомъ классѣ и что она не желаетъ, чтобы ученики земской школы имѣли что-либо общее съ церковной школой, и грозила не пустить своихъ учениковъ во 2-й классъ на молебенъ. Не пускаясь въ объясненія, я велѣлъ всѣмъ ученикамъ идти во 2-й классъ и началъ служить молебенъ, а учительница г. М. съ протестующими жестами удалилась въ свою комнату. Послѣ молебна учительница М. опять вышла въ переднюю комнату и, обратясь къ ученикамъ и родителямъ ихъ, повела такую рѣчь: милые люди, я вамъ имѣю сказать, что здѣсь земское училище, а не церковное; я назначена сюда высшимъ начальствомъ и состою здѣсь единственной начальницей школы, а священникъ только законоучитель и состоитъ подъ моимъ вѣдѣніемъ; поэтому всѣ вы, и родители и ученики, съ вашими нуждами по школѣ должны обращаться ко мнѣ, а не къ священнику; иначе ваши просьбы не будутъ мною исполняться. А что вашъ священникъ завелъ тутъ какой-то второй классъ церковный, то это онъ сдѣлалъ напрасно: ни школѣ, ни вашимъ дѣтямъ этотъ классъ совсѣмъ не нуженъ; вашимъ дѣтямъ не дьячками быть, чтобы учиться тамъ разнымъ псалтырямъ и другимъ пустякамъ; земское начальство уничтожитъ эту выдумку священника, какъ совершенно лишнюю обузу для васъ. Привожу эту рѣчь вкратцѣ, въ ея существенномъ содержаніи; на самомъ дѣлѣ она была многословна, крикливо-энергична и оснащена разными безумными глаголами! Предложивъ „милымъ людямъ“ и дѣтямъ ихъ выйти изъ школы и оставивъ старосту и 3-хъ—4-хъ хозяевъ, я сказалъ учительницѣ: напрасно вы смущаете вашими рѣчами и родителей и дѣтей, и стремитесь на первыхъ же порахъ вашего учительства здѣсь внести и ввести смуту въ нашу школу; эта школа основана и устроена церковью; церковь и есть ея главный руководитель. Въ этой школѣ не должно быть розни ни въ ученіи, ни въ отношеніи къ ученикамъ и ихъ родителямъ, которые всѣ состоятъ прихожанами церкви, гдѣ священникъ поставленъ быть пастыремъ; ваше дѣло быть учительницей здѣсь, а не воякомъ, распугивающимъ и овецъ и ягнятъ пасомаго мною стада... Мерзко вспоминать послѣдующую реплику учительницы, еще мерзче наносить ее на бумагу. Тутъ фигурировали и „баронъ Корфъ“, и „глупая семинарщина“, и „застой“, и „церковное буквоѣдство“, и „прогрессъ“, и „пономарство“, и прочая белиберда. Наконецъ, учительница заявила, что занятій она начать не можетъ, а поѣдетъ жаловаться инспектору на меня и на старосту, на другой день она дѣйствительно уѣхала къ инспектору, гдѣ и пробыла недѣли полторы. Результатомъ ея поѣздки и жалобы была бумага отъ инспектора старостѣ, предписующая ему „безпрекословно исполнять всѣ требованія

*

учительницы". Послѣдствіемъ этой бумаги было то, что учительница запретила школьному сторожу, нанимаемому обществомъ для обоихъ классовъ, быть слугою для второго класса, и я вынужденъ былъ нанять особаго сторожа. Учительница „заболѣла", и занятій въ первомъ классѣ не было во весь октябрь. Наступилъ ноябрь. Иду какъ-то въ школу; холодно и дождь идетъ, а дѣти перваго класса стоятъ мокрыя на дворѣ школьномъ. Узнавъ отъ нихъ, что ихъ въ школу не пускаютъ, потому что учительница спитъ, я, чтобы укрыть ихъ отъ дождя, велѣлъ имъ идти во 2-й классъ и самъ пошелъ съ ними; начали утреннюю общую молитву. Вдругъ вбѣгаетъ въ классъ учительница М. и съ крикомъ: вонъ отсюда, выводитъ всѣхъ своихъ учениковъ изъ класса. Послѣ молитвы учительница заявила, что она запрещаетъ мнѣ распоряжаться ея учениками, чтобы я не смѣлъ водить ихъ во второй классъ и чтобы я, когда имѣю заниматься въ первомъ классѣ по Закону Божію, то испрашивалъ бы предварительно ея согласія, а если она больна, то заявлялъ бы о своемъ урокѣ ея старшему ученику А—ну. Надо здѣсь сказать для ясности, что учительница М., при всѣхъ своихъ „болѣзняхъ", страдала какою то неизлѣчимой болѣзнію, для облегченія которой во всѣхъ школахъ, гдѣ она учительствовала, всегда заводила себѣ „старшаго" возрастнаго ученика, котораго или которыхъ, если ихъ было нѣсколько, обыкновенно „готовила къ поступленію въ высшее училище" и которые помогали ей заниматься въ классѣ. Такого „старшаго" она имѣла и теперь въ лицѣ 18-тилѣтняго крестьянскаго парня А—на.

При случаѣ я разсказалъ все это члену уѣзднаго училищнаго Совѣта и просилъ у него наставленія, что мнѣ дѣлать въ данномъ положеніи. Членъ Совѣта сказалъ мнѣ, что все это, конечно, печально и грустно, но что же дѣлать? Она лучшая учительница въ уѣздѣ, она воспитанница незабвеннаго Корфа и проч., и посовѣтовалъ мнѣ жить мирно съ учительницей. При такихъ обстоятельствахъ я не счелъ для себя удобнымъ жаловаться кому либо на наши школьные порядки. Приходилось терпѣливо ждать, чѣмъ окончится вся эта канитель. А канитель эта съ теченіемъ времени принимала все болѣе и болѣе своеобразный характеръ. Всякая правильность школьныхъ занятій исчезла. То учительница вмѣстѣ со съ „старшимъ" ученикомъ уѣзжала въ городъ лѣчиться, и школа на нѣсколько дней запиралась на замокъ, то опять посылались оповѣщенія, чтобы ученики сходились въ школу; ученики сходились, собирались въ классъ. Въ классѣ то слышенъ гвалтъ и крикъ, то водворялась тишина чуть не гробовая и среди этой тишины раздавался только лязгъ ударовъ линейки по рукамъ и пле-

чамъ учениковъ: то наказывалъ „старшій“ за баловство и незнаніе уроковъ; потомъ всѣ поголовно ставились на колѣни и такъ простаивали по часу и болѣе, пока „больная“ учительница успокаивала свои нервы. Въ церковь земскіе ученики совсѣмъ перестали ходить. Голосъ мой парализовался прямымъ приказаніемъ учительницы „не слушать батюшку“. При такихъ обстоятельствахъ занятія мои по Закону Божію въ земскомъ классѣ были для меня крайне тягостны и, конечно, безрезультатны, не только въ смыслѣ нравственномъ, а и просто въ смыслѣ учебномъ. Дѣти замѣтно были деморализованы и угнетены водворившимся въ школѣ безладьемъ и хаосомъ. Я рѣшился нести свой тяжелый крестъ безмолвно, сосредоточивъ свою школьную работу въ моемъ церковномъ второмъ классѣ, видя и зная, что какіе-либо мои протесты по отношенію къ порядкамъ земскаго класса будутъ въ лучшемъ случаѣ только гласомъ вопіющаго въ пустыни. Между тѣмъ ко мнѣ стали доходить слухи, что земство недовольно близкимъ сосѣдствомъ моего второго класса съ земскою школою, потому что это, молъ, парализуетъ и отклоняетъ дѣятельность учительницы, и что тамъ, въ земствѣ, создаютъ уже планы устранить 2-й церковный классъ отъ соприкосновенія съ земскою школой, т. е. просто напросто изгнать церковную школу изъ ея же собственнаго жилища. Ишь, какіе ловкачи, эти радѣтели народнаго образованія, подумалось мнѣ.

Наступилъ Великій постъ: на первой недѣлѣ дѣти должны были говѣть. Ученики 2-го класса пришли въ церковь, а ученики земскаго класса нѣтъ. Говорятъ, что учительница велѣла имъ идти въ церковь только въ четвергъ.

— Что же вы дѣлаете, занимаетесь?

— Нѣтъ, учительница больна.

Отговѣли, начались занятія. Школьная атмосфера земскаго класса сдѣлалась невыносимою для меня. Давать уроки или просто посѣтить первый классъ дѣлалось для меня непосильнымъ, но я еще коекакъ крѣпился. Настало 1-ое марта. На литургію и панихиду ученики 1-го класса не пришли. Второе марта—день восшествія Государя на престолъ: уже читаютъ апостолъ, а учениковъ 1-го класса нѣтъ въ церкви. Прошу учительницу 2-го класса пойти въ школу и привести учениковъ. Приходятъ. Послѣ молебна приходитъ въ церковь школьный сторожъ и ведетъ всѣхъ учениковъ 1-го класса къ учительницѣ.

— Какъ вы смѣли идти въ церковь безъ моего позволенія? Вы опять батюшку слушаете! Станте на колѣни и стойте такъ до вечера.

Часа черезъ два приходятъ ко мнѣ родители и просятъ, чтобы я велѣлъ ученикамъ пойти домой, хоть пообѣдать. Я отослалъ ихъ къ учительницѣ, гдѣ они высвободили своихъ дѣтей.

На другой день во время урока моего во 2-мъ классѣ приходитъ крестьянинъ и проситъ окрестить ребенка. Такъ какъ въ тотъ же день предстояло еще погребеніе, то я, окончивъ урокъ во 2-мъ классѣ, сейчасъ же велѣлъ собраться первому классу, чтобы и тамъ дать урокъ и быть свободнымъ для дѣтей. Дѣти собрались, я вошелъ въ классъ, прочитали молитву, какъ влетаетъ учительница съ крикомъ: какъ вы смѣете здѣсь распоряжаться, я пустила дѣтей погулять, а вы ихъ безъ моего вѣдома собрали въ классъ. Вы должны были спросить меня. Я говорю: да вѣдь вы же больны и все равно не занимаетесь.—Это не ваше дѣло, вы должны были спросить А—на („старшій“). Я не позволю вамъ заниматься,—дѣти, берите доски, я сама буду заниматься, и стала раздавать дѣтямъ доски.—Позвольте, говорю я, г. учительница...—Нѣтъ батюшка, теперь ужъ поздно просить позволеніе, я не позволю вамъ заниматься.—Дѣти, говорю я, пропоемъ „Достойно есть“, и я уйду и началъ пѣть съ ними „Достойно есть“. Учительница какъ завизжитъ: не смѣйте пѣть, пойте за мною: „По полю, полю чистому“... Одни поютъ „Достойно“; а другіе „По полю, полю“, — вышло ужъ грандіозное безобразіе. Съ усиліемъ удерживаясь отъ слезъ негодованія, я смогъ только сказать: „отрясаю прахъ отъ ногъ моихъ“, и вышелъ изъ класса, вслѣдъ меня раздался голосъ учительницы: „туда тебѣ и дорога, давно бы такъ“. Послѣ всего этого я не счелъ возможнымъ посѣщать земскій классъ и прекратилъ тамъ свои занятія, о чемъ и донесъ своему начальству. Недѣли черезъ полторы пріѣхалъ слѣдователь отъ отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта, произвелъ дознаніе и уѣхалъ. Мнѣ чувствовалось, что дѣло на этомъ и остановится, а между тѣмъ мнѣ смертельно было больно о моей школѣ, созданной моими, подъ часъ непосильными, трудами, заботами и горькими душевными слезами, и хотя окольнымъ путемъ мнѣ хотѣлось обнаружить хоть часть того, что творилось въ этой школѣ. Я написалъ въ мѣстную газету. Черезъ недѣлю послѣ описанныхъ педагогическихъ живыхъ картинъ пріѣхалъ въ школу инспекторъ и такъ ободрительно повліялъ на учительницу, что послѣ посѣщенія его моему бѣдному второму классу житья не стало: ученики земскаго класса стали дѣлать просто нападенія на второй классъ; то выбьютъ нѣсколько оконъ и въ окна швыряютъ грязью, то толпою врываются въ классъ съ гамомъ и крикомъ, то выбросятъ изъ передней галоши учениковъ и учительницы на дворъ, то вообще досаждаютъ разными

пакостями и нетерпимыми шалостями, очевидно побуждаемые къ тому своей учительницей. Настала весна, школа земская разбрелась, учительница куда-то улетучилась, и мы имѣли возможность спокойно и благополучно закончить занятія во 2-мъ классѣ и отбыть экзаменъ.

VII.

Я уже надумалъ выжить земскую школу изъ церковнаго зданія и лѣтомъ приступилъ къ ремонтировкѣ этого зданія, какъ является учительница М. съ полиціей и отъ имени инспектора требуетъ, чтобы я „не смѣлъ распоряжаться“ и проч. Между тѣмъ моя газетная корреспонденція попала въ руки власть имѣющихъ (министра внутреннихъ дѣлъ); поручено было инспектору разслѣдовать и провѣрить газетное сообщеніе. Завернулъ г. инспекторъ и ко мнѣ. Разсказалъ я ему всѣ наши школьныя дѣла.

— Все это не важно, пренаивно замѣчаетъ г. инспекторъ; вотъ только то, что ученики и учительница пѣли: „По полю, полю чистому“ во время пѣнія молитвы, она неловко сдѣлала; и Вы, батюшка, напрасно написали объ этомъ въ газету, а не донесли мнѣ; мы бы это дѣло уладили сами, а теперь вотъ надо отписываться, что не совсѣмъ пріятно.

— Дѣлать доносы и сообщенія Вамъ, г. инспекторъ, меня никто не уполномочивалъ, это не мое дѣло, говорю я инспектору; Вы имѣли свѣдѣнія о томъ, что творится въ нашей школѣ, отъ самой учительницы, которая всегда дѣйствовала и говорила отъ Вашего имени. Вы имѣли полную возможность провѣрить сообщаемое Вамъ учительницей, а Вы этого не сдѣлали. Я сообщилъ своему начальству все то, что написано въ моей газетной корреспонденціи, и мое начальство распорядилось провѣркой моего сообщенія. Въ газету же я написалъ для того, чтобы все происходящее здѣсь не осталось безслѣднымъ въ отношеніи школы, разсчитывая, что газетная статья воздѣйствуетъ гораздо реальнѣе всякихъ доношеній и сообщеній, въ чемъ я, какъ видите, и не ошибся.

— Посмотримъ еще, сказалъ инспекторъ и уѣхалъ.

„Посмотримъ“ сказалъ инспекторъ; приходилось, значитъ, насторожиться. Latet anguis in herba.

Черезъ нѣсколько времени дошло до меня, что въ епархіаль-

номъ училищномъ совѣтѣ мною „очень недовольны“. Явился я туда. Приняли меня тамъ сурово, нарочито сухо, пренебрежительно-неделикатно, сообщивъ мнѣ, что „мое дѣло“ находится теперь въ консисторіи, и что на текущій учебный годъ субсидія моей школѣ уменьшена совѣтомъ наполовину.

Прихожу въ консисторію:

— Эхъ, отецъ, вы намъ столько хлопотъ нанесли и изъ-за чего?

— Какихъ, говорю, я вамъ хлопотъ нанесъ? Я ничего не знаю.

— Да вотъ же ваше дѣло по вашей школѣ.

— Да вы, господа, посмотрите въ то „дѣло“, есть ли тамъ хоть одна строчка моя; я только сегодня узналъ, что у васъ есть какое-то „дѣло“ обо мнѣ. Я не получалъ отъ консисторіи никакого запроса, ни сообщенія и рѣшительно не знаю, въ чемъ заключается „дѣло“.

— Вы, отецъ, ничего не знаете,... а мы вотъ положили „сдѣлать Вамъ строгій выговоръ“.

— За что?

— За ваши дѣла по школѣ.

— Какія такія мои дѣла по школѣ? Если я не умѣю, или не хочу учить въ школѣ, то мнѣ слѣдуетъ получить выговоръ или внушеніе отъ училищнаго совѣта, а не отъ Васъ.

— Эхъ, батюшка, и охота вамъ возиться съ разными затѣями и школами... Сидѣли бы себѣ тихо да смирно, хлѣбъ жевали и намъ бы давали...

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, говорю я, почему же я не получилъ никакого опроса по моему же дѣлу, а вы меня ужъ и обвинили?

— Мы, батюшка, въ этомъ дѣлѣ умывающіе руки, вѣдь самъ попечитель учебнаго округа жалуется на васъ; надо же его удовлетворить.

— Если такъ, то и будетъ такъ; вы друзья кесаря и власть имате пустити, и власть имате распяти. Однако и Пилатъ, прежде чѣмъ умылъ руки, все-таки спросилъ: а что есть истина?..

Черезъ нѣсколько времени я получилъ оффиціальный „строгій выговоръ“, а вслѣдъ затѣмъ, кстати сказать, получилъ награду „за ревностное и образцовое веденіе дѣла по школѣ,“ а отъ епархіальнаго совѣта увѣдомленіе, что субсидія моему второму классу не будетъ уменьшена. И попечитель удовлетворенъ, и я какъ будто не обиженъ—и сѣно цѣло, и козы сыты.

Между тѣмъ намѣренное мною дѣло выжить земскую школу изъ сосѣдства съ церковною само собою затянулось. Учительница М. по распоряженію министра была уволена отъ учительства; земство

выдало ей единовременно 400 р., но она не угомонилась и земство опредѣлило ее въ домъ умалишенныхъ, но вскорѣ она оттуда вынырнула и теперь, говорятъ, учительствуетъ опять, а инспекторъ теперь директорствуетъ въ одной изъ гимназій. Просвѣтители!

Настала осень. Въ земскій классъ прибылъ новый учитель; прежде всего онъ произвелъ въ школѣ слѣдствіе по приказанію инспектора, какъ самъ заявилъ, дѣйствительно ли ученики пѣли „По полю, полю чистому“ во время пѣнія „Достойно есть“,—оказалось, что дѣйствительно пѣли по приказанію учительницы. На другой день послѣ производства слѣдствія съ свойственною вообще земскимъ учителямъ нахальностію новый хозяинъ школы предложилъ мнѣ слѣдующее:

— Вы, батюшка, можете не трудиться преподавать Законъ Божій въ моемъ классѣ; Вы предоставьте мнѣ половину Вашего жалованья, а я буду заниматься за васъ; такъ дѣлается во многихъ земскихъ школахъ, такъ дѣлалось и тамъ, гдѣ передъ симъ я былъ учителемъ; это я вамъ говорю по совѣту и съ согласія г. инспектора.

— Жалованье мое земское я могу предоставить Вамъ все, а не половину, а заниматься по Закону Божію я буду самъ и при томъ каждый день.

— Какъ каждый день? Вѣдь вамъ предоставлено только два урока въ недѣлю, такъ оно и должно быть.

— Въ такомъ случаѣ я совсѣмъ откажусь отъ законоучительства въ земскомъ классѣ, а Вы съ г. инспекторомъ ищите себѣ другого законоучителя по своему вкусу.

Начались занятія. Изъ поступившихъ во второй классъ перестала ходить цѣлая треть учениковъ. Что сіе? Оказалось, что учитель убѣдилъ учениковъ оставить ученіе во второмъ классѣ, потому что „тамъ ничему не могутъ научить, да и второй классъ имѣетъ быть закрытъ“. Пришлось разубѣдить учениковъ, но учитель продолжалъ вести свою линію. Однажды онъ при мнѣ зашелъ во второй классъ; одинъ изъ учениковъ выскочилъ изъ-за парты и спрятался за печкой. По уходѣ учителя я спрашиваю: „зачѣмъ ты спрятался?“—„Учитель сказалъ мнѣ, отвѣчаетъ мальчикъ, что онъ изобьетъ меня, если я поступлю во 2-й классъ; я испугался, что онъ пришелъ бить меня, и спрятался“. Не хотѣлось мнѣ вѣрить этому, но скоро пришлось увѣриться.

Мнѣ случилась треба, и я не могъ быть на первомъ урокѣ и общей молитвѣ, а потому поручилъ одному изъ учениковъ второго класса распорядиться утреннею молитвою. Послѣ требы прихожу

въ классъ и застаю учениковъ въ крайне возбужденномъ состояніи. Оказалось слѣдующее: во время молитвы, когда ученики стали пѣть „Царю Небесный“, учитель, выскочивъ изъ своей комнаты, запретилъ ученикамъ пѣть, чтобы „скорѣе окончилась ваша молитва“. Ученикъ, которому мною поручено было распорядиться молитвою, сказалъ учителю, что онъ не можетъ измѣнить заведеннаго порядка безъ вѣдома батюшки, тогда учитель накинулся на него, избилъ его по лицу, вырвалъ клокъ волосъ изъ головы и чувствительно помялъ его. Молитва, сама собой, прекратилась, ученики разошлись по классамъ. Я не счелъ нужнымъ и полезнымъ объясняться съ учителемъ и постарался кое-какъ успокоить учениковъ, обѣщавъ на будущее время оградить ихъ отъ буйства учителя. Послѣ своего урока я ушелъ домой, а въ классѣ осталась учительница. Прошло время занятій, а учительница не идетъ домой; прошло полчаса, часъ, а ея нѣтъ домой (учительница жила у меня). Наконецъ она приходитъ и взволнованно сообщаетъ что-по уходѣ моемъ опять вышло какое-то столкновеніе учениковъ 2-го класса съ земскимъ учителемъ, который всѣхъ ихъ обругалъ площадными словами, что ученики возбуждены въ высшей степени, и я, говоритъ, подозрѣваю, что они хотятъ побить учителя, о чемъ то шушукаются и что то замышляютъ. Я пошелъ въ школу, разговорилъ учениковъ, убѣдилъ ихъ перенести случившееся терпѣливо и благоразумно, не ронять себя и своего класса самовольствомъ, и т. п. Ученики успокоились, даже повеселѣли, стали шутить и, наконецъ, разошлись по домамъ, а я съ тяжелымъ камнемъ въ умѣ и на сердцѣ побрелъ тоже домой. Отношенія между земскимъ классомъ и церковно-приходскимъ обострились до крайности. Теперь для меня стало совершенно яснымъ, что быть второму церковно-приходскому классу рядомъ съ земскою школою рѣшительно невозможно. Весною я обратился въ отдѣленіе епархіальнаго училищнаго совѣта съ докладомъ о необходимости при второмъ церковномъ классѣ образовать и первый церковный классъ и просилъ отдѣленіе ходатайствовать у земства о переводѣ земской школы изъ церковнаго помѣщенія, такъ какъ это помѣщеніе надобно для церковной школы. Отдѣленіе препроводило мою бумагу въ земскую управу; управа потребовала отъ меня свѣдѣній о постройкѣ зданія, гдѣ помѣщается школа. Данныя мною свѣдѣнія управа поручила мѣстному земскому начальнику провѣрить и дознать, кому принадлежитъ зданіе школы. Земскій начальникъ дозналъ, что зданіе школы построено мною и теперь принадлежитъ церкви, за что и удостоился получить отъ земства нагоняй и непріятности за „нерадѣніе о земскихъ интересахъ“. Между тѣмъ время шло, наступала

осень. Я опять обратился въ отдѣленіе епархіальнаго совѣта и просилъ дозволить мнѣ открыть первый классъ при второмъ церковно-приходскомъ. Отдѣленіе опять препроводило мою бумагу въ управу. Управа сообщила отдѣленію, что она не имѣетъ намѣренія освободить зданіе отъ своей школы, а священникъ, если ему угодно, пусть добивается своего права судомъ. Г.г. земцы, подумалъ я, не брезгливы. Приходилось отложить дѣло ad meliorem fortunam.

Наступила осень. Зная повадку земскихъ учителей не спѣшить своимъ прибытіемъ въ порученныя имъ школы, я приготовилъ все нужное для открытія перваго класса при своемъ второмъ въ церковномъ зданіи. Я не ошибся. Наступило 1-е октября, — учителя земскаго нѣтъ, 2-го нѣтъ; 3-го октября я открылъ свою школу и сталъ принимать учениковъ въ 1-й и во 2-й классы. Дня въ три школа наполнилась учениками, и занятія начались. Черезъ двѣ недѣли послѣ начала занятій пріѣзжаетъ новая земская учительница. Рекомендуется.

— Очень пріятно познакомиться, говорю: немножко запоздали.

— Да, знаете, батюшка, разныя обстоятельства... мы наверстаемъ, мы наверстаемъ. Прикажите, пожалуйста, провести меня въ школу.

— А я не знаю, гдѣ ваша школа.

— Да тамъ же, вѣроятно, гдѣ была прежде.

— Прежде, говорю, земская школа помѣщалась въ церковномъ зданіи, а теперь въ этомъ зданіи находится церковная школа, и уже болѣе двухъ недѣль идутъ тамъ занятія.

— Да какъ же теперь быть?

Пришлось объяснить обстоятельства дѣла. Доложите земству, говорю, пусть оно „судомъ добивается своихъ правъ“. Учительница начала было фыркать, но я рѣшительно попросилъ ее оставить меня въ покоѣ.

Недѣли черезъ двѣ являются ко мнѣ крестьяне всѣмъ обществомъ и говорятъ: „посовѣтуйте намъ, батюшка, что намъ дѣлать. Земская управа настаиваетъ, чтобы мы дали приговоръ, что желаемъ имѣть у себя земскую школы, а не церковную, обѣщаетъ дать намъ денегъ на постройку школу, а теперь заставляетъ насъ нанять домъ для помѣщенія земской школы“. Я говорю имъ: если вы желаете имѣть земскую школу, то стройте и нанимайте, если имѣете въ томъ надобность.

— Не мы, батюшка, хлопочемъ объ земской школѣ, а вотъ земство грозитъ, что мы заплатимъ штрафъ и что на нашъ счетъ само земство построитъ школу, если мы теперь не дадимъ приго-

вора; да и вотъ еще что: нашъ старшина говоритъ, что въ управѣ ему сказали, что церковная школа намъ дорого обойдется, что мы будемъ платить жалованье и учителямъ и вамъ... Да, не брезгливы гг. земцы. Per fas et nefas.

Кончилось дѣло тѣмъ, что земство забрало свои школьные пожитки и отправило свою школу въ другое злачное мѣсто, а моя двухклассная церковная школа съ тѣхъ поръ, какъ избавилась сосѣдства земской, стала расти и развиваться: теперь она помѣщается въ новомъ большомъ и очень хорошемъ зданіи, имѣетъ около 250 учениковъ, имѣетъ законоучителя, учителя пѣнія и четырехъ правоспособныхъ учителей прочихъ предметовъ. Школу наполняютъ ученики и ученицы не только своего прихода, а изъ другихъ, даже дальнихъ приходовъ уѣзда. При своемъ просвѣтительномъ значеніи школа эта имѣетъ замѣтное и ощутительное нравственное вліяніе не только на своихъ учениковъ, а и на всѣхъ обывателей села и прихода. Самъ болѣе чѣмъ удовлетворенъ тѣмъ, что въ такомъ результатѣ всей этой эпопеи есть значительная доля и моего меда, а еще болѣе тѣмъ, что, умудренный тяжелымъ и горькимъ опытомъ, я навсегда излѣчился отъ юношескихъ иллюзій на тему „совмѣстнаго дѣланія духовенства и земства на нивѣ народной школы“. Впрочемъ, въ заключеніе скажу словами Берне: „все это я написалъ не чернилами, а написалъ слезами сердца моего и сокомъ моихъ нервовъ“.

VIII.

Черезъ пять лѣтъ послѣ составленія настоящей статьи въ школѣ, о которой говорится въ статьѣ, праздновалось сорокалѣтіе этой школы 20 мая 1904 года. Послѣ экзаменовъ былъ актъ, на актѣ присутствовала довольно многочисленная публика. Была приглашена учебная корпорація и ученики сосѣдней церковно-учительской школы, сосѣдніе священники съ семействами, помѣщики, учителя и учительницы сосѣднихъ школъ, нѣкоторые учителя гимназіи изъ сосѣдняго города, мѣстная администрація, наблюдатели школъ епархіальный и уѣздный, а также общество мѣстныхъ крестьянъ. Послѣ благодарственнаго молебна въ церкви всѣ перешли въ школу, гдѣ въ началѣ акта завѣдующій школой сказалъ слѣдующую рѣчь:

„Съ настоящимъ временемъ совпала сороковая или, вѣрнѣе сказать, сорокъ первая годовщина здѣшней церковно-приходской школы. Школа эта родилась 1-го декабря 1863 года. Возникла она

такъ, какъ тогда возникла не одна церковная школа. Это было время непосредственное по освобожденіи крестьянъ отъ помѣщичьяго ига. Иго это тяготѣло не только надъ крестьянскимъ людомъ, но и надъ церковью, представителями которой въ селѣ были бѣдные во всѣхъ отношеніяхъ сельскіе попы. Попы эти, если не въ юридическомъ смыслѣ, то въ практически-бытовомъ отношеніи, были раболѣпными слугами сельской интеллигенціи—помѣщиковъ. Тогдашнее рабство давило не мужиковъ только, давило оно и государственное представительство, давило и церковь святую. И вотъ, какъ только блеснулъ первый лучъ свободы, онъ, этотъ лучъ, оживилъ придавленное и даже замершее было самочувствіе этихъ бѣдныхъ сельскихъ поповъ. Эти простяки-попики, если не вполнѣ сознательно, то инстинктивно почувствовали потребность оживотворить и одухотворить дарованную свыше народную свободу, одухотворить ее свѣтомъ ученія христіанскаго. Тотъ же инстинктъ да и собственный опытъ указалъ имъ и путь къ ученію, — путь этотъ грамотность. И вотъ по мановенію этихъ тщедушныхъ попиковъ сельскихъ при многихъ, не говорю при всѣхъ, а при многихъ церквахъ изъ ничего въ матеріальномъ смыслѣ родились и стали жить школы для дѣтей крестьянъ. Возникли онѣ въ матеріальномъ смыслѣ изъ ничего, жили ничѣмъ, питаясь духовно Духомъ Божіимъ. Учили въ этихъ школахъ священники, помощники ихъ дьячки и пономари, попадьи и дочери ихъ поповны; учили чему? Учили тому, что сами твердо знали: учили волѣ Божіей, заповѣдямъ Божіимъ, учили писать, читать, считать, учили такъ, какъ Богъ кому на душу положитъ. Чему научали эти простецы-учители?

Научали читать, писать, по крайней мѣрѣ подписывать свою фамилію, кое-какъ считать. Словомъ, научали тому, чему научаетъ дѣтей крестьянъ и теперешняя сельская школа. Правда, была и разница тогдашней школы съ теперешнею: тогда не давалось никакихъ привилегій и льготъ грамотнымъ; тогда и въ школѣ и дома читались: евангеліе, псалтирь, житія святыхъ; въ церкви дѣти читали часы, каноны и проч., назидались и упражнялись въ чтеніи и тогда не слышно было о редивистахъ безграмотности, ученикахъ, забывшихъ грамоту. Теперь читаютъ въ школахъ о грибкахъ, букашкахъ, мушкахъ, таракашкахъ, даютъ въ руки учениковъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Гончарова, Тургенева, быть можетъ, Горькаго. О грибкахъ и прочихъ „реальностяхъ“ малюткамъ читать претитъ; Пушкина, Гоголя и др. они не въ силахъ понимать и смыслить что-нибудь въ нихъ, по-славянски читать не умѣютъ, житія святыхъ не въ модѣ, и парни, являясь въ воинское присут-

ствіе съ документомъ на льготу за свою грамотность, оказываются неумѣющими читать и подписывать свою фамилію. Говоря это, я не подчеркиваю сказанной разницы, а только мимоходомъ напоминаю о ней. Такъ жила новорожденная церковная школа, рожденная изъ ничего, ничѣмъ и никѣмъ матеріально не питаемая, едвали кѣмъ-нибудь замѣчаемая, и ужъ, конечно, никѣмъ не отмѣчаемая и не отмѣченная, матеріально питаясь скуднымъ подножнымъ кормомъ, а морально питаясь Духомъ Божіимъ. Духъ Божій ношашеся верху воды.

Но вотъ объявилась сельская школа не церковная, школа свѣтская, школа, такъ называемая, народная. „Синица на море пустилась, она хвалилась, что хочетъ море сжечь. Разславилась тотчасъ о томъ по свѣту рѣчь. Страхъ обнялъ жителей Нептуновой столицы, летятъ стадами птицы, а звѣри изъ лѣсовъ сбѣгаются смотрѣть, какъ будетъ океанъ и жарко ли горѣть“... Смутились и попики сельскіе: никѣмъ извнѣ въ своемъ школьномъ дѣлѣ руководимые, никѣмъ не поддержанные, часто пошло и нагло ошельмованные, они не устояли въ своемъ голодѣ матеріальномъ и промѣняли, подобно древнему Исаву, свое первенство въ школѣ на чечевичную похлебку, разсуждая, впрочемъ, такъ: у нихъ, у этихъ „народниковъ“, есть матеріальныя средства, а у насъ этихъ средствъ нѣтъ, но у насъ дары благодати Божіей; отдадимъ же мы свои дары на пользу народа, и да будетъ сыта школа и духовно и матеріально, и добровольно передавъ свои школы въ вѣдѣніе народниковъ, они, эти простецы—сельскіе попы заложили фундаментъ и образовали, такъ сказать, первый фондъ для народныхъ школъ.

Не стану говорить здѣсь о томъ, сколько этимъ попамъ пришлось потратить энергіи, умѣнья, настойчивости, сколько пришлось перенести невзгодъ и огорченій, чтобы какъ-нибудь вымогти, именно вымогти у нихъ согласіе на народную школу у себя. Скажу кратко и прямо, что безъ самаго широкаго и настойчиваго содѣйствія сельскаго духовенства врядъ ли бы и создалась свѣтская народная школа. Но вотъ она такъ или иначе создалась. „Чѣмъ кончились затѣи величавы? Надѣлала синица славы, а моря не зажгла“. А церковь русская лишилась своихъ школъ, созданныхъ изъ ничего благодатію Духа Божія. Тяжелъ грѣхъ Исавовъ... Но наступило время, и маніемъ самодержца всероссійскаго церковная школа опять ожила, опять создалась изъ ничего, опять стала жить кое-чѣмъ, а теперь уже и имѣетъ кое-что. Все сказанное мною о церковныхъ школахъ вообще, можно сказать и о здѣшней школѣ въ частности. Жилъ былъ здѣсь простачекъ старичекъ священникъ. Къ 1-му декабря 1863 года онъ отобралъ крестьянскую избу, гдѣ на почи доживала

свой вѣкъ старая баба—крестьянка, собралъ дѣвочекъ и мальчиковъ и открылъ школу; у старика священника была дочь поповна калѣка грамотная,—эта поповка стала учить дѣтей тому, чему сама была обучена. Школа помѣщалась то въ избѣ крестьянской, то въ церковной старожкѣ, то въ расправѣ сельской. Когда учительница-поповна умерла, то учили въ этой школѣ псаломщики, дьячекъ и пономарь, а иногда нанимался грамотей писарь. Безъ инспекціи, безъ наблюдателей-ревизоровъ школа учила дѣтей читать, писать, считать и Бога почитать. И жила эта школа, рожденная отъ духа: духъ дышетъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь и не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ; такъ бываетъ со всякимъ, рожденнымъ отъ духа. Но духъ лукавый соблазнилъ и эту школу чечевичною похлебкой, и эта школа подъ гнетомъ матеріальнаго голода впала въ грѣхъ Исава. Тяжелъ былъ ея грѣхъ, тяжелы были и слѣдствія этого грѣха. Много пришлось на ея долю испытаній, огорченій, обидъ, насилій, горя и всяческихъ невзгодъ, пока, раскаявшись въ своемъ грѣхѣ, она не стряхнула съ себя свое тяжкое иго и не обратилась къ своему первоисточнику Духу Божію. Теперь эта наша школа живетъ своею духовною жизнію и, слава Богу, имѣетъ и хлѣбъ насущный. Такова, милостивые государи, внѣшняя сторона здѣшней школы. Каково же ея внутреннее содержаніе, каковъ ея внутренній смыслъ, каковы ея жизненныя задачи и, наконецъ, какова ея жизненная цѣль? Существенная задача нашей здѣшней школы, какъ я думаю, должна быть задача и всякой сельской школы, самая скромная и, во всякомъ случаѣ, не кричащая: научить дѣтей вѣрѣ въ Бога, знанію Бога и Его закона, научить распознавать добро и зло, направить умъ и сердце дѣтей къ добру, дать ключъ къ вѣрному распознаванію и разумѣнію предметовъ жизни и, какъ средство къ этому всему, научить грамотѣ въ возможныхъ и доступныхъ предѣлахъ,—вотъ задача каждой сельской школы; такова задача и здѣшней школы. Всякая школа, тѣмъ болѣе школа сельская, не можетъ дать своимъ питомцамъ ни точныхъ знаній, ни точныхъ понятій, а можетъ дать только ключи къ знаніямъ и понятіямъ; поэтому существенное значеніе школы заключается въ ея нравственно-воспитательномъ строѣ, въ ея воспитательной сторонѣ. Въ чемъ должна состоять эта сторона? По нашему мнѣнію въ томъ, чтобы развить, а гдѣ надо, и привить своимъ питомцамъ охоту и любовь къ ученію, а такъ какъ ученіе дается трудомъ, то и къ труду; показать и указать пути къ правильному ихъ отношенію къ Богу и къ людямъ, къ царю, отечеству и къ самимъ себѣ; освѣтить и объяснить имъ ихъ человѣческій и житейско-общественный долгъ, возбудить, пробудить застыв-

шую духовную сторону, одухотворить душевныя движенія и возродить молодое сельское поколѣніе изъ жизни плотской въ жизнь духовную. Исполненіе этой задачи всегда было первою и первѣйшею заботою нашей школы, въ возможномъ рѣшеніи этой задачи состояла въ главномъ вся жизнь школы. Предпочтеніе этой задачи другимъ второстепеннымъ образовательнымъ задачамъ, быть можетъ, внесло въ нашу школу нѣкоторый кажущійся безпорядокъ въ дисциплинѣ школьной и въ разныхъ шаблонныхъ школьныхъ распорядкахъ. Иному поверхностному наблюдателю казалось, быть можетъ, зазорнымъ то, напримѣръ, что въ школѣ уроки не всегда начинаются въ точно назначенныя минуты часовъ, что уроки эти то длятся сверхъ урочно-положеннаго времени, то перемѣщаются одинъ за другой, то повторяются сряду одинъ за другимъ; что занятія въ школѣ затягиваются до 4-хъ—5-ти часовъ вечера, что перемѣны между уроками не одинаковы и т. под. Всѣ эти наши „недостатки“ постороннимъ вольнымъ и невольнымъ наблюдателямъ казались, быть можетъ, важнымъ безпорядкомъ, а между тѣмъ эти кажущіеся безпорядки нисколько не мѣшали школѣ въ достиженіи ея существенной цѣли, давая каждому учителю возможность вести свое дѣло цѣлесообразно, а потому и продуктивно. И учители, и ученики учили и учились не только съ усердіемъ, а и съ любовью; ни въ ученикахъ, ни въ учителяхъ и въ поминѣ не было того, что характеризуется извѣстными словами: отзвонилъ и съ колокольни долой.

На сколько же успѣшно и продуктивно рѣшается школой эта, поставленная себѣ, воспитательная задача, каковы результаты этихъ задачъ? Такъ какъ вообще моральные результаты не осязуемы, то и воспитательные результаты школы теперь тоже пока не осязуемы и могутъ сказаться только въ будущемъ, а въ будущемъ производительность этихъ результатовъ зависитъ всецѣло отъ среды, гдѣ придется жить воспитанникамъ школы. Воспитанники эти теперь почти одиночки въ своей средѣ; если среда ихъ затянетъ, результатовъ положительныхъ, конечно, не будетъ. Такъ какая же цѣль школы, скажетъ кто-либо, если все зависитъ отъ среды,—среда, вѣдь, возметъ свое: одинъ въ полѣ не воинъ.—Да, правда, одинъ въ полѣ не воинъ; но надо, чтобы этотъ воинъ былъ не одинъ. Ближайшая цѣль школы сельской воспитать молодое сельское поколѣніе; ну, а старое поколѣніе пусть прозябаетъ или пусть даже гніетъ? Нѣтъ, думаю я. Цѣль церковной школы именно та, чтобы чрезъ молодое поколѣніе повліять и на старшее—старое поколѣніе. Пусть свѣтъ школы обыметъ и всю семью школьника, пусть черезъ школьника свѣтъ Христовъ осѣнитъ и все его земное жилище. Пусть дѣти учатъ и научаютъ ро-

дителей. Это парадоксъ, скажутъ. Но русская крестьянская жизнь сложилась такъ, что этотъ парадоксъ долженъ и имѣетъ сдѣлаться руководственнымъ правиломъ. Да, правду сказать, и въ нашемъ, такъ именуемомъ, интеллигентномъ бытѣ школа учитъ не только школьниковъ, а чрезъ школьниковъ и ихъ родныхъ и близкихъ; бѣда только въ томъ, что эта школа плоха, и учитъ, конечно, плохому. А церковная сельская школа не должна быть плохою и не будетъ она плохою, потому и не научитъ она ничему плохому, потому что она родная дочь Св. православной церкви, а конечною цѣлью Св. церкви всегда было и есть воспитать нашего родного, но по независящимъ обстоятельствамъ несуразнаго мужика-крестьянина въ разумнаго богомудраго мужа-христіанина. Цѣль далекая, скажетъ кто-нибудь. Не скажите этого. Цѣль не такъ ужъ далека: крестьяне наши еще пока имѣютъ здоровый смыслъ, и это обстоятельство при помощи Божіей приблизитъ ихъ къ цѣли Божественнаго наученія и просвѣщенія. Надо только, чтобы къ этой цѣли мы всѣ, вся церковь православная, шли прямо, не увлекаясь никакими окольными и лукавыми путями. А эту церковь составляемъ мы всѣ: и Царь нашъ, и бояре наши, и правительство наше, и земство наше, и весь народъ нашъ. Пойдемъ же всѣ къ своей цѣли прямымъ путемъ, а мы, священники, и вы, наши помощники—сельскіе учители, при нашей беззавѣтной преданности Св. своей церкви, своему отечеству и Державному Вождю нашему Государю-Царю, мы, какъ служители и приставники Божіи при Св. церкви, поставимъ себѣ въ прямую обязанность и святой долгъ быть передовыми путеводителями русскаго сельскаго народа къ предстоящей цѣли и учителями его. Но, чтобы быть хорошими учителями, намъ надо самимъ много и многому учиться; будемъ же учиться и учить съ любовію; съ любовію къ тому, чему учимъ, и къ тѣмъ, кого учимъ.

А слышите, братіе, гулъ и громъ орудій на дальнемъ востокѣ? Это громъ Божій, это Илія гремитъ на насъ и возвѣщаетъ гнѣвъ Божій на насъ. О, неужели и этотъ громъ не побудитъ и не научитъ насъ укрыться отъ прощенія Божія подъ сѣнь Св. церкви нашей! Да не будетъ сего, и Господь да помилуетъ насъ".

По окончаніи акта гости собрались у меня въ домѣ; за чаемъ одинъ изъ гостей говоритъ мнѣ: „а знаете, батя, вамъ, вѣроятно, сегодняшній актъ принесетъ непріятности: земскій начальникъ недоволенъ вашею рѣчью; говоритъ, что вы своимъ хроническимъ и неодобрительнымъ отзывомъ о свѣтскихъ сельскихъ школахъ возбуждаете рознь и недоброжелательство, и что онъ обязанъ донести объ этомъ губернатору, а вашъ наблюдатель недоволенъ ва-

шими упоминаніями о наблюдателяхъ; говоритъ, что пожалуется архіерею. Не нагорѣло бы вамъ, батя".

— Ну, нагоритъ, такъ нагоритъ, говорю я; намъ, сельскимъ попамъ, къ этому не привыкать стать; я же при томъ уже довольно обгорѣлый. Впрочемъ, говорю, я не думаю, чтобы эти господа сдѣлали такую глупую пошлось. Вѣроятно, подумавъ, они одумаются".

Мнѣ ничего не нагорѣло; вѣроятно, одумались.

В. Иващенко.

Окончаніе.

«Корни ученья горьки»[1].

II.

„Святѣйшаго Правительствующаго Сунода члену Великому Господину Преосвященнѣйшему Іосафу Архіепископу Тверскому.

Всепокорнѣйшее Прошеніе.

Тверского уѣзда погоста Козьмы и Даміана дьячка Василія, сына Тверской Семинаріи бывшей русской рутории ученика Василія Варенцева.

о ниже слѣдующемъ.

По причинѣ моихъ взрослыхъ лѣтъ, и по причинѣ забытія латинскаго языка, ученіе продолжать на латинскомъ діалекѣ встрѣтиться могутъ трудности едва ли преоборимыя: но какъ въ нашемъ селѣ дѣдъ мой священникъ при старости; я же до совѣршенныхъ лѣтъ, въ которыхъ бы могъ получить санъ священника, еще не достигъ.

Того ради Ваше Высокопреосвященство всепокорно прошу меня въ показанное наше село произвѣсть въ діакона въ надѣждѣ полученія священства, и о семъ моемъ прошеніи Архипасторское и и щедроотеческое учинить благоразсмотреніе.

Марта дня.

Къ сему прошенію бывшей русской рутории ученикъ Василій Варенцевъ руку приложилъ.

Резолюція Преосвященнаго: „Высѣчь лозами за недѣльное прошеніе. Марта 12“.

Сообщилъ Арсеній П.

---

[1]) См. «Русская Старина». Мартъ 1909 г.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 28 января по 4 марта 1909 г.

Высшіе женскіе курсы въ С.-Петербургѣ. Краткая историческая записка. 1878—1908 г.г. Спб. 1909. Тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (16×24). 76 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 8 л. 3010 экз.

Матеріалы историческіе. Воззваніе 1703 года о пожертвованіяхъ на постройку храма. (Къ исторіи казанскаго храмозданія). Отд. отт. изъ XXIV т. Изв. о-ва Археологіи, исторіи и этнографіи. Казань. 1909. Тип. университетская. 8° (14×21). 5 стр. Вѣсъ 1 л. 30 экз.

Миллеръ, Орестъ. Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ проф. И. А. Шляпкина. Томъ I. И. С. Тургеневъ. Ѳ. М. Достоевскій. Спб. Изд. 5-е и тип. т-ва М. О. Вольфа (Вас. Остр., 16 линія, собств. д.). 8° (15×22). XX+XIV+390 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 25 л. 3.000 экз.

Основные законодательные акты, касающіеся высшихъ государственныхъ учрежденій въ Россіи XVIII и первой четверти XIX ст. Подъ ред. А. Кизеветтера. М. 1909. Изд. Н. Н. Клочкова. Тип. Вильде (М. Кисловка, св. д.). 8° (18×27). 97 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 12 л. 2.000 экз.

Юнаковъ, Н. Труды Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества. Томъ II. Сѣверная война. Кампанія 1708 – 1709 гг. Военныя дѣйствія на лѣвомъ берегу Днѣпра. Вып. I. Спб. 1909. Тип. Гр. Скачкова (Владимірскій пр., д. 7). 4° (18×25) XXV+183+69 стр. Вѣсъ 1 ф. 1.000 экз.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. 19-й. Спб. 1909. Изд. т-ва

Гранатъ. Тип. Русск. Скоропечатня (Екатерининскій кан., д. 94). 4° (19×27). 129—208 стр. Съ 5 рис. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 21 лотъ. 15.400 экз.

Коршъ, Ѳ. Е. Слово о полку Игоревѣ. Изслѣдованія по русскому языку, т. II, вып. 6-й. Спб. 1909. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9-я линія, № 12). 4° (20×26). LXIII+29 стр. Ц. 95 к. Вѣсъ 14 л. 613 экз.

Никольскій, В. А. Народныя движенія въ Россіи. Семнадцатый вѣкъ. Стенька Разинъ и Разиновщина (Всеобщая библіотека). Спб. 1909. Изд. и тип. „Герольдъ“ (Спб., 7 рота, 26). 16° (11×16). 78 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Пановъ, К. Популярная исторія Россіи отъ начала до нашихъ дней. Кн. I. Спб. 1909. Изд. книгоиздат. „Ясная Поляна“, 2-е испр. и доп. Тип. Четверикова (Караванная ул., д. 7) и Улыбина (Загородный, 8). 8° (16×23). 160 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 13 лот. 10.000 экз.

Санинъ, Н. А. Новѣйшія археологическія находки въ Чердынскомъ краѣ. Казань. 1909. Изд. Общ. археологіи при унив. Тип. университетская. 8° (16×24). 6 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Сержпутовскій, И. Справочникъ о русскихъ книгахъ гражданской печати, изданныхъ въ свѣтъ съ 1708 по 1855 годъ. Вып. I. А—Аллеръ. Спб. 1909. Тип. „Общественная Польза“ (Б. Подъяческая ул. д. № 39). 8° (17×25) XI+80 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 8 лот. 480 экз.

Сибирцевъ, І. М. и Шахматовъ, А. А. Еще нѣсколько двинскихъ грамотъ XV вѣка. Изслѣдованія по русскому языку. Т. II, вып. 5. Спб. 1909. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9-я л., 12). 8° (20×24). 23 стр. Съ 3 табл. Складъ: Академія Наукъ. Ц. 45 к. Вѣсъ 5 л. 613 экз.

Исторія русской литературы XIX в. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. М. 1909 г. Изд. т-ва „Міръ“ (Б. Никитская, 22). Тип. И. Кушнеревъ и К° (Пименовская, соб. д.), 8° (18×27). 401—428+48 стр. Вѣсъ 22 л. 7.000 экз.

Кизеветтеръ, А. А. Городовое положеніе Екатерины II 1785 г.

Опытъ историческаго комментарія. М. 1909. Тип. Университетская. 8° (17×25). X+473 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 25 л. 300 экз.

Котляревскій, Несторъ. М. Ю. Лермонтовъ, личность поэта и его произведенія. Спб. 1909. Изданіе 3-е. Тип. М. Стасюлевича (Вас. Остр., 5 линія, 28). 8° (16×23). 333 стр. Ц. 2 руб. Вѣсъ 1 ф 6 л. 3.100 экз.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н., проф. Теорія поэзіи и прозы. Руководство для средней школы и для самообразованія. М. 1909. Изд. и тип. И. Д. Сытина, 2-е (Пятницкая, св. д.). 8° (14×21). 199 стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 19 л. 10.000.

Памяти Николая Васильевича Гоголя. По случаю истеченія 100 лѣтъ со дня рожденія. Одесса. 1909. Изд. и тип. М. Шпенцера, Новосельская, 66). 8° (15×22) 32 стр. Вѣсъ 4 л. 10.000 экз.

Памяти Л. И. Поливанова (Къ 10-лѣтію его кончины). М. 1909. Тип. т-ва И. Н. Кушнерева и К° (Пименовск., св. д.). 8° (17×25). VI+182 стр. Съ портр. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 30 л. 1.000 экз.

Памяти Н. И. Стороженко. М. 1909. Изд. Общ. Люб. Росс Словесности. Тип. А. Снегиревой. 8° (17×23). 187 стр. Съ портр. Ц. 1 р. Вѣсъ 31 л. 600 экз.

Щепкина, Е. Н. Краткій очеркъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до реформъ XX вѣка. Спб. 1909. Изд. 4-е, пересмотр и доп. Тип. Стасюлевича (В. О., 5 л., № 28). 8° (16×24). X+ +382 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 3.000 экз.

Вѣстникъ археологіи и исторіи. Вып. XVIII. Спб. 1909. Изд. Археологич. института. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (18× ×27). XX+85+228 стр. Съ табл. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 300 экз.

Горсей, Джеромъ, сэръ. Записки о Московіи XVI вѣка. Переводъ съ англ. Н. А. Бѣлозерской, съ предисловіемъ и примѣчан. Н. И. Костомарова. Россія въ концѣ XVI столѣтія. Спб. 1909. Изд. и тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 4° (21×30). 159 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 1.200 экз.

Изданія Имп. Археографической комиссіи, имѣющіяся въ продажѣ къ 1-му января 1909 г. (каталогъ). Спб. 1909. Тип. Сенатская. 8° (17×24). IX стр. Вѣсъ 1 л. 250 экз.

Старина и новизна. Историческій сборникъ. Кн. XIII. Спб. 1909.

Изд. общ. ревнит. русск. истор. просвѣщ. (Фонтанка, 34). Тип. М. Стасюлевича (Б. Остр., 5 л., 28). 4° (20×28). 301 стр. Ц. 2 руб. Вѣсъ 2 ф. 10 л. 1.000 экз.

Шляпкинъ И. А., проф. Возрасты человѣческой жизни (изъ литературной исторіи человѣческихъ понятій). Рѣчь. Спб. 1909. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (18×27). 39 стр. Съ таб. Вѣсъ 16 л. 200 экз.

Чижъ, В. Ф., проф. Матеріалы къ исторіи Юрьевскаго университета. Юрьевъ. 1909. Тип. В. Маттисена (Обводная, 4). 8° (15×23), 42 стр. Вѣсъ 2 л. 600 экз.

Анго, Е. Соперничество на Балканахъ. Историко-политическій очеркъ. Перев. съ французскаго. Спб. 1909. Тип. Графич. Института. (Загородный, 17). 16° (12×17). 28 стр. Ц. 20 коп. Вѣсъ 3 лота. 3.000 экз.

Василичъ, Г. Императоръ Александръ I и старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ. По воспоминаніямъ современниковъ и документамъ. М. 1909. Изд. т-ва „Образованіе“ (Долгоруковск. 87). Тип. Русск. Т-ва. 8° (17×25). 157 стр. Съ портрет. и рис. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 12.000 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи. Вып. 29-й Спб. 1909. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая улица, 40). 8° (19×28) 168 стр. Съ табл. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 900 экз.

Иконниковъ, В. С., проф. Опытъ русской исторіографіи. Томъ II. Книги 1-я и 2-я. Кіевъ. 1908. Тип. Акц. О-ва Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (18×26). III+1057—1955+XXXIII——XLIX+113+XI+5+10+1056+XXXII стр. Ц. 10 руб. Вѣсъ 7 ф. 1.200 экз.

Исторія русской литературы. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 3-й. М. 1909. Изд. т-ва „Міръ“, 2-е (Б. Никитская, 22). Тип. И. Кушнерева и К° (Пименовская, св. д.) 8° (19×××28). 161—240 стр. Съ рис. Вѣсъ 21 л. 2.000 экз.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ I-ый. Гоголь. Спб. 1909. Изд. Обществ. Польза и „Прометей“. Тип. „Общественная Польза“ (Б. Подъяческая, 39) 8° (16×23). 196 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 21 л. 4.000 экз.

Платоновъ, С. Ѳ., проф. Лекціи по русской исторіи. Спб. 1909. Изд. 6-е, испр. и дополнен. Блинова (Сергіевская, 75). Тип. Сенатская. 8° (17×25). 664 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 2 фун. 6 лот. 4.500 экз.

Черевансκій, Вл. Послѣдній вздохъ Византіи. Историческая Монографія. Спб. 1909. Тип. Государственная. 8° (19×27). II+223 стр. Съ рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 1.250 экз.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Дмитрій Антоновичъ
Скалонъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1909 годъ.

Вступая въ 1909 году на сороковой годъ своего существованія, „**Русская Старина**“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ **1909** году:

А. Ѳ. Кони—«Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля»,—«Житейскія встрѣчи». Изъ архива А. Ѳ. Кони.—«Письма А. И. Чупрова съ предисловіемъ и др.». **П. О. Пирлинга**—«Папскій представитель при русскомъ дворѣ Lorenzo Litta 1797—1799». **Г. П. Георгіевскаго**—«Гоголь въ его новыхъ письмахъ». **Князя А. Д. Оболенскаго** — «Мои воспоминанія о великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ». Воспоминанія **И. И. Янжула** «О пережитомъ и видѣнномъ» 1864—1909 гг. **П. М. Ковалевскаго**—«Встрѣча на жизненномъ пути», «Николай Алексѣевичъ Некрасовъ», «Власти предержащія», «У Черныша моста», «Въ Главномъ Адмиралтействѣ», «На Мойкѣ». **Г. К. Градовскаго** — «Изъ минувшаго». Записки сенатора Есиповича. **М. В. Безобразовой** – «Дневникъ академика В. П. Безобразова». П. Д. Паренсова. Изъ прошлаго: «Русскія войска передъ Константинополемъ въ 1878 г.» **Н. Р. Овсянаго**—«Устроители Болгаріи: Кн. Черкасскій, Кн. Дондуковъ-Корсаковъ, ген. Столыпинъ».—Записки основателя «Русской Старины»—**М. И. Семевскаго. Д. А. Скалона** — «На службѣ при Е. И. В. Главнокомандующемъ В. К. Николаѣ Николаевичѣ 1864—1876 гг.». **А. В. Шомпулева**—«Изъ записокъ стараго помѣщика». Ѳ. Г. Тернера «Воспоминанія жизни». **А. Ф. Петрушевскаго**—«Первые годы службы». **В. Ф. Руднева**—На крейсерѣ «Африка». **В. Д. Корсаковой**—«Дипломатическія депеши датскаго посланника Вестфалена о воцареніи Императрицы Анны Іоанновны». **Л. Л. Драке**—«Въ Финляндіи». **Н—ъ**—«Изъ манджурской арміи въ нѣдра читинской революціи». **А. Воронова**—«Воспоминаніе о гр. Э. И. Тотлебенѣ».—Записки артиста Петербургской оперной группы, Солиста Е. В., И. А. Мельникова». **И. И. Оноре**—«11 лѣтъ въ театрѣ».—Письма П. И. Чайковскаго, И. А. Мельникову. **Дитлова**—«Въ походѣ и въ бою на «Адмиралѣ Ушаковѣ». **Крылова**—«Какъ бѣднѣла деревня». **А. М. Лебедева**—«Митрополитъ Филаретъ».—Воспоминанія **Тургенева, Де-Санглена, Леваковскаго, Юдина, Семенова** и др.; **А. А. Чебышева**—Письма П. А. Катенина Н. Н. Батхину. Воспоминанія изъ русско-японской войны и изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ.

Глава II [1]).

Обученіе войскъ. — Измѣненія вооруженія. — Новыя требованія. — Смотръ стрѣльбы артиллеріи. — Лагерь 1869 года. — Асташевъ даритъ мнѣ коня. — Прекрасная Елена. — Репетиціи. — Клейнмихель. — Дача и фотографія Асташева. — Отрядные маневры. — Непогода. — Маневръ 2 іюля. — Тревога. — Театръ. — Скачки.

Дѣло службы шло у Его Высочества впереди всего. Великій Князь занимался обученіемъ и руководствомъ войсками съ необыкновеннымъ рвеніемъ и усердіемъ. Войска были его отрадою.

Надо отдать справедливость Государю и военному министру, Дмитрію Алексѣевичу Милютину, что Его Высочеству въ отношеніи обученія войскъ была предоставлена полная свобода.

Съ измѣненіемъ вооруженія, съ появленіемъ орудій и ружей, заряжающихся съ казенной части, характеръ тактическаго обученія совершенно измѣнился.

Для линейнаго обученія войскъ, Красносельское поле было совершенно достаточно, одновременно вмѣщая: на одномъ краю стрѣльбу нѣсколькихъ частей; въ серединѣ ученье дивизіи пѣхоты, на другомъ краю—ученье кавалерійской дивизіи, у такъ называемой 2-й версты Гатчинскаго шоссе. Кромѣ того между авангарднымъ и главнымъ лагеремъ производился какой-либо маневръ; все это обучалось и другъ другу не мѣшало.

Съ конца шестидесятыхъ годовъ выступили впередъ требованія маневрированія и появились болѣе тонкіе строи, занимавшіе

---

[1]) См. „Русская Старина“, май 1909 г.

*

огромныя пространства, какъ по фронту, такъ и въ глубину—все это съузило наше Красносельское поле и заставило уходить далеко за его предѣлы.

Туго прививались новыя требованія ко многимъ изъ старшихъ начальниковъ; сознательность въ производимыхъ дѣйствіяхъ и примѣненіе устава къ данной обстановкѣ затрудняли ихъ, привыкшихъ къ голымъ формамъ устава, исполнявшимся безъ разсужденій.

Вмѣсто линейныхъ ученій, съ ружейными пріемами и небольшими упражненіями въ разсыпномъ строю, производившимися большую часть лагеря,—перешли къ обученію маневрированія, начиная съ небольшихъ соединеній трехъ родовъ оружія, какъ: баталіонъ и эскадронъ съ двумя орудіями, затѣмъ болѣе крупныя соединенія—полкъ противъ полка, бригада противъ бригады. Сталъ вводиться обозначенный противникъ; и наконецъ Его Высочество завелъ ученье съ боевыми патронами.

Великій Князь обратилъ особое вниманіе на обученіе стрѣльбѣ артиллеріи, чѣмъ возбуждалъ противъ себя неудовольствіе главнаго артиллерійскаго управленія и артиллеристовъ, цѣпко державшихся за старую рутину.

Его Высочество прекратилъ эффектные смотры артиллеріи, когда всѣ батареи Красносельскаго лагеря выстраивались въ одну линію и громили мишени съ заранѣе опредѣленныхъ разстояній.

Въ первый же свой смотръ Великій Князь на предварительно выбранной имъ позиціи приказалъ разставлять мишени офицерамъ генеральнаго штаба, затѣмъ вызывалъ нѣсколько батарей по своему выбору и указывалъ, кому въ какія мишени стрѣлять.

Первое время результаты оказались поразительные въ отрицательномъ смыслѣ: случалось, что въ мишень не попадалъ ни одинъ снарядъ. Отчасти это зависѣло оттого, что приходилось точно опредѣлять дистанціи при маломъ числѣ положенныхъ для сего выстрѣловъ или отъ неровности мѣстности, на которую до того не обращалось вниманія; такъ напримѣръ Его Высочество расположилъ мишени по Кирхгофскому кряжу, при чемъ — впереди и позади нѣкоторыхъ изъ нихъ тянулись углубленія, незамѣченныя издали; снаряды падали въ эти углубленія и не обозначали недолета и перелета; мишени оказались нетронутыми и ужасно смутили артиллеристовъ.

Противъ очевидности нельзя было спорить, пришлось согласиться съ Его Высочествомъ и измѣнить порядокъ производства смотровъ.

Въ 1868 году лагерь былъ очень бойкій. Весь іюнь погода простояла хорошая, было жарко. 5-го Государь и Императрица

объѣзжали лагерь, слушали зарю съ церемоніею, были затѣмъ въ театрѣ; 6-го состоялся парадъ.

Все сошло благополучно, только подъ конецъ парада выпалъ дождь и насъ сильно промочило. Уланы прошли лучше всѣхъ, потомъ кавалергарды. Государь былъ веселъ и доволенъ.

Послѣ парада установилась пасмурная погода, такъ что Его Высочество откладывалъ нѣкоторыя ученія.

На смотру стрѣльбы артиллеріи В. И. Асташевъ, мой большой пріятель изволилъ сѣсть на только-что пріобрѣтенную имъ казачью лошадь, которая его занесла. Асташевъ далъ слово больше на нее не садиться и подарилъ ее мнѣ.

Это была черноморская лошадь, бурой масти, необыкновенной силы, на которой я прослужилъ 8 лѣтъ адъютантской службы, при чемъ продалъ всѣхъ остальныхъ своихъ лошадей; а было ихъ три.

Я ужасно привязался къ этой лошади и было отчего: она знала только меня.

Въ первый разъ, когда я на нее сѣлъ, то попросилъ Его Высочество послать меня вдаль съ приказаніями.

Предварительно я замунштучилъ ее простымъ гладкимъ мунштукомъ, смѣнивъ строгій мунштукъ, на которомъ она носила Асташева, затѣмъ вооружился гутаперчевымъ хлыстомъ.

Великій Князь послалъ меня отъ Царскаго валика передать приказаніе въ отрядъ, дѣйствовавшій около Тярлева, это будетъ верстъ шесть.

Лошадь съ мѣста меня понесла, а я далъ ей волю и все время нагрѣвалъ хлыстомъ, придерживая на поворотахъ и началъ останавливать только тогда, когда увидѣлъ голову отряда. Это мнѣ удалось: я передалъ приказаніе и, воображая, что справился, поѣхалъ шажкомъ, свернувъ съ дороги по прямому направленію; потомъ перешелъ въ рысь, а затѣмъ моя Бурка, какъ я назвалъ лошадь, поскакала и снова понесла.

Мѣстность эта покрыта кустарникомъ съ камнями и ямами, которые я однако благополучно миновалъ.

Послѣ перваго опыта, я мало по малу примѣнился къ лошади и привязался къ ней, какъ къ вѣрному другу.

На смотру кавалергардовъ мой зять М. А. Сатинъ ѣздилъ передъ 4 взводомъ 4 эскадрона. При одномъ построеніи онъ повернулъ взводъ въ противоположную сторону, за что Его Высочество, сдѣлавъ замѣчаніе, приказалъ мнѣ шутя накласть ему въ шею.

Этимъ лѣтомъ въ театрѣ у насъ въ первый разъ давали „Прекрасную Елену“ съ В. А. Лядовой и Сазоновымъ.

На репетиціи я игралъ въ оркестрѣ, что меня очень забавляло.

Вечеромъ по воскресеньямъ театръ былъ полонъ; въ остальные дни большей частью бывало довольно пусто.

18 іюня была назначена стрѣльба артиллеріи на неопредѣленной дистанціи, при чемъ Великій Князь ошибся и снялъ батареи съ передковъ за 2 версты отъ мишени, вслѣдствіе чего изъ всего количества пущенныхъ ядеръ попало только одно, проклятыя же гранаты сдѣлали свое дѣло.

Въ тотъ же день Великій Князь разсердился во время репетиціи въ театрѣ на оркестръ и возложилъ на меня отвѣтственность за балетную музыку. Вина была переписчика нотъ; оркестръ же у насъ былъ составленъ изъ лучшихъ музыкантовъ русской и итальянской оперы, которые не играютъ въ садахъ. Въ ихъ числѣ были такіе артисты, какъ: Альбрехтъ, Вейкманъ, Нитманъ, Пешко, Вурмъ и Ждановъ.

Клейнмихель получилъ въ свое распоряженіе буфетъ, такъ какъ труппы жаловались, что буфетчикъ плохо кормитъ.

У насъ съ Клейнмихелемъ все согласныя порученія, одинаковые чины, награды и по относительному сходству насъ принимаютъ за братьевъ и шутя называютъ „двумя Аяксами“. По этому случаю мы одѣлись Аяксами и снялись въ фотографіи Асташева.

Асташевъ отдѣлалъ себѣ дачку за театромъ и устроилъ фотографію. Во время антрактовъ мы школьничали, бѣгали къ Асташеву на дачу, пробовали его винный погребъ.

Въ этотъ лагерь насъ совсѣмъ одолѣли отрядные маневры небольшихъ частей войскъ въ составѣ 3-хъ родовъ оружій.

Погода стояла холодная съ безпрерывными дождями. Я только разъ купался. Все платье промокло, козырекъ на кепи превратился въ тѣсто, мундиръ съежился, сапоги раскисли, а бѣлье—что ни пріѣдешь—надо смѣнять.

2 іюля погода разгулялась, вещи стали просыхать. Вечерній маневръ былъ интересенъ, потому что Наслѣдникъ командовалъ одной, а Великій Князь Владиміръ Александровичъ другой стороной.

Его Высочество скакалъ и леталъ изъ одного отряда въ другой. Въ началѣ маневра, чтобы занять впереди лежащія укрѣпленныя мѣста и остановить наступленіе драгунъ В. К. Владиміра Александровича,—Цесаревичъ выслалъ впередъ гусаръ и уланъ съ морскою учебною ротой на подводахъ подъ командой В. К. Алексѣя Александровича.

Къ великому неудовольствію В. К. Алексѣя Александровича его поѣздъ открыли казаки и окружили, вслѣдствіе чего Его Высочество отправилъ В. К. Алексѣя съ его ротою въ плѣнъ къ В. К. Владиміру Александровичу.

Когда пѣхота съ той и другой стороны сошлась—открыли огонь, и начался переходъ мѣстныхъ позицій изъ рукъ въ руки, пока Великій Князь не ударилъ отбой.

Позавтракавъ послѣ ученія, Великій Князь поѣхалъ со мной въ театръ на репетицію. Давали въ первый разъ балетъ „Василискъ“, я забылъ ключъ отъ віолончели и, сѣвъ на извощика только поднялся въ гору, какъ вижу ракету, другую, третью!

Ну, тревога! и погналъ извощика.

Подъѣзжаю къ дворцу, встрѣчаю осѣдланную лошадь, вскочилъ на нее, а тутъ и Его Высочество летитъ въ каретѣ.

Сѣсть верхомъ и проскакать $2^1/_2$ версты въ большой лагерь, гдѣ Государь поднялъ тревогу, было для Великаго Князя дѣломъ десяти минутъ.

Когда мы нашли Государя, было $2^1/_2$ часа. Государь раздѣлилъ войска на два отряда и взялъ себѣ большую половину: двѣ гвардейскія дивизіи съ кирасирами, а Великому Князю назначилъ 37 пѣхотную дивизію съ двумя стрѣлковыми баталіонами и легкую кавалерію съ тремя конными батареями.

Его Высочество отвелъ свои войска за Кавелахту, Раскино и Лабораторію и сталъ ожидать наступленія Государя.

Государь перевелъ свои войска въ авангардный лагерь и перешелъ въ наступленіе.

Великій Князь вынесъ на позицію три конныхъ батареи и, осыпавъ огнемъ царскія колонны, ринулся на пѣхоту, бригадою уланъ и гусаръ, а драгунами и конногренадерами атаковалъ правый флангъ Государя. Картина была великолѣпная.

Государь подкрѣпилъ свои наступавшія части изъ резервовъ и снова повелъ атаку на проломъ, имѣя противъ себя наши стрѣлковые баталіоны.

Великій Князь подъ прикрытіемъ огня своей артиллеріи перешелъ въ отступленіе, завлекая войска Государя въ пространство между Лабораторіею, занятою отступившими стрѣлками, и Кавелахтскими высотами, за которыми была скрыта 37 пѣхотная дивизія.

Пустивъ такимъ образомъ сторону Государя въ нашъ центръ, Его Высочество неожиданно открылъ огонь по всему кряжу Кавелахтскихъ высотъ и повелъ атаку съ фронта и фланговъ.

Войска сошлись, началась путаница, и Государь далъ отбой.

Его Величество былъ очень доволенъ, благодарилъ Великаго Князя и войска.

Я посмотрѣлъ на часы—было шесть. Лошади и мы утомились до крайности.

Возвратясь домой, мы поѣхали купаться и не могли достаточно

насладиться свѣжестью воды; въ семь вечера вернулись домой, пообѣдали и направились съ неутомимымъ Великимъ Княземъ въ театръ.

Однако сегодня и онъ жалуется, что и тутъ и тамъ болитъ.

Я описалъ все это, чтобы дать образецъ нашихъ лагерныхъ трудовъ.

Передъ театромъ успѣлъ захватить 5 ф. хлѣба и полакомилъ моихъ вѣрныхъ друзей, которые меня лихо носятъ по Красносельскимъ полямъ.

Въ антрактахъ мы ходили къ Асташеву прохлаждаться и пить шампанское. Къ сожалѣнію, онъ неожиданно долженъ былъ уѣхать въ Сибирь, а все свое хозяйство оставилъ въ моемъ и Клейнмихеля завѣдываніи для угощенія Великихъ Князей.

Въ этотъ вечеръ удостоилъ чести домъ Асташева Великій Князь, Наслѣдникъ, Владиміръ и Алексѣй Александровичи, о чемъ я Асташеву сообщилъ телеграммой.

Дождямъ у насъ конца нѣтъ, погода все больше холодная.

На смотру учебнаго эскадрона и школы поднялась буря съ такимъ дождевымъ потокомъ, продолжавшимся двадцать минутъ, что на насъ не осталось сухого мѣстечка. На другой день также промочило, а день былъ скачекъ, впрочемъ, это общая ихъ участь; обыкновенно въ этотъ день всегда идетъ дождь и скакать приходится по мокрой вязи.

Проигравъ на репетиціи балета „Василискъ“, я опоздалъ къ обѣду и пріѣхалъ на скачки голоднымъ, но къ моему удовольствію Государь назначилъ Свой обѣдъ въ палаткѣ на скачкѣ, а потому и для избранныхъ было приготовлено двадцать лишнихъ кувертовъ.

Питаясь, я смотрѣлъ на скакуновъ, а со скачекъ поѣхалъ съ Его Высочествомъ въ театръ.

8-го вечеромъ Великій Князь заболѣлъ, и мы не поѣхали на смотръ, это въ первый разъ послѣ того, что я сопровождалъ Его Высочество въ лагерь; это первое чудо! У него сдѣлалась такая сильная мигрень, что докторъ Карель уложилъ его въ постель—это другое чудо! Но сегодня Великій Князь уже здоровъ.

Къ намъ пріѣзжаетъ иногда на ученіе Василій Даниловичъ Скалонъ съ маленькимъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ, котораго это крайне забавляетъ и который радъ и счастливъ провести время съ отцомъ.

Д. А. Скалонъ.

Воспоминанія о началѣ развитія каменноугольной промышленности въ Россіи.

Горнаго инженера А. А. Ауэрбахъ.

I.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, съ постройкой на югъ отъ Москвы желѣзныхъ дорогъ, являющихся крупными потребителями топлива, началась, какъ ее тогда называли, угольная горячка; какъ русскіе, такъ и иностранные, капиталисты бросились за поисками каменнаго угля, нахожденіе какового было извѣстно въ Подмосковскомъ бассейнѣ (въ Тульской и Рязанской губерніяхъ) и въ Донецкомъ бассейнѣ (Земля Войска Донского и восточная часть Екатеринославской губерніи). Хотя уголь Подмосковнаго бассейна по качеству гораздо ниже угля Донецкаго бассейна, однако благодаря большей близости перваго къ рынкамъ сбыта, первое время все вниманіе иностранныхъ капиталистовъ было обращено исключительно на Подмосковный бассейнъ. Состоя въ это время адъюнктомъ при Горномъ Институтѣ и имѣя лѣто свободнымъ, я принималъ на себя производство развѣдочныхъ работъ въ Подмосковномъ бассейнѣ и на лѣто 1870 года получилъ приглашеніе отъ англійскаго банкирскаго дома Томсонъ и Боннаръ произвести развѣдочныя работы въ имѣніи князя Р. А. Оболенскаго около села Новоселебнаго, верстахъ въ 30 отъ Тулы, близъ нынѣ существующей ст. Оболенской Сызрано-Вяземской дороги, тогда еще не существовавшей. Я принадлежалъ къ числу очень немногихъ русскихъ горныхъ инженеровъ, принимавшихъ участіе въ изслѣдованіи угольныхъ мѣсторожденій, такъ какъ тогда относились съ большимъ недовѣріемъ къ знаніямъ русскихъ инженеровъ, и не только иностранные предприниматели, но и русскіе, приглашали большею частью для производства работъ иностранцевъ, при чемъ къ великому моему удивленію я не зналъ между послѣд-

ними ни одного дѣйствительнаго горнаго инженера или хотя бы практически хорошо знающаго горное дѣло, а все это были нахлынувшіе въ Россію самозванные инженеры и при томъ полные невѣжды; но удивительнѣе всего, что большинство этихъ господъ получили мѣста по рекомендаціи бывшаго тогда директоромъ Горнаго Института, академика ген.-лейт. Гельмерсена, въ глазахъ котораго всякій нѣмецъ заслуживалъ болѣе довѣрія, чѣмъ любой русскій, и, довольствуясь собственными показаніями этихъ выходцевъ, давалъ имъ рекомендаціи на различные рудники или развѣдочныя работы. Если бы я лично не зналъ многихъ изъ этихъ господъ, я бы никогда не повѣрилъ, что такимъ людямъ могутъ быть поручаемы такія отвѣтственныя работы; такъ, напримѣръ: на одномъ рудникѣ, уже находившемся въ эксплоатаціи, завѣдующимъ рудникомъ былъ бывшій патеръ изъ Вестфаліи; на другомъ рудникѣ завѣдующимъ былъ бывшій фрейбергскій почтальонъ и развѣдочными работами, которыя перешли потомъ въ мое вѣдѣніе, завѣдывалъ нѣмецъ Клацо, служившій до того провизоромъ въ Люттихѣ въ Бельгіи. Всѣ эти господа, служа въ мѣстностяхъ, гдѣ много рудниковъ, которые имъ быть можетъ случалось посѣщать, воображали, что для такой страны, какъ Россія, и ихъ свѣдѣній въ горномъ дѣлѣ достаточно, и смѣло брались за совершенно незнакомое имъ дѣло, за что впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ г. Клацо, поплатились жизнью. Грустная исторія этого Клацо настолько характерна, что считаю не безъинтереснымъ сообщить ее. Нѣкій полковникъ А. А. Зубовъ, вмѣстѣ съ Д. Н. Гурьевымъ и въ компаніи съ французскимъ обществомъ, заключилъ договоръ съ землевладѣлицей Епифанскаго уѣзда, Тульской губерніи, А. А. Игнатьевой на право развѣдки и затѣмъ и разработки въ ея имѣніи каменнаго угля; заключивъ этотъ договоръ, полковникъ Зубовъ обратился къ директору Горнаго Института генералу Гельмерсену, съ просьбой рекомендовать ему горнаго инженера, которому онъ могъ бы поручить производство развѣдочныхъ работъ на заарендованномъ имъ мѣсторожденіи, и генералъ Гельмерсенъ рекомендовалъ ему г. Клацо изъ Люттиха. Сей послѣдній, хотя и видалъ въ Бельгіи угольные рудники, не имѣлъ никакого понятія о томъ, какъ тѣ шахты, которыя онъ видалъ, проходятся, а потому не съумѣлъ провести и простого развѣдочнаго шурфа. Прибывъ на мѣсто съ цѣлой партіей рабочихъ, между которыми къ сожалѣнію не было ни одного опытнаго горнорабочаго, онъ узналъ, что уголь былъ тамъ открытъ много лѣтъ тому назадъ, совершенно случайно, при рытьѣ крестьянами колодца, который за дурнымъ качествомъ воды былъ брошенъ; куски же добытаго изъ этого колодца угля сохранились у управляющаго имѣніемъ, и они-то и послужили

поводомъ для производства развѣдокъ, когда началась угольная горячка; выходовъ же угля на поверхность нигдѣ не было. Не зная, какъ приступить къ развѣдкѣ, г. Клацо счелъ за лучшее расчистить тотъ самый колодезь, въ которомъ былъ нѣкогда открытъ уголь, но который былъ заваленъ землей. Когда стали расчищать колодезь, то Клацо не догадался, или вѣрнѣе не съумѣлъ даже перекрѣпить его, т. е. замѣнить старую, сгнившую крѣпь новою, а довольствовался тѣмъ, что ставилъ стоймя вдоль колодца доски, заколачивая между двухъ противуположныхъ досокъ распорки. Такъ какъ деревенскіе колодцы роются обыкновенно не болѣе полутора или много двухъ аршинъ въ сторонѣ, то этими распорками колодезь былъ такъ перегороженъ, что человѣкъ съ трудомъ могъ между ними пробираться; а вынимаемую изъ колодца землю приходилось поднимать въ небольшомъ желѣзномъ ведрѣ, такъ что расчистка этого колодца, глубиною около десяти саженъ, продолжалась нѣсколько недѣль и обошлась дороже, чѣмъ прохожденіе по сосѣдству новаго шурфа, при чемъ работа эта была чрезвычайно опасная и въ концѣ концовъ погубила самого производителя работъ и чуть не стоила жизни одного рабочаго, спасшагося какимъ-то чудомъ. Произошло это несчастіе слѣдующимъ образомъ: когда рабочій, работавшій въ колодцѣ, добрался наконецъ до дна его, состоявшаго изъ пласта каменнаго угля, и отправилъ на верхъ ведерку съ кусками наломаннаго имъ угля, г. Клацо пожелалъ самъ осмотрѣть пластъ угля и спустился въ колодезь; наполнивъ ведерку наломаннымъ углемъ, онъ отправилъ ее кверху, а самъ сталъ продолжать ломать уголь; рабочій же, чтобы дать ему мѣсто, прижался въ уголокъ колодца, что и спасло его; вдругъ раздается трескъ, и въ колодезь летятъ нѣсколько распорокъ и распиравшихся ими досокъ, а затѣмъ заваливается и та часть колодца, изъ которой выпали распорки и поддерживаемыя ими доски; Клацо былъ при этомъ убитъ на мѣстѣ и упалъ не пикнувши, рабочій же не получилъ никакого ушиба благодаря тому, что упавшія въ колодезь доски загородили его и защищали отъ валившейся на нихъ породы; но онъ оказался заживо погребеннымъ, не имѣя никакой возможности выбраться изъ колодца, при чемъ положеніе его отягощалось еще тѣмъ, что непосредственно надъ угломъ находился пропластокъ плывучаго песку, которымъ ему стало засасывать ноги. На поверхности же, послѣ обвала въ колодцѣ, произошло полное смятеніе, и никто не зналъ, что надо предпринять для спасенія заваленныхъ въ колодцѣ двухъ человѣкъ; наконецъ додумались послать въ сосѣднее село, за проживавшими въ немъ спеціалистами колодезниками, проходившими въ свое время и сей злосчастный колодезь. Колодезники эти прибыли съ возможной

поспѣшностью и немедленно приступили къ работѣ; но какъ они ни старались, они достигли до дна колодца лишь къ концу третьихъ сутокъ, потерявъ почти всякую надежду извлечь хотя бы одного живого человѣка; какова же была ихъ радость, когда они увидали стоящаго въ углу, за досками, рабочаго, не только живымъ, но и въ сознаніи, только страшно ослабѣвшимъ. Трудно понять, какъ могъ онъ выдержать трое сутокъ въ такомъ мучительномъ положеніи и безъ пищи. Не мало стоило труда высвободить ноги этого несчастнаго, которыя затянуло плывуномъ по колѣни; но, слава Богу, въ концѣ концовъ его высвободили и благополучно подняли на поверхность. Вся эта исторія мнѣ хорошо извѣстна, такъ какъ мнѣ пришлось продолжать эти, такъ печально начавшіяся, развѣдки. Когда полковникъ Зубовъ получилъ извѣстіе о гибели несчастнаго Клапо, онъ бросился искать другого инженера, но лѣтомъ онъ никого въ Петербургѣ найти не могъ и, узнавъ, что я произвожу работы около села Новоселебнаго, въ 60 верстахъ отъ мѣста его работъ, обратился ко мнѣ съ просьбой взять его работы подъ мое руководство, на что я съ удовольствіемъ согласился и произвелъ детальную развѣдку мѣсторожденія въ имѣніи г-жи Игнатьевой, но къ сожалѣнію какъ тутъ, такъ и около Новоселебнаго, мѣсторожденія оказались не заслуживающими разработки. Оставшись очень довольнымъ представленнымъ мною отчетомъ о работахъ, произведенныхъ въ имѣніи Игнатьевой, хотя и давшихъ отрицательный результатъ, полковникъ Зубовъ уже съ осени впередъ пригласилъ меня на работы въ слѣдующемъ году, предполагая производить развѣдки еще въ другихъ мѣстахъ, въ той же Тульской губерніи. Слѣдующее лѣто, т. е. 1871 года, мнѣ пришлось производить развѣдочныя работы одновременно въ двухъ мѣстахъ, но и тутъ также мѣсторожденія оказались не заслуживающими разработки, и тогда Зубовъ рѣшилъ воспользоваться предложеніемъ тульскаго сахарозаводчика Вернекинга—купить у него угольный рудникъ, который былъ имъ устроенъ около того же Новоселебнаго, гдѣ я работалъ въ 1870 году, но находящагося на землѣ князя Д. Д. Оболенскаго. Близость этого рудника къ имѣнію князя Р. А. Оболенскаго и послужила поводомъ къ производству развѣдокъ и въ семъ послѣднемъ, но къ сожалѣнію оказалось, что пластъ угля, разрабатываемый въ имѣніи князя Д. Д. Оболенскаго, не переходитъ въ имѣніе его сосѣда. Войдя въ соглашеніе съ Вернекингомъ, но не заключивъ еще окончательнаго договора съ нимъ, Зубовъ пригласилъ меня управлять этимъ рудникомъ, на что я согласился и для чего долженъ былъ оставить занимаемое мною мѣсто адъюнкта въ Горномъ Институтѣ, что я сдѣлалъ безъ сожалѣнія, такъ какъ

практическая дѣятельность привлекала меня гораздо болѣе профессуры. Но къ великому удивленію, какъ моему, такъ и Зубова, съ которымъ я заключилъ контрактъ на нѣсколько лѣтъ, Вернекингъ внезапно отказался отъ продажи своего рудника за условленную цѣну и сталъ требовать значительно дороже. Находя назначенную имъ цѣну не соотвѣтствующей стоимости рудника, я уговорилъ Зубова на требованія Вернекинга не соглашаться, да и вообще совѣтовалъ ему бросить Подмосковный бассейнъ и начать лучше угольное дѣло въ Донецкомъ бассейнѣ, обладающемъ углями несравненно высшаго качества, чѣмъ въ Подмосковномъ бассейнѣ. Французское Общество, бывшее въ компаніи съ Зубовымъ и Гурьевымъ, долго на это не рѣшалось, главнымъ образомъ, потому, вѣроятно, что оно получило въ это время концессію на канализацію Москвы рѣки и устройство на ней туэрнаго пароходства и желало снабжать свои туэра углемъ со своихъ же рудниковъ, расположенныхъ болѣе близко, чѣмъ Донецкій бассейнъ. Такимъ образомъ я оставался долгое время безъ всякаго дѣла и, не желая пользоваться заключеннымъ мною съ Зубовымъ контрактомъ, обезпеченнымъ крупной неустойкой, предложилъ его расторгнуть, что̀ и было сдѣлано въ маѣ 1872 года; а въ августѣ того же года я былъ вызванъ въ Парижъ, и мнѣ было предложено возобновить контрактъ, но уже непосредственно съ Французскимъ Обществомъ, и переселившись на югъ Россіи выбрать одно или два мѣсторожденія каменнаго угля въ Донецкомъ бассейнѣ, пріобрѣсти ихъ, путемъ ли покупки, или аренды на продолжительный срокъ, а затѣмъ приступить тамъ къ устройству рудниковъ съ большой добычей угля. Принявъ это, очень лестное для меня, предложеніе, я немедленно по возвращеніи изъ Парижа переселился въ Таганрогъ и сталъ заниматься изученіемъ Донецкаго бассейна.

2.

Каменный уголь былъ открытъ въ Донецкомъ бассейнѣ еще при Петрѣ Великомъ и когда ему были показаны куски каменнаго угля, то онъ сказалъ: „Не намъ, а потомкамъ нашимъ минералъ сей будетъ полезенъ“, и дѣйствительно, послѣ этого громадныя залежи каменнаго угля, занимающія площадь длиною болѣе 300 верстъ и шириною болѣе 100 верстъ, лежали втуне болѣе 150 лѣтъ, и лишь постройка, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, желѣзныхъ дорогъ: Козлово-Воронежско-Ростовской и Курско-Харьково-Азовской, дала толчекъ къ развитію каменноугольной промышленности на югѣ Россіи.

Въ 1872 г., когда я началъ знакомиться съ Донецкимъ бассей-

номъ, большихъ угольныхъ рудниковъ, т. е. добывающихъ уголь десятками милліоновъ пудовъ, какіе имѣются теперь, тамъ еще не было, а въ разныхъ мѣстахъ были лишь небольшіе рудники, съ шахтами глубиною не болѣе 30 саженъ, снабженными конными воротами для подъема угля, а зачастую и для отлива воды. Болѣе или менѣе хорошо оборудованные рудники были тогда лишь слѣдующіе: Грушевскій антрацитный рудникъ, въ землѣ Войска Донского, принадлежавшій Русскому Обществу Пароходства и Торговли; Лисичанскій казенный рудникъ, недалеко отъ Луганскаго завода; Юзовскіе рудники, близъ Юзовскаго завода и Корсунскій рудникъ С. С. Полякова, въ 6 верстахъ на югъ отъ ст. Никитовки Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги; но послѣдній рудникъ въ то время только еще устраивался, нынѣ же это одинъ изъ самыхъ крупныхъ рудниковъ въ Донецкомъ бассейнѣ и принадлежитъ учрежденному С. С. Поляковымъ, Обществу Южно-Русской Каменноугольной Промышленности. Далѣе шли плохо оборудованные рудники: Макѣевскій, И. Г. Иловайскаго, Щербиновскій Н. Н. Летуновскаго и А. В. Шейэрмана, Голубовскій Уманскаго, рудники братьевъ Рутченко и др.

Я не могу не остановиться въ моемъ описаніи на личности Ивана Ивановича Юза, основателя Юзовскаго завода, и созданномъ имъ предпріятіи. И. И. Юзъ—личность безусловно выдающаяся. Будучи человѣкомъ совершенно необразованнымъ, даже безграмотнымъ, бывъ въ Англіи мастеромъ на рельсопрокатномъ заводѣ, онъ, благодаря своему природному уму и энергіи, создалъ первый на югѣ Россіи рельсопрокатный заводъ. Заводъ этотъ былъ построенъ имъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи, въ имѣніи князя Ливена, арендовавъ у послѣдняго, помимо большой площади земли подъ постройку завода, и находящіяся въ имѣніи залежи каменнаго угля. Первыя желѣзныя дороги въ Россіи строились исключительно на иностранныхъ рельсахъ, такъ какъ русскіе заводы въ то время рельсовъ не катали. Правительство наше, будучи озабочено развитіемъ рельсоваго производства въ Россіи, согласилось на уплату Юзу въ теченіе десяти лѣтъ преміи по 60 копѣекъ съ пуда рельсовъ, выдѣланныхъ имъ на заводѣ, который онъ обязался построить на англійскіе капиталы въ Екатеринославской губерніи, при чемъ одновременно ему выдана была концессія, съ правительственной гарантіей, на постройку желѣзной дороги отъ станціи Константиновки Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги до Еленовки, протяженіемъ 86 верстъ. Первоначально постройка завода предполагалась около Еленовки, почему и дорога была проектирована до этого пункта. Впослѣдствіи же Юзъ выбралъ для постройки завода мѣсто въ долинѣ р. Кальміуса около села Рутченкова; а такъ какъ линія Константиновка—

Еленовка была уже Высочайше утверждена, да кромѣ того около Еленовки имѣются залежи бурыхъ желѣзняковъ, то дорога все-таки строилась по утвержденному направленію отъ Константиновки на Еленовку, гдѣ она оканчивалась въ пустопорожней степи, и Юзу пришлось кромѣ того построить на средства завода подъѣздной путь отъ ст. Александровки Константиновской дороги, нынѣшняя Юзова, до завода, протяженіемъ около 7 верстъ. Подвижной составъ, рельсы, скрѣпленія, металлическія части мостовъ и вообще всѣ металлическія принадлежности были привезены для этой дороги изъ-за границы, а самую постройку дороги производили съ подряда тѣ самые г.г. Зубовъ и Гурьевъ, съ которыми я имѣлъ дѣло въ Подмосковномъ бассейнѣ. Всѣ инженеры, какъ на рудникахъ, такъ и на заводѣ, а равно мастера и старшіе рабочіе все—были англичане, которые образовали тамъ настоящую англійскую колонію, со своими нравами и обычаями; у русскихъ же они заимствовали только одно: русскую брань и питіе водки, которая пришлась англичанамъ очень по вкусу, и которою они такъ злоупотребляли, что многихъ изъ нихъ пришлось Юзу отправлять обратно въ Англію. Хотя И. И. Юзъ былъ человѣкъ безъ всякаго образованія, тѣмъ не менѣе онъ очень заботился о томъ, чтобы скрасить, насколько возможно, жизнь на строившемся имъ заводѣ; онъ заботился не только объ удобствахъ жизни своихъ служащихъ и рабочихъ, но и о доставленіи имъ возможныхъ развлеченій, и такъ какъ для англичанъ одно изъ главныхъ развлеченій составляетъ всякаго рода спортъ, то ежегодно устраивались скачки, къ участью въ каковыхъ приглашались и сосѣди. Старикъ Юзъ, несмотря на многолѣтнее пребываніе въ Россіи, русскому языку такъ и не научился, сыновья же его, бывшіе, несмотря на ихъ молодой возрастъ, его ближайшими сотрудниками по постройкѣ и управленію заводомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ стали говорить по-русски довольно свободно.

3.

Ознакомившись съ Донецкимъ бассейномъ, я остановился на двухъ мѣсторожденіяхъ: одно, составляющее продолженіе пластовъ, разрабатываемыхъ Юзомъ, принадлежавшее тремъ братьямъ Рутченко, и другое верстахъ въ 30 на западъ отъ перваго, въ имѣніи Кураховка, принадлежавшемъ Н. Н. Шабельскому. Рутченковскій уголь принадлежитъ къ лучшимъ коксовымъ углямъ, а кураховскій къ очень богатымъ летучими веществами пламеннымъ углямъ; послѣдній, хотя и значительно худшаго качества, чѣмъ первый, представлялся мнѣ интереснымъ какъ наиболѣе западный, слѣдовательно, наиболѣе близкій къ приднѣпровскому району, въ которомъ была большая

потребность въ минеральномъ топливѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ кураховскій уголь могъ замѣнять дрова въ любомъ котлѣ, безъ особыхъ передѣлокъ послѣднихъ, слѣдовательно, представлялъ меньше затрудненій для перехода съ дровянаго отопленія на угольное.

Забравъ образцы угля изъ названныхъ мѣсторожденій, я отправился съ ними въ Парижъ для представленія моего доклада правленію общества, которое поручило мнѣ пріобрѣсти для него угольное мѣсторожденіе на югѣ Россіи. Выслушавъ мой докладъ, правленіе рѣшило пріобрѣсти оба мѣсторожденія, которыя были мною предложены, т. е. и Рутченковское и Кураховское, и уполномочивъ меня совершить съ владѣльцами этихъ мѣсторожденій купчія крѣпости или арендные договоры на продолжительные сроки, поручило мнѣ приступить къ устройству двухъ большихъ рудниковъ. Когда обсуждался вопросъ о размѣрахъ проектируемыхъ рудниковъ, то я настаивалъ на томъ, что для начала слѣдуетъ ограничиться устройствомъ двухъ небольшихъ рудниковъ, т. е. на добычу каждымъ рудникомъ не болѣе 2 или 3 милліоновъ пудовъ въ годъ, мотивируя мое предложеніе тѣмъ, что минеральное топливо не получило еще большого примѣненія въ Россіи, что существующія желѣзныя дороги не приспособлены еще для массовыхъ перевозокъ каменнаго угля, а потому сбытъ большого количества угля представляется затруднительнымъ; принимая все это въ соображеніе, я и предлагалъ начать дѣло въ небольшомъ размѣрѣ и развивать добычу угля по мѣрѣ увеличенія потребности на уголь, къ чему представлялась полная возможность благодаря тому, что оба мѣсторожденія были съ пластами полого падающими и слѣдовательно можно было верхнюю часть пластовъ эксплоатировать рядомъ небольшихъ дешево стоющихъ шахтъ, которыя можно было прибавлять по мѣрѣ надобности, а когда потребность въ углѣ увеличится, то при переходѣ на слѣдующій горизонтъ закладывать болѣе капитальныя шахты, съ большей производительностью. Къ сожалѣнію мои французы съ приведенными мною доводами не согласились и потребовали, чтобы я сразу приступилъ къ устройству большихъ шахтъ, могущихъ давать не менѣе 10 милліоновъ пудовъ угля въ годъ каждая. Свое рѣшеніе французы основывали на слѣдующихъ соображеніяхъ: они разсчитывали, что, являясь владѣльцами крупнаго каменноугольнаго предпріятія, они будутъ имѣть большее значеніе въ глазахъ русскаго правительства, безъ содѣйствія котораго угольное дѣло развиваться не могло; кромѣ того въ то время уже проектировалась постройка Донецкой желѣзной дороги, долженствовавшей пройти вдоль всего Донецкаго бассейна съ востока на западъ, взявъ начало въ одномъ изъ пунктовъ Воронежско-Ростовской желѣзной дороги и пересѣкши Курско-Харьково-Азовскую же-

лѣзную дорогу, выйти на Днѣпръ около Екатеринослава; концессію на эту дорогу очень желали получить мои французы, которые разсчитывали, что полученіе ими концессіи будетъ имъ облегчено, если они явятся какъ владѣльцы самаго большого рудника, и вмѣстѣ съ тѣмъ ими будетъ уже построена часть будущей Донецкой дороги въ видѣ подъѣздныхъ путей отъ ихъ рудниковъ до Константиновской дороги, общимъ протяженіемъ около 30 верстъ. Послѣ всесторонняго обсужденія даннаго вопроса, я выѣхалъ изъ Парижа обратно въ Россію съ порученіемъ пріобрѣсти какъ владѣнія всѣхъ трехъ братьевъ Рутченко, такъ и имѣніе Шабельскаго, Кураховку, и немедленно приступить къ устройству на обоихъ мѣсторожденіяхъ рудниковъ съ производительностью не менѣе 10.000.000 пуд. каждаго въ годъ и одновременно приступить къ постройкѣ желѣзной дороги отъ рудниковъ къ ближайшему пункту Константиновской дороги. Возвратившись изъ Парижа, я немедленно приступилъ къ переговорамъ съ владѣльцами означенныхъ мѣсторожденій, и такъ какъ въ то время конкурренція на пріобрѣтеніе угольныхъ мѣсторожденій была еще не велика, та я весьма скоро достигъ соглашенія съ владѣльцами намѣченныхъ мною мѣсторожденій на довольно выгодныхъ условіяхъ, а именно: Кураховка, площадью 2.500 десятинъ, была куплена мною за 250.000 рублей, т. е. по 100 р. за десятину, вмѣстѣ со всѣмъ инвентаремъ при имѣніи, въ томъ числѣ и нѣсколько тысячъ тонкорунныхъ овецъ; у братьевъ же Рутченко, владѣвшихъ каждый имѣніемъ около 600 десятинъ, ихъ владѣнія были мною взяты въ аренду на 36 лѣтъ на слѣдующихъ условіяхъ: размѣръ арендной платы былъ одинаковый за всѣ три имѣнія, т. е. по 6.000 р. въ годъ, но мною было выговорено право покупки имѣній въ собственность Общества у В. И. Рутченко, въ теченіе первыхъ шести лѣтъ по заключеніи съ нимъ договора, за 150.000 р., у А. Н. Рутченко, въ теченіе всего арендnаго срока, за 100.000 р. и И. Н. Рутченко, тоже въ теченіе всего арендnаго срока, за 80.000 р. Договоры эти были мною заключены въ 1873 году, а въ 1876 г. я оставилъ службу во Французскомъ Обществѣ, когда за Обществомъ еще на три года оставалось право купить землю В. И. Рутченко, но не знаю по какимъ причинамъ Общество за этотъ срокъ имѣнія въ собственность не пріобрѣло, а купило его значительно позднѣе, когда цѣны на угленосныя земли очень поднялись, и уплатило за него втрое большую сумму, чѣмъ обусловленная мною. У А. Н. Рутченко имѣніе его было куплено Обществомъ за обусловленную цѣну всего за нѣсколько лѣтъ до окончанія срока аренды имѣнія; а наслѣдники И. Н. Рутченко отъ продажи имѣнія отказались и, выигравъ возбужденный противъ нихъ Французскимъ Обществомъ процессъ, про-

дали затѣмъ французамъ лишь часть имѣнія, всего около 200 десятинъ, за 120.000 рублей, т. е. значительно дороже, чѣмъ было обусловлено мною при заключеніи договора.

4.

Главнымъ препятствіемъ къ успѣшному развитію каменноугольной промышленности на югѣ Россіи была малая провозоспособность желѣзныхъ дорогъ и отсутствіе дороги, прорѣзывающей Донецкій бассейнъ вдоль, съ востока на западъ, и соединяющей его болѣе коротким путемъ съ приднѣпровскимъ райономъ, для каковой цѣли и проектировалась Донецкая желѣзная дорога. Такъ какъ разрѣшеніе такихъ вопросовъ достигается легче при коллективныхъ ходатайствахъ, то, до переѣзда изъ Таганрога на рудники, я пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе главныхъ представителей угольной промышленности, на каковое приглашеніе откликнулись и приняли участіе въ совѣщаніи слѣдующія лица: П. Н. Горловъ, горный инженеръ, директоръ Общества Южно-Русской Каменноугольной Промышленности (Корсунскій рудникъ С. С. Полякова), А. В. Шейэрманъ, совладѣлецъ Щербиновскаго рудника, И. Г. Иловайскій, владѣлецъ Макѣевскаго рудника, и отъ Грушевскаго района генералъ Поповъ. На этомъ совѣщаніи было постановлено ходатайствовать предъ министромъ государственныхъ имуществъ, которому было подчинено Горное Вѣдомство, о созывѣ съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи для выясненія всѣхъ нуждъ этой промышленности, при чемъ возбужденіе сего ходатайства было возложено на меня и П. Н. Горлова. Когда слѣдующею зимою мы съѣхались съ П. Н. Горловымъ въ Петербургѣ и явились съ нимъ къ бывшему тогда министромъ государственныхъ имуществъ Петру Александровичу Валуеву, то, выслушавъ наше заявленіе о необходимости созыва съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи, Петръ Александровичъ, видимо не сочувствовавшій созыву съѣзда, далъ намъ отвѣтъ уклончивый, т. е. и не отказалъ категорически въ созывѣ просимаго нами съѣзда, но и не выразилъ на него своего согласія; такъ мы ни съ чѣмъ отъ него и ушли. Лѣтомъ 1874 г. П. А. Валуевъ отправился на югъ Россіи, чтобы лично ознакомиться съ положеніемъ нарождающейся тамъ горной промышленности; сопровождая его при поѣздкѣ на заводъ Юза, я воспользовался удобной минутой и повелъ опять рѣчь о необходимости безотлагательнаго созыва съѣзда горнопромышленниковъ, который бы представилъ затѣмъ министру подробный докладъ о нуждахъ этой промышленности и о желательномъ направленіи предполагаемой Донецкой дороги. Валуевъ и тутъ хотѣлъ отдѣлаться отъ насъ общими фразами и повелъ съ нами слѣдующую рѣчь:

— На ваше обращеніе ко мнѣ я вамъ отвѣчу слѣдующее: ваше дѣло можно сравнить съ очень трудными родами, которые быть можетъ закончатся появленіемъ на свѣтъ здороваго, крѣпкаго ребенка, но роды трудные, и при этихъ родахъ роль акушерки, могущей облегчить роды, исполняетъ графъ Бобринскій (министръ путей сообщенія), я же могу исполнять только роль акушера-консультанта, а потому съ вашими просьбами и обращайтесь къ графу Бобринскому, а не ко мнѣ.

На это я ему отвѣтилъ: — Ваше сравненіе, Ваше Высокопревосходительство, очень удачно, но я позволю себѣ обратить ваше вниманіе на то, что при трудныхъ родахъ акушерка играетъ роль второстепенную, а дѣйствуетъ акушеръ, и потому при нашихъ трудныхъ родахъ мы къ вамъ, какъ къ акушеру, какъ вы сами изволили себя назвать, и обращаемся; къ тому же въ настоящее время мы просимъ исключительно о созывѣ съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи, съ участіемъ представителей подлежащихъ министерствъ и заинтересованныхъ желѣзныхъ дорогъ, чтобы на этомъ съѣздѣ всесторонне разработать тѣ вопросы, отъ правильнаго разрѣшенія коихъ зависитъ успѣшное развитіе каменноугольнаго дѣла на югѣ Россіи, имѣющаго громадное государственное значеніе; созывъ же такого съѣзда зависитъ исключительно отъ васъ, и мы настоятельно васъ объ этомъ просимъ.

— Ну, я вижу, отъ васъ не отдѣлаешься, сказалъ Валуевъ, подайте мнѣ подробную докладную записку по сему вопросу, и я постараюсь удовлетворить ваше желаніе.

Мы, разумѣется, не замедлили представить ему докладную записку, и въ результатѣ осенью 1874 года въ Таганрогѣ былъ созванъ первый съѣздъ горнопромышленниковъ юга Россіи, который былъ вообще первымъ въ Россіи оффиціальнымъ съѣздомъ, положившимъ начало всѣмъ послѣдующимъ промышленнымъ съѣздамъ.

Предсѣдателемъ этого перваго съѣзда былъ, по назначенію министра, гор. инж. д. с. с. Евгеній Борисовичъ Иваницкій; секретаремъ же съѣзда былъ избранъ на самомъ съѣздѣ гор. инж. Павелъ Андреевичъ Іосса, имѣвшій небольшой каменноугольный рудникъ около завода Юза; представителями отъ разныхъ вѣдомствъ и учрежденій были на съѣздѣ слѣдующія лица:

Отъ министерства государственныхъ имуществъ, горный начальникъ Луганскаго завода гор. инж. Н. Н. Летуновскій.

Отъ военнаго министерства, начальникъ Горнаго Управленія Земли Войска Донского гор. инж. П. А. Васильевъ.

Отъ министерства путей сообщенія, инженеръ д. с. с. Ф. А. Поземковскій и инженеръ д. с. с. В. О. Керсновскій.

*

Отъ морского министерства, адъютантъ Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала А. П. Сѣмечкинъ.

Отъ Черноморскаго флота, капитанъ 1 ранга Н. А. Голенищевъ.

Отъ Общества Пароходства и Торговли А. И. Гулакъ.

Отъ Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги, инженеръ В. А. Ивановъ (нынѣ Мясоѣдовъ-Ивановъ, товарищъ министра путей сообщенія). Послѣдній принималъ дѣятельное участіе въ работахъ съѣзда и содѣйствовалъ разработкѣ всѣхъ вопросовъ, касавшихся желѣзныхъ дорогъ.

Изъ горнопромышленниковъ же и ихъ представителей принимало участіе въ этомъ первомъ съѣздѣ всего 21 человѣкъ, а именно: А. А. Ауэрбахъ, С. И. Булатовъ, В. А. Вагнеръ, С. С. Волковъ, П. Н. Горловъ, П. Д. Давыдовъ, П. А. Іосса, И. Г. Иловайскій, В. А. Кривоносовъ, А. Ф. Мевіусъ, К. А. Нейшильдъ, А. В. Нужновъ, Я. С. Поляковъ, Л. А. Пшенецкій, А. К. Рейсъ, Л. Р. Рубинштейнъ, Е. Н. Таскинъ, И. Л. Уманскій, В. П. Хлопицкій, А. В. Шейэрманъ и М. А. Щербачевъ.

Большинство углепромышленниковъ и ихъ представителей явились на съѣздъ почти съ исключительной цѣлью нападать на желѣзныя дороги, далеко не удовлетворявшія потребностямъ, народившейся одновременно съ постройкой южныхъ желѣзныхъ дорогъ, каменноугольной промышленности, и потому В. А. Иванову предстояла нелегкая задача отпарировать всѣ эти нападки; но онъ вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія блестящимъ образомъ. Едва съѣздъ былъ объявленъ открытымъ и было приступлено къ занятіямъ, какъ попросилъ слова В. А. Ивановъ и въ пространной рѣчи изложилъ всѣ недостатки существовавшихъ тогда желѣзныхъ дорогъ и, главнымъ образомъ, управляемой имъ, Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги, т. е. высказалъ самъ все то, что ему могли сказать недовольные дорогой углепромышленники; указавъ же недостатки дорогъ, онъ перешелъ къ изложенію тѣхъ мѣръ, которыя частью уже принимаются къ приведенію его дороги въ надлежащее состояніе и какія должны быть еще предприняты, и затѣмъ предложилъ принять живѣйшее участіе въ выработкѣ съѣздомъ ходатайствъ его передъ правительствомъ относительно усиленія и улучшенія вывоза минеральнаго топлива желѣзными дорогами. Въ результатѣ онъ избавился такимъ путемъ отъ всѣхъ готовившихся на него нападокъ, и въ концѣ концовъ съѣздъ устроилъ ему настоящую овацію за его сочувствіе нуждамъ угольной промышленности и за готовность содѣйствовать удовлетворенію этихъ нуждъ. Надо отдать справедливость Виктору Андреевичу, что онъ за всю свою многолѣтнюю дѣятельность, какъ въ бытность его управляющимъ дорогами Курско-Харь-

ково-Азовской, а затѣмъ Козлово-Воронежско-Ростовской, такъ и позднѣе, занимая должности начальника управленія желѣзныхъ дорогъ и наконецъ товарища министра путей сообщенія, каковой постъ онъ занимаетъ и по настоящее время, онъ всегда относился сочувственно къ нуждамъ каменноугольной промышленности и оказывалъ посильное содѣйствіе къ ея развитію.

Помимо разработки вопросовъ, касающихся урегулированія перевозки угля по существующимъ желѣзнымъ дорогамъ, съѣздъ указалъ на необходимость постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ, между которыми первое мѣсто занимала дорога, прорѣзывающая Донецкій бассейнъ съ востока на западъ, т. е. отъ станціи Кривомузгинской, Волго-Донской дороги, до Никитовки, Курско-Харьково-Севастопольской дороги, далѣе отъ Никитовки до Синельникова, Лозово-Севастопольской дороги, и Екатеринославъ, а отъ Екатеринослава одну вѣтвь до Кривого Рога, гдѣ были открыты залежи прекрасной желѣзной руды, которая давала бы возможность развить на югѣ Россіи желѣзо и сталедѣлательную промышленность, и другую вѣтвь до Знаменки Фастовской желѣзной дороги, для вывоза каменнаго угля на кіевскіе сахарные заводы.

Затѣмъ съѣздъ указалъ на необходимость урегулированія рѣкъ Сѣвернаго Донца и на приспособленіе портовъ Азовскаго моря къ вывозу каменнаго угля моремъ и на углубленіе Керчь-Еникальскаго пролива.

Затѣмъ особенное вниманіе съѣзда было обращено на необходимость развитія металлургической промышленности на югѣ Россіи, чтобы имѣть возможность строить въ Россіи желѣзныя дороги русскими рельсами, а не вывозимыми изъ Англіи и Бельгіи, какъ это дѣлалось до того времени, и съѣздомъ былъ разработанъ рядъ мѣръ для содѣйствія развитію этой важной отрасли промышленности. При разработкѣ сего вопроса наиболѣе дѣятельное участіе принималъ горный инженеръ В. А. Вагнеръ.

Однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ работниковъ на съѣздѣ былъ горный инженеръ П. Н. Горловъ, очень умный и талантливый человѣкъ; но къ сожалѣнію, будучи на съѣздѣ въ качествѣ представителя Корсунскаго рудника Полякова, онъ долженъ былъ болѣе заботиться объ интересахъ своего довѣрителя, чѣмъ объ интересахъ угольной промышленности вообще, нерѣдко расходившихся съ интересами Полякова, при чемъ большинство углепромышленниковъ были въ такой зависимости отъ довѣреннаго Полякова, что не смѣли ему противорѣчить, такъ что какъ на первомъ, такъ и на послѣдующихъ съѣздахъ, я былъ чуть ли не единственнымъ его оппонентомъ. Когда послѣ голосованія какого-нибудь вопроса, при которомъ принималось пред-

ложеніе Горлова, не соотвѣтствующее интересамъ большинства углепромышленниковъ, я въ частной бесѣдѣ старался объяснить голосовавшимъ за предложеніе Горлова, что они поступили противъ своихъ собственныхъ интересовъ, мнѣ отвѣчали всегда одно и то же:

— Мы это хорошо понимаемъ, но не смѣемъ идти противъ Петра Николаевича, изъ нашего постановленія еще быть можетъ ничего и не выйдетъ, а если мы будемъ подавать голосъ противъ Петра Николаевича, то онъ на насъ разсердится и не купитъ у насъ угля.

Къ этимъ словамъ я долженъ сдѣлать маленькое поясненіе. Въ то время единственнымъ болѣе или менѣе значительнымъ покупателемъ минеральнаго топлива были желѣзныя дороги: Курско-Харьково-Азовская, Козлово-Воронежско-Ростовская и Орловско-Гряжская, всѣ принадлежавшія С. С. Полякову, и закупку угля на всѣ эти дороги производилъ П. Н. Горловъ, что̀ и ставило всѣхъ мелкихъ углепромышленниковъ въ полную отъ него зависимость.

Но тѣмъ не менѣе нужно отдать справедливость Горлову, что, благодаря его уму и знанію дѣла, онъ своими трудами приносилъ большую пользу на съѣздахъ.

Этотъ первый съѣздъ пользовался большимъ сочувствіемъ общества, слѣдившаго съ большимъ интересомъ за ходомъ работъ на съѣздѣ, и съѣздъ закончился обѣдомъ, даннымъ членамъ съѣзда Таганрогскимъ городскимъ управленіемъ. На обѣдѣ этомъ говорилось, разумѣется, много соотвѣтствующихъ данному случаю рѣчей, и онъ прошелъ очень оживленно. Лейтмотивомъ этихъ рѣчей было удовольствіе по поводу того, что правительство не только дало возможность углепромышленникамъ высказаться относительно нуждъ ихъ зарождающейся промышленности, имѣющей громадное государственное значеніе, но намѣрено и использовать труды съѣзда, прислав на съѣздъ представителей всѣхъ заинтересованныхъ въ горной промышленности министерствъ.

На засѣданіяхъ съѣзда такъ привыкли къ тому, что послѣ каждой рѣчи П. Н. Горлова я выступалъ его оппонентомъ, что и на обѣдѣ, когда Горловъ окончилъ свою рѣчь, кто-то громко сказалъ:

— А теперь сейчасъ встанетъ Ауэрбахъ и будетъ возражать Горлову.

Слова эти вызвали смѣхъ, который усилился, когда вслѣдъ за этимъ я поднялся и позвонилъ о пустой стаканъ, давая знать, что желаю сказать слово; но предсказаніе не сбылось, такъ какъ въ данномъ случаѣ Горловъ говорилъ на темы общія, въ которыхъ мы въ большинствѣ случаевъ были съ нимъ солидарны.

Послѣ этого перваго съѣзда былъ нѣкоторый перерывъ, и слѣдующій съѣздъ былъ созванъ лишь въ 1877 году, подъ предсѣда-

тельствомъ того же Евгенія Борисовича Иваницкаго, а послѣ второго съѣзда, съѣзды стали собираться регулярно каждый годъ; было выработано Высочайше утвержденное положеніе о съѣздахъ, давшее съѣздамъ правильную организацію.

Хотя я въ 1876 году и оставилъ службу во французскомъ обществѣ и непосредственно никакимъ угольнымъ дѣломъ на югѣ не управлялъ, тѣмъ не менѣе, интересуясь угольнымъ дѣломъ и дальнѣйшей работой съѣздовъ, я на второмъ и третьемъ съѣздахъ принималъ участіе въ качествѣ представителя углепромышленника П. А. Карпова, которому помогалъ въ созданіи его угольнаго рудника, о чемъ подробнѣе скажу дальше. Затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ я не могъ болѣе принимать участія въ съѣздахъ горнопромышленниковъ юга Россіи, такъ какъ, служа на Уралѣ, не могъ ѣздить на югъ. Польза, приносимая съѣздами горнопромышленниковъ юга Россіи, повлекла за собою учрежденіе съѣздовъ и въ другихъ горнопромышленныхъ раіонахъ, какъ-то: на Уралѣ, въ Баку, въ Царствѣ Польскомъ, въ Подмосковномъ раіонѣ и друг.; а по стопамъ горнопромышленниковъ стали учреждаться съѣзды и по другимъ отраслямъ промышленности, и въ концѣ концовъ былъ учрежденъ Обще-Имперскій съѣздъ представителей всѣхъ отраслей промышленности и торговли.

5.

Находя совершенно нераціональнымъ вести западную часть Донецкой дороги, на соединеніе съ Екатеринославомъ, чрезъ Никитовку, такъ какъ при этомъ направленіи на проектируемой линіи оказался бы только одинъ Корсунскій рудникъ Полякова, а всѣ остальные, наиболѣе значительные рудники остались бы въ сторонѣ, я отправился послѣ съѣзда въ Петербургъ хлопотать о томъ, чтобы дорога была проведена нѣсколько южнѣе, т. е. пересѣкая Курско-Харьково-Азовскую дорогу близъ станціи Харцизской, а Константиновскую дорогу около станціи Рудничной, пунктъ примыканія вѣтвей, принадлежащихъ Французской компаніи, коей я былъ представителемъ, шла далѣе чрезъ Кураховку, долинами рѣкъ Волчіей и Самары, на Синельниково. Борьба мнѣ предстояла не легкая, такъ какъ противниками моего направленія были С. С. Поляковъ, въ то время бывшій человѣкомъ очень сильнымъ въ дѣлахъ желѣзнодорожнаго строительства, и министерство путей сообщенія, стоявшее за направленіе на Никитовку только потому, что отъ Никитовки на Синельниково дорога шла бы почти все время по водораздѣламъ, что сокращало расходы на искусственныя сооруженія и тѣмъ удешевлялась поверстная стоимость дороги. Въ ошибочности этого

взгляда министерство путей сообщенія убѣдилось лишь впослѣдствіи, когда оно увидало, сколько переплачивается лишняго тарифа изъ-за удлиненія дорогъ, вслѣдствіе старанія держаться при постройкѣ водораздѣловъ, сколько приходится затрачивать денегъ на спрямленіе многихъ линій первостепеннаго значенія, какъ затруднительно устройство водоснабженій на линіяхъ, идущихъ по водораздѣламъ, какимъ снѣжнымъ заносамъ подвергаются дороги, идущія по возвышеннымъ открытымъ мѣстамъ и многое другое; но въ то время оно упорно держалось взгляда, что предпочтеніе должно давать тому направленію, при которомъ дорога идетъ по водораздѣламъ, какъ и построено большинство нашихъ южныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Не найдя никакого сочувствія моему направленію для западной части Донецкой дороги въ министерствѣ путей сообщенія, я рѣшился обратиться съ докладной запиской къ Константину Владиміровичу Чевкину, бывшему министру путей сообщенія, а въ то время состоявшему предсѣдателемъ департамента государственной экономіи въ Государственномъ Совѣтѣ, пользовавшемуся большимъ довѣріемъ Императора Александра II. Покойный Чевкинъ былъ нѣкогда начальникомъ штаба корпуса горныхъ инженеровъ, должность, соотвѣтствующая нынѣшнему директору горнаго департамента, и до самой смерти числившійся въ спискахъ горныхъ инженеровъ, хотя таковымъ и не былъ, по старой памяти былъ очень доступенъ всѣмъ горнымъ инженерамъ, а потому мнѣ не трудно было получить у него аудіенцію, хотя я являлся къ нему первый разъ и безъ всякихъ рекомендацій. Зная отъ моихъ болѣе старыхъ коллегъ, что къ Чевкину нужно являться хорошо вооруженнымъ всевозможными данными, и что онъ любитъ, чтобы ему представляли подробныя, хорошо разработанныя записки по тому дѣлу, по которому къ нему обращаются, я приготовилъ ему подробный докладъ, съ изложеніемъ всѣхъ мотивовъ за проектируемое мною направленіе западной части Донецкой дороги и доводовъ противъ направленія этой дороги по проекту Полякова, поддерживаемому министерствомъ путей сообщенія. Чевкинъ принялъ меня очень любезно и выслушалъ меня очень внимательно, послѣ чего сказалъ мнѣ:

— Мнѣ кажется, что ваши разсужденія правильны, но, чтобы сказать мое окончательное мнѣніе, мнѣ надо поближе ознакомиться съ дѣломъ; а потому оставьте мнѣ вашу карту и записку, которую я у васъ вижу, и я въ самомъ непродолжительномъ времени вызову васъ къ себѣ для дальнѣйшаго обсужденія возбужденнаго вами вопроса.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, является ко мнѣ курьеръ Чевкина и говоритъ, что его высокопревосходительство проситъ

меня пріѣхать къ нимъ сегодня же вечеромъ. Я, разумѣется, явился въ назначенный мнѣ часъ и былъ немедленно принятъ Чевкинымъ, который завалилъ меня цѣлымъ рядомъ вопросовъ, отмѣченныхъ на поляхъ моей докладной записки, и по счастію я былъ въ состояніи дать на всѣ эти вопросы обстоятельные отвѣты. Пробесѣдовали мы съ нимъ часа полтора, послѣ чего Чевкинъ сказалъ мнѣ:

— Я вполнѣ убѣдился въ крупныхъ преимуществахъ вашего проекта предъ проектомъ Полякова, и вы можете разсчитывать на мою полную поддержку, только я прошу васъ немедленно сообщать мнѣ обо всемъ, что по данному вопросу дѣлается въ министерствѣ путей сообщенія; въ такіе-то часы вы можете всегда застать меня дома, и я отдамъ приказъ, чтобы васъ всегда принимали, когда вы ко мнѣ явитесь.

Ликующимъ вышелъ я отъ Чевкина, заручившись поддержкой такого вліятельнаго человѣка.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Чевкинъ присылаетъ за мной и, когда я къ нему явился, говоритъ мнѣ:

— Вотъ въ чемъ дѣло, любезнѣйшій,—онъ всѣхъ своихъ собесѣдниковъ называлъ всегда „любезнѣйшій“,—я видѣлся съ министромъ путей сообщенія, и онъ говоритъ, что проектируемая вами линія идетъ по такой пересѣченной мѣстности, что постройка дороги по этому направленію будетъ чрезвычайно затруднительна и обойдется страшно дорого, такъ что вы на это скажете? изысканія вашей линіи имѣются или нѣтъ?

— Подробныхъ изысканій, ваше высокопревосходительство, не имѣется, но я изучалъ мѣстность, по которой моя линія проходитъ, производилъ барометрическую съемку высшихъ и низшихъ точекъ, и по имѣющимся у меня даннымъ смѣю Васъ завѣрить, что проектируемая мною линія никакихъ трудностей постройки не представляетъ, если не считать двухъ—трехъ лишнихъ мостовъ пролетомъ не болѣе 20 саж.

— Охотно вамъ вѣрю, любезнѣйшій, но то, что вы говорите, не будетъ достаточно убѣдительно для министерства путей сообщенія, которое можно убѣдить, только представивъ ему подробный планъ и продольный профиль дороги.

— А къ какому времени, ваше высокопревосходительство, необходимо представить изысканія? Общество, представителемъ коего я состою, такъ сильно заинтересовано въ данномъ вопросѣ, что оно немедленно произведетъ изысканія на свой счетъ.

— Да врядъ ли вы будете имѣть возможность своевременно исполнить эту работу, такъ какъ вопросъ о направленіи Донецкой дороги будетъ разсматриваться въ Комитетѣ министровъ 7 января, а теперь конецъ ноября, такъ гдѣ же поспѣть произвести изысканія въ такое короткое время.

— Поспѣемъ, ваше высокопревосходительство, какъ это ни трудно, но къ 7-му января я вамъ представлю и планъ, и профиль дороги.

Вернувшись отъ Чевкина, я тотчасъ же по телеграфу составилъ три партіи для производства изысканій, благо имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточное число пригодныхъ на это людей, и велѣлъ немедленно же приступить къ работамъ, указавъ каждой партіи ея участокъ и вмѣнивъ въ обязанность ежедневно отправлять мнѣ результаты произведенныхъ за день работъ, каковыя окончить во что бы то ни стало къ Рождеству. Работа была страшно тяжелая и въ холодъ и во вьюгу, но тѣмъ не менѣе, благодаря энергіи начальниковъ партій, на Рождествѣ я получилъ послѣдніе нивеллировочные журналы. Такъ какъ планъ и профиль каждаго участка вычерчивались по мѣрѣ полученія нивеллировочныхъ журналовъ, то по полученіи послѣднихъ журналовъ оставалось связать только между собою отдѣльные участки и написать окончательныя отмѣтки на общемъ профилѣ. Проработавъ безъ передышки всѣ праздники и вложивъ планъ и профиль въ приготовленныя для нихъ папки, 5 января я представилъ ихъ Чевкину. Когда я сказалъ Чевкину, что привезъ ему произведенныя нами изысканія, то онъ былъ крайне удивленъ и выразилъ даже нѣкоторое сомнѣніе, сказавъ мнѣ:

— Да вы, любезнѣйшій, не по-Даниловски-ли дѣлали изысканія?

Даниловъ былъ инженеръ, извѣстный въ то время по желѣзнодорожнымъ изысканіямъ, про котораго говорили, что онъ производилъ нѣкоторыя изысканія, т. е. составлялъ планъ и профиль дороги, не выѣзжая изъ Петербурга, а пользуясь для сего трехверстной картой, на которой показаны высоты надъ уровнемъ моря.

На слова Чевкина я ему отвѣтилъ, что не могъ послѣдовать примѣру Данилова, такъ какъ не сомнѣваюсь въ томъ, что министерство путей сообщенія не повѣритъ нашимъ изысканіямъ и въ лучшемъ случаѣ захочетъ, до окончательнаго рѣшенія вопроса о направленіи Донецкой дороги, провѣрить наши изысканія, и въ какомъ же положеніи я окажусь, если ихъ изысканія сильно разойдутся съ нашими. Доводъ мой, повидимому, убѣдилъ Чевкина, и онъ сталъ со вниманіемъ разсматривать профиль дороги, оказавшейся на двадцать слишкомъ верстъ короче, чѣмъ по Поляковскому проекту, и не представляющей никакихъ трудностей въ техническомъ отношеніи.

Какъ я ожидалъ, Комитетъ министровъ, узнавъ отъ Чевкина о результатѣ произведенныхъ нами изысканій, постановилъ отложить рѣшеніе вопроса о направленіи Донецкой дороги до провѣрки нашихъ изысканій министерствомъ путей сообщенія, каковыя изысканія и произвести въ теченіе слѣдующаго лѣта. Изысканія эти были поручены инженеру П. А. Ласкину, который во время произ-

водства работъ неоднократно проводилъ у меня въ Кураховкѣ по нѣсколько дней и не разъ говорилъ мнѣ, что, зная, при какихъ тяжелыхъ условіяхъ производились наши изысканія, онъ удивленъ, съ какою точностью они произведены и какъ мало расходятся съ его изысканіями.

Послѣ того, что изысканія инженера Ласкина вполнѣ подтвердили произведенныя нами изысканія, Чевкинъ упорно настаивалъ на проведеніи западной части Донецкой дороги по представленному мною проекту, и въ концѣ концовъ состоялось Высочайшее повелѣніе относительно направленія этой части дороги отъ Криничной, на Курско-Харьково-Азовской желѣзной дорогѣ, на Рудничную, Константиновской дороги, и далѣе чрезъ Кураховку на Синельниково, Лозово-Севастопольской дороги. Въ результатѣ же всѣ мои хлопоты, увѣнчавшіяся было такимъ успѣхомъ, оказались тщетными. Весною 1876 г. я покинулъ мое мѣсто директора Кураховско-Рутченковскихъ рудниковъ, и мой преемникъ французъ не слѣдилъ за ходомъ даннаго вопроса въ министерствѣ; Чевкинъ, главный защитникъ моего проекта, умеръ и, несмотря на вышеприведенное Высочайшее повелѣніе, министерство путей сообщенія вошло съ новымъ представленіемъ о проведеніи западной части Донецкой дороги на Ясиноватую Константиновской дороги и далѣе по водораздѣлу на Синельниково, по каковому направленію въ концѣ концовъ дорога и была построена, подъ названіемъ Екатерининской дороги. При такомъ рѣшеніи вопроса остались въ сторонѣ отъ дороги Макѣевскіе рудники, отъ которыхъ должны были построить отдѣльную вѣтвь на Ясиноватую и весь Юзовскій раіонъ, вмѣстѣ съ копями французскаго общества, коего я былъ ранѣе директоромъ, а Кураховскій рудникъ этого общества былъ обреченъ на закрытіе, такъ какъ его главное преимущество, т. е. близость его къ Днѣпровскому раіону, при такомъ направленіи дороги было не только уничтожено, но Кураховка оказалась болѣе отдаленною отъ Днѣпра, чѣмъ всѣ остальные рудники, лежащіе на востокъ отъ нея. Эту ошибку обѣщали потомъ исправить, постройкой вѣтви отъ Кураховки къ ближайшей станціи Екатерининской дороги, но эта вѣтвь не построена и до сихъ поръ и кураховское мѣсторожденіе продолжаетъ лежать втуне, да и построить-то эту вѣтвь не такъ-то легко, такъ какъ приходится выбираться на близкомъ разстояніи на очень высокій водораздѣлъ, по которому проходитъ Екатерининская дорога.

Для характеристики К. В. Чевкина, этого выдающагося государственнаго дѣятеля, разскажу еще слѣдующій эпизодъ изъ моихъ сношеній съ нимъ по данному вопросу: несмотря на разрѣшеніе Чевкина являться къ нему во всякое время, я старался избѣгать часто

безпокоить его, такъ какъ онъ всю ту зиму постоянно хворалъ; а потому какъ-то разъ получивъ извѣщеніе о письмѣ министра финансовъ, М. Х. Рейтерна, къ министру путей сообщенія, А. П. Бобринскому, по вопросу о направленіи западной части Донецкой дороги, не поѣхалъ тотъ часъ же доложить Чевкину о содержаніи сего письма, а доложилъ его ему лишь черезъ нѣсколько дней, когда пришлось къ нему поѣхать по другому болѣе важному вопросу; узнавъ содержаніе письма, Чевкинъ спрашиваетъ меня:

— Когда вы узнали объ этомъ письмѣ?

— Тогда-то.

— Что же вы немедленно не сообщили мнѣ о немъ?

— Не хотѣлъ Васъ лишній разъ безпокоить, ваше высокопревосходительство.

— Напрасно, любезнѣйшій; прошу Васъ никогда не стѣсняться приходить ко мнѣ по дѣлу; я не люблю, когда меня бездѣльемъ безпокоятъ, а по дѣлу, да еще такому серіозному, какъ Ваше, прошу Васъ не стѣсняться меня безпокоить.

Мнѣ приходилось еще въ то время слышать обвиненія К. В. Чевкина въ корыстолюбіи, я же, изъ моихъ личныхъ сношеній съ нимъ, вынелъ совершенно обратное заключеніе, т. е. что онъ честнѣйшій и безкорыстнѣйшій человѣкъ, который, какъ государственный дѣятель, руководствовался лишь интересами государства, а не какими-либо личными интересами, чему служитъ доказательствомъ то дѣло, съ которымъ я къ нему обратился. С. С. Поляковъ не скупился на крупныя взятки въ желѣзнодорожныхъ вопросахъ и, если бы можно было купить Чевкина, несомнѣнно купилъ бы его; а мы видѣли, что Чевкинъ шелъ противъ Полякова и горячо поддерживалъ меня, не заикавшагося ему ни о какой промессѣ, въ случаѣ успѣха моего проекта, а единственно потому, что считалъ мое направленіе западной части Донецкой дороги болѣе раціональнымъ и для государства болѣе выгоднымъ. Сохранивъ такое воспоминаніе о К. В. Чевкинѣ, я былъ глубоко возмущенъ, читая въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ записки сенатора Фишера, который тоже выставляетъ Чевкина корыстолюбцемъ, чему я никакъ повѣрить не могу.

6.

Французское Общество, владѣвшее Кураховско-Рутченковскими каменноугольными рудниками, имѣло концессію на канализацію Москвы рѣки и устройство по ней туэрнаго пароходства. На этомъ дѣлѣ Общество понесло большіе убытки, повліявшіе на дальнѣйшій ходъ и угольнаго предпріятія. Вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ, вызваннаго крупными перерасходами на Москворѣцкомъ дѣлѣ, пра-

вленіе Общества стало требовать отъ меня такихъ сокращеній въ расходахъ, по утвержденнымъ и уже приводимымъ въ исполненіе смѣтамъ, на какія я согласиться не могъ, а потому послѣ долгихъ переговоровъ я вынужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго управленія дѣломъ и весною 1876 г. покинулъ Кураховку. Такъ какъ я ничего опредѣленнаго, при уходѣ отъ французовъ, въ виду не имѣлъ, то съ удовольствіемъ принялъ предложеніе моего сосѣда, П. А. Карпова, заняться развѣдкой угольныхъ залежей въ его имѣніи, находившемся верстахъ въ 14 на востокъ отъ Кураховки. Еще въ бытность мою директоромъ рудниковъ Французскаго Общества, я уговаривалъ все Петра Александровича поискать угольку въ его имѣніи, но онъ никакъ не могъ на это рѣшиться, слишкомъ довѣряя авторитету горныхъ инженеровъ братьевъ Носовыхъ, составителей первой геологической карты Донецкаго бассейна, заявившихъ, что угля въ его имѣніи нѣтъ, такъ какъ они опредѣлили тамъ мѣловую, а не каменноугольную формацію. На основаніи данныхъ, которыя я имѣлъ по рудникамъ: Кураховскому, лежащему на западъ отъ имѣнія Карпова, и Рутченковскимъ, лежащимъ на востокъ отъ него, я былъ глубоко увѣренъ, что въ имѣніи Карпова уголь долженъ быть, и мнѣ удалось наконецъ убѣдить его заложить хотя бы одинъ развѣдочный шурфикъ, при чемъ предложилъ ему безвозмездно руководить его развѣдочными работами. По счастію въ первомъ же шурфѣ, заложенномъ болѣе или менѣе на удачу, былъ встрѣченъ годный для разрабочки пластъ угля. Помимо развѣдокъ въ собственномъ имѣніи, я рекомендовалъ П. А. Карпову заарендовать и развѣдать землю, принадлежащую крестьянамъ села Михайловки, находящуюся между его имѣніемъ и Рутченковскими рудниками, принадлежащими Французскому Обществу, такъ какъ по моимъ соображеніямъ по этой землѣ должны проходить всѣ пласты, извѣстные на Рутченковскихъ и Юзовскихъ рудникахъ. Послѣ успѣха, достигнутаго развѣдками на собственной землѣ, Петръ Александровичъ увѣровалъ въ мои соображенія и, послѣдовавъ моему совѣту, заключилъ договоръ съ крестьянами села Михайловки на право развѣдки и разработки на ихъ земляхъ каменнаго угля и такъ какъ заключеніе этого договора какъ разъ совпало съ моимъ уходомъ изъ Французской компаніи, то я и принялъ на себя руководство развѣдками у П. А. Карпова. Въ теченіе одного лѣта 1876 г. я открылъ ему на Михайловской степи всѣ тѣ пласты, которые надѣялся тамъ встрѣтить. Насколько мнѣ помнится, на всѣ эти развѣдки было израсходовано Карповымъ около 4.000 рублей, но такъ какъ онъ свободными капиталами не обладалъ, то и эта незначительная затрата была для него не легка; что же касается болѣе значительныхъ затратъ, потреб-

ныхъ на устройство хотя бы небольшого рудника, то онъ считалъ таковыя для себя совершенно непосильными, такъ какъ боялся работать на занятыя деньги, а своихъ свободныхъ средствъ не имѣлъ. Тогда я нашелъ ему подрядчика, Игната Прохорова, работавшаго у меня на Рутченковскомъ рудникѣ, который взялся пройти на свой счетъ шахты и производить добычу изъ нихъ угля, съ уплатой ему за выданный на поверхность уголь по 4 или 4, 5 копѣйки за пудъ, въ точности не помню, но не дороже 4, 5 коп., но и при этой цѣнѣ Прохоровъ недурно зарабатывалъ, а Карповъ, безъ всякихъ затратъ, имѣлъ болѣе 3 коп. съ пуда чистой прибыли. Работы велись, разумѣется, небольшими шахтами, съ конными воротами, такъ какъ на устройство болѣе капитальныхъ шахтъ, съ паровыми подъемными машинами, не было средствъ и у Прохорова; но такъ какъ такимъ путемъ можно разрабатывать только верхи пластовъ и нельзя вести добычу угля въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ, то приходилось своевременно озаботиться объ устройствѣ капитальной шахты, и Карповъ рѣшилъ такъ: всю ту прибыль, которую даетъ ему уголь, добываемый Прохоровымъ, затрачивать на устройство и оборудованіе капитальной шахты, что онъ съ успѣхомъ и выполнилъ къ концу договора съ Прохоровымъ. Такъ какъ уголь Карповскаго рудника принадлежитъ къ лучшимъ углямъ Донецкаго бассейна, то Карповъ безъ труда находилъ сбытъ, за хорошую цѣну, своему углю и получалъ со своихъ рудниковъ большіе доходы, которые изъ года въ годъ все росли, такъ какъ онъ постоянно употреблялъ часть получаемой отъ угля прибыли на развитіе своихъ рудниковъ и довелъ доходность ихъ до такихъ размѣровъ, что какая-то иностранная компанія предлагала ему за нихъ что-то около 8 милліоновъ рублей, но и за эту цѣну онъ ихъ не продалъ, несмотря на то, что своихъ денегъ онъ положилъ въ это дѣло всего 4.000 р., на развѣдки мѣсторожденія, а всѣ остальныя затраты были произведены изъ прибылей отъ самого дѣла. До самой своей смерти Петръ Александровичъ постоянно высказывалъ, что благодаря мнѣ онъ сталъ богатымъ человѣкомъ. Но съ моей легкой руки разбогатѣлъ не одинъ П. А. Карповъ, а и подрядчикъ его, Игнатъ Прохоровъ. Заработавъ деньженки на подрядѣ у Карпова, по окончаніи этого подряда онъ взялъ въ аренду, недалеко отъ Юзовскаго завода, угольный участокъ и сталъ его разрабатывать за свой счетъ, а впослѣдствіи продалъ свой рудникъ бельгійской компаніи, именовавшейся „Société Prokhoroff“, за сумму около милліона рублей.

А. Ауэрбахъ.

А. П. Ермоловъ въ Персіи [1]).

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ выѣхалъ въ Персію изъ Тифлиса съ многочисленнымъ штатомъ посольства, состоявшимъ въ общемъ болѣе чѣмъ изъ 200 лицъ [2]), 17 апрѣля 1817 года.

Уже по прибытіи 19 мая въ городъ Тавризъ—мѣстопребываніе намѣстника шахскаго престола Аббасъ-Мирзы, послу пришлось встрѣтиться съ своеобразными требованіями тогдашняго персидскаго дипломатическаго церемоніала. „Черезъ пристава нашего“,

[1]) См. „Русская Старина“, май 1909 г.

[2]) Весь штатъ посольства состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ:

Совѣтники посольства: д. ст. сов. *Негри* и *Соколовъ;* секретарь—кол. сов. *Худобашевъ;* маршалъ посольства: л.-гв. Семеновскаго полка капитанъ *Ермоловъ* (Петръ Никол., двоюродный братъ посла); кавалеры посольства: Л.-гв. Семеновскаго полка штабсъ-капитанъ *кн. Бебутовъ*, л.-гв. Преображенскаго полка прапорщикъ *гр. Самойловъ*, свиты Его Вел. по квартирмейстерской части поручикъ *Боборыкинъ;* чиновники посольской канцеляріи: кол. секр. *Бороздна*, 12 класса *Рикардъ*, магистръ *Ярцовъ*, подпоручикъ *Мадатовъ*; доктора: кол. сов. *Мазаровичъ*, и 7 класса *Миллеръ;* аптекарь *Ауфмордтъ*; живописцы: академикъ *Мошковъ* и *баронъ Корфъ*. Грузинскаго корпуса оберъ-квартирмейстеръ полковникъ *Ивановъ*; офицеры гв. ген. штаба: штабсъ-капит. *Муравьевъ*, поручикъ *Ренненкамфъ*, подпоручикъ *Щербининъ*; офицеры по квартирмейстерской части: штабъ-капитанъ *Коцебу*, прапорщикъ *Воейковъ*, колоновожатый *Лачиновъ*, адъютанты его превосход.: Л.-гв. Казачьяго полка *князь Бековичъ-Черкасскій*, л.-гв. артиллерійской бригады поручикъ *Поповъ*. Священнослужитель протоіерей *Авраамовъ*; капельмейстеръ кол. рег. *Парижскій*. Фельдъегери: поручики *Стабушъ* и *Матвѣевъ*; толмачи: капитанъ *Назаровъ*, прапорщики *Бегларовъ* и *Али-Хановъ*; хорунжій *Мацеряковъ*. Полицеймейстеръ: подпоручикъ *Ѳедоровъ*, при подаркахъ: губ. секр. *Летошинскій*, черкесы: *князь Джумбулатъ-Джанхотовъ* и при немъ 4 узденя. Конвой: 12 донскихъ и 12 линейн. казаковъ; воинская команда: 24 гренадера, 24 музыканта.

Кромѣ того посольство имѣло при себѣ довольно большое число слугъ.

говоритъ Алексѣй Петровичъ въ своихъ запискахъ, „сообщено мнѣ было весьма нѣжнымъ образомъ объ обычаяхъ и церемоніалѣ, употребляемыхъ при Персидскомъ дворѣ; что въ комнату наслѣдника нельзя войти въ сапогахъ, но должно надѣвать красные чулки; что одинъ я могу быть въ комнатѣ съ совѣтниками посольства, а прочіе чиновники должны стоять на дворѣ подъ окошками, и прочія довольно странныя предупрежденія.

Во время Наполеона, когда всѣ средства изыскивалъ онъ вредить Россіи, присланный отъ него въ Персію генералъ Гарданъ, дабы вкрасться въ довѣренность персіянъ, дѣлалъ всѣ имъ угожденія, и ему, послѣ краснаго колпака, вольности, нетрудно было надѣвать красные чулки. Посланники англійскіе и въ Персіи живущіе чиновники, съ другими видами, но съ намѣреніемъ тѣсною связью пріобрѣсти исключительныя для торговли выгоды, также не дѣлаютъ затрудненія въ исполненіи предлагаемаго этикета. Они къ шаху и наслѣднику ходятъ въ красныхъ чулкахъ, офицеры же и къ каймакаму не смѣютъ войти иначе. А какъ я не пріѣхалъ ни съ чувствами Наполеонова шпіона, ни съ прибыточными разсчетами приказчика купечествующей націи, то я не согласился на красные чулки и прочія условія.

Итакъ Аббасъ-Мирза, по долгомъ разсужденіи мудраго его совѣта, рѣшился насъ принять не въ комнатахъ, но предъ домомъ; не сидя на коврахъ своихъ, которыхъ доселѣ не дерзалъ попирать ни одинъ сапогъ, но стоя на каменномъ помостѣ внутренняго двора, у самаго окна, подъ портретомъ родителя своего. Многимъ, какъ и мнѣ самому, страннымъ казался пріемъ на дворѣ, но персіяне старались представить сіе въ видѣ особеннаго уваженія; они говорили, что наслѣдникъ никого не принималъ иначе, какъ сидя, а при семъ случаѣ онъ стоялъ, и не на коврахъ. Вотъ самое убѣдительное обстоятельство, которое должно смягчить каждаго, и я замолчалъ о томъ до времени“.

Въ Тавризѣ посолъ получилъ извѣстіе, что шахъ приметъ его въ Султаніи, куда Персидскій дворъ переѣзжалъ изъ Тегерана на время господствующихъ тамъ сильныхъ лѣтнихъ жаровъ. Выѣхавъ, вскорѣ послѣ того, изъ Тавриза, посольство 5 іюля прибыло въ урочище Саманархи, находящееся всего въ 10 верстахъ отъ шахскаго лѣтняго дворца въ Султаніи. На обширной равнинѣ разбиты были два лагеря, одинъ противъ другого; въ одномъ помѣщалось посольство, другой занималъ персидскій сановникъ со свитою и военнымъ отрядомъ, присланный шахомъ для привѣтствія посла.

Но не однѣ только внѣшнія обрядности предстоящаго представленія россійскаго посла Фетъ-Али-Шаху занимали и озабочивали

А. П. Ермолова по мѣрѣ приближенія момента свиданія съ Шахомъ. По прибытіи посла въ селеніе Саманархи, онъ былъ встрѣченъ тамъ съ особеннымъ почетомъ Мирзою-Абдулъ-Вехабомъ, любимымъ и довѣреннымъ лицомъ Шаха, человѣкомъ наиболѣе просвѣщеннымъ между персіянами. Причины столь необыкновенной предупредительности скоро объяснились. Абдулъ-Вехабъ былъ присланъ изъ Тегерана разузнать предварительно мнѣніе посла относительно возвращенія областей и съ этою цѣлью имѣлъ полномочіе Шаха на вступленіе съ нимъ въ переговоры. Бесѣды его съ посломъ по этому предмету продолжались почти ежедневно въ теченіе 10—12 дней и персіянину очень хотѣлось убѣдить Ермолова въ необходимости сдѣлать какую бы то ни было уступку, но ни угрозы въ возможности разрыва, ни указанія на многочисленныя ополченія въ Персіи не дѣйствовали: „Я обязанъ“, отвѣчалъ на это Алексѣй Петровичъ, „соблюдать достоинство моего Государя и Россіи, и если въ пріемѣ Шаха увижу холодность, а въ переговорахъ съ тѣмъ, кому поручено будетъ разсуждать со мною о дѣлахъ, замѣчу намѣреніе нарушить миръ, то я самъ предупрежу объявленіемъ войны и не окончу оной, не имѣя Аракса границей“. Званіе главнокомандующаго давало особое значеніе этимъ словамъ Алексѣя Петровича, „а угрюмая рожа моя“, писалъ онъ въ письмѣ А. А. Закревскому отъ 12 октября 1817 г., „всегда хорошо изображала чувства мои, и когда я говорилъ о войнѣ, то она принимала на себя выраженіе чувства человѣка, готоваго схватить зубами за горло. Къ несчастію ихъ я замѣтилъ, что они того не любятъ, и, тогда, всякій разъ, когда не доставало мнѣ убѣдительныхъ доказательствъ, я дѣйствовалъ звѣрскою рожей, огромною своею фигурой, которая производила ужасное дѣйствіе, и широкимъ горломъ, такъ что они убѣждались, что не можетъ же человѣкъ такъ сильно кричать, не имѣя справедливыхъ и основательныхъ причинъ“. „Когда говорилъ я“, писалъ Ермоловъ И. А. Кикину, „персіяне думали что съ голосомъ моимъ соединяются голоса ста тысячъ человѣкъ, согласныхъ со мною въ намѣреніяхъ, единодушныхъ въ дѣйствіи“ [1]).

Во время пребыванія россійскаго посольства въ Саманархи Мирза-Абдулъ-Вехабъ пригласилъ посла и его свиту на обѣдъ. На этомъ роскошномъ по мѣстнымъ понятіямъ угощеніи посольству оказаны были особые знаки вниманія, выразившіеся между прочимъ въ томъ, что для высокихъ гостей приготовлены были стулья, а также ложки и вилки, дабы имъ не приходилось, по обычаю персіянъ, ѣсть руками.

---

[1]) *Н. Дубровинъ*. Алексѣй Петровичъ на Кавказѣ. Военный Сб. 1882 г. стр. 14—17.

Представляя Абдулъ-Вехабу отдѣльныхъ членовъ своей свиты, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ между прочимъ рекомендовалъ состоящаго при посольствѣ штабсъ-капитана Коцебу, какъ знатока астрономіи. Абдулъ-Вехабъ, будучи также любителемъ математики и астрономіи, пожелалъ воспользоваться случаемъ имѣть съ молодымъ русскимъ ученымъ особую научную бесѣду по интересующему его предмету. Бесѣда эта состоялась на слѣдующій же день при посредствѣ, въ качествѣ переводчика, совѣтника посольства д. с. с. Негри и при участіи одного толстаго персіянина, пользовавшагося въ своемъ отечествѣ репутаціей выдающагося знатока математики и прибывшаго на ученую конференцію съ объемистымъ фоліантомъ въ рукахъ. Коцебу предложено было прежде всего объяснить, что такое затменіе? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Коцебу всталъ, обошелъ вокругъ тучнаго астролога и, остановившись за его спиной, спросилъ у министра, можетъ ли онъ его видѣть? „Нѣтъ, не вижу“, съ улыбкой отвѣтилъ Абдулъ-Вехабъ. „Ваше превосходительство изображаете собою солнце“, продолжалъ свои объясненія Коцебу, „я играю роль луны, а между нами земля. Таково самое простое и наглядное объясненіе затменія луны“. Ставъ затѣмъ между министромъ и ученымъ персіяниномъ, представлявшимъ собою земной шаръ, Коцебу пояснилъ, что при такомъ положеніи небесныхъ планетъ происходитъ для земли затменіе солнца, для солнца же—затменіе земного шара, хотя и неполное, вслѣдствіе значительнаго объема г. астролога, изображающаго нашу планету.

Послѣ взаимнаго обмѣна мнѣній по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ изъ области астрономическихъ явленій, обнаружившаго, что персіяне признаютъ существованіе только трехъ небесныхъ свѣтилъ—Юпитера, Сатурна и Венеры, при чемъ считаютъ, что планеты эти находятся въ болѣе близкомъ отъ солнца разстояніи, чѣмъ наша земля, и потому болѣе ея согрѣваются солнечными лучами, ученые собесѣдники перешли къ математическимъ темамъ. Желая выказать передъ русскимъ дипломатомъ-мореплавателемъ свои обширныя спеціальныя познанія въ области землемѣрнаго искусства, ученый астрологъ заявилъ, что ему знакомы методы измѣренія площади обширной равнины, доступъ къ коей загражденъ широкой рѣкой. Къ этому Абдулъ-Вехабъ съ своей стороны добавилъ, что ему приходилось, по порученію Шаха, съ полнымъ успѣхомъ, ко всеобщему удивленію его соотечественниковъ, дѣлать съемки большихъ площадей, и былъ крайне пораженъ, услышавъ, что въ Европѣ школьники младшаго возраста обучаются основамъ геометріи [1]).

Наконецъ 26 іюля состоялся торжественный въѣздъ посольства

[1]) Maurice de *Kotzebue*, Voyage en Perse p.p. 203—211.

въ Султанію, а 31 іюля пріемная аудіенція у Шаха. Здѣсь посольство расположилось также въ особомъ лагерѣ, разбитомъ въ 300 саж. отъ Шахскаго дворца; въ окрестностяхъ его находился персидскій станъ, состоявшій изъ множества палатокъ и простиравшійся въ правую сторону до самаго дворца. Дворецъ Шаха, по словамъ Бороздны [1]), небольшого размѣра, выстроенъ на невысокомъ утесѣ и отличается простотою отдѣлки какъ снаружи, такъ и внутри. Въ $1^1/_2$ верст. отъ дворца находятся развалины Султаніи, древней столицы Персіи.

Другой участникъ посольства, Коцебу, такъ описываетъ внутреннее расположеніе и убранство дворца, въ которомъ состоялся торжественный пріемъ посла и его свиты [2]). Дворецъ окруженъ рядами деревьевъ; пространство между этими деревьями и самымъ зданіемъ дворца представляетъ какъ бы два двора, отдѣленныхъ одинъ отъ другого красными занавѣсями. Шахская палатка помѣщалась во второмъ дворѣ. Въ ней и состоялся пріемъ посольства. Въ первомъ дворѣ поставлена была другая палатка, въ которой посолъ со свитою находился до момента представленія Шаху. Здѣсь же привѣтствовали посла первый генералъ-адъютантъ Шаха Али-Айяръ-Ханъ съ другими знатными персидскими сановниками.

Будучи приглашенъ къ Шаху, посолъ отправился на аудіенцію въ сопровожденіи Али-Айяръ-Хана и обоихъ совѣтниковъ посольства (д. с. с. Негри и Соколова); изъ нихъ одинъ несъ на золотомъ блюдѣ кредитивную грамоту. Посолъ вошелъ черезъ ворота на обширный дворъ, въ концѣ котораго находилась пріемная ставка Шаха. Все пространство отъ входа до палатки наполнено было придворными чиновниками и вооруженными тѣлохранителями Шаха.

Али-Айяръ-Ханъ, войдя въ палатку, громогласно возвѣстилъ сидѣвшему на тронѣ Шаху, что чрезвычайный и полномочный россійско-императорскій посолъ желаетъ имѣть счастіе поднести Его Величеству кредитивную грамоту своего Государя. „Хошъ-Галды“ (добро пожаловать),—отвѣчалъ повелитель Персіи также громкимъ голосомъ и далъ рукою знакъ для приглашенія посла въ палатку. Взявъ грамоту съ золотого блюда, посолъ, въ сопровожденіи двухъ совѣтниковъ своихъ, остановился противъ трона Шаха. Поклонившись Шаху и произнеся краткую привѣтственную рѣчь, посолъ вручилъ Его Величеству означенную грамоту, которую Шахъ, принявъ изъ рукъ посла, положилъ на тронъ. Послѣ сего

[1]) „Краткое описаніе путешествія Россійско-Имп. посольства въ Персію въ 1817 г.“. С.-Петербургъ, стр. 178.

[2]) *Moritz von Kotzebue's* „Reise nach Persien mit der Russisch Kais. Gesandschaft im Jahre 1817“. Weimar 1819.

посолъ возвратился на прежнее мѣсто и, по приглашенію Шаха, сѣлъ въ приготовленныя для него, противъ трона, на томъ же коврѣ, кресла. Его Величество съ ласковымъ видомъ спрашивалъ посла о состояніи его здоровья послѣ столь труднаго путешествія. Затѣмъ слѣдовали взаимныя увѣренія о постоянномъ желаніи обоихъ Государей сохранить миръ, союзъ и дружбу между обѣими державами. При этомъ Шахъ высказалъ также, что желалъ бы найти возможность дѣлать взаимныя посѣщенія съ Императоромъ Александромъ, подобно тому, какъ это происходитъ между европейскими государями. Между тѣмъ введены были въ ставку всѣ прочіе чиновники россійскаго посольства и поименно представлены были посломъ Шаху. Когда, въ числѣ прочихъ, представленъ былъ штабсъ-капитанъ Коцебу, и посолъ объявилъ Его Величеству, что этотъ офицеръ, совершивъ путешествіе вокругъ свѣта, стремился увидѣть великаго Шаха Фетъ-Али и Персію, то Его Величество съ улыбкою произнесъ: „теперь онъ все видѣлъ“.

По окончаніи аудіенціи посолъ со свитою возвратился въ лагерь, при громѣ музыки, сопровождаемый первымъ генералъ-адъютантомъ Шаха.

Чтобы еще яснѣе понять рисунокъ Мошкова, изображающій пріемную аудіенцію у шаха [1]), приведемъ еще нѣкоторыя данныя изъ описанія внутренняго расположенія и убранства пріемной палатки, сдѣланнаго посольскимъ чиновникомъ Бороздною. Ограда двора, гдѣ находилась ставка аудіенціи, была подвижная и сдѣлана изъ выбойки, на коей представлены были Джамбазы и Сербазы. Ворота, также, какъ и ограда, были не что иное, какъ ширмы, натянутыя на кольяхъ. На воротахъ изображены были подвиги персидскихъ героевъ. Самая ставка имѣла безовый наметъ, а внутренняя часть ея сдѣлана была изъ шелковой матеріи, съ золотыми прошивами. Эта внутренняя часть палатки представляла собою возвышеніе, сдѣланное изъ кирпича, въ 1 арш. вышиною, и устланное шалевыми коврами. На одномъ углу этого возвышенія находился тронъ, украшенный драгоцѣнными камнями, изъ коихъ особенно отличались пять изумрудовъ необычайной величины. Подножіе трона представляло вычеканеннаго на золотой доскѣ льва. Шахъ имѣлъ одежду изъ золотой парчи, съ оплечьемъ изъ крупнаго жемчуга, а на головѣ корону, украшенную жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, съ тремя алмазными перьями. Въ браслетахъ, состоящихъ также изъ драгоцѣнныхъ камней и надѣтыхъ между плечъ и локтей, отличались два алмаза необыкновенной величины, изъ коихъ одинъ называется Дарья-Нуръ (море блеска), а другой Кохи-Нуръ (гора блеска). На шеѣ Шахъ имѣлъ большую нитку крупнаго жемчуга; поясъ

[1]) См. „Русск. Старину“ 1909 г. кн. V.

и кинжалъ также украшены были драгоцѣнными камнями. Въ правую сторону отъ трона застланъ былъ коверъ малиноваго бархата, каймы коего вышиты жемчугами; на немъ стоялъ украшенный алмазами каліанъ и четыре другихъ сосуда. Съ правой же стороны въ ставкѣ стояли четырнадцать сыновей Шаха, а близъ самаго трона маленькій его сынъ, лѣтъ пяти.

По лѣвую сторону, внѣ палатки, находилось пять придворныхъ чиновниковъ, державшихъ малую корону, скипетръ въ видѣ булавы, саблю, щитъ и ящикъ съ государственною печатью, а передъ самой палаткой стояло четыре насакчи (верховные исполнители правосудія, съ знаками своего достоинства, т. е. съ желѣзными сѣкирами, богато украшенными золотою насѣчкою и драгоцѣнными камнями [1]).

Черезъ нѣсколько дней послѣ первой аудіенціи, а именно 3-го августа, состоялась особая аудіенція у Шаха для осмотра Его Величествомъ подарковъ, Высочайше назначенныхъ Императоромъ Александромъ I Шаху, его супругѣ, сыновьямъ и сановникамъ [2]).

По словамъ Бороздны, императорскіе подарки произвели на Шаха очень сильное впечатлѣніе. Фарфоровыя и хрустальныя вещи его совершенно плѣнили. Увидя на одной изъ фарфоровыхъ тарелокъ, на коихъ изображены были костюмы жителей Россіи, русскую дѣвушку, Шахъ спросилъ у посла, точно ли такъ хороши женщины въ Россіи? Необычайной величины хрустальный подносъ

---

[1]) См. Бороздна, стр. 140—144, а также *Зубовъ Платонъ* „Подвиги русскихъ воиновъ въ странахъ Кавказскихъ съ 1800 по 1834 г.“ т. II. СПб. 1836 г. Описаніе торжественныхъ аудіенцій, данныхъ Персидскимъ Шахомъ генералу Ермолову въ 1817 г., стр. 300.

[2]) *Перечень главныхъ подарковъ, Высочайше назначенныхъ Фетъ-Али-Шаху и его супругѣ. Подарки Шаху:*

Перо брилліантовое съ сафирами, кинжалъ въ золотой оправѣ, осыпанный брилліантами и сафирами съ двумя жемчужными кистями на золотыхъ шнурахъ; кальянъ хрустальный, оправленный богато золотомъ; часы бронзовые, изображающіе слона, осыпанные каменьями и жемчугомъ; парча; бархатъ; мѣха собольи и горностаевые; фарфоровый дессертный и столовый сервизъ; чайный сервизъ; стеклянный сервизъ столовый и дессертный; два большихъ зеркала; ящикъ, въ которомъ находились сабля, ружье и пара пистолетовъ.

Подарки супругѣ Шаха:

Парчи; бархатъ; фарфоровыя вещи; пряжка, украшенная алмазами и сафирами; перо брилліантовое съ рубиномъ; пирамида, сдѣланная изъ разныхъ деревъ съ приборомъ дамскихъ принадлежностей; туалетное большое зеркало въ рамѣ краснаго дерева съ бронзовыми украшеньями; бронзовые канделябры, большая фарфоровая ваза. Кромѣ того опредѣлены были богатые подарки сыновьямъ Шаха старшему и младшему и высшимъ сановникамъ персидскимъ. *См. Акты собр. Кавк. Археогр. Ком.*, изд. подъ ред. А. Берже т. VI ч. II, Тифлисъ, 1875 г., стр. 132.

обратилъ также его вниманіе. Одно туалетное и другихъ два большихъ зеркала приводили его въ восторгъ всякій разъ, когда онъ подходилъ къ нимъ. Шахъ, кажется, первый разъ въ жизни своей видѣлъ себя такъ хорошо съ головы до ногъ. Осматривая другіе предметы, какъ-то: собольи и горностаевые мѣха, бархаты, парчи и сукна, онъ изъявилъ сомнѣніе, говоря, что собольи мѣха кажутся ему ненатуральнаго темнаго цвѣта. Но посолъ, желая доказать противное, доложилъ Его Величеству, что Самому Государю Императору угодно было выбрать ихъ, на что Шахъ сказалъ: „Слѣдовательно, ручка императорская прикасалась къ нимъ“, и положилъ руку свою на одинъ изъ мѣховъ, желая показать этимъ, сколь драгоцѣненъ для него союзъ съ россійскимъ Монархомъ [1]).

Шахъ просилъ Ермолова заказать для него фарфоровый сервизъ и хрустальныя люстры, увѣряя, что англичане не могутъ сдѣлать по его вкусу, и прислать къ нему бывшаго въ свитѣ посла, академика Мошкова, чтобы нарисовать формы вещамъ по его указанію [2]).

Съ художественнымъ талантомъ Мошкова Фетъ-Али-Шахъ имѣлъ случай познакомиться лично по нижеслѣдующему поводу. По словамъ Коцебу, подтвержденнымъ и Соколовымъ, этотъ художникъ *нарисовалъ по памяти и довольно точно церемоніалъ первой аудіенціи у Шаха.* Одинъ экземпляръ этого рисунка былъ поднесенъ министру Абдулъ-Вехабу, который показалъ его Шаху, изъявившему желаніе видѣть автора рисунка, чтобы заказать ему свой портретъ; при этомъ онъ показалъ представшему предъ нимъ художнику два своихъ портрета, которые онъ считалъ особенно хорошими, и просилъ его нарисовать точно такіе же. На этой художественной аудіенціи было допущено существенное отступленіе отъ обычнаго строгаго этикета. Взойдя на тронъ, Шахъ обратился къ художнику съ слѣдующими словами: „Вы сдѣлаете двѣ копіи моего изображенія; одну для меня, а другую я пошлю въ Европу [3])“. Его Величество Шахъ, по словамъ Соколова, при этомъ далъ понять художнику, чтобы онъ нарисовалъ его во всемъ блескѣ сокровищъ и *красавцемъ*. „Такимъ образомъ нашъ художникъ“, добавляетъ Коцебу, „быть первымъ смертнымъ, который такъ близко лицезрѣлъ Шаха, сидя въ его присутствіи“ [4]).

---

[1]) См. *Бороздна* — стр. 201—204.

[2]) *Н. Дубровинъ.* А. П. Ермоловъ на Кавказѣ. Воен. Сб. 1882 г. № 3, стр. 24.

[3]) У камеръ-фрейлины Ек. П. Ермоловой имѣется большой портретъ масляными красками Фетъ-Али-Шаха, перешедшій къ ней отъ А. П. Ермолова.

[4]) *Maurice de Kotzebue* „Voyage en Perse“, p. 260.

Изъ отношенія генерала Ермолова, посланнаго графу Нессельроде въ октябрѣ 1817 г., уже по возвращеніи А. П. изъ Персіи, видно, что просьба Шаха о присылкѣ художника Мошкова для начертанія формы вещамъ, которыя Шахъ желалъ заказать въ Россіи, было дѣйствительно исполнено. Въ этомъ же отношеніи къ гр. Нессельроде А. П. высказалъ свое мнѣніе о желательности исходатайствованія Высочайшаго соизволенія Императора Александра I на удовлетвореніе желанія Шаха о заказѣ въ Россіи упомянутыхъ предметовъ [1]).

Во всеподданнѣйшемъ донесеніи своемъ Императору Александру I 25 сентября 1817 г., отправленномъ изъ Нахичевани, Алексѣй Петровичъ такъ опредѣляетъ результаты своего посольства: „Богъ, споспѣшествующій благимъ намѣреніямъ Вашего Императорскаго Величества, допустилъ намъ быть исполнителемъ точной воли Вашей. Возложенныя на меня порученія въ Персіи я окончилъ благополучно. Настоянія о возвращеніи нами областей были повторены съ твердостью. Съ таковою же отказалъ я оныя и границы наши не потерпѣли ни малѣйшаго измѣненія. Дружба не весьма была чистосердечна, но получила наилучшее основаніе, и, повидимому, надѣяться можно на продолженіе оной. Иноземцы не въ полномъ блескѣ изображали здѣсь славу Вашего Императорскаго Величества и могущество Россіи, но смѣю увѣрить, что нынѣ воздается имъ достойное почтеніе [2])“.

Но дружественныя отношенія Россіи съ Персіею продолжались не долго. Подстрекаемый наслѣдникомъ престола Аббасъ-Мирзою и главнымъ министромъ своимъ Алаяръ-Ханомъ, Фетъ-Али-Шахъ, въ половинѣ іюля 1826 г., безъ предварительнаго объявленія, двинулъ свои войска въ предѣлы Закавказскаго Края, и возгорѣлась война, окончившаяся полнымъ пораженіемъ персіянъ и уступкою Россіи по Туркманчайскому миру 10 февраля 1828 года ханства Эриванскаго и Нахичеванскаго.

Александръ Ермоловъ.

[1]) *Акты, собр. Кавк. Археогр. Ком.* т. VI, ч. II стр. 182.
[2]) Тамъ же, стр. 37.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой) [1]).

Глава V [2]).

Письма Кейзерлинга.

Переписка съ Кейзерлингомъ началась въ 1866 г. Нѣсколько лѣтъ она поддерживалась съ особой аккуратностью, послѣ 1876 г. она уменьшилась, но совершенно никогда не прекращалась. Г-жа Новикова была поглощена турецкой войной и славянскимъ вопросомъ; а графъ былъ выше политики и исключительно преданъ интересамъ науки.

Отъ графа Кейзерлинга были сотни писемъ, а кто знаетъ, сколько ихъ было отъ г-жи Новиковой? Графъ несомнѣнно очень дорожилъ ими, такъ какъ онъ говоритъ, что собралъ ихъ въ отдѣльный переплетенный томъ. Повсюду есть указанія на письма, на которыя графъ отвѣчаетъ, но помимо этого издателю остается мало объясненій на raison d'être многихъ замѣчаній графа. Въ общемъ обзорѣ воспоминаній полустолѣтней энергичной жизни придется коснуться только самымъ поверхностнымъ образомъ этой обширной переписки. Повидимому, графъ Кейзерлингъ очень искренно привязанъ былъ къ молодой русской женщинѣ, которую онъ встрѣтилъ у Великой Княгини Елены Павловны. Ни одинъ изъ нихъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, какъ могла возникнуть такая большая дружба между двумя характерами, которые, какъ бы ни симпатизировали другъ другу, были очень различны. Кейзерлингъ былъ пожилой ученый, свободомыслящій и далеко не славянофилъ. Г-жа Новикова принадле-

[1]) Переводъ Елизаветы Степановны Мосоловой.

[2]) См. „Русская Старина“, май, 1909 года.

жала къ петербургскому обществу, православная и пропитана идеей славянства, унаслѣдованной ею отъ родителей. Тѣмъ не менѣе послѣ первой ихъ встрѣчи началась переписка, тонъ которой имѣетъ характеръ откровеннаго искренняго чувства, но чисто платоническаго. Они даже не разсуждаютъ о любви въ отвлеченности, хотя разъ графъ коснулся этой опасной почвы, написавъ: „Вы говорите о чувствѣ сомнѣнія относительно нѣкоторыхъ священныхъ предметовъ. Я желалъ бы вызвать въ Васъ реальность чувства. Единственная основная реальность есть любовь“. Но это имѣетъ только видъ намёка. Графъ былъ философъ и, объявивъ, что единственная основная дѣйствительность любовь, онъ продолжаетъ распространяться въ отвлеченностяхъ. Онъ пишетъ (29 октября 1867 г.):

„Я дѣлаю нѣкоторые успѣхи въ анализѣ души во время нашего жизненнаго сна. Сна остановить никто не можетъ. Душа собственно говоря зеркало, которое отражаетъ всѣ движенія мозга, но она не заключена въ тѣлѣ. Это однако дѣлается сложнымъ. Я просто скажу, что моя душа хотѣла бы быть съ Вами“.

Я привелъ это мѣсто, какъ одно изъ самыхъ горячихъ выраженій его чувства, которое я нашелъ въ письмахъ. Однажды, когда г-жа Новикова была въ Германіи, онъ оканчиваетъ свое письмо шуточной фразой: „я такъ далеко отъ Васъ, что могу совершенно convenablement закончить словами: je Vous aime“.

И такъ было со всѣми корреспондентами г-жи Новиковой. Въ этомъ огромная разница между ею и кн. Ливенъ, что она и ея безчисленные друзья всегда были convenables; она была очень привлекательна для многихъ и конечно были такіе, которые пробовали объясняться ей въ любви, какъ это подобаетъ смертнымъ. Но несмотря на кажущуюся неумѣстность такого выраженія о пожилой женщинѣ, г-жа Новикова провела жизнь въ дѣвственныхъ размышленіяхъ, не предаваясь фантазіямъ. Это выраженіе указываетъ на отвлеченіе ея ума отъ личности. Она была вѣрный товарищъ, симпатичный корреспондентъ и самый преданный другъ, но больше ничего.

Графъ Кейзерлингъ въ одномъ изъ самыхъ интересныхъ его писемъ пытается дать себѣ отчетъ въ томъ, что могло соединить ихъ дружбой, и объясняетъ это парадоксомъ, что нѣтъ болѣе продолжительной дружбы, какъ та, которая не имѣетъ никакой причины (raison d'être).

Г-жа Новикова по этому поводу разсказываетъ интересный эпизодъ о студенческой дружбѣ графа Кейзерлинга съ Бисмаркомъ.

Молодые люди были совершенно различныхъ характеровъ. Кейзерлингъ, тощій, сдержанный, застѣнчивый и книжникъ. Бисмаркъ, веселый, буйный юноша, необыкновенно живой, всегда готовый на

бунтъ или кутежъ, наслаждавшійся танцами и попойкой гораздо больше, чѣмъ глубиной познаній. Однажды Кейзерлингъ получилъ письмо, которое его видимо смутило. „Что случилось?“ спрашиваетъ Бисмаркъ.—Да вотъ,—отвѣчаетъ Кейзерлингъ, матушка пишетъ, что одна моя тетушка съ двумя кузинами пріѣзжаютъ въ Берлинъ на недѣлю и, такъ какъ онѣ очень молоды и неопытны, то я долженъ сопровождать ихъ всюду и предлагать имъ всевозможныя удовольствія. Это очень скучно, такъ какъ мнѣ нужно готовиться къ экзаменамъ, и я совсѣмъ не могу тратить времени на молодыхъ деревенскихъ кузинъ.

Бисмаркъ быстро сообразилъ въ чемъ дѣло и воспользовался случаемъ.

„Ты видѣлъ этихъ молодыхъ дѣвушекъ? видѣли ли онѣ тебя?“

— Никогда въ жизни, онѣ совершенно мнѣ незнакомы.

„Прекрасно“ воскликнулъ его пріятель. „Ничего не можетъ быть лучше. Позволь мнѣ на это время быть графомъ Кейзерлингомъ, а ты будь просто Бисмаркъ. Ты сиди дома, а я буду ихъ чичероне на все время ихъ пребыванія здѣсь“.

Кейзерлингъ съ радостью принялъ предложеніе. Когда пріѣхали молодыя дѣвицы, Бисмаркъ ихъ встрѣтилъ, какъ Кейзерлингъ, и отдалъ себя въ ихъ распоряженіе. Кейзерлингъ зарылся въ книги и не думалъ объ этомъ случаѣ до возвращенія дѣвицъ домой въ Балтійскія провинціи. Черезъ недѣлю онъ былъ пораженъ, получивъ письмо отъ матери, въ которомъ она выражала свой восторгъ отъ разсказовъ молодыхъ дѣвушекъ и ихъ матери о томъ, какъ онѣ хорошо провели время въ Берлинѣ, какой веселый и добрый былъ ихъ двоюродный братъ. „И, продолжала его мать, я очень рада слышать изъ ихъ описанія, что ты пополнѣлъ и поздоровѣлъ въ Берлинѣ. Я бы едва могла тебя узнать изъ ихъ разсказовъ и жду съ нетерпѣніемъ видѣть это воочію“.

Увы, когда Кейзерлингъ вернулся домой, онъ былъ все тѣмъ же блѣднымъ и худымъ студентомъ и, чтобъ успокоить мать, вообразившую, что онъ перенесъ опасную болѣзнь, онъ долженъ былъ признаться въ невинномъ обманѣ, который удовлетворилъ всѣхъ, кого онъ касался.

Слѣдующее письмо—автографъ письма князя Бисмарка къ графу Кейзерлингу въ то время, когда Бисмаркъ былъ прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ.

С.-Петербургъ 2 іюня 1859 г.

„Дорогой Кейзерлингъ, изъ твоего письма къ моей женѣ я, съ сожалѣніемъ, вижу, что ты болѣешь страданіями жены и ребенка; мнѣ по собственному опыту извѣстно, какъ подавляюще это дѣйству-

етъ на человѣка и какъ легче переносить страданія въ собственномъ тѣлѣ. Дай Богъ, чтобы воды, воздухъ и отдыхъ возвратили силы твоему первенцу. У насъ все благополучно, за исключеніемъ того, что мнѣ придется черезъ нѣсколько дней разстаться съ семьей. Въ среду маленькій караванъ направится въ Померанію черезъ Ковно, а я послѣдую за нимъ три—четыре недѣли спустя. Я такое избалованное домашнее животное, что мысль провести здѣсь іюнь въ одиночествѣ производитъ во мнѣ самыя непріятныя ощущенія. Я лично еще въ отпуску, но дѣлаютъ затрудненія въ назначеніи бѣднаго Кро замѣстителемъ мнѣ и хотятъ дать кому-нибудь на это время une mission extraordinaire. По моему мнѣнію, это излишній расходъ для государства, которое въ настоящее время, строго говоря, не ведетъ политическихъ переговоровъ, и въ то же время покушеніе на мои финансы, такъ какъ я долженъ буду тратить на представительство. Обсужденіе этого дѣла не лестно для Кро и вѣроятно будетъ имѣть въ результатѣ или перемѣщеніе его на другую должность или отставку. Мнѣ жаль его, какъ члена семьи; что касается дѣла, я безъ него обойдусь.

„Въ заключеніе посылаю тебѣ пространный документъ прусскаго смотрителя за дичью противъ барона Таубе. Тебѣ это дѣло, кажется, извѣстно, судя по содержанію бумаги, и такъ какъ оно уже разсматривается въ судѣ, то ты не будешь въ состояніи его устроить, самое большое, если ты можешь его ускорить, когда найдется случай. Я хотѣлъ только спросить, не обладаетъ ли вышеназванный Таубе совершенно противоположными свойствами птицы того же имени [1]), и слышалъ ли ты достаточно подробностей съ той и другой стороны, чтобы имѣть хотя бы неясное впечатлѣніе, что истецъ не дѣйствуетъ безъ всякой причины. Согласно съ этимъ я измѣню тонъ моего обращенія, въ свое время, къ Суворову. Мое первое впечатлѣніе таково, что было бы благоразумно не удерживать долѣе, по крайней мѣрѣ, пропускъ и принадлежности смотрителя дичи; ты будешь добръ отвѣтить поскорѣй, чтобъ не увеличивать несчастій этого человѣка.

„Въ политикѣ отсутствіе Горчакова дѣлаетъ застой, который менѣе ощутителенъ въ эту минуту, потому что нѣтъ сильно кипящихъ горшковъ на огнѣ. Если это положеніе дѣлъ продолжится, тебѣ грозитъ опасность моего набѣга, какъ только уѣдетъ жена. Если эта перспектива тебя не пугаетъ, дай мнѣ знать, какимъ путемъ пріѣхать изъ Россіи къ твоей любезной особѣ, и когда ты выѣдешь въ Швалень, о поѣздкѣ въ который ты упоминаешь. Если не соберутся

[1]) Таубе—голубь.

тучи на горизонтѣ, я надѣюсь быть въ состояніи освободиться на четыре—пять дней, до поѣздки моей въ Германію, чтобъ посмотрѣть, какъ ты ведешь свое хозяйство. Обрати на меня милостивое вниманіе твоей супруги. Моя шлетъ привѣтъ и сердечную благодарность за письмо, на которое она отвѣтитъ изъ Помераніи. Твой

Ф. Бисмаркъ".

Въ письмахъ графа часто встрѣчаются намеки на современную политику, доказывающіе, что онъ далеко не сочувствовалъ русской системѣ государственнаго управленія, бывшей тогда въ большомъ ходу въ Москвѣ. 21 августа 1866 г., онъ замѣчаетъ съ лукавой улыбкой, что Катковъ, знаменитый издатель „Московскихъ Вѣдомостей", имѣлъ аудіенцію у Императора, получилъ нѣкоторое поощреніе, но также и совѣтъ не смотрѣть, какъ на предателя, на всякаго, кто не имѣетъ счастья родиться москвичемъ. Въ томъ же письмѣ онъ описываетъ Егерфестъ въ Ревелѣ, но безъ пѣнія нѣмецкихъ антифоновъ, какъ въ старые блаженные дни. „Я не принималъ участія въ этомъ, чтобы не сказали, что я придумалъ праздникъ".

Участіе человѣчества въ политической борьбѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ было незначительно. Участіе къ человѣчеству постоянно. Графъ Кейзерлингъ былъ прекрасный корреспондентъ, вѣжливый, почтительный, но полный мистическаго поклоненія идеалу. Онъ пишетъ г-жѣ Новиковой (25 августа 1867 г.):

„Я долженъ просить Вашего снисхожденія къ шутливымъ прихотямъ фантазіи, которыя иногда мелькаютъ въ моихъ мысляхъ, потому что въ глубинѣ души меня радуетъ Вашъ энтузіазмъ ко всему доброму и безкорыстному. Въ этомъ, я думаю, находится атмосфера вѣчности и всемірная религія".

Графъ Кейзерлингъ, хотя былъ свободомыслящій человѣкъ, но не былъ матеріалистъ. 11 ноября 1867 г. онъ нѣсколько неожиданно утверждаетъ: „я того мнѣнія, что матеріализмъ существуетъ по незнанію доводовъ Канта, опровергнуть которые матеріализмъ никакимъ способомъ не можетъ".

Вотъ двѣ выдержки изъ переписки того года, могущія служить образцомъ многихъ писемъ.

2 марта 1867 г.—„Человѣкъ стоитъ на полъ-пути между всѣмъ и ничѣмъ, но не въ состояніи достигнуть ни той, ни другой крайности. Не теряйте вѣры въ Ваши идеалы. Почерпните изъ моего опыта нѣкоторое довѣріе къ вѣчности... Я желалъ бы чарами отогнать отъ Васъ мрачныя мысли, которыя иногда Вами завладѣваютъ. Но вся моя ученость безсильна помочь въ этомъ. Думать, что наука есть панацея отъ всѣхъ бѣдъ, осаждающихъ юношество, не есть ли это самонадѣянность"?

Ревель. Октябрь 1867.—„Полетъ ласточки иногда кажется тревожнымъ, непостояннымъ, предвѣстникомъ бури. Я не Юпитеръ громовержецъ, и долженъ преклонить свою голову предъ разрушающей грозой. Вы говорите о проблематическихъ натурахъ. Вы въ высшей степени проблематичны, и я еще не разгадалъ Васъ... Мое желаніе быть добрымъ, добрымъ ко всѣмъ и въ особенности къ Вамъ. Помогите мнѣ, и я достигну успѣха“.

Переписка захватываетъ различныя темы. „Какого Вы мнѣнія о Бисмаркѣ?“ спрашиваетъ Кейзерлингъ, а потомъ вдается въ разсужденіе о разницѣ между архіепископомъ Платономъ и пасторомъ Добнесъ, которые были въ состязаніи о правахъ православной Греческой церкви и протестантскаго міра. Онъ обсуждаетъ достоинства и недостатки платы членамъ парламента, предупреждаетъ о томъ, что вопросъ Балтійскихъ провинцій можетъ принять европейскіе размѣры и такъ далѣе.

Затѣмъ онъ сѣтуетъ на то, что новѣйшая борьба за существованіе не даетъ времени нашему поколѣнію думать о болѣе возвышенныхъ, обширныхъ идеалахъ международной жизни.

Какъ бы онъ ни былъ занятъ, онъ всегда находитъ время, чтобъ ободрить и утѣшить свою корреспондентку, письма которой, какъ онъ заявляетъ, служатъ ему источникомъ наслажденія. Полученіе ея письма въ посту было для него настоящимъ праздникомъ. И опять онъ говоритъ ей: „Ваши письма звучатъ для меня, какъ щебетанье соловья. Вы говорите, какъ двадцать человѣкъ вмѣстѣ“.

Онъ проситъ постоянно увѣдомлять его о ея поступкахъ и, когда она жалуется на чувство неловкости, онъ увѣряетъ, что такая неловкость неразлучна съ извѣстной степенью культуры. Онъ проситъ ее познакомиться съ Бисмаркомъ, говоритъ, что Наполеонъ est éteint et lourd и теряетъ свое savoir faire.

Все это въ 1867 г.

Въ маѣ 1867 г. онъ говоритъ, что противоправительственное движеніе славянъ для него ново и очень его интересуетъ. Онъ пишетъ (21 іюня 1867): „у насъ были восторженныя празднества въ Ригѣ въ честь Императора... Мы всѣ, какъ намъ напомнили въ торжественной рѣчи на празднествѣ, нераздѣльныя части великой русской семьи. Разные умы различно толкуютъ объ этомъ напоминаніи. Я утѣшаю себя мыслью, что это дѣлаетъ меня членомъ одной семьи съ Вами“.

Но во всѣхъ политическихъ и философскихъ разсужденіяхъ появляется личная нотка. Онъ пишетъ:

„Мудрецъ видитъ свою путеводную звѣзду какъ бы въ тихихъ

водахъ женской души. Въ Васъ я вижу небо и надѣюсь открыть звѣзду". 28 мая 1867.

4 іюня. „Не поддавайтесь мрачной мысли о томъ что: „personne ne songe à moi". Эта мысль такъ противорѣчитъ дѣйствительности и Вашему природному нраву".

Пріѣхавъ въ Карлсбадъ, онъ жалуется на жестокость судьбы, не встрѣтивъ тамъ г-жу Новикову. Онъ пишетъ:

„12 августа 1867. Дѣйствительность плохо совпадаетъ съ нашими мечтами, а по временамъ мы предпочли бы жизнь въ мечтахъ. Не найдя Васъ здѣсь, я тратилъ время на прогулки въ окрестностяхъ".

Онъ ѣдетъ въ Парижъ смотрѣть выставку, но какой смыслъ въ этихъ многочисленныхъ впечатлѣніяхъ, когда „только одно можетъ дать счастье"? Мысли его опять обращаются къ ней: „какая жалость, что Васъ здѣсь нѣтъ, чтобъ смотрѣть на всѣ эти вещи вмѣстѣ со мной, что въ стократъ повысило бы имъ цѣну".

Онъ ѣдетъ въ Jardin Mabille и разсуждаетъ о нелѣпости мнѣнія, что приличіе рождаетъ скуку. Онъ благодаритъ г-жу Новикову за ея прелестное письмо и превозноситъ ея esprit. „Вы, конечно, лучше меня умѣете faire la phrase finale". Графу незачѣмъ было учиться этому у своей корреспондентки. Онъ пишетъ: „Такъ какъ никакія мои сравненія не получаютъ Вашего одобренія, я назову Васъ несравненной" и потомъ онъ шутливо прибавляетъ: „Adieu, soyons sages".

Когда приближается время его возвращенія въ Дерптъ, гдѣ онъ должностное лицо и отецъ семейства, онъ пишетъ: „скоро возвращусь къ моимъ важнымъ обязанностямъ—думаю, что тогда два письма въ мѣсяцъ должны стать предписаннымъ режимомъ... Я не имѣю силъ писать Вамъ о свѣтскихъ пустякахъ и стыдно дѣлаться сентиментальнымъ...: постороннее лицо, читая мою переписку, можетъ истолковать все невѣрно".

Графъ смертельно боялся быть непонятымъ, но ни одинъ посторонній человѣкъ не нашелъ бы ничего въ его перепискѣ, чтобы не было совершенно convenable. Что онъ чувствовалъ къ своей молодой и блестящей корреспонденткѣ искреннюю привязанность, дѣлаетъ честь имъ обоимъ. Но онъ выражаетъ жалобу:

„Всегда существуетъ элементъ несогласія въ томъ, что именно предназначено для соединенія людей... Къ какой цѣли стремится человѣчество? Есть, казалось бы, что-то выше догмата, имѣющее своимъ центромъ любовь къ ближнему".

„Какимъ бѣднякомъ себя чувствуешь, какъ только пожелаешь принести пользу душѣ другого человѣка".

„Наша судьба не всегда согласуется съ нашими молитвами, которыя служатъ намъ утѣшеніемъ въ мрачные осенніе дни только какъ прекрасныя невинныя мечты".

„Макіавелли говоритъ, что испорченность и пессимизмъ близнецы,— да, но на землѣ достаточно причинъ, чтобы сдѣлаться пессимистомъ".

„Мы всѣ должны имѣть назначеніе", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: „для корабля нашей жизни. Въ чемъ „Ваше назначеніе"? и самъ отвѣчаетъ себѣ: „въ любви къ родинѣ, къ Вашей національности". Панславянскій энтузіазмъ г-жи Новиковой тогда еще не проявился съ такой ясностью, какъ впослѣдствіи. Онъ безпокоится о всеобщемъ мирѣ и еще больше о тенденціяхъ Катковскаго лицея, хотя педагогическими его планами онъ восхищается, находя ихъ смѣлыми и оригинальными: „у насъ еще не существуетъ заведенія съ такимъ обширнымъ значеніемъ, гдѣ воспитаніе велось бы, начиная съ азбуки и кончая самыми высокими академическими тайнами".

Тогда г-жа Новикова еще не сочувствовала женщинамъ-врачамъ. Графъ Кейзерлингъ, болѣе предусмотрительный чѣмъ она, слегка упрекаетъ ее: „не осуждайте изъ предразсудка дѣвушку-студентку, только что получившую степень доктора въ Цюрихѣ".

Интересны слѣдующія выдержки и сокращенія его писемъ:

Дерптъ 9 января 1865. „Суровый голосъ долга заставляетъ меня остаться въ Дерптѣ и не ѣхать въ Петербургъ. Вѣроятно, я никогда не вернусь въ Вашъ свѣтъ".

Онъ рекомендуетъ ей самое извѣстное сочиненіе Шопенгауера: „Die Welt als Wille und Vorstellung". Онъ любуется его логикой, не соглашается съ его заключеніями и находитъ ихъ подавляющими.

15 апрѣля 1865.—„Смерть наслѣдника престола повергла всѣ сердца въ искреннюю горесть. Никто не приходилъ въ соприкосновеніе съ Великимъ Княземъ, не почувствовавъ всей прелести его личности, исполненной добра и неспособной къ злобѣ".

„Начиная съ Петра Великаго, Россія была особенно счастлива своими государями. Они совершенно соотвѣтствовали даннымъ обстоятельствамъ".

Убійство президента Линкольна внушаетъ ему мысль о томъ, какъ хорошо своею смертью провозгласить торжество великаго дѣла.

11 мая 1865 г. Онъ говоритъ ей, что изучалъ еврейскую систему воспитанія, и теперь онъ всецѣло за снисхожденіе къ евреямъ. Невѣжество и безчеловѣчность нашего законодательства относительно евреевъ неслыханны, и лучшіе люди, какъ недавній министръ Уваровъ и другіе, отвѣтственны за это.

26 сентября 1865 г. Онъ настаиваетъ на опасности германизма. Германцы были первыми орудіями угнетенія, въ порабощеніи поля-

ковъ они превосходятъ самыхъ рьяныхъ москвичей. Однако, они никогда не измѣнятъ національнаго духа въ польскихъ крестьянахъ. Онъ, видимо, находитъ, что у германцевъ слишкомъ желѣзный кулакъ.

Онъ обращаетъ большее вниманіе на вопросы воспитанія и образованія, но они носятъ слишкомъ мѣстный характеръ для того, чтобы ихъ приводить. Онъ много пишетъ о гимназіи, и какое въ ней должно быть преподаваніе. Въ то время, повидимому, много было разсужденій въ Россіи о Литвѣ. Несомнѣнно, Кейзерлингъ былъ впереди своего времени, впереди даже теперешнихъ русскихъ методовъ.

18 декабря 1865 г. Онъ цитируетъ анекдотъ про Бисмарка, его товарища юности. Бисмаркъ былъ въ Висбаденѣ или Гамбургѣ и былъ очень не въ духѣ, потому что всѣ молодыя дѣвушки бѣгали смотрѣть на него. Отсюда Кейзерлингъ выводитъ заключеніе, что тщеславіе мужчины коренится гораздо глубже, чѣмъ тщеславіе женщины. Женщины любятъ слышать любезности и комплименты и не вѣрятъ имъ, мужчины любятъ ихъ слышать и вѣрятъ имъ.

Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ, что онъ представитель нѣмецкой культуры на русской службѣ и что, когда Россія не будетъ имѣть германской культуры въ своихъ провинціяхъ, или поляковъ въ Западномъ краѣ, то и его не будетъ въ Россіи. „Я Васъ къ этому приготовляю".

Дерптъ 1 февраля 1866 г.—„Свобода религіи гораздо важнѣе, чѣмъ всѣ наши политическія учрежденія, и если мнѣ позволено будетъ выразить по этому поводу нѣкоторое сомнѣніе касательно Васъ, сударыня, то я боюсь, что Вы нѣсколько скептичны. Скептицизмъ можетъ побудить къ вѣротерпимости, но въ глубинѣ души эта терпимость основана на добромъ расположеніи ко всѣмъ религіознымъ мнѣніямъ и на состраданіе къ злоупотребленіямъ и заблужденіямъ. Равнодушные часто воображаютъ, что религія нужна только невѣждамъ, а такъ какъ большая часть людей состоитъ изъ невѣждъ, то религія, по ихъ мнѣнію, служитъ для поддержанія порядка".

„Я боюсь, что съ этой точки зрѣнія религіозныя гоненія часто могутъ идти рука объ руку съ безусловнымъ скептицизмомъ. Токвиль не безупреченъ въ нѣкоторыхъ ложныхъ понятіяхъ объ этомъ предметѣ. Изъ моихъ наблюденій я вывелъ то убѣжденіе, что никто не считаетъ себя обязаннымъ быть вѣротерпимымъ. Говорятъ о вѣротерпимости только тѣ, которые желаютъ освободиться отъ притѣсненій, но при первомъ удобномъ случаѣ сами дѣлаются ревностными притѣснителями. Тѣмъ не менѣе вопросъ вѣротерпимости прогрессируетъ безпрестанно, и евреи (изобрѣтатели нетерпимости смѣшанныхъ браковъ) начинаютъ тоже выставлять борцовъ противъ клерикальныхъ

преслѣдователей. Не будь это дѣло дѣйствительно божественнымъ дѣломъ, оно бы давно исчезло изъ міра.

Дерптъ. 30 апрѣля 1866 г. „По пути я читалъ L'Ecole critique et Jesus Christ Пресансе, памфлетъ противъ Ренана. Если вы еще не читали эту книгу, Вы найдете въ ней полное основаніе не придавать никакого авторитета сочиненію Ренана. Работы Штрауса, сочиненія Тюбингенской школы пошатнули дѣйствительно основанія старинной критики религіозныхъ документовъ, но какъ могло случиться, что онѣ имѣли гораздо менѣе успѣха, чѣмъ вымышленное изображеніе произведенія Ренана. Я себѣ даю такой отвѣтъ: послѣднее дѣйствуетъ на чувства, даетъ болѣе или менѣе воплощенія его увѣреніямъ, а человѣкъ такъ созданъ, къ несчастью, что не вѣритъ въ чистую духовность. Чтобъ быть убѣжденными, мы должны воспринять впечатлѣніе. Быть можетъ, правда есть аристократка, и толпѣ въ ней навсегда отказано?“

Дерптъ. 29 мая 1866 г. „Вы можетъ быть не знаете, что Бисмаркъ слабая струнка въ моемъ организмѣ. Мы были друзьями въ университетѣ, и я не могу отдѣлаться отъ симпатіи къ нему, хотя оправданія въ ней не имѣю. Въ глубинѣ души я чувствую отвращеніе къ внутреннему состоянію Пруссіи... абсолютизмъ, забавляющійся соединеніемъ съ парламентомъ, какъ женщина, которая бы избрала мужа съ единственной цѣлью имѣть удовольствіе его обманывать и дѣлать его смѣшнымъ въ глазахъ свѣта. Внѣшняя политика этой страны также служитъ мнѣ убѣжденіемъ, что во внѣшнихъ отношеніяхъ бездна безнравственности... Несмотря на все это, я люблю моего друга, и это послужитъ Вамъ отвѣтомъ на Вашъ первый вопросъ“.

Дѣлать подобныя выписки можно до безконечности. Я приведу теперь еще одно извлеченіе и одно письмо. Извлеченіе взято изъ письма, въ которомъ онъ излагаетъ свою идею о томъ, какова должна быть переписка между друзьями.

„Я только могу просить просто и искренно писать мнѣ все, что Вамъ придетъ въ голову,—потому что я желалъ бы, чтобъ это было преобладающей чертой нашихъ отношеній.

„Должно чувствовать, что лицо, къ которому Вы относитесь, принимаетъ личное участіе въ Вашей мысли и Вашей индивидуальной жизни, позвольте мнѣ заявить Вамъ, сударыня, что я именно такое лицо по отношенію къ Вамъ“.

Слѣдующее письмо—одно изъ послѣднихъ, писанныхъ имъ. Между письмомъ, изъ котораго только-что взято извлеченіе, и этимъ промежутокъ почти въ двадцать лѣтъ. Въ это время славянофильство г-жи Новиковой приняло такую страстную и возбужденную форму,

что графъ Кейзерлингъ не могъ слѣдить за нею, а у нея не было времени заниматься отвлеченными преніями на такую горячую тему. Кромѣ того дѣловая переписка г-жи Новиковой вытѣснила переписку съ Кейзерлингомъ. Въ письмѣ замѣтенъ оттѣнокъ грусти, и неудивительно.

Райкулъ 16/28 іюня 1884.

Дорогой другъ. Большое спасибо. Ваше возвращеніе къ частной перепискѣ пріятная неожиданность, и прежде всего великое удовольствіе для меня. Конечно, я думалъ о Васъ, если газеты и говорили о Васъ не такъ часто. Мюнхенское „Allgemeine Zeitung“ трактуетъ Васъ то какъ кн. Ливенъ, то какъ Эгерію. Рядомъ съ этимъ выдающимся мѣстомъ полное молчаніе, которое можно несправедливо принять за забвеніе. Вы говорите: „быть забытой большое наказаніе“. Есть надпись въ одной изъ нашихъ церквей въ Ревелѣ: vive memor Lethi. Дама, немного знающая латинскій языкъ, неправильно перевела это. „Живите, умѣя забывать“. Это быть можетъ умнѣе настоящаго текста. Тѣмъ не менѣе я понимаю, что Вы иногда чувствуете себя покинутой, какъ солдатъ на Шипкѣ, въ Вашей неравной борьбѣ съ англійской прессой. Вы мужественны и скромны, какъ этотъ солдатъ, говоря о недостаткѣ Вашихъ силъ. Но не бываетъ ли положенія, когда самый искусный капитанъ не знаетъ, какъ и чѣмъ взять верхъ? Однако Вы рано или поздно намѣрены достигнуть почти недостижимыхъ результатовъ.

Я надѣюсь, что должность попечителя С.-Петербургскаго университета нравится Вашему мужу.

Я продолжаю любоваться англійской конституціей, которая создала націю королей съ національнымъ королевствомъ во главѣ. Великій Гладстонъ имѣетъ то, чего желалъ себѣ въ Египтѣ и въ Суданѣ, а нація можетъ найти, что жертвы выше того, что она готова принести. Но такъ какъ человѣческій прогрессъ всегда двигается реакціями, то отчаиваться не слѣдуетъ. Всегда Вашъ преданный другъ.

А. Кейзерлингъ.

Я обращаю вниманіе читателя на послѣдующую главу VII, въ которой говорится о литературной и богословской экскурсіи, предпринятой графомъ Кейзерлингомъ съ г-жей Новиковой на тему еврейскихъ идей о будущей жизни.

Сообщено Е. С. М.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Записки сенатора Есиповича [1]).

10 декабря 1879 г.

Сегодня я имѣлъ возможность сдѣлать то, что не часто представляется въ нашей жизни: возможность заплатить за зло добромъ.

Лѣтъ 20 тому назадъ я былъ оберъ-секретаремъ общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи Правит. Сената. Въ числѣ секретарей, мнѣ подвѣдомственныхъ, былъ Охременко, человѣкъ безспорно способный и знающій, но въ высшей степени заносчивый и непріятный. Своими дѣйствіями, не знаю обдуманными или необдуманными, онъ навелъ было тогда какъ бы подозрѣніе на добросовѣстность какъ мою, такъ и бывшаго тогда оберъ-прокуроромъ (нынѣ тоже сенатора) Гедда. Я поступилъ тогда совершенно рѣшительно и уничтожилъ даже малѣйшую тѣнь, которая могла бы лечь на нашу добросовѣстность; но долго не могъ простить этому человѣку, даже потерявъ его изъ вида. Сегодня онъ предсталъ передъ Правит. Сенатомъ въ самомъ жалкомъ и жестоко обидномъ для него видѣ. С.-Пб. окруж. судъ отказалъ ему въ выдачѣ свидѣтельства на ходатайство по судебнымъ дѣламъ, мотивируя этотъ отказъ тѣмъ, что у суда имѣются какія-то невыгодныя свѣдѣнія о его нравственныхъ качествахъ. Охременко принесъ на это опредѣленіе жалобу Судеб. Палатѣ. Она отказала ему на томъ основаніи, что по ея мнѣнію жалобы на подобныя опредѣленія не допускаются. Я доказывалъ, что хотя дѣйствительно по 8 п. правилъ 25 мая 1874 г. о частныхъ повѣренныхъ судъ имѣетъ право отказать въ выдачѣ свидѣтельства на ходатайство по судебнымъ дѣламъ на основаніи имѣющихся у него свѣдѣній, но онъ не имѣетъ

[1]) См. „Русская Старина“, май 1909 г.

*

права переходить за предѣлы этого закона, то есть не имѣетъ права безапелляціонно осуждать человѣка за нравственныя его качества, а можетъ лишь сказать, что по собраннымъ свѣдѣніямъ онъ отказываетъ въ выдачѣ свидѣтельства, такъ какъ свѣдѣнія эти могутъ относиться къ нравственнымъ качествамъ просителя, но и къ другимъ его особенностямъ, напр., къ тому, что онъ заикается дотого, что возбуждаетъ невольный смѣхъ, или что онъ картавитъ, или что онъ глухъ и т. п., и что вообще всякій такой законъ, ограничивающій чьи-либо права, долженъ быть примѣняемъ безъ всякаго расширенія или распространенія. Послѣ долгихъ и горячихъ преній 18 сенаторовъ согласились со мною, 9 остались противоположнаго мнѣнія, а потому опредѣлено: постановленіе судебной палаты отмѣнить.

Такимъ образомъ противный мнѣ человѣкъ вышелъ изъ Сената удовлетвореннымъ, благодаря усиліямъ согласныхъ со мною 18 сенаторовъ.

Я остался вполнѣ доволенъ и счастливъ этимъ результатомъ, хотя Охременко, конечно, не знаетъ и никогда не узнаетъ, какъ жестоко и незаслуженно онъ когда-то оскорбилъ меня, и какъ удалось мнѣ отплатить ему сегодня за старую, ничѣмъ не оправдываемую обиду. Отъ души благодарю за это Господа.

19 ноября 1879 г. и 5 февраля 1880 г. совершены два такихъ гнусныхъ преступленія, равныхъ которымъ едва-ли можно отыскать во всемъ нынѣшнемъ столѣтіи. Я говорю о взрывахъ, произведенныхъ на Московско-Курской желѣз. дорогѣ и въ Зимнемъ дворцѣ. Оба эти преступленія произведены съ покушеніемъ: первое на жизнь Императора, второе на жизнь Императора и большей части Его семьи. Оба они совершены нигилистами. Оба они вполнѣ характеризуютъ эту презрѣнную шайку и вполнѣ оправдываютъ рѣзкость моихъ предыдущихъ отзывовъ о ней. Теперь мнѣ нѣтъ уже надобности оправдываться въ этой рѣзкости. Я могу только сознаться въ невозможности вполнѣ выразить мое презрѣніе къ ней, презрѣніе, раздѣляемое всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Презрѣніе это высказывается такъ сильно и разнообразно, что я считаю нужнымъ только констатировать его здѣсь. Исторія, безъ сомнѣнія, повторитъ его на своихъ страницахъ, т. е. повторитъ на своихъ страницахъ, что съ полнымъ отвращеніемъ содрогнулось все человѣчество при извѣстіи объ этихъ безпримѣрно гнусныхъ злодѣяніяхъ нигилистовъ. Проклятіе человѣчества имъ упрочено навсегда. Приговоръ произнесенъ: человѣчество отъ нихъ отказалось...

Въ 2 часа по полудни 20 февраля какой-то еврей (крещеный) выстрѣлилъ въ графа Лорисъ-Меликова. Въ 11 часовъ утра 22 февраля его уже казнили (повѣсили). Слѣдовательно, въ 45 часовъ произведено слѣдствіе, состоялся судъ и совершена казнь.

Да не помѣшательство ли и въ распоряженіяхъ французскаго правительства и англійскаго народа въ отношеніи къ Гартману. Сомнѣнія нѣтъ, что имъ совершено страшное, возмутившее всѣхъ преступленіе—взрывъ на Московско-Курской желѣзной дорогѣ, онъ самъ объявилъ себя въ англійскихъ газетахъ виновникомъ этого злодѣянія. Телеграфное извѣстіе объ этомъ злодѣяніи возмутило весь цивилизованный міръ, а въ томъ числѣ и французское правительство и англійскій народъ. И что же? Когда виновникъ этого злодѣянія сдѣлался извѣстенъ, французское правительство—отказываетъ выдать его Россіи и спѣшитъ выслать въ Англію, а Англія и не думаетъ преслѣдовать его за то омерзительное преступленіе, которымъ онъ публично, черезъ газеты, хвастается, и которое ужъ никакъ не можетъ быть отнесено къ тѣмъ политическимъ дѣяніямъ, которыя въ одной странѣ считаются преступленіемъ, а въ другой—добродѣтелью.

И вотъ на какой низкой степени нравственности и здраваго смысла стоятъ тѣ націи, которыя считаютъ себя стоящими во главѣ современной цивилизаціи. Впрочемъ, вѣдь и евреи считали, да и теперь вѣроятно считаютъ себя первымъ, богоизбраннымъ народомъ. Все это жалкое, глупое, неизлѣчимое помѣшательство.

Воздухъ какъ будто сталъ немного очищаться: Биконсфильда забраковали въ Англіи, графа Толстого въ Россіи. Одинъ своими еврейскими фарсами смущалъ всю Европу, другой 14 лѣтъ своимъ тупоуміемъ давилъ русскую школу, а слѣдовательно русскую семью. Но—слава Богу!—всякому злу бываетъ конецъ. Будемъ надѣяться на лучшее будущее и во внѣшнихъ и во внутреннихъ нашихъ дѣлахъ. Само собою разумѣется, мы не имѣемъ никакого права и отъ либеральнаго англійскаго министерства Гладстона и Гренвиля ожидать, чтобъ оно дѣйствовало, соблюдая наши русскіе интересы; само собою разумѣется, оно будетъ только заботиться объ интересахъ англійскихъ, но заботы эти будутъ, по крайней мѣрѣ, выражаться не такъ нагло и нахально, какъ при евреѣ Биконсфильдѣ. Этого мы только и можемъ надѣяться отъ новаго англійскаго министерства, потому что каждое министерство, каждое правительство — прежде всего и первѣе всего, какъ говорилъ покойный К. В. Чевкинъ, обязано заботиться объ интересахъ своего народа, своей страны.

Чего мы можемъ надѣяться отъ нашего новаго министра народнаго просвѣщенія Сабурова—поживемъ, увидимъ.

26 ноября 1880 г.

1-го наступающаго декабря будетъ праздноваться 50 лѣтній юбилей состоянія въ офицерскихъ чинахъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Слухи носятся, что къ этому дню, бывшіе воспитанники училища Правовѣдѣнія, созданнаго принцемъ, готовятъ адресъ, въ которомъ проводится, будто бы, такая, между прочимъ, мысль, что воспитанники этого училища очистили среду судебнаго и вообще служебнаго персонала отъ взяточниковъ, а самую службу отъ разныхъ темныхъ злоупотребленій. Желательно было бы, чтобъ слухи эти не оправдались, потому, что въ такой мысли выразилась бы такая претензія, которая по меньшей мѣрѣ можетъ быть названа неосновательною. Я ничего не имѣю противъ училища Правовѣдѣнія; оно дало въ 40 съ небольшимъ лѣтъ до 1000 образованныхъ чиновниковъ, изъ которыхъ многіе оказались дѣйствительно полезными и даже замѣчательными. Но зачѣмъ же стулья ломать? Зачѣмъ преувеличивать свои заслуги? Училище Правовѣдѣнія не только не ускорило очищенія служебнаго персонала отъ взяточниковъ, а службы отъ разныхъ темныхъ злоупотребленій, но напротивъ замедлило его. Въ первые выпуски оно давало такъ мало образованныхъ юристовъ (въ первые 9 выпусковъ отъ 14 до 25 человѣкъ въ годъ), что они не могли имѣть рѣшительно никакого вліянія ни на служебный персоналъ, ни на службу; между тѣмъ, въ пользу ихъ были стѣснены права лицъ, кончившихъ курсъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, запрещеніемъ имъ вступать на службу въ министерства и высшія установленія, такъ что всѣ они должны были идти въ уѣздныя мѣста.

Такимъ образомъ для того, чтобы выпустить какой-нибудь десятокъ показныхъ воспитанниковъ заведенія, покровительствуемаго принцемъ Ольденбургскимъ, сотни молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ такихъ заведеніяхъ, которыя не только не ниже, но даже выше училища Правовѣдѣнія, должны были погибать въ пыли и грязи уѣздныхъ трущобъ. Между тѣмъ университеты и другія высшія учебныя заведенія въ первыя пять лѣтъ, въ которыя начались выпуски воспитанниковъ училища Правовѣдѣнія, и въ которыя вышла ихъ какая-нибудь сотня съ небольшимъ, дали образованныхъ людей безъ сомнѣнія болѣе того числа, какое училище успѣло дать въ 40 слишкомъ лѣтъ, слѣдовательно, если бы воспитанникамъ университетовъ данъ былъ такой ходъ, какой давался воспитанникамъ училища, то въ первыя 5 лѣтъ было бы въ министерствахъ и другихъ

высшихъ и среднихъ установленіяхъ образованныхъ и развитыхъ чиновниковъ болѣе, нежели сколько могло дать ихъ училище въ полстолѣтіе. Слѣдовательно, учрежденіе училища Правовѣдѣнія съ преимуществами, забившими, въ пользу мизернаго меньшинства, громадное большинство университетскихъ студентовъ, не только не составляетъ заслуги предъ государствомъ, но должно быть признано большою государственною ошибкою, за которую можетъ быть и проститъ Россія въ виду добрыхъ намѣреній основателя этого училища.

Надѣюсь, что вполнѣ безпристрастные воспитанники училища Правовѣдѣнія согласятся со мною; но вѣроятно, что пристрастныхъ будетъ болѣе, а потому крикъ поднимутъ они большой. Возражать имъ придется уже не мнѣ. Но неужели не подадите за меня голоса вы—бѣдные, загнанные труженики университетовъ, въ потѣ лица и съ горечью въ сердцѣ добивавшіеся куска чернаго хлѣба въ уѣздной глуши въ то время, когда излюбленныхъ питомцевъ принца Петра Георгіевича подъ руки вводили въ великолѣпныя залы Сената и министерства юстиціи. Надо же, чтобъ правда сказалась хоть когда-нибудь, хотя поздно, но громко.

Само правительство убѣдилось, наконецъ, во вредѣ запрета, наложеннаго на студентовъ, и потому сняло его, такъ что и они могутъ поступать теперь на службу, куда пожелаютъ. Какой же вредъ отъ этого разрѣшенія произошелъ? Никакого! Напротивъ, оказалась громадная польза: именно вслѣдствіе этого и измѣнился служебный персоналъ, а взяточничество и старинное кормленіе почти совсѣмъ изчезли...

Теперь, если забыть о той тѣсной camaraderie, вслѣдствіе которой воспитанники училища Правовѣдѣнія тянутъ другъ друга на службѣ въ ущербъ другимъ, не менѣе ихъ образованнымъ и полезнымъ чиновникамъ, если закрыть глаза на ту странную монополію, которую устроили они себѣ въ министерствѣ юстиціи, гдѣ отъ министра до правителя канцеляріи всѣ главныя лица изъ училища Правовѣдѣнія, то можно признать это училище безвреднымъ, но несмотря на это антипатія противъ него въ обществѣ, вѣроятно, въ память незабытой еще неправды превознесенія его предъ университетами, такъ велика, что безпрестанно возникаютъ слухи о его закрытіи, и оно безъ сомнѣнія будетъ закрыто, какъ ненужная игрушка; а игрушка эта дѣйствительно не нужна, и никогда не была нужна потому, что и до этого институтскаго училища и во время его и послѣ него были и будутъ юридическіе факультеты университетовъ, дѣлающіе и дѣлавшіе всегда существованіе его излишнимъ.

Да не подумаетъ однако же кто-нибудь, что все это я написалъ

изъ личной вражды къ этому училищу. Я собственно не былъ въ такомъ положеніи, въ какомъ были мои университетскіе товарищи. Я кончилъ курсъ въ юридическомъ факультетѣ Московскаго университета въ 1848 г. первымъ кандидатомъ съ золотою медалью за диссертацію. Для меня (какъ и для всѣхъ прочихъ первыхъ кандидатовъ) было испрошено Высочайшее соизволеніе на вступленіе на службу прямо въ департаментъ министерства юстиціи. Здѣсь мнѣ десять мѣсяцевъ не давали штатнаго мѣста, но не давали не потому, чтобъ такое мѣсто нужно было для кого-либо изъ воспитанниковъ училища Правовѣдѣнія, а потому, что оно понадобилось сначала домашнему секретарю покойнаго князя Дмитрія Владиміровича Голицына, а потомъ какому-то юношѣ, выпущенному изъ Пажескаго корпуса или школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ. Слѣдовательно, не воспитанники училища Правовѣдѣнія стали первые мнѣ поперекъ дороги, а обыкновенно первыя невзгоды молодости особенно памятны; затѣмъ ежели послѣ и обходили меня въ пользу воспитанниковъ этого училища, то я уже примирился съ этимъ и зла имъ за это не помню. Кромѣ того я считалъ себя даже обязаннымъ этому училищу. Въ ту тяжелую пору, когда страшно было отдавать сыновей въ гимназіи, потому что при нелѣпомъ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія графомъ Толстымъ, тамъ въ гимназіяхъ образовались разсадники нигилизма, я отдалъ своего старшаго сына въ училище Правовѣдѣнія, платилъ за него по 450 руб. въ годъ и былъ по крайней мѣрѣ увѣренъ, что въ стѣнахъ этого строго хранимаго заведенія онъ не вздумаетъ преобразовывать Россію и все человѣчество, не выучившись еще самъ правильно писать и сознательно читать.

Итакъ, я не только ничего не имѣю противъ этого училища, но даже считаю себя обязаннымъ ему; но amicus Plato, amicus Aristoteles, sed magis amica veritas.

Мнѣніе мое о томъ, что Россія не училищу Правовѣдѣнія обязана началомъ уничтоженія взяточничества, и что безъ этого училища взяточничество было бы уничтожено гораздо ранѣе и скорѣе, можетъ быть подтверждено фактическими доказательствами. Я кончилъ курсъ въ университетѣ въ 1843 г., т. е. въ годъ четвертаго выпуска воспитанниковъ училища Правовѣдѣнія, когда всего какихъ-нибудь пятьдесятъ воспитанниковъ этого училища только-что начинали свою службу, и когда они, конечно, не могли имѣть никакого вліянія на служебный персоналъ; между тѣмъ къ тому времени взяточничество уже положительно отжило свой вѣкъ, было вездѣ презираемо и нетерпимо; въ департаментѣ министерства юстиціи, куда я поступилъ на службу, не было ни одного чиновника, котораго можно было заподозрить въ этомъ порокѣ, прежде столь общемъ, и конечно не отъ того, что въ

этомъ департаментѣ было нѣсколько молодыхъ правовѣдовъ, потому что ихъ тамъ было мало (не болѣе двухъ, трехъ), а напротивъ потому, что здѣсь было много чиновниковъ—университетскихъ студентовъ, которые въ училищѣ Правовѣдѣнія не были, но взятокъ все-таки не брали и отвращеніе къ нимъ имѣли такое же, какое могли имѣть и юные воспитанники этого училища, только-что вступившіе тогда на службу и дѣлающіе теперь себѣ изъ этого свою главную заслугу...

Я не сомнѣваюсь, что юные питомцы этого привилегированнаго училища, не только въ департаментѣ министерства юстиціи, въ которомъ нельзя было брать взятокъ, потому что ихъ тамъ не брали и до нихъ, не дѣлались взяточниками и въ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ безъ сомнѣнія съ пользою замѣнили старыхъ циничныхъ дѣльцовъ; но дѣло только въ томъ, что они могли замѣнить ихъ лишь въ слишкомъ продолжительное время, потому что мало ихъ было; а студенты университетовъ, если бы ихъ наравнѣ съ правовѣдами допустили до этой замѣны, могли бы исполнить ее по крайней мѣрѣ въ десять разъ скорѣе. Слѣдовательно, несомнѣнно, что учрежденіе училища Правовѣдѣнія совершилось лишь по ошибкѣ и не было вызвано никакою разумною необходимостью. Точно также нѣтъ ни малѣйшей необходимости и для существованія его въ настоящее время.

---

29 января 1881 г. скончался извѣстный писатель Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій, 31-го января былъ выносъ его тѣла въ Александро-Невскую лавру, а 1-го февраля погребеніе. И выносъ тѣла, и погребеніе совершились съ такою торжественностью, какой никогда еще не было при похоронахъ русскихъ писателей. Можетъ быть, въ этой торжественности было кое-что и подготовлено искусственно друзьями покойнаго и журналистами; но какая же торжественность можетъ осуществиться сама собою безъ подготовки. Во всякомъ случаѣ отрадно думать, что у насъ возможно подготовить такую торжественность: значитъ, есть почва для такой подготовки, значитъ, есть люди, дорожащіе славою не только русскаго генерала, но и русскаго писателя, значитъ, есть много такихъ людей. Слава Богу...

Сочиненія покойнаго Достоевскаго извѣстны: „Бѣдные Люди“, „Записки изъ Мертваго Дома“, „Преступленіе и Наказаніе“, „Униженные и Оскорбленные“, „Братья Карамазовы“ и др. Это все произведенія патологической, если можно такъ выразиться, литературы, выставляющей измѣненія въ человѣческой душѣ вслѣдствіе болѣзненныхъ потрясеній, и выставляющей ихъ по большей части такъ ярко и наглядно, какъ будто передъ вами взрѣзываютъ живую,

трепещущую отъ боли и страданій душу. Главную заслугу этого писателя находятъ въ томъ, что онъ любилъ человѣка, что несмотря ни на какое униженіе человѣка, онъ всегда находилъ въ немъ искру человѣчности. Но мнѣ представляется въ параллель съ нимъ другой, хотя и иноземный, писатель—Диккенсъ, который также во всякомъ, самомъ униженномъ человѣкѣ находилъ симпатичныя, гуманныя черты; но какая разница между нашимъ и этимъ чужимъ писателемъ: у перваго всенародное взрѣзываніе больной души безъ всякой пощады и для нея, и для читателя, и для самого автора-анатома; у второго художественное воспроизведеніе дѣйствительной цѣльной жизни каждаго намѣченнаго имъ субъекта безъ взрѣзыванія его заживо; первый производитъ своимъ дымящимся живою кровью ножомъ ужасъ и содроганіе, второй возбуждаетъ глубокое сочувствіе и состраданіе къ тѣмъ жертвамъ человѣческаго эгоизма, глупости и жестокости, которыхъ онъ избралъ предметомъ своихъ созданій. Каюсь, откровенно: высоко цѣню я психико-анатомическій талантъ покойнаго Достоевскаго, но симпатіи мои не на его сторонѣ, а на сторонѣ Диккенса, и думается мнѣ, что грядущія поколѣнія, если и будутъ вспоминать о первомъ, какъ о безпощадномъ нравственномъ хирургѣ, то никогда не признаютъ въ немъ ни великаго художника, ни примирительнаго друга человѣчества, какимъ безспорно былъ Диккенсъ, созданія котораго будутъ читаться и перечитываться все съ новымъ наслажденіемъ и съ новою пользою, въ видахъ усовершенствованія и смягченія душъ современнаго, пока все еще жестокаго и эгоистичнаго человѣчества.

Но все-таки я доволенъ тѣмъ, что русскій народъ доказалъ, что умѣетъ чтить своихъ писателей. Это уже безспорно признакъ великаго историческаго народа: только такой народъ дорожитъ въ своей жизни такими чертами, такими явленіями, которыя служатъ ему ручательствомъ, что весь умереть онъ не можетъ.

Впрочемъ, чтобы мое сужденіе о Достоевскомъ не показалось одностороннимъ, я долженъ сказать, что и у него есть чрезвычайно симпатичные типы. Къ числу ихъ я отношу типъ старца Зосимы въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“. Зосима—это такой типъ, который производитъ на душу читателя самое благотворное вліяніе. Этотъ старецъ монахъ, больной, слабый, наканунѣ смерти не только спокойный, но постоянно всѣхъ прощающій, всѣхъ ободряющій, безъ всякой горечи и гордости въ душѣ, безъ затаенныхъ, эгоистичныхъ мыслей—такая свѣтлая личность, такое прекрасное созданіе, что вліяніе его отражается на всякую душу, на всякую мысль, приходящую съ нимъ въ соприкосновеніе. По моему мнѣнію, такая благородно-симпатичная личность гораздо болѣе смягчаетъ душу

человѣка, нежели всѣ тѣ ужасы, которыми думаютъ повліять на человѣческую душу съ цѣлью гуманизированія и улучшенія житейскихъ отношеній, съ цѣлью расположить такъ называемыхъ старшихъ братьевъ къ младшимъ, богатыхъ къ бѣднымъ, сильныхъ духомъ и властію къ немощнымъ волею и умомъ. Всѣ эти ужасы, которыхъ такъ много въ сочиненіяхъ Достоевскаго, возмущаютъ и раздражаютъ душу читателя и не только не производятъ на него задуманнаго благотворнаго вліянія, но часто напротивъ того толкаютъ его въ ту пропасть, отъ которой можетъ быть желали его предохранить. По крайней мѣрѣ извѣстно, что студентъ Даниловъ (кажется, такъ его фамилія) совершилъ такое же точно преступленіе, какое описано въ романѣ „Преступленіе и Наказаніе“, именно подъ вліяніемъ этой наркотически опьяняющей книги. Но справедливость заставляетъ однако же не забывать, что если у Достоевскаго есть Раскольниковъ, то есть и старецъ Зосима, благословляющій все человѣчество и слабое, и глупое, и преступное; благословляющій и душою, и сердцемъ, и крестнымъ знаменіемъ. Недаромъ же русскій народъ провожалъ Ѳ. М. Достоевскаго такъ торжественно въ его историческую отнынѣ могилу. Слава народу, который умѣлъ отличить и оцѣнить истинно великія черты писателя среди многихъ несомнѣнно слабыхъ его сторонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Семь лѣтъ неурожайныхъ.

(Изъ исторіи Самарскихъ голодовокъ) [1]).

Послѣдующіе три года прошли безъ нужды, если не считать израсходованныхъ земствомъ за это время въ пособіе 50 т. р. Но въ слѣдующемъ 1869 г. на Самарскую губернію опять обрушилось несчастье. Сильно далъ себя знать недородъ въ Бузулукскомъ уѣздѣ и прилегающихъ частяхъ уѣздовъ Самарскаго, Бугурусланскаго и Николаевскаго.

Вслѣдствіе неудовлетворительнаго состоянія погоды, яровые въ Бугурусланскомъ и Николаевскомъ уѣздахъ оказались крайне неудовлетворительными. Количество засѣяннаго хлѣба уменьшилось противъ предшествовавшаго года въ Самарскомъ уѣздѣ на одну треть, въ Бугульминскомъ, Ставропольскомъ и Николаевскомъ—на половину. Причина этому была та, что осенью 1868 г. за дурной погодой и дороговизной рабочихъ рукъ не было возможности приготовить нужнаго числа десятинъ пашни и намолотить зерна, отчего въ Ставропольскомъ уѣздѣ крестьяне не успѣли продать достаточно хлѣба, чтобы снять необходимое количество земли для посѣва, а въ Николаевскомъ уѣздѣ оставшійся необмолоченнымъ хлѣбъ частію погнилъ отъ сырости, частію поѣденъ мышами. Было испорчено такимъ образомъ зерна болѣе четверти урожая 1868 г. Въ Бугульминскомъ и Бугурусланскомъ уѣздахъ уменьшеніе посѣва яровыхъ произошло частію также по недостатку сѣмянъ, но еще и по причинѣ плохого урожая овса въ предыдущемъ году; вслѣдствіе чего рабочія лошади были крайне истощены отъ безкормицы, и производить на нихъ обработку полей оказалось невозможнымъ. Цѣны на рабочія руки во время посѣвовъ сильно поднялись: въ Ставропольскомъ уѣздѣ на 20%

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1909 г.

сравнительно съ предыдущимъ годомъ, въ Николаевскомъ на 50%. Въ этомъ уѣздѣ и въ уѣздахъ Бугульминскомъ и Бугурусланскомъ не удались и озимые. Всходы ихъ въ послѣднемъ, по причинѣ стоявшей въ началѣ весны холодной погоды, были дотого плохи, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались вымочки, такъ что до одной десятой части посѣва хозяева принуждены были перепахать подъ яровое [1]), хотя это мало помогло дѣлу. Въ уѣздахъ Бугульминскомъ, Самарскомъ и Николаевскомъ отъ сильныхъ дождей хлѣба проросли травой [2]). А въ Новоузенскомъ озимые и яровые поздняго сѣва взошли „чахлыми“ [3]).

Всю весну лили дожди, лѣто же наступило столь жаркое, что во многихъ мѣстахъ выгорѣли травы и повяли хлѣба, мелкія рѣчки пересохли, на Волгѣ образовались большіе острова и мели, какихъ раньше не было. Въ довершеніе всего оказалось побито градомъ въ уѣздахъ Бузулукскомъ, Ставропольскомъ, Николаевскомъ, Бугурусланскомъ и Бугульминскомъ 17.382 десятинъ.

На очередномъ губернскомъ земскомъ собраніи 29 сентября управа первымъ поставила вопросъ о недородѣ. Но собраніе ввиду ограниченности губернскаго продовольственнаго капитала—333.166 руб.—и вслѣдствіе того, что лишь „нѣкоторыя мѣстности пострадали отъ неурожая“, ассигновало на продовольствіе и на обсѣмененіе лишь 203 т. р. съ тѣмъ, „чтобы управа выдавала ссуды только крайне нуждающимся“, чѣмъ однако далеко не удовлетворило ту нужду, которую испытывало населеніе, благодаря чему въ пяти уѣздахъ [4]) было посѣяно весной 1870 г. на 141 т. десятинъ менѣе предшествовавшаго года.

Правда, 1870 г. нѣсколько порадовалъ земледѣльцевъ: урожай повсемѣстно былъ обильный, особенно пшеницы. Но, должно быть, надъ Самарской губерніей тяготѣлъ какой-то злой рокъ. Весной въ нѣкоторыхъ селеніяхъ много озимей попортилъ морозъ, а лѣтомъ въ самую лучшую пору налива, въ 34 волостяхъ Бугульминскаго, Бузулукскаго, Николаевскаго, Самарскаго и Ставропольскаго уѣздовъ 5.050 дес. разнаго хлѣба побилъ „на чистую“ градъ. Собранное же съ другихъ полей зерно оказалось качествомъ хуже прошлогодняго, тощее, легковѣсное, такъ что крестьяне все-таки не добрали нужнаго имъ количества зерна, и земству снова пришлось отпустить въ ссуду

---

[1]) „Самар. Губер. Вѣд.“ 1869 г. № 44.

[2]) Тамъ же, № 45.

[3]) Тамъ же, № 63.

[4]) Бузулукскому, Бургусланскому, Бугульминскому, Николаевскому и Ставропольскому.

103.478 пуд. муки и хлѣба на 107.992 р., да уплатить за побитыя градомъ десятины 20 т. р.

Съ нетерпѣніемъ ждали поселяне слѣдующаго лѣта: „авось“ принесетъ оно избавленіе отъ выпавшихъ на ихъ долю бѣдъ и несчастій. Весна радовала, перепадали дожди. Увы, лѣтняя нестерпимая жара погубила все. Урожай 1871 г. вышелъ еще хуже предыдущаго, что многіе посѣвщики не воротили высѣяннаго зерна. Отъ засухи сильнѣе пострадали уѣзды: Самарскій, Бузулукскій, Бугурусланскій и Николаевскій, а въ Бугульминскомъ, кромѣ того, въ 58 сельскихъ обществахъ 3.873 дес. озимаго поѣлъ червь. Рожь родилась самъ 5, пшеница—3,5, овесъ—3,4, горохъ—2,5, ячмень и полба—2, ленъ—1,6, конопля—1,5, греча и просо 1,4. Немногіе крестьяне могли исполнить свои неотложныя нужды и прокормить себя въ эту зиму, а большинству снова пришлось прибѣгать къ займамъ и ссудамъ [1]). Кромѣ выдачи запаснаго хлѣба изъ общественныхъ магазиновъ, земство отпустило въ этотъ годъ изъ губернскаго продовольственнаго капитала 78 т. р.

Бѣдствія, однако, не кончились. Приближался новый годъ, который не только положилъ весь оставшійся запасъ этого капитала—около 230 т. р., но потребовалъ еще громаднаго займа изъ казны.

Уже съ весны 1872 г. стали поступать изъ уѣздовъ печальныя вѣсти. Вслѣдствіе продолжительной засухи всходы были такъ плохи, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно лежащихъ въ средней и южной полосѣ Бузулукскаго уѣзда, не разсчитывали и на плохой урожай. 31 волость послѣдняго была совершенно лишена хлѣба; жителямъ нечѣмъ было питаться, а „скотъ буквально голодалъ“, не имѣя подножнаго корма, такъ какъ начавшаяся съ половины мая жаркая погода съ сильными вѣтрами погубила всякую растительность [2]). Вслѣдствіе этого на рынкахъ страшно поднялись предметы первой необходимости: ржаная мука дошла до 80 коп., пшеничная до 1 руб. 20 коп., сѣно 50 коп. пудъ. Цѣны на скотъ и мясо пали.

Для изысканія мѣръ къ устраненію надвигающагося бѣдствія, губернская управа возбудила ходатайство о созывѣ экстреннаго земскаго собранія. Но пока ходило по начальству представленіе о томъ, выпавшіе въ срединѣ лѣта дожди подали смутную надежду на измѣненіе дѣла къ лучшему. Вновь поступившія свѣдѣнія указывали, что травы поправляются, хлѣба ранняго сѣва хотя посохли, но поздніе даютъ хорошіе всходы, „въ Самарскомъ и Николаевскомъ уѣздахъ хороши проса; цѣны на скотъ повысились“. Это такъ оболь-

[1]) „Самар. Губер. Вѣдом.“ 1872 г. № 71 и 1873 г. № 38.
[2]) „Самар. Губер. Вѣд.“ 1872 г. № 52 и 1873 г. № 38.

стило и землепашцевъ и мѣстное начальство, что объѣхавшій Самарскую губернію губернаторъ Гр. Сер. Аксаковъ [1]), при открытіи 6 іюня замскаго собранія, счелъ нужнымъ заявить, что „положеніе вещей измѣнилось къ лучшему, по крайней мѣрѣ населеніе будетъ въ состояніи, конечно, съ трудомъ прокормить свой скотъ, а слѣдовательно самое страшное бѣдствіе, грозившее населенію,—безкормица, уже устранилось, по милости Божіей“ [2]).

Благодаря такому обстоятельству министерство внутреннихъ дѣлъ отклонило возбужденное экстреннымъ собраніемъ ходатайство объ отпускѣ заимообразно 900 т. р. на продовольствіе населенія съ тѣмъ, чтобы были отсрочены до 1874 г. всякаго рода крестьянскіе платежи и подати, предложивъ всесторонне обсудить вопросъ о продовольствіи послѣ уборки полей на очередномъ губернскомъ собраніи.

Между тѣмъ въ дѣйствительности никакого улучшенія не произошло. Наступившій вскорѣ періодъ бездождія и новыя неблагопріятныя климатическія условія ко времени уборки хлѣбовъ разрушили окончательно всякія надежды на сколько-нибудь удовлетворительный исходъ. Въ 7 волостяхъ Бугульминскаго уѣзда оказалось побито градомъ 1.320 дес. озимаго и 582 дес. ярового, и въ 30 волостяхъ погибло отъ мороза 31.866 дес. озими и 15.090 дес. ярицы, всего слишкомъ на 250 т. руб. [3]) Въ 51 волости Бузулукскаго уѣзда, изъ 331.317 четвертей посѣяннаго хлѣба крестьяне собрали только 447.989 четв., т. е. только на одну треть болѣе посѣяннаго. Въ частности замѣчались такіе случаи: крестьяне Максимовской волости съ 3.600 четв. засѣянной ржи и 9.500 четв. пшеницы едва набрали первой 296 четв. и второй 325 четв., въ Заплавинской вол. съ 9.118 четв. озимаго и ярового взяли лишь 139 четв. проса; а въ Ушевской волости не собрали ровно ничего [4]). Плохъ былъ урожай и въ другихъ уѣздахъ.

Такимъ образомъ, радостно встрѣченное „временное улучшеніе положенія вещей“ принесло населенію несравненно больше вреда, чѣмъ можно было ожидать, ибо ввело въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго состоянія хлѣбныхъ запасовъ и тѣмъ отсрочило принятіе со стороны земства необходимыхъ мѣръ противъ обрушившагося на поселянъ бѣдствія.

Открывшееся 30 сентября очередное губернское земское собраніе, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могло въ полной мѣрѣ помочь на-

---

[1]) Родной братъ извѣстныхъ славянофиловъ Ив. и Кон. Сер. Аксаковыхъ.
[2]) Журналъ экстр. губ. собранія 6 іюля 1872 г.
[3]) „Самар. Губер. Вѣд.“ 1872 г. № 64.
[4]) Тамъ же, 1873 г. № 38.

родному горю, такъ какъ губернаторъ нашелъ „положеніе крестьянскаго населенія далеко не столь бѣдственнымъ, какъ оно представлялось, по имѣющимся въ виду свѣдѣніямъ“, а потому „въ представленіи министру внутр. дѣлъ полагалъ совершенно отклонить ходатайство Самарскаго земства о разсрочкѣ крестьянамъ платежа податей и повинностей, признавъ достаточнымъ отпустить изъ общаго имперскаго продовольственнаго капитала заимообразно только 600 тыс. руб.“.

Кромѣ того, комитетомъ министровъ признано необходимымъ разрѣшить выдачу паспортовъ на простой бумагѣ желающимъ идти на заработки изъ числа пострадавшаго отъ неурожаевъ населенія, а министръ финансовъ изъявилъ согласіе не допускать, при взысканіи податей, продажу скота, земледѣльческихъ орудій и вообще необходимыхъ въ хозяйствѣ предметовъ у неисправныхъ крестьянъ-плательщиковъ“ [1]).

Этихъ мѣръ оказалось однако далеко недостаточно для отвращенія бѣдствій населенія, ослабленнаго предыдущими годами недородовъ. А тутъ еще въ концѣ августа появилась холера, сначала въ г. Самарѣ, потомъ быстро распространилась по другимъ городамъ и уѣздамъ, продолжая свирѣпствовать до самыхъ холодовъ, до октября мѣсяца, и хоть не сильно, однако вырывала жертвы и наводила на жителей панику.

Съ большими лишеніями пробились зиму сельчане, но на обсѣмененіе полей разрѣшенной ссуды не хватило. Болѣе половины полей остались неоранными. Не было ни зеренъ, ни денегъ, ни рабочаго скота. Результаты не замедлили сказаться. Наступилъ знаменитый въ исторіи Самарскихъ голодовокъ 1873 годъ, когда не только земство и правительство, но собранные, какъ увидимъ ниже, громадные капиталы частныхъ жертвователей не могли уже удовлетворить обострившуюся нужду и накормить всѣхъ голодающихъ.

П. Юдинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Изъ сообщенія Г. С. Аксакова земскому собранію отъ 3 октября.

Записки графа Л. Л. Беннигсена о кампаніи 1812 года [1]).

Отступленіе первой арміи.

Изъ Дрисскаго лагеря, 2/14 іюля 1812 г.

Императоръ Александръ получалъ подробныя свѣдѣнія обо всемъ, что предпринималось Наполеономъ для осуществленія его непріязненныхъ намѣреній относительно Россіи; онъ получалъ чуть не ежедневно донесенія о движеніи непріятельскихъ войскъ; нашимъ развѣдчикамъ оказывали вездѣ помощь и содѣйствіе; всѣ благомыслящіе люди, видя, что дѣло императора было правое, спѣшили доставлять намъ эти свѣдѣнія. Первый примѣръ къ тому подали пруссаки. Когда чуть не вся Пруссія была уже въ рукахъ непріятеля, мы получили самыя точныя свѣдѣнія изъ Кенигсберга, несмотря на то, что тамъ уже былъ Макдональдъ; нѣкоторыя изъ этихъ донесеній прошли черезъ мои руки и были доложены мною императору. Такимъ образомъ его величество былъ прекрасно освѣдомленъ относительно распредѣленія корпусовъ французской арміи, ихъ численности и движенія къ нашимъ границамъ.

Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа 9 мая (н. ст.); 17 числа онъ былъ въ Дрезденѣ. Какъ извѣстно, онъ вступилъ въ предѣлы Россіи безъ предварительнаго объявленія войны; его намѣренія на этотъ счетъ были объявлены только въ воззваніи къ солдатамъ, появившемся 11/23 іюня [2]), въ то время, когда вся его армія была

[1]) См. „Русскую Старину“, апрѣль 1909 г.

[2]) Эта прокламація была помѣщена во 2-мъ бюллетенѣ, изданномъ въ Волковыскѣ, 22 іюня.

сосредоточена на Нѣманѣ,—фактъ до сихъ поръ мало извѣстный цивилизованному міру. Не найдя предлога, коимъ можно было бы оправдать войну съ Россіей, онъ скрылъ свое намѣреніе отъ сената и уѣхалъ изъ Парижа, заявивъ, что онъ отправляется на берега Вислы для производства смотра находившимся тамъ войскамъ.

Вотъ эта прокламація:

„Солдаты! началась вторая польская война. Первая закончилась въ Фридландѣ и Тильзитѣ. Россія клятвенно обѣщала быть вѣчной союзницей Франціи и вести войну съ Англіей. Нынѣ она нарушила свою клятву. Она не хочетъ объяснить свое странное поведеніе до тѣхъ поръ, пока французскимъ орламъ не будетъ приказано перейти обратно Рейнъ, оставивъ нашихъ союзниковъ въ его власти. Россію увлекаетъ рокъ; ея судьба должна свершиться. Развѣ мы упали въ ея глазахъ? Развѣ мы не тѣ же воины, которые сражались подъ Аустерлицемъ? Она предоставляетъ намъ выборъ между безчестіемъ и войною; двухъ выборовъ быть не можетъ. Идемъ впередъ. Перейдемъ Нѣманъ; внесемъ войну въ ея предѣлы. Вторая польская война будетъ столь же славной для французскаго оружія, какъ и первая; миръ, который мы заключимъ, положитъ предѣлъ надменному вліянію, которое Россія имѣла полвѣка на дѣла Европы“.

Читая эту прокламацію, можно думать, что Наполеонъ никакъ не могъ избѣжать войны, что онъ былъ вынужденъ поднять оружіе противъ Россіи. Припоминаю по этому поводу слова, слышанныя мною отъ него въ Тильзитѣ, когда я очутился съ нимъ однажды нѣсколько минутъ наединѣ въ его кабинетѣ; они напоминаютъ своимъ тономъ эту прокламацію.

Говоря со мною о сраженіи при Эйлау, онъ сказалъ:

— Эту войнуслѣдуетъ прекратить; она слишкомъ кровопролитна.

— Мнѣ кажется, что миръ зависитъ единственно отъ вашего величества,—отвѣчалъ я.

— Я не прочь заключить его,—возразилъ онъ,—я былъ вовлеченъ въ эту войну.

Какъ будто не онъ приставилъ ножъ къ горлу тѣмъ, кто объявилъ ему войну? Несомнѣнно, что ни одинъ монархъ не соблюдалъ такъ строго всѣхъ статей заключенныхъ имъ договоровъ, какъ императоръ Александръ соблюдалъ договоръ, заключенный съ Наполеономъ въ Тильзитѣ, тогда какъ послѣдній нарушилъ его, едва успѣвъ подписать.

Истинная причина озлобленія Наполеона противъ императора Александра заключалась въ слѣдующемъ: Наполеонъ, привыкнувъ къ тому, что европейскіе монархи повиновались ему, не могъ видѣть безъ злобы, что русскій императоръ сохранилъ свое достоин-

ство и отвергалъ его требованія, когда они не согласовались съ интересами русскаго народа. Такъ было, когда Наполеонъ обратился чрезъ своего посланника къ петербургскому кабинету съ просьбою, чтобы были сожжены всѣ англійскіе товары; онъ потребовалъ то же самое отъ германскихъ государствъ въ особенности отъ тѣхъ, которыя имѣли порта. Говорятъ, будто императоръ Александръ отвѣтилъ Коленкуру: „У меня этого никогда не будетъ“. Подъ вліяніемъ этого требованія въ скоромъ времени, по повелѣнію государя, былъ изданъ указъ, коимъ воспрещался ввозъ изъ-за границы иностранныхъ товаровъ.

Это встревожило главнымъ образомъ ліонскихъ фабрикантовъ, которые подали Наполеону прошеніе, прося его покровительства и субсидіи въ виду потерь, которыя они могли понести вслѣдствіе помянутаго запрещенія, такъ какъ ткани, выдѣлываемыя на ихъ фабрикахъ, находили въ Россіи большой сбытъ, и весь заготовленный для этой страны товаръ долженъ былъ остаться въ ихъ складахъ. Въ прошеніи была указана значительная сумма, которую они могли потерять на этомъ. Наполеонъ выдалъ имъ часть этой суммы въ вознагражденіе за ихъ потери и для поддержанія ихъ производства, но онъ не простилъ императору Александру шага, который не согласовался съ его желаніемъ заставить Европу подчиниться его волѣ; это было однимъ изъ поводовъ, заставившихъ его воевать съ Россіей, чтобы отомстить императору Александру за выказанную имъ твердость.

Я уже говорилъ, что императору доносили о движеніяхъ непріятеля и о его приближеніи къ нашимъ границамъ. Его величество узналъ своевременно о томъ, что Наполеонъ прибылъ въ армію и сосредоточилъ свои силы на Нѣманѣ и на литовской границѣ.

Отдѣльные корпуса, изъ которыхъ состояла наша 1 армія, были расположены въ то время въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-й корпусъ, подъ командою генералъ-лейтенанта графа Витгенштейна, находился въ Самогитіи, въ Вилькомирѣ и его окрестностяхъ. Его аванпосты находились на Нѣманѣ; этотъ, приблизительно тридцатитысячный, корпусъ составлялъ нашъ правый флангъ. За нимъ слѣдовалъ 2-й корпусъ генералъ-лейтенанта Багговута, стоявшій въ Ширвинтахъ и его окрестностяхъ; аванпосты его праваго крыла соприкасались съ аванпостами лѣваго крыла Витгенштейна. 3-й корпусъ, стоявшій въ Новыхъ-Трокахъ, находился подъ командою генералъ-лейтенанта Тучкова; цѣпь его аванпостовъ шла по линіи Нѣмана въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончалось правое крыло генерала Багговута; этотъ корпусъ прикрывалъ въ то же время Вильно. 6-й корпусъ, подъ командою генерала-отъ-инфантеріи Дохтурова, входилъ сначала въ составъ

*

2-й арміи; но такъ какъ первая армія неизбѣжно должна была получить подкрѣпленіе, то императоръ, по моему представленію, приказалъ поставить ее въ Солечники, на большой Гродненской дорогѣ, въ 33 верстахъ отъ Вильны.

Гвардія, подъ командою великаго князя Константина Павловича, стояла резервомъ въ Видзахъ; въ этомъ корпусѣ было до 30.000 чел. Самымъ сильнымъ былъ корпусъ Витгенштейна; прочіе корпуса были не вполнѣ укомплектованы, такъ что численность ихъ можно опредѣлить, среднимъ числомъ, въ 20.000 человѣкъ, что вмѣстѣ съ гвардіей и 12.000 казаковъ составляло въ общемъ 132.000 человѣкъ.

Вторая армія, подъ командою князя Багратіона, численностью въ 40.000 человѣкъ, находилась въ данный моментъ въ Волковыйскахъ и состояла изъ 7-го и 8-го корпусовъ, въ составъ которыхъ входили 12, 26, 2 и 27 дивизіи, гренадерская дивизія, корпусъ кавалеріи, 9 батарей тяжелыхъ и 3 легкихъ артиллеріи.

Въ третьей арміи, подъ командою генерала Тормасова, было не болѣе 30.000 человѣкъ; она стояла въ окрестностяхъ Луцка и должна была прикрывать Волынскую и Кіевскую губерніи.

Молдавская армія, подъ командою адмирала Чичагова, оставшаяся въ Молдавіи до ратификаціи мирнаго договора, заключеннаго съ турками, была численностью въ 40.000 человѣкъ. Генералъ-лейтенантъ Эртель стоялъ съ 8.000 корпусомъ въ Бобруйскѣ; ему было поручено защищать эту крѣпость и препятствовать движенію непріятельскаго корпуса, который могъ пойти на Рогачевъ или въ окрестности этого города, съ цѣлью перейти въ этомъ пунктѣ Днѣпръ и вступить въ Бѣлоруссію раньше, нежели подоспѣли бы наши войска. Къ этому корпусу присоединились впослѣдствіи резервные баталіоны и милиція, и численность его была доведена до 15.000 чел.

Изъ вышесказаннаго видно, что въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ вступилъ въ наши предѣлы, численность русской арміи равнялась 285.000 чел.; какая бы это была внушительная сила, если бы эти войска были сосредоточены на небольшомъ пространствѣ, а не растянуты вдоль оборонительной линіи, какую занимали наши войска, гдѣ удары, наносимые непріятелемъ, не могли быть парализованы на всѣхъ пунктахъ. Искусный и предпріимчивый непріятель, сосредоточивъ превосходныя силы въ тѣхъ пунктахъ, которые онъ захотѣлъ бы избрать для атаки, могъ бы съ успѣхомъ атаковать эту оборонительную линію, въ полной увѣренности, что онъ нигдѣ не встрѣтитъ непріятеля достаточно сильнаго, чтобы оказать ему сопротивленіе. Таково было положеніе Наполеона, когда онъ перешелъ нашу границу; мы увидимъ далѣе, съумѣлъ ли онъ воспользоваться

тѣми крупными преимуществами, какія обстоятельства дали ему надъ нами.

Огромное количество войска, которое французской арміи приходилось продовольствовать, требовало, чтобы ея отряды были направлены къ нашей границѣ разными путями, чрезъ Германію и Польшу, и при томъ съ большими обходами, чтобы имѣть возможность прокормить столько людей. Излишне было бы перечислять, какими путями шла эта армія... достаточно сказать, что маршалъ Макдональдъ остановился въ Кенигсбергѣ, чтобы принять командованіе надъ прусскими войсками, которыя сформировали свои контингенты подъ командою генералъ-лейтенанта Граверта, откомандированнаго къ Наполеону по просьбѣ короля прусскаго. Кромѣ того, послѣдній обязался въ зачетъ контрибуціи, недоплаченной имъ Наполеону, продовольствовать французскія войска и армію союзниковъ на этапахъ, во время ихъ прохода чрезъ его владѣнія. Французскія войска, во время прохода чрезъ Пруссію, плохо подчинялись дисциплинѣ, многіе дома были разграблены и жители подверглись оскорбленіямъ.

12/24 іюня къ Нѣману противъ Ковно подошелъ маршалъ Даву съ 80.000 корпусомъ и тотчасъ приступилъ къ сооруженію трехъ мостовъ.

13/25 іюня его авангардъ, подъ командою дивизіоннаго генерала Морана, переправился черезъ рѣку; вслѣдъ за нимъ переправился Даву съ остальнымъ корпусомъ. Нашимъ аванпостамъ было приказано при приближеніи непріятеля отступить къ своимъ корпусамъ.

Маршалъ Удино, командовавшій 2 корпусомъ, перешелъ черезъ Нѣманъ, подлѣ Ковно, по тѣмъ же мостамъ, и направился прежде всего въ Самогитію, къ Вилькомиру. За нимъ слѣдовалъ гвардейскій корпусъ, подъ командою маршала Бессьера. Вслѣдъ за гвардіей перешелъ Нѣманъ король неаполитанскій съ кавалеріей, которая не была распредѣлена по отдѣльнымъ корпусамъ.

За этой кавалеріей шелъ маршалъ Ней съ 3-мъ корпусомъ.

10 корпусъ, подъ командою маршала Макдональда, и контингентъ короля прусскаго, перешелъ Нѣманъ при Тильзитѣ, вступилъ въ Самогитію и двинулся къ Россіенамъ, а оттуда на Шавли.

5, 7 и 8 корпуса, подъ командою короля вестфальскаго, перешли Нѣманъ у Гродно. Вице-король италіанскій съ 4 и 6 корпусами, изъ коихъ первый прибылъ изъ Италіи, а второй былъ сформированъ изъ баварцевъ, перешелъ Нѣманъ у Ковно и Гродно.

Говорятъ, что французская армія, вслѣдствіе дурной холодной и дождливой погоды и недостатка фуража, потеряла на пути отъ гра-

ницы до Вильны нѣсколько тысячъ упряжныхъ и орудійныхъ лошадей.

Князь Шварценбергъ съ австрійскимъ контингентомъ, съ саксонцами, подъ командою французскаго генерала Рейнье и поляками, перешелъ границу въ Дрогичинѣ и переправился черезъ Бугъ, оставивъ Брестъ вправо, и, чтобы избѣжать Бѣловѣжскую пущу, пошелъ въ Шерехово, гдѣ онъ устроилъ свою главную квартиру.

Маршалъ Викторъ съ 8 корпусомъ остался въ Варшавѣ.

Силы, во главѣ которыхъ Наполеонъ шелъ воевать съ императоромъ Александромъ, доходили до 398.000 чел.; если исключить изъ того числа 30.000, которые остались временно въ Варшавѣ, все-таки останется 368.000 чел., съ которыми онъ вступилъ въ наши предѣлы. Въ томъ числѣ было 60.000 чел. кавалеріи; артиллерія соотвѣтствовала этой огромной численности войска [1]).

14/26 іюня, рано утромъ, императоръ получилъ донесеніе о вступленіи французовъ на русскую территорію; онъ приказалъ императорской квартирѣ выѣхать въ тотъ же день изъ Вильны въ Свенцяны. Одновременно было отдано приказаніе, чтобы правительственныя власти оставили Вильно и удалились во внутреннія губерніи Россіи со всѣми бумагами, которыми французы могли бы воспользоваться для организаціи гражданскаго управленія. То же велѣно было соблюдать губернаторамъ при приближеніи непріятеля, и это ставило его зачастую въ затруднительное положеніе относительно реквизицій и запасныхъ магазиновъ; все, что могло служить къ продовольствію французской арміи, было сожжено или уничтожено.

Мы прибыли въ Свенцяны 15/27 числа. Его величество уѣхалъ изъ Вильны поздно вечеромъ [2]), передъ отъѣздомъ онъ обратился къ войску со слѣдующимъ воззваніемъ:

„Изъ давняго времени примѣчали мы непріязненные противъ Россіи поступки французскаго императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оные. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены мы были ополчиться и собрать войска наши; но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ нашей имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго нами спокойствія. Французскій императоръ, нападеніемъ на войска наши при Ковнѣ, открылъ первый войну. И такъ,

---

[1]) Цифры эти не вполнѣ точны, на самомъ дѣлѣ въ іюнѣ—іюлѣ мѣсяцѣ боевой составъ французской арміи доходилъ до 418.513 человѣкъ, какъ это видно изъ приложеній, помѣщенныхъ въ концѣ записокъ ген. Беннигсена.

[2]) 14/26 іюня.

видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается намъ ничего иного, какъ, призвавъ на помощь Свидѣтеля и Заступника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы наши противу силъ непріятельскихъ. Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревне течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ".

Александръ.

По мѣрѣ того, какъ приближались французскія войска, наши корпуса, согласно полученному ими приказанію, начали отступать, избѣгая сколько-нибудь серьезнаго столкновенія съ непріятелемъ. Только генералъ-отъ-инфантеріи Дохтуровъ, по недоразумѣнію, всегда возможному въ подобномъ случаѣ, не получилъ этого приказанія; такимъ образомъ, не зная, куда направиться, получивъ извѣстіе о приближеніи непріятеля, онъ рѣшилъ пойти на Ошмяны, гдѣ встрѣтилъ довольно значительныя силы непріятеля, которыя могли преградить ему путь [1]). Генералъ дѣйствовалъ смѣло; онъ пробился съ оружіемъ въ рукахъ, повелъ свой корпусъ по Сморгонской дорогѣ и, отступая, съумѣлъ держать непріятеля, преслѣдовавшаго его по пятамъ, въ такомъ страхѣ, что тотъ не рѣшался серьезно атаковать его арріергардъ. Генералъ Дохтуровъ, которому этотъ переходъ, при данныхъ критическихъ обстоятельствахъ, дѣлаетъ величайшую честь, прошелъ черезъ Вилейку и присоединился къ нашей арміи до того, какъ она достигла берега Двины, не понеся особенно значительныхъ потерь. Когда Наполеонъ получилъ въ Вильно [2]) донесеніе о томъ, что довольно значительный отрядъ былъ отрѣзанъ отъ нашей арміи, онъ тотчасъ послалъ къ Ошмянамъ большой отрядъ пѣхоты и кавалеріи, но онъ подошелъ слишкомъ поздно.

Прибывъ въ Свенцяны, гдѣ императорская квартира пробыла 16/28 и 17/29 числа, мы получили передъ выступленіемъ оттуда донесеніе о томъ, что маршалъ Удино со своимъ 36—40.000 корпусомъ подошелъ къ корпусу графа Витгенштейна. Я тотчасъ поспѣшилъ къ императору, чтобы сказать ему, что мы не только могли, но должны были нанести этому корпусу значительный ударъ, соединивъ корпуса генерала Багговута и графа Витгенштейна, которые находились близко одинъ отъ другого и могли выполнить этотъ маневръ. Для обезпеченія успѣха, я предложилъ послать изъ Видзы великаго князя съ резервомъ, для подкрѣпленія этого корпуса; тогда

[1]) Вначалѣ французы приняли корпусъ Дохтурова за корпусъ Багговута (Fabry, I, 66).

[2]) Куда онъ прибылъ 28 іюня.

образовался бы отрядъ въ 80.000 чел., и этого было бы болѣе чѣмъ достаточно, чтобы уничтожить корпусъ маршала Удино.

Послѣ этого блестящаго начала кампаніи, эти войска могли бы возвратиться на берега Двины одновременно съ нами. Государь, повидимому, одобрилъ мой планъ, но такъ какъ его величество очень довѣрялъ генералъ-лейтенанту Пфулю, бывшему офицеру прусскаго генеральнаго штаба, который послѣ пораженія прусской арміи при Ауерштедтѣ и Іенѣ, поступилъ на службу Россіи, то императоръ посовѣтовался съ нимъ и генералъ Пфуль не одобрилъ представленнаго мною плана; по его мнѣнію, рѣшившись выполнить его, мы рисковали бы всѣмъ, ради ничтожной выгоды. Такимъ образомъ мой планъ, не представлявшій ни малѣйшаго риска, остался не выполненнымъ. Я буду говорить объ этомъ генералѣ и о составленномъ имъ операціонномъ планѣ въ ближайшемъ письмѣ.

18/30 числа главная императорская квартира выступила изъ Свенцянъ; мы прибыли 19 іюня (1 іюля) въ Видзы, пройдя 56 верстъ; 23 іюня (5 іюля) мы были въ Бельмонтѣ, пройдя 50 верстъ, а 25/7, пройдя Самогитію, гдѣ мы видѣли на всемъ пути прекрасныя и выгодныя позиціи, мы прибыли сюда, въ Дрисскій укрѣпленный лагерь, о которомъ много было говорено: гораздо больше того, что онъ стоитъ. Его величество приказалъ мнѣ сдѣлать рекогносцировку лагеря и доложить ему мои замѣчанія.

Два принца Ольденбургскихъ, зять императора, принцъ Георгій и наслѣдный принцъ Августъ выразили желаніе ѣхать со мною; я пригласилъ сопровождать меня адъютанта императора, полковника барона Вольцогена. Этотъ офицеръ былъ посланъ генераломъ Пфулемъ съ порученіемъ снять планъ позицій между Динабургомъ и Полоцкомъ. Онъ предупредилъ меня, что не его вина, если тутъ не окажется всѣхъ преимуществъ, требуемыхъ хорошей позиціей, такъ какъ онъ былъ вынужденъ ограничиться въ своихъ развѣдкахъ указанной ему дистанціей.

Мы употребили на эту рекогносцировку полторы сутокъ, такъ какъ я не ограничился осмотромъ позиціи; мы осмотрѣли и окрестности, откуда непріятель могъ подойти къ ней. Болѣе 2.000 человѣкъ работало въ теченіе шести мѣсяцевъ надъ этими укрѣпленіями. Ихъ называли вторымъ Гибралтаромъ.

Поэтому можно себѣ представить мое изумленіе, когда я нашелъ тутъ самую плохую, самую невыгодную позицію, какую только можно было избрать для сраженія, которое должно было рѣшить участь кампаніи и быть можетъ государства. Она была переполнена укрѣпленіями, по большей части плохо расположенными и возведенными самымъ грубымъ образомъ; насыпями, за которыми могъ засѣсть

непріятель; редутами и батареями, возведенными одна подъ другой, при чемъ не было обращено вниманія на условія мѣстности и заднія укрѣпленія рѣдко защищали доступъ въ переднія. Да и могло ли быть иначе, коль скоро генералъ Пфуль нанесъ на планѣ, привезенномъ ему изъ Петербурга, укрѣпленія по своей фантазіи, никогда не видавъ самой позиціи.

Приведу здѣсь дословно устный докладъ, сдѣланный мною императору во исполненіе возложеннаго на меня порученія. Когда я вошелъ въ кабинетъ, его величество поспѣшно спросилъ меня:

„Какъ вы ее находите?“

— Плохой,—былъ мой отвѣтъ.

Императоръ видимо былъ удивленъ; я продолжалъ: „Она такъ плоха, Ваше Величество, что намъ грозитъ опасность понести пораженіе, ежели непріятель атакуетъ насъ съ превосходными силами“. На это Его Величество сказалъ: „Генералъ, объясните мнѣ это на планѣ“,—планъ лежалъ въ ту минуту у него на столѣ. Императоръ показывалъ мнѣ его еще въ Вильно; я и въ то время обратилъ Его вниманіе на лѣсъ, находившійся отъ насъ влѣво, передъ нашимъ фронтомъ, къ которому онъ подходилъ довольно близко и который могъ скрыть отъ насъ часть непріятельскихъ силъ, если бы онѣ появились оттуда. Но Государя увѣрили, что все было прекрасно разсчитано и предусмотрѣно, что не было ничего упущено изъ вида, чтобы сдѣлать позицію вполнѣ безопасной.

Я началъ свое объясненіе съ деревни [1]), лежавшей на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ на берегу Двины. Я сказалъ: „Мы должны смотрѣть на эту деревню, какъ на второй *Аспернъ*, къ которому непріятель можетъ подойти довольно близко, подъ прикрытіемъ лѣса, позади котораго лежитъ обширная равнина, на которой онъ могъ развернуть свои колонны, въ то время, когда мы не могли бы судить о его силахъ и предугадать его намѣреній по его движеніямъ. Онъ неминуемо направитъ свои усилія противъ этой деревни, которую мы не будемъ въ состояніи поддержать по причинѣ ея отдаленности и потому, что наши войска будутъ разсѣяны по многочисленнымъ укрѣпленіямъ, а разъ эта деревня будетъ въ рукахъ непріятеля, то онъ очутится позади нашего лѣваго фланга и тогда ему будетъ легко овладѣть смежнымъ съ этой деревней тетъ-де-пономъ, такъ какъ на его сторонѣ будетъ преимущество: ему будетъ благопріятствовать мѣстность, которая спускается довольно круто къ рѣкѣ. Такъ какъ на нашихъ обоихъ флангахъ находится нѣсколько бродовъ, то не-

[1]) Вѣроятно, Путри или Путредная слободка, противъ Дриссы, на лѣвомъ берегу рѣки.

пріятель можетъ воспользоваться этимъ, чтобы обойти насъ съ тыла, по другую сторону рѣки, по находящимся тамъ довольно значительнымъ возвышенностямъ. Поэтому мы будемъ вынуждены поставить на высотахъ праваго берега цѣлый корпусъ, чтобы прикрыть нашъ лѣвый флангъ, и другой корпусъ, по той же причинѣ, для прикрытія нашего праваго фланга". (На лѣвомъ флангѣ генералъ Дохтуровъ перешелъ со своимъ корпусомъ рѣку, а графъ Витгенштейнъ былъ уже на нашемъ правомъ флангѣ). Я продолжалъ:

„Послѣ того какъ намъ придется отрядить эти два корпуса, у насъ останется слишкомъ мало войска, чтобы занять линію, длиною въ шесть верстъ и многочисленныя укрѣпленія, расположенныя полукругомъ; вслѣдствіе чего мы будемъ подвергаться во время всего сраженія перекрестному огню непріятельской артиллеріи. Наше положеніе станетъ еще затруднительнѣе, если непріятелю удастся прорвать линію въ одномъ пунктѣ, такъ какъ вся мѣстность, занятая нами, идетъ наклонно отъ нашего фронта къ рѣкѣ, вслѣдствіе чего даже въ тетъ-де-понахъ никто не будетъ защищенъ отъ непріятельскихъ ядеръ и картечи".

Во время моего доклада, Его Величество дѣлалъ мнѣ нѣкоторыя возраженія; я осмѣлился отвѣтить, что все зависитъ отъ его воли, и что ежели онъ прикажетъ, войска будутъ драться и на этой позиціи, какъ бы она ни была невыгодна, такъ же храбро, какъ всегда; но такъ какъ Его Величество приказалъ мнѣ произвести рекогносцировку, то я счелъ долгомъ ничего не скрывать отъ него. Императоръ сказалъ на это съ большой добротою: „Продолжайте, генералъ, я хочу, чтобы вы сказали мнѣ вполнѣ правдиво, какъ вы нашли эту позицію. И такъ, каково же ваше мнѣніе?" Я отвѣчалъ: „Намъ необходимо, Государь, оставить эту позицію и занять высоты противуположнаго берега, представляющія для насъ болѣе выгодную позицію". На этомъ аудіенція кончилась.

Когда я вышелъ изъ кабинета, Государь послалъ за своимъ адъютантомъ, Вольцогеномъ, который призналъ, что все сказанное мною относительно занимаемой нами позиціи было справедливо. Вскорѣ послѣ этого, генералъ-адъютантъ князь Волконскій сообщилъ Государю, что полковникъ Мишо, выдающійся офицеръ генеральнаго штаба, знатокъ военнаго дѣла, осматривалъ позицію и также нашелъ ее неудовлетворительной. Его Величество приказалъ Мишо явиться къ нему. Онъ описалъ позицію въ тѣхъ же краскахъ, какъ я, и кончилъ свой докладъ такъ: „Было бы полезно прислать сюда всѣхъ молодыхъ людей, изучающихъ фортификацію, чтобы они видѣли ошибки, коихъ имъ слѣдуетъ избѣгать; они нашли бы ихъ въ этой позиціи".

Тогда Императоръ рѣшилъ пригласить нѣсколько свѣдущихъ лицъ, чтобы обсудить вмѣстѣ съ ними, какія мѣры надлежало принять при данныхъ обстоятельствахъ. Членами этого военнаго совѣта были избраны: зять Императора, принцъ Георгій Ольденбургскій, генералъ-отъ-артиллеріи Аракчеевъ, генералъ-отъ-инфантеріи Барклай, генералъ-лейтенантъ князь Волконскій, полковники Мишо и Вольцогенъ. Когда они собрались, Императоръ обратился къ Мишо и приказалъ ему повторить все, что онъ докладывалъ ему о позиціи. Когда онъ кончилъ, Его Величество сказалъ: „Другіе докладывали то же самое“. Обсудивъ вмѣстѣ съ присутствующими, какія мѣры надлежало принять, чтобы избѣжать опасности, Императоръ приказалъ арміи оставить Дрисскій лагерь.

Можетъ показаться страннымъ, что я не присутствовалъ на этомъ совѣтѣ. Обыкновенно полагаютъ, что Императоръ, не желая огорчать генерала Пфуля, который не могъ участвовать въ этомъ совѣтѣ, по этой причинѣ не пригласилъ на совѣщаніе и меня; къ тому же Государю уже было извѣстно мое мнѣніе на этотъ счетъ. Рѣшеніе оставить Дрисскій лагерь весьма естественно разрушило весь операціонный планъ этого генерала; онъ увѣрялъ, что Наполеонъ пойдетъ за нами по пятамъ и атакуетъ насъ на этой позиціи, которую онъ считалъ настолько сильной, что, по его мнѣнію, непріятель сразу потерпитъ рѣшительное пораженіе, несмотря на то, что онъ значительно превосходилъ насъ силами.

Операціонный планъ Пфуля.

Полоцкъ, 8/20 іюля 1812.

Я могу высказать свое мнѣніе объ этомъ операціонномъ планѣ и коснуться его подробностей, только коснувшись дислокаціи корпусовъ, входившихъ въ составъ различныхъ армій въ началѣ этой кампаніи, и о выполненныхъ уже маршахъ, такъ какъ Императоръ не показывалъ мнѣ этого операціоннаго плана и я не знаю ни одного человѣка, который бы его видѣлъ; но изъ дальнѣйшаго будетъ ясно, что въ немъ говорилось о диверсіяхъ, которыя должны были затруднить непріятеля, пріостановить его движеніе впередъ и т. п.—всегдашняя излюбленная система генерала Пфуля.

Я увѣренъ, что этотъ операціонный планъ полонъ превосходныхъ и глубокомысленныхъ разсчетовъ, что въ немъ нашли примѣненіе разные случаи изъ прошлыхъ войнъ, какъ-то изъ похода Карла XII въ Малороссію, быть можетъ также изъ современной войны Испаніи съ Франціей и т. п.; наконецъ, я увѣренъ, что въ

немъ много краснорѣчія и прекрасныхъ фразъ. Мы уже видѣли, по печальнымъ послѣдствіямъ, какія обнаружились въ самомъ началѣ кампаніи, насколько этотъ операціонный планъ несовершененъ; онъ не соотвѣтствуетъ ни характеру народа, ни духу арміи, ни условіямъ мѣстности и еще менѣе тѣмъ обстоятельствамъ, въ какихъ непріятель и мы сами находимся по отношенію къ провинціямъ, которыя мы эвакуировали безъ боя, которыя непріятель хочетъ захватить и которыя онъ занимаетъ, не проливая ни капли крови. Дойдя до Дриссы, мы увидѣли, что всѣ планы диверсій рушились; не дѣлая никакихъ особенныхъ разсчетовъ, можно было предвидѣть, что корпуса, которые встрѣтились бы съ непріятелемъ, значительно превосходящимъ ихъ численностью, не стали бы производить диверсій, а постарались бы отступить туда, гдѣ они могли бы найти подкрѣпленіе.

Съ Наполеономъ нельзя вести войну такъ, какъ ее вели въ прежнее время; прежде никогда не приходилось имѣть дѣло съ такими большими массами войска, которыя онъ сосредоточиваетъ, чтобы двинуть ихъ противъ главныхъ силъ непріятеля и уничтожить его; слѣдовательно, если бы послѣдній ослабилъ себя, отдѣливъ нѣсколько корпусовъ, чтобы произвести диверсію, то легко можно было предсказать, какія это будетъ имѣть послѣдствія; мы уже знаемъ это изъ примѣровъ. Стоитъ только вспомнить войну пруссаковъ съ Наполеономъ въ 1806 г., когда ихъ войска были разсѣяны послѣ того, когда Наполеонъ атаковалъ ихъ, сосредоточивъ свои силы.

Въ настоящую войну, Наполеонъ повелъ противъ Россіи войско, общая численность котораго составляетъ такую внушительную силу, какой еще никогда не было подъ его командою; поэтому хорошо ли было ослаблять себя, произведя диверсіи, которыя не могли сулить успѣха? Какъ удавалось мнѣ противустоять Наполеону въ предъидущую кампанію, когда его войска всегда превосходили мои численностью? Это мнѣ удавалось только потому, что я держался его системы и всегда старался сосредоточивать свои силы.

Припоминаю то, что я слышалъ однажды изъ устъ императора австрійскаго, Іосифа II, въ Кіевѣ, во время его путешествія по Россіи, когда покойный фельдмаршалъ графъ Румянцевъ говорилъ о количествѣ артиллеріи (1.200 орудій), которое этотъ монархъ имѣлъ въ своемъ войскѣ, въ Баварскую войну въ 1778 г. Императоръ сказалъ: „Вы правы, г. фельдмаршалъ, столь значительное количество артиллеріи часто затрудняетъ войско; но съ врагомъ нужно сражаться его оружіемъ. У Фридриха II было 1.300 орудій, а ему не мѣшаетъ подражать въ военномъ искусствѣ“. Къ этому можно было бы прибавить слѣдующее: „Если непріятель дѣйствуетъ про-

тивъ васъ сосредоточенными силами, сосредочьте также и свои силы, насколько это позволятъ вамъ обстоятельства и ваши средства".

По этой причинѣ я совѣтовалъ Императору приблизить князя Багратіона съ 2-ой арміей къ 1-ой арміи; но генералъ Пфуль добился того, что Багратіону приказано было остановиться въ Волковискѣ. Какую диверсію можетъ произвести этотъ генералъ въ настоящую минуту со своими 40.000 чел., когда онъ не можетъ отступить передъ маршаломъ Даву, который преслѣдуетъ его съ 80.000 человѣкъ? Я хотѣлъ бы, чтобы наша 2-я армія была размѣщена въ Минской губерніи и чтобы она образовала какъ бы вторую линію нашей обороны. Это нисколько бы не помѣшало нашему отступленію; такъ какъ мы хотѣли держаться оборонительнаго образа дѣйствій, то было бы неосторожно принять, на первыхъ же порахъ, сраженіе и вступить въ бой съ такими превосходными силами, какія имѣются у Наполеона. Обѣ наши арміи, отступая по этому направленію, не терпѣли бы недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, такъ какъ въ тылу ихъ былъ бы рядъ запасныхъ магазиновъ, въ которыхъ имѣется 300.000 четвертей муки; и ихъ пришлось бы сжечь при приближеніи непріятеля. Французская армія, совершая быстрые переходы, будетъ не въ состояніи продовольствовать такое огромное количество войска; недостатокъ съѣстныхъ припасовъ самъ по себѣ ослабитъ непріятеля и замедлитъ его движеніе. Но всему бываетъ предѣлъ; мы должны къ этому готовиться заблаговременно, иначе мы будемъ вынуждены, въ концѣ концовъ, принять сраженіе въ неудобный для насъ моментъ и въ такой мѣстности, которая не будетъ выбрана нами и при такихъ, быть можетъ, невыгодныхъ условіяхъ, которыя сдѣлаютъ успѣхъ сомнительнымъ.

Отступивъ къ Двинѣ, мы отдали тѣмъ самымъ непріятелю, или оставили въ его власти, прекрасныя провинціи: Литву, Волынь и Подолію; но это не все; мы оставляемъ совершенно открытой дорогу черезъ Минскую губернію, откуда онъ можетъ двинуть отряды въ Бѣлоруссію и даже въ Смоленскую губернію. Если бы наша 2-я армія заняла ту позицію, на какую я указывалъ, то мы, по крайней мѣрѣ, прикрыли бы значительными силами великороссійскія губерніи; соображеніе это весьма важное, и это не слѣдовало упускать изъ вида, какъ я это говорилъ въ составленномъ мною операціонномъ планѣ. Вторая армія могла бы, отступая, опередить насъ на два или на три переѣзда, высылая нужные отряды, чтобы не ослабить первой арміи; тамъ же, гдѣ по условіямъ мѣстности и по обстоятельствамъ, мы оказались бы въ болѣе выгодномъ положеніи, она могла бы остановиться, чтобы дать генеральное сраженіе; но въ то же время мы бы могли и избѣжать его. Судя по всему, что мы видѣли

и что было выполнено при нашемъ движеніи отъ Вильны до Двины, трудно себѣ представить, чѣмъ кончилось бы наше отступленіе, если бы мы совершили его по этому плану.

Вернемся еще разъ къ тѣмъ корпусамъ, которые должны были произвести предполагаемую диверсію. Генералъ Платовъ со своими казаками находился въ Бѣлостокѣ, въ 40 миляхъ отъ Вильно, тогда какъ непріятель, вступивъ въ наши предѣлы, находился всего въ 12 миляхъ отъ этого города. Къ чему же это привело? Генералъ этотъ, вмѣсто того, чтобы дѣлать диверсіи, былъ вынужденъ искать спасенія въ поспѣшномъ отступленіи, чтобы соединиться съ нашей 2-ой арміей. Единственная польза, которую это принесло намъ, состояла въ томъ, что генералу Платову, по вступленіи его въ Минскую губернію, представился случай разбить въ окрестностяхъ Мира нѣсколько полковъ польской кавалеріи, которая его преслѣдовала, и взять значительное число плѣнныхъ; но что бы могъ сдѣлать этотъ казацкій корпусъ, если бы онъ очутился, съ самаго начала нашего отступленія, вмѣстѣ съ 1 арміей? Мы знаемъ, какъ полезно можетъ быть этого рода войско во время отступленія и при преслѣдованіи непріятеля, когда его дѣйствія могутъ быть поддержаны регулярными войсками. Мы чувствовали, что намъ его недоставало, въ особенности когда нужно было имѣть свѣдѣнія о движеніи непріятеля.

Генералъ-лейтенантъ графъ Паленъ остался до послѣдняго момента въ Гродно съ полкомъ гусаръ и двумя полками егерей; онъ съ величайшимъ трудомъ совершилъ отступленіе; только благодаря искусству этого генерала его корпусъ не попалъ въ безвыходное положеніе и успѣлъ уйти отъ непріятеля, понеся впрочемъ значительный уронъ и потерявъ не мало телѣгъ, нагруженныхъ провіантомъ. Вотъ къ чему привели, какъ это и можно было предвидѣть, всѣ планы диверсій противъ превосходныхъ силъ, съ какими Наполеонъ вступилъ въ наши предѣлы. Мнѣ кажется, что въ операціонный планъ генерала Пфуля входилъ также несообразный планъ диверсіи, которую адмиралъ Чичаговъ долженъ былъ произвести съ Молдавской арміей въ Далмаціи, послѣ ратификаціи мира съ турками. Такъ это или нѣтъ, покажетъ будущее.

Еще нѣсколько словъ о томъ, какъ можно было бы примѣнить къ тѣмъ обстоятельствамъ, въ какихъ очутились мы и наши враги въ настоящую минуту, тѣ указанія, какія даетъ намъ походъ Карла XII въ Малороссію и нынѣшняя франко-испанская война. Обстоятельства эти совершенно различны; и по характеру мѣстности, не имѣющей ничего общаго съ Испаніей и по тому, что у насъ противъ французской арміи возбуждены всѣ жители, ничто не напоминаетъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя Карлъ XII встрѣтилъ въ своемъ походѣ въ Мало-

россію, гдѣ онъ разсчитывалъ на помощь, обѣщанную ему Мазепою, хотя онъ ее и не получилъ. Къ тому же, его тылу угрожала постоянная опасность, которой онъ могъ избѣжать только побѣждая противника, тогда какъ Наполеонъ находился въ странѣ, гдѣ почти всѣ жители настроены въ его пользу; до тѣхъ поръ, пока принадлежащія намъ бывшія польскія провинціи будутъ въ его рукахъ, населеніе этихъ провинцій будетъ охвачено энтузіазмомъ, и онъ можетъ получать оттуда помощь людьми и провіантомъ, въ особенности въ то время, когда будетъ снята жатва.

При обсужденіи вышеупомянутаго операціоннаго плана, мнѣ пришлось слышать между прочимъ такое мнѣніе: что можно успѣшнѣе прикрыть какую-нибудь мѣстность, держась не въ томъ направленіи, откуда угрожаетъ опасность, а нѣсколько въ сторонѣ. Это можетъ быть справедливо во многихъ случаяхъ; тѣмъ не менѣе разстояніе между противниками не должно быть такъ велико, какъ разстояніе отъ Дриссы до большой дороги, ведущей черезъ Литву въ великорусскія губерніи, откуда мы можемъ получить главную помощь людьми и съѣстными припасами. Къ счастью, императоръ рѣшилъ не слѣдовать плану генерала Пфуля, и мы уже выступили съ тѣмъ, чтобы идти въ предложенномъ мною направленіи. Большое счастье, что Наполеонъ не препятствовалъ до сихъ поръ нашимъ движеніямъ и что онъ далъ намъ время опередить его и попытаться соединиться съ нашей второй арміей. Образъ дѣйствій Наполеона и медлительность, съ какою онъ оперировалъ до сихъ поръ, совершенно необъяснимы; если бы онъ сразу сталъ преслѣдовать насъ съ тѣми значительными силами, какія онъ успѣлъ сосредоточить, то мы либо вовсе не могли бы выступить изъ Дриссы и прибыть въ Полоцкъ, либо это движеніе было бы для насъ весьма затруднительно и стоило бы намъ много людей.

Если представить себѣ, какія неисчислимыя послѣдствія могло имѣть болѣе продолжительное пребываніе наше въ Дрисскомъ лагерѣ, и если предположить, что Наполеонъ подошелъ бы съ достаточными силами и расположился бы со стороны нашего лѣваго фланга, чтобы помѣшать движенію, которое мы совершаемъ въ настоящее время, то что было бы съ княземъ Багратіономъ и со 2-ой арміей, если бы его преслѣдовалъ и тревожилъ маршалъ Даву, армія котораго вдвое сильнѣе численностью? Всѣ наши опасенія разсѣялись впрочемъ, благодаря благоразумному рѣшенію, принятому императоромъ, и необычайному бездѣйствію Наполеона.

Обсудивъ операціонный планъ генералъ-лейтенанта Пфуля и признавъ его ошибочныя и невѣрныя соображенія, я долженъ однако прибавить, что это вполнѣ достойный офицеръ, что онъ обладаетъ основательными знаніями, и что въ свѣтѣ навѣрно не найдется

другого профессора, который могъ бы такъ хорошо, какъ онъ, преподавать молодымъ офицерамъ тактику военнаго искусства, что было всегда его излюбленнымъ дѣломъ. Многіе военные въ Берлинѣ и Петербургѣ обязаны ему своими свѣдѣніями въ этомъ искусствѣ; можно сказать, что, какъ преподаватель, онъ былъ неутомимъ; но, при всемъ моемъ уваженіи къ военнымъ профессорамъ и къ ихъ глубокимъ знаніямъ, надобно сказать, что всякій разъ, когда приходилось пользоваться услугами такого профессора на войнѣ, это всегда кончалось неудачей. Это не значитъ, разумѣется, что не слѣдуетъ обращать вниманія на операціонный планъ, вышедшій изъ-подъ пера военнаго профессора; можно воспользоваться тѣмъ, что въ немъ есть удобнаго, но слѣдуетъ отвергнуть все то, что окажется слишкомъ сложнымъ и придуманнымъ отъ избытка учености. Несомнѣнно также, что тотъ, кому поручаютъ подобную задачу, долженъ соединить теорію съ практикой. Генералъ Пфуль, несмотря на всѣ его прекрасныя качества, благодаря коимъ онъ можетъ принести большую пользу любому государству, не свободенъ отъ одного недостатка, коимъ отличаются всѣ извѣстные профессора, не выносящіе возраженій, а тѣмъ болѣе противорѣчій, которыя могутъ его озлобить до такой степени, что онъ не захочетъ болѣе говорить о военныхъ дѣлахъ съ тѣмъ, кто не относится къ его словамъ какъ къ святынѣ; я это знаю по собственному опыту.

Не могу не упомянуть здѣсь о томъ, что въ Вильнѣ, незадолго до вступленія непріятеля въ наши предѣлы, однажды, послѣ обѣда, императоръ отвелъ меня къ окну и заявилъ мнѣ, что ко мнѣ зайдетъ въ тотъ день генералъ Пфуль; я осмѣлился отвѣтить: „Вашему Величеству извѣстно, что съ нимъ трудно вести переговоры“. На это императоръ сказалъ: „Онъ будетъ говорить съ вами, я приказалъ это ему“. Когда государь удалился, принцъ Георгій Ольденбургскій подошелъ ко мнѣ и заявилъ: „Я буду у васъ съ генераломъ Пфулемъ черезъ часъ“.

Прійдя ко мнѣ съ генераломъ Пфулемъ, его императорское высочество заговорилъ первый и сказалъ:

„Императоръ желаетъ, чтобы вы условились относительно мѣръ, которыя слѣдуетъ принять при приближеніи непріятеля“. Принцъ присовокупилъ: „Его величество хочетъ, чтобы этотъ разговоръ происходилъ при постороннемъ свидѣтелѣ, вотъ почему мнѣ приказано присутствовать при вашей бесѣдѣ. Я долженъ предупредить васъ, господа, что у меня хорошая память, и что, вернувшись домой, я запишу все, что будетъ сказано вами, чтобы доложить объ этомъ императору“. Я говорилъ первый и сказалъ слѣдующее:

„Если такъ, то я позволю себѣ сказать, ваше императорское вы-

сочество, прежде всего, что мнѣ извѣстно объ операціонномъ планѣ, принятомъ для этой кампаніи только то, что объ немъ говорятъ въ обществѣ и въ арміи; моего мнѣнія не спрашивали также относительно дислокаціи отдѣльныхъ корпусовъ, входящихъ въ составъ различныхъ армій, которая, по моему мнѣнію, не вполнѣ соотвѣтствуетъ тому направленію, въ какомъ мы должны идти; но такъ какъ въ настоящій моментъ дѣло идетъ лишь о первоначальномъ движеніи, то я прошу г. Пфуля высказать мнѣ свое мнѣніе". Тогда генералъ вытащилъ изъ кармана пространную записку, въ которой въ самомъ началѣ высказывалось предположеніе, что въ то время, какъ мы совѣщаемся, непріятель быть можетъ уже вступилъ въ наши предѣлы, и, слѣдовательно, онъ можетъ, черезъ четыре дня, быть въ Вильно; это случилось однако лишь черезъ тринадцать дней. Далѣе шли вычисленія о томъ, сколько времени потребуется на то, чтобы получить объ этомъ донесеніе; чтобы разослать необходимыя приказанія корпусамъ; чтобы они ихъ получили; чтобы они собрали войска, и черезъ сколько дней они будутъ въ Вильно. По его разсчету, чтобы сосредоточить въ окрестностяхъ этого города двѣ арміи, потребовалось бы одиннадцать дней. Движеніе каждаго корпуса было высчитано отдѣльно.

Пока дѣло шло о корпусахъ, которые находились на нашемъ лѣвомъ флангѣ, я слушалъ внимательно, ничего не возражая; но какъ только зашла рѣчь о движеніи къ Вильно тѣхъ корпусовъ, которые находились въ Самогитіи, слѣдовательно, вправо отъ насъ, я перебилъ генерала и освѣдомился о цѣли этого движенія.

— Развѣ вы не считаете нужнымъ защищать Вильно?—спросилъ меня генералъ Пфуль съ изумленіемъ.

Я взглянулъ на принца Георгія, желая прочесть на его лицѣ, что онъ думалъ объ этомъ вопросѣ, такъ какъ ему было извѣстно мое мнѣніе, затѣмъ, обратившись къ генералу Пфулю, я сказалъ: „Чѣмъ же заслужилъ я подозрѣніе въ томъ, что я такъ плохо знаю свое дѣло, что я могу предложить защищать Вильно, тогда какъ это можетъ подвергнуть насъ явной опасности?"

Записка, составленная генераломъ, имѣла цѣлью доказать на основаніи вычисленій, что непріятель могъ быть въ окрестностяхъ Вильны за недѣлю до того, какъ намъ удалось бы сосредоточить наши войска.

Вотъ что дало Пфулю поводъ сдѣлать такое предположеніе: я доказывалъ, однажды, императору, что было бы крайне необходимо возвести на высотахъ, окружающихъ Вильно, нѣсколько укрѣпленій, чтобы ввести непріятеля въ заблужденіе относительно истинныхъ нашихъ намѣреній касательно нашего перваго движенія. Его вели-

чество отвѣтилъ мнѣ, что онъ самъ произведетъ рекогносцировку мѣстности и приказалъ мнѣ сопровождать его; мы произвели эту рекогносцировку вдвоемъ, при чемъ государя не сопровождалъ кромѣ меня никто изъ свиты; это и дало генералу Пфулю поводъ думать, будто я старался убѣдить императора принять сраженіе около Вильно, и вынудило его написать эту пространную записку.

Я продолжалъ развивать свою мысль и высказалъ, что я понимаю такъ же точно, какъ и генералъ, какъ невыгодно и опасно было бы для насъ ожидать непріятеля въ Вильно, гдѣ у насъ не было даже хорошей позиціи, но такъ какъ рѣчь шла лишь о первомъ движеніи, то я полагалъ бы нужнымъ отступить, чтобы сосредоточить наши силы; при этомъ я просилъ позволенія не входить въ подробности этого отступленія, такъ какъ у насъ было слишкомъ мало времени, чтобы измѣнить принятыя уже и одобренныя заранѣе мѣры. Я предложилъ тогда, не теряя времени, послать генералу Дохтурову, стоявшему въ Лидѣ, приказаніе идти къ Вильно. Трудно себѣ представить, до чего генералъ Пфуль не владѣетъ собою, и какъ онъ не можетъ скрыть своего неудовольствія, когда дѣло идетъ, какъ въ данномъ случаѣ, о предложеніи, сдѣланномъ не имъ. Онъ сказалъ мнѣ:

„Предварительно слѣдуетъ спросить Дохтурова, позволятъ ли это ему имѣющіеся у него запасы провіанта“.

Я пристально посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Такъ неужели же, если бы вамъ пришлось во время военныхъ дѣйствій передвинуть какой-нибудь корпусъ, вы сочли бы возможнымъ, прежде нежели дать соотвѣтствующее приказаніе, послать къ командующему имъ генералу узнать, позволитъ ли ему совершить это движеніе тотъ запасъ провіанта, который онъ имѣетъ?

Нашъ разговоръ былъ непродолжителенъ, но принцъ Ольденбургскій передалъ его императору въ такомъ смыслѣ, что генералу Дохтурову дано было приказаніе выступить и стать въ Солечникахъ.

Увѣряютъ, что, когда императоръ объявилъ генералу Пфулю, что его операціонный планъ нельзя будетъ выполнить, и изложилъ причины этого, то генералъ отвѣчалъ: „Сознаюсь, что мои соображенія относительно движенія непріятеля оказались ошибочны“. Я не ручаюсь, что это было именно такъ, но такъ говорили всѣ. Извиненіе было во всякомъ случаѣ неудачно, такъ какъ тотъ, кто составляетъ операціонный планъ, не можетъ считать свой трудъ вполнѣ законченнымъ, если онъ не принялъ во вниманіе возможныя дѣйствія непріятеля. Не подлежитъ сомнѣнію, что репутація этого генерала очень пострадала вслѣдствіе ошибочности его операціоннаго плана; несомнѣнно также, что его судили слишкомъ строго и несправедливо, такъ какъ по существу это человѣкъ честный, не способный дѣйство-

вать нечестно и преданный императору, который осыпалъ его благодѣяніями.

Во время нашего перехода отъ Вильны и въ то время, когда мы находились въ Дрисскомъ лагерѣ, никакихъ крупныхъ событій не произошло. Только однажды генералъ Орловъ-Денисовъ съ гвардейскими казаками напалъ на отрядъ кавалеріи непріятельскаго авангарда и взялъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ; въ числѣ плѣнныхъ находился одинъ французскій бригадный генералъ.

По приказанію императора, генералъ Витгенштейнъ со своимъ корпусомъ остался въ окрестностяхъ Динабурга, чтобы прикрыть дорогу на Петербургъ.

Во время нашего перехода отъ Дриссы къ Полоцку не случилось ничего интереснаго, ибо непріятель не преслѣдовалъ насъ; за нами шелъ слѣдомъ только одинъ незначительный корпусъ. При этихъ обстоятельствахъ присутствіе императора въ арміи было не столь нужно, какъ раньше; но оно было необходимо внутри имперіи, для того, чтобы привести въ дѣйствіе тѣ могучія и грозныя средства, коими онъ могъ располагать, при поддержкѣ своего великаго и воинственнаго народа, который такъ же точно, какъ армія, не столь боится войны, какъ поспѣшнаго мира, который не могъ бы быть заключенъ въ настоящую минуту ни къ его чести, ни съ пользою для него. Всякій чувствуетъ, что Наполеонъ не можетъ завоевать Россію, и что если противупоставить ему стремительность, настойчивость и хладнокровіе, то его побѣдамъ будетъ положенъ конецъ. Но такъ какъ онъ вступилъ въ наши предѣлы съ такими превосходными силами, что мы до сихъ поръ не рѣшились задержать его движеніе, давъ ему генеральное сраженіе, то по пословицѣ „Aux grands maux de grands remèdes“—въ серьезныхъ случаяхъ надобно прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ; это какъ нельзя болѣе подходитъ къ нашему положенію, и средство будетъ найдено, когда императоръ появится среди своихъ подданныхъ.

Сознавая эту истину, императоръ рѣшился оставить армію въ ночь съ 6/18 на 7/19 іюля и отправиться въ Москву; ему конечно было не легко оставить своихъ храбрыхъ солдатъ, которые горѣли желаніемъ сразиться за отечество на глазахъ у своего монарха. Императору извѣстно горячее желаніе арміи, чтобы онъ командовалъ ею лично; отъ генерала до солдата всѣ питаютъ безграничное довѣріе къ нему; я имѣлъ счастье быть выразителемъ этихъ чувствъ передъ его величествомъ въ Вильно; мы видѣли, что могутъ сдѣлать войска, когда они слѣпо идутъ за своимъ главнокомандующимъ; тѣмъ паче можетъ воодушевить присутствіе монарха, пользующагося довѣріемъ народа. Оно можетъ такъ воодушевить войска, что это рѣшитъ

побѣду и, слѣдовательно, спасетъ государство. Отъѣздъ императора, на который онъ долженъ былъ рѣшиться, огорчилъ бы нашихъ храбрыхъ солдатъ еще болѣе, если бы они не надѣялись, что его отсутствіе будетъ непродолжительно, и что армія снова будетъ имѣть счастье видѣть его во главѣ ея, какъ только это позволятъ обстоятельства, и какъ только ожидаемыя нами подкрѣпленія дадутъ арміи возможность отразить всѣ атаки Наполеона и его союзниковъ.

Сообщила В. Т.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія о Севастополѣ.

(изъ писемъ полковника Сергѣя Павловича Мезенцова [1]), убитаго на 3 бастіонѣ 27 августа 1855 г., къ брату, бывшему въ то время комендантомъ крѣпости Владикавказа).

11 іюня 1855 г. Таганрогъ.

По пріѣздѣ моемъ въ Таганрогъ, въ 9 часовъ утра, я тотчасъ же отправился къ генералу Краснову, въ надеждѣ узнать что-нибудь новаго. Онъ пригласилъ меня къ обѣду, и тутъ я познакомился съ мѣстнымъ градоначальникомъ графомъ Толстымъ. На другой день я объѣздилъ всѣ мѣста, разоренныя непріятелемъ.

Огромное зданіе биржи на берегу моря, нѣсколько частныхъ домовъ и все, что было на лицо изъ купеческихъ судовъ, предано имъ огню. Соборъ и другія церкви пробиты ядрами, но остались болѣе или менѣе цѣлыми. Отъ Краснова я между прочимъ узналъ, что никакихъ нѣтъ извѣстій о томъ: вышелъ ли непріятель изъ Азовскаго моря или нѣтъ? Носятся слухи, что Керчь (въ которомъ остались одни турки) блокируется нашими войсками и, быть можетъ, въ настоящую минуту уже въ нашихъ рукахъ. Что же касается до Севастополя, то извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій болѣе чѣмъ печальны. Наши редуты: Селенгинской, Волынской и Камчатской

[1]) Дворянинъ Ярославской губерніи, С. П. Мезенцовъ, происходилъ отъ одной изъ лучшихъ нашихъ фамилій. Изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ онъ былъ выпущенъ въ 1835 г. въ Л.-Г. Преображенскій полкъ, но, увлеченный побужденіемъ сердца на боевое поприще, Мезенцовъ воспользовался первою возможностью окончить свое военное воспитаніе въ нашей практической боевой школѣ—на Кавказѣ, гдѣ и оставался съ 1838 по 1855 г., принимая дѣятельное участіе во множествѣ замѣчательныхъ дѣлъ, жестокихъ битвъ съ неукротимымъ врагомъ и непрерывныхъ, блистательныхъ набѣгахъ генерала Слѣпцова. Но тутъ Мезенцова ожидало болѣе значительное назначеніе. Разгорѣвшаяся борьба съ лучшими европейскими войсками требовала для противоборства съ ними людей опытныхъ въ дѣлѣ ратномъ, и въ Севастополь стали посы-

уже заняты непріятелемъ, а какъ говорятъ, только этими укрѣпленіями и держался главнымъ образомъ Севастополь. Впрочемъ графъ Адлербергъ, проѣзжая на-дняхъ изъ Симферополя, привезъ въ свою очередь весьма отрадную вѣсть, что 5 числа этого мѣсяца непріятель атаковалъ Малаховъ Курганъ, гдѣ получилъ отпоръ на столько сильный, что всѣ рвы были завалены непріятельскими тѣлами, вслѣдствіе чего предполагаютъ, что и редуты остались за нами. Это извѣстіе передалъ Адлербергъ, со словъ самого Коцебу, а Павелъ Евстафьевичъ [1]), конечно, сочинять не станетъ. Между прочемъ генералъ Красновъ мнѣ разсказывалъ, что когда передъ Таганрогомъ неожиданно очутился иноземный флотъ, къ нему явился на шлюпкѣ парламентеръ, съ требованіемъ, чтобы городъ сдался, говоря, что иначе ему будетъ плохо, такъ какъ съ нимъ прибыли дессантныя войска. Красновъ отвѣчалъ, что городъ никогда не сдастся,—пускай высаживаютъ дессантныя войска, а потомъ и посмотримъ, чья возьметъ? (Надо замѣтить, что въ Таганрогѣ, кромѣ двухъ никуда негодныхъ инвалидныхъ ротъ, учебнаго Донского полка и нѣсколькихъ человѣкъ милиціонеровъ, взятыхъ изъ горожанъ, никого не было, и при этомъ, ни одного орудія). Вслѣдъ за отвѣтомъ Краснова, начали

лать офицеровъ, составившихъ себѣ извѣстность въ военномъ отношеніи; въ числѣ прочихъ былъ избранъ и Мезенцовъ. Прибывъ въ Севастополь, онъ вскорѣ былъ назначенъ командиромъ Селенгинскаго пѣхотнаго полка, стяжавшаго уже себѣ громкую военную репутацію въ дѣлахъ послѣднихъ кампаній. Чуждый всякихъ корыстныхъ побужденій, полковникъ Мезенцовъ принялъ полкъ въ нѣсколько дней и сталъ во главѣ его, лицомъ къ лицу съ грознымъ врагомъ, въ должности начальника Штаба гарнизона 3 отдѣленія. Но тутъ преждевременно пробилъ часъ его, на сороковомъ году его прекрасной жизни. Пощаженный горскими пулями въ теченіе долгихъ лѣтъ, Мезенцовъ нашелъ 27 августа смерть, по счастію мгновенную. Въ лицѣ Сергѣя Павловича русская армія утратила одного изъ лучшихъ своихъ офицеровъ; Севастополь—одного изъ своихъ истинныхъ героевъ-защитниковъ; міръ потерялъ въ немъ человѣка прекраснаго душою, кроткаго, добродушнаго, высокихъ понятій о чести и долгѣ. Но не будемъ печалиться о павшихъ здѣсь. Тучные колосья, скошенные на жатвѣ севастопольской, собрали ангелы небесные въ золотые снопы и снесли ихъ въ житницу райскую, гдѣ Великій Хозяинъ міра сего соблюдетъ ихъ во вѣки, тогда какъ здѣсь, на этой священной землѣ, по непреложной волѣ Его же, утученная нива не оскудѣетъ во-вѣки давать плоды великіе! Такъ, священная память о крови, пролитой въ стѣнахъ Севастополя, память о всякомъ имени, здѣсь угасшемъ, останется примѣромъ грядущимъ вѣкамъ, будетъ горѣть имъ лучезарнымъ свѣточемъ и увлечетъ за собою современниковъ и потомство на чрезвычайные подвиги ко благу и славѣ Россіи! (Русскій Художественный Листокъ 1 ноября 1857 г. № 31).

[1]) Начальникъ Штаба дѣйствующій арміи въ Крыму.

бомбардировать беззащитный городъ; пробовали сдѣлать высадку съ нѣсколькихъ судовъ, но какъ увидѣли посланныхъ Красновымъ къ нимъ навстрѣчу,—тотчасъ же отступили, потому что, по достовѣрнымъ слухамъ, ихъ дальніе паррходы были почти безъ прислуги,—они же высадкой только пугали. Въ Маріуполѣ и Ногайскѣ жители изъ страха встрѣтили непріятеля съ хлѣбомъ и солью,—онъ же, въ отвѣтъ на мирный привѣтъ, поднесъ имъ въ свою очередь особеннаго рода хлѣбъ-соль: гдѣ только былъ на домѣ орелъ, тотчасъ же сжигали его, и такимъ образомъ уничтожили множество частныхъ домовъ, въ которыхъ помѣщались кабаки и аптеки.

Здѣсь, въ Таганрогѣ, я встрѣтилъ стараго своего сослуживца барона Франка. Этотъ баронъ отличается тѣмъ, что необыкновенно счастливъ на раны. Я познакомился съ нимъ еще въ Кабардинскомъ полку, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, и ужъ онъ тогда на ладонъ дышалъ послѣ нѣсколькихъ пуль, изъ которыхъ одна (подъ Ахульго) угодила ему въ животъ. Затѣмъ сошелся съ нимъ опять въ Сунженскомъ полку, гдѣ въ одномъ изъ Слѣпцовскихъ набѣговъ былъ ловко прихлопнутъ въ грудь, вслѣдствіе чего вышелъ въ отставку съ пенсіономъ и поспѣшилъ жениться. Теперь, при бомбардированіи Таганрога, и несмотря на званіе коллежскаго ассесора, былъ вновь осчастливленъ осколкомъ бомбы прямо въ лицо,—но такъ какъ битая посуда два вѣка живетъ, то и это ему какъ съ гуся вода, и уже онъ поговариваетъ о возможности какъ-нибудь прикомандироваться къ дѣйствующей арміи.

13 іюня.

Пробывъ въ Таганрогѣ до 8 часовъ вечера, пріѣзжаю на ст. *Коровій Бродъ*, и узнаю отъ смотрителя, что въ 5 часовъ по полудни былъ здѣсь проѣздомъ съ Кавказа въ Севастополь Николай Мезенцовъ [1]). Ужасная досада,—я бы отъ него по крайней мѣрѣ узналъ что-нибудь новаго. Одно только остается для меня загадкой: по какой причинѣ онъ былъ посланъ къ Муравьеву въ Александрополь не прямымъ путемъ, а черезъ Тамань? Вѣроятно, чтобы видѣть тамъ Хомутова. Нѣтъ сомнѣнія, что кн. Горчаковъ посылаетъ съ нимъ къ нему и Николаю Николаевичу [2]) какія-нибудь наставленія. Ахъ, Господи! Далъ бы Богъ, чтобы все это начальство, взятое вмѣстѣ, дѣйствовало бы наконецъ за-одно!

Забылъ сказать, что передъ отъѣздомъ изъ Таганрога получилъ

---

[1]) Впослѣдствіи генер.-адъют. и шефъ жандармовъ, павшій отъ руки убійцы въ С.-Петербургѣ.

[2]) *Муравьевъ.*

письмо изъ Одессы отъ Евгенія Михайловича Понсэ [1]). Послѣдній пишетъ, что всѣ очень довольны увольненіемъ кн. Меньшикова съ его штабомъ, и въ особенности нашего стараго знакомаго Вунша, прозваннаго тамъ *Пуншемъ*.

17 іюня. Симферополь.

Проѣхавъ безостановочно черезъ Маріуполь, Ногайскъ, Мелитополь и Перекопъ, добрался наконецъ я до Симферополя. Завтра надѣюсь достигнуть цѣли, т. е. Севастополя, гдѣ, какъ говорятъ, со дня кровопролитнаго боя 6 іюня полная тишина и спокойствіе; бываютъ выстрѣлы, но только съ нашей стороны, и то лишь съ цѣлью мѣшать непріятелю производить работы; онъ же такъ увлекается своимъ дѣломъ, что на наши выстрѣлы не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. Сюда я пріѣхалъ въ 9 ч. утра, думалъ остановиться въ гостиницѣ или на частной квартирѣ, но всѣ, даже углы переполнены, и я по неволѣ расположился на станціи. Симферополь, ничего себѣ, смотритъ какъ будто городомъ и даже обладаетъ гостиницей „Золотой Якорь“, гдѣ можно кое-какъ отобѣдать; тамъ я засталъ множество народа, состоящаго изъ офицеровъ всевозможныхъ полковъ: гусаръ, драгунъ, уланъ и, къ сожалѣнію, ни одного знакомаго лица. Между прочимъ, на одной изъ станцій близъ Перекопа, я встрѣтилъ брата Павла Евстафіевича [2]), состоящаго при кн. Горчаковѣ по дипломатической части; на-дняхъ онъ лишился сына, прикомандированнаго къ одному изъ гусарскихъ полковъ дѣйствующей арміи, и добро бы былъ убитъ, а то просто „взялъ да умеръ“. Отъ него я узналъ, что Бельгардъ, послѣ 15 лѣтъ чистой отставки, явился вдругъ въ Севастополь и тотчасъ же получилъ полкъ, а еще, что старый нашъ пріятель Александропольскій комендантъ Шульцъ, выхлопотавшій себѣ съ большимъ трудомъ краткосрочный отпускъ въ Петербургъ для свиданія съ женой и дѣтьми, завернулъ „по дорогѣ“ въ Севастополь и выпросилъ тамъ у начальства какое-то отдѣленіе въ траншеяхъ, гдѣ совершенно довольный судьбой находится и въ настоящее время.

20 іюня. Севастополь.

Наконецъ, третьяго дня, часа въ 4 по полудни, добрался я до Севастополя и остановился на Сѣверной сторонѣ въ гостиницѣ „Одесса“. Первымъ дѣломъ было взять лошадь у содержателя гостиницы и ѣхать въ штабъ, расположенный въ 4-хъ верстахъ отъ города. Являюсь туда, смотрю, около барака Главнокомандующаго раскинуты палатки, землянки, два хора музыкантовъ и видимо невидимо раз-

[1]) Адъютантъ главнокомандующаго кн. Воронцова на Кавказѣ.

[2]) Василій Евстафіевичъ Коцебу—впослѣдствіи *Повѣренный въ дѣлахъ* въ Карлсруэ.

личнаго штабнаго народа. Иду прямо въ палатку Павла Евстафіевича, но зайти къ нему нельзя было,—у него въ то время сидѣлъ Главнокомандующій. Дѣлать было нечего, и я сталъ ходить взадъ и впередъ, весь погруженный въ воспоминаніяхъ только-что покинутаго мною Кавказа, изъ лѣсовъ и ущелій котораго не выходилъ въ продолженіе 15 лѣтъ. Видъ палатокъ, землянокъ и даже музыкантовъ, игравшихъ въ ту минуту кадриль изъ цыганскихъ пѣсенъ, все мнѣ было удивительно знакомо, точно я тутъ вѣкъ жилъ. Одно только казалось мнѣ страннымъ, что въ этой массѣ штабнаго народа не было ни одного знакомаго лица; но вдругъ, я совершенно неожиданно наткнулся на Красовскаго [1]), который живетъ на одной квартирѣ съ нашимъ Николаемъ, и при мнѣ, по его порученію, отправлялъ въ тотъ день полученную имъ золотую саблю на имя матери его Вѣры Николаевны Мезенцовой [2]). Такимъ образомъ, въ пріятной бесѣдѣ съ представленной мнѣ Красовскимъ публикой я пробылъ до 9 часовъ вечера. Не знаю, запомнили ли всѣ эти люди мою кличку, —я же ихъ всѣхъ перепуталъ и кланяюсь, самъ не знаю кому. На другой день, я раннимъ утромъ сѣлъ опять на коня и отправился къ Павлу Евстафіевичу; про него и говорить нечего, такъ же внимателенъ и привѣтливъ, какъ бывалъ и прежде. Не знаю, что будетъ, но въ свой Прагскій полкъ ни за что не поѣду и остаюсь здѣсь, пока не получу какого-нибудь назначенія. Странное дѣло,—съ Кавказа въ Севастополь я перешелъ какъ бы съ одной планеты на другую и, не разсчитывая найти кого-либо изъ знакомыхъ, кончилъ тѣмъ, что нашелъ ихъ не мало. Вчера, напримѣръ, подошелъ ко мнѣ адъютантъ и говоритъ, что онъ Огаревъ, и былъ со мною въ Лезгинскомъ отрядѣ, но гдѣ и когда, хоть убей, не помню. Онъ провелъ меня къ А. А. Бельгардъ, который, какъ я уже говорилъ, послѣ 15 лѣтъ отставки, явился въ Севастополь и принялъ Украйнскій егерскій полкъ. Отъ него пошелъ къ другому давно забытому пріятелю, а именно къ Михаилу Ильичу Сарачинскому. Онъ мало измѣнился,—только волосы посѣдѣли, и бомба 5-го числа попортила ему ногу; видѣлъ еще Воронцова, Семена Михайловича [3]); послѣдній получилъ здѣсь бригаду и живетъ на одномъ изъ бастіоновъ. По видимому, послѣ штурма 6-го числа, на которомъ погибло 15 тысячъ французовъ, воцарилась тишина. Съ нашей стороны занимаются только тѣмъ, что мѣшаютъ имъ производить работы на Камчатскомъ

---

[1]) Ив. Иван. *Красовскій*, впослѣдствіи адъютантъ варшавскаго ген.-губ. кн. Горчакова, а затѣмъ инспект. Москов. университета.

[2]) Вѣра Николаевна Мезенцова, рожд. графиня Зубова.

[3]) Сынъ намѣстника Кавказ. Михаила Семеновича Воронцова.

редутѣ, они же, въ отвѣтъ, посылаютъ намъ бомбы, но бомбадировки еще не начинаютъ; должно быть, хотятъ одуматься послѣ сильнаго урона.

29 іюня.

Встрѣтивъ случайно стараго товарища *Супонева* (въ настоящее время коменданта Главной квартиры), я тотчасъ же перебрался въ его балаганъ, въ ожиданіи предстоящаго мнѣ назначенія. Вчера ранили адмирала Нахимова штуцерной пулей въ голову (сейчасъ узналъ, что онъ уже скончался) и добро бы въ бою, а то просто осматривалъ работы на батареяхъ, и шальная хватила его.

Жаль стараго, честнаго героя, павшаго жертвой кровавой обороны, уже теперь прославленной его неувядаемой памятью.

Князь Горчаковъ требовалъ штабъ-офицеровъ изъ гвардіи для укомплектованія полковыхъ командировъ. Нѣкоторые уже прибыли и между прочимъ нашъ бывшій товарищъ по Преображенскому полку Хитрово. Сегодня полковой праздникъ у Бельгарда въ Украинскомъ егерскомъ полку, и я обѣщался быть собственно потому, что надѣюсь встрѣтить тамъ пріѣзжихъ, близкихъ мнѣ по воспоминаніямъ прошлой столичной жизни.

10 іюля 1855 г.

Наконецъ, я до поры до времени прикомандированъ къ Замосцскому егерскому полку,—но это лишь обозначаетъ, что мнѣ въ немъ дали палатку, и я живу въ ней, не командуя никакой отдѣльной частью. Полкъ расположенъ на Сѣверной сторонѣ на горѣ, видъ превосходный, особенно ночью; непрерывный фейерверкъ освѣщаетъ всю массу кораблей и окрестныя возвышенности, среди которыхъ ярко выдѣляется круглое строеніе, называемое „Николаевскимъ фортомъ“; тамъ живутъ въ настоящее время графъ Сакенъ, начальникъ штаба кн. Васильчиковъ и всевозможные дивизіонные начальники, въ числѣ которыхъ и мой или, вѣрнѣе сказать, нашъ общій знакомый *Липскій*.

Съ крыши занимаемаго ими дома, куда я самъ входилъ, отлично видна вся непріятельская позиція.

25 іюля 1855 г.

Назначенъ комендантомъ 3-го бастіона, на которомъ и нахожусь съ 13 числа. Очень радъ, что наконецъ при дѣлѣ, а главное, подъ непосредственнымъ начальствомъ достойнаго и всѣми уважаемаго г.-л. Хрулева.

О дѣйствіяхъ нашихъ говорить нечего; днемъ и ночью ожидаемъ штурма, но не знаемъ, когда дождемся, потому что послѣ 6 іюля они что-то неохотно за него принимаются.

Мы же съ нашей стороны ожидаемъ прибавленія войскъ, и если

до той поры союзники ничего не предпримутъ, то съ прибытіемъ ихъ князь Горчаковъ и самъ на что-нибудь рѣшится.

17 августа 1855 г.

Просидѣвъ ровно три недѣли на 3-мъ бастіонѣ, я уже начиналъ скучать отъ бездѣйствія, какъ вдругъ меня совершенно неожиданно назначили начальникомъ штаба на Малаховъ Курганъ, и едва я успѣлъ перевалить, какъ дня черезъ три, т. е. вчера, узнаю, что утвержденъ командиромъ Селенгинскаго пѣхотнаго полка. Завтра, рано утромъ, отправляюсь въ Бахчисарай вмѣстѣ съ генераломъ Сабашинскимъ (прежній командиръ полка), осмотрѣть и принимать хозяйство. Между прочимъ, сюда пришло курское ополченіе, начальникъ котораго Дмитрій Николаевичъ Бѣлявцевъ. Радость свиданія со старымъ товарищемъ была самая искренняя, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ днемъ ихъ становится все меньше и меньше; вотъ и князя Дмитрія Ивановича Святополкъ-Мирскаго [1]) 4-го числа пронизала пуля насквозь, не знаю, живъ ли онъ или умеръ? Боже Великій! Помоги намъ отогнать отъ Севастополя надменнаго врага, или ужъ если на то пошло, погибнуть всѣмъ во славу русскаго оружія.

С. М. [2]).

---

[1]) Впослѣдствіи помощникъ Е. В. Великаго Князя Михаила Николаевича на Кавказѣ.

[2]) Несмотря на страшный огонь бомбардировки, смертные останки Мезенцова отвезены были на Сѣверную и положены въ балаганъ полкового его штаба. Его схоронили на большомъ кладбищѣ Сѣверной стороны. Могила его отмѣчена небольшимъ памятникомъ.

Худ. Листокъ 1 ноября 1857 г. № 31.

Священникъ варилъ пиво.

1700-го февраля въ 10 де. Преосвященного Гавріила архіепископа Вологодского и Бѣлоозерского въ розряде передъ приказнымъ Васильемъ Ивановичемъ Борисовымъ да духовныхъ дѣлъ Спасова Прилуцкого монастыря передъ монахомъ Питиримомъ да передъ дьяки Петромъ Ташлыковымъ, Максимомъ Воробьевымъ Вологодского уѣзду Сямской волости храму Рожества Пресвятые Богородицы попъ Иванъ допрашиванъ. А въ допросе сказалъ: сегожъ-де февраля съ перваго числа заварилъ-де онъ, попъ, пиво, и то-де пиво не сошло со тчана, и онъ-де попъ учинилъ то пиво брагой и выседѣлъ вина съ неболшимъ ведро, а всего-де было хлѣба в тое варю издержано съ четверть, солоду овсяного со ржаной мукой пополамъ. И въ той-де ево винѣ воленъ государь преосвященный архіепископъ. А винной-де котелъ бралъ онъ попъ ис-провару у прихожанина своего у Савы Иванова сына Лихорева. А какъ-де онъ попъ по указу Преосвященного архіепископа взятъ на Вологду, и тотъ-де котелъ осталъся после ево в доме у него попа, а нынѣ-де у него-ль в доме или хозяинъ взялъ ево, того онъ попъ не вѣдаетъ. А вдовствуетъ-де онъ попъ Іванъ тому лѣтъ з-двенадцать слишкомъ. Да онъ-же-де попъ венчалъ своего приходу двѣ свадбы безъ венечныхъ памятей, а сынъ-де ево попъ Еремѣй в то время былъ боленъ, і венечные-де пошлины взяты, и нынѣ у сына ево попа Еремѣя. А тѣ-де свадбы венчалъ онъ в указные числа на сплошной недѣлѣ: перьвую венчалъ противъ субботы, а другую противъ понедѣльника, а вѣнечные-де денги отдаютъ они закащику въ великиі постъ на второй недѣле, какъ онъ закащикъ къ нимъ приѣзжаетъ. *Наобор.* К сему допросу поп Іванъ руку приложилъ.

Сообщ. Н. Суворовъ.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей (1806—1812 [1]).

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Подступъ къ Варнѣ.

Графъ Сергѣй [2]) рѣшилъ двинуться на Варну, и движеніе это могло бы имѣть хорошія послѣдствія, если бы только онъ правильнѣе разсчиталъ время.

У командовавшаго въ Варнѣ паши было очень мало войскъ, и онъ совсѣмъ потерялъ голову при извѣстіи о взятіи Пегливана въ плѣнъ.

Обо всемъ происшедшемъ графъ Сергѣй долженъ былъ писать донесеніе, что̀ для него всегда было дѣломъ первой важности. У него большія претензіи на краснорѣчіе и красоту стиля, а потому всѣ его донесенія, такъ же какъ и ежедневные приказы, представляютъ изъ себя шедевры несообразности. Онъ остался на три дня въ Базарджикѣ, и эти три дня спасли Варну. Въ это время онъ отрядилъ князя Долгорукова, который занялъ Бурну, Коварну и Бальчикъ. Генералъ Ансельмъ, съ кавалеріей этого корпуса, овладѣлъ нѣсколькими пушками. Генералъ Войновъ занялъ Козлуджу, хорошенькій маленькій городокъ (лежащій въ 30 верстахъ отъ Базарджика), жителямъ котораго удалось спастись. Онъ двинулъ свой отрядъ до Праводы, на 20 верстъ далѣе къ подножію Балканъ. Наконецъ, только черезъ нѣсколько дней, графъ Сергѣй собралъ всѣ эти отряды передъ Варной.

За это время паша уже успѣлъ нѣсколько опомниться отъ обуявшей его паники и вступилъ въ переговоры. Если бы графъ Сергѣй предложилъ ему выгодныя условія, то онъ навѣрное бы сдался,

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ ноябрь 1908 г.

[2]) Каменскій.

но графъ не могъ самостоятельно распорядиться, такъ какъ ему было дано категорическое приказаніе овладѣть городомъ только послѣ плѣненія его гарнизона.

Съ своей стороны, паша, имѣвшій мало регулярныхъ войскъ, но зато много вооруженныхъ жителей и занимая хорошую позицію, представляющую много затрудненій для приступа, также не рѣшался выставлять свои условія. Между тѣмъ, графъ Сергѣй послалъ за приказаніями къ своему брату, который и разрѣшилъ исполнить всѣ желанія паши. Но было уже поздно. Паша успѣлъ успокоиться и больше не хотѣлъ слышать о капитуляціи.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ недоразумѣній, графъ Николай послалъ сказать своему брату, чтобы онъ соединился съ нимъ около Шумлы. Графъ Сергѣй оставилъ около Варны Цецирева съ полками: Витебскимъ, Козловскимъ, Днѣпровскимъ и 32-мъ егерскимъ, 5-ю эскадронами Чугуевскихъ уланъ, 2-мя полками казаковъ и 12-ю двѣнадцати-фунтовыми пушками, а самъ двинулся черезъ Козлуджу и Янибазаръ на Шумлу, гдѣ и соединился съ главнокомандующимъ.

Занятіе Варны рѣшило бы кампанію въ нашу пользу и, можетъ быть, было бы причиной, что спустя три мѣсяца былъ бы заключенъ миръ. Наша операціонная линія была прекрасно обезпечена съ обоихъ фланговъ, какъ этимъ городомъ, такъ и Силистріей, и можно было, миновавъ Шумлу, выдвинуть, черезъ Козлуджу, Праводы и Лидосъ, корпусъ въ 20.000 человѣкъ по ту сторону Балканъ. Результаты этого дѣйствія вѣроятно были бы прекрасны, но въ этой кампаніи было слишкомъ много ошибокъ и слишкомъ много удобныхъ случаевъ было пропущено. Во многомъ былъ конечно виноватъ графъ Николай; главная же его вина была, безъ сомнѣнія, въ томъ, что онъ назначилъ своего брата на такой важный постъ.

Варна—это портъ Чернаго моря, городъ большой, торговый и очень хорошо укрѣпленный по турецкому обычаю, исключая правой части его, если смотрѣть на море черезъ озеро, находящееся въ этой части, глубиной около 8—10 саженъ. Налѣво отъ его берега тянутся горы, виноградники и сады, окружающіе городъ. Это то самое мѣсто, гдѣ въ 1447 году погибъ храбрый польскій король Владиславъ со всей своей арміей [1]).

---

[1]) Этотъ польскій король, прозванный храбрымъ, задумалъ взять Варну; съ нимъ были знаменитый Гуніадъ и корпусъ венгровъ. Сначала король отбросилъ турокъ, подъ командой Амурата II, прибывшихъ на помощь городу, но Амуратъ снова собралъ всѣ свои войска и снова напалъ на польскую армію. Король Владиславъ проявилъ чудовищную храбрость; но все-таки погибъ. Турки обезглавили его и послали его голову въ Константинополь. Разсказываютъ, что въ тотъ моментъ, когда войска Амурата тѣс-

Генералъ Цециревъ, не будучи ни королемъ, ни особенно храбрымъ, былъ также, какъ и онъ, атакованъ 6.000-ми турокъ, частью изъ Варнскаго гарнизона, частью жителями и отчасти войсками, прибывшими моремъ изъ Константинополя, и вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія лучше короля. Вообще онъ въ этомъ дѣлѣ выказалъ больше мужества и разсудительности, чѣмъ можно было ожидать. Онъ даже не хотѣлъ снять своего лагеря, очень долго отбивалъ всѣ атаки, и вообще дѣло было очень живое. Турки уже собирались отбросить его правый флангъ, когда храбрый Паскевичъ подоспѣлъ туда съ Витебскимъ полкомъ. Хотя нападеніе было очень сильное и ему пришлось потерять много людей, но онъ все-таки не измѣнилъ своего плана, чѣмъ и вызвалъ отступленіе турокъ. Спустя немного времени отошелъ и Цециревъ; онъ возвратился въ Козлуджу, гдѣ и оставался нѣкоторое время, а затѣмъ соединился съ графомъ Сергѣемъ, около Шумлы, когда графъ Николай уже покинулъ окрестности этого города.

Графъ Сергѣй распускалъ вѣсти о Варнскомъ дѣлѣ, какъ о большой побѣдѣ, но въ дѣйствительности ея не было, такъ какъ Цециревъ все-таки отступилъ.

Но у турокъ нѣтъ газетъ, поэтому можно было говорить все, что угодно, безъ боязни быть уличеннымъ ими.

За это сраженіе полковники: Радецкій Козловскаго полка и Анлоэ—артиллеристъ были произведены въ генералъ-маіоры.

Взятіе Разграда.

Какъ только графъ Каменскій увидѣлъ, что Силистрія долго не продержится, онъ сейчасъ же приказалъ наступать на Разградъ. Раньше онъ обѣщалъ эту экспедицію генералу Раевскому, но теперь измѣнилъ свое рѣшеніе и, желая, по всей вѣроятности, давать важныя командировки исключительно только своимъ фаворитамъ, поручилъ нападеніе на Разградъ полковнику Сабанѣеву, котораго онъ непремѣнно хотѣлъ вытянуть въ генералы, что̀ и удалось ему вполнѣ.

Онъ далъ ему 2 баталіона 7-го егерскаго полка, одинъ баталіонъ Архангелогородскаго, Александрійскихъ гусаръ и Атаманскихъ казаковъ.

нили со всѣхъ сторонъ поляковъ, самъ Амуратъ вытащилъ договоръ о мирѣ, подписанный Владиславомъ, и призывая въ свидѣтели христіанскаго Бога, воскликнулъ: „Если ты дѣйствительно Богъ, то отомсти за себя и за меня, за подлости твоихъ почитателей“.

Сабанѣевъ подошелъ къ Разграду 1-го іюля на разсвѣтѣ. Выходя изъ Силистріи, онъ наткнулся на лагерь турокъ, которыхъ было до 500 человѣкъ, подъ начальствомъ двухъ-бунчужнаго паши Махмута. Атаманскіе казаки и гусары быстро налетѣли на этотъ лагерь, перерубили много турокъ и обратили ихъ въ бѣгство, преслѣдуя верстъ пять, шесть до деревни Арнатъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ взятъ бывшій господарь Молдавіи, Карлъ Калимаки, ожидавшій отъ турокъ возвращенія ему княжества [1]).

Полковникъ Сандерсъ, отдѣленный отъ корпуса Засса и прибывшій изъ Туртукая съ шестью баталіонами и Волынскими уланами, соединился съ полковникомъ Сабанѣевымъ и отрѣзалъ туркамъ дорогу въ Рущукъ. Они окружили ихъ и привели въ полное смятеніе.

Послѣ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ по приказанію Сабанѣева, они захотѣли вступить въ переговоры о сдачѣ города, но Сабанѣевъ не согласился на это. Страхъ турокъ былъ такъ великъ, что все имъ казалось преувеличеннымъ вдвое и, вообразивъ, что здѣсь собралась вся русская армія, сдались военноплѣнными. Серуръ-Махметъ, трехбунчужный паша, командовавшій войсками, еще наканунѣ выказавшій такъ много рѣшимости не сдаваться и своей собственной рукой убившій представителя города, когда тотъ заговорилъ о сдачѣ, на самомъ дѣлѣ защищался всего не болѣе двухъ часовъ.

Добыча была огромная, особенно хорошо было оружіе, но Сабанѣевъ не сумѣлъ вести раздачу въ порядкѣ, а можетъ быть у него на это не было времени, и офицеры и солдаты накинулись на все это съ такой жадностью, что все было разграблено въ одну минуту. Даже самъ Сабанѣевъ, которому паша обѣщалъ пару прекрасныхъ пистолетовъ, не получилъ ихъ, такъ какъ они исчезли во всей этой сумятицѣ.

Было взято 6 пушекъ, 12 знаменъ, много пороху и снарядовъ и

---

[1]) Когда привели его ко мнѣ въ Силистрію, онъ мнѣ показался очень кроткимъ, вѣжливымъ и образованнымъ. Онъ княжилъ въ Молдавіи только два дня, такъ какъ, при вступленіи русскихъ въ эту провинцію, его изгнали. Затѣмъ онъ былъ отвезенъ въ Россію, гдѣ съ нимъ очень хорошо обращались; онъ только остался недовольнымъ своимъ путешествіемъ изъ Разграда ко мнѣ. Я его принялъ очень вѣжливо, что онъ очень оцѣнилъ. Онъ мнѣ много разсказывалъ про Шумлу и, между прочимъ, сказалъ, что если намъ не удастся овладѣть возвышенностями, тянущимися вправо отъ Балканъ, то взятіе Шумлы будетъ невозможно. И онъ дѣйствительно былъ правъ, говоря это *).

*) 1827. Послѣ мира, Карлъ снова былъ сдѣланъ княземъ въ Молдавіи, затѣмъ низложенъ, изгнанъ и отравленъ.

3.000 человѣкъ солдатъ и жителей сдѣлались плѣнниками. Сабанѣевъ отослалъ ихъ къ Зассу, въ Туртукай, а отсюда ихъ отправили въ Бухарестъ и въ Россію.

Въ началѣ ихъ путешествія, за ними такъ скверно смотрѣли, что многіе изъ нихъ погибли въ дорогѣ отъ голода и усталости.

Разградъ расположенъ въ 60-ти верстахъ отъ Рущука и въ 57-ми отъ Шумлы, по большой дорогѣ изъ Константинополя въ Бухарестъ. Городокъ былъ небольшой, но очень хорошенькій съ очень красивыми постройками, между которыми особенно выдѣлялся домъ Мустафа-Байрактара; также очень украшали городъ мечети, прекрасныя бани и фонтаны съ удивительно чистой и прозрачной водой, которой здѣсь вообще очень много. По турецкому обычаю вода собирается въ бассейнахъ, выложенныхъ камнемъ и окруженныхъ земляным укрѣпленіемъ и рвомъ. Но все-таки это не можетъ служить препятствіемъ для осады, тогда какъ положеніе города само по себѣ представляетъ большія удобства для осажденныхъ. Разградъ построенъ въ центрѣ холмовъ, съ которыхъ можно видѣть всѣ улицы и линіи валовъ; далѣе онъ окруженъ лѣсами и прекрасно обработанными полями. Вмѣстѣ съ Разградомъ было взято и с. Арнауткіой.

Селеніе это, еще лучше построенное чѣмъ Разградъ, лежитъ отъ него въ 5-ти верстахъ. Оно расположено въ глубинѣ котловины и считается одимъ изъ лучшихъ селеній и богатыхъ деревень Болгаріи.

Генералъ Сабанѣевъ оставался еще нѣкоторое время въ Разградѣ, гдѣ также какъ и въ Арнауткіой остались всѣ христіанскіе жители и даже нѣкоторые турки, безчеловѣчно ограбленные и лишенные всего своего имущества.

Экспедиція Сабанѣева окончилась очень счастливо, и онъ выказалъ много смѣлости и дѣятельности; что же касается до грабежа, который онъ допустилъ во взятомъ городѣ, это было большой ошибкой съ его стороны. За это дѣло Сабанѣевъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

Осада Рущука.

Генералъ Зассъ сначала расположился лагеремъ около Бухареста, а затѣмъ двинулся къ Ольтеницу, что около рѣки Аржишъ, въ 5-ти верстахъ отъ Дуная. Лагерь его былъ расположенъ въ 2-хъ верстахъ отъ этой рѣки, вправо отъ Аржишъ.

Противъ устья р. Аржишъ лежитъ г. Туртукай, про который нельзя сказать, чтобы онъ былъ хорошо построенъ или хорошо укрѣпленъ. На Аржишѣ были приготовлены суда, необходимыя для переправы и для постройки моста. Зассъ приказалъ произвести

демонстрацію ниже Аржиша, противъ небольшой долины—единственнымъ мѣстомъ удобнымъ для высадки [1]).

Для противодѣйствія намъ, турки выстроили здѣсь два большихъ редута: одинъ на 10 пушекъ, а другой на 5. Передъ лагеремъ были замѣчены двѣ тропинки, ведущія черезъ лѣсъ на возвышенности; турки каждую ночь посылали туда по нѣсколько человѣкъ съ пушкой, но въ ночь прихода Засса, они пренебрегли этой предосторожностью, въ увѣренности, что наши войска будутъ наступать только по тому мѣсту, которое находилось подъ прикрытіемъ выстроенныхъ нами батарей, на самомъ же дѣлѣ поставленныхъ спеціально съ цѣлью обмануть ихъ.

21 мая, въ 10 часовъ утра, войска были посажены на суда, находившіяся на Аржишѣ, и благополучно проплыли, не будучи замѣченными турками.

Генералъ-маіоръ князь Василій Вяземскій былъ начальникомъ, или лучше сказать игралъ роль начальника этой экспедиціи, такъ какъ въ дѣйствительности всѣмъ распоряжались генеральнаго штаба полковникъ Мишо и командующій охотниками, высадившимися первыми—адъютантъ Засса капитанъ Красовскій [2]).

За исполненіемъ переправы лично наблюдалъ самъ Зассъ, не желавшій довѣрить эту операцію Вяземскому, изъ опасенія, чтобы тотъ, вслѣдствіе своей обычной нерѣшительности, не помѣшалъ распоряженіямъ Мишо. Этотъ князь, считавшій почему-то 21 число несчастнымъ, хотѣлъ отложить переправу до другого дня, но Зассъ, не вѣрившій въ предразсудки, не обратилъ никакого вниманія на это обстоятельство.

Турки замѣтили наши войска тогда, когда они уже были на серединѣ рѣки, и, страшно переполошившись, открыли довольно живой огонь, причинившій, впрочемъ, намъ весьма небольшія потери. Нѣсколько турокъ также появилось для защиты берега; увидя ихъ, Красовскій съ волонтерами [3]) поспѣшилъ къ берегу, но туркамъ

---

[1]) Въ этомъ самомъ мѣстѣ Суворовъ высадился въ 1772 году, когда онъ прибылъ сюда, чтобы атаковать и взять Туртукай.

[2]) Этотъ Красовскій блестящій офицеръ, храбрый и умный, своими военными достоинствами привлекъ вниманіе Засса, который сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ и относился къ нему съ большимъ довѣріемъ. Но Красовскій, человѣкъ весьма хитрый и безпринципный, знавшій, какое вліяніе онъ имѣетъ на генерала и часто, въ ущербъ дѣлу, пользовался своей силой; въ арміи за это его называли: „la servante maitresse“. Теперь онъ генералъ-лейтенантъ и начальникъ дивизіи.

[3]) Прошу моихъ читателей не ошибаться на счетъ волонтеровъ; тѣ волонтеры, о которыхъ я говорилъ здѣсь, были выбранные люди изъ гренадеръ и егерей, а совсѣмъ не петербургскіе щеголи.

все-таки удалось спастись. Мишо двинулся по направленію къ возвышенностямъ, а Зассъ тѣмъ временемъ съ 6-ю баталіонами, казаками и нѣсколькими переяславскими драгунами,—перешелъ поле и тотчасъ же занялъ горы, которыя здѣсь совершенно отвѣсны. Положительно непостижимо, какъ это артиллерія взбиралась сюда, таща съ собой свои орудія!

Зассъ сейчасъ же послалъ два баталіона, чтобы занять редуты, возвышавшіеся надъ Туртукаемъ, а въ полдень уже двинулся самъ на городъ.

Сначала предполагали окружить городъ, но такъ какъ полковникъ Грековъ не могъ подоспѣть, чтобы окружить лѣвую сторону, то турки воспользовались этой задержкой и ночью спаслись, оставивъ 11 своихъ пушекъ.

Всѣхъ турокъ тамъ было до 15.000 человѣкъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы помѣшать высадкѣ, было бы совершенно достаточно и 5.000. Но у нихъ не хватило размышленія для этого разсчета.

Махмутъ-паша, командовавшій въ этомъ городѣ, не выказалъ ни ума, ни храбрости.

Полковника Грекова упрекаютъ въ томъ, что онъ не отрѣзалъ бѣглецамъ Рущукскую дорогу. Графъ Каменскій, не любившій вообще казаковъ, а Зассъ, наоборотъ, очень любившій ихъ, никакъ не могли простить Грекову это, по ихъ мнѣнію, упущеніе. Но упреки ихъ были совсѣмъ неосновательны. Лѣса, окружающіе Туртукай, такъ густы, тропинки же такъ узки и при томъ покрыты полусгнившими пнями, что переходъ этотъ представлялъ слишкомъ большія трудности и быстрое движеніе по этимъ тропинкамъ было бы большой неосторожностью. Въ оправданіе Грекова можно еще сказать, что онъ не зналъ этой мѣстности, а число защитниковъ города было неизвѣстно.

Но какъ бы то ни было, это движеніе было удачно [1]) и дѣлаетъ большую честь Зассу. Онъ остановился на нѣсколько дней въ Туртукаѣ, чтобы пропустить остальныя войска своего корпуса и построить мостъ. Затѣмъ онъ отошелъ 15 верстъ и остался дожидаться возвращенія отряда Сандерса, который, какъ мы уже видѣли, былъ посланъ въ Разградъ.

---

[1]) Чтобы познакомить читателей, какимъ образомъ въ Россіи раздаются награды, я разскажу одинъ эпизодъ, какъ получилъ крестъ подпоручикъ 13 егерскаго полка Литвиновъ. Во время взятія Туртукая, онъ лежалъ больной въ Бухарестѣ, но тѣмъ не менѣе ему дали орденъ Св. Владиміра. Красовскій, бывшій съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, помѣстилъ его имя въ донесеніи, а Зассъ, совершенно покоренный этимъ человѣкомъ, слѣпо подписывалъ рѣшительно все, что тотъ ему ни подсовывалъ.

*

Онъ потерялъ, такимъ образомъ, очень много времени и очень недовольный вернулся только 13 іюня и подошелъ къ Рущуку.

21 мая, при переправѣ черезъ Дунай, графъ О'Руркъ, съ своимъ Волынскимъ уланскимъ полкомъ и двумя эскадронами Переяславльскихъ драгунъ, переправился послѣ пѣхоты и, чтобы подкрѣпить лѣвый флангъ Засса, отправилъ подполковника Борисова на Силистрійскую дорогу, гдѣ онъ и занялъ, въ 7 верстахъ отъ Туртукая, сильный редутъ, покинутый турками; тамъ было найдено много палатокъ и разныхъ вещей.

24 мая Зассъ послалъ графа О'Рурка произвести рекогносцировку Разграда. Онъ подошелъ къ городу, гдѣ между подполковникомъ Переяславльскаго драгунскаго полка Зайдлеромъ (прекраснымъ офицеромъ), командовавшимъ авангардомъ и турецкой пѣхотой, произошла стычка въ виноградникахъ, и Зайдлеръ взялъ въ плѣнъ 5 человѣкъ, черезъ которыхъ ему удалось узнать, что происходитъ въ Разградѣ.

Только получивъ эти свѣдѣнія, графъ Каменскій рѣшился на эту очень полезную и такъ счастливо окончившуюся экспедицію, благодаря которой городъ перешелъ въ наши руки.

Если бы его не заняли, то Зассъ долженъ былъ оставить въ Туртукаѣ сильный отрядъ для прикрытія моста.

4 іюня, есаулъ черноморскихъ казаковъ Татариновъ, посланный съ 24 казаками для рекогносцировки мѣстности передъ Рущукомъ, случайно напалъ на два турецкихъ судна и нѣсколько другихъ лодокъ и овладѣлъ ими.

Подходя къ Рущуку, наша конница все время имѣла схватки съ непріятельской. Князь Василій Вяземскій, командовавшій авангардомъ Засса, разсказывалъ, что онъ видѣлъ, какъ 300 турокъ сражались въ продолженіе восьми часовъ, не желая уступать своихъ владѣній, и въ концѣ концовъ они все-таки остались въ городѣ.

Зассъ хотѣлъ окружить городъ, но это сдѣлать было очень трудно. Турки дѣлали непрестанныя вылазки, прикрываясь при этомъ садами, виноградниками и лѣсами, окружавшими Рущукъ, гдѣ они легко могли скрываться. Зассъ не могъ окружить города со всѣхъ сторонъ, такъ какъ онъ боялся слишкомъ растянуть и тѣмъ ослабить свои войска; поэтому онъ рѣшилъ расположить на рѣкѣ Ломѣ большой кавалерійскій отрядъ, подъ начальствомъ подполковника Волынскаго уланскаго полка Циммермана, приказавъ ему выслать разъѣзды по направленію къ Дунаю, впередъ и влѣво къ р. Янтрѣ.

Корпусъ Засса состоялъ изъ 22 баталіоновъ; послѣ взятія Силистріи я ему прислалъ еще 5 баталіоновъ; затѣмъ, ему прислали изъ Шумлы Камчатскій полкъ. Оставивъ часть войскъ въ Туртукаѣ, онъ имѣлъ при себѣ 28 баталіоновъ; хотя многіе изъ этихъ бата-

ліоновъ были дѣйствительно слабаго состава, но все-таки въ каждомъ изъ нихъ насчитывалось до 500 человѣкъ, что въ общемъ составляло около 11.000 человѣкъ пѣхоты. Затѣмъ у него были еще 15 эскадроновъ, 2 полка казаковъ, флотилія и много артиллеріи; всего до 14.000 человѣкъ. Зассъ же говорилъ, что у него только 6.000 человѣкъ; хотя это была неправда, но на самомъ дѣлѣ онъ въ дѣйствительности былъ много слабѣе своего осаждаемаго противника, который былъ храбръ, дѣятеленъ и уменъ.

Зассу также недоставало того, что составляло всю силу арміи—способныхъ вторыхъ генераловъ. Онъ не могъ ни на кого положиться, какъ только на себя и на графа Сиверса, прекраснаго офицера. Генералъ Гартингъ, какъ инженеръ [1]), былъ ему очень слабымъ помощникомъ, а графъ О'Руркъ былъ еще только полковникомъ. Случай, такъ счастливо помогшій мнѣ въ выборѣ графомъ Каменскимъ моихъ генераловъ, не благопріятствовалъ Зассу.

Рущукъ—огромный городъ, онъ тянется на 6—7 верстъ и расположенъ, почти такъ же, какъ и Силистрія, вдоль Дуная, полукругомъ по берегу и окруженъ горами, покрыми лѣсомъ и виноградниками. Вправо отъ города, если смотрѣть на него съ лѣваго берега Дуная, протекаетъ рѣка Ломъ; на этой рѣкѣ построено укрѣпленіе, для котораго, на протяженіи нѣсколькихъ сотенъ футовъ, рѣка служитъ рвомъ. Эта часть города очень низка, лѣвая же возвышенна. По Туртукайской дорогѣ, на возвышенности, находящейся въ 7 верстахъ отъ города, расположена деревня Маріатинъ, гдѣ у турокъ былъ сильный редутъ; въ этой же мѣстности лежитъ равнина, перерѣзанная нѣсколькими оврагами, но совершенно открытая. Эта равнина могла бы быть очень удобной для дѣйствій кавалеріи, если бы ямы и рвы, вырытые турецкой арміей по приказанію великаго визиря, въ 1809 году, а также находящееся тутъ кладбище, не представляли бы нѣкоторое препятствіе для лошадей [2]).

Въ городѣ нашли много красивыхъ построекъ, семнадцать прекрасныхъ мечетей, но также и много бѣдныхъ лачужекъ. Улицы здѣсь очень узки и дурно вымощены; дома большею частью окружены виноградниками и фруктовыми садами. Генералъ Зассъ сначала расположился на Маріатинской равнинѣ, откуда онъ вышелъ лѣвымъ флангомъ, чтобы окружить городъ, хотя съ одной стороны.

---

[1]) Гартингъ былъ полонъ самолюбія и упрямства и поэтому ни во что не допускалъ ни Сиверса, ни Мишо. Зассъ же не умѣлъ его направить, и онъ творилъ глупость за глупостью.

[2]) Боснякъ-Ага жаловался мнѣ на это, когда я взялъ городъ: „Какая ужасная мѣстность"—говорилъ онъ мнѣ—„рѣшительно нельзя позабавиться, какъ мы ежедневно упражнялись три года тому назадъ въ Измаилѣ.

Но онъ могъ это сдѣлать только съ большими трудностями и очень медленно. Всѣ эти горы, покрытыя густымъ лѣсомъ и виноградниками, положительно непроходимы и, чтобы продѣлать тропинки и преодолѣть всѣ препятствія, надо было употребить не мало времени и труда.

Боснякъ. съ своей конницей и 3-мя пушками, первымъ дѣломъ атаковалъ постъ Циммермана, къ которому подоспѣлъ графъ О'Руркъ, съ остатками уланъ, на помощь. Онъ немедленно спѣшилъ всѣхъ, вооруженныхъ карабинами для того, чтобы остановить турокъ въ ихъ виноградникахъ. Сюда же князь Вяземскій отправилъ Вятскій полкъ подъ командой полковника Ладыженскаго на помощь графу О'Рурку. Этимъ войскамъ удалось отбросить турокъ, при чемъ много изъ нихъ было убито и ранено, а 50 человѣкъ взято въ плѣнъ.

Зассъ подкрѣпилъ этотъ постъ, совершенно отдѣленный отъ него, и поручилъ общее командованіе надъ нимъ графу О'Рурку.

15-го и 17-го іюня Боснякъ произвелъ нападеніе на Засса по Черновадской дорогѣ, гдѣ произошло ожесточенное сраженіе. Полковникъ Владекъ съ Нижегородскимъ полкомъ и полковникъ Сандерсъ съ 19-мъ егерскимъ храбро выдержали и отразили нападеніе непріятеля. Кавалерія не могла дѣйствовать, а относительно стрѣлковъ я уже говорилъ, что турецкіе стрѣлки дѣйствуютъ много лучше нашихъ. Эти сраженія стоили Зассу большихъ потерь. Обезпечивая понемногу свою позицію постройкой редутовъ, Зассъ дошелъ почти до рѣки Ломъ. Князь Вяземскій, командовавшій лѣвымъ флангомъ, старался быть какъ можно осторожнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и страшно замедлялъ всѣ операціи; онъ самостоятельно никогда не дошелъ бы до Лома, если бы его не довелъ туда Зассъ. Генералъ Хитрово командовалъ центромъ, а генералъ Ушаковъ былъ на самомъ лѣвомъ флангѣ, почти около Дуная. Всѣ трое они были очень печальные начальники.

Наконецъ, Зассу удалось окружить городъ, и онъ приказалъ открыть траншеи. Во время этой операціи происходили частыя столкновенія между Гартингомъ и графомъ Сиверсомъ. Гартингъ, человѣкъ сухой, надменный и очень убѣжденный въ своихъ достоинствахъ инженера, не слушалъ никого и признавалъ только свое мнѣніе; онъ страшно ссорился съ Сиверсомъ, который тоже былъ очень рѣзкимъ и постоянно горячился. Гартингъ во время этой осады сдѣлалъ много серьезныхъ ошибокъ, и хотя атака была слаба, но все же вынужденная обстоятельствами, какъ мы увидимъ, она была произведена почти правильно; что же

касается плановыхъ работъ, онѣ рѣшительно никуда не годились.

Сиверсъ хотѣлъ открыть траншеи съ лѣвой стороны, передъ отрядомъ князя Вяземскаго, такъ какъ мѣстность тамъ очень удобна для устройства апрошей, которыя привели бы на 300 туазовъ къ валамъ, безъ всякой опасности отъ огня. Гартингъ же настаивалъ на томъ, чтобы открыть траншеи въ Маріатинской равнинѣ, вдоль Дуная; онъ говорилъ, что войскъ Засса не хватитъ для блокады города и, кромѣ того, совѣтовалъ еще имѣть корпусъ для наблюденій. Онъ находилъ также, что Систовская и Янтровская дороги почти не заняты, и что если мы направимъ свои апроши влѣво, то наступленіе турокъ, прибывшихъ изъ Систова, скомбинированное съ вылазкой изъ города, можетъ уничтожить у насъ всю нашу осадную артиллерію. Затѣмъ, двигаясь вправо, мы были бы ближе къ мосту и военнымъ припасамъ и имѣли бы лучшее сообщеніе съ генераломъ Ермоловымъ, блокировавшимъ Журжево, и что тогда, въ томъ случаѣ, если намъ придется отступить, мы по крайней мѣрѣ не потеряемъ своей артиллеріи. Этотъ разсчетъ былъ вполнѣ основателенъ. Сиверсъ разсуждалъ какъ человѣкъ таланта,—Гартингъ же болѣе приноравливался къ обстоятельствамъ. Зассъ одобрилъ проектъ Гартинга, и графъ Каменскій приказалъ Сиверсу подать въ отставку, но послѣдній обратился съ просьбой къ Зассу и былъ оставленъ.

Во всякомъ случаѣ это была большая ошибка открыть траншеи въ городѣ, не имѣя достаточно данныхъ, чтобы надѣяться на удачу взять этотъ городъ, особенно когда онъ былъ защищаемъ болѣе сильнымъ гарнизономъ, чѣмъ осаждающій корпусъ, и когда начальникомъ этого гарнизона былъ умный и рѣшительный человѣкъ. Нужно было удовлетвориться однимъ блокированіемъ и терпѣливо ждать сдачи города, вслѣдствіе недостатка припасовъ. Но графъ Каменскій предпочелъ осаду и отдалъ строгія приказанія объ исполненіи своей воли. Зассъ въ точности послушался его, но вскорѣ раскаялся въ этомъ. Въ проектѣ Сиверса также былъ одинъ разсчетъ, говорившій въ его пользу, если бы онъ могъ быть исполненъ, противъ Маріатинской долины. Городъ былъ населенъ христіанами, которые жили въ какихъ-то жалкихъ хижинахъ, и турки совсѣмъ не заботились о нихъ, тогда какъ всѣ лучшія зданія города какъ-то: базары и разныя торговыя заведенія принадлежали туркамъ, которые вѣроятно не особенно равнодушно отнеслись бы къ разрушенію ихъ собственности. Что же касается гарнизона, то онъ смѣло могъ не бояться огня осаждающихъ, такъ какъ во-первыхъ, не имѣя никакой собственности, онъ ничего не терялъ, а во-

вторыхъ, какъ я уже говорилъ, они прорывали подземные ходы подъ валами и, такимъ образомъ, всегда могли избѣгнуть опасности [1]).

Боснякъ не далъ Зассу спокойно окончить его работы; онъ дѣлалъ безпрестанныя вылазки, вслѣдствіе которыхъ въ садахъ каждый день происходили перестрѣлки.

Занявъ возвышенности на Систовской дорогѣ, Зассъ выставилъ тамъ слабый отрядъ, который подвергался опасности нападенія противника. 27-го іюня полковникъ Циммерманъ съ Волынскими уланами съ большимъ трудомъ отбилъ атаку турецкой конницы, двигавшейся отъ Янтры и желавшей войти въ городъ.

2-го іюня Боснякъ сдѣлалъ сильную вылазку на русскіе редуты. Произошло настоящее сраженіе, длившееся 8 часовъ. Турки потерпѣли очень много отъ огня нашей артиллеріи, но также причинили и намъ не мало потерь.

У Засса убитыхъ было 300 человѣкъ и очень много раненыхъ. На лѣвомъ флангѣ графъ О'Руркъ, атакованный со всѣхъ сторонъ и почти что окруженный, показалъ, что человѣкъ храбрый и съ головой можетъ одинъ со своей кавалеріей отразить нападеніе непріятелькой конницы единственно только храбростью своихъ атакъ и быстротою движеній. Онъ отбилъ всѣ атаки и повсюду заставить турокъ отступать [2]). Маіоръ Избашъ, 13-го егерскаго полка, также отличился, защищая батарею.

4-го іюня Зассъ приказалъ части своей флотиліи пройти мимо города и остановиться на Дунаѣ, со стороны Лома; такимъ образомъ онъ разсчитывалъ помѣшать прибытію подкрѣпленій, которыхъ Боснякъ ожидалъ воднымъ путемъ изъ Никополя и изъ Систова. Это предпріятіе было очень смѣло. Кромѣ городскихъ батарей была поставлена еще одна въ саду, въ 300-хъ футахъ отъ валовъ по Маріатинской дорогѣ, а противъ нея, на островѣ Назарсіони, на берегу рукавовъ Дуная, идущихъ къ Журжево, находился еще редутъ, извѣстный подъ названіемъ „разбойничьяго“ [3]). Въ этомъ укрѣпле-

---

[1]) Гартингъ, носившій всегда русское имя Ивана Марковича, послѣ Рущукскаго приступа былъ прозванъ солдатами Маркомъ Фосагоромъ — именемъ, взятымъ изъ греческаго календаря. Его дотого ненавидѣли въ арміи, что придумали на него подлую клевету, что будто Манукъ-Бей, имѣвшій великолѣпные дома и магазины въ турецкой части города, подкупилъ его, чтобъ онъ открылъ траншеи съ лѣвой стороны.

[2]) Графъ О'Руркъ за это дѣло былъ произведенъ въ генералы—повышеніе, которое онъ уже давно заслужилъ.

[3]) Его называли такъ потому, что имъ очень долго командовалъ Кучукъ-Али, предводитель разбойничьей шайки. Изъ этого видно, что у турокъ всякій постъ носитъ названіе по профессіи его начальника.

ніи было 8 пушекъ большого колибра, такъ что флотилія, плывшая противъ теченія, подвергалась большой опасности перекрестнаго огня. Вѣтеръ былъ очень слабъ, и наши суда сильно пострадали отъ непріятельскихъ снарядовъ; пять шлюпокъ сѣли на мель и были взяты, а храбрый лейтенантъ Вентиловичъ, командовавшій этой флотиліей, былъ убитъ. Его смерть была большой потерей для всего флота, и второго начальника съ такими высокими достоинствами было трудно найти.

14 судовъ прошли благополучно и расположились въ 3-хъ верстахъ отъ города, около небольшого острова, лежащаго по срединѣ Дуная [1]).

Между тѣмъ, Зассъ, траншеями и летучей сапой, подвинулся еще на 80 футовъ и постепенно построилъ 12 редутовъ или закрытыхъ батарей. Тѣмъ не менѣе, осада шла очень медленно, что̀ приводило въ ярость графа Каменскаго. Въ Петербургѣ за это обвиняли Засса. Быстрота взятія Силистріи послужила ему во вредъ; въ арміи даже говорили, что будто я взялъ ее въ 7 дней, а что Зассъ не могъ взять Рущука въ 7 недѣль [2]). Положеніе Засса было отчаянное, имѣя плохихъ помощниковъ въ своихъ генералахъ, плохихъ исполнителей въ инженерной части, онъ съ грустью видѣлъ, какъ его войска истреблялись безъ славы и безъ надежды на успѣхъ. Наконецъ, онъ узналъ, что графъ Каменскій собирается самъ взять на себя начальство надъ осадой и везетъ съ собой двухъ генералъ-лейтенантовъ, бывшихъ старше Засса (Эссена и Уварова). Это извѣстіе его очень укололо, и онъ рѣшилъ взять городъ до прибытія главнокомандующаго.

6 іюня онъ попытался занять валы, хотя траншейная артиллерія никакъ не могла разрушить бастіоны, находившіеся противъ этой сапы, но находящіяся тамъ орудія были подбиты.

Отряды полковъ Малороссійскаго, Одесскаго, Апшеронскаго и 29 егерскаго атаковали валы на разсвѣтѣ, но ихъ нападеніе было отражено; при чемъ они потеряли болѣе 700 человѣкъ. Вотъ чѣмъ окончился эгоистичный планъ Засса, составленный по совѣту Гартинга.

Лѣвому флангу Зассъ приказалъ произвести нѣсколько совершенно неправильныхъ атакъ; полковникъ Грингамеръ 27 егерскаго

---

[1]) Мы увидимъ далѣе, что этотъ островъ игралъ большую роль въ кампаніи 1811 года, во время командованія Кутузова.

[2]) Это сравненіе вполнѣ неосновательно, такъ какъ у меня было гораздо больше средствъ для достиженія успѣха, чѣмъ у Засса, и затѣмъ, мнѣ пришлось имѣть дѣло только съ однимъ человѣкомъ, совсѣмъ не желавшимъ драться, тогда какъ Боснякъ только и мечталъ о сраженіи.

полка пострадалъ отъ своей собственной неосторожности [1]), онъ подошелъ слишкомъ близко къ непріятелю, и турки, сдѣлавъ вылазку, напали на него и взяли его въ плѣнъ вмѣстѣ съ тридцатью его егерями [2]).

7-го іюля на Дунаѣ, въ 15 верстахъ отъ Рущука, показались шесть вооруженныхъ судовъ, съ турецкими войсками. Генералъ Зассъ приказалъ полковнику Бердяеву, командиру Тверского драгунскаго полка, находившемуся на нашемъ лѣвомъ флангѣ, не пропускать эти суда.

8-го утромъ они подошли къ городу и остановились, натолкнувшись на нашу флотилію, которую они никакъ не предполагали встрѣтить съ этой стороны. Бердяевъ приказалъ атаковать ихъ двумъ черноморскимъ баркасамъ, подъ начальствомъ ихъ командира маіора Матвѣева [3]), подкрѣпивъ его нѣсколькими солдатами 27 егерскаго полка, 9-го Матвѣевъ атаковалъ непріятельскія суда; они хотѣли было отступить, но Бердяевъ уже отправилъ двѣ пушки по рѣкѣ, и двѣ турецкія лодки были взяты; остальныя же успѣли спастись съ помощью веселъ. Въ этомъ дѣлѣ турки потеряли около ста человѣкъ.

Въ Журжевѣ начальникомъ войскъ, уже около 10 лѣтъ, былъ Адинъ-Паша, тотъ самый, который отразилъ приступъ Милорадовича; у него войскъ было всего тысяча человѣкъ. Гарнизона этого было совершенно достаточно для защиты этой крѣпости, но ихъ было бы мало, чтобы безпокоить Валахію. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ Журжево имѣло постоянное сообщеніе съ Рущукомъ, то Боснякъ могъ выдвинуть свою конницу и затѣмъ идти въ Бухарестъ и вызвать тамъ

---

[1]) Грингамеръ отличался большой храбростью, но къ сожалѣнію онъ слишкомъ любилъ выпить и въ тотъ день, какъ его взяли въ плѣнъ, онъ былъ совершенно пьянъ.

[2]) Такъ какъ Зассъ не смѣлъ похвастаться своимъ штурмомъ, то онъ удовлетворился только тѣмъ, что донесъ графу Каменскому, что онъ хотѣлъ устроить ложементъ около рва и уменьшилъ по крайней мѣрѣ вдвое свои потери.

Его донесеніе всѣхъ обмануло, и никто въ арміи не сомнѣвался, что онъ дѣйствительно взялъ приступомъ городъ.

Я узналъ объ этомъ только черезъ два мѣсяца, черезъ франкфуртскія газеты.

[3]) 1827. Матвѣевъ былъ изъ запорожцевъ, сословія, состоящаго прежде изъ разбойниковъ и дезертировъ, которое Потемкинъ направилъ на Кубань. Этотъ Матвѣевъ былъ бѣглый крестьянинъ съ земель графа Разумовскаго. Когда я былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Новороссіи и начальникомъ Черноморскихъ казаковъ, Матвѣевъ уже тогда былъ атаманомъ. Онъ былъ прекрасный человѣкъ, рѣдкой рѣшимости.

переполохъ. Но онъ не додумался до этого, а предполагалъ, вѣроятно, что генералъ Ермоловъ, наблюдавшій за Журжевымъ, былъ гораздо сильнѣе, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ, или же онъ считалъ, что онъ долженъ сохранить всѣ свои силы для Рущука. Но какъ бы то ни было, Ермолову не пришлось ничего дѣлать, а когда наша флотилія прошла передъ Рущукомъ и турки покинули Слободзею, въ 4 верстахъ отъ Журжева и Зимницы, передъ Систовымъ, то Ермоловъ тотчасъ же поспѣшилъ занять эти крѣпости и устроилъ сообщеніе своего праваго фланга съ лѣвымъ флангомъ Засса; съ лѣвой же стороны сообщеніе уже было установлено черезъ мостъ, построенный Зассомъ сначала въ Туртукаѣ, а затѣмъ перенесенный на 7 верстъ ниже Рущука, около Маріатина.

Но прежде чѣмъ окончить донесеніе объ этой безконечной и разорительной осадѣ Рущука, необходимо сказать, что произошло за іюнь и іюль мѣсяцы въ Шумлѣ.

Подступъ къ Шумлѣ.

Графъ Николай Каменскій, пріѣхавшій къ Шумлѣ 10 іюня вмѣстѣ съ корпусами Уварова, Эссена и Левиса, приказалъ атаковать его на другой же день, но онъ не зналъ расположенія города и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о мѣстности; при этомъ онъ даже не постарался разузнать объ этомъ и не распорядился о производствѣ развѣдокъ. Это упущеніе имѣло для него роковыя послѣдствія.

Отъ Силистріи до Варны 100 верстъ; эта страна почти вся покрыта лѣсомъ, и здѣсь почти не встрѣчается большихъ равнинъ и еще меньше луговъ, тогда какъ деревни поражаютъ своей обширностью и благоустройствомъ, но въ это время онѣ были покинуты своими жителями, какъ турками, такъ и христіанами, которыхъ испугали слухи о грабежахъ казаковъ въ 1809 г. Графъ Каменскій запретилъ дотрогиваться до домовъ и, несмотря на большую склонность нашихъ солдатъ къ разрушенію, это приказаніе было исполнено въ точности.

Въ 7 или 8 верстахъ отъ Шумлы лежитъ равнина, перерѣзанная нѣсколькими оврагами, но гдѣ все-таки кавалерія можетъ дѣйствовать; далѣе влѣво, находится небольшое возвышеніе, называемое Большой Курганъ, оттуда до самой Шумлы съ сѣвера на югъ текутъ два небольшихъ, но очень быстрыхъ ручья, которые и перерѣзываютъ всю долину. Передъ самой Шумлой возвышался холмъ безъ всякой растительности. Этотъ городъ, очень большой и населенный,

лежитъ въ котловинѣ, а съ сѣверо-западной и южной стороны его окружаютъ довольно высокія горы, которыя служатъ началомъ Балканъ. Если идти по Силистрійской дорогѣ, городъ остается невидимымъ; маленькая возвышенность скрываетъ его совершенно. Эта возвышенность тянется на протяженіи 10—12 верстъ на западъ; глубокая долина раздѣляетъ ее отъ очень высокой горы, у подножія которой проходитъ дорога въ Джумаю и въ Тырново. Всѣ эти горы, окружающія Шумлу съ трехъ сторонъ, покрыты лѣсомъ, кустарникомъ и какимъ-то растеніемъ съ очень острыми колючками, которыя дѣлаютъ дорогу не только трудной, но прямо даже невозможной лѣтомъ, когда наши солдаты носятъ полотняные штаны. Во время атаки, они до такой степени изранили себѣ ноги, что всякое движеніе стоило имъ величайшихъ страданій. Если занять эти горы, какъ мнѣ сказалъ князь Карлъ Кальинаки, и о чемъ я передалъ графу Каменскому, Шумла не была бы уже въ состояніи защищаться, и ее можно было бы легко разгромить. Графъ Каменскій долженъ былъ произвести тщательную рекогносцировку, или же, если бы онъ лучше зналъ своего противника и зналъ бы, какъ легко можно было всегда его провести, онъ могъ бы расположить всю свою армію на своемъ лѣвомъ флангѣ по дорогѣ отъ Янибазара до Базарджика и произвести такіе маневры, которые увѣрили бы турокъ въ нашемъ намѣреніи взять городъ приступомъ съ этой стороны, т. е. съ восточной, именно съ той, съ которой городъ не закрытъ горами, передъ которыми простирается равнина, перерѣзанная въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оврагами, а для защиты города построенъ валъ со рвомъ, по турецкому способу.

Если бы графъ Каменскій открыто собралъ армію передъ этой частью города, произвелъ бы фальшивую рекогносцировку и объявилъ бы приступъ, конечно турки, перепуганные воспоминаніемъ о Базарджикѣ, перевели бы всѣ свои силы къ мѣсту опасности и, такимъ образомъ, оставили бы горы совершенно безъ защиты. Подобная хитрость, хотя и не совсѣмъ тонкая, могла бы провести и не такого непріятеля, какъ турки.

Ночью, графъ Каменскій долженъ бы былъ отправить всю свою пѣхоту въ горы съ приказаніемъ атаковать на разсвѣтѣ всѣ верки крѣпости, такъ какъ они были бы безъ защитниковъ, и тогда крѣпость была бы наша, и война окончена, потому что послѣ такого блестящаго взятія Шумлы, великій визирь, если только онъ не былъ бы убитъ или раненъ, видя дорогу въ Балканы открытой, непремѣнно бы обратился съ просьбой о мирѣ.

Графъ Каменскій велъ себя въ этомъ дѣлѣ сначала слишкомъ легкомысленно, а затѣмъ слишкомъ нерѣшительно и нетвердо.

11 іюня генералъ Левисъ двинулся, чтобы занять горы, но у него оказалось слишкомъ мало силъ.

Если уже хотятъ нанести непріятелю рѣшительный ударъ, то надо быстро всѣ свои силы сразу направить на одинъ пунктъ—это тактика Наполеона. Но если постепенно увеличивать число атакующихъ, обезкураженныхъ уже неудачей, то упадокъ духа и разстройство первыхъ переходитъ на другихъ, и уже нѣтъ цѣлаго; а тѣмъ временемъ непріятель, ободренный первымъ успѣхомъ сопротивленія, нравственно увеличиваетъ свои силы.

У Левиса были полки: Кіевскій, Ярославскій, С.-Петербургскій драгунскіе и казачій Иловайскаго 2-го. Онъ соединился съ генераломъ Сабанѣевымъ, у котораго былъ баталіонъ Архангелогородскаго полка, 7 егерскій полкъ, Атаманскіе казаки и 4 эскадрона Александрійскихъ гусаръ. Имъ нужно было произвести атаку на разсвѣтѣ, но Левисъ, всегда немного медлительный, упустилъ время, и было уже 9 ч. утра, когда онъ появился въ горахъ. Послѣ этого все уже было пропущено; планъ графа Каменскаго былъ обнаруженъ, и турки толпой помчались къ возвышенностямъ. Генералъ Павелъ Иловайскій, съ своими казаками встрѣтивъ турецкую конницу въ единственномъ мѣстѣ горъ, гдѣ можно было дѣйствовать, атаковалъ ее съ самой блестящей стремительностью и опрокинулъ ее.

Пѣхота же наша углубилась въ лѣсъ, гдѣ въ четырехъ шагахъ отъ себя уже ничего нельзя было разсмотрѣть, и понятно, что 7 слабыхъ баталіоновъ, по 400 челов., не могли выполнить того, что отъ нихъ ожидали.

Вскорѣ весь корпусъ Левиса углубился въ лѣса, гдѣ они встрѣтились съ турецкими стрѣлками, и между ними началась ужасная перестрѣлка, длившаяся 48 часовъ.

Вначалѣ стрѣлки Левиса двинулись вправо, къ Сабанѣеву, который также участвовалъ въ перестрѣлкѣ, но сохранилъ еще нѣкоторый резервъ, а Левисъ, оставшійся въ одну минуту совершенно одинъ, вообразилъ, что его корпусъ окончательно разбитъ.

Въ это время графъ Каменскій двинулся прямо на Шумлу по большой Силистрійской дорогѣ, вмѣстѣ съ авангардомъ Кульнева и корпусами Раевскаго, Уварова и Эссена. Этотъ отрядъ составлялъ 22 баталіона, тогда какъ для поддержки, и безъ того довольно многочисленной кавалеріи (34 эскадрона и 5 полковъ казаковъ), было бы достаточно и 4 баталіоновъ.

Если бы Левису дали 18 баталіоновъ изъ 22 и столько же изъ 22 баталіоновъ графа Сергѣя Каменскаго, который въ моментъ атаки вдругъ двинулся по Янибазарской дорогѣ, тогда бы съ 47 бата-

ліонами можно было взять горы, несмотря на всѣ трудности и препятствія.

Переходъ черезъ ручьи также нѣсколько задержалъ движеніе колоннъ главнокомандующаго, а въ это время турецкая конница вышла изъ города и собралась на холмъ у подножія горъ. Кульневъ съ Бѣлорусскими и Александрійскими гусарами и всѣми казаками быстро атаковалъ эту конницу и, опрокинувъ ее, преслѣдовалъ до самыхъ валовъ города.

Тамъ непріятельская конница, благодаря помощи мѣстной артиллеріи, оправилась и снова собралась, но Кульневъ, имѣя войска построенными въ колонны, отступилъ въ большомъ порядкѣ и засѣлъ на возвышенностяхъ, откуда онъ передъ тѣмъ выгналъ турокъ. Позади этой линіи кавалеріи, графъ Каменскій выдвинулъ свои войска, составилъ каре и соединилъ свой лѣвый флангъ съ правымъ флангомъ корпуса своего брата, который также развернулъ свои войска, но слишкомъ далеко отъ города. Они оба, не предпринимая ничего, оставались совершенно спокойны, а тѣ немногіе турки, которые находились въ городѣ, видя, что съ нашей стороны не предстоитъ наступленія въ открытомъ полѣ, удалились въ горы.

Между тѣмъ, на правомъ флангѣ огонь продолжался съ такой живостью, что Левисъ никакъ не могъ двинуться впередъ и послалъ за помощью. Генералъ Раевскій, оскорбленный тѣмъ, что это предпріятіе, которое онъ считалъ не такимъ труднымъ, какимъ оно было на самомъ дѣлѣ, поручили Левису, съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что если бы послали его корпусъ, то онъ сумѣлъ бы завладѣть крѣпостью.

Графъ Каменскій отправилъ его около полудня; Раевскій же вмѣсто того, чтобы направиться прямо къ лѣвому флангу Левиса, взялъ слишкомъ вправо и попалъ во вторую линію, откуда его егеря и часть пѣхоты вступили въ дѣло, но окончили его довольно безуспѣшно.

Я очень далекъ отъ желанія сказать что-нибудь дурное про такого храбраго и всегда усерднаго генерала, какъ Раевскій, но въ данномъ случаѣ онъ не высказалъ поспѣшности быть подъ начальствомъ Левиса, и черезъ это у него не было ни согласія съ другими генералами, ни дружной поддержки въ наступленіи.

Когда подобный случай происходитъ между вторыми генералами, то главнокомандующій долженъ самъ тогда отправиться къ мѣсту атаки и самъ руководя боемъ отдавать приказанія и слѣдить за исполненіемъ ихъ. Но у графа Каменскаго не было столько мужества и энергіи, которыя побуждаютъ военнаго броситься въ самую середину опасности, если только этого требуютъ обстоятельства. Онъ ограни-

чился только тѣмъ, что ежеминутно посылалъ адъютантовъ и волонтеровъ къ Левису узнавать, что тамъ происходитъ.

Большинство изъ этихъ господъ не понимали, въ чемъ дѣло, между тѣмъ генералъ Левисъ находился въ очень опасномъ мѣстѣ, а многіе изъ посланныхъ графа, не рискуя подойти къ нему близко, доносили очень поверхностно о томъ, чего они даже не могли видѣть; другіе же говорили съ Левисомъ издалека, хотя онъ имъ кричалъ подойти поближе, но они не исполняли этого и доносили опять таки не то, что было на самомъ дѣлѣ. Наконецъ, графъ отправилъ своего Фредерици, но и онъ не принесъ ему ничего удовлетворительнаго. Тогда онъ рѣшилъ (уже довольно поздно) ѣхать туда самому; онъ двинулся шагомъ, такъ какъ галопъ всегда былъ для него недоступнымъ аллюромъ, и, сопровождаемый никогда не оставлявшей его толпой, подъѣхалъ довольно близко къ линіи огня, но въ это время пролетѣвшая пуля задѣла и ранила руку одного изъ его адъютантовъ— Небольсина, графъ страшно поблѣднѣлъ и, повернувъ лошадь, тотчасъ же направился обратно къ тому мѣсту, откуда онъ выѣхалъ. Эта слабость была замѣчена многими, и на другой день о ней знала вся армія [1]).

Въ это время турки перешли вмѣстѣ съ своими пушками на возвышенность, самую близкую къ той, гдѣ находился Кульневъ съ своей кавалеріей и, видя это, графъ Каменскій послалъ туда опять князя Трубецкого съ Шлиссельбургскимъ полкомъ, который двинулся на турокъ и, быстро одолѣвъ ихъ, занялъ эту высоту, удерживая ее въ продолженіе 36 часовъ. Неудобная позиція эта была окружена лѣсомъ, откуда турки производили безконечный огонь и откуда егеря наши никакъ не могли ихъ выбить. Левисъ каждую минуту посылалъ за помощью, и графъ Каменскій отправилъ ему понемногу весь корпусъ Эссена, который, оставшись одинъ, сказалъ ему: „графъ, я вижу, что я здѣсь лишній“. На это графъ ничего не отвѣтилъ, но не забылъ его упрека, вполнѣ однако справедливаго [2]). Къ вечеру

---

[1]) Графъ Каменскій мнѣ говорилъ потомъ, что очень онъ раскаивается, что оставилъ меня около Силистріи. Онъ бы мнѣ поручилъ эту Шумлинскую атаку, которую конечно я бы не началъ съ 7-ю баталіонами (я бы ихъ потребовалъ 40). Вотъ уже 12 лѣтъ, какъ я произведенъ въ генералъ-лейтенанты и былъ старшимъ въ арміи (возвышеніе графа С. Каменскаго тогда еще не было извѣстно), и Левисъ и Раевскій, привыкшіе служить подъ моимъ начальствомъ, помогли бы мнѣ съ усердіемъ и знаніемъ, которыми они главнымъ образомъ и отличаются, и я увѣренъ, что достигъ бы успѣха.

[2]) У нихъ была еще одна причина неудовольствія. Въ Бухарестѣ графъ Каменскій узналъ, что въ его армію изъ Петербурга назначается нѣкій генералъ Спицинъ, родственникъ Аракчеева, и также какъ и онъ, Гатчинецъ (см. журналъ 1806 г.). Получивъ это извѣстіе, графъ Каменскій объ-

въ этихъ горахъ очутились 25 баталіоновъ; они разсыпались въ цѣпи и открыли стрѣльбу, но не двигались впередъ, такъ какъ не только не могли пройти всѣ эти лѣса и занять вершину возвышенностей, но даже не знали навѣрное—есть ли тамъ у турокъ укрѣпленія; единственно только стрѣлки 8-го егерскаго полка прошли лѣса и наткнулись на редутъ, который они атаковали и взяли бы его, если бы имъ только была оказана помощь.

Генералъ Раевскій, которому графъ Каменскій посылалъ одно приказаніе за другимъ, чтобы онъ овладѣлъ горами, откровенно ему отвѣтилъ, что не только съ тѣми войсками, которыя у него есть, онъ не можетъ ничего сдѣлать, но даже сомнѣвается въ успѣхѣ, если бы ему дали еще 10.000 человѣкъ. Этотъ отвѣтъ былъ совершенно инымъ, чѣмъ то, что онъ говорилъ утромъ, и графъ Каменскій не забылъ этого.

Огонь продолжался весь день 11-го, но съ наступленіемъ ночи онъ прекратился. Турки удалились въ свои укрѣпленія, а наши солдаты такъ устали, и среди нихъ былъ такой безпорядокъ, при этомъ и ночь была необычайно темна, что ничего нельзя было предпринять.

Этотъ неудачный день окончился очень печально—былъ убитъ генералъ-маіоръ Попандопулло, одинъ изъ достойнѣйшихъ нашихъ генераловъ и какъ-бы созданный для того, чтобы до всего умѣть дойти самому. Онъ, вмѣстѣ съ генералами Уваровымъ и Воейковымъ, подошелъ къ самому городу, какъ вдругъ въ это время пролетѣвшая пуля сразила его на мѣстѣ.

Эта самая пуля лишила также армію и генерала Уварова, хотя онъ и не былъ задѣтъ ею, но испугъ его былъ такъ великъ, что этотъ человѣкъ, всегда отличавшійся храбростью и мужествомъ въ этой кампаніи, сталъ поражать всѣхъ своей предусмотрительностью и осторожностью къ своей особѣ. Мы похоронили Попандопулло на полѣ сраженія, но на другой день мы должны были уйти съ этого мѣста, а турки вырыли снова его трупъ, отрубили ему голову и отослали ее вмѣстѣ съ вышитымъ мундиромъ въ Константинополь.

явилъ очень громко и неосторожно за столомъ, въ присутствіи Эссена, что онъ дастъ этому Спицину походный магазинъ, такъ какъ ничто другое нельзя дать Гатчинцу. Это оскорбило Эссена, и онъ имѣлъ слабость слишкомъ защищать своихъ друзей, на которыхъ, кстати, онъ нисколько не походилъ.

Онъ довольно горячо сталъ отвѣчать Каменскому, не любившему возраженій, и Эссенъ не только не былъ награжденъ въ эту кампанію, но даже ему не дали никакого дѣла; тогда какъ онъ могъ бы быть здѣсь очень полезенъ.

Многихъ изъ нашихъ раненыхъ, которыхъ не могли найти и перенести изъ лѣсовъ, постигла та же участь.

На другой день, 12-го огонь въ лѣсахъ возобновился такъ же, какъ и наканунѣ, и продолжался еще цѣлый день. Графъ Каменскій, въ этотъ жгучій моментъ,—совершенно потерялъ мужество и энергію и не предпринялъ никакого окончательнаго рѣшенія.

Вечеромъ 12-го, когда огонь прекратился, генералъ Левисъ предложилъ обезпечить за собой взятую позицію и, несмотря на усталость войскъ, немедленно выстроить редуты и укрѣпленія на всѣхъ болѣе или менѣе открытыхъ мѣстахъ, а на слѣдующій день занять возвышенности, если только будетъ дана помощь свѣжими войсками. Несмотря на всѣ трудности исполненія его плана, это былъ единственный исходъ. Еще оставалось болѣе 25 баталіоновъ, не участвовавшихъ въ бою, а потому можно было бы укрѣпиться и атаковать турецкія позиціи, укрѣпленныя ими на опушкѣ лѣса. Можно было также вытащить артиллерію на рукахъ, выгнавъ турокъ изъ ихъ редутовъ, и занять ихъ безъ особенныхъ потерь. Удачный результатъ такого плана былъ бы настолько выгоденъ, что искупилъ бы всѣ наши потери.

Графъ Каменскій смотрѣлъ на дѣло иначе; предполагаютъ, что онъ поступилъ по совѣту Фредерици, который предложилъ ему вернуть войска. Это былъ роковой совѣтъ и не единственный изъ дурныхъ, которые Фредерици давалъ графу въ теченіе этой кампаніи. Но какъ бы то ни было, гр. Каменскій не соглашался на предложеніе Левиса и приказалъ войскамъ отступить ночью. Исполняя это приказаніе, они должны были оставить многихъ своихъ раненыхъ на полѣ сраженія.

На другой день, Каменскій со всей своей арміей двинулся налѣво назадъ и расположилъ обѣ свои огромныя линіи войскъ на равнинѣ, по Янибазарской дорогѣ. Со времени нашего отступленія, турки начали дѣятельно строить въ лѣсахъ новые редуты, укрѣплять всѣ важные пункты и, перерѣзавъ дороги, сдѣлали ихъ непроходимыми.

Съ этого времени и Шумла, и кампанія, и война, и миръ — все было потеряно. Окончаніе такъ блестяще начатыхъ операцій не представляло ничего, кромѣ цѣлаго ряда сплошныхъ ошибокъ и несчастій. Эти два дня стоили намъ 2.000 человѣкъ ранеными и убитыми, но навсегда пропущенный случай былъ еще болѣе дорогой и непоправимой потерей.

Теперь Каменскій потерялъ всякое уваженіе арміи; трусость и малодушіе, постоянно выказываемыя имъ, а также представленное имъ неясное и неточное донесеніе о сраженіи подъ Шумлой, еще

болѣе увеличили недовольство, и къ нему стали относиться уже безъ всякой снисходительности. Ему даже не приписывали части тѣхъ военныхъ талантовъ, которые въ немъ признавали раньше, и ему не было пощады въ сарказмахъ и шуткахъ, сочиненныхъ на его счетъ. Это его ужасно озлобляло, и жертвой его гнѣва палъ Раевскій. 12-го іюня у этого генерала былъ ужинъ, за которымъ, по обыкновенію, всѣ подсмѣивались немало и надъ гр. Каменскимъ. На другой день появилась какая-то очень ядовитая пѣсенка, которую гр. Каменскій подозрѣвалъ сочиненной на этомъ ужинѣ; онъ отправилъ Раевскаго въ Яссы начальникомъ резерва, а въ армію вызвалъ Олсуфьева, который, будучи недовольнымъ этимъ перемѣщеніемъ, подалъ въ отставку и, получивъ ее, ушелъ до окончанія кампаніи.

Ген. Раевскій хотѣлъ объясниться съ гр. Каменскимъ и спросить у него о причинѣ такой къ нему немилости; графъ принялъ его очень холодно и объявилъ, что лично онъ противъ него ничего не имѣетъ, но что командованіе резервомъ въ то время, когда всѣ остальные корпуса участвуютъ въ дѣлѣ, является непріятнымъ постомъ, и поэтому несправедливо оставлять на этомъ мѣстѣ одного и того же генерала и лишать его случая отличиться. Теперь очередь Раевскаго принять этотъ резервъ. Онъ упомянулъ также, что Раевскій будетъ награжденъ, но этого не случилось.

Князь Трубецкой, несмотря на свое геройское поведеніе 11-го числа, такъ же, какъ и Раевскій, испыталъ на себѣ немилость графа. Онъ былъ принятъ тоже очень холодно, хотя и нельзя было не оцѣнить, дѣйствительно, выдающіяся по своей храбрости заслуги его. Спустя нѣсколько времени, князь Трубецкой оставилъ армію.

Пострадалъ также камеръ-юнкеръ Блиновъ, который служилъ въ арміи волонтеромъ. Онъ былъ человѣкъ, какъ говорятъ французы, „une espèce“ [1]), котораго никоимъ образомъ нельзя было терпѣть тамъ. Ничтожество, военный, болтунъ, хвастунъ, не щадящій никого для краснаго словечка. Его-то и обвинили въ сочиненіи пѣсни, такъ шокировавшей гр. Каменскаго [2]). Онъ былъ отосланъ графомъ въ Бухарестъ, и ген. Энгельгардъ получилъ приказаніе наблюдать за нимъ [3]).

[1]) 1827. Выраженіе, которымъ Императоръ Александръ охарактеризовалъ мнѣ его, когда я ему говорилъ о немъ, въ Варшавѣ, въ 1815 г. И что же? Этотъ „espèce“ былъ имъ же награжденъ разными милостями и лентой.

[2]) Эту несчастную пѣсню, надѣлавшую столько шума, сочинилъ молодой графъ Самойловъ; онъ также былъ высланъ изъ арміи.

[3]) Графъ Каменскій, обладавшій правомъ высылать всѣхъ — долженъ былъ первымъ дѣломъ выслать своего брата и князя Долгорукова, такъ какъ ни тотъ, ни другой не составляли славы арміи. Когда графу Сергѣю

Черезъ два или три дня послѣ несчастнаго дѣла 11-го и 12-го іюня, возобновили переговоры съ турками [1]), вести которые теперь было совсѣмъ не время, тѣмъ болѣе, что турки совсѣмъ перемѣнили тонъ.

Когда же Каменскій былъ еще передъ Силистріей, великій визирь посылалъ къ нему двухъ своихъ повѣренныхъ, чтобы вести переговоры о мирѣ, но гр. Каменскій не могъ заключить мира, несмотря на почетныя условія, предложенныя турками. Если бы можно было ихъ принять, то черезъ это мы избѣжали-бы многихъ ошибокъ и большихъ потерь для Россіи, но гр. Румянцевъ все еще неотступно держался Дуная, какъ границы. Этотъ министръ самъ себя присуждалъ вести войну неправильную, неполитичную и разорительную.

Гр. Каменскій поступилъ совершенно не дипломатично, принявъ турецкихъ пословъ въ Силистріи очень холодно и сухо; подобное отношеніе не рекомендуется ни съ кѣмъ, а тѣмъ менѣе съ турками,

---

Каменскому сказали, чтобъ онъ сдѣлалъ нѣкоторыя указанія и распоряженія для поддержанія въ арміи брата, онъ отвѣчалъ: „оставимъ его и посмотримъ, съумѣютъ ли эти господа распорядиться такъ же, какъ я въ Базарджикѣ?“ Въ тотъ же день онъ со всей своей свитой попалъ подъ цѣлый градъ снарядовъ. Одна изъ гранатъ упала около кн. Долгорукова, который до того перепугался, что бросился съ лошади на землю. Графъ Каменскій не могъ удержаться, чтобъ не высказать ему, какъ смѣшна подобная слабость. Храбрый князь поднялся съ земли и, чтобъ оправдаться, началъ говорить, что онъ слышалъ, что, когда падаетъ бомба, слѣдуетъ сейчасъ же бросаться на землю. Надо прибавить, что быть замѣченнымъ графомъ Каменскимъ въ трусости—значило—потерять его расположеніе.

[1]) Эти переговоры продолжались недолго и, когда новые турецкіе уполномоченные вышли, графъ Каменскій сказалъ мнѣ по секрету, что имъ удалось достать точное положеніе нашей арміи, но что онъ никакъ не можетъ открыть автора такой измѣны. Я тоже никогда не могъ узнать его, но если измѣнникъ находился среди свиты графа, ему ничего не стоило исполнить всѣ требованія великаго визиря. Всѣ бумаги, даже самыя секретныя, состояніе положеній и пр. все это валялось на столѣ и всегда могло быть въ рукахъ адъютантовъ, волонтеровъ и даже самыхъ послѣднихъ писарей! Эти послѣдніе и могли быть подкуплены греками и валахами, разорявшими главную квартиру подъ именемъ депутатства Дивана, агентовъ и купцовъ. Всѣ эти люди были всегда очень преданы туркамъ и на все готовы для нихъ. Гр. Каменскій сказалъ мнѣ также, что турки думали, что мы гораздо сильнѣе, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Они думали, что противъ нихъ выставлена вся русская армія, такъ какъ у насъ было болѣе 120.000 человѣкъ, и никогда еще Россія не выставляла столько силъ на Дунаѣ. Въ войну 1769 г. генер. Румянцевъ не имѣлъ и 50.000 человѣкъ, а въ войну 1788 г. Потемкинъ не набралъ болѣе 6—7 тысячъ сражающихся.

*

которые всегда такъ подозрительны и такъ цѣнятъ, когда къ нимъ относятся хорошо. Въ Шумлѣ графъ сталъ болѣе вѣжливъ, но турки стали уже не прежніе. Въ общемъ же, всѣ эти переговоры и 3 или 4 письма, посланныя великому визирю, и на которыя тотъ очень долго не давалъ отвѣта, какъ и можно было ожидать—не привели ни къ чему: сначала надо было побить турокъ, а потомъ уже вести съ ними переговоры.

Черезъ нѣсколько дней послѣ Шумлинскаго сраженія, великій визирь, по совѣту Браиловскаго назира, организовалъ правильныя банды изъ турецкихъ и болгарскихъ жителей, которые, покинувъ свои деревни, поселились въ лѣсахъ, гдѣ, въ совершенно незнакомыхъ намъ мѣстахъ, построили укрѣпленія. Сообщались они между собой посредствомъ тропинокъ, такъ же намъ неизвѣстныхъ, какъ и ихъ убѣжище. Эти люди, организованные на подобіе испанскихъ гварильясовъ, отъ которыхъ такъ сильно пришлось страдать французамъ, безпокоили насъ. Они производили нападенія на дорогахъ цѣлыми шайками, въ 20—30 и даже 100 человѣкъ; прятались между деревьевъ, въ то время, какъ одинъ изъ нихъ влѣзалъ на дерево и высматривалъ, нѣтъ ли кого изъ встрѣчныхъ. Если они замѣчали войска, идущія въ порядкѣ, они не вылѣзали изъ засады, но если появлялись отряды, двигавшіеся въ безпорядкѣ, или же шли отдѣльные люди, то они нападали на нихъ и убивали слабыхъ.

Въ началѣ ихъ формированія, когда еще не подозрѣвали объ ихъ существованіи, они уже производили частыя нападенія, и множество торговцевъ, прислуги и даже офицеровъ были убиты, экипажи и обозы разграблялись, а почта захватывалась. Одинъ разъ великому визирю была передана вся почта, захваченная на Гирсовской дорогѣ; онъ вскрылъ всѣ денежные пакеты и письма и, оставивъ деньги у себя, отослалъ распечатанныя и прочтенныя письма графу Каменскому, извинясь, что убили почтальона [1]). Этихъ разбойниковъ никакъ нельзя было изловить, и они стали настолько смѣлы и дерзки, что однажды, въ то время, какъ наши вели своихъ лошадей на водопой, они напали на нихъ и отбили множество лошадей (между прочимъ всѣхъ лошадей артиллеріи). Часто отби-

---

[1]) Великій визирь, отсылая письма графу Каменскому, хотѣлъ отвѣтить ему тою же любезностью, какую тотъ оказалъ ему; и когда, нѣсколько дней назадъ, наши казаки, остановивъ гонца, направлявшагося въ Константинополь, привели его къ графу, то графъ прочелъ всѣ депеши, въ которыхъ заключались новости о каймакамѣ, извѣщавшемъ, сколько онъ можетъ прислать войска, но въ то же время объявлявшаго, что больше онъ уже ничѣмъ не можетъ помочь.

вали они и повозки обоза, двигавшіяся по дорогамъ въ одиночку. Послѣ такихъ дерзкихъ нападеній, рѣшили на каждой станціи учредить посты пѣхоты и казаковъ. Чтобы перейти изъ одного лагеря въ другой, на разстояніи какихъ-нибудь трехъ, четырехъ верстъ, генералы со своими адъютантами должны были брать съ собой кавалерійскій конвой въ 100—200 человѣкъ; иначе имъ угрожала опасность нападенія отъ этихъ разбойниковъ (партизановъ), которые, спрятавшись около нашего лагеря, безпрестанно производили стрѣльбу по русскимъ.

Подполковникъ Черновъ, завѣдывавшій походнымъ магазиномъ арміи, предложилъ вырубить лѣсъ на протяженіи 50-ти верстъ вправо и влѣво отъ большихъ дорогъ, дефиле и въ закрытыхъ мѣстахъ. Графъ Каменскій одобрилъ этотъ проектъ и приказалъ исполнить его. Черезъ это удалось хоть нѣсколько обезопасить наши сообщенія. Но все-таки мы не могли окончательно избавиться отъ этихъ негодяевъ, и вслѣдствіе ихъ ежедневныхъ нападеній, въ теченіе всей кампаніи у насъ погибло болѣе 2.000 человѣкъ. Одинъ солдатъ 38 егерскаго полка, по фамиліи Петриковъ, отличился своимъ смѣлымъ подвигомъ. Онъ находился въ конвоѣ выздоравливающихъ, направлявшихся къ арміи, такъ какъ офицеръ, командовавшій этимъ конвоемъ, заболѣлъ и лежалъ въ повозкѣ, то въ самомъ конвоѣ были большіе безпорядки. Зная все это, разбойники выслѣдили этотъ отрядъ и, напавъ на него, принялись грабить. Они уничтожили бы его совершенно, если бъ не Петриковъ, который, собравъ нѣсколькихъ своихъ, уже убѣгавшихъ товарищей, напалъ на разбойниковъ, обратилъ въ бѣгство и, такимъ образомъ, спасъ своего офицера, людей и повозки. Государь за это произвелъ его въ офицеры, чего онъ дѣйствительно заслуживалъ. Конвойный же офицеръ не понесъ никакого наказанія, хотя и долженъ былъ быть разжалованъ, такъ какъ, несмотря на болѣзнь, обязанъ былъ слѣдить за порядкомъ въ ввѣренномъ ему отрядѣ.

Послѣ неудачнаго дѣла подъ Шумлой, ни одинъ изъ плановъ гр. Каменскаго не былъ ни утвержденъ, ни исполненъ. Онъ предполагалъ начать правильную осаду и траншеями подойти къ Шумлѣ, но это былъ совершенно нелѣпый планъ, такъ какъ, если бъ даже намъ и удалось взять городъ (что впрочемъ было бы очень трудно и тянулось бы очень долго), то гарнизонъ и вооруженные жители, занявъ горы и возвышенности, удержали бы эту важную для нихъ позицію и выгнали бы оттуда наши войска, навѣснымъ огнемъ. Затѣмъ, они могли собрать въ свои укрѣпленія большой запасъ провіанта и получать припасы по лѣснымъ тропинкамъ, только имъ извѣстнымъ.

Графъ Каменскій вызвалъ изъ Рущука полковника Мишо (который былъ тамъ совершенно безполезенъ, такъ какъ генералъ Гартингъ не допускалъ его ни до чего) и приказалъ привезти нѣсколько орудій осадной артиллеріи. 26 іюня Мишо выстроилъ редутъ очень близко отъ города, но этотъ редутъ показался мнѣ совсѣмъ не на мѣстѣ, слишкомъ близко къ валамъ и плохо укрѣпленнымъ; я сказалъ объ этомъ Кульневу и добавилъ, что завтра произойдетъ дѣло, а редутъ не успѣютъ докончить и едва-ли удержатъ его, въ чемъ и не ошибся.

Работа производилась Сибирскимъ гренадерскимъ и 28 егерскими полками, подъ начальствомъ любимца Государя, ген. Уварова, котораго, какъ говорятъ, гр. Каменскій назначилъ съ тою цѣлью, чтобы сгладить дурное впечатлѣніе, произведенное на Государя донесеніемъ о сраженіи 11 и 12 іюня. Конечно, на самомъ дѣлѣ, гр. Каменскій можетъ быть и не руководился подобнымъ разсчетомъ, но надо же было поручить что-нибудь Уварову. Счастье не покровительствовало ему. Ночью разразился сильный ливень съ грозою, дождь лилъ какъ изъ ведра; работать приходилось въ грязи съ постояннымъ опасеніемъ быть открытыми. Сверкавшая молнія освѣщала наши работы, и турки открыли по работавшимъ такой сильный огонь, что заставили ихъ прекратить постройку редута.

28 егерскій полкъ остался на мѣстѣ, несмотря на пушечный и ружейный огонь; Сибирскій же полкъ не выказалъ такой твердости.

26 іюня, на разсвѣтѣ, турки произвели наступленіе и завязали довольно жаркое дѣло; они приложили всѣ свои старанія, чтобъ снести этотъ редутъ, который настолько же былъ опасенъ для нихъ, насколько полезенъ для русскихъ. 28 егерскій полкъ и его храбрый командиръ—полковникъ Корниловъ, отличились здѣсь. Полкъ потерялъ много людей, но все-таки не отступилъ. Полковникъ Ланскій съ двумя эскадронами Александрійскихъ гусаръ блестяще атаковалъ турокъ и гналъ ихъ до самыхъ валовъ крѣпости. Мы потеряли около 400 человѣкъ въ этомъ безполезномъ дѣлѣ, продолжавшемся почти цѣлый день. Генералъ Ангельмъ съ кавалеріей графа Сергѣя Каменскаго также принималъ въ немъ участіе. Полковники Корниловъ и Ланскій были произведены за это дѣло, дѣйствительно, по заслугамъ, въ генералъ-маіоры. Но Уваровъ совершенно ни за что получилъ Александровскую звѣзду съ брилліантами.

Графъ, зная изъ писемъ каймакама, что турки ожидаютъ помощи и подвоза продуктовъ изъ Константинополя и судя по этому слабы и терпятъ недостатокъ въ продовольствіи (что впрочемъ на самомъ дѣлѣ было невѣрно), хотѣлъ отрѣзать всѣ дороги изъ Шумлы

и непремѣнно окружить городъ. Это было крупное предпріятіе; нужно было занять, по крайней мѣрѣ, 60 верстъ, такъ какъ окружавшія Шумлу горы заставляютъ сдѣлать огромный обходъ въ сторону Балканъ. Страна эта такъ мало извѣстна, дороги такъ узки и заросши, что нужно было имѣть очень много войскъ и, по крайней мѣрѣ, черезъ каждыя 5 верстъ расположить сильные отряды, чего нельзя было достигнуть съ нашими силами; кромѣ того, можно было рисковать потерять одинъ изъ этихъ отрядовъ, на который турки могли неожиданно обрушиться.

Но графъ Каменскій, опечаленный и обезпокоенный неудачей подъ Шумлой, вслѣдствіе его ошибки (которая была уже непоправима), съ жадностью и часто безъ размышленія хватался за всякую мысль, приходящую ему въ голову, или которую ему совѣтовали другіе. Въ дѣйствительности же у Шумлы нечего было дѣлать. Турки, усердно работая, укрѣпили возвышенности такъ, что нельзя было и думать ихъ атаковать, но было возможно и даже очень выгодно оставить около города достаточно сильный корпусъ, чтобы противустоять не очень значительному составу войскъ великаго визиря [1]), съ остальной же частью арміи двинуться по Константинопольской дорогѣ, или по Праводинской, гдѣ горы значительно ниже, удобнѣе проходимы — и занять Балканы. Затѣмъ, всю кавалерію и конную артиллерію перебросить на ту сторону Балканъ. Гр. Каменскій сдѣлалъ опять большую ошибку, не принявъ этого проекта, который я ему предлагалъ. Успѣшный результатъ его, навѣрное, заставилъ бы турокъ, охваченныхъ ужасомъ, заключить миръ. Разъ не было удачи въ атакѣ Шумлы открытой силой, надо было пробовать навести страхъ обходомъ, занявъ переходы черезъ Балканы.

Когда я прибылъ въ Шумлу, то получилъ приказаніе расположиться со своимъ слабымъ корпусомъ, сначала по Силистрійской дорогѣ, около деревни Чеулеме, а затѣмъ у Большого Кургана. Генералъ Сабанѣевъ былъ на Разградской дорогѣ; вообще всѣ эти маленькіе отряды все время мѣняли мѣста.

Генералъ Левисъ, 18 іюня, былъ посланъ къ подножью Балканъ, въ Джумаю—хорошенькій, маленькій городъ, красиво расположенный, находящійся въ 35 верстахъ, отъ Шумлы, по Тырновской дорогѣ. Ген. Левисъ занялъ этотъ городъ послѣ сраженія, когда всѣ жители бѣжали въ горы и въ Османбазаръ.

По составленіи графомъ Каменскимъ неисполнимаго плана окру-

---

[1]) Я не считаю здѣсь вооруженныхъ жителей, которые оставляютъ свои дома, чтобъ сдѣлать вылазку во время осады, но никогда не идутъ дальше этого.

жить Шумлу, или, по крайней мѣрѣ, отрѣзать всѣ пути сообщенія ея съ Балканами, онъ приказалъ Левису занять Ескистамбульскую дорогу, въ то время, какъ ген. Войновъ долженъ двинуться къ лѣвому флангу; мнѣ же было велѣно расположиться въ Джумаѣ [1]).

Я двинулся туда въ ночь на 27 іюня, а на утро слѣдующаго дня, подходя къ Джумаѣ, я увидѣлъ въ 5-и верстахъ влѣво отъ меня лагерь, который меня ужасно удивилъ; въ этомъ лагерѣ я нашелъ расположившійся здѣсь корпусъ Левиса. Такъ какъ я былъ въ курсѣ плановъ гр. Каменскаго, то я тотчасъ же сообразилъ, что ген. Левисъ не исполнилъ приказанія; страна эта была намъ совершенно незнакома, мы не имѣли никакихъ картъ и даже не могли добыть себѣ проводниковъ, такъ какъ всѣ деревни были пусты. Но я, разобравшись немного въ этой мѣстности, сейчасъ же замѣтилъ, что Левисъ, вѣроятно, ошибся и взялъ слишкомъ влѣво и, вмѣсто Ескистамбульской дороги, попалъ на Джумайскую, занять которую поручено было мнѣ. Я объяснилъ эту ошибку, какъ самому Левису, такъ и его квартирмейстеру Трегеру, но убѣдить ихъ мнѣ не удалось. Упрямые, какъ всѣ нѣмцы, они остались при своемъ заблужденіи, которое имѣло потомъ гибельныя послѣдствія. Генералъ Войновъ и гр. Строгановъ заняли свои мѣста на большой Константинопольской дорогѣ, около Марили, но имъ никакъ не удалось установить сообщенія съ Левисомъ, находившимся слишкомъ далеко отъ нихъ. (Онъ находился около Божира, а долженъ былъ быть около Чифлика).

Войновъ имѣлъ дѣло съ турецкими фуражирами, изъ которыхъ 200 человѣкъ положилъ на мѣстѣ, а 100 взялъ въ плѣнъ. Такое же счастливое дѣло имѣлъ и генер. Левисъ, при занятіи лагеря.

Я расположился въ Джумаѣ, въ прелестной долинѣ, но, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ горами и лѣсами, а слѣдовательно и разбойниками, не могъ отправлять своихъ лошадей ни на фуражировку, ни на водопой безъ конвоя.

Джауръ-Гассанъ посѣтилъ меня въ Джумаѣ два или три раза и вмѣстѣ съ Емикъ-Оглы возвратился въ Османъ-Базаръ. Черезъ нихъ я узналъ, что Мухлатъ-паша, сынъ Али, и паша-Янины, собравъ значительныя силы, подходятъ къ намъ, а что съ другой стороны Балканъ много турецкихъ войскъ приготовляются идти на помощь въ Рущукъ. Я передалъ обо всемъ этомъ графу Каменскому, который съ неудовольствіемъ отвѣчалъ мнѣ, что всему міру извѣстно,

---

[1]) Онъ далъ мнѣ полки: Мингрельскій, Крымскій, 13 егерскій пѣхотные, Смоленскій и Петербургскій драгунскіе, 8 орудій конной артиллеріи Игнатьева и казаковъ Иловайскаго 2-го и Мельникова 5-го.

что у турокъ нѣтъ войскъ, которыми они могли бы располагать, и что Мухтаръ останется въ Албаніи; однако черезъ недѣлю тотъ уже прибылъ. Я также передалъ гр. Каменскому очень основательное предположеніе, что Левисъ находится не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Онъ согласился со мной, но было уже поздно.

Вскорѣ онъ увидѣлъ, какъ по Ескистамбульской дорогѣ двигался караванъ верблюдовъ подъ конвоемъ войскъ. Сейчасъ же приказалъ Левису идти въ Ескистамбулъ, находящійся въ 18 верстахъ отъ него. Когда онъ отправился туда, то уже не засталъ тамъ ничего. Удобный случай былъ пропущенъ.

Тогда графъ Каменскій, видя, что окружить Шумлу уже не представляется возможнымъ, и почти нѣтъ надежды на взятіе ея, отдался отчаянію и горю. На помощь ему явился его любимецъ Фредерици, который далъ опять несчастный совѣтъ—оставить Шумлу, двинуться къ Рущуку и взять его приступомъ. Фредерици рисовалъ графу картину блестящаго будущаго, которое возстановитъ славу полководца, и сулилъ полученіе Георгія 1-й степени [1]).

Графъ послушался этого совѣта и вызвалъ меня и Левиса съ нашихъ позицій и рѣшилъ идти на Рущукъ, вмѣстѣ съ корпусами Кульнева, Эссена и Уварова, оставивъ своего брата передъ Шумлой. Графу Сергѣю назначили слишкомъ много войскъ, чтобъ наблюдать за этимъ городомъ, но въ то же время ихъ было слишкомъ мало, чтобы перейти въ наступленіе.

Ципровъ также былъ вызванъ изъ Козлуджи и получилъ приказаніе сжечь и разрушить этотъ городъ, а также Базарджикъ, Янибазаръ и всѣ окрестныя деревни. Это разрушеніе отзывалось варварствомъ.

Гр. Сергѣй Каменскій получилъ приказаніе расположиться совокупно съ генералами Войновымъ, Левисомъ, Марковымъ и Долгорукимъ и занять равнину по Силистрійской дорогѣ.

Ген. Сабанѣевъ назначенъ въ авангардъ влѣво отъ Большого Кургана, въ трехъ верстахъ впереди гр. Сергѣя, а я—въ 7 верстахъ, по Разградской дорогѣ, около деревни Дерикіой.

Самъ генералъ-аншефъ уѣхалъ въ ночь съ 7-го на 8-е іюля и, пріѣхавъ ко мнѣ, приказалъ, на другой же день, вечеромъ двинуться въ Разградъ. Мнѣ очень хотѣлось слѣдовать за нимъ, чтобъ подъ его начальствомъ распоряжаться осадою Рущука (что на са-

---

[1]) Кн. Прозоровскій хотѣлъ также получить Георгія I-й степени за Бранловъ, но ни онъ, ни гр. Каменскій не получили ихъ. Эти призрачные ордена стоили намъ: первый—6.000 ч., а второй—8.000 ч. выбывшихъ изъ строя.

момъ дѣлѣ и произошло, но только мѣсяцъ спустя); но онъ не захотѣлъ этого—и это былъ единственный случай, когда онъ поступилъ со мной неделикатно. Онъ оставилъ меня подъ начальствомъ своего брата, который прежде находился подъ моимъ; я на 6 лѣтъ раньше былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Онъ получилъ повышеніе за Базарджикъ, я же за Силистрію ничего не получилъ. Это была вопіющая несправедливость. Наконецъ гр. Николай отлично зналъ, что я не могу уважать военные таланты его брата, но нужно было повиноваться, и я, хотя и покорился, въ то же время сознавалъ, что столько уступокъ становились уже слабостью и начинали тяготить меня.

Я отправилъ весь свой обозъ въ Разградъ, подъ прикрытіемъ большой части моего корпуса, такъ какъ безъ конвоя нельзя было рѣшительно ничего посылать.

Въ моемъ Дерикіойскомъ лагерѣ осталось: 6 ротъ Мингрельскаго полка, 5 ротъ—Крымскаго, 4 эскадрона Стародубскихъ драгунъ, 4 эскадрона Петербургскихъ, 8 орудій конной артиллеріи и 2 полка казаковъ, въ общемъ 2.800 человѣкъ. Въ Разградѣ же тогда было только два баталіона Брянскаго полка и полкъ казаковъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Новака. Его положеніе нельзя было считать вполнѣ обезпеченнымъ, такъ какъ турки могли придти туда изъ Тырнова и изъ Бѣлы (гдѣ, какъ было извѣстно, они собираются) и оттѣснить Новака изъ Разграда; кромѣ того, они могли отрѣзать намъ сообщенія съ Рущукомъ и затѣмъ тревожить правый флангъ графа Сергѣя. Генералъ-аншефъ понялъ все это и поручилъ мнѣ занять этотъ важный трактъ.

Корпусъ, которымъ я командовалъ тогда, могъ быть присоединенъ къ Разградскому отряду, и тогда было бы вполнѣ достаточно войскъ на этомъ мѣстѣ (около 6.500 ч.).

Дѣло подъ Дерикіой.

Я приготовился выступить 8-го вечеромъ, но утромъ былъ атакованъ въ Дерикіоѣ всѣми войсками, выступившими изъ Шумлы и составлявшими корпусъ въ 15.000 человѣкъ.

Положеніе Дерикіоя очень дурно, но лучшей позиціи нельзя выбрать по Разградской дорогѣ, а этотъ пунктъ было необходимо удержать.

Болгарія не похожа на Бессарабію, гдѣ все широкія и открытыя равнины, и гдѣ не надо охранять дорогъ, такъ какъ вездѣ можно пройти войскамъ, не только въ колоннахъ, но даже и въ боевомъ

порядкѣ. Въ Болгаріи дороги представляютъ дефиле и обыкновенно тянутся между горами, покрытыми лѣсами и кустарниками.

Я расположился лагеремъ на небольшой возвышенности, а передо мной разстилалась равнина шириной около версты и двѣ съ половиной длины. Передъ равниной лежали глубокіе овраги, вправо находилась деревня Дерикіой, расположенная въ ущельи, у ручья; а еще правѣе опять горы, покрытыя лѣсомъ; позади меня лежала деревня Кадыкіой, а около этой деревни стоитъ мостъ, черезъ который проходитъ дорога въ Разградъ, а затѣмъ опять овраги, лѣса, сады, вообще все самое непріятное и неудобное для сраженія.

8-го іюля, въ 5 ч. утра, генер. Павелъ Иловайскій прислалъ мнѣ сказать, что турки приближаются.

Сначала я вообразилъ, что это фуражиры, которымъ обыкновенно сопутствовала кавалерія, но когда, въ 7 часовъ, я самъ отправился на аванпосты, то увидѣлъ, что меня собираются атаковать всѣ бывшія въ Шумлѣ войска, числомъ около 15.000 человѣкъ.

Несмотря на большую разницу силъ, я не очень безпокоился за исходъ сраженія и даже надѣялся, что оно можетъ окончиться очень счастливо.

Гр. Сергѣй Каменскій былъ въ 7-ми верстахъ отъ моего лѣваго фланга и имѣлъ 20.000 человѣкъ; Сабанѣевъ съ авангардомъ былъ въ 4-хъ верстахъ отъ меня. Я долженъ былъ ожидать, что онъ получитъ приказаніе отправиться впередъ на Шумлу, а что гр. Сергѣй поддержитъ его всей своей кавалеріей и, такимъ образомъ, турки были бы совершенно отрѣзаны и понесли бы большія потери. Но ничего этого не вышло.

Несмотря на то, что я хорошо зналъ смѣлость и таланты гр. Сергѣя, я все-таки никакъ не могъ ожидать, что онъ оставитъ меня, въ продолженіе 7 часовъ, сражаться съ 3.000 ч. противъ 15.000 турокъ, когда въ два часа времени онъ могъ мнѣ прислать на помощь 20.000 ч.

Турки выставили противъ Сабанѣева 300 человѣкъ, и эти 300 ч. показались графу Сергѣю, или героямъ его свиты, посланнымъ на рекогносцировку этого ужаснаго непріятеля, цѣлой арміей, что и побудило его дать приказаніе Сабанѣеву не двигаться. Къ своему большому сожалѣнію онъ послушался, за что заслуживаетъ полнаго упрека. Въ этомъ случаѣ онъ долженъ былъ двинуться на помощь безъ всякаго приказанія, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ, что графъ Каменскій не имѣлъ бы возможности заставить его въ этомъ раскаяться. Гр. Сергѣй, чтобы извинить себя въ томъ, что оставилъ меня въ такомъ положеніи, заявилъ, что я его совсѣмъ не просилъ о помощи, но мнѣ кажется, я и не долженъ былъ этого дѣлать, такъ какъ огонь былъ

ясно виденъ и продолжался 7 часовъ, а графъ Сергѣй все-таки не прервалъ своей партіи въ бостонъ. Если я не былъ окончательно разбитъ въ этомъ сраженіи, то обязанъ исключительно храбрости войскъ и генераловъ, находившихся подъ моимъ начальствомъ. Я часто былъ свидѣтелемъ высокихъ качествъ русскихъ, но я никогда не видалъ ихъ лучше сражающимися, чѣмъ этотъ разъ.

Какъ я узналъ впослѣдствіи, всѣ генералы, собравшись у гр. Сергѣя Каменскаго, умоляли его двинуться ко мнѣ на помощь; даже Марковъ, такъ всегда радующійся пораженію товарища и нелюбезный Долгоруковъ, и тѣ принялись просить графа послать ихъ ко мнѣ; но онъ все-таки остался непреклоннымъ; у него является необыкновенное героическое хладнокровіе, когда сражаются другіе, и когда ему при этомъ не грозитъ опасность.

Только въ пять часовъ вечера онъ выслалъ мнѣ нѣкоторую помощь, но и то вмѣсто того, чтобы отправить войска прямо ко мнѣ, онъ велѣлъ имъ обойти лагерь и когда, наконецъ, они подошли, то были уже безполезны, такъ какъ я очень счастливо справился съ непріятелемъ и одинъ.

Доѣхавъ до своихъ аванпостовъ, я послалъ приказаніе немедленно поднять лагерь, чтобы преградить дорогу туркамъ и быть ближе къ Сабанѣеву. Въ Дерикіоѣ я оставилъ генерала Слеттера съ шестью ротами 18-го егерскаго полка для прикрытія моего праваго фланга, а остальныя свои войска двинулъ на край этой равнины, чтобы занять высоты, господствующія надъ оврагомъ, и которыя для насъ въ этомъ случаѣ, были хорошимъ прикрытіемъ. Но прежде чѣмъ наши войска подошли туда, турки уже успѣли занять эти возвышенности; тогда я приказалъ казакамъ атаковать ихъ.

Храбрый генералъ Павелъ Иловайскій, совмѣстно съ достойнымъ и предпріимчивымъ артиллерійскимъ маіоромъ Гавеномъ, имѣвшимъ 4 орудія, смѣло бросились на противника, разбили его и обратили въ бѣгство; много ихъ было побито, другіе спаслись въ оврагѣ.

Браиловскій Назиръ-Ахметъ былъ во главѣ нападавшихъ турокъ и все время держался впереди своихъ всадниковъ, а иногда настолько приближался къ намъ, что графъ Мантейфель нѣсколько разъ указывалъ мнѣ на него.

Три или четыре раза, турки пробовали перейти оврагъ, но каждый разъ ихъ отражала наша артиллерія; тогда они бросились на мой лѣвый флангъ, но графъ Мантейфель съ Крымскимъ полкомъ, Петербургскими драгунами и 4-мя артиллерійскими орудіями заставилъ ихъ и отсюда отступить.

Послѣ трехъ-часового сраженія, успѣхъ котораго до сихъ поръ былъ на нашей сторонѣ, вдругъ на моемъ правомъ флангѣ пока-

зался большой отрядъ янычаръ, которые такъ быстро обошли деревню Дерикіой, что генералъ Слеттеръ, съ 2 орудіями и тремя ротами пѣхоты, едва успѣлъ отступить. Опоздай онъ немного это сдѣлать, турецкая пѣхота, числомъ около 6.000 ч., навѣрное окружила бы его.

Замѣтивъ съ высоты, гдѣ я находился, такое критическое положеніе ген. Слеттера, я тотчасъ же послалъ приказаніе ген. Иловайскому отступить къ нашему лагерю и, хотя онъ просилъ меня остаться еще одинъ часъ на своемъ мѣстѣ, но я отвѣтилъ: „ни минуты“, и былъ правъ, такъ какъ настало время собрать всѣ мои разбросанныя войска.

Я отправился въ Дерикіой, взялъ 3 остальныя роты 14-го егерскаго полка, подъ командою маіора Горемыкина, построилъ ихъ въ колонну къ атакѣ и двинулъ ихъ на турокъ въ штыки, чѣмъ и выручилъ Слеттера. Этотъ храбрый старикъ, верхомъ, окруженный своими егерями, составившими вокругъ него каре и отстрѣливавшимися во всѣ стороны, медленно отступалъ по узкой улицѣ деревни, гдѣ янычары уже заняли сады и дома. Если бы не моя атака, то они успѣли бы отрѣзать нашимъ путь отступленія. Этотъ моментъ былъ очень критическій. Ничто такъ не опасно, какъ турки во время своего успѣха, они въ безпорядкѣ набрасываются на своего противника, но съ такой ожесточенностью, съ такой быстротой и съ такими ужасными криками, что нужно имѣть очень много твердости, чтобъ не потеряться въ подобномъ дѣлѣ.

Я считалъ обѣ пушки Слеттера потерянными, и первый мой вопросъ къ нему, когда мы соединились, былъ о нихъ, но онъ показалъ мнѣ обѣ пушки, которыя везли артиллеристы на себѣ, такъ какъ всѣ орудійныя лошади были перебиты. Егеря также не уступали своимъ товарищамъ артиллеристамъ въ трудѣ, не выходя изъ фронта и не разстраивая рядовъ. Въ этой стычкѣ поддерживался необыкновенно сильный огонь съ обѣихъ сторонъ, и былъ убитъ командиръ Мингрельскаго полка Леонидовъ и много егерей.

Чтобы спасти этихъ храбрыхъ людей, я вышелъ изъ деревни и наскоро образовалъ каре изъ шести ротъ, расположивъ его на холмѣ, возвышающемся надъ ручьемъ, и сильнымъ картечнымъ огнемъ заставилъ турокъ удалиться. Турки отошли и уже не рисковали выступать на открытое поле, а ограничились только перестрѣлкой изъ-за заборовъ деревни.

Въ это время остальныя мои части отступали въ необыкновенномъ порядкѣ, но какъ только Иловайскій началъ свое движеніе назадъ, турецкая конница бросилась на него. Нападеніе это, длившееся почти часъ, не имѣло успѣха и не смѣшало нашихъ войскъ.

Отступленіе это произведено было превосходно, только стрѣлки Мингрельскаго полка, слишкомъ отважно кинувшіеся впередъ, были настигнуты турками и почти всѣ перебиты, а каре этого храбраго полка окружено.

Я послалъ командующему этимъ полкомъ, полковнику Собіевскому, приказаніе ускорить отступленіе, но онъ мнѣ отвѣтилъ, что не можетъ этого сдѣлать, въ виду большой опасности, и продолжалъ отступать медленно и спокойно, отстрѣливаясь по всѣмъ направленіямъ. Этотъ полкъ и его командиръ выказали большую смѣлость и рѣшительность.

Я нѣсколько разъ посылалъ маіора Руммеля [1]), моего квартирмейстера, для руководства отступленіемъ, и видѣлъ, какъ этотъ храбрый офицеръ мчался галопомъ среди турокъ. Наконецъ, я замѣтилъ, что янычары, двигавшіеся изъ деревни Дерикіой, собирались все въ большемъ и большемъ числѣ, и что мнѣ осталась только одна минута, чтобы спасти мое каре мингрельцевъ. Тогда я рѣшилъ атаковать турокъ моей кавалеріей и приказалъ генералу Гамперу съ двумя эскадронами Смоленскихъ драгунъ, подъ командой маіора Степанова, произвести атаку съ моего праваго фланга, а графу Мантейфелю съ Петербургскимъ драгунскимъ полкомъ и маіоромъ Гавеномъ съ 4-мя пушками броситься съ лѣваго фланга.

Произведенной атакой турки были совершенно разбиты, и Мингрельскій полкъ снова занялъ мѣсто среди моихъ войскъ, которыя я тутъ же устроилъ.

Вскорѣ я снова былъ атакованъ со всѣхъ сторонъ, при чемъ турки выставили шесть 6-ти фунт. пушекъ, которыя и поражали мой фронтъ. Если бъ у меня были хоть четыре 12-ти фунт. пушки, я бы ихъ заставилъ замолчать, но турецкія 6-ти фунт. пушки стрѣляли почти въ три раза дальше, чѣмъ наши.

Было два часа; сраженіе длилось съ 7 часовъ утра, когда, наконецъ, графъ Сергѣй, проснувшись отъ своей летаргіи, прислалъ мнѣ 10 эскадроновъ Ольвіопольскаго гусарскаго полка, съ генераломъ

---

[1]) 1827 г. Руммель былъ пруссакъ, изъ числа тѣхъ достойныхъ патріотовъ, которые оставили свое отечество, когда оно подпало деспотичному Наполеону. Многіе изъ этихъ офицеровъ перешли на русскую службу. Руммель состоялъ въ моемъ вѣдѣніи до конца кампаніи и былъ мнѣ очень полезенъ; это хорошій и храбрый офицеръ; теперь онъ въ Пруссіи—генералъ-маіоръ.

При главной квартирѣ ген. Каменскаго былъ еще одинъ пруссакъ, по фамиліи Валентини (онъ тоже теперь въ Пруссіи генералъ-маіоръ).

Валентини написалъ исторію 1810 и 1811 годовъ; въ его трудѣ встрѣчается много ошибокъ въ событіяхъ и, главнымъ образомъ, въ именахъ, но въ общемъ эта работа хорошо написана и говоритъ о талантѣ ея автора.

Дехтеревымъ и полковникомъ Козловскимъ, которые прискакали ко мнѣ чуть не въ карьеръ. Я ихъ поставилъ во вторую линію.

Нѣкоторое время спустя, къ моему лѣвому флангу прибыли также генералъ Инзовъ съ Кіевскимъ и Ярославскимъ полками и генералъ Степанъ Рѣпнинскій съ Тираспольскими драгунами. Въ то же время, съ другой стороны, подошелъ Куринскій полкъ. Тогда я приказалъ произвести общую атаку, но турки не дождались ея и обратились въ бѣгство съ такой быстротой, что наши казаки съ трудомъ могли догнать нѣсколькихъ отставшихъ [1]).

Графъ Николай Каменскій былъ очень опечаленъ поведеніемъ своего брата въ этомъ дѣлѣ. Онъ отдалъ полную справедливость генераламъ и войскамъ, бывшимъ подъ моимъ начальствомъ, и роздалъ намъ заслуженныя награды.

Я получилъ Георгіевскій крестъ 3-ей степени, всѣ другіе генералы также были награждены; солдатамъ было роздано 36 Георгіевскихъ крестовъ. Храбрый Собіевскій былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, такъ же, какъ и полковникъ Крымскаго полка Баумгартенъ.

Мои потери были гораздо меньше, чѣмъ я могъ предполагать. Выбыло изъ строя до 500 человѣкъ, потери же турокъ были гораздо значительнѣе, особенно много они потеряли офицеровъ.

Графъ Каменскій, опасаясь новой вылазки турокъ, приказалъ мнѣ остаться въ Дерикіоѣ, отмѣнивъ передвиженіе въ Разградъ. Я ему доложилъ, что у меня только 2.300 ч., а что ночью турки могутъ собраться въ дремучихъ лѣсахъ, находящихся за моимъ правымъ флангомъ, и занять Джумайскую и даже Разградскую дороги, въ тылу моего фронта, и сдѣлавъ на меня на разсвѣтѣ нападеніе, конечно лучше соображенное, чѣмъ произведенное 8-го іюля, заставятъ меня отступить съ моей позиціи.

Я просилъ его дать мнѣ еще хоть два баталіона и 6 двѣнадцатифунт. пушекъ, но онъ не согласился исполнить мою просьбу изъ-за нежеланія мѣнять отданную диспозицію.

Онъ сформировалъ изъ своей арміи (какъ онъ называлъ свои

---

[1]) Ахметъ разсказывалъ мнѣ потомъ, что ему ничего не оставалось больше дѣлать, какъ участвовать въ битвѣ для того, чтобъ удовлетворить янычаръ и войска, прибывшія недавно изъ Анатоліи и желавшія помѣриться силами съ нами. Но другіе турки, болѣе искренные, говорили, что ихъ намѣреніе было выбить меня изъ моей позиціи, занять ее и укрѣпиться. Они не могли надѣяться осуществить свои намѣренія, когда въ 7 верстахъ отъ нихъ находилось 20.000 русскихъ, но, при нерѣшительности и трусливости графа Сергѣя, можно было предполагать, что, если бы я отступилъ, турки утвердились бы тамъ прочно, и тогда ихъ нельзя было бы легко одолѣть тамъ.

20.000 человѣкъ) 5 корпусовъ подъ начальствомъ генераловъ: Маркова, Левиса, Цецирова, князя Долгорукова и Войнова, не считая при этомъ авангарда Сабанѣева. По отношенію ко мнѣ, онъ ограничился только тѣмъ, что каждый вечеръ присылалъ по 2 или по 3 баталіона, которые располагались бивакомъ около лагеря, а на утро уходили [1]).

Наконецъ, 21-го іюля, я получилъ приказаніе отъ графа Николая немедленно выступить въ Разградъ. Если бы я получилъ это приказаніе двумя днями позже, то имѣлъ бы случай вновь отличиться, но этимъ случаемъ воспользовался князь Долгорукій, прибывшій со своимъ корпусомъ замѣнить меня.

22-го іюля я расположился по Разградской дорогѣ, а генерала Иловайскаго выдвинулъ въ авангардъ, въ д. Араткино, въ 5 верстахъ отъ меня. Въ продолженіе 12-ти дней я былъ совершенно спокоенъ. Мы размѣстились въ прекрасныхъ и удобныхъ домахъ; мои солдаты получали хорошее продовольствіе и ничего не дѣлали, что было очень пріятно послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ палаткахъ, во время ужасной жары.

26-го іюля, получивъ донесеніе, что турки собираются въ Джумаѣ и заготовляютъ тамъ запасы, я послалъ графа Мантейфеля, генер. Слеттера и полковн. Собіевскаго подъ начальствомъ генерала Иловайскаго, чтобы разсѣять ихъ сборища и овладѣть ихъ запасами.

Иловайскій прибылъ въ Джумаю 27-го, на разсвѣтѣ, никѣмъ не замѣченный, и каково было мое удивленіе, когда я узналъ, что мой другъ Емикъ-Оглы, о присутствіи котораго тамъ я и не подозрѣвалъ, такъ былъ озадаченъ нашимъ появленіемъ, что совершенно потерялъ голову и, бросивъ все свое имущество, съ трудомъ спасся въ одной рубашкѣ [2]).

---

[1]) Во время пребыванія графа Сергѣя Каменскаго передъ Шумлой, въ одномъ изъ фонтановъ былъ найденъ кусокъ мыла. Графъ поднялъ большой шумъ изъ-за этой находки и публично объявилъ, что турки отравляютъ воду. Я взялъ это мыло и, осмотрѣвъ его, увидѣлъ, что оно было завернуто въ клочекъ бумаги, исписанной по-русски, и заключилъ изъ этого, что оно по-просту принадлежало одному изъ нашихъ солдатъ, который, стирая свое бѣлье, уронилъ его въ фонтанъ.

Вся армія много смѣялась надъ графомъ Сергѣемъ и его кускомъ мыла.

[2]) Среди плѣнниковъ находился одинъ турокъ, по имени Османъ: ему было всего 14 лѣтъ, онъ былъ очень красивъ и служилъ секретаремъ у Емикъ-Оглы. Ко мнѣ его привели раненымъ и раздѣтымъ; я велѣлъ одѣть его и оставилъ у себя до конца войны. Въ 1811 г. я взялъ его съ собой въ Петербургъ, гдѣ онъ прекрасно былъ принятъ вездѣ. Въ Гатчинѣ къ нему очень ласково отнеслись Императрица, великіе князья и великія кня-

Сраженіе подъ Шумлой 23 іюля.

По занятіи нами Джумаи, городъ былъ разграбленъ и сожженъ; добыча получилась огромная, солдаты наши сильно обогатились на счетъ непріятеля, да и начальники ихъ также не позабыли себя.

Но я былъ обманутъ, въ Джумаѣ не было ни сбора войскъ, ни магазиновъ. Это былъ единственный эпизодъ во время пребыванія моего въ Разградѣ, тогда какъ въ Шумлѣ четыре дня назадъ произошло болѣе важное событіе. Турки, получивъ новыя подкрѣпленія изъ Константинополя и изъ Азіи, снова вышли изъ Шумлы и расположились лагеремъ на четырехъ небольшихъ укрѣпленныхъ возвышенностяхъ, находящихся передъ деревней Страдоса по Силистрійской дорогѣ.

23-го іюля, они атаковали графа Сергѣя, который, послѣ отъѣзда главнокомандующаго, занялъ прекрасный лагерь, также по Силистрійской дорогѣ, въ 8-и верстахъ отъ Шумлы, на большой равнинѣ, окруженной лѣсами. Позади него расположена была деревня Сермусъ, а впереди простиралось совершенно ровное поле, заканчивающееся глубокимъ оврагомъ. Передъ этимъ оврагомъ, вправо отъ Большого Кургана, о которомъ я уже говорилъ, былъ расположенъ авангардъ Сабанѣева, въ составѣ: его 7-го егерскаго полка, 6-го егерскаго, подъ начальствомъ графа Сенъ-При, 3-хъ полковъ казаковъ и 12 донскихъ пушекъ. Кромѣ того, въ распоряженіи графа Сергѣя находилось 55 эскадроновъ, 36 двѣнадцати-фунтовыхъ конно-артиллерійскихъ орудій и 9 полковъ казаковъ, всего до 2.000 ч., которыхъ было вполнѣ достаточно, чтобы побить 100.000 турокъ въ открытомъ полѣ. Марковъ былъ на правомъ флангѣ, Левисъ на лѣвомъ, Войновъ въ 5-ти верстахъ отъ лѣваго, а князь Долгоруковъ въ Дерикіоѣ, на той позиціи, которую занималъ я.

гини. Этотъ молодой человѣкъ, обладая многими достоинствами, привязался ко мнѣ изъ благодарности и внушилъ къ себѣ такое довѣріе, что я уже не разставался съ нимъ во всю кампанію 1811 года. Онъ всегда былъ верхомъ подлѣ меня, готовый защищать меня въ случаѣ необходимости, даже отъ своихъ соотечественниковъ.

Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы склонить его принять христіанство и остаться въ Россіи, но онъ ни за что не хотѣлъ согласиться и, какъ только былъ заключенъ миръ, онъ въ тотъ же день пришелъ ко мнѣ и, ставъ на колѣни, со слезами благодарилъ меня за мое доброе отношеніе къ нему, а затѣмъ уѣхалъ къ себѣ на родину.

1827 г. Впослѣдствіи онъ сдѣлался аташе при Рейсъ-Эффенди-Гамидѣ, а когда послѣдній сдѣлался великимъ визиремъ, онъ назначилъ Османа въ Малую Азію.

Съ разсвѣтомъ турки двинулись на Сабанѣева, который немедленно донесъ объ этомъ движеніи графу Сергѣю, а этотъ послѣдній, хотя и прибылъ вскорѣ къ нему, но ограничился лишь общимъ обзоромъ, а затѣмъ уѣхалъ и больше уже не возвращался.

Около 7 часовъ Сабанѣевъ самъ двинулся на турокъ, которые, имѣя во главѣ все того же Браиловскаго Ахмета, произвели очень удачную атаку, заняли Большой Курганъ и окружили каре егерей, защищавшихся съ большой храбростью.

Въ это время къ Сабанѣеву прибыли на помощь отъ графа Сергѣя: князь Хованскій со своимъ Днѣпровскимъ полкомъ; отъ Маркова сначала прибылъ Ливонскій драгунскій полкъ (остальные кавалерійскіе полки, отправивъ очень далеко большую часть своихъ лошадей на фуражировку, могли собраться только черезъ два или три часа, послѣ начала сраженія), а затѣмъ и самъ Марковъ, со всей своей пѣхотой и артиллеріей, расположившись немного позади авангарда.

Генералъ Инзовъ, командовавшій лѣвымъ корпусомъ, вмѣсто заболѣвшаго Левиса, выдвинулъ впередъ два баталіона Фанагорійскаго полка, одинъ — Нарвскаго и два эскадрона Сѣверскаго, остальныя войска корпуса построились передъ лагеремъ. Янычары заняли лѣса и кустарники, находящіеся впереди и вправо нашего фронта; конница ихъ нѣсколько разъ бросалась въ атаку на нашъ авангардъ, но отбиваемая огнемъ пѣхоты, въ свою очередь, была атакована Ливонскимъ и Ольвіопольскимъ полками и казаками—Платова 5-го, Сулимова 9-го, Мельникова 5-го и Иловайскаго 5-го, 10-го и 11-го. Въ этомъ дѣлѣ всѣ эти полки покрыли себя славою, а Ливонскіе драгуны ходили въ атаку 5 разъ; во время же преслѣдованія, когда огонь янычаръ сталъ слишкомъ губительнымъ для нихъ, полковникъ Рыковъ спѣшилъ одинъ эскадронъ, который штыками прогналъ непріятеля...

Иловайскій 5-ый, страдавшій ревматизмомъ и черезъ это не успѣвшій одѣться, атаковалъ въ одной рубашкѣ, во главѣ своихъ казаковъ. Онъ, генералъ Дехтеревъ (раненый въ плечо выстрѣломъ изъ пистолета), полковники: Хитровъ, Хомаровъ и генералы Сенъ-При и Сабанѣевъ—выиграли это сраженіе, въ которомъ гр. Сергѣй не принималъ никакого участія (оставаясь въ 5 верстахъ позади). Всѣ распоряженія были составлены Марковымъ, который фактически и командовалъ всѣмъ, но участвовали въ сраженіи только тѣ лица, которыя мною выше поименованы. Дѣйствія ихъ были такъ энергичны и разумны, что послѣ 5-ти часового ожесточеннаго боя, турки были совершенно разбиты и обращены въ бѣгство, несмотря на сильный огонь ихъ девятнадцати орудій, которыя, впрочемъ, наша артиллерія заставила замолчать.

Я ужасно сожалѣлъ, что не былъ въ Дерикіоѣ въ то время, когда представлялся прекрасный случай такъ ясно и легко воспользоваться наличными обстоятельствами; исполненіе долга своего я даже не считалъ бы большой заслугой. Дерикіойскій отрядъ долженъ былъ быстро направиться впередъ, на лѣвый флангъ турокъ и, если бъ они рѣшились атаковать, то отрѣзать ихъ отъ ихъ лагеря и занять его; тогда вся турецкая конница принуждена была бы ускакать на свой правый флангъ, гдѣ она встрѣтила-бы спѣшно двигавшагося генерала Войнова. Вся пѣхота была бы разбита, а пушки взяты.

Но Долгоруковъ не могъ исполнить подобнаго маневра, на который его также никакъ не могли склонить ни генералъ Ансельмъ, ни полковникъ Ловконкинъ.

Онъ двинулся къ лѣвому флангу, расположился за корпусомъ Маркова, но не принялъ рѣшительно никакого участія въ сраженіи. Конечно, онъ это дѣлалъ не по невѣдѣнію, потому что многіе давали ему этотъ совѣтъ, да и движеніе уже было ясно обозначено, какъ я сказалъ раньше, а просто не хотѣлъ идти въ бой, опасаясь послѣдствій. Въ концѣ концовъ, изъ желанія оправдать себя, согласился, что его поступокъ былъ предательскимъ, такъ какъ онъ не хотѣлъ трудиться ради славы Маркова.

Между тѣмъ, турки, въ большомъ безпорядкѣ, перешли ручей, у котораго былъ расположенъ ихъ лагерь, а Марковъ и Сабанѣевъ преслѣдовали ихъ до подножья горъ.

Затѣмъ, большая часть турокъ бросилась бѣжать въ городъ, и представился отличный моментъ — на ихъ плечахъ ворваться въ Шумлу, но графъ Сергѣй отдалъ приказаніе отступать. Турки въ своемъ донесеніи, напечатанномъ во французскихъ газетахъ, хвастались будто-бы одержанной побѣдой, повидимому основанной на томъ, что гр. Сергѣй отступилъ на Силистрію; но это было сдѣлано только въ виду намѣренія турокъ произвести новое нападеніе, о которомъ зналъ гр. Сергѣй. На самомъ-же дѣлѣ турки были разбиты и въ этомъ безцѣльномъ сраженіи они потеряли около 2.000 человѣкъ и 40 знаменъ.

Безъ сомнѣнія Назиръ не могъ хвастаться, что онъ съ 2.000 турокъ побилъ такое же число русскихъ; у него было всего 18 пушекъ, а у русскихъ 100—это сраженіе было однимъ хвастовствомъ съ его стороны. Результаты сраженія были бы еще губительнѣе для турокъ, если бъ Долгоруковъ дѣйствовалъ правильно.

Генералъ Войновъ, истинно боевой генералъ, прибылъ со своей кавалеріей подъ начальствомъ графа Строганова, совершенно вовремя, чтобы принять участіе въ дѣлѣ; пѣхота же его, подъ коман-

*

дой Палицына, всегда стремившагося избѣгать сраженія, осталась позади. Переходъ черезъ ручей задержалъ этого важнаго генерала, который, въ 5-ти верстахъ отъ непріятеля, построилъ каре, и въ такомъ боевомъ строѣ могъ двигаться только очень медленно.

Всего русскіе потеряли 700 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ.

Графъ Сергѣй получилъ Александровскую ленту за это дѣло, при которомъ даже не присутствовалъ. Марковъ же, главный руководитель сраженія, не получилъ ничего. Всѣ командиры полковъ, какъ участвовавшіе въ бою, такъ и не бывшіе въ огнѣ, получили награды, какъ и всѣ адъютанты и состоявшіе въ свитѣ корпуса графа Сергѣя, находившіеся въ 5-ти верстахъ отъ мѣста сраженія.

Марковъ, имѣвшій право быть недовольнымъ и не скрывавшій никогда своихъ мыслей, не пожалѣлъ графа Сергѣя, для котораго, впрочемъ, всѣ подобныя нападки рѣшительно были безразличны.

Получивъ свѣдѣнія, что турки собираются въ Бѣлѣ, расположенной въ 40 верстахъ отъ моего праваго фланга, и укрѣпляютъ ее, я приказалъ рекогносцировать всѣ дороги и хотѣлъ произвести нападеніе, но, получивъ приказаніе отъ графа Николая, отмѣнилъ свои распоряженія.

Приступъ къ Рущуку 26-го іюля.

Главнокомандующій прибылъ въ Рущукъ 9-го іюля и тутъ же, въ полѣ, измѣнилъ диспозицію по осаднымъ войскамъ, которыхъ оказалось болѣе 10.000 человѣкъ.

Бывшій главнымъ начальникомъ осады, генералъ Зассъ, сталъ тогда четвертымъ по старшинству. Уваровъ былъ назначенъ начальникомъ лѣваго фланга, Эссенъ центра, а Зассъ праваго фланга. Свою главную квартиру графъ Каменскій расположилъ на холмѣ, возвышающемся надъ морской равниной. Генералъ Олсуфьевъ, прибывшій къ этому времени изъ Яссъ, также получилъ командованіе, а генералъ Ермоловъ остался передъ Журжевомъ.

12-го іюля графъ Каменскій приказалъ выстроить батареи въ головѣ сапы, въ 60 футовъ отъ вала, и начать бомбардировать городъ со всѣхъ сторонъ.

Въ тотъ же день генералъ-маіоръ Бахметьевъ съ полками: Сибирскимъ и 29-мъ егерскимъ, съ 4-мя эскадронами Александрійскихъ гусаръ и однимъ полкомъ казаковъ, выступившій наканунѣ противъ турокъ, двигавшихся изъ Систова на подкрѣпленіе Рущука, въ числѣ до 3.000 чел., перешелъ рѣку Янтру, у деревни Чеускіой и, на равнинѣ, по ту сторону ручья, атаковалъ и разбилъ ихъ.

Въ этомъ дѣлѣ князь Мадатовъ съ однимъ эскадрономъ Алексан-

дрійскихъ гусаръ взялъ одну пушку. Бахметьевъ потерялъ около 50-и человѣкъ, а турки болѣе 300-тъ.

22-го іюля графъ Каменскій приказалъ генералу Кульневу атаковать городъ Бѣлу, назначивъ ему его гусарскій полкъ, артиллерію и четыре баталіона пѣхоты.

Этотъ любимецъ графа не имѣлъ того успѣха въ Бѣлѣ, какъ Сабанѣевъ въ Разградѣ.

Бѣла лежитъ на лѣвомъ берегу Янтры и сама по себѣ не была укрѣплена, но ее окружали нѣсколько редутовъ.

Кульневъ, не произведя никакой рекогносцировки, углубился въ лѣса, находящіеся на правомъ берегу этой рѣчки, гдѣ произошла довольно живая перестрѣлка, въ которой 14-ый егерскій полкъ, прибывшій изъ Разграда, потерялъ довольно много людей.

Затѣмъ, Кульневъ рѣшилъ атаковать городъ съ фронта, перейдя рѣку въ бродъ, но при этомъ Шлиссельбургскій полкъ потерялъ 70 человѣкъ и атака не удалась.

Если бы Кульневъ перешелъ рѣку (легко переходимую во многихъ мѣстахъ) ниже или выше Бѣлы, и если бъ онъ обошелъ городъ, онъ бы его легко могъ занять, но онъ избралъ невѣрное направленіе для атаки, понесъ значительныя потери и отступилъ на Красный.

Всѣ эти экспедиціи вызывались самыми ничтожными причинами, но онѣ были очень удобны для раздачи наградъ офицерамъ, что̀ именно и было желательно.

Въ тотъ же день, 22-го іюля, генералъ Уваровъ занялъ островъ на Дунаѣ немного выше Слободзеи [1]).

Между тѣмъ графъ Каменскій, проникнувшись убѣжденіемъ въ трудности взятія такого города, какъ Рущука, медленной осадой, и вмѣсто того, чтобы избрать пунктъ атаки и заставить городъ сдаться въ 15—20 дней, рѣшилъ назначить приступъ, который для насъ могъ быть очень гибельнымъ, если онъ не удастся, и очень дорого стоющимъ, если бъ даже и удался.

Его нетерпѣніе, обычная торопливость, желаніе окончить эту безконечную осаду, а также и въ одинъ моментъ возстановить свою, уже поколебленную при Шумлѣ репутацію, стремленіе возвыситься въ общественномъ мнѣніи и мнѣніи Государя, а также, можетъ быть, и желаніе получить орденъ св. Георгія 1-ой степени, необдуманные совѣты Фредерици и не совсѣмъ безкорыстные Гартинга, который видѣлъ, что ему не выйти изъ этого лабиринта, куда завело его упрямство и слабыя свѣдѣнія, надежда, что если даже приступъ не будетъ

[1]) Тотъ самый, черезъ который турки совершили переходъ, оказавшійся для нихъ такимъ гибельнымъ.

имѣть полнаго успѣха, то по крайней мѣрѣ, можно будетъ занять валы и, такимъ образомъ, добиться сдачи города. Всѣ эти соображенія, всѣ эти желанія и всѣ эти мелкіе интересы стоили намъ жизни 8.000 человѣкъ.

Уже рѣшенный приступъ все-таки запоздалъ на нѣсколько дней, а такъ какъ у графа Каменскаго ничего не было тайной и всѣ его распоряженія были извѣстны всему лагерю, гдѣ постоянно торчали греки, армяне и валахи—люди очень подозрительные и скорѣе преданные туркамъ и Бухаресту, чѣмъ намъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что Боснякъ уже заранѣе былъ увѣдомленъ не только о состоявшемся планѣ приступа, но и о способѣ его исполненія. Одна изъ ошибокъ со стороны нашихъ была въ томъ, что они не разузнали о глубинѣ рва крѣпостныхъ верковъ; вещь невозможная!

Генералъ Гартингъ предполагалъ, что ровъ былъ очень неглубокъ, но на самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 4 саж. глубины, а въ остальныхъ не менѣе трехъ; при этомъ, стѣны его были совершенно отвѣсны, и потому не было никакой возможности забраться на валы безъ лѣстницъ. Необходимо было, чтобъ лѣстницы имѣли 7 саженъ вышины, но тогда какимъ образомъ ихъ перенести и установить?

Изъ всѣхъ военныхъ операцій вообще, а съ турками въ особенности—приступъ—это самое рискованное предпріятіе. Приступъ опасенъ туркамъ еще и потому, что турки умѣютъ защищать свои укрѣпленія лучше, чѣмъ всякая другая нація, и прекрасно владѣютъ холоднымъ оружіемъ.

Затѣмъ, обращаетъ на себя вниманіе—это неправильное соотношеніе численности войскъ.

Въ то время, какъ у графа Каменскаго было только 17.000 штыковъ, у турокъ было по крайней мѣрѣ 15.000 человѣкъ. Намъ нельзя было атаковать непріятельскую армію со стороны Дуная, какъ мы это сдѣлали подъ Измаиломъ въ 1790 году, хотя входъ въ эту рѣку и былъ открытъ для насъ, но тутъ стояло нѣсколько хорошо вооруженныхъ судовъ, въ числѣ которыхъ находились 5 баркасовъ, взятыхъ у насъ. Вообще, взятіе крѣпости приступомъ представлялось не только сомнительнымъ, но и безполезнымъ.

Никогда не нужно на войнѣ начинать неувѣренныя предпріятія, когда можно обойтись безъ нихъ и когда они не становятся необходимыми вслѣдствіе обстоятельствъ [1]). Этотъ приступъ былъ большой

---

[1]) Суворовъ, извѣстный на войнѣ, какъ геніальный человѣкъ, а главное—прекрасно знающій духъ солдатъ, наканунѣ штурма Измаила, велѣлъ сдѣлать соломенные манекены, одѣть ихъ въ турецкое платье и, давъ имъ

ошибкой и неосторожностью; а потому и имѣлъ очень печальные результаты. Это былъ, какъ второй томъ Браиловскаго приступа!

Для штурма Рущука войска были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Правый флангъ:

Генералъ-лейтенантъ Зассъ.

1-ая колонна—генер.-маіоръ Сандерсъ.

два баталіона 27-го егерскаго полка.

два „ 29-го „ „

2-ая колонна—генералъ-маіоръ Ушаковъ.

два баталіона Украинскаго полка.

два „ Колыванскаго „

два „ Одесскаго „

Резервъ—генералъ-маіоръ Гартингъ.

два баталіона Малороссійскаго полка.

два „ Якутскаго „

два „ Воронежскаго „

Съ флотиліей—одинъ баталіонъ Алексопольскаго полка.

Кавалерія—5 эскадроновъ Переяславскаго полка.

300 казаковъ Мелентьева.

Въ центрѣ—1-ый отрядъ—генер.-лейтенантъ Олсуфьевъ.

1-ая колонна—ген.-маіоръ Хитрово.

2 баталіона Нижегородскаго полка.

2 „ Выборгскаго „

Резервъ—ген.-маіоръ князь Михаилъ Вяземскій.

2 баталіона Архангелогородскаго полка.

2 „ Камчатскаго „

въ руки сабли, разставилъ ихъ на искусственномъ валу, за рвомъ, въ самыя угрожающія позы. Онъ приказалъ нѣсколько разъ штурмовать этотъ валъ, чтобы пріучить войска умѣть владѣть лѣстницами, спускаться по нимъ въ ровъ и взбираться на верхъ. Надъ этой выдумкой смѣялись, но Суворовъ зналъ лучше, въ чемъ дѣло, нежели тѣ, которые надъ нимъ подсмѣивались.

Нужно непремѣнно сначала выучить солдатъ тому, что отъ нихъ потребуется: Въ 1811 году у меня подъ командой находился Бѣлостокскій полкъ; прекрасный полкъ, но никогда не участвовавшій въ войнахъ съ турками.

Наканунѣ Рущукскаго сраженія, я приказалъ 2 кавалерійскимъ и одному казачьему полкамъ окружить его и атаковать врассыпную, по манерѣ турокъ, съ криками и выстрѣлами изъ пистолетовъ. Я доказалъ моимъ солдамъ, что ничего нѣтъ безопаснѣе, какъ подобная конная атака, когда только ея не боятся. Эта комедія ихъ очень забавила, и на другой день Бѣлостокскій полкъ, окруженный атаковавшими его турками, выказалъ большую твердость.

Кавалерія—полкъ казаковъ Астахова.

2-ой отрядъ—генер.-маіоръ Эссенъ I-й.

1-ая колонна генер.-маіоръ князь Василій Вяземскій.

2 баталіона Апшеронскаго полка.

2 „ Охотскаго „

2 „ 15-го егерскаго „

Резервъ—генер.-маіоръ Спядинъ.

2 баталіона Шлиссельбургскаго полка.

2 „ Старо-Ингерманландскаго полка.

Кавалерія—5 эскадроновъ Кинбургскихъ драгунъ.

Лѣвый флангъ—генер.-маіоръ Уваровъ.

1-ая колонна—генер.-маіоръ Бахметьевъ.

2 баталіона Сибирскаго полка.

2 „ 25-го егерскаго полка.

1 „ Вятскаго „

Резервъ—генер.-маіоръ князь Щербатовъ.

2 баталіона Костромского полка.

1 „ Вятскаго „

Кавалерія—5 экскадроновъ Тверскихъ драгунъ.

200 казаковъ Мельникова.

Въ ночь съ 25-го на 26-ое іюля, войска собрались передъ лагерями и до разсвѣта выступили впередъ. Всѣ колонны прибыли ко рву почти въ одно время, и раньше, чѣмъ турки успѣли замѣтить какія-либо наши приготовленія, войска успѣли разставить лѣстницы.

Несомнѣнно, что турки знали о готовившемся штурмѣ, но имъ было приказано показаться только по данному сигналу. Русскіе офицеры, изъ которыхъ погибло по крайней мѣрѣ двѣ трети, выказали въ этомъ случаѣ много геройства, достойнаго болѣе счастливой судьбы; они первыми взобрались на валы, слѣдуя одинъ за другимъ, такъ какъ лѣстницы оказались слишкомъ короткими, но къ сожалѣнію за ними не послѣдовали солдаты. Нужно признаться, что въ этомъ приступѣ, такъ же какъ и въ Браиловскомъ, солдаты 1809 и 1810 гг. не выказали себя такими горячими, какъ солдаты 1788 и 1790 годовъ при Очаковѣ и Измаилѣ. Только нѣсколько, и то въ очень небольшомъ числѣ, послѣдовали за своими офицерами на валы.

Маіоръ Чекмаревъ, Сибирскаго полка, вошелъ въ городъ съ 50 солдатами, но, никѣмъ не поддержанный, былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ со всѣми своими гренадерами. Въ остальныхъ колоннахъ солдаты кинулись въ ровъ и остались тамъ, какъ примерзшіе къ лѣстницамъ, ни подымаясь, ни спускаясь на нихъ.

Рущукскій валъ, какъ валы всѣхъ турецкихъ крѣпостей, очень

широкій и обставленъ по сторонамъ небольшими турами, между которыми засѣвшіе турки открыли убійственный огонь.

Всѣ были на своихъ постахъ, но если бы наши солдаты взобрались на вершину бруствера, они тотчасъ же могли спрыгнуть на барбеты, гдѣ турки не могли бы продержаться ни одной минуты, какъ это, напримѣръ, случилось при штурмѣ Измаила. Но они не исполнили этого и тѣмъ подвергли своихъ офицеровъ погибели.

Если приступъ не удается въ первую четверть часа атаки, его уже можно считать пропавшимъ. Графъ Каменскій долженъ былъ это знать, но онъ, вмѣсто того, чтобы возвратить войска назадъ раньше, чѣмъ было потеряно такъ много людей, велѣлъ двинуть всѣ резервы, и тогда наши потери стали огромны. Мало по малу лѣстницы ломались, ихъ откидывали, и солдаты падали въ ровъ, откуда имъ нелегко было вылѣзть, вслѣдствіе большой глубины рва.

Турки воспользовались несчастнымъ положеніемъ нашихъ, открыли въ нихъ съ высоты валовъ убійственный огонь, и вскорѣ весь ровъ былъ наполненъ трупами несчастныхъ солдатъ и офицеровъ. Почти всѣ начальники колоннъ и командиры полковъ были убиты или ранены. Графъ Сиверсъ [1]), Украинскаго полка подполковникъ Харитоновъ, Вятскаго полка князь Мещерскій, Одесскаго—Диретовъ, Набоковъ, Старо-Ингерманландскаго—Марковъ и еще множество другихъ погибло въ этомъ мѣстѣ. Между ними также было два волонтера: камергеры Пашковъ и Смирновъ. Генералы—Бахметьевъ, князь Щербатовъ, Корниловъ, Кукуринъ, полковники: Владекъ, Чебышевъ, Скаявскій, подполковникъ—Ахтъ и 40 другихъ офицеровъ выбыли изъ строя въ этомъ несчастномъ сраженіи.

Только около полудня, наконецъ, прекратился огонь и можно было сказать, что сраженіе прекратилось вслѣдствіе недостатка сражающихся. 6.000 человѣкъ лежали во рву, а 2.000 опасно раненыхъ были перенесены въ лагерь, гдѣ всѣ были ужасно подавлены и полны отчаянія.

Если бы Боснякъ сумѣлъ воспользоваться этимъ моментомъ и, обладая большей храбростью и умомъ, рѣшился бы на общую вылазку, то не было бы никакого сомнѣнія, что она удалась бы. Онъ могъ бы очень легко овладѣть нашей артиллеріей, находившейся въ

---

[1]) Графъ Сиверсъ, уже раненый и имѣя 5 или 6 пуль въ своей одеждѣ, явился къ графу Каменскому, находившемуся въ траншеяхъ, сказать, что приступъ не удался и что надо отступать. Его словамъ можно было повѣрить, потому что во всей арміи не было болѣе храбраго и смѣлаго человѣка, но графъ Каменскій, ко всѣмъ своимъ несправедливостямъ къ этому офицеру, прибавилъ еще новую, принявъ его крайне сухо и отославъ его обратно на приступъ, гдѣ тотъ и погибъ.

траншеяхъ и лишенной защиты вслѣдствіе массы раненыхъ; очень возможно, что ему удалось бы захватить и главную квартиру, тѣмъ болѣе, что турки не потеряли и 100 человѣкъ. Онъ могъ свободно вывести изъ крѣпости 10.000 чел. Наши не раненые солдаты, число которыхъ не превосходило 5.000 человѣкъ, были заняты уборкою искалѣченныхъ товарищей и они были безоружны, а наша кавалерія не могла дѣйствовать среди садовъ и виноградниковъ. Всѣ аванпосты были сняты, батареи пусты, и никого нельзя было собрать для разстановки сторожевыхъ постовъ, такъ какъ ни въ Вятскомъ, ни въ Костромскомъ, ни въ Сибирскомъ, ни въ Малороссійскомъ, ни въ Нижегородскомъ, ни въ Украинскомъ, ни въ Колыванскомъ, ни въ Одесскомъ, ни въ Выборгскомъ, ни въ Ново-Ингерманландскомъ, ни въ Апшеронскомъ, ни въ 13-мъ, 27-мъ, 28-мъ, 29-мъ и 32-мъ егерскихъ полкахъ—не было больше офицеровъ, а во многихъ другихъ полкахъ можно было собрать только по 80 человѣкъ солдатъ.

Боснякъ оказался недостойнымъ той репутаціи храбреца, которую онъ пріобрѣлъ, тогда какъ графъ Каменскій выказалъ много твердости, несмотря на полную неудачу, отчаяніе и опасности. Онъ все-таки не отступилъ ночью, какъ сдѣлали бы, можетъ быть, на его мѣстѣ многіе изъ генераловъ. Онъ приказалъ вывести войска изъ траншей и укрѣпленій, отвелъ ихъ назадъ и, оцѣпивъ кавалеріей, спѣшно сталъ собирать отряды со всѣхъ сторонъ.

Такимъ образомъ, Боснякъ пропустилъ моментъ и теперь уже не смѣлъ ничего предпринимать.

Во всѣхъ этихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, генералы дѣйствовали съ большимъ мужествомъ. Зассъ, Эссенъ, Олсуфьевъ [1]) сдѣлали рѣшительно все, что отъ нихъ зависѣло. Уваровъ отличился меньше другихъ и увѣрялъ, что онъ сильно контуженъ, хотя пуля ударила только въ дерево, о которое онъ оперся. Черезъ годъ онъ все еще жаловался на эту контузію, которая не сдѣлала никакого эффекта въ арміи. Съ этихъ поръ, когда какой-нибудь офицеръ говорилъ, что онъ контуженъ, его всегда спрашивали—не по-Уваровски ли?

Во время приступа, среди войскъ, очутился одинъ армянскій монахъ, по имени Григорій, большой другъ Манукъ-Бея и, въ то же время, очень дурной человѣкъ, который такъ же, какъ и Уваровъ, былъ контуженъ. Офицеры, считавшіе его за шпіона, хотѣли было попробовать на немъ свои сабли, но подозрѣніе ихъ оказалось ложъ-

[1]) Утромъ онъ получилъ извѣстіе о своей отставкѣ, но это не повліяло на его дѣйствія, и онъ, будучи прекраснымъ человѣкомъ и честнымъ солдатомъ, продолжалъ все также хорошо вести дѣло.

нымъ. Тѣмъ не менѣе, въ войнѣ съ турками надо ограждать свои войска отъ вторженія армянъ, грековъ и валаховъ, какъ весьма неблагонадежнаго элемента.

Надежда на удачу задуманнаго приступа была полнымъ абсурдомъ. Хотя русскіе солдаты, правда, часто дѣлали невозможное [1]), но въ этотъ несчастный день они не оправдали возложенныхъ на нихъ ожиданій. Я думаю, что если бъ нашимъ начальникомъ еще оставался кн. Багратіонъ, то солдаты, быть можетъ, проявили больше выдержки и энергіи. Багратіонъ былъ очень любимъ своими подчиненными; онъ больше раздѣлялъ съ ними опасности, чѣмъ графъ Каменскій; онъ былъ болѣе популяренъ, и къ нему имѣли болѣе довѣрія.

Собранныя въ одну колонну войска, быть можетъ, легче ворвались бы въ городъ, но графъ Каменскій не имѣлъ тѣхъ качествъ, которыя заставляютъ солдатъ любить своего начальника [2]).

Противъ рискованнаго плана, задуманнаго графомъ Каменскимъ— о приступѣ Рущука, можно прибавить, что если бы даже планъ и удался и всѣ турки, конечно, были бы выбиты изъ Рущука, то и тогда мы бы потеряли не меньше народу, чѣмъ погибло во рвахъ крѣпости. Всѣ турецкіе дома окружены высокими стѣнами и садами, представляя настоящія крѣпости, гдѣ можно защищаться до послѣдней возможности, и турки, зная, что они уже не получатъ своихъ жилищъ обратно, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ такъ же дѣйствуютъ со своими врагами, никогда не сдаются. Примѣры: Очаковъ и Измаилъ были уже имъ извѣстны, когда ихъ жены и дѣти, запертыя вмѣстѣ съ ними, сражались, не отставая отъ своихъ мужей и отцовъ, такъ что рѣзня была ужасная.

Для донесенія объ этомъ роковомъ извѣстіи въ Петербургъ, графъ Каменскій отправилъ одного дипломата изъ своей свиты, по фамиліи Блудова, человѣка умнаго и достойнаго. Но несмотря на всѣ тонкости Блудова и старанія его, по просьбѣ графа Каменскаго, сгладить всѣ подробности, истина все-таки была открыта. Государь былъ очень недоволенъ главнокомандующимъ, а публика, какъ въ столицѣ, такъ и въ арміи, была страшно возмущена его распоряженіями. Еще сильнѣе возмущеніе было противъ генерала Гартинга и, конечно, не безъ основанія.

---

[1]) Въ Измаилѣ 16.000 осаждающихъ завладѣли городомъ, имѣя противъ себя только 3.000 защитниковъ. (См. журналъ кампаніи 1790 года).

[2]) Въ началѣ этой кампаніи, государь далъ приказъ разстрѣливать всѣхъ дезертировъ. Это было вполнѣ справедливо, но до сихъ поръ еще не практикуемо въ Россіи. Солдаты были очень недовольны такимъ строгимъ распоряженіемъ и приписали его графу Каменскому.

Государь хотѣлъ наказать полки, оказавшіеся самыми слабыми, и это наказаніе было бы вполнѣ справедливо, но графъ Каменскій упросилъ его не употреблять такихъ строгихъ мѣръ, которыя должны были распространиться на слишкомъ большое число лицъ [1]).

Раненые (изъ которыхъ много умерло въ дорогѣ, вслѣдствіе жары и недостатка ухода) были перевезены въ Бухарестъ. Доктора три дня и три ночи дѣлали операціи и перевязки и такъ утомились, что многіе изъ нихъ сами заболѣли.

Когда графъ Сергѣй узналъ печальную вѣсть о приступѣ, онъ позволилъ себѣ высказать одинъ намекъ, который не дѣлаетъ ему чести. Онъ громогласно сказалъ: „Господи, вѣдь это совсѣмъ иначе, чѣмъ съ нашимъ Базарджикомъ!“

Печальныя извѣстія о приступѣ дошли до меня въ Разградѣ на другой день, 27-го іюля. Графъ Каменскій, отнявшій уже у меня, мало-по-малу, значительную часть моихъ войскъ, потребовалъ у меня высылки еще войскъ, такъ что я остался съ очень малымъ числомъ людей и на такой дурной позиціи, что рисковалъ быть совершенно уничтоженнымъ, если бъ Мухтаръ-Паша, прибывшій изъ Тырнова со своими албанцами, задумалъ бы на меня напасть. Разградъ окруженъ лѣсами, вся мѣстность перерѣзана оврагами, ручейками и поэтому какъ наступленія, такъ и отступленія являются здѣсь весьма затруднительными.

Между тѣмъ, въ виду совершившихся событій, я выработалъ и послалъ графу Каменскому прилагаемый здѣсь планъ, который, хотя онъ и утвердилъ, но исполнилъ совершенно иначе, чѣмъ я предлагалъ.

Планъ военныхъ дѣйствій послѣ неудачнаго приступа Рущука.

Турецкая армія, расположенная около Рущука, состоитъ изъ 25.000 человѣкъ, изъ которыхъ можно располагать только 15.000, но они ожидаютъ подкрѣпленій, которыя и прибываютъ каждый день.

Они ожидаютъ Мухтаръ-Пашу съ четырьмя или пятью тысячами албанцевъ, находящихся теперь въ Тырновѣ и очень скоро могущихъ прибыть въ Шумлу, но тѣмъ не менѣе предполагаютъ, что онъ направится къ Рущуку, какъ только съ нимъ соединятся войска, собравшіяся въ этой части Болгаріи.

Корпуса графа Каменскаго не только достаточно, чтобы остано-

---

[1]) Изъ всѣхъ участниковъ пострадали только трое: генералъ Ушаковъ, полковникъ Брюмеръ и подполковникъ Кутузовъ, Одесскаго, Малороссійскаго и Камчатскаго полковъ; всѣ трое получили отставку.

вить, но даже чтобы и разбить всю турецкую армію въ открытомъ полѣ, но онъ не могъ не только взять Шумлы, но даже отрѣзать дороги на Софію, Адріанополь и на Тырново.

Осада Рущука, хотя и уменьшила численность нашей пѣхоты, но не на столько, чтобъ она не могла блокировать крѣпости, да и блокада эта можетъ продолжаться очень долго. Необходимо только непремѣнно занять Рущукъ и Журжево, чтобы охранять берега Дуная и Валахію, а затѣмъ имѣть возможность двинуться впередъ или, безъ риска опасности, утвердиться на лѣвомъ берегу Дуная, если того потребовали бы политическія соображенія. Черезъ нѣсколько дней несобранная жатва уже не будетъ помощью для турокъ, и весьма возможно, что они, вслѣдствіе недостатка въ продовольствіи, уже не будутъ въ состояніи съ тѣми силами, которыми они располагаютъ въ Шумлѣ, предпринять что-либо серьезное, но они могутъ, оставивъ въ Шумлѣ 10.000 человѣкъ, съ остальными войсками двинуться черезъ Джумаю, по Тырновской дорогѣ къ Рущуку, чтобы спасти этотъ городъ и атаковать осадную армію, теперь ослабленную пѣхотой и могущую также подвергаться нападенію — со стороны Никополя.

Я думаю, что большая часть нашихъ силъ должна быть сосредоточена около Рущука.

Корпусъ въ 12 баталіоновъ, 15 эскадроновъ и въ 3 полка казаковъ будетъ безпокоить правый флангъ непріятеля, а въ случаѣ необходимости можетъ всегда отступить къ Гирсову.

Корпусъ изъ 8-и баталіоновъ и одного казачьяго полка долженъ расположиться передъ Силистріей и, въ случаѣ наступленія изъ Шумлы всей турецкой арміи, войти въ городъ. Но едва-ли возможно предположить, что турки въ такой опустошенной странѣ предпримутъ наступленіе, вслѣдствіе вышесказанныхъ причинъ. Находящійся около Силистріи мостъ долженъ быть перенесенъ къ серединѣ города, а свободные два отряда должны присоединиться къ корпусу графа Каменскаго.

Во всякомъ случаѣ, Разградъ для насъ важнѣйшій пунктъ дотѣхъ поръ, пока Рущукская армія не подкрѣплена.

Оставленный тамъ корпусъ долженъ быть очень силенъ, такъ какъ ему неоткуда ждать помощи. Если же его не возможно будетъ усилить до 10.000 человѣкъ, то нужно, несмотря на его важность, оставить этотъ городъ, послѣ прохода черезъ него всѣхъ войскъ корпуса графа Сергѣя Каменскаго въ Рущукъ. Мнѣ кажется необходимымъ, чтобы онъ прошелъ, какъ можно скорѣй. Онъ можетъ изъ Шумлы, черезъ Разградъ, прибыть въ Рущукъ въ 3 перехода.

Армія, собранная около Рущука и усиленная на 28 баталіоновъ,

42 эскадрона и 7 казачьихъ полковъ, можетъ быть тогда раздѣлена на два корпуса: одинъ для осады, а другой—для наблюденій; этотъ послѣдній корпусъ можетъ быть расположенъ не вдалекѣ отъ города, на открытой мѣстности, откуда можно наблюдать за происходящимъ на Разградской, Тырновской и Никопольской дорогахъ, выдвинувъ отдѣльные наблюдательные отряды.

Мнѣ кажется еще, что по прибытіи ожидаемаго продовольствія, можно было (если только не было надежды заставить Рущукъ вскорѣ сдаться, вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ припасовъ), снова возобновить осаду, продолжать движеніе сапами, устроить переходъ черезъ сухой ровъ и минировать одинъ или два бастіона. Если только удастся ихъ разрушить, городъ непремѣнно долженъ сдаться.

Журжево также должно покориться своей судьбѣ, и тогда всѣ укрѣпленные пункты по теченію Дуная будутъ заняты и обезпечены за нами. Но если всѣ русскія войска останутся еще нѣкоторое время на тѣхъ же мѣстахъ, на которыхъ они находятся теперь, я думаю, что Рущукскій корпусъ будетъ тогда слишкомъ слабъ противъ такого непріятеля.

2-го августа графъ Сергѣй получилъ приказаніе оставить окрестности Шумлы и двинуться на Силистрію со всѣмъ своимъ корпусомъ, исключая Московскаго и Кіевскаго полковъ, которые прибыли ко мнѣ въ Разградъ и двинулись со мной на Рущукъ.

По приказанію, полученному отъ главнокомандующаго, я выступилъ изъ Разграда 4-го августа. Весь корпусъ графа Сергѣя, исключая того, что необходимо было оставить для охраны Силистріи, долженъ былъ, какъ я предлагалъ, двинуться по Разградской дорогѣ, тогда онъ сдѣлалъ бы только 117 верстъ, теперь же ему пришлось пройти 180 верстъ. Это движеніе, произведенное по приказанію генералъ-аншефа, было очень дурно разсчитано, но тѣмъ не менѣе, графъ такъ сильно держался своей идеи, что когда я, увидя его въ Рущукѣ, посовѣтовалъ ему вызвать нѣкоторыя войска изъ Силистріи, онъ мрачно отвѣтилъ мнѣ, что не вызоветъ ни одного человѣка.

Но два дня спустя, увидѣвъ по собиравшимся на Янтрѣ туркамъ, что я правъ, послалъ приказаніе своему брату, форсированнымъ маршемъ идти по отвратительной Туртукайской дорогѣ. Этотъ переходъ (который такъ легко можно было бы избѣжать) былъ очень труденъ. Множество больныхъ было отправлено въ госпитали, а лошади артиллеріи и кавалеріи настолько изнурились непосильнымъ трудомъ, что падали по дорогамъ.

Графъ Сергѣй настолько мало свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ, что всѣ его сужденія вмѣстѣ съ упрямствомъ обыкновенно вели къ вреднымъ послѣдствіямъ. Видя повсюду турокъ, онъ заставлялъ свои

войска въ походѣ двигаться боевымъ порядкомъ, хотя бы они находились въ 100 верстахъ отъ непріятеля. Его кавалерія, какъ въ бою, занимала мѣсто въ колоннахъ, между пѣхотой, что конечно вело къ разстройству ея конскаго состава. Чтобы сдѣлать 20 верстъ, онъ шелъ 15 часовъ въ удушающую жару, не допуская остановокъ въ дорогѣ для приваловъ. Генералъ Сабанѣевъ слишкомъ рѣзкій и откровенный, чтобы скрывать свой образъ мыслей относительно графа Сергѣя, былъ смѣщенъ имъ, а его авангардъ былъ переданъ графу Строганову.

5-го августа я занялъ позиціи въ д. Красной, на рѣкѣ Тами. Деревня Красная очень живописная, расположена въ ущельи, въ 8-ми верстахъ отъ Рущука, по дорогѣ въ Бѣлу, и въ 3-хъ верстахъ отъ этого города. Верстахъ въ 25-ти впереди меня находился генералъ Кульневъ съ новымъ и сильнымъ авангардомъ, особенно усиленнымъ легкой кавалеріей.

Передъ тѣмъ, чтобы совсѣмъ оставить Разградъ, согласно полученнаго приказанія, я окончательно сжегъ его. Та же участь постигла и Арнаутскіой, какъ и всѣ деревушки, лежащія на моей и графа Сергѣя дорогахъ.

Графъ Каменскій сначала тщательно слѣдилъ за сохраненіемъ этихъ деревень, надѣясь зимовать въ Болгаріи, но послѣ неудачи его подъ Шумлой и Рущукомъ, видя, что не можетъ на долго удержаться на правомъ берегу Дуная, онъ захотѣлъ отнять у турокъ всѣ средства прочно утвердиться тамъ, но и это ему не удалось. Въ такой лѣсистой мѣстности нельзя было ни удаляться слишкомъ далеко отъ дорогъ, ни углубляться въ лѣса, наполненные разбойниками; вслѣдствіе сего, сожжены были только тѣ деревни, которыя лежали по большимъ дорогамъ, остальныя же остались неприкосновенными.

Гнѣвъ графа Сергѣя противъ генерала Сабанѣева не раздѣлялся главнокомандующимъ, который назначилъ его дежурнымъ генераломъ, вмѣсто генерала Булатова, такъ какъ нравственность послѣдняго была болѣе чѣмъ сомнительна, а общественные толки и совѣты, присылаемые изъ Петербурга, побудили графа Николая Каменскаго рѣшиться на эту перемѣну.

Едва я только успѣлъ прибыть въ Красное, какъ тотчасъ же получилъ приказаніе передать командованіе моимъ отрядомъ генералу Уварову, а самому принять командованіе надъ двумя осадными арміями Рущука и Журжева. Я долженъ сказать, что такое назначеніе давно уже должно было состояться. Когда я пріѣхалъ къ графу, то нашелъ его очень грустнымъ, приниженнымъ и вообще очень измѣнившимся. Онъ сказалъ мнѣ, что на него очень повліяли

всѣ глупости, сдѣланныя при этой осадѣ, и что особенно его приводили въ отчаяніе медлительность и плохія распоряженія нѣкоторыхъ генераловъ, но что, вѣря въ мою дружбу и усердіе, онъ мнѣ вполнѣ довѣряетъ осады какъ Рущука, такъ и Журжева.

Затѣмъ, онъ прибавилъ въ присутствіи многихъ свидѣтелей, что онъ чувствуетъ, что сдѣлалъ большую ошибку, не исполнивъ моего предложенія двинуться туда прямо изъ Силистріи, что если бъ онъ постоянно слѣдовалъ моимъ совѣтамъ, то избѣжалъ бы многихъ непріятностей. Это были его собственныя слова.

Въ тотъ же день я отправился осматривать траншеи и другія работы, произведенныя вокругъ Рущука. Осмотръ этотъ убѣдилъ меня, что Гартингъ былъ очень слабымъ инженеромъ, въ чемъ я не сомнѣвался и прежде. Всѣ линіи траншей были анфилированы (это непростительно даже для самаго послѣдняго офицера, будь онъ даже не инженеръ), даже ружейнымъ огнемъ до такой степени, что повсюду нужно было устроить траверсы и все-таки турецкія пули проникали въ линію траншей. Всѣ эти работы не имѣли никакой охраны, и сапа, никѣмъ не защищаемая, во всякое время могла быть захвачена непріятелемъ. А между тѣмъ Гартингъ имѣлъ у себя подъ начальствомъ двухъ братьевъ Мишо, которыхъ я считаю лучшими инженерами не только въ нашей арміи, но и во многихъ другихъ. Но такъ какъ самолюбіе и упрямство, обыкновенно неразрывно связанныя съ невѣдѣніемъ, всегда возмущаются отъ мысли выслушать совѣты болѣе свѣдущихъ подчиненныхъ, то Гартингъ не только никогда не слушался обоихъ Мишо, но даже третировалъ ихъ, отстраняя всякими способами отъ дѣла. Между другими инженерами, бывшими у него въ подчиненіи, онъ имѣлъ своихъ любимцевъ, такихъ же невѣждъ, какъ и онъ самъ; они пользовались его расположеніемъ, а также расположеніемъ главнокомандующаго, который, не имѣя никакихъ свѣдѣній въ наукахъ инженерныхъ и артилерійскихъ, вѣрилъ хвастовству какъ инженеровъ, такъ и самого Гартинга.

Когда графъ Каменскій пріѣхалъ въ первый разъ для осмотра траншей, генералъ Гартингъ подошелъ къ нему и, указывая на линію непріятельскихъ укрѣпленій—сказалъ: „эту линію только и можно замѣтить по трехфунтовымъ пушкамъ, выстрѣлы которыхъ, впрочемъ, не достигали своей цѣли“. Но что бы тамъ ни говорили про Гартинга, какія бы глупости онъ ни дѣлалъ, ничто не могло поколебать ни на чемъ не основанное и очень удивлявшее всѣхъ довѣріе къ нему графа. Я замѣтилъ это только тогда, когда я выразилъ, до какой степени я недоволенъ его работами. Графъ отвѣтилъ мнѣ: „да, я знаю, что тамъ есть одна траншея, подверженная ан-

филаднымъ выстрѣламъ, но это ничего не значитъ, такъ какъ турки въ этомъ направленіи имѣютъ только трехфунтовыя пушки". Онъ въ точности повторилъ урокъ Гартинга. На это я отвѣтилъ, что во Франціи за подобную грубую и непростительную ошибку офицеръ былъ бы разжалованъ.

Гартингъ не съ особымъ удовольствіемъ ожидалъ моего пріѣзда и дѣйствительно, какъ только я пріѣхалъ, то тотчасъ же отстранилъ его отъ всякихъ дѣлъ, обращаясь во всемъ къ братьямъ Мишо.

Генералъ Зассъ былъ отправленъ командовать Ермоловскимъ отрядомъ, противъ Журжева, куда также поѣхалъ и я, чтобы переговорить о предстоящихъ операціяхъ. Графъ Каменскій сговорился со мной ѣхать вмѣстѣ, хотя я и предвидѣлъ, что наша совмѣстная поѣздка не состоится, такъ какъ вѣтеръ съ каждымъ днемъ становился все сильнѣе и графъ конечно побоится въ такую погоду переправляться черезъ Дунай, но то, что случилось на самомъ дѣлѣ, того я никакъ не могъ предвидѣть.

Около полудня, ко мнѣ вдругъ, въ теченіе 10 минутъ, примчались одинъ за другимъ пять или шесть адъютантовъ, передавая приказанія графа тотчасъ же двинуть 8 баталіоновъ и всю кавалерію праваго фланга черезъ мостъ къ генералу Зассу [1]). Приказаніе это было очень поспѣшно, и я уже собирался хоть наполовину исполнить его, хотя никакъ не могъ понять причины такой быстрой перемѣны, какъ одинъ изъ адъютантовъ сообщилъ мнѣ, что громадная масса турокъ приближается изъ Журжева, по лѣвому берегу Дуная, со стороны Зимницы, что они уже очень близко къ Зассу, и что его корпусъ погибнетъ, если я не пошлю ему помощи.

Несомнѣнно, что если бы турки были уже такъ близко, то эта помощь пѣхоты не могла прибыть во-время; тѣмъ болѣе невѣроятнымъ мнѣ казалось, что какъ же наши аванпосты, расположенные вдоль Дуная, не замѣтили бы такой турецкой арміи и не дали бы знать объ этомъ движеніи. Но такъ какъ всѣ эти господа главной квартиры утверждали, что они сами видѣли эту громадную армію, то нужно было вѣрить имъ. Вскорѣ я узналъ всю правду. Графъ Каменскій самъ пріѣхалъ ко мнѣ и разсказалъ, что на самомъ дѣлѣ, показавшееся имъ турецкой колонной было не что иное, какъ стадо дикихъ гусей, важно шествовавшихъ вдоль берега. Ихъ бѣлыя го-

[1]) Это приказаніе доказываетъ, насколько гр. Каменскій мало размышлялъ, когда его озаряла какая-нибудь новая идея, или когда имъ овладѣвало воображеніе или испугъ. Тогда у меня на правомъ флангѣ только и было, что 8 баталіоновъ, и если бы я двинулъ ихъ впередъ, то траншеи остались бы пусты и турки могли бы свободно овладѣть артиллеріей и главной квартирой.

ловы они приняли за всадниковъ (хотя именно турецкіе всадники и не носятъ чалмы). Онъ былъ немного сконфуженъ своей ошибкой, а въ арміи, какъ и въ Бухарестѣ, не преминули посмѣяться надъ этимъ происшествіемъ и дать ему оставшееся на долго за нимъ прозвище „генералъ гусей“.

Возвращаясь въ нашъ лагерь, ген. Эссенъ встрѣтилъ графа на берегу Дуная, предложилъ ему сѣсть въ его дрожки и повезъ его прямо по линіи аванпостовъ, находящихся въ двухъ верстахъ отъ города, изъ котораго ни одинъ человѣкъ не только не вышелъ, но даже и не собирался выходить. Когда графъ увидалъ аванпостную цѣпь, то спросилъ, что это такое? Ему отвѣтили, что это аванпосты, тогда онъ выскочилъ изъ экипажа и бросился бѣжать, сердясь на Эссена за то, что онъ подвелъ его такъ близко къ опасности.

Жаль было смотрѣть на графа Каменскаго при проявленіи имъ такой трусливости; боязнь пуль, лошадей и воды была прямо нервной болѣзнью и имѣла чисто физическія причины, которыя натура его превозмогала только при сильномъ возбужденіи интереса или самолюбія; но и тогда, по движенію его мускуловъ на лицѣ, можно было замѣтить, какъ дорого стоитъ ему это усиліе. Конечно, при такихъ обстоятельствахъ, онъ не могъ дѣйствовать исключительно подъ вліяніемъ своего разсудка и воли, а стоялъ безконечно ниже человѣка, который бы на его мѣстѣ, по характеру и по привычкѣ, относился бы болѣе равнодушно къ опасности. Графъ Каменскій требовалъ отъ меня, чтобы я ему совершенно откровенно сообщилъ мое мнѣніе относительно того, что нужно дѣлать. На мой вопросъ, имѣетъ ли онъ намѣреніе рискнуть вторымъ приступомъ, онъ въ ужасѣ воскликнулъ: „Боже меня избави“! Тогда я сказалъ ему, что если онъ хочетъ возобновить осаду, то нужно срыть всѣ прежнія апроши и открыть траншеи передъ центромъ, такъ какъ причинъ, помѣшавшихъ это сдѣлать Зассу, уже болѣе не существуютъ, и мы вездѣ можемъ получить подкрѣпленіе. Но графъ не согласился на это предложеніе и, казалось, хотѣлъ ограничиться только блокадой. Онъ сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что онъ перехватилъ письмо Босняка къ великому визирю, въ которомъ первый настоятельно просилъ у визиря скорой помощи, такъ какъ оставшихся у него припасовъ можетъ едва хватить только на 10 дней. Зная турокъ, я понялъ, что Боснякъ, желая провести графа Каменскаго, подстроилъ такъ, чтобы письмо это попало именно въ руки графа, что̀ подтвердили и послѣдствія, такъ какъ, не получивъ скорой помощи отъ визиря, онъ все-таки продержался около 7 недѣль, не терпя никакихъ лишеній.

Никогда, собственно, его гарнизонъ, да и вся турецкая армія не

переносили какихъ-либо лишеній, а страдали отъ голода, главнымъ образомъ, только жители и христіане и многіе изъ нихъ даже дезертировали изъ города къ намъ.

Когда блокада была уже рѣшена, я посовѣтовалъ графу Каменскому, по крайней мѣрѣ, срыть такъ называемую летучую сапу, брешъ-батарею и то, что называли, впрочемъ довольно неточно, 3-й параллелью. Онъ согласился на это весьма неохотно, но все-таки сказалъ мнѣ, чтобы я дѣлалъ все, что хочу. Я срылъ всѣ безполезныя сооруженія, приблизилъ всѣ редуты и батареи, бывшіе очень удаленными или дурно расположенными, и соединилъ ихъ отъ одного берега Дуная до другого траншеями и валами (необходимая предосторожность въ войнѣ съ турками). На моемъ правомъ флангѣ, я заложилъ до самой рѣки первую параллель, а затѣмъ передвинулъ впередъ какъ лагери войскъ, такъ, и съ обѣихъ сторонъ крѣпости, флотилію; всѣ же прочія укрѣпленія бывшей линіи осады я оставилъ въ запасѣ, предвидя, что обстоятельства потребуютъ увеличенія осадныхъ войскъ, что̀ и случилось на самомъ дѣлѣ. Съ 6-го августа, какъ я принялъ на себя командованіе осадной арміей, до 15 сентября, когда оба города сдались, войска и генералы безпрестанно смѣнялись и ни разу никто изъ нихъ не оставался на одномъ и томъ же мѣстѣ больше недѣли.

Передъ Рущукомъ сформировано было 5 отрядовъ. Лѣвымъ отрядомъ командовалъ сначала ген.-лейтенантъ Эссенъ, а затѣмъ ген.-маіоръ Забіакинъ, князь Василій Вяземскій, полковникъ Бердяевъ и, наконецъ, князь Евгеній Виртембергскій, племянникъ Императрицы; ему было всего только 22 года, но несмотря на его молодость, на него почему-то возлагали большія надежды. Генералы князь Хованскій, Баумгартенъ, Сбіевскій — поочередно командовали вторымъ отрядомъ. Третьимъ отрядомъ, находящимся въ центрѣ и гдѣ была моя штабъ-квартира, все время командовалъ генералъ-маіоръ Инзовъ, человѣкъ весьма уважаемый какъ за свою храбрость, такъ и за свои добродѣтели. Четвертымъ отрядомъ командовалъ князь Михаилъ Вяземскій, а пятымъ генералъ Ермоловъ. Всѣ эти перемѣны ужасно надоѣдали, а главное усложняли дѣло, такъ какъ нужно было безпрестанно давать этимъ генераламъ все новыя инструкціи.

Когда генералъ Зассъ отправился принять начальство надъ Журжевской блокадой, ему дали тогда всѣ тѣ полки, которые больше всего пострадали при штурмѣ Рущука. У него было 12 баталіоновъ, но число людей подъ оружіемъ было не болѣе 2.000 человѣкъ. Генералы Сандерсъ, Лисаневичъ, Уманецъ и Балла все время были подъ его начальствомъ; когда же, послѣ смерти графа Цукато и Иса-

*

ева, былъ посланъ въ Малую Валахію Засс, вмѣсто него, начальникомъ блокады Журжева, былъ назначенъ Эссенъ.

Всѣ мои работы производились далеко не спокойно, и почти каждый день на аванпостахъ происходили перестрѣлки, вызываемыя турками, съ опасностью жизни пробиравшимися къ намъ черезъ виноградники.

15 августа, турки произвели вылазку противъ моего центра и отряда генерала Инзова; они прорвали линію обложенія и, произведя смятеніе, дошли до открытыхъ батарей, гдѣ были встрѣчены такимъ сильнымъ огнемъ, что бѣжали вразсыпную, преслѣдуемые нашими войсками до самыхъ валовъ города. У насъ было убитыхъ и раненыхъ 3 офицера и 80 солдатъ. Я представилъ графу Каменскому, что хотя онъ и можетъ разсчитывать на сдачу Рущука, но тѣмъ не менѣе на войнѣ ничего нѣтъ вѣрнаго, и поэтому нужно будетъ, по крайней мѣрѣ, обезпечить себя со стороны Журжева, прекративъ сообщеніе этого города съ Рущукомъ. Онъ вполнѣ одобрилъ мой планъ и поручилъ мнѣ исполнить его; я уже передалъ исполненіе его Мишо.

Журжево лежитъ въ 3 или 4 верстахъ отъ Рущука, не на самомъ Дунаѣ, а на одномъ изъ его рукавовъ, раздѣляющихся на нѣсколько вѣтвей, образующихъ два острова, подъ названіемъ Назирлу и Кашора. Одна изъ вѣтвей рѣки раздѣляетъ эти два острова по прямой линіи съ юга на сѣверъ и оканчивается Журжевской цитаделью. Въ то время всѣ эти вѣтви Дуная были очень маловодны, а затѣмъ и совсѣмъ высохли.

Выстроивъ линію редутовъ, отъ нашего лѣваго фланга въ Слободзеѣ, до праваго фланга, мы окончательно прекращали всякое сообщеніе между двумя городами. У меня былъ выстроенъ очень сильный редутъ въ Слободзеѣ; затѣмъ, дальше еще одинъ, а остальные на островахъ; кромѣ того, одно предмостное укрѣпленіе на островѣ Назирлу, противъ моего праваго фланга и, наконецъ, 2 редута и 2 батареи на лѣвомъ флангѣ, для поддержки флотиліи. Затѣмъ, я выстроилъ три большихъ батареи на лѣвомъ берегу Дуная, противъ лѣвой половины Рущука, гдѣ находились базаръ и жилища турокъ; дѣйствія этихъ батарей были для нихъ ужасны. Всѣ эти работы были окончены только послѣ Баттинскаго сраженія, о которомъ я долженъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія.

Сообщ. Е. Каменскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Темное Царство.

(Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка).

II [1]).

Торговля въ Старомъ Китай-городѣ.

Для правительства было важно, чтобы „ряды не запустѣли“, а торговые люди, несшіе тягло по Москвѣ, „въ убожествѣ не были“ и могли платить исправно подати. Между тѣмъ въ половинѣ XVII вѣка не только „многіе ряды запустѣли“ послѣ моровой язвы 1654 года, но и изъ оставшихся въ живыхъ торговыхъ людей многіе „обѣдняли и, покинувъ въ рядахъ лавки свои пусты, и изъ рядовъ вышли“; „торговые ихъ промыслы у нихъ отняли стрѣльцы и пушкари и боярскіе люди и крестьяне всякихъ чиновъ и гулящіе люди“, и всѣ эти, не написанные въ тягло, торговцы „торговали всякими товары по крестцомъ (т. е. улицамъ, выходящимъ на Красную площадь) и на Красной площади и походячими товарами“. Правительство постоянно желало усадить по „указнымъ мѣстомъ“ эту толпу торговцевъ, отъ которой въ иныхъ мѣстахъ Китая-города „проѣзду никому не было“, и устранить конкурренцію московскимъ тяглымъ людямъ со стороны нетяглыхъ людей. Уже въ 1626 году было „бирючами прокликано“ чтобы, „торговые всякіе люди сидѣли съ товары своими, которыми товары, въ которомъ ряду торгуютъ, гдѣ кому указано, а порознь никто никаковъ человѣкъ съ разными товары въ иныхъ рядѣхъ не торговали и по крестцомъ ни съ какими мелкими товары и по Пожару [2]) и въ воротѣхъ ни съ какимъ товаромъ не

[1]) См. „Русская Старина“, май 1909 г.

[2]) Часть Красной площади между Никольскими и Спасскими воротами.

сидѣли, а торговали въ рядѣхъ и сидѣли на скамьяхъ съ товары своими, гдѣ кому даны мѣста". Цари Алексѣй и Ѳедоръ подтвердили этотъ указъ и заставляли ломать выстроенные „въ неуказныхъ мѣстѣхъ шалаши и скамьи и рундуки". Указъ Петра отъ 13 октября 1698 года окончательно предписалъ „съ Красной площади всякое лавочное строеніе сломать, а торговать всякими товары въ тѣхъ рядѣхъ, въ которыхъ которыми товары торговать указано". Но на дѣлѣ трудно было сосредоточить одинъ родъ товара въ томъ или другомъ спеціальномъ ряду. Румяна и бѣлила, напримѣръ, можно было купить не только въ Бѣлильномъ, но и въ Москательномъ и Овощномъ рядахъ; „шапку чернечьскую" не только въ Манатейномъ, гдѣ ей быть слѣдовало, но и въ Кафтанномъ ряду; бархатъ продавался въ Суконномъ и Ветошномъ рядахъ, а у торговаго человѣка Сырейнаго ряда можно было купить цѣлыхъ 105 аршинъ съ половиною „атласу дымчатаго" [1]). Въ Кичномъ ряду можно было купить не только „паворозы (шнурки) шелковые" и „ожерелье жемчужное", но и „маленькую рубашечку, что послѣ крещенія на младенцевъ кладутъ". Особенно разнообразные товары были въ Овощномъ ряду; здѣсь наравнѣ съ „писчей бумагой", „холстами льняными, „четками ременными Соловецкими" и „Апостоломъ Печатнымъ" [2]) продавались рѣдкіе заграничные товары: „атласы турецкіе", „мыло грецкое и индѣйское", „достаканы склянные нѣмецкіе"и „скляницы веницѣйскія"; у торговыхъ людей этого ряда покупали для Двора разныя заморскія диковинки и европейскую мебель, то дюжину „стуловъ золотыхъ нѣмецкихъ", то „трубки зрительныя", то, „фряжскіе и нѣмецкіе листы" (гравюры), то „монастырекъ (несессеръ), а въ немъ два ножичка, да ноженки, да вилки, да свайка, да зубочистка". Само правительство перепутывало въ рядахъ товары, ставя въ Сапожномъ ряду „скамью скобяную", а въ Ветошномъ скамьи съ конопляным масломъ, или дозволяя „на Жемчужномъ перекресткѣ на квасномъ мѣстѣ торговать шелкомъ". Трудно было также устранить конкурренцію не тяглыхъ торговцевъ; на сулившее выгоды торжище Китая-города шелъ торговать всякій, у кого только было что-нибудь продажное; кромѣ многочисленныхъ стрѣльцовъ и ихъ женъ, имѣвшихъ по закону право торговать безъ тягла, изъ одного оброка и пошлинъ, среди торговцевъ постоянно встрѣчаются

---

[1]) Пр. 384, 333—340; Пр. 1512, 218; Матер. II, 1151; Полн. Собр. Зак. №№ 771, 1040, 1649; Бытъ Царицъ, 113, 122, 131, 702; Зерцаловъ, О мятежахъ въ Москвѣ, 59—68, 105.

[2]) Рядъ соприкасался съ Спасскимъ мостомъ съ его книжною торговлею и назывался Книжнымъ Овощнымъ (Пр. 1250, 83).

люди, не имѣвшіе никакого отношенія къ Московскому тяглу, разные „книгъ печатнаго дѣла батыщики“ [1]), „патріаршіе отставные конюхи“, „Большого собору отставные сторожа“, „пушечнаго дѣла ученики“ и т. п. Точно также невозможно было ввести эту людскую рѣку въ русло рядовъ и другихъ „указныхъ мѣстъ“, она постоянно вырывалась оттуда, бурнымъ потокомъ заливала Красную площадь съ прилегавшими къ ней „крестцами“ и неудержимо стремилась внизъ къ Василію Блаженному и далѣе подъ гору къ Водянымъ Москворѣцкимъ воротамъ, распространяя всюду шумъ и безпорядокъ азіатскаго торжища [2]).

Сравнительно еще просторно было въ началѣ площади у Неглиненскихъ или Воскресенскихъ воротъ и у Казанскаго собора. У собора „скамейныхъ мѣстъ“ было „малое число“; тутъ торговали и свѣчами и огурцами; у находившагося противъ собора Земскаго приказа были погреба съ „краснымъ питьемъ“, толпились пирожники и квасники, а у самыхъ воротъ были „скамьи судоплатныя“, т. е. сидѣли мастера, чинившіе посуду, и долго стояла „каменная харчевня съ горномъ“, которая была найдена неприличной въ 1658 году по случаю въѣзда Грузинскаго царя Теймураза, сломана и замѣнена караульней. У Никольскаго моста (черезъ Кремлевскій ровъ), на которомъ сидѣли и лежали разные нищіе и ложенки, „у Зубцовъ“, т. е. у нижняго наружнаго ряда Кремлевскихъ укрѣпленій, котораго зубцы не слишкомъ возвышались надъ уровнемъ почвы, въ 1626 году были поставлены „деревянныя низкія“ лавки Пирожнаго ряда; подлѣ Пирожнаго ряда были даны мѣста молочницамъ, сидѣвшимъ на скамьяхъ съ молокомъ и сметаною; противъ этого ряда торговали бѣлорыбицею, паровыми сельдями и сдобными калачами, были „мѣста гречневиковъ“ и „мѣста клюковныя“. Между Никольскими и Спасскими воротами на площади до 1680 года стояли 13 церквей, и между ними было еще два пустыхъ мѣста церковныхъ; отъ крайней къ Спасскому мосту церкви Параскевы Пятницы до Самопальнаго ряда, бывшаго у трубы, „гдѣ была труба изо рву, у зубцовъ, подлѣ Никольскаго моста“, считалось 91 сажень; при церквахъ было старое кладбище и еще „восемь обрубовъ, гдѣ были кладены въ большое моровое повѣтріе умершіе“; старое кладбище и обрубы были загорожены наглухо надолобами (частоколами), а кругомъ надолобовъ были еще „побито частикомъ“, т. е. мелкими кольями, чтобы „никакіе люди черезъ надолобы не ходили“. Въ 1626 году тѣснота

[1]) Накладчики краски на шрифтъ.

[2]) Б. 1360, 320; Пр. 1512, 58, 288, 306; Зерцаловъ, 83, 85; Матер., I, 655, 1164, 1173, 1178; Бытъ Царицъ, 125, 126.

около церквей увеличилась потому, что здѣсь велѣно было „ставиться“ извозчикамъ, „сосланнымъ отъ Водяныхъ воротъ изъ подъ горы“. Только въ 1680 году эти церкви были сломаны и перенесены къ собору или въ соборъ Василія Блаженнаго въ качествѣ придѣловъ. На Спасскомъ мосту, длиною въ 21 сажень, торговали книгами и „листами деревянной печати“ (гравюрами); тутъ же толкались гребенщики, изъ которыхъ у многихъ весь товаръ состоялъ изъ „двухъ гребней слоновыхъ по цѣнѣ оба 5 алтынъ да рогового гребня грошоваго да трехъ перстней со ставками, перстень по алтыну да по 2 гроша“; у Спасскихъ же воротъ толпились безмѣстные попы, ждавшіе найма на службу въ придѣльныхъ или домовыхъ церквахъ [1]).

Какъ ни старалось правительство сослать съ площади торговцевъ съ „мелкими товарами“, эти послѣдніе до конца XVII вѣка наводняли Красную площадь; тутъ торговали мясомъ, солониной и соленой рыбой; тутъ же стрѣлецкая жена торговала вандышами [2]); толпились продавцы яблочнаго кваса, яблочники, дынники, капустники, огуречники, ягодники со всевозможными ягодами, начиная съ вишенъ и кончая „изюмными ягодами“, „грибовщики“, преимущественно изъ богатаго грибами Галицкаго края, саечники и пряничники; на площади можно было встрѣтить кафтанниковъ, торговцевъ желѣзомъ и торговцевъ, сидѣвшихъ „за ветошьемъ“; на-ряду съ ножовщиками тутъ ходили люди, торговавшіе „походя, пестиками черными и бѣлыми“, сафьянными лоскутьями“ и „выжигою серебра“; тутъ же, какъ теперь на Хитровомъ рынкѣ, толпились крестьяне, пришедшіе въ Москву „для найму на работы съ Красныя площади“. Въ 42 саженяхъ отъ Спасскаго моста противъ лавокъ Овощного ряда около Лобнаго мѣста кипѣла оживленная торговля: тутъ торговали самыми разнообразными товарами—и шелкомъ и яйцами; тутъ же приспосабливался какой-нибудь предпріимчивый ювелиръ, который среди площадной суеты „закрѣплялъ и паялъ серьги“. Подлѣ Лобнаго мѣста былъ помостъ, на которомъ стояли пушки; за лѣстницей, составлявшей „проходъ подъ пушки“, направо къ Ильинкѣ шли „мыльные шалаши и замочныя лавки“. Соборъ Покрова Богородицы или Василія Блаженнаго, называвшійся тогда по-старинному и Троицей на Рву [3]), былъ окруженъ лавками и походячими торговцами.

---

[1]) Пр. 1061, 103—107, 157; Пр. 1512, 138, 288; Матер., II, 867, 1142, 1152, 1175.

[2]) Вандышемъ (собств. снятокъ) назывался и особаго рода пирогъ.

[3]) Какъ онъ назывался до построенія Иваномъ Грознымъ въ память взятія въ Казани Покровскаго собора, при которомъ былъ устроенъ придѣлъ Св. Троицы.

„У церковной лѣстницы Маріи Египетскія“, церкви, стоявшей на кручѣ у колокольни Покровскаго собора, находился рядъ Новощепетильный; „ниже Покрова Богородицы были ряды Бѣлильный и Золяной; тутъ же было дозволено „торговать, походя, на векахъ бѣлилами и мыломъ“ стрѣлецкимъ женкамъ; близъ собора выше и ниже Лобнаго мѣста разныя „женки и дѣвки“ торговали, „ходячи на площади, холстами и всякой мелочью“, ниже „подъ горою“ торговали всевозможными товарами и подошевнымъ товаромъ, и деревянною посудою и разсадою. Правительство всячески старалось оградить соборъ и находившуюся близъ него Патріаршую Тіунскую избу (Духовную Консисторію) отъ близости торговой толпы съ ея шумомъ, безчинствомъ и нечистотою; въ 1626 году находившіеся ниже собора ряды Сапожный, Красный и Скобяной были сведены на Ильинку, и мѣсту, занятому ранѣе этими рядами, было указано „быть въ площади“; около собора были поставлены надолобы „для церковныя чистоты“, и торговцамъ было строго приказано „за надолобы къ Покрову Святѣй Богородицы и къ Тіунской избѣ не всходить“ [1]).

Выходящая на площадь у Василія Блаженнаго Варварка, постаринному Варварскій крестецъ, была также наполнена продавцами и покупателями; тутъ же у забора Стараго Денежнаго Двора между церквами Варвары Мученицы и Максима Исповѣдника стояли бочки со становымъ квасомъ; у самой церкви Св. Варвары дымили блинни; въ 1626 году эти блинни держали предпріимчивые „посестріе“ мѣстнаго попа Тихона Улѣя и мѣстный дьяконъ; картина не измѣнилась и черезъ 150 лѣтъ въ просвѣщенный вѣкъ Екатерины, когда „близъ самаго алтаря“ этой церкви стояли три рыбожаренныя лавки, въ томъ числѣ одна мѣстнаго священника, отъ которыхъ „исходили смрадъ и нечистота, и для оной Варварской церкви имѣлась великая неблагопристойность“.

Ниже Василія Блаженнаго, между этимъ соборомъ и церковью Николы Москворѣцкаго, въ 11 саженяхъ отъ этой послѣдней стояла упраздненная въ концѣ XVIII вѣка церковь Спаса Смоленскаго, построенная въ память присоединенія къ Россіи Смоленска 31 іюля и 1 августа 1514 года [2]). Пространство между этими также огоро-

---

[1]) Пр. 1061, 7, 25, 37, 96, 101, 132, 149, 184, 226; Пр. 1512, 58, 190, 207, 279; Пр. 1568, 29; Полн. Собр. Зак. № 1181; Матер., II, 1107, 1180—1187, 1274.

[2]) Главный престолъ Спаса въ память дня 1 августа; при церкви въ XVII вѣкѣ были придѣлы прав. Евдокима, которому празднуютъ 31 іюля, и Всѣхъ Святыхъ, вѣроятно, въ память погибшихъ въ походѣ воиновъ. У колокольни Покровскаго собора еще въ 1661 году стояла церковь Св. Меркурія Смоленскаго, имѣвшая, вѣроятно, отношеніе къ тому же событію.

женными надолобами церквами и кремлевскимъ рвомъ, гдѣ теперь Васильевская площадь, было тѣсно застроено обывательскими дворами; особенно здѣсь любили строиться соборныя и „верховыя“, т. е. придворныя, духовныя лица, которымъ отсюда было близко ходить въ Кремль. Въ 1626 году послѣ большого пожара на этомъ мѣстѣ были отведены дворы только причтамъ Никольской и Спасской церквей, прочіе же жильцы были сведены; но черезъ 12 лѣтъ, въ 1638 году, „на монастырѣхъ у Николы и у Спаса Смоленскаго“ вмѣстѣ съ нѣсколькими кремлевскими попами и дьяконами и другими жителями по-прежнему жили сведенные отсюда въ 1626 году „Михайла Архангела кутейникъ“ [1]) и Дарья Сырейщица, къ которымъ прибавилась еще какая-то „красильница Василиса“.

У церквей Спасской и Никольской торговали горшками и кувшинами, для чего уже въ 1657 году было выстроено 10 лавокъ. На Варварскомъ крестцѣ и ниже его подъ гору тянулись ряды, торговавшіе главнымъ образомъ или неопрятными или сильно пахучими товарами, какъ Масляный, Сельдяной, Луковый, Чесночный, Москательный, Сѣменной, Подошевный, Свѣчной и Мыльный. Между Ильинкой и Варваркой находился рядъ Рыбный Просольный (въ XVIII вѣкѣ Зеркальный), мало способствовавшій чистотѣ воздуха, такъ какъ наши предки считали не вонявшую рыбу „еще не поспѣвшей“; тутъ же былъ и рядъ Вандышный, впослѣдствіи Старо-Сняточный.

Чѣмъ ниже спускались подъ гору, тѣмъ крѣпче были запахи, тѣмъ больше было грязи. На лѣвой сторонѣ нынѣшней Москворѣцкой улицы противъ церкви Николы Москворѣцкаго находился Мытный дворъ съ Мытною избою, гдѣ собирались пошлины съ пригоняемаго въ Москву скота и всякой живности и записывались торговыя сдѣлки на съѣстные припасы; въ лавкахъ двора складывалось мясо; тутъ же торговали яйцами; на находившейся среди двора площади даже въ концѣ XVIII вѣка была „отъ помету всякаго рода съ давняго времени накопленная нечистота, всегда производившая вонь, смрадъ, особенно лѣтомъ“. Близъ Мытнаго двора находился рядъ Сырейный. Свѣжій Рыбный рядъ, бывшій около Сырейнаго, въ 1626 г. сочли за лучшее „для чистоты“ отвести отъ Сырейнаго ряда и помѣстить между Китайской стѣной и церковью Николы Москворѣцкаго „къ Китаюгороду лицомъ“. Рыбное царство заканчивалось икорными и рыбными шалашами у Москворѣцкихъ воротъ и рыбными садками на самой рѣкѣ. У тѣхъ же воротъ были хлѣбныя, калачныя и соляныя лавки, а въ Свѣжемъ Рыбномъ ряду стояли двѣ избы, „одна харчевая,

[1]) Т. е. завѣдывавшій кутьями для царскихъ поминовеній въ Архангельскомъ соборѣ.

другая блинная каменная". Гора, спускавшаяся къ Москворѣцкимъ воротамъ, была излюбленнымъ мѣстомъ всякихъ мастеровыхъ людей; у Лобнаго мѣста подъ горою сидѣли башмачники, у Горшечнаго ряда и рыбныхъ шалашей—портные мастера, у Москворѣцкихъ воротъ—сапожники; у тѣхъ же воротъ находились „мѣста и скамьи судоплатныя".

За Москворѣцкими Водяными воротами, осѣненными часовней приписной къ Соловецкому монастырю Соловецкой Марчуговской пустыни, представлялась разнообразная картина: у Живого, т. е. разводного, нынѣшняго Москворѣцкаго, моста „у Москвы-рѣки" стояла „квасная поваренная изба"; на берегу находились „станы лѣсные, т. е. склады лѣса, сплавлявшагося рѣкою; на рѣкѣ виднѣлись живорыбные садки и струги съ хлѣбомъ, а около нихъ на берегу толпились грузчики. Торговая дѣятельность не прекращалась и на самомъ Живомъ мосту, на которомъ сидѣли торговцы морковью [1]).

Сообщ. В. Шереметевскій.

[1]) Перец. Книги Москвы 1626 и 1638 гг.; Пр. 1061, 146; 1512, 26, 77, 163, 188, 270, 300; Пр. 1568, 31; Матер., II, 18, 31, 1066, 1142, 1180; Гостевъ, 132.

Киньчжоускій бой.

Мнѣ часто приходится слышать: почему генералъ Фокъ до сихъ поръ еще не обмолвился ни однимъ словомъ въ литературѣ о Киньчжоускомъ боѣ?

На это я отвѣчу: причина очень простая. Я никогда не писалъ и рѣчей не говорилъ, а потому мысли у меня забѣгаютъ одна за другую, и мнѣ не легко ихъ изложить въ стройной послѣдовательности. Да и въ литературѣ послѣдней войны до настоящаго времени почти не было сочиненій не тенденціозныхъ. Слѣдовательно, мнѣ бы пришлось какъ бы вступать съ ними въ полемику. Теперь другое дѣло, появилось въ печати много оффиціальныхъ документовъ и описаній безпристрастныхъ, насколько это въ настоящее время возможно.

Приведеніе документовъ въ порядокъ въ исторической комиссіи, какъ говорятъ, идетъ успѣшно, и теперь можно легко въ нихъ разобраться. Наконецъ вышелъ почти весь стенографическій отчетъ Портъ-Артурскаго процесса подъ редакціею К. И. Ксидо, одухотворяющій всѣ документы. Въ историческую комиссію же переданы и всѣ показанія лицъ, опрошенныхъ комиссіею генер. Роопа. Это матеріалъ чрезвычайной важности не столько по тѣмъ фактамъ, которые въ немъ разсказаны, о чемъ документы говорятъ несравненно полнѣе и точнѣе, какъ тѣмъ, что по нему можно воспроизвести точную и полную характеристику и цѣльный обликъ нравственныхъ и интеллектуальныхъ сторонъ главныхъ дѣятелей этой во многихъ отношеніяхъ замѣчательной обороны. Наконецъ, трудъ генерала Третьякова „5-й Вост.-Сиб. стрѣлк. полкъ на Киньчжоу и въ Артурѣ“, помѣщаемый въ „Военномъ Сборникѣ“, много разъясняетъ изъ того, къ чему до появленія этого труда не могъ проникнуть лучъ свѣта.

Поэтому все, что я скажу, можетъ быть провѣрено по вышесказаннымъ документамъ и сочиненіямъ.

Описать Киньчжоускій бой въ цѣломъ, а равно предшествующія и послѣдующія событія я не берусь. Я только постараюсь освѣтить вопросъ болѣе всего интересный и въ то же время крайне темный. Этотъ вопросъ касается оставленія Киньчжоуской позиціи.—Почему эта позиція была такъ неожиданно и такъ поспѣшно оставлена, послѣдствіемъ чего была гибель лишней тысячи людей и тѣхъ именно людей, которые въ этотъ день покрыли себя наибольшей славой? И это произошло послѣ того, какъ блестяще были отбиты рѣшительно всѣ штурмы, а что главное, на всѣхъ рѣшительно пунктахъ. Такихъ примѣровъ при такой несоразмѣрности силъ не много въ исторіи.

13 мая 1904 г. японская армія маршала Оку въ составѣ трехъ дивизій и 230 орудій осадныхъ и полевыхъ, стрѣлявшихъ бездымнымъ порохомъ и снарядами, начиненными современными взрывчатыми веществами, атаковала Киньчжоускую позицію. Киньчжоуская или Цзиньчжоуская позиція была расположена на горѣ Наньшанъ, лежащей нѣсколько впереди узкаго перешейка, шириною всего въ три версты, соединяющаго Квантунскій полуостровъ съ Ляодуномъ. Высшая точка горы Наньшанъ 53 саж., при заложеніи съ юга на сѣверъ 2 версты. Южный скатъ, обращенный къ Артуру, очень крутъ. Западный и Восточный скаты достаточно круты, что однако не мѣшало японскому солдату въ полномъ снаряженіи въ припрыжку бѣжать почти до самаго верху. Сѣверный скатъ сходитъ на-нѣтъ, такъ что по немъ можно въѣхать въ колескѣ на самую вершину рысью по шоссе, прямому, какъ Николаевская желѣзная дорога.

Вотъ каковы естественныя свойства этой позиціи. Топографическое ея положеніе впереди перешейка давало возможность горѣ Самсону своими отрогами, какъ клещами, охватить ее. Эти же отроги давали возможность противнику расположить на нихъ укрыто современную артиллерію и тѣмъ, какъ бы стальнымъ, огненнымъ кольцомъ, охватить гору Наньшанъ.

Съ востока и запада Наньшанъ омывается заливами Хунуэзскимъ и Киньчжоускимъ. Вотъ это-то топографическое положеніе горы Наньшанъ и заставило обратить на нее вниманіе въ 1900 году, когда во время боксерскаго движенія опасались вторженія на Квантунъ манчжурскихъ ордъ.

Въ то время наше могущество на Востокѣ зиждилось исключительно на морскихъ силахъ. Сухопутныхъ войскъ въ Артурѣ было всего четыре баталіона стрѣлковъ.

А потому надо было выбрать такую позицію, въ которой главная,

если не исключительная, роль принадлежала бы флоту, а армія была бы только ея аксессуаромъ. Тогда-то и было обращено вниманіе на Киньчжоускую позицію.

На гору Наньшанъ втащили 30 орудій, почти всю тогдашнюю артиллерію Артура, и выдѣлили изъ гарнизона Артура два баталіона для защиты ея. Флотъ же долженъ былъ, при появленіи передъ позиціей противника, занять оба залива и своимъ огнемъ сметать все, что появится предъ нею. Это было вполнѣ возможно, такъ какъ орудія противника располагались тогда открыто, его артиллерія не была дальнобойна и не могла пользоваться отрогами Сампсона, а должна была располагаться внизу на равнинѣ совершенно на виду.

Роль пѣхоты сводилась къ охранѣ овраговъ, чтобы не давать возможности скопляться въ нихъ противнику и по нимъ вторгнуться на Квантунъ. А потому адмиралъ Алексѣевъ былъ правъ, когда возвѣстилъ, что Киньчжоуская позиція неприступна, и равной ей нѣтъ. У насъ же эту неприступность поняли просто, то есть, что это такая гора, что ей и Гунибъ, послѣднее убѣжище Шамиля, не можетъ идти въ сравненіе.

Квантунскія власти такъ на нее не смотрѣли, а потому, когда окончилось боксерское движеніе, рѣшили съ позиціею покончить. Годныя пушки увезли въ Артуръ, а негодныя стащили внизъ и сложили ихъ тутъ же, у бараковъ. Окопы, какъ приспособленные только для стрѣльбы съ колѣна, размывались дождями и развѣивались вѣтромъ, и отъ нихъ остался къ японской войнѣ только ихъ слѣдъ.

Вмѣсто полевыхъ укрѣпленій было рѣшено построить долговременныя укрѣпленія современнаго типа, что-то вродѣ форта-крѣпостцы. Но прошли 1901, 902 и 903 года, а не начинали строить.

За недѣлю до начала войны, т. е. 21-го января 1904 г., не извѣстно по чьей иниціативѣ, была составлена комиссія, которой было поручено выработать планъ обороны перешейка, но уже опять укрѣпленіями полевого типа. Въ составъ комиссіи вошли: начальникъ 7-й пѣх. див. генералъ Кондратенко, командиръ 5-го полка полковникъ Третьяковъ и инженеръ-капитанъ Шварцъ. Комиссію торопили, и она работала такъ спѣшно, что планъ ея уже 24-го января былъ представленъ въ Областной Совѣтъ.

Проектъ состоялъ изъ 24-хъ пунктовъ.

Изъ этихъ 24-хъ п. я считаю нужнымъ въ этомъ краткомъ очеркѣ познакомить читателя только съ четырьмя пунктами, болѣе характерными, а именно: съ 3-мъ, 11-мъ, 18-мъ и 22-мъ.

Въ п. 3-мъ говорится: всю оборону сосредоточить на вершинѣ позиціи, какъ это было раньше..

Въ п. 11-мъ. На случай высадки непріятеля между позиціей и

Артуромъ, напримѣръ въ Дальнемъ, укрѣпить и южный фронтъ позиціи.

Это особенно замѣчательно, такъ какъ свидѣтельствуетъ, какъ комиссія, а слѣдовательно и власть имущіе, смотрѣли на флотъ, который былъ въ зенитѣ своей славы [1]).

Пунктъ 18-й. Лѣвый флангъ былъ признанъ неудобнымъ для атаки открытою силой, вслѣдствіе сильной фронтальной и перекрестной обороны, развиваемой батареями 9, 10, 11, 12 и 15.

Этотъ свой взглядъ комиссія особенно упорно отстаивала, и мнѣ не удалось разубѣдить ее.

Комиссія упустила изъ виду первое правило тактики: вести атаку только тогда, когда батареи противника будутъ подавлены.—Этимъ самымъ неудобства лѣваго фланга Киньчжоуской позиціи устранились бы, а удобства остались, какъ и было на самомъ дѣлѣ. Японцы вошли на позицію именно въ этомъ мѣстѣ.

Пунктъ 22-й. Производство работъ возложить на полковника Третьякова и инженеръ-капитана фонъ-Шварца.—Это ужъ своего рода курьезъ.—Въ акціонерныхъ компаніяхъ и то комиссія, разрабатывающая проектъ, не назначаетъ исполнителей изъ своихъ членовъ.

Планъ этотъ былъ настолько несостоятеленъ, что Областной Совѣтъ не утвердилъ его, несмотря на то, что требовалось всего девятнадцать тысячъ рублей для выполненія его. Но когда черезъ три дня, т. е. 27-го января, открылись военныя дѣйствія, и все начальство Артура, не исключая начальника инженеровъ крѣпости, выѣхало, планъ этотъ приказано было привести въ исполненіе. Комиссія тотчасъ же и приступила къ его осуществленію.

Вооруженіе позиціи состояло изъ 60 оруд.; изъ нихъ 20 нашихъ полевыхъ пушекъ, а остальныя старыя китайскія, набранныя изъ различныхъ арсеналовъ Печелій, главнымъ образомъ изъ арсеналовъ Бейтана и Тянзина.—Заряды къ нимъ дѣлались домашнимъ способомъ, тутъ же, на позиціи, артиллеристами; порохъ употребляли черный, различныхъ сортовъ и качествъ.

Каждое орудіе было снабжено, какъ утверждалъ генералъ Бѣлый, начальникъ крѣпостной артиллеріи, комплектомъ снарядовъ на пять дней боя.

Потомъ выяснилось, что онъ такъ утверждалъ, потому что по табели положено на сутки 25 снарядовъ.—Орудія всѣ были поставлены открыто, такъ какъ иначе изъ нихъ нельзя было и стрѣлять. А батареи были расположены такъ скученно, что одною и той же шрапнелью непріятель поражалъ двѣ, а иногда и три батареи.

---

[1]) Въ своемъ показаніи генер. Роопу генер. Ирманъ пишетъ, что только сѣдой дуракъ Фокъ могъ думать, что японцы произведутъ высадку въ тылу.

Позицію предполагалось оборонять однимъ полкомъ трехбатальоннаго состава.

Еще въ мирное время назначенъ былъ для этой цѣли 5-й полкъ, вѣроятно потому, что полковникъ Третьяковъ служилъ въ инженерныхъ войскахъ и кончилъ курсъ Инженерной академіи.

5-й полкъ, по слухамъ, предполагалось включить въ Артурскій гарнизонъ, а во 2-й бригадѣ сформировать на его мѣсто другой полкъ.—Вотъ почему полковникъ Третьяковъ смотрѣлъ на генерала Кондратенко какъ на своего начальника дивизіи, а на меня, какъ на временный гнѣвъ Божій.

Мнѣ необходимо еще сказать нѣсколько словъ и о моемъ участіи въ укрѣпленіи позиціи, молчаніе мое могло бы вызвать недоумѣніе, послѣ того какъ генералъ Третьяковъ въ своемъ трудѣ упоминаетъ о моемъ участіи и даже указываетъ, въ чемъ оно состояло, а именно: что я приказалъ спустить окопы и построить два новыхъ окопа отъ горы Наньшанъ до Киньчжоускаго залива, которые во время боя были заняты охотниками 13 и 14-го полковъ. Мое участіе онъ считаетъ вмѣшательствомъ и относится къ нему очень неблагосклонно.—Вотъ что онъ пишетъ въ „Воен. Сборникѣ“ 1909 г., № 1, стр. 64.

„Придавая большое значеніе настильности полета пули, генералъ Фокъ требовалъ, чтобъ оборона была спущена къ самой подошвѣ высотъ,.. не принимая во вниманіе, что отлогости были длинны и пологи и служили страшнымъ препятствіемъ атакующему... заставилъ насъ растянуть свои линіи на 8 верстъ. Наши высокіе окопы онъ называлъ ласточкиными гнѣздами и при этомъ всегда прибавлялъ: „а вы, конечно, рады засадить вашъ полкъ подъ самое небо“. Внизу всякая неровность мѣстности закроетъ непріятеля, говорили ему. Генералъ Фокъ не выдерживалъ и энергично заявлялъ, что только измѣнники подставляютъ своихъ людей подъ артиллерію противника, и что людей надо разставлять на 20-ть и самое меньшее на 10 шаговъ.

На мое возраженіе, что если мы нашихъ не обстрѣленныхъ еще солдатъ, большая половина которыхъ была новобранцы и запасные, разбросаемъ на 20 ш., то они будутъ чувствовать себя одинокими... и что въ трудную минуту будутъ внѣ нравственнаго вліянія начальника“... Этимъ оканчиваю выписку.—Теперь всякому ясно, кому судьбою была вручена оборона.—Каждому читателю не можетъ не показаться страннымъ, что начальникъ дивизіи диспутируетъ съ командиромъ полка. Это, правда, странно, но будетъ понятно, если я скажу, что я, хоть и былъ въ отношеніи полковника Третьякова начальникомъ дивизіи, но только не въ укрѣпленіи позиціи,—въ этомъ онъ былъ совершенно отъ меня независимъ.

Укрѣпляла позицію комиссія, и эта же комиссія, параграфомъ 22, возложила работы на полковника Третьякова и инженеръ-капитана фонъ-Шварца.—Самъ генералъ Кондратенко былъ до нѣкоторой степени только контролеромъ, а потому полковнику Третьякову не было обязательнымъ исполнять всякое указаніе генерала Кондратенко, разъ оно выходило изъ рамки проекта.—Вотъ это и заставляло меня обращаться и убѣждать, а не приказывать, и только въ случаѣ неуспѣха я обращался къ генералу Кондратенко и чрезъ него проводилъ то, что мнѣ казалось полезнымъ, но и это не всегда удавалось. Вотъ напримѣръ: Восточный фронтъ или центръ мнѣ удалось почти весь спустить, но на Сѣверномъ фронтѣ я потерпѣлъ крупное фіаско.—Я приказалъ, съ согласія Кондратенко, захватить колодезь, но полковникъ Третьяковъ такъ возсталъ противъ этого, что генералъ Кондратенко просилъ меня не настаивать, что̀ я и принужденъ былъ сдѣлать. Упрись онъ хорошенько, и Восточный фронтъ пожалуй мнѣ не удалось бы спустить; впрочемъ, у генерала Кондратенко былъ большой здравый смыслъ—и онъ пожалуй настоялъ бы на этомъ.

Позволю себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на моемъ участіи въ работахъ по укрѣпленію позиціи, чтобы читатель могъ судить о правильности соображеній, которыми я руководствовался, давая тотъ или другой совѣтъ.

Какъ только начались работы, я обратился къ генералу Кондратенко съ просьбою приказать спустить окопы. На это онъ отвѣтилъ мнѣ: дайте хоть что-нибудь сдѣлать, японцы могутъ высадиться во всякое время, а у насъ ничего не будетъ сдѣлано.

Вскорѣ верхніе окопы (оставшіеся съ 1900 г.) были расчищены, а потому когда я узналъ, что генералъ Кондратенко ѣдетъ осматривать работы, я пріѣхалъ на позицію и приказалъ стрѣлкамъ сѣсть въ окопы... Когда мы шли вдоль подошвы Наньшана, я обратилъ его вниманіе на то, какъ ясно выдѣляются окопы съ посаженными въ нихъ стрѣлками; онъ приказалъ стрѣлкамъ снять шапки; большой разницы отъ этого не произошло.—Затѣмъ я обратилъ его вниманіе на подступы къ подошвѣ горы, на каменоломни, на сѣти. Генералъ Кондратенко тотчасъ понялъ, что ихъ нельзя, особенно каменоломни, оставить безъ ружейной обороны, а потому онъ просилъ меня передать, чтобъ окопы спустились. Я ему сказалъ: „а мнѣ отвѣтятъ, что денегъ нѣтъ“. Скажите, что денегъ отпустятъ.—Я тотчасъ же и передалъ полковнику Третьякову это приказаніе и видимо, что оно ему было крайне непріятно.—Вотъ какъ объ этомъ пишетъ А. В. Шварцъ въ №№ 1 и 2 „Инж. Журн.“ за 1906 г.: „5-го февр. согласно полученному приказанію планъ работъ пришлось измѣнить. Прика-

зано выдвинуть стрѣлковые окопы еще на 400 ш. впередъ и расположить ихъ у подножья траншеи". Этотъ окопъ, несмотря на неудовольствіе Третьякова, былъ Шварцемъ законченъ.—Чтобы придать этой траншеѣ фланговую оборону, по иниціативѣ Шварца было пристроено два люнета №№ 3 и 4-й. Шварцъ пишетъ, что люнетъ № 4 принялъ на себя главный ударъ японцевъ, выдержалъ его и отбилъ всѣ штурмы блестяще.—Шварцъ не былъ особеннымъ поклонникомъ расположенія окоповъ у подошвы, но и онъ находитъ, что эта траншея выполнила блестяще свое назначеніе. Далѣе Шварцъ пишетъ: „16-го февраля начали окопы нижняго яруса отъ каменоломенъ, что впереди бат. № 4, по указанію начальника 4-й дивизіи до дер. Ліудяу, гдѣ, захвативъ колодезь, они примыкали къ деревнѣ. Эти траншеи были только разбиты; если бы онѣ были окончены, то ихъ въ такомъ видѣ оставить нельзя бы было; пришлось бы довести до залива, т. е., линія и сѣвернаго фронта была бы вынесена впередъ и гораздо больше, чѣмъ былъ вынесенъ восточный фронтъ, а въ то же время необходимость такого выноса не была такъ очевидна. Поэтому полковникъ Третьяковъ рѣшительно воспротивился такому выносу, главнымъ образомъ упираясь на то, что линія обороны отъ этого сильно увеличится.—Генералъ Кондратенко уступилъ ему, главнымъ образомъ, потому, что тогда не было еще извѣстно, чья дивизія останется на Квантунѣ, и просилъ меня не настаивать на постройкѣ этихъ траншей, хотя онѣ были мною разбиты съ его согласія, я ему и уступилъ.

Изъ этого видно, что спущены были только окопы восточнаго фронта, длина окопа увеличилась на самый пустякъ, на шаговъ 100, много 200, а не на 8-мь верстъ, какъ утверждаетъ Третьяковъ.

Два окопа, построенные между горою и Киньчжоускимъ заливомъ, были выкопаны послѣ высадки японцевъ, кажется, 4-го или 5-го мая, хорошо не помню, я самъ разбилъ ихъ и сейчасъ же приказалъ копать, копалъ капитанъ Стемковскій.—Въ это время мнѣ не приходилось ни съ кѣмъ считаться.—Окопы эти занимали не части 5-го полка, и службу они сослужили громадную.—Надо только удивляться, какъ комиссія ихъ просмотрѣла.

Наконецъ эти окопы вовсе и не увеличили протяженія фронта, они, какъ видно по плану, прикрыли собою окопы, что были сзади ихъ—по обѣ стороны батар. № 15, которые занимали двѣ роты 13-го и 14-го полковъ и дали возможность этимъ ротамъ, но уже въ качествѣ резерва, принять участіе въ отраженіи атакъ 4-й японской дивизіи, не удлиняя фронта, что̀ бываетъ чрезвычайно рѣдко, а потому можетъ служить примѣромъ, какъ надо располагать окопы для резервовъ, такъ чтобъ они могли во всякое время принять участіе въ бою, не ожидая своей очереди, то есть, пока противникъ не сло-

мить первую линію.—Прежде этого сдѣлать и нельзя было: огонь не былъ такъ дальнобоенъ, чтобы, расположивъ резервъ на версту, можно было требовать отъ него дѣйствительной поддержки. Да тогда въ этомъ и не было такой необходимости, тогда можно было подвести резервы, хотя и съ потерями въ послѣднюю минуту; теперь это обходится очень дорого главнымъ образомъ тѣмъ, что поддержка подходитъ разстроенная. Въ бояхъ будущаго начальникъ, подобный Багратіону, уже не слѣзетъ съ коня и не станетъ передъ баталіономъ въ папахѣ и буркѣ и не поведетъ его въ атаку въ ногу. На такое расположеніе резервовъ слѣдовало бы обращать вниманіе на маневрахъ, это ихъ будущность.

Когда окопы были спущены, я рѣшилъ обезпечить въ нихъ стрѣлковъ отъ страшнаго бича современныхъ полей сраженій, то есть, шрапнели. У насъ особенно такъ смотрѣли на шрапнель, а потому ради нея жертвовали всѣмъ, отказались отъ варварскаго снаряда, достойнаго Нерона,—гранаты, начиненной современными взрывчатыми веществами. Поэтому я совѣтовалъ надъ стрѣлками устроить въ окопахъ укрытія отъ шрапнели, но, чтобъ стрѣлять изъ-подъ такого закрытія, надо было придѣлать бойницы. Я и просилъ ихъ устроить. Полковникъ Третьяковъ, зная, что послѣ турецкой войны не совѣтовали употреблять бойницы, скептически отнесся къ моему распоряженію, но мнѣ ничего не возразилъ, а произвелъ опытъ. Опытъ былъ не въ пользу бойницъ, а потому полковникъ Третьяковъ рѣшилъ результатъ его представить мнѣ, но, чувствуя свое лукавство, онъ написалъ чрезвычайно любезное письмо. На это я ему отвѣтилъ такъ же любезно и указалъ, что опытъ онъ произвелъ неправильно,—вѣроятно, стрѣляли на 200 ш., а подготовка атаки ведется по Германскому уставу на 800—1.000 ш., а по нашему отъ 400 до 600 ш. Полковникъ Третьяковъ произвелъ опытъ стрѣльбы на 600 ш., и тогда бойницы оправдали себя. Послѣ того ротные командиры ревностно занялись устройствомъ бойницъ, а также устройствомъ укрытій надъ ними отъ шрапнели въ родѣ козырьковъ. На счетъ самаго устройства этихъ закрытій я никакихъ указаній не давалъ, только оговорилъ, что очень длинныхъ не слѣдуетъ дѣлать, а то одинъ снарядъ много развалитъ. Такія укрытія мною были устроены въ 1902 г. въ Гиринѣ на стрѣльбищѣ, и въ томъ же году, на боевой стрѣльбѣ въ присутствіи генерала барона Штакельберга, были испробованы поршневой батареей. 14-й полкъ устроилъ такой образцовый окопъ въ Дальнемъ, на которомъ вѣроятно впослѣдствіи учились японцы;—этимъ объясняется, почему японцы послѣ Киньчжоускаго боя обстрѣливали наши окопы сначала только шимозами, а по мѣрѣ того, какъ разрушался окопъ, они вводили и шрапнель, или за одной шимозой слѣдовали 5 или 6 шрапнелей. Употреби

*

японцы эту сноровку въ Киньчжоусскомъ бою, гдѣ они стрѣляли на 1.000 с. и ближе, то изъ козырьковъ и даже изъ окоповъ ничего не осталось бы, а то были роты, которыя за цѣлый день боя не потеряли и отъ огня десяти человѣкъ. Это намъ надо не только знать, но и хорошо усвоить, помня, что въ окопахъ безъ козырьковъ люди долго сидѣть не будутъ, а потому еще въ мирное время надо учить ихъ дѣлать изъ подручнаго матеріала. А чтобъ не дать противнику использовать наши козырьки, то и у насъ надо завести что-либо вродѣ шимозъ и познакомить, какъ ими пользоваться. Вотъ какъ инженеръ Шварцъ, въ своемъ сочиненіи, отзывается о козырькахъ. „Типъ блиндажей отъ шрапнели выработался постепенно, и такъ какъ потомъ употреблялся въ Артурѣ въ теченіе всей осады и сослужилъ большую службу, то не безынтересно прослѣдить за его развитіемъ".

Вотъ въ этихъ-то указаніяхъ заключалось то участіе, которое я принималъ въ укрѣпленіи Киньчжоуской позиціи.

Не могъ я также согласиться и съ мнѣніемъ полковника Третьякова, что важнымъ препятствіемъ къ рѣдкому, не уставному, размѣщенію людей является главнымъ образомъ то, что въ трудную минуту они будутъ внѣ нравственнаго вліянія начальниковъ. Это мнѣніе не его собственное, это мнѣніе поголовно общее, всѣхъ офицеровъ. Эту мысль, выраженную этими же самыми словами, мнѣ не разъ приходилось самому слышать. Полковникъ Третьяковъ въ своемъ трудѣ прикрылъ только ее своимъ, въ настоящее время авторитетнымъ именемъ.

Я никакъ не ожидалъ въ этомъ вопросѣ встрѣтить полковника Третьякова въ рядахъ моихъ противниковъ. Мнѣ казалось, что въ бояхъ Артурскихъ онъ могъ видѣть, какъ ведутъ себя не въ теоріи, а на практикѣ гг. офицеры и нижніе чины, а потому и быть солидарнымъ со мною. Если этого не случалось, то это я объясняю тѣмъ, что выдающаяся храбрость полковника Третьякова помѣшала ему разглядѣть въ солдатѣ: что въ его трусости относится собственно къ трусости и что къ чувству самосохраненія, чувству, присущему каждому живому организму, какъ растительнаго, такъ и животнаго царства.

Безъ этого чувства все живое погибло бы; но крайность во всемъ вредна, поэтому природа создала въ противовѣсъ ему чувство любви, а общество выработало понятіе о долгѣ. Храбрый этого не различаетъ; онъ не можетъ допустить, чтобы чувство самосохраненія хоть на секунду могло овладѣть человѣкомъ храбрымъ, а не трусомъ; отсюда его забота о нравственномъ вліяніи начальника.

Я въ противоположность полковнику Третьякову человѣкъ не храбрый, хотя и кавалеръ Св. Георгія 3-й ст. Но въ данномъ случаѣ это ничего не свидѣтельствуетъ, такъ какъ меня спросили: а за что

вы получили Георгія 3-й ст. Такой вопросъ самъ по себѣ есть оскорбленіе и при томъ высшей степени, и тѣ, которые у меня это спрашивали, не могли, конечно, этого не понимать. Значитъ, задававшіе мнѣ вопросъ не смотрѣли на меня какъ прежде, то есть, не какъ на безумнаго капитана [1]), а уже какъ на трусливаго генерала. И это ихъ второе мнѣніе гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ первое. Но вотъ это мое чувство трусости и дало мнѣ возможность понять сущность трусости.

Всѣхъ трусовъ можно раздѣлить на двѣ главныхъ категоріи. Одни, и въ то же время меньшинство, подъ вліяніемъ чувства страха теряютъ всякую способность мыслить, они не могутъ даже отдать себѣ отчета въ своемъ собственномъ чувствѣ, а ужъ не говоря объ окружающей ихъ дѣйствительности. Въ нѣкоторыхъ личностяхъ этой категоріи проявляется автоматизмъ первобытнаго человѣка, когда еще онъ не владѣлъ дубиной и единственное средство, которымъ онъ пользовался въ случаѣ опасности, заключалось въ ногахъ, какъ теперь у лошади. Эти лица при первой опасности, не отдавая себѣ отчета, готовы бѣжать, куда глаза глядятъ; къ счастію, такихъ въ каждой ротѣ не много. Большая часть нижнихъ чиновъ этой категоріи проявляетъ нерѣдко особую дѣятельность, такъ напримѣръ, старается всунуть въ затворъ сразу нѣсколько патроновъ; а иногда начинаетъ вынимать вещи изъ своего мѣшка, а затѣмъ снова укладывать. Другая категорія, и эта также большая, подъ вліяніемъ опасности какъ-бы онѣмѣваетъ, нѣкоторые падаютъ и даже стараются влѣзть въ землю, усиленно работая колѣнами. Но это продолжается недолго. Вдругъ кто-нибудь крикнетъ: „а я испужался“. И захохочетъ; а затѣмъ одинъ за другимъ приходятъ въ себя и всѣ остальные, и, какъ бы ни въ чемъ не бывало, начинается работа уже при новой обстановкѣ, такъ же совершенно спокойно и разумно, какъ и до появленія опасности.

Я лично поддавался такому же страху, какъ и всѣ, но затѣмъ тотчасъ приходила мысль, не замѣтилъ ли кто-нибудь мой страхъ. Смотрю на окружающихъ, вижу—никто не замѣтилъ. Оправляюсь, на монхъ глазахъ происходитъ оживленіе. Меня обыкновенно поражало удивительное спокойствіе и простота всѣхъ окружающихъ меня нижнихъ чиновъ. Какъ я ни стараюсь быть спокойнымъ, но я чувствую, что мнѣ до ихъ спокойствія далеко, и только, когда пробудешь долго въ такой средѣ, самъ не замѣчая, придешь въ себя. Господа офицеры болѣе чувствительны и не такъ скоро приходятъ

---

[1]) Получившаго Георгія 4-й степени за переправу у Зимницы 15-го мая 1877 г. *Ред.*

въ себя. Но за то между ними есть и такіе, которые составляютъ блестящее исключеніе. Между нижними чинами такихъ исключеній мнѣ не приходилось видѣть,—общая сѣрая масса, можетъ быть это оттого, что изъ нихъ никто и не думаетъ выдѣлиться, смотря на это, какъ на самое обыденное дѣло.

Слѣдовательно, разсчитывать на какое-то особое нравственное вліяніе не приходится, хорошо ужъ и то, если офицеръ одновременно очухается и примется за работу. Вотъ отчего я предпочитаю такіе строи, въ которыхъ не все прямо лежитъ на ротномъ, а есть и буфера, — это взводные и отдѣленные начальники. Въ такомъ строю и посредственный ротный можетъ хорошо выполнить свою задачу. До турецкой войны стрѣлковыя роты въ полкахъ занимали фронтъ 1.200 шаговъ. Я на такомъ строю и учился.

Нельзя также сѣтовать на то, что нѣтъ обстрѣлянныхъ солдатъ. А я спрошу: гдѣ же есть таковые, у японцевъ что ли? Да, теперь еще вопросъ, очень ли нужны обстрѣлянные солдаты? Въ Турецкую войну, въ августовскихъ бояхъ на Шипкѣ, я былъ раненъ, но скоро возвратился въ роту.

Придя въ роту, я поблагодарилъ за бой и разговорясь сказалъ: „а все-таки вы не дрались, какъ на переправѣ“. Мнѣ отвѣчали: „да и не будемъ“. Объ этомъ я вспомнилъ уже въ Артурѣ. Читали мы письма убитыхъ японцевъ. Одинъ изъ нихъ писалъ: „Не говорите Микадо о нашихъ потеряхъ. Присылайте намъ здоровыхъ и мужественныхъ солдатъ, но не бывшихъ въ бояхъ“. Значитъ, современный бой чѣмъ-либо отличается отъ классическихъ боевъ древнихъ народовъ и нашихъ до самаго послѣдняго времени. Жаль, что нашу нынѣшнюю кампанію не изучаютъ люди, которымъ нѣтъ дѣла до политики, тогда они сами увидѣли бы и повѣдали другимъ, что нашъ солдатъ и теперь первый солдатъ въ мірѣ, какъ и былъ до сихъ поръ, внѣ зависимости отъ того, обстрѣлянный онъ, или нѣтъ. Они указали бы также, какъ устранить тѣ путы, которыя связываютъ его.

Приступаю къ изложенію самого боя.

Наканунѣ боя, т. е. 12-го мая, 4-я стрѣлковая дивизія была расположена слѣдующимъ порядкомъ. 5-й полкъ на Киньчжоуской позиціи. 13, 14-й полки и три батареи 4-й артил. бригады и двѣ батареи 7-го дивизіона всего 40 орудій на Тафашинскихъ высотахъ, 16-й полкъ и батарея въ г. Дальнемъ, 15-й полкъ былъ въ Артурѣ, но рано утромъ 13-го числа прибылъ на ст. Нангалинъ. Я находился со штабомъ 4-й дивизіи на ст. Нангалинѣ.

Въ ночь съ 12-го на 13-е мая, японцы овладѣли городомъ Киньчжоу, а въ 5-ть часовъ утра открыли огонь по позиціи со всѣхъ

230 орудій полевой и осадной артиллеріи, а вскорѣ затѣмъ открыли огонь и японскія канонерки изъ своихъ 20-ти орудій.

Когда огонь нашихъ батарей ослабъ, японская пѣхота пошла въ атаку. 4-ая дивизія повела ее на лѣвый флангъ, т. е., на окопы, занимаемые охотниками 13-го и 14-го полковъ. Атаку пришлось вести японцамъ довольно узкимъ фронтомъ, по совершенно открытой мѣстности, между городомъ и моремъ, а потому, чтобъ удлинить фронтъ, два баталіона японцевъ вошли въ воду. Атака была встрѣчена не только огнемъ двухъ охотничьихъ командъ, но и огнемъ сзади расположенныхъ ротъ: 2, 3 и 4—13-го полка и огнемъ одной батареи 4-ой бригады. Атака была отбита, особенно понесли большія потери два баталіона, наступавшіе по водѣ. При чемъ наша пѣхота стрѣляла съ прицѣломъ на 2.200 шаг.. 3-я японская дивизія одновременно повела атаку на нашъ правый флангъ. Наступая отъ бухтъ Керъ вдоль залива Хунуза, она подверглась огню канонерки „Бобръ“ и еще большему огню 3-ей батареи Романовскаго. Дивизія, подавшись къ подошвѣ Сампсона, вышла изъ-подъ орудійнаго огня. Затѣмъ, подойдя на линію деревень: Мядетенъ, Куодятенъ и Янтенсы, дивизія развернулась, а батареи выѣхали на позицію и стали открыто. Но тутъ дивизія попала подъ нашъ ужасный перекрестный огонь. Она сначала замялась, а потомъ шарахнулась назадъ и укрылась въ оврагахъ; прислуга бросила орудія и разбѣжалась. 18 орудій ближайшихъ къ нашимъ окопамъ такъ и остались безъ прислуги до момента нашего отступленія. Когда пѣхота оправилась, она стала собираться въ оврагахъ въ роты и баталіоны и потянулась къ своему правому флангу, чтобы быть внѣ фланговаго огня; за пѣхотою отправилась и артиллерія; артиллеристы подошли къ пушкамъ и повезли ихъ за пѣхотою.

3-я дивизія повела атаку на участки, что между люнетами №№ 3 и 4-й. Здѣсь мѣстность чрезвычайно благопріятствовала атакующему. Вдоль всего фронта этого участка шли овраги, которыми наступающій могъ пользоваться какъ траншеями, но что самое главное — наступающій не подвергался фланговому огню ни орудійному, ни ружейному; первому потому, что огонь Тафашинскихъ батарей не достигалъ ихъ, второй,—благодаря рельефу мѣстности,—былъ недѣйствителенъ. Но за то на этомъ участкѣ позиціи были особенно хорошо примѣнены окопы къ условіямъ мѣстности, а искусственныя препятствія были отлично укрыты въ оврагахъ и каменоломняхъ. Подполковникъ Бѣлозеръ прекрасно маневрировалъ въ длинномъ сплошномъ окопѣ, что дало ему возможность при его мужествѣ отбить ряды отчаянныхъ атакъ не только полковъ 1-й ди-

визіи, но и передвинувшейся 3-й дивизіи. Господъ офицеровъ надо ознакомить съ этимъ маневрированіемъ.

Успѣхомъ первой половины дня объясняется телеграмма генерала Надѣина къ генералу Стесселю: „Ура! Позицію отстояли, пѣхота отступила, артиллерія — частью побросала орудія, частью отошла къ Сампсону".

Мнѣ кажется, слѣдовало бы хоть теперь выяснить, чему мы обязаны, что наши артиллеристы на своихъ открытыхъ батареяхъ стояли четыре часа, въ то время, какъ храбрые японцы, думая подражать имъ, стали тоже открыто, но не устояли и четверти часа. Съ какимъ злорадствомъ мнѣ говорили, что на такой-то батареѣ остались снаряды, а на такой-то прислуга, и на такой-то пушки. А въ то же время умалчиваютъ, что у японцевъ остались пушки, осталась прислуга и остались снаряды. Скажу больше: въ нашей военной литературѣ очень оберегаютъ храбрость японцевъ; все, что можетъ накинуть хоть легкую тѣнь, тщательно скрывается; подумаешь, что задались цѣлью замѣнить образцы изъ древняго міра грековъ и римлянъ новыми образцами изъ современной Японіи и тѣмъ вдохнуть геройскій духъ въ наше юношество.

Теперь разберемъ подробнѣе, что дѣлалось у насъ на позиціи. Къ 10 ч. утра на всѣхъ батареяхъ послѣ четырехъ-часового геройскаго боя, прислуга съ разрѣшенія полковника Третьякова оставила орудія, такъ какъ далѣе стоять уже нельзя было.

Окопы праваго фланга и центра мало пострадали, и потери въ людяхъ были незначительны, а послѣ того какъ научились, какъ слѣдуетъ пользоваться окопами, потерь совсѣмъ не было, несмотря на ужасный огонь; на это не мѣшаетъ обратить вниманіе. Полковникъ Бѣлозеръ живъ и онъ охотно подѣлится своимъ опытомъ.

Редутъ № 7, лучшій по постройкѣ, не устоялъ, потому что не имѣлъ прикрытія отъ шрапнели и блиндажей. Окопы 7-й роты сильно пострадали, а про окопы 5-й роты можно сказать, что они были снесены. Вообще всѣ окопы сѣвернаго фронта сильно пострадали; 6-я рота даже оставила свои передовые окопы.

Это объясняется тѣмъ, что окопы расположены были на скатѣ, обращенномъ къ противнику, ширина фронта едва 500 ш., а условія мѣстности давали возможность непріятелю взять весь фронтъ въ перекрестный огонь всѣми 250-ю орудіями.

При чемъ нѣкоторыя батареи были расположены въ 1.000 с. отъ окоповъ, чего въ мирное время и у насъ не допустятъ. Непріятельскія батареи, расположенныя на высотахъ за городомъ, дѣйствовали съ фронта, а батареи съ отроговъ Самсона и у станціи Киньчжоу

съ одного фланга,—а флотъ съ моря съ другого фланга и тыла. Не было на всемъ фронтѣ ни одного живого мѣста.

Командиру полка полковнику Третьякову съ его батареи—редута № 13 какъ на ладони видна была вся позиція, а потому на его глазахъ происходило разрушеніе этого фронта. Кромѣ того въ началѣ десятаго часа утра командиръ 5-й роты, капитанъ Фофановъ послалъ ротнаго горниста къ полковнику Третьякову съ донесеніемъ, что окопы совсѣмъ разрушены и ротѣ держаться въ нихъ нельзя; когда горнистъ вернулся отъ командира полка, роты уже не было въ окопѣ. Затѣмъ уже командиръ 5-й роты донесъ, что рота укрылась въ оврагахъ. Командиръ 6-й роты, рота котораго была расположена сзади около редута № 8, донесъ, что передніе окопы разрушены огнемъ съ моря и съ фронта, и что людямъ держаться нельзя. Такимъ образомъ на Сѣверномъ фронтѣ образовалась уже къ 10 ч. утра порядочная брешь.

Когда атаки были отбиты, то наступило временное затишье, такъ какъ японцы начали устраиваться и передвигать артиллерію. Полковникъ Третьяковъ воспользовался этимъ временемъ и сошелъ съ батареи № 13 внизъ къ нижней траншеѣ, оттуда распорядился и отправить полковой обозъ съ двуколками въ Артуръ.

Вѣсть, что полковникъ Третьяковъ спустился внизъ, быстро облетѣла всѣ батареи, и люди стали спускаться къ нему. Полковникъ Третьяковъ, усмотрѣвъ, что артиллеристамъ нечего дѣлать, такъ какъ свои ружья они оставили въ Артурѣ, отпустилъ ихъ туда. Тутъ же онъ увидѣлъ нѣсколько стрѣлковъ 5-й роты, которые говорили ему, что ихъ ротѣ пришлось плохо и она оставила свою траншею.

Инженеръ-капитанъ Шварцъ долго ожидалъ, что его потребуетъ къ себѣ полковникъ Третьяковъ для обхода вмѣстѣ съ нимъ окоповъ, чтобы указать ему, какія произвести исправленія, и потому долго оставался на своей батареѣ, но, не получая никакихъ приказаній и видя, что артиллеристы сходятъ съ батарей, рѣшилъ идти къ полковнику Третьякову, чтобъ узнать отъ него лично, въ чемъ дѣло. Когда онъ спустился къ полковнику Третьякову, то изъ разговора съ нимъ узналъ, что въ немъ онъ не нуждается, такъ какъ обходить окопы онъ не будетъ.

Тогда капитанъ Шварцъ обратился съ просьбою къ нему отпустить и его въ Артуръ. Полковникъ Третьяковъ ему отвѣтилъ: „вамъ тутъ нечего дѣлать, поѣзжайте въ Артуръ“ и при этомъ прибавилъ: „увидите генерала Фока—попросите его, чтобы онъ прислалъ мнѣ помощь“. Съ этимъ капитанъ Шварцъ и ушелъ.

При этомъ присутствовалъ инженерный нарядчикъ, который и передалъ мнѣ эту просьбу.

Полковнику Третьякову было возможно использовать время затишья и другимъ образомъ, напримѣръ: онъ могъ бы попросить къ себѣ капитана Шварца обойти вмѣстѣ съ нимъ всѣ окопы, которые подверглись бомбардировкѣ и атакѣ; намѣтить, какъ слѣдуетъ сдѣлать исправленія и дополненія, и тутъ же сдѣлать указаніе, откуда взять нужный матеріалъ и рабочихъ; и немедленно приказать приступить къ работѣ; самому осмотрѣть людей, себя показать имъ, поблагодарить за службу и ободрить 5-ю роту, подвергшуюся тяжкому испытанію; начальствующимъ лицамъ сдѣлать надлежащія указанія и лично назначить новыхъ начальниковъ взамѣнъ убывшихъ, познакомя ихъ съ общимъ планомъ обороны, который имъ необходимо было знать въ ихъ новомъ и высшемъ служебномъ положеніи. Особенное вниманіе надо было обратить на Сѣверный фронтъ, подвергшійся полному разгрому и лишившійся своего начальника. Поступая такъ, можно было что-нибудь и сдѣлать.

Я не скажу, что редутъ № 9 можно было исправить; хотя онъ былъ хорошей постройки, но зато расположенъ невозможно, слишкомъ уже открыто. Современная артиллерія все разрушитъ, но она не любитъ хорошаго примѣненія къ мѣстности, передъ этимъ она пасуетъ.

Окопы 5-й и 6 ротъ привести въ годность для боя нельзя, но расчистить ихъ можно было и держать тамъ караулъ, который, лежа на днѣ, изрѣдка пострѣливалъ бы, а когда японцы бросились бы въ атаку, можно встать и встрѣтить ихъ; артиллерія тогда вѣдь не стрѣляетъ. Также занять овраги было можно и даже должно.

Овраги, правда, можно сказать буквально засыпались шрапнелью и забрасывались стаканами отъ снарядовъ. Но сами снаряды могли залетать туда рѣдко, а потому защитниковъ надо было укрыть только отъ шрапнели стакановъ, что было возможно. Оборону овраговъ организовать такъ: всякую вѣтку оврага занять 5—20 стрѣлками, помѣстивъ ихъ въ небольшіе окопы на 5-ть человѣкъ въ каждомъ, прикрывъ такой окопчикъ досками, какъ это было сдѣлано въ общемъ нижнемъ окопѣ. Лѣсъ можно было взять изъ наръ, оставленныхъ батареей, или изъ бараковъ. По нижнему окопу можно было носить ихъ и во время бомбардировокъ.

Все это можно было сдѣлать во время затишья, или во время „гробовой тишины“, какъ выражается полковникъ Третьяковъ. Артиллеристы съ своими офицерами особенно пригодились бы для этой задачи, а, уѣхавъ въ Артуръ, они пропали для позиціи. Но этого ничего не было сдѣлано, даже на мѣсто убывшаго начальника подполковника Сейфулина никто не былъ назначенъ, несмотря на то, что о томъ просили командиры 8 и 9-й ротъ, о чемъ донесъ подпол-

ковникъ Бѣлозеръ. Но это всего печальнѣе, что съ такимъ положеніемъ лѣваго фланга не былъ ознакомленъ подполк. Бѣлозеръ, начальникъ центра. И тѣмъ онъ былъ лишенъ возможности со своей стороны принять какія-либо мѣры. Все это въ совокупности дало возможность японцамъ набраться въ овраги и затѣмъ, какъ снѣгъ, свалиться на голову подп. Бѣлозера.

Этимъ затишьемъ полковникъ Третьяковъ воспользовался для того, чтобы послать донесеніе генер. Надѣину, а тотъ послалъ мнѣ телеграмму слѣдующаго содержанія: „13 мая 10 ч. 10 м. Ген. Фоку.

На Цзиньчжоуской позиціи, по донесенію Третьякова, всѣ батареи подбиты, прислуга перебита, жду распоряженія усилить Цзиньчжоускую позицію".

Заслуживаетъ вниманія, что не было еще десяти часовъ, какъ Третьяковъ сталъ ждать, чтобъ позиція была усилена.

Донесеніе не содержательное и не точное. Генералу Надѣину было извѣстно, что батареи молчатъ, и что артиллеристы не перебиты, а отпущены въ Артуръ.

Приблизительно число раненыхъ ему также извѣстно. Но ему не было извѣстно, что окопы 5 и 6 ротъ оставлены и люди 5-й роты находятся въ оврагахъ, и объ этомъ полк. Третьяковъ почему-то умалчиваетъ, а казалось бы, что объ этомъ послѣднемъ ему только и слѣдовало бы донести. Генералъ Надѣинъ при встрѣчѣ со мною высказалъ свое недоумѣніе, почему полковникъ Третьяковъ проситъ помощи. Меня это не удивило, онъ всѣмъ, даже начальствующимъ лицамъ говорилъ, что эту позицію онъ можетъ оборонить только съ тремя полками, а однажды сказалъ генералу Стесселю при мнѣ, что онъ можетъ выкопать окопы на всю дивизію, т. е. на пять полковъ.

Это онъ говорилъ тогда, когда, по правдѣ сказать, мы еще не вѣрили, что можетъ быть осада Артура. Не было ничего удивительнаго, что онъ заговорилъ то же самое, но ужъ подъ градомъ шимозъ и шрапнели, рвавшейся надъ его головою; я такъ на это и посмотрѣлъ.

Въ 11 час. 15 м. генералъ Надѣинъ послалъ мнѣ слѣдующую телеграмму: „Изъ Цзиньчжоу роты отступили безъ приказанія, вслѣдствіе сильнаго обстрѣливанія города; городъ горитъ". Это было не такъ. Въ сочиненіи Шварца и Романовскаго „Оборона Портъ-Артура" на стр. 229 говорится: Около 12 ч. ночи японцы, приблизившись къ городу, начали окружать его съ Востока и Юга. Сознавая, что дальнѣйшая оборона города не вызывается необходимостью и грозитъ гарнизону полной гибелью, приказалъ коменданту отходить. Полковникъ Третьяковъ, на стр. 74-й В. С. за февраль, пишетъ: „Предвидя, что непріятель начнетъ атаку нашего праваго фланга и въ случаѣ успѣха

обойдетъ городъ, я, не желая оставить трофеемъ 400 человѣкъ, которые были необходимы мнѣ и на позиціи, приказалъ коменданту, не давая себя обходить со всѣхъ сторонъ, отступить отъ города на позицію еще тогда, когда южныя ворота будутъ свободны, и расположиться въ траншеяхъ нашего лѣваго фланга".

Въ этомъ соображеніи полковника Третьякова много страннаго. Если допустить еще до боя предположеніе, что противникъ, имѣя успѣхъ, положимъ, на правомъ флангѣ, обойдетъ такіе-то пункты, а имѣя успѣхъ на лѣвомъ флангѣ, обойдетъ такіе-то пункты, и на этомъ основаніи не оборонять эти пункты какъ слѣдуетъ, то тогда и позиціи не придется занимать.

Въ данномъ случаѣ полковникъ Третьяковъ предполагаетъ успѣхъ на нашемъ правомъ флангѣ, а потому боится, что городъ будетъ обойденъ. Достаточно взглянуть на планъ, чтобъ видѣть, что будетъ обойденъ не городъ, а вся позиція „Наньшань", такъ какъ противникъ выйдетъ на Тафашинскія высоты, слѣдовательно, Третьякову нужно было оставить „Наньшань!?!"

Не могу также согласиться съ мнѣніемъ полковника Третьякова, что упорная оборона города не требовалась необходимостью и что гарнизонъ города было полезнѣе имѣть на позиціи. Напротивъ, я считаю, что самая упорная оборона города требовалась самой настоятельной необходимостью. Пока городъ не былъ взятъ, японцы не могли наступать на нашъ лѣвый флангъ, самый слабый пунктъ позиціи. А чтобъ взять городъ, надо было разбить его толстѣйшія стѣны, на что потребовалось бы громадное количество снарядовъ и времени; а если бы они, пробивъ брешь, бросились бы на штурмъ, то этотъ штурмъ обошелся бы имъ не въ одну тысячу людей. Четыреста нашихъ стрѣлковъ бились бы, имѣя каждый не менѣе какъ по сто патроновъ; въ развалинахъ города, при этихъ условіяхъ бой идетъ на смерть, пощады нѣтъ и не можетъ быть. Во всякомъ случаѣ, обороняй городъ, позиція 13-го числа взята не была бы, дальше загадывать не буду.

Не могу также не замѣтить, что назначеніе этихъ ротъ въ передовые окопы было ошибкою. Гарнизонъ не спалъ передъ тѣмъ вѣдь три ночи, японцы неоднократно подходили къ городу; люди были чрезвычайно утомлены.

Но вотъ что особенно непростительно, что гарнизонъ, отступавшій въ передовые окопы, не былъ никѣмъ встрѣченъ изъ начальствующихъ лицъ.

Про полковника Сейфулина, начальника лѣваго фланга, говорить не буду, но какъ не явился начальникъ позиціи полк. Третьяковъ, онъ же и командиръ полка, встрѣтить свои роты, бившіяся нѣсколько дней, поблагодарить ихъ, подбодрить ихъ, когда командиръ полка

долженъ встрѣтить всякую свою роту, возвращающуюся изъ обыкновенной командировки или прибывающую въ штабъ полка, хотя бы на полковой сборъ. Послѣдствіемъ этого было то, что части попали не туда, куда имъ было назначено. Вотъ какъ объ этомъ повѣствуетъ на стр. 74-й полковникъ, нынѣ генералъ Третьяковъ.

„Но въ ночной темнотѣ люди попали не на тѣ позиціи, которыя имъ мною были указаны, и на то мѣсто, гдѣ должна была стать вся 10-я рота, попали только два ея взвода, подъ командою поручика Меркульева". Изъ этого видно, какой былъ безпорядокъ: самъ командиръ роты не попалъ на указанный ему участокъ, а участокъ этотъ былъ наиболѣе важный на всей позиціи. Участокъ этотъ упирался флангами въ оба оврага, по которымъ и вошли, незамѣтно, японцы: лѣвымъ флангомъ онъ примыкалъ къ 5-й ротѣ; правымъ флангомъ чрезъ охотниковъ къ Восточному фронту. Самъ же ротный командиръ 10-й роты Гусовъ съ другой полуротой и командиръ 9-й роты Соколовъ заняли окопы у редута № 8, гдѣ сидѣлъ подполковникъ Сейфулинъ, начальникъ лѣваго фланга. Изъ этого видно, что наиважнѣйшій участокъ былъ занятъ людьми 10-й, 9-й и 2-й охотн. команды; между офицерами ротнаго командира не было ни одного, оба ротныхъ командира помѣстились, какъ видно, въ одномъ и томъ же окопѣ сзади въ 300 шагахъ. Эту ошибку легко могъ исправить самъ капитанъ Гусовъ, при томъ безъ опаски, такъ какъ чрезъ занимаемый имъ окопъ шла вѣтка оврага, по которой они могли войти въ оврагъ, а затѣмъ въ окопъ; да и по-просту они могли бы сбѣжать въ оврагъ, большихъ потерь не было бы. Непонятно для меня и то, почему подп. Сейфулинъ не исправилъ этой ошибки. Ему слѣдовало отправить на свое мѣсто не только командира 10-й роты, но и командира 9-й роты съ своею полуротою.

Слава Богу, что мы такъ дешево отдѣлались, а что бы было, погони насъ японцы слѣдомъ; кто бы ихъ встрѣтилъ?!

Теперь кстати будетъ сказать по поводу жалобы полковника Третьякова, что у него было слишкомъ много начальства. Вотъ какъ онъ на стр. 89-й говоритъ объ этомъ. „Двухъ начальниковъ на одномъ участкѣ поля сраженія быть не можетъ. А у насъ было три: генералъ Фокъ, генералъ Надѣинъ и я". А какъ иначе и можетъ быть? спрошу я.—Разъ бой ведется дивизіей и полкомъ, а не ротою. Будь хоть всѣ полки дивизіи въ одной линіи, все-таки во всякомъ полковомъ участкѣ будетъ три начальника: полковой командиръ, бригадный командиръ и начальникъ дивизіи. И начальникъ дивизіи можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за грѣхи каждаго изъ нихъ; за примѣромъ ходить не далеко.—Я понимаю, что хочетъ сказать этимъ полковникъ Третьяковъ, онъ хочетъ сказать,

что онъ одинъ долженъ былъ распоряжаться Тафашинскими полками, что онъ по его же словамъ и высказалъ генералу Надѣину; а тотъ по-просту отвѣтилъ ему: „Ну, батенька, да вы хотите цѣлой дивизіей командовать“. Если идти по такой дорожкѣ, то пожалуй и подполковникъ Бѣлозеръ могъ предъявить такія же требованія къ полковнику Третьякову, а пожалуй и ко всѣмъ полкамъ Тафашинскимъ. Скажу болѣе, если бы даже я, начальникъ дивизіи, взялъ на себя непосредственную оборону позиціи и сталъ бы управлять боемъ не съ Тафашинскихъ высотъ, а съ батареи редутъ № 13, откуда управлялъ полковникъ Третьяковъ, то я долженъ былъ бы по долгу службы и совѣсти сдать командованіе старшему находящемуся на Тафашинскихъ или Нангалинскихъ высотахъ, будь хоть это полковникъ Третьяковъ. Я объ этомъ такъ распространяюсь, потому что я убѣдился, что такого взгляда держится не одинъ полковникъ Третьяковъ. Въ данномъ же случаѣ полковникъ Третьяковъ не можетъ сказать, что фактически надъ нимъ было двѣ инстанціи; это видно изъ того, что въ началѣ боя онъ обращался къ генералу Надѣину, а когда прибылъ я, сталъ обращаться непосредственно ко мнѣ помимо генерала Надѣина, которому былъ непосредственно подчиненъ. Изъ его образа дѣйствія также видно, что онъ даже нами вовсе и не стѣснялся, и это до такой степени, что, не спросясь разрѣшенія, рѣшился принять на себя столь тяжкую отвѣтственность, какъ сдать городъ Киньчжоу безъ рѣшающаго боя.

А. В. Фокъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера [1]).

Въ Гамбургѣ мы пробыли около двухъ недѣль послѣ смерти отца, постоянно окруженные любезнымъ вниманіемъ семействъ Витте и Оппенгеймъ.

Первоначально мы думали отправиться обратно домой. Но друзья наши совѣтовали намъ, такъ какъ мы уже находимся за границей, по крайней мѣрѣ воспользоваться этимъ для укрѣпленія нашего здоровья и именно отправиться на нѣкоторое время въ Эмсъ для пользованія тамошними водами, а потомъ осенью на морское купанье въ Травемюнде, близъ Гамбурга, куда должно было пріѣхать и семейство Витте. Такъ матушка и рѣшилась сдѣлать. При отсутствіи въ то время желѣзныхъ дорогъ по предположенному направленію, мы рѣшили для избѣжанія утомительнаго сухопутнаго переѣзда въ экипажѣ отправиться моремъ въ Амстердамъ и оттуда по Рейну въ Эмсъ, который находится въ ближайшемъ разстояніи отъ Рейнской станціи Lahnstein. Въ этомъ путешествіи насъ согласился сопровождать мой двоюродный братъ, Э. Я. Шмидтъ, прибывшій въ это время тоже въ Гамбургъ по пути въ Парижъ, куда онъ ѣхалъ съ образовательною цѣлью, по окончаніи курса архитектуры въ Берлинѣ. Путешествіе въ обществѣ молодого, веселаго и умнаго спутника вышло очень пріятно. Хотя Шмидтъ былъ гораздо старше меня, онъ много занимался мною, я постоянно находился въ его обществѣ, и разговоры съ нимъ не мало содѣйствовали моему развитію.

Мы благополучно проѣхали моремъ до Амстердама и остановились на день въ этомъ замѣчательномъ городѣ. Своеобразный гол-

[1]) См. „Русскую Старину“, май 1909 г.

ландскій городъ съ его старинными домами, подходившими вплоть къ каналамъ, которые, какъ въ Венеціи, мѣстами замѣняли улицы, — представилъ для меня совершенно новое зрѣлище. Путемъ, на пароходѣ, мы познакомились съ однимъ голландцемъ, по фамиліи Тромпъ, который очень любезно занялся нами въ Амстердамѣ, водилъ насъ по городу и показывалъ намъ его достопримѣчательности. Вечеромъ онъ повелъ меня съ двоюроднымъ братомъ въ кофейню, въ которой собиралось мѣстное общество, и меня поразило, что вмѣсто кофе, или шоколада, или мороженаго, всѣ пили пуншъ изъ небольшихъ стаканчиковъ, закусывая свѣжими огурцами съ семгой.

Проѣзжая по Рейну, также на пароходѣ, на которомъ мы отправились на слѣдующій день, мы наслаждались живописными берегами этой величественной рѣки, богатой историческими воспоминаніями со временъ рыцарства. Берега Рейна усѣяны развалинами рыцарскихъ замковъ и про каждый изъ нихъ сохранилась какая-либо легенда. Большинство ихъ остаются развалинами, но нѣкоторые, напримѣръ Столценфельсъ, Роляндсэкъ, реставрированы въ древнемъ стилѣ и принадлежатъ разнымъ членамъ Прусскаго Королевскаго дома. Проѣзжая мимо этихъ развалинъ, я старался дѣлать наброски въ моемъ альбомѣ, чтобы сохранить воспоминаніе объ этомъ интересномъ путешествіи.

Въ мѣстечкѣ Ланштейнъ мы оставили пароходъ и, послѣ часового пути въ коляскѣ, прибыли въ Эмсъ.

Эмсъ расположенъ чрезвычайно живописно по обѣимъ сторонамъ рѣчки Ланъ, окруженной не высокими, но покрытыми богатою растительностью горами (Taunus-gebirge). Мы пробыли въ Эмсѣ четыре недѣли, пили воды и наслаждались природой. Моею любимою прогулкою была такъ называемая, Mooshutte, существующій до сихъ поръ павильонъ на невысокой горѣ, которая врѣзывается въ самый центръ города. Изъ этой бесѣдки былъ восхитительный видъ на весь городъ и его окрестности. Кромѣ того мы предпринимали поѣздки въ окрестности верхомъ на ослахъ, или въ экипажѣ. Помню еще поѣздку въ близъ лежащій Нассау, гдѣ меня особенно интересовалъ замокъ барона Штейна, извѣстнаго государственнаго дѣятеля во времена Наполеона I-го. Наполеонъ считалъ его своимъ личнымъ врагомъ, и Штейнъ принужденъ былъ спастись отъ его преслѣдованій въ Россію, гдѣ онъ былъ очень предупредительно принятъ Императоромъ Александромъ I-мъ. По сверженіи Наполеона онъ былъ долгое время первымъ министромъ въ Пруссіи и положилъ основаніе освобожденію крестьянъ и послѣдующимъ реформамъ гражданскаго строя государства.

Во время пребыванія въ Эмсѣ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ довольно рѣдкаго явленія природы. Проходя разъ по деревянному мосту, переброшенному черезъ рѣчку Ланъ, я вдругъ почувствовалъ какое-то сотрясеніе и колебаніе подъ ногами, какъ будто бы по мосту проѣзжалъ тяжелый экипажъ, и это движеніе сопровождалось шумомъ, производимымъ обыкновенно дребезжаніемъ желѣзныхъ колесъ и ресоръ стараго экипажа. Я остановился, оглянулся и ничего не увидѣлъ, я былъ одинъ на мосту. Не понимая, что это значитъ, я пошелъ домой, но тутъ я увидѣлъ матушку и сестеръ и всѣхъ обитателей дома, столпившихся передъ крыльцомъ, въ большомъ волненіи. Оказалось, что это было землетрясеніе, хотя и слабое, но все же очень чувствительное; въ комнатахъ на стѣнахъ стали качаться картины и зеркала. Послѣ этого мы долго не рѣшались войти въ домъ, опасаясь какъ бы землетрясеніе не повторилось.

Въ домѣ, въ которомъ мы жили, мы познакомились съ однимъ лифляндскимъ семействомъ. Однажды въ окрестностяхъ была устроена охота на сернъ (Rehbock), и нашъ знакомый принялъ въ ней участіе. Такъ какъ мнѣ хотѣлось видѣть охоту, то я просилъ его взять меня съ собою, хотя и безъ ружья, въ видѣ прогулки. Онъ на это любезно согласился, и мы отправились вмѣстѣ. Охотниковъ разставили въ лѣсу по линіи, и загонщики стали гнать на нихъ дичь. Въ срединѣ просѣки, въ которой я стоялъ съ моимъ знакомымъ, вдругъ появилась серна и стала противъ насъ. Онъ приложился на нее ружьемъ, но серна глядѣла на насъ такими добрыми, мягкими глазами, что я замѣтилъ моему товарищу: „не жаль ли вамъ убить этого бѣднаго звѣря, онъ на насъ такъ привѣтливо смотритъ“. Слова мои подѣйствовали на него, онъ взглянулъ пристально на звѣря, опустилъ ружье, въ это время серна повернулась и исчезла въ листвѣ, все это продолжалось не болѣе нѣсколькихъ секундъ. Я боялся, что мой товарищъ разсердится на меня за то, что я помѣшалъ ему, охотнику, подстрѣлить такую добычу,— но онъ очевидно былъ подъ такимъ же впечатлѣніемъ, какъ и я, и не выразилъ никакого неудовольствія по этому поводу. По окончаніи охоты, всѣ охотники собрались въ деревенскую корчму позавтракать; намъ служила какая-то крестьянская дѣвушка, и бывшій съ нами мѣстный егерь сталъ съ нею любезничать, обнимая ее и привлекая ее къ себѣ. Это зрѣлище произвело потрясающее впечатлѣніе на мои нервы, я какъ бы не зналъ, куда дѣться отъ стыда. Но эта сцена продолжалась недолго, потому что охотники замѣтили вполголоса егерю, что при молодомъ мальчикѣ не слѣдуетъ позволять себѣ такія вольности, послѣ чего онъ немедленно оставилъ дѣвушку въ покоѣ.

Наше пребываніе въ Эмсѣ продолжалось четыре недѣли, по истеченіи которыхъ мы отправились обратно въ Гамбургъ уже сухимъ путемъ въ экипажѣ. Наше путешествіе закончилось мѣсячнымъ пребываніемъ на морскомъ берегу въ Травемюнде. Это была тогда рыбацкая деревня, съ одною, кажется, всего гостиницей, куда ходили обѣдать. Жили же всѣ купавшіеся въ наемныхъ квартирахъ у рыбаковъ, которыя содержались въ большой чистотѣ. Въ концѣ деревни стоялъ высокій маякъ, въ видѣ каменной башни, куда обыкновенно я ходилъ гулять. На берегу моря дѣти собирали раковины и какіе-то особенные обостренные камни, которые называли Donnerkeile.

По возвращеніи въ Петербургъ началась совершенно новая эпоха въ моей жизни. Я не только лишился отца, но вслѣдствіе того существенно измѣнилось и имущественное наше положеніе. Изъ состоятельной семьи,—доходы моего отца отъ практики были настолько значительны, что позволяли намъ вести пріятную и беззаботную жизнь, въ красивой казенной квартирѣ, имѣть экипажъ и т. п., — изъ состоятельной семьи мы внезапно превратились въ людей, обладавшихъ крайне скудными, почти бѣдными средствами. Мой отецъ умеръ 48-ми лѣтъ, т. е. относительно еще молодымъ; при всей своей предусмотрительности онъ успѣлъ скопить только довольно скромный капиталъ, пенсію матушкѣ назначили самую ничтожную, такъ что мы остались въ крайне стѣсненномъ положеніи. А такъ какъ между близкими нашими родственниками были богатые люди, то мнѣ не разъ приходилось ощущать непріятное чувство бѣднаго родственника, это ощущеніе невольно вызывало нѣкоторую горечь и зависть при мысли, что члены семейства, съ которыми мы были прежде наряду, теперь въ имущественномъ, а потому и въ соціальномъ отношеніи стоятъ выше насъ,—но это непріятное завистливое ощущеніе проявлялось только изрѣдка, тѣмъ болѣе, что всѣ родственники безъ исключенія относились къ намъ весьма сердечно и любезно, такъ что мы по-прежнему оставались съ ними въ близкихъ отношеніяхъ. Жизнь молодого человѣка, который имѣетъ отца со связями, слагается гораздо легче, чѣмъ жизнь молодого человѣка, которому приходится самому прокладывать себѣ дорогу, что̀ дѣлается не легко. Съ другой стороны, эти тяжкія обстоятельства жизни, эта необходимость самому заботиться о себѣ и о своихъ не могла не содѣйствовать въ нѣкоторой мѣрѣ выработкѣ характера, это была тяжелая, но полезная школа жизни. Долженъ впрочемъ замѣтить, что прохожденіе годовъ молодой жизни мнѣ часто облегчалось тою доброю памятью, которую отецъ оставилъ въ людяхъ, я постоянно встрѣчалъ содѣйствіе и поддержку со стороны лицъ, даже мнѣ незнакомыхъ, но хорошо помнившихъ моего отца.

Первые дни послѣ прибытія въ Петербургъ, были проведены подъ самымъ тяжелымъ впечатлѣніемъ. Мы остановились на прежней квартирѣ,—но какъ все измѣнилось, все стало иначе! Прежде всего пришлось искать другую квартиру, — такъ какъ на казенной квартирѣ долго оставаться нельзя было. Мы пріискали небольшую квартиру въ четыре комнаты въ домѣ Шведской церкви въ Малой Конюшенной улицѣ. Но такъ какъ и эта квартира была еще слишкомъ дорога для насъ, то пришлось отдавать одну комнату сосѣднимъ жильцамъ, такъ что мы помѣстились всего въ трехъ комнатахъ, продавъ значительную часть нашей мебели, домашней утвари, сервизы и т. п.

На этой скромной квартирѣ мы прожили около шести лѣтъ, т. е. все университетское время и первые годы моего состоянія на службѣ. Пребываніе на этой квартирѣ, случайно, дало поводъ къ очень пріятному знакомству съ семьей, въ средѣ которой мы провели много пріятныхъ часовъ. Въ томъ же домѣ жило семейство покойнаго директора Петропавловской школы Коллинсъ, который, кажется, также былъ извѣстенъ, какъ преподаватель Наслѣдника, потомъ Александра II; съ этимъ семействомъ мы близко познакомились. Семейство Коллинсъ—мать, дочь-красавица и два сына, — хотя также въ скромныхъ условіяхъ, имѣли какую-то особенную способность пріятно и весело проводить жизнь. Въ ихъ скромной квартирѣ постоянно собирались молодые люди, ихъ родственники и знакомые, танцовали, играли театральныя пьесы и т. д. Я и сестры были постоянными ихъ посѣтителями, и они также часто бывали у насъ, такъ какъ дочь госпожи Коллинсъ была сверстницей моей старшей сестры по школѣ и тамъ съ нею подружилась.

Въ числѣ посѣтителей, бывшихъ у Коллинсовъ, былъ между прочими молодой человѣкъ по фамиліи Раморино, который очень близко сошелся съ нами. Его отецъ, родомъ итальянецъ, былъ маклеромъ на Петербургской биржѣ. Молодой Раморино, первый разъ, когда я встрѣтился съ нимъ у Коллинсовъ, поразилъ меня своею красотою, онъ оказался вообще очень пріятнымъ молодымъ человѣкомъ, такъ что мы съ нимъ подружились. По окончаніи курса въ Петропавловской школѣ онъ поступилъ въ Академію Художествъ и затѣмъ занимался въ числѣ другихъ молодыхъ архитекторовъ у академика профессора Тона; между прочимъ, онъ принималъ участіе въ постройкѣ собора, въ русскомъ стилѣ, находящагося у Царско-Сельской желѣзно-дорожной станціи. Лѣтомъ, когда я отправился въ деревню, какъ о томъ будетъ сказано далѣе, меня нѣсколько разъ сопровождали туда молодой Коллинсъ и Раморино; послѣдній, когда я рѣшился строить усадьбу въ нашей деревнѣ Большое Захонье,

*

сдѣлалъ мнѣ планъ для дома. Выстроенный по этому плану домъ до сихъ поръ существуетъ и служитъ намъ лѣтомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя Раморино получилъ мѣсто архитектора I-го Страхового Общества въ Одессѣ, съ очень хорошимъ содержаніемъ, но это выгодное назначеніе не послужило ему на счастіе. Онъ познакомился въ Одессѣ съ сестрой мѣстнаго полицеймейстера и женился на ней. Молодая жена стала побуждать мужа къ роскошному образу жизни; по слабости характера онъ вполнѣ подчинился вліянію жены, сталъ жить свыше средствъ—и кончилъ тѣмъ, что ему отказали отъ мѣста—вскорѣ послѣ того онъ скончался еще молодымъ человѣкомъ. У него было нѣсколько братьевъ, одинъ изъ нихъ былъ замѣчательно симпатичный человѣкъ, отличавшійся необыкновенно сильнымъ и солиднымъ характеромъ. Онъ былъ военнымъ, служилъ на Кавказѣ съ отличіемъ,—мы видѣлись съ нимъ только во времена кратковременныхъ пріѣздовъ его въ Петербургъ. Впослѣдствіи я его потерялъ изъ вида, онъ, кажется, тоже умеръ въ молодыхъ лѣтахъ.

Вслѣдъ за возвращеніемъ въ Петербургъ я поступилъ въ университетъ; надо было обзавестись мундиромъ, и вотъ А. Ф. Постельсъ сообщилъ матушкѣ, что покойный отецъ, уѣзжая за границу, оставилъ у него деньги на мое обмундированіе, съ просьбой позаботиться объ этомъ, немедленно по нашемъ возвращеніи, чтобы не терять времени. Такимъ образомъ моя экипировка не потребовала никакого расхода, можно было, однако, предполагать, что отецъ, уѣзжая, и не думалъ оставлять деньги на этотъ предметъ Постельсу и что Александръ Филипповичъ воспользовался только этой деликатной формой, чтобы оказать намъ нѣкоторую помощь изъ собственныхъ средствъ, но въ такомъ видѣ, чтобы не могли этого предполагать и не тяготились оказаннымъ пособіемъ. Въ своей заботѣ объ улучшеніи нашего положенія добрый и благородный Александръ Филипповичъ не ограничился этимъ; желая предоставить мнѣ лично нѣкоторыя средства, онъ въ теченіе всего моего университетскаго пребыванія доставлялъ мнѣ уроки, рекомендуя меня родителямъ, сыновья коихъ нуждались въ особенномъ подготовленіи или для поступленія въ гимназію, или для прохожденія гимназическаго курса. Получая за уроки отъ рубля до полутора рублей и имѣя нѣсколько уроковъ въ недѣлю, я такимъ образомъ зарабатывалъ отъ 20 до 40 руб. въ мѣсяцъ, которыми я могъ вполнѣ удовлетворить всѣмъ моимъ мелкимъ личнымъ потребностямъ, живя въ семействѣ. Въ числѣ моихъ учениковъ былъ сынъ бывшаго управляющаго Экспедиціею Заготовленія Государственныхъ Кредитныхъ бумагъ Рейхель, сынъ полковника Монте-Верде, сынъ директора канцеляріи Министерства

Государственныхъ Имуществъ Черемисинова, который въ послѣднее время состоялъ секретаремъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ и былъ извѣстенъ, какъ меломанъ, и много другихъ. Уроки шли у меня довольно хорошо, ученики мои дѣлали успѣхи, и съ родителями ихъ я находился постоянно въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, такъ что они оказывали мнѣ обыкновенно разныя любезности и знаки вниманія.

По окончаніи университетскаго курса и по поступленіи на службу, я отъ дальнѣйшихъ уроковъ отказался.

Только много лѣтъ спустя мнѣ пришлось еще давать уроки герцогу Николаю Максимиліановичу Лейхтенбергскому и покойному Государю Александру III, въ бытность его наслѣдникомъ, но объ этомъ рѣчь будетъ дальше.

Система преподаванія въ университетѣ была такова, что лекціи почти всѣхъ профессоровъ издавались въ литографированныхъ запискахъ кѣмъ-либо изъ студентовъ подъ наблюденіемъ самихъ профессоровъ,—это чрезвычайно облегчало занятія, но съ другой стороны давало возможность готовиться къ экзамену и не ходя на лекціи. Вслѣдствіе того посѣщались обыкновенно лекціи тѣхъ профессоровъ, которые считались интересными и не только по своему, но даже и по чужимъ факультетамъ, другія же лекціи напротивъ того посѣщались очень рѣдко. Изъ предметовъ моего факультета, камеральнаго, меня въ сущности интересовали только лекціи международнаго права и французской литературы, такъ какъ профессоръ Allier читалъ живо и увлекательно. Политической экономіей, которая впослѣдствіи сдѣлалась моею спеціальностью, я въ университетѣ интересовался очень мало, собственно готовился только къ экзамену, который удалось сдать довольно удовлетворительно. Съ профессоромъ Горловымъ, преподававшимъ политическую экономію, я потому во время университетской жизни не сближался; впослѣдствіи, когда я получилъ нѣкоторую извѣстность, какъ экономистъ, профессоръ Горловъ прислалъ мнѣ свой курсъ политической экономіи и, какъ до меня дошло, отзывался обо мнѣ крайне лестно на своихъ лекціяхъ, говоря студентамъ: „вотъ и Тернеръ здѣсь слушалъ лекціи, какъ и вы, а теперь онъ пользуется именемъ въ наукѣ“.—Въ сущности во время моего пребыванія въ университетѣ я главнымъ образомъ интересовался естественно-историческими науками, которыя совершенно не входили въ составъ камеральнаго факультета; слушалъ лекціи сравнительной анатоміи профессора Куторги, читалъ сочиненія о химіи извѣстнаго Либиха и занимался минералогіей. Занятіе послѣднею явилось у меня совершенно случайно. Одна изъ паціентокъ моего отца, госпожа Липранди, подарила мнѣ минерало-

гическій кабинетъ покойнаго мужа; это вызвало во мнѣ желаніе ближе ознакомиться съ этимъ предметомъ, и я сталъ заниматься минералогіей, пользуясь совѣтами моего дяди Фольборта (брата моей матушки), который былъ отличный минералогъ и палеонтологъ и составилъ себѣ имя изслѣдованіями о трелобитахъ.

Университетскіе экзамены зависѣли отъ разныхъ случайностей, такъ какъ спрашивали по билетамъ. Можно было хорошо пройти только часть предмета и получить билетъ именно по этой части, могло быть и наоборотъ—хорошо приготовиться по всему предмету, оставивъ въ сторонѣ только какую-нибудь незначительную часть, и получить билетъ именно по этой части. Такъ именно со мною случилось по государственному праву, которое читалъ профессоръ Калмыковъ. Я хорошо зналъ весь предметъ, кромѣ четырехъ вопросовъ, трактовавшихъ спеціально объ Остзейскомъ правѣ, такъ какъ эта часть государственнаго права показалась мнѣ настолько запутанной и скучной, что я бросилъ ее читать. На бѣду мнѣ попался именно первый изъ означенныхъ четырехъ билетовъ. Я не зналъ, что̀ дѣлать, и хотѣлъ уже положить билетъ, сказавъ, что я къ нему не подготовленъ. Но такъ какъ я первыя три или четыре страницы этого билета все же читалъ, то я рѣшился попробовать счастія и сталъ отвѣчать съ такимъ спокойствіемъ и такою кажущеюся увѣренностью, что когда я почти уже дошелъ до того мѣста, на которомъ мои познанія по этому скучному предмету прекращались, профессоръ сказалъ мнѣ:—видно, что вы это знаете, возьмите другой билетъ;—я былъ внѣ себя отъ радости и получилъ пять балловъ. Помню еще другой случай на экзаменѣ по сельскому хозяйству у профессора Усова. Онъ считался очень строгимъ и никому не ставилъ на экзаменѣ болѣе 3 или въ рѣдкихъ случаяхъ 4 балловъ; повидимому, онъ былъ такого мнѣнія, что мы только учимъ наизусть наши литографированныя записки и въ сущности въ сельскомъ хозяйствѣ ничего не понимаемъ,—что̀ и было совершенно справедливо. Мнѣ достался билетъ о межахъ. Въ литографированныхъ запискахъ было сказано, что если межа, т. е. граница имѣнія, совпадаетъ съ существующей дорогой, то межевые знаки ставятся вдоль такой дороги. Объяснивъ это по запискѣ, я прибавилъ, что въ этомъ случаѣ межевые знаки ставятся по обѣ стороны дороги попеременно, то по одной, то по другой сторонѣ, какъ это я замѣтилъ у насъ въ деревнѣ. Усовъ обратилъ вниманіе на мои слова и спросилъ меня, откуда я это знаю, такъ какъ въ запискахъ объ этомъ ничего не сказано, я замѣтилъ, что я видѣлъ это у насъ въ имѣніи. Онъ этимъ остался такъ доволенъ, что, принимая меня, вѣроятно, за практика сельскаго хозяина, поставилъ мнѣ въ видѣ исключенія пять.

Такъ какъ одновременно вызывались къ столу по нѣсколько студентовъ, которые брали билетъ одновременно, при чемъ между тѣмъ какъ первый изъ нихъ отвѣчалъ передъ профессоромъ, другіе садились на передовую скамейку, чтобы подготовиться и обдумать свой отвѣтъ,—то случалось, что сзади сидѣвшіе студенты подсовывали взявшимъ билеты тетрадь литографическихъ записокъ, по которой можно было приготовиться и по мало знакомому вопросу.

Отчасти вслѣдствіе хорошаго приготовленія къ экзамену, отчасти вслѣдствіе подобныхъ обманчивыхъ случайностей, мнѣ удалось выдержать выпускной экзаменъ настолько удовлетворительно, что я вышелъ первымъ кандидатомъ,—съ правомъ поступленія на службу въ столичныя учрежденія, между тѣмъ какъ всѣ остальные кандидаты обязаны были прослужить три года въ губернскихъ учрежденіяхъ.

Попечителемъ въ мое время былъ Мусинъ-Пушкинъ, вполнѣ Николаевскій генералъ, хотя и штатскій; онъ считался грозою, и его очень боялись. Главнымъ образомъ онъ смотрѣлъ однако за внѣшнимъ порядкомъ, чтобы мундиры были у студентовъ застегнуты, волосы обстрижены и т. п., такъ что студенты старались не попадаться ему на глаза. Но въ сущности онъ совершенно не стѣснялъ университетской жизни, и я не помню, чтобы кому-либо изъ студентовъ онъ дѣлалъ что-либо непріятное, кромѣ развѣ рѣзкихъ выговоровъ за какую-либо неряшливость въ одеждѣ.

Вообще какъ университетъ, такъ и гимназія оставили во мнѣ самыя хорошія воспоминанія, хотя, оставляя ихъ, я не ощущалъ того романтическаго чувства, которое особенно описывается, какъ имѣющее мѣсто при оставленіи родного питомника воспитанія — alma mater,—вообще я полагаю, что это обыкновенно описываемое чувство рѣдко проявляется въ дѣйствительности у молодыхъ людей; оставляя гимназію, уже мысленно живешь въ университетѣ,—оставляя послѣдній, уже думаешь о томъ, какъ начнется дѣйствительная самостоятельная жизнь.

Вспоминая время, проведенное въ гимназіи и въ университетѣ, я нахожу, что дѣло воспитанія въ то время было поставлено нисколько не хуже, а можетъ быть даже лучше того, какъ оно преобразовалось впослѣдствіи. Все было проще, безъ претензій и безъ фальши. Отношенія къ учителямъ и профессорамъ были удовлетворительны, профессора занимались своимъ предметомъ и не либеральничали передъ студентами, какъ это не разъ случалось впослѣдствіи; дѣло шло дѣломъ, и мы хорошо учились. Послѣдующая система классическаго образованія грѣшила тѣмъ, что все общество, а потому и учителя и профессора, не стоя на уровнѣ германской

классической педагогіи, не достигали въ образовательномъ отношеніи того, что имѣлось въ виду, а между тѣмъ была утрачена та простота, та непосредственность отношеній, которыя имѣютъ большое значеніе въ воспитательномъ смыслѣ. Мы отъ одного берега отстали, а къ другому не пристали, и вотъ почему вслѣдствіе установившихся крайне формальныхъ отношеній между воспитателями и воспитанниками, воспитательная сторона дѣла не могла не пострадать; людей учили, но не воспитывали. Между учителями и профессорами съ одной стороны и учениками и студентами съ другой установлялись или самыя сухія и безсердечныя отношенія, или либеральничанье и исканіе популярности—и то и другое должно было дѣйствовать крайне вредно.

И во время моего пребыванія въ Петербургскомъ университетѣ существовали между студентами корпораціи, которыя однако еще не назывались землячествами, но существовали онѣ лишь въ очень скромныхъ размѣрахъ, въ небольшомъ кругу аристократовъ и нѣмцевъ, стремившихся усвоить себѣ тотъ образъ студенческой жизни, который господствовалъ въ Дерптскомъ университетѣ. Но то, что естественно и полезно въ университетѣ небольшого города, въ которомъ всѣ мѣстные интересы поглощаются жизнію студентовъ, то являлось нѣсколько искусственнымъ въ столичномъ университетѣ, гдѣ напротивъ того университетская жизнь поглощалась интересами столичной жизни. Вотъ почему корпораціи не могли получить у насъ большого развитія, тѣмъ болѣе, что, не разрѣшенныя университетскимъ начальствомъ, онѣ должны были существовать тайно, и большинство студентовъ въ нихъ не участвовали и даже почти не знали о ихъ существованіи. На корпоративныхъ собраніяхъ происходили попойки и даже дуэли,—все какъ слѣдуетъ истому буршу,—но только все это носило характеръ какого-то подражанія. Впрочемъ, я не могу вполнѣ судить о корпоративной жизни, такъ какъ ни я, и никто изъ моихъ университетскихъ товарищей въ корпораціяхъ не принимали участія.

Не участвуя въ корпораціяхъ, мы за то составляли съ нѣкоторыми изъ гимназическихъ товарищей, поступившихъ въ университетъ, довольно тѣсный дружескій кружокъ. Къ этому кружку принадлежали баронъ Р. Р. Остенъ-Сакенъ, П. А. Фроловъ, Г. А. Вильде и впослѣдствіи къ намъ присоединился еще В. Ю. Познанскій. Мы собирались раза два или три въ мѣсяцъ вечеромъ, то у одного, то у другого, проводя время въ разговорахъ о разныхъ интересовавшихъ насъ предметахъ; особенно уютны были вечера у П. А. Фролова, его симпатичный, благородный и добрый характеръ образовывалъ около него какую-то особенно теплую душевную атмосферу.

Наши собранія не имѣли ничего ни политическаго, ни тенденціознаго, хотя и говорилось обо всемъ; преимущественно разговоръ шелъ о литературѣ, о театрѣ, хотя затрогивались и разные общественные вопросы; карты на нашихъ вечерахъ не допускались; не то, чтобы мы видѣли въ этомъ что-либо опасное и потому порѣшили не трогать карты, а просто потому, что у насъ время такъ быстро и такъ пріятно проходило во взаимной бесѣдѣ, что не было и повода прибѣгать къ другому препровожденію времени.

Чтобы точнѣе характеризовать нашъ кружокъ того времени, постараюсь кратко очертить личности нашихъ собесѣдниковъ.

П. А. Фроловъ, какъ я уже замѣтилъ, пользовался среди насъ особеннымъ расположеніемъ и уваженіемъ. Могу сказать, что каждому изъ насъ онъ былъ наиболѣе симпатичнымъ товарищемъ. Это былъ человѣкъ съ хорошими дарованіями, необыкновенной скромности въ оцѣнкѣ самого себя, снисходительный въ своихъ сужденіяхъ о другихъ, всегда готовый пожертвовать своими интересами на пользу другихъ. Замѣчательно, что человѣкъ, столь идеально настроенный, воплощавшій въ своей жизни и дѣятельности истинно христіанское начало, вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ вѣрующимъ человѣкомъ и это вполнѣ сознавалъ. О какомъ-либо пустомъ тщеславіи или похвальбѣ своимъ невѣріемъ у него не могло быть и рѣчи; но ему, какъ большинству православныхъ того времени, вѣра и религія раскрывались только въ видѣ сухого и оффиціальнаго формализма, который не могъ затронуть его сердце, а между тѣмъ онъ былъ слишкомъ искренній человѣкъ, чтобы не отдавать себѣ отчета въ неудовлетворительности подобнаго направленія религіи, — а такъ какъ другого ея направленія онъ нигдѣ не видѣлъ, то и пребывалъ внѣ вѣрующей сферы, ограничиваясь внѣшнимъ исполненіемъ церковныхъ обрядовъ, насколько это требовалось.

Лучшею характеристикою его истинно добраго отношенія къ людямъ можетъ служить между прочимъ слѣдующая черта. П. А. Фроловъ мало выѣзжалъ на вечера и не особенно любилъ танцовать, но когда ему приходилось увидѣть на балу дѣвицу не молодую и не красивую, которая оставалась безъ кавалера, то онъ считалъ какъ бы своимъ долгомъ подойти къ ней и ангажировать ее. Эта доброта и сострадательное сочувствіе къ другимъ проявлялась у него всегда и во всемъ, и все это было у него такъ естественно, сердечно и просто; по своему характеру онъ былъ врагъ всякой напыщенности, тенденціозности, доктринерства и напускного либеральничанья.

Можно сказать, что литература составляла главный интересъ его жизни. Онъ и Вильде, горячій театралъ, уже въ университетѣ возбудили въ нашемъ кружкѣ страсть къ литературнымъ занятіямъ.

Мы занимались переводами на русскій языкъ иностранныхъ пьесъ и разными другими писаніями. Впослѣдствіи П. А. Фроловъ продолжалъ сотрудничествовать въ разныхъ журналахъ и между прочимъ постоянно работалъ для А. А. Краевскаго въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Сотрудники Краевскаго нерѣдко на него жаловались; какъ-то было принято считать его эгоистомъ и эксплоататоромъ (Мнѣ тоже приходилось работать для Краевскаго, но я никогда не имѣлъ повода жаловаться на его отношенія ко мнѣ). Отъ П. А. Фролова я никогда не слышалъ какихъ-либо жалобъ на Краевскаго. Напротивъ того, онъ всегда утверждалъ, что редакторъ журнала принужденъ соблюдать интересы журнала и даже съ нѣкоторою строгостью по отношенію къ сотрудникамъ. Съ своей стороны Краевскій, который во всякомъ случаѣ не отличался особенною мягкостью характера, какъ-то особенно тепло былъ расположенъ къ П. А. Фролову. Благородный характеръ и самоотверженность Петра Александровича повліяли даже на сердце Краевскаго, который считался сухимъ человѣкомъ.

Какъ уже выше было замѣчено, внѣшняя сторона, либеральный этикетъ на Фролова не дѣйствовали; онъ всегда судилъ по существу, выражая свои мнѣнія скромно, но положительно и опредѣленно. Такъ, напримѣръ, онъ критиковалъ мѣру, пользовавшуюся тогда большою популярностью, — освобожденіе мѣщанъ отъ подушной подати; онъ находилъ такое освобожденіе цѣлаго сословія, и бѣдныхъ и богатыхъ, отъ личнаго налога, остающагося на другихъ сословіяхъ—несправедливымъ и прямо это высказывалъ, не стѣсняясь направленіемъ общественнаго мнѣнія. Въ тѣ времена легко было встрѣтить людей, которые кричали, восторгались произносили рѣчи,— но когда дѣло доходило до сухой дѣйствительности, до усиленной ежедневной работы безъ внѣшняго блестящаго ореола, ихъ энтузіазмъ скоро охлаждался и они или совершенно бросали работу, или начинали относиться къ ней поверхностно, безъ дѣйствительной любви къ дѣлу. П. А. Фроловъ представлялъ собою типъ прямо противоположный такимъ дешевымъ, казовымъ либераламъ. Какъ уже замѣчено, либеральныя реформы царствованія Александра II не вызвали въ немъ особеннаго восторга. Но насколько ему удавалось принимать въ нихъ или вообще въ общественной дѣятельности участіе, онъ предавался дѣлу всецѣло.

По окончаніи университетскаго курса, онъ поступилъ на службу въ городскую думу. Честолюбіе было ему чуждо; имѣя маленькое состояніе отъ матери, онъ смотрѣлъ на жизнь независимо, не ища ни богатства, ни блестящаго служебнаго положенія. Помимо своихъ литературныхъ занятій онъ предавался съ особеннымъ вниманіемъ

своимъ скромнымъ занятіямъ въ канцеляріи думы и скоро пріобрѣлъ и въ этомъ кругѣ всеобщее расположеніе и даже нравственное вліяніе. Эту служебную дѣятельность, которая не представляла для него ничего особеннаго въ будущемъ, онъ сохранилъ до самой своей смерти, привыкъ къ ней и любилъ ее. Наконецъ, самой смерти его было какъ бы суждено окончательно запечатлѣть главную черту его характера, всецѣлости и совѣстливости въ исполненіи своихъ обязанностей. Явилось новое учрежденіе; публичный судъ присяжныхъ, и скоро до Петра Александровича дошла очередь принять въ немъ участіе. Когда послѣдовалъ его выборъ въ присяжные, онъ былъ нездоровъ, но, несмотря на то, не хотѣлъ отказаться отъ исполненія своего гражданскаго долга; на судѣ онъ еще простудился во время засѣданія и по окончаніи сессіи слегъ въ постель съ воспаленіемъ печени и уже больше не вставалъ. Болѣзнь его продолжалась всего нѣсколько дней, такъ что я узналъ о его смерти, не услышавъ даже о его болѣзни. Конецъ его былъ достойнымъ концомъ его жизни; не увлекаясь общественнымъ теченіемъ, не восхищаясь тѣмъ, чѣмъ всѣ восхищались только потому, что ими восхищались другіе, онъ всецѣло посвятилъ себя общественному служенію и принесъ ему въ жертву даже свою молодую жизнь.

П. А. Фроловъ оставилъ во мнѣ одно изъ самыхъ теплыхъ и высокихъ воспоминаній. Въ дополненіе къ вышесказанному, считаю нужнымъ воспроизвести здѣсь некрологъ Петра Александровича, появившійся въ печати послѣ его смерти, кажется, въ „Русскомъ Ремесленникѣ“.

П. А. Фроловъ былъ редакторомъ „Русскаго Ремесленника“ съ самаго начала его основанія, въ 1862 году. Врядъ ли бы мысль о журналѣ на пользу ремесленниковъ осуществилась скоро, если бы Фроловъ съ самаго начала не принялъ горячаго участія въ этомъ дѣлѣ. Фроловъ нерѣдко называлъ себя реалистомъ, но его участіе въ дѣлѣ „Ремесленника“ вызывалось не разсчетомъ на выгоду, а желаніемъ добра; это потому, что онъ хотѣлъ пользы для всѣхъ. Онъ работалъ много, работалъ добросовѣстно, а люди, знакомые съ дѣломъ, знаютъ, какъ трудно начинать новое, небывалое дѣло.

„П. А. Фроловъ скончался на 40-мъ году отъ рожденія. Страдая отъ простуды, онъ посѣщалъ засѣданія окружнаго суда, куда былъ назначенъ присяжнымъ засѣдателемъ. Простуда обратилась въ возвратную горячку, разлилась желчь, и П. А. Фроловъ, послѣ кратковременной болѣзни, скончался 29 марта (1867).

„По окончаніи курса С.-Петербургскомъ университетѣ, Фроловъ поступилъ на службу въ канцелярію Общей Думы по отдѣленію ремесленнаго сословія. Служба въ Думѣ, только-что преобразованной

въ то время на новыхъ началахъ, приходилась по сердцу многимъ изъ образованныхъ молодыхъ людей. Фроловъ былъ членомъ театральнаго комитета для разбора пьесъ; онъ занимался въ разныхъ комиссіяхъ при статистическомъ комитетѣ, былъ гласнымъ Общей Думы и въ послѣдніе годы редакторомъ „Извѣстій городской Думы“, съ самаго основанія этого изданія.

„Разнообразныя занятія не отвлекли Фролова отъ литературы. Еще въ гимназіи онъ издавалъ классный журналъ, тогда это было въ обычаѣ. Уже въ 1849 г. появилось въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ нѣсколько повѣстей Фролова. Изъ нихъ обратили на себя вниманіе „Желѣзная маска“ и „Тайна“. Разсказъ полный юмора „Раекъ“, о которомъ многіе говорили въ то время, былъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Его милое и граціозное созданіе „Сумерки“ (напечатано тамъ же), повѣсть, въ которой просто и трогательно разсказывается неутѣшительная исторія трехъ устарѣвшихъ дѣвицъ, не потеряла, сколько намъ кажется, отъ времени ни по литературной обработкѣ, ни по искусной группировкѣ сценъ около фортепіано, устарѣвшаго вмѣстѣ съ дѣвушками, ни по вѣрности изображенія жизни нѣкоторыхъ слоевъ нашего общества. Фроловъ долгое время писалъ занимательные фельетоны въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Русскомъ Инвалидѣ“. Для театра онъ писалъ комедіи: „Маленькія ласки“, „Капризница“ и „Быть или не быть“, которая недавно была поставлена на сцену и встрѣчена была съ полнымъ сочувствіемъ въ нашей журналистикѣ. Кромѣ всего этого, онъ написалъ еще нѣсколько повѣстей и перевелъ еще нѣсколько пьесъ. Въ бумагахъ Фролова осталась необработанная драма „Подруга жизни“. Въ 1858 г. онъ вмѣстѣ съ г. Вильде издалъ „Драматическій Сборникъ“.

„Фроловъ никогда не писалъ въ духѣ партіи, никогда не смѣялся надъ тѣмъ, что казалось смѣшнымъ сегодня и могло показаться печальнымъ и достойнымъ сожалѣнія завтра. Оттого въ его произведеніяхъ нѣтъ ни трезвона, ни эффектности, нѣтъ лести страстямъ читателя или зрителя, но въ нихъ есть то, что встрѣчается у насъ, къ сожалѣнію, не очень часто, въ нихъ есть честность. Фроловъ въ своихъ произведеніяхъ не является врагомъ того или другого лица, сословія или поколѣнія; онъ врагъ того, что абсолютно ложно, врагъ порока, въ комъ бы онъ ни проявлялся, врагъ предразсудка, кто бы его ни защищалъ. Такимъ же онъ былъ и на службѣ. Оттого въ его произведеніяхъ разсматриваются общіе вопросы, а не частныя сословныя ссоры; оттого нѣтъ въ нихъ ненависти, а есть теплота. Такія произведенія не пользуются успѣхомъ въ наше время.

„Фроловъ былъ мало извѣстенъ. Это не значитъ, чтобы у него

не было самолюбія; но его самолюбіе дѣйствовало не такъ, какъ оно дѣйствуетъ у многихъ. Фроловъ жилъ для себя и для близкихъ ему. Онъ не кричалъ по-пустому, не красовался, не представлялъ изъ себя ни либерала, ни консерватора, не втирался въ кружки; онъ даже не разсказывалъ никому о своихъ работахъ, не подписывался подъ своими произведеніями—словомъ, онъ не старался самъ составить себѣ извѣстность. Онъ, повидимому, пренебрегалъ мелкими происками и надѣялся только на свой трудъ. Онъ хотѣлъ, чтобы говорила за него его работа; онъ шелъ тѣмъ труднымъ, тяжелымъ, но честнымъ путемъ, которымъ такъ рѣдко доходятъ до извѣстности не только у насъ въ Россіи.

„Здѣсь не мѣсто входить въ частныя связи и отношенія. Замѣтимъ только, что Фроловъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, около которыхъ собирался кружокъ товарищей; замѣтимъ, что онъ былъ изъ тѣхъ не часто встрѣчающихся лицъ, съ которыми возможно говорить вполнѣ откровенно, не опасаясь встрѣтить ни покровительственнаго тона, ни важничанья, ни холоднаго равнодушія. Онъ умѣлъ сочувствовать чужому горю и чужой радости, потому что самъ онъ зналъ не много радости и довольно горя, хотя для непривычнаго глаза онъ казался всегда ровнымъ, спокойнымъ и довольнымъ“.

Баронъ Робертъ Романовичъ Остенъ-Сакенъ былъ человѣкъ необыкновеннаго ума и способностей, хотя и нѣсколько тяжелаго, любившаго властвовать, характера. Хотя эта сторона его характера нерѣдко меня стѣсняла въ нашихъ близкихъ отношеніяхъ, но, несмотря на то, наши отношенія оставались всегда вполнѣ пріятельскими, и я не могу не указать на полезное вліяніе, которое онъ имѣлъ на меня. Его способности и его умственная энергія, проявлявшаяся какъ въ научныхъ, такъ и въ служебныхъ занятіяхъ, привязывали меня къ нему и вызывали меня подражать ему. Онъ много занимался естественными науками и особенно пристрастился къ энтомологіи, которою онъ не переставалъ заниматься и въ послѣдующіе годы жизни съ большимъ успѣхомъ; его монографіи въ этой области пользовались заслуженною извѣстностью. Такъ какъ его отецъ занималъ выдающееся положеніе въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, то Робертъ Романовичъ по выходѣ изъ университета вскорѣ поступилъ въ канцелярію этого министерства, во главѣ которой стоялъ тогда Вестманъ, и которая, по своему составу, считалась тогда квинтессенціею аристократическихъ чиновниковъ. Впослѣдствіи Остенъ-Сакенъ былъ назначенъ секретаремъ миссіи въ Вашингтонѣ, былъ тамъ временно повѣреннымъ въ дѣлахъ, но, по своему независимому характеру не поладивъ съ княземъ

Горчаковымъ, былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Нью-Іоркъ, а потомъ совершенно оставилъ службу и, поселившись въ Гейдельбергѣ, предался исключительно ученымъ занятіямъ. Странно, что его судьба была совершеннымъ повтореніемъ судьбы близкаго родственника, брата его отца, который тоже былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Вашингтонѣ, тоже разошелся съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, оставилъ службу и поселился окончательно въ томъ же Гейдельбергѣ.

Въ семействѣ барона Сакена я встрѣчался нерѣдко съ отцомъ баронессы матери, Энгельгардомъ, бывшимъ директоромъ лицея. Это былъ замѣчательный человѣкъ, сохранившій еще всѣ привычки павловскихъ временъ, между прочимъ и костюмъ того времени: чулки, башмаки и короткіе штаны. Онъ часто любилъ разсказывать разные анекдоты временъ Императора Павла и иногда даже нѣсколько гривуазнаго свойства. Такъ я помню, онъ разсказывалъ, что во времена Императора Павла, при встрѣчѣ съ Императоромъ и мужчины и дамы должны были выходить изъ экипажа и кланяться Императору. Разъ ѣхала въ каретѣ какая-то толстая помѣщица и, повстрѣчавшись съ Императоромъ, стала вылѣзать изъ экипажа. Очень неуклюжая, она стала вылѣзать задомъ изъ кареты, но такъ какъ она была очень толстая, то ея юбки зацѣпились за дверцы и она спустилась на землю, показывая обнаженною такую часть тѣла, которую обыкновенно скрываютъ подъ юбками. Императоръ Павелъ обратилъ на нее вниманіе и, не понимая, что это такое происходитъ, взялъ лорнетку и сталъ на нее смотрѣть, узнавъ наконецъ какую часть тѣла онъ видитъ передъ собой, самъ Императоръ сконфузился и сказалъ сопровождавшему его адъютанту: „фу, фу, помоги ей влѣзть въ карету“.

Василій Юрьевичъ Познанскій, человѣкъ чрезвычайно воспріимчивый, веселый и остроумный; одинъ только изъ нашего кружка онъ много обращался въ обществѣ и имѣлъ большой успѣхъ у дамъ. Послѣ университета онъ поступилъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, департаментъ внутреннихъ сношеній, гдѣ сначала его служебная карьера шла очень хорошо; онъ скоро былъ сдѣланъ столоначальникомъ, потомъ начальникомъ отдѣленія, и такъ какъ я тоже поступилъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, то мнѣ пришлось служить подъ его начальствомъ, и я долженъ отдать ему справедливость, что онъ умѣлъ соединить авторитетъ начальника въ дѣлахъ съ сохраненіемъ прежнихъ пріятельскихъ отношеній. Впослѣдствіи онъ перешелъ на службу въ Министерство Двора. Познанскій былъ основателемъ и долгое время Командоромъ С.-Петербургскаго рѣчного Яхтъ-Клуба. Такъ какъ первый разъ ему пришлось

плавать подъ парусами въ моей лодкѣ,—мы жили тогда на дачѣ въ Новой Деревнѣ и я страшно любилъ кататься въ лодкѣ на Невѣ, предпринимая тогда даже довольно далекія экскурсіи,—то я считалъ себя иниціаторомъ его въ этомъ спортѣ и какъ бы отдаленнымъ родоначальникомъ Яхтъ-Клуба, въ который впрочемъ я никогда не вступалъ членомъ, предпочитая самостоятельныя рѣчныя странствованія.

М. Г. Вильде былъ страстнымъ театраломъ, онъ внесъ и въ нашъ кружокъ страсть къ театру. Его младшій братъ до того раздѣлялъ эту страсть, что сдѣлался актеромъ и, кажется, имѣлъ нѣкоторый успѣхъ на Московской сценѣ (подъ чужимъ именемъ).

Появленіе всякой новой пьесы вызывало въ насъ особенный интересъ, и сужденія о театрѣ всецѣло нами овладѣли. Въ то время славился особенно Михайловскій театръ превосходною игрою французской группы. Каждую субботу, мы четверо вмѣстѣ, Сакенъ, Фроловъ, Вильде и я отправлялись во французскій театръ; это былъ день бенефисовъ, когда обыкновенно давали новыя пьесы. Такъ какъ наши средства были очень скромны, то мы отправлялись всегда въ раекъ, платя по 25 коп. за билетъ. Но это былъ раекъ прежняго Михайловскаго театра, который тогда еще былъ гораздо менѣе настоящаго, но болѣе уютенъ, такъ какъ впослѣдствіи его значительно увеличили и возвысили пристройкою нѣсколькихъ ярусовъ [1]). Я долженъ сознаться, что я никогда такъ не наслаждался театромъ впослѣдствіи, сидя въ первыхъ рядахъ креселъ, какъ въ то время въ райкѣ, гдѣ ничто не отвлекало насъ отъ сцены. Сидя на послѣдней скамейкѣ райка, мы всегда старались получить мѣста на ней, такъ какъ за нею уже не помѣщалась публика, а сидѣть было удобно, все было видно и слышно—мы не спускали глазъ со

---

[1]) По поводу перестройки Михайловскаго театра припоминаю слѣдующій курьезный эпизодъ. Перестраивалъ театръ Кованъ; я былъ въ то время корреспондентомъ газеты „Nord“. По окончаніи постройки и прежде открытія театра, сынъ Кованъ, съ которымъ я былъ знакомъ, пригласилъ меня, очевидно въ качествѣ корреспондента, посѣтить новую залу Михайловскаго театра. Хотя постройка была произведена довольно изящно, но я такъ любилъ прежній небольшой Михайловскій театръ, что мнѣ казалось, что перестройка нарушила внутреннюю гармонію прежняго уютнаго зала. Въ такомъ смыслѣ я написалъ корреспонденцію въ „Nord“. Нѣсколько дней спустя ко мнѣ пришелъ молодой Кованъ и въ крайнемъ негодованіи сталъ упрекать меня въ томъ, что, несмотря на то, что онъ имѣлъ любезность показать мнѣ новый театръ, прежде чѣмъ онъ былъ открытъ для публики, я дерзнулъ критиковать постройку его отца. Онъ полагалъ, что, сдѣлавъ мнѣ такую любезность, онъ могъ быть увѣренъ, что я ничего кромѣ самаго лестнаго не напишу о новомъ театрѣ.

сцены и, ничѣмъ не развлекаясь, вполнѣ предавались интересу сюжета пьесы и наслажденію превосходной игрою актеровъ. Апельсины или яблоки, которые мы приносили съ собою, служили намъ пріятнымъ прохладительнымъ средствомъ въ жаркой атмосферѣ райка. Возвращаясь поздно вечеромъ домой, я обыкновенно находилъ у себя въ комнатѣ приготовленный скромный ужинъ и просиживалъ долгое время за нимъ, куря сигару, воспроизводя въ памяти впечатлѣнія, вынесенныя изъ театра, и уносясь воображеніемъ въ разныя романтическія и поэтическія области, далекія отъ ежедневной дѣйствительности.

Вильде сдѣлался впослѣдствіи сотрудникомъ Очкина по изданію „Петербургскихъ Вѣдомостей“ и женился на старшей его дочери.

Всѣ вышеуказанные товарищи были курсомъ выше меня. Изъ моего курса я особенно сошелся съ двумя студентами—Оомомъ и Фромандьеромъ, съ которыми мы, втроемъ, постоянно готовились къ экзаменамъ, часто просиживая вмѣстѣ ночи.

Ѳедоръ Адольфовичъ Оомъ, впослѣдствіи секретарь Императрицы Маріи Ѳеодоровны и почетный опекунъ, умершій въ 1898-мъ году, былъ сыномъ директриссы Воспитательнаго Дома. Въ семействѣ у нихъ (у нея были еще три дочери) по вечерамъ собиралась молодежь и очень пріятно и весело проводила время. Разъ въ году въ Воспитательномъ Домѣ устраивался большой балъ для воспитанницъ, на которомъ присутствовали и постоянные посѣтители ихъ семейныхъ вечеровъ. Что касается меня, то я сталъ посѣщать этотъ пріятный кружокъ только въ послѣднее время моего пребыванія въ университетѣ. Ѳедоръ Адольфовичъ женился на младшей дочери Очкина, а его дочь вышла замужъ за В. Н. Коковцова, впослѣдствіи товарища министра финансовъ Витте [1]). Двое изъ сестеръ Оома вышли замужъ за двухъ братьевъ Плеске. Покойная Императрица Александра Ѳеодоровна, супруга Императора Николая, очень любила m-me Оомъ, и разсказываютъ, что когда узнала о помолвкѣ двухъ ея дочерей съ двумя братьями Плеске, она будто спросила: „нѣтъ ли еще третьяго брата для третьей дочери?“ Сынъ одной изъ дочерей m-me Оомъ, Эдуардъ Дмитріевичъ Плеске, замѣчательно дѣльный, основательный и симпатичный по своей скромности человѣкъ, былъ впослѣдствіи управляющимъ Государственнымъ банкомъ.

Вслѣдъ за окончаніемъ университетскаго курса Ѳедоръ Адольфовичъ получилъ блестящее для столь молодого человѣка служебное назначеніе, такъ что мы всѣ, его товарищи, завидовали ему. Онъ

[1]) Нынѣ министръ финансовъ.

былъ назначенъ состоять при будущемъ Наслѣдникѣ Николаѣ Александровичѣ. Въ этомъ положеніи онъ оставался до конца жизни покойнаго Наслѣдника, сопровождалъ его вмѣстѣ съ графомъ Строгановымъ, во время послѣдней поѣздки его за границу, и присутствовалъ при его кончинѣ. Нѣсколько времени до собственной своей смерти Ѳедоръ Адольфовичъ издалъ небольшое сочиненіе, содержащее разныя воспоминанія изъ его жизни, почти вполнѣ протекшей при Дворѣ, и между прочимъ описаніе послѣдней поѣздки Наслѣдника за границу, его болѣзнь и смерть. Послѣ кончины Наслѣдника Николая Александровича, Ѳедоръ Адольфовичъ былъ назначенъ состоять секретаремъ при молодой супругѣ новаго Наслѣдника, Маріи Ѳеодоровнѣ, и оставался въ этомъ положеніи очень продолжительное время.

Фромандьеръ, близкій другъ Ооома, былъ добрый малый и пріятный собесѣдникъ; послѣ выхода изъ университета онъ оставилъ Петербургъ и отправился служить въ провинцію, такъ что я его долгое время совершенно потерялъ изъ виду. Много лѣтъ спустя, состоя въ званіи предводителя дворянства въ одной изъ западныхъ губерній, онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и посѣтилъ меня. Встрѣча наша была очень радушная, и мы вспоминали вмѣстѣ о добромъ, старомъ времени нашей молодости.

У Познанскаго былъ давнишній другъ Мозжечковъ. Съ нимъ я тоже былъ знакомъ еще изъ второй гимназіи, гдѣ мы вмѣстѣ обучались, въ университетѣ я тоже съ нимъ встрѣчался, хотя рѣже, чѣмъ съ прочими товарищами, потому что онъ почти никогда не бывалъ на нашихъ вечерахъ. Мозжечковъ былъ скромнаго бѣднаго происхожденія, сынъ гравера, у котораго долго былъ небольшой магазинъ, на Гороховой, многимъ очень извѣстный. Въ гимназіи Мозжечковъ пользовался необычайнымъ уваженіемъ своихъ товарищей, его считали какимъ-то геніемъ, и дѣйствительно это былъ молодой человѣкъ съ замѣчательно свѣтлымъ умомъ и твердымъ характеромъ; онъ очень хорошо писалъ, и нѣкоторое время редактировалъ даже гимназическій журналъ, который въ писаныхъ экземплярахъ появлялся отъ времени до времени, и который мы всѣ, гимназисты, читали съ увлеченіемъ. По окончаніи университетскаго курса онъ получилъ мѣсто въ Петербургѣ въ Полицейскомъ Управленіи. Удивительно, какъ онъ умѣлъ поставить себя въ этой средѣ. Сохраняя вполнѣ свой характеръ и свою нравственную чистоту, онъ снисходительно и гуманно относился къ своимъ сослуживцамъ, хотя онъ не могъ не знать, что они почти всѣ брали взятки, но онъ понималъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что при ничтожномъ грошевомъ жалованіи, которое тогда получали эти чиновники, имъ иначе нельзя было и

существовать. Но, повторяю, и въ этомъ трудномъ и скромномъ положеніи онъ съумѣлъ сохранить свое достоинство, такъ что его сослуживцы смотрѣли на него съ уваженіемъ. Ему къ сожалѣнію не суждено было долго жить, у него развилась чахотка, которая его унесла немного лѣтъ спустя по выходѣ изъ университета. Умеръ онъ въ Обуховской больницѣ, потому что не имѣлъ, при недостаточныхъ своихъ средствахъ, необходимаго ухода за собою дома; ему по неволѣ пришлось, когда его болѣзнь получила уже нѣкоторое развитіе, перебраться въ больницу, какъ ему это было ни тяжело, потому что онъ хорошо сознавалъ, что переходить въ больницу—умирать. Я его посѣтилъ въ больницѣ за день до его смерти и долго бесѣдовалъ съ нимъ, онъ былъ въ спокойномъ настроеніи духа, въ полной преданности судьбѣ. Нѣсколько дней спустя мы, его университетскіе товарищи, присутствовали на его скромныхъ похоронахъ изъ Обуховской больницы.

Если бы этотъ человѣкъ остался жить, то я увѣренъ, что его ожидала бы богатая будущность, ибо рѣдко я встрѣчалъ молодого человѣка съ такими дарованіями и съ такимъ твердымъ, благороднымъ и рѣшительнымъ характеромъ. Замѣчательно, что, по выходѣ изъ университета, онъ, почти единственный изъ нашего кружка, не предавался литературнымъ занятіямъ, къ которымъ онъ имѣлъ такія способности. Вѣроятно, усиленныя служебныя занятія при скромныхъ условіяхъ жизни отнимали у него все время.

Окончательно остается еще сказать нѣсколько словъ о Яроцкомъ, съ которымъ я вмѣстѣ проходилъ гимназію и который вмѣстѣ со мною поступилъ въ университетъ. Въ гимназіи мы были очень близки; во время рекреацій мы обыкновенно разгуливали вмѣстѣ, и онъ разсказывалъ мнѣ сюжеты повѣстей Марлинскаго. Въ университетѣ я видѣлся съ нимъ рѣже, потому, что онъ не принадлежалъ къ нашему кружку. Впослѣдствіи мы встрѣтились опять вмѣстѣ на службѣ въ таможенномъ департаментѣ, гдѣ онъ состоялъ столоначальникомъ, въ то время какъ я былъ вице-директоромъ и временно управляющимъ департаментомъ. Оставляя департаментъ, я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы назначить ему, еще передъ моимъ выходомъ, повышеніе жалованья внѣ обычнаго порядка.

Прежде чѣмъ покончить съ университетскимъ временемъ, надо еще коснуться препровожденія лѣтняго времени во время вакансій въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ 1847—1850 г.г. Первое изъ нихъ было проведено въ Гельсингфорсѣ, а остальныя три въ деревнѣ.

При жизни отца мы обыкновенно проводили лѣто въ Новой Деревнѣ, въ зданіи искусственныхъ минеральныхъ водъ, гдѣ нашему семейству была отведена очень удобная и красивая квартира.

Не имѣя, на первое время послѣ кончины отца, достаточно средствъ, чтобы нанять дачу въ окрестностяхъ Петербурга, матушка рѣшилась провести лѣто съ нами въ Гельсингфорсѣ, гдѣ жизнь считалась дешевле, а морской климатъ чрезвычайно здоровымъ,— тѣмъ болѣе, что туда же отправлялись на лѣто семейства двухъ сестеръ моего покойнаго отца Шмидтъ и Эрихсенъ. Въ назначенный день мы сѣли на пароходъ и, черезъ Выборгъ, отправились въ Гельсингфорсъ. Первая часть пути до Выборга, когда пароходъ идетъ открытымъ моремъ, была менѣе пріятна, ибо, сколько помню, насъ порядкомъ покачало. Но за то съ самаго Выборга поѣздка между шхерами представляла собою восхитительное путешествіе. Первое пріятное впечатлѣніе было во время кратковременной стоянки въ Выборгѣ. Всѣ пассажиры перебрались на довольно высокій холмъ на самомъ берегу моря, за городомъ, недалеко отъ мѣста стоянки парохода. Изъ окрестныхъ деревень намъ принесли молоко, хлѣбъ и простоквашу,—и такимъ образомъ самъ собою образовался сельскій ужинъ, вродѣ partie de plaisir, такъ что всѣ пассажиры очень пріятно провели три, четыре часа въ этой красивой мѣстности, наслаждаясь и природой, и матеріальными благами, доставленными намъ сосѣдними жителями. За Выборгомъ, весь Финляндскій берегъ окруженъ островами, шхерами, покрытыми богатою сѣверною растительностью, между которыми пароходъ пролагалъ себѣ путь, по болѣе или менѣе широкимъ естественнымъ каналамъ, представляя взорамъ все новые и разнообразные виды, чарующіе своею прелестью. На второй или третій день мы приблизились къ Гельсингфорсу, превосходившему живописностью своего положенія все до сихъ поръ мною видѣнное. Вблизи Гельсингфорса число острововъ какъ бы увеличивается и попадаются уже болѣе заселенные острова съ красивыми постройками, дачами; при самомъ входѣ въ портъ взорамъ открывается величественный Свеаборгъ, крѣпость, построенная на колоссальной гранитной скалѣ, и наконецъ самый Гельсингфорсъ, поднимающійся амфитеатрально съ моря, по скалистымъ берегамъ, и на самомъ верху величественная лютеранская церковь, греческой архитектуры, господствующая надъ всѣмъ городомъ. Впослѣдствіи противъ нея былъ построенъ православный русскій храмъ, но тогда его не было.

Намъ удалось нанять въ Гельсингфорсѣ скромную, но удобную квартиру въ зданіи купаленъ на самомъ берегу моря. Лѣто, проведенное въ Гельсингфорсѣ, оставило во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія [1]). Главнымъ удовольствіемъ были поѣздки на лодкѣ по

[1]) Финляндцы показались мнѣ очень добрымъ и хорошимъ народомъ, въ то время я не могъ замѣтить антагонизма между финляндцами и русскими.

морю въ обществѣ двухъ двоюродныхъ братьевъ—Ивана Александровича и Александра Александровича Эрихсенъ. Мы обыкновенно брали съ собою провизію и отправлялись на какой-нибудь необитаемый скалистый островокъ, которыми море усѣяно въ окрестностяхъ Гельсингфорса, гуляли по острову, завтракали на берегу моря и потомъ отправлялись обратно; кромѣ того мы въ какой-то лавкѣ добыли старую чугунную пушку, изъ которой мы палили салютъ, приставая къ открытому нами острову и уѣзжая съ него.

Нерѣдко предпринимались разныя экскурсіи въ окрестности, въ большомъ обществѣ, съ дамами. Для этого рода экскурсій нанимались особеннаго рода колесные баркасы, въ видѣ пароходовъ, но только колеса приводились въ движеніе не паромъ, а ручными рычагами. Въ Гельсингфорсѣ у морскихъ купаленъ былъ большой кургаузъ; по вечерамъ въ немъ бывали балы, на которые собиралось все мѣстное общество и всѣ пріѣзжіе. Между прогулками и вечеринками я занимался чтеніемъ романовъ Марлинскаго и Лермонтова, которые я получалъ на прокатъ изъ мѣстной книжной лавки. До сихъ поръ вспоминаю, съ какимъ увлеченіемъ я читалъ „Герой нашего времени“.

Въ это время я уже все болѣе и болѣе началъ сознавать себя молодымъ человѣкомъ, уже переставшимъ быть мальчикомъ; сознаніе это старались поддержать во мнѣ и родственники, ободряя меня, потому что я былъ тогда крайне конфузливъ. Я еще помню разговоръ съ кузиной, въ которомъ она старалась мнѣ объяснить, что мнѣ не слѣдуетъ женироваться въ обществѣ, а разговаривать спокойно съ дамами, какъ подобаетъ молодому человѣку.

Изъ Гельсингфорса я поѣхалъ на нѣсколько дней въ Ревель, чтобы посѣтить тамъ семейство генерала Вильмана, мужа моей двоюродной сестры и моего друга барона Сакена, который съ своимъ семействомъ проводилъ лѣто въ Ревелѣ.

Генералъ Вильманъ прослужилъ почти всю жизнь на Кавказѣ и въ уже довольно преклонныхъ лѣтахъ взялъ отставку и переселился въ Петербургъ. Здѣсь онъ сошелся съ моей двоюродной сестрой Алиною Егоровною Шмидтъ и женился на ней. Но они недолго жили въ согласіи. Онъ старый холостякъ, со всѣми привычками холостяка, и къ тому же порядочный педантъ — не могъ ужиться съ молодою женою, которая къ тому же была очень избалована дома и оставалась подъ вліяніемъ матери и послѣ брака, очень хорошей доброй женщины, но, къ сожалѣнію, отстаивавшей всегда и во всемъ свою дочь передъ мужемъ,—дѣло дошло до того, что они разъѣхались. Но такъ какъ никакихъ другихъ, болѣе существенныхъ причинъ, кромѣ incompatibilité d'humeur, къ раз-

рыву между супругами не существовало, то все семейство старалось помирить ихъ и свести ихъ опять вмѣстѣ. Эти старанія увѣнчались успѣхомъ именно во время нашего пребыванія въ Гельсингфорсѣ. Генералъ Вильманъ пріѣхалъ изъ Ревеля, гдѣ жило его семейство, въ Гельсингфорсъ, примирился съ женою и потому былъ очень любезенъ со всѣмъ нашимъ семействомъ. Часть этой любезности отразилась и на мнѣ, и я получилъ приглашеніе посѣтить его въ Ревелѣ, куда онъ возвратился послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Гельсингфорсѣ. Все въ домѣ Вильмана въ Ревелѣ поражало меня своею своеобразностью. Онъ жилъ въ Ревелѣ въ собственномъ родовомъ домѣ; вся обстановка, внутреннее убранство дома и мебель напоминали бытъ бюргеровъ средней руки прошлаго столѣтія. Въ немъ, кажется, съ теченіемъ времени ничего не измѣнилось. Это былъ intérieur вродѣ описываемаго въ старинныхъ романахъ. Во всемъ домѣ жили тогда только самъ генералъ Вильманъ съ сестрою, такъ какъ жена его еще оставалась въ Гельсингфорсѣ, и потому царствовала удивительная тишина и видно было, что вся жизнь въ немъ сложилась въ давно установившіяся привычки. Со мною хозяева были очень любезны, ни въ чемъ не стѣсняли меня, и предоставляли мнѣ пользоваться временемъ, какъ мнѣ приходило въ голову. Я много гулялъ по Ревелю вмѣстѣ съ барономъ Сакеномъ и наслаждался живописными окрестностями этого стариннаго города, сохранившаго также не мало задатковъ исторической старины въ окружающихъ его средневѣковыхъ стѣнахъ, большихъ старинныхъ церквахъ и т. д.

Жена Вильмана немного лѣтъ спустя умерла во время родовъ, давъ жизнь дочери,—еще прежде у нея родился сынъ. По смерти отца дѣтямъ осталось хорошее состояніе, и странно, оба они переселились за границу. Дочь вышла за учителя-иностранца, жившаго въ Россіи, но вскорѣ послѣ брака возвратившагося въ свое отечество Дармштадтъ. Сынъ же по окончаніи курса въ Дерптскомъ университетѣ отправился за границу для окончанія тамъ своего образованія, посвятилъ себя изученію инженернаго искусства и кончилъ тѣмъ, что тоже поселился въ Дармштадтѣ, получивъ тамъ скромное мѣсто учителя въ технической школѣ. Между тѣмъ, какъ иностранцы пріѣзжали и продолжаютъ пріѣзжать въ Россію, надѣясь составить себѣ здѣсь скорѣе и легче хорошее, обезпеченное положеніе, русскіе остзейцы уже тогда начинали перебираться за границу и селиться тамъ. Не связанные чувствомъ родства съ русскимъ народомъ, ихъ увлекала дешевизна жизни за границей, большій комфортъ, лучшій климатъ и наконецъ большое удобство научныхъ и интеллектуальныхъ сношеній. Мнѣ впрочемъ извѣстны случаи, что

русскіе нѣмцы, переселившіеся за границу, жаловались впослѣдствіи на узкость и угловатую условность тамошней жизни, столь противоположной русскому приволью и столь распространенной въ Россіи семейной жизни,—и не находясь въ состояніи привыкнуть къ этимъ мелкимъ заграничнымъ общественнымъ условіямъ, возвращались опять въ Россію.

По окончаніи пріятно проведеннаго лѣта въ Гельсингфорсѣ, мы тѣмъ же путемъ возвратились въ Петербургъ. Помню, что, во время этого обратнаго переѣзда, мнѣ впервые пришлось прочитать экономическо-статистическую статью, что̀ послужило какъ бы исходною точкою послѣдующихъ моихъ занятій въ этой области. Кто-то на пароходѣ мнѣ далъ прочитать № „Современника“, — тамъ я между прочимъ нашелъ обширную статью статистико-экономическаго содержанія. Въ началѣ она мнѣ показалась чрезвычайно скучною, и я только съ усиліемъ побуждалъ себя продолжать чтеніе, потому что я старался убѣдить себя, что серьезные люди читаютъ подобныя статьи, а я хотѣлъ сдѣлаться серіознымъ человѣкомъ; другими словами, я позировалъ самъ передъ собою,—но по мѣрѣ продолженія чтенія вопросъ меня заинтересовалъ, и я понялъ, что можно съ интересомъ заниматься экономическими вопросами. Слѣдующія три лѣта 1848—50 г.г. я провелъ въ деревнѣ.

Въ Лужскомъ уѣздѣ, Петербургской губерніи, былъ очень богатый помѣщикъ Березинъ, который въ конецъ раззорился. Онъ былъ любитель разныхъ нововведеній, первый началъ въ уѣздѣ сѣять картофель въ большихъ размѣрахъ для винокуренія и вводить разныя другія усовершенствованія. Крестьяне приписывали его раззореніе именно его страсти къ нововведеніямъ; мнѣ не разъ приходилось потомъ отъ нихъ слышать—вотъ сталъ сѣять картошку, это въ прокъ и не могло пойти. Но едва-ли это было такъ, хотя за свои нововведенія онъ брался, кажется, довольно безтолково и безъ настоящей хозяйственной сноровки, но не это его погубило, а главнымъ образомъ, кажется, игра въ карты и вообще безпорядочное обращеніе съ деньгами. У него была единственная дочь, которая вышла замужъ за знаменитаго Пирогова.

Послѣ моего покойнаго отца у насъ осталась закладная на имѣнія Березина— село Велени, деревня Завешница и деревня Большое Захолье, подъ залогъ которыхъ покойный отецъ ссудилъ Березину 16 тысячъ рублей. Такъ какъ Березинъ не могъ уплатить долга, то пришлось взыскивать съ него судебнымъ порядкомъ, и имѣніе Березина было объявлено къ публичной продажѣ. Въ это время матушка случайно узнала, что нашъ адвокатъ М. ведетъ дѣло по продажѣ имѣній, за всякую сумму, какую бы ни предлагали на

торгахъ, намѣревался самъ купить его за безцѣнокъ. Узнавъ это во-время, мы принуждены были передать все дѣло другому адвокату и обратились съ просьбой къ А. Ф. Бруну, давнишнему другу и посѣтителю семейства моего дѣда, пастора Фольборта, принять на себя веденіе нашего дѣла. А. Ф. согласился и энергически принялся за дѣло. Онъ посовѣтовалъ намъ, если на торгахъ не будетъ выручена сумма нашего долга, воспользоваться правомъ оставить имѣніе за собою,—мы послѣдовали его совѣту и, какъ впослѣдствіи оказалось, поступили очень благоразумно. Имѣніе большого дохода не приносило, но капитальная стоимость росла постоянно; пользуясь этимъ, мы стали распродавать его по частямъ, и—правда—въ теченіе 45 лѣтъ, выручили всего около 35.000 рублей, и кромѣ того у насъ осталось еще около 200 десятинъ лѣсной дачи, съ усадьбой, которую мы, впрочемъ, сами построили, и въ которой мы до сихъ поръ проводимъ лѣтнее время. Всѣмъ этимъ мы обязаны совѣту А. Ф. Бруна, добрая ему память.

И такъ имѣніе осталось за нами, пришлось ѣхать его осматривать и вступать во владѣніе. Дѣло было зимою, желѣзной дороги тогда еще не было; мы наняли кибитку и на почтовыхъ вмѣстѣ съ Бруномъ отправились въ путь. Было довольно холодно, но, несмотря на то, эта зимняя поѣздка въ невѣдомыя намъ до того страны представляла много интереса. Бѣлыя снѣжныя поля, здоровый воздухъ, быстрая ѣзда, все это доставляло своего рода удовольствіе.

Въ Лугѣ пришлось остановиться, чтобы привести въ порядокъ нѣкоторыя дѣла по вводу во владѣніе. Въ настоящее время, послѣ проведенія желѣзной дороги, Луга начинаетъ обстраиваться, но тогда, въ 1847 году, Луга походила на большую деревню, строенія почти всѣ деревянныя, улицы широкія, немощеныя, приличной гостиницы не существовало во всемъ городѣ. Поневолѣ пришлось остановиться на почтовой станціи, единственномъ въ то время каменномъ строеніи, съ большою башнею. Постройка эта сохранилась въ томъ же видѣ до настоящаго времени, только что вмѣсто краснаго кирпичнаго цвѣта окрашена она теперь въ желтый цвѣтъ. Каждый разъ, когда теперь проѣздомъ по желѣзной дорогѣ приходится миновать Лугу, и мнѣ бросается въ глаза эта оригинальная постройка, я вспоминаю первое наше путешествіе въ Лугу, за полвѣка тому назадъ.

На станціи расположиться на нѣсколько дней было невозможно, пришлось отыскивать какое-либо другое помѣщеніе. Единственнымъ нѣсколько болѣе презентабельнымъ домомъ въ Лугѣ оказался домъ аптекаря, нѣмца. Брунъ рѣшился прямо съ улицы зайти къ нему и, объяснивъ ему наше затруднительное положеніе, просить его, не

согласится ли онъ насъ пріютить дня на два или на три, пока мы окончимъ наши дѣла въ Лугѣ. Аптекарь оказался очень гостепріимнымъ человѣкомъ и принялъ насъ очень любезно; онъ отказался даже отъ всякаго вознагражденія, узнавъ, что онъ имѣетъ дѣло съ семействомъ доктора; такимъ образомъ мы пристроились въ чистой и теплой квартирѣ. Удивительно, какъ въ этой обстановкѣ высказывались нѣмецкій характеръ и нѣмецкая аккуратность. Въ этомъ отвратительномъ тогда городишкѣ образованный нѣмецъ съумѣлъ устроить себѣ чистый и уютный home,—все у него было скромно, но опрятно и комфортабельно. Къ сожалѣнію, я забылъ фамилію этого хорошаго человѣка, принявшаго насъ столь гостепріимно. Покончивъ наши дѣла въ Лугѣ и поблагодаривъ нашего любезнаго хозяина, мы отправились въ дальнѣйшій путь. Наше новое имѣніе, село Велени, находилось въ разстояніи около 60 верстъ отъ Луги. Прибывъ туда благополучно, мы остановились въ крестьянской избѣ у богатаго хозяина.

Велени довольно большое село, съ деревянною тогда еще церковью,—оказалось, что намъ досталась только половина деревни, остальная часть деревни принадлежала помѣщику Крекшину. Мы стали знакомиться со всѣми крестьянскими хозяевами по описи, осмотрѣли какъ эту, такъ и другія двѣ принадлежавшія намъ деревни, и въ сущности провели очень пріятно дня два зимнею деревенскою жизнью.

Разговаривая съ нами, всѣ крестьяне жаловались намъ на нѣкоего Гришку, указывая на него, какъ на извѣстнаго вора и мошенника, котораго всѣ боялись, не зная, какъ отъ него отдѣлаться. Тогда Брунъ рѣшилъ, что его надо сдать въ солдаты, его тутъ же взяли, связали и отправили съ нами въ Лугу; помню, что вся эта столь экспедитивная процедура меня крайне поразила.

На обратномъ пути между нашимъ имѣніемъ и Лугой, мы остановились на ночь въ имѣніи тайнаго совѣтника Бека, селѣ Запольѣ, гдѣ намъ предложено было хозяиномъ, жившимъ въ Петербургѣ, отдохнуть, и гдѣ насъ принялъ очень радушно управляющій Бека, Ѳедоръ Ивановичъ Штосъ. Тайный совѣтникъ Бекъ, родомъ изъ Германіи, кажется, изъ Зондерсгаузена, прибылъ въ Россію молодымъ человѣкомъ и поступилъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Знаніе языковъ и хорошія способности его были оцѣнены, и онъ дослужился до мѣста директора Особой канцеляріи означеннаго министерства. Онъ пріобрѣлъ село Заполье съ нѣкоторыми прилегающими къ нему деревнями, построилъ тамъ большой, красивый каменный домъ и проводилъ въ немъ каждое лѣто. Одна изъ дочерей Бека вышла впослѣдствіи за министра финансовъ Брока.

Хотя иностраннаго происхожденія, Бекъ очень сжился съ деревнею, любилъ своихъ крестьянъ, заботился о ихъ благосостояніи и гордился ихъ хорошими постройками и ихъ зажиточностью. Вспоминаю по этому поводу одинъ курьезный эпизодъ. Къ нему пріѣхала въ деревню погостить другая его дочь, Вульфъ, и привезла съ собою для своихъ дѣтей изъ-за границы гувернантку, молодую дѣвушку-швейцарку. Гуляя съ нею по селу Заполью, Бекъ показывалъ ей житье-бытье крестьянъ, ихъ зажиточность и, дѣйствительно красивыя для русской деревни, избы и спросилъ ее—какъ ей это все нравится. Онъ надѣялся услышать похвалу, но простенькая швейцарка, которая еще никогда не видала русской деревни, а потому не могла судить объ относительномъ достоинствѣ Запольскихъ крестьянъ, отвѣтила наивно: „у насъ въ Швейцаріи даже скотъ помѣщается въ лучшихъ постройкахъ“,—этотъ неожиданный отвѣтъ крайне обидѣлъ бѣднаго Бека, который имѣлъ полное право гордиться своимъ Запольемъ.

Для управленія имѣніемъ Бекъ выписалъ изъ Зондерсгаузена агронома, своего родственника Ѳ. И. Штоса. Штосъ много лѣтъ управлялъ его имѣніемъ и впослѣдствіи, послѣ смерти Бека, получилъ очень хорошее мѣсто у Балашева, но, при самомъ вступленіи въ новую должность, заболѣлъ черною оспою и умеръ еще молодымъ. Штосъ былъ человѣкъ образованный, пріятный собесѣдникъ и велъ дѣло управленія имѣніями очень толково, хотя, какъ иностранецъ, и относился нѣсколько свысока къ рабочимъ. Какъ молодой человѣкъ, холостой, онъ былъ большимъ любителемъ женскаго пола и находилъ въ женскомъ населеніи подчиненныхъ ему деревень большой матеріалъ для удовлетворенія своей склонности. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ онъ былъ очень хорошій и порядочный молодой человѣкъ; онъ мнѣ много помогалъ совѣтами по управленію имѣніемъ, и я потомъ часто у него останавливался по нѣсколько дней. Замѣчательно, что въ этомъ человѣкѣ, который такъ матеріально относился къ женщинамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ иногда въ сношеніи съ дамами общества проявлялась сильно идеалистическая черта, духъ его какъ бы послѣ насыщенія плоти искалъ болѣе возвышеннаго настроенія и стремился къ идеалу: онъ писалъ очень недурные стихи.

Послѣ остановки въ Запольѣ мы отправились въ Лугу, покончили тамъ остальныя дѣла и сдали въ рекруты пресловутаго Гришку. Какъ черту времени надо замѣтить, что когда Григорія привели въ присутствіе для сдачи въ рекруты, предсѣдатель присутствія, мѣстный предводитель дворянства, зная вѣроятно Григорія по его плохой репутаціи и замѣтивъ его впалую грудь, не стѣсняясь, выразилъ:

„туда ему и дорога“. А между тѣмъ это былъ очень порядочный и добрый человѣкъ, расположенный къ крестьянамъ, но эта черта показываетъ, какъ тогда относились къ людямъ. Предсказаніе его однако не сбылось. Отслуживъ свои солдатскіе годы, Григорій возвратился опять въ деревню; хотя послѣ своего возвращенія онъ еще немного и пошаливалъ иногда и любилъ выпить, но вообще ничего особенно худого за нимъ уже болѣе не замѣчали, и онъ жилъ спокойно въ деревнѣ. Ко мнѣ онъ никогда ни въ чемъ не выказывалъ ни малѣйшаго чувства вражды или мести, и я даже иногда бралъ его за кучера, отправляясь гостить къ сосѣдямъ.

Съ тѣхъ поръ Велени сдѣлались нашей лѣтней резиденціей. Первые два года я тамъ жилъ одинъ въ крестьянской избѣ; а потомъ съ матушкой и сестрами во вновь построенномъ домѣ.

Въ первую же весну послѣ нашей зимней поѣздки, я пріобрѣлъ старую коляску и четверку крестьянскихъ лошадей и отправился на долгихъ въ деревню. Вмѣстѣ со мною ѣхалъ мой университетскій товарищъ Яроцкій, о которомъ уже выше была рѣчь и который согласился погостить у меня нѣсколько недѣль. Дорогой съ нами случился, однако, непріятный для меня эпизодъ. На полъ-пути, когда мы остановились на отдыхъ, кучеръ, не поводивъ предварительно для охлажденія разгоряченныхъ отъ ѣзды лошадей, прямо, сталъ ихъ кормить; одна изъ лошадей слишкомъ жадно наѣлась сгоряча овса — вдругъ заболѣла, стала кружиться и метаться; нѣсколько крестьянъ деревни, въ которой мы остановились, старались намъ помочь, вливали лошади въ ротъ какое-то лѣкарство, бѣгали съ ней, чтобы она промялась,—но ничто не помогло, не болѣе какъ черезъ часъ времени она совсѣмъ упала и издохла. Потеря лошади, при скромныхъ нашихъ средствахъ, была для меня очень чувствительна, а тутъ еще пришлось заплатить крестьянамъ за лѣченіе ея и за трудъ, который имъ предстоялъ свезти ее съ дороги и зарыть.

Пока происходила вся эта процедура, мы вошли съ Яроцкимъ въ сосѣднюю избу и увидѣли тамъ сидящихъ на лавкѣ двухъ необыкновенно красивыхъ бабъ, которыя весело разговаривали между собою.—Когда я на мужа разсержусь, разсказывала одна другой со смѣхомъ, то я его не пускаю къ себѣ спать.—Это пріемъ обратный тому, который одинъ дипломатъ совѣтовалъ мужу австрійской Императрицы Маріи Терезіи примѣнять въ тѣхъ случаяхъ, когда она не соглашалась исполнить какое-либо его политическое желаніе. Объ этомъ совѣтѣ Марія Терезія какъ-то узнала и такъ разсердилась, что потребовала немедленнаго отзыва ненавистнаго ей посланника. Кажется, это былъ посланникъ Фридриха Великаго. Мы разговори-

лись съ этими бабами о разномъ житьѣ-бытьѣ ихъ, и одна изъ нихъ, разсказывая, какъ трудно иногда дѣвкамъ выходить за нелюбимаго человѣка, потомъ, обратившись ко мнѣ, сказала: „баринъ, не принуждай никогда дѣвокъ къ замужеству противъ воли".

Долженъ сознаться, что къ сожалѣнію я мало воспользовался этимъ совѣтомъ. Не то, чтобы въ этомъ отношеніи я спеціально принуждалъ кого-либо на ненавистный бракъ,—но самые заведенные порядки были таковы въ крѣпостное время, что устройство браковъ было дѣломъ чисто хозяйственнымъ. Открывалось новое тягло, молодого парня нужно было женить, чтобы онъ имѣлъ въ семьѣ работницу, вотъ ему и назначалась какая-либо изъ свободныхъ дѣвокъ или бабъ; при этомъ однако, если бы у него у самого уже состоялось съ какою-либо дѣвушкою согласіе, то такому браку не препятствовали, ибо дѣло шло совершенно не о томъ, чтобы женить такого-то именно на такой-то, а только, чтобы во вновь образующемся хозяйствѣ оказалась жена. Но такіе выборы были довольно рѣдки, обыкновенно управляющій докладывалъ, что вотъ есть такой-то свободный парень и такая-то свободная дѣвка или вдова и что надо бы ихъ поженить,—я выдавалъ свидѣтельство для священника, что разрѣшаю такой-то выйти въ бракъ за такого-то, и священникъ ихъ вѣнчалъ, — какихъ-либо протестовъ и жалобъ мнѣ никогда не приходилось слышать; повидимому, всѣ привыкли къ тому, что дѣло должно обходиться такимъ образомъ. Разъ только мнѣ пришлось сожалѣть, что я согласился молодую женщину, овдовѣвшую и жившую прежде въ богатомъ семействѣ, выдать за крестьянина, который овдовѣлъ около того же времени, но который былъ изъ числа бѣдныхъ крестьянъ. Переходъ изъ богатаго въ бѣдное семейство, очевидно, не могъ быть пріятнымъ, и хотя молодая женщина никогда мнѣ не жаловалась на свою судьбу, — но я все же потомъ долгое время сожалѣлъ и упрекалъ себя въ томъ, что я такъ легко и необдуманно согласился исполнить совѣтъ управляющаго.

При моихъ поѣздкахъ въ деревню со мною было нѣсколько эпизодовъ; къ слову приведу ихъ заразъ.

Впослѣдствіи, когда я уже былъ на службѣ, я часто ѣздилъ въ деревню налегкѣ, на перекладныхъ, всего на нѣсколько дней. Но, чтобы получить почтовыхъ лошадей, нужно было имѣть подорожную, безъ нея не разрѣшалось выѣхать изъ города. Чтобы получить подорожную, нужно было служащему человѣку предъявить свидѣтельство объ отпускѣ. Брать зачастую на службѣ отпуска, каждый разъ на нѣсколько всего дней, было немыслимо при тогдашнихъ порядкахъ—оффиціальный отпускъ былъ слишкомъ важная вещь, чтобы можно было пользоваться имъ болѣе чѣмъ разъ или въ крайнемъ

случаѣ два раза въ годъ. Разрѣшеніе восходило чуть ли не до министра. Тогда я придумалъ слѣдующій выходъ. Помѣщики имѣли право выдавать своимъ крѣпостнымъ свидѣтельства на проѣздъ изъ деревни въ городъ и изъ города въ деревню. Въ качествѣ помѣщика я выдавалъ свидѣтельство служившему у меня нашему дворовому человѣку на проѣздъ въ деревню, бралъ по этому свидѣтельству подорожную *съ будущимъ*, какъ тогда допускалось, и самъ отправлялся съ такою подорожною въ деревню. *Съ будущимъ* означало разрѣшеніе взять съ собою какого-либо спутника,—отъ котораго не требовалось особаго удостовѣренія о правѣ выѣзда. Такимъ образомъ я отправлялся въ качествѣ спутника, но безъ того лица, на имя котораго была взята подорожная; человѣка я не бралъ съ собою, уѣзжая въ деревню на короткое время. Разъ возвращаясь изъ деревни, я встрѣтилъ на одной станціи, не доѣзжая Луги, почтовый дилижансъ, маль-постъ; такъ какъ въ немъ оказалось одно свободное мѣсто, то, покинувъ перекладную, я пересѣлъ въ дилижансъ, въ которомъ было ѣхать гораздо удобнѣе; чтобы получить мѣсто, я долженъ былъ, однако, предъявить мою подорожную, въ доказательство моего права проѣзда. Свободное мѣсто оказалось на имперіалѣ дилижанса возлѣ кондуктора. Во время пути онъ долго смотрѣлъ на меня какъ-то подозрительно и подъ конецъ спросилъ меня прямо: „неужели вы дворовый человѣкъ“. Я призналъ наиболѣе благоразумнымъ разсказать ему, какъ дѣло дѣйствительно было и почему я ѣду по такой подорожной въ качествѣ какъ бы *будущаго*. При этомъ я однако далеко не былъ спокоенъ, кондукторъ могъ бы, если захотѣлъ, сдѣлать мнѣ пренепріятную исторію, обвинивъ меня нѣкоторымъ образомъ въ пользованіи чужимъ видомъ, что въ тѣ времена могло бы имѣть для меня очень непріятныя послѣдствія,—или по крайней мѣрѣ пригрозить мнѣ доносомъ, чтобы вынудить у меня усиленную *на водку*. Но къ счастію онъ оказался порядочнымъ человѣкомъ, ничего такого не послѣдовало; выслушавъ мой разсказъ, онъ къ нему отнесся вполнѣ равнодушно, такъ что все обошлось благополучно.

Другой разъ я тоже ѣхалъ на перекладныхъ въ деревню или изъ деревни, не помню. Былъ ясный, солнечный, теплый день и совершенно голубое, чистое небо. Вдругъ я замѣтилъ на горизонтѣ небольшую черную тучу, повидимому, предвѣщавшую грозу. При этомъ у меня инстинктивно мелькнула мысль, какъ бы эта туча не разразилась надъ шоссейной дорогой въ томъ мѣстѣ, гдѣ я буду проѣзжать. А такъ дѣйствительно и случилось, черезъ нѣсколько времени туча оказалась ровно надо мною, вдругъ меня оглушилъ трескъ громового удара, молнія сверкнула передъ моими глазами и уда-

рила въ сосѣдніе телеграфные столбы, разбивъ около четырехъ столбовъ въ щепки; телеграфный проводъ послужилъ естественнымъ громоотводомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и притянулъ электричество грозы. Осколки расщепленныхъ столбовъ, величиною въ здоровое полѣно, обдали насъ со всѣхъ сторонъ, лошади испугались, бросились въ сторону, и я оказался съ опрокинутой телѣжкой въ канавѣ. Къ счастію все обошлось благополучно, ни одинъ изъ летѣвшихъ около насъ осколковъ столбовъ въ насъ не попалъ и паденіе съ экипажемъ въ боковую канаву также обошлось безъ ушибовъ,— такъ что и я, и ямщикъ отдѣлались однимъ испугомъ, но сознаюсь, что моментъ былъ очень непріятный.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Центральн. Школьн. Библиот. Отд. Народн. Просвѣщ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Поправки: 1) Въ январьской книжкѣ „Русской Старины“ 1909 г. въ замѣткѣ „Несостоявшаяся дуэль Пушкина въ 1827 г.“ напечатано: стр. 191, 4-я строка снизу—затьямъ Н. Д. Якушкину, слѣдуетъ читать зятьямъ И. Д. Якушкину; стр. 192, 1-я строка сверху: съ Пушкинымъ, а слѣдуетъ читать— съ Пущинымъ.

2) Въ апрѣльской книжкѣ въ статьѣ „Депутатъ отъ Россіи“ напечатано: стр. 15, 16-я строка сверху — есть шпіонъ и агентъ III-го Отдѣленія, слѣдуетъ читать—Польскаго Комитета, который собирается въ Лондонѣ.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1909 г.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и воспоминанія. СТРАН.

I. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М. . . . . 3—27, 332—352, 482—492

II. Мои воспоминанія о Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Князя Д. А. Оболенскаго . 37—62, 260—277

III. М. И. Драгомировъ и время передъ войной 1877—78 гг. Изъ воспоминаній А. Е. К. . . 83—96, 321—331

IV. Записки сенатора Есиповича . . . . 146—160, 301—310

V. Изъ Владивостока въ С.-Франциско и на Сандвичевы острова. (Изъ воспоминаній кругосвѣтнаго плаванія на крейсерѣ „Африка“). В. Руднева . . . . . 181—188, 365—385

VI. Записки Л. Л. Беннигсена о кампаніи 1812 г. Сообщ. В. Т. . . . . 211—218, 507—526

VII. Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера . 219—227, 391—400, 617—647

VIII. На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ. Д. А. Скалона . . . . 278—294, 445—450

IX. Воспоминанія о началѣ развитія каменноугольной промышленности въ Россіи. А. Ауэрбаха 451—472

X. Воспоминанія о Севастополѣ С. М. . . . . 527—533

XI. Записки графа Ланжерона. Сообщ. Е. Каменскій . . . . . 535—590

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

I. Какъ Тиммерманъ и кумпанства строили корабли въ Воронежѣ. (Письма 1698 г.) Сообщ. Н. Суворовъ . . . . . 28—30

II. Изъ прошлаго. Русскія войска передъ Константинополемъ въ 1878 г. П. Паренсова . . 31—36

		стран.
III.	И. С. Тургеневъ и его не литературные друзья. Сообщ. Н. Гутьяръ	63—70
IV.	Изъ пастырскаго быта сельскаго священника (Ad futuram memoriam). Прот. В. Иващенко . . . . . 71—80,	407—437
V.	Записка о допущеніи кандидата Грановскаго къ экзамену на высшую ученую степень. Сообщ. М. Гершензонъ	81—82
VI.	Портретъ А. М. Жемчужникова, нарисованный имъ самимъ А. В. Жиркевичу. Сообщ. А. Жиркевичъ . . . . . 97—108,	353—364
VII.	Въ походѣ и бою на броненосцѣ „Адмиралъ Ушаковъ“ И. А. Дитлова	109—145
VIII.	Устроители Болгаріи: князь Черкасскій, князь Дондуковъ-Корсаковъ и Столыпинъ. Н. Овсянаго . . . . . 161—180,	251—259
IX.	† И. Е. Забѣлинъ. В. В.	189—191
X.	Замѣтки о Пушкинѣ. Н. Лернера	192—210
XI.	Власти предержащія. На Мойкѣ. П. М. Ковалевскаго	229—247
XII.	Письмо М. Д. Скобелева А. П. Струкову . .	248—250
XIII.	Темное Царство. (Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVIII вѣка) Сообщ. В. Шереметевскій . . . . . 295—300,	591—597
XIV.	А. П. Ермоловъ въ Персіи. А. Е. . 311—317,	473—481
XV.	О днѣ рожденія Гоголя. Н. Лернера . . .	318—320
XVI.	Новый матеріалъ о масонствѣ. Сообщ. Тира Соколовская	386—390
XVII.	Семь лѣтъ неурожайныхъ. (Изъ исторіи Самарскихъ голодовокъ). П. Л. Юдина . 401—406,	502—506
XVIII.	Корни ученья горьки. Сообщ. Арсеній П. .	438
XIX.	Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 28 января по 4 марта 1909 г. . . .	439—444
XX.	Свящ. варилъ пиво. Сообщ. Н. Суворовъ.	534
XXI.	Киньчжоускій бой	598—616

Портреты.

I. Портретъ О. А. Новиковой (при 4-й книгѣ).
II. Портретъ П. М. Ковалевскаго (при 5-й книгѣ).
III. Торжественная аудіенція россійскаго посла А. П. Ермолова у персидскаго шаха Фетъ-Али, въ 1817 г. (при 5-й книгѣ).
IV. Портретъ Д. А. Скалона (при 6-й книгѣ).

Библіографическій листокъ.

1. Записки Сергѣя Алексѣевича Тучкова 1766—1808. Подъ редакціей и со вступительной статьею К. А. Военскаго. Спб. 1908 (на оберткѣ апрѣльской книжки).

2. Архивъ Раевскихъ. Томъ I. Изданіе П. М. Раевскаго. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1908. Н. Л. (тамъ же).

3. В. П. Авенаріусъ. Бироновщина. Историческая повѣсть для юношества съ 12 отдѣльными картинами и портретами.—Его же. Два регентства. Историческая повѣсть для юношества съ 12 отдѣльными картинами и портретами. С. (тамъ же).

4. Родъ Раевскихъ герба Лебедь. Составилъ Б. Л. Модзалевскій. Спб. 1908 г. (тамъ же).

5. Протоіерей С. Петровскій. Одесскій Преображенскій, нынѣ кафедральный соборъ. Одесса 1908 г. (тамъ же).

6. Графъ Павелъ Шереметевъ. О князьяхъ Хованскихъ. М. (Безъ означенія года). Н. Л. (тамъ же).

7. Кишиневская областная, впослѣдствіи губернская, нынѣ первая гимназія. Историко-статистическій очеркъ. Кишиневъ 1908 (на оберткѣ майской книжки).

8. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга XV. М. 1908 (тамъ же).

9. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Составилъ Ф. Мартенсъ. Т. XV. Спб. 1909 (тамъ же).

10. А. Н. Минхъ. Городъ Аткарскъ. Аткарскъ 1908 (тамъ же).

11. Н. Н. Ѳирсовъ. Пугачевщина. Опытъ соціалого-психологической характеристики. Изданіе Тов-ва М. О. Вольфъ. Спб. и М. (Годъ не указанъ) (тамъ же).

12. П. В. Анненковъ. Литературныя воспоминанія. Спб. 1909 (тамъ же).

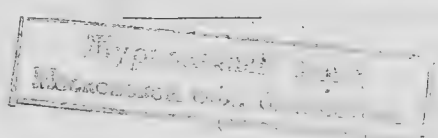
13. Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Т. XX (1740 г.). Спб. 1908 (тамъ же).

14. Б. Л. Модзалевскій. Малороссійскій Родословникъ. Т. I. А.—Д. Кіевъ 1908 г. Л. (тамъ же).

15. Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ. Т. V, вып. 1-й. Изд. гр. С. Д. Шереметева, подъ редакц. и съ примѣч. П. Н. Шеффера. Спб. 1909. Н. Л. (на оберткѣ іюньской книжки).

16. Кохановская (Н. С. Соханская). 1823—84. Біографич. очеркъ Н. Н. Платоновой. Н. Л. (тамъ же).

17. Вл. Семеновъ. Расплата. Спб. 1908 (тамъ же).



599